Валерий
Большаков

ВПЕРВЫЕ ВСЕ ЧЕТЫРЕ РОМАНА
РУССКОГО ЦИКЛА
ПОД ОДНОЙ ОБЛОЖКОЙ!

Воин

Валерий
Большаков

ВПЕРВЫЕ ВСЕ ЧЕТЫРЕ РОМАНА РУССКОГО ЦИКЛА
ПОД ОДНОЙ ОБЛОЖКОЙ!

Воин

Валерий Большаков

Воин

Закон меча

Меченосец

Магистр

Багатур

АСТ
издательство
МОСКВА
«Астрель-СПб»
Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6
Б79

Художник *В. Гурков*

Большаков, В.
Б79 Воин: Закон меча. Меченосец. Магистр. Багатур. / В. Большаков.— М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2011.— 1176, [3] с.

ISBN 978-5-17-072889-3 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-9725-1997-2 (ООО «Астрель-СПб»)

Олег Сухов, кузнец и «игровик», случайно стал жертвой темпорального эксперимента и вместе с молодым доктором Шуркой Пончиком угодил прямо в девятый век... Где их обоих моментально определили в рабское сословие. Однако жить среди славных варягов бесправным трэлем — это не по Олегову нраву...

Так начинается личный квест Олега Сухова, кузнеца, воина и нашего современника. Сначала — в дружине конунга Рюрика, потом — еще один прыжок во времени — и новый виток, который выводит Сухова в главные «спецназовцы» византийского императора...

Тетралогия «Воин» — лучший цикл известного писателя Валерия Большакова в жанре исторической фантастики.

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Подписано в печать 14.10.10
Формат 70 x 100 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 95,46
Тираж 3000 экз. Заказ № 5028.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.012280.10.09 от 20.10.2009 г.

© В. Большаков, 2011
© ООО Астрель-СПб, 2011

ЗАКОН МЕЧА

Глава 1

РОССИЯ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. 2007 ГОД

Отточенная стрела чиркнула Олегу по плечу, располосовав кожу и пустив кровь. Пустяки, дело житейское. Не до того!

Уводили его девушку! Косматый викинг, по колено в воде, волок пленницу за косу, громко гогоча, а пленница лупила по волосатой лапе маленькими кулачками. Олег бросился к пирату, выхватывая самурайский меч катану. Викинг увидал Олега, но девушку не отпустил, только намотал косу на руку. Красавица не удержалась и упала на колени во взбаламученную воду. Мечи скрестились. Отбив удар, Олег в ярости рубанул разбойника по руке, вцепившейся в косу. Катана начисто оттяпала конечность, словно и не было стального обручья. Девушка упала на четвереньки, рыдая, выпутывала из волос кровавый обрубок в железной перчатке и глядела, глядела на Олега, не отворачивая зареванного лица, не отрывая огромных умоляющих глаз.

— К троллям тебя, нидинга! [1] — прорычал Олег.

Высверк. Отбив. Высверк. Тень. Удар! Катана обрушилась на бычью шею трубно ревущего пирата, разваливая кожаный панцирь и отворяя вены. Рев перешел в клекот и захлебнулся. Колени морского разбойника подогнулись, в светло-серых глазах угасла последняя искорка сознания, и душа отлетела в мрачный Хель... [2]

---

[1] *Нидинг* — ничтожество.

[2] *Хель* — ад.

...Олега Сухова разбудил кот Онуфрий. Котяра орал под дверью, требуя незамедлительно впустить, накормить и обогреть.

— С-скотина! — прошипел Олег, садясь в постели. Ведь минут десять еще можно было бы поваляться! Он протер глаза, тронул ладонью лоб. Лоб был мокрым. Ф-фу! Ну и сон! Боевик с элементами эротики, как пишут в аннотациях к фильмам. И какой яркий! Словно и не сон вовсе... Олег поднялся с развороченной постели и прошлепал к ковру на стене. На ковре была развешана коллекция — пара кинжалов, настоящий трехгранный мизерикорд, которым добивали рыцарей, пробивая латы насквозь, волнистый малайский крис, меч эпохи Каролингов. А на подставке-катэмото возлежала катана — та самая, из сна. Сухов любовно провел ладонью по ножнам сайя из дерева магнолии, покрытым черным лаком, сжал длинную, в три с половиной кулака рукоятку, обмотанную ремешком из акульей кожи, и вытащил клинок. Металл, отшлифованный древним мастером, казался прозрачным, как серебристо-серый лед. Сквозь лезвие проступал узор, запечатлевший тысячи проковок. Морозный блеск меча завораживал...

По правде сказать, Олег и забыл уже, когда в нем проснулся жадный интерес к «стали разящей». В классе, наверное, третьем... Да, тогда боязливый Олежек, «мамсик» и «ябеда-корябеда», сам переступил порог клуба «Эспада», где экс-чемпион области по фехтованию учил мальчишей биться на шпагах. Фамилию экс-чемпиона Олег уже не помнил, а звали его Борис Борисович. Но все сокращали это обращение до Борь Борича. «Борь Борич, скажите Олегу! Чего он без маски дерется?!» — «А сам?!»

В старших классах Сухов занимался в секции саблистов, заработал даже первый юношеский разряд, но бросил спорт. Жило в нем какое-то неудовлетворение оружием, не-доставало чего-то для полного счастья. А на первом курсе института Олег записался в группу кэндзюцу, увидел катану и был сражен ее холодной, убийственной красотой. Катана колола как шпага и рубила как сабля, и в то же время это был меч. И в душе Олеговой все сложилось, все срослось...

Онуфрий, почуяв хозяина, заорал благим матом.

— Щас! — рявкнул Олег.

Пройдя в прихожую, Сухов щелкнул замком. Дверь отворилась, и кот, благодарно муркнув, проник в помещение. И быстро-быстро протопотал в направлении кухни.

— Собака ты! — обозвался Сухов, но кот не отреагировал на оскорбление.— Только и знаешь, что жрать, жрать, жрать!

Онуфрий мявкнул в том смысле, что да, знамо дело, на том стоим.

— О духовном подумай, животное! — увещевал кота Олег, шагая на кухню.

Вскрыв баночку «Вискаса», он щедро вывалил угощение. Бездуховное животное вертелось тут же, тычась носом.

— Жри!

Пока Олег умывался, брился, одевался, кот успел слопать все дочиста.

— Мя-ау-у! — заявил Онуфрий, облизываясь и щурясь. Дескать, неплохо бы добавочки...

— Обойдешься,— буркнул Олег, приседая на табурет.— Мышей ловить надо!

Онуфрий, усвоив, что вторая порция ему не светит, вспрыгнул Олегу на колени и разлегся во всю их длину, довольно выпустив когти. Сухов погладил котяру, и кухню заполнило громкое мурлыканье.

А Олег постепенно переходил в фазу бодрствования. Сновидение в стиле «экшн» рассеивалось, заботы, вчерашние и вечные, возвращались и зудели в голове, как осенние мухи.

До конца погрузиться в реал помог звонок с мобильника. Олег поспешно достал верный «Нокиа». Звонил Стемид. Был он «мастером», устроителем и постановщиком ролевых игр. Олег, реальный «цивил», ролевиков не жаловал, полагая, что «каждый сходит с ума по-своему». Оказалось, однако, что не всякая ролевка — «хоббитовы игрища», пристанище инфантов, повернутых на эльфах и орках. Стемид увлекался исторической реконструкцией, у него все было по правде, как в «эпоху викингов»,— и мечи, и «доспешка». Правда, завлечь Олега ему не удалось. Сухова заманила Вика, красна девица, ткавшая полотно по старинным правилам и одевавшая всех «стемидовцев». Олегу же хотелось ее раздеть...

— Здорово, самурай! — проорал мастер жизнерадостно.— Как твоя жизнь?

— Мас-саракш! — поморщился Олег.— Убавь звук! Совсем контузил...

Стемид хохотнул и продолжил:

— Слушай, мы тут решили на полигон выбраться! На все выходные! «Толки» [1] обещали присоседиться, рыцари... Ну, не фест [2], конечно,

---

[1] *Толки* — поклонники творчества Толкиена.

[2] *Фест* — фестиваль, большой праздник. Бугурт — групповое сражение ролевиков, турнир — дуэль один на один.

но человек сто заявится! Отыграем ха-арошую такую боевочку-феодалку! Бугурт обещаю, и турниры будут, базар, пивка попьем... Ты как?

— Я за! — бодро откликнулся Олег.— И далеко ты собрался?

— Помнишь, где в прошлый раз полевка была? Ты тогда еще с гоблином схлестнулся!

— А-а! Это где «анизотропное шоссе»?

— Да-да-да! Вот по нему и шуруй! Как увидишь шатры, так и тормози! Место шикарное! Там же «запретка», местные шугаются! Тишина... Вода ключевая, хоть залейся! Дров — на три зимы хватит!

— А нас оттуда не турнут?

— Да не! Там не вояки, там физики окопались! Тау-электродинамика! Понял?

— Не-а! — честно признался Олег.

— Я тоже! Короче, подгребай!

— Ладно... А Вика будет?

— А как же?! — изумился Стемид.— Куда ж мы без Викулечки?! И Наташка будет, и Рогнеда... Да все, считай! Так что, не отрывайся от коллектива!

— Ладно, уговорил!

Сотик курлыкнул и высветил на экране безапелляционное: «Звонок закончен».

— Может, и вправду съездить? — спросил Олег Онуфрика.

Кот не ответил. Устав от ночных бдений, Онуфрий дрых, свесив хвост.

— Гулять, зверь, гулять! — скомандовал Олег, вставая.

Кот поначалу заупрямился, потом смирился. Спрыгнул и пошел, делая «потягушечки». Онуфрий был зверем вольным — проживал в подвале и «держал зону», гоняя Васек и Мурзиков со всего квартала. Сухова зверь навещал регулярно, а у Олега нога не поднималась дать пинка голодному представителю семейства кошачьих.

— Мя-ау-у! — затянул Онуфрий, переводя медовые глаза с Олега на запертую дверь и обратно.

— Подождешь! — пропыхтел Олег, скача на одной ноге и затягивая «липучки» на кроссовке.

Пригладив волосы, Сухов вышел из квартиры. И откуда ему было знать, что больше он уже никогда не отопрет эту дверь, обитую черным дерматином, не покормит Онуфрика, не плюхнется со стоном в разваленное кресло перед теликом? Жизнь закладывала крутой вираж...

Глава 2

1
РОМЕЙСКАЯ ИМПЕРИЯ, КОНСТАНТИНОПОЛЬ 2007 ГОД

Кесарь Варда выглядел бы истинным римлянином, какими запечатлевали в бюстах цезарей и августов, если бы не второй и третий подбородки. Тучный, но крепкий, с проседью в густых черных волосах, Варда все еще нравился женщинам. Мужественный профиль кесаря с широким волевым подбородком и крупным носом, с кустистыми бровями и высоким лбом так и просился на новенькие серебряные монеты. Его императорское величество Михаил Третий «Пьяница» пожаловал ему сан магистра [1] и назначил доместиком схол [2]. Кесарю — кесарево. Варда нахватал все титулы и звания, подобрался вплотную к трону и притулился сбоку от василевса ромеев, а по сути исполнял обязанности самого императора — алкаша и гуляки, «византийского Калигулы».

Варда поморщился и пришпорил коня — кесарь возвращался из имения-проастия. Следом пылила стража — полусотня архонта Асмуда, варанга из далекой страны Рос. Повывелись бойцы у ромеев, выродились потомки легионеров, все норовят золотом победить врага, а не железом, молитвой смиренной! А вот тавроскифы, эти варвары с Севера, не желали смирять гордыню и кротко подставлять щеки. Нет, они с великолепной уверенностью брали все, что хотела их душа и требовала плоть! Они наслаждались каждым мигом быстротечной жизни, выжимая из нее все утехи. Любить, так до безумия! Напиваться, так до смерти! Биться, так биться — с неистовством, сгорая от палящей ярости, презирая врага и погибель! Варда вздохнул. Он чувствовал опустошенность. Все его просьбы услышаны, все мечты сбылись — чего еще ждать от жизни? Пустота, холодная черная дыра разверзалась в душе и затягивала, затягивала... Хорошо Михаилу — напьется, и никаких забот! Да только пустоту в душе никаким зельем не наполнишь... Пробовал уже кесарь, тошнило долго, а толку — чуть.

---

[1] *Магистр* — высокий титул, высший из тех, который мог быть пожалован не членам императорской семьи.

[2] *Доместик схол* — начальник телохранителей-схолариев.

И девки тоже не помогают. Ни гетера Елена, черненькая очаровашка, ни Мария, первая жена протостратора [1] Василия, ни его Евдокия, вдовствующая сноха Варды, с которой он сожительствовал при живой супруге...

Все это, кстати, знали, но выводов не делали — Варда был родным братом василиссы Феодоры, регентши при непутевом Михаиле. Какие уж тут выводы...

Вполне вероятно, что, если бы ему и далее позволяли жить по своему хотению, кесарь Варда так и затерялся бы в безымянной людской массе, не оставившей по себе ни дел, ни даже слов, а лишь один культурный слой.

Страшный 856 год словно воздвиг губительные пороги в мерном колыхании жизни Варды, накрыл ледяной водой, сбросил с водопада, закрутил, поволок, притапливая... Великий логофет Феоктист, любимец василиссы Феодоры, коему она передоверила власть, невзлюбил кесаря, а патриарх Игнатий прилюдно отказал ему в причастии — за аморальное поведение. Без разницы Варде была та евхаристия [2], но оскорбление, да еще на глазах у всех... Нет, этого Варда простить не мог. И не стал. Он выплыл из холодной стремнины и одолел пороги. Он подсадил Михаила на императорский трон. Он удалил сестрицу от престола и сослал ее в дальний монастырь. Он сместил патриарха Игнатия и заменил его хитроумным Фотием. Он низверг великого логофета Феоктиста, никудышнего правителя, полководца, проигравшего все сражения, а осенью того же года лично зарезал его светлость.

Теперь на коне он, Варда. Вот только куда скакать?..

Кесарь вдохнул теплый воздух — пахло чем-то неуловимым, бодрящим. Всепобеждающей жизнью? Плоды наливались в садах и виноградниках, пшеница поспевала в полях. Лето.

Дорога вывела кавалькаду к стене Феодосия — суровым и величественным укреплениям, защищавшим Константинополь с запада. От Мраморного моря к Золотому Рогу тянулся обложенный камнем ров шириной в пятьдесят локтей [3]. За ним поднималась зубчатая стена из отличного кирпича. За первою стеной вздымался второй ряд стен и башен, высотой в пятиэтажный дом. А дальше вставала третья стена с башнями вдвое выше второй. Твердыня!

Варда усмехнулся — это вам не деревянные заборы, обносившие какой-нибудь варварский Париж или Ингельхайм! Кесарь выехал на

---

[1] *Протостратор* — старший императорский конюший.

[2] *Евхаристия* — обряд причащения.

[3] *Локоть* — мера длины, приблизительно полметра.

луг перед Золотыми воротами — трехпролетной триумфальной аркой, украшенной статуями Геракла и Прометея.

Ворота фланкировали могучие квадратные башни, а над проходом, над зубцами стены-перемычки выступала бронзовая квадрига [1], запряженная четырьмя слонами, уворованная в Остии. Кесарь направил коня в средний пролет, предназначенный для императора. Нарушение? Конечно. Еще один повод злопыхателям перемыть косточки «этому Варде, вконец обнаглевшему!».

Наверное, подумал Варда, беда его в том, что он позволяет себе смелые и решительные поступки, тогда как иные никак не расхрабрятся даже на смелые и решительные слова. А эти... балагуры только орать могут! Да пусть их... Те, кто «борется» на словах, за беседой в триклинии [2], не берутся за оружие. Пустобрехи разряжают свою ненависть в болтовне. С этими мыслями кесарь выехал на Месу, главную улицу Константинополя, роскошную и великолепную. На холмах вокруг, щетинившихся темной зеленью кипарисов, белели купола церквей и часовен, сверкали крыши золоченые, краснели черепичные. По обе стороны Месы тянулись портики, защищавшие пешеходов от дождя и зноя. Колонны, выломанные из эллинских и римских храмов, были и тонкие, и толстые, и граненые, и каннелюрованные, и круглые, и квадратные. Всех цветов и оттенков. Чудовищная смесь!

Особую пышность Меса обретала за старой стеной Константина, где в зелени садов утопали беломраморные дворцы. Это миленькое местечко так и называлось — Константиниана. А над золочеными крышами палат, словно призывая заблудившихся, свечой уходила вверх колонна Марциана — как маяк. Мысль плавно перешла к воспоминанию о другой колонне — Аркадиевой, обвитой спиральной лентой мраморного барельефа, прославлявшего победы императора Аркадия и отца его, Феодосия, разделившего некогда Римскую империю между двумя своими сыновьями. Вон она, торчит впереди, на форуме Феодосия. «Дурак ты был, Феодосий,— подумал Варда, щурясь на солнце.— Нельзя было делить Рим, никак нельзя... Деление — это умаление, ослабление вдвое, это раскол и распад. Дурак...»

Варда лениво перекрестился на храм и подумал: а не пора ли подкрепиться?

Цокот копыт стих — конь ступал теперь по коврам, расстеленным по восточному обычаю на мостовой. Варда ехал мимо мастерских

---

[1] *Квадрига* — упряжка из четырех коней.

[2] *Триклиний* — трапезная.

оружейников, предлагавших мечи, щиты, шлемы, золоченые и изукрашенные, мимо двухъярусного акведука Валента, мимо дворцов, отделанных розовым мрамором, мимо мрачных боковых улочек, зажатых девятиэтажными кирпичными инсулами-многоэтажками, крытыми черепицей, нищими и грязноватыми, и, разумеется, без каменных львов у парадных...

И форум [1] Тавра, плотно заставленный античными статуями, и форум Константина просто кишели народом. Толпа обтекала Варду, демонстрируя общество в разрезе — менял и купцов, кухарок и экономок, мистиев-поденщиков и горластых водоносов, муниципальных рабов-уборщиков и нищих босяков, деловитых чиновников, важных стражников, шустрых воров, константинопольцев и гостей города — пеших, конных, на осликах, ведущих на поводу верблюда... Муравейник.

От форума Тавра до самого Милия, откуда начинались и Меса, и все дороги империи, тянулись Царские портики, в которых укрывались лавки ювелиров-аргиропратов и их мастерские. Этот район так и назывался — Аргиропратий. А Меса уже впадала в устье свое — площадь Августеон, украшенную статуей Святой Елены-Августы. И здесь же был исток всяческим властям. На форум с севера выходил сенат — его колоннада попирала возвышенность, с которой спускались широкие ступени. На южной стороне форума поражали роскошью и размерами бани Зевксиппа. Со всех сторон теснили площадь архитектурные изыски — и резиденция патриарха, и храм Святой Софии, и Главные ворота Ипподрома, и Большой императорский дворец. А рядом с библиотекой крепко сидело мрачное серое здание с колоннами — штаб-квартира городского эпарха, градоначальника Константинополя, уверенного почему-то в том, что является вторым лицом в империи после императора. Дурак... А вот и он сам! «Великолепный светлейший» эпарх Никита Орифа сходил по мраморным ступеням к своей колеснице-каррухе, запряженной лошадьми белой масти,— единственной колеснице во всем городе. Такая уж у эпарха привилегия. Никита ступал величаво, с большим достоинством, из-под складок белой хламиды выглядывала разноцветная обувь: на левой ноге — красный башмак, на правой — черный. Во всей империи обуваться так мог только эпарх и никто другой. «Хоть бы ты запнулся»,— пожелал Орифе Варда, но пожелание его не исполнилось.

Многоязыкая толпа толклась по Августеону во всех направлениях — люди будто все разом потерялись и толком не знали, куда им идти.

---

[1] *Форум* — площадь.

Охрана из варангов-русов окружила Варду, оттесняя толпу даже не мощью мышц, а силою страха. Варангов здесь боялись и уважали — не рождала еще земля лучших бойцов, таких же безумно храбрых, могучих и опытных в войне. Не было им равных ни в пешем строю, ни на море. Пачинакиты-печенеги тоже опасны, но те берут числом. Русы же превосходят врага уменьем. И если, не дай бог, их конунг однажды построит флот и соберет военные дружины в легионы, спаянные железной дисциплиной... Никто тогда не устоит! Никакое царство. Все города падут, и все народы покорятся.

Варда спешился перед Халкой — парадным вестибюлем Большого дворца, куда вели кованые медные ворота. Высокие мраморные колонны Халки, ее купол на четырех арках, вызолоченная бронзовая крыша — все должно было принизить чужеземца, явить варвару величие империи, потрясти дикаря уже в сенях «Священных палат», как прозывали дворец императора.

За спиной гулко топали варанги, позвякивая доспехами. Кесарь вышел на Милий — обширный, как форум, квадратный двор между Халкой и храмом Святой Софии. Рядом с куполом, опертым на четыре арки — точкой отсчета ромейских путей,— высилась конная статуя, поднятая на семь мраморных ступеней. Облаченный в тогу, с перьями павлина на голове, восседал на коне Юстиниан — строитель Софии. В левой руке у него была держава, увенчанная крестом, а правую император простирал к востоку. Варда прочел надпись, высеченную на постаменте: «Злодей унижен перед ним, а он прославляет боящихся Господа», и усмехнулся. Передав коня подбежавшему конюшему, Варда размял члены и не спеша обошел Халку, не обращая внимания на хлопотливых провинциальных просителей, выстаивавших очереди у ворот с медной иконой Спасителя. «Одно и то же везде, одно и то же...» — продолжал свою думу Варда. Только и живописуют наши искусники бесконечную череду императоров, торжественных и безликих. Торжественно-безликих. Безлико-торжественных. Не стало красоты, зато складки одежд на статуях, прически, всякие ничтожные застежки переданы аккуратно и тщательно. Лисипп, Фидий, Праксителъ ваяли поэмы. Скульпторы-ромеи составляли протокол. Скорбно качая головой, Варда отпер тяжелую железную дверь и проследовал в круглый зал с полом из фиолетового и желтого мрамора. Мозаика под куполом изображала Юстиниана и Феодору, царедворцев в парадных одеяниях, и полководца Велизария, любовника красотки Феодоры, но Варда даже не поднял головы — однообразное роскошество приедается.

Толкнув створки бронзовых дверей, Варда вышел на дорогу, обставленную колоннами, и зашагал через внутренние дворы, куда выходили казармы. Тут проживала почетная стража императора. Воины носили белые туники и золотые шлемы с красными перьями, а на их позолоченных щитах значилось: «Иисус Христос». Хотя... Варда усмехнулся. Слово «воины» стоило бы взять в кавычки. Воины шагают позади него — молчаливые, суровые варанги. А эти... петухи только и годятся, что для парадов.

Дорога уперлась в три двери, выложенные слоновой костью. Варда отворил среднюю и вошел в первый тронный зал, устланный драгоценными коврами. Далее шел Золотой зал — Хрисотриклиний. Двери, в него ведущие, отлили из серебра. А может, и выковали. Купол и стены были отделаны мозаикой на золотом фоне, а против входа висели массивные парчовые портьеры. Сколько денег на все это угрохали, а смысл?..

Долго шел Варда. Через галереи, аркады, залы круглые, квадратные и многоугольные. В одних были колонны из зеленого мрамора, в других — из желтого, в третьих — из полупрозрачного оникса. Он шел мимо фонтана из серебра, мимо чудовищной вазы из чистого золота, мимо бассейна из яшмы. Спустившись в парк и обойдя Порфирную палату — императорский родильный покой с пирамидальной крышей и стенами, облицованными дорогим камнем пурпурного цвета, Варда сошел по гранитным ступеням на причал императорской гавани Буколеон. У самой воды красовалась скульптура, давшая название бухте,— косматый каменный лев терзал ревущего каменного быка. Изогнутые гранитные молы, украшенные статуями, обнимали мандракий — ковш порта. Молы кончались башнями, откуда цепями открывали и запирали ворота гавани.

На тихой воде покачивались пять лодий варангов — изящных «моноксилов», как их прозывали ромеи, «однодеревок». Прозывали с большой долей зависти и ревности — варанги делали киль лодьи из одного дерева, даже если та вытягивалась в длину на пятьдесят шагов. В лесах империи таких громадных дерев не росло... Был и еще один повод для зависти — варанги умели гнуть дерево для шпангоутов. Римляне — те, давние римляне-язычники, тоже владели этим умением. А вот ромеи-христиане утратили тайну сию, забыли... И сколачивали шпангоуты трирем из отдельных кусков, гвоздями. Одно утешает — на громоздких, некрасивых, тихоходных триремах стоят сифоны, пышущие «греческим огнем»...

— Вы славно послужили василевсу,— торжественно сказал Варда,— и будете щедро награждены...

Асмуд с достоинством поклонился.

— Тебе, архонт,— продолжал кесарь,— полагается по шесть литр [1] золота за год службы. Прослужил ты ровно три года, итого — восемнадцать литр! Каждому воину дружины твоей приходится по литре золота за год, итого — три литры в одни руки!

Он повернулся и сделал знак. Служители живо сволокли по лестнице тяжелые кожаные мешочки. Варанги весело загомонили, переняли ценный груз и понесли на борт.

— Прощай, архонт,— чопорно сказал Варда.— С богом!

Асмуд снова поклонился и взошел на борт. Ворота мандракия дрогнули, пошли открываться, но Варда не досмотрел отплытие до конца. Он поднялся во дворец Буколеон и прошел в свою комнату. Большое окно с бронзовой рамой, застекленной мутными стеклами, было распахнуто. Ветерок надувал тяжелые занавеси из дорогих паволок. Варда подошел к окну и облокотился о мраморный подоконник.

Слева светился золотом купол Триконха, справа выступал мраморный вестибюль императорской термы. А впереди, за неприступной грядою стен, сверкал и переливался Босфор. Были хорошо видны кисточки кипарисов на азиатском берегу. По лазурной глади вод, отражаясь в ней, словно в зеркале, проходила мощная трирема, одновременно перенося две сотни весел. А ей навстречу летели пять лодий, распустив полосатые паруса,— варанги спешили домой.

2
ПУТЬ «ИЗ ГРЕКОВ В ВАРЯГИ»

Асмуд хевдинг [2] не вторил трусливым купцам, плывущим за море вдоль берегов,— так и дольше, и опаснее. Бурю всегда лучше переждать вдали от суши с ее мелями и рифами. Лодьи пересекли Понт Эвксинский, прозванный Русским морем, по прямой, зашли за покупками в Херсон и двинулись к реке Непру, который ромеи звали Борисфеном. Четыре недели поднимались лодьи вверх по реке. Грести варанги могли и быстрее, но куда было спешить? Не в поход шли, а из похода...

---

[1] *Литра* — денежная единица, от 160 до 300 граммов золота.

[2] *Хевдинг* — вождь.

Ранним июньским утром лодьи Асмуда хевдинга, скаля зубастые пасти драконов на высоких штевнях, отчалили от пристаней Витахольма [1]. Парусов не распускали, шли на веслах. Начиналось лето, разлив вешних вод давно минул, однако течение Непра не растеряло мощи. Свивая притоки, Непр нес на юг великую массу мутной влаги. Но сильные руки варягов одолевали могучую реку, единым махом окуная в воду десятки весел. Сливая усилия, они загребали на общем выдохе, и пенные бурунчики вскипали, расходясь от острых форштевней.

Асмуд хевдинг оперся спиной о мачту. Поскрипывая кольчугой, сложил руки на груди. Красиво идем!

Он окинул взглядом широкие спины гребцов, бугрившиеся желваками мышц, оглянулся на лодьи, шедшие следом, перевел глаза на тающие синие тучки с лиловой опушью. Ночная гроза уходила на закат, пятная холмы отсветами зарниц. Плотно сжатые губы хевдинга дрогнули в скупой улыбке.

Три года минуло с тех пор, как покинули они родные пределы, их одежды пропахли дымом походных костров и чужих очагов. Две сотни молодых, буйных дренгов [2] водил он в Миклагард [3]. Василевсы ромеев [4] всегда привечали варягов, прозывая их по-своему, «варангами из страны Рос». Воинство Асмуда без разговоров взяли на почетную службу в великую этерию — личную гвардию императора. А кому еще охранить венценосца? У ромеев воины перевелись — мелочь всякая служит, трусливая и жадная до чинов и наград, будто для смеху нацепившая на свои слабые тельца золоченые панцири. А росы с малолетства к мечу приучены, их рука тверда, взгляд бестрепетен, сердце сурово. Недаром пылкие и страстные южанки искали их ласк! И находили...

— Архонт [5] Асмуд! — окликнули хевдинга.

Асмуд повернулся навстречу глыбоподобному ромею, затянутому в черную рясу. Лицо ромея было сплошь покрыто волосами, длинные кудри цеплялись за курчавую бородку, оставляя лишь немного места для хрящеватого носа с горбинкой да черных глаз, цепких и холодных. Это был Агапит Комнин, то ли диакон, то ли иерей — в общем, жрец Распятого. Асмуд презирал христиан, а попов и вовсе считал за

---

[1] *Витахольм* — варяжская крепость на Днепре, который они называли Непр.

[2] *Дренг* — молодой воин, не ходивший в походы. Гридь — это дружина (по-свейски — грид).

[3] *Миклагард* —Великий Город, так варяги называли Константинополь.

[4] *Василевс ромеев* — титул правителя Ромейской империи, которую ошибочно именуют Византией.

[5] *Архонт* — титул знатного чужеземца, данный ромеями.

врагов веры, но Агапит был непрост. От него исходило ощущение силы и опасности. Другой бы ни за что не согласился плыть в Гарды [1] вместе с варягами, а Агапит сам напросился в Херсоне — надо было ему сменить прежнего священника в Альдейгьюборге [2], в тамошней церквушке. Зачем, Асмуд не понимал. Все равно ведь в ту церковь никто не ходит! Но просьбу смелого попа уважил.

— Как спалось? — усмехнулся Асмуд.

— Скверно, архонт,— признался Агапит.— А мы что, так и будем плыть? Без остановок?

— В Мелинеске [3] постоим чуток,— прищурился Асмуд.— На торгу побываем, друзей проведаем... Там Непр кончается, и начинается Верхний волок.

Асмуд подошел ближе к борту и оперся о распаренное плечо гребца.

— Рогволт,— спросил он,— а это что там такое белеет?

Рогволт приподнялся со скамьи, выглядывая за щиты, навешанные на борт.

— Это колбяги! — уверенно сказал он.— С год как поселились! Мне в Витахольме сказывали...

— Колбяги? — нахмурил брови хевдинг, не отрывая острых глаз от приземистых срубов, белевших свежим деревом.— Не слыхал! Какого они хоть роду-племени?

— Да тоже славины!

— Славины-склавины... [4] — усмехнулся Асмуд и гаркнул: — Братие! А не разжиться ли нам трэлями? А?!

— Любо! — заорала, загоготала, засвистела братия.

— Вольгаст! Правь к берегу! — скомандовал хевдинг.

Старый Вольгаст-кормщик осклабился, тряхнул седой гривой и шевельнул рулевым веслом, направляя лодью к селению колбягов. Протрубил рог, разнося приказ хевдинга, и еще четыре лодьи покинули стрежень, сворачивая к берегу. Рабов словить? Любо!

Селение было невелико — десяток землянок, пара шалашей и три больших, длинных дома, сложенных из саманного кирпича, крытых поверху камышом. Хозяйство у переселенцев только-только налаживалось, но жили они без опасу — ни ров не копан вокруг, ни вал не сыпан.

---

[1] *Гарды или Гардарики* — самоназвание Руси.

[2] *Альдейгьюборг* — столица Гардов, сокращенно Альдейга. Ныне Старая Ладога.

[3] *Мелинеск* — важный торговый центр, располагавшийся к юго-востоку от современного Смоленска.

[4] *Славян*, то есть славинов, ромеи часто называли склавинами, намекая на их рабскую сущность. Трэлями северяне звали рабов.

Асмуд пренебрежительно скривился — его гридни, даже если на одну-единственную ночь разбивали лагерь, обязательно обносили шатры крепким частоколом. И выставляли дозор. В степи, конечно, труднее деревом разжиться, но здесь-то что мешает? Вона, лес какой!

За хатами колбягов вставали высоченные дубы, клены и грабы. Вывод? Или жители здешние ленивы, или глупы. И то и другое наказуемо...

— Эгей, гридь! — кликнул Асмуд.— Берем только девок и мужиков помоложе! Крут! Заходишь слева! Лидул! Твои справа! Гляди, чтобы в лес не смылись!

Лодьи, разогнанные веслами, врезались в глинистый берег.

— Вперед!

С ревом и дикими криками варяги повалили в атаку, сигая через борт в мелкую воду. Броней почти ни на ком не было — как гребли, так и в бой кинулись. Да и с кем тут биться?! Со славинами?!

Асмуд громадными прыжками поскакал вверх по склону, забирая ближе к небеленой мазанке. Из-за угла выскочила девушка зим пятнадцати, испуганно вытаращила карие глазенки и завизжала, порываясь бежать.

— Ку-уда?!

Хевдинг сгреб визгунью за тоненькую талию и передал добычу Люту, поспешавшему следом.

— Вяжи и складывай!

Лют понятливо кивнул, перекинул девчонку через могутное плечо и понесся к лодье. Еще трое гридней бежали в ту же сторону, волоча за волосы вопящих девок. Кряжистый Свенельд, весело бранясь, тащил за шиворот молодого колбяга. Парубок был без сознания, его голова болталась, перекатываясь по впалой груди, а на лице расплывался здоровенный синяк.

— К реке, к реке отжимай! — неслись азартные возгласы.

— Эй, Руалд! Глянь! Никак девка?!

— Вер-рна! Тащим до кучи!

Асмуд быстренько развязал завязки на ножнах и вынул меч. Очень вовремя — из низких дверей хаты на него вылетел бледный мужик, борода лопатой, глаза бешеные, в руке топор. Яростно вереща, колбяг кинулся на Асмуда. Хевдинг небрежно отбил удар, соображая: подходящ ли славин? С сожалением признав — староват, Асмуд сделал выпад, легко уходя от удара, и снес колбягу голову. Тулово рухнуло, дергая топор, а синие губы еще пару мгновений шевелились на отрубленной башке, словно силясь вымолвить последнее слово.

Переступив через труп, Асмуд шагнул в хату. В потемках он разглядел старика, вжимавшего голову в плечи, и двух детишек, таращивших на него испуганные глазенки. То старье, то малье... Хевдинг досадливо махнул мечом, подрубая деда, и развернулся к малышне. Откуда-то из-за печи выпрыгнула молодая женщина и бросилась к детям, заслоняя их своим телом.

— Нет! — вопила она.— Не надо!

В последнюю секунду Асмуд задержал меч, левой рукой хватая женщину за толстую черную косу. Зим двадцать будет славинке, самое то! И лицом смазлива... За такую арабы, не торгуясь, выложат двести дирхемов!

— Не надо! — молила женщина.

— Топай, давай! — велел Асмуд, но детей кончать не стал. Да и зачем? Если не от голода сгинут, так в зубах волчьих завязнут...

Вытащив молодицу за порог, хевдинг толкнул ее подлетевшему Люту.

— Всех взяли? — спросил он, оглядывая селение.

— Кого успели! — ухмыльнулся Лют.— Чует моя душа, кто-то там, в лесу укрылся!

— Не гоняться ж за ними... — пробурчал Асмуд.

Варяги бегали по деревне, высматривая потаенные места, шаря по землянкам. Заполошно кудахтали куры, кто-то выл в голос, громко ревело брошенное чадо. Шалаши валялись, разворошенные, камышовая крыша на крайней хате пылала, с треском и гудом пожирая кривые стропила. В огне сгорали чьи-то мечтанья, надежды, тихие уютные вечера...

Злая стрела просвистела, чиркнув Асмуда по волосам. Вторая «змея битвы» [1], прилетевшая из леса, была метче, но хевдинг отбил ее мечом.

— Взять стрелка! — рявкнул он.

Трое или четверо варягов бросились к лесу, припадая к земле за пнями-выворотнями, хоронясь за деревьями, зигзагом одолевая пустое место. Один варяг упал, хватаясь за древко стрелы, пробившей горло, его товарищи канули в лес. Охота на человека была неслышной, все заглушал рев разошедшегося пламени. Затрещав, крыша рухнула, проваливаясь внутрь хаты, и в небо восклубилось облако искр и пепла.

---

[1] *«Змея битвы»* — кэннинг, то есть замысловатое сравнение для стрелы, принятое поэтами-скальдами. Воинов они называли, к примеру, «ясенями битвы», а женщин — «елями злата».

— Словили! — торжествующе воскликнул Лют.— Ведут!

Двое, Фрелав и Акун, тащили избитого стрелка.

— Охотничек ихний! — крикнул Фрелав возбужденно.— Молодой совсем, а туда же!

— Вяжите, и в трюм! — распорядился хевдинг.— Пора нам...

Дошагав до лодьи, он встретился взглядом с Агапитом.

— Осуждаешь? — поинтересовался Асмуд.

— Отчего же? — пожал плечами ромей.— Одни язычники ловят других язычников, обращая тех в рабство... Моя христианская душа спокойна, ибо крещеных среди них нет.— Агапит усмехнулся.— А у росов в обычае, следуя путем из варяг в греки, разживаться рабами на берегах Борисфена и продавать их на рынках Константинополя. Это окупает дорожные расходы...

— Что правда, то правда,— расхохотался Асмуд.— Полезай на борт, святой отец,— отплываем!

Дружными усилиями гридни столкнули лодьи в воду. Оживленно переговариваясь и гогоча, они перелезали через борта и рассаживались по местам. Дар богов — ветер — задул с юга, и воды Днепра огласились радостными криками.

— Поднять паруса! — скомандовал Асмуд.

Широкие полосатые полотнища, то красные, то синие с белым, развернулись, отражаясь в воде, надулись, принимая ветер и толкая лодьи. Домой!

Глава 3

1
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ, ГДЕ-ТО МЕЖДУ ВОЛХОВОМ И СЯСЬЮ. 2007 ГОД

Олег приближался к полигону. Вокруг, зажимая дорогу, зеленел лес, изредка уступая место болотцам, поросшим осокой-резуном и пушистым вейником. Облупленная «Тойота» катилась по узкой колее, затравевшей от безлюдья и безмашинья. Желтые метелки с шелестом ложились под бампер, сеясь колючими семенами.

Забытое шоссе возникло неожиданно — строй одинаковых, высаженных лесхозом сосенок раздвинулся, и влево ушла просека, мощенная растрескавшимся асфальтом. Дорогу перекрывал шлагбаум — ржавая красно-белая труба с «кирпичом» и табличкой для особо непонятливых, грозно извещавшей: «Запретная зона! Въезд строго воспрещен, кроме спецтранспорта!»

— Будем считать,— пробормотал Олег,— что мы как раз спец...

Шлагбаум был прикручен к столбику тонкой арматуриной — ни поднять его, ни опустить, но набитый объезд наглядно демонстрировал уважение к законности и порядку. Олег аккуратно проехал по следам чужих колес и покатил по твердому покрытию, местами разбитому до хрустящего гравия. Годков полста минет, подумал он, и лес окончательно перемелет асфальт — взойдет подорожником, прорастет кустиками, взломает корнями деревьев...

«Тойота» вильнула влево, обогнула пригорок и проехала краем обширной лужайки, заставленной шатрами. Кое-где горели костры, у огня сидели на чурбаках странные личности в сверкавших кольчугах и вороненых доспехах. Поодаль чопорно прогуливались три девицы в длинных одеяниях, изображая прекрасных дам. Конный рыцарь, свешиваясь с седла, заигрывал со всеми тремя. Под мышкой он держал шлем, а правой рукой сжимал копье. Копье здорово мешало рыцарю, и он не знал, куда его деть, пока не приспособился таскать оружие на манер коромысла.

Отогнав «тойоту» в рощицу, где хоронилось прочее автомотостадо, Олег упаковался по моде девятого века. Раздевшись до трусов, он натянул на себя домотканые порты, крепко сшитые и прочные на разрыв. На ноги — мягкие полусапожки с длинными ремешками. Накинул льняную рубаху, вышитую у ворота Викой. Достал из багажника дешевую катану, купленную по случаю, повесил перевязь через плечо, затянул пряжку, поправил ножны за спиной (вообще-то катану носили за поясом, но Сухову так было удобней). Вроде все... Шлем и щит он брать не стал — зачем? На турнир он не записывался, а бугурт начнется завтра, не раньше. Пока все соберутся, пока то, пока се...

— Гой еси, добер молодец! — послышался бодрый тенорок.

Олег оглянулся. Позади стоял сам Михаил Михайлович Мальцев, доктор исторических наук, он же главный консультант военно-исторического клуба «Варанг», он же Михал Михалыч, он же «МММ», свирепый препод, валивший неуспевающих с особой жестокостью и цинизмом. А на вид не скажешь... Профессор Мальцев был плотненький, какой-то весь домашний дедок с лысиной, похожей на тонзуру, и

скобкой седых волос. Полотняная рубаха длиною до колен, с вышивкой по вороту, подвязанная шнурком-гашником, портки да лапти с онучами не опрощали историка и смотрелись потешно — ученая степень «просвечивала» сквозь наряд. И босиком Лев Толстой все равно оставался графом...

— И вы здравы будьте! — солидно ответствовал Олег.— А этот где... мастер наш?

— Оне за водой пошли,— важно сказал Михал Михалыч,— к дальним ключам. Уж больно сладка там водица!

— Ясно...

Сощурившись, Сухов осмотрелся. Шумная компания «толков» ставила шатер, постоянно валя шаткую конструкцию. Точильщик, качая ногой привод, зазывал желающих. Целый выводок стрелков из лука соревновался в меткости, пуляя стрелы в карту полушарий. Игроки переговаривались:

— Просто в Средние века турнирные копья вытачивались на особых таких токарных станках. Совали в них заготовки длиной в одиннадцать футов — это где-то метра четыре. Прикинь? Стандарт такой был! А ты попробуй сейчас такие станки отыщи!

— Так я что и говорю!

— Держи вот здесь! Да не, столб, столб держи! Во! Ванька... тьфу! Дон Сатарина! Натягивай, что стоишь?

— Вот зараза!

— Да вы не там ставите!

— Смойся с глаз!

— Блинский на фиг!

— Точим ножики-мечики! Сабельки правим! Топорики острим!

— Массаракш-и-массаракш!

— Благородные доны, жрать подано!

— Попал!

— Ты куда целился?! В Индию? А попал в Австралию!

— Все равно ж попал...

— Тридцать три раза массаракш!

Из белого шатра с криво нашитым красным крестом выбрался парень лет двадцати пяти, полный и румяный, обряженный то ли волхвом, то ли друидом,— белая рубаха спускалась ниже колен, на поясе болталась целая связка оберегов. Это был Шурик Пончев, недавний выпускник мединститута, исполнявший роль знахаря и лекаря.

— Наш привет коновалам и шарлатанам! — заорал Олег.

Шурик обрадованно вскинул руку.

— Здорово! — крикнул он.— Михалыч! Тут Киврин звонил, говорит, запуск у них!

— Да?! — оживился Мальцев.— На это стоит посмотреть!

— На что? — не понял Олег.

— А вон, видите? — Профессор протянул руку, указывая на восток, в сторону запретной зоны. Там, за пильчатой стеной ельника, вздымалось массивное, коробчатое сооружение.— Это тау-электродинамическая система! Читали Стругацких?

— А-а! — дошло до Олега.— «Двигатель времени»?!

— Да-да-да! Асимметричная механика, ее еще причинной называют... Вы представляете, какова идея?! Вырабатывать электричество из хода времени!

— Офигеть! — оценил идею Олег.

— О, началось! — воскликнул Мальцев.

Сухов ощутил странное покалывание по всему телу, словно он организм «отсидел». И вдруг ослепительное сиреневое зарево охватило половину небосвода, словно восходила колоссальная чужеземная звезда. Весь мир обездвижел — не трепетали листья в дуновениях ветерка, в нелепых позах застыли люди, будто играя в «Фигура, замри!». В абсолютной тишине накатил синий туман, и пала тьма.

2

У Олега зверски засвербило в носу. Он от души чихнул, встал на карачки и лишь потом осмотрелся. И тут же крепко зажмурился. Вокруг стелилась круглая поляна, в центре которой сидел Пончик и лупал глазами, а дальше вставал сказочно-дремучий лес. Ели и сосны в три обхвата вздымались на огромную высоту, с могучих лап свисали сивые бороды мха. И тишина...

— А где все? — растерянно спросил Пончик.— Где наш полигон? Куда делись люди?!

Олег оглядел себя. Все порты в соку травяном, вот же ж...

— Не понимаю... — проскулил Шурик.

Он ударил по земле кулаками. Зеленые кузнечики брызнули в стороны.

— Спокойно,— процедил Олег.— Без паники!

— Но их не стало! — надрывно сказал Пончик.

— Кого не стало?! — гаркнул Сухов.

— Людей!

— Где ты видишь трупы?! Что вот зря болтать?! Ты бы лучше объяснил, откуда здесь такие деревья взялись!

— Давай пройдемся,— предложил Пончев вздрагивающим голосом,— посмотрим...

И он нерешительно двинулся в лес. Олег зашагал следом. Сосны стояли ровной колоннадой, как при входе в Большой театр, только прогалы меж стволами были наглухо забаррикадированы колючим кустарником, вповалку лежали гниющие, мшистые коряги.

— Фиг пройдешь... Угу... — пыхтел Пончик, тискаясь между сучьев.

Олег полез через скользкий ствол, тот затрещал и изломился, просыпав из сердцевины кучу трухи.

— Ч-черт...

— Олег! — донесся голос Пончика.— Я, кажется, тропинку нашел! Угу...

— Щас...

Продравшись сквозь кусты, Сухов выбрался на звериную тропу и наткнулся на Пончика, озиравшегося с видом триумфатора.

— Веди тогда,— хмыкнул Олег.— Полупроводник...

— Почему — полу?

— А потому что я полпути не шел, а вколачивался, как гвоздь, в эту древесину!

Пончик фыркнул, шагнул и застыл. Секунду спустя Олег понял, почему его «полупроводник» стал вдруг изолятором — в трех метрах от них стоял на задних лапах огромный медведь и с любопытством разглядывал незваных гостей.

— Ва-ва-ва-ва... — слетело с уст потрясенного Пончика.

Медведь глухо зарычал, опустился на все четыре и растворился в кустах. Ни одна веточка не хрустнула, словно не матерый хищник просунулся, а бесплотный лесной дух.

— Пошли обратно... — слабым голосом выговорил Шурик.— Дальше все равно болото... Угу...

Под ногами чавкало и хлюпало, обещая близкую хлябь.

— Пошли,— вздохнул Олег.

Вывалившись из дебрей, они проанализировали результаты наблюдений.

— Это не наш лес! — решительно заявил Сухов.

— А чей?! — взвился Пончев.

— Да откуда ж я знаю?! Только сосняк вокруг полигона насаженный был, ему лет двадцать от силы, а этим деревьям,— Сухов обвел рукой дебри,— далеко за двести! Глянь, стволы какие!

— Господи! — выкрикнул вдруг Пончик.— Какие ж мы идиоты ...

Вынув из-за пазухи мобильник на ленточке, он быстро набрал номер и приложил аппарат к уху. Олег с интересом следил за сменой выражений на лице Шурика. Нетерпеливое ожидание перешло в озабоченность, потом в недоумение. Нахмурив лоб, Пончев оглядел сотик.

— Батарейка села, что ли? — пробормотал он.

Шурик потряс «мобилу» и снова прижался ухом.

— «Вне зоны доступа»... — сказал он упавшим голосом.— Угу...

Минут пять они были заняты тем, что бестолково топтались по молодой травке.

— Надо на дерево залезть,— робко предложил Пончев,— и посмотреть... Ага...

— Кстати, да! — сказал Олег и решительно направился к гигантской ели. Меч он не снимал, так и полез.

Первые метры дались ему легко, выше стало туго.

— Чертова смола! — шипел Сухов, отдирая локоть от ствола, залитого живицей.— Клеится, зараза!

Чудом не сорвавшись, он поднялся выше пятиэтажного дома, оглядел из-под руки горизонты и спустился вниз.

— Лес кругом,— сообщил он, с отвращением разлепляя склеенные пальцы.— А к западу водоем какой-то...

— Я даже могу сказать, какой именно,— съехидничал Пончик.— Там Волхов течет!

— Ты уверен? — спокойно спросил Олег.— По нему, между прочим, лодья плывет!

— С чего ты взял, что лодья? — насторожился Шурик.

— Ну как с чего? Парус... По борту щиты вывешены, и весла гребут! Может, мы того... — Олег сделал неопределенный жест.— В прошлое попали?

— Фигня полная! — яростно воспротивился Пончик.— Сгущенный, концентрированный бред с элементами шизы! Путешествия во времени невозможны в принципе!

— А откуда тогда ладья?!

— Кино снимают!

— А лес?! Что, тоже для кино высадили?!

Пончик засопел, исчерпав аргументы.

— Давай глянем в той стороне,— Олег показал рукой на юг.— Там вроде просвет и речка...

— А зачем тебе речка? — удивился Шурик.

— Не знаю, как ты,— заявил Олег,— а лично я есть хочу — умираю! Может, хоть рыбы наловим...

— Точно! — с жаром поддержал идею Пончик.— У меня у самого какое-то щемящее чувство... С утра ж не ел! Думал, в столовке перекушу, а тут... Угу...

И они двинулись на поиски речки. Жутко мешали кусты, но потом стало полегче. Речку они не нашли. Олег поднырнул под лохматую ветку ели и оказался с краю большой круглой лужайки. Посреди лужайки возвышался заросший травой курган, а на его верхушке торчал идол, довольно искусно вырубленный из карельского мрамора. Пухлые каменные губы кумира были щедро извазюканы чем-то липким и черным. Надо полагать, кровью...

— Я ничего уже не понимаю!..— простонал Пончик и без сил опустился на землю.

— Как ни крути, как ни верти,— поморщился Олег,— а мы таки в прошлом!

— Быть того не может! — затряс головой Пончик с упорством и ожесточением верующего.— Может, это Стемид все... того... организовал?

Олег ничего не ответил, только посмотрел на Пончика с сожалением.

— Пошли лучше шалаш организуем,— вздохнул он.— Стемнеет скоро...

На рассвете, не выспавшийся и голодный, Олег умылся холодной водой и сжевал половинку «Сникерса», поделившись с Пончиком.

— Ну, что? — спросил он помятого «знахаря».— Сникерснул?

Пончик кивнул уныло.

— Пошли тогда!

— Куда? — вяло поинтересовался Шурик.

— К реке! К Волхову, или что там такое течет...

— Пошли...

Было еще совсем рано — робкая заря едва прокралась в лес, не трогая густые тени, и деревья словно отражали ночь — темные стояли, неперебродные. Олег с Пончиком пересекли гарь и потопали — по заросшей папоротником прогалине, меж бурых сосновых стволов, рассеянно проводя руками по зеленым лохматостям можжевельника. Хмельной воздух, настоянный на смоле и хвое, будоражил Олегову душу, наполнял ее каким-то детским ликованием. Он все мог, все умел —

здоровый, сильный, сытый! И Пончик рядом! И меч за спиной! А гуляют они где?! У начала времен!

Ему было простительно не знать, что там напряли для него норны, распорядительницы судеб, какую нить накрутили на веретено. Норны — бабки скрытные...

Глава 4

1

Олег шел вольно, не скрадом, переступая из матерых сосняков в сквозной березняк, поднявшийся на брошенном огнище; из затравевшего ольшаника шагал в мглистый ельник. Рассветное небо было расчерчено розовым и белесым. Природа просыпалась.

Захоркал вальдшнеп, оповещая лес о явлении красна солнышка. Проиграли зарю журавли. Запели дрозды, подражая соловьям. Зачуфыкал тетерев. С комля-выворотня сорвался глухарь, громко захлопал крыльями, озвучивая посадку. Олег на слух определил кремлевую сосну, на суку коей устроилась птица. Во-он там, на песчаной гряде. Под грядою болото, падь, заросшая черемушником, заваленная подмытыми стволами. Глушь. Глухарю — самое место. На суку защелкали клювом, зашипели, зафыркали — короче, «запели». Олег медленно-медленно выпрямился и задрал голову, высматривая «певца». Глухарь — птица видная, с длинноперым черным хвостом-веером, с горбатым костяным клювом, с ярко-красной кровяной бровью... Холодное лезвие меча уткнулось Олегу в горло.

— Камо грядеши? [1] — Голос был не теплей отточенной стали. Властные обороты звучали в нем — голос не спрашивал, он требовал ответа. Незамедлительно.

Олег отпрянул, суетливо доставая меч. Сердце, как бешеное, металось в груди, а мышцы, наоборот, зажало страхом. Вот позорище! Засмотрелся, дурака кусок! Птичек не видал!

---

[1] *Камо грядеши?* — Куда идешь?

Человек, стоявший перед Олегом, невысок был, но ладен и крепок. Холщовые порты заправлены в яловые сапожки, поперек стеганой куртки перевязь с ножнами на спине. Если на Олеге, длинном, узковатом в плечах, нарос жирок, то его визави был, похоже, скроен из железа и сыромятной кожи — жесткие скулы, рысьи медовые глаза, суровые морщины у рта. Волосы цвета соломы возле ушей заплетены в косицы и покрыты круглой шапкой-нурманкой. Воин. Неужто правда?! Или это съемки идут? Господи, лишь бы это были съемки...

— Олег! — крикнул Пончев и слабо замахнулся подобранной палкой.

Воин мягко отскочил, слегка согнул разведенные колени, его меч блеснул в первых лучах и вдруг ударил наискосок, со свистом и зудом рассекая воздух. Палку обрезало, а Пончев оступился и сел с размаху на зад. Олег взялся за рукоятку меча, «как учили»,— правой ладонью обхватив ее возле цубы [1], а концом уперев в середину ладони левой. Облизал пересохшие губы. Замахнулся, пугая противника, но воин не моргнул даже. Зато ударил так, что у Олега руки заныли. Прямой меч блеснул и перебил ширпотребовскую катану — обломыш усверкал в траву. Олег поймал взгляд хищных медовых глаз и вдруг все понял и пришел в отчаяние. Ему никогда не победить! Он и с питерской шпаной-то никогда не связывался, а уж в этом времени он — полнейшее чмо!

Из-за густого ракитника выглянул бледный парниша в толстой кожаной куртке, обшитой металлическими бляхами, и сказал что-то ломким баском, кивая на сломанный меч.

Рукою в перчатке парниша сжимал лук — огромную, убийственной силы дугу. Загудела натягиваемая тетива. Олег швырнул катану под ноги парнише.

Тот презрительно скривил рот, мотнул головою, и кто-то проворно связал Олегу руки за спиной. Старый воин спеленал Пончева. Мир перевернулся. В какие-то пять минут жизнь поменяла знак. Олег чуть не плакал от стыда, оглушенный и безвольный, самому себе напоминая что-то желеобразное и колышущееся. Протоплазму. Амебу-переростка...

— Кто это, Олег?! — спросил Пончев дрожащим голосом.

Олег не сумел ответить — его чувствительно пихнули в спину, приказывая идти, и он пошел, куда велено. Сказали бы — на колени, ща голову рубить будем! — и он бы повиновался, наверное, и послушно согнул бы выю...

---

[1] *Цуба* — гарда катаны.

— ...Крут! — донесся звонкий голос с вершины гряды, и по песчаному откосу запрыгал белоголовый мальчишка лет десяти, в рубашонке с вышивкой у ворота, по рукавам и подолу. У пояса, болтаясь на шнурках, позванивали бубенчики, отпугивая нечистую силу.

Пацаненок прозвенел что-то непонятное, махая руками для выразительности. Олег понимал с пятого на десятое. Вроде как воина, перебившего катану, звать Крутом...

Крут покивал согласно, дослушав мальчишку, проворчал ответ в усы, а потом подобрал с земли Олегов меч и протянул малолетке. Тот залучился от радости. Взяв меч в одну руку, а обломок в другую, пацаненок полез до верха невысокой кручи. Воин проводил его взглядом и буркнул, указывая путь своим и пленным.

Крут пошел первым, за ним двинулся лучник. Третьим поплелся Олег, рядом шмыгал носом Пончев, а замыкающими шли два молодца в кожаных доспехах и буравили спины пленников в четыре зорких сверлышка. Крутята...

Не оглядываясь, старый воин перешел по камням мелкую речушку и поднялся на обрывчик, где нашлась стертая тропа. Все взошли за ним следом.

Олег споткнулся, больно ударился ногой об корень, но лишь поморщился — не до того. У него болела душа. Корчилась, уязвленная беспощадной правдой. Олег узнал о себе такое, что было больней синяков и ран. Он — трус. И слабак.

Справа брел Пончев. Спотыкался, сопел, мотал светлым чубом и решал непосильную задачу: на каком они свете?! В какое время и пространство их занесло?..

Крут вывел отряд на берег большой реки, быстро несущей мутные воды цвета навозной жижи, и сердце Олегово засбоило. В небольшой заводи, уткнув носы в песок, стояли настоящие лодьи, хищные и длиннотелые. Раз, два, три... Пять боевых единиц. На лодьях торчало по мачте, паруса были свернуты на реях. Штевни поднимались высоко, и Олег заподозрил, что обычно их украшают головами тутошних драконов. Просто в виду родных берегов драконов поснимали, дабы не вспугнуть местный «тонкий план».

На берегу, под скалами был разбит лагерь — кожаные шатры накинуты на столбы в два роста и оттянуты ремешками к колышкам, котлы на треногах булькают кашей над прогорающими кострами. И люди. Много людей — в кожаных штанах, в мягких сапогах с завязками или босиком, в рубахах — выгоревших синих, серых и красных, а то и голых по пояс. Все рослые, крепкие, с уверенными, точными

движениями, выдающими бойцовскую породу. Викинги? Варяги? Во-первых, хрен их разберет, во-вторых, хрен редьки не слаще...

Люди сидели кругом костров, бродили по берегу, сторожили со скал, сжимая копья. Кто-то спал, прикрывшись от солнца рукой, кто-то чинил щит, вбивая по гвоздику в вощеную кожу, а кто-то огромный, без рубахи, с татуировкой в «зверином стиле», оплетавшей шею и плечо, стоял, склонясь над водой, и, шумно фыркая, умывался. Чудовищные мышцы бугрили необъятную спину, выбеливая страшные шрамы. Порядком поседевшие космы вымпелами вились по ветру.

— Крут! — окликнули от костра, заговорили шумно и весело, подзывая к себе.

Крут хмыкнул и дотронулся до плеча кашевара — жилистого старика, снимавшего пробу. Старинушка щедро плюхнул в миску пахучего варева, Крут заворчал одобрительно, поставил свою порцию на песок, чтоб остыла.

На Олега с Пончиком глядели с насмешливым интересом и со сдержанным любопытством. Умывавшийся «Седой» снял с шеи полотенце, неторопливо утер лицо и только затем повернулся. Да-а... Вот с кого надо лепить Гераклов и Ахиллов, подумал Олег. Ни капли жира! И кость широка, и мяса на ней наросло — пуды! Грудные мышцы у «Седого» просто устрашали, выдаваясь мощными плитами, а выпуклые кубики пресса напоминали сегментный люк. «Седого» и задушить — проблема. Это ж какие мускулы надо иметь, чтобы обхватить такую-то шею! Колода!

«Седой» задал Круту вопрос, называя того хольдом, и не глядя сунул мокрое полотенце подлетевшему молодцу. Голос у «Седого» был под стать могучему организму — густой бас, с хрипотцой и прохладцей.

Крут ответил, соединяя в звуке голоса и спокойное достоинство, и почтительность. Олег вслушивался в Крутову речь, но понимал лишь отдельности. «Седого», надо полагать, Асмудом кличут. И не просто Асмудом, а еще и хевдингом, вождем, значит...

— А кто такой хольд? — спросил Пончик дрожащим голосочком.

— Ну, это как бы ветеран боевых действий,— объяснил Олег,— действительный рядовой в дружине-гриди...

— А что, и другие бывают? — вяло удивился Пончик.

— Кстати, да. Есть еще дренги. Они вроде как кандидаты в рядовые. Наберутся опыта, в походы сходят, пройдут посвящение, тоже хольдами станут... Понял?

— Понял... — вздохнул Пончик.— Угу... Значит, это правда...

Хевдинг пробасил что-то властно, обращаясь к Олегу.

— Не понимаю,— буркнул Сухов, красноречиво мотая головой.

— Вольгаст тиун! — пророкотал Асмуд, тыча пальцем в старика кашевара, и повелительно упер сучковатый перст в Олегову грудь.

— Олег! — представился Сухов.

Асмуд резко проговорил набор слов, из которых Олег уловил лишь одно — «трэль».

— Я не трэль! Не трэль! — со всей возможной твердостью заявило дитя двадцать первого века, родившееся за месяц до 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Люди на берегу и на кораблях весело загоготали. Олег сжал зубы.

В голосе хевдинга прибыло яду. Асмуд презрительно, двумя крючковатыми пальцами, ухватился за прядь волос у Олега на голове, подергал и коротко сказал:

— Трэль!

И только тут Олег «приметил слона». У этой ватаги, потешавшейся над ним,— а было их сотни полторы, если не две,— наличествовали длинные волосы и бороды, не шибко аккуратные, но чистые, расчесанные и ухоженные. У двоих-троих подбородки были выбриты, зато вокруг хохочущих ртов спадали роскошные усы, смахивавшие на клыки моржа. Люди в эпоху викингов были твердо убеждены, что в волосах таится жизненная сила, и стригли только рабов-трэлей! Даже дернуть за бороду или за косу почиталось как страшное оскорбление, а в нить, которой перевязывали пуповину младенца, вплетали по волоску от отца и матери! И кем он, стало быть, выглядит, с его-то армейским причесоном? Стриженым трэлем, кем же еще!

Хевдинг молчал. Хольд потихоньку присоединился к товарищам у костра и уплетал кашу, сдобренную чем-то весьма и весьма аппетитным. Дух от нее шел...

Дренг поднес хевдингу рубаху, богато расшитую у ворота. Асмуд, по-прежнему молча, надел ее. Затягивая тесемки на запястьях, он отдал приказание. Олег из всего сказанного уловил только три слова: «торг» и «две марки».

Пара воинов, дожевывая кашу, отвели Олега с Пончиком к лодье, что была повыше бортами и пошире. По еловым сходням они поднялись на борт. Вся средняя часть палубы была заставлена бочками и тюками — то ли груз, то ли добыча...

— Руки хоть развяжите,— буркнул Олег, поворачиваясь к воинам спиной.

Тот, что был помоложе, фыркнул насмешливо. Гридень постарше молча вытащил нож и разрезал путы обоим пленникам.

Растирая руки, Олег уселся на кожаный мешок с чем-то мягким. Меха? Да какая ему разница... Он нынче такой же товар, как и эта «мягкая рухлядь» под его седалищем.

— Что нам будет? — спросил Пончик, потирая руки. Руки тряслись.— Какие-то марки... Что за марки? Почтовые?

Олег вздохнул.

— Чует моя душа, хевдинг хочет выручить за нас две марки серебра,— сказал он скучно.— Ну, это что-то вроде денег.

— Выручить? — с трудом доходило до Пончика.— Он нас что, продать хочет?!

— Кстати, да. На невольничьем торгу...

— С ума сойти...

О борт плюхала волна, и это слышалось отчетливо. Внезапно шатер на корме пошел волнами и отпахнул полог, выпуская... попа. Самого настоящего попа — огромного ромея-византийца, всего в длинном и черном. И сам черняв, бородой зарос — один нос торчит, а на груди болтается золотой крест. Христианин?

— Пончик! — зашипел Олег, тормоша товарища.— Спроси его! Ты ж врач, латынь должен знать!

— А чего спрашивать? — растерялся Пончев.

— Ну хоть год какой, узнай!

— А-а... Здравствуйте, батюшка! — ляпнул Пончик на корявой латыни.

Поп обрадовался.

— Здравствуй, сын мой! — молвил он басом.— Как звать тебя?

— Меня?.. По... Александр! А вас?

— Зови меня отцом Агапитом. Крещен ли?

— Да нет... — застеснялся Пончик.— Отец Агапит, а какой ныне год на дворе?

— Шесть тысяч триста шестьдесят шестой от Сотворения мира, сын мой.

— Понятно...— протянул Пончик, вычитая.— Восемьсот пятьдесят восьмой год нашей эры! Олег, слышишь?! Восемьсот пятьдесят восьмой! О-ох...

— Слышу, не глухой... — проворчал Олег, чувствуя, как все сжимается внутри.

— Вы сами из Константинополя будете? — спросил Пончик, лишь бы что-то спросить.

Священник величественно кивнул.

— Вдвойне приятно слышать имя истинное,— сказал он.— Тавроскифы, что на полдень от Русии, переиначили столицу Ромейской империи в Царьград, а здешние русы и вовсе Миклагардом зовут ее...

— А куда плывут эти корабли?

— В Аль-дей-гью-борг,— старательно выговорил отец Агапит и улыбнулся, сверкнул крепкими зубами в оторочке из курчавого черного волоса.— А венеды то место Ладогой кличут... — Голос попа изменился, приобрел пафос: — Доблестным воинам Асмуда поручено доставить меня в Аль-дей-гью-борг. Самим кесарем Вардой послан я!

Однако Олег торжественностью момента не проникся. Дослушав сбивчивый перевод Пончика, он откинулся на локти.

— Да ну? — равнодушно спросил Олег.— Спроси его, не тот ли это Варда, что великого логофета Феоктиста прирезал?

Пончик наивно перевел, и бедного отца Агапита аж шатнуло.

Ромей побледнел и, быстро крестясь, шмыгнул обратно в шатер. Скрипнула палуба, раздраженно загремели железяки. Олег усмехнулся. Странно, но страх и напряжение отпустили его совершенно. Ромей здорово ему помог. Теперь, когда Олег сориентировался во времени и пространстве, стало как-то легче и проще. А Пончик ныл, потирая дрожавшие руки:

— Господи, господи...

— Перестань,— буркнул Олег,— и без тебя тошно...

На берегу протрубил рог, созывая людей к отплытию. Лодья качнулась. По трапу затопали... как их и назвать-то, не знаешь... Бойцы? Гребцы? Гридни? Короче, экипаж затопал. Гулко загудели доски палуб, разнеслись зычные окрики. На корму, к правилу, пробрался Вольгаст тиун и уселся на высокое сиденье кормщика — далеко с него видать, ничто и никто не застит пейзажи «включенные и обрамляющие». Драконий хвост, в который вытягивалась корма, поднимался над головой кормщика изящным завитком. А старинушка, хоть и худ, да жилист — вон, плечи какие! Костлявые, спору нет, но сила в них еще держится.

Раздалась зычная команда — Олег узнал голос хевдинга. Лодью развернуло и подхватило течением.

Гребцы, поплевав на ладони, взялись за отполированные рукояти. С бурлением и плеском ударили весла, выводя лодьи на простор речной волны. Олегу хорошо были видны гребцы на дубовых скамьях, вернее, их спины, то пригибавшиеся, то откидывавшиеся, с проступавшим витьем мышц. Но он старался не смотреть в их сторону. Было стыдно и неловко до поджимания пальцев. Он тут образованней лю-

бого, но именно его низвели до рабского состояния и везут на продажу. Срам-то какой... И ничего ведь уже не исправишь! Пленили тебя? Пленили. Даже хуже — сам сдался... Ну, хватит. Опять, по новой? Не смог удержать волю, думай теперь, как ее вернуть...

Разнеслась новая команда, гридни уложили мокрые весла на подставки в виде буквы «Т». Двое лбов кинулись к мачте. Парус тяжелым свертком примотан был к длинному рею. Не два, не три, а целый десяток возжей-шкотов свисал с его нижней шкаторины.

Лодейники быстро разобрались и потянули ременные шкоты. Ветрило поползло, разворачиваясь, вниз и наполнилось ветром, выгладило складки. Заскрипели снасти, и лодью повлекло вперед. Сильней зажурчала вода, разрезаемая острым форштевнем, окованным позеленевшей медью.

На высоких берегах Волхова — местные звали реку Олкога — четко выделялись белые полосы тропинок и темные леса. Русь. Гардарики.

Серая чайка, пронзительно крича, промахнула над полосатым парусом и отвлекла Олега от размышлений. Он поднял глаза на лодейников, коротавших время за веселым трепом, где басня неуловимо переходила в истину, а правда вдруг выворачивалась выдумкой. Варяги, «морские люди». «Сице бо ся зваху тьи варязи русь...»

Измучанного переживаниями Олега сморило. Проснулся он от толчка. Вскинулся, ошарашенный, не разумеющий ничего. Огляделся — и все пережитое грузом осело на душу. Зато картинка за бортом сменилась.

— Подплываем... — робко доложил Пончик.— Угу...

Показались первые избы — с реки они казались приземистыми, будто придавленными земляными крышами, зелеными в цветочек. А дальше вытягивался чисто русский дом — длинный, подобно опрокинутой лодье. Почерневший от времени сруб прикрывался крышей из торфа — этакий продолговатый холм с пещерой-дверью. Некрасиво? Зато зимой тепло. Из дымогона — на острие киля, если уж продолжать аналогию с перевернутым кораблем,— струился легкий дымок. По берегу бежали два пацаненка, один в рубашке, другой голый, но оба с лукошками. Рядом с ними весело скакал огромный лохматый волкодав. Крики ребятни и хриплый лай разносились над бегущей водой — негромкие, но ясные звуки. Где-то прокукарекал петух, замычала корова, ударила секира, разваливая полено. Одинокий рыбак, сидя в кожаной лодке, снял с крючка гнущегося дугою сига и приставил ладонь к глазам, разглядывая проходившие лодьи. С берега накатили запахи — навозом несло, сеном, молоком, свежеструганным деревом.

— Альдейга! — сказали на носу удовоженно.

Плесы Олкоги, сверкающие на послеполуденном солнце, заметно сузились, выдвинулся Стрелочный мыс, на нем крепко сидела крепость — рубленые башни-вежи... одна, две, три... пять башен. Стены-прясла сложены из мощных дубовых бревен, черных, словно мореных. В животе у Олега будто рой бабочек запорхал — скоро тебя на продажу выставят, узнаешь себе цену...

Асмуд хевдинг отдал приказ убрать парус, и гребцы снова сели за весла. Лодьи обогнули мыс, за ним открылось узкое устье Ала-дьоги, Верхней реки, как называли ижоры Ладожку. Альдейгьюборг строился по обоим берегам этого притока Олкоги, делясь на северную и южную половины. По меркам лета 2007-го от Рождества Христова — поселок городского типа, но туземных охотников град сей должен зело впечатлять. Небось самый крупный на севере Европы. Не хухры-мухры!

У пристанищ-причалов отшвартовались десятки лодий и кнорров, длинных и узких снекк, уродливых фризских коггов — плодов скрещивания бочки и ящика, вместительных сойм и остроносых арабских фелуг, плоскодонных учанов и вертких ушкуев. А дальше, под стенами крепости, шумел торг. Сотни людей бродили меж раскинутых шатров. Околачивались у гостиных дворов с травянистыми крышами, толпились меж дощатых рядов и лавок. Дивились на товар, расхваливая свой и поругивая выставленный у конкурентов. Торговались, приценивались, разворачивали тонкие ткани из Византии. Давали понюхать благовония из Аравии, щелкали по индийским клинкам и слушали долгий, чистый звон истинного булата, взвешивали монеты и рубили серебряные палочки на сдачу, закатывали глаза, демонстрируя предельный уровень восторга, зазывали, ругались, клялись, призывая в свидетели любых богов — от Сварога и Христа до Аллаха и Будды, заключали сделки, ударяли по рукам, бурно выясняли отношения, втихомолку сговаривались и голосили, голосили, голосили — по-булгарски, по-арабски, по-гречески, по-фризски, на северном языке и на местных наречиях. Торжище европейского масштаба!

Лодья причалила к бревенчатому вымолу. Четверо мужиков уже подносили широкие сходни. Прибыли...

Кормщик, кряхтя, встал со своего места и подтянул штаны-гачи. Потирая спину и косо глянув на Олега, он отпер люк в палубе близ мачты. Загремело железо, и наружу, сильно щурясь, выбрался мужик — криво остриженный, босой и со связанными руками. «Был хмур он и зол, но шел». А куда денешься? За ним выбрались несколько зареванных девушек и еще трое парней, смурных и потерянных. Рабы.

Олег, значит, один из них. Невольник на продажу. И Пончик с ним... Оптом.

Вольгаст тиун негромко сказал Круту пару слов, тот выслушал и кивнул. Цепко ухватив Олега за локоть, хольд потянул его к сходням.

— Я сам,— буркнул было Олег, но, получив пинка, живо сошел на берег. Пончик сбежал следом, хватаясь за Олега, как маленький мальчик цепляется за маму, боясь потеряться.

Девушек-тир увели в шатер, а мужиков-трэлей погнали на дощатый помост, где уже клонили головы или дерзко разглядывали покупателей около десятка рабов. Молодые, пара пожитых, один и вовсе старец. Этот сидел с краю — смотрел поверх голов и рассеянно улыбался, будто и не его это касалось, будто не ему стать чьей-то покупкой. Олег, по-всякому избегая мыслей о том, что близилось, поставил ногу на помост и упруго поднялся. И только тут, пройдясь по вышарканным лесинам, он постиг свершившееся, «загрузился» полностью: он — раб. Эта маленькая истина потрясла его. Олегу уже говорили, что его продадут, что за него выручат деньги,— слова были ужасны, но они били мимо сознания, скользом, не задевая ум, не попадая в сердце. Все казалось, что его пугают,— ведь нельзя же взаправду продавать в рабство человека! И ладно бы, там, кого иного, а то ведь его самого, Олега Сухова! Меня — и выставить на продажу?!

Олег лихорадочно, с болезненным пристрастием всматривался в толпу, пытаясь найти в лицах понимание и сочувствие, выискивал в улыбках, гримасах, взглядах намек на поддержку, на помощь, на избавление, но не находил. Люди не видели ничего особенного в том, что носителей разума продавали, как любую другую вещь. Ладожане и гости города пересмеивались, лузгали каленые орехи, а то и вовсе шли мимо, не оглядываясь на помост. Нам-де рабы ни к чему, нам бы отрез полотна купить, женка просила, да шмат сала приобресть изрядный — вчерась тут ха-арошим сальцем торговали... Дайте пройти! Понаставят всяких холопов, ни пройти ни проехать...

Из шатра вышел арабский купец, зябко кутаясь в теплый халат. Конец белой чалмы, покрывавшей его голову, свисал над левым ухом, отмечая ученость. Араб спросил что-то, видимо интересуясь, почем девицы. Продавец, толстенький и кругленький, как колобок, затараторил, на пальцах показывая ничтожность суммы. Поторговавшись, купец крякнул и махнул рукой.

— Ахмад! — позвал он.

Из толпы вышел здоровенный воин Аллаха в бараньей шапке, в замызганном халате и в шикарных, расшитых бисером юфтевых сапо-

гах с загнутыми носками. Ахмад невозмутимо передал увесистый мешочек серебра кланяющемуся «колобку» и повел девушек за собой. Одна из тир заплакала, кривя бледное лицо. Воин Аллаха лениво шлепнул ее по щеке — не сильно, чтобы не пострадал товар, но достаточно для внушения. Девушка смолкла, рукавом вытерла слезы и поплелась за новым хозяином. Ее ждал долгий путь по Великому Волжскому пути, через море Хвалынское, по горам Мазендаранским, по земле Джебел до славного города Багдада. А там уж... кто знает? Может, попадет в Самарру, в гарем халифа Джаафара ал-Мутаваккиля, и назначит ее халиф любимой женой... Возможны варианты.

Потом купили деда. Как понял Олег, старикан был крупным специалистом по лошадям. За него дали хорошую цену — двести дирхемов. На эти деньги четырех коней купить можно. А за сколько, интересно, тебя самого возьмут, Олег-трэль? Почем нынче трэли? И, главное, кому обмывать покупку? Кому-то из местных? А если продадут какому-нибудь франку?! И затеряется Олег-трэль, сын Романа, в перепутанице вонючих улочек Лондона или Парижа, где нет бань и канализации, зато исправно коптят небо аутодафе...

Олегу ярко, в цветах и красках представился его будущий хозяин — краснорожий малый, купчик средней руки, тупой и серый. Какой-нибудь... этот... Винифрид. Пузатый и немытый, он хлещет пиво или дешевое вино, преданно заглядывает в заплывшие глазки попов, угодливо кланяется чванливым графьям, а дома лупит девочку-жену и попрекает куском хлеба «этого бугая, от которого никаких доходов, расходы одни!..».

И тут Крут положил Олегу на плечо тяжелую руку, называя цену. Олег Романович Сухов оценивался в сто пятьдесят дирхемов.

Олег похолодел. Сейчас, сейчас...

Покупатель, тощий и злой старикашка, византийский гость, недовольно скривился. Одетый по-простому, в хитон из грубого полотна, заправленный в порты, старик накинул поверх расшитый плащ. Плохо ему будет, подумал Олег, если достанется он этому старперу,— прикует где-нибудь в эргастерии [1], и фиг сбежишь!

А Крут все набивал цену, живописуя высокое качество товара.

Тут рядом со старым ромеем, черноволосым, несмотря на годы, и смуглым, возник неторопливый в движениях северянин, голубоглазый блондин. «А этот,— отрешенно думал Олег,— запрет в хлеву,

---

[1] *Эргастерий* — мастерская.

где-нибудь на берегу холодного синего фьорда, и будешь ты зимой мечтать о теплом Константинополе...»

Белокурая бестия согласился с ценой и сверху вниз глянул на злющего византийца.

Византиец аж подпрыгнул и тут же надбавил. Уступить норманну-язычнику?! Ни за что!

Страх и отчаяние переливались в Олеге, угнетая рассудок и травя душу. Стать чужой вещью, живым имуществом — ну, как это?! Лишиться всех прав... Жить на положении дитяти. Это неверно — думать, будто «раб» от слова «работа». От «ребенка» — так будет правильно. Трэля кормят и одевают — как ребенка. Он ни за что не отвечает — как ребенок. Дожил!

Хотелось спрятаться, укрыться, забиться поглубже куда-нибудь, чтоб не видеть, не слышать, не понимать сегодняшнего позора и завтрашнего кошмара. Бежать! Куда?! Они, может, только и ждут, когда ты бросишься тикать! Тут-то и начнется потеха... Сафари на раба. Погонять по лесу беглого, затравить его, науськать здешних псов... И приволочь обратно. И нацепить ошейник на шею.

Ромей заверещал, бледнея, еще пуще задирая цену. Его дородный брат или сват обеспокоенно затеребил за складку плаща: окстись, мол! Ромей только оскалился.

Вдруг толпу перекричал знакомый голос, и Олег чуть не расчувствовался, узнав запыхавшийся тенорок Вольгаста тиуна.

— Продано! — понял Олег без перевода радостный возглас Крута. А хольд поклонился в сторону крепости, приветствуя конунга.

Олег повернул голову и увидел рослого пожилого человека в богатом плаще-корзне, типа мантии на русский манер. «Улеб! Улеб конунг!» — пронеслось по толпе. Рядом с Улебом конунгом стояла девушка в шелковой рубахе, щедро расшитой узорами по подолу и вороту. Девушка куталась в шаль, заколотую брошкой-сёлье, и смотрела на Олега — с немым вопросом и тайным интересом. Сказать же, что она была красива — значит ничего не сказать...

Конунг спокойно ответил хольду. Прищурив глаза, он осмотрел Олега, вскользь, не пытая взглядом, и сунул Круту кошель с серебром.

Крут поблагодарил, довольно взвешивая в руке всеобщий эквивалент, и ввинтился в толпу.

— И меня, и меня! — заголосил Пончик, бросаясь на колени.— Лекарь я! Целитель! О всех хворях ведаю! — верещал врач.— Паки, понеже...

Тиун сказал что-то вполголоса Улебу конунгу. Тот пожал плечами — где один, там и двое... Пригодятся в хозяйстве.

2
АЛАБОРГ

Олег сидел у борта лодьи и глядел на просторы Ладожского озера. Если не смотреть в сторону волховского устья, то кажется, одна вода кругом. Море. Окиян. Гладкая поверхность Ладоги отражала безмятежную лазурь — начало июня, самое тихое время. Ветерки засвистят к середке лета, зашершавят голубое зеркало, замутят блеск...

— Алаборг... — пробормотал Пончик и поерзал.— Это где такой?

— Я доктор? — буркнул Олег.— Я знаю? Не боись, «покупка», не заблудимся... Доведут, куда надо.

Пончик глубоко и тоскливо вздохнул. В «столице» новые рабы не пригодились, и Вольгаст тиун потащил Олега с Пончиком в Алаборг — Нижний город. Поставлен был град сей рядышком со Свирью, которую здесь называли Сувяр, в устье реки Паши, на берегу уютной бухточки за мысом Волчий Нос. Пока лодья дошла, успело стемнеть, и на берег выбирались в потемках. Черный силуэт алаборгской крепости четко выделялся на фоне багряневшего заката. Олег хмуро полюбовался и тем и другим и побрел, куда велено. Пончик тащился следом, причитая.

Имение конунга, куда их определили, располагалось за городом. Надо было, оставляя крепость по левую руку, пройти оба конца Алаборга — Варяжский и Готский — и шагать вдоль Паши по наезженной дороге до святилища Перуна на высоком холме. Суровое изваяние бога грозы и войны рельефно подсвечивали восемь вечных костров. Дорога огибала святое место и выводила прямо к воротам имения-дворища. Из-за частокола-забрала выглядывала крыша высокого терема, этажа в два. К терему примыкала огромная дружинная изба-казарма, к ней — гридница. Хоромы цеплялись друг за друга, а позади еще «длинный» дом построен был, со многими дверьми и покоями — для семейных. Рядом — женский дом, на берегу — корабельные сараи-наусты, повыше — барак для рабов, клети, поварни, ключница на столбах...

— Я так понимаю,— сказал Олег,— что тут у Улеба конунга личное подсобное хозяйство...

— Угу... — тоскливо вздохнул Пончик.

— Ничего,— буркнул Олег.— Как-нибудь выкрутимся...

Покуда его вели по берегу Паши (слева речка журчит, справа лес шумит), Олег повеселел даже, надежды неясные зацвели. Ну трэль, ну

и что теперь? Головой о стенку биться? Биться раньше надо было, и не головой... Хотя, что толку? Ну ущучил бы он Крута, и что? Машина времени появилась бы? До родного бы веку подбросила?!

А только миновали крепкие дубовые ворота имения — тоска еще пуще навалилась. Все вокруг злое, опасное, неприятное и неуютное... Чужое. Совершенно не сочетаемое с Олеговыми помыслами и хотениями. Здесь так: хочешь работать? Вкалывай! Не хочешь? Вкалывай! А не то худо будет! И с Олегом цацкаться тоже никто не собирается — это ему, Олегу, надо приспосабливаться к новому старому миру, применяться к обстоятельствам и терпеть.

Вольгаст тиун подозвал их и повел к бараку для трэлей. Единственная дверь барака была открыта, и из нее несло. Олег, ведомый тиуном, миновал влазню и оказался в халле, то бишь зале «длинного» дома. Два ряда вильчатых столбов поддерживали крышу, а вдоль стен тянулись лавки. В боковые пазы столбов на ночь вставлялись скамьевые доски — на них и почивали трэли. Немудреный интерьер едва просматривался в свете двух догорающих очагов-лангиллов. Северный вариант.

Поворчав для порядку, Вольгаст вытащил истертые, покрытые неглубокой резьбой спальные доски и сунул в пазы по обе стороны от одного столба, другими концами оперев о лавки. Достал с полки овчинные одеяла, сделав немудреный жест: ложитесь! И ушел.

Олег сел на доску и сгорбился. Скоро он так прорастет в тутошнюю реальность, что с трудом поверить сможет в олигархов и скинхедов, в Су-35 и «Клипер»... В маму с папой. В соседку Наташку, которой он платонически спинку тер в бане на даче и сам не заметил, как овладел... Хороший у них тогда вечер получился. И целая ночь. И утро...

Глаза у Олега обожгло слезами. Он вздохнул и промокнул глаза рукавом. Не надо было возвращаться в прошедшее, плохая это примета... А возвращаться в будущее — к добру?.. Прислушавшись, он уловил всхлипы — Пончику было худо. Олег встал и пересел к товарищу. Пончик зажимал лицо руками, раскачивался и тихо поскуливал.

— Господи, господи... — шептал он.— За что? Ну что я такого сделал? Почему я здесь? Я не хочу! Не! Хо! Чу-у!

— Сашка,— одернул его Олег,— хватит нюнить!

— Олег! — трагическим голосом сказал Пончик.— Это же на всю жизнь, я не смогу так! Тут полно микробов, и они по мне ползают — во-от такенные! Я первый раз в жизни ложусь не умытым... А как этим можно укрываться? — Пончик с отвращением, двумя пальцами, приподнял за край заскорузлую овчину.— Меня уже тошнит! Вот, вот, поползло что-то, кусается!

— Да это клоп, наверное...

— А-а! — Пончик стал остервенело чесаться.— Септическое все! Грязь, грязь...

— Ничего, Пончик,— утешал Олег,— а мы — из грязи, да в князи! А?!

— Микробы... — стенал Пончик.— Зараза...

Пончик был невменяем.

Из глубины халле долетел грубый голос — надо полагать, требуя тишины и спокойствия. «Все — спать!» Олег снял мягкие сапоги, смахивавшие на мокасины краснокожих братьев, положил их под скамью и лег. Хотя вряд ли удастся заснуть... Лежа, он невольно слушал многоголосый храп, скрип досок, сонное ворочанье, далекие окрики часовых и незаметно уснул.

Ему приснилась та девушка, что стояла рядом с конунгом. Дочь она ему или кто?.. Девушка была в одной маечке — до пупа — и звонко смеялась, убирая волосы с глаз... Красивая дочь у гардского конунга, глаз не отвесть. Невеста. Заливается смехом беззвучным — глаза сощурены, зубки белые дужками жемчуговыми сверкают... Ишь ты ее — распустила черны волосы, да по белым плечам...

Олег вздрогнул и открыл глаза. Разбудила его азартная хриплая брань. Спросонья Сухов решил было, что он на отцовой даче, а под окнами опять стали табором самодеятельные артисты из театра «Аполло» — народец неумеренно болтливый, среднеодаренный, но корчащий из себя Фаин Раневских и Лоуренсов Оливье. Но, открыв глаза, Олег убедился, что до шести соток семейства Суховых тыща с чем-то лет. Кто-то сипло ревел, а другой голос, визгливый и неестественно твердый, бубнил. Потом вступил третий голос, обращаясь к некоему Ошкую.

Олег сел и протер глаза. Земляной пол холодил даже сквозь заскорузлые носки. Олег зевнул, нагнулся и пошарил рукой под доской. Сунул другую. Свесился посмотреть, куда задевались сапоги. Сапог не было. Под скамьевой доской сидел лишь роскошный кот — белый весь, с рыжим пятном у хвоста. Олег почесал его за ухом. Кот мурлыкнул, выгнул спину и стал точить когти о столб. Так, подумал Олег с тяжеловатостью, упущение. Недобдил.

Он разогнулся... и увидел свою обувку. Точно, его — вон и пятно на левом... Нашлись! Только с нагрузкой. В его сапожки были обуты лапы краснощекого богатыря с мышцами. Ошкуя. А похож... Сам шкафа двухдверного шире, и повадки медвежьи. Глазки махонькие, красные, злые — ну зверь зверем. Глумливо усмехаясь, Ошкуй участливо спросил Олега, видимо интересуясь, не потерял ли тот чего.

Олег лениво улыбнулся и прошел мимо, к двери. Он решил не торопиться. Один раз уже поспешил, хватит... Стянув хабэшные носки, он сунул их в загашник.

— А-а-а! — разнесся по халле вопль.

Олег резко обернулся. Вопил Пончик. Он стоял босиком, дико оглядывался и заходился криком.

— Это не сон! — кричал Пончик.— Это взаправду! Ущипните меня!

Здоровый трэль щипаться не стал. Он отвесил медику увесистую затрещину: «Че орешь?!» Медик обыскал глазами свой материализовавшийся кошмар, нашарил в нем Олега и бросился к товарищу:

— Олег, это девятый век! И те варяги — они тоже были настоящими... Ай! — Он гадливо дернул рукой.— Гляди — ползет! Я же говорил, они тут здоровенные.

— Это блоха,— успокоил Пончика Олег.— Или вошь.

Пончик содрогнулся от омерзения.

— Антисанитария! — выдохнул он.— Грязь везде... О-о!

Во дворе заколотили по билу.

— Пошли, Пончик,— вздохнул Олег.— Нас кушать зовут...

Он вышел во двор и умылся из большой деревянной бочки. За неимением полотенца утерся рукавом. Пончик тоже подошел к бочке, увидел плававших в воде головастиков, отшатнулся и присел к длинному столу под навесом, стараясь ничего не трогать руками.

А на столе томилась в горшках толокняная каша, заправленная жаренным на сале луком... «Не судачок „орли“, но есть можно,— подумал Олег.— А проблемы будем решать на десерт...»

Вот тут он ошибся. Когда дебелая повариха щедро плюхнула каши деревянным черпаком в его шершавую, малость неровную глиняную миску, напротив, через стол, устроился Ошкуй. Гнусно подмигнув Олегу, зажал в кулаке резанную из клена ложку — и пошел наяривать. Олег едва притронулся к каше, а тот уже умолол свою порцию и нагло потянулся за Олеговой. Добавки захотелось!

Тут уж терпение Олега лопнуло. Вся злая муть, почти осевшая за ночь, всколыхнулась в нем. Все унижения вчерашние припомнились, весь нерастраченный гнев. Чудовищным усилием воли Олег погасил в себе ярость, доведшую его до белого каления, и та перешла в холодную фазу, расчетливую и жестокую.

Он привстал, что можно было принять за угодливость, и сам подвинул свою миску Ошкую. А когда тот с ухмылкой перевел взгляд на «добавку», Олег ухватил Ошкуя за нечесаные патлы и резко приложил мордой об стол. Миска раскололась. Ошкуй взревел, подскочил,

размазывая по физиономии кашу и кровь. Трэли тоже слетели с мест — растерянные, испуганные, азартные. Не поняв толком суть происшедшего, они ждали расправы над новичком, предвкушали зрелище, тем паче что «хлеб» уже был умят. Пончик был в ужасе — сжался весь, побледнел, как нервная дамочка, узревшая мышь.

Ошкуй в слепом полете запрыгал к бочке. Глухо рыча, он смыл с лица разваренное толокно и кровавую юшку, наспех промокнул щеки рукавами и повернулся к Олегу. На толстых устах его змеилась нехорошая усмешка. Будто на дыбы вставший медведь-шатун, он злобно хрюкнул и выбросил здоровенный кулачище, метя новичку в голову. И угодил в пустоту. Новичок же ушел с линии атаки, спасая вместилище для мозга, и врезал локтем в спину Ошкую. Метил Олег в почки, да, видать, не попал. Крякнув, Ошкуй прянул влево и заработал короткий удар локтем снизу вверх в подбородок. Амбалу только и хватило, что заметить ледяной взгляд синих, с прищуром, глаз, и тут же в голове у него полыхнули перуны. Трэля отбросило к стене барака и припечатало о бревна. Другой бы на его месте свалился замертво, но в дюжем организме Ошкуя резерву хватало. Он рухнул на колени, затем на четвереньки, помотал стриженой головой и тяжело поднялся. И кинулся молотить новичка кулаками, как вальками лен. Но вот беда — зря тратилась мощь телесная и злоба сердечная. Редко достигали кулачища верткого новичка, месили бестолково воздух, и все.

А Олег совсем в норму пришел. Утоля обиды, он более не испытывал жажды убивать и даже поражался уголком сознания, что подобное желание вообще в нем возникло. Олег решил, что пора заканчивать, и уже отшагнул назад, но тут его вызвали на «бис». С криками и воплями на Олега бросились еще четверо или пятеро трэлей, откормленных на хозяйских харчах. Вторая серия!

...Этого, с пшеничного цвета бородкой и докрасна загоревшими лопухастыми ушами, успокоим ребром ладони под нос — раз! Слезы и кровь у трэля брызнули одновременно. Костяшками пальцев в кадык — два! — и пяткой ладони в подбородок — три! Отдыхай, ушлятый...

— Ы-ы-ы! — рычал бородатый мужик в штопаной-перештопаной рубахе.

— О-ох...

— А-а-а!..

— У-у-у...

«Бороде» влепим кулаком в ухо. Очень способствует...

— И-эх...— тужился черненький, рябой, с волосатыми ушами. Уложим тебя, друг ситный, ногой по яйцам. Охолонись, длиннопятый...

О, сразу двое... От тычка в ухо в голове Олеговой звон пошел. Хороший удар по корпусу чуть было не уложил его, а от хука правой Олег «поплыл». Упав, он нащупал палку от исшарканной метлы и кинулся в бой, орудуя ею, как катаной. «Бороде» он перебил руку в запястье, рябому заехал концом палки в солнечное сплетение, а тут и Ошкуй подскочил, от души замахиваясь. Пончик подлетел, держа обеими руками кринку из-под молока, и обрушил ее богатырю на голову — только осколки брызнули. Ошкуй шлепнулся на монументальный зад. Олег уткнул ему палку в горло, под страдальчески кривящуюся рожу, надавил и держал так, пока не вернул свою обувку.

— Спасибо... Пончик,— выговорил он, отпыхиваясь.

Тут как плетью ударил хозяйский голос. Вольгаст тиун вышел из-за угла и сурово насупил брови. Послушно опустились руки, разжались кулаки, поникли головы. В глазах рабов трусливо попритухли воинственные огоньки. «Строиться!» — сделал тиун жест, понятный без долгого перевода.

Трэли поспешно выстроились у стены барака. К Пончику вдруг подошла красивая рабыня-тир, оглядела сурово и увела. Тот, было, подергался, вяло сопротивляясь,— бесполезно. Утащила.

Вольгаст тиун вытащил бересту, исписанную рунами — «чертами и резами»,— и стал зачитывать тонким, но сильным голосом. Олегу эта сцена живо напомнила кадры из «Операции „Ы“», где милиционер оглашал весь список работ для «хулиганов, алкоголиков-тунеядцев». Правда, в яви было не так смешно...

Человек двадцать трэлей — с ними и Олега — построили и повели со двора. Следом за рабсилой тронулась телега, груженная орудиями труда — топорами, молотками, колотушками, теслами, скобелями, коловоротами, стамесками... Под конвоем двух скучавших гридней колонна потопала берегом Паши. Мимо кузни, откуда тянуло запахом угля и горячего металла, мимо огромного корабельного сараянауста, мимо идола, искусно вырезанного из дерева, мимо остова будущей лодьи с частыми, изящно гнутыми шпангоутами. Это мерное движение в строю напомнило Олегу виденное в каком-то фильме: энкавэдэшники гонят зэка по этапу.

Шли долго, лес делался все глуше, а деревья будто соревновались между собой, какое выше вырастет,— стволы в три-четыре обхвата поднимали кроны к облакам.

Вольгаст тиун завел трэлей в самые дебри и указал на ствол ясеня, отмеченный крестом. Трэли покричали, разбираясь, кому первому рубить, и вытолкнули двух дюжих мужиков, кряжистых и длиннору-

ких. Подхватив топоры, парочка подошла к ясеню и глянула вверх. Олег посмотрел туда же. Дерево с метр в поперечнике уходило в вышину круглым обелиском. Выросший в густом лесу, ясень весь свой срок тянулся к свету, почему и не имел нижних ветвей — добрые из него доски выйдут, крепкие!

Вольгаст тиун погладил ствол, бормоча непонятные молитвы, потом отошел в сторонку и положил на плоский камень горбушку хлеба со шматом сала. Олег сглотнул. Увы, угощение было не ему, а древесной душе, чтобы ей не так обидно было, когда срубят ясень...

Тиун отдал команду, и кряжистые взмахнули топорами. В комто из трэлей проснулась совесть, и вышел третий лесоруб. Частый стук пошел гулять по лесу. В шесть крепких рук рубили стройный ясень.

Один из кряжистых вскоре отошел, отдуваясь и утирая пот, и его топором завладел Олег. Желающих поработать не было, но тиун строго следил, чтобы очередь никого не миновала.

И вот, наконец, древесина издала глухой треск, ясень повело к северу. Все дружно загомонили, упираясь в ствол руками и клоня его в противоположную сторону. Север — это холод и прочие несчастья, нельзя, чтобы дерево ухнуло верхушкой на полночь! Кто ж тогда доверится доскам из ясеня, отягощенным злом?!

Боги помогли — дунул ветер, листья зашумели, и дерево откачнулось к югу, стало клониться (звонко лопались последние волокна), и вот наклон лесного великана перешел в падение. Сшибая сучья и ветки с соседних дерев, ясень рухнул, давя подлесок. Трэли отскочили, спасаясь от подпрыгнувшего комля, и заорали, разбирая топоры,— настал черед рубить верхушку и прочие выступающие части.

Олега Вольгаст тиун приставил ошкуривать бревно, обдирать кору с влажного и скользкого ствола. «Стахановец, блин,— думал Олег урывками,— гвардеец пятилетки! Чего ради я тут корячусь? Почетной грамоты от конунга добиваюсь?..»

Мысли его перебил треск веток. Наскоро утерев потное лицо, Олег обернулся. Нет, это был не медведь. По прямой, через кусты, обирая с себя паутину, брел Пончик с пустым берестяным коробом. Лицо у него было разнесчастное.

— Что еще не слава богу? — проворчал Олег.

— Ой, ты не представляешь даже, какой это был позор! — запричитал Пончик.— Угу... Та девушка числится здешней лекаркой, травницей и ведуньей... Угу... Чара — так зовут ее...

— Ну? — подбодрил его Олег.

— Ну, привела она меня в сарай какой-то, там везде травы развешаны, и называет их — внятно так, четко, чтобы я понял: одолень-трава, пух-трава, зверобой, любистра, чистотел... Угу... И показывает — любистры два пучка, чистотелу одного хватит... Господи, да я ж первый раз в жизни эти травы видел... Я и знать не знал, что есть такие! С шиповника они только плоды берут, ягоды малины сушат, с другого растения одни цветочки собирают, кору какую-то снимают... Жир медвежий, жир барсучий, струя бобровая... Угу... Вместо снотворного — маковый отвар... А знаешь, где они антибиотики берут? Плесень с масла соскабливают! Господи! — с отчаянием сказал Пончик.— А я ж ничего этого не знаю... Совершенно! Вон, Толстой писал, как дамы из высшего общества щипали мох-корпию, у него вроде как антисептическое действие... А как я его найду? Ну откуда я знаю, как эта корпия выглядит? Вот,— вздохнул Пончик, приподнимая короб,— услала меня в лес, крапиву собирать. Ее-то я узнаю сразу...

— Ничего, Пончик,— вздохнул Олег,— освоимся...

Тяжко воздыхая, Пончик убрел в заросли.

— Смотри не заблудись! — крикнул ему вослед Олег.

— Ладно... — донеслось из-за дерев.

День был жаркий, в лесу парило, и Олег быстро взопрел. Скинув рубаху, пока не провоняла, он набросил ее на сук... и застеснялся своего белого, сытенького тела. Мышцы вроде имеются, но обросли жирком, а там, где полагалось быть прессу, набрякли две складки... Олег ругнулся про себя и бросил взгляд на гридней-конвоиров. Те тоже поскидывали лишние одежды и щеголяли сухим рельефом. Узкие бедра и широкие плечи — истинно мужские фигуры! Хоть сейчас в стриптизеры...

А гридни, изрядно заскучавшие, вырубили себе по увесистой палице и тешились, фехтуя. Олег зачарованно следил, как чертятся мгновенные дуги, как череда ударов и отбивов сливается в размытое мельтешение. И уже лучше понимал, почему трэли с топорами не глядят в сторону воинов, а о том, чтобы замахнуться, даже не думают. Любой из гридней был способен расправиться со всей «бригадой» — уложит каждого по очереди и даже не запыхается...

Из унылых дум его вырвал невежливый тычок. Олег обернулся и увидел одного из кряжистых, кажется, Фарлофа. Трэль протягивал ему кувалдочку — дескать, смени, притомился я. В глазах Фарлофа светился тревожный огонечек, но Олег «выступать» не стал, кивнул только и принял молот.

Откатив в сторонку бревно метров пяти или шести в длину, трэли взялись разделывать его на доски — вбивали клинья по касательной и кололи. Олег принялся охаживать клинья. Оглушительный стук переполнил лес и поднял в небо стаю всполошенных птиц. А бревно затрещало протяжно, да и распалось на две половинки. И опять надо было вбивать клинья, раскалывая ствол на четвертинки, на осьмушки... Пот с Олега не капал — стекал жгучими струйками, зато аккуратным штабелем возлегли два десятка неровных досок. Оструга́ют их топорами, выгладят теслами да скобелями и сладят крепкую обшивку для лодьи. Проложат швы смоленным волосяным шнуром, сплотят стальными заклепками, прошьют моченым еловым корнем, и никакие шторма не будут страшны кораблю! Ударит волна в борт — только гул пойдет!

Трэли неожиданно загалдели — услыхали стуки и грюки горшков, подвозимых на телеге. Обед!

Олег бросил молот на громадный пень и потряс натруженными руками, распрямил спину. Ох и умотал его рабский труд... Если тут и кормежка такая, что пса стошнит, значит, надо мотать отсюда!

Трэли, отбывавшие «наряд на кухне», протащили через заросли пару носилок с горшками и плошками, а толстая повариха волокла здоровый жбан квасу.

Горшок, врученный Олегу, был горяч, а уж запах, щекотавший ноздри, явно исходил не от баланды или иного хлебова. Сухов колупнул варево... Мясо! Разваристое мясо, с подливкой, с кореньями, с травками душистыми... Лучок угадывается... И бобы! «Эге! — подумал Олег весело.— Да на таких кормах, с такой-то работенкой, я тут быстро мускулюсы накачаю!» Мясцо с бобами он умял и потом долго цедил квасок из щербатой кружки. Хорошо!

Трэли разбрелись, разлеглись на травке. Гридни, откушав вместе с трэлями, уселись под сосной играть в тавлеи. Повариха, собрав посуду, убрела, и слышно было, как гремят в отдалении пустые горшки.

Олег лежал и наслаждался. Правда, недолго. Вредная натура толкала разомлевший организм на подвиги, дух бунтовал. «Что, так и будешь в трэлях числиться? — спросил себя Олег.— План перевыполнять, да? В ударники феодального труда выбиваться?» Сцепив зубы, он сел. Потом встал. Нашел подходящую жердину и выстругал себе боккен — деревянный меч. С таким тренировался сам Миямото Мусаси [1], а уж ему сами боги велели. И, вдобавок, сделаем ясеневую катану тяжелей обычного — хорошее упражнение для руки! Он не нани-

[1] *Миямото Мусаси* — великий японский фехтовальщик.

мался всю жизнь холопствовать! Конунгу бы послужить, в дружине его... Да кто ж такое чмо в строй поставит?!

Олег отошел за купу елочек, стараясь не оглядываться на гридней,— вдруг подумают, что это попытка к бегству? Выйдя на крошечную полянку, Олег остановился. Вздохнул — руки ныли — и начал. Сунув боккен за ремень, он расслабился.

Ему никогда не победить варяга или викинга в бою. Таких, как он, потребуется дюжина, чтобы сладить с одним «тигром моря»! И сколько бы он ни тренировался, ему никогда не достичь совершенства, никогда не сравняться со здешними мастерами меча! Надо было с малолетства овладевать искусством боя, как это делают в Гардарике и в далекой стране Ямато. Так что же, все зря?

Олег медленно вдохнул и потянул боккен на выдохе. Есть только один способ преуспеть в этом мире — стать быстрее! Иайдо — так называется искусство мгновенно обнажать меч и тут же наносить удар. Как на Диком Западе! Ведь, когда двое ковбоев-ганфайтеров сходились в поединке, побеждал не тот, кто лучше стрелял, а выхвативший кольт первым! И моментально жавший на курок. Иайдо... Говорят, первым искусником стал самурай, желавший отомстить более опытному воину. Вот и ему надо научиться выхватывать меч раньше, чем его противник коснется рукояти своего клинка! Опережать врага на долю секунды и разить без промаха. Просто не давать противнику времени победить! Если же он промешкает, его убьют.

Олег выхватил деревянный меч, как только мог быстро, перебарывая истомленные мышцы. Боккен описал дугу и со свистом рассек воздух по вертикали. Медленно, тролль тебя дери, медленно! Нормальный самурай наносил по три полновесных вертикальных удара в секунду!

Олег выбрал «врагом» пушистенькую елочку и нанес ей подрезающий удар с обходом вокруг. Перехватился на обратный хват и вонзил боккен в сгущенье хвои. Прошелся, ступая коротким приставным шагом, обрушивая меч на бедное хвойное дерево, едва нога касалась земли. Европейским мечом так не ударить — тот же варяг или викинг бьет с «проносом», клинок тащит руку за собой, накопив инерцию. А с катаной иначе — тут рука ведет меч, и лезвие останавливается там, где хочет воин. Если же удар не пришелся в цель, тут же наносится следующий.

Сухов, задыхаясь, сунул боккен за ремень. Развернулся, выхватил меч, рубанул... И только потом заметил стоявшего на краю поляны верховного правителя Гардарики, Улеба конунга. Конунг стоял, сло-

жив руки на груди, и смотрел с изумлением на странного трэля. Олег уставился на конунга, не отводя глаз, бурно дыша, чувствуя, как щекочуще стекают капли, как оттягивает руки деревянный меч.

Конунг ничего не сказал, не усмехнулся даже. Повернулся и ушел. А Олег обтер мокрое лицо ладонью и пошел доканывать елку.

Глава 5

1

Наступила зима. Весь Альдейгьюборг копотел дымами. Лодьи переселились в наусты и грезили о далеких теплых морях, воды которых не знают льдов.

А после Йоля [1] свету стало прибавляться с каждым новым днем. Солнце начало пригревать, снега рыхлели и таяли, затокала капель, затрещали льдины и тронулись, с грохотом и скрежетом поползли по течению Олкоги, сплавляясь в холодное Нево. Вернулись птицы, проснулась трава, полезла из парящей земли, радуя глаз первой зеленью. Вешние воды слились, леса буйно зазеленели, зацвели, запахли. Подступило лето 859-е по Рождеству Христову...

Для Олега с Пончиком год не тянулся скучной чередой дней, он пролетел мимо скорым поездом, только окна мельтешили. Работы навалилось — успевай поворачиваться! Пончик рьяно постигал науку «травологию», все пуще томясь по гладкому и гибкому телу Чары, в которую втюрился, как юныш. А Олег заматерел — жирок спустил, мясом зарос. Еще бы! Сколько лесу повалено да на доски распущено! А зимой березу рубили, дуб и ольху — на дрова. Чем не бодибилдинг? Больше Олега не задевали — трэли чуяли исходившую от него опасность. Олег шагом ступал скользящим, пружинящим, как котяра. В движениях проявились точность и мера. Да и то сказать — десятки деревянных мечей изнахратил за минувший год. А потопчись-ка каждый божий день с боккеном, по капельке, по бисеринке прирастая

[1] *Йоль* — праздник, отмечавшийся в самую длинную ночь, на 23 декабря.

умением! Ползешь, как та улитка по склону Фудзи — вверх, вверх, до самых высот! Но толк был.

А в начале лета Олега «перевели» в Альдейгьюборг и приставили молотобойцем к кузнецу Веремуду, сыну Труана.

— Выкуешь меч моему хольду,— распорядился Улеб конунг, протягивая пустые ножны.— Харалужного с тебя не требую, но чтоб добрый клинок был!

— Понял, конунг,— поклонился Веремуд, плотно сбитый, налитой здоровьем мужик. Ножны он сунул под мышку.

— Лады. Олег тебе с ковадлом поможет...

Кузнец молча поклонился, не особо, впрочем, прогибаясь, и повел Олега за собой. Вольгаст тиун двинулся следом.

— Ты уж расстарайся,— ворчал он по дороге.— Проверяет тебя конунг, разумеешь? Знать хочет, что за руки у тебя... Вдруг да не оттуда растут?

Веремуд кивал только. Кузня обнаружилась за городом, за большим подворьем Улеба конунга, зовомым Бравлинсхов — двор Бравлина. Идти было далеко — чащоба поглощала дворовые стуки, а гогот сотен рабов и свободных работников заглушался пением лесных птиц. К лучшему, подумал Олег. Устал он от коллектива.

Кузня была совсем новой — толстые, не тронутые дождями бревна отдавали изжелта-белым. Из открытых настежь дверей доносилось звяканье и бурчание: «Навалят всего, навалят... бур-бур-бур... ищи потом... бур-бур-бур... Ну вот, кто сюда поклал?!»

— Это ты, Валит? — позвал Веремуд.

— Я...

Из кузни вышел мрачного вида юнец. Был он в лаптях и онучах поверх портков с заплатами на коленях. Рубахи на нем не было, только оберег в виде молоточка свисал с кадыкастой шеи и болтался на тощей груди. На лицо юнец тоже красавцем не был — скуласт, ушаст, носат. Серые глаза из-под белой челки глядели угрюмо и колюче — только тронь!

— Подмастерье мой,— сказал Веремуд, обращаясь к Олегу,— Валитом звать.

— Валит, сын Ниэры из рода Лося! — звонко отчеканил помощник.

Олег счел за лучшее улыбки не показывать и отрекомендовался:

— Олег, сын Романа.

Валит кивнул довольно безразлично — очень надо, мол, со всякими трэлями знаться. Мы и сами из таковских и носы не дерем-с...

— Ты про меч не забудь...— проворчал тиун, собираясь уходить.

— Я помню,— сказал Веремуд терпеливо.

— И вот еще что...— Тиун замялся, взглядывая на Олега, покопался в бороде, но все же договорил: — Смотри, в бега не подайся. Гридни — это тебе не трэли, не отмахаешься... Им — забава, тебе — погибель. Понял меня?

— Понял,— буркнул Олег.

— Вот и хорошо, что понял...

Валит с любопытством посмотрел на Олега, но ничего не сказал. Вот, характерец...

— Ты... этот... ингрикот? — спросил Олег, лишь бы спросить.— Ижор то есть?

— Я карел! — отчеканил Валит.

— Ну и что ты на меня вызверился? — сказал Олег с внезапным раздражением.— Спросить уже нельзя?

— Почему нельзя...— увял Валит.— Можно...

— Ты не обижайся, если чего ляпну,— помягчел Олег.— Я тут получужой, обычаев ваших не знаю... Уразумел?

— Уразумел! — приободрился Валит и улыбнулся краешком губ.— А что за меч? — спросил он Веремуда.— Тиун говорил...

— Конунг наш заказал...— пробурчал кузнец.— Меч, говорит, надобен. Вынь да положь ему меч. А из чего я его сделаю? Ты не смотрел — железки тут есть какие-нибудь? Прутки, там, проволока, поковки?

— Здесь-то пусто. Может, на старой кузне пошукать?

— Ну, пошли пошукаем...

Старая кузня на берегу мелкого прудика не сгорела, как думал Олег, просто старая была — нижние венцы сгнили совсем, крыша на одном честном слове держалась. Но заготовок Веремуд нашел в достатке — и прутки сыскались, и полоски кованые, и даже два ржавых стилета с обломанными остриями. Как их только не сперли...

— Значит, так,— решил Веремуд.— Ты, Олег, молотом машешь, ты — меха качаешь. И чтобы не ругались! А то железо всю злобу впитает и худым выйдет!

Вернувшись, запалили горн. Валит качал сипящие мехи, а Олег приноравливался к тяжелому молоту-ковадлу.

Веремуд выбрал железные и стальные полосы и прутья, поскручивал через один, разогрел и много раз проковал на наковальне, вбитой, будто в станину, в подковку — громадную, неподъемную колоду. Лязгал молот, бухало ковадло, сыпали искры. И снова Веремуд складывал

плетеную заготовку, перекручивал в штопор, собирал гармошкой, резал вдоль, опять скручивал и проковывал, проковывал, проковывал...

Валит тоже участвовал в технологическом процессе — жилясь, качал сипящие мехи да натужно бормотал молитвы и заговоры. И, видать, помогало! Плющилась покорно плетенка под ударами молота, ворочалась, сжатая клещами, огрызалась окалиной, но все более и более обретала форму меча.

Пополудни, отковав клинок начерно, Веремуд вытянул рукоять, выстругал дол — срединный желоб на лезвии, облегчавший меч, и доделал, что попроще,— набалдашник, перекрестье. Вбил в горячее лезвие инкрустацию проволокой: «Веремуд» и отполировал голомень — плоскую сторону меча. После травления на темно-сером фоне клинка проступил узор «елочкой».

— Харалуг! — выдохнул Валит.

— Дамаск,— поправил Веремуд самокритично. Он покачал меч в руках — пахнущее жженым углем холодное оружие. Едва ли не в метр длиной, меч чуток сужался к острию. А дол словно подчеркивал грозную убойную силу клинка. Не хухры-мухры!

— Слышь, дай попробовать! — не удержался Олег.

Веремуд удивился, но теплый меч молотобойцу вручил. Олег приставил клинок череном к глазам и полюбовался прямизной отточенного лезвия. Хоть сейчас в бой! Нацепив пояс с ножнами, Олег вышел на воздух. Помахал мечом, примериваясь, и исполнил «бой с тенью». Валит в полном восторге следил, как губительная сталь сечет воздух, разрубая тень ворога и с того, и с этого боку, спереди смахивая голову, разя косым ударом за спину.

Меч гудел, блистая на свету, а Валиту казалось, что не «солнечные котята» сигали в траву, а лучи валились, словно спелые колосья, подрезанные серпом.

Олег резал пространство короткими дугами и упивался податливостью оружия и своею мерой владения им. Высверк. Мах. Высверк. Тень. Мах. Высверк. Меч завертелся пропеллером и замер, указуя в зенит. И сразу — звенящая тишь повисла в пропахшем хвоей и дымком воздухе. Но ненадолго.

За деревьями в стороне пруда вскрикнула девушка. В крике различались гнев и страх. Послышалось натужное «Отстань!», перебитое звонким ударом. «Дерется еще! — воскликнул веселый баритон.— С-сучка!» Грянул хохот в две глотки.

Олег сунул меч в ножны и поспешил к пруду — нельзя девочек обижать!

Ржали два гридня, шрамолицый и толстомясый, явно близняшки. Рожи сытые, довольные, плечи в обхват. Нет, не гридни это, подумал Олег. Скорее, просто охрана. А голос подавал рослый, сильный мужчина лет сорока. Кафтан из дорогого бархата обтягивал мощный торс, расшитые сапоги оставляли в мокром песке широкие следы. Чрезвычайно крупные черты лица, мясистый нос, мохнатые щеточки бровей а-ля Брежнев, похожий на утюг подбородок выдавали натуру жестокую и злобную. Он пытался завалить на травку стройную блондинку в простенькой рубахе, сильно оттопыренной грудями и западавшей в талии. Сорванная понева валялась под ракитовым кустом.

— Отстань! — яростно шипела блондинка и, заметив Олега, закричала: — Помоги!

Применив силу, мужик, сопя и потея, повалил девушку на траву. Блондинка извернулась, согнула ноги и так пиханула насильника, что тот отлетел на пару шагов. Девушка вскочила, и Олег тут же встал между нею и мужиком.

— Отдай меч, пес смердящий! — приказал тот, не рискуя, однако, приближаться.

— Это Вадим,— услышал Олег шепот девушки,— ярл ильменский!

Олег заметил испуг в ее голосе и перекинул меч с руки на руку.

— Живо! — рявкнул ярл.

— А ты отними! — промурлыкал Олег.

Бодигарды переглянулись. Хозяин процедил: «Взять!» Шрамолицый картинно взялся за рукоять разукрашенного каменьями меча византийской работы и двинулся рубать языкастого раба.

Олег подобрался, пошире развел ноги, медленно вдохнул и выдохнул. Сдаст он или не сдаст экзамен по иайдо?..

Он опустил ладонь на рукоятку Веремудова меча, и... Шрамолицый, щеривший мелкие белые зубки, не заметил даже, как противник выхватил меч. Просто сверкнула радужная дуга, и отточенное лезвие ощутимо приложилось к шее. Шрамолицый, не успевший и меч из ножен потянуть, замер, выпучивая глаза. Только двинешься, и клинок раскроит кожу, отворит вену...

— Медленно расстегни пояс,— проговорил Олег.

Шрамолицый судорожно сглотнул, и по шее у него стекла тонкая струйка крови. Он посерел. Дрожащими пальцами разъял застежку. Меч в ножнах вместе с поясом упал на землю.

— Пять шагов назад,— ледяным тоном приказал Олег.

Шрамолицый послушался, тараща круглые глаза, осветленные ужасом.

Вадим с горловым криком бросился на Сухова, со свистом обрушил на него клинок — отличный ромейский клинок, грозящий непокрытой головушке Олега... И тут же встрял третий меч, отбивая удар,— клинок ярла только ветерком достал Олегову щеку и со скрежетом отлетел. И снова налетел. И замер, пойманный в трех ладонях от потного лица Олега.

— Кончай,— сказал лениво знакомый голос.

Олег узнал Крута. Хольд стоял, подняв клинок. Вадим зарычал и рубанул ромейским мечом наискосок.

Увесистые лезвия ширкнули и сцепились коваными крестовинами — одна простенькая, выложенная серебром, а другая в виде двух золотых змеек со злющими глазками из рубинов. И вновь распались клинки. Однако ярл горазд рубиться!

Поединщики кружились по утоптанной площадке. Удар. Отбив. И разукрашенный клинок со звоном, вертясь и вихляясь, улетает в кусты. Крут молча указал дорогу:

— Уходи! Людям работать надо...

Но уже грузно топал Толстомясый с уродливым носом, и меч его покидал ножны.

— Пре-кра-тить! — прокаркал голос тиуна.

— А ну, брось меч! Ты, двойня! — добавился подрагивающий теноpок Валита.— Не то стрелу схлопочешь!

Валит стоял на тропе, сжимая тугой лук.

Его обошли Веремуд и трое молчаливых гридней. Блондинка незаметно ушла.

— Ваш раб напал на меня! — в бешенстве закричал ярл.

Тиун строго глянул на Олега. Строго, но не зло.

— На хрен ты мне сдался, нападать на тебя...— проворчал Олег, отворачивая голову.

Борода Крута зашевелилась улыбкой.

— Веремуд меч ковал, ну а я вынес поглядеть — по руке ли, а тут эти... К девчонке приставали... — пробурчал Олег и сглотнул пересохшим горлом. Тело его, напряженное до судорог, отмякало. Заполошный перестук сердца входил в обычный ритм. Пронесло...

— Это Рада была,— сообщил Валит,— дочка Ярунова! Она работает у нас!

— Да в мешок его, и в реку! — проорал Вадим.

Тиун нахмурился.

— Конунг волен в трэлях своих,— сказал он сдержанно,— но будь спокоен... ярл... Олега мы накажем.

Ярл усы встопорщил, но сдержался.

— Ла-адно...— процедил он и широко зашагал прочь. Гридни расступились, пропуская его.— Мы еще встренемся...— пообещал Вадим, оборачиваясь, и бросил меч в ножны.

— В любое время,— улыбнулся Крут.

Шаги стихли, и Валит опустил лук. А тиун посмотрел на запаренного Олега, усмехнулся в бороду. Покачал головой и сказал:

— Твое счастье, трэль, что Вадима ярла конунг не жалует особо. А то было б тебе... Всыпали бы плетей, да так, что спину новую пошел бы искать. Ну-ка...

Он протянул руки, и Олег вложил в них меч.

— Ха-арош!..

Тиун любовно провел пальцем по долу, щелкнул пальцем и, жмурясь, заслушал тонкий звон.

— Хорош,— повторил он и передал меч смуглолицему гридню с раскосыми глазами и жесткой черной гривой.— Оцени, Булан.

Булан положил меч на голову и пригнул. Отнял. Клинок распрямился, и сын степей одобрительно зацокал языком.

— Гляди, Олег,— проворчал Крут.— Вадим скользок, как глина после дождя, и подл, как хорек. Ярл будет мстить...

— А что он тут, вообще, делал? — спросил Олег.

— Дом у них тута, на Варяжской улице...— пробурчал тиун и зыркнул на Крута.— Может, Вадим и подл, и сварлив не по делу, но он — ярл!

Крут молча усмехнулся: понимаю, мол, твое положение — служба!

— А где Вадимово ярлство? — спросил Олег.— В Новгороде?

— В каком еще Новгороде? — удивился тиун.— В Гадаре он сидит, у Ильмерь-озера. И все конунгом себя мнит... Веремуд! На-ка вот лучше, займись...

Тиун вытащил из сумки большую ржавую кольчугу.

— Великовата больно,— объяснил он заказ,— заузить надобно. Вот, мерку возьми...

Веремуд растянул шнурок с узелками по размеру и ухватил тяжелый ком скрипящих стальных колечек.

— Сделаем,— кивнул кузнец.

— Дозволь сперва на озеро сбегать,— попросился Олег,— взопрел я!

— Сбегай...— проворчал тиун, поворачиваясь к тропе, и добавил через плечо: — Но помни, что я тебе говорил!

— Я помню,— усмехнулся Олег. Он пошел в обход пруда, к старой кузне.

Запруженная стоячая вода хорошо прогревалась на солнышке, но был водоем сей мелок и заилен — больше испачкаешься, чем освежишься.

Душа Олегова и рассудок его, все мысли и все чувства понемногу приходили в равновесие с тишиной и красой окрест. Вадим — прах, мелочь! Тут другое. Олег стоял на самом пороге понимания русов здешних, готов и вендов, клявшихся секирой Перуна и молотом Сварога, нещадно рубивших неприятеля — и винившихся перед деревом за то, что употребят ствол для новой избы... Эти люди жили в мире с землей и небом, с солнцем, со всем космосом, ведали их жестокие законы и не преступали их, поелику были плоть от плоти мироздания и живой и мертвой материи его. А все их верования, подчас трогательные, иногда пугающие своим немилосердием, были всего лишь средством сохранить гармонию в себе и вовне. Рьяные попы не крестили пока Русь, прекрасную варварку, и не успели внушить еще населению этих лесов, полей и рек, что они — рабы Божии, венцы творения и цари природы, а посему все дозволено. Здешние народы не примеряли корон и мантий, они считали себя ровней и зверю лесному, и дереву, и облакам, свету дневному и лунному. Они не покоряли природу — они были ею и жили с ней в ладу.

Олег вышел на берег озерца. Ветер стих, и зеркало вод отразило высоченные сосны, индиговое небо с ватой облаков и песчаную оторочку берегов. Вода была не теплой, но и не шибко студеной — в самый раз. Олег совлек с себя порты и, гол как сокол, нырнул в озерцо. Холод обжег кожу и нервы, водица смыла пот трудовой. Олег доплыл до того берега, развернулся, словно в бассейне на соревнованиях, и рванул обратно. Выйдя на берег, он растерся ладонями и стал, руки в боки, обсыхать на ветерке. «Какой лес все-таки...» — подумалось ему. Русская народная сказка. Тут дерево в обхват и за дерево не считается. Так, деревце... Представитель флоры. В его родном времени Ладога тоже вся «в лесах», но там почти все выпилено еще при Петре. А тут... Вон, дуб на опушке — чисто баобаб! Его и обойдешь-то не сразу, не то что обхватишь. Лет пятьсот тому дубу, если не больше. Во времена дерзкого набега Эрманариха это древо уже выше крыши зеленело, должно помнить нахальных готов. И русов, которые тем готам всыпали, чтоб не лезли, куда не просят...

В следующий момент все его мысли как ветром раздуло — Олег услышал плеск воды и нежный смешок. Не веря глазам, испытав взрывную радость, он увидел давешнюю блондинку, выходящую из воды,— голую и прекрасную. Бикини в эту пору еще не изобрели, да

и комплексы християнские — чтоб срам прикрывать — пока не попортили духовного здоровья. Купались все вперемежку, не разбирая полу и чину, и гимнофобией не страдали.

Девушка вышла на берег в двух шагах от Олега и завернулась в шаль, оглядывая молотобойца полунасмешливо-полувосхищенно и приводя его во все большее волнение. Рада...

— Спасибо тебе,— проговорила она. Словно хрустальный колокольчик прозвенел...

— Да не за что...

Девушка фыркнула и, перекинув волосы на грудь, принялась обжимать пряди.

— Как я посмотрю,— сказала она, лукаво косясь на Олега,— ты доволен жизнью?

— Жизнью?..— переспросил Олег и пожал плечами.— Доволен, пожалуй... Мне только мое место в ней не нравится.

— А-а!..— протянула девушка. Она растрясла волосы и откинула их за спину.— Значит, в трэлях тебе не по нраву? Это хорошо...

— Почему? — пробормотал Олег, не сводя глаз с подрагивающей груди девушки.

— Ну, что не ошиблась,— просто ответила Рада.

Олег отвел глаза от ее ножек, но никакие деревья, даже в десять обхватов, не могли удержать его взгляда. Зрачок вновь и вновь возвращался, скользя по гладким плечам, вприглядку оглаживая их, трогая зрением коленки, вскидываясь на хорошенькое личико — прелестный юный овал, где по-детски пухлые губки сочетались с умными синими глазищами. Сколько ей лет, интересно? Двадцать? Не, молода больно...

— Люди делятся на рабов и на кесарей. Знаешь про таких?

— Читал,— коротко сказал Олег. По его мысли, одуряющая, ослепительная красота Рады в данные, вялотекущие мгновения не вязалась, вразрез шла с любомудрием.

— Ты умеешь читать?! — изумилась Рада.— Ну надо же... А, я не договорила. Ты меня слушаешь? Люди-рабы могут носить длинные волосы и жить во дворцах, но в душе оставаться стрижеными трэлями. Слабы они потому что и трусливы. И лень вперед них родилась. Таким хозяин потребен для полного счастья, чтобы думал за них, кормил и защищал от напастей. А вот люди-кесари, пусть даже они в навозе по колено, могут возвыситься, потому что они сильные и храбрые. Все хотят лучшей жизни, но только люди-кесари не ленятся ее добыть...

Рада посмотрела на Олега серьезно, склонив головку к плечу, будто не замечая даже, как действуют на него ее красы.

— А ты какой-то непонятный...— тихо проговорила Рада.— Странный... Будто в промежутке. Не трэль, не кесарь, а так...— и выпалила, не выдержав философического тона: — Ты думаешь выкупáться или нет?!

— Обязательно! — вздрогнул Олег.— Сотню с чем-то дирхемов я уже насобирал... Ближе к зиме верну конунгу все до последнего даника!

— Посмотрим, посмотрим...— протянула Рада улыбчиво и добавила с некоей потаенной эмоцией: — Каждый трэль может стать свободным карлом, карл — выйти в ярлы, а ярлу прямая дорога в конунги. Но все почему-то обходят этот всход...

— Я стану карлом,— твердо сказал Олег.— И обязательно выйду в ярлы.

— Посмотрим, посмотрим...— заулыбалась Рада.— Олег ярл!

— Какая ж ты...— пробормотал Олег, не находя слов для выражения.

— Какая? — кокетливо, якобы не понимая, спросила девушка.

— Красавишна! Сил нет! Сколь лет тебе?

— Семнадцать зим... будет,— улыбнулась красавишна.— А тебе?

— Двадцать девять... осенью стукнет.

— Ага... Ну, пока...— И девушка помахала Олегу, перебирая пальчиками.

Он смотрел, глуповато улыбаясь, как покачиваются неприкрытые шалью загорелые ягодицы, как Рада ступает босыми ногами по тропинке, как оглядывается, и из-за гладкого плеча выступает шелом груди, как опускает взгляд и выгибает губки в очаровательной хулиганской улыбке. Олег посмотрел вниз. Да-а...

Вздыхая и прислушиваясь, как за кузней шелестит шелк и шуршит тонкое сукно, он натянул штаны.

Мир для него изменился и стал другим. Потрясающе красивый мир, кристально чистый мир! Он уже любил его, правда, без взаимности. Ну и ладно, обойдемся... Рабство? Пустяки, дело житейское! Где моя кубышка?! Я вам столько всего тут понаделаю, товарищи варяги, столько понапридумываю... Да у вас серебра не хватит со мной рассчитаться! И я куплю себе свободу, оптом или в розницу, и еще останется на мунд [1] за невесту! Или вено? Короче, калым!

---

[1] *Мунд* — выкуп родителям. То же самое, что вено у славян или калым у тюрков.

Олег возвращался в кузницу почти бегом, разгоряченный то ли свиданием, то ли блестящей будущностью. Сильнейшее желание действовать бродило в нем, распирало мышцы и мысли.

У кузни на ошкуренном бревне сидел Валит и с прежним мрачным выражением уплетал что-то аппетитное из горшочка. Рядом с ним пристроилась молодая еще женщина в старенькой рубахе и в чем-то наподобие сарафана на лямках, только не сшитого по бокам, а перепоясанного. Удерживался сарафан парой бронзовых фибул, похожих на скорлупки грецких орехов.

Олег обратил внимание на лицо женщины. Скуластенькое, с заостренным подбородком, оно было довольно-таки симпатичным. Глаза, как у Валита,— серые. Нос, правда, великоват, но губы красивого очерка искупали сей изъян. Волосы женщины были завязаны в узел и спрятаны под платок, повязанный банданой. По тому, как женщина смотрела на Валита, можно было понять, что это ее сын. Завидя Олега, стремительно шагавшего к ним, женщина испуганно привстала. Олег успокоил ее жестом — свои, мол.

— Здрава будь...— начал Олег, выжидательно уставившись на сероглазую.

— Кайсой меня называют,— торопливо представилась та, порываясь встать.

— Здрава будь, Кайса.

— И тебе поздорову...

— Олег,— отрекомендовался Сухов и спросил бодро: — Что, перерыв на обед?

Кайса смущенно кивнула и отвела взгляд.

— Вот, поесть принесла для Валита,— сказала она скороговоркой.— Присоединяйся, Олег...

— Спасибо, я уже ел,— соврал Олег. Не хватало еще Валита объедать.

— Да тут много...— засопел Валит, отрываясь от горшка.

— Ты лопай, лопай,— присоветовал ему Олег.

Кайса жалостливо посмотрела на сына:

— Надорвешься еще...

— Мама! — ломким баском укорил ее Валит.

— Ничего,— успокоил Олег материнское сердце,— он парень крепкий, выдюжит. А перерабатываться мы не собираемся. Верно я говорю?

Валит не принял Олегов тон, но сумрачно кивнул.

— Уж как я не хотела его в кузнецы пускать...— вздохнула Кайса.

— Мама! — воззвал Валит.

— Не мамкай! — шикнула Кайса и продолжила — для Олега: — А что делать? Четвертую зиму пытаюсь выкупиться, и все без толку. Вот...— Она выпростала из длинного рукава худое предплечье. Руку уродовал косой шрам, багровый на белом.

— Волк порвал...— вздохнула Кайса.— И все, с тех пор пальцы плохо слушаются. Думала, буду прясть да ткать, да деньгу откладывать... А как я с такими пальцами — за веретено?..

Валит тихо подкреплялся, склонившись над горшком так, что соломенные волосы совсем завесили лицо — только уши пламенели, как надранные.

— Может, хоть Веремуд чему-нибудь подучит его... — вздохнула Кайса.

— Подучит, чего там... — уверил ее Олег и задумался, вспоминая, как устроена самопрялка с ножным приводом. Примитивное же изделие! А додумаются до него нескоро...

Кайса ушла, забрав пустой горшок, а Олег взялся одним топориком колоть чурбачки и обтесывать их под ножки самопрялки.

— Ты вот что,— сказал он Валиту,— я там, у реки, видел... эту... как ее... ну, где корабль делают!

— Подель,— подсказал Валит.

— Во-во! Сбегай, попроси у мужиков сверло, такое вот,— Олег показал на пальцах, какое.— А я пока кое-что соображу...

— А чего... вообще?

— Матери хочешь помочь?

— Ну!

— Лапти гну... Сделаем ей самопрялку!

— Сама прясть будет?! — ахнул Валит.

— Ну, не сама, конечно... В общем, увидишь. Давай, бегом!

Нетерпение, жажда великих дел отошли у Олега на второй план — успеется. Он подостыл, да и работа его увлекла. Тут вам не абстрактное громадье свершений, а конкретная помощь хорошему человеку. А заодно толчок научно-техническому прогрессу. Пора им тут НТР устроить... И чего б не с самопрялки начать? Вещь полезная.

Довольно быстро он сколотил крепкий остов, насадил на ось большое колесо-маховик, протянул от него кожаный ремень на веретено, приладил педаль с рычагом. Опробовал ладонью. Педаль подалась, качнулась, потянула рычаг, раскрутила колесо — веретено злобно зажужжало, как шершень у гнезда.

— Ух, ты! — заценил Валит.

— Топорная работа,— поскромничал Олег.— Но крутится, и ладно. Пошли, покажешь, куда нести.

Валит повел Олега сам на себя непохожий — оживился подмастерье, раскраснелся.

— А то, что веретено тута не стоймя, а плашмя — ничего? — тараторил Валит.— А разве удобно ногой? Жужжало как! Так только у Беляны случалось, и то иногда — когда от большухи нагоняй получала!

— А большуха — это кто? — спросил Олег, перехватывая самопрялку.

— Давай понесу! — вызвался Валит.

Олег отмахнулся.

— Большуха — это конунгова жена, Умила,— объяснял Валит.— Старшая которая. Молодая — та в Алаборге, а большуха здесь, на хозяйстве. Она не злая, просто лодырей не любит.

— Кто ж их любит...

За разговором они одолели большую часть пути и вышли к женскому дому. Был он тих и почти пуст — это долгими зимними вечерами наполнится женский дом визгом играющей малышни и пением девок, вьющих бесконечную пряжу, а летом кого удержишь в душных потемках? Толпа работниц — и тир, и свободных — трудилась во дворе, на свежем воздухе — на свете солнечном. Работницы готовили растворы колеров на квасе, на дубовом уваре и окрашивали холсты — в красный цвет, желтый, оранжевый, синий, малиновый, черный. Или, наоборот, отбеливали — укладывали ткань в котел и заливали ее горячим щелоком на всю ночь. Потом стирали. А уже отстиранные «отрезы» девки волокли на травку и раскатывали на солнечном месте. Весь день будут водой обрызгивать, чтоб лучше выгорало. Называется — зорить.

А вон те девки, в поневах, подоткнутых «кульком», собирают уже выгоревшее — опять стирать, бить вальками, а потом «золить» — складывать мокрые холсты в бочку, щедро пересыпать золой (любой, кроме черемуховой), заливать горячей водой и кипятить, опуская в выварку камни, накаленные в огне — «разожженные», как тут говорят. А что делать? Супермаркетов тут нет — тыщу лет надо ждать, пока таковые появятся. Все самим приходится робить. Но, с другой стороны... Олег припомнил любимую свою рубаху, которую Вика подарила ему на день рождения. Домотканую, крашенную в луковой шелухе. Ее было приятно носить — никакая синтетика не сравнится с нею, натуральной на все сто, от и до сделанной добрыми руками.

Из-под навеса, где стояли ткацкие станы, раздался многоголосый смех, и хорошенькая девушка, без поневы еще, явно подосланная старшими товарками, осведомилась на весь двор:

— А кого ищем?

Олег приосанился, поместил самопрялку под мышку и спросил в пространство:

— А где мне найти Кайсу... э-э...

— ...Дочь Тойветту,— задушенным голосом подсказал Валит.

— Кайсу, дочь Тойветту?

Несколько девичьих голосов вперебой объяснили, что Кайса сейчас заправляет кросна на иной узор, во-он в той клети. Из «во-он той клети» уже выскочила перепуганная Кайса. Всплеснув руками, она кинулась к Валиту:

— Что случилось?!

— Да ничего не случилось, мама! — досадливо отбивался Валит.— Просто мы тебе... эту принесли... самопрялку.

Девчонки в рубашках бросали дергать тесьму и бежали к Олегу — дивиться на чудо техники. Девки постарше тоже отрывались помалу от дел. Скоро вокруг Олега собралось все женское население, включая Умилу — статную женщину с кокетливыми ямочками на щеках и сияющими синими глазками. На поясе у большухи позвякивала увесистая связка ключей — символ женской власти.

— Прялку сюда,— скомандовал Олег, и ему мигом явили лопатообразную прялку. Запыхавшиеся девки с толстыми косами приволокли и доску-донце, воткнули в нее прялку и прикололи к ней кудель.

— Садись,— велел Кайсе Олег.— Ставь ногу сюда...

— Какую? — робко спросила Кайса.

— А какую хочешь... Теперь качни педаль — так вот, с пятки на носок перекати...

Кайса резковато нажала. Колесо самопрялки дернулось и застыло. В толпе ойкнули, и Кайса сделала движение встать.

— Да ты не волнуйся! — удержал ее Олег.— Спокойно жми, катай туда-сюда! Вот так! Во!

Кайса попала в ритм — рычаг раскрутил колесо, веретено зажужжало, и бедная тир едва успевала слюнявить пальцы левой руки, большой и указательный, которыми она вытягивала нить.

— Принесите ей клюквы! — велела Умила, захваченная процессом.

Девки припустили к женскому дому и скоро вернулись, протягивая две полные миски — одну с клюквой, другую с брусникой. Кислятина дюже способствовала слюноотделению. Перепало и Олегу — чья-то

маленькая лапка сунула ему пирожок с требухой. Он слопал его, не глядя. Ему тут же скормили еще один.

А Кайса сияла. Маховик самопрялки представлялся ей чем-то вроде Колеса Фортуны. Теперь она столько напрядет, столько наткет — и закладной тканины, и браной, и всякой! Воля, давно закатившаяся звезда, начала восходить для Кайсы Тойветтовны, из мечты перетекая в явь. А если еще и Валит пособит... Счастье-то какое! Расчувствовавшись, Кайса всхлипнула и быстро смахнула слезу правой рукой. Незанятой! Только и дел для нее, калеченной, что брать из миски кислую ягоду.

Вытягивалась из кудели прядь в размах рук — и скручивалась жужжащим веретеном в нить.

— Несите еще кудель!

2

На заре Пончика разбудила Чара. Девушка нарядилась во все расшитое, золотняное, даже понева на ней выглядела празднично, а свита, накинутая по холодку, была расшита мелким речным жемчугом. Чара была красивее себя, о чем Пончик и поспешил сообщить, натягивая рубаху. Щечки Чарины зарозовели, она похлопала ресницами, играя сердцем Шуркиным в пинг-понг, и в награду завязала ему тесемки на рукавах.

— Пошли,— мило проворчала она,— а то говоришь, говоришь, сам не знаешь что...

— Знаю,— улыбнулся Пончик стеснительно и взял в свои руки маленькие девичьи пальчики.— Как увижу тебя, сразу хоть просыпается... Угу...

Тут щечки у Чары и вовсе разбагрелись. Девушка подхватила свою косу и пушистым концом пощекотала Пончику нос. Он засмеялся и поймал Чару, не спеша убегавшую, обнял со спины и шепнул на ушко:

— Погуляем вечерком?

— Я подумаю,— важничая, ответила девушка и встрепенулась.— Заговорил меня совсем. Пошли, пошли скорее!

— Да куда такая спешка? Солнце еще не взошло!

— Когда взойдет, поздно уже будет. Ты что? Сегодня ж двадцать третье!

— Ну?

— Лапоточки гну-у... — ласково пропела Чара.— Купальница сегодня!

— А-а... — дошло до Пончика.

— Бэ-э! Сегодня ж самая пора травы собирать — до свету. Проводишь меня? А то одной страшно!..

— Слушаюсь и повинуюсь...

Пончик подхватил на руки взвизгнувшую девушку, но у порога послушался ее сбивчивого шепота и опустил на пол. Вдруг люди увидят? Подумают не то... А богам все и так видно.

Стояла та пора, когда покров ночи поднят, но свет пока не осилил темень, только разбавил ее.

В такую рань многие не спали. Слышно было, как двое или трое дренгов хохочут в гриднице, гремя тяжелыми столами и скамьями. Мебель, что ли, переставляют? Заспанные простоволосые девки бежали к бочкам умываться и плести косы — к обычаю краситься по утрам они еще не дошли, да и какой макияж для этих хорошеньких мордулек подходит лучше юной свежести? Вон, у Чарочки какие губки яркие — и помады не надо, а после бани ее пушистые волосы отдают запахом любистры. Разве «Шанель» сравнится с этим первобытным парфюмом?

Пончик поглядывал на Чару, девушка посматривала на него — древняя эта игра захватывала обоих, затягивала в жаркий омут, где рассудок подчиняется зову Великой Богини-Матери. Близость девушки волновала Пончика, но ее доверчивость осаживала влечение лучше всяких запретов. Да и не хотелось ему так быстро рвать волшебные ниточки, что протягивались между ним и Чарой,— пусть сплетутся крепче, накрепко, навсегда. Хотя, если честно сказать, все эти размышления посещали Пончика в минуты редкого одиночества. Сейчас же, наблюдая, как шевелятся лопатки на узкой спине, как толстая коса шлепает по выпуклой, тугой попке, мысли вообще выветрились, мудреностью не искажая первобытных ощущений.

Широкая тропа, заведшая двоих в лес, оказалась старой, заброшенной дорогой. По сторонам успели вырасти березы с ногу толщиной, мешаясь с елками и соснами в привычный «шишкинский» лес. Пару раз дорожку пересекали крупные, с тарелку поперечником, следы лося. Его размашистому шагу вторила мелкая поступь лосихи, оставившей овальные отпечатки. Из-за деревьев, то по левую руку, то по правую, мелькали девичьи рубахи и перекликались звонкие голоса. Смеша подруг, аукали парни — и так ли уж важно было всем им собирать травы?

Чара, правда, исправно приседала, орошая подол обильной росою, строила из себя ведуницу, щебетала, называя срываемые травы красивыми, но непонятными словами. А заря вставала — во все небо! Ало-золотная, ярая, навылет пробивавшая древний бор. Истаивали тени, туманом курились бисеристые росы.

Набрав целый мешок «лекарственного сырья», Чара вручила его Пончику.

— Все! — сказала она довольно.

— Вымокла вся... Угу... — проворчал Пончик.

— Высохну. Сейчас солнышко встанет...

И встало солнце, хлынуло, лучистые потоки хлынули из-за черных, словно обугленных сосен, обдали теплом и светом.

— Пошли скорей!

И они пошли. Побежали, то попадая в теплый сноп лучей, то ныряя в сырую, знобкую тень.

В Бравлинсхове чувствовалось приближение праздника. 23 июня повторяло с детства знакомые детальки, присущие 1 Мая. Та же веселая суматоха и перепутаница, так же валит сдобный дух из окон, девки принаряжаются, роются в сундуках, бегают друг к дружке «посоветоваться». Весь двор украсился зеленью — резные ставенки окон были окружены березовыми веточками, еловые лапы оплетали балясины крыльца, девицы понадевали пахучие веночки, и даже коровам увили рога зелеными плетями.

Молодежь, галдя и хохоча, шарила по всей округе, стаскивая в кучу хворост, старые метлы, рассохшиеся бочки, сломанные колеса — все старое и ненужное, что могло гореть, должно быть сожжено этой ночью, самой короткой ночью в году, брачной ночью для Хорса, ответственного за свет и тепло, и девы Зари, невесты «Солнышка светлого и трижды светлого»...

Ясный день сменился белой ночью, а на берегу реки, на выгоне, на холму, у развилки дорог запылали костры, затрещали буйно.

Галдели шалые девки, уворачиваясь от хохочущих гридней; Жучка — огромная матерая волкодавица, носилась кругами и восьмерками, как малый щенок, и радостно брехала. И уже где-то запевали, и в лад бренчали гусли, соревнуясь с кантеле, трубил рог турий и звенела медью труба, дудошники выводили заполошные ноты, а гудки, словно пародируя будущие скрипки, запиливали плясовые ритмы.

— На реку! На реку! — веселым звонким голосом воскликнула Чара и потянула Пончика к восточным воротам.

Крепко держась за руки, они выбежали на берег Ила-дьоги. Все дворовые уже были здесь. Они ждали невесту. Возбуждение владело нарядной толпой, люди смеялись, спорили, махали факелами, галдели, орали и пели. На пригорке стояли Улеб с Асмудом, рядом с ними — Аскольд, а чуть поодаль — знать рангом пониже.

Внезапно шум утих. Близилась песня — полумолитва, полугимн, славящий Хорса, уговаривающий бога не творить безлетья человекам, а умыться добела, встать завтра ясно и послать всякого приплоду.

Чара подпрыгивала, не в силах углядеть процессию за широкими спинами, и Пончик подсадил ее к себе на плечо. Толпа расступалась, пропуская поющих девушек к реке, и смыкалась за ними в почтительном отдалении. А впереди подруг молча шагала Рада — в одной рубахе, босая, похожая на валькирию после ночи любви — томную и благостную. В руках валькирия несла угощение божеству — гору дымящихся блинов и горшочек меду. Гордо подняв голову, девушка ступила в тихую воду Ила-дьоги.

Подруги-певуньи остановились на берегу, а валькирия прошла шагов на сорок, пока вода не поднялась по пояс ей. Девушка протянула свои дары и отдала их реке.

— Хорс светел!

Единым взывом исторглись людские крики, и Пончик тоже поддержал дружную благоносицу. Подпрыгивая на плече, радостно визжала Чара и лохматила Пончику волосы.

— А ну! — ужасным голосом крикнул Улеб.

Вдвоем с Аскольдом они зажгли громадное колесо о четырех спицах, знаменующее собой Солнечный Крест, и покатили гудящее коло с горки в реку, повторяя вечный солноворот. Пылающий круг не погас, скача под горку, только разгорелся пуще, въехал в воду, взбурлил ее и пропал. Обеспечено доброе лето!

Хотя, если честно, Пончик не досмотрел «Солнцеворот-2». Он в это время любовался выходящей из воды валькирией. Мокрое платье облепило великолепную фигуру, выпячивая каждую округлость.

— Куда глазопятишься?! А? — Ладони Чары повернули голову Пончика налево и подняли вверх, к смеющемуся лицу, тщетно напускавшему на себя гневливость.— На меня смотри, понял?

— Понял,— кротко ответил Пончик.

— Ой, спусти меня скорей! Скорей, батя смотрит!

Засмеявшись, Пончик снял ее, крепко вжимая ладони в налитое, упругое, горячее. Чара замерла, встав на цыпочки и вытянувшись струнко. У Пончика толклась на языке куча нежных глупостей, но тут по-

други Чарины со смехом разъяли его руки и увели ведуницу с собою — вести священный русальский хоровод, бросать, замирая, венки в черную воду реки, где колеблются отблески огней и горячего дыма.

Пончик, улыбаясь будущему, радуясь настоящему, не печалясь более о прошлом, шел через толпу, уворачиваясь от плясуний, от девчонок в одних рубашках, но с обязательными венками на ворохах волос. Из потемок вынырнул Олег, хлопнул пятерней об его пятерню и поволок дальше виснущую на нем девицу, ту самую блондинку-валькирию. Чуть поодаль Пончик со спины узнал Ошкуя — тот, живо поводя руками, толковал с белолицей девою, «приукрашая сотней врак одну сомнительную правду».

Пончик шлялся по поляне, захаживал на выгон. Глядя на него со стороны, можно было подумать, что парень чем-то расстроен и сильно переживает или просто устал и ищет уединения. А он просто шел и думал. Обо всем сразу и ни о чем. Сжился он с этим миром, принял его, нашел в нем место для себя — и все его страхи, отчаяние ушли, растворясь во времени. А ведь всего какой-то год прошел! Незаметно он поднялся на холм, что стоял против кузни Олежкиной. Здесь тоже полыхал костер, и девки с парнями сигали через него, держась за руки. Считалось, что, если руки не расцепятся, любовь будет долгой и крепкой.

— Вот ты где! — догнал его сердитый голосок Чары. Пончик обрадованно повернулся навстречу. Девушка стояла руки в боки, грозно нахмурив брови, но Пончика смешило ее негодование — очень уж не шло оно к облику Чары, к характеру ее — милому, доброму и нежному.

— Ах, ты уже не хочешь со мной прыгать? — завела девушка.— С той беляночкой, поди, скакал?!

— Глупенькая ты... Угу... — засветился Пончик и протянул Чаре руку.

Девушка ответила улыбкой ослепительной радости, и они помчались к костру. Их встретили криками. Пламя поднималось высоко, горело жарко — Пончик даже испугался, не опалит ли оно Чарочку,— и прыгнул, сжав девичью ладошку. Пахнуло жаром, шибануло дымом, и они приземлились, не разняв рук.

— Ты мне чуть пальцы не склеил,— радостно сказала ведуница, дуя на ладонь.

— Прости, пожалуйста.

— Да ладно...— улыбнулась Чара и закричала: — Купаться, купаться!

Молодежь завопила и, на ходу стаскивая рубахи, распахивая поневы, понеслась к реке. Пончик ринулся за ними, но Чара вцепилась в него двумя руками:

— Побежали на озеро!

Навалилась из полутьмы кузня и отвалилась. Накинуло запахом тины из пруда. А вот и озеро, посеребренное луною. Чара скинула венок и стащила через голову рубаху. Лунный свет облил ее тело, скатился, очерчивая округлости, обрамляя тени в ложбинках. Пончик распустил гашник, развязал тесемки, поскидал все с себя и, снова взяв Чару за руку, завел девушку в озеро.

— Ой, какая теплая! — запищала Чара и поплыла. Пончик нырнул следом. На глубине вода была холодной, но поверху ее будто подогрели. Доплыв до противоположного берега, Пончик и Чара повернули обратно и вышли на берег. Поодаль, за деревьями, клубились светящиеся дымы, ветер доносил до них безутишные песни и выкрики.

Девушка прижалась к Пончику спиной, и он, чуя холодок услады, положил ладони на упругие, не по возрасту большие груди, ощутил, как деревенеют соски, и бросился целовать шею лебединую, плечи царственные... Обцеловав всю спину жарко вздыхавшей Чары, Пончик добрался до тугих ягодиц — не больно-то и ущипнешь! Но целовать их — одно удовольствие...

— Ладушко мое...— умирающе сказал девичий голос.

— Чарочка...

Их ложем была поляна. В изголовье шумел бор, оттуда тянуло смолой и хвоей. В ногах плескалось озеро. Муаровая тучка была шторкой, задернувшей нескромный лунный фонарь.

И лишь большая серая сова, отдыхавшая в старой кузне после охоты, следила, как свивались два нагих тела, становясь одним целым, как скрещивались ноги и соприкасались губы. Птицу пугал горячий шепот любви, и сладкие стоны, и бурное дыхание. Но потом двое изнемогли, «из жара страсти вернулись вновь во хлад и явь», счастливые и умиротворенные. Сова сердито нахохлилась и задремала.

Глава 6

Роду Улеб конунг был знатного — он числил в своих предках самого Сколота, сына Водана, которого датчане с урманами звали Скьелдом, а потомков его Скьелдунгами. Скоро уж тысяча лет минет

с той поры, когда случился исход росов и асов с донских степей. Храбрый Водан повел за собою тех, кому на месте не сиделось, кто был легок на подъем и охоч до нового. Росы и асы пересели с горячих коней на лодьи и больше уже в седла не возвращались. Переселенцы поднялись по Дону до Переволоки, одолели ее, спустили лодьи в Итиль [1] и долго плыли вверх по великой реке. Росы первыми сделали остановку, укоренившись на берегах Невы и Олкоги, а асы перебрались на ту сторону моря Варяжского, заселив фьорды и шхеры...

Местные: карелы и чудины, весины и ижоры, меряне и биармы — не разумели пришлых росов, толковавших на сарматском языке. Тогда пришельцы перевели свои речи на язык меча... Обложили всех данью, но и в обиду не давали, живо делая укорот всяким чужеземцам.

Отец Улеба, Бравелин конунг, держал в страхе всю Ромейскую империю. Его варяги грабили Амастриду и Фессалоники, Эгину и Таврию. Дед Улеба, Рогволт Русский, бился под Бравеллиром, что в землях свейских, на стороне Сигурда Метателя Колец, братца своего, конунга свеев, когда на того напал правитель датчан — Харальд Боевой Клык. Побили тогда датчан, и в честь той славной победы Рогволт и назвал своего первенца. А прапрадед Улеба, Радбард Гардский, разгромил войско Ивара Широкие Объятия, когда тот вздумал карел грабить. Ах, сколько их было, пра-пра-пра... Старкатер, Флокки, Фроди Первый и Второй, Фридлер, Транн...

Улеб конунг вздохнул тяжко и насупил брови. Да и он вроде предков не позорил. И арабам «давал жизни» — первый раз он их еще в Табаристане прижучил, а потом и Севилью [2] брал на копье. И на Париж хаживал, злато-серебро добывая... А кому ж теперь род продолжать? Выросла дочь Ефанда, красавица да умница, а вот сына боги не дали... И на кого теперь люди возложат венец? Кто воспримет меч конунгов гардских? Нет на то ответа...

Улеб тяжело поднялся с резного кресла и прошел к распахнутому окну. Половину вида загораживала стена крепости, сложенная из дубовых бревен, почерневших от дождей, а дальше играла блестками Олкога, и вставал на том берегу ельник, темный, словно схоронивший ночь недавнюю, тянущий лапы к мутной воде, усыпая узкий бережок шишками и хвоей. Улеб конунг крякнул в досаде — куда ни глянь, всюду мрак!

---

[1] *Итиль* — ныне Волга.

[2] Об этом рассказывает ал-Якуби: «В город Исбилию (то есть Севилью) вошли в 229 году хиджры (843—844 г. от Р. Х.) поганые, называемые ар-Рус, которые захватывали пленных, грабили, жгли и убивали...»

Скрипнула дверь, и в покои сунулся Аскольд сэконунг [1], здоровенный человечище, лобастый, сероглазый, с гривой волос цвета соломы и роскошными пшеничными усами, опадавшими на могучую грудь.

— Здорово, Улеб! — прогудел Аскольд.— Что у тебя за двери? Застряну когда-нибудь в этих мышиных норках!

Улеб ухмыльнулся.

— Брюхо разъел,— сказал он,— вот и не влазишь. Скоро и в море не выйдешь.

— Чего это? — не дошло до сэконунга.

— Лодью опрокинешь! — радостно объяснил Улеб.

Оба загоготали. Отсмеявшись, Улеб конунг сказал:

— Чего заявился? Выкладывай!

Аскольд закряхтел, полез пятерней в космы, лохматя прическу.

— Да засиделся я,— признался он.— И лодьи мои скоро мохом обрастут. Дела хочу! Настоящего!

— Дела ему... — проворчал Улеб и вздохнул: — Мне б твои заботы...

— Я тут с Асмудом перетолковал,— продолжил Аскольд,— да и подумал: а не сходить ли мне на ромеев? Согласись, давно мы их не трепали. Как батя твой стребовал с них ругу, так и все.

— У тебя лодей не хватит, чтоб ромеев прижать,— отозвался Улеб.

— О! — просиял Аскольд.— В самую точку. А если мы с тобою сговоримся, да на пару двинем в поход? А?

Улеб засопел.

— И куда ты собрался? — спросил он неласково.

— Хочу Миклагард на щит взять! — бухнул Аскольд.

Улеб конунг ошеломленно вытаращился на старого приятеля.

— Вот это ты размахнулся...— вымолвил он.— Не по пасти сласти, Аскольдушка! Где ты столько бойцов наберешь?

— Ха! А как мы Париж брали? Сколько нас тогда было — помнишь? И трех сотен насчитать не могли.

— Ну, ты сравнил! — рассердился Улеб.— Париж — тьфу! Городишко размером с Альдейгу. А Миклагард — это Миклагард. Там одних домов столько, что все Гарды расселить можно, и еще место останется!

Но идея осадить самый большой город мира уже завладела им и подбирала ключики к тайным сусекам души, выпуская на волю демонов алчности и тщеславия. Что Париж? Что Севилья? Не всякий скажет, где такие есть! А вот Миклагард... Годы минут, века пройдут, а

---

[1] *Сэконунг* — конунг, владеющий кораблями, но не имеющий земли — феода.

имя человека, прибившего щит на ворота Миклагарда, останется в памяти людской!

— На лодьях не пройти,— проворчал Улеб,— тяжелы больно...

Аскольд сэконунг, поняв, что Улеб сдается, сильно оживился.

— Подумаешь! — воскликнул он.— Спустимся по Непру на скедиях!

— А брать Миклагард тоже со скедий станешь?

— А чего такого?

— Чего-чего... Знаешь как ромеи наши скедии кличут? Моноксилами! Сиречь однодеревками!

— Да и пусть их! — отмахнулся Аскольд.

— Не... — помотал головой Улеб.— Надо, чтобы нас уважали...

— Тогда зайдем в Таматарху! [1] — вывернулся Аскольд.— Там у нас большие лодьи стоят. Кстати, и твой «Лембой» там. Ну, этот, который в пятьдесят шесть шагов.

— Да помню я...

Улеб конунг поскреб в бороде.

— Все равно... — протянул он.— Поздно уже, лето к середине двинулось... Пока охочих людей соберем, пока доберемся, уже и листья опадут! Давай уж на тот год перенесем поход. Двинем по весне, как только лед сойдет.

— Давай! — легко согласился Аскольд. Видимо, он не рассчитывал на легкую победу, готовился долго канючить и убеждать конунга гардского.

— Значит, по рукам? — сказал он, сияя, и протянул свою пятерню, рубчатую от мозолей, натертых рукояткою весла.

— А, была не была! — воскликнул Улеб и впечатал свою ладонь. Крепко сжались твердые пальцы в извечном жесте мужской дружбы и согласия.

В открытую дверь робко заглянул гридень. Поклонился и сказал:

— Собрались бояре, ждут.

— Идем,— сказал Улеб.

Конунг гардский и сэконунг по очереди протиснулись в низкую дверь и потопали в гридницу.

Гридница занимала все левое крыло двухэтажного терема, крепко сидевшего в крепостном двору. Большие окна гридницы на зиму за-

---

[1] *Таматарха* — Тмутаракань. Есть основания полагать, что так называемая Черноморская Русь, расположенная на Таманском полуострове, существовала с конца VIII— начала IX века.

кладывались резными досками, а по теплу их снимали, запуская внутрь свежий воздух и свет.

Посередине обширного зала стоял громадный овальный стол, сбитый из плах и скобленый дожелта. Вокруг стола делили скамьи бояре — Думный круг верховного правителя Гардарики.

Улеб занял крепкое дубовое кресло во главе стола и пробурчал приветственное слово. Аскольд сэконунг пристроился рядом, по правую руку. А Улеба опять посетили мысли о престолонаследии. Видать, придется ему выбирать преемника среди бояр... Вопрос, кого выдвинуть? Улеб оглядел бояр по правую руку. Вот Лидул конунг сын Алвада. Крепкая личность, ежели упрется, вовек не сдвинешь. Но разве можно оставить после себя твердолобого? Умение властвовать требует гибкости, изворотливости даже. А за Лидулом расселся кугыжа мерянский, Шаев, сын Чекленера. Вот уж кто верток! И вашим и нашим! Вечно пляшет на лезвии меча, всем угодить хочет! С утра он в одной вере, а к вечеру в иную переходит. Худо! Гибкость — гибкостью, однако и твердость надобно иметь, за свое стоять и не сдавать. А вот ярл [1] Ильменский, Вадим Храбрый, сын Годлава. Говнистый человечишко, хоть и рода княжеского... Веры ему нет. И смел он напоказ, лихостью берет, а вот перед сильными пасует, поджимает хвост и прогибается, стелется весь... Тьфу! И пакостлив больно. Что скажешь не по нему — зыркнет зло и прищурится, словно целится в тебя, а потом припомнит, ударит исподтишка. Может, тогда князя Буривоя выбрать? Родня все ж. Карелы князю доверие выказали, призвали его, чтоб тот оборону держал,— опыта Буривою не занимать. Все это хорошо, но... Уж больно стар Буривой, сын Турвида, не выдюжит он тяготы власти, да и обидчив не в меру. Или на Антеро поставить, кунингаса ижорского? Всем взял — и смел, и мудр. Только вот не русских кровей Антеро, не пойдут за ним конунги с ярлами, не последуют. Та же история с риксом готским Гайной, сыном Ильдибада, что с Верхнего волока. Не много готского племени под ним, да и можно ли малое ставить над великим? Вот и думай теперь...

— Почнем, бояре... — сказал Улеб.

Все согласно кивнули.

— Тогда я первым слово возьму, по старшинству,— сказал Буривой и кашлянул.— Ропщут карелы, конунг. Не по чести ты их прижал! Почто дань нарастил? Сдали тебе меха по зиме? Сдали! Хорошие шкурки? Да одна к одной! Зачем же лишнее брать?

---

[1] *Ярл* — титул, тождественный графскому. *Рикс, кунингас, кугыжа* — княжеские титулы.

Улеб нахмурился и раздельно сказал:

— Мерянам или весинам я подати не увеличил. Сказать, почему?

— Сказать! — задиристо молвил Буривой.

— Потому что они сами соболей да горностаев бьют! — с силой выговорил Улеб.— Это их добыча. А карелы твои нагличают! По всему Северу рыщут, по дешевке меха скупают у биармов да у лопарей. Сами же и везут потом к свеям или к саксам, торгуют, нам цену сбивая. Негоже так!

— И что?! — повысил голос Буривой.— Разве они крадут те меха? Или силой у биармов отнимают? Все по чести да по совести! И везут они те шкурки продавать на своих же лойвах, кнорров ваших не занимают. Что тебе не по нраву?

— В единых Гардах,— проговорил Улеб, сдерживаясь,— и власть едина, и правда [1]. Как я сказал, так и будет.

— Не будет! — возопил Буривой.— Пока я на княжении в Кирьялаланде [2], обдираловке быть не позволю!

— Что, княже,— сощурил глаз Улеб,— из общей лодьи желаешь в лойву пересесть?

— Желаю! Считай, уже пересел!

— Ай, молодец! — Злая насмешка искривила Улебу губы.— Вот только, далече ли уплывешь? А защищать ту лойву кто станет?

— Да уж как-нибудь справимся! — высказался Буривой в запале.

— Думай, что говоришь,— сердито сказал Аскольд.— Карелы в охоте смекают, а к войне они не годны. А ежели датчане явятся? Рагнар Кожаные Штаны [3] давненько на Кирьялаланд облизывается!

— Пусть только попробует,— пробурчал Буривой.— Живо языка своего слюноточивого лишится!

— Дурак ты... — с сожалением сказал Аскольд.

Буривой вздернул седую бороденку, засверкал глазками.

— Так мне ждать подати али как? — тяжело спросил Улеб.

— Али как! — ответил Буривой, как отрубил.

— Тогда проваливай! — рявкнул Улеб.— Греби в своей лойве наособицу и подмоги не жди. Ни одного варяга в помощь не дам!

Буривой поднялся, выпрямив, как смог, сутулую спину, и пошел вон. На пороге гридницы он обернулся и процедил:

— Обойдемся!

---

[1] *Правда* — закон.

[2] *Кирьялаланд* — Карелия или Корела.

[3] *Рагнар Кожаные Штаны (Лодброк)* — знаменитый датский конунг, правивший в описываемое время.

Ненадолго в гриднице зависла тишина, хмурая и неловкая. Только Вадим чему-то улыбался, словно радовался непорядкам.

— Глупость какая... — пробормотал Аскольд.

— Да уж... — буркнул Улеб.

— Это не дело! — решительно заявил Лидул.— Отломить такой ломоть от общего пирога...

— Кирьялаланд — не вотчина Буривоя,— возразил Улеб,— не он там правит, а кунингасы. Это их жадность говорила на кругу, а не князь! А мы подождем... До осени. Ежели не образумится до того времени, придем и спросим. По-свойски!

— Пора самих биармов под руку подвести! — крикнул с места Шаев.— А как станут они нам дань платить, вот тогда карелы трижды подумают, прежде чем союз с нами рвать!

— Верно говоришь, Шаев,— кивнул Улеб.— Вот и займись! Собери лодей десять, да пройди по Онеге до Гандвика [1]. В Вину зайди, осмотрись там, урядись с биармами насчет дани и не забудь им хороший товар предложить. Биармы-то железа не знают, а ты им и выставь ножи, да топоры, да наконечники. Они тогда живо от карел откачнутся!

Бояре довольно захохотали.

— Правильно! — закивал Антеро.— Карелы-то всякую дрянь биармам спихивают, а мы с ними по-честному да по-хорошему.

— Так тому и быть,— подвел черту Улеб.

Тут за окнами поднялся переполох, визги пошли да оханья. Аскольд метнулся к окну и высунулся наружу.

— Чего там? — глухо донесся его бас.— Да ты что?!

Сэконунг обратил к почтенному собранию радостное лицо и воскликнул:

— Гости к нам жалуют! Рюрик со свитой.

— Да неужто? — обрадовался Улеб и соскочил с места.

Бояре заволновались.

— Пошли глянем!

— А то!

— Чего сидеть, князья?

— Подъем!

Живописной толпой ярлы, кунингасы и прочее княжье повалили наружу. Перед воротами остепенились и вышли на берег солидными людьми.

Народу на берегу собралось — море. Люди оживленно переговаривались, спорили, смеялись, девки прихорашивались, а парни всё

---

[1] *Гандвик* — Колдовской залив, так называли в ту пору Белое море.

плечи разворачивали да пыжились. Рорик, сын Регинхери, рейкса вагирского, правителя Вендланда [1], был фигурой известной. Его варяги, прозванные тиграми моря, наводили страх на купцов и воинов с Готланда и Курланда, торговые гости из Каупанга и Дорестада, Гамбурга и Бирки бледнели, завидев паруса со зловещим силуэтом сокола, падающего на добычу. То был Рарог, тотемная птица вендских рейксов. Пираты Рорика грабили всякие корабли, кроме гардских, а добычу свозили в Аркону, часть уделяя храму Свентовита. И ни Улебу конунгу, ни отцу его ни разу не приходилось долго упрашивать «тигров» сходить в поход сообща. Франков бить? Любо! Арабов колошматить? Давай!

— Идут! Идут! — закричали мальчишки на мысу.

Улеб конунг придвинулся к берегу поближе, испытывая непонятное волнение. Рорик, коего в Гардах прозвали Рюриком,— вот достойный преемник ему. Этот точно не подведет. Молод? Да. Горяч? Да. Но умен, но хитер, но как честью дорожит! А уж род его подревнее, чем у Скьолдунгов...

В устье Ала-дьоги вплывали лодьи — черная, синяя с белым носом, сизая с красной полосой. По бортам щиты красуются, ряды весел размеренно блещут мокрыми лопастями, а драконы со штевней сняты — имеют венды уважение к богам гардских земель!

На корме черной лодьи стоял высокий молодой человек и махал снятым шлемом. Улеб конунг вскинул руку в ответ. Интересно, с чем пожаловал сын Регинхери? Не тот это человек, чтобы просто так по гостям шляться...

Забрякали сходни, и на причал соскочил Рюрик. Легко взбежав на травянистый пригорок, где глыбою вкопанной стоял Улеб, он отвесил поклон и сказал:

— Гой еси, конунг!

— И тебе поздорову! — важно ответил Улеб.— С чем пожаловал?

Рюрик вдруг покраснел, смешался, открыл было рот, но так ничего и не вымолвил, повернулся только и махнул рукой. Тут же четверо дюжих варягов снесли по сходням тяжелый сундук, окованный полосами железа, и поставили к ногам Улеба. «Так...» — похолодел конунг. А Рюрик, пылая ушами, отпер замок и поднял крышку сундука — на солнце заиграли радугой драгоценные каменья, заблестели жемчужины, крупные, как винные ягоды, брызнуло желтым отливом маслянистое золото.

---

[1] *Вендланд* — страна вендов (венедов), расположенная на южном берегу Балтики.

— Это — мунд за невесту,— хриплым голосом произнес Рюрик.— Отдай за меня Ефанду, конунг! Любую службу сослужу, что ни попросишь — сделаю.

Улеб подбоченился. Был ли он рад в этот момент? Скорее, растерян и ошеломлен. Всякий отец, растивший дочь, знает, что рано или поздно явится к нему некто молодой и прыткий и уведет его «маленькую» со двора. И все равно, женихи застают отцов врасплох...

— А любить будешь? — сощурился Улеб.

— Вечно! — с жаром воскликнул Рюрик и покосился мимо конунга.

Улеб поглядел в ту же сторону.

— Выходи, выходи, давай... — сказал он с ворчаньем и прикрикнул: — Ефанда!

Девушка, опустив голову, вышла из толпы подружек, хихикавших и шушукавшихся. «Статная какая... — залюбовался Улеб.— А груди уж больше материных налились! Ишь ты ее...»

— Ну что? — спросил он Ефанду.— Все слышала?

— Да... — прошептала девушка.

— Ты на жениха посмотри хоть,— проворчал Улеб.— Нравится?

Ефанда вскинула глаза на Рюрика и кивнула.

— Пойдешь за него?

— Да! — смелее ответила Ефанда.

Рюрик смотрел на нее жадно и умиленно, вся гридь его, что сошла на берег, улыбалась, а Улеб конунг оглядывал молодых, грустя о близкой разлуке и гордясь дочерней красою. Вздохнув, он взял узкую, холеную руку Ефанды и вложил ее в крепкую, мозолистую пятерню Рюрика.

— Я принимаю твой мунд,— громко объявил Улеб конунг,— и отдаю тебе самое дорогое, что нажил. Береги ее и не обижай, а то... — Конунг сжал огромный кулак.— Сам разумеешь.

— Буду беречь! — воскликнул счастливый жених.— Сам не обижу и никому иному не позволю.

— Ну, тогда быть свадьбе!

При этих словах Улеба конунга народ закричал, засвистел, заревел. Затрубили рога, застучали неистово мечи о щиты. Свадьба! Эх и погуляем!

...Пир удался на славу. Столы накрыли и в тереме, и на крепостном дворе, и прямо на улицах Альдейгьюборга. Гуляли все. Гридни Улеба и Рюрика перепились, мигом побратались и бродили в обнимку, горланя песни — пусть и не в лад, зато громко!

Жители скидывались улицами и концами городскими, собирали подарки и подносили красивой паре. Для Ефандочки ничего не жалко! А уж князья как расстарались — дарили, словно хвастаясь богатством. Соболей — охапками, бобровые шкурки — высокими стопками, горностаев — тюками! Дорогой посудой одаривали, из стекла и фарфора, тканями шелковыми, парчой и бархатом, благовониями аравийскими в хрустальных флакончиках, румянами и тушью в коробочках из слоновой кости — Ефанда притомилась кланяться.

А народ разгулялся так, что рыба из Олкоги выпрыгивала! Даже арабских купцов умудрились споить. Те отбрыкивались — дескать, вера не позволяет вино пить. А им и не перечили, вина не давали, меда только подливали хмельного. И запели южане протяжные песни, восхваляя девичью красу и молодецкую удаль.

Всю ночь гудела Альдейга, до самого утра бродили по ее улицам варяги — русы и венды, готы шатались и меряне, весины и гости с иных земель — фризских, урманских, франкских, ромейских, булгарских, хазарских. Только на рассвете затих город, забылся пьяным сном.

А когда стаял туман и высохла роса на влажных бортах лодий, самые упорные сбрелись на проводы.

— Бать... — всхлипнула Ефанда, крепко обнимая отца.

— Ну, чего нюнишь? — ворчал ласково Улеб конунг.— Аль не рада?

— Рада... — шмыгнула носом Ефанда.— Только одна не хочу...

— Глупая... — пенял ей отец.— Разве ж ты одна? Двое вас! А вскоре и третий объявится... Или третья!

Ефанда краснела только и вздыхала. Она вступала в извечное кружение жизни, неведомое ей дотоле. Новизна того, что прихлынуло, пугала и влекла.

— Ну, ступай...

Ефанда в последний, в самый последний раз чмокнула отца и отшагнула к мужу.

— Ну, носи ты теперь,— усмехнулся Улеб.

Рюрик подхватил Ефанду на руки, прижал к груди и взошел по сходням на борт черной лодьи, где бережно опустил драгоценную ношу.

— Ждите в гости! — прокричал с берега конунг.

Ладожане тоже закричали, замахали руками, платками, зелеными ветками и цветами. Дружно ударили весла, и лодьи отчалили, уходя по тихой воде.

Улеб конунг стоял и смотрел, как исчезает за поворотом точеная фигурка на палубе, прижавшаяся к другой, крепкой и ладной. И чув-

ствовал, как подливает тоска, как сжимает сердце смутная тревога, извечный родительский непокой.

— Пошли, Улеб,— вздохнул Аскольд.— Выпьем за спокойное море и добрый путь.

— Пошли,— кротко согласился конунг.

Глава 7

1

В Перунов день, то есть в четверг, Олег, сын Романа сидел в кузне и работал стеклянные бусы. Засел с самого утра, благо Веремуда оставили в Бравлинсхове мечи точить. Бусины — дело тонкое, твердой руки требует, а после обеда у Олега по расписанию тренировка по иайдо, где он так умотается, что руки трястись начинут...

От маленьких тиглей с разного цвета стеклом припекало бок и спину. Олег осторожно наматывал на синюю стеклянную палочку желтый слой, окунал ее в красное варево, макал в зеленый расплав. Потом щипцами отделял от палочки кусочки и прокалывал их иглою по слоям или поперек. Вплавлял в эти бусины «глазки» — отрезочки других стекляшек, у коих цвета шли концентрическими кружками,— и получалась красивая «карамелька».

— Здорово! — сказал Пончик с завистью.— А что ты будешь с ними делать? Бусы? Раде подаришь?

— Не-е... — протянул Олег.— На торгу продам. Тут бусины ценятся, каждая за дирхем уйдет. Стоит и попотеть!

— Дирхем — это монета арабская?

— Арабская... Тутошняя конвертируемая валюта. За один дирхем можно двадцать пять кур купить или нож. Хорошую корову за тридцать возьмешь, коня — за пятьдесят...

— А раба? — тихо спросил Пончик.

— За сто—сто пятьдесят... Недешевы рабы, ох, недешевы... Ничего, Пончик, выкупимся!

С улицы донеслось лошадиное ржание и деревянный скрип.

— Ну что? — влетел в кузню Валит.— Грузимся?

— Все? — спросил Олег, не отрываясь от стекольных дел.— Пончик, у тиуна отпросился?

— Ага!

— Грузи потихоньку. Сейчас я подойду... Валит, остаешься за старшего!

— А можно я попробую, со стеклом? — сказал Валит просительным тоном.

— Дерзай.

Олег аккуратно собрал в мешочек цокающие бусины и вышел — из сухого жара кузни во влажную духоту лета. Июнь!

У самой кузни стояла телега, запряженная чалым мерином, возовитым и доброезжим. Имени ему не придумали, так и звали — Чалко. Увидев Олега, Чалко тряхнул головой и потянулся теплыми губами к рукам кузнеца, вынюхивая угощение. Олег сунул лакомке сухарик, обмакнутый в мед, и Чалый схрумкал вкусняшку.

Товару сегодня было вдосталь — серпы, косы, насошники, топоры, тесла, ножи. Впору сельпо открывать! Вышел Пончик, волоча мешок с бронзовыми ступками.

— Поехали? — спросил он, уложив мешок и берясь за вожжи.

Олег дал отмашку.

— Но-о! — крикнул Пончик.

Телега тронулась, и Олег возмечтал о рессорах. Невозможно ехать на этом костотрясе: от каждого бугорочка организм екает, а на камнях просто разжижается.

Телега выехала на берег Ила-дьоги, в кусты тальника. Чалко, мерно качая головой, перетащил возок через бугор и вкатил во двор Бравлинсхова. Где-то он все это уже видел, мелькнуло у Олега. То ли на картинах Васнецова, то ли еще где... Девки прядут, ткут, зорят... Олег их уже немного различает — у вендских красавишен коса имеется, а их русские подружки ходят с распущенными волосами. Но все как одна в поневах. Перекрестное опыление культур...

Телега объехала терем, где на крыльце скучала пара гридней в полном боевом облачении, и выкатилась на дорогу. Справа полого стелился травянистый берег, далее блестела-переливалась Олкога, а за нею вставал непролазный лес. На его фоне красиво смотрелась лодья-коча, шедшая с Ильменя. Слева, на лугу, за прясельной изгородью, паслись коровы. Босоногие пастушата сидели под одиноким дубом. Позвякивали колокольца, простенькую мелодийку выводила свирель. Пастораль. Буколика.

И тут же, как назло, диссонансом прозвучала тревожная нота — топот коня, пущенного в галоп. Со стороны дворища проскакал бородач в кафтане-безрукавке поверх кольчуги, в шапке кульком с оторочкой из меха. Кафтан стягивался поясом с золоченой урманской пряжкой и с бляшками от булгар, сведущих в серебре. Накатила волна запахов — лошадиного пота, какой-то кислятины и прели.

— С дороги! — прорычал голос, и свистнула плеть. Олег едва увернулся от жалящего хвоста.

— Чтоб ты сдох! — пожелал Олег вослед кавалеристу.

— К ромею своему поскакал,— подключился Пончик.— Угу... Арпил это, из ильменских.

— К этому... к Ставру? — поинтересовался Олег.

— Да не! К Агапиту. Помнишь?

— К Агапиту? Так он еще осенью уплыл!

— Уже приплыл! — охотно делился информацией Пончик.— Угу... Ему Вадим ярл избу подарил. Быстро же они спелись. Хотя... Ярл-то крещеный! Угу... Совсем рассказать забыл! — оживился Пончик.— Ты слыхал, как Агапит местных крестить пытался?

Олег помотал головой.

— Вышел на бережок,— продолжал Пончик,— а там девки купаются. Голышом! Угу... Агапит как давай их шугать! Крестом машет, молитвы трубит. Девки терпели-терпели, да и стащили попа в воду! Чуть не утопили особу духовного звания. Угу...

— Ругался поп? — спросил Олег с интересом.

— Аж шипел!

Оба расхохотались, радуясь всему сразу — и тому, что ромею кичливому дали сдачи, и погоде хорошей, и вообще... И снова стук копыт за спиной. На этот раз телегу обогнал княжеский гридень — утконосый какой-то. Он тоже был в кафтане, как и Арпил, но, кажется, без кольчуги и без меча. Зато с громадным ножом-скрамасаксом на поясе, в ножнах с посеребренными накладками. Неприятный тип. Неприятный и опасный.

— Еще один...— проворчал Пончик, провожая утконосого хмурым взглядом.— Тоже небось к попу. Ишь, повадились... Хуфин это, из датчан,— объяснил он Олегу,— в прошлом годе с сотней Асмуда в Миклагарде служил, там и крестился. Щас ото всей братии наособицу, язычниками прозывает...

— Интересно...— задумчиво протянул Олег.

Беспокойство не беспокойство, но тревожность некая протрезвила его, заставила поежиться разомлевшую душу.

Телега выехала к берегу, заставленному наустами — корабельными сараями для лодий и снекк. Здоровенные, как соляные амбары, наусты тянулись вдоль берега, загораживая реку, до самого города. Но те, что стояли с краю, поднимали свои крыши совсем уж высоко. Стен на эти наусты еще не приколотили — одни столбы да кровля,— и потому не глушились звонкие удары топоров и колкий скрип тесел, озвучивавших строительство новых лодий.

Сноровистые мужички-корабельщики работали плотницкими дружинами — слово «артель» еще не было в ходу. Пончик попридержал Чалко:

— Тпрру, запыхлятина!

«А ладные лодейки выходят, ничего не скажешь,— подумал Олег.— Как гульнут по Европам, как втешутся в чужие берега... Любо-дорого!»

— Поехали,— вздохнул он.

— Слушай, Олег,— сказал Пончик задумчиво.— Ты что-нибудь помнишь из истории? Ну, что в этом году произойдет?

У Олега сразу испортилось настроение.

— Да ничего хорошего... — пробурчал он.— Кто-то должен напасть, то ли Рагнар Лодброк, то ли еще кто... Всю Альдейгу на хрен пожжет... И вроде как Рюрика должны призвать.

Пончик заволновался.

— А потом? — спросил он.

— Потом?..— Олег нахмурил лоб.— В восемьсот шестидесятом Аскольд пустится в поход на Миклагард и по дороге, так, мимоходом, Киев захватит. Пока он еще Самбатом зовется...

— Кто?

— Не кто, а что. Киев. В шестьдесят первом наши опять Париж возьмут. В сорок пятом брали, в пятьдесят седьмом брали, ну и еще разок займут... Хм. А в шестьдесят втором Вадим против Рюрика восстание поднимет...

Пончик очень серьезно сказал:

— Тебе надо об этом рассказать конунгу. Угу...

— О восстании?

— Да обо всем! Сам подумай, сколько можно будет жизней спасти, если заранее знать. Угу...

— Ты сам лучше подумай,— сердито сказал Олег.— Кто я и кто он!

— Все равно,— заупрямился Пончик.— Пусть лучше знает.

— Да кто поверит трэлю?

— Вот зря ты. Угу... Сейчас не двадцать первый век, тут всему верят. Да и не важно, поверит тебе конунг или нет. Главное, что ты предупредишь!

Олег не нашелся, что ответить, и пробурчал:

— Ладно, попробую...

— Обещаешь?

— Да! — рявкнул Олег.— Вот пристал...

Довольный, что добился своего, Пончик прибавил прыти чалому, и скоро уж телега миновала загремела по улице, мощенной деревянными плахами. Неширокая улочка звалась Варяжской — до Свейского переулка. Далее она меняла русское название на урманское, но та же ореховая скорлупа хрустела под коваными ободами, те же мощные срубы из гигантских почерневших бревен тянулись по сторонам улицы, те же могучие заборы справа и слева. Такое же все крепкое, мощное, ладное. Сколько заборов — столько крепостей. Нету пока у Альдейги герба своего, а девиз уже имеется: «Накося!» Замучишься завоевывать...

— Опять чинят в базарный день... Угу... — проворчал Пончик, подбирая вожжи.— Нашли время!

Впереди дюжие ребята-мостники перестилали покрытие — ложили вдоль улицы три бревна-лаги и врубали поперек крепкие плахи. Еще и брус по краям клали, типа поребрика.

— Давай в объезд.

Ворча, Пончик приворотил телегу в узкий, немощеный переулок и выехал на соседнюю улицу, прямо к свежесрубленной избе, над резным крыльцом которой нагло растопырился крест. На новеньких, светящихся смолистой желтизной ступенях стоял отец Ставр во всем черном и мерно постукивал по столбу волосатым кулаком, усеянным огромными перстнями-жуковиньями. Ему что-то неслышное говорил утконосый Хуфин, переминая пальцами шапку. Священник кивал со значительным видом.

— Ты езжай пока,— Олег соскочил с телеги,— я сейчас...

— А ты куда?

— Нужно мне.

— А-а...

Олегу приспичило. Он свернул в проулок, зажатый частоколами так, что двум пешим не разойтись, и выбрался на немощеную уличку, застроенную амбарами, крепкими и основательными, как доты. За амбарами тянулись овражки да западины, заросшие густой зеленью бузины и шиповника. Здесь Олег, поозиравшись, оправился и пошел обратно другой дорогой. Распугав гусей за длинным зданием платной конюшни, он полез через кусты смородины, продираясь к задней стене новенькой избы. «Совсем на местности не ориентируешься! — сер-

дился он про себя.— Сейчас вот спустят хозяева собак, они тебе моментом верный путь укажут...»

Внезапно из волокового окна-просветца над его макушкой донесся негромкий мужской голос:

— Мы творим дело богоугодное, стало быть — правое...— Олег узнал баритон отца Агапита и замер.— Простереть свет истины над русскими землями — разве не благо?! И пусть великая идея спасения души овладеет заблудшими! Обратись к василевсу ромеев, и он поможет тебе взойти на трон всея Гардарики...

— Ага! — послышался голос Вадима ярла, исполненный сарказма.— И стану я тогда вассалом императора. Приставит ко мне какого-нибудь архиепископа, и будет он тут мной вертеть...

— Не вертеть,— с достоинством сказал отец Агапит,— но направлять волю христианского царя русов и наставлять его. В том и заключено богодержавие!

— И чем он мне поможет, василевс твой? — спросил Вадим агрессивно.

— Золотом,— коротко ответил Агапит.

— Мало золота! — рявкнул Вадим.— Еще и сталь нужна! Дружину Улеба не купишь, ее резать надо! Колоть! Рубить! Сживать со свету! И какой мне в этом толк от василевса?!

— Не волнуйся так, ярл,— зажурчал Агапит,— все в руках божьих.

— Как же мне все это надоело, господи... — процедил Вадим.— Сколько можно гнить на этих поганых болотах?! Ладно, пойду я...

— Ступай с богом, сын мой...

Олег осторожно выпрямился и скользнул в проулок. «Да-а... — подумал он.— Страсти кипят шекспировские. Может, и впрямь Нострадамусом прикинуться? Возвещу конунгу грядущее, а дальше пусть сам думает. Хоть душа будет спокойна...»

2
СВЕАЛАНД, УПСАЛА

Лодью свою Вадим ярл получил в наследство от отца и продолжал называть «Пардусом»[1] — так легка была она на воде, так стремительно разгонялась, разрезая килем пенные гребни. Борта лодьи подни-

[1] *Пардус* — гепард.

мались невысоко и были выкрашены в густо-синий цвет. Следуй она на одних веслах, заметить ее в толчее волн было бы непросто, но «Пардус» шел под парусом. Растянутое реем красно-белое ветрило маячило издалека, словно бросало вызов встречным и поперечным, пугая мирных купцов, напрягая воинов. Удача — девица с норовом, изменить может запросто, а тут, на палубе, восемь десятков отборных головорезов, точно знающих, где у меча острие...

Сощурившись, Вадим осмотрелся. Серо-зеленое Варяжское море заливало весь круг зримого им мира, перекатывая валы соленой влаги, шумно дыша и плеща.

— Воист! — коротко кликнул ярл и, без лишних слов, показал на мачту.

Воист, шустрый белоголовый малый, мерянин из города Суждал [1], поплевал на ладони, сплошь покрытые мозолями, и полез на мачту, ловко цепляясь за канат из моржовой кожи. Наверху, уперев колено о рей, Воист оглядел море на западе и крикнул:

— Вижу берег!

Вадим молча кивнул, хороня скупую улыбку в бороде. Засветло управились! Позади глубокая Нева и мелкие воды Хольмского залива между Финландом и Эйстландом, позади — короткий простор Варяжского моря, и вот зоркий Воист углядел коренные земли Свеарики [2]. Подгребаем, однако!

За годы службы у василевсов, сперва у Феофила, после у сына его Михаила, Вадим привык к теплым водам синего Русского моря, Понта Эвксинского, как звали тот водоем ромеи. Не то что море Варяжское, зябкое летом, окованное льдом зимой. Тут и краски побледнее, и теплынь поскуднее... Природа второго сорта.

Долго ли, коротко ли, а приблизилась страна свеев, обтекла лодью островами-шхерами. Да, не любит земля тутошняя соху и посев — сплошь скалы да сосны. А где тощие почвы ровно стелятся, там травку-муравку камень прорывает, мшистые валуны утаптывают. Худая земля, не для урожаев богами сотворена. А в Гардарике чем лучше? И там поля — урывками. Где расчистишь деляну да выжжешь дерева, там и сеешь. Одни птицы да души блаженные в Ирии видят сверху «Страну крепостей» — ковер лесной в подпалинах огнищ, в черных дырах болот, в серебряных брызгах неисчислимых озер. Окраина. Задворки мира.

---

[1] *Суждал* — ныне Суздаль.

[2] *Свеарики* — Швеция.

— Белый щит поднять! — скомандовал Вадим.

Двое гридней-близняшек, Ардагаст и Прогост, вскочили и кинулись к мачте, живо подтянув к самому флюгеру круглый щит, мазанный белой краской,— знак добрых намерений.

— Парус спустить! Весла на воду!

Произошло множественное движение — гридни расселись по скамьям-румам, вывернули круглые заглушки из лючков в борту, просунули в них узкие лопасти весел, взялись хорошенько и налегли.

Узкая длиннотелая лодья, высоко поднимая форштевень с ощеренной пастью чудовищного зверя, помчалась шустрее и вошла в пролив к озеру Лёг. Показались первые дымки, навстречу проплыл пузатый фризский когг. А Вадиму стало нехорошо — припомнил он, с чем следует в земли свейские, какие вести несет Эйрику конунгу, сыну Энунда из рода Инглингов. Оплывая страхом, прислонился Вадим спиною к мачте. Господи Иисусе, спаси мя и помилуй...

«Пардус» скользил по волнам озера, несся черным вороном, зловещей птицей, вестником несчастий и горестей. Словно отвечая мыслям Вадима, пролетел по ясному небу живой ворон, хрипло каркая. Священная птица Водана... Вадим сжал пальцы в кулаки — это знак! Крещенный в храме Святой Софии, ярл до сей поры барахтался в тенетах языческих провозвестий.

— К берегу! — скомандовал он, повеселев.

За разливом вод открылась Упсала, столица свейская, поставленная в устье речки. В Упсале проживал Эйрик Энундсон, конунг всея Свеарики.

Лодья утишила разгон и плавно приткнулась к деревянным мосткам. Крепкие парни с берега приняли швартовы и живо обмотали вокруг бревен. Первым на берег сошел Вадим, следом спустились Ардагаст и Прогост. Дорогу важничавшей троице перегородили трое викингов, каждый поперек себя шире. Средний из них, поглядывая на лодью, спросил неприветливо, коверкая гардскую речь:

— Чего надобно?

— А ты кто таков, чтобы спрос учинять? — попер на викинга Ардагаст, кладя пятерню на рукоять меча.

— С дороги! — поддержал брата Прогост.

На лодье заволновались, забегали, гремя оружием. Но викинги попались упертые. Средний набычился и пошел на Прогоста, вытягивая меч. Клинок в его могучей лапе гляделся кухарским ножиком.

— Стоять! — хлестнул голос, в котором пробивалось властное превосходство, и викинги неохотно отошли. Из-за их неохватных спин

выступил дородный свей в синем кафтанчике из фламандского сукна, с огромной собольей шапкой на голове, и громко сказал:

— Я — стурман [1] Эйрика конунга нашего, и все называют меня Хродвислом ярлом сыном Торгерда. Чья лодья пристала к нашему берегу?

— Люди зовут меня Вадимом ярлом сыном Годлава,— ответил Вадим.— Сами мы из Гардов и хотели бы переговорить с конунгом свеев.

Стурман склонил голову в знак согласия и повел рукою, приглашая следовать за собой.

Дорога была не длинной. Обогнув пологий курган, Вадим вышел к храму, рубленному из дерева и разукрашенному золотом. Храм стоял на ровном месте, окруженном холмами, как трибунами амфитеатра, виденного ярлом в Миклагарде. Рядом с капищем рос огромный, раскидистый дуб. На его ветвях висели, покачиваясь на ветерке, почти истлевшие останки давних жертв, а с голого сука свешивалась петля, стянувшая горло человека, принесенного богам намедни,— вороны только и успели, что глаза ему выклевать. За распахнутыми дверьми святилища горел огонь в очаге, подсвечивая статуи трех богов. Тор с молотом сидел посередине, Водан в доспехах и Фрейр с огромным членом тулились по сторонам. Вадим истово перекрестился. Ох, прав он был, спасая душу в вере истинной, и порукой тому его чутье! Да разве может сравниться запах тлена с благоуханием ладана?

Стурман не заметил крестного знамения. Поклонившись богам, Хродвисл ярл повел гостя ко дворцу свейского конунга. Вадим скривился. Дворец, называется! Да в Миклагарде его и за конюшню не сочли бы.

По двору близ королевских палат маялись без дела с полсотни викингов в доспехах. Завидев Вадима, «ясени битвы» мигом оживились, словно почуяли, с чем пожаловал пришелец из Гардов.

Поднявшись на второй этаж по внешней лестнице, стурман проводил Вадима в покои конунга.

Эйрик сын Энунда из рода Инглингов выглядел браво, хотя ростом и силой не потрясал. Кряжистым он был, основательным, со светлыми волосами цвета половы и ясными глазами, прозрачными, как тающий лед. Конунг был в высокой выхухолевой шапке с бобровой тульей, в длинном плаще черного сукна, отороченном горностаем. Плащ открывал красный кафтан с золотыми бляшками и плетенками и кожаные штаны, заправленные в юфтевые сапоги, расшитые мелким речным жемчугом.

---

[1] *Стурман* — буквально «большой человек», придворное звание.

— Высокочтимому владетелю Свеарики,— напыщенно возговорил Вадим,— великому и светлому Эйрику конунгу сыну Энунда, шлет приветное слово Вадим Храбрый сын Годлава, ярл ильменский!

— Приятно слышать учтивые речи от боярина Улеба конунга,— слегка поклонился Энундсон.— Что привело тебя к порогу дома моего, Вадим ярл?

— Хочу предложить Эйрику конунгу Аустрвег [1],— ровным голосом проговорил Вадим.

Эйрик встрепенулся, его глаза расширились — сперва во гневе, потом от растерянности. Светлые брови сошлись, сминая кожу на лбу морщинами непонимания.

— Проясни смысл твоих слов! — отрывисто сказал Эйрик.

— Все просто, конунг,— заговорил Вадим, дергая губами от возбуждения.— Тесть Улеба Буривой вдрызг разругался с зятем, разорвал все ряды мира и любви [2] и теперь один сидит в Кирьялаланде. Известно, Кирьялаланд мехами обилен, но ведомо ли тебе, конунг, что целые груды мехов скопились в Бьярмаре [3], дожидаясь купцов арабских? И все они будут твоими, если ты поторопишься их взять!

На губах Эйрика заблуждала улыбка.

— Карелы — хорошие охотники,— надавил Вадим,— но воины они никакие. На землях их стоит много крепостей, но самая большая...

— Кирьялаботнар? — перебил его Эйрик.— Та, что в устье Вуоксы?

— Да, конунг.

— У стен ее погиб мой прапрапрадед,— пробормотал Эйрик,— Ивар Широкие Объятия...

— Верно! — нетерпеливо сказал Вадим.— Но ныне Кирьялаботнар опустела. Кунингас Матул ушел из нее на праздник в Бьярмаре, и с ним утопала половина рати, что стояла в крепости. Путь свободен, конунг! А в помощи Буривою отказано. Улеб ясно выразился: ни одного варяга не дам! Сам, дескать, выкручивайся.

Эйрик взволнованно заходил по комнате, почти касаясь шапкой низкого потолка.

— Но почему ты открываешь мне тайное? — резко спросил он.— А, Вадим ярл? Тебе-то какая выгода от моего похода на карел?

— А такая! — Вадим раздул ноздри и сжал кулаки.— Карел ты покоришь с легкостью, и кто тогда помешает тебе подмять под себя Гар-

---

[1] *Аустрвег* — «Восточный путь», то есть земли на восточном берегу Балтийского моря.

[2] Так в то время назывались мирные договоры.

[3] *Бьярмар*, или Бьярмы,— тогдашняя столица Карелии, располагалась в районе Приозерска.

ды? Ты вернешься домой с хорошей добычей, а Улеба убьешь. И пусть его место займу я! Я буду собирать тебе дань и каждый год привозить в Упсалу. Сам!

Эйрик Энундсон задумчиво смотрел в угол, где стояло копье Одина.

— Хорошо... — протянул он.— Ты станешь правителем Гардов.

Вадим неслышно выдохнул: получилось!

— Но! — поднял палец конунг.— Улеба конунга убьешь ты.

— Я... — слабо молвил Вадим.

— Ты, Вадим ярл, ты,— мягко проговорил конунг.

Он прошел к маленькому окошку, под которым стоял поставец с нехитрой снедью, взял ржаную лепешку, намазал на нее масла, присыпал икры и откусил.

— Никто же тебе не предлагает заявиться к Улебу во дворец и прирезать его,— журчал Эйрик,— но я ж по себе знаю, как живут конунги. Зимою Улеб пьянствует на пирах, а летом или воюет, или на охоте пропадает. Отсюда и выбор — или яду подсыпь, или подстрой несчастный случай на охоте. Мало ли что в лесу случается...

— На неделе Улеб тура гнать собирался... — задумчиво произнес Вадим.

— Во! — обрадовался конунг.— И ты поохоться! Улеб на тура, а ты — на Улеба. Главное что? Охота на тура — дело опасное... Вот где можно конунга... того...

— Чего? — недопонял Вадим.

— Убрать. Подколоть копьем! Упаси бог — стрелой или ножичком. Только копьем. Будто рогом боднули! Чтобы так — вот Улеб, вот тур. Насадить конунга на рожон — и в лес! И пусть тур с трупом поиграется, потопчет. Кто что скажет? Несчастье на охоте! Не остерегся конунг. Ну и все... Дружина без конунга, что стадо без пастуха. Разбежится! К тебе же и откинется. А в помощь тебе дам своего человечка. Зовут его Хуфин Убийца, надежный малый. Действуй... Вадим конунг!

Рано-рано, когда в зоревых лучах догорали последние звезды, «Пардус» покинул озеро Лёг и взял курс на Гарды. Тревоги и страхи мучили Вадима, но и сладкий яд точил душу его. Лодья летела черной птицей к озерам и лесам Гардарики, а Вадим чувствовал себя ангелом смерти, возвещавшим божий суд. Он нес родине войну.

Скоро, скоро вострубят рога! Огнем и мечом расчистит Эйрик Энундсон дорогу Вадиму Храброму, дорогу к трону. И мы еще посмотрим, кто кому будет дань платить!

3

...Лев — царь зверей. Трюизм. Кто-то первым высказал это мнение, а молва возвела его в ранг последней истины. Сомнительной, если рассудить. Никто же не сводил в поединке льва с белым медведем или, хотя бы, с бурым собратом арктического ошкуя [1]. О, такие, бывает, чудища попадаются в лесах, что куда там гривастому с кисточкой на хвосте! Но что мы все о царях, да о царях. Можно и о князьях звериных потолковать. Кто в русском лесу хозяин? Медведь. А если подумать? Никогда ни один медведь не схлестнется с туром! В этом диком буйволе жила великая мощь, а если помножить ее на ярость... Не одолеть тура медведю! Турицу задрать — куда ни шло, а тура — ни в жисть. Надо полагать, трон лесного князя перешел к топтыгину в семнадцатом веке, когда европейцы доконали последнего тура. Ах и красивая же зверюга была! Высоченный, широченный, лоснящийся, гнедой весь, только на хребтине белая полоса, и рога — длиннющие, острейшие, торчащие вперед, как у трицератопса. А уж характерец... Это вам не племенной бык! Тур! Он не туп, он умен и зорок, ступает бесшумно и появляется неожиданно. Степного тура хоть издали увидишь, а лесного, поди усмотри! Наверное, зря природа дала туру рога — повадки у него какие-то не травоядные. Хищного в туре много, немирного. Так на то и князь, за то и уважение! А охотнику, добывшему тура,— почет и слава.

Охоту на тура затеяли в междуречье Паши и Сяси. Места здесь буреломные, по вешней поре — топкие, но в начале лета пройти можно. Не парк, конечно, так ведь и тур — не буренка.

Вадим поднялся по Паше на «Пардусе», взяв, кроме гребцов, лишь Ардагаста и Прогоста. Двойняшки не отличались сообразительностью, зато ничего не боялись и никому не давали спуску. «Когда трон займу,— мечтал Вадим,— сделаю их гвардейцами! А Прогосту дам чин... нет, лучше дам обоим, передерутся еще...»

С приятностию решая будущие проблемы, Вадим ярл высадился на бережку, где сосны отступали полукругом. Здесь и разбил лагерь Улеб конунг. Дугой вдоль опушки стояли шатры, аппетитно булькало мясо в котлах. Охотники — гардские князья и ярлы, следопыты и гридни — попивали мед да пивко и рассуждали об особенностях национальной охоты и рыбалки.

---

[1] *Ошкуй* — белый медведь.

— Ты мою лодью знаешь? Не малая посудина — в шестнадцать румов [1]. Так тот осетр... ну, может, на локоть меньше лодьи был! Царь-рыба!

— Не видел, значит, ты матерого волчару! А на меня один такой вышел... В холке — выше хорошего коня, а лапы — что моя нога! Ох и зверюга был... вся семья его шкурой укрывалась...

— Тю, тетерев! Я однажды чуть птицу Алконост не свалил! Гляжу — сидит на суку диво, вроде птица, да уж больно велика. Я быстренько стрелку на лук, натягиваю... А оно как раскинет крылья, как обернется... Мать моя! Сиськи торчат — от такенные, и лицо бабье! А ты — тетерев, тетерев...

— А лонись [2] я четвертого добыл. Вроде и жалко тварь, так ведь на него бортей не напасешься!

Ардагаст с Прогостом быстренько вкопали центральный резной столб и накинули на него кожаный шатер, растянули к колышкам, чтоб все было как у людей. Двойняшек узнавали, хлопали по гулким спинам, звали к кострам. С Вадимом тоже здоровались, но разговоров не заводили — старались вообще не связываться. Вадимова надменность и высокомерие, злопамятность и склонность к пакостям людей не влекли. Все сходились на том, что «с дерьмом лучше не связываться».

Вадим был в курсе общественного мнения, но выводов не делал, злился только и представлял в сладких мечтах, что он сделает с обидчиками, когда дорвется до власти. А уж его мрачным фантазиям позавидовали бы иные заплечных дел мастера. У Вадима ярла было пугающее хобби — он коллекционировал пытки. И казни. Узнает что-нибудь новенькое о том, как помучить человеческое существо, и записывает, наслаждаясь, как всякий собиратель. Саддам-урганджи, купец-хорезмиец, поведал Вади-ярлу на днях, как человеку испортить жизнь. Надо надрезать ему пятки, всыпать на живое рубленого конского волосу и дать зажить ране... Другой рецепт пришел из Аквитании: сгибаешь мужика в дугу, яички его перетягиваешь проволокой, а другим концом наматываешь на шею. Сидит мужик, согнутый в три погибели, мучается, костенеет, пялится на синюю, вспухшую мошонку, а выпрямиться не может! К женщинам иной подход — надо соски их распрекрасные защемить, хотя бы крышкой сундука...

Как припомнишь всех врагов, как начнешь применять к ним (пока что в уме!) этакую методу — душа петь начинает, в глазах мягкость появляется, нежность даже...

---

[1] Число румов соответствовало количеству гребцов по одному борту.

[2] *Лонись* — прошлой осенью.

— Здрав будь, Вадим конунг,— послышался тихий голос. Вадим живо обернулся. На него глядел голубоглазый блондин с очень странным утиным носом. Что-то злое, нутряное, потаенное то и дело пробивалось в блуждающей усмешке утконосого, пугая желтозубым оскалом, выглядывая из-под белесых ресниц.

— Меня называют Хуфин Убийца, господин,— представился утконосый.

— И ты здрав будь, Хуфин,— милостиво сказал Вадим, наслаждаясь самой формой привета и ответа.

— Тот, кто велит,— добавил Хуфин тихо, намекая на Эйрика Энундсона,— приказал помочь тебе... в охоте!

— А знаешь ты, на кого мы охотимся? — криво усмехнулся Вадим.

— На Улеба! — хихикнул утконосый.— Копье начнет, а рога закончат!

Улыбка разделила бороду и усы Вадима и вновь свела их, замкнув уста. Когда Хуфин только появился, ему хотелось одного — пусть утконосый как-нибудь сам прикончит Улеба, без него. Но теперь, испытав усладу чужого раболепия, Вадим отказался от своего желания. Если конунга порешит Хуфин, он никогда уже не взглянет на Вадима вот так вот, снизу вверх. Утконосый поднимется на ступеньку и встанет вровень со светлейшим высочеством, ибо высочество будет обязано Хуфину. Стерпеть такое унижение? Еще чего!

— Будешь прикрывать меня,— приказал Вадим, хмурясь.

— Да, господин!

Ну разве не стоит эта угодливость мгновения риска? Одно мгновение всего — копье входит Улебу в спину, с хлюпающим звуком разрывается кожа, хлещет кровь, уходит жизнь... И сбывается мечта.

— Э-ге-ге! — закричал с опушки егерь Рунольт.— Нашли!

Загалдела знать, как на торгу, хвастаясь охотничьими подвигами, пошла врать, живописуя таких тварей, по сравнению с которыми даже дракон покажется игривым Мурзиком. Слышались возгласы:

— Пошли скорее! Долго ты будешь копаться?

— Отвине, возьми мое копье! Щас я, быстро...

— Бери эти — срезни не пробьют. У него шкура — что твой щит...

— Видга, останешься за хозяина!

— Да ты лапти обуй! Чего в сапогах париться?

— Быстрее, быстрее!

Вадим вытер о штаны вспотевшие ладони и покрепче перехватил копье. Глаза его осмотрели толпу и цепко глянули на Улеба. Конунг гардский был без броней, в одной стеганке поверх рубахи. Плащ-

корзно он оставил в лагере, в шатер полетела и княжеская шапка. Веселый, раскрасневшийся, Улеб внешне ничем не отличался от своих гридней, толкавшихся на опушке.

Вадим насупился и шагнул на тропу.

Смешки вокруг затихали, словно веселье оставили в лагере вместе с ненужными на охоте вещами. Люди шагали бесшумно, быстро скользя меж дерев, переговариваясь по нужде — четко, быстро и негромко. Люди принимали законы Леса.

Издалека долетел полурев-полумычание. Охотники замерли, а Асмуд хевдинг, набрав в грудь воздуха, затрубил в рогманок, подражая туру. Неужто лесной князь потерпит наглеца, топчущего его угодья?! Рев донесся яснее — тур рвался проучить пришлого самца. А ну как его туриц уведет?! Ой, плохо чужаку будет, ой, плохо...

— Туда! — указал Асмуд на просвет между двух скрученных сосен.

Охотники молча пошли, куда велено. Асмуд выпрямился и затрубил — с переливами, словно гордясь своей силой и статью. В ответном реве зазвучало бешенство обманутого супруга.

— Ишь, забирает как! — с ухмылкой пробасил Асмуд.

— Разделяемся! — развел руки Рунольт.

Охотники пошли двумя отрядами. Вадим высмотрел Улеба и пристроился за ним. Позади затрубил Асмуд. Тур заревел совсем рядом, горой окостеневших от гнева мышц ломясь сквозь кусты. Вадим облизнул пересохшие губы. Странно он чувствовал себя. Тур его не страшил, а вот Улеб... Чем ближе подходила роковая минута, тем сильнее дрожали руки.

Ярл прокрался между мелких, растрепанных сосенок и зашел Улебу за спину. Вот она — широкая, мускулистая, обтянутая стеганкой. Сын Бравлина конунга присел за валуном и ждал выхода зверя. Плечи его были напряжены, пальцы, стискивающие древко рожна, побелели. Подрагивал плоский и длинный наконечник, похожий на короткий меч.

А вон на стеганке, слева внизу, горелое пятно. Бить нужно туда... Вадим в тоске оглянулся — никого. Пора...

Но... нет! Несказанный страх и томление сковали Вадиму руки. Ну же, ну же... Время уходит! Никто ж не узнает! А вдруг?.. Кто схоронился за теми кустами — друг или враг?! А пусть даже и друг! Это только так говорится — друг не выдаст, друг не продаст... Не продаст, пока цену не назовут! А коли сторгуются?! Да если только гридь узнает, кто проткнул их конунга... Вадим на практике озна-

комится со многими украшениями своей коллекции. Вдоволь нанюхается паленого мяса! И не чужого... Принято южан считать знатоками, спецами по причинению страданий. Ну так северянам тоже кое-что ведомо! Положат «Вадима конунга» мордой вниз, привяжут и ножичком взрежут кожу вдоль хребта. Каждое ребрышко отделят и вывернут — на живом еще! А потом заделают Вадиму «кровавого орла» — вытянут со спины его розовые легкие, будто крылышки...

Вадим заскрипел зубами. Улеб резко обернулся и поднес палец к губам: тихо, мол! И вновь приник к камню.

Тур явил себя. Он возник как бы из ничего — черная бестия, критическая масса беснующейся плоти. Тур шумно вдохнул воздух, высматривая противника налитыми кровью глазами. Угрожающе опустил громадные рога и загреб землю копытом. Напружил могучую шею, исторг яростный рев. Где враг?!

Без шума спущенные стрелы воткнулись быку в загривок. Утробно замычав, тур взвился на дыбки, закидывая голову. Улеб этого только и ждал. Словно подброшенный пружиной, он перепрыгнул валун и воткнул копье в брюхо конунгу лесному. С другого боку подбежал Асмуд и добавил.

От боли тур испражнился. Он тяжело упал на передние копыта и вдруг бешено завертелся, харкая кровью и поражая страшными рогами. Рунольт замешкался, и тур буквально измочалил егеря, отбросив в кусты растерзанное тело.

Не желая терять лицо, Вадим выскочил на поляну. Тур резко развернулся и бросился на Вадима ярла. Тому надо было за один удар сердца успеть поразить лесного гиганта копьем, упереть оскопище [1] в землю и отскочить в сторону. Вадим успел.

Тур напоролся на копье и, замерев на мгновение, тяжело повалился на бок. Жизнь покидала громадную тушу. Асмуд вскочил на трепещущий бок буй-тура и острым ножом вырезал широкую и длинную полосу вороной шкуры. Обычай жестокий, но считалось, что в ремень турьей кожи переливается сила животного, и что она передастся тому воину, кто его наденет.

Помалу охотники выходили из транса, унимали кровь. Егеря заученными движениями разделали тушу, и Улеб лично закопал голову тура, помолясь и испросив прощения у духа животного за причиненную смерть.

---

[1] *Оскопище* — древко копья.

Усталые и довольные, охотники потянулись в лагерь, волоча добычу. И даже то, что двое несли Рунольта, похожего на истоптанную тряпичную куклу, не омрачало настроя — все ведь знали, на что шли. Тур — не заяц, промашки не спустит.

Вадим плелся следом за двумя молодыми гриднями, тащившими каждый по здоровенному окороку. Рядом пристроился Хуфин Убийца.

— Не успел,— буркнул Вадим, непроизвольно сжимая руку, где совсем недавно было копье.

— Ну и ладно,— бодро зашептал утконосый.— Зато, конунг, ты тура положил!

— Начал Улеб,— вяло отговорился Вадим.

— А ты докончил!

— Ну да...

На опушке уже вовсю пылали костры. Мясо тура рубили большими кусками и насаживали на вертела, солили, натирали травами, совали в надрезы лук. Запах поплыл над лагерем, будоража и дразня. Гардская аристократия переменила тему.

— Я, когда в Миклагарде служил,— вспоминал Асмуд хевдинг,— едал ихнего... как его... поркус... дальше забыл. Ну, короче, вепря берут и жарят целиком, а внутрь птицу битую суют. Пулярочек, там, рябчиков всяких...

— А меня однажды в Асские горы [1] занесло,— с жаром начал Крут,— к аланам ездили... по разным делам. Так они шашлыком угощали. Это... да вот, как у нас, мясо на вертеле, только кусочки маленькие, и их всю ночь вымачивают. Ну, там, соль, лук кладут, уксус... Объедение!

— А на Непре нас колбасой потчевали,— мечтательно закатил глаза бледный гридень с узким лицом.— Готы свиные кишки не выбрасывают, как мы, а чистят и набивают кусочками мяса, получаются колбаски. Их жарят, и мясо в них, как в мешочке, соку не теряет...

Вадим сидел, развалясь, у костра и пил хмельной мед. Он был тут, со всеми вместе, и в то же время наособицу. На душу его опустились сумерки, и даже мед не разгонял тоскливый мрак. Вадиму было паршиво — он так и не пришиб Улеба... На первом шаге к трону его светлейшее высочество споткнулось.

---

[1] *Асские горы* — Кавказ.

Глава 8

1

Любимая лодья Эйрика Энундсона была наречена «Рыжим Змеем». Не в честь славного Энунда, чья пышная грива горела на солнце ярой желтизной. Просто, когда лодью спускали на воду, она скользила по двум бревнам, щедро смазанным салом, а поперек лежала жертва — рыжий безымянный трэль. Тяжелый киль драккара переехал трэля, раздавил и размолол тело, так что кровь человеческая забрызгала оструганные борта. И дротт, жрец Одина, присоветовал назвать лодью «Рыжим Змеем». Дескать, этим привлечена будет милость богов, владык пучин и ветров.

«Рыжий Змей» был велик. Огромное дерево в пятьдесят больших шагов пошло на его киль. Правда, конунг гардский владел еще большими лодьями, но такие корабли могли заходить лишь в устья полноводных рек вроде Сены или Рейна. А вот когда русы ходили в поход на арабов, они поднимались до Севильи на обычных скедиях. И ромеев воюют тем же порядком. Да и как одолеешь волоки по пути из варяг в греки на тех же снекках, громадных, как ромейские триремы?! И это утешало Эйрика Энундсона...

— Конунг! — почтительно склонился стурман.— Прибыли свободные ярлы! Арт Одноглазый сын Хравна на лодье «Акула», Даль Толстый сын Ульвара, тот самый, что на тинге поколотил берсерка Эгиля, приплыл на двух лодьях. Альф Готский сын Вифила, на трех. Гейр Ливонский сын Хакбьярна...

— Дюк Славянский на месте? — перебил его Эйрик.

— Да, конунг,— почтительно склонился стурман.— Дюк Славянский сын Хилвуда сына Келагаста привел своих людей на трех лодьях и поит их со вчерашнего дня...

Эйрик расхохотался.

— Узнаю Дюка! — воскликнул он.— Кто еще пожаловал?

— Уббе Фризский сын Гудлауга,— торжественно продолжил стурман,— Греттир Викский сын Эринмунда... С Греттиром людей мало явилось, зато на четырех кораблях.

— Добавим! — кивнул Эйрик.

— Торольв Стабборнский сын Спьяльбуда пожаловал,— продолжал стурман,— на лодьях «Арвак» и «Альсвинн», Громар Кре-

стьянин сын Фрейгейра на своем «Морском вороне»... И... И все. Пока.

— Ледунг [1] объявлен? — деловито спросил Эйрик.

— Да, конунг. Всем лендрманам я послал по стреле, и каждый из них оказался послушен твоей воле. Больше всего хускарлов выставил Андветт из Бирки — пятьдесят дюжих молодцев!

— И много набралось воинства?

— Три раза по десятку сотен!

— Отлично, Хродвисл! Прикажи трубить поход. Аустрвег ждет нас, Хродвисл!

Стурман весь расцвел радостной улыбкой и сбежал на берег. Эйрик подошел к борту «Рыжего Змея». Пристань бурлила, переполненная викингами. Кто познатней да побогаче, явился ко двору в бирни — длинных кольчугах до колен, а основная масса щеголяла в кожаных подбитых куртках с нашитыми пластинами из железа или бронзы. Иные были в круглых шлемах, ополченцы носили на нечесаных и нестриженых головах кожаные шапки.

Больше всего в толпе качалось копий, мечи блистали куда реже. Часто сверкали лезвиями боевые секиры на длинных рукоятках. Гремели щиты. Лязгали, сцепляясь, копья-крюки и копья-топоры. Грюкали бортами десятки драккаров, тесно поставленные у приглубого берега.

Эйрик даже глаза зажмурил, погружаясь в эти волнительные звуки, предвещавшие битву. Скоро, очень скоро затрубят рога, и вся эта Сила, покорная его власти, двинется на восток — рубить и жечь, копить добычу и славу!

Хрипло завыли рога. Викинги на берегу взревели, бряцая оружием, и повалили на драккары. Полторы сотни лучших из лучших уже взошли на палубу «Рыжего Змея». Они ждали. Эйрик Энундсон положил ладонь на рукоять своего меча, носившего имя Грамр, что значило «Неистовый», сжал ее и выдернул клинок из ножен. Он любил свой меч и относился к нему с нежностью и трепетом, коих не дожидались от него женщины. Меч для викинга — не орудие убийства, а драгоценный товарищ. Железо и огонь совокупились, чтобы родить клинок. В лезвие его вселялся яростный дух войны, терзаемый жаждой убийства, и истинный викинг ублажал свой меч, поил его горячей кровью...

— Вперед, ярлы! — взревел конунг.— Вперед, грид! Вперед, ледунг!

Крики восторга слились в могучий рев, разносясь над водами. Война началась.

---

[1] *Ледунг* — ополчение.

Шесть десятков лодий вывел в поход Эйрик Энундсон. Черные вороны корчились на парусах и завитые в узел змеи, молоты Тора и колеса Ирмина, верховного бога саксов. Могучую грудь Эйрика конунга распирало гордостью и злым торжеством. Железной бороной пройдет его войско по землям гардским, сравняет с травой их хваленые крепости, выкосит варягов и пожнет великую славу!

— Подходим! — заволновались на носу корабля.

«Рыжий Змей» шел мелким Хольмским заливом. К северо-западу зеленели растрепанные сосны и угрюмо серели мшистые скалы, обрамлявшие устье Вуоксы [1].

Драккары медленно перестроились, по одному втягиваясь в прозрачную реку. Ветер переменился, и викинги сели на весла.

Вуокса раздвинула берега — две стены елей и сосен. Кое-где, по урезу воды, шелестел камыш. И вот за очередным поворотом очертились стены Кирьялаботнара. Крепость стояла на пригорке, на мощном валу, сложенном из камней и целых валунов. Круглая в плане, фортеция была огорожена частоколом из бревен в обхват, а еще выше поднимались шесты с выбеленными дождем черепами — коровьими, медвежьими и человечьими.

— К бою,— спокойно сказал Эйрик, сдерживая азарт.

Драккары устремились к берегу, шурша камышами, и сотни викингов молча перепрыгивали через борта, уберегая от воды топоры и мечи.

Сонный карел возник между заостренных бревен и ошарашенно вытаращился на огромное войско. Он уже раскрыл рот, чтобы поднять тревогу, но меткий дротик-ангон пробил карелу грудь, обрывая жизнь.

— На штурм! — заревел Эйрик, и вся рать подняла крик и вой, кинувшись на стены Кирьялаботнара.

За верхом частокола замелькали головы защитников, но напор был куда сильнее вялой обороны. Викинги с ходу бросали лестницы на стены и махом взлетали по ним до самого верха, прорубая себе вход сквозь кровь и кости, железо и кожу.

Громадное бревно, подхваченное на руки, стало тараном. С ревом и руганью викинги сорвались с места, удерживая таран, и ударили по толстым воротам. Лесины жалобно заскрипели.

— Отходим! Разбег... взяли!

— У-у-у!

— А-а-а!

— О-о-о!

---

[1] В те времена Вуокса была глубока и соединяла Ладогу с Финским заливом.

С третьего удара сорвалась левая створка ворот, и викинги ворвались во двор. В кругу крепостных стен стоял всего лишь один «длинный» дом и несколько клетей, по двору металось с полсотни карел без броней, даже кожаных доспехов не было на них, а руки оборонявшихся сжимали старинные мечи эпохи Меровингов.

— Бей финнов! — заорал Даль Толстый и первым показал пример, рубанув карела в длинной рубахе с богатой вышивкой. Выбеленная тканина щедро окрасилась кровью.

— Бей! Бей!

— Спалим осиное гнездо!

— Га-га-га!

— Орм! Тащи факел!

Крепость пала. Вуокса была открыта — входи, бери, что хочешь! И викинги тут же воспользовались предоставленной возможностью — наведались в карельскую деревню, тулившуюся к Кирьялаботнару со стороны леса. «Ясени» врывались в избы, зверея от вседозволенности, и рубили всех подряд: немощных старцев и стариц, малых отроков и отрочиц, юнышей и юниц. Впрочем, нет, для девиц делалось исключение — их сначала насиловали, а уже потом закалывали. Парней убивали сразу. А как же? Вырастет воином, придет да стребует должок! Еще чего не хватало...

Эйрик конунг прошелся по деревне, слушая женский вой, стоны умиравших мужей, девичьи крики, и мягко улыбнулся. Война! Он снова в деле, и руки его сильны, и глаз зорок! Держа в руке меч, он подошел к длинному дому, выходившему на маленькую площадь посреди деревушки, где рос священный дуб. Банда славян, приведенная Дюком, как раз вешала на суку местного жреца, седобородого карела, крепкого и статного. Карел молча и яростно вырывался, тщетно призывая Ильмаринена, а славяне, похохатывая, накидывали ему на шею веревку.

— Нет! — заверещал молодой ломкий голос, и из длинного дома выскочила девушка зим пятнадцати-шестнадцати, но уже с весьма заметными округлостями, с телом тугим, налитым здоровьем и женской силой.

— Стоять! — воскликнул Эйрик конунг, хватая девушку за талию.— А говорили, в деревне нет ничего ценного! — захохотал он.— А тут целый слиток «лохматого золота»!

— Пусти! — закричала девушка, трепыхаясь в железных объятиях Эйрика.— Дедушка!

— Прощай! — выкрикнул жрец.— Помни...

Он не договорил — славяне перебросили веревку через сук и дружно натянули ее, вздергивая карела, обрывая ему голос и саму жизнь.

— Дедушка! — застонала юница.

Эйрик сгреб юницу в охапку и потащил в ближайшую избу, длинный, приземистый дом, поставленный с краю леса. Кроватей тут не знали, но у всех стен тянулись широкие лавки, этого было довольно. Отложив меч, Эйрик рывком стянул с девушки рубаху и стал одной рукой лапать упругие груди, а другой торопливо расстегивать ремень на кожаных штанах. Девушку он швырнул на лавку и придавил коленом, чтобы не дергалась. Внучка повешенного казалась безучастной, как вдруг ее рука вцепилась в детородный орган свея, набравший твердости, и резко согнула его. Эйрика Энундсона резануло болью. Захрипев, он отшатнулся, хватаясь за член. Палящая боль еще сильнее хлестнула его. А девчонка скатилась с лавки, вскочила и с криком «Проклинаю!» убежала в лес, голая и босая.

Рыча от бессильной ярости, Эйрик кое-как заправил штаны и похромал прочь, мечтая о холодной примочке на больное место и о море огня для всех карел.

— Все сжечь! — каркнул он подбежавшим викингам.— И всех вырезать!

— А мы уже... того... — доложил длинный как жердь Суннват.— Всех, под самый корень!

— Хвалю! — буркнул конунг и побрел к крепости.

Когда он вошел во двор Кирьялаботнара, все постройки горма горели.

— Стены пожгите! — приказал Эйрик.— Никто не ушел?

— Нет! — заревели здоровенные красавцы хускарлы, навыка боевого не имевшие, но рвения преисполненные.— Всех положили, конунг!

— На корабли! — скомандовал Эйрик, пересиливая боль. Замечая в глазках хускарлов восторг и обожание, он через силу добавил: — Вперед, храбрецы! Я горжусь вами!

И хускарлы, вчерашние пастухи и кузнецы, железоделы и углежоги, сразу будто выросли на пару футов и раздались вширь. Что им Кирьялаланд! Да за одно доброе слово конунга они весь Мидгард [1] положат к ногам его! А конунг, шипя сквозь зубы, проковылял под навес, где хозяйничал дротт Гаутдьярв, и жрец, и целитель.

---

[1] *Мидгард* — Средний мир, мир людей, в отличие от мира богов.

— Глянь-ка... — просипел Эйрик, спуская порты.

— Ох, ничего себе!..— выпучил глаза дротт и тут же прикрыл их мохнатыми седыми бровями.

Член у Эйрика распух, став толщиной в руку, а мошонка посинела. Кровоподтек выкрасил весь низ живота.

— Тут лед надобен,— вздохнул дротт.

— Так найди! — злобно сказал конунг.

Гаутдьярв разогнулся, кряхтя, и подозвал помощника, белобрысого Бьерна. Тот выслушал приказ и бросился в деревню — ледник искать. Вернулся быстро и принес большой кусок льда, завернутый в тряпицу, мутный и грязный. Лед таял и стекал по рукам Бьерна струйками, но конунгу было не до того. Нетерпеливо отняв последний привет зимы, конунг приложил лед и содрогнулся.

«С-сучка! — подумал он.— Доберусь я до тебя! Сто раз пожалеешь, что сразу не сдохла!»

2
КИРЬЯЛААЛАНД, РЕКА КУМЕНА

Князь Буривой вел свой род от Иона и Ендвинда, а брак его дочери Умилы с самим конунгом гардским сильно поднял ему авторитет. Под старость Буривой стал сварлив, вечно цеплялся к зятю, учил его жить. А зятек тоже смирения не выказывал — посылал тестя по всем известным ему адресам, причем очень далеко и надолго.

И вот семейные неурядицы распухли до размеров междоусобицы...

У Буривоя под началом была сборная дружина карельских воинов — великолепных стрелков, запросто шлющих стрелу в глаз белке, но с мечом не дружных. А еще Буривой распоряжался ратью в полусотне крепостей, похожих на Кирьялаботнар, только помельче. В крепостях тех никто не жил, туда сбегался окрестный народ, если вдруг жаловали непрошеные гости, датчане или еще кто. И на этом власть Буривоя кончалась. Жадные кунингасы просто сгрузили на него все военные заботы и развязали себе руки для главного в их жизни — скупки мехов в северных пределах и перепродажи «мягкой рухляди» гостям с далекого юга. Уяснив это впервые, Буривой взбесился, чуть не поубивал кое-кого, но быстро остыл — сам виноват. Надо было сначала думать, а потом уже хвататься за лестное предложение! Эти

купчины, которые по недоразумению кунингасы, знали, как с ним сторговаться и залучить князя в военные вожди. А теперь все, слово даденное надо держать, хоть ты умри! Иначе какой ты князь?! Да и любят его карелы, уважение к нему имеют...

Буривой закряхтел и перевернулся на другой бок. Нудный дождь лупил по верху кожаного шатра и мешал спать. Раздраженно почесав седые космы, Буривой сел и потянулся к ковшику с квасом. Ковшик был пуст. Ну, не ему одному не спать...

— Ларни! — позвал он сердито.— А ну, подь сюды!

Кожаный полог зашевелился, и в шатер проник белоголовый парень, крепкий и ладный, с мечом на поясе, но без броней. Жадны кунингасы, жалеют дирхемов на кольчуги! Жабы...

— Звал, княже?

— Квасу набери,— буркнул Буривой.

Ларни исчез и тут же вернулся с полным ковшиком шипучего, холодного кваску.

— Ха-арош! — оценил Буривой, пригубив.

Ларни расплылся в довольной усмешке и тут же нахмурился.

— Княже,— неуверенно молвил он,— там девка одна... Говорит, старого Пелко внучка, Дана...

— Так зови...

Ларни пропал и тут же вернулся с бледной девушкой, завернувшейся в плащ. Босые ноги ее были разбиты и грязны, волосы слиплись в сосульки и торчали, взывая о бане. Девушка пошатнулась, и Буривой сделал движение подхватить ее.

— Садись, садись... — засуетился он.— Ларни!

Ларни подсунул девушке чурку, и та без сил опустилась на нее.

— Не похожа ты на внучку жреца, согласись... — проворчал Буривой.

— Это уже неважно... — проговорила девушка. В тепле шатра ее неудержимо потянуло в сон.— Извини, княже, за мой вид, я две ночи добиралась до вас...

— Что случилось? — насторожился Буривой.— С дедом плохо?

— Деда больше нет,— равнодушно ответила девушка.

— Что-о?

— Воины Йерика кунингаса напали на Кирьялаботнар,— по-прежнему безразлично сказала Дана.— Линнавуори [1] и деревню нашу по-

[1] *Линнавуори* — крепость.

жгли, всех вырезали, кто в лес не успел убежать, а деда повесили на святом дереве...

Буривой выпрямился и скомандовал Ларни:

— Буди всех! Живо!

Ларни исчез, а князь склонился к Дане:

— Это правда?

Дана пожала плечами.

— Я не за тем ноги сбивала, чтобы врать...

— И много тех воинов?

— Я насчитала пять десятков лодий, и там еще были, и все лодьи велики, каждая сотню свободно вместит... И они все идут сюда, княже!

— Та-ак... — тяжело измолвил Буривой.— Ладно, Дана, ложись и спи, а я пойду!

Девушка добрела до топчана, легла и мгновенно уснула.

— Намаялась, бедная... — пробормотал Буривой.

Тихонько стащив с Даны грязный плащ, он обнаружил, что девушка нага, и только головой покачал: натерпелась, девонька... Укрыв ее теплым овчинным одеялом, он вздохнул и вышел вон.

Дождь перестал, но воздух был прохладен, тянуло сыростью, река Кумена за густым тростником шумливо ворочалась в узких берегах.

Сотники, хмурые и встрепанные, предстали перед князем, переминаясь и поправляя пояса с мечами.

— Не на меня злитесь,— пробурчал Буривой,— а на ворога. Свеи припожаловали!

Кратко посвятив сотников в события минувших дней, он прошелся взад-вперед и вынес решение:

— Здесь ждать будем свеев! Эйрик конунг поднимается по Вуоксе, и устья Кумены ему не миновать. Ты, Тойво, станешь со своими на том берегу...

Высокий мужчина с белокурыми кудрями херувима, сухопарый, с широкими костлявыми плечами, молча кивнул.

— Из лесу не кажись до поры,— наставлял его Буривой,— пущай стрельцы твои постараются свеев пощелкать, потом уж накинемся. А у тебя, Урхо, иная задача...

Коренастый, плотный крепыш с едва раскосыми глазами изобразил на скуластом лице максимум внимания.

— Заготовишь поболе смолы да сухой бересты и будешь лодьи свейские жечь с берегу. Все тебе не успеть — подпали, какие сможешь.

— Сделаем,— кивнул Урхо и вновь сомкнул узкие губы.

Раздав приказания, Буривой отпустил воинов и присел на пенек. Подумал грустно, что, наверное, это будет его последняя война. Еще одной ему просто не сдюжить — годы не те...

Выглянуло солнце, лес заиграл мириадами капель и бисеринок пролитой небесной влаги. Запарило, а когда стало совсем тепло, показались лодьи свеев. Одна за другой выплывали они из-за поворота вертлявой Вуоксы — паруса подтянуты к реям, весла дружно, без всплесков, гребут, баламутя прозрачную воду.

— Дашь сигнал, когда последняя покажется,— тихо сказал Буривой. Ларни серьезно кивнул.

Драккары шли ходко и кучно, не растягиваясь. Вуокса в этом месте была неширока, стрелкам удобно — бьешь в упор, но викинги не спешили становиться мишенями. Гребцов прикрывали прочные доски бортов — до шеи, а головы прятались за навешанными щитами.

Высоко задирая нос с головой горгульи, выплыла замыкающая строй лодья. Ларни приложил руки к губам и громко ухнул филином. С того берега откликнулись две сороки. И тут же сотни стрел пронизали листву, втыкаясь в борта, в щиты, в тела. Кормщики, сидящие повыше гребцов, пострадали больше всех — половина лодий лишилась рулевых. Драккары стали рыскать, разворачиваться поперек, ломая строй.

— Навесом стрелять, навесом! — глухо крикнул Буривой. Команда облетела стрелков, и вот луки задрались в небо, и облачко тяжелых стрел взвилось свечами, переваливаясь в высоте и падая на лодьи сверху, с огромной убойной силой гвоздя неприятеля.

По-над рекой понеслись крики, лодьи повернули к берегу, высаживая разъяренных бойцов, а тут и огнеметчики Урхо приспели — забросали лодьи чадящими факелами, добавив для верности тючки пакли и бересты, сухие и щедро просмоленные. Пара лодий занялась в момент, после вспыхнули еще три, но это был последний успех — викинги перешли в наступление. Злобно воя и бранясь по-черному, свеи бросились в атаку на оба берега, продираясь через кусты, и бешено работали мечами, врубаясь в ряды карел, полосуя их направо и налево.

Буривой вытянул клинок. Боги, боги, сколько же крови сольется сегодня в реку...

На обрывчик, где стоял Буривой, с разбегу выбрались трое викингов. Двумя занялись Ларни и великан Ахти, третий достался Буривою. Викинг был хорош лицом и фигурой ладен — широкоплечий, муску-

листый, рослый. Гладкая кожа на лице выдавала молодость и скудость опыта.

— Х-ха! — выдохнул викинг, нанося мощный удар.

А Буривой, уклонившись, подрубил викингу ногу. Обливаясь кровью, свей устоял. Сделал, было, замах, но Буривой в ту же долю секунды ударил снизу вверх, снося молодое, гладкое лицо, и отступил, освобождая место для падения мертвого тела.

Ларни был вооружен копьем длиною футов в пять, с вытянутым, широким наконечником листовидной формы. Его противник помахивал топором на трехфутовой рукояти. Замахнувшись, он обрушил топор на непокрытую голову Ларни. Карел подставил круглый русский щит, и тот треснул посередине. Отбросив щит, Ларни вцепился в копье обеими руками и сделал выпад. Викинг махнул топором, но закругленное лезвие опоздало перерубить древко — Ларни отпрянул, тут же поймал секиру в том месте, где она соединялась с рукоятью, и выдернул ее из рук обалдевшего викинга. Глаза таращить ему довелось недолго — Ларни тут же воткнул копье, просаживая кожаный доспех. Хлынула кровь, свей, шатаясь и зажимая рану ладонями, отступил к дереву. И тут же три стрелы прикнопили его к стволу.

Ахти, зарубив своего, примерил трофейный шлем-спангельхельм и остался доволен.

— Как раз по мне! — крякнул он.

Буривой даже не глянул на Ахти. Выбежав на край обрыва, он оглядел поле боя. Нет, не боя — бойни. Викинги методично истребляли карел, щедро поливая землю не своей кровью.

— Отходим! — крикнул Буривой.— Ларни!

Ларни заголосил гусем, но побоялся, что шум баталии заглушит крик птицы, и выскочил на обрыв, маша руками. Кто-то далекий, но свой, выскочил из-за деревьев и резко опустил поднятые руки: сигнал принят!

— А если навалиться всем?! — жарко спросил Ахти.

— Кому — всем? — горько спросил Буривой.— Они разделают нас и даже не запыхаются! Отступаем!

— И докуда будем отступать? — помрачнел Ахти.

— Уходим к Бьярмару,— сказал Буривой,— соберем ополчение и дадим бой. Ступай, Ахти, предупреди своих!

Ахти хмуро кивнул.

— Да! — припомнил Буривой.— Пошли верных ребят по деревням, пусть все в лес уходят, и подальше!

Ахти опять кивнул и исчез за деревьями — ни одна хвоинка не дрогнула.

— Где Дана, Ларни?

— В лагере была...

— Пошли тогда... Заберем ее, и вперед...

— Варягов бы кликнуть... — неуверенно предложил Ларни.— Они б свеев прогнали.

— Верно говоришь, прогнали бы! — резко ответил Буривой.— А сами бы остались. Варяги за просто так биться не станут.

— Ну и пусть! — заупрямился Ларни.— Все равно они как бы свои! Мехами возьмут, а кровь пускать не станут!

— Помолчи... — пробурчал Буривой.— И без тебя тошно...

Потерпев поражение, дружина князя Буривоя стала таять — малодушные покидали общую тропу, уходя к родным селениям, раненые не выдерживали трудных верст отступления, ложились и помирали. Иных подбирали товарищи, а тех, кому не повезло с друзьями, хоронили дикие звери.

Когда Буривой вывел остатки своего воинства на берег озера Нево, он ужаснулся: с кем же ему оборонять Бьярмар?! С этими людьми, потерявшими веру в себя, город не отстоять.

Дана, стоявшая рядом с князем на вершине невысокой песчаной гривы, поросшей соснами, глядела на бредущих понизу карел.

— Княже,— тихо сказала девушка,— их души ослабели, они уже сдались. Уйдем, княже, в Альдейгу. Что тебе Бьярмар? Город ведь все равно падет...

— Нельзя мне уходить, девочка... — вздохнул Буривой тяжко.— Я князь, я слово дал... Как же я уйду? Мне ж перед людьми и богами стыдно будет!

— Пропадешь ведь,— горестно вздохнула Дана.

— Ну что ж тут поделаешь... Знать, судьба такая!

Из зарослей вынырнул Урхо.

— Бьярмар показался,— доложил он оживленно.— Народищу собралось под стенами — что морошки в лукошке. В бронях все и при оружии!

Буривой будто помолодел.

— А что? — воскликнул он.— Сила есть еще. Поборемся! Веди своих. И пусть головы выше держат, а то как псы побитые!

И только Дана с сомнением покачала головой. Она видела: багровые отсветы мрачной Туонелы, обители мертвых, плясали над Бьярмаром...

Глава 9

1
АЛЬДЕЙГЬЮБОРГ

Всю последнюю неделю Веремуд водил Олега по хлябистым окрестностям Альдейги, выведывая места, богатые болотной рудой — тяжелой землицей цвета ржавчины. Он выведывал, а Олег ту землицу таскал. Таскал, прокаливал в огне, выжигая труху, промывал и сушил — получался увесистый черный песок, железный концентрат. А кострище рядом с лесным ручьем было своего рода горно-обогатительным комбинатом...

Год назад Олег с ног бы валился после такого трудового дня, а теперь ничего, нормально — ежедневные упражнения закалили тело и укрепили дух. Сухов даже гордился тем, что ни разу не пропустил своих тренировок. Лупил ли осенний дождь, трещал ли мороз, хлюпала ли весенняя слякоть — он брал боккен и шел рубить да сечь тени грядущих ворогов. А ежедневное «знакомство» с топором да с молотом, свежий воздух и трехразовое питание хоть кому мышцы нарастят.

Однако, побродив неделю по топким болотинам, притомился и Веремуд. На восьмой день кузнец проворчал: «Поди, довольно будет...» Вдвоем с Олегом они погрузили кожаные мешки с рудой на ушкуй и погребли в Альдейгу.

— Гуляй до послезавтра,— расщедрился Веремуд, сойдя на пристань,— и будем домницу запаливать...

— Лады! — кивнул Олег, радуясь редкому выходному.

За неделю лесной жизни он отвык от мощеных улиц и ладных изб, от людских толп, от шума и гама. Его не покидало странное ощущение перезагрузки — все, что он видел вокруг, было привычно и узнаваемо, только чуть-чуть подзабыто. Будто домой вернулся из долгой командировки.

Олег вздохнул и потрогал кожаный мешочек, висевший на шнурке, под рубахой. Пальцы нащупали четыре золотых динара и жменьку серебряных монет, похожих на чешуйки с арабской вязью. В каждом динаре было по двадцать пять дирхемов. Столько сумел он накопить за год — бусины толкал за наличку, зимою трех соболей добыл и пяток горностаев, речного жемчугу наковырял из перловниц, шаря по

студеным ручьям... Еще полгода такой переработки, и — на свободу с чистой совестью!

Олег прошелся по Варяжской, по горбатому мостику перебрался через шумливую Ила-дьоги. По левую руку выстроились непрерывной чередой двухэтажные дома из потемневшего, сизо-серого дерева. К каждому дому с угла был пристроен, тоже двухэтажный, сарай: внизу, в первом этаже, для скотины, наверху — «гараж» для телеги. Длинные, широкие и пологие съезды, идущие от ворот верхних сараев до земли, были устроены так, что по ним въезжали на волах во второй этаж, оставляли там телегу и сводили вниз волов.

Возле гостиного двора, устроенного купцами с Готланда, Олег остановился. У коновязи потряхивал гривой Лембой — статный конька, носивший в седле самого Улеба конунга. Олег всмотрелся в шумную толпу готландцев и различил венец на изрядно поседевшей голове правителя Гардов. Готландцы вовсю рекламировали свои товары, закатывая глаза и цокая языком, а Улеб посмеивался только и кивал, соглашаясь: добрый товарец!

Отойдя от гостей города, Улеб пошагал к крепости, легкими кивками головы отвечая на поклоны встречных-поперечных. Олег сразу вспомнил обещание, данное Пончику. Набравшись смелости, он подошел к конунгу и поклонился.

— Чего тебе? — добродушно спросил Улеб, будучи в хорошем настроении.

— Я твой трэль, конунг,— заговорил Олег,— но не всегда я ходил стриженым. Не ведун я, не пророк, но кое-что мне ведомо...

— Ты мне башку-то не тумань,— сказал конунг.— Выкладывай самую суть!

— Я ведаю будущее! — выложил Олег.— Я чего и подошел — предупредить хочу! Угрозу чую, конунг, прямую и явную. Можешь гнать меня, но знай — этим летом придет на твою землю сильный враг и сожжет Альдейгу!

— Кто?! — сразу навострил уши конунг. Глаза его моментально обрели резкость и цепкость.

— Точно не скажу,— признался Олег.— То ли Рагнар Лодброк, то ли Эйрик Энундсон... А больше и некому!

— Та-ак... — нахмурился Улеб..

Конунг ступал по мостовой, приближаясь к крепости и Торгу, Лембой, потряхивая гривой, шагал за хозяином, а Олег топал следом, не разумея, уйти ли ему или остаться. Завернув за угол крайнего «длинного дома», вся троица вышла к пристани, обходя торговые ря-

ды по берегу. У пристани покачивались средневековые плавсредства, арабские и местные, а из-за мыса выгребала карельская лойва.

Глянув на реку, Олег очень удивился, приметив вдруг лойву. После разлада между Улебом и Буривоем карелы избегали появляться в Гардах. Конунг визиту нежданному тоже подивился — он озадаченно почесал макушку в кругу золотого венца с крупным изумрудом надо лбом и хмыкнул в затруднении.

Лойва медленно приблизилась и со скрипом потерлась о бревна вымола. Гридни молча приняли брошенные канаты, потом вдруг зашумели, выкрикивая угрозы и проклятия, замахали руками, хватаясь за мечи.

— Чего они там? — сказал Улеб встревоженно и поспешил к лойве. Сухов направился следом.

Карел набралось с десяток, и почти все были обмотаны окровавленным тряпьем — у кого нога, у кого рука, а то и голова. Карелы хмурились и зыркали исподлобья на русскую гридь, а четверо «ходячих» бережно снесли на берег носилки с Буривоем. Князь был плох — одна рука его лежала на груди, другая бессильно свешивалась с носилок. Юная девушка, глазастая, скуластенькая, нагнулась, вернула руку на место и отерла князю пот со лба. От этого легкого движения лицо Буривоя страдальчески сморщилось, глаза его открылись, сморгнули слезу.

— Что с тобой? — спросил Улеб, пересилив гордую натуру.

Блуждающий взгляд Буривоя нашел конунга и отвердел.

— Эйрик напал на нас... — прохрипел князь.— Эйрик сын Энунда...

Олег похолодел, мурашки сыпанули по телу, а конунг оглянулся и проговорил:

— А ты прав был... — Он усмехнулся и добавил: — Олег Вещий!

— А-а... к-как? А настоящий где? — пролепетал Олег.

Конунг непонимающе посмотрел на него и пожал плечами.

— Большую силу привел Эйрик? — склонился он над раненым.

— Шестьдесят лодий... — вымолвил Буривой. Легкие его сипели и клекотали, на губах выдувались и лопались розовые пузыри.

— Лекарей сюда! — гаркнул Улеб.— Живо!

Несколько гридней сорвались с места.

— Они взяли Кирьялаботнар... — говорил Буривой, закрыв глаза.— Бой был на Кумене... Бойня... Разбили нас... Потом и Бьярмар взяли...

Девушка, что рядом с носилками была, сказала заботливо:

— Тебе нельзя разговаривать, княже!

Буривой улыбнулся ясно.

— Уже можно, Данка... — прошелестел его голос.— Я одной ногой на Звездном Мосту... [1]

Договорив последнее слово, Буривой закашлялся, у него изо рта пошла кровь.

— Лекари где?! — зарычал Улеб. Конунг был страшен.

— Здесь мы! — пискнула Чара.

Травница подлетела к носилкам, следом принесся Пончик.

— Поздно,— ровным голосом сказала Дана.— Князь ушел к предкам...

Чара вздохнула жалостливо и положила ладошку, прикрывая Буривою глаза.

— Улев,— по-прежнему ровно проговорила Дана,— Йерик кунингас в Бьярмаре не задержится, не сегодня завтра свеи и сюда явятся... И не одни — нашлись предатели-карелы!

— Мы их всех встретим! — осклабился Улеб конунг и возвысил голос: — Верно, братие?!

— Вер-рна! — заревела гридь, вскидывая кто что — мечи, секиры, копья.

— Бояр ко мне! — скомандовал конунг железным голосом.— Быстро!

Тайными тропами поскакали гонцы: на запад — в Хунигард, на восток — в Алаборг, на юг — в Гадар и Дрэллеборг. Тамошним ярлам было приказано бросать все дела и двигать с дружинами на соединение с гриднями конунга. А херсирам пограничных крепостей Ногард и Хольмгард, стороживших Неву, был отдан иной приказ — пропустить свейские драккары и ударить по захватчикам с тыла.

Над Альдейгой стоял стон и плач. Собиралось ополчение, мужики-вои наскоро расцеловывали женок и деток и разбегались по кончанам и уличанам [2]. Началась «эвакуация мирного населения» — дети, старцы, девки и замужние уходили в лес, сгибаясь под мешками со скарбом. Надрывно мычащую скотину уводили с собой, коней отдавали ополченцам, а кур и гусей разгоняли или резали.

Торг совершенно опустел. Купцы по большей части покинули пределы Гардарики, поднявшись по Олкоге до Верхнего волоку и там

---

[1] *Звездный Мост* — Млечный Путь. Наши предки верили, что душа человека после смерти проходит по Звездному Мосту. Если душа безгрешна, она попадает в рай — Ирий, если отягощена грехами, то срывается в мрачный Хель.

[2] *Кончан и уличан* — совет улицы или конца города, органы местного самоуправления.

уже разделившись,— кто по Двине-Дине подался, кто по Днепру, кто по Десне в Оку да и в Итиль.

А небо какое сияло над Гардами! Пронзительно синее, ясное. Солнце заливало светом и жарило, как на юге, рассыпая блестки по водам рек и озер. Леса зеленели яростно и буйно, с каждым порывом ветра разнося чистейший смолистый воздух, настоянный на хвое, цветах и травах. И вот этот праздник жизни решил испортить какой-то Эйрик, приведя с собой головорезов-находников! Чтобы залить кровью траву, чтобы закоптить небо чадом пожарищ, чтобы перебить хвойный аромат запахом мертвечины...

— Ты что делать будешь? — серьезно спросил Олега Пончик, снимая с веревок высохшие полосы ткани, вымоченные в целебных отварах, и укладывая эти бинты в короб.

— Бить фашистов,— усмехнулся Олег,— что же мне еще делать...

Пончик засопел.

— Ты же сам мне говорил,— напомнил он,— что с викингом тебе не справиться! Угу...

— Да там не одни викинги,— успокоил его Олег.— Эйрик ведет в бой ледунг — это у них так ополчение называется... Понимаешь изюминку? Вот этих и буду бить!

— Убивать? — уточнил Пончик.

— Да! — твердо сказал Олег.

— А не страшно?

Сухов подумал.

— Страшно, конечно,— признался он,— очень даже! А что делать? Ждать, пока они меня в рабство погонят или прирежут? Щаз-з! Да ты сам-то... Думаешь, тебе страшно не станет? Представляю, сколько вам с Чарой придется рук и ног оттяпать, сколько ран зашить! Ей-богу, мне легче самому травму получить, чем ковыряться в чужой ране!

— А он орет,— подхватил Пончик, нервно-зябко потирая ладони,— ему больно очень, он дергается, хрипит, рычит, глаза белые... Ох!

— Ладно,— вздохнул Олег,— пойду я... Негоже дисциплину нарушать.

— А ничего, что ты трэль? — неуверенно спросил Пончик.

— А им по фигу, кто ты,— усмехнулся Олег,— лишь бы на врага бежал, а не с поля боя... Вон, какую-то железяку даже выдали,— Сухов вытащил из ножен ржавый скрамасакс, схожий с большим ножом в полметра длиной.

— И броней не дали? — спросил Пончик с неприязнью.

— Какие еще брони, Пончик? Кольчуга, знаешь сколько стоит? Ее тут по наследству передают. Ничего... Добуду трофей! Ну ладно... Пошел я. Чару береги!

И Олег, не дослушивая скорбные воздыхания Пончика, повернулся и пошел к месту сбора.

Сухова взяли в отряд Олдамы, кряжистого, плотного усача, немало повоевавшего. И на Париж хаживал, и на Севилью, и гамбургских купцов потрошил. Опыт есть!

— Не расходиться! — орал Олдама, словно громкостью добиваясь послушания.— И меня чтоб слушали! Понятно? А то прётесь, как... как...

Олдама затруднился с подбором слова, и Олег подсказал ему:

— Как бараны прёмся!

— Точно! — рявкнул Олдама.— Стрелки есть?

— Как не быть! — пробасил огромный чудин по имени Каницар.— Имеемся!

— Стрел вдосталь?

Каницар молча показал берестяной тул-колчан, набитый боеприпасом втугую.

— Встретим врага на курганах! — надсадно проорал Олдама.— За мной!

Взбудораженная толпа ополченцев поперлась за командиром.

Курганы шли чередой ниже по течению Олкоги, начинаясь за стенами Альдейги. Оплывшие, заросшие травой, курганы были насыпаны века назад, хороня в недрах пепел конунгов и херсиров, мудрых вождей и храбрых воинов. Люди сюда приходили изредка, почтить память павших, поклониться предкам. Мальчишки здесь не играли, скотину на склонах курганов не пасли, охраняя покой ушедших.

— А ничего, что мы здесь? — тихо спросил Линду, охотник-весин, кивая на курган. Его длинные черные волосы были стянуты в «хвост» и словно оттягивали к вискам узковатые глаза.

— Мы сюда что, пить пришли? — пробурчал Олдама.— Наша задача — кровь лить, причем не свою — чужую. А тут воины спят, и каждая капля вражьей крови им в радость.

Линду кивнул, заметно успокаиваясь. Олег сел в траву и положил скрамасакс на колени. Было тепло, даже жарко. Гудел пушистый шмель, облетая цветки клевера. Негромко плескала в берег река, а вниз по течению спускались лодьи. Расписные щиты покрывали их борта, головы драконов угрожающе скалились с высоких штевней.

— Куда это они? — спросил Алк, конопатый, вечно встрепанный юноша, с жадным интересом провожая корабли.

— На Нево! — авторитетно ответил Валит, проверяя свой лук.— На Олкоге тесно, не развернешься.

— А-а...

— Эх, жаль, мало лодий! — завздыхал Валит.— На Непр уперлись, на Итиль...

— Ништо! — бодро заверил всех Алк.— Побьем!

Олег закинул руки за голову и лег на спину. Смотреть в яркое небо было больно, он прикрыл глаза. Солнце пекло, и лазурь сменилась под веками густой кровяной краснотой. Олег тотчас разжмурился и сел — насмотришься еще на кровушку...

Время текло, утекала мутная вода Олкоги.

— Иду-ут! — донесся крик дозорного.— Э-ге-гей!

— Готовы будьте! — дал Олдама отрывистую команду.

— Всегда готовы! — бодро ответил Олег.— Да, Валит?

Карел вымученно улыбнулся и кивнул. Прибежал мальчиш-дозорный, задыхаясь от быстрого бега, и протараторил:

— Плывут! Четыре лодьи, чужие, и еще — там, дальше, где поворот... Много их!

— Стрелки! — заорал Олдама.— Рассредоточиться... Зря не высовываться... Стрелять, когда я скажу!

— Зачем же зря... — поднялся Каницар.— Зря не надо...

Олег, пригибаясь, отошел за серую каменную глыбу с ошметками мха на боках. Рядом плюхнулся Валит, подтягивая тул со стрелами.

— Ты чего шлем не взял? — нахмурился Олег.— У тебя ж был, я видел.

— Потерял... — виновато сказал Валит.

— Раззява...

Выглянув из-за глыбы, Олег увидел, как на сверкавший стрежень выплывала черная лодья. Парус ее был скатан и притянут к рею, а десятки весел загребали мутную воду. Ни шлема, ни копья не блеснет с палубы — попрятались свеи, берегутся...

— Валит! — громко шепнул Алк, согнутый в три погибели за соседним камнем.— Олдама передал, чтоб стреляли по первому крику кукушки!

Валит молча кивнул, видать, горло пережало. «Это ж каково Кайсе придется,— мелькнуло у Олега,— если Валита кончат!..»

Свейская лодья подошла совсем близко. Медленно, споря с течением, проплыла в четверти перестрела. Стал слышен скрип весел, на-

тирающих лючки, и умноженный плеск. Глухо доносились голоса, разносящие над водою непонятные слова северных наречий. И тут повела счет годам кукушка.

Валит встрепенулся, мигом положил стрелу, вскочил, нашел цель — кормщика в доспехе — натянул и спустил тетиву. Оперенное древко с граненым бронебойным наконечником легко пробило кольчугу, до половины входя в бок свею. Тот даже не упал — его сбросило на палубу убойной силой стрелы.

Алк тоже поднялся, стрельнул, тут же выхватил вторую стрелу, выпустил — да так быстро! Олег сморгнуть не успел, а Алк уже присел. В тот же миг поверх камня, точно там, где только что стоял Алк, просвистела свейская стрела.

А Каницар был умнее, он рисковать не стал — чудин растянул свой огромный лук и выстрелил по косой вверх. Стрела ушла высоко, пропадая из глаз, и вернулась, пригвоздив свея-гребца к его скамье. Вскрик уведомил Каницара — попал! А на другой лодье завыли, заклекотали, а на третьей взорвались проклятиями...

— Получили, гады?! — прошипел Валит.

— ...К бою! — донеслось глухо.

— Вроде Олдама кричал... — сказал Алк неуверенно.

Олег настороженно прислушался. По берегу разносились крики, извергающие ярость. Олег подхватил скрамасакс и отполз по сырой низинке меж двух сопок. Вскочил, понесся вокруг травянистого холма, обложенного кругом камней, и выбежал прямо на свейский отряд, бешено рубившийся с ополченцами Олдамы. Свеи были почти без доспехов, изредка мелькали кожаные панцири и шлемы, а в руках они держали топоры да трофейные карельские мечи.

— Слева! — орал Ошкуй, махая огромной секирой.

— Бей свеев! — вопил Олдама, крест-накрест пластуя вражий строй.

Веремуд ловко орудовал тяжелым копьем с длинным, сплюснутым наконечником. Свею такое не перерубить — не дотянуться до древка! Вот рыжий детина вскинул топор, щеря желтые лошадиные зубы, и содрогнулся, выпучил глаза — копье Веремуда прободало свея насквозь.

Еще двое свежих хускарлов подоспело — длинный и коротышка, причем оба с мечами и при щитах. Олег выбрал длинного и бросился к нему, выхватывая скрамасакс.

Длинный заметил его и осклабился. Отведя меч, он вдруг пригнулся и ударил Олега по ногам, скашивая траву. Сухов подпрыгнул и

приземлился на согнутые ноги. Меч хускарла просвистел обратным движением поверху и опять не попал, ветерком взъерошив Олегу волосы на макушке. А Олег попал... Скрамасакс легко погрузился в свейское брюхо и завяз в кости. Олег отпихнул падающего мертвяка, подхватывая роняемый меч эпохи Меровингов.

Словно учуяв опасность, Олег перекатился, не выпуская трофейный клинок из руки, и вовремя,— на него наседал коротышка. Хэкая, кроил мечом воздух перед собой, пытаясь достать Олега. Сухов ударил без замаха, подрезая коротышку. Тот заверещал, шлепнулся, и Олег добил его, перерубая горло.

— С-сучара! — рычал Олдама, отмахиваясь от здоровенного свея, оравшего дурным голосом.

— Щас! — рявкнул Ошкуй, спеша на подмогу командиру, и так врезал своим топором, что свей переломился.

— Олег! — крикнул Веремуд.— Как ты?

— Все путем! — выдохнул Олег.

Оглянувшись, он с изумлением обнаружил, что отряда хускарлов больше нет — они положили всех.

— Молодцы! — гаркнул Олдама.— Все тут?

— Радима убили,— спокойно сказал Линду,— и Алдана.

— Сулев с вами? — крикнул с кургана Каницар.— Сулев!

— Здесь я, бать! — прогудел квадратный парень, подбирая Олегов скрамасакс.— Не нужон боле? — спросил он у хозяина.

— Пользуйся,— улыбнулся Олег.

Сулев кивнул и пошел вперевалку к отцу.

— Почапали,— нахмурился Олдама.— Не нравится мне это... Сорок лодий ихних прошло! Значит, наши где? На дне!

— Ты ерунду-то не говори! — строго попенял ему Мутур сын Алвада, углежог из Хунигарда.— Да они бьются еще, там, на озере. И кто кого, одним богам известно...

— Да что ты говоришь! — сказал Олдама, подпуская яду в голос.— Нам от того не легче. Сорок лодий — это тыщи четыре викингов, а у конунга в дружине всего пять сотен. Ну, с Лидулом еще пришли, с Вадимом... Тыща всего!

— Ну и что? — не сдавался Мутур.

— А то... Хватит болтать! — оборвал его Олдама.— За мной!

По дороге в маленький отряд Олдамы влились стрелки. Олег с облегчением заметил Валита. Карел был жив-здоров и не ранен даже.

— А мы с Алком еще троих пристукнули! — радостно доложил Валит.

— Молодцы,— усмехнулся Олег.

— Это еще не битва была,— пропыхтел Олдама,— а так, разминка. Вот щас... Да!

Отряд выбежал к лесополосе, разграничивавшей город и курганы. Из-за деревьев слышались крики и вой, лязг мечей, грохот щитов, а в небо уже клубились столбы дыма.

— Наусты горят! — крикнул Алк.

Олег выбежал на край возвышенности и замер. Насколько видел глаз, везде кипел бой — на берегу, на улочках, сходящих к реке. Под стенами Альдейги бегали люди с оружием, сходясь один на один, один на всех, все на одного. Тысячи воинов топтались на деревянных мостовых, лужи крови медленно пропитывали исшарканную древесину. А бой только начинался...

— К крепости пробиваемся! — прокричал Олдама.— Одних нас тут размажут!

Все разом припустили к Северным воротам, перескакивая через трупы, избегая схваток. Стены прикрывали Альдейгьюборг только наполовину, охватывая город полукругом, концами выходя к реке и утыкаясь в квадратные рубленые башни, чьи бойницы глядели в воду. Берег же был открытым, но не беззащитным — повсюду из воды торчали вбитые сваи, не давая причалить лодьям, оставляя единственный проход к устью Ала-дьоги. И вот к нему-то, как лососи на нерест, шли драккары с носами, украшенными головами змиев, волков, козлов, горгулий.

— Кучнее бежим, кучнее! — надрывался Олдама.

Тяжелые городские ворота уже не висели, а лежали на земле, как вытащенный на берег плот. Десяток сгибших воинов лежал на мосту через мелкий, недорытый ров. Ополченцы ворвались в город. На перекрестке, там, где Готский конец граничил с Водским, дорогу отряду преградила парочка викингов. Разгорячась, двое русов — Фроутан и Слуд — бросились на того, что слева. Русы-то они русы, но не варяги! Викинг нанес один молниеносный удар снизу вверх, выпуская Слуду кишки, и тут же рубанул по Фроутану, снося тому голову с плеч. Каницар спас положение — выпустил стрелу. Товарищ павшего свея не стал принимать бой в одиночку. Прикрывшись круглым щитом, он скакнул в узкую щель между избами и пропал.

— Бежим!

Выбежали к церквушке. На пороге храма лежал в луже крови диакон Ставр, рядом, раскинув руки и ноги, покоился Булан. Его черные глаза с удивлением глядели в небо. Нет, не глядели, просто отражали невинную голубизну... Кривой хазарский меч валялся рядом, его блестящее лезвие чернело запекшейся кровью. Олег положил на землю

свой меч и поднял тот, что служил хазарину. Этот ему сподручнее будет... Лезвие узкое, в два пальца, как у катаны. И колоть можно... Только рукоять покороче, на два кулака.

— Прости... — шепнул Олег, глядя в мертвые глаза Булана, и снял с хазарина ножны. Повесив их за спину, он затянул перевязь на груди.

— Коней бы! — крикнул Олдама.

— А вона! — показал Ошкуй на питейное заведение, перед которым были привязаны к коновязи пять или шесть лошадей. Перепуганные животные метались, храпели, дергали головами, пытаясь вырваться, но поводья держали крепко. А на самой коновязи лежала, выгнувшись дугой, молодая девушка. Рубаху ее красила кровь, а золотистые волосы окунались в поилку для лошадей. Олегу тут же вспомнилась Рада. Как она там?..

— Олдама! — крикнул он.— Давай разделимся! Ты к крепости, а мы к Бравлинсхову поскачем. Я и Валит... Да, Валит?

— Конечно! — встрепенулся карел.

— И я! — поднял секиру Ошкуй.

— А пробьетесь? — спросил Олдама, распутывая одной рукой скользящий узел, а другой успокаивая коня.

— Попробуем!

— Гоните!

Олег отвязал гнедочалого, с густым нависом, хорошей выездки. Степняк! Животина неспокойно отаптывалась, конячий глаз косил на Олега, дыхи тревожно раздувались.

— Спокойно, коняшка! — Олег огладил коневью морду, потрепал седую гриву и взлетел в седло.

Конь сперва вскобенился, но пофыркал-пофыркал и стал слушаться. Олег припустил коня мелким шагом, дожидаясь, когда его догонят Валит и Ошкуй. Валит выбрал рыжего, а Ошкуй взгромоздился на серого в яблоках.

— За мной!

Понукаемый гнедочалый пошел быстрым наметом. Да коняшенок и не ждал посыла — сам ярился, гонистый был, обскачливый. Во как припустился! И ведь мягко как несет, хоть бы раз тряхнуло. Золото, а не коняшка! Грива отвалом на бок, хвост на относе — загляденье...

За скачущими мыслями Олег старательно прятал страх и тревогу — что с Радой? Ни разу даже не вспомнил! Вот ведь...

— Может, наши в лес ушли? — прокричал Ошкуй, пригибаясь к гриве коня.

— Щас увидим! — ответил Валит.

«Надо же! — подумал Олег.— Ошкуй о товарищах вспомнил! Не так уж все и запущено...»

Альдейга строилась широко, привольно, вытягиваясь по берегу Олкоги и забираясь в лес по ее притокам. И четыре тысячи свеев, рассыпавшись по улицам, затерявшись в закоулках, не казались более страшной силой. Не сразу-то и заметишь вражин!

На полном скаку всадники преодолели горку. Вот наконец и Бравлинсхов! Главный хозяйский дом горма горел, языки пламени выбрасывало из окон второго этажа. По двору бегали девки, две кучки воинов из молодшей дружины крепили оборону. А по руслу Ила-дьоги уже бежал отрядец хускарлов, волоча лестницы и веревки, потрясая топорами и копьями.

Вот, наконец, и частокол. Олег бешено замахал рукой гридням, засевшим в привратной башенке. Створка ворот на ржавых пудовых петлях неохотно приоткрылась, и гнедочалый влетел во двор. Остужая коня, Олег сделал круг, высматривая, где мелькнет расшитая рубаха Рады. Рубахи трэлей, кожаные доспехи дренгов, поневы... Углядев зареванную Чару, он замахал ей рукой. Чара подбежала.

— Где Рада? — спросил Сухов, свешиваясь с седла. Травница сначала вытаращилась на Олега, а потом только махнула в сторону кузни:

— Там где-то!

Сухов молча развернул коня.

Странно он чувствовал себя. Умом Олег понимал, что кипит бой, что могут убить, но душа не принимала такой вариант развития событий. Словно все вокруг было не по-настоящему! Будто сидел в сердце некий клапан и не выпускал страхи наружу. Юго-Западными воротами Олег проскакал на опушку. Ошкуй с Валитом догоняли его.

Они были здесь — все, кого он искал, кого жаждал спасти и уберечь от смерти. Возле ивы лежал Вольгаст тиун. Выбеленная рубаха тиуна мокла кровью. Пончик придерживал его голову на коленях, тампонируя рану, и орал, неумело матерясь в сторону Ила-дьоги. Там, в десяти шагах, кричала Рада. Косматый пират-находник без шлема, но в чем-то наподобие пластинчатого панциря, волок девушку за косу, громко гогоча, а Рада лупила по волосатой лапе маленькими кулачками. Олег замертвел. Его сон! Он спрыгнул с коня и бросился к викингу, нащупывая за правым плечом рукоятку хазарского меча. Свей заметил его, но девушку не отпустил, только намотал косу на руку. На правую. Девушка мешала викингу, да и левой биться было несподручно, но он все не отпускал добычу. Рада не удержалась и

упала на колени во взбаламученную воду. В жестокой ярости Олег рубанул по руке разбойника, вцепившейся в косу. Меч чисто оттяпал конечность. Рада упала на четвереньки, рыдая, выпутывала из волос кровавый обрубок и глядела, глядела на Олега, не отворачивая зареванного лица, не отрывая огромных умоляющих глаз.

— К троллям тебя, нидинга! — прорычал Олег.— На север и в горы!

Добрый хазарский меч обрушился на бычью шею трубно ревущего викинга... Олег только головой покачал. Повезло — викинга доконал! Хотя, может, на дурака просто нарвался, похотливого и жадного. Но об этом потом — в свободное от войны время. Вон, набегает еще один желающий сдать кровь рыбам на анализ... Этот был не столько могуч, сколько просто грузен. Хускарл. Но быстр, чертовски быстр... Олег едва успевал отбиваться от этого рубаки. Свейский меч полоснул Олегу по ребрам, рассек мышцу бедра... И тут Олегу снова повезло — клинок свея изломился у самой крестовины! Мах. Олегов меч вспорол пивной животик — сизые кишки вывалились неприятным кублом, плюхнулись в воду. Олег развернулся и поспешил назад, протягивая руку Раде, фиксируя каждую мелочь,— и заплаканные глаза, и пятнышко сажи у девушки на щеке...

— Пошли, маленькая, пошли,— сказал он ласково. Рада больше не плакала, всхлипывала только, когда цеплялась за него — за руку, за пояс, за шею.— Пошли, пошли... Тиуну нашему худо.

Пончик больше не орал и не ругался, сосредоточившись на оказании первой помощи. Ему пособлял Валит.

— Как он? — спросил Олег, в правой держа меч, в левой — руку девушки.

— Живой...— проворчал Пончик, закладывая черные зияния ран чистыми тряпицами, смоченными в пахучем зелье.— Крови вытекло — пропасть... Угу...

Валит вдруг вскинул голову и выдернул из тула стрелу. Ложил он ее не слева от лука, а справа, большим и указательным пальцами придерживая за пяточку, прочими оттягивая тетиву. Приседая, Олег ушел с линии огня и облегченно выпрямился — свои!

— Вона, пороки едут! — возбужденно крикнул Ошкуй, выламываясь из тальника.

Из-за ив вывернули две конные упряжки, влекущие квадратные повозки на шести катках. На повозках покачивались катапульты — онагр и баллиста, сплоченные из бруса. Онагр бил по навесной траектории, баллиста — по настильной. За пороками поспевала подвода, груженная круглыми горшками с нефтью и каменными ядрами. Катапультеры бежали рядом, держась за рамы орудий.

— Давай, батя! — закричала Рада.— Врежь им! А то сомнут наших!

— Мы и так...— пропыхтел Ярун — коренастенький бородач в плоском шлеме-наплешнике — и звонко лупанул коня мозолистой пятерней.— Но-о, мила-ай!..

— Ошкуй! Валит! — заорал Олег.— Уносите Вольгаста в лес! Рада, ты с ними...

— А чего сразу я? — вякнул было Ошкуй, но, глянув в быстро леденеющие глаза Олега, проворчал: — Ладно...

— А ты?! — закричала Рада.

— А я с батей твоим! Ну, чего стоите?!

Трэли подхватили носилки с тиуном и потащили в лес. За ними, часто оглядываясь, побежала Рада.

— Дай перевяжу! — кинулся к Олегу Пончик и вскрикнул в испуге: — О, боги! Да у тебя все штаны мокрые!

— Что?! — дернулся Олег.

— Да от крови, дурак! Блин, тут зашивать надо...

— Так шей!

— Больно будет... — предупредил Пончик.

— Быстрее!

— Тогда штаны спускай...

Лекарь достал холщовый мешочек из наплечной сумы, вынул из него кривую иглу с нитью и взялся сметывать живую плоть. Олег держался за ствол ивы и рычал, пуская розовую слюну, шипел и жмурил глаза.

— Все! — сказал Пончик дрожащим голосом, закончив операцию.— Тут еще ребра...

— Шей!

«Продолжение следует... — вертелось у Олега в голове.— Продолжение следует...»

— Все! — выдохнул Пончик.

Сзади послышалось тихое, будто бы даже вопросительное ржание. Олег обернулся, отходя от «иглоукалывания». К нему, потряхивая роскошной гривой, трусил гнедочалый.

— Ах ты, мой хороший! — обрадовался Олег и обнял коня за шею.— Понравилось тебе?

Гнедочалый потерся головой об его плечо. Кряхтя, Олег взгромоздился в седло.

— Осторожнее! — прикрикнул Пончик.— Тебе вообще лежать надо!

— Хочешь, чтобы все полегли? Догоняй!

Олег доскакал до Торга и притормозил коня, обозревая с обрывчика батальную сцену: под стенами цитадели сошлись две дружины —

русская и свейская. Викинги отжимали варягов к перешейку, ведущему к отпертым воротам крепости. Русская гридь поддавалась, в нее клином вколачивалась ревущая, потная масса свеев. Звон и лязг, вой и топот, тупое бряцанье щитов, отводящих убийственную сталь,— все мешалось в обвальном шуме битвы.

Яруновы катапульты выехали на отлогий берег Ала-дьоги, усыпанный галькой. Позиция была превосходной — лодьи Эйрика конунга, числом с полтора десятка, стояли кучно, на расстоянии перестрела — это около двухсот двадцати метров. Вокруг пороков уже носился Олдама.

— Стой! — орал он Яруну.— Раскручивай вправо! Под колеса — упор!

На лодье с полосатым сине-белым парусом, подтянутым к рею, обратили внимание на подозрительное шевеление и переложили руль. Весла с левого борта пропустили один гребок, на правом борту навалились со всей дури, и лодья рыскнула к берегу.

— Выпрягай! — заорал Олдама.— Стрельцы есть?

— Как не быть,— сказал Ярун, живо распрягая шестерку.

— Луки в зубы,— скомандовал Олдама,— и по коням! Вперед не лезть, бить гадов издали!

Драккары приставали к берегу и высаживали бойцов. Свежих. Дюжих. Ражих. Корабли теснились на узкой и мелкой Ала-дьоги, тут им было не развернуться. Зато не промахнешься...

Расчеты, ритмично хэкая, крутили вороты, свертывая в жгуты ворохи воловьих кишок — упругие элементы. Стрелки, мотаясь вдоль берега, осыпали стрелами близкую уже лодью, гигантской водомеркой скользящую по глади вод.

— Натяни-и! Заряжа-ай! Поджига-ай!

Мужички-катапультщики уложили в пращу онагра сосуд с горючкой, зарядили баллисту и запалили просмоленный жгут.

— Отпускай! — рявкнул Олдама.

Метнулся рычаг онагра, с маху ударил по тюфяку на вертикальной раме — аж гул пошел. Низко прогудела баллиста. Машины подскочили передками, а снаряды унеслись, оставляя сизые шлейфы,— один по крутой дуге, другой по-над водой — и лопнули, раскалываясь о борта дальних лодий. Разбились, расплескивая вокруг лужи оранжево-копотного огня. Поднялся вой. Фигуры, объятые пламенем, заскакали по скамьям. Перекидываясь за борт, сигали в воду.

— Опускай! Заряжай! Натяни! Толкай!

Еще две зажигалки просвистели над флотилией. Одну из них кто-то расколотил меткой стрелой в воздухе — и устроил себе огненный душ. Пламя рассеялось от носа до кормы сине-черного драккара, зажгло скатку паруса, стекло по драконьей шее, пролилось в воду — и горело, горело, горело...

— Пускай!

— Недокрутили ишшо... — жилясь, выдавил Ярун, наваливаясь на рычаг.

— Тролль с ним! Пускай!

Недокрученный онагр швырнул полуведерный горшок в подплывавшую лодью. Ярун едва не промазал — гончарное изделие разбилось о ту планку, на которой крепились щиты. Жидкий огонь выплеснулся, окатил викингов. Паленые «ясени битвы» с воем и проклятиями ринулись за борт. А тут стрельцы! Гарцуя на конях, в манере степных кочевников, ополченцы-вои били прямой наводкой, дырявя и брони, и тела. Растянуть русский боевой лук — ох, как непросто. Все равно что одной рукой взрослого мужика поднять! Стрелы били с огромной убойной силой — попадая, они сносили с ног, отбрасывали свирепых вонючих мужиков на пару шагов. Вот и сам стурман, потрясая боевой секирой, прет в воде по пояс, оставляя за собой буруны. Подскакивает Алк, кладет стрелу с бронебойным граненым жалом и, трясясь и постанывая от напряжения, оттягивает тетиву до уха. Басовой струной звенит спущенная оленья жилка. Стрела сухо тюкает стурману в грудь — и бросает спиной в мутную воду. Ноги у главаря смешно задираются вверх, потом бухаются в муть. Готов!

Но сотни свеев добрались-таки до отмелого берега — злые, как медведи с больными зубами.

— Отходим! — проорал Олдама.— Бросай все, Ярун!

Маленький отряд, огрызаясь стрелами, отступил, смешался с гридью Улеба конунга.

Над рядами защитников Альдейги возвысился Асмуд хевдинг и мощно грянул:

— За стены! Круту прикрывать!

Олег, затесавшись в плотно сбитый ряд варягов, отступал со всеми вместе, не поворачиваясь спиной к врагу и держа меч обеими руками, готовый пустить его в ход.

Повернулись на мощных петлях створки крепостных ворот, захлопнулись с гулом, двое варягов подхватили тяжелый брус и уложили его в ушки — посторонним вход воспрещен!

2

Эйрик конунг был мрачен. Он был мрачен с того самого дня, когда эта сучка, внучка карельского жреца, нанесла ему травму, о которой лучше помалкивать. Ходить раскорякой конунг стеснялся, а иначе одолевала свербящая боль в паху. Все бесило конунга, все раздражало его, доводя до белого каления.

Эйрик сидел на сундуке, широко раздвинув ноги. Сундук стоял под мачтой «Рыжего Змея», а за бортом открывалась панорама сражения — слева глыбилась крепость, справа вились улочки Альдейгьюборга. Пара гигантов-норвежцев, Ингъялд Лесоруб и Хранир Белый, зорко следили за небом, отлавливая щитами случайные стрелы.

— Где Хродвисл?! — злобно спросил Эйрик.

— Убили Хродвисла,— спокойно доложил Белый.

Эйрик ударил кулаком по мачте.

— Там же одни ополченцы! — прорычал конунг.

— Они русы,— ответил Ингъялд таким тоном, будто имел в виду гигантов-йотунов.

— Чтоб им стать поживой троллей, твоим русам!

Эйрик встал, задавливая стон, и подошел к борту драккара. Северную часть города он взял и держал крепко, а вот южная половина, что за Ала-дьоги, никак не давалась ему. На том берегу речушки, сразу за Торгом, ополченцы нагородили защитную стену из камней, бревен, мешков и корзин с землей и обстреливали оттуда наступавших свеев. Даже два метательных орудия отыскались, забрасывая его лодьи горшками с горючкой и камнями. Три драккара сгорело, еще два затонуло — ядра проломили им днища.

На пристань, хромая, вышел Дюк Славянин. Перед собою он толкал Хуфина Убийцу.

— Конунг,— доложил Дюк.— Этот рус называет себя твоим человеком.

— Он не рус! — ответил Эйрик.— Он датчанин. Что скажешь, Хуфин?

Хуфин поклонился и подошел ближе к борту, косясь на невозмутимых норвежцев.

— Вади ярл держит оборону Южных ворот,— быстро доложил он,— и предлагает помощь. Ярл пропустит твоих людей и уведет своих.

— Ага! — гаркнул Эйрик, веселея.— Отлично. Дюк, хватай бойцов и греби вокруг крепости. Высадишься у Южных ворот... — Дюк открыл было рот, но конунг поднял руку и закончил: — Тебя пропустят! Ударишь по русам, как полагается!

Дюк закудахтал от восторга и помчался за своей бандой. Вскоре пара лодий покинула Ала-дьоги, заворачивая за Стрелочный мыс.

— Ну... — цедил Эйрик.— Ну же...

Долго мучаться ожиданием ему не пришлось. Оглушительный шум битвы усилился еще больше, а за линией укреплений замелькали круглые шлемы, заблистали мечи, рубящие и полосующие ополченцев. Вспыхнула, загорелась баллиста, облитая нефтью из разбитых горшков, а на раму онагра влез Дюк и победно замахал мечом. Эйрик радостно захохотал.

— Уббе! — заревел он, бросая в бой резерв.— Греттир! Сивальд! Торольф! Стройся клином!

Викинги, засидевшись на лодьях в ожидании своего часа, с ревом повалили на берег, сбиваясь в клин-фюлькинг, неуничтожимый и всепобеждающий.

— Мечи к бою... Щиты сбить... Марш...

Викинги завыли, заржали на все голоса и бросились в атаку. Как настоящий клин разделывает дерево, членя ствол пополам, так и фюлькинг располовинил русскую гридь, отбрасывая варягов к стенам крепости. Но смять русов им не удалось — те укрылись внутри.

— И тролль с ними... — проворчал Эйрик.

Уббе, Сивальд, Гудфат и Гумми из Гизланда, разгоряченные и яростные, высыпали на пристань.

— Крепость оставим русам,— решил Эйрик,— никуда они не денутся. Делите город! Обыщите каждый дом, все ценное волоките на лодьи! Молодых не убивайте — мы их сторгуем арабам. И сожгите к троллям этот свинарник!!!

Ярлы радостным ревом поддержали решение конунга и бросились исполнять самый любимый приказ командования — грабить и делить добычу.

Глава 10

— Лидул, на Тайничную! — отдал приказание Улеб конунг, едва заперли ворота, и гридь собралась во дворе крепости.— Крут, на Воротную!

Лидул ярл покорно склонил голову, выхватил из толпы пяток варягов и кинулся к Тайничной башне. Крут со своими поднялся на Воротную.

— Асмуд, на Толстую! Аскольд, на Водовзводную! Вуефаст, на Середову! Стрелки — на стены!

Лучники, придерживая тулы, бегом побежали, куда сказано, заняв позиции вдоль заборола — верха крепостной стены, прикрытого тесовым навесом, уберегавшим защитников от дождя и стрел. Работа лучникам нашлась сразу же — свеи пошли на приступ. Рев викингов и поднятый ими лязг перехлестывали через частокол.

Перед Олегом вырос Гайна, готский рикс, с плечами такой ширины, что на каждом могло бы сесть по Олегу Сухову.

— Кто таков? — коротко осведомился рикс.

Олег внутренне сжался, примиряясь с насмешками. «Лишь бы меч не отобрали...» — подумал он и честно назвался:

— Олег трэль!

По толпе дренгов прошли смешки. Рикс тоже растянул в усмешке рот, выказывая щербатые зубы, и сказал:

— Ты уже полдня, как вольный. Не может быть трэлем тот, кто бьется с врагом. А ты неплохо дрался, я видел!

Гайна говорил снисходительно, будто «дед» с новичком-салабоном, но Олег не вникал в тонкости — известие о воле потрясло его. Он даже не обрадовался в тот момент — душа его растеряла все эмоции. Было такое ощущение, будто в нем разверзся вакуум.

— Мечом ты добыл свободу, Вещий,— проговорил Улеб конунг, держась за сердце.

Пончик храбро кинулся к нему, крича:

— Ляг, конунг, ляг! Да уложите же его!

Варяги послушались — быстро вынесли из терема пару медвежьих шкур и постелили на ступенях. Улеб, страдальчески морщась, прилег.

— Щас я... Угу... — заторопился Пончик, роясь в своем коробе.— Где-то у меня тут настоечка была... Боярышника... Вот!

Конунг глотнул настойки и сморщился:

— Гадость какая!

— Зато полезно,— назидательно сказал Пончик.— Это сердце прихватило... Угу...

Гайна, почтительно подождав, когда лекарь закончит обхаживать конунга, поманил Олега за собой.

— Давай на стену! — приказал он.— Чую, скоро полезут. Твое место — возле самой башни.

Олег серьезно кивнул и полез на стену. Все пело в нем и орало, сжималось от нежданного счастья и распирало грудь. Война — это такой пустяк! Воля — вот что самое драгоценное. Пока человек живет обычной жизнью, он не понимает этой простой истины. Но стоит только свободу потерять... О-о!

Взобравшись наверх, Сухов прошел к стене башни. Слева тянулись крепкие перила с балясинами и открывался двор, а справа торчал частокол из заостренных бревен. Через равные промежутки бревна поднимались столбами, удерживая навес. Олег выглянул поверх частокола, и ему стало нехорошо — свеи шли на штурм, войско запрудило весь Торг. Копья качались убийственным камышом, а шлемов-то, шлемов... Словно смотришь на кучу просыпанных яблок. И вся эта масса орет, движется, потрясает мечами и топорами, волочит лестницы, раскручивает веревки с «кошками»...

Олег сцепил зубы и потянул меч из ножен. Воля — это хорошо, но он пока никто, и звать его никак. Он даже не дренг. А в этом времени воин — не просто защитник родины. Дружина конунга — это и армия, и свита, и совет министров. Прибиться бы ему к гриди, зацепиться бы... Только вот кого попало в гридни не берут, войти в дружину конунга — это все равно что записаться в отряд космонавтов. Так же просто... Вот и докажи, что ты достоин. Давай, Олежек, давай! А дирхемы с динарами отдадим Пончику, ему нужнее!

Прямо перед лицом Олега о частокол брякнула штурмовая лестница с крючьями. Сухов, холодея, отвел меч. Из-за стены вздыбился свей. Прикрываясь щитом, он попытался пырнуть Олега мечом. Сухов отшиб вражеский клинок и тут же опробовал комбинацию «синкагэ-рю» — ушел с линии атаки, одновременно нанося вертикальный удар. Враг с раскроенным черепом рухнул вниз.

Олег переменил руку на обратный хват и просадил шею следующему противнику — в шлеме с выкружками для глаз, из-под которого высовывались смешные рыжие косички. Свей заклекотал, упал на стену, судорожно цепляясь за верхнее бревно, и сорвался вниз. Олег выглянул наружу, и тут же над ухом у него просвистела стрела. Он резко присел, успев, правда, заметить главное,— викинги отступили, побросав лестницы.

Скрипя досками, подошел Гайна, держа в опущенной руке прямой меч. С лезвия падали тягучие капли.

— Решили не тратить на нас время,— усмехнулся рикс и крикнул, перегибаясь через перила: — Отбой! Свеи грабить пошли.

По балкончику, с башни на стену перебрался Асмуд хевдинг, а во дворе, задирая голову, остановился Аскольд сэконунг.

— Что делать будем? — крикнул он.

— Прорываться надо! — ответил Асмуд сверху вниз.

— Сейчас?!

— Зачем сейчас? Когда стемнеет!

— Вот именно, когда стемнеет!

— Будет светло,— усмехнулся Асмуд,— вся Альдейга заполыхает!

— Тогда они и нас подожгут... — обеспокоился Гайна.

— Ни в жизнь! Им же добыча нужна. А что добудешь из золы?

— Верно,— кивнул Аскольд.— Дождемся вечера и ломанемся.

— Опять-таки, куда? — задумался Асмуд.— Можно к северным воротам пробиваться... Нет, далеко слишком. К южным?..

— А давай к западным! — вступил Лидул ярл.— Двинем прямо по Влесовой дороге! И в лес, не доходя до храма.

— Подходяще! — оценил Асмуд.

— Ага,— усмехнулся Гайна.— А вы видели хоть, где у свеев лагерь? Прямо напротив Влесовой дороги.

— Ну и отлично! — воскликнул Асмуд.— Нас же там не ждут. А мы и попрем прямо через шатры. Видели когда, как степные буйволы скачут через лагерь? Несутся, как бешеные, людей до того истопчут, что те лежат на земле раскатанные, не толще сложенного шатра.

— Мы этих не хуже потопчем! — расхохотался Аскольд.— Пойдем, Улебу доложимся!

— Бди! — хлопнул Гайна Олега по плечу и потопал к лестнице.

Сухов сунул меч в ножны и остался бдить.

Свеи раскинули огромный лагерь на пригорке за Торгом. Сотни шатров стояли часто, заняв всю площадь, образованную устьями пяти улиц. Между шатрами горели костры. А справа открывалось другое устье — неширокий влив Ала-дьоги, сплошь заставленный драккарами. Свейские лодьи стояли так кучно, что по их палубам можно было перейти с одного берега на другой, не замочив ног.

Тут в лагере поднялся множественный крик, и Олег обернулся к шатрам. Солнце село, начинало темнеть, и фигуры свеев теряли ясность очертаний, расплываясь в сумерках. Потом дергавшиеся фигуры осветились — свеи зажигали факелы и разбегались по улицам. Видать, выгребли все ценное и решили побаловаться с огнем. Факельщики, впав в безумие разрушения, выли и гоготали, запаливая все, что могло гореть. Очень скоро проемы распахнутых дверей осветились трепещущим оранжевым светом, из окон ударили языки пламени, густой дым потек в небо, собираясь в душное, чадное облако.

Олег смотрел как зачарованный. Пожар разгорался медленно, но был неостановим. Все больше и больше вилось рыжих протуберанцев, вырывавшихся из окон, треск отдельных пожарищ постепенно соединялся в единый низкий гул, все добавлявший и добавлявший мощи. Загорались клети, амбары, сараи, хлева.

— Олег, спускайся! — крикнул Гайна.

Олег скатился вниз по лестнице.

— Строимся! — гаркнул Асмуд хевдинг.— Слушай меня! Пойдем «клином». Впереди и по бокам идут те, на ком доспехи. Кто без броней — в середине. Потащите конунга и будете помогать тем, кого ранят. Всем ясно?.. Становись!

Варягов из дружины конунга уцелело человек двести. Они выстроили клин, двойными рядами окружив тех, кого не прикрывали латы. Четверо огромных гридней держали за лапы шкуру медведя, на которой лежал хмурый и недовольный Улеб конунг.

— Крут! Ханала! Алзис! Сымайте брус! Тихо только!

Названная тройка поднатужилась и вынула из ушек крепкий брус.

— В сторону! Отворяй ворота! Пошли-и!

Створки ворот плавно распахнулись, и клин выдвинулся наружу. Свеи, сторожившие крепость, растерялись от такой наглости. Мышек загнали в мышеловку, а они, вместо того чтобы сидеть тихо и не рыпаться, еще и напасть осмеливаются!

— Мечи к бою! Бегом! Плотнее...

Свеев раскидало, как ветром развеяло. Клин взял в гору и повалил на шатры. Дорогу русам освещали пожар и луна.

Олег бежал, задыхаясь не от натуги, а от волнения. Рядом, прижав локотки, несся Пончик.

— В боку не колет? — спросил Олег.

Пончик помотал головой.

— Не сбивай дыхание... Угу... — посоветовал он.— Мы только стартовали.

Клин вломился в свейский лагерь, как танк. Варяги пробивали себе путь копьями и мечами, опрокидывая котлы с варевом, прорывая шатры, прорубаясь сквозь викингов и хускарлов. Викинги с хускарлами тоже не терялись, набрасываясь на русский клин орущей серой массой. Проткнутые копьем или зарубленные мечом, варяги падали замертво, но их побратимы тут же смыкали строй. Сцену прорыва заливал огнистым светом пожар. Прогоревшие стропила домов ломались, не выдерживая тяжести земляных крыш, и те с грохотом рушились, взметывая тучи искр. Пламистые языки огня с ревом устремлялись к небу, закручиваясь, подсвечивая клубы плотного дыма.

Дротик, падая сверху, проткнул бок гридню, бегущему рядом с Олегом. Гридень сбился с шага, валясь кулем. Олег подхватил его, закидывая руку гридня себе на шею.

— Брось... — захрипел гридень, не размыкая глаз.

— Щас! — буркнул Олег.— Ты, главное, ноги переставляй...

Раненый навалился на Олега всем весом, теряя сознание. Сухов закряхтел, но удержал.

Клин между тем миновал Западные ворота и почесал по дороге к храму Велеса. Святилища этого бога, в отличие от Перуновых, строили в низинах. Правда, рассмотреть архитектурную достопримечательность Олег не успел, краем глаза ухватил только восьмигранное строение с фигурной крышей.

— Налево!

Клин поворотил и втек в лес.

— Рассыпаться!

Строй послушно распался, люди поодиночке или парами неслись, огибая деревья.

— Шагом!

Олег, почти задохнувшийся, сменил трусцу на шаг и поволок гридня дальше, как рыба на песке хапая ртом воздух. Крики погони смолкли, и отсветы пожарища бледнели, подавляемые вечерними тенями.

Куда они шли, Олег не видел. Все его силы уходили на то, чтобы не упасть и не уронить раненого. Деревья тянули ветви, склоняли колючие лапы. Но отвести их Олег не мог, он лишь жмурился и вбирал голову в плечи, уберегая глаза. Ныла рана в боку, а та, что на бедре, открылась и сочилась кровью.

— Сто-ой!

Дорогу гриди перекрыл неглубокий овражек. Асмуд выставил дозорных и приказал разжечь небольшие костерки. Лесовики и охотники махом надрали бересты и, скрутив что-то наподобие горшков, набрали воду из ручья, журчащего по дну оврага, и поставили кипятиться — жар огня не проедал бересту, держащую влагу. Пончику привалило работы — в потемках он промывал раны, бинтовал, прикладывал травы. Олег подтащил к лекарю «своего» раненого. Пончик осмотрел его и заявил, что жить будет.

От гридня к гридню передалась команда — ожидать рассвета. Измученные бойцы валились на травянистый склон и засыпали или просто лежали, закрыв глаза и отходя от схватки.

Лес тихо шумел, верхушки сосен, колеблемые ветерком, разносили шуршащие звуки, схожие с накатом волны на песок, только что не в

лад прибоя. Заухал филин, захлопал крыльями и зыбкой тенью проплыл над оврагом. Олег, вымотанный донельзя, откинул голову на траву, закрыл глаза — и словно переместился на валкую палубу лодьи. Тело плыло в шатком неравновесии, погружаясь в манящую тьму. Кровь пульсировала все покойней, звуки, рождаемые большим скоплением людей, искажались и гасли. Олег уснул.

Долго почивать ему не пришлось. Едва забрезжил рассвет, скомандовали подъем. Варяги — русы, венды, готы, финны — подымались с земли, разминались, ухаживая сначала за оружием, потом за собой. Олег не стал противоречить этому полезному обычаю и первым делом тщательно протер хазарский меч, после чего спустился к ручью и с удовольствием ополоснул лицо. Сразу стало полегче.

Солнце еще не встало, лес был погружен в сумрак, где тень сливалась с отбрасывающим ее предметом. Рваная пелена тумана прикрывала землю, ветра не было, и стояла дремотная тишина. Только мягкие шаги озвучивали ее да негромкое бряканье оружия. Варяги переговаривались:

— Спалили все на хрен, ур-роды!

— Небось и в терему все перерыли...

— Делить сегодня будут...

— Ничего, Идар, вот отстроимся, да как заявимся в Бирку!

— Первым делом Упсалу по бревнышку раскатаем!

— И то верно!

— Все припомним!

— Тише! О, Свенельд рукой машет! Пошли!

Олег пошел вместе со всеми. Улеб конунг речей не толкал и вдохновлять гридь даже не собирался. Сказал просто и доходчиво: «Забьемся в лес, раны зализем, да и выступим!» За ночь конунг маленько поправился и теперь шагал сам. Правда, парочка гридней постоянно страховала конунга, но тот старался их не замечать.

Шли долго — оврагами, низинами, тропами лесными, перевалили через холмы, пробирались болотами — по жердям, брошенным на колыхавшийся покров топи.

Ближе к вечеру разбили лагерь, расположившись на вершине поросшего соснами холма. Холм поднимался посреди обширной луговины — просто так не подкрадешься. Боевыми секирами повалили деревья по кругу, обнеся холм импровизированными укреплениями, выставили дозор. Пончик снова занялся ранеными, а с десяток гридней отправились на охоту. К полудню они вернулись, волоча двух

оленей, а за ними поспешала целая делегация — ладожане, блудавшие по лесу. Среди них Олег с радостью узнал Раду, а Пончик встретил Чару. Подошли Ошкуй и Валит, несшие носилки с Вольгастом тиуном,— досталось приветов и им.

Женщины и девушки быстренько сготовили немудрящий обед — оленину с сухарями. А Рада заварила для всех целый котел сбитня — и трав в воду набросала, и ягод, и меду ливанула. Ничего получилось, вкусно.

— Кофейку бы... — вздохнул Пончик, сыто жмурясь.

— Будет тебе и кофэ,— сказал Олег,— и чай с какавой! Дай только свеям ряшки начистить!

Подбежал Валит и скороговоркой выложил:

— Там бояре на совет собрались! Давай послушаем?!

Олег кивнул и поднялся — надо же быть в курсе!

Для военного совета — комента — выбрали полянку, окруженную высоченными соснами, чьи кроны почти смыкались высоко вверху, стягивая небо в голубой лоскуток. Посреди поляны лежали стволы деревьев, невесть когда поваленные сильным ветром. На них-то, как на скамьях, и расселись бояре. Валит с Олегом пристроились за кряжистой сосной — не видать ничего, зато хорошо слышно.

— Нас мало осталось,— тяжело начал Улеб конунг,— меньше половины... Тыщи две свеев мы положили, теперь будем думать, как остальных отправить в Хель!

— Я скажу! — прогудел Асмуд хевдинг и повел свою речь: — Лодий мы потеряли много, вот что худо. Только, наверное, и остались те, что с Шаевом ушли, биармов уговаривать. А у свеев почти все на плаву. Вот мы тут деревья валили, а зря — свеи сюда не придут. Они не за войной явились и не за славой, а добычи для. А уж добра нашего они натырили вволю! И в любой момент могут загрузить лодьи и свалить отсюда. Мы же, пока новые себе отстроим, до весны провозимся, и в этом году никак не накажем свеев!

— Что ты предлагаешь? — резко спросил Лидул ярл.

— Лишить эту сволочь Эйрика преимущества! — рубанул Асмуд.— И заодно так сделать, чтоб он уйти не мог,— выдержав паузу, хевдинг выразил свою мысль: — Надо сжечь свейский флот.

Бояре зашумели.

— Асмуд прав! — высказался Гайна.— Без лодий свеи никуда не денутся, и мы их всех почикаем.

— Точно,— поддержал его Антеро.— Истребим!

— Не думаю, что Эйрик поспешит уйти,— проворчал Улеб конунг.— Мы-то народ предупредили, все ушли, и много чего с собой унесли.

Вот Эйрик и начнет охоту за ладожанами. И добычи ему прибавится, и рабов сколько уведет...

— А мы ему мешать будем! — воскликнул Аскольд сэконунг.— Не отдыхать же мы сюда пришли. Щас вот, мечи наточим и начнем отсюда свою войну.

— Верно! — согласился Улеб.— Если же мы пожгем лодьи свеев, то они все останутся здесь. И будет большая резня — тьма народу скрылась в лесу. И свеи пойдут по следам их, как псы!

— Так ты против, конунг? — прямо спросил Асмуд.

— Я — за,— проворчал Улеб.— Просто хочу, чтобы вы все представляли себе, что нас ждет... Значит, так... За веремудовой кузней склад стоит, а в том складе полно горшков с земляным маслом. Наберешь их, сколько унесешь. И, как стемнеет, отправишься на дело... Бери, кого хошь!

— Ополченцев возьму,— сказал Асмуд успокоенно,— Олдаму, Каницара, Яруна, Веремуда, Вещего... Уж очень нас мало осталось, воевать некому, а этих не так жалко потерять!

Олег только крякнул. Оценили, называется! Хотя... Разве Асмуд не прав? Война идет! Тут каждый гридень на счету, а за одного гридня десять Олегов отдать не жалко. Такая уж у войны арифметика...

Под вечер маленький отряд диверсантов, ведомый Асмудом, вышел к лесному озерцу напротив старой кузни. Склад, где хранились горшки с нефтью — или «земляным маслом», как ее называли,— отыскался не сразу. Его устроили меж двух земляных валов, перекрыв их поверху бревнами в два наката.

— Мехи все взяли? — спросил Асмуд.

— Взяли... — проворчал Олдама, недовольный, что его приписали к ополчению.— Ты ж сам проверял!

— Цыц! — сказал Асмуд.— Берем по два горшка!

Олег аккуратно уложил пару емкостей в заплечный мешок и осторожно закинул за плечо. Ведра два нефти...

— Ух и займется... — кровожадно измолвил Веремуд.— Ух и запылает!

— Пошли! — насупил брови Асмуд хевдинг и сторожко двинулся в обход озера, к берегу Олкоги.

Дойдя до места, схоронились до поры в густом тальнике. Олег встряхнул мех из-под вина и надул его. Быстренько воткнул пробку и обвязал ее шнурком для надежности. Готово!

— На таких кочевники переправляются,— неожиданно разговорился молчаливый Асмуд.— Только у них побольше — целые бычьи

шкуры сшивают в пузырь и надувают... Ставишь, бывало, лодью на якорь, не думаешь ни о чем, а он — нырь из воды и ножом по горлу! И пошла свистопляска на всю ночь...

— А что ныне за кочевники в степи? — поинтересовался Олег.

— Да хрен их разберет... Хазары, те не кочуют, они к Непру для боя скачут, считают, что все те земли ихние... И других не пускают — печенегов, куманов, гузов... А те все равно просачиваются, уж больно хороша непровская степь для кочевий! Воды вдосталь, травы прут из земли бешено... Так, все,— изменился голос Асмуда,— скидывай обувку, и поплыли!

Олег покрепче ухватился за мех и скользнул в воду. Ух! Не такая уж она и теплая... Работая ногами и подгребая свободной рукой, он поплыл вниз по течению. Головы его товарищей смутно выделялись на черной воде. По обоим берегам стенами мрака вздымался лес. Настоящий русский лес! В нем не было места кудрявым березкам и прочему растительному колориту, который в будущем времени признают национальной приметой. Слезливые лирики, тискавшие березки, плохо понимали, какое дерево к сердцу прижимали. Береза — дерево сорное, она поднимается там, где выжигают сосну и ель. Березой зарастают пустоши и пожарища, брошенные поля и угодья, это дерево белеет, как знак давней беды, как помин несчастья.

— Тише гребем! — сдавленным голосом скомандовал Асмуд.— Подплываем!

Олег пригляделся и разобрал на звездном фоне темный силуэт крепости. Осторожно огибая мыс, диверсанты заплыли в устье Ладьоги, плотно забитое драккарами. Лодьи стояли так тесно, что между их корпусами еле протиснуться можно было.

Асмуд молча тыкал пальцем в очередного диверсанта и показывал тому, куда плыть. Олега он послал в сторону Торга, а сам спустился чуток ниже, к вымолам.

Олег выдохнул воздух и тихонько подплыл к борту драккара. Схватился руками за край, подтянулся, глянул — никого! — и перелез на палубу. Драккар тихонько поскрипывал, вода плескала в борта. Олегу даже жалко стало гордый корабль — за что его жечь? Вздохнув, он откупорил горшок с нефтью и разлил ее по палубе, плеснув на скамьи, на сложенные весла. Все, полгоршка ушло... Крадучись, он прошел на корму, к которой вплотную примыкал нос соседней лодьи, и перешел на ее борт, где опорожнил горшок до конца.

Подул ветерок, и Олегу стало зябко в мокрой одежде. С берега долетели слова неизвестного языка, смех и хлюпающие звуки — свои

попивали русский мед и закусывали русским сальцем. «Чтоб вам подавиться!» — сердечно пожелал им Олег, отыскивая дорогу на третий корабль. Сами свеи облегчили ему путь — уложили сходни на оба борта. Олег на цыпочках перешел и обнаружил пьяного викинга. Викинг вставал, ворча себе под нос. Олег присел в тень, отбрасываемую высоким штевнем, и нащупал на поясе нож — это было все его оружие. Меч пришлось оставить в лагере, ибо плавать с пятью килограммами стали как-то несподручно.

Викинг, громко сопя, расстегнул штаны и встал на кромку борта, здорово удерживая равновесие. Эге, не такой уж он и пьяный... Что ж делать?

Зажурчала мощная струя, и сопение сменилось довольным покряхтыванием. Решение само пришло к Олегу. Отставив горшок, он резко шагнул к викингу, мгновенно спустил с него порты и двинул локтем, сбивая с ног. Стреноженный викинг грохнулся на палубу — вся лодья загудела.

— Один ок Фригг! — выругался свей и захрипел, прерванный лезвием Олегова ножа.

С дальней лодьи крикнули что-то вопросительное, и голос Асмуда совсем рядом прогнусавил что-то успокоительное на свейском. С неслышным плеском голова хевдинга появилась над бортом. Лодья качнулась.

— Что за дела?! — прошипел хевдинг.

Олег молча указал на пришибленного викинга. Асмуд кивнул и сказал:

— Выливай, что осталось, и дуй отсюда! Будем поджигать!

— Горшочек с угольками у Веремуда,— напомнил Олег.

— А я придумал другой способ! — оскалился Асмуд. И растворился в реке.

Олег послушно разлил нефть и вернулся в воду — так было теплей. А на берегу возникла широкая фигура Асмуда. Силуэт хевдинга заслонил собой костер, вокруг которого грелись часовые. Они задали хевдингу какой-то вопрос и протянули жбанчик.

— Оль? — спросил Асмуд, интересуясь, не пиво ли внутри, и свеи загалдели утвердительно.

Изрядно отпив, Асмуд передал жбанчик и потянулся к костру. И только сейчас перепившиеся свеи заметили мокрую одежду хевдинга. Один из сидевших у костра попытался привстать и напоролся на нож. А хевдинг выхватил горящие головни и махом, с разворота, швырнул их на лодьи. Головни, разгоревшись в полете, упали на палубы, умащенные нефтью, и полыхнуло большое пламя. Вдалеке, у левого берега Ала-дьо-

ги, тоже заблистали отсветы огня — Веремуд раздувал угольки. Пламя вспыхнуло и занялось, перекидываясь на соседние лодьи.

А хевдинг тем временем, побив ногами пьяных свеев, схватил еще парочку головней и отбежал в сторонку, целясь в драккары, политые Олдамой и Каницаром.

— Олег! — крикнул он.— Уплывай!

— А ты?!

— Да щас я...

Асмуд добежал до следующего костра и столкнулся с часовыми. Протрезвевшие свеи нацелились проткнуть копьями наглого варяга, да не тут-то было — Асмуд ухватился за прянувшие в него копья, вырвал их, перевернул и воткнул в противников. Затем быстро разметал костер, разбрасывая по лодьям горящие сучья. Пару раз прием не сработал, но, уж если раскаленные угли соприкасались с нефтью, тут же вспыхивал огонь, растекался по палубе, забираясь на скамьи, влезая на мачты, добираясь до скаток парусов.

Огромными скачками Асмуд добежал до вымола, подхватил с земли оставленный мех и прыгнул в воду.

А на берегу началась паника. Изрядно выпившие свеи бестолково носились по пристани, сталкиваясь друг с другом, спотыкаясь и падая. Пробудился лагерь, целая толпа с факелами и оружием побежала с пригорка. Но что она могла сделать? Ночи больше не было! Огромный костер полыхал меж берегов Ала-дьоги, десятки лодий, зажженных первыми, горели от носа до кормы, подпаливая соседние и выбрасывая тучи палящих искр. Вот на одном из драккаров перегорели штаги, удерживавшие мачту с реем, и рангоут рухнул на ближайшую лодью, с грохотом пробивая доски палубы ноком рея. Вспыхнул и этот корабль... Орущие свеи попытались увести хоть часть лодий, но горло Ала-дьоги было забито напрочь, огонь распространился от берега до берега, ярко освещая скученные драккары, остававшиеся на плаву последние минуты. Пламя гудело и ревело, словно сам бог огня радовался новому пожару, возожженному как месть за гибель города.

Свет пожара был настолько ярок, что Олег поневоле щурил глаза.

— Отплывайте! — раздался сердитый голос Асмуда.— Что встали?! Вас же с берега видать!

В подтверждение этому в воду булькнула стрела, за ней другая.

— Быстро отсюда!

Диверсанты живо погребли прочь, часто оглядываясь на разожженный ими пламень. Сосновый бор на другом берегу Олкоги отсвечивал

стволами, крепость четко выделялась на фоне красно-оранжевого зарева, а диверсанты заплывали в тень, которую отбрасывали стены и башни.

— Так вам! — заорал Асмуд хевдинг, нарушая режим тишины.— Испробуйте горелого!

Гомерический хохот невидимок разнесся над темными водами Олкоги, тишая и теряясь в громовом реве пламени.

Глава 11

1

Эйрик конунг в гневе прошелся по берегу Ала-дьоги. Флота больше не было. Пять драккаров с обожженными бортами стояли у дальней пристани — все, что удалось спасти. Эйрик криво усмехнулся. Спасти! Ветер просто переменился, вот и все спасение!

Ярлы, оставшиеся без лодий, уныло топтались на вымолах, следя за хускарлами. Те, бранясь по-черному, цепляли баграми остовы недогоревших драккаров и сплавляли их в Олкогу. Противный сизый дым стелился над Ала-дьоги, как утренний туман, выедая глаза и бередя душу. Войско толпилось на пригорке, шаталось по Торгу, роптало и шепталось. Еще бы им не шептаться! Пришли, увидели, победили, добыли немало, поделили справедливо, и что теперь?! Как вернуться с добычей? На чем?!

Эйрик затравленно оглянулся. Куда ни посмотришь — всюду гарь. Город перестал существовать — одни фундаменты, сложенные из камней, выглядывали из серой золы. Воздух наполнился удушливым чадом, и никакой ветер не мог развеять этот запах.

Конунг вздохнул, напряг чресла. Нормально... Боль в паху отпустила Эйрика, чему он был рад несказанно, так теперь новая напасть! Он привел в Гарды шесть тысяч войска, осталось четыре. Вопрос, однако, не в счете погибших. Как ему вывести живых? Пешком чапать по враждебным лесам? А море им как перейти? По воде, как Распятый, коему поклоняется Вади ярл?

— Дюк! — кликнул Эйрик.

Славянин подошел вразвалочку.

— Лагерь разобьем ближе к крепости,— распорядился конунг.

Дюк кивнул понятливо.

— И пусть те, кто за стенами, меняются местами с теми, кто в шатрах.

— Справедливо! — согласился Дюк.

— В дозор выставляй по сотне днем, по две — ночью.

— Понял, конунг!

— Даль! Уббе! Торольв! Гейр!

Названные ярлы неторопливо приблизились.

— Выберите из своих людей самых проворных,— резко заговорил Эйрик,— и пошлите в Алаборг, в Гадар, к карелам, куда хотите... Пусть ищут лодьи — любые! Скедии, снекки, да хоть рыбацкие карбасы. Нам все сойдет! А ты, Уббе, возьмешь один из драккаров... «Морского коня» возьми! И дуй в Бирку — приведи сюда купцов. Всех подряд — фризов, пруссов... Всех! Лишь бы на кораблях. Понял?

— Понял! — расплылся в улыбке Уббе ярл.

Остальные тоже повеселели — не все для них кончено!

— Поборемся еще? — бодро спросил Торольв.

— А ты думал? — хмыкнул Эйрик.— Готовь ребят-лесовиков, прочешем лес по этому берегу. Всех, кого найдем, сгонять сюда. Гейр! Собери ледунг и дай им работу — пусть ставят крепкие загоны для трэлей!

— А скоро и арабы пожалуют! — потер руки Даль Толстый.— Мы им меха — они нам серебро! Мы им рабов — они нам золото! О-хо-хо-хо!

— Короче, Торольв! — подвел черту Эйрик.— Готовься! Я сам поведу отряд.

Разгладились лица хускарлов. Привычные к топору и лопате, ополченцы споро включились в работу, заданную конунгом: вкапывали столбы, набивали на них колючие стволики елок. Сучья на стволах не подрубали, а оставляли торчать, еще и острили кончики — полезешь через такой забор и обязательно зацепишься, одежу порвешь, а то и в брюхе дырку оставишь!

Эйрик конунг лично проверил, крепок ли загон, покачал столб, потряс колючую загородку — ни с места! Добрая работа!

— Обносите по-быстрому! — распорядился он.— Скоро приведем скотину двуногую!

Хускарлы загоготали.

— Выступаем! — крикнул Эйрик.

Тысяча бравых свеев, хускарлов и хирдманов вперемежку забрякала оружием, затопала, грянула в сотни глоток:

— Веди нас!

И Эйрик Энундсон повел. Свеи вломились в заросли бузины и шиповника. Обойдя по бережку мелкое озерцо в окаймлении зеленых пе-

релесков, «охотники за головами» добрались до Медвежьего тока — весной медведи тут подкрепляли силы подснежной клюквой. Ноголомное место: огромное болото — за день не обойти, на болоте песчаные гряды, на грядах матерые сосны, а понизу пади тянутся с неуявшейся вешней водой, заваленные подмытыми слизкими стволами.

— Торольв — влево! — скомандовал Эйрик.— Даль — вправо! Идти тихо и скрытно, вы на охоте...

Ярлы повели свои сотни по обе стороны хляби, просачиваясь через скудное чернолесье. Повезло Далю — сперва нос жирного ярла учуял дымок костра, потом уши уловили русский говор. Даль показал рукою — сотня Бьерна обходит так, люди Олафа — этак. Пригибаясь, викинги заскользили по кустам. Даль осторожно раздвинул колючие хлыстики малины и увидел сухой пятачок земли у самой топи, где горели крошечные костерки, и десятки людей обоего пола сновали от шалаша к шалашу, то ли готовя еду, то ли куда-то сбираясь.

На противоположном конце сухого «островка» шевельнулась трава, пропуская голову Олафа в косо нахлобученном шлеме. Даль кивнул и поднял своих.

Бежавшие от напасти ладожане вдруг с ужасом увидели, как их стоянку окружают викинги, как шагают пришельцы, сжимая кольцо. Бородатый мужик подхватил рогатину и с гортанным криком бросился на живую стену в кольчугах. Блеснула сталь меча, и крик отчаянного бородача пресекся. Завизжали девки, бегая между шалашей, запричитали их старшие товарки. Редкие мужики угрюмо и злобно сбились в кучку.

— Вяжи их! — лениво скомандовал подошедший Эйрик.— И к жердине пристегивай — легче будет уследить!

Два десятка ладожан смирились, дали себя связать и пристегнуть. Конунг выделил полусотню конвоя и отправил первых рабов на место сбора.

— С уловом вас, ребята! — поздравил он викингов, и «ребята» весело загоготали: рады стараться!

2

Сосны на берегу Олкоги вздымались мощными колоннами, едва качаемые ветерком. Сулев выбрал для засады самую здоровенную. На высоте тридцати шагов привязал к сучьям крепкие палицы, настелил

сверху жердочек и уселся, свесив ноги. Снизу его заметить было нельзя — ветки прятали, а ему все видно, весь разлив реки.

Олев и Пелг, Азамат и Сувор, Радим и Хурта устроили себе «гнезда» на соседних деревьях. Сулев ухнул филином, и Олев тут же откликнулся, каркнув по-вороньи.

— Порядок... — проворчал Сулев.

Вынув стрелы из тула, он разложил их, чтобы были под рукой. Согнул тугой лук и натянул тетиву, плетенную из трех оленьих жилок. Оттянуть ее мог только батя, да еще Ошкуй, остальным такое было не под силу.

Удобно откинувшись на ствол, Сулев задумался. Свеи его не особо волновали. Неприятно, конечно, когда чужие по дому шарятся, да и сколько теперь лишней работы надо будет провернуть! И дома новые ставь, и припасы собери, и то, и это... Ну так война ж! Ничего... И свеев уже били, и датчан. Всяких хоронили в окрестных болотах. И этим всыпем... А вот куда ему, Сулеву сыну Каницара, дальше путь держать? Пора определиться! По торговой части пойти, как дядька Ярун? Или охотником оставаться, как батя? Торговать... Хм. Выгодное дело, конечно, но хитрое. Денежки счет любят, а он в пальцах одной руки путается. Но и в лесу всю жизнь пропадать тоже охоты нет. Нищим не будешь, но и не разбогатеешь особо. Дешев мех, много за него не дадут. Да и повывели соболей в ближней округе, надо за ними далеко на север переться, за озеро Онего, и еще дальше, до самой Вины. Считай, полгода не дома греешься, а в шалаше зябнешь. Молодому-то ничего, так не навсегда ж та молодость! А о вечере надо с утра беспокоиться... И куда ж ему тогда? В дружину к Лидулу ярлу? А возьмет? Сулев вздохнул и тут же услышал, как прокаркал Пелг. Внимание!

Сулев встрепенулся и глянул на реку. Ага!

По Олкоге спускался свейский драккар, небольшой, румов в двенадцать. Гребцы дружно работали веслами, подгоняя лодью. Главным у них был рыжий верзила в блестящем шлеме с золотой насечкой. Он сказал что-то непонятное кормщику, и тот хрипло ответил:

— Йа-а, Уббе!

Уббе, значит... Сулев взял стрелу с бронебойным наконечником и растянул лук. Прощай, Уббе!

Стрела ударила викинга, как молния с небес, легко проткнув кольчугу. Уббе бросило к борту. Кормщик успел только глаза вытаращить, как вторая стрела пришпилила его к скамейке. И посыпались «змеи тетивы», как из хорошего гадючника! Одна стрела еще в цель не попадала, а Сулев уже пускал другую и накладывал на тетиву третью.

Олев, Пелг и прочие, рассевшиеся по «вороньим гнездам», добавляли к общему счету — иногда в одного и того же гребца вонзались по две стрелы за раз.

Лодья проплыла под Сулевом. Чудин внимательно пригляделся и крикнул Пелгу:

— Все дохлые! Свистни Тойво!

Пелг свистнул, пронзительно, раздирая слух. Сулев пригнулся, выглядывая из-под ветви. На гладь плеса выплыл из камышей ушкуй. Пятеро карел гребли, а Тойво стоял на носу, готовясь перепрыгнуть на драккар. Поравнявшись с лодьей, ушкуй на мгновение прижался к ее борту, и Тойво сиганул через борт. Он пробрался на корму и оторвал кормщика, прибитого к скамье. Резко переложил руль. Драккар медленно развернуло поперек реки.

— Весла ловите! — крикнул Сулев.— Весла! Уплывут же!

На таком расстоянии Тойво не мог его услышать, но и сам понимал, что к чему. Карелы в ушкуе подобрали пару весел, выскользнувших из мертвых рук, и поднялись на драккар. Разбившись на три пары, они быстренько поснимали с убитых брони, побросали трупы за борт и сели за весла. Хода не наберут, да и зачем им скорость? Тут главное — довести лодью, куда надо, и схоронить ее.

Сулев ухмыльнулся — Улеб конунг не только похвалит, но еще и наградит за такой трофей. И чем это не пропуск в дружину? Правильно Олег говорил: надо себя показать!

— Ай да мы! — сказал Сулев и полез с дерева. Вечереет уже, вряд ли свеи поплывут на ночь глядя. А с утра он займет свой пост...

3

— Они наших похватали,— зло говорил Ярун, то и дело утирая мокнущий лоб.— Много! Загнали и держат, как скотину... Человек сто уже, или больше даже. Слуда тоже видел, спросите его.

— Да мы верим,— отмахнулся Улеб конунг.— А охрану какую выставили?

— Большую! — нахмурился Ярун.— Стоят вокруг всего загона, костры жгут... Всю ночь жгли. Светло было... И ни кустика тебе, ни деревца — просто так не подкрадешься.

— Асмуд! — подозвал конунг.— Ты как?

— Хоть щас! — ухмыльнулся хевдинг.

— Попробуешь?

— А то!

Асмуд отошел к Олдаме и поманил к себе Олега с Веремудом.

— Задание есть,— сказал он.— Значит, так... Надо ладожан выручать.

— Надо,— согласился Веремуд.

— Если попрем наобум, тихо не выйдет. Все свеи сбегутся, пока мы своих выводить будем, да и далеко ли уйдем? Там же и старцы, и дети малые... Так я чего надумал — надо тебе, Веремуд, с Олегом на пару, тоже в плен попасть!

— И действовать изнутри? — спросил Олег, которого перспектива добровольного плена не шибко вдохновила.

— Точно! — кивнул Асмуд.— Только действовать нужно прямо сейчас. Свеи шарят по Урочищу Сломанного Меча, а там топь. И они ее обойдут... — Хевдинг глянул на небо: — Когда солнце за лес уйдет! Короче, вам надо попасться свеям на глаза и сдаться. Ножи возьмете засапожные, и все на этом... Попадете в загон, сбивайте мужиков, готовьте всех. А по темноте и мы подоспеем.

— Ясно... — проворчал Веремуд.— Пошли, Олег, сдадимся... Ох, не лежит у меня к тому нутро!

— Это ж понарошку,— успокоил его Олег.

— Да я понимаю... — вздохнул Веремуд.

Сунув ножи за голенища сапог, они отправились в тыл врага. По прямой до урочища было не так уж и далеко, но пришлось бы преодолевать топь.

— Двинем через болото,— решил Веремуд и протянул Олегу тяжелую жердь.— Держи! Я впереди пойду, а ты за мной ступай. И чтобы след в след!

— Понял... — кивнул Олег.

Веремуд шел осторожно, пробуя ногой податливую болотину. Раскисшее месиво сипело и пускало вонючие пузыри.

Олег вдаль не смотрел, тщательно следя, куда ступает нога Веремуда. Добравшись до сухого островка, поросшего кривыми, хилыми елочками, он оглянулся и не увидел за спиной ничего знакомого, ни одной приметы, одна чавкающая хлябь кругом. Зудели комары, противной мошки было, что пыли на шляхе.

И снова Веремуд полез в зеленую жижу, выдирая ноги с сосущим звуком.

— Маленько еще... — прокряхтел он.— Вон до той березы...

До «той березы» они добирались битый час и тину понацепляли на себя до пояса. Однако дорога посуху, вкругаля, заняла бы полдня.

— А почему ты думаешь, что свеи здесь пройдут? — спросил Олег.

— А куда им еще податься? Тсс! — пригнулся Веремуд.— Там кто-то есть!

Кузнец двинулся в обход купы деревьев, ступая мягко, без шуму. Олег крался следом. За болотом росла черная ольха да тальник, весь опутанный малиновой лозой. Веремуд оказался прав — за ольшаником стояли два шалаша, дымил костер. Вокруг огня сутулились три мужика — двое в рубахах, один без.

— Вот попали... — вздохнул первый в кругу, с круглой головой, заросшей пегими прядями.

— Ох, и не говори... — молвил второй, худой и унылый.

— Судьба! — заключил третий, с горбатым носом.

Веремуд решительно вышел к костру.

— Здорово! — брякнул он.

Мужики чуть в костер не попадали.

— З-здорово... — вымолвил круглоголовый.— А вы чего тут?

— А вы чего? — ответил Веремуд вопросом.— Гуляем мы, не видно разве? Пустите лучше обсушиться!

— Просим, просим! — сказал худой, отодвигаясь.

— Чего дымите? — спросил Веремуд.— Набросали сырятины...

— Да был у нас сушняк,— сказал горбоносый,— спалили весь!

Олег садиться не стал. Пройдясь вокруг, он огляделся. Лес будто дремал, легчайший ветерок трогал лишь осинки, перебирая трепещущие листки. Внезапно Олег насторожился — там, где кучно расставился можжевельник, вспорхнули птицы, закружили, пища и чирикая. Кто-то их вспугнул! Олега посетило пренеприятнейшее ощущение — чужого, враждебного взгляда. По-хорошему если, то ему надо было бы предупредить Веремуда и мужиков да тикать. Увы, задание «партии и правительства» требовало не бегства, а позорной сдачи.

Олег прошелся, попинал шишку, краем глаза отмечая движение в редком кряжистом дубняке, и вернулся к костру. Встретив прямой взгляд Веремуда, он незаметно кивнул. Кузнец расслабился и спросил, нарочно повышая голос:

— Охота тут как? Не перебили зверье?

Мужики испуганно зашикали на него: молчи, мол!

— А чего такого?! — подбоченился Веремуд.— Это наш лес!

Тут-то их и взяли. На Олега кинулся, щеря зубы, молодой, прыщавый хускарл, и Сухов моментально протянул руки:

— Сдаюсь, сдаюсь!

Целый отряд свеев окружил костер и наставил копья на сидевших вкруг огня.

— Явились не запылились! — криво усмехнулся Веремуд.— Вяжите уж...

Свеи, весело переговариваясь, повязали пленников и повели в Альдейгу. Олег заметил за деревьями еще человек десять, попарно привязанных к жердине. А хускарл-то, который его повязал, вона как загордился! Взыграл и взорлил, зараза!

Олег пошевелил кистями — кожаный ремешок стянул их зверски, но узел был завязан неумело и подраспустился. Сухов шагал, подгоняемый криками конвоиров, а на душе стало спокойней. Не было страха — Олег точно знал, что его не убьют, как и всех этих людей, пойманных в лесу. Свеи хотят их в рабство продать, а кто же станет трэля убивать — себе же в убыток? Не было и ненависти, «перегноя страха», как однажды выразились братья Стругацкие. Да и за что ему ненавидеть этих свеев, что викингов, что хускарлов? Враги, захватчики — это все верно, но... Как там Горький сказывал? «Если враг не сдается, его уничтожают!» Правильно. Истребить свеев — вот задача, которую он решает со всеми вместе. Помогает решать... Но лозунг «Раздавить гадину!», сочиненный все тем же пролетарским классиком, как-то не стучит ему в сердце. Не постукивает. Он просто делает тяжелую и грязную работу. Убивать — это отвратительно! Три ночи подряд Олега преследовали кошмары, и тошнотворный запах крови бил в нос. Но привычка стерла, смазала паршивые воспоминания...

Закричали свеи, идущие впереди, и лес кончился. Ушли назад деревья, а впереди открылся тоскливый пейзаж — квадраты и прямоугольники фундаментов с торчащими печами-каменками, присыпанные грудами угольев и золы. От крепостной стены только глинистый вал остался. Вдали вставали башни цитадели, а вблизи распахивались ворота в загон. Пинками и древками копий пленных затолкали внутрь. Народу тут хватало, Ярун не ошибся. И не сто человек томились за высокой изгородью, а все двести. Да больше... Женщины и девки жмутся вместе, детей тискают. Мужики сидят, головы повесив. Олег осмотрелся и прошел в середину, где на выступе фундамента устраивался круглоголовый с горбоносым. Оба были бледны и вид имели разнесчастный.

— Как жизнь? — бодро спросил Олег.

— Издеваешься, да? — сказал круглоголовый убитым голосом.

— Кто тебе сказал? — продолжал Олег в том же дурашливом тоне.— Глянь только — небушко голубенькое, травка зелененькая! Что еще нужно для счастья?

— Воля,— процедил горбоносый.

— О! — поднял Олег связанные руки и просиял.— В самую точку попал. Этим мы и займемся...

Опустив руки, он пальцами выцарапал нож из-за голенища и сжал ручку между щиколоток. Ремешки разрезались на счет «два».

— Руки не вытягивай,— сказал Олег негромко,— и старайся держать вместе, будто они связаны.

Изумленный круглоголовый только головой потряс — дескать, разумею. Олег перерезал ему путы, и горбоносый тут же протянул руки, обмотанные пеньковой веревкой. Лезвие освободило и его.

— А теперь,— негромко сказал Олег,— слушай меня! Когда стемнеет, придут наши и выпустят нас отсюда...

Круглоголовый при этих словах аж дышать перестал, а горбоносый шумно выдохнул.

— Я людям веревки резать буду,— продолжил Олег,— а вы незаметно переговорите с мужиками. Надо, чтобы каждый знал свое место и чтоб никого не забыли. Чтобы старых да малых несли молодые и чтоб все держались кучей и слушали, что им говорят. И молчали до поры.

— Ну... — задохнулся круглоголовый.— Ваще!

К вечеру, незаметно перемещаясь по загону, Олег и Веремуд освободили всех пленников. Люди перемешались, растягивая движение на часы, и со стороны не было заметно, как по бокам седобородого старика приседали два парня, как малышню разбирали женщины, а чад постарше крепко брали за руки девушки.

Олег добрался до последнего связанного, светловолосого парня, нос сапожком, и потянулся резать ремешки. Парень неожиданно отдернулся, ощерил рот и заорал:

— Стража!

Последним слогом он подавился — Олег вбил его парню вместе с осколками желтых зубов. Провокатор? Подсадной? Или просто дурак?.. Олег оглянулся. Нет, вроде стражники не обратили на крик никакого внимания. Ладно...

Олег, поглядывая на светловолосого, валявшегося в нокауте, отрезал у него подол рубахи и разорвал пополам. Один отрез скомкал и заткнул тому рот, а другим этот самый рот завязал. Подумал-подумал и снял с парня ремень, стянув им ноги. Так-то оно лучше будет.

— Чего он? — прошептал круглоголовый, кивая на связанного.

— А, тролль его знает!

Подсел Веремуд.

— Все вроде... — сказал он тихо.— Ждем.

В загоне застыла тишина, а часовые, напротив, говорили все оживленней, все громче. Видать, неоднократно прикладывались к жбанчикам и прочим сосудам. Костры горели ярко, опоясывая загон кольцом дрожащего, неверного света.

Стемнело. Олег, вглядываясь за колючую изгородь, высматривал спасителей, а те все не спешили. Он не туда смотрел. Вертя головой, Олег заметил несколько кустов, чьи листья отсвечивали красным, и нахмурился. Он мог поклясться, что место было голо. Откуда ж кусты?.. Он моргнул и увидел, как медленно, пядь за пядью, кусты ползут.

— Вот дурак,— пробормотал Олег с облегчением.

Кусты затерялись за часовыми, тянувшими гортанные песни. Внезапно за спиной запевалы возникла громадная тень, и Олег услыхал тихий треск сломанных позвонков. Певец медленно опустился на бок, словно настраиваясь вздремнуть. К нему тут же присоседился товарищ. Тень бесшумно мелькнула, скрипнуло дерево, и ворота загона начали открываться. Внутрь ступил Асмуд.

— Все готово,— доложил Олег, шагнув навстречу хевдингу.

Тот ухмыльнулся только и сделал жест рукой — бегом в лес!

Тихий ропот вознесся над толпой измученных людей и тут же сменился шиканьями. Пленные, чуть было не ставшие рабами, на цыпочках кинулись к лесу. Парни тащили стариков и стариц, за ними поспешали женщины с детьми на руках, следом бежали девушки, ведя за руки лупатую мелюзгу. И только один светловолосый оставался в загоне. Он мычал, он тряс головой, извивался и катался в пыли, но никто не помог ему — то ли трусу, то ли предателю, то ли глупцу.

Уходили тихо-тихо, переговариваясь шепотом, придушенно ойкая. Луна еще не взошла, шли впотьмах, и только в чаще леса Асмуд запалил факелы. Трепещущий свет запрыгал по испуганным, неверящим, счастливым лицам, по стволам деревьев, то пропадая в глубоких тенях, то бросая блики с лезвий мечей. До лагеря конунга добрались поздно ночью. Спать ложились там, где стояли, подстилая лапы сосен заместо перин. Олег лег с Радой на копешку скошенной поутру травы и заснул мгновенно, не распробовав даже вкус девичьего поцелуя.

Разбудили его крики часовых. Олег сильно вздрогнул и сел, протирая глаза. Нет, крики ему не приснились. А вот и лязг прибавился, и знакомое грюканье щита, отбивавшего удар.

— Свеи! — проревел голос Асмуда.— К оружию!

— Что это?! — воскликнула Рада, подхватываясь.— Опять?!

— Опять, маленькая, опять,— проговорил Олег, лихорадочно распутывая перевязь.— Беги к Чаре и будь с нею!

— Ты только не умри! — отчаянно взмолилась Рада.

— Я очень сильно постараюсь,— мягко сказал Олег и побежал на шум битвы.

Нападающих он заметил издали, в прогале между сосен. Свеев было очень, очень много — сотни и сотни викингов и хускарлов наступали с востока и севера, издавая воинственные кличи и потрясая оружием.

Лучники — карелы и русы — стреляли быстро, но передние ряды свеев уже лезли на холм, прикрываясь щитами. Этих доставали дротиками, но ощутимо проредить ряды наступавших варяги не могли — на каждого из них перло по десятку бойцов.

— Отходим! — заревел Улеб конунг.— Полусотне Крута прикрывать!

— Олег! — крикнул Олдама, завидя Сухова.— Сюда! Меч с собой?

Олег молча выхватил клинок.

— Стоим здесь! — прокричал Олдама, описывая мечом круг.— Не пускаем! Дадим бабью уйти...

— Понял.

Сквозь неплотный варяжский заслон прорывались отдельные свеи, один напоролся на меч Олдамы, еще два свалились, схлопотав стрелу от Валита и Сулева.

Утро было раннее, туман рассеивался нехотя, и, когда перед Олегом вдруг нарисовалась фигура викинга, он обмер. А руки сработали будто сами по себе — описали дугу кончиком меча и полоснули врага поперек туловища. Удар был настолько быстр и точен, что викинг просто не успел ответить.

— Ну ты даешь, Вещий! — выдохнул Олдама.— Даже я так не могу!

Ответить Олегу помешали два свея, взлетевшие на холм с копьями наперевес. Тяжелое копье-топор Сухов отбил ногой, аж пятка заныла, и махнул мечом, разваливая свею бок. Пробегавший мимо Олдама добавил, резанув упавшего по горлу. Брызнула кровь, черная в утренних сумерках. Второго копейщика свалил Ошкуй, так махнувший своей любимой секирой, что костлявый хускарл сломался пополам.

— Валит! — крикнул Олдама.— Отходи... К болоту!

— А ты?! — завопил Валит, растягивая лук.

— Щас мы!

Низко тренькнула тетива, и свей, выскочивший из-за дерева, будто отпрыгнул обратно — бронебойная стрела сбила его, укладывая на вечные времена. Низко пригибаясь, проскочил викинг с топором на

длинной рукоятке. Он с такой яростью рубил им воздух, что свист стоял. Олег отступил перед этой чертовой мельницей и подхватил копье хускарла, прибитого Ошкуем. Ударил изо всех сил, втыкая листовидный наконечник викингу под кольчугу. А тот будто споткнулся, топор его дрогнул и обрушился вниз, перерубая древко. С глухим рычанием викинг вырвал копье, просадившее ему нутро, и кровь хлынула, как из распечатанного кувшина с красным александрийским вином.

— Отходим! Олег!

Сухов отполз, вскочил и кинулся на голос Олдамы.

Втроем с Валитом они сбежали с холма и помчались в ту сторону, где заходит солнце. Прыгая с кочки на кочку, они одолели болотце, приблизившись к густому ельнику. С опушки им махал рукой Асмуд хевдинг.

— Быстрее!

Олег наддал. Споткнулся, и тут же над его плечом свистнула стрела, вонзившаяся в мшистый ствол старой ели.

— Бежим!

— Куда хоть... бежать? — по очереди выговорил Олдама.

— К волхвам! — ответил Асмуд с оттенком почтения.— К Большому Дубу!

— А можно разве? — промямлил Олдама.

— Нужно! — рявкнул Асмуд.— Понеслись!

И они понеслись.

Большому Дубу было две тысячи лет. Это священное дерево пережило всех римских императоров, Перикла и Александра Македонского. Десять человек, взявшись за руки, не могли охватить дуб. Развесив облако зелени, он занимал громадную поляну и был окружен позолоченным заборчиком, защищавшим его от набегов диких кабанов. Кровь множества жертв удобрила корни Большого Дуба, а самый толстый сук обвивала массивная золотая цепь — каждый год волхвы, служившие священному дереву, переплавляли драгоценные подношения и добавляли к цепи еще одно звено.

Уже не одно поколение волхвов успело смениться в служении Перунову древу. Последние тридцать лет жрецами числились достопочтенные Чагод, Нур и Аральт. Они жили втроем в огромном «длинном доме», где смогли разместиться все гридни Улеба конунга, а гражданские грелись на солнышке, опасаясь ступать на тень священного дерева Перуна, покровителя воинов.

Вдруг послышалась протяжная песня. Пели варяги, на полузабытом сарматском языке. Гридни выходили из длинного дома и расходились вокруг Большого Дуба, не прекращая петь. И чем больше их появлялось на поляне, тем громче и торжественней делалась песнь. Последними вышли Улеб конунг и волхвы — седобородые, статные, в длинных белых одеждах, с посохами в крепких руках. Трижды обведя конунга вокруг священного дерева, Чагод, Нур и Аральт низко поклонились статуе Перуна, в которой Олег с изумлением узнал работу кого-то из мастеров античности: в тени дуба пряталось мраморное изваяние Ахилла. В правой руке Ахиллес сжимал копье, «ясень пелионский», другая рука удерживала круглый щит. Кудри героя обжимал шлем с гребнем, а лицо выражало надменность и грозную готовность.

Волхвы нараспев выразили Улебу волю бога грозы и войны, и тревожное лицо конунга разгладилось, бледная улыбка расщепила бороду.

Улеб поблагодарил волхвов и вернулся к гриди.

— Асмуд и Крут! — сказал он громко и уверенно.— Выйдите!

Названные вышли и слегка поклонились конунгу.

— Перун просветил нас и рек совет! — торжественно возговорил Улеб.— Эта война — последняя для меня!

По гриди прошел шумок.

— После победы я удалюсь и буду служить тому, кто дарует ее нам,— Перуну! Это честь для меня... — Помолчав, Улеб закончил: — А вы, Асмуд и Крут, следуйте в Старигард, к Рюрику, сыну Регинхери, и призовите его княжить и володеть вами. Такова воля Перуна!

Гражданские при этих словах опустились на колени, воины сняли шлемы и склонили головы.

— Мы послушны воле Перуна! — измолвил Асмуд.— Когда нам выступать?

— Немедля! — изрек Улеб.— И пусть каждый из вас возьмет с собою оруженосца. Выбор за вами.

Асмуд хевдинг медленно обвел глазами строй ополченцев, и, чем ближе к нему шарил суровый взгляд, тем суше делались губы Олега.

— Олега Вещего беру! — решил Асмуд, и Олег почувствовал слабость. Сердце ухнуло в глубокую пропасть души и зачастило, засбоило.

— Ну а я другана Олегова возьму! — рассмеялся Крут.— Выходь, Пончик!

По дружине прошли незлобивые смешки. Пончика любили — за доброту, за понимание и милосердие, хоть это были и явно не воинские качества. Пончик, бледный и растерянный, не знал, куда и деваться. Обнаружив Олега, он кинулся к нему, вызвав новый прилив смешков.

— Вот грамота для Рюрика,— сказал Улеб обычным тоном и протянул Асмуду скрученную бересту.— И ты, пожалуйста, успей, пока мы тут свеев бить будем!

— Успеем, конунг,— заверил его Асмуд и махнул рукой: — За мной!

Крут, по-прежнему улыбаясь, пропустил впереди себя Олега с Пончиком и двинулся замыкающим. А Сухов шагал и не чувствовал земли. Усталость покинула его, возбуждение и неясные чувства переполняли душу, как пузырьки теплое шампанское. Куда он идет? Что ждет его?

Олег задавал вопросы своей душе, но душа молчала...

Глава 12

— Слушай,— сказал Пончик неуверенно,— а где здесь восток?

Олег молча указал — по ходу движения.

— Не понимаю... — растерялся лекарь.— Нам же в другую сторону! Старигард ведь где-то на западе!

— Поднимемся по Олкоге,— терпеливо объяснил Олег,— волоки пройдем, по Дине спустимся... Диной они тут Западную Двину называют. Понимаешь, дружище Пончик, нету здесь дорог! Реки одни! А если ты напрямик двинешь, лесами, то к новому году только и дойдешь! Понимаешь изюминку?

Олег чувствовал себя в лесу уверенно — считай, год проработал в местных дебрях, мышцы качал на свежем воздухе. И видел теперь не траву, а травы, различая листики и метелки. Знал, какими корешками можно пропитаться, как словить оленя и где искать приправу к мясу. Пусти его сейчас голым в лес, с одним ножом, и через месяц он будет обут и одет, выстроит себе крепкую хижину для зимовки и даже посуды налепит корявые сервизы. В своем родном времени лес был ему чужд и даже враждебен, да и где в том времени леса? В Карелии, где хмурые мордовороты на мощных тягачах бревна трелевали в Финляндию? А здесь — мать моя! Все необозримое пространство от Тихого океана до Атлантики заросло могучей тайгой — обдышишься кислородом!

Правда, хвалиться своими умениями в этом, экологически чистом, времени Олегу и в голову бы не пришло. Это все равно как если бы он

где-нибудь в офисе или в аудитории вуза расхвастался: «А я умею читать!» Лесную азбуку тут знали все. Были и свои профессора, читавшие следы, как книгу. До них Олегу еще расти и расти...

Асмуд, идущий впереди, поднял руку жестом предостережения. Олег моментально замер, и Пончик, шагавший следом, впечатался ему в спину.

— Ой!

— Тихо ты!

Асмуд скрылся в кустах, но вскоре показался на тропе и успокоительно поманил:

— Пошли!

Олег, Пончик и помалкивавший Крут вышли на берег неширокого, но полноводного ручья, притока Олкоги. На узком бережку стояло с десяток весинов — все в штанах из оленьей кожи и в кожаных куртках. Через плечо у них висели огромные луки, а на траву были вытащены большие лодки с каркасом из гибкого прута, обшитые берестой. Лодки напомнили Олегу индейские каноэ, да и сами весины, отпустившие длинные черные косы, с налобными повязками, с лицами загорелыми и бесстрастными, сильно смахивали на каких-нибудь апачей или шайенов.

Асмуд обернулся и спросил:

— Ни у кого серебришка не завалялось? А то у меня золото одно в поясе...

— Да есть маленько... — сказал Олег и полез за пазуху.— А сколько надо?

— Три дирхема! Дорого, но... — Асмуд развел руками.

Олег отсчитал три серебряных монетки и протянул хевдингу. Тот передал «серебришко» старшему из весинов. Весин залопотал по-своему, слегка кланяясь и поводя рукою вдоль лодки — берите, мол. Продано! Одноплеменники его одобрительно кивали, как болванчики, в унисон.

— Берем! — скомандовал Асмуд.

Олег ухватился за острую корму лодки, готовясь напрячь мышцы, но руки легко подняли ее — легкую, как пустой ящик. Спустив посудину на воду, экспедиция разместилась на борту. Последним залез Пончик.

— Осторожно! — предупредил его Олег.— Наступай только на прутья, не то днище проломишь!

Зашуганный Пончик, кряхтя, опустился на указанное место. Лодка плавно тронулась. Крут сидел сзади и греб коротким веслом справа, заодно руля, а Асмуд окунал свое на носу слева, стоя на коленях.

Берега поплыли назад, качаясь порой, когда лодка кренилась на перекате.

— Нормально,— оценил Пончик.

— Я рад, что тебе понравилось,— съехидничал Олег.

Иногда «каноэ» плыло над глубокими, черно-зелеными омутами, иногда скребло днищем на отмелых местах. Дважды пришлось нагибаться под стволами, перекинутыми с берега на берег,— то ли мосты, то ли бурелом. В устье ручей рывком раздался вширь и вглубь, и горизонт, зажатый лесом, мигом убежал вдаль, упершись в сосняк на том берегу Олкоги.

— Самое то! — сказал Асмуд довольно.— Пороги Пчевские, считай, пройдены. Дальше чистая вода!

— Чистая-то она чистая... — протянул Крут.— Да как бы Вадим очередную пакость нам не устроил...

— Ты веришь, что ярл продался своим? — нахмурился Асмуд.

— А как тогда те прошли Южными воротами? — парировал Крут.— Мои ребята бились там и рассказывали одно — Вадимова гридь мечей на своих не поднимала.

Асмуд засопел.

— Я однажды подслушал,— молвил Олег неуверенно,— как Вадим с попом ромейским беседовал. Тот ему предлагал помощь императора, чтобы конунга скинуть, а Вадим был против, сказал, что лучше со своими сговорится или с датчанами! Чуете?

— Ага... — тяжело обронил Асмуд, подумал и решил: — Что ж, будем беречься!

И с силою заработал веслом, выгребая против течения. Крут молча помогал хевдингу.

— Скажи, Асмуд,— решился вдруг Олег,— а почему ты меня выбрал в поход?

Широкие плечи Асмуда передернулись.

— А просто... — буркнул хевдинг.— Ты ж Вещий! Вот и будешь нам... того... возвещать! Кстати, а про Вадима ты ничего не ведаешь?

— Ведаю,— усмехнулся Олег.— Через пару лет ярл восстание подымет... против Рюрика!

— Ага! — довольно воскликнул Асмуд.— Значит, нам удача светит.

— А то! — бодро откликнулся Крут.

Удача выпала за следующим поворотом — у бережка, причаленные за деревья, стояли в ряд пять арабских посудин, нареченных завами. Товары из Хорезма или Халифата грузили на большие шебеки или сафины, переправляли к хазарам, а там, в дельте Итиля, перегружали на мелкие фелюги и завы, группируя караваны и одолевая зловредные реки да волоки.

Арабы, оставив завы, сошли на берег для молитвы. Повернувшись в сторону Мекки, они отбивали поклоны. Олег только головой покачал: вокруг сосны с березками, елки, скалы, перезвон холодных ручьев, а надо всеми этими красотами Севера звучит заунывная формула Юга. «Ла илаха илля ллаху,— возносились голоса арабов,— уа Мухаммадун расулу-л-лахи!» Закроешь глаза и видишь знойное небо, выбеленное солнцем, сонных верблюдов в тени пальм и минареты, схожие с ракетами...

Асмуд хевдинг притормозил, уперевшись в борт зава, крутобокого, с высоко задранными кормой и носом, и прокричал приветствие:

— Ас-саляму алейкум!

Свесившись с палубы, ему радостно ответил капитан-нахаза:

— Ва алейкум ас-салям! Ва рахмату-ллахи ва баракатуху!

— И вам мир и милость Аллаха и благословение его,— меланхолично перевел Крут и добавил: — Аллах — это бог ихний.

— А откуда Асмуд арабский знает? — полюбопытствовал Пончик.

— О! Где нашего хевдинга только не носило! Мы, когда на Севилью ходили, потеряли хевдинга — там, в Кордове. Думали, сгинул. Как же! Вернулся лет через пять, живой и здоровый, загорелый дочерна... Ага, сговариваются!

Нахаза с хевдингом говорили так быстро, что Олегу и отдельных слов было не разобрать. А уж как Крут общий смысл улавливал...

— Вместе пойдем! — удоволенно сказал Асмуд, оборачиваясь.— До Дины, а там разминемся. Знакомьтесь — это Зайнаддин Абд-ар-Рашид ибн ал-Варди, купец, путешественник и воин Аллаха!

Зайнаддин, высокий и костлявый старичок с остренькой бородкой, с достоинством поклонился.

— Ас-саляму алейкум! — старательно повторил Олег.

— Ва алейкум ас-салям! — ласково ответил Зайнаддин.

— Он на старика Хоттабыча похож,— прошептал сзади Пончик.

— Точно! — улыбнулся Олег.

Русов распределили по завам — Асмуд и Крут с Пончиком остались с Зайнаддином, и лодку весинскую привязали за кормой зава, а Олег поднялся на борт «Аль-ваки», которым командовал Абу Бекр Ахмад ибн ал-Факих ал-Хамадани. Ко всеобщему удовольствию, Ахмад сносно говорил по-русски.

— Бисми-лляхи-р-рахмани-р-рахим! [1] — прокричал Зайнаддин.

— Бисмилла! — пробормотал Ахмад и раскомандовался, подгоняя гребцов.

---

[1] «Именем Аллаха, великого, милосердного!» — молитва, произносимая перед началом всякого дела.

— Почтенный,— сказал Олег вежливо, кивая на свободное весло,— дайте и мне отработать долг!

— Если так угодно дорогому гостю,— хитро улыбнулся Ахмад.

Олег сел, взялся за весло из дерева акации и включился в работу.

— Молодец, Олег! — крикнул Асмуд.— Пусть все думают, что мы рабы Зайнаддина! Может, тогда не привяжутся!

Завы, выстроившись в кильватер, неспешно поплыли вверх по реке, вдоль берега, почти отвесного и словно бы выложенного рукой человеческой,— такое впечатление оставляли серые плиты ордовикского известняка. С высоких крутояров выгибались крученные ветрами сосны, махали ветвями над бурой водой Олкоги. Двумя часами позже задул сильный северный ветер, и арабы подняли косые реи с парусами «сетти» — треугольными по форме. Заскрипели мачты, запели снасти. Гребцы, уложив весла, разминали притомившиеся мускулы.

Наступил вечер.

— Ахмад! — послышался голос хевдинга.— Мы тут посовещались... Короче, останавливаться не будем, пройдем исток Олкоги по темноте!

— Вас ищет Вадим? — спросил догадливый Ахмад.

— Нас-то они не ждут,— ворчливо ответил Асмуд,— хотя встрече ярл-изменник не порадуется. А вот тючки ваши распотрошат, зуб даю!

Ахмад задумался. Снял чалму, почесал потную плешь и кивнул:

— Иншалла! [1]

Ветер не унимался, дул и дул в корму, натягивая «сетти» пузырями. Тьма заволокла все небо, потушила закатные сполохи, победным салютом зажгла созвездия. Ночь была безлунной, но света звезд хватало, чтобы тянуть по Олкоге бледную «дорожку к счастью».

Слева смутно завиднелись стены Гадара, крепостцы у самого истока Олкоги. За частоколом плясали отсветы костров и шатались горбатые тени, словно нечисть лесная устроила в крепости свои тайные радения.

Завы проходили медленно, с трудом. Загавкала собака, забрехала другая. Звонко разнеслась ругань, лай перешел в визг и смолк. Олег стоял у борта и подгонял неспешный зав — давай, ну давай же!

Гадар сдвинулся за корму последнего зава в караване, и тут же сильный толчок остановил «Аль-ваки». Олег полетел на палубу. Вскочив, он кинулся на нос. Там уже метался Ахмад.

— Ах, шакалы! — шипел он.— Свиные объедки!

— Что там? — подлетел Олег.

---

[1] «Если это угодно Аллаху...»

— Гляди!

Олег перегнулся через борт и разглядел мокро блестящие бревна. Они были сцеплены по четыре и связаны в плавучий заслон, перегородивший Олкогу.

— Ах, что надумали!

На берегу расслышали и увидели «нарушителей». Залязгало било, играя тревогу. Десятки людей с факелами побежали по берегу, крича и брякая железом.

— Не подпускайте их! — крикнул Олег и полез за борт.

— Куда ты?! — охнул Ахмад.

— Перережу веревки!

Грубые голоса с берега поднялись на октаву, раздавая команды. Затренькали луки, жаля завы убийственными стрелами. Загремели дубовые катки под спускаемой скедией, с шумом раздалась вода, принимая кораблик.

— Весла на воду! — послышалось так внятно, будто невидимые гребцы были совсем рядом.

Олег, цепляясь за форштевень «Аль-ваки», нащупал ногой верткое бревно и оттолкнулся от зава, балансируя и приседая для пущего равновесия. Мимо прожужжала стрела и булькнула, уходя в воду. Стоя на карачках, напрягая ноги на разъезжающихся бревнах, Олег выхватил нож. Рукою нащупав мокрый узел, принялся резать его и кромсать. Затянутые ремни из моржовой кожи поддавались туго.

— Асад! — прокричал Ахмад.— Саид! Хасан! Убайда!

Олег оглянулся. Скедия была совсем близко. Через борт перевесился Ахмад, держа в руке зажженный факел.

— Как ты, Халег? — крикнул он.

— Режу! — пропыхтел Олег.— Бейте тех, в скедии! Иначе толку не будет!

— Ай, шайтан!

Ахмад дернулся в сторону, и в дрожащем свете факела блеснула пролетевшая стрела.

— Получай! — крикнул Ахмад, швыряя в скедию изящный кувшинчик. Следом полетел факел. Полыхнуло пламя, взвилось ярким клубом, запалило скедию. Гребцы дружно заорали, бросая весла и ныряя за борт. «Что он туда бросил?» — думал Олег, лихорадочно перепиливая третий узел. Крепкое вино? Вряд ли... Тут над водою поплыл ароматный дымок, и Олег догадался о содержимом сосуда. Ахмад не пожалел благовонного масла!

Мигом опустевшая скедия полыхала ярко, вертясь и сплавляясь по течению. Пользуясь освещением, Олег рубанул последний узел, и

плавучая загородка лопнула, концы ее стали расходиться, словно открывая ворота к Ильменю. Нож булькнул в воду, а Олег, отчаянно распрямляя ноги, прыгнул за удалявшимся завом. Правая рука промахнулась, и Олег повис на одной левой, вцепившись в натянутый штаг. Крепкая рука Ахмада тут же сжала Олегово предплечье.

— Держись! — сказал араб с натугой.

— Держусь!..

С помощью Ахмада Олегу удалось забраться на палубу.

— Олег! — прокричал в темноте голос Асмуда.— Живой?

— Живой! Мокрый только.

Гогот был ему ответом...

Караван, оставив позади Гадар, вышел на простор Ильменя. Течение больше не сносило завы, ветер поддувал по-прежнему.

— Столько нарду на этих шакалов истратил... — убивался Ахмад.

— Ну, это не самая дорогая плата за проезд! — утешил его Олег.

Ночью ветер спал, но арабских мореходов это не взволновало — ранним утром завы вошли в русло Ловати и на веслах двинулись к волокам.

Скорости большой на реке не разовьешь — извивы сдерживают — и Олег, севший за весло, тягал его неспешно. Руки и спина все равно уставали, но освобождали голову. Олег думал о тех, кого ранее числил в своих предках, а ныне стал им современником. Его и раньше злило пренебрежение к дохристианской старине, а ныне, когда он насмотрелся на нее в реале, и того пуще. На одном из фестивалей, устроенных питерскими ролевиками, он участвовал в историческом диспуте и вызубрил отрывок из сочинения академика Лихачева. «Стремление вырваться из-под угнетающего воздействия одиночества среди редко населенных лесов, болот и степей, страх покинутости, боязнь грозных явлений природы заставляла людей искать объединения,— писал академик об „отсталых“ предках.— Кругом были „немцы“, то есть люди, не говорившие на доступном пониманию языке, враги, приходившие на Русь „из невести“, а граничавшая с Русью степная полоса — это „страна незнаемая“...»

Ага! Олег скривился и сплюнул за борт. «Страх покинутости»! Что-то не замечал он ни страха, ни угнетенности. Бодры были предки, и сами на кого хочешь страху могли нагнать. И не пугались они «грозных явлений природы». Даже Сольвейг, малолетняя дочка Веремуда, не пищала, заслышав удар грома, а радостно шептала, тараща глазята: «Пелун ходит, слысите?!»

И какие там еще немцы? На восток от Гардов булгары проживали и арису, так меряне с ними легко договаривались и перетолмачить могли любое слово. К западу эйсты жили-были, пруссы да ятвяги. А «экспедиция» как раз теми землями и пойдет. На юге — готы и анты. Понимает их Олег с пятого на десятое, но смысл сказанного уловить способен. А уж степь «страной незнаемой» называть — и вовсе глупость. Измышление невежественного ума и полное неуважение. Русы вышли из степи! Просторы между Днестром и Волгой-Итилем — их родные места. Чего там незнаемого? Все эти академики, прогибавшиеся то перед властями светскими, то перед владыками церкви, не знали правды о своих предках и не искали ее, предпочитая укоренять в умах хулу и поношение на «язычников-нехристей». На истинной истории Руси поставили жирный крест...

— Подгребай! — разнесся бодрый окрик Асмуда.— Рули!

Ловать повернула углом к северо-востоку. Нос зава раздвинул густые камыши, осоку и кувшинки, и караван вплыл в озеро Чернясто, тихое и ясное, синее до черноты. Отлогие берега с лугами, с дюнами уходили ввысь, к полощущимся на ветру корабельным соснам. Легкие жадно вбирали резкий воздух с запахом хвои.

Мелководье заузилось, стало протокой, караван повело по заводям, под редко пробиваемые солнцем своды нависавшего ивняка с пряно-оранжерейным запахом водорослей. И снова острые носы разводят камышовую поросль, и все вокруг заливает светом, и свежий ветер лохматит волосы. Озеро Сесить. Мелкая и частая волна плещет по борту, а Олег наглядеться не может на пейзажи. На затравевшие курганы, на высокие зеленые холмы, по местному — камы, на пагоды елей, вцепившиеся корнями в песчаные гряды — озы, на поляны с вросшими в землю валунами. Свое все!

— Волок! — удоволенно сказал Крут.— Олег! Слышь?

— Слышу! — откликнулся Олег и привстал со скамьи.

Впереди, на обрывчике выросла крепость — частокол, поставленный квадратом, с одной высокой башней на углу. По берегу суетились волочане, готовясь тащить завы на сушу. Два ходовых бревна с берега втапливались в воду, на сухом месте к ним были прирублены другие, далее — третьи.

— Держи-и! — провопили с сухопутья, размашисто швыряя канат.

Ахмад словил конец и закрепил его, пропустив через отверстия в обоих бортах. Тяжелый канат, плетенный из кожи, натянулся, намотанный на ворот, и зав повлекло к «ходовкам». Толчок. Зав накренился, задирая нос, и въехал на бревна, щедро смазанные жиром, заскри-

пел, завизжал. Олег, вслед за Ахмадом, полез за борт, на особую площадку рядом с ходовкой, и слез с нее по лестнице.

— Одерживай! — орали волочане.

— Во! В самый раз!

— Натяни с этого боку! Еще давай!

— Велим! Подмогни Стемиду!

— А тут кто?

— Щас я!

— Тянем-потянем!

— Эй, арабская твоя душа! Разгружай скорей, не задерживай очередь!

— Накручивай сильней, не боись!

— Эй, Стегги! Подгоняй кол!

— Бегу!

Колом волочане называли громадные дроги, с такими же бревнами на мощной платформе, с восемью скрипучими колесами, сбитыми из лесин, как у арбы. В кол была впряжена шестерка флегматичных волов, лениво стегавших хвостами и прядавших ушами. Белобрысый Стегги взялся править колом, и волы попятились, недовольно мыча. Бревна со скрипом приткнулись, мужики, крутившие вороты, снова зашагали по кругу, и зав очутился на колу.

— Крепи!

— Велим, упоры суй!

— Готово!

— Подбей, подбей хорошенько!

— Да стоит он!

— Отцепляй тогда!

— Все!

— Стегги, трогай!

Белобрысый стегнул волов, и те потащили разгруженный зав по набитой дороге, рассекавшей ельник и уводившей перевалом через холмы. Телеги с кладью бодро поскрипывали, следуя за колом.

— Хвалю,— сказал Асмуд, подходя к Олегу.— Быстро ты смекнул про заслон. Я думал — на мель наскочили, а они вон что надумали!

— Ага! — ухмыльнулся Олег.— А я ремни режу и думаю: попаду я обратно на борт или пешком придется догонять!

Оба расхохотались.

— Пошли? — показал Олег на зав, медленно влекомый на холм.

— Нет, Вещий,— усмехнулся Крут,— нам в другую сторону!

— Зайнаддин отсюда на Оку подастся,— прояснил ситуацию Асмуд,— и в Итиль выйдет, до дому. А нам дорога — на Дину. О, кого я вижу!

Навстречу четверке вышел осанистый мужчина, бритый наголо по степной моде, но с длиннющими усами, спадавшими на грудь. Это был волочский тиун, поставленный конунгом собирать с купцов плату за волочение их посудин. Завидев Асмуда, тиун выпучил глаза.

— Здорово! — начал он, но хевдинг остановил его.

— Ты нас не видел, понял? — жестко сказал он.

— А как я мог? — мигом принял тиун правила игры.— Я ж еще сплю...

— Приятных снов! — осклабился Асмуд.

Забрав свою лодку-каноэ, четверка взялась за нее и потащила к ближайшей воде — мелкий приток Дины плескался совсем рядом.

— В Аскераден будем заплывать? — деловито спросил Крут.

Асмуд молча покачал головой.

— И в Динаборге не остановимся? — огорчился Крут.

— Некогда,— буркнул хевдинг.— И незачем зря мелькать у всех на виду. Чем меньше народу знает о нас, тем мы целее.

— Ну, это понятно.

— Вот и топай, раз понятно...

И они потопали.

— «Миссия невыполнима—3»,— пробормотал Пончик.

— Перевыполнима, Пончик! — сказал Олег и подмигнул товарищу по времени.

Глава 13

1

Дина не выглядела пустынной и затерянной. Вверх и вниз по ней шуровали корабли — поднялись кнорр и шебека, следуя к волоку, спустились две фелюги. Эти так спешили, что лодку путников закачало на мелкой волне. Замаячили башни Палтескьюборга [1].

---

[1] Сокращенно — *Палтеск*. Ныне Полоцк.

— Сколько крепостей! Угу... — впечатлился Пончик.

— На то и Гарды,— сказал Олег с гордостью.— А что ты хочешь? Перекресток! Так,— показал он рукой,— из варяг в греки, а так — из варяг в арабы. Мы тем арабам меха, они нам — серебро.

— Или рабов...

— Да! — согласился Олег.— А что? Товар ходкий, сам знаешь... Вот конунг и крутится, крепости ставит, чтобы пути оборонить. Я так понимаю, что с нового года Аскольд сэконунг в поход двинет! Поплывет по Непру вниз, а как минует вток Десны, углядит на горе град задрипанный. Спросит знающих людей: «Что это там такое высовывается?» А они ему: «Да это Самбат [1]! Фактория сарматская!» Аскольд подумает-подумает и спросит гридней: «А не захапать ли нам этот Самбатишко, а? Разомнемся хоть!» Гридь заорет: «Любо!» И разомнутся... Наведут шороху. А Аскольд-то безземельный, а старость-то не радость. Почешет он свою буйну голову, да и останется в Самбате...

— Ага,— подхватил Пончик, улыбаясь коварно,— а потом ты придешь и того Аскольда — в расход! Вместе с Диром...

— Чего это я? — насторожился Олег.

— Как это чего? — комически изумился Пончик.— Ты ж Вещий? Ну вот! Рюрик тебе сына Ингоря доверит, когда помирать соберется, и станешь ты регентом при малолетнем конунге. Щит свой на воротах Царьграда приколотишь, отмстить соберешься неразумным хазарам, их села и нивы за буйный набег... того... мечам и пожарам. Что ты на меня вылупился? Думаешь, ты один историю в школе учил? Читывал я учебники, читывал. Угу...

— Да при чем тут я?

— А кто тут причем? Или ты и вправду надеешься, что сыщется другой Олег Вещий? Как ты говоришь — настоящий? Так это ты и есть! Понял, историческая личность?

— Что вы там ругаетесь? — добродушно обернулся Асмуд и поднял голову: — Гребем к берегу, Крут, темнеет уже, а там вроде корчма... Заночуем!

— Мы и так ходко шли,— заметил Крут.— Считай, ночь сберегли.

— А теперь истратим! — сказал Асмуд.

К берегу Дины скатывался пологий склон холма. Повыше на нем чернел частокол небольшого форта, по берегу тянулась пристань, ставленная из бревен, а между рекой и крепостцой жались друг к другу дома — приземистые постройки, скрывавшиеся под тяжелыми со-

---

[1] *Самбат* — ныне Киев.

ломенными крышами, почти достигавшими земли. Сбоку притулилась длинная корчма, сложенная из валунов.

— А какие, вообще, тут люди живут? — спросил Пончик.— Кривичи?

— Какие еще кривичи? — удивился Асмуд.

— Ну, эти... — сбился Пончик.— Ну, племя такое... Из славян!

— Из славян?! — протянул Асмуд, пуча глаза, и захохотал. Крут к нему присоединился, смеясь и мотая головой.— Из славян... — выдавил Асмуд, утирая глаз.— Придумает же... Умора!

— Может, не кривичи, а криве? — подсказал Крут.

— А это кто? — взбодрился Пончик.

— Это жрецы такие, из пруссов они. Много их сюда пришло еще при Бравлине, запросились под руку конунга. А нам что? Земли-то у нас полным-полно, а народу — чуть! Тем более, тут граница — эта сторона наша, а за Диной земли ятвягов и литвинов... Ливов, леттов, самогитов, семигалов...

Высадившись и оттащив лодку на берег, вся четверка проследовала в корчму. Внутри было тепло и сухо. Низкий потолок подпирали резные столбы, куда на манер сучков были вставлены факелы. Пол был усыпан резаной соломой, а из мебели имелись два длинных, массивных стола и основательные скамьи. Один из столов занимала шумная компания гридней, видать «пограничников» из крепости. «Погранцы» сидели, не снимая скрипучих кольчуг, то и дело сдвигая чаши, а шлемы их и перевязи грудой лежали в углу. Вошедших они заметили, но гогота не утишили, лишь переговариваться начали, сдвигая головы, будто бодаясь.

Корчмарь, полный, черевистый мужичок с потной лысиной, выкатился навстречу Асмуду и поклонился:

— Чего изволите?

— Мяса, хлеба, вина! — перечислил Асмуд. Поковырявшись в поясе, выудил серебряную монету. Корчмарь словил брошенный дирхем и укатился на кухню.

— Поедим хоть по-человечески... — проговорил Крут, усаживаясь за стол. Подняв глаза к потолку, с которого сыпалась труха от чьих-то шагов, он добавил: — И выспимся!

— Только и знаешь, что жрать да спать,— пробурчал Асмуд, присаживаясь на скрипнувшую скамью.

— Да-а... — зажмурился Крут.— Это дело я люблю!

Олег устроился с краю. Было ему неспокойно — пьяные гридни внушали ему тревогу и опасения. Он прислушался. Гридни переговаривались:

— А то сидишь в этой дыре и света белого не видишь!

— И не говори. А жаловаться станешь — тебя мигом в поруб.

— Эйрик тутошние порядки живо поменяет!

— А он, знаешь чего сказал? Ты, грит, присягу конунгу давал? Я говорю — давал. И в брюхо ему!

— Так и я конунгу присягал. И что? Эйрик Энундсон тоже ж конунг.

— Га-га-га-га!

Олег глянул на Крута. Тот посмотрел серьезно и чуть качнул головой — слышу, мол, не дергайся.

Прикатившийся корчмарь притащил деревянное блюдо с дымящимся мясом.

— Угощайтесь, гости дорогие! — мурлыкнул он и укатился обратно. Тут же вернулся с караваем хлеба и кувшином вина.

— Винцо малиновое,— журчал он,— в голову ударяет, но похмельем не мучает!

Асмуд невозмутимо разлил вино по чаркам и пригубил из своей.

— Доброе винцо,— кивнул он.

Осчастливленный корчмарь удалился.

Олег ел без охоты — скорее, просто пользовался случаем, чтобы подкрепиться. Отрезал своим ножом куски свеженины и уплетал.

— Выпей с нами, варяг! — возник за спиной Асмуда нехилый гридень, косая сажень в плечах.— Выпей за конунга!

— За какого? — холодно спросил хевдинг, отправляя в рот шматик мяса.

— За Эйрика сына Энунда! — провозгласил гридень.

— С псами не пью,— по-прежнему холодно сказал Асмуд.

Слова его прозвучали, как смачная пощечина. «Погранцы» взревели, вскакивая из-за стола, а гридень за спиной Асмуда занес кулак, величиной и весом с хорошую гирю. Хевдинг резко саданул гридня локтем. Того отбросило к стенке.

— Не дадут поесть спокойно,— пробрюзжал Асмуд.— Шкурки продажные!

«Погранец» с красивым и злым лицом подлетел к Асмуду слева, норовя заехать кулаком хевдингу в ухо, но тот был проворней.

Легко вскочив на стол, он звезданул красавца ногой по голове. «Погранец» упал, переваливаясь через лавку. «Погранцы» ломанулись всей толпой в угол, к оружию. Это дало время собраться четверке.

— Уходим через кухню! — скомандовал Асмуд.— Некогда нам драчками тешиться!

Олег пропустил Пончика вперед, подождал Крута.

— Асмуд! — закричал Крут.

Олег обернулся. Асмуд, стоявший спиною к «погранцам», был бледен и выговаривал что-то невнятное посеревшими губами. Хевдинг медленно повернулся. В могучей спине хевдинга торчал нож, засевший по рукоять.

— Хевдинг! — крикнул воротившийся Пончик.

— Уходите! — глухо приказал Асмуд.— Я их придержу!

Пончик, не слушая, бросился к хевдингу.

— Не трогай нож,— предупредил его Асмуд,— а то кровью изойду... Идите... Крут, береста с тобой?

— Д-да... — выдавил Крут.

Гридни набросились всем скопом. Асмуд выхватил меч и полоснул, разрывая горло ближнему. Кровь брызнула на истоптанную солому, а Олег глаз не сводил с ножа в спине хевдинга — рукоятка, отделанная костью, шевелилась при каждом движении. И вдруг спина поникла. Хевдинг упал на колени. Гридень-красавец завис над ним, отводя меч, и сам напоролся на клинок, вскинутый Асмудом в последнем усилии битвы.

Крут схватил Олега за плечо и вытолкнул на кухню. Олег не обиделся — каково было хольду потерять старого друга и командира, да еще вот так, оставляя одного?

В кухне было дымно и чадно, открытый очаг горел, подогревая горшки и котелки на цепях. Крут метнулся к низкой двери, открытой настежь, и выскочил во двор. Пончик юркнул следом, Олег нырнул в проем последним.

— Уходим! — крикнул хольд.

Пончик послушно бросился к пристани.

— Не туда! За мной!

Крут завернул за пылавшую корчму и подбежал к конюшне. Сбив запор, он нырнул вовнутрь.

— Олег! Держи этого! Сажай Пончика!

Олег послушно взял за гриву фыркавшего гнедого и помог лекарю сесть на него верхом. Крут вывел еще двух коней — чалого и вороного — и протянул Олегу поводья черного как ночь красавца. Четверо гридней с мечами и факелами в руках вынеслись из-за угла и радостно взревели.

— По коням! — зло крикнул Крут.

Три всадника, склоняясь к стриженым гривам, вынеслись на берег Дины и завели коней в воду.

— Поплыли!

Реку кони одолели, хоть и без большой охоты, и вышли на другой берег, громким фырканьем выражая свое недовольство.

— Не по-людски как-то... — завздыхал Крут, оглядываясь на тот берег.— Ни лодьи погребальной, ни последнего огня...

— Асмуд погиб, как воин,— твердо сказал Олег,— таких валькирии уносят раз в сто лет!

— Вечная ему память... — добавил Пончик дрогнувшим голосом и спросил шепотом: — Ты веришь, что Асмуд попал в Вальхаллу?

— Нет,— буркнул Олег,— но в это верит Крут!

Переночевав на лесной поляне, зарывшись в стог сена, ранним утром троица пустилась в путь.

— Тут тропа набита,— объяснил Крут хмуро,— до самого Курланда доведет...

— А там? — спросил Сухов.

— А там видно будет...

Небо на восходе еще не занялось розовыми красками, только посветлело чуток. Тропа была достаточно широка, чтобы по ней ехали по два всадника в ряд, а вот телеге сюда въезд был запрещен — застрянет, не развернется. В иных местах тропа уширялась, словно раздвигая деревья. Вот, в таком-то месте и повстречали троицу неизвестные на малорослых степных коняшках. Стали поперек тропы — все смуглолицые, черноглазые, с длинными висячими усами. Кольчуги на всех, плащи черные, на головах высокие красные колпаки, отороченные бурым мехом, а в руках короткие копья.

— Это ятвяги,— тихо сообщил Крут, не крутя головой.— Едем, не останавливаемся!

Хольд принял безмятежный вид и направил коня на молчаливых ятвягов, загородивших дорогу. Поводья он держал левой рукой, правая свободно свисала, покоясь близ рукояти меча. Пончик застыл манекеном, только глаза лупали. Олег попытался расслабиться и вести себя непринужденно, как Крут, но это у него плохо получалось — спина деревенела от напряжения.

Ятвяги и слова не сказали. Лица их были бесстрастны, как каменные маски. Но дорогу они уступили, подвинувшись в подлесок,— то ли не захотели связываться, то ли проявили уважение. Кто их разберет, этих ятвягов?

Встреча с ятвягами была единственной, вызвавшей опасения. Потом до самого Курланда никаких происшествий не случилось. Троица, предводительствуемая Крутом, ехала себе и ехала, изредка останавливаясь перекусить и дать отдых животным. Скакали до глубоких сумерек, а с рассветом вновь седлали коней.

Леса пошли сплошняком. Тропа вилась то дремучим сосновым бором, где мощнейшие деревья смыкались кронами и сгущали понизу зеленый полумрак, то еловым болотистым лесом, то густыми зарослями березняка и ольшаника. Иногда встречались вековые дубы вперемежку с липой, вязом и кленом. Часто тропу перегораживали поваленные деревья, вывороченные с корнями. Лесные гиганты лежали давно, трухлявели десятками лет и прорастали молодью: на стволе огромного дуба, лохматого от мхов, поднялась сосенка, а над развилиной старой дуплистой липы трепетал лапчатой листвой тонкий кленик. Иногда всадникам приходилось сходить с тропы, уступая дорогу матерым зубрам.

Олег с трудом разобрался в местной географии с ее типовыми названиями. Курланд занимал место будущей Калининградской области и далее к западу переходил в земли Витланда. Жили в Витланде те же пруссы, что и в Курланде. Южнее Витланд граничил с Пулиландом, страной ляхов, на пустом месте строивших свою Польшу, и доходил до Вислы. А уже за Вислой начинался Виндланд, государство вендов, со столицей в Старигарде, где и проживал Рорик, сын Регинхери. Ладожане звали его Рюриком конунгом, хотя титул сего именитого венда звучал иначе, примерно так: «рейкс».

— Поедем до Косы [1],— решил Крут.— Есть там городишко один, Кауп называется, по-нашему — Торг... Пруссы в том Каупе янтарем промышляют, а кунигсы ихние пошлину с купцов дерут. Там по Косе как раз волок, лодьи в залив с моря перетаскиваются, по Неману поднимаются до Щары, по Щаре на Ясельду опять волоком, с Ясельды на Припять и в Непр. Вперед!

Места пошли красивые — холмы в кудрявой зелени, увалы, просторные луга, заставленные валунами-мокусами. Гору Гайтельгарбо, которую венчал замок райкса Видевута — титаническая бревенчатая изба,— объехали по склону и попали в стольный град Курланда — Ромове. Град сей по кругу был обнесен валом из камней, глиной скрепленных, а поверху пруссы поставили два частокола в виде концентрических кругов, середину между ними забив землей и гравием. Улицы в Ромове отсутствовали, дома, крытые камышом, стояли как попало, то впритык, то вразброс, и где тут присутствия находились, а где жилье, сказать было трудно.

— Гляди, Пончик,— сказал Крут, кивая на высокого старикана в пурпурной мантии, окруженного толпой,— это сам криве Брутено!

---

[1] Куршская Коса.

— Криве? — заинтересовался Пончик.

— И не просто криве, а криве-кривайте. Самый главный жрец. Князь-жрец. Они тут всем вертят, жрецы здешние, и правят, и судят, и самому райксу говорят, что делать. Криве — это как бы верхний слой, а под ним кого только нет. Вейдельботы — вторые после криве, они — возносители молитв. Сиггоны надзирают, вурскайты заведуют богослужением и освящают жертвы... И это только старшие жрецы, а есть и младшие — михе. Свалгоны возглавляют свадьбы, тулисоны — те в деревнях живут, травами лечат... А еще у них сайтоны имеются, вандлулуты, буртоны, вейоны, думоны, неруты, лекутоны, видуроны... И всю эту ораву корми.

Криве-кривайте носил под мантией длинный белый кафтан, многажды опоясанный жреческим кушаком, а на голове у него была остроконечная шапка с золотым шариком, усыпанным драгоценными камнями. Крутились вокруг князя-жреца криве в белых кафтанах, в желтых и черных. Михе такой чести не удостаивались, этим было довольно и повязок — черных, желтых и белых.

— Эти, которые в белом,— объяснял Крут,— жрецы Перкуна, Перуна по-нашему. Желтые поклоняются богу Потримпосу... не помню уже, кто он у них тут, а черные — это служители Поклюса, злого бога. Вот народ, а?! Все, что можно и нельзя, под себя подгребли. Недаром прусские витингсы — они вроде наших варягов — бегут на службу к Улебу или к вендам. Замучили их жадные криве! Ладно,— сменил тему Крут и похлопал коня по шее: — Отдохнул? Поехали скорей!

Ехали половину дня, пока дорогу к морю преградила священная дубовая роща. Она простиралась и влево, и вправо, а часто вкопанные столбики с вырезанными на них личинами предупреждали: «Проезд воспрещен!» Столбики были обвязаны белыми тряпицами, чтобы видеть границу рощи в ночную пору и не преступить ее.

Крут осмотрелся внимательно и махнул рукой:

— Поехали! Некогда нам по обычаю жить...

Три всадника пустили коней рысцой, въезжая в зеленистую тень дубравы. Земля была усыпана желудями и палой листвой, повсюду валялись корявые черные ветки, но только дикие кабаны тревожили рощу — обиталище Перкуна.

Топот копыт глушился опадом, нигде не мелькали тени стражи, и уже обозначился просвет — роща кончалась. И вдруг груды листвы разлетелись, и мрачного вида витингсы поднялись с земли, распрямляя члены и пропарывая мечами конские брюха. Животины дико заржали, вскидываясь на дыбы и тут же валясь, топча копытами сизые

кишки. Олегов конь пал, дергая головой и пуча красный глаз. Сухов едва успел выдернуть ногу из стремени и откатиться в сторону. Пончик же шлепнулся на кучу листвы и сидел, ничего не разумея.

— Уходите! — крикнул Крут. Мгновенным движением он сунул руку за пазуху, вытащил бересту и сунул ее Олегу.— Бегом отсюда!

Хольд повернулся лицом к шестерым витингсам. Больше он уже не оборачивался. Крут бился с ожесточением, словно отплачивая жреческим слугам за смерть Асмуда, а заодно продавая собственную жизнь по самой высокой цене. Меч Крута блистал и сверкал с легкостью и быстротой стрекозиного крыла над прудом, раз за разом окрашиваясь кровью.

— Бежим! — процедил Олег и стартовал, подгоняя Пончика.

Выскочив на опушку, он оглянулся и похолодел. Крут, одолев четверых, добивал пятого витингса, вот только десяток лучников, выпрыгивая из-за дубов, расстреливал хольда с безопасного расстояния. Несколько стрел уже вонзились ему в спину и в бок. Крут с усилием занес меч и махнул, перерубая витингсу горло. Это был его последний удар. Крут постоял, покачался, сгорбился и рухнул, орошая кровью корни священного дуба.

Олегу хотелось разорваться — долг толкал его прочь, а чувство товарищества гнало мстить.

— Уходим! — пересилил он себя.

Далеко они не ушли — крепкие арканы раскрутились в воздухе и пали Олегу и Пончику на плечи. Петля стянула Пончику руки, канат натянулся и швырнул лекаря на землю. Олегу удалось увильнуть от первой петли и выхватить меч, чтобы резануть вторую. Тогда сразу два волосяных аркана прилетели из-за кустов и поймали его, стягивая руки по швам. Шипя от злости, Олег упал и покатился, как сбитая кегля. Деловитые стрелки, пряча луки в налучья, подбежали, снимая с пояса тонкие ремешки для связывания рук.

Олег даже обрадовался появлению убийц Крута. Он дернулся, продвигая меч, притянутый петлею к телу, и один из канатов лопнул, разрезанный наточенным лезвием. Прусс, заметивший Олегово движение, крикнул, предупреждая товарищей, но поздно — дорезав второй канат, Олег высвободился, вскочил и с наслаждением нанес удар на поражение. Прусс в кожаном доспехе с изумлением глянул на внутренности, валившиеся из него, закричал, поперхнулся и упал, корчась, словно пытаясь запихать кишки обратно.

Второму стрелку Олег перерубил правый бок в районе печени. Третий успел достать лук, и меч сначала рассек тетиву, а после пырнул стрелка в грудь, накалывая сердце.

— Олег! — закричал Пончик.— Сзади! Уходи!

Олег обернулся — к нему бежали витингсы, человек пять, за ними поспешал местный криве, ярясь и потрясая посохом.

Молниеносным ударом Олег снес голову четвертому по счету стрельцу и кинулся в лес.

— Я вернусь, Шур! — прокричал он, но Пончик ему не ответил.

2

Хмурые витингсы подхватили Шурика и понесли, привязав к жердине, как убитого оленя. Шуре было очень неудобно, ремешки резали руки, а страх просто не вмещался в нем, так много его было. И он все рос, этот страх, рос и рос!

Криве догнал витингсов и довольно оглядел их добычу. Пощупав Пончика — жирненький! — жрец покивал и сказал что-то властным голосом. Витингсы кивнули и потащили Шурика дальше, обходя рощу на почтительном удалении.

За дубравой обозначилась возвышенность, на ней крепко сидел храм Перкуна, устроенный из старого дуба, метров двадцати в обхвате. Видимо, дерево засохло, но рубить и корчевать его не стали. Вместо этого удалили верхние сучья, всю развилку, и оставили один ствол, корявый и оплывший цилиндр, в котором вырубили круглый зал святилища, а сверху все это сооружение накрыли тесовой крышей.

Пончик разглядывал храм вниз головой, ритмично раскачиваясь и мотаясь. Неудобный ракурс! Витингсы поднесли Пончика поближе к храму и положили на специальную площадку-рикайот, перед которой горел неугасимый костер.

— Развяжите, сволочи! — взмолился Шурик.

Витингсы, словно поняв его речь, разрезали путы... а заодно и всю одежду лекаря. Сдернули сапоги и связали Пончика по новой, голого и босого. Потоптавшись, витингсы ушли, уступив место вейделотам. Вейделоты закружились вокруг Пончева, колотя в бубны и выкрикивая протяжно: «Ши-и-у! Ши-и-у!»

Старый вурскайт, криве-освятитель, с кряхтеньем присел на корточки перед Пончиком, поставил перед собой горшочек с чем-то вонючим и принялся за дело: бормоча молитвы, он макал в горшочек пучок перьев и рисовал на груди и животе жертвы священные

закорючки. Закорючки жгли кожу и проявлялись размытыми зелеными иероглифами.

Пончик лежал на твердом, и его трясло. Сглотнув сухим ртом, он поглядел на кривую стену храма, где были выдолблены три глубокие ниши. В нишах торчали деревянные уродцы, должные изображать туземных божков. «Господи,— подумал Шурик с отчаянием,— куда меня занесло?! А вдруг сожгут?!»

Пончику «повезло» — криве приносил жертвы Перкуну иным способом. Он их топил.

Двумя часами позже явились раббы, жреческие слуги, весьма упитанные молодые люди, подняли Пончева и понесли вслед за криве, выпевавшим молитвы. За храмом обнаружилась яма с водой, обложенная камнем и такая широкая, что только с разбегу перепрыгнешь. И глубокая — водица отливала черным. Пончик закричал, задергался, но руки раббов были крепки. Короткий полет — и он погрузился в воду. Какая холодная! Это был родник! Шурик принялся отчаянно извиваться, но тщетно — блещущий серебром блин поверхности колыхался над ним недостижимым пределом. И это все?! — пронеслось в голове Пончика. Вода проникала в нос, он продул ноздри и почти не оставил воздуха в легких.

И тут блещущая поверхность разорвалась, пропуская в облаке пузырей еще одно тело. Кто это был, Пончев не различил — грудь его лопалась, а перед глазами плыло черное и красное.

Чьи-то руки ощупали Шурика, и острая сталь освободила его от пут. Он начал подниматься, влекомый теми же руками, и вдруг распрекраснейший воздух проник в него, вызывая резь и принося счастье.

Кровавый туман растаял, и Пончик узнал своего спасителя. Это был Олег.

— Ты?..— слабо вопросил лекарь.

— Нет,— буркнул Олег,— ангел я. Херувим. Вылезай, хватит плескаться!

Подталкиваемый Олегом, Пончик выбрался из ямы. Огляделся, не поднимаясь с коленей. Рядом с родником лежал криве, горло его было перерезано. Длинная крашеная борода, заплетенная тугими косичками, намокала кровью. Подле своего хозяина валялся рабб. Этот был еще жив, его вывернутая пятерня скреблась пальцами, пытаясь дотянуться до отброшенного кривого кинжала.

— Руку! — сердито сказал Олег.

— Щас! — опомнился Шурик и потянул наверх Олега, тоже голого.— А ты чего разделся?

— Плавок не нашел... — пробурчал Олег.— Не стой, раздевай рабба!

— Я... нет!

— Ходи тогда голый! — разозлился Олег.

Он быстро оделся и натянул сапоги. Пончик, страдальчески морщась, раздел умирающего и натянул на себя его рубаху, вонявшую рыбой, и порты. Сапоги нашлись «родные», а сверху Шура накинул суконный плащ — никак не мог согреться.

— Пошли,— скомандовал Олег,— поможешь мне...

Быстрым шагом он прошел в рощу. Пончик увидел мертвого Крута. Хольд лежал, вытянувшись, с закрытыми глазами.

— Он умер? — прошептал Пончев.

— Всего продырявили, скоты,— процедил Олег.— Берись за ноги, потащили!

— Куда?

— Устроим хольду погребальный костер.

Пончик подхватил тело Крута за ноги и начал пятиться, мелко семеня.

— В храм? — выдохнул он.

— Туда!

В святилище было пусто. Большие двери храма были подвешены на массивных бронзовых петлях и окованы листовым серебром с тонким кружевным узором. Только статуя, изображавшая Перкуна, торчала посередине, грубая и безобразная, как коростой покрытая следами крови многих жертв. Скольких людей сгубили, подумал Пончев, ради дурацкого истукана!

— Клади!

Шурик с облегчением опустил скорбный груз на дорожку зеленого сукна. Олег покопался в храмовой утвари, нашел кувшин с ароматным маслом и разлил, разбрызгал тягучую жидкость.

— Сбегай за огнем,— попросил Пончика Сухов,— запали пару веток, что ли...

— А... где?

— Где костер!

— А-а! — Шура тут же вспомнил вечный костер у рикайота и помчался исполнять поручение.

По дороге он оглядывался, высматривая опасность, но тишина стояла вокруг, тишина воистину мертвая, даже в роще не шелестели листья.

Пончик зажег целый пучок дубовых веток и вернулся в храм.

— Гляди! — сказал Олег, показывая ларец, набитый золотыми монетами.

— Ух, ты! — впечатлился Шурик.— Захвати жменьку — пригодится...

Олег заполнил монетами кожаный мешочек, висящий на поясе.

— Абдулла,— пошутил он невесело,— поджигай!

И первым показал пример, сунув горящую ветку под тонкую ткань бархатного занавеса. Пончик пошел по кругу, запаливая одежды, деревянные поставцы, пучки трав. Стены, сухие до звона, загорались легко — черные пятна обугливания расходились по ним, языки пламени подбирались все выше и выше к потолку, и вот они лизнули кривоватые балки, распробовали... Затрещал огонь, заревел, свирепея, охватил святилище, пыхая сухим, чадным жаром.

— Уходим,— ровным голосом сказал Олег.

— И куда мы теперь? — тихо спросил Пончик.

Олег пожал плечами.

— Туда же... — сказал он безразлично.— Пошли, я тут мимо телеги пробегал...

За храмом, где бил родник (Пончев передернулся, вспомнив недавний ужас), обнаружились две телеги, груженные кожаными мешками, полными зерна. Каждая повозка была запряжена парой лошадей, лениво щипавших травку под ногами. Еще несколько пустых повозок стояли, приткнувшись к храмовому амбару, а стреноженные лошади хрупали травой на опушке рощи. И никого больше. Потом только Пончик разглядел сапоги за дверьми амбара. Проверять, обуты ли в них чьи-то ноги, он не стал...

Олег поскидывал с телеги лишние мешки, оставив несколько, и взгромоздился на козлы.

— Садись,— сказал он,— что стоишь?

— А почему эту? — поинтересовался Шурик, залезая на телегу.

— А тут лошадки симпатичней...

— А-а...

— Но-о!

Симпатичные лошадки встрепенулись, дернули телегу и бодро потащили за собой, радуясь, что груз легок.

— Многих ты сегодня... того? — робко спросил Пончик.

— Не считал,— буркнул Олег и легонько стегнул кнутом. Телега покатила живее, потряхивая на кочках и яминах.

— А... страшно убивать?

Сухов засопел.

— Страшно! — резко сказал он.

— Я понимаю... — вздохнул Пончик тяжко.— А мы теперь совсем одни остались...

Вечером Олег распряг лошадей и щедро сыпанул им зерна.

— Спать будем? — спросил Пончик неуверенно.

— А у тебя есть другие предложения? — поинтересовался Сухов.— Желаешь устроить диспут по японской поэзии?

— Да нет... — промямлил Пончев.

— Ну так ложись и спи!

— Чего ты злой такой?

Олег сморщился и махнул рукой. Шура не стал больше допытываться, залез на мешки и задал вопрос на другую тему:

— А вдруг...

— Лошади разбудят! — перебил его Олег.— У них чутье, как у собак.

Они продрыхли всю ночь и встали поздно, часов в семь. Олег запряг лошадей и вскочил на козлы. Пончев торопливо залез в телегу.

— Поехали...

До Коупа добрались тем же утром — это была круглая крепость на холме, а прямо перед нею тянулся волок, сработанный из ходовых бревен и здорово смахивавший на рельсовый путь. Впечатление это усиливалось на переезде — там, где через волок проходила колея тракта, между «ходовками» были набиты брусья.

— Как на железной дороге! — восхитился Пончик.

— Гляди,— серьезно сказал Олег, показывая кнутом в сторону Балтийского моря,— электричка!

— Где?! — вытаращился Пончев, но увидел лишь семиметровую прусскую лодью, которую волокли от моря к заливу.

Олег молча стегнул лошадок, и те потрусили, выезжая на Нерингу — песчаную Косу, охватившую Куршский залив. Песок цепко удерживали корни травы и низкорослых сосен, приземистых, словно стелившихся по Косе. Дюны и сосны, море и небо — более прекрасное место трудно сыскать!

— А мы как? — спросил Пончик.— Не по морю разве? Крут на корабле хотел...

— А когда прибудет корабль, идущий в Старигард, ты не узнавал?

— Г-где?

— В кассе морвокзала!

Тот надулся.

— Извини, Понч,— сказал Олег после недолгого молчания.

Шура махнул рукой:

— Поехали...

— Поехали!

Глава 14

1

Эйрика Энундсона разбудили девичьи визги — ярлы в соседних палатах забавлялись с туземочками. Конунг потянулся, откинул жаркое одеяло, скроенное из шкурок горностая, и прошлепал к окну.

По двору крепости шатались викинги, кружа вокруг котлов, в которых булькала похлебка, отстаиваясь по углам, где самые азартные резались в кости, играя на свою долю в добыче. Гуннар Метатель Колец ходил скучный — продул все, что ему причиталось, еще и в долги залез, дурень...

Эйрик почесал живот, прислушался к стонам и крикам за стеной. Подумал, что давненько он не отведывал плотских утех, подтянул штаны и решительно двинулся к двери.

В коридоре поджидал Хранир Белый, норманн-великан, спокойный, как идол на кургане.

— Белый! — окликнул его конунг.— Приведи девку!

Великан кивнул понятливо и развернулся уходить.

— Покрасивше сыщи! — добавил Эйрик.

— Сыщу! — прогудел Хранир.

На миг стало темно — это Белый вписался в дверной проем, застя свет. Эйрик вернулся в покои, думая о приятном и отбрасывая назойливые мысли об опасностях.

В коридоре протопали шаги, дверь отворилась, и могучая длань Хранира впихнула в помещение статную девицу, высокую, голубоглазую, с пышной золотой косой. Рубаха ее была изодрана и перепачкана в саже, но груди так мощно распирали ткань, что глаз этих мелочей не замечал вовсе.

— Подойди! — властно сказал конунг на корявом русском.

Девица вздернула голову, ужалила взором голубых глаз, но не ослушалась, подошла.

— Раздевайся, ложись!

Ладожанка искривила презрительно губки и опять не стала перечить — молча стянула рубаху и улеглась. Ее тугое тело было безупречно, а гладкая, плотная кожа чуть ли не светилась матовым оттенком белизны. Эйрик глядел на девицу с вожделением и все ждал

воздымания. Не дождался. Ничего не напрягалось в укромности и не заявляло о себе. Дрожащими руками конунг сорвал с себя штаны, но и это не помогло. Раньше-то, бывало, только подумаешь о такой вот девице, и все, гульфик трещит от плотского напряга, ткань не выдерживает! Неужто та ведьма лишила его мужской силы?! Невозможно!

Девица, лежавшая до этого безучастно, отвернув лицо к стене, повернулась и оглядела конунга. Заметив вялый член, обвисший тряпицей, она расхохоталась. Все смешалось в ее смехе — издевка, торжество победенной, презрение к врагу, никчемному и потешному, и даже легкая брезгливость, какую здоровый человек испытывает к уродцам.

Жестокая ярость кровью ударила в лицо конунгу, воспламенила мозг. Эйрик выхватил меч и набросился на девицу, нанося удары вдоль и поперек, рассекая пышную грудь, перерубая стройную ногу, полосуя живот, не знавший бремени. Девушка умерла молча.

Эйрик отошел к стене, приткнулся к ней лбом. Гулкие толчки сердца ослабли, кровь отливала от лица.

Эйрик нагнулся за штанами, натянул их и прошел к двери:

— Хранир!

Норвежец возник на пороге.

— Убери ее!

Хранир перевел взгляд на кровать. Зрачки его не расширились. Неторопливо подойдя к месту преступления, Хранир замотал труп девушки в горностаевое одеяло и понес на вытянутых руках, осторожно, чтобы не испачкаться.

А Эйриком овладело смертельное равнодушие ко всему на свете. И война ему эта обрыдла, и мир, и власть, и богатство. Зачем они ему теперь?

Подойдя к окну, Эйрик выглянул во двор и крикнул:

— Веди ярла ко мне! Живо!

2

Вадим был очень недоволен Эйриком. Весь ход войны вызывал у него досаду и раздражение — все шло не так, как мечталось, как приходило ему на ум в сладких грезах. Эти гадские варяги... Они все перепортили! Взяли да и оставили Альдейгу! Предупредили их, что ли? А кто бы мог? Карелы? Да они бы просто не прорвались сквозь строй свейских драккаров! А потом все те драккары спалили, как ненужный

хлам в ночь на Купала... И теперь этот придурок, конунг свейский, бегает за ладожанами по лесам, в жмурки с ними играет, в догонялки, и не замечает будто, что не все викинги возвращаются из лесу. Весины, меряне, карелы, ижоры сходятся к пепелищам Альдейги и сжимают, стягивают незримое кольцо... А где дружина Улеба? Пусть уцелела лишь половина варягов, что с того? У гардского конунга было всего двести человек, когда он брал Париж. И взял ведь! Ограбил купцов франкских, обчистил монастыри и монетный двор на острове Ситэ... А Эйрик этого не понимает. И где они теперь, варяги эти?.. Что готовят?..

Вадим расхаживал по шатру, кружил вокруг опорного столба, руки за спину, и злился, злился, злился... На дурака Эйрика, на сволочь Улеба, на всех.

Внезапно полог шатра отпахнулся, и внутрь заглянул Хранир Белый.

— Эйрик зовет Вади ярла,— флегматично сообщил норманн и убрался.

«Эйрик зовет! — передразнил гиганта Вадим.— Тоже мне, собачку нашли... Служи, собачка! Дай лапу! Молодец! На тебе косточку со стола!»

Распаляясь от гнева, Вадим покинул шатер и прошествовал в крепость. Викинги не обращали на него внимания. Правильно, что они — собачек не видали?

Ярл поднялся на высокое крыльцо терема и прошел в верхние палаты. Хранир уже поджидал его и молча указал на Большой зал, где конунги гардские восседали на троне, принимали послов, судили да рядили с боярами и княжьем.

Вадим перешагнул знакомый порог и оказался в светлой, обширной комнате. В окна были вставлены рамы с круглыми стеклами, какие варят мастера в Дербенте, и это были единственные застекленные окна во всех Гардах. С балок потолка свисали два бронзовых колеса со множеством свечей, а в углах стояли враскорячку позолоченные треножники, поддерживающие светильни, заправленные маслом. Палату по всему периметру окаймляла лавка, застеленная кошмами в несколько слоев, а почти весь пол покрывал роскошный ковер персидской работы. В противоположной от входа стороне Большого зала стоял трон — большое удобное кресло, похищенное Бравлином конунгом где-то в Фессалониках. На стене за троном скрещивались копья и мечи прежних правителей Гардарики, а на потертом кожаном сиденье, набитом волосом, восседал Эйрик конунг. Упершись локтем о подлокотник, Энундсон подпер кулаком голову и думал. Судя по его лицу, думы были нерадужные.

— Явился? — проговорил Эйрик, по-прежнему глядя за мутные стеклышки окон.— Садись.

Вадим сел на лавку и вытянул ноги.

— Ты высказывал желание стать конунгом? — скучным голосом измолвил Эйрик.

— Да,— выдавил ярл.

— Твое желание исполнилось,— по-прежнему скучно сказал конунг.— На-ка вот, примерь!

Эйрик сунул руку за кресло и вытащил венец Улеба — золотой обруч с изумрудом.

— Это мне?! — пролепетал Вадим, мгновенно забыв, как только что его корчило от унижения.

— Кому ж еще? — пробурчал Эйрик.— Хватит мне за тебя трудиться, поработай и ты!

Вадим принял венец из рук Эйрика. Косточка собачке? Допустим, но ведь мозговая, и какое на ней мясо! Взяв обруч двумя руками, ярл скинул шапку и нацепил венец. Вот и вся коронация... Обруч жал, но это пустяки — распилим, разожмем, а то и вовсе новый закажем!

— Чего ты хочешь, Эйрик конунг? — спросил Вадим.

— Ишь ты его! — усмехнулся Эйрик.— Заговорил как... Прямо король! Ладно... Много у тебя людей?

— Двести. И три лодьи.

— Это хорошо... Это хорошо... Тогда берись за дело! Наводи порядок. Хватит народу твоему по лесам шляться, пусть возвращаются и строят новые дома. Только выкуп пускай заплатят... За себя, за детей, за скотину. И никто их тогда не тронет.

— Понятно,— кивнул «Вади конунг».— А с воинами как быть?

— А с воинов двойной выкуп требуй. И чтобы оружие сдали.

— Не сдадут,— покачал головой Вадим.

— Тогда истреби! Или к себе перемани, посули землю, золото, рабов... Действуй, конунг!

Вадим взялся за дело рьяно. Тем же днем построил своих гридней, оторвав их от дармовой выпивки, погрузил в лодьи и направился к Дрэллеборгу — крепости, что стояла пониже Гадара, столицы ярлства Ильменского. В Дрэллеборге сидел Актеву херсир. Свеи пытались было взять крепость приступом, но бросили это дело — много добра не соберешь, а бойцов положишь не одну сотню.

К вечеру гридь Вадимова высадилась на берег, а следом за ней и пять сотен хускарлов, выделенных Эйриком.

Дрэллеборг не открывался, как Альдейга, в сторону реки, его со всех сторон обносил крепкий частокол, сбитый из толстенных стволов — в

обхват и больше. Поверху палисад накрывали заборола, сколоченные из лесин. Оттуда штурмующих можно было обстреливать, лупить по головам из бойниц, прорезанных в полу и в стенах. Крепость отходила недалеко от берега, почти примыкая к длинной пристани.

Вадим сошел на скрипнувший причал и направился к крепости. Впереди него шли трое гридней со щитами в обеих руках — берегли конунга от случайной стрелы. Из-за частокола повысовывались головы в шлемах.

— Эй! — крикнул Вадим в рупор, скрученный из медного листа,— в такие орали навклиры с ромейских трирем.— Открывай ворота!

— Это кто ж там приказывает? — хрипло осведомились со стены.

— Вадим конунг! — отчеканил Вадим.

За частоколом захохотали.

— О,— воскликнул тот же хрипун,— кого я вижу! Эйриков любимец! Что, надоело жопу конунгу лизать, да? Решил за мою взяться?

Дрэллеборгцы грохнули еще слышней и дружней.

— Можешь даже не подлащиваться,— продолжал хриплый голос,— штаны не сниму и к тебе задницей не повернусь! А вдруг укусишь?!

— А ну,— взревел Вадим,— кончай конунга хулить, слышишь?! Не то раскаленную сковороду заставлю лизать поганым языком!

— Да он всерьез, ребята! — разочарованно проговорил хриплый голос.— Слышь, ты, недоумок ильменский? Мы конунга на кругу выбираем, понял? А псу свейскому на кругу делать нечего!

— Открыть ворота! — заревел Вадим.

— Да пошел ты...

Вадим, дергая щекой от бешенства, обернулся и крикнул своим:

— На штурм! Возьмете крепость — ваша будет!

Воодушевив таким манером воинов, Вадим выхватил меч и картинно указал на стены Дрэллеборга. Гридни выгрузили тяжелое бревно, с одного конца окованное железом. Это был таран. С боков тарана свисали ременные петли. Нацепив петли на плечи, гридни подхватили таран и, держа над собою щиты, грузно побежали к воротам, сбитым железными полосами. Две невысокие башни с площадками наверху возвышались по обеим сторонам ворот.

В ответ немедленно засвистели стрелы. Дротики-сулицы, попадая в щиты, оттягивали те вниз, цепляясь древками за землю. Руки уставали задирать щиты, гридни их отбрасывали и тут же попадали под меткий обстрел.

Половину тех, кто бежал с тараном, повыбило, а остальные просто не смогли дотянуть тяжелое мореное бревно и уронили его, падая и калечась.

— О-хо-хо! — веселились за частоколом.— Спасибо за дрова, богатыри!

— Да куда вы побежали?! А пилить кто будет?

— Охилели богатыри!

— Перестань! Чего силачей обижаешь?

— Уже обидел! Видал, как к Вадьке дунули?

— Видать, жалуются на нас!

— Гляди, гляди! Вадька им сопли утирает!

— Ха-ха-ха! Хо-хо-хо!

Вадим дошел до точки кипения.

— Лучники! — гаркнул он.— Стрелять без остановки! Метить в любую щель! Десяткам Варула и Труана — к тарану!

Названные гридни метнулись к бревну. Стрелки осыпали стрелами частокол, не позволяя никому высунуться.

И вновь поднят таран. Гридни отошли, взяли разбег, понеслись. Таран с размаху ударил в ворота, аж гул пошел. Створка прогнулась, но даже не скрипнула.

— Мало каши ели! — долетел хриплый голос.— А ну-ка, дяденьки, бревно на ручки — раз! Побежали, побежали! Стой, стой, а то в реку свалитесь! Бегом! Быстрее! Опа!

Таран врезался так, что ворота издали глухой треск. Вадимовы гридни исторгли торжествующий рев.

— Рано радуетесь, подтирки свейские!

Бревно качнулось и понеслось, направляемое двумя десятками крутоплечих молодцев. И тут в небо взвилось множество стрел. Они прокалывали воздух, теряли скорость, замирали и падали. Увесистые наконечники тянули их вниз, все быстрее и быстрее, набирая ускорение и множа убойную силу. Половина стрел пропала даром, зато другая половина поразила цель, пронизывая плечи, руки, шеи. Пара человек упала под ноги товарищам и была раздавлена упавшим тараном.

— Так их! — ликующе взревели за частоколом.— Спасибо, дяденьки! Помогли прикончить этих прихвостней!

— Чего вы с этим бревном таскаетесь? — пожалел штурмовиков другой голос.— Вон, Вадима хватайте! У него голова хоть и тупая, зато крепкая! Ворота прошибет на «раз»!

Вадим от злости губы жевал. К нему подбежал десятник Варул.

— Ярл... то есть конунг! — обратился он.— А если таран на телегу устроить?

— А где ты видишь телегу?!

— Найдем!

— Ищи! И быстро!

Варула ждали недолго. Вскоре гридни из его десятка пригнали подводу, запряженную саврасой лошаденкой. Кобылу выпрягли, а таран пристроили на подводе, укрепив распорками и обвязав. Варул тут же развил идею, пристроив четыре столба по углам грузовой платформы и набив поверх доски. К доскам приколотили щиты, получилась крыша.

— Пошли-и!

Гридни, толкая подводу за борта, взяли разгон. Таран ударил по воротам, и те снова затрещали, но и конструкция Варула покосилась, грозя развалиться. Этим тотчас же воспользовались за частоколом.

— Ребята, видали? Нам дрова привезли!

— Устали на руках таскать, решили на телеге!

— А чего ж они лошадь выпрягли?

— Так они ж жеребцов запрягают!

— Да какие жеребцы! Бараны!

— А точно! Гляньте, у всех рога кренделем!

— Э, вы куда опять поехали?

— Вот народ! То привезут, то обратно волокут!

Варул укрепил крышу откосинами, и таран помчался в четвертый раз. Разозленные гридни толкали телегу так, что аж жилы трещали, и таран пробил в воротах первую брешь. Гридни Вадима и хускарлы, откомандированные Эйриком, одинаково взревели.

После шестого удара левая створка ворот сорвалась с петель и рухнула во двор. Вадимовцы рванули на приступ. Защитники Дрэллеборга заслонили вход собою и дрались отчаянно, но напавших было куда больше. Вадимовцы вколачивались в ворота, вовсю орудуя мечами и топорами, и силы обороны таяли.

Сам Вадим не удержался и выхватил меч, мечтая перерезать паршивую хриплую глотку. За воротами открывалась небольшая пыльная площадь. Забор и слепые стены тесно ставленных домов стискивали ее со всех сторон. Узкая улочка упиралась в большой двухэтажный терем, который соединялся галереей с храмом Хорса. Выскочив на площадь, Вадим сразу узнал хрипуна. Это был херсир, коренастый, малорослый мужичок, сплотивший сильно прореженные ряды защитников крепости.

— Взять Актеву! — заголосил Вадим.— Золотом заплачу!

Началась свалка без правил и предела. На одного защитника Дрэллеборга накидывалось по трое штурмовавших. Вскоре Ардагаст и Прогост привели к Вадиму хрипатого херсира. Он глядел в сторону и улыбался.

— Жить хочешь? — спросил Вадим, поигрывая мечом.

— Да пошел ты... — слетело с разбитых губ.

Вадим подцепил кончиком меча подбородок Актеву и приподнял его.

— Ты не дослушал,— ласково сказал он.— Я тебе предлагаю жизнь. А в обмен ты мне вылижешь задницу. Поработаешь своим поганым языком, и свободен!

— Ярл,— с неожиданной серьезностью ответил херсир,— это тебе не знакомо понятие чести, а нам она ведома. И лучше уж я сдохну, но честь свою сберегу. Понял, собака свейская?!

Вадим изо всей силы толкнул меч под горло Актеву и почти отсек херсиру голову. Обернувшись, он крикнул хускарлам и гридням своей дружины:

— Крепость ваша!

Дружина и ледунг взревели хором — спелись. Рванули, разбежались по домам, по клетям, спеша хапнуть чужого добра, да не припоздать. Вон, верзила-хускарл растерялся, не зная, в какую дверь ломиться. Стоит, как дурак, и головой вертит. Сорвался с места и дунул влево. Выбрал...

Вадим неспешно подошел к пленным, которых торопливо вязали Ардагаст с Прогостом. Разные тут были люди, и пожитые, и юные совсем, а глядели на Вадима одинаково — зло.

Подбоченясь, Вадим оглядел повязанных и сказал:

— Вы неплохо дрались, и я, так уж и быть, не стану казнить вас...

— Век помнить будем! — сказал кто-то издевательским тоном, и на лицах пленных заиграли улыбочки. Вадим решил сделать вид, будто ничего не слышал.

— А кто присягнет мне,— возвысил он голос,— того в дружину приму и не обижу в добыче военной!

Из толпы выступил старикан в кольчуге, босой, но в новеньких кожаных штанах. На его седых волосах ярко выделялись кровавые мазки.

— Дозволь слово молвить, ярл,— спокойно начал старик.

— Я — конунг! — вздернул голову Вадим.

Старик покачал головой.

— Конунг — не тот, кто нацепил венец на голову,— сказал он,— а тот, кого люди сами выбрали и над собою поставили. И не потому, что знатен, а потому, что конунг — наипервее первых. Он лучший в дружине, его сами боги по жизни ведут и советом своим дарят, а от того и нам, смертным, их милости перепадает. Вот и верим мы конунгу, и уважаем его, он же люду служит. А ты, Вадим, своям прислуживаешь... Переветник ты! Боги отвернулись от тебя, одна лишь Хела, вла-

дычица преисподней, стоит за твоей спиной. Уходил бы ты, Вадим, с земель наших, пока не натворил великих бед. Или ждать тебя будет после плохой смерти твоей котел с ядом змеиным, в котором варить-ся тебе до конца света!

Вадим слушал старика и чувствовал, как закипает кровь, как застит она зрачки красной пеленой.

— Убью... — произнес он сдавленным голосом и потянул меч из ножен.

— Убей,— со спокойным достоинством отмолвил старик,— твоя воля! Зажился я, а в Ирии любят тех, кто умер за правду. Руби!

— Прочь! — прорычал Вадим и вернул меч в ножны.— Прогост, гони их отсюда!

Прогост запечалился — так вязал, так старался, и зря? — но не ослушался. Перехватил копье, взял в обе руки и пошел толкать пленников за ворота. Те, изумленные сверх меры, не очень-то и сопротивлялись. Скоро площадь очистилась. Только черные кляксы крови пятнали пыль, да неубранные трупы дожидались божедомов.

— Воист! — заорал Вадим, срывая с головы дурацкий венец.— Ко мне!

Названный гридень появился на высоком крыльце терема, скатился по ступеням и замер, ожидая дальнейших указаний.

— Назначаю тебя херсиром Дрэллеборга! — внушительно сказал Вадим.

Воист подтянулся и ответствовал:

— Рад служить конунгу!

— Оставляю тебе полсотни наших и полсотни свеев. Следи, чтобы не передрались!

— Сделаем! — радостно заорал Воист.

— Хер ты, а не херсир! — прокричал с крыши белобрысый пацаненок, и звонкое эхо пошло гулять по крепости.

3

Шаев сын Чекленера родился в Суждале, в бедной избе-кудо. Он хорошо помнил тот, первый свой дом — истертые угловые столбы, еловые плахи стен, низкую крышу, покрытую корьем, которая все время протекала. В кудо окон не делали, зато ставили аж три очага, дымивших нещадно, выедавших глаза и на всем оставлявших жирный слой копоти.

А теперь у него большая усадьба в Альдейге, и в Алаборге домина, и три лодьи, и две сотни трэлей. Теперь он кугыжа... Шаев усмехнулся. Одна только Ведь-Ава, Мать Вод, знает, каких усилий стоило сыну простого охотника выбиться в бояре. Каких страхов, каких тошных дел...

Шаев оглянулся вокруг. За горизонт уходили холодные волны Гандвика, Колдовского залива. По его соленым водам были рассеяны во множестве Онежские шхеры — тут тебе и голые гранитные скалы с песчаными подковами пляжей, и солидные островки, заросшие густым криволесьем. Утягивался на север каменистый матерый берег, сплошь покрытый высоким сосновым лесом; его окаймляла илистая полоса отмелей, обсыхающая в отлив.

Шаев повернул голову к югу. Там, резко выделяясь на фоне невысокого прибрежья, плавно закруглялись Медвежьи головы — гранитные массивы, заросшие дремучим хвойным лесом.

— О чем задумался, кугыжа? — прозвучал ласковый голос Онга, сына Тшудда, старого биарма, вождя местного.

Онг был одет в кожаные штаны, сшитые заодно с мягкими сапогами,— ухнешь по колено в воду, а ногам сухо. А уж куртка была не куртка, а настоящее произведение искусства — вся расшита бисером, а каждая бисеринка точена из моржовой и мамонтовой кости. Лицо у Онга было осмугленным, но с крупными чертами, а длинные волосы, плетенные в косы, никак не желали седеть, хотя лет Онгу было немало.

— Не пускает меня север ваш,— улыбнулся Шаев.

— Север, он общий... — проговорил Онг, жмурясь, и кивнул на море.— Гляди, как семга играет!

Шаев глянул. Волны на приглубом месте расступились, и из вод плавно поднялось серебристое рыбье тело. Показался широкий хвостовой плавник, и тут рыба изогнулась, мощно ударила хвостом и локтя на два взмыла в воздух. В полете семга вибрировала, словно стряхивала с себя капли, перевернулась, шлепнулась боком и пропала в фонтане радужных брызг.

— Хорошо здесь,— вздохнул Шаев.— Будто кто мне свободу дал от всех забот и хлопот.

— Тяжко? — прищурился Онг и покивал: — Понимаю! Я ведь у Тшудда сын приемный, он ввел меня в свой род, когда мне и двадцати зим не исполнилось... А отцом мне Бравлин конунг приходится...

Шаев глянул на Онга в ошеломлении.

— Так чего ж ты здесь сидишь?! — воскликнул он.— Ты бы мог боярином заделаться!

— А зачем? — спросил Онг с тем же хитроватым прищуром.— Я и здесь как конунг. Народец со всего Бьярмаланда меня уважает, за советом идет, слушается слова моего. Вона, сколько мехов увозишь! Кстати, спасибо тебе и Улебу за ножи и гарпуны, железо для нас желанней и ценней всякого золота. Приедешь еще?

— Обязательно!

Шаев подумал немного, поборолся с собой и спросил:

— Онг, ты мудрее и опытней. Скажи, что делать мне? Я выбился из грязи в князи, а страхи давние живут во мне, не покидая. Точат, как черви морские лодью. Все боюсь потерять нажитое, утратить дружбу одних и благоволение других. Хочется просто жить, а... как?!

— А вон! — показал Онг на семгу, блиставшую боками в новом пируэте.— Как та рыба. Вот так и живи! Каждый день проживай. Возрадуйся заре и живи. Люби, борись, воюй! Только не подличай, правды держись. И не бойся. День не трусь, месяц — и отвыкнешь от страхов. Дружбу боишься утратить? Если друг стоящий, так он тебя не бросит, а коли порвет с тобой, значит, не стоит о нем жалеть. И помни — идти по жизни надо прямо. Ты ж проходил порогами, ведаешь, что вилять средь камней не позволено, а то и лодку разобьешь, и голову потеряешь. Держись стрежня, и вода сама вынесет тебя. Как и жизнь наша...

— Попробую... — вздохнул Шаев и набрал полную грудь холодного, соленого воздуха.

Ветер-побережник, пронесясь над морем, напоролся на сосняки, и вековые деревья зашумели, закачали вершинами.

— Ша-аев! — донеслось с пристани.

— Иду-у! — закричал кугыжа и крепко пожал руку Онгу.— Ну, свидимся тем летом!

— Обязательно! — улыбнулся Онг.— Мы всегда рады добрым гостям...

Целую неделю поднимались карбасы Шаева по порожистым рекам, ни одного человека не потеряли по дороге, ни одной шкурки драгоценной не замочили, а на восьмой день выбились к Маточному порогу, загородившему путь меж лесистых берегов Выга. Небольшой островок, заросший обтрепанными елями и березняком, разделял реку на два рукава — с одной стороны могучий поток ревел, падая с обрыва, и туча водяной пыли клубилась над ним, играя радугами. А по другую сторону островка подняться можно было, идя посуху и волоча карбасы на бечеве, противясь яростно летящей воде, щерящей со дна черно-зеленые камни.

— Тянем-потянем! — весело вопил карел Илейко.

— Упирайся сильнее, эй! — сердито крикнул ему соплеменник Асташко.

— Тянем, други! — просипел Шаев, впрягаясь со всеми вместе в пристежки тяжелого каната, плетенного из моржовой кожи.

— Еще! — орал Карн, сын Руалда.— Акун, подтяни, а то карбас опружит!

— Да тяну я!

— А ты сильней!

Осилив труды, переборов опасности, Шаев и его команда достигли устья Нижнего Выга и вышли на простор Выгозера, залегшего в огромной каменной котловине, от берега до вершин заросшей лесом. По водам озера, отдохнув на спокойной мелкой волне, добрались до речки, обмелевшей за лето, и перетащили карбасы на берег Онего, почти такого же великого, как Нево. Здесь и заночевали. Запалили большие костры, нарубили веток для шалашей, заварили кашу... Хорошо!

Ночь стояла светлая, но не тихая — чудовищные серые тучи комаров зудели надсадно и жалили во все места. Шаев раз за разом подкидывал в огонь хвойных веток — их едкий дым отгонял на время комариные облака — и смотрел, как вспыхивают зеленые иглы, вбирал смолистый запах, как биармский шаман, окуривавший себя тайными дымами.

С раннего утра поплыли к Вытегре, где Шаев оставил большие соймы и скедии, на коих через Выговские пороги не пройти. По борту потянулся низменный берег Онежского озера с волнистыми насыпями красноватого песка, заросший кустарником и мелким хвойным лесом. Войдя в мелководное устье Вытегры и поднявшись вверх по реке, проложившей илистое ложе среди низких болотистых берегов, карбасы прибыли к большой пристани. Подальше к лесу поднимался новенький частокол крепости, охранявшей один из главных торговых путей — по Вытегре шли суда с Итиля.

— Гляди, сколько их тут! — удивился Карн.

Шаев тоже обратил внимание на арабские фелюги и завы, коих скопилось у вымолов более десятка.

— Эй, откуда путь держите? — окликнули Шаева с карельской лайды.

— С Вины мы! — схитрил Шаев.— По Водле спустились, соль везем!

— А куда? — не отставал карел.

— В Альдейгу,— буркнул Карн.— Чего пристал?

— А нету более Альдейги! — криво усмехнулся карел.— Спалили ее!

— Кто?! — охнул Шаев, чуя, как нечто холодное и липкое касается спины.

— Свеи напали! — В голосе карела послышались горечь и злость.— И Бьярмар наш выжгли, и Альдейгу вашу. Дочиста. Победили свеи...

— Вот как? — холодно сказал Шаев.— Ну, это мы еще посмотрим, кому боги победу отдадут! Эгей! Грузимся! Живо!

Растревоженные добровольцы из гридней быстренько перекидали биармские товары — моржовые бивни и меха — на застоявшиеся соймы и скедии и сели за весла. На озере распустили паруса, но и весел не бросали — тревога за родных и близких подгоняла. С ходу вошли в реку Сувяр. Через пороги Медведец и Сиговец прошли бечевой, а далее высокие берега опали, стали отмелыми, заросли камышом и осокой, за осокой шелестели заросли березняка, а дальше вставали сосновые леса.

Неожиданно открылся бережок, затравевший до самой воды. Из-за деревьев вышел молодой человек с боевым луком через плечо и замахал руками, закричал, требуя остановки.

— Кажись, Валит! — изумился Илейко.

— Точно! — подтвердил Асташко.— Валит, эхой! Сейчас мы!

— К берегу! — скомандовал Шаев.

Соймы и скедии заскребли днищами по каменному крошеву. Валит подбежал поближе и прокричал:

— А Шаев с вами? Шаев сын Чекленера!

— Ну я Шаев,— откликнулся кугыжа.— Слушаю!

— О войне прознали уж?

— Да оповестили добрые люди,— усмехнулся Шаев.— А чего ж наши свеям поддались?

— Больше их было! — сердито ответил Валит.— У конунга в дружине пять сотен всего, так он каждого третьего отправил служить, кого на Вытегру, кого в Мелинеск, кого еще куда! А собрать всех не успели просто! Это ж, пока оповестишь кого надо, пока те в поход соберутся, пока доплывут... Только Лидул, ярл Онежский, поспел и половину своих привел, а Вадим, подлюка, к свеям переметнулся!

— Врешь! — рявкнул Карн, доброволец из дружины Вади ярла.

— Клянусь секирой Перуна и бородой Велеса! — пылко воскликнул Валит.— На неделе конунг свейский венец Вадиму пожаловал, и тот сразу поскакал отрабатывать милость — Дрэллеборг взял!

— Ах, паскуда... — проговорил Карн, опускаясь на скамью.

— Зато мы весь свейский флот пожгли! — радостно уведомил посланец.

— Да ну? — воспрял духом Шаев.— То есть свеи все еще не ушли?!

— А как?! Набились в крепость и сидят, как тараканы!

— Ты нас только для этого тормозил? — перебил его восторги Шаев.

— Нет, конечно! — мигом построжел Валит.— Конунг меня специально послал тебя перехватить и бересту послал. Вот!

Шаев развернул протянутую ему берестяную грамоту. Корявыми рунами на ней был накарябан приказ: следовать в район Бьярмара, брать на борт охочих до войны карел и перевозить поближе к устью Олкоги.

— Улеб силы стягивает,— важно пояснил Валит и добавил на полголоса тише: — А еще он послал за Рюриком!

— За Рюриком?! — расслышал ушлятый Акун.— Вот это здорово! Ох и дадим мы тогда жизни своим! Да я даже рад, что они еще здесь,— будет кого поколошматить.

Шаев отмахнулся от орущего Акуна и спросил Валита:

— А Алаборг чей?

— Наш!

— Тогда прыгай на борт! Снимаемся! Идем в Алаборг, прячем товары — у меня там дом, и в Бьярмар!

Шаев поднялся на сойму и сел к правилу. На душе у него было легко и ясно. Да, впереди война, где могут покалечить, а то и вовсе прибить, но страхи покинули Шаева. Что ему свейский меч?! Тот, что у него в ножнах, рубит не хуже! Хватит ему вилять и метаться в тщетных стараниях полюбиться каждому из сильных мира сего. Он выбрал себе дорогу и будет следовать по ней до погребального костра!

Глава 15

Курланд незаметно перешел в Витланд, но те же песчаные отмели тянулись по берегу моря, и такие же холмы поднимали на горбах шумливые сосняки.

В Себорге Олег совершил сделку — телегу обменял на пару седел. Без громыхавшей и тряской повозки было куда приятней, да и безопасней. Что уж говорить о конях — новые хозяева снова облегчили им жизнь. А к седлам Олег пристроил скатки одеял и похудевшие мешки с зерном.

— А мы где сейчас? — спросил Пончик, оглядывая виды.— Ну, примерно?

— Мы пересекли госграницу Российской Федерации,— торжественно объявил Олег,— и топчемся по польской территории.

— Вот теперь все понятно! — воскликнул Пончев.— А то — Курланды-Витланды...

Леса не покрывали будущую польскую территорию сплошным навалом — дебри то и дело разрывались луговинами, рассыпались отдельными рощицами. И копыта коней бодро тюпали по пыльному шляху, вьющему петли по лугам и перелескам. Нещадная жара спала, понемногу поднимался ветер, нагоняя серые облака, и столько нагнал, что тучам тесно стало в небе. Облака толклись, кружили, совершенно закрыв солнце. Иногда лишь пасмурная вата разлезалась, пропуская яркий сноп лучей, и снова затягивалась.

— Кажется, дождь собирается! — сказал Пончик, пародируя Пятачка.

Олег хотел отшутиться в той же манере дорожного трепа, но, обернувшись к своему спутнику, он разглядел на далеком холме, с которого скатывался шлях, облако пыли.

— Эта пыль неспроста! — проговорил Олег, пародируя Винни-Пуха.— Так пылить могут только те, кто скачет галопом! А зачем скакать галопом, если ты ни за кем не гонишься? По-моему, так! А за кем тут гоняться, кроме нас? По-моему, так и никак иначе. Ходу, Пончик!

Сухов хорошо подбодрил коня, тот взбрыкнул, словно гальмуя на старте, и поскакал.

— Может, это не за нами? — прокричал Пончик на скаку, судорожно вцепившись в поводья.

— Сейчас проверим!

Шлях впереди троился, разбегаясь дорожками поуже. Олег свернул на крайнюю, по-змеиному уводящую в лес. Миновав рощу грабов, он оглянулся. Десятка два всадников, мчавшихся по шляху, свернули по выбранному им пути.

— Это погоня! — крикнул он.

— Да что мы такого сделали?! — возмутился Пончев.

— А ты приглядись!

Шурик вывернул голову, разглядывая преследователей, и бледность разлилась по его лицу.

— Это витингсы! — охнул он.— И жрецы!

— А плащи какие на них?

— Белые... И желтый один!

— Значит, точно за нами!

Тропа впереди разошлась вилкой: одна тропинка забирала влево, почти поворачивая назад, а другая уводила в низкорослый ельник.

Выбора не оставалось, Олег направил коня в заросли елок. Почва замокла, потянулись лужицы, крытые ряской. Начинались болота.

— Тролль нас сюда занес! — выцедил Олег, утишая бег коня, и спрыгнул с седла, на сырые мхи.— Слезай! Так не проедешь!

Сапоги проваливались в чвакающую землю, и следы тотчас заполнялись водой. А тропинка подвела к самому краю топи, заросшей мхом и осокой, и уперлась в бревенчатые мостки. Вдали их продолжали гати, вязанные из жердин.

— Пошли! Шаг влево, шаг вправо — утопнешь.

— П-понял... Угу... — ответил Пончик слабым голосом.

Мостки под ногами прогибались, и поверх выступала черная жижа. Гать вывела на более-менее сухой островок, заросший осинником и колючим боярышником, а за сухим пятачком снова потянулись мостки, замысловатой кривой проводившей путников между трясин, зеленевших болотной травой.

— Стой! — негромко скомандовал Олег и прислушался. Увы, погоня не отставала — из-за чахлых осинок и кривых черных дубков доносились приглушенные голоса, звяканье доспехов, звон колокольчиков на лошадиных сбруях. А потом все звуки забил хриплый рев боевого рога.

— Вперед! — велел Олег, закидывая правую руку за плечо и развязывая кожаные завязки на устье ножен, удерживавшие меч.

— Тут сухо! — придушенно крикнул Пончик и перепрыгнул на песчистую опушку леса, где липы и дубы разбились по парам и водили хороводы вкруг маленьких полянок. Под ногами Олега хрустел сухой мох, черно-синими зрачками выглядывали из черничника поспевавшие ягоды.

— За мной! — бросил Сухов, торопливо шагая по еле различимой тропе.

Тропа вывела друзей на лужайку, крапчатую от алых капель земляники, и тут же из-за деревьев вышли десятки людей в кожаных доспехах, накинутых на голые, потные торсы. Пруссы! Их руки сжимали короткие копья и топоры на длинных рукоятках, и все это губительное железо грозило Олегу и Пончику.

Вперед вышел беловолосый, синеглазый парень и выцедил нечто вопросительно-злое.

— Наверное, он спрашивает, кто мы... — предположил Пончик.

— Мы от роду русского! — надменно сказал Олег и махом выхватил меч из-за плеча.

Вся гопа, потрясавшая копьями и секирами, сдвинула кольцо.

Беловолосый поднял руку, утихомиривая товарищей, и резко спросил на корявом русском:

— Что делать сюда?

— Что и туда! — брякнул Сухов.— Вы-то кто?

Беловолосый не имел намерения слушать Олега. Он вытянул руку и сказал прокурорским тоном:

— Вы привели сюда витингсов и слуг криве-кривейте!

— Что ты мелешь?! — вскипел Олег, спиною чуя погоню.— Эти гады за нами гонятся!

— Да? — сузил беловолосый глаза.— А за кого такой чести?!

— Вот его,— Олег хлопнул по плечу Пончика,— хотели принести в жертву! И мне пришлось убить криве!

— Ты все врешь! — закричал кто-то из толпы.— Перкун покарал бы тебя!

Сухов молча задрал на Шурике рубаху, демонстрируя зловещего вида загогулины, оставленные жрецом-вурскайтом.

— Убедились?!

Пруссы стояли как громом пораженные. Беловолосый осторожно подошел к Пончику, тот боязливо отступил. Прусс лизнул указательный палец, медленно протянул его, мазнул по загогулине, смахивавшей на букву «альфа», и понюхал. Лицо его приобрело изумленное выражение.

— Они говорить правда! — воскликнул он.

Пруссы оживились и загомонили, со страхом и почтением взглядывая на Олега, поднявшего руку на слугу Перкуна.

— Кстати,— напомнил Олег,— витингсы рядом! Вы дадите нам пройти или нам пробиваться с боем?

Беловолосый с достоинством поклонился и сказал:

— За вами гнаться криве Нестимор. Он есть мой враг. Этот недостойный слуга богу Перкуну уводить моя девушка! Он будет овладевать Гвилла семь ночей подряд, а на восьмой день принести в жертву. Я собрать друзей, согласные идти со мной. Будь и ты моим другом, рус!

— Да я бы с удовольствием... — Олег шибко потер в затылке.— Но мы спешим в земли вендов с особым поручением...

— Помогать нам! — жарко заговорил беловолосый.— И мы проводить тебя до самая Висла. Друзья мои храбры на войне, но в борьбе со жрецами они так несмелы.

— Ладно! — тряхнул головой Олег.— Если только недолго...

— Не больше один день! — заверил его беловолосый.— Если я не спасать мою Гвиллу сегодня, я потеряю ее навсегда.

— Уговорил! Звать-то тебя как?

— Тормейсо! — слегка поклонился беловолосый.

— А я — Олег! А это...

— Пончик! — расплылся в улыбке Александр Пончев, отвыкший от имени своего.

— Лаво! Васса! — представлялись верные друзья Тормейсо.— Милегдо! Серсил! Явкут!

Тут с развилки дуба бесшумно спрыгнул молодой совсем парень и знаком показал: идут!

Пруссы растаяли среди деревьев. Олег шагнул за гребнистый ствол старого дуба, где притаился Тормейсо.

Витингсы, ведущие коней в поводу, вывернули из-за дуба с развилкой и столпились, поджидая светлейшего криве. Иерархия среди местных жрецов была посложнее, чем у христиан, но если сравнивать в приближении, то криве по силе своей, богатству и власти соответствовал епископу. Все криве носили одинаковые белые пояса, только разной длины — в том и выражались ступени священства. Криве-кривейте обматывал свой пояс вокруг жирной талии сорок девять раз, а простой криве делал всего лишь семь оборотов. А вот и он!

На поляну, окруженный вейделотами в белых повязках, вышел светлейший криве, жрец бога Перкуна. Это был мужчина в возрасте, но не старик, костлявый и рослый. На жреце было длинное белое одеяние, что-то среднее между кафтаном и халатом, а голову прикрывала остроконечная шапка, тоже белая.

— Это криве Нестимор! — процедил Тормейсо и дал отмашку.

Пару секунд ничего не происходило — пруссы готовились напасть разом. И вот, с громовыми криками, вся команда пруссов выскочила из-за деревьев. Тормейсо обогнул дуб слева. Олег свернул вправо и с ходу отсек мечом голову витингсу, стоявшему в прогале между деревьями. Угрызений совести (как же, ударил в спину!) Олег не ощутил. Он понадеялся только, что убитый им витингс приложил свою руку к убийству Крута. По крайней мере он — из них. За зло нельзя платить добром, учил Конфуций. За зло платят по справедливости!

Мгновенная атака удалась — пруссы перебили почти всех витингсов в первые же мгновения боя. Олег сделал второй шаг, ступая на полянку, пошарил глазами, высматривая следующего врага, а... уже все! Баталия кончилась. Виктория!

Пруссы, нарочито громко хохоча и переговариваясь, принялись вязать перепуганных вейдельботов. Побросали их на травку и взялись за витингсов, быстро поделив трофейные мечи, в этом времени — предметы первой необходимости, и весьма недешевые.

Ошарашенный криве Нестимор стоял посреди поляны. И без того выпуклые глаза его вылезли еще больше, едва не выпадая из глазниц.

А пруссы будто не замечали жреца, идолом торчащего в самом центре места происшествия.

Тормейсо подошел к Нестимору и спросил, сдерживая гнев:

— Где моя невеста?! Отвечай!

Жрец задрал голову и проклекотал:

— Прочь, жалкий червь! Ты недостоин вылизывать следы моих ног!

Олег понял, что древние страхи, жившие в Тормейсо, помешают пруссу вести допрос, и легонько отстранил его.

— Дай-ка я им займусь!

Подняв меч, Сухов аккуратно обтер лезвие о белые одежды Нестимора. Жрец, сперва побледнев, после покраснел от злости и унижения.

— Как смеешь, ты... — прохрипел он, задыхаясь и тиская жезл — довольно корявую, сучковатую палку.

Олег выдернул у криве жезл и небрежно швырнул за плечо.

— Переводи ему, Тормейсо,— сказал он, беря жреца за правую руку.— Прежде всего, жрец, запомни: для меня ты всего лишь паршивый мужчинка, дерьмо на палочке! Дошло?

По виду Нестимора нельзя было сказать, что слова Олеговы были им восприняты как следует.

— Значит, так... — Взявшись за указательный палец жреца, Олег резким движением загнул и сломал его. Криве заорал от боли и задергался, но руку Олег не выпустил.— Слушай меня внимательно, светлейший засранец,— продолжил Сухов.— Я буду задавать тебе вопросы, а ты на них будешь отвечать. Если я услышу ложь или ты промолчишь, не желая со мной разговаривать, я буду ломать тебе палец. Понял, надеюсь? Если ты будешь молчать и после девятого вопроса, когда я переломаю все твои пальцы, то я вернусь вот к этому, который сломал первым, и сожгу его. Потом другой, потом третий... Ну так как? Будешь отвечать?.. Или молчать?.. Или врать?.. Выбирай!

Олег ухватил средний палец Нестимора и спросил:

— Где Гвилла, девушка Тормейсо?

Жрец судорожно сглотнул. Раздался тихий хруст, и крик Нестимора огласил лес.

— Спрашиваю в третий раз,— хладнокровно сказал Олег, перехватываясь за палец безымянный.— Где Гвилла?

Задыхаясь от боли, жрец простонал:

— Она... в храме Потримпоса...

— Далек ли храм?

— В одном переходе отсюда, по дороге мимо Двурогой Сосны, между Каменных Грудей, по левому берегу Черного озера.

— Веди!

Тормейсо, сияя улыбкой, ничего не сказал Олегу, лишь крепко пожал ему руку древним жестом мужской благодарности.

— А если бы криве упорствовал,— полюбопытствовал Пончик,— ты бы жег ему пальцы?

— Интересуешься,— усмехнулся Олег,— насколько мною овладели идеи садизма? Вообще-то я против пыток... Но, если бы мою девушку похитили, я бы превзошел гестапо, но вырвал бы у негодяев признание. Выдрал бы с мясом, с кровью!

— Не знаю, не знаю... — протянул Пончик.— Негодяи... Но если действовать такими методами, то кто ты сам тогда?

— Годяй! — серьезно ответил Олег и добавил: — Топай, моралист!

Пруссы вывели пленных вейделотов и криве на берег озера, заросшего камышом и осокой. Ко вбитым в землю кольям были привязаны широкие плоскодонки, каждая на две пары гребцов. Связанных вейделотов распределили по лодкам, а криве, не связывая тому рук, усадили в плоскодонку к Тормейсо.

— Мы доплывем к храму по озерам! — оживленно проговорил прусс.— Милегдо знает все здешние протоки!

Милегдо, жизнерадостный парень со светлым чубом, весело оскалился и налег на весло.

А небо хмурилось и хмурилось, сильный ветер донес первые капли дождя, а за лесом уже раскатывался гром. Близилась гроза.

— Живее гребем! — подбадривал своих Тормейсо.

И пруссы налегали на весла, проталкивая лодки через камыши, не углядывая даже, а угадывая протоки в болотистых берегах, соединявших озера, речушки и болота в единую Хлябь.

— Травяная оладья! — крикнул Милегдо, указывая вперед, на просторный участок суши, совершенно плоский, покрытый травкой, а местами светящийся песчаными проплешинами.— А вон Каменные Груди!

Олег посмотрел в указанном направлении и увидел две скалы, действительно смахивавшие на пленительные женские округлости.

— Выходим!

Олег выбрался на берег и глянул на небо. Тучи, серые, темно-сизые, почти черные, толклись в вышине, словно выдавливая воду друг из друга. Разряд молнии расколол небо, и ударил гром.

Опустив взгляд, Олег замер. То, что он увидел, длилось какую-то секунду. Криве, достав из-за пояса нож, всадил его под сердце Милегдо и тут же, выхватив трофейный меч прусса, обернулся к Олегу.

Олег отшагнул, кладя ладонь на рукоять, и поскользнулся на мокрой траве. Грянувшись оземь, он на секунду выпал из реала, «поплыл», как в нокдауне. Нестимор, кривя рот в торжествующей усмешке, поднял меч, полыхнувший отсветом небесного электричества. Глаза криве сверкали, губы подергивались, костистые руки крепко сжимали рукоять, готовясь обрушить удар возмездия на руса, причинившего ему боль. Сухов перекатился, стараясь дотянуться до клинка, привстал на колено...

— Олег! — донесся до него голос Пончика.

Криве вскинул меч над головой, словно пытаясь дотянуться до неба, и дотянулся. Ослепительно-лиловая молния ударила во вздернутый клинок, рассыпая снопики искр, мерцающими голубыми змеями обвила тело жреца и ушла в землю. И не гром, а оглушительный взрыв грохнул над Травяной оладьей. Ударило так, что волглая земля задрожала. На время Олег оглох, в глазах мерцали яркие пятна. Пахнуло острым запахом озона, ладони, упертые в землю, зверски защипало. А криве как стоял, так и упал. Свежий запах грозы перебился тошнотворным амбре горелого мяса и удушливым чадом тлеющих одежд. Исковерканный, оплавленный меч выпал из почерневшей руки с двумя сломанными пальцами и воткнулся в землю. Мокрый песок зашипел, остужая раскалившуюся сталь.

— Олег!

Сухов тряхнул головой, разгоняя звон, и откликнулся:

— Все в порядке!

Ошеломленные пруссы, попадавшие на землю от ужаса, несмело подымали головы. Пончик подбежал к Милегдо и замер, обреченно махнул рукой:

— Прямо в сердце, гад, попал!

Очухавшись, Олег крикнул Тормейсо:

— Хватит валяться! Нам пора!

Прусс поднялся, не отрывая от Олега расширенных глаз.

— Ну что ты на меня уставился? — пробурчал Олег.— Перкун знает, в кого целиться... Пошли скорей — сейчас польет!

И полило. Пруссы и русы побежали к далеким выпуклостям Каменных Грудей. Добежали, проскочили сырой расселиной между ними — по гранитным стенам потеками шла вода — и двинулись берегом Черного озера, из-за бесчисленных капель дождя приобретшего белесый оттенок.

— Сюда! — крикнул Васса, отплевываясь от струек, затекавших в рот.

Олег свернул в лесок и выбежал на луг, посреди которого возвышался храм бога Потримпоса — могучее сооружение из еловых бревен, поднятое на восьми толстенных сваях. Нет, это не сваи, понял Олег, подойдя поближе. Это пни, выпиравшим корням которых придали форму куриных ног.

— Восьминогая курица... — пробормотал Пончик.— Изнакурнож... Угу...

К дверям храма вела лестница, Сухов хотел было взбежать по ней, но вовремя опомнился и уступил место Тормейсо.

— Твоя очередь!

Прусс благодарно улыбнулся и поднялся ко входу с обнаженным мечом. У дверей он оглянулся, словно испрашивая у Олега разрешения, и рус кивнул ободряюще — действуй, мол, ты в своем праве!

Тормейсо скрылся в храме, и мгновение спустя под дождь выскочил жрец Потримпоса — дряхлый старик в желтом кафтане, перепоясанный белым поясом. Криве верещал, потрясая посохом, пока не поскользнулся и не съехал на худой заднице по ступеням вниз. Пруссы вежливо захихикали. Потом дверь распахнулась резко, открытая головой вейделота в желтой повязке. Вайделот кубарем покатился с лестницы, а порог храма переступил Тормейсо. На руках он держал русую девушку, закутанную в желтые жертвенные покровы, рыдавшую от счастья. Прусс, сияя, спустился по ступеням, небрежно переступив худые ноги икавшего жреца, и понес свой драгоценный груз, уже никого не замечая.

— Спасибо тебе,— сказал Тормейсо, повернувшись к Олегу.— Ты умилостивил богов!

Сухов заметил заплаканный синий глаз, глядевший на него из-под русой челки.

— Боги не делают подарков,— серьезно сказал Олег.— Они помогают только тем, кто всего добивается сам. Побежали!

Ночью дождь перестал, и небо очистилось. А в маленьком прусском селении все не ложились спать — праздновали возвращение Тормейсо и спасение Гвиллы. Заснул Сухов лишь под утро, а тут и петух прокричал, будильник местный. Олег, покряхтывая от удовольствия, оделся во все сухое и чистое, выстиранное и высушенное, выбрался во двор и умылся из бочки. Вспомнилась кадушка в Алаборге, их первая с Пончиком ночь в чужом времени, в чужом мире. Как давно это было...

Олег отерся холстиной и осмотрелся. Землю кутал туман, и глиняные стены домов поднимались из него, как островки на молочной реке. Серо-зеленые камышовые крыши блестели росою, с них капало.

— Олег?

Скрипнув дверью, вышел Тормейсо. Он был серьезен.

— Думал уже, куда подашься? — спросил его Олег.

Тормейсо кивнул.

— В Гардарики! — объявил он свое решение.— Иной путь у меня нет, криве-кривейте не прощать мне смерти свой слуги и поругания храма... У великий из великих, судья судей, длинные руки...

— Правильно,— кивнул Олег.— Только будь осторожен — в Гардах война.

Тормейсо нахмурился и тут же сказал упрямо:

— Все равно!

— Олег! — позвал товарища Пончик.— Ты где?

— Где-то здесь! — отозвался Сухов.— Ты собрался?

— Ага!

— Явкут и Кирбайдо проводить вас,— сказал Тормейсо.— Они знать место...

— И ты не мешкай,— посоветовал Олег.— Хватай Гвиллу и беги! Дадут боги, еще свидимся в Гардах!

До Вислы доскакали быстро, поменяв лошадей у знакомых Явкута. Река разливалась широко, куда там Олкоге. Низменные берега были безлесны, одна трава кругом, да кусты.

Олег вывел коня на берег Эстмере, Свежего залива, как называли вислинское устье, и остановился. О, боги! Он добрался до Виндланда! Вон он, берег земель вендских, за рекою тянется!

— Последний рывок, да? — пробормотал Пончик.

— Последний... — выдохнул Олег.

— Ой, смотри! Там корабль!

Олег пригляделся. Невдалеке, где море встречалось с рекою, стояла рыбацкая деревушка, а у пристани покачивалась лодья.

— Поскакали! — крикнул Явкут и пришпорил коня.

Кирбайдо, Олег и Пончик бросились следом за ним.

Вблизи оказалось, что о причал трется не лодья, а купеческий кнорр — более развалистый, чем снекка или скедия, и попузатее боевых лодий. Веслами на кнорре гребли только с носа и кормы, средняя часть была отдана грузу.

Олег спрыгнул с коня и подошел к качавшемуся борту. На него оглянулись рабы, прикованные к веслам. Одетые в драное и грязное, гребцы сидели на скамьях, сутуля спины, и чесали мозоли на лодыжках,

натертые кандалами. Ни викинги, ни варяги не позволяли трэлям грести на своих лодьях, но купцы — иное дело.

— Где хозяин? — резко спросил Олег.

С тюков поднялся меланхоличный малый, жующий кусок сала. Утерев жирные губы, он спокойно ответил:

— Ну я.

— По-русски понимаешь?

— Не разучился еще... — пожал плечами купец.

— Нам нужно в Старигард! Мне и ему! — Олег показал на Пончика.— Мы заплатим золотом!

— Да я и так иду туда, залезайте, всегда рад пассажирам! Люди называют меня Удо, сыном Онева, меня все знают.

Олег передал поводья коня Явкуту и перебрался через борт. Следом перелез Пончик.

— Доброго пути! — крикнул Кирбайдо, вскидывая руку.

— И вам! — ответил Олег.

— А скоро отплываем? — поинтересовался Пончев.

— Вона,— показал купец шматом сала на грязную харчевню, из дверей которой выходило с десяток изрядно набравшихся мужиков. Следом вышли еще трое.— Как погрузятся, так и тронемся...

Пьяный экипаж, осилив сходни, тут же пристроился отсыпаться. Худой парень в обносках, поглядывая на пьяных с неприязнью, быстренько отвязал причальные канаты и запрыгнул обратно на палубу. Ветер дул с моря, поэтому Удо, сын Онева надавал пинков рабам, побуждая тех к действию. Гребцы, вжимая головы в плечи, ухватились за рукоятки весел.

Покачиваясь на мелкой волне, кнорр выполз в Эстмере, и на скрип уключин наложились пронзительные крики чаек. «Последний рывок...» — вспомнил Олег и широко, от души улыбнулся.

Глава 16

1

Едва слышно плескала Вытегра, качая развалистую багилу с высоко поднятой кормой. Река смутно проглядывала в серых предрассветных потемках, застланная туманом, а лес по обоим берегам стоял не-

движим. Тишина была такая, что упади лист на воду — и эхо загуляет, замечется шуршащими отголосками.

Матрос-халасси, шлепая по палубе босыми ногами, прошел на квадратную корму, где спал Абу-Зайд Халид ас-Самарканди, и осторожно потряс его за плечо.

— Молитва лучше сна! — сказал он, не решаясь говорить в полный голос.— Молитва лучше сна! Нахуза, э-эй...

Халид со стоном пробудился и развернул свое одеяло, с укором глядя на мучителя.

— Встаю, Саид, встаю,— вздохнул он.— Вели бхандари [1], чтобы готовил кахву [2] и хлеб!

— Все исполню, нахуза! — поклонился Саид и ушел будить бхандари.

Сонная команда сбредалась, шаркая остроносыми кавушами [3], стелила на палубу молитвенные коврики и опускалась на колени — наступал священный час вознесения утренней молитвы. На соседнем заве с громким названием «Ханаш аль-бахр» [4] пробудились ото сна чуть раньше, и в тихое небо над Вытегрой взошло моление:

— Ла илаха илля ллаху уа Мухаммадун расулу-л-лахи!..

Халид омыл лицо чистой холодной водой северной реки и согнулся в глубоком поклоне.

— Ла илаха илля ллаху уа Мухаммадун расулу-л-лахи! Аллаху акбар!

Низкие поклоны без помощи рук служили неплохой утренней зарядкой и согревали тело, пока мистический жар накалял дух. Бхандари Юсуф тоже умудрялся сотворить молитву, не выпуская из рук бронзовую ступку, в которой толок зерна «мокко». Тонкий аромат кахвы подавлялся сильным запахом пекущихся лепешек, и Халид, жадно втягивая носом волнующие духмяности, понял, что изрядно проголодался. Тандиль [5] первым свернул свой коврик и повел матросов за собой. Для халасси всегда есть дело — откачивать воду из трюмов, плести канаты, латать паруса.

Просветленный, Халид прошел на корму и устроился на ширазском ковре, сложенном вчетверо. Бхандари три раза вскипятил кахву, добавил в напиток несколько зерен кардамона. Налил в чашечку нахузы. Халид отпил, зажмурил глаза, сделал глоток и только теперь проснулся.

---

[1] *Бхандари* — кок.

[2] *Кахва* — кофе.

[3] *Кавуши* — шлепанцы, тапки без задников.

[4] «Морской змей».

[5] *Тандиль* — главный над матросами.

— Налей еще, Юсуф,— попросил он толстого бхандари.

Юсуф с готовностью налил. Съев половину лепешки и запив ее кахвой, Халид ожил. Начинался новый день.

— Холодно у них тут по утрам! — поежился сарханг [1] Хасан.

— Разве это холод? — усмехнулся Халид.— Однажды мне пришлось тут зазимовать, вот тогда я узнал, что есть холод! Вода в реках замерзла и стала твердой и прозрачной, как стекло, все вокруг покрыл снег...

— Снег? — недопонял Хасан.

— Снег — это замерзший дождь. Каждая дождинка, когда мороз, превращается в снежинку, в маленькую такую льдинку, похожую на шестиугольную звездочку, которой хватит места на острие ножа. И этих снежинок наваливает по колено, они лежат, как песчинки в барханах, а когда поднимается сильный ветер, их кружит и метет, как в пыльную бурю. Снег мягче песка, русские дети лепят из него шарики и кидают друг в друга. Или ваяют больших идолов, зовомых снеговиками... Я гостил тогда у Ас-Хальди, тутошнего амира [2]. О, Аллах, как же я мерз тогда! Мое лицо твердело на холоде, изо рта шел пар и оседал на бороде инеем... Иней, он похож на плесень, но тоже из замерзшей воды...

Сарханг заслушался. Халид надел запашной бухарский халат из синей парчи, а поверх натянул белый полотняный яктак без подклада и рукавов. Приблизился тандиль, поклонился и доложил о готовности к отплытию. Вот уже почти две недели он докладывает, что корабль готов. У Халида испортилось настроение. Он отошел к резным перилам, ограждавшим квадратную корму, облокотился, сгорбил спину. Задумался.

Шестой год подряд поднимается он по водам и волокам Великого Волжского пути, и непонятно ведь, что зовет его в эту долгую и опасную дорогу! Нажива? Кто спорит, можно озолотиться на русских мехах. Здесь шкурку горностая покупаешь за пару дирхемов, а в Индии продаешь за двести пятьдесят полновесных динаров. Но разве он был беден? Где его только не носило... Он водил корабли в Синийю [3], за шелком и фарфором, на Яве закупал сандал и камфору, на Цейлоне — топазы, сапфиры, изумруды, панцири черепах, мускус и корицу, на Сокотре — ладан и алоэ. Он побывал во всех портах Савахиля, от Момбасы до Занзибара, набивая трюмы шкурами леопардов, слоно-

---

[1] *Сарханг* — «заведующий причаливанием», старпом.

[2] *Амир* — эмир, князь. Амир ал умаро — князь князей.

[3] В Гуанчжоу.

вой костью и выносливыми черными рабами-зинджами. И разве дом его в Багдаде не был полной чашей? Но стоило один раз побывать в северных лесах, испробовать ледяной воды родников, бьющих здесь чуть ли не под каждым деревом, и нахуза прямо влюбился в эти края, где ночи светлы, а лето походит на южную зиму.

— Я бы не смог прожить здесь целый год! — признался Хасан.— Русы — народ грубый, угрюмый и злобный, а вокруг все такое одинаковое. Столько деревьев и воды!

— Ты неправ,— улыбнулся Халид.— Да, русы суровы и холодны, они — отражение края, в котором живут. Их прямота и честность кажутся тебе грубостью... Мы, пропеченные южным солнцем, улыбаемся чаще, но что в наших улыбках? Лесть, коварство, хитрость, притворство... А русы простодушны, наивны даже, они открыты и дружелюбны и очень гостеприимны. Наверное, это потому, что мало их на просторах севера, вот и тянутся люди друг к другу. А уж если ты стал их товарищем, тогда они готовы поделиться с тобой всем, что имеют, поскольку щедры от природы. Они будут сражаться за тебя и никогда не бросят в беде одного, потому что нет для них более страшного позора, чем трусость. Но не дай тебе Аллах предать их дружбу и нарушить священные законы побратимства. Тогда пощады не жди! Русы могут быть чрезвычайно жестоки и беспощадны, они бойцы по рождению, и никто на свете не сравнится с ними по силе, бесстрашию и умению воевать.

— И все-таки свеи одолели русов! — ввернул Хасан.— И мы одиннадцатый день стоим на этой реке, не решаясь нос высунуть в озеро Онего.

— Двенадцатый день... — вздохнул Халид.— А насчет победы свеев ты заблуждаешься. Сколько их пришло, помнишь? Шесть тысяч. А осталось меньше четырех! И это притом, что воинов в дружине русского амира ал умаро Халеба было пять сотен всего. Русы просто отступили, а когда они перейдут в наступление, воды Мутной реки окрасятся кровью, и это будет свейская кровь.

Солнце взошло над лесом, его горячие лучи сдернули покрывало с Вытегры, возвращая водам блеск и сверкание. В крепости на берегу задымили костры, на стенах сменилась стража. Хасан оглядел длинную полосу причалов. Вся пристань была занята — десятки судов стояли к ней вплотную, уткнувшись кто носом, кто кормой. Кое-где среди арабских судов затесались крутобокие булгарские кумвары и хазарские струги. Купцы из Ширвана и Хорезма, Абескуна и Бухары, Итиля и Дербента толпились на пристани, шушукаясь или громко причитая, призывая в свидетели Аллаха и Яхве, Ахура-Мазду и Будду. Терпение кончалось у всех торгашей.

— Почтенный Халид! — сказал, подойдя к борту багилы, седобородый Асад.— Алла биль хир! [1]

— Алла биль хир! — отозвался Халид, привставая.— Поднимайся на борт, почтенный, угощу знатной кахвой. Мой Юсуф варит настоящую «бинт аль-Йаман».

— С удовольствием отведаю! — расплылся в улыбке Асад и поднялся на борт багилы. Бхандари тут же поднес ему чашечку ароматного напитка.

— М-м-м... — закатил глаза Асад, и бхандари засветился от гордости.

Допив кахву и перевернув чашку, Асад сказал вкрадчиво:

— Как думает почтенный Халид, не пора ли нашему обществу трогаться и плыть?

— Куда? — кратко осведомился Халид.

— К Торгу.

— Торг сожжен! — жестко сказал Халид.— И столицу Русии заняли свеи.

— Именно,— сменил тон Асад.— Свеи. О них и речь. В руках свейского амира скопилось великое множество мехов. Мы можем их купить и благополучно вернуться.

— Меха ворованные... — спокойно заметил Халид.

— Это военная добыча!

— Я смотрю,— усмехнулся Халид,— вы уже все решили. Кто с тобой?

— Махбуб ал-Абди, потом хазарин этот, как его... Тогар сын Янура, Черный Абдалла, Аббас-урганджи... Да почти все. Пойдем, Халид! Ты лучше всех нас знаешь этих северян, а ждать более невмоготу. Каждый лишний день простоя — это дирхемы и дирхемы убытков.

Халид задумчиво цедил кахву. Допил и решительно сказал:

— Шайтан с вами — снимаемся!

Варяги, засевшие в крепости, арабов не задерживали. Ищут купцы приключений на свои задницы? Ищущие, да обрящут!

А Халид радовался. Всему — и тому, что кончилось их томительное сидение, и остатку пути, и грядущим угрозам. А в том, что они плывут навстречу опасностям, нахуза не сомневался. Беда была в том, что купцы, решившиеся плыть Великим Волжским путем, с самого начала готовились к худшему, они всегда были настороже и давали отпор всяким любителям заимствовать чужое добро. Хазары, закупорившие своими землями дельту Итиля, требовали десятину со стоимости това-

[1] Буквально: «Пусть Аллах сделает ваше сидение приятным». Присказка.

ров. Поднимешься повыше — там поджидают челны с разбойниками-буртасами. Еще выше — булгары наседают. И попробуй только дай слабинку — тут же обчистят! Поэтому те, кто ходил к русам в третий-четвертый раз, были людьми тертыми, отборными купцами-воинами. Но! Сколько их в караване и сколько свеев? Вот и думай...

Онежское озеро встретило караван пустынными просторами вод и голыми берегами — ни парус не мелькнет, ни дымком не потянет. И река Сувяр поразила Халида — никто не выходил из лесов, не предлагал меха на продажу. Обычно местные карелы толпами подступали к берегу, предлагая шкурки одна другой краше, и путешествие по короткой реке затягивалось дня на два. А теперь... Будто вымерли охотники! Или ушли...

На озере Нево багилы и завы закачало на мелкой, но крутой волне.

— И тут никого! — озабоченно сказал Хасан, сменяя рулевого — суккан гира.

Халид кивнул, зорко осматривая берег. Показались башни Алаборга, но у пристани города не качалось ни единой лодьи. Даже утлые рыбацкие каюки, и те не лежали на берегу вверх дном, напоминая нильских крокодилов. Выморочный город?..

Ближе к вечеру арабские корабли приблизились к устью Олкоги, к тем бурливым местам, где стремительное течение реки мешало несомую муть с чистыми водами Нево. Как худая затычка для толстогорлого кувшина, посреди Олкоги зеленел островок, заросший травой и дикой смородиной. Березки и елочки тоже покрывали его берега, но не поражали величиной.

— На весла! — разнеслась команда.— На весла!

Северный ветер по-прежнему поддувал в треугольные паруса на косых реях, но уж больно разгонялась стремнина — корабли еле тащились вверх по Олкоге. Гребцы живо прибавили ходу всему каравану.

Когда Халиду открылось пепелище, оставшееся после сожженной Альдейги, солнце уже село. Леса по берегам наполнились сумраком, протянулись длинные тени.

— А крепость цела! — сказал с удивлением Хасан.

— Я вижу... — кивнул Халид.

Надо же, все спалили. Только по серым навалам золы и угадаешь, где стояли дома и как протягивались улицы.

— Деревянные дома! — сказал Хасан с пренебрежением.

— В них тепло зимой,— заметил Халид.— А у нас жара, поэтому мы лепим свои дома из глины...

— Глина не горит! — весомо изрек Хасан.

— Но ее размывает дождь! — парировал Халид.

— Сколько шатров... — пробормотал сарханг, меняя тему.

Нахуза сумрачно кивнул. Свеи были ему безразличны, но именно они пожгли дома русов — его друзей и партнеров. Действует ли тут формула «Враг моего друга — мой враг»? Может, и действует, но следовать ей... Как? В караване ровно тридцать кораблей, а у свеев... Кстати, а где свейские лодьи?

— Что-то я их кораблей не вижу! — удивился Хасан.

— Тем лучше,— проворчал Халид,— будет куда пристать!

Свою багилу он первой ввел в устье Ала-дьоги и причалил близ крепости. Свеи толпой сбежали к пристани, гогоча и махая руками. На лицах их читалось оживление, и у Халида малость отлегло от сердца. Плотная толпа, занявшая все место от стен крепости до реки, раздалась, образуя коридор, и к берегу сошел воин в богатых одеждах. Видимо, это и был свейский амир.

Халасси по знаку тандиля уложили сходни, и Халид сошел на берег, чувствуя себя очень важной персоной, чуть ли не послом.

— Не самого ли великого амира свеев я имею удовольствие лицезреть? — сказал он, кланяясь и прикладывая руку к сердцу.

Прыщавый и перевозбужденный свей с красным, облупленным носом, нашептал амиру перевод, и тот кивнул милостиво — угадал, дескать.

— Ас-саляму алейкум! — поздоровался Халид.

— Ва-алейкум ас-салям! — старательно выговорил прыщавый толмач.— Ахлан ва сахлан, йа хавага! Мабрук! Мабрук! [1]

Амир осклабился и повел рукой, приглашая купцов следовать в крепость.

— Эйрик конунг, сын Энунда,— важно проговорил прыщавый,— зовет всех вас разделить с ним трапезу и поговорить о приятных и важных вещах!

Халид поклонился, мимолетно касаясь рукояти скимитара [2], скрытого халатом. Купцы гуськом двинулись за ним — величественный Асад, юркий Тогар с лицом деревенского хитрована, бывалый Аббас Рахман, хромой, но прыткий Умар, медлительный Али Хагам, порывистый Зариф, скользкий Шакур, молчаливый и основательный Сабир.

Купцов провели в крепость, и сразу за воротами глаза их загорелись алчным блеском — вдоль всей стены были устроены прочные навесы, под которыми висели меха. Целые вороха мехов. Настоящий

---

[1] Добро пожаловать, господин! Благословляю! Благословляю!

[2] *Скимитар* — кривой меч, несколько расширяющийся к концу.

меховой завал. Амир свеев уловил настрой купеческого сословия и хищно улыбнулся. По его приказу прибежали трэли, они тащили столы, уставленные яствами, и расставили их прямо под крайним навесом, так, что пышные меха висели над головами сидящих как обещание дохода, как приманка.

— Свинины на столах нет,— успокоил арабов толмач,— только птица лесная!

Халид усмехнулся. Вдали от родных мест он не был особо верен канонам ислама. Бывало, что и кабаном угощался... Заветы заветами, но и смысла здравого тоже надо держаться.

Изрядно отпив выдержанного русского меду, купец как следует закусил. И больше к еде не притронулся. Амир свеев посматривал на него, прищуриваясь.

— Мы не знаем здешних обычаев,— солгал Халид,— и можем ошибаться в намерениях, но желание у нас одно. Хотим скупить эти меха и отчалить!

Выслушав переводчика, Эйрик кивнул.

— Это также и желание амира! — сказал прыщавый.— Мы готовы уступить отборнейшие меха — сами видите, какие! — за низкую плату, но с одним условием...

Халид насторожился и спросил:

— Это с каким же?

Прыщавый, наклонясь к Эйрику, дослушал негромкий говорок и заявил:

— Уступите на время ваши суда! Мы перевезем раненых к себе домой и вернем вам их! И вы сможете плыть домой богачами!

— Не могу поверить,— Халид подпустил в голос слащавости,— что у такого великого воителя, как амир, наберется столько раненых. Места на наших судах хватит для тысячи человек. Ужели столько воинов мучимы ранами?

Лицо Эйрика отвердело, а голос порезчал.

— Не хотите по-хорошему,— надменно перевел прыщавый,— будем по-плохому. Конунг забирает ваши суда вместе с товаром!

Купцы вскочили, потрясая кулаками и яростно крича:

— Шайтан! Нассаб! Йесхатак! [1]

Эйрик конунг даже не вздрогнул. Выцедив мед, он щелкнул пальцами. Викинги, до этого топтавшиеся на ступенях, ведущих в терем, сбежали вниз, оголяя мечи. Эйрик отдал приказ, и купцов, пихая и

[1] Дьявол! Мошенник! Будь оно все проклято!

пиная, погнали из крепости вон. Халид бежал, подталкиваемый в спину, и соображал, что предпринять. Когда арабов вытолкали на пристань, они стали свидетелями разбоя. Викинги хозяйничали на палубах, сгоняя на берег команды. Самых отчаянных халасси мордовали и скидывали в воду.

Уловив взгляд Хасана, брошенный на него с кормы багилы, Халид кивнул. Сарханг ощерился и закричал протяжно:

— Аллах акба-ар!

И это прозвучало как сигнал. Арабы, до того бестолково метавшиеся по палубам, взревели. В руках их появились скимитары и персидские караджуры. На палубе багилы Халида закипел бой. Двоих викингов зарезали сразу, еще трое быстро опомнились и дали сдачи. На доски палубы рухнул, обливаясь кровью, бхандари Юсуф. Тандиль Маслама не уберегся и тоже упал, хватаясь руками за перерубленное горло.

Матросы Асада, набранные из воинственных бедуинов, наседали на хускарлов, раскраивая тем панцири вместе с кожей.

— Уходим! — закричал Халид, инстинктивно находя единственно возможное решение.— В лес пробиваемся! В лес...

Его крик услышали все, но прислушался не каждый. Мустафа и Асад не смогли оставить свои корабли и свой груз, они бились отчаянно, но скоро, очень скоро крыло ангела смерти Азраила осенило обоих. А халасси не последовали за хозяевами — пестрой толпой попрыгали в реку и поплыли к левому берегу Ала-дьоги.

Свеи свистели и орали арабам вслед, воспринимая их бегство как бесплатное зрелище. Стрелки пускали по убегавшим купцам стрелы, но не с целью убить — свеи просто развлекались.

Мокрый и злой, Халин выбрался на берег, весь перемазавшись в глине. Не сдержался и погрозил другому берегу окровавленным скимитаром:

— Мы еще вернемся!

Сотни свеев, наблюдавших за спектаклем, как с рядов амфитеатра, издали восторженный рев, переходящий во взрывы гомерического смеха.

— Уходим! — рявкнул Халид.

Хасан, раненный в ногу, быстро захромал на север. Человек триста купцов, их помощников, охранников-гулямов, мореходов — перепуганных, разъяренных, потерянных, отчаянно взывавших к Аллаху — бегом добрались до лесополосы за северной околицей Альдейги.

— За мной! — крикнул Хасан, уводя соплеменников на запад, мимо курганов.

Арабы, никогда не бывавшие в лесу, если не считать таковым рощи финиковых пальм, вломились в заросли, держа на запад.

Начало темнеть, когда они вышли на край огромного болота.

— Стой! — закричал Халид.— Это зыбучая земля. Если провалишься — засосет. Попробуем обойти!

— Что ты раскомандовался?! — крикнул Шакур.

Халид выхватил меч и уткнул его в грудь Шакуру.

— Командовать вами буду я,— мягко проговорил он,— потому что я единственный из вас, кто жил здесь и знает, как тут выживают. Если ты не согласен, то ступай, куда хочешь. Хоть в болото...

Шакур вспыхнул, но, оглядев хмурые лица купцов, угомонился.

— Веди уж,— буркнул он.— Йесхатак!

Халид бросил скимитар в ножны, повернулся, чтобы идти, и тут заросли можжевельника перед лицом его раздвинулись, и на тропу вышел светловолосый розовощекий гигант.

— Ас-Хольди! — вырвалось у Халида.— Это ты?!

— Узнал! — гулко захохотал Аскольд сэконунг.— Что, влипли, торговые гости?

— Амир свеев отобрал наши корабли,— признался Халид со стыдом.

— Понятно... — протянул сэконунг.— Его-то лодьи мы пожгли. Вот он и вертится, как уж на сковородке. А что ж вы в нору к волку полезли? Что, решили по дешевке краденое скупить?..

Халид готов был на месте от позора сгореть.

— Ладно, гости дорогие,— проворчал Аскольд.— Пошли! Поздно уже...

Молчаливые варяги, вышедшие из леса, вложили в ножны мечи, словно повторяя движение Халида, и сделали приглашающий жест, пропуская гостей вперед.

Шли долго, но вот что интересно — чем дальше в дебри заходил Халид, тем больше народу встречал по дороге. Словно все те, кто покинул берега Онего и Суваяр, сбрелись сюда. Купцы, ведомые варягами, выходили на полянки, где горели костерки, кругом которых сидели вооруженные люди. Иногда их тропу пересекала другая, и смутно видимые воины со щитами и при топорах пропускали их мимо. Из лесу доносились глухие голоса, а где-то очень далеко, на грани слышимого, звенел молот кузнеца.

— А ты прав,— негромко сказал Хасан,— здесь готовится наступление...

Халид молча кивнул, потом подумал, что сарханг может и не заметить его кивка в темноте, и сказал вслух:

— Да, что-то они тут затевают...

Неожиданно лес кончился, и арабы вышли на обширный луг, сплошь заставленный шатрами и шалашами. Горели десятки костров, бросая блики на сотни доспехов и лезвий. Гул голосов поднимался к первым звездам, создавая впечатление огромной массы народу, грозной силы, обороть которую никому не дано.

Аскольд устроил купцов у свободных шалашей и землянок, а Халида, Хасана и Сабира повел с собой, представляться Улебу конунгу.

Амир ал умаро выглядел усталым, но довольным. Он сидел на бревне у костра и глядел на арабов поверх огня.

— Ас-салям, о халиф русов! — начал Халид, подлащиваясь к конунгу.— Да сопутствуют тебе удача и счастье! Наши головы покрыты позором, позволь нам встать под твою руку и смыть его кровью!

Улеб конунг кивнул, принимая предложение, и сказал:

— Готовы, значит, драться со своими?

— Аля хашни! — выпалил Халид, опомнился и сказал то же, но по-русски: — Готов для тебя на все!

— Поведешь тогда своих... Врежем своим!

— Когда? — жадно спросил Халид.

— Через два дня. Ударим на рассвете. Не хотят свои по правде жить, тогда пусть боятся правды! А закон мы с собой носим,— усмехнулся конунг.— В ножнах!

2

Вымотанный за долгий и трудный день, Халид проспал до утра и очень удивился, обнаружив над собою сплетение веток, а не потолок крошечной каютки. Память быстро вернула его в явь, да и вид из шалаша открывался достаточный — обширный луг в окружении сосен весь был заставлен временным жильем. Кожаные шатры гридней стояли ровными рядами, шалаши и землянки гражданских — вразброс. На зеленой траве выделялись черные пятна кострищ, сотни копий были сложены в пирамиды, щиты лежали навалом. А люди постоянно двигались, не в силах усидеть — бродили, собирались в компании и толковали о своем, сходились и расходились. Народу собралось — тыщи! И вся эта громадная толпа галдела на все лады. Командиры отдавали приказы, подчиненные бежали их исполнять. Детей, чтобы не

путались под ногами, собрали вместе, под присмотром замужних женщин, знавших, как обращаться с ребятней. Непоседы сидели смирно, видать, прониклись серьезностью момента.

Халид выбрался из шалаша, нацепил скимитар поверх халата и пошел искать своих.

Обойдя почти половину луга, он увидел девушку, выходящую из леса, и будто споткнулся. Что заставило Халида замереть, а сердце его забиться учащенно? Девушка была хорошенькая, но мало ли хорошеньких кругом? Что-то еще было в ней, невыразимое, но до боли приятное, западающее в душу... Большие серые глаза, в которых угадывался ум и блестела печаль? Мягкая походка, легкая улыбка? Что?..

— Здравствуй! — выпалил Халид.

— Здравствуй,— ответила девушка. В руках она несла целую охапку лечебных трав и прятала лицо в листьях.

— Не сочти меня невежей... — начал Халид.— Скажи, как имя твое?

— Меня зовут Дана,— улыбнулась девушка.— Так и будем стоять? Пошли, мне нужно отнести эти травы нашей лекарке...

Халид так закивал головой, что с нее едва не свалилась чалма.

— А тебя как зовут? — спросила Дана.

Халид, проклиная свое тупоумие, представился:

— Абу-Зайд Халид ибн ал-Йазид ас-Самарканди!

Дана округлила глаза:

— Такое длинное имя?!

— Нет, совсем не длинное! Имя мое — Халид, а все остальное — приставки. «Абу-Зайд» — это кунья по имени сына, а Йазидом звали моего отца...

— Получается,— оживилась Дана,— что ибн ал-Йазид по-нашему будет «сын Йазида»?

— Точно.

— А там еще было что-то ас... Ас с чем-то...

— Ас-Самарканди! Это нисба, и значит она, что я родом из города Самарканда.

— А далеко это?

— Очень! — признался Халид.— Правда, я покинул Самарканд, когда мне еще не исполнилось двенадцати зим, и больше не бывал там.

— И где ты тогда живешь?

— В городе Багдаде, столице Халифата! Вы называете Халифат Сёркландом...

— А-а... — протянула Дана, нюхая травы.— А Багдад... он большой?

— Очень большой! Там живет миллион человек!

— Миллион? — повторила Дана.— А это много?

— Сколько живет в Альдейгьюборге?

— Десять тысяч! — гордо ответила Дана.

— А в Багдаде — в сто раз больше.

— В сто раз?! — впечатлилась Дана.— Ничего себе...

Дана вошла под широкий навес, где хлопотали лекари, и передала им собранные травы.

— Ты сказал, что у тебя есть сын,— напомнила Дана,— а жен у тебя сколько?

— Две,— сказал Халид,— Лейла и Фейруза.

— Красивые имена!

— Да... Лейла — значит ночь, а Фейруза — это бирюза по-вашему. Видела бирюзу? Каменья такие, голубые, а есть сине-зеленые.

— Ты их любишь? — прямо спросила Дана, и Халид не почувствовал подвоха в вопросе девушки.

— Люблю, наверное... — промямлил он.— Лейлу в жены мне выбрал отец, и я не видел лица невесты до самой свадьбы... Фейрузу я встретил сам, а сейчас хочу ввести в дом третью жену...

— А ее как зовут?

— Дана.

Девушка-ведунья весело рассмеялась и кокетливо погрозила пальчиком.

— Ишь ты его! — сказала она насмешливо.— Разгон какой взял!

Лицо ее приняло задумчивое выражение.

— Меня еще никто замуж не звал,— призналась Дана.— Приятно... Но время-то какое! — вздохнула она тяжко.— Скоро уж битва, и кому из нас доведется выжить, а кому не повезет?.. Ты же не будешь прятаться и беречься? Ну вот... И нам с Чарой придется побегать, раненых выносить...

Халид торопливо покивал, понимаю, мол.

— Дана,— сказал он с волнением,— сам не знаю, как это получилось. Не верил, что так бывает, но вот же — случилось. И не с кем-то, со мной... Проснулся я, и ведать не ведал, что есть на свете девушка по имени Дана. И вот узнал... И хочу быть с нею! Я все равно разыщу тебя, когда свеев прогоним. Я прилипчивый! А выживу или нет, на все воля Аллаха.

— Аллах — это твой бог? — полюбопытничала Дана.

— Это и твой бог,— улыбнулся Халид.— Аллах — всемогущий и всеведущий, и нет бога, кроме Аллаха.

— А Перун? — нахмурилась Дана.— А Велес? А Хорс?

— Может, то, что ты разделяешь на Перуна, Велеса и прочих, всего лишь разные ипостаси единого бога?

Дана задумалась.

— Может, и так,— признала она неохотно.— Давай не будем про богов, а то обидятся еще, а послезавтра бой.

— Давай,— улыбнулся Халид.— Скажи, а потом, после войны, кому мне нести калым за невесту?

— Калым?

— Так говорим мы. Вы говорите — мунд или вено.

— А не к кому! — грустно сказала Дана.— Отца с матерью я не помню, с дедом жила. А деда убили свеи...

— Я отомщу им за твоего деда!

— А я уже отомстила ихнему конунгу! — усмехнулась Дана и махнула рукой, словно отгоняя неприятности и мерзости жизни.— Пойдем погуляем?

— Пошли! — обрадовался Халид.

И они пошли. Медленно пошагали кругом луговины, держась за руки, поглядывая искоса друг на друга, и было им хорошо.

3

Дана, переодевшись в рваную рубаху, нацепив поверху поневу, изгвазданную донельзя, укутав пышные волосы платком с прожогами от искр, осторожно вышла на окраину Альдейги. Впрочем, что околица, что центр — пожар все уравнял. Был город, стала пустошь.

Дана взошла на холмик, где раньше стояла изба дядьки Урхо, и осмотрелась. Свеи крепили оборону — по размашистой дуге копали ямы и рвы, насыпали валы, таскали на верх тех валов сучковатые стволы елей или плели по два тына за раз, засыпая промежутки землею. Эта внешняя укрепленная линия защищала подходы к линии внутренней, обводившей то место, где раньше был торг. А в середке стояла айдельгьюборгская крепость. «Готовятся свеи!» — подумала Дана и пошла потихоньку, сутулясь и шаркая ногами в старых лаптях, изо всех сил изображая побирушку. В холщовой суме, перекинутой через плечо, девушка несла тяжелый горшок с наглухо запечатанной крышкой.

Хускарлы, голые по пояс, лоснящиеся от пота, только на миг отрывались от порученного им дела, взглядывали на нищенку, похохаты-

вая и перебрасываясь шуточками, и снова вгрызались в землю лопатами, ломами, кирками. Дана брела вдоль линии укреплений, высматривая слабые места, а чтобы отвадить от себя похотливых самцов, хромала и пускала слюну с выпяченной губы — ни один хускарл не польстился на такую «красотку».

Острый, внимательный взгляд Даны отмечал все — настроение воинов (подавленное), разногласия между ледунгом и викингом (нешуточные). И вдруг она увидела своих. Дана пригляделась. Нет, ошибки быть не могло — ухватившись за ручки колоды-трамбовки, уминали глину карелы. И среди них... Райво!

— Д-д-д... дайте х-х-х... хлебушка! — старательно выговорила Дана фразочку, переводя на корявый свейский и довольно убедительно заикаясь.— Т-т-т... третий д-день не емши!

Райво вздрогнул, узнавая голос, но не видя знакомого лица. Отряхнув руки, он сошел с вала и подошел ближе.

— Кто ты? — спросил Райво по-русски.

— Неужто не признал? — усмехнулась Дана, «забыв» про заикание.

— Ты?! — вытаращился Райво.— Что ты здесь делаешь?!

— А что здесь делаешь ты?! — резко сказала Дана.— Год назад ты клялся мне в любви, а теперь?! Верно служишь свейским собакам?!

Райво побледнел и сжал кулаки.

— Ударить хочешь? — ласково спросила Дана.— Бей! Что мне терять? Моего деда повесили свеи, и еще у многих наших братьев и сестер они отобрали добро и сами жизни. И ты пошел в помощники этим ненасытным хорькам?! Кто же ты тогда?!

— Замолчи! — зашипел Райво. Оглянувшись, он сунул Дане горбушку хлеба, намазанную салом.— На... Грызи и слушай! Нас пригнали сюда, а старейшин рода свеи держат в заложниках. И если мы обратим оружие против свеев, старейшин убьют.

— Ты считаешь,— тихо сказала девушка,— что старцы будут благодарны вам за сохраненные жизни? Сохраненные ценой подлого предательства?

— Иди ты, знаешь куда?! — нагрубил Райво.— Нашлась тоже... А что мне, по-твоему, делать?!

— Помочь нам! — твердо сказала Дана.

— Кому — нам?

— Варягам! Конунгу гардскому и всем, кто с ним! Арабы вон, и те с нами!

Райво напрягся.

— Говори! — сказал он глухо.

Дана кивнула.

— Какая у свеев главная беда, смекаешь? — спросила она.

— Лодий у них нехватка! — ухмыльнулся Райво.— Эйрик давно бы сбежал, но кто он без гриди? Если он бросит своих, от него отвернутся все, и помирать тогда Эйрику в нищете и позоре.

— Свеи отобрали корабли у арабов... — напомнила Дана.

— Этого не хватит даже на половину войска! Но свеи строят новые лодьи...

— С этого места — подробнее!

Райво почесал в затылке и продолжил:

— Сколотили три лодьи, большие — каждая на две сотни человек! Они уже почти готовы, эти лодьи, осталось только мачты поставить. Скорость у них будет невелика, да и делали их тяп-ляп, но свеям лишь бы до родных берегов добраться! А вчера еще шесть лодий заложили...

— Эй! — раздался грубый голос.— Что стоим? Почему не работаем?

Дана глянула из-под платка на подошедшего свея, по виду — непоследнего в строю.

— Да вот,— зачастил Райво с ноткой угодливости в голосе,— встретил тут одну из нашего рода. Уродина страшная и тямом скорбна, а все ж жалко!

— Заканчивай! — проворчал свей и отошел, косолапя.

— Уродина я, значит? — улыбнулась Дана.

Райво побурел.

— Да я ж... — затрепыхался он.

— Понимаю, понимаю! — остановила его девушка.— Эти лодьи... Сможешь их пожечь?

Райво не испугался, задумался только.

— Не знаю даже... — протянул он.— Там такая охрана. С огнем меня и близко не подпустят!

— А ты не с огнем придешь! — Дана сняла с плеча суму и сказала тихо: — Тут у меня горшок, а в том горшке зелье особое, смесь Навкратиса Афинского...

— Нава... Как-как? — не понял ее Райво.

— Неважно! Главное, зелье это поджигать не нужно, оно от воды загорается!

— От воды?! — изумился Райво.

— Да! Плеснешь на лодью зелье, плюнешь на него — и готово. Заполыхает так, что любо-дорого!

— И не потушишь ничем?

— Так именно! Ну как, берешься?

— Дана,— сказал Райво нежно.— Берусь, конечно. И даже не для Улеба конунга, а тебя ради. Давай свой горшок...

Свеи начали оглядываться на заболтавшуюся парочку, и самый бдительный — то ли Свен, то ли Сван — направился к ним.

— Уходи! — бросил Райво и живенько перепрятал горшок с зажигательной смесью, сунув его в ров и присыпав землицей.

Дана поспешно похромала к лесу. Сван потоптался, раздумывая, бежать за убогой или не стоит, и решил не тратить зря сил.

Тем же вечером, когда по всему берегу зажглись костры и от котлов с кашей потянуло сытным запахом, Райво решился. Карелы сидели отдельно от хускарлов, у своего костра. Доев порцию и не почувствовав вкуса, Райво собрал у родичей пустые горшки, поставил их на тот, что был полон зелья, и понес к реке.

Путь его лежал как раз между двух новеньких лодий, сверкавших желтизной тесаного дерева, и бдительная стража встрепенулась было, глянула грозно.

— Да мне сполоснуть... — буркнул Райво, демонстрируя посуду, и стражники расслабились. Ничего огнеопасного? Проходи!

Лодьи лежали на боку, так, что один из бортов был человеку по пояс. Райво покачнулся, якобы удерживая падавшие горшки, и горючая смесь Навкратиса Афинского выплеснулась на грубо оструганные доски палубы. Порядок...

Тем же манером Райво облил борт соседней лодьи и плюнул на пролитое. Жидкость зашипела, потянулся едкий дымок...

Райво спустился к берегу и зачерпнул пустым горшком воды.

— Горим! — заорали от костров.— Лодьи горят!

Крики тревоги разнеслись по лагерю свеев, поднимая переполох. Один из стражников выскочил на берег и крикнул Райво:

— Эй! Воды, живо!

— Щас! — с готовностью отозвался Райво.

А лодья, подожгла кою его слюна, уже горела жарким пламенем. Подбежав, Райво сделал вид, что споткнулся, и плюхнул водичку на лодью по соседству. Брызги упали на зелье и заскворчали, завились сизым дымом.

— Лей! — рявкнул стражник.— Косорукий!

Райво ливанул. Полыхнуло так, что стражник отшатнулся.

— Ты что льешь, скотина?! — заверещал он, прикрываясь рукой от жара.

— Воду! — вытаращился Райво.— Да вот же!

Он сунул горшок стражнику под нос. Стражник сунул руку, понюхал пальцы. Действительно, вода!

— А в этом что?

Стражник погрузил мокрую ладонь в горючку и заорал благим матом — кисть его горела. Огонь торопливо и жадно пожирал плоть. Стражник завертелся, пытаясь обтереть руку о потную рубаху — вспыхнула и рубаха. Райво не стал дожидаться, пока горшок с горючкой сожжет его самого, и перекинул сосуд на третью лодью. Горшок возгорелся в полете. Шар яркого огня пал на лодью, прокатился по доскам от борта до борта.

— Горим! — заорал Райво.

Подбежавшие свеи ничего не могли понять: на земле выл и корчился хускарл, поглощаемый жарким пламенем. Пригнанный карел плескал на него воду из реки, а огонь только пуще разгорался.

— Не берет вода! — закричал Райво.— Глядите!

Он вылил остаток воды на лодью. Огонь, расползавшийся по палубе, подкрепился и загудел, разметался, набирая силу.

— Дурак! — заорал на него викинг с бельмом на глазу.— Больше надо воды!

Подхватив котел с остатками каши, он добежал до берега, набрал воды и подтащил, с натугой переваливая через борт. Пламя заревело, терзая доски и брусья, охватило всю палубу, протекло струйками по осмоленным бортам. Викинг, побледнев, оступил.

— Колдовство! — взвизгнул он и вперил мосластый палец в Райво.— Это он наколдовал, финн проклятый!

Свеи, обрадовавшись, что им, наконец, указали на врага, взревели громче пламени. Десятки рук ухватились за Райво.

— К конунгу его! — орал бельмастый.— Врежем колдуну орла!

— Вер-рна! — взревела толпа.

— Вы чего?! — вопил Райво.— Я ж свой!

Но толпа не слушала его. Толпа остро нуждалась в жертве, на которую можно списать ротозейство охраны.

Эйрик конунг сам выбежал на берег.

— Что?! — побледнел он, завидя пылающие лодьи, и проскрежетал: — Кто?!

— Вот! — с торжеством доложил бельмастый, швыряя на землю Райво.— Колдуна словили! Водой жег лодьи!

— И Оттара спалил, гад такой! — выкрикнули из толпы.

Конунг аж посерел от злости.

— Лодьи жечь, т-тварь?! — выдавил он.— На кол его!

Толпа взвыла от восторга. Пара хускарлов кинулась исполнять приказ.

— Заострите хорошенько! — командовал Эйрик Энундсон.— И салом смажьте — хорошо пойдет!

— Га-га-га-га! — зашлась толпа.

— Не виноватый я! — взвыл Райво, извиваясь в крепких руках великана Белого.— Да какой с меня колдун, вы чего?! Гляжу, загорелась лодья! А Оттар и кричит — туши, мол! Лей! Я и лью!

— Врет! — забасил Дюк Славянин.— Лично видел, как он плюнул на палубу — и сразу дым.

Толпа загомонила, исходя злобой. Больше всего свеи хотели покинуть пределы Гардов — вместе с добычей, разумеется! И вот какой-то чудодей из «этих финнов» палит их лодьи. Их надежды, их мечты... Да как такое простить?!

— Это я вру?! — зарычал Райво.— Ах ты, хряк свейский!

Он вытянулся и харкнул на Дюка. Викинг завизжал, отпрыгивая и с ужасом глядя на плевок, стекавший по кольчуге. Райво захохотал:

— Что — испугался?!

Эйрик Энундсон поднял руку, и гвалт утих.

— Так и быть,— сказал конунг с бледной улыбкой,— мы не будем сажать тебя на кол!

Ропот прошел по толпе.

— Мы врежем ему орла! — гаркнул Эйрик, и войско зашумело, поддерживая и одобряя своего вождя.

Райво побледнел. Надежды на избавление угасли в нем, осыпались золой. Он выпрямился и в упор посмотрел на Эйрика.

— Мою муку я приму,— сказал Райво,— вытерплю, докуда смогу. А ты, сволота венчанная, так ничего и не понял! То не я пожег ваши корыта, а боги. Не любы вы Перуну!

— Ах, вот как! — заговорил ласково Эйрик.— Если Перун так могуч, чего ж он не пожег всех нас?

— А зачем? — ухмыльнулся Райво.— Боги забавляются. Им приятно наблюдать, как тает твое войско, конунг! Как твои хваленые викинги каждый день обсераются от страха, находя дозорных прирезанными. И боги ждут, когда варяги разделаются с вами. О, им недолго ждать! Слышите, вы, сыны свиней?! — возвысил голос Райво.— Всем вам выпустят кишки! Все вы сгниете в гардских землях, ибо никому из вас не разожгут последнего костра! А ты, конунг долбаный, может, и вывернешься — больно скользок! — но попомни мои слова: я уйду к предкам мужчиной, а вот ты не нужен более ни одной женщине!

— Заткнись! — трубно взревел Эйрик.

— А я все сказал,— хладнокровно сказал Райво.

— Ты будешь жалеть о своих словах,— измолвил, сдерживаясь, Эйрик.— Но недолго!

— Да пошел ты... — выцедил Райво.

В нем родилось удивительное ощущение инобытия — словно и не его собирались казнить лютой казнью, а другого Райво, а он стоит рядом, не видимый ни для кого, и смотрит, жалеючи.

— «Красного орла» этой падали! — прорычал Эйрик.

Райво схватили и положили лицом вниз на огромное бревно, заготовленное для киля лодьи.

— Дозволь мне! — попросил Дюк Славянин.

— Давай... — буркнул Эйрик, впадая в черную депрессию.

Дюк вытащил нож и встал над Райво.

— Приступай, смельчак! — подбодрил его Райво.— Не бойся, я же привязан!

Дюк оскалился и воткнул лезвие ножа в голую спину Райво. Воткнул неглубоко, рядом с хребтом. Медленно, одно за другим, отделил ребра. Райво не вскрикнул, только утробный сип выдавливался у него из гортани, да пот катился по белому лицу. Дюк вырезал косточки и с другой стороны, сунул пальцы под трепещущую плоть, сочащуюся кровью, и вывернул ребра наружу. А потом показал «кровавого орла» — ухватил пальцами розовые легкие Райво и вытащил их со спины, будто крылышки. Райво хотелось выть, но не было воздуху в скомканных легких. А потом сердце Райво разорвалось, не выдержав боли.

Глава 17

Кнорр купца Удо потихоньку выгребал в море — и окунался в туман. Скоро уже все окружающее растворилось в белесой мге. Звуки делались глуше, сырой воздух отдавал солью и водорослями. Олег стоял, держась за мачту, и пытался хоть что-нибудь разглядеть за «дымовой завесой», но тщетно.

Покашливая, приблизился Удо сын Онева. Купец сутулился и выглядел больным.

— Опять все отсыреет... — ворчал он.— Где солнце? Хоть Хорсу молись!

Неожиданно он схватил Олега за правую руку, кто-то, подкравшись сзади, заломил левую, а третий неизвестный ловко выхватил Олегов меч из ножен. Сухов отчаянно рванулся, и его с размаху припечатали спиной к мачте.

— Не балуй! — спокойно посоветовал Удо, разглядывая поданный ему хазарский меч.— Ничего, так, клиночек. Острый...

И он ловко срезал у Олега с пояса кошелек.

— Пусти, сука! — крикнул Олег в бешенстве.

Удо посмотрел на него с укоризной.

— Ругается еще... — вздохнул он и ударил кулаком под дых, коротко, без замаха.

Олег задохнулся на мгновение и ответил, ногой съездив купцу по коленке.

— Ай!

Морщась, Удо отпрыгнул и протянул руку в туман, требовательно пощелкивая пальцами. Из тумана протянулась рука дающего, держащая кнут.

— Экий бычок норовистый! — добродушно проговорил Удо. Замахнувшись, он стегнул Олега, распарывая ему рубаху. Поперек груди набухли капельки крови из рассеченной кожи.

«Только бы грамотку не задел!» — мелькнуло у Сухова.

— Продолжать? — спросил Удо с прежним добродушием.

— Довольно...

— Я тоже так думаю,— согласился Удо.— Боос! Чамота! На весло его!

Два здоровенных морехода, державших Олега, провели его на нос и усадили на скамью у правого борта. Худой, но жилистый старикан с отрезанными мочками ушей и татуировкой на щеке, толстым кожаным ремнем ловко привязал левую ногу Олега к скамье и затянул хитрый узел.

— Людей нехватка,— объяснил Удо, жуя новый кусок сала.— Что сидишь? Греби давай!

Косолапый, перекособоченный Боос выразительно щелкнул бичом. Олег выстроил трехэтажную конструкцию из самых отборных матов, но на Удо с Боосом его монолог не произвел особого впечатления.

— А с тобой что делать будем? — повернулся Удо к Пончику.

— Пончик! — крикнул Олег на русском образца двадцатого века.— Прогибайся!

— Не вели казнить! — завопил Пончик, падая на колени.— Лекарь я! Пригожусь тебе!

— Лекарь, говоришь?.. Правду ли баешь?

— Проверь!

— Хм... — глубокомысленно выразился Удо, поискал и нашел решение вопроса: — А вот у меня в горле першит! Лечи, давай!

— Это мы мигом! — засуетился Пончев.

Бросившись к своей сумке, изрядно похудевшей за время пути, он нашел сушеную малину и потребовал:

— Вода потребна! Чашу хорошую, и чтобы кипяток!

— Борис! — гаркнул Удо.— Нагрей лекарю воды!

— Много ли? — раздалось тягуче из тумана.

— С полкотелка!

— Подождать надобно...

Олег сцепил зубы и стал тягать весло. Прямо перед ним шевелились лопатки впередисидящего гребца. Всякий раз, наклоняясь вперед, гребец сгибался так, что у него проступали все позвонки, напоминая гребень земноводного. А когда разгибался, на Олега накатывал тяжелый дух давно не мытого тела.

— А мы точно в Старигард идем? — спросил Сухов.

Впередисидящий глянул на него краем глаза.

— Точно... — буркнул он.

— Тогда ладно! — сказал Олег.— Потерпим!

Солнце поднялось повыше, и туман стал редеть, открывая морские дали. Кнорр шел, забирая к северо-западу. Берег по правому борту не пропадал из виду, так и тянулся волнистой полосой, а слева стелилась песчаная коса, близнец Неринги, и казалось, будто покрывшие ее сосны росли прямо на волнах. Задул ветер с юга. Боос с длинным как жердь Чамотой поднял парус, и гребцы убрали весла.

— Вскипело! — высунулся из-за мачты мордатый Борис.— Кому тут полкотелка?

— Мне! — отозвался Пончик.— Чашки есть?

— А то!

Борис покопался в сундучке с посудой, погремел и достал глиняную чару.

— Во!

— Пойдет! — бодро сказал Пончик.

Запарив в чаре малину, он дал выпить настою Удо и велел купцу закутаться.

— Ух ты! — изумился тот, выхлебав снадобье.— Враз потом прошибло!

— Вот сиди и потей! — сказал Пончев назидательно.— С потом хворь выходит!

— Ладно тогда,— смилостивился хозяин корабля.— Живи!

— Благодарствуем! — поклонился Шурик, пряча гримасу.

Потекли часы плавания. Кнорр обогнул широкую песчаную косу, прикрывавшую Эстмере, и вышел в открытое море. Там сменили курс, повернув на запад, и парус пришлось опустить.

— Весла на воду! — распорядился Удо, потея под толстой кошмой.— Живо!

Гребцы мигом окунули весла и налегли.

Последним к работе приступил Олег. Сидел он ближе всех к форштевню, потому и весло ему досталось самое длинное и тяжелое. На варяжской лодье место это считается почетным, его занимают лучшие бойцы, а на кнорре такая «честь» больше схожа с наказанием. Со своей скамьи Сухов видел всю палубу, до самой кормы, где горбатились такие же рабы, как и он. Рабы? «Мы не рабы,— усмехнулся Олег, откидываясь с веслом,— рабы не мы! Я вам еще устрою...»

Кнорр не уходил далеко в море, не удалялся от берега, занесенного дюнами, с островками сосновых лесков. Поморье. Померания. Поляки пока только принюхиваются к запаху моря, но скоро уже предки заносчивых шляхтичей устремятся к этим берегам.

Ветер переменился, дунул с севера. Рей толчками пополз на мачту, хлопая раздуваемым парусом, и гребцы снова убрали весла, откинулись к бортам, сипло вдыхая соленый воздух.

Гребец, что сидел перед Олегом, спросил глухо, не поворачивая головы:

— Как звать тебя? — Его русский был далек от совершенства, но внятен.

— Звать Олегом.

— А мое имя — Прийду,— представился товарищ по несчастью,— я из племени эстов.

— Слушай, Прийду,— тихо заговорил Олег,— а тебе не приходило в голову, что кнорр можно захватить? Пустить Удо и всю свору рыбам на корм и самим плыть? Или в пираты податься!

— Пир... что?

— Ну, как их тут называют... «Тигры моря»! «Морские братья»!

Прийду прыснул в мозолистый кулак и захихикал, мотая нечесаной головой.

— А Удо кто, по-твоему? — еле выговорил он.— Он и есть морской брат. Его по всем берегам знают. Он по Висле шнырял, набирал товар. А потом арабам все продал — дюжину славянских невольниц. Моравок, чешек... А теперь отдыхает Удо, плывет в Старигард, янтарь ве-

зет. А ты, как последний тупица, сам полез к нему на борт! Подумал бы, ну кто на Висле пристает к берегу, если не разбойник?

— Во как...

— Да, вот так. А ты, я вижу, задиристый, не сидится тебе! Так я недосказал о том, кто был до тебя. Звали его Глеб, выступной был... Кинулся вчера на Удо, а тот ему — раз! — и голову с плеч. И за борт, рыбок твоих кормить...

— И что это меняет? Да будь он хоть сэконунгом! Что, так и будешь за веслом сидеть?

— А куда ты бежать собрался? — разозлился Прийду.— В море прыгнешь? Давай! Сигай. До Гардов отсюда, знаешь сколько топать?

— Знаю,— коротко сказал Олег и смолк.

Что проку тратить слова на раба, страшащегося выйти из рабства? Быдло, оно и есть быдло. Вопрос в том, как ремень кожаный перерезать... Крепок, зараза! Сырой был, когда вязали, а теперь усох, и узел затянулся, твердым стал, будто из кости выточен.

Стемнело, и Удо приказал править к берегу. Кнорр завели в устье крошечной речушки и привязали канатами к деревьям. «Морские братья» сошли на берег, развели костры, подвесили над огнем котел. А гребцов оставили ночевать на палубе, на всякий случай связав руки.

Олег сидел у борта, нахохлившись. Злость то разгоралась в нем, то пригасала, прячась, как угли в пепел. Что сейчас в Гардах творится? Кто взял верх? Может, все уже, и наши разбиты? В летописи было сказано, что Рюрика призвали, но вот даты везде разные указаны — выбирай любую! И не окажется ли прав Нестор, назвавший 862 год? Сейчас же все от него, от Олега, зависит. Надо бежать, скакать, лететь к Рюрику, а как?

— Чтоб вас всех...

Ночной ветер донес до Сухова запах с берега. Это был запах мясной похлебки. Как есть хочется... Рабы беспокойно заворочались, завздыхали. Если их и накормят сегодня, то достанутся им лишь объедки. Двое дозорных перебрались с берега на палубу и разлеглись, лениво споря, высасывая, судя по звукам, мозг из кости и обгрызая мякоть.

Вдруг Олег заметил третью тень, смутную, застившую мачту, на гладком дереве коей плясал блик костра.

— Олег! — тихо позвал Пончик.— Ты где?

— Здесь я! — откликнулся Сухов.

Пончев двинулся на голос, нащупал Олегово колено и опустился на палубу.

— Держи,— сказал Пончик шепотом.

Связанные руки Олега ощутили что-то липкое и теплое.

— Что это?

— Мясо.

Больше ничего объяснять Сухову не нужно было. Нащупывая зубами мясцо, он вгрызся в сочный кусок, испытывая наслаждение от тупого поглощения пищи.

— Слушай, Олег,— зашептал Пончик Сухову на ухо,— я там подслушал... Короче, где-то через сутки мы подгребем к Йомсбургу, это город такой, в устье Одры...

— И что? — промычал сын Романа с набитым ртом.

— Вот...

Сухов ощутил касание холодной стали — Шурик сунул ему нож за короткое голенище сапога.

— О'кей! — шепнул Олег словечко, неведомое в этих временах.

Минули сутки. Унылые берега Поморья все так же тянулись по левому борту, угнетая своей пустынностью. Один лишь раз забелели жалкие домишки местных рыбарей, и снова пустоши, снова битые ветрами сосны, снова навеянные дюны. К вечеру ветер стих, и до устья Одры добирались на веслах. Ночь простерлась над морем, пала темень, в которой перемешались и стали неразличимы суша и вода, но Удо опоздание не пугало. Скоро Олег понял, почему.

Когда кнорр достиг тех мест, где Одра впадала в море, на горизонте ярко засветился «горн вулкана» — йомсбургский маяк. Величайшая редкость на севере, маяк не поражал архитектурными изысками — обычная башня, рубленная из дерева, только самый верх был обмазан толстым слоем глины и выложен камнями. Всю ночь на площадке «горна вулкана» жгли большой костер, посылая сигнал плавающим и путешествующим — здесь гавань!

Йомсбург вообще был необычен. Занимая место в коренных землях вендов, Йомсбург оставался колонией норманнов, их так и звали — йомсвикинги. Как они уживались с воинственными вендами? Да неплохо уживались. Велений рейксов и жрецов-гриве вендских слушались, но и своего не упускали. Как только вендский рейкс объявлял военный поход, йомсвикинги были тут как тут. Дорестад грабить? Любо... Гамбург брать? Лады... Но никогда йомсвикинги не дрались с варягами, что с гардскими, что с местными, вендскими. Почему? Да потому что все вперемежку звались «тиграми моря» и, будучи «морскими братьями», не выясняли особо, кто из них полосатее. Шли на абордаж одной толпой и добычу делили по-братски.

К пристани кнорр подтащили на буксире — к борту подвалили две большие лодки, Удо сунул в каждую по дирхему, и невидимые во тьме гребцы рьяно взялись за дело — зацепили кнорр канатами и погребли. Бревенчатый причал был высок, задираясь выше борта кнорра. На берегу, освещая стены крепости, горели костры, метались тени, слышались голоса.

— Комит ут!

— Велькомнир, Удо! Дрекка?

— Йа! Оль ок свинакьот!

— Яйе, куннинги! Пу скалт дрека мед мер!

— Йа, готт ок вель! [1]

Народу было много, и Удо не стал связывать рабов на ночь: куда они денутся в городе, где каждый второй — воин?

Олег терпеливо ждал, пока шумство на пристани поутихнет, но напрасно. Пьянка-гулянка только набирала обороты — у костров уже запевали, кое-где и приплясывали, разогретые спиртосодержащими напитками.

Сухов пригляделся к гребцам. Рабы спали. Лежали вповалку на голых досках и дрыхли. Правильно, когда спишь, не хочется есть...

Осторожно выудив ножик, Олег принялся перепиливать ремни, стянувшие его ногу. Кожа была как дерево, поддавалась лезвию туго, но уступала понемногу. Все!

Сухов осторожно приподнялся, высматривая Шурика. На фоне светлого шатра, натянутого над палубой позади мачты, шевельнулся силуэт. Ага!

Осторожно ступая, приблизился Пончев.

— О... — слетело с его губ, начиная имя друга.

— Тсс!

Тень Пончика истово закивала головой. Олег поставил ногу на качавшийся борт, подтянулся и шагнул на причал. Следом, шумно сопя, перебрался Шурик. На глазах у пьяных йомсвикингов бегать и метаться было нельзя. Воины есть воины, мигом протрезвеют, углядев подозрительное движение. И Олег пошел вразвалочку, лениво загребая ногами и удаляясь в тень ближайшего строения — то ли амбара, то ли лодочного сарая. Пончик пристроился следом.

— Куда это вы намылились? — грянул Боос, выходя из тени.

Олег полоснул ножом, задевая руку пирата, и тот взвыл.

— Бежим!

---

[1] Разговор идет на старонорвежском.

Олег дунул, огибая сарай, оказался на узкой темной улочке. Пончик поспешал следом, а позади слышались азартные вопли и топот догоняющих.

Улочка выводила на улицу пошире, залитую светом наиярчайшего фонаря — луны. Эта улица была пустынна, а склады, обступавшие ее, не имели окон. Олег помчался по ней, высматривая хоть малую щель между складами, но те стояли впритык. Он добежал до высокой бревенчатой стены крепости и понял, что пропал. Дальше ходу не было. Тупик. А погоня уже вырывалась на улицу, вопли мешая с гоготом и руганью, размахивая факелами и оружием. Завидя Сухова с Пончевым, прижавшихся к крепостной стене, «морские братья» взревели.

— Будешь моим заложником! — быстро сказал Олег, захватывая шею Пончика сгибом локтя и приставляя нож.— Ори давай!

— Спасите! — закричал Шурик.— Помогите!

— Громче!

— А-а-а! — возопил «заложник».— Удо! Спаси! У-у-у!

Усатые и бородатые морды, подсвеченные огнем факелов, остановились в шаге от беглецов. Вперед вышел Удо.

— Не устерег я тебя,— ухмыльнулся он.

— Отойди! — крикнул Олег, отыгрывая роль.— Не то я прирежу твоего лекаря!

— Удо-о! — захрипел Пончик, очень артистично трепыхаясь и брыкаясь.

— Отпусти лекаря,— велел Удо,— и тебя не тронут!

— Врешь!

— Я сказал... — с угрозой начал Удо, но Олег отшвырнул на него Пончика и кинулся в сторону. Он и не думал совершить попытку к бегству, просто надо было создать алиби Пончику. Нельзя было, чтобы их обоих посчитали беглыми... Удар дубинкой по голове погасил сознание.

Очнулся он от пинка, грубого пинка сапогом по ребрам, отдавшегося в голову. Олег застонал и сел. Не раскрывая глаз, ощупал затылок и сразу обнаружил здоровенный желвак, пульсирующий болью. Олег открыл глаза и увидел прямо перед собой засмальцованные порты Удо. Нога поганого венда нетерпеливо притоптывала. Олег поскорее встал, не дожидаясь, пока Удо еще разок влепит ему по организму.

— Очухался? — с прежним легким добродушием спросил Удо и усмехнулся.— А ты тот еще фрукт. Как чесанул! Чуть лекаря моего не прирезал, другана своего!

«Проверяет, что ли?» — подумал Олег и процедил на всякий случай:

— Чтоб он сдох, твой лекарь!

— Ай-ай-ай! — притворно вздохнул Удо и резко сменил тон: — Запомни на будущее, когда опять вздумаешь убежать. Бить тебя больше не будут. Для таких упорных, как ты, есть средство получше. Я с тебя, со скота, шкуру спущу и выброшу в море, освежеванного! В соленое море! А ты у нас парень здоровый, живой еще будешь во время купания и помрешь не скоро! Пока кровь спустишь рыбкам, пока чайки тебя обклюют... Сначала они глаза выклевывают, потом уже остальное-прочее... Ты меня понял?

— Я тебя понял,— подтвердил Олег, пообещав себе убить эту сволочь, как только представится возможность.

— Хозяин! — подлез Пончик.— Лучше его не трогать! Ведун он, с нечистью знается! Его так и звали у нас — Вещим! Он будущее ведает!

— Да ну?! — заинтересовался Удо, вовсе не испуганный Олеговыми связями в потустороннем мире.— И смерть мою предсказать можешь?

— Могу,— усмехнулся Олег.— Острая сталь остановит твое сердце, Удо, и выпустит всю черную кровь!

Взгляд Удо чуток изменился — не страх, но опаска засветилась в глазах венда тревожным огоньком.

— И скоро мне ее выпускать? — спросил он с напускной небрежностью.

— Где-то на этой неделе! — ухмыльнулся Олег, прикинув, что скоро они прибудут в Старигард, а там уж, хочешь не хочешь, а бежать с кнорра придется. Он должен доставить бересту по назначению, должен! Иначе за что сгинули Асмуд и Крут? А в Гардах ждут и надеются... И Улеб, и Валит, и Рада, и все-все-все...

— Плюссо! — рявкнул Удо.— Подь сюды!

Подбежал мужичонка с татушкой на щеке и поклонился.

— Этого — на цепь! — буркнул Удо.

Боос с напарником усадили Сухова на скамью, и Плюссо вдел Олегову ногу в железное кольцо с цепью. Скрепил кольцо клепкой и четырьмя точными ударами сковал. Другой конец цепи удерживался огромным шурупом, вкрученным в палубу. Удо лично подергал цепь — держится! — и двинулся на корму. Выждав, пока «морские братья» отойдут подальше, Пончик быстро проговорил:

— Завтра вечером мы прибудем в Старигард!..

— Достань мне какой-нибудь пруток железный,— попросил Олег,— типа отвертки, костыля или гвоздя большого!

— Я попробую! — дал Пончик обещание.

— Весла на воду! — заорал Удо с кормы.— Поднять парус!

Сцепив зубы, Олег ухватился за рукоятку весла и сделал хороший гребок. Еще не вечер!

Кнорр сделал крюк, огибая остров Руян, а когда проходили северный мыс, Олег впервые увидел Аркону, священный город вендов, неприступную крепость, воздвигнутую на белых скалах. За стенами этой цитадели скрывалось главное святилище бога Свентовита, покровителя Виндланда. И Удо, пользуясь близостью святыни, принес жертву Свентовиту, а заодно морскому богу Эгеру и супруге его Ран — выбрал самого старого из гребцов и вырезал тому сердце. Сочащийся кровью миокард Удо посвятил Свентовиту, а труп скинул в море, взывая к Эгеру с просьбой о милости. Рабы, с ужасом пронаблюдав жертвоприношение, гребли так, словно шли на побитие мирового рекорда.

— Что, страшно стало? — насмехался Олег, работая вполсилы.— Вкалывайте, вкалывайте...

Прийду сопел только, но сопел очень выразительно, почти членораздельно.

Под вечер рабам дали роздых, а заодно обнесли скудным ужином — по хвосту жареной камбалешки в одни руки и по сухарю каменной твердости. Питье было на всех — ведро кислого кваса. Квас принес Пончик. Разливая пойло по щербатым чашкам, он протянул Олегу его посуду. Олег принял чашу и ощутил под пальцами холодный стержень. Перехватился, глотнул кислятины, переморщился... И лишь потом разглядел инструмент, подсунутый Пончиком. Это был кривоватый пруток квадратного сечения. Не ломик, не монтировка, но все же будет чем вывернуть чертов шуруп.

Солнце едва село, когда справа по борту открылась земля. Слева тоже что-то такое виднелось, но ограниченных очертаний. Остров, наверное.

— Скоро Старигард,— пробормотал Прийду, косясь на Олега.— Подходим уже...

— Отлично! — ухмыльнулся Олег.— Мне здесь сходить!

Прийду ничего не сказал, только плечом повел, будто прикрываясь.

Старигард не стоит на самом берегу, он расположился чуть подальше, в глуби материка, но глубокая речушка, раскопанная под судоходный канал, соединяла стольный град страны вендов с морем. Стража, почивавшая на входе в эту копанку, помахала кнорру белой тряпкой — проходите, дескать, вход свободен.

— Парус спустить! — скомандовал Удо.— На веслах — смотреть в оба!

— Дождешься... — пробормотал Олег, нагибаясь и просовывая прут в кольцо, которым оканчивался шуруп. Дело шло туго, видать, приржавел шуруп. Олег поднатужился... Пошло! Чем дальше, тем легче выкручивался. Готово...

А кнорр как раз входил в устье канала. Достаточно узкий, канал-река был глубок и шел прямо, без извивов. Берега его не поражали бурлением жизни — не набережная, чай,— но купы деревьев оживляли склоны, то крутые, то пологие. Когда берег понижался, становились видны домики в отдалении, изгороди, бредущий скот. Дорога, вильнув, приближалась к каналу, и глазам давались прохожие и проезжие.

Олег долго ловил взгляд Пончика, поймал, наконец, и кивнул. Пончик, заметно побледнев, опустил глаза — понял, дескать. Вот, удобное место!

Олег привстал, сердце у него заколотилось. Берег правый выступал, словно приглашая сойти. Олег решительно опустил весло в воду. Гребцы с левого борта упирались по-прежнему, и весло-тормоз сработало — кнорр повело вправо.

— Ты что творишь, собака?! — рявкнул Удо, появляясь совсем рядом, как чертик из коробки.

Олег быстро поднялся, и венд вытаращился на него, ибо стоять прямо прикованному было невозможно: не пускала цепь. На целую секунду Удо впал в растерянность, и этого времени Олегу хватило в достатке. Ухватившись за шуруп, он с силой всадил его венду в грудь и вкрутил рукой для надежности.

— Предсказание сбылось! — выдохнул Олег и отпихнул Удо. Венд упал, натягивая цепь. Шуруп выскочил из пробуравленной им груди, и тут же выплеснулся фонтанчик крови. Удо скрючился и медленно разогнулся, вытягиваясь и костенея не по-живому. Гребцы вскочили, заорали, оторопевшая команда бросилась на нос, а Сухов продемонстрировал цирковой номер — шевельнул веслом, опуская лопасть на выступ берега, вскочил на борт и сбежал по веслу вниз. Не бог весть какой талант — варяги бегали по веслам в бою, и не на тихой речушке, а в море. Вот где эквилибр!

— Пончик! — гаркнул Олег.

Не оборачиваясь, он на четвереньках взобрался на откос и перекатился на траву. Следом над обрывом показалась голова Пончика.

— Руку!

Выдернув товарища наверх, Олег обернулся. Кнорр прибило к берегу, и половина команды ринулась в погоню. Другая половина растерянно топталась по палубе, поглядывая то на убитого, то на «братьев», кинувшихся вдогон убийце.

— Бежим!

Олег помчался по дороге, не чуя ног. Казалось ему, что пятки вовсе не касаются пыльной дороги, а месят воздух, такой ощутимо плотный.

— Хорошо, что у них луков нет! — прокричал Пончев.

— Наддай! — ответил Сухов.— Наддай!

Он обошел на повороте повозку, груженную сеном, и ринулся через толпу землепашцев, волокущих в корзинах за плечами овощи и прочие сельхозпродукты.

— С дороги!

Распихав заторможенных аграриев, Олег рванул дальше, а ошеломленные аграрии, придя в себя и сильно обидевшись, излили свою злость на «морских братьев», догонявших Олега, встретили тех пинками, тумаками и нехорошими словами. Разъяренные пираты раскидали земледельцев, но время было упущено. Беглецы скрылись. Поорав, помахав руками, «морские братья» припустили обратно к кнорру, видимо опасаясь, что ценный груз поделят без них.

— Ото... рвались... — сказал со всхлипом Пончик.

Олег глянул в щель дровяного сарайчика, который стал им убежищем, и кивнул.

— Ушли вроде...

— Сюда кто-то идет!

Дверь сарайчика резко отворилась, и внутрь зашел огромный мужик, широкоплечий, с косматой головой. Рукава его были закатаны, оголяя могучие конечности с въевшейся угольной пылью.

— Ну? — прогудел он.— И что все это значит?

Олег подумал и решил не темнить.

— Удо, сына Онева знаешь? — спросил он.

— Да кто ж его не знает... — усмехнулся мужик.

— Я убил его!

Мужик крякнул и почесал в затылке. Хмуро осмотрел цепь, которую Олег держал в руке, и кивнул.

— Пошли в кузню,— пробурчал он.

Они вышли во двор, заросший травой. Раздвигая стебельки и соцветия, двигалась гусиная вереница. Справа горбатились сараи, белела березовая поленница. Слева кривился колодезный сруб, валялось тележное колесо. А прямо по центру торчала кузня.

В кузне было сухо и жарко. Горн пылал, наполняя воздух запахом горящего угля, заготовка краснела накалом.

— Ты коваль? — спросил Олег.

— Да вроде... — проворчал кузнец.— Зовут Кадимом.

— А я Олег.

— А меня Пончиком кличут!

Кадим покивал космами и сказал:

— Ногу сюда!

Взяв зубило и молот, кузнец в два счета расковал Олега, растянул руками кольцо и бросил цепь в угол, где валялась целая груда металлолома.

— И куда путь держите?

— Нам надо в город,— сказал Пончик.— Очень.

— Ищите кого? — прищурился Кадим.

— Рорика сына Регинхери! — раздельно произнес Олег.

Кузнец только глаза выпучил.

— Серьезно?

Сухов кивнул:

— Нас послали к нему. Поможешь в город пробраться?

— А дело доброе? — все еще сомневаясь, спросил Кадим.

— Самое что ни на есть!

— Ладно — что с вами делать... Только запомните одну вещь: убив Удо, вы нажили себе врага.

— То есть?

— У старого Онева было два сына — младший Удо и старший Пирагаст. И старшенький не успокоится, пока не покарает убийц брата. И наверняка вас уже ждут у городских ворот.

— Цепь была особой приметой,— улыбнулся Олег,— ты ее снял...

Кадим кивнул понятливо.

— Бородами заросли вы,— сказал он в раздумье.— Ну, это мы сбреем... И переоденем! Пошли.

Солнце окрасило небо на западе в багряные тона, когда Олег и Пончик покинули гостеприимный дом Кадима. Подбородки бритые, волосы подравнены, в новых рубахах и при плащах — друзей стало не узнать. Хозяин вызвался их проводить.

— Города вы не знаете,— сказал он,— я проведу...

— Когда ж я тебе долг верну? — сказал Олег, улыбаясь.

Кадим усмехнулся:

— Дороги, бывает, и сходятся...

Путь до города был неблизок — верст пять. Олег и иже с ним спешили, ступая торопливо и широко, но не выделялись в толпе. В этот поздний час торопились все, а то закроют ворота городские — и жди утра!

Старигард выстроили на плоском холме. Он был окружен по кругу рвом, соединенным с каналом. Судов в канале было, что мусору. За рвом был насыпан вал, облицованный камнем, а на валу кругом шла городская стена, укрепленная башнями. С обоих берегов канала в город вели мосты.

Когда бревна моста загудели под ногами Олега, Кадим сзади сказал негромко:

— Видишь в воротах верзилу с хвостом? Это Пирагаст!

Сухов лениво пошарил глазами по башням, фланкировавшим ворота, и выхватил взглядом рослого здоровяка с длинными волосами, стянутыми на затылке в хвост. За Пирагастом стояли дюжие молодцы, готовые по первому знаку вожака кинуться и учинить расправу.

Олег миновал ворота, скользнув равнодушным взглядом по напряженному лицу братца Удо. Тут его сердце екнуло — он заметил за спиной Пирагаста Бооса, держащего над головой факел. Боос подносил огонь поближе к лицам шарахавшихся «гостей города» и всматривался в них. Сухов собрался внутренне. Тепло близкого факела коснулось его щеки, он недовольно отстранился. И пошел дальше. Боос не узнал его! Пончик тоже миновал заставу.

— Пронесло... — выдохнул он.

— Пошли! — сказал Кадим.

Они направились к центру города. Улицы Старигарда не были мощены и пылили изрядно, а уж какая тут слякоть бывает в дождь, можно себе представить. Дома вокруг стояли непривычного виду. Стены — каркасы из дубовых брусьев с заделанными глиной промежутками. Крыши тесовые, а двери резные.

— Дворец рейкса на площади,— сказал Кадим,— сейчас выйдем...

— Так у вас Рорик правит? — поинтересовался Олег.

— Молод больно,— ухмыльнулся кузнец.— Дядька его на троне, Ингорь Косой.

— Понятно...

Центральная площадь была не слишком большой, и почти всю ее занимал храм все того же Свентовита, круглый, под конической крышей, и весь покрытый резьбой. Каждый столб, доска, перекладина — все резное и расписанное красками. Площадь окружали бревенчатые или обшитые досками дома в два-три этажа, украшенные резьбой.

— Пришли! — Кадим указал на большой терем с лестницей, выходившей в маленький дворик. На ступенях дежурили стражники, вооруженные копьями и щитами.

— Куды? — лениво поинтересовался страж, опуская копье.

— Мы к Рорику! — объявил Олег.— С посланием от Улеба конунга, верховного князя Гардарики!

Страж очень удивился. Копье его заколебалось, словно повторяя раздумья хозяина: пропустить — не пропустить?

— Хватай убийцу! — заорали вдруг несколько грубых голосов.— Держи его!

Олег резко обернулся — на площадь выбегали «морские братья». Боос, Борис, Пирагаст, и еще кто-то, и еще...

— Ты, что ли, убивец? — поинтересовался страж.

— Я не убил,— зло ответил Олег, лихорадочно соображая, куда ему пробиваться,— я наказал сволочь Удо!

— Удо, сына Онева? — уточнил страж.

Сухов затравленно кивнул.

— Проходи! — сказал страж.

Совершенно оглушенный, Олег взбежал по лестнице, слыша за спиной знакомое:

— Куды?

— А ну, пропустил! — взревел Боос.

— Не велено,— ответил страж.— Гуляй!

«Морские братья» зашумели, но личную гвардию рейкса набирали из лучших бойцов, и драки не случилось.

— Здорово! — пропыхтел Пончик позади.

— И ты здесь?!

— А то!

— А Кадим?

— Он на лестнице дежурит. Обсказывает подробности.

— Ясно...

Поднявшись на крыльцо второго этажа, Олег храбро двинулся по центральному проходу и оказался в обширном зале, ярко освещенном факелами и целым рядом светилен. По залу бродили богато одетые венды, степенно беседуя или цедя вино из серебряных чар. И кто из них Рюрик? Олег подошел к двум молодым парням в тяжелых меховых плащах и спросил:

— Где я могу увидеть Рорика сына Регинхери?

Парни переглянулись, и левый сказал правому:

— С каких это пор в лучший дом города допускаются челядины?

Олег не выдержал и ответил:

— Тебе морду давно не били? Хочешь, чтобы я тебе освежил ощущения?

— Ах ты... — вспыхнул молодой.

— Спокойно, Хилвуд,— раздался голос, в котором пробивались властные нотки.— Ты кто таков?

Олег обернулся и увидел молодого еще человека, лет тридцати, с крупными чертами лица, твердого, словно рубленого, с широковатым носом. Лоб незнакомца облегал серебряный венец, украшенный горошинками бирюзы.

— Я имею честь видеть Рорика, сына Регинхери? — сказал Сухов церемонно.

Рорик слегка поклонился.

— Меня зовут Олег, сын Романа. Мне было поручено передать тебе грамоту от Улеба конунга.

Сунув руку в загашник, Олег достал потертую, моченую и гнутую бересту. Рюрик с подозрением принял ее и сказал:

— Что-то с трудом верится, что мой тесть послал человека, мне неизвестного!

— А знаком ли тебе Асмуд хевдинг?

— Конечно!

— Он и был послан к тебе, рейкс. Он и Крут, сын Военега. Мы с товарищем,— Олег показал на Пончика,— лишь сопровождали их.

— И где Асмуд? — тяжело спросил Рорик.

— Убили его... Да ты прочти бересту! Свеи напали на Гарды! Альдейгу сожгли! И Улеб конунг велел идти к тебе, чтоб призвать на княжение!

Что-то дрогнуло в лице Рорика, но недоверие еще удерживало рейкса.

— Щас мы разберемся, кто он таков!

Цепкие пальцы Хилвуда впились в руку Олега. Сухов мигом сделал подсечку, и Хилвуд полетел на пол, обрушившись на доски, как вязанка дров. Его дружок выхватил меч.

— Прекратите! — прозвенел высокий женский голос.

Толпу растолкала красивая девушка в пышном одеянии из парчи и византийских паволок. Олег узнал Ефанду. Молодая жена Рорика, дочь Улеба конунга, тоже признала Олега.

— Я знаю его! — заявила она, указывая на Олега.— Видела его в Альдейге. Покажи бересту!

Рорик протянул грамоту жене. Он был несколько растерян.

— Отец писал... — пробормотала Ефанда, проглядывая текст.— И что ты стоишь?! — возмутилась она, вскинув глаза на мужа.— Тебя в конунги зовут, а он стоит!

Рорик расхохотался, и все присутствующие подхватили его смех, разряжая атмосферу подозрительности и враждебности.

— Слушать меня! — загремел Рорик.— Гонцов готовить! Немедля! Слать в Ретру, в Йомсбург, в Подгард, в Ральсвик. По всем градам и крепостям весть разнести — Рорик собирает охочих до подвигов, умелых в битве и верных ему. Война своям! Идем на Гарды!

Терем взорвался восторженным ревом. Война? Любо!

А Олег почувствовал тяжелейшую усталость. Она гнула его, лишая малого остатка сил. Но долг он выполнил!

— Олег! — крикнула Ефанда.— Пошли, расскажешь мне, как там и что. И товарища своего бери. Ох, да вы, наверное, голодные? Сейчас я вас накормлю!

— Премного благодарны,— чопорно сказал Олег и добавил, переходя на обычный язык: — Господи, неужто все?! Дошел-таки!

Глава 18

Ефанда очень радовалась землякам. Олег устал рассказывать ей о житье-бытье Улеба конунга, сообщать устаревшие сведения и делиться свежими впечатлениями. Даже в горле пересохло. Но потом к ним присоединились первая и вторая жены Рюрика, Сфандра и Алафрида, и притащили с собой здоровенное блюдо-солило, приятно отягощенное жарким из гуся. Олег с Пончиком подкрепились, и посиделки закончились за полночь. Постелили гонцам в горнице с видом на храм Свентовита и дали выспаться, а утром Рюрик прислал своего оружейника, Карна сына Олимара, огромного, страшной силы человека, с бледными твердыми глазами навыкат и щетинистыми серыми усиками, и тот повел Олега в арсенал.

Арсенал помещался в большом подвале под теремом. Сюда сваливали трофейное оружие, достававшееся при дележе добычи Рюрику, и Олег оценил жест рейкса, заглаживавшего вчерашний нелюбезный прием. Клинки, пылившиеся на дощатых столах и полках арсенала, были дорогими, сделанными лучшими мастерами Европы и Азии. Чего тут только не было! Мечи франкские, ромейские, арабские, индийские, персидские, китайские. Ножи, кинжалы, сабли, скрамасаксы, акинаки... Даже волнистый малайский крис попал в арсенал невесть из чьих рук. А какие ножны! Из тисненой кожи, с золотыми пластинками, усыпанные каменьями...

— Да-а... — протянул Олег.— Выбор что надо!

Карн хмыкнул только и пригладил усы.

— Рейкс велел дать все, что попросишь,— хрипло вымолвил оружейник.— Проси!

Сухов замер, расширяя глаза. Среди клинков, отделанных золотом, скромно лежала катана — самая настоящая. Новенькая совсем, на деревянных ножнах, покрытых черным лаком, ни единой царапины.

Олег нежно подхватил меч, обжал ладонью длинную рукоять и потянул. Лезвие, отполированное до зеркального блеска, холодно сверкнуло, отражая свет факелов.

— Вот этот! — твердо сказал Олег, сын Романа.

Оружейник удивился и махнул рукой.

— Ну, это не в счет,— сказал он.— Возьми еще!

Олег порылся и выудил кривой хазарский меч, напомнивший ему тот, булановский.

— Добрый клинок! — одобрил Карн.— Кривоват только... Но ты по руке гляди, как тебе сподручнее.

Примерив длинную кольчугу, тяжелую, склепанную из сотен скрипучих колечек, переливавшихся синим, Олег выбрал шлем по размеру, добротный викингский шлем с гребнем, с наносником и выкружками для глаз.

— Ну, все вроде! — довольно сказал он.— Хоть щас в бой!

— Не торопись,— ухмыльнулся Карн,— и доживешь до моих лет.

Выбравшись на свет, оружейник ткнул факел в бочку с песком и сказал:

— Погуляй пока, ранее вечера не отчалим.

— Поплывем на ночь глядя? — подивился Олег.

— Поплывем! — кивнул Карн.— К утру как раз у Арконы встанем...

— У Арконы? Я думал, мы в Альдейгу двинем...

— Ишь, шустрый какой! — усмехнулся оружейник.— Война — это дело серьезное, подхода требует. Надо, чтобы все было, как полагается, и чтоб конь Свентовитов победу предрек нам! А иначе что? Баловство иначе...

Про коня бога Свентовита Олег уточнять не стал.

— Ладно,— вздохнул он.— Пойду тогда, поброжу по городу. Никогда ж тут не был...

— Поброди, поброди...

Олег отнес доспехи и меч хазарский в горницу, оставив при себе лишь катану. Перевязи не было, пришлось сунуть ножны за пояс — собственно, так самураи меч и носили. В горнице Сухов застал Пон-

чика — лекарь деловито набивал снадобьями медицинскую свою суму, укладывая мешочки, горшочки, туески.

— Каждому свое? — ухмыльнулся Олег.

— Угу... — откликнулся Пончик.

— Пошли погуляем?

Пончик подумал и кивнул:

— Можно!

Они вышли в средний коридор дворца, по коему металась челядь, и спустились по лестнице на площадь, приветствуя стражей, как давних друзей. Стражи одинаково качнули шлемами.

Олег чувствовал какое-то радостное волнение, радостное ожидание близких перемен, радостное облегчение: задание выполнено! Может, поэтому, расслабившийся и погрузившийся в мечты, он и не обратил внимания на хлипкого мужичонку в дырявой рубахе, подпиравшего стенку. Олег с Пончиком обошли храм Свентовита по кругу, и мужичонка покружил следом, как хвостик. Свернул Олег на радиальную улицу, одну из десятка, что лучами расходились от площади, и мужичонка потопал туда же...

— А сколько тебе исполнится в восемьсот восемьдесят втором? — спросил неожиданно Пончик.

Олег подозрительно посмотрел на него.

— Зачем тебе?

— Просто! — пожал плечами Пончик.

— Колись давай!

— Ну, господи, ты же сам мне рассказывал. Ну, по истории... Помнишь, как в летописи? Олег Вещий-де собрал рать, прихватив сына Рюрика Ингоря, и двинулся на юг. По очереди завоевывал города, а последним занял Киев, прибив Аскольда с Диром, и заявил, что этот самый Киев — матерь городов русских!

— Брехня! — отмахнулся Олег.— Ты ж смотрел по телику, как на выборах политтехнологии отрабатывают? Ну вот... Заказ сделали монаху Нестору. Политический. Сунули деньгу, тот и рад стараться — пошел князя пиарить... Помнишь, с чего «Повесть временных лет» начинается?

— «Откуда есть пошла Русская земля?» — припомнил Пончик.

— Во-во! А дальше этот монах все с ног на голову переворачивает и говорит, что так и было! Русы уже третью сотню лет сплавляются по Непру, хватают славян и продают за наличные, то в Хазаране, то в Миклагарде. И тут появляется Нестор и заявляет, будто славяне и есть русы! И расселяет тех славян до самой Невы. Много ты славян видал в Альдейге?

— Ну-у... — затянул Пончик, соображая.— Человек десять... Ошкуя, Радима, Гудима, Мину...

— То есть трэлей!

— Ну да...

— Ну вот! Да никто о славянах до пятого века вообще слыхом не слыхивал, а потом они явились, не запылились. Наверное, вместе с гуннами прискакали, откуда-нибудь с Урала. Устроились на Дунае, а потом все Балканы заполонили.

— Ну могла же часть и на восток двинуться... — заспорил Пончев.

— По степи? Пончик, степь никогда не была без хозяина! А чтобы в те времена с Дуная до Днепра добраться, надо было пересечь земли Аварского каганата. Просто это, как ты думаешь?

— Нереально... — грустно покачал головой Шурик.— Тогда для чего Нестор так старался?

— А у здешних монархов бзик на преемственности! Они все выводят своих вождей то от Августа, то еще от кого. Видать, Святослав, Владимир, Ярополк и так далее не по праву троны занимали, вот и сыскали себе русских предков.

Олег прошел улицей до перекрестка и свернул на радиальную улицу — сплошные заборы, что слева, что справа.

— И чего в том Киеве делать? — продолжил он.— Что там есть такого, за что стоило бы держаться? Ничего ж там нет, кроме чернозема!

— Жито и сало — это тебе не абы что! — внушительно сказал Пончик.

— Ага! — усмехнулся Олег.— Дураком надо быть распоследним, чтобы Альдейгу на вшивый Киев менять! Альдейга на перекрестке стоит, там каждый год случается серебряный прилив — арабы валят с мешками дирхемов. Скупают меха, рабов и обратно плывут. Там же все вертится вокруг серебра и мехов! Все Гарды тем живут, за дирхемы покупая лучший европейский товар. И ты хочешь сказать, что Олег Вещий променяет звонкое серебро на кусок хлеба и шмат сала? Кстати, мне в восемьдесят втором стукнет пятьдесят два...

Дробный топот донесся сзади. Олег резко обернулся и заметил компанию крепких парнюг, быстро сокращавших дистанцию. Впереди узнавался скособоченный Боос.

— Стой! — заорал морской «братан».

— Бежим! — крикнул Олег и кинулся вдоль по улице. Он еще не дорос до того, чтобы в одиночку принимать бой с полудюжиной «тигров моря»!

— Да что они к нам пристали?! — простонал Пончик, весьма резво переставляя ноги.

Олег махом свернул в узкий проулок, из которого несло таким смрадом, что глаза резало.

— У них тут что, туалет? — прокричал Пончик, жмурясь.

— Кожевенная мастерская!

Они выбежали во двор, заставленный громадными деревянными чанами, полными щелока и куриного помета, в котором дубили кожи. Под большим навесом сушились шкуры, мокрые и дурнопахнущие.

«Морские братья» ворвались во двор, грозя ножами.

— Пончик, помоги! — крикнул Олег, ставя ногу на край чана,— даже капля того, что бухтело в емкости, проедает человеку кожу, кровенит язвочкой и долго не заживает.

— Руками не трогай! Ногой пихай!

Уперевшись пятками в чан, покрытый белой коркой, Олег с Пончиком напряглись и опрокинули емкость. Пенящаяся шипящая жижа выплеснулась на землю, потекла, поднимая облако едких испарений. «Морские братья» вляпались в зловонную гущу и бросились обратно, изрыгая невероятные проклятия.

— Побежали!

Олег, почти не раскрывая глаз, помчался по переулку и вылетел на улицу, заставленную лавками сапожников, портных, кузнецов. Сюда же выходил храм, посвященный богине мести Немисе. Тут же, рядом со святилищем, высились большие поленницы дров и стога сена, выставленные на продажу. У ступеней, ведущих к узким и высоким дверям храма, толпились вдовицы и бездетные старцы, хромцы, слепцы, калеки, наперебой выпрашивая подаяние.

Купцы-франки и прочие христиане рядились у кругов перетопленного душистого воска. Юркие евреи приценивались к мехам, перебирая собольи шкурки в мешках из синей холстины.

— Не видно никого! — нервно сказал Пончик, оглядываясь.— Отстали вроде!

— Ч-черт... — хмуро выразился Олег.— Нашел место для прогулок...

Пробежав между возами с солью, Олег и Пончик смешались с толпой, и та вынесла их на центральную площадь. Площадь гудела. Множество людей, потрясая мечами и копьями, собралось у княжеского терема. На ступенях стоял Рюрик в накинутом на плечи плаще-корзне. Рубаха алого шелка облегала ладное сухое тело молодого рейкса; синие хазарские шаровары, расшитые серебром и жемчугом, были заправлены в красные сафьяновые сапоги; на широком поясе, украшенном крупными рубинами, висел меч в ножнах цвета крови, с частыми золотыми накладками. Рюрик толкал речь.

— ...Поганые свеи, отродья свиней и змей, напали на русских братьев! — гремел его сильный голос, зажигая массы.— Десять на одного! И не одолели русов! Теперь свеи охотятся за женщинами и детьми, обращая свободных в рабство, они насилуют и грабят, а с воинами не связываются. Трусы они? Нет, трусам духу бы не хватило напасть на Гарды. Свеи — наглые воры! Они награбили столько добра, что не вступают в сражения, боясь потерять отнятые богатства. А теперь вспомните! На наши земли приходили саксы и датчане, и что бы мы делали без помощи варягов из Гардарики? Мы вместе гнали прочь тех, кого не звали. Теперь пришел наш черед. Соединим силу варяжскую и ударим по свеям так, чтоб они пропотели кровью!

— Любо-о! — взревела толпа.

Олег, правда, подумал, что вовсе не «исполнение интернационального долга» подняло настроение добровольцев, а желание отнять награбленное свеями.

— Лишь бы этих гадов прогнали, правда? — громко сказал Пончик, коего посетили те же сомнения, что и Олега.

— Правда,— кивнул Сухов.

К ним пробился Хилвуд, оглядел с неприязнью и буркнул:

— Сбор после заката, здесь! Ты и ты в моей сотне! Снекка «Семаргл»!

— Слушаюсь! — гаркнул Олег.

— Так точно! — поддакнул Пончик.

Внезапно толпа зароптала и раздалась, образуя коридор. По нему шествовал Пирагаст. Его длинные волосы были заплетены в косы и скреплены на затылке костяным гребнем. Бледная улыбочка то пригасала, то снова кривила тонкие губы «морского брата».

— Это преступник! — провозгласил Пирагаст, картинно указуя на Олега.— Он подло убил моего брата Удо. Светлый рейкс, я требую жизнь этого человека!

Рюрик, не торопясь, спустился. Хмуря лоб, оглядел Пирагаста, затем Олега.

— Что ты ответишь? — спокойно спросил он.

— Преступника я убил! — твердо сказал Олег.

Толпа зароптала, но Олег поднял руку, и шум поутих.

— Удо сын Онева подло обманул нас с товарищем! — продолжил Олег.— Мы заплатили ему за проезд до Старигарда, а его подручные схватили нас и приковали к веслам, как последних трэлей. Считаешь, что брат твой имел право обращать нас в рабство?

— Имел! — выкрикнул Пирагаст.

— Тогда я имел право освободиться! — заключил Олег.

Толпа заворчала одобрительно.

— Плевать! — рявкнул Пирагаст.— Рейкс, я требую поединка!

Холодная ярость ударила Олегу в голову, ледком обжигая мозг.

— Ты хочешь, чтобы я покончил с обоими сыновьями Онева? — холодно спросил Олег.— Давай!

— Олег! — испугался Пончик.— Отступись!

— Нельзя! — покачал головой Олег.

Рот его пересох. Отступиться? То есть прослыть трусом? Славно! И кто он тогда? И где ему место? Уж никак не в дружине — трусов в гриди не держат. Струсить — это значит забыть о своих мечтах возвыситься, это значит влачить жалкое существование на обочине жизни, голодное и убогое. То есть «честь — превыше всего!»? А разве не так? Ты хочешь многого, а за многое полагается дорогая цена. Пр-роклятый выбор! Ах, как не хочется умереть! Но если он выиграет поединок...

— Так-так-так... — протянул Рюрик, покачиваясь на нижней ступеньке.— Ты требуешь хольмганга, Пирагаст?

— Да! — рявкнул «морской брат».

Рюрик обратил лицо к Олегу и серьезно спросил:

— Ты принимаешь вызов?

— Да! — ответил Олег, чувствуя, как все сжимается в нем.

Рюрик сошел со ступеньки и прокричал, вскидывая руки:

— Объявляю поединок!

Толпа азартно зашумела, раздаваясь в круг. Стражники с размаху повтыкали копья в утоптанную землю, огородив место священной дуэли. На хольмганге судят сами боги, и победа достается правому. В общем-то, для хольмганга полагался островок или хотя бы вершина холма, но никто, кроме стариков, не цеплялся к мелочам.

— На чем биться будете? — спросил Рюрик.

Пирагаст подбородком указала на Олега:

— Он вызван мною, пусть и выбирает!

— На мечах,— спокойно выговорил Олег.

Волнение не покидало его, но подутихло, спряталось, как жар в золу.

— Три щита каждому! — распорядился Рюрик.— И щитоносцев себе пусть выберут!

— Нет! — рубанул Олег.— Без щитов!

— И без броней? — прищурился рейкс.

— Ладно,— сказал Олег,— кольчуги — пусть, но без шлемов!

Толпа загудела одобрительно. Пирагаст поглядел на Олега с удивлением, он не ожидал подобного безрассудства.

— Кольчуги сюда!

Гридни-стражники притащили два комплекта. Олег натянул на себя подкольчужную рубаху из грубого холста, подбитую паклей и простеганную суровыми нитками, застегнул на деревянные пуговицы. Двое молодых помогли Олегу вздеть кольчугу и затянули боевой пояс. Кольчуга, длинная, как платье, почти достигала колен, а рукава прятали запястья. Сплетенье стальных колечек тяжело осело на плечи. Олег закинул ножны за спину, стянул поданную перевязь, застегнул пряжку на груди.

— Готовы? — грянул Рюрик, как главный судья турнира.

— Готов,— выцедил Олег.

— Всегда! — ухмыльнулся Пирагаст.

— Каков будет уговор? — спросил Рюрик.— Бой до первой крови?

— Бой насмерть! — крикнул Пирагаст.

Рюрик молча глянул на Олега.

— Если ему так не терпится умереть,— усмехнулся Олег,— то пожалуйста!

Людям ответ понравился, Пирагаст пошел пятнами, а что творилось на душе у Олега, не знал никто, кроме его самого. А ему было паршиво.

— Начинаем! — крикнул Рюрик и подал знак гридням. Те заколотили мечами о щиты. Вапнатак — так это называется.

— Вызванный на поединок делает первый выпад! — объявил рейкс.

Олег похолодел. Сделав несколько шагов навстречу Пирагасту, он потянулся к рукояти катаны, выглядывавшей из-за его правого плеча. Пирагаст, глумливо усмехаясь, приблизился, нежно поглаживая ладонью рукоятку хазарского меча, предка сабли. Что произошло дальше, заметили лишь самые наблюдательные из воинов.

Олег выхватил меч, катана описала короткую дугу и отсекла Пирагасту левое ухо. Клинок замер в нескольких пальцах от шеи «морского брата», и лишь теперь последний сын Онева отбил меч. Но не лязг ударил в уши — музыкальный звон поплыл над замершей толпой. Люди увидели мало — как отрубленное ухо пало на землю, словно дубовый листок,— и заорали, засвистели, приветствуя такое начало. И только опытные воины переглянулись, улыбаясь с пониманием. Какая злая насмешка! Вызванный на поединок мог подрубить шею Пирагаста и кончить бой одним ударом, а он играет, он выказывает свое презрение! Понял это и сам Пирагаст. Впервые в нем закопошились сомнения, но лютая злость затмила доводы разума.

— Ты!..— завопил он, давясь слюною.

— Я,— согласился Олег.— Да ты не беспокойся, поболит и перестанет!

— Убью! — выдохнул Пирагаст и кинулся на Олега, сжав рукоятку меча так, что пальцы побелели. А Сухов, наоборот, сбросил напряжение. Он вспомнил наставления своего тренера, Канда-сэнсэя. Тот всегда говорил: «Отрешись от земного. Не бойся. Не думай о том, как ты выглядишь со стороны. Веди меч!»

Олег улыбнулся и повел катану. Отбив яростную атаку Пирагаста, он нанес подрезающий удар с обходом вокруг противника.

— Посмотри на землю... урод! — говорил он отрывисто.— Сюда... я тебя... уложу! Сюда... впитается... твоя вонючая кровь!

А капли уже падали, они скатывались с головы Пирагаста, истекая из обрубка ушной раковины, капали из глубокого пореза на бедре. Олег проговаривал оскорбительные вещи, но вера в свою победу еще не народилась в нем, только надежда зачалась. Надежда на то, что самурайские приемы дадут ему хоть какое-то преимущество перед этим опытным рубакой.

— Бей! Коли его! — выкрикивали из толпы.

— Так его! Во!

— Да куды ж ты!..

— Ага!

— Есть!

Тяжелая сабля так и мелькала в руке Пирагаста, блистая вверх, вниз, наискосок. Катана звенела на все лады. Олег отшиб саблю с линии атаки, сделал короткий приставной шаг и нанес три вертикальных удара подряд, три за один удар сердца. И отшагнул.

Пирагаст стоял, выпучив глаза и слегка покачиваясь. Сабля его медленно опускалась, пока не уперлась острием в землю, и только тогда мертвое тело Пирагаста рухнуло в пыль. Череп, перерубленный катаной, развалился, сочась студенистыми извилинами.

Тишина стояла такая, что было слышно чириканье воробья на крыше терема.

— Олег! — завопил Пончик.— Ур-ра-а!

Толпу будто кто включил — люди заревели, заорали, засвистели, сжимая круг, махая руками, щеря рты.

Но Олег не слышал этих выражений восторга — не отошел еще. Правда едва-едва доходила до него, не радуя пока, проскальзывая мимо заторможенного сознания. Сухов, не зная тонкостей ритуала, повернулся к Рюрику, поклонился. Рейкс поднял руку и оповестил толпу:

— Олег одержал победу! Боги на его стороне!

И толпа заорала по новой...

— Здорово! — радовался Пончик.— Ну, ты даешь!

Пробился Хилвуд и протянул руку.

— Нам такие нужны! — заявил он. Глянув на небо, Хилвуд крикнул: — Время уже. Грузимся!

Толпа, разбившись на отбывающих и провожающих, забурлила, повалила к пристаням.

Олег аккуратно вытер окровавленное лезвие катаны и уложил меч в ножны.

— Пошли, Пончик,— слабо улыбнулся он,— а то наши места займут!

За ночь канал, связывавший Старигард с морем, совершенно преобразился. Ни одного торгового или рыбачьего судна не стояло в нем. Зато строгой линией выстроились боевые корабли, лодьи и снекки. Лодьи выглядели точно такими же, что и в Гардах, только паруса были не полосатые, а одноцветные, с ярким изображением сокола, падающего на добычу.

— Похоже на украинский трезуб! — заметил Пончик сходство.

— Так это и есть трезуб! — пояснил Олег.— Вернее, силуэт кречета, которого безграмотный Петлюра счел трезубом. Древняя тамга, однако, шибко-шибко древняя.

Олег шутил натужно, через силу — пошла нервная реакция. У него сильно задрожали руки, он стал стучать зубами, иногда передергивая плечами, словно от озноба. Пончик заметил, что с ним происходит, но утешать не стал, просто стоял рядом и вздыхал.

— Сюда! — крикнул Хилвуд с самой большой снекки и замахал рукой.

— П-пошли,— сказал Олег.

Снекки вендские, в отличие от лодий, строились другими, чем в Гардарике. Пошире, поосновательней, на носу и корме имея по квадратной площадке, обнесенной толстыми досками с набитыми воловьими шкурами, а снаружи еще и щитами увешанной. Впереди был форкастль, сзади — ахтеркастль, а посередине — крепкая мачта с большим парусом. Силуэт снекки напоминал когг. Только тот был пузатый и круглый, и до того неуклюжий, что разворачивали когг с помощью буксира. А снекка — корабль боевой, ему скорость нужнее, чем вместимость, оттого ее корпус больше вытягивался в длину, чем раздавался вширь.

— Располагайся! — осклабился Хилвуд.— Тебе какое весло по нраву?

— Игрушечное,— улыбнулся Олег.

Хилвуд весело захохотал, хлопая себя по ляжкам, и провел Олега до его скамьи.

— Послушай,— сказал Олег,— как звать тебя, я знаю, а величать как?

— Боярин я,— просто ответил Хилвуд.

— Вот теперь все ясно!

Хилвуд снова рассмеялся, хлопнул Олега по плечу и пошел наводить порядок на палубе. Сухов вздохнул, отходя, — только внутри что-то еще размерзалось,— положил кожаную сумку со шлемом и кольчугой под скамью и расстегнул подкольчужную рубаху — было тепло.

Снекка быстро заполнялась. Варяги, широкоплечие, с крепкими шеями и мускулистыми руками, рассаживались по скамьям, мостились, заводили разговоры или разминались перед долгой греблей. Впереди Олега сел и вовсе здоровенный парень примерно его лет, но вдвое большей комплекции. Лицо у него было — типичный добер молодец из русских народных сказок. Белокур, кудряв, курнос. Аккуратная бородка. Улыбка во все тридцать два. Добер молодец обернулся к Сухову:

— Олег вроде?

— Он самый.

— А меня называют Витулом, сыном Амика. Из галатов мы. Будем знакомы!

Олег со страхом сунул руку в лопатообразную ладонь Витула. Тот сжал Олегову пятерню, не тужась, чтоб не раздавить.

— Галаты — это типа кельты? — спросил Пончик, устроившийся посреди палубы, на бочонках с моченными яблоками.

— Типа? — нахмурился Витул и пожал плечами.— Что значит — типа? Кельты и есть. Нас по-разному называют... А здорово ты Пирагаста ухайдокал! Разделал башку, как спелый арбуз.

— А я до сих пор не верю,— признался Олег,— что это я его.

— Боги знают, кому помогать,— значительно сказал Витул.

— По места-ам! — закричал Хилвуд протяжно.— Весла на воду!

Олег привстал, чтобы пройти к козлам, на которых были сложены весла, но Хилвуд усадил его обратно.

— Со мной в паре погребешь! — сказал он.

Они уселись вдвоем за громадное шестиметровое весло. Хилвуд помахал руками, размялся и взялся за рукоять поухватистее.

— И... раз! И... два!

Олег потянул на себя весло со всей дури.

— Э, э! — сердито окрикнул Хилвуд.— Полегче! А то весло сломишь. Ты гляди в спину переднего и откачивайся в лад. Тут не сила главное, а общее усилие.

Олег принялся глядеть в спину кряхтящего впереди Витула, стараясь клониться и откидываться в такт. Дело поправилось.

— Во...— проворчал Хилвуд.— Уже получше... А коли изо всей мочи тягать станешь, дыхалку собьешь, силушку растратишь зазря. А нам, ежели безветрие, по полдня из-за весел не вставать...

Аркона показалась на заре. На крайней северо-восточной оконечности Руяна, на мысу, поднятая кверху обрывистыми скалами, она словно продолжала их каменный рывок в небо, вздымая мощные каменные стены с зубцами и деревянными сторожевыми башнями, крепко сидевшими на мощном валу высотою с пятиэтажный дом. Для вендов это был священный город, место жительства бога Свентовита, а вот для франков, свеев, готландцев и прочих, чьи корабли бороздили просторы Варяжского моря, Аркона оставалась самым опасным пиратским гнездовищем, опорной базой «тигров моря». Привлекая сравнения из иных времен, скажем, что Аркона была для «морских братьев» тем же, что и Порт-Ройал в Карибском море для корсаров семнадцатого века. Когда рыцари-христиане возьмут Аркону лет этак через двести, они выгребут из ее храмов груды сокровищ, коих хватит на постройку дюжины церквей!

Отряд из трехсот всадников охранял центральный храм Свентовита, а «тигры моря» безропотно уделяли жрецам треть своей добычи — дорого стоило благоволение богов!

...Когда «Семаргл» вошел в бухту, там уже теснились десятки кораблей — такие же снекки и лодьи, драккары йомсвикингов, лайды прусских витингсов.

— Много народу поднялось! — довольно молвил Витул.

— Хватит ли на всех? — озаботился худощавый мужик в кирасе со следами позолоты, наверняка спертой где-то в Византии.

— Кому что, а Агилу добыча,— фыркнул Хилвуд.

— А как же? — удивился Агил.— Чего ж просто так биться? Смысл какой?

— Ладно,— отмахнулся Хилвуд,— подгребаем. И все в храм!

По узкой дороге — слева скала, справа обрыв — воинство поднялось к Арконе. У ворот, обитых медными листами, все сняли шлемы и торжественно прошествовали в город. Проживали тут, в основном, пираты, но не сказать, что притоны всюду да таверны. Дома вокруг стояли, сложенные из камня, только крыши покрывал камыш. Главная улица была хорошо набитой и прямой и упиралась прямо в ворота храма. Гигантское деревянное строение было подведено под высокую багряную крышу, опиравшуюся на широкие столбы с балками,

обтянутыми коврами. Двойная ограда из одинаковых резных столбов окружала храм, скрывая просторный двор. Створки больших ворот покрывал накладной деревянный узор из корабликов, солнышек, звезд, улыбчивых рыб и вьющихся плетей с цветами.

Мужественные варяги заробели рядом с жилищем бога, и во двор вошли не все. Олег вошел, а Пончик скользнул за ним, живо вертя головой.

Во дворе, заросшем травкой, суетились жрецы в зеленых накидках. Они втыкали в землю шесть коротких дротиков-сулиц попарно и клали сверху поперечные длинные копья, так что получались как бы три порога. Вперед топтавшихся варягов вышел Рюрик. Жрецы ему поклонились, и главный среди них нараспев позвал служителей, ожидавших своей очереди у дверей конюшни, вероятно, самой богатой конюшни в мире. Но содержали в ней всего одного коня — белого коня самого Свентовита. Мерные удары по серебряному билу раздались из храма, и служители-конюшие, не переставая кланяться, вывели прекрасного белого коня с роскошной волнистой гривой. Вели они его за золотую цепь. Вся сбруя была из кованого золота в три пальца шириной, а на шее сверкало оплечье из драгоценного металла, усаженное рубинами и сапфирами. Конь ступал величаво, будто сознавал свою причастность к божественному действу, обмахивая траву распушенным хвостом, позванивая десятками серебряных колокольчиков, вплетенных в гриву.

— Только бы правой переступил! — шепотом взмолился Витул.

— А если левой? — поинтересовался Олег.

— Тогда не знаю,— помрачнел Витул.— Тогда нам удачи не видать!

Олег только головой покачал. Ставить на коня?! Хотя... Разве жрецы не заинтересованы в походе? Еще как заинтересованы — каждый третий дирхем им перепадает. Следовательно, коня божьего они давно выдрессировали.

Шепоток пролетел по толпе варягов, куда затесались йомсвикинги, и стих. Белый конь, потряхивая гривой, подошел к первым воротцам из копий, задержался — все аж дыхание затаили — и занес правую ногу! Одновременный могучий выдох облегчения как ветром колыхнул траву.

И второй порожек коняка одолел, и третий, и все правой ногой ступал!

— Удача! — радостно возгласил Витул. На него зашикали, но не слишком сердито. Улыбками цвели все подряд, от Рюрика до малолетнего трубача Яра.

— Свентовит милостив к нам! — провозгласил торжественно главный жрец.— Походу будет сопутствовать удача!

Все разом загомонили, сбрасывая напряжение, захлопали друг друга по гулким спинам. А седобородый оракул, весь в красном, отдернул пурпурный занавес, скрывавший деревянную статую Свентовита. «Бог богов» был одет в суконное платье до колен, на боку у него висел тяжелый меч в чеканных серебряных ножнах. Четыре головы Свантевита, каждая на собственной шее, смотрели во все стороны. Левая рука была уперта в бок, а в правой бог держал скальсу — большой металлический рог изобилия.

Жрецы забегали, готовясь как следует отблагодарить бога. Одни деловито резали жертвенный скот, другие начали печь огромный пирог из смолотого зерна, что по горсти собирали у гостей и паломников. А оракул наполнил вином жертвенную чашу — варяги вновь смолкли. Наклонившись, он взял чашу зубами и, выцедив вино, лихо перебросил через голову.

— Лови! — крикнул Агил.

Витул поймал чашу и передал другому жрецу. Тот и себе налил вина, выпил, держа руки за спиною, и тоже зашвырнул пустую чашу за спину. И пошла пьянка-гулянка!

Олег пропустил момент начала пиршества, но угоститься не отказался. Кто-то из жрецов пошел между варягами, направо и налево раздавая деревянные чарки. Следом шел слуга с кувшином и плескал по чарам вино.

— Ну как? — спросил Пончик, сияя.

Олег распробовал.

— А ничего винцо,— оценил он,— пить можно!

Строгие девушки обнесли всех закуской, а тут и виночерпий подкатился... После второй чарки Олег с непривычки изрядно захмелел. Жрецы возносили молитвы морскому богу Эгеру, а заодно и супруге его Ран, чье имя, произнесенное всуе, означало — в поход!

— Ран! Ран! — прокатилось по толпе варягов.

— Ра-ан! — издал зык Витул.

— Ран! — закричал Олег, наполняя чарку по четвертому разу.— Ран!

В поход! На свеев! Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!

Глава 19

...Ты слышишь печальный напев кабестана?
Не слышишь? Ну что ж, не беда...
Уходят из гавани Дети Тумана,
Уходят. Надолго? Куда? —

негромко пропел Олег. Хорошая песня. Немного грустная, немного тревожная. Ее можно петь и в двадцать первом, и в девятом. Мироощущение, чувство жизни одно и то же. Какая разница, кто на чем уходит — варяги на лодьях или подводники на атомаринах? Весь вопрос в том, надолго ли? Вот и я ухожу, подумал Олег. Дите Тумана...

Покидали гавань корабли. Девяносто «деревьев моря», как витиевато пели о лодьях скальды. Крутая волна скрыла Аркону, упрятала башни и стены за пенистыми взводнями.

Стрельцы, выглядывавшие своих с площадок-кастлей, сошли на палубы. Агил, залезший на мачту, спустился последним.

Лица у всех были задумчивы, мысли судовой рати витали далеко отсюда, с трудом отрываясь от родных домов, от запахов молока в кринках и подходящего теста в кадушках, от женского тепла и визга малышни, такой надоедливой... но как без нее-то? Незримые ниточки родства тянулись между душами, истончаясь, натягиваясь до тоскнущего звона, но не отпускали.

Олег, гордо ощущая причастность, оглядел корабли, чертившие спутные струи, словно морскую гладь перепахивая.

Ближней шла снекка «Финист» под командованием Анангаста. От нее на полкорпуса отставал «Стратим»... кто им командовал, Олег забыл. Говорили, да он прослушал. Одна война на уме... Четвертая снекка, «Сын грома», догоняла «Зуттибура».

И еще, и еще... «Алконост», «Гамаюн», «Семург», «Лебедь»... нет, это не «Лебедь», тот догоняет «Сирина»... Это «Ямулла», на ней капитанствует молодой еще, но рьяный прусс со шрамом на щеке... как его... Миндовг! «Хорси», «Харигаст», «Перкунс», «Меллетеле»... Силища какая!

Пополудни распогодилось. Хмурая белесина уползла за окоем, выглянуло солнце, пригашивая небесную синявость. Светило, но не

грело. Море сверкало до самого горизонта, будто и не было за теми блестками никакого матерого берега, а так, хлябь одна.

— Кажись, эти... сарацины,— подошел Витул.— Большущее корыто подгребает навстречь.

Встречным курсом шел большой корабль. Это был не северный драккар или кнорр, а южная шебека — арабская посудина с двумя мачтами, с узкой кормой и заносчиво вскинутым носом. Паруса тоже были подняты в южном варианте — косые.

— Или это у меня с глазами что-то,— заявил Витул,— или это Глеб к нам жалует! Старый хрен! Никак он! Он! Вот морской тролль, на север его и в горы! — И просительно обратился к Хилвуду: — Дозволь, боярин, свидеться с Гудлейфом!

— Лады! — кивнул Хилвуд и взревел трубно: — Паруса долой!

Потянулись шкоты, захлопали ветрила.

Витул взлетел на форкастль и заревел:

— Гудлейф Безголовый! Ищешь на жопу приключений?!

На площадке башенки-туриты, поднятой над палубой шебеки, подскочил длинный как жердь человечище и завопил:

— Витул Бывалый! Кончай трубить!

Витул хрипло захохотал:

— Двигай сюда свою баржу, «долгий херсир»!

— Сам ты баржа!

Рю на мачтах шебеки поползли вниз. Корабль развернулся на веслах и подошел к «Семарглу». С палубы снекки полетели вервяные канаты, команда шебеки подхватила их и стянула два корабля. Гудлейф — костлявая громадина — перепрыгнул на «Семаргл» и, весело оскалясь, бросился на Витула. Тот ринулся на Гудлейфа. Они столкнулись, как два медведя, не поделившие дупло с медом. Венд и норманн, оба в тяжелой весовой категории, были готовы убить друг друга на радостях, задушить или переломать хребты по дружбе.

— Чего глазья остробучишь, долгай?!

— Молчи, пехтеря!

— Весь ворванью заплыл!

— А сам-то?!

— Моржа перевесишь!

— А то я не вижу, какую ты жопу наел!

Обменявшись любезностями, старые друзья угомонились. Витул спросил:

— К Рорику собрался?

— А куда? Хререк заслужил, чтоб ему кланялись! А спину гнуть перед всякими Косматыми — да пошел он к троллям... Он еще сиську смоктал, когда я мечом лодьи чистил! Нашелся, тоже, василевс... Помнишь, как в варангах ходили? Да мы и перед императором не прогибались!

— Прижали вас...

— Выжали! Выжали, а не прижали. И тролль с ними со всеми... Один и Фрейя!

Гудлейф шумно ручкался с подходившими варягами, протянул он пятерню и Олегу.

— Кто таков? — весело осведомился Безголовый.— Почему не знаю?

— Это Олег Вещий! — Витул хлопнул по плечу Сухова.— Обоих сынков Онева Бурого положил!

— Туда их... Здрав будь, болярин,— величественно сказал Гудлейф, одну лишь голову клоня перед Хилвудом.

— И тебе поздорову, херсир. Как дошли?

— Тор помог! И Перуну вашему спасибочки, все бури мимо провел. А вы-то куда всей толпой?

— В Гарды! — оскалился Хилвуд.— Свеев бить!

— Тоже дело... — задумался Глеб.

— А шебека твоя как, лучше дрэки? — поинтересовался Витул.— В смысле — ходче?

— Да не...— сокрушенно вздохнул Глеб и поскреб в затылке, сбивая вязаную шапочку на нос.— Я-то на лодье хаживал. Да только спалили ту лодью сарацины — чем-то я им не полюбился. Хорошо еще, башку орлиную успел сдернуть... Моя-то раньше «Орлом» звалась. Вот, занял у сарацин эту... как ты сказал? Шебеку? Я и не знал, что ее так называют... Да не, хорошая посудина, я и привык уже. Под прямыми парусами ход больше, зато с косыми поворотливей. Орелика бы еще воткнуть... куда только? Не на мачту же переть!

— А на нос! — посоветовал Хилвуд.— Вон, как у нас!

Боярин показал на вытесанное из дуба изображение чуда-юда, прибитое к форкастлю. Херсир подумал.

— Точно! — просиял он.— Ну, спасибочки! Так я и сделаю! А то надоело уже — Безголовый да Безголовый!

Глеб замялся, запыхтел от смущения — видать, не часто просить приходилось.

— Болярин,— начал он, криво усмехаясь,— может, вам в походе и мой «Хёк» сгодится? С двумя-то щеглами он ходкий, и ребята у меня — один к одному. Я ж теперь вроде как под Рюриком вашим! Вот и сослужу службу. А, болярин?

— Лады! — засмеялся Хилвуд. Отказать этому большому, шумному человеку было затруднительно — самого потом совесть замучает.

— Становись в строй, Гудлейф сын Хрольва!

— Не-е,— осклабился херсир,— давай уж по-вашему, что ли,— Глеб сын Рулава! Теперь путь мой — Восточный! — И, повернувшись к викингам, угрюмо топтавшимся на палубе шебеки, заорал: — Разворачивай! В поход идем!

Мрачные лица дренгов разгладились, вынутые мечи полетели обратно в дубовый сундук. В поход?! Всегда рады!

— Меня подождите, сукины дети! Хей-хоп!

Херсир перескочил на борт «Хёка». Весла из египетской акации осторожно отпихнулись от борта «Семаргла».

— Снимаемся! К повороту! Поворот!

Весла на правом борту шебеки загребли вперед, на левом — в обратную сторону. Корабль плавно развернулся, но парусов не поднимал — ждал команды.

К «Семарглу», качавшемуся на волне, подошла снекка «Торум», на которой плыл сам Рюрик.

— Глебу — мой привет! — прокричал Рюрик с палубы.— Никак в поход собрался?

— А возьмешь? — заорал Глеб.

— Куды ж мы без тебя?!

— То-то! — осклабился Глеб.

— Хилвуд! — посерьезнел Рюрик.— Я тут подумал... Не стоит нам сразу в Гарды переться. Надо бы сначала в Упсалу наведаться, вдруг свеи вернулись уже?

— Дело говоришь,— сказал Глеб.

— В любом случае,— пожал плечами Хилвуд,— не помешает в гости к свеям заявиться. Пусть испробуют, каково это — выть на пепелище!

— А Бирка — град богатенький! — с места добавил Агил.

— Будь по-твоему, Агил! — рассмеялся Рюрик.— Идем на Свеарики!

Коренные земли Свеаланда очень походили на ядро Гардарики-Руси: свеи тоже селились на берегу большого озера, узким проливом выходящего в море. Только и пролив сей Невы короче, и само озеро Лёг куда меньше просторной Ладоги.

Олег Вещий стоял вместе со всеми на палубе и любовался проплывавшими видами. «Семаргл» шел сторожко, подкрадываясь, плутая в живописных шхерах — то плоских, то холмистых, скалистых и обрывистых островках, сплошь заросших лесом. Иной раз из темно-зеле-

ной воды выглядывала полурассыпавшаяся серая скала, в макушку которой вцепилась корнями, как когтями, одинокая сосна, битая и крученая ветрами.

К полудню флот достиг матерого берега. Плюхая по спокойной воде озера Лёг (в будущем — Меларена), корабли миновали поселение Норсборг, сторожащее подходы к Хусбю, и вышли к Бирке. Олег лишь головой покачал. Насколько же безлюдны северные страны! Бирка — самый крупный город в стране свеев. Крупный?! А всего-то тысяча человек! Вдесятеро меньше, чем в Альдейгьюборге. В пятьсот раз меньше, чем в Константинополе...

Бирка вся открывалась взгляду — скопище рубленых изб и обмазанных глиной плетеных хижин. Стена с башнями окружала городишко лишь с тыла, полумесяцем, проводя бревенчатую дугу от берега и к берегу. Но здесь, как и в Альдейге, из воды высовывались многие десятки свай, вбитых в дно,— кораблю не подойти! Все торговые суда разгружались на рейде, а товары подвозили на лодках.

На кораблях объединенной эскадры протрубили рога — храбрые мужи не подкрадываются!

— Забегали! — ухмыльнулся Витул, наблюдая за суетой на берегу.

— Как тараканы! — захихикал Агил.

Подошел Хилвуд и распорядился:

— Наше дело — в тыл зайти, ворота там. Надо будет вышибить... Ну-ка, всем в брони!

Олег быстренько влез в тяжеленную кольчугу — упадешь за борт, можешь даже не барахтаться, все равно на дно пойдешь... «Взопрею,— подумал Сухов с неудовольствием,— вонять буду... Интересно, водятся у свеев бани?..» Он надел круглую вязаную шапочку-нурманку вместо подшлемника, а сверху нахлобучил шлем — перед глазами зачернели выкружки, словно толстая оправа очков без стекол. Готов к труду и обороне!

— Приготовиться к повороту... Поворот!

Десяток снекк во главе с «Семарглом» свернул влево, огибая остров, и вышел к особой гавани для коггов, она так и называлась — Куггхамн. Глубоко сидели фризские корабли, зато какие вместительные!

В бухточке Куггхамн уже стояла парочка коггов. За ними видны были срубы, длинные и словно приплюснутые, в беспорядке громоздились навесы, ворота с якорными канатами, жилые бараки, доки, кузницы, склады, кучи сваленных снастей, загоны для скота, длинные ряды сараев... Порт.

— Оружие проверить! — громогласно велел Хилвуд.— К берегу!

Снекка с ходу причалила, с визгом и треском прижимаясь к вымолу.

— Ран! Ран! — издала клич рать судовая и пошла сигать через борт, затопала по пристани, круша по пути зазевавшихся свеев.

— Сюда! — крикнул Витул, подзывая своих.— Глядите, чем не таран?!

Он показал на здоровенный киль строившегося корабля — грубо обтесанный брус в обхват, а длиною метров двадцати.

— Хватаем!

Варяги подхватили киль-матицу, Олег тоже подставил плечо.

— На город! — проорал Хилвуд, указывая путь мечом.— Вперед!

Варяги почесали грузной трусцой, бегом пересекли лесок, выбрались в обширное поле, волнистое от оплывших курганов, поросших травой, и вот они, городские укрепления — серые рубленые стены, черный, набрякший влагой верх. Просто до убожества.

Ворота стояли открытыми, метавшиеся свеи спешно запахивали их.

— Разгон... взяли!

— Ра-ан! — заревели варяги на могучем выдохе.— Ра-ан!

Ворота приближались скачками. Олег покрепче вцепился в брус. Удар! Киль непостроенного судна вышиб ворота, переломив одну створку.

— Бросаем на счет «три»! — скомандовал Витул.— Раз, два, три!

Олег мигом освободился от тяжкого тарана и отпрыгнул. Киль загудел, шмякаясь в пыль.

— Они даже засов не вставили в ухи! — заорал Витул.— Да и нет его! Наверное, на дрова порубили!

— Разговорчики! — весело рявкнул Хилвуд.— Мечи к бою!

— Да с кем биться-то?! — продолжал орать Витул.

Тут-то и достала весельчака свейская стрела. Тяжелое древко в два локтя пробило кожаный панцирь Витула со спины и вышло из груди на уровне сердца. Витул Бывалый побледнел, пошевелил синевшими губами, пытаясь вымолвить последнее слово в своей короткой жизни, и упал навзничь.

Забор напротив качнулся.

— Там! — крикнул Олег.

Разъяренные варяги повалили плетеный тын, и стала видна худая фигурка юнца, драпавшего огородами.

— Стрельцы!

Трое лучников неторопливо уложили стрелы и выпустили их навскидку. Все три «змеи битвы» ужалили юнца, да так, что тот кувырком полетел.

— Вперед! — прорычал Хилвуд.

Олег зашагал по гулкой деревянной мостовой. Варяги топали рядом, сотрясая «тротуар».

— Бей свеев! — верещал Агил, держа меч наголо.

— Жги! — вторил ему прусс по имени Палутис.

— Стену пожгите,— велел Хилвуд.

— Это мы мигом! — крикнул Олег, углядев два стога сена, сметанных рядом с крепостной стеной.— Пончик!

Вдвоем они перетаскали сено душистое, навалив под бревенчатую стену, а Палутис сунул факел. Сухая трава загорелась, жаркими языками облизывая дощатую галерею у самого верха частокола. Доски затрещали, задымились, вспыхнули, охватив огнем тесовый навес. Занялись и бревна частокола.

— Порядок! — крикнул Палутис.— Догоняем наших!

Они вернулись, не пряча мечей. Прусс тут же погнался за поселянкой, выглянувшей из-за угла, охнувшей и дунувшей прочь.

Олег бежал по улице, вертя головой, замечая бледные лица за черными проемами окон, но желания врываться и грабить у него не возникало. Нет, решение Рюрика он одобрял. Свеи напали на Гарды?.. Напали. Пожгли Альдейгу?.. Пожгли. А каков привет, таков ответ. Все справедливо!

— Жалко их! — выкрикнул Пончик на бегу.— Только наших еще жальче!

Олег глянул на лекаря-целителя.

— Эй, ты чего это без оружия? — крикнул он сердито.— Хочешь, чтобы тебя подкололи?

— Я — вот! — оправдался Пончик, вытаскивая из-за пояса здоровенный нож, с клинком в локоть длиною.

— Так и держи его!

Своих Олег догнал на перекрестке. Сотня Хилвуда столкнулась со свеями, сбившимися в подобие отряда. Выглядели они смешно — дурацкие вязаные шапочки на головах, одни в штанах и обуты, другие в одних рубахах и босы. Палки, ножи и молоты были их оружием.

— Вон отсюда! — рявкнул Хилвуд, указывая путь мечом. Но горожане были так перепуганы, что не поняли боярина и милосердия его не оценили. Крича вразнобой, они кинулись на варягов, тараща глаза и размахивая тяжелыми предметами. Варяги мигом вырезали первый ряд, и свеи, побросав свое «вооружение», разбежались.

Поплутав по тупикам и переулкам, Олег, Пончик, Хилвуд и Агил выбежали к аккуратной избенке, над которою торчал деревянный крест. О столб крыльца, разнеженно хрюкая, терлась большая пятни-

стая свинья. В луже напротив прихорашивались гуси. А в дверях стоял румяненький плотненький человечек с венчиком волос вокруг тонзуры и обмахивал варягов бронзовым крестом.

Это был отец Ансгарий, бравый миссионер, который отважился нести свет веры Христовой на свейские берега.

— Hostem repellas longius, pacemque dones prentius,— выпевал священник дрожащим голосом,— ductore sic te pravio, victemus omne noxium...

— Отгони врага далеко и даруй нам мир,— переводил Пончик скороговоркой,— вождь, идущий впереди... впереди нас... э-э... да победим мы всякое зло...

Хилвуд вытянул меч и невежливо хлопнул Ансгария плоской стороной клинка. Священник отпрыгнул, пропуская язычника в храм. Олег вошел следом.

В церквушке стояла полутьма, только несколько лучиков пробивались из-за ставенок, бросая отсветы на грубо вытесанное распятие. Лики на иконах, развешанных по бревенчатой стене, были темны от копоти, и лишь глаза святых белели ярко и пугающе.

— Золото где?! — крикнул Хилвуд, срывая с алтаря покров и сбрасывая на пол простенький евангелиарий, сработанный из дерева и кости.

Отец Ансгарий понял венда. Упав на колени, он полез под сундук и вытащил оттуда заскорузлый кожаный мешочек. Подержался и сунул Хилвуду. Боярин благосклонно принял дань.

— Палутис! — кликнул он пруссa-поджигателя.— Церкву не жечь! У нас все честно.

Правда, спасти храм от пожара не удалось — все окружающие дома уже пылали, обрушивая на церковную кровлю град искр и угольков.

— К гавани! — скомандовал Хилвуд.

Короткой главной улицей, проложенной пьяным зигзагом, они спустились к пристани. Рюрик был здесь. Он стоял на пригорке и любовался пожаром.

— Купцов не трогать! — приказал он грозным голосом.— А то не придут боле!

Варяги с неохотой вернули отнятые мешки, и торгаши возблагодарили своих богов.

Олег выбежал на пристань и оглянулся. Бирка пылала. Половина домов еще была цела, но уже где-то дымилась крыша, где-то перебегали первые огонечки.

— Добычу поделим в море! — распорядился Рюрик.— На лодьи все! Упсала ждет нас!

— На Упсалу! — закричали йомсвикинги с большим энтузиазмом.— На Упсалу!

— Ран! Ран! — вторили им варяги.

— Огня свеям! — бушевали пруссы, немало натерпевшиеся от нашествий Эйрика Энундсона.— Огня!

Оставив Бирку догорать, корабли мстителей отчалили, стремясь поразить Свеаланд в самую сердцевинку.

Взять Упсалу с ходу не получилось. Столица Свеарики была неплохо защищена, а главное, у нее хватало защитников — оборону держали не растяпы-хускарлы, а матерые хирдманы, оставленные на службу Эйриком конунгом и решившие, судя по всему, оправдать высокое доверие.

Упсалу окружала высокая стена, сложенная из дубовых бревен, почерневших от дождей и долгого времени. Двухстворчатые городские ворота, обращенные на юг, были так тяжелы, что обвисали на литых бронзовых навесах, зеленых от патины. Створки вычертили на земле дуги, отгребая лишний грунт к двум неказистым воротным башням, чья каменная кладка держалась на извести и глине.

И Рюрик повел штурм по всем правилам. Берег близ Упсалы, вдоль коего тянулись причалы, обороняли летучие отряды хускарлов. Хускарлы то и дело перебегали от дерева к пригорку, от пригорка к замшелому валуну, словно не могли усидеть на одном месте. В варягов беспорядочно летели стрелы и увесистые булыжники, пущенные из пращей.

— Стрельцы! — крикнул Рюрик разозленно.— А ну, перебить эту свору!

А те и рады стараться — меткие стрелы повышибли самых медлительных хускарлов, прочих же загнали в укрытия. Кое-кто из свеев вознамерился еще побегать, пострелять, но этим второй попытки не давали — лучники не промахивались...

Первыми высадились йомсвикинги и заняли линию обороны. Тут же к причалам подтянулись кнорры, выполнявшие в эскадре роль военных транспортов, и на берег выкатили тяжеленные метательные орудия — четыре баллисты и пару онагров, сработанных из ясеневого бруса, а для пущей прочности усиленных железными накладками.

— Раз, два... Взяли! — крикнул Хилвуд с натугой, впрягшись в коробчатую баллисту.— А ну!

С десяток варягов кинулись на подмогу, Олег уперся в задок баллисты. Зарываясь деревянными катками, орудие сдвинулось с места.

Из-за обтесанного бруса Олегу были видны воротные башни Упсалы и шлемы ее защитников, нырявшие за стенами, как серебристые поплавки. «Ха-ароший будет клев!» — мрачно усмехнулся Олег.

— Стой! — сказал Хилвуд.— Чуток влево! Во! Крутим, живо!

Четыре пары дюжих варягов вставили рычаги и пошли скручивать пучки воловьих жил. Хилвуд с кряхтящим Агилом оттягивал толкатель.

— Полста раз крутнули! — доложил краснощекий варяг.

— Порядок! — потер ладони Хилвуд.

— Заряжай!

Олег вдвоем с Пончиком сноровисто уложили в желоб метателя толстое мореное бревно, окованное железом с острого конца,— запросто пробивает четыре частокола подряд!

— По воро-отам... Пуск!

Хилвуд дернул за шнур, задвижка выскочила, и баллиста подпрыгнула.

Снаряд с коротким грохотом продырявил ворота насквозь.

— Отпускай! — махнул Хилвуд мордатым йомсвикингам, суетившимся вокруг онагра.

Шатун орудия с треском ударил по раме, выпуская из пращи тяжелый жернов. Вихляясь, он просвистел по навесной траектории и ударил ребром, сгибая бронзовый навес. Посыпалась пыль, по углу башни черной молнией пробежала трещина.

— Заряжа-ай! Отпускай!

С промежутком в удар сердца по створке ворот долбанула пара двухпудовых ядер, выворачивая камни и в щепу кроша лесины.

— Отпускай!

Не выдержала левая створка ворот и повисла, держась на честном слове. Еще один жернов, вращаясь, как подкинутая монетка, ударил в нее гигантским сюрикеном. С громом и треском, развалясь надвое, створка полетела в проем.

В клубах пыли метались викинги, бестолково громоздя баррикаду. Третьим залпом оставшуюся створку измолотило на брусья и внесло их под арку ворот. Тяжелыми шарами катнулись ядра, пропахивая в стенах изрядные канавы, мочаля дерево и сметая стражу.

— К атаке! Готовсь!

На берег выбежал Рюрик:

— На приступ!

Олег крепче взялся за щит и меч. В душе у него двоилось. «Что, погано тебе, Вещий? Тошно, да? Страшно? А ты плюнь! И не позорься. Или ты уже забыл Алка, Фарлофа, Витула, что полегли в Бирке? А ты погляди на Палутиса! Вот кто не забыл! Вот кому покоя не дает кровь не отомщенная! Бери пример, Вещий...»

— Слушай меня! — заревел Хилвуд.— На врага! Бегом марш!

Он первым ринулся в разнесенные ворота.

— Стрелкам прикрывать!

Загудели стрелы, вычищая бойницы башен и просветы меж зубцов над воротами. Олег держал щит на манер зонтика: душ из кипящей смолы — удовольствие ниже среднего. Он бежал в четвертой линии, его заботой было — подчищать и добивать. В первой линии шли самые умелые и опытные.

Викинги сгрудились в глубине арки, перегородив проход. Лиц было не разобрать — на светлом фоне проема фигуры воинов смотрелись черными силуэтами. Воняло навозом и мочой.

— Сулицы к броску! — скомандовал Хилвуд.— Цельсь! Замах! Раз! Два!

Тесно было полусотне под аркой, но на войне и хуже бывает. Мускулистые руки варягов и йомсвикингов отвели дротики-сулицы и послали во врага, выбивая передний ряд защитников Упсалы.

— Строимся клином! Мечи из ножен!

Страшный северный клин-фюлькинг! Широкие плечи, бугрящиеся силой, обтянутые кольчугами, смыкаются в одушевленный железный колун и врезаются во вражье войско, ломая его строй, разрубая надвое, разя мечами и секирами направо и налево, без промаха и без пощады! Скоро и он выберется в первую линию... Эх, где бы сыскать такие упражнения, чтобы беспощадность тренировать и жестокость воспитывать?

Олег припомнил, как он рубил голову курице на даче: просто брал в руку топор и заставлял себя ничего не чувствовать, только замахиваться и сечь... Не выработал он еще привычку к убийству, не заветрился, покрываясь сухой корочкой.

— Мечи к бою! — рявкнул Хилвуд.— Вперед!

Олег зашагал, топча осколки камней и щепки. Он держал в поле зрения весь плотный строй хускарлов на правом фланге, но всматривался лишь в двоих, крепкими короткими ногами упиравшихся в пыль на линии атаки. Эти падут первыми. От его руки.

Катана перешибла древко копья, нацеленного Олегу в грудь, и чиркнула свея по горлу. Лицо, сплошь заросшее рыжим волосом, закинулось кверху.

Удар фальшиона справа Олег погасил обратным движением меча и подрубил открывшуюся шею. Сунувшуюся морду с клочкастой бородой Олег треснул щитом, еще одного защитника Упсалы достал ногой. Он не геройствовал. На нем была тяжелая и грязная работа, и Олег ее добросовестно выполнял. Вязла в ушах атональная какофония боя — скрежет, лязг, звон сцепившихся клинков, грохот щитов,

отбивающих мечи, тупой хряск разрубаемых костей, треск ломающихся оскопищ и топорищ, крик, хрип, брань, вой...

Клин рассек ряды свеев, отбросил неприятеля к стенам и перебил.

— Сомкнуть щиты! Копья наперевес!

Загремели щиты, сбиваясь в крепкий тын, ощетинившийся иглами копий.

— Закрепляемся! Удерживаем ворота! Стрелкам — приготовиться!

Подвижной крепостцой выступил из-под арки варяжский клин, попадая в начало улицы, немощеной и очень грязной. Бревенчатые дома перемежались с глинобитными мазанками и редкими зданиями из плоских камней. Все окошки были задернуты промасленным полотном, из отверстий в тростниковых крышах шли сизые дымки, и два запаха попеременно перебивали друг друга — горящего торфа и конского навоза.

В перспективе поднимались стены «дома крови» — храма Тора, попиравшего землю рядом с громадным дубом. Свеи атаковали сразу с трех сторон — пешие и конные. В момент они запрудили улицу.

— К мечу! — заорал Хилвуд.— Тесней строй! Щиты сбей! Первый и второй десяток — по улице! Третий и четвертый — кругом! Крайние — полуоборот!

«Клин» моментом перестроился в «город», в плотное каре, отовсюду ждущее удара и готовое его отразить. Олег с Пончиком очутились внутри живых стен «города». Сухов покосился на лекаря, воинственно задиравшего подобранный топор, но ничего не сказал.

— Тесней! Тесней строй! Жми щит!

Викинги обтекали «город» скобкой, потрясая копьями и круглыми щитами, размалеванными ярко и неумело,— грифоны, драконы, львы... Нестройно ревя, викинги бросились на варягов.

— Луки к бою!

По команде Хилвуда первый ряд раздвинулся, и в прогалы шагнули стрельцы. Низко запели тетивы. Свеи дружно прикрылись щитами — будто не ведали они убойной силы варяжских стрел! Граненые наконечники протыкали насквозь и грифонов, и драконов со львами, прокусывали кольчуги и гвоздили, гвоздили неприятеля, отбрасывая никнущие тела.

— Тесней! Не разрывай! Сомкни!

С жестяным грохотом столкнулись щиты и копья. К множественному треску и реву прибавились противный хруст и лязг.

— «Стеной» стройся! — приказал Хилвуд.— Чистим улицу!

Олег врубался в строй хускарлов, как ямайский негр — в сахарный тростник. Только и разницы, что не мачете сек, а меч, и был сей тростник разумным... Не думать! Не думать! Или нет,— думай. Но пра-

вильно! Вбей себе в башку, что мораль к войне не приложима, и не мучайся. Любая война, как ее ни назови: священной, справедливой, освободительной,— вне морали... Куда прешься, зараза?! Н-на! Судить надо не процесс, а условия, необходимые и достаточные. Зарубить безоружного, прирезать ребенка или женщину — вот это безнравственно! А снести голову с плеч хлопцу с поганым взглядом, длинному, унылому и гнутому — этому вот, что слева, или во-он тому малому, с лягушачьими глазами и жвачным рылом,— никакое не убийство вовсе, а одержание победы.... Прав тот, кто жив!

Слева подскочил лучник. Растянул лук и выстрелил. Стрела ушла в занавешенное окно на втором этаже деревянного дома. Грубое полотно сорвалось, и наружу вывалился толстячок в безрукавке из коровьей шкуры. Лук и стрела выпали у него из рук.

— Так его! — похвалил Олег.

— А як же!

Хилвуд вывел полусотню ко дворцу конунга. Здесь гридней и окружили.

— Держать строй! — проорал боярин, чертя воздух мечом.— Стрельцов и раненых — внутрь!

«Неужто не выдюжим? — тревожно подумал Олег.— Свинство какое!» Выдюжили! Из проулков ударили йомсвикинги, и свеи сами попали в окружение. Хилвуд выстроил своих «стеной» — фалангой на варяжский манер, и началась давильня. А деревянный Тор, подглядывая из боковых дверей храма, взирал на баталию и прятал в золоченой бороде злорадную ухмылку...

Свеи не выдержали штурма и натиска варягов. Ряды хускарлов начали стремительно таять — войско разбегалось, ховаясь за свинарниками, просачиваясь в двери и окна, сигая через заборы. Угрюмые викинги, чуждые массового героизма, бросали оружие и жались к стенам, зыркая из-под шлемов.

— Пленных повязать,— отдал Рюрик распоряжение. Взбежав на ступени крыльца, рейкс вытянул руку жестом дающего и воскликнул: — Упсала — ваша!

Варяги и галаты, йомсвикинги, пруссы с эстами и галиндами — все дружно, без разбору языка и племени, издали восторженный рев. Огромная толпа завоевателей начала рассыпаться, людскими ручейками разбегаясь по нескольким улицам Упсалы, широким, но кривым.

Сухов, не пряча меч, отбросил щит и ворвался в дворцовые палаты. Где-то от дальних покоев доносился торопливый топоток, явно не воинских сапог. Олег двинулся по темному коридору, заглядывая во все двери.

В обширном зале, чей низкий потолок поддерживали пузатые колонны из треснувших стволов, он обнаружил следы боя: трое викингов лежали на земляном полу в стынущих лужах крови. Олег задержался. Видимо, те варяги, что побили свеев, бросили все в горячке боя и побежали дальше — рубить, колоть, добывать славу... Потому что золото — вот оно. Оглянувшись — не видит ли кто? — Олег присел на корточки и снял с убитого свея крученую золотую гривну, тяжеленьким ошейником обжимавшую шею. Бросив ее в кожаную наплечную сумку, в которой он до того шлем таскал и кольчугу, Сухов стянул с предплечья свея кованую золотую спираль-обручье. Второй мертвяк был уже обобран кем-то, а на третьем нашлися лишь серебряный оберег в виде русалки с глазами из голубых сапфиров и богатый воинский пояс с приклепанными золотыми бляхами. Пояс Олег затянул на себе, а пучеглазую русалку добавил к золотому запасу в суме. «С первой добычей вас, Олег Романыч!»

Поднявшись на второй этаж, Сухов толкнул дверь из толстенных досок и вошел в очень теплую, очень чистую светлицу. Меблирована светлица была скудно: в одном углу стояла деревянная кровать с изголовьем, в другом громоздились два окованных сундука.

А посередине, вытянувшись в струнку и плотно сжав ноги, распустив по плечам волосы цвета соломы, стояла перепуганная девушка. Не очень высокая, скуластенькая, с веснушками на маленьком носу.

Олег загляделся на груди девушки. Эти атласные шары нежной и теплой плоти с маленькими сосочками просто не могли подниматься так высоко, а они дерзко не поддавались тяготению, вызывающе кругля формы, близкие к идеальным. Олегу стало немного стыдно, потому что желание его проснулось и демонстрировало себя слишком откровенно.

Раскрывая от страха большие глаза, плеская их синью на Сухова, девушка залопотала что-то на свейском. В ее нежном голосе путались мольба и ужас.

Не бойся,— мягко сказал Олег и шагнул к девушке.

Та, продолжая лопотать, быстро стянула с себя рубаху. Отступив к кровати, девица легла сама. Успокаивать ее в лучших традициях джентльменства он не стал. Возможно, если он извинится и покинет девушку, это будет выглядеть благородно. И глупо. А следующий, заглянувший в светлицу, тоже станет церемонно расшаркиваться?

Олег отложил меч, стянул с себя кольчугу, снял шлем. Девушка следила за ним со слабой улыбкой. Раздвинув ноги, она ждала. Сухов положил руку на круглую коленку и повел пятерню вверх. У него пе-

ресохло во рту, голова кружилась, а центр удовольствия в мозгу таял от касания шелковистого, гладкого и теплого. Девушка застонала.

Он овладевал ею молча и яростно, но не грубо, словно какой-то предохранитель в душе не позволял сделать девушке больно.

Когда погружение в горячие глубины закончилось, и Олег подвсплыл на поверхность сознания и реала, девушка не отвернулась и не оттолкнула его. Она легла на спину, закинув руки за голову, и томно потянулась, мягкая-мягкая, ласковая-ласковая. «С первой наложницей вас!» — поздравил себя Олег Вещий, сын Романа.

Глава 20

1

Валит, сын Ниэры из рода Лося, выстроил себе шалаш на западной окраине Тысячи Болот, рядом со становищем ополчения. Расположились ополченцы на высотке, так что свежий ветерок сдувал мошкару на топи. Вечером, правда, и ветер не помогал — комары зудели большим, дружным хором и кусали остервенело. Поэтому первейшей задачей дозорного было разводить костер и поддерживать горение, кидая в огонь хвою и травы, отгонявшие насекомых мучителей.

Дежурить под утро выпало Валиту, и сын Ниэры добросовестно пялился в ночь, стараясь не глядеть на огонь,— треснет чего в сторонке, а не разглядишь, одни круги цветные скачут перед глазами.

После восхода солнца его сменил Сулев, а Валит заполз в шалаш — наверстывать недоспанное. Ну, долго гоняться за отлетевшими снами ему не пришлось — явился Олдама и скомандовал подъем.

— Живо! — прошипел он.— Сам конунг требует!

— Чего это? — вытаращился Валит.

— Да я почем знаю? Быстро, быстро! Умойся хоть. И причешись! Ходят как чучела!

Валит мигом сбегал к ручью, ополоснул лицо, утерся рукавом и помчался на холм, занятый боярами.

Бояре ставили такие же шалаши, что и простые варяги или ополченцы,— роскошные шатры достались врагу. У самого большого ша-

лаша сидел на бревне Улеб конунг и грелся на солнышке. Перед ним навытяжку стояли Сулев, Веремуд и Ошкуй. Подбежал запыхавшийся Олдама. Валит подлетел следом.

— Все явились? — вопросил конунг.

— Все, конунг,— ответствовал Олдама,— все, кого требовал!

— Тогда слушайте... — Конунг поднялся, упираясь руками в колени, и продолжил: — Послезавтра я всех в бой поведу, а у нас за спиной Гадар! Торчит, как заноза в заднице! Вадим этот... Что ж мне, отводить от войска пару сотен — переветников сдерживать? Короче... Пойдете в Гадар! Явитесь, как простые охотники, мы вам дичи подкинем для верности, шкур — медвежьих, волчьих... В общем, кого набьем. А задача ваша такая — мутить народ! Пугайте гридь Вадимову по-всякому, пусть между них раздор пойдет да развал. Пусть затревожатся, завертятся... Начнут разбегаться — отлично! И народ подбивайте, пущай они того Вадима на круг призовут, да и гнать велят! Понятна задача?

— Понятна, конунг,— кивнул Олдама.

— Времени, конечно, мало... — покряхтел Улеб.— Ну да ладно! Что успеете, то и успеете... Ступайте, Перун с вами!

На задание «охотники» вышли на ушкуе. Вернее, с ушкуем. Побросали в него свернутые шкуры, добытые для такого дела в лесу, и поволокли его бечевой по ручью, слишком мелкому, чтобы держать на себе лодку с пассажирами. Выбрались к Олкоге, вплавь миновали пороги Низовые и Пчевские и догребли до самого Гадара.

Гадар величиной не впечатлял, народу тут проживало меньше, чем в Алаборге. Селились как попало, поближе к крепости, что неровным прямоугольником выходила к истоку Олкоги, южною стеной глядючи на просторы Ильмень-озера. Избы жались к крепостным стенам, а дале городились пашенки-огородики, лоскутной нейтральной полосой пролегая между домишками и дремучим лесом. Впрочем, лес за века здорово проредили, к востоку он рассыпался на дубравы, а за травянистой мстинской поймой и вовсе сходил на нет.

— Гляди-ка! — хмыкнул Сулев, отмахивая веслом с правого борту.— Бегают как укушенные!

— Забегаешь тут... — проворчал Олдама.

Валит обшарил берег любопытными глазами. И вправду! Люди на пристани, в бронях или в простых рубахах, не ходили, а бегали, нервно размахивая руками, не говорили, а орали или бранились, впадая в лютость. Так бывает, когда долго трусишь, а тут выходит срок... Все

ж понимали, что вышли на распутье, и надо точно выбрать, куда идти дальше. И с кем идти. А веры не было ни в ком... Одни ставили на свеев и гадали, выиграют ли, а другие за правду ратовали, за конунга Улеба, но не потому, что убеждение имели, а по привычке, по старинке. Когда это бывало, чтобы русов били?! Готов приводил Эрманарих, бил-бил русов, не разбил! И датчане в Гарды наведывались, и булгары совались, все кому не лень пробовали остроту русского меча. И где они теперь? Сгинули! Сопрели их тела, перемешались с палою листвой, удобрили болота, накормили рыб и раков. Так и с этими свеями станется! Так убеждали себя «патриоты», а сомнения все одно оставляли по себе червоточинки...

— К берегу! — решил Олдама, и вся команда дружно погребла. Ушкуй у пристани был не одинок, много тут стояло всяческих кораблишек — соймы стояли, груженные золой и лесом-кругляком, кочи тыкались в вымолы, корабельщики таскали из трюмов круглые горшки с солью.

Ушкуй бортом стукнулся о причал, и Олдама, ловко сиганув на доски, притянул лодку за брошенный канат. Тут же подошли стражники, заранее щуря глаза и налапывая рукояти мечей.

— Кто? — каркнул старшой из них, лобастый здоровяк в кольчуге, усиленной круглыми пластинами на груди. Зеленые порты с заплатками на коленях контрастировали с богатыми сапогами из сафьяна, расшитыми жемчугом. Украл, видать.

— Откуда? — вторил ему молодший, безусый парень в шлеме не по размеру, в кожаном панцире поверх чапана — стеганого халата кочевника.

— Охотники мы! — степенно заговорил Олдама, строя из себя недалекого, туповатого лесовика, коему звери лесные роднее ближних.— Давненько лиц не видали, одни морды! Мучки хотим сменять, соли, там, и ваще...

— Торг в крепости,— пробурчал старшой,— за вход — два даника...

— И где ж мы их сыщем? — вылупился Олдама.

— А то уж не мое дело! — ухмыльнулся стражник.

Олдама очень натурально сплюнул.

— Пошли, по слободке пройдемся,— решил он,— может, сторгуем чего...

Команда вылезла на пристань и нагрузилась шкурами. Валиту достались волчьи. Пристань продолжилась узкой улочкой, что вильнула и запетляла меж домов, неказистых, но крепких, основательных. Зимы здешние худого строения не потерпят, мигом заморозят!

— Олдама,— прогудел Сулев,— влево повороти!

— Это еще зачем? — насупился Олдама.

— Знакомец там проживает,— спокойно объяснил Сулев.— Не продадим шкуру, так хоть займем мелочь!

— Ладно... — проворчал Олдама и скривился с досады.— Надо ж, не подумали денежку взять!

— Что ж не подумал? — сощурился Веремуд.

Олдама ничего не ответил, засопел только.

Знакомец Сулева жил в длинном доме под свежей кровлей, нарезанной из торфа,— даже травка еще не проросла. Сам хозяин сидел на пороге. Он здорово походил на Сулева — такой же обхват могучих плеч, такая же валкая походочка медведя, вставшего на задние лапы. Попадись такому в лапы — мигом заломает...

— Здорово, Олев! — пробасил Сулев.

— Во! — удивился Олев и привстал, сутулый, широкий, косолапый.— Никак Сулев пожаловал! Ты как в наши края забрел? По нужде или...

— Или! — усмехнулся Сулев.

— В дом! — коротко сказал Олев и, будто невзначай, глянул вдоль по улице.

В доме было полутемно и прохладно, приятно пахло травами и сгоревшей смолкой.

— Щас поедим... — крякнул Олев.

— Да сытые мы,— неуверенно молвил Ошкуй, оглядываясь на друзей.

— Вот сейчас и проверим! — ухмыльнулся Олев.

Особых яств хозяин не припас, только холодное вареное мясо да свежие лепешки, которые многие хозяйки в Гардах пекли на манер степняков, раскатывая тесто в тонкий блин. Готовую лепешку складывали и ели, а то и вовсе использовали ее вместо тарелки.

Ошкуй с Сулевом не долго кочевряжились — отчикали себе по хорошему кусцу мяса. Валит решил не отставать от старших товарищей.

— Что делать собираешься? — серьезно спросил Сулев.

Олев дожевал и спросил:

— Ты о чем?

— А то ты не знаешь! — хмыкнул Сулев.— Весь лес по ту и по эту сторону полон народу. И народ этот не по грибы вышел, а по гробы! Карелы, и чудь, и весь, и меря, и водь с ижорой — все похватали топоры да копья и сходятся к Альдейге. Скажет Улеб конунг свое слово, и мы так ударим, что от свеев мокрого места не останется!

— Сулев! — прошипел Олдама.

— Ништо! Олев — человек!

Олев усмехнулся и протянул руку под лавку. Пошарил и вытянул боевую секиру, богато отделанную серебряной инкрустацией.

— А мое место — туточки! — спокойно сказал Олев.— А это,— он качнул секиру,— я для нашего распрекрасного ярла уготовил. Тут многие на него злы, не я один такой. Предателей у нас не жалуют!

— Так чего не прогоните Вадима? — задал вопрос Олдама.

Олев потер скрипящий подбородок.

— Семейные боятся, что свеи придут,— выложил он,— вот и чешут в затылках...

— Не придут! — заявил Валит. Олдама нахмурился, но сын Ниэры продолжил: — Ни одна лодья свейская не подымется по Олкоге. Пожгли мы их лодьи. Пяток остался, да те не в счет. Свеи, правда, у арабов завы ухитили, ну, так... Кнорр — не лодья, вертел — не копье!

— Эт точно... — протянул Олев.— Надо поговорить с мужиками!

— Поговори! — взбодрился Олдама.

— А нам даников займи,— вступил Сулев,— мы в крепость сходим.

Олев кивнул и отсыпал из кошелечка за поясом горстку медных данников и пару серебряных дирхемов.

— Это лишнее,— вернул ему серебро Сулев.

— А я у тебя шкуру покупаю! — ухмыльнулся Олев.— Дюже теплая вещь.

— Ну, пошли! — скомандовал Олдама.— Времени — чуть!

И они пошли.

Накаленная атмосфера раздражения и тревоги в крепости еще более сгущалась. Собственно, здесь и гнездились все тревоги и поводы для беспокойства. Гридни ходили злые, дерганые. Купцы в торговых рядах сидели тихо, как мышки. Не было слышно обычного хвастовства, крикливых призывов покупать, не было закатываний глаз — торгаши были скучные или нахохленные.

— Разбредаемся,— скомандовал Олдама.

И все разбрелись. Ошкуй присел на корточки у самых ворот, раскатал шкуру медведя и стал терпеливо ждать покупателя. Олдама с Сулевом заняли свободный лоток, Веремуд лениво расхаживал по двору, встряхивая шкурками куниц, висящих, как рыбки на кукане, а Валит отошел в тень башни и выложил свой товар.

Парочка гридней, вполголоса переговариваясь и зыркая по сторонам, смолкли и подошли приценицься.

— Волк? — спросил гридень в кожаном доспехе с нашитыми на груди пластинами, напиленными из конских копыт.

— Волчара! — охотно подтвердил Валит, разглаживая серую, с подпалинами, шкуру.— Матерый! Как выскочит, как кинется!

— Линялый, верно? — присмотрелся другой гридень, в одной подкольчужной рубашке.

— Кого?! — оскорбился Валит.— По зиме стреляный! Стрела в глаз вошла, так что ни дырочки, ни царапинки! Бери!

— Мне две надо... — поскреб в затылке воин в коже.— Хочу куртку на зиму справить...

— Бери две! — согласился Валит.— Хоть три забирай! Только...

— Чего? — буркнул гридень.

— До зимы еще дожить надо... — осторожно сказал карел.

— Ты это о чем? — прищурился гридень.

Валит вздохнул.

— Я — карел,— признался он с простодушием лесного жителя,— меня эти ваши разборки со свеями не касаются. Будет кто доставать — уйду подальше в лес, и всего делов! А вы-то — гридь...

— Ты меня что, свеями пугаешь?!

— Свеи... — фыркнул Валит.— Забудь о них! Варяги Улеба перемолотят свеев,— понизив голос, сын Ниэры проговорил: — Мы сюда лесом шли от самого Нево и на каждой полянке видели воинов. Громадная сила сходится под руку Улеба, и когда эта сила накатит на свеев... Мало чего от них останется!

— Врешь небось? — хмуро буркнул гридень.

— Клянусь секирой Перуна, бородой Велеса, молотом Сварога! — торжественно провозгласил Валит.

Гридни переглянулись.

— Да что свеи... — протянул сын Ниэры, встряхивая шкуру.— Вас жалко... Вот укатает Улеб свеев и сюда ж явится! Или, думаете, простит все ярлу вашему?

— Хрен там!

— Так вот... — вздохнул Валит и добавил задумчиво: — Не знаю... Я б на вашем месте ярла бы Улебу выдал!

— Ишь ты его... — проворчал гридень в коже.— Больно ты прыток! Мы присягу давали!

— А, это не по правде! — отмахнулся карел.

По ступеням, ведущим к терему ярла, спустился Шрамолицый. Валит сразу узнал его и сжался внутренне.

— Торгуем? — пропел Шрамолицый, берясь двумя пальцами за клочок волчьей шерсти и пытаясь его выдернуть.

— Че дергаешь? — сумрачно сказал карел.— Добрая шкура!

Шрамолицый прищурился.

— Где-то я тебя уже видел... — затянул он. Почесал в голове и махнул рукой: — Ладно! Торгуй!

— Премного благодарны! — смиренно молвил Валит.

Оба гридня спрятали усмешки в бороды. Подошел еще один гридень, росту малого, лицом бледен, а на вечно мокрых губах ухмылочка противная.

— Привет, Смед,— приветствовал его гридень в коже.

— Здоров, Алк,— ответствовал тот.

— Можно и тикать,— прикинул Кожаный, продолжая разговор с Валитом,— кто искать кинется?

— Куда тикать? — насторожился Смед.

— В лес!

— Не... — протянул гридень в подкольчужнике.— Скажут — трусы!

— Да и кем станете? — подхватил Валит.— Это мы — охотники, а вам иная доля выпала! И вы хотите от гриди в отказ идти?

Смед куда-то пропал, а тот, что в подкольчужнике был, вынул пару дирхемов и протянул Валиту.

— Мы в расчете? — уточнил он.

— Шкуры твои! — подтвердил сын Ниэры.

— Хватайте охотничков! — грянул вдруг голос Шрамолицего.— Держи их!

Веремуд бросился было к воротам, но дорогу ему преградили два копейщика. Трое гридней, выхватив мечи, подступили к Ошкую, еще четверо скрутили Сулева. Острое копье уткнулось в спину Валиту.

— Куда их? — спросил Смед.

— В поруб! — приказал Шрамолицый.— Пока... Вот завтра народ соберется, мы им бошки и обкорнаем! Эй, стражу выставь!

— Слушаюсь!

В поруб вела низкая дверь, сбитая из плах. Смед распахнул ее и прогнулся издевательски: дескать, милости просим! Всех «охотников», кроме Олдамы, спровадили в поруб, и дверь захлопнулась. Загремел засов.

— Вот гады... — проворчал Сулев.

Валит зябко потер плечи — в порубе было холодно. И темно. Только одно-единственное окошко, не шире кошачьего лаза, бросало на земляной пол квадратный зайчик.

— Гадство... — повторил Сулев.

— Надо было потихоньку-полегоньку,— сказал Веремуд.— Узнать сперва, что за люди, а потом уж толковать...

— Когда? — буркнул Валит.

— Вот именно,— кивнул Сулев.— Времени-то у нас — хрен, да маленько!

Ошкуй пощупал потолок из бревен, пошатал.

— И не пытайся,— сказал Веремуд, приседая на корточки,— весь терем на горбу не подымешь!

Все замолчали, перебивая тишину редкими воздыханиями.

— Не успеют наши... — проворчал Веремуд.— Пока свеев побьют, пока то, пока се...

— Они там, а мы здесь! — сказал Валит со злостью.

— А вот мне интересно,— молвил Веремуд, прислоняясь спиною к стене,— дошли наши до Рюрика или нет?

— Должны дойти! — тряхнул копной волос Ошкуй.— Иначе как? Иначе несправедливо получается!

Все засмеялись, а громче всех хохотал Валит. Солнечный луч, бивший в сырой пол, на секунду пресекся — изумленный страж заглянул в поруб.

— Сейчас не вырвешься,— проговорил Веремуд, осторожно надавив на дверь.— Утром, когда отворят, попробуем...

Все с ним согласились.

Луч, бивший в окошко, потускнел — солнце садилось. Именно в этот момент за дверью началась возня, заговорили грубые голоса, громыхнул засов. Валит изготовился дорого продать свою жизнь — уж одного-двух он прихватит с собой! Вместе они будут недолго — сковырнутся враги его со Звездного Моста, падут в Хель!

Дверь отворилась, и «Кожаный» сказал хмуро:

— Свободны!

Веремуд склонил голову.

— Это кто ж нам волю жалует? — спросил он.

— Мы жалуем! — оскалился «Кожаный».— Доволен?

— Вполне!

Чередой «охотнички» покинули застенок. Валит вышел последним и увидел под стенкой мокрогубого Смеда — шея у него была вывернута не поздорову...

2

Вадим ярл пил второй день подряд. Не напивался до поросячьего визгу — цедил понемногу, с утра до ночи, пьянея, но не теряя головы. А что было делать? Чем еще исцелить тоску? Вадим уже не чувствовал

себя ангелом смерти, призвавшим войну на гардские земли. Он отчаялся. Венец конунга Вадим более не надевал — что срамиться? Люди упорно не признавали его прав на трон, смотрели на него с усмешечкой, презрительной такой, уничтожающей... Вадим тяжело поднялся из-за стола, покачнулся, но устоял. Прошмурыгал к окну, выходившему в крепостной двор. Там уже было много гридней и слободских, а толпа все прибывала.

«Вот они,— подумал Вадим, ощущая приятный туманец в мыслях,— мои подданные...»

Он закрыл глаза и прижался гудящей головой к раме. Видят боги, он все перепробовал, дабы выполнить приказ Эйрика и навести порядок. А толку? Народец здешний днем-то кланяется ему, улыбается льстиво, а только стемнеет, те же людишки берут ножи и выходят резать его гридь! Десяток уже похоронили... Гридни его непобедимы в бою, а когда тутошний мужик, лесовик да охотник, подкрадывается без шума и клиночек втыкает в шею, как быть? Как совладать с этим?..

Вот взяли они Дрэллеборг. Поставили своего. И что? Отдаешь приказ горожанам, а его никто не исполняет! Никто даже не почешется! Пробовал посадник силу применить, и что? Вчера мертвым нашли. Лежит в постельке, а перина красна от крови...

Вадим замычал и раскрыл глаза. Вовремя.

— Эй, ярл! — донеслось со двора.— Выходи! Покажись народу!

— Выходи, шкура продажная! — заревел огромный человек в кольчуге, но без шлема.

Тут же пара яиц разбилась о раму, забрызгав Вадима.

— Что?! — онемел он.

Увесистый камешек просвистел со двора, больно чиркнув по виску.

— Выходи, пес смердящий! — заорали за окном.— А то хуже будет!

Громко хлопнула дверь. Вадим вздрогнул, быстро трезвея, и обернулся. В покои вбежал Ардагаст.

— Конунг! — выдохнул он.— Бежать надо!

— Что-о?! — взревел Вадим.

Отшвырнув Ардагаста, он вынесся на крыльцо и крикнул:

— Братие, дружино! Гнать их отсюда!

В толпе случилась массовая перестановка, и ближе к крыльцу приступили гридни. Лица их были суровы. Вперед выступил Алк.

— Мы тебе не братие боле! — отрезал он.— Предателя над собой не хотим и терпеть не будем! Хватай его, ребята!

Гридни с ревом прихлынули на ступени. Не все, правда, были настроены воинственно, иные к стене жались, не зная, на что решиться.

— Уходим! — каркнул Ардагаст и ринулся на толпу, размахивая сразу двумя мечами.

— Княже! — завопил Прогост, появляясь за спиною Вадима.— Пробивайся! Я прикрою!

Вадим кинулся за Ардагастом, будучи как во сне. Втроем они ринулись к воротам, распихивая неуверенную гридь. Слишком сильно было в них чувство подчинения, чтобы мигом перестроиться. В воротах пришлось туго. Копейщики боязнью не страдали, но Ардагаст рубился бешено. Моргнешь, а у стража наискосок рваная красная полоса, и кровь брызжет тягучими струйками...

— К лодье! — крикнул Прогост.— К лодье!

Выбившись из крепости, троица кинулась к «Пардусу».

— Руби канат!

Прогост махнул мечом и прыгнул на борт. Ардагаст схватил весло и отталкивался от борта. А тут и Вадима покинуло оцепенение. Ярл подхватил другое весло и помог Ардагасту отваливать лодью от причала.

Дружина, высыпавшая на пристань, и слобожане кричали Вадиму вслед, осыпали бранью. Яркие желтки от раскоканных яиц поползли по мачте и бортам, застучали камни по палубе.

— На весла!

Вадим рулил, Ардагаст с Прогостом гребли, вдвоем толкая тяжелую лодью, уводя ее к Ильмень-озеру. Течение Олкоги здесь почти не ощущалось, потому им и удалась гребля на пару. Разошлись берега, открылся синий простор, и только теперь Вадим оглянулся. Острое сожаление пробрало его. «Господи,— подумал Вадим,— зачем я сотворил сие?!» Но небо молчало.

Глава 21

1
БОРТ СНЕККИ «СЕМАРГЛ»

Флот втягивался в Невское Устье. Олег не сходил с палубы, все выглядывал те места, где в далеком будущем император Петр приоткроет форточку в Европу. Оттуда потянет сквозняком, надует хищ-

ных немецких баронов, занесет треуголки, табак и кофе... А вот идеи парламента или отмены рабства не залетят — наверное, на «окне в Европу» сетка от комаров стояла.

Низкие, болотистые берега острова, который назовут Васильевским, Олега не впечатлили. Как-то не соединялись у него в одно чащобы и трясины с проспектами Санкт-Петербурга. Воспоминания и зримые пейзажи никак не совмещались в сознании. Дико было видеть и голые берега Невы. Топкие пустыри, ольшанники за орешником щетинятся... Бережистее леса совсем заболотели, зато в отдалении — бор с большой буквы. Ни пройти ни проехать. Сосны, ели... Березы и те — в обхват! Как отступил ледник от этих мест, так и рос лес, тыщи лет тянулся, матерел, корнями вязался. На каменистом пляжике большинский бурый медведь терзал рыбину — отъедался на зиму. Поднял чавкающую морду, оглядел медленно проходившие корабли, понюхал воздух — и вернулся к прерванной трапезе. Будет он еще отвлекаться...

Из зарослей выглянул лось, с коровьим долготерпением пережевывая ветку. А потом, на южном берегу, показались ингры. Их было много — неподалеку пряталась в лесах деревня. Ингры махали руками и возбужденно приплясывали, видя, как перед ними, сгрудившись борт к борту, сплошным потоком шла Сила.

Из неприметной протоки выскользнули три ушкуя, на носу переднего, закутавшись в яркий плащ, стоял кунингас.

— Рейкс! — позвал Хилвуд.— Кажись, это к тебе!

Из маленькой каютки под ахтеркастлем вышел Рюрик, на ходу накидывая корзно и поправляя шапку. Этикет! Ушкуй подошел к «Семарглу» и со скрипом потерся о борт.

— Гой еси, рейкс! — прокричал кунингас. Ушкуйники, их было в лодке десятка полтора, тоже прогудели нечто приветственное.

— И ты здрав будь, Тойво! — с достоинством ответил Рюрик, знаком приказав спустить веревочный трап. Кунингас ловко взобрался на борт.

— Добрый корабль,— похвалил он,— большой шибко...

Лодейники заулыбались. «Сконнектились» — по-своему определил Олег. На борт «Семаргла» поднялись трое ижорских воинов. Лейб-гвардейцы. Троица деревенела лицами и прямила спины изо всей мочи. Олег сдержал усмешку. Ингры не носили броней — вообще, даже кожаных. Рубахи, гачи, онучи, черевики, теплые безрукавки. И древние меровингские мечи на перевязях. Такими давно уже никто не пользуется, в ходу иные клинки, но что инграм чья-то мода?

— Улеб конунг давно ждет тебя, рейкс,— сказал Тойво без особых церемоний,— а завтра будет бой...

— Поспели! — сказал Рюрик удовлетворенно.— А свеи показывались ли?

— Ни одного не видели! — потряс головой кунингас.— Гридь из Хольмгарда — это на том берегу — ушла на Олкогу, и мои люди с ними были. Свеи пытались, правда, послать к своим за подмогой, но мы никого не пропустили. Три лодьи перехватили! Свеев в реку, а лодьи в надежное место отведены... Рейкс,— голос у кунингаса стал просительным,— конунг обещал нам, что освободит ижору от дани... если мы взамен будем сторожей Невскому Устью... Так мы согласные!

— А от меня вы чего хотите? — спросил Рюрик с улыбкой.

— Так того же! Вот выберут тебя конунгом, ты и вспомни о нас...

Рюрик расхохотался.

— Ладно! — сказал он, смеясь.— Коли выберут, уважу!

— Выберут, выберут! — замахал руками ижор.

— Но глядите,— посерьезнел Рюрик,— чтоб ни один ворон датский не пролетел, ни один гость не прошмыгнул к Итилю! Первых гнать, со вторых пошлину требовать!

— А как же! — с жаром сказал Тойво.— Не волнуйся, рейкс, все будет хорошо и даже лучше!

На том официальная часть закончилась. Кунингас преподнес Рюрику стопу бобровых шкурок, рейкс отдарился кольчугой. Высокие гости, довольные приемом, пересели в ушкуй, и делегация отбыла.

— Я вот все думаю,— сказал Хилвуд,— не зря ли Улеб инграм потачит? Не изважит ли? Вона, уж разворчались весины — чего это конунг ижоре поноравливает, а нам нет? Мы-де тоже хотим!

— Хотеть не вредно,— усмехнулся Рюрик.— «Весь белоглазая» без опаса живет, в глуби. А ингры на рубеже постоянно! Небось ворчунов тех в пограничье не заманишь. А то, пожалуйста! Вон, надо еще одну крепость теперь закладывать — на Вуоксе. Так этих белоглазых палкой туда не загонишь. Как же — пахать, не снимая меча... Страшно!

Хилвуд рассмеялся.

— Надо будет к утру поспеть... — проговорил Рюрик иным уже тоном.— Высадимся на берег, не доходя до курганов, и двинем берегом! А ты вот что... Отправь скедию, какую побыстрей, но тайно! Надо, чтобы о нас Улеб конунг прознал, тогда ему будет способней на свеев идти... И людей надо послать тутошних, чтоб узнали их!

Хилвуд обернулся и подмигнул Олегу:
— Олег, ты понял, кому идти?
Сухов подтянулся:
— Я готов!

2

Лес ожил, лес наполнился множественным шорохом и звуком крадущихся шагов, приглушенными голосами, отдающими команды. Улебу конунгу сыскали коня, и теперь верховный правитель Гардов похож был на древних полководцев. На старой гари, что широкой полосой вычернила землю с редкими бугорками опаленных пеньков, Улеб натянул поводья и поднял руку. Бояре, тоже оседлавшие мохнатых степных коников, тотчас подъехали к нему.

— Наступать не копьем будем,— сказал конунг,— а трезубцем! Ты, Лидул, поведешь свою тысячу вдоль берега и ударишь по свеям с юга. Ты, Шаев, обойдешь Альдейгу и направишь своих с севера, от курганов. А я брошу остальных с запада!

Бояре переглянулись и покивали одобрительно.

— Ополченцев вперед не совать! — предупредил конунг.— Зря только людей побьете... Халид!

Араб в бурнусе, с простенькой белой чалмой на голове, подбежал и застыл:

— Я здесь, о, мой повелитель!

— Плоты твои как? Готовы?

— Полностью!

— Ага... Доплывете до мыса, где скала расколота, и ждите! Как увидишь в небе три горящих стрелы подряд, плыви и закупорь устье Ала-дьоги!

— Слушаюсь, о, мой повелитель!

Улеб конунг оглядел воинство, хмыкнул в доволе и словно загреб рукой воздух:

— Па-ашли-и!

И стронулись человеки, зашагали, послушные воле конунга. Не все из них доживут до вечера, однако на войне как на войне! Будет так, как угодно богам...

Тысяча Улеба вышла к западной окраине Альдейги и затаилась, растворилась в сосняках. Вернулись разведчики — умотанные донельзя, грязные, мокрые, голодные. Но довольные.

— Где Торг был,— доложил один из них, круглоголовый, с носом до того вверх задранным, что походил на пятачок,— там свеи подель устроили, десять лодий за раз строят! Кили тесаны, опруги готовы, теперича они доски колят, обшивать будут...

— Не будут,— буркнул Улеб.— Не дадим! Еще чего видали?

— Свеи в крепости сидят,— заговорил другой разведчик, узкий весь, худой, кадыкастый, но жилистый,— или корабли сторожат. Все подходы загородили — ямы везде накопаны, с кольями на дне, валы насыпаны, деревья навалены... И все это в два ряда — ни пройти ни проехать!

— Пройдем... — проворчал Улеб.— Ямы у них... Ништо, не твари глупые, чтоб на колья садиться!

Меж дерев замелькал плащ посланника от Лидула. Немного погодя и Шаев своего прислал — все на месте!

— Воист,— поманил Улеб молодого варяга.— Стрелы, как договаривались...

Воист, конопатый отрок с рыжим пухом на щеках, кивнул понятливо и запалил крошечный костерок, умещавшийся в плошке. Достал из тула длинную стрелу с наконечником, облепленным вязким киром — корочкой с нефтяных озер. Южане им лодки свои смолят, а на севере киру другое применение...

Воист поджег все три стрелы, дал разгореться и выпустил одну за другой в чистое небо. Три черных, клубистых хвоста венчиком разошлись в голубизне.

— Мечи вон! — гаркнул Улеб.— На врага!

Гридь дружно взревела и ринулась на бывшие улицы Альдейги. Это хорошо, что нет домов,— ничего не мешает стремительному бегу. И память свербит — были дома, были. Пожгли их свеи, собаки свинские. Ну так врежем вражью по сусалам и прочим местам! Удобрим скудную северную почву!

3

Валита, Веремуда, Ошкуя, Сулева конунг направил к тысяцкому Лидулу. К нему же приписали Олдаму, приведшего больше сотни гридней из Гадара, прогнавших Вадима. Валита просто распирало от

гордости — мама так мечтала о свободе для него, так старалась выкупиться, а он сам добыл волю! Ибо не трэль тот, кто разит врага. А сегодня решится главное — кому достанется победа. Если им, то все у него будет хорошо, а если свеям... Стоило ли тогда волю завоевывать? Да только не одолеть свеям! Куда там...

— Готовимся! — разошелся по тысяче приказ Лидула конунга.

— Вот оно! — ахнул Ошкуй, тыча пальцем в небо, измаранное росчерками сигнальных стрел.

— К бою! — гаркнул Олдама и выхватил меч.

Ошкуй, осклабившись, перехватил секиру. Валит взял копье наперевес. Наконечник у копья был длиною в полтора локтя и заточен, как меч,— хоть коли им, хоть руби. Доброе оружие.

Проскакал Лидул на гнедом коне, размахивая блистающим на солнце мечом, и вся рать повалила следом. Люди покидали лес и словно расправляли плечи.

Валит выбежал на южную окраину Альдейги, где случайно уцелела пара клетей, и заметался — от берега Олкоги и до клетей тянулся свежий земляной вал, поверху укрепленный сучковатыми стволами сосен. Многие десятки хускарлов то и дело высовывались из-за стволов, вскидывая луки. Но и русские лучники знали свое дело — низко гудящие стрелы понеслись на свеев, выбивая ледунг.

— Пробиваемся! — орал, надсаживаясь, Олдама.— Пробиваемся! Не стойте!

Вжимая голову в плечи, Валит понесся на вал, выставив перед собой копье. И сам не понял, как одолел преграду. Вскочив на бревно, он заметил внизу под собой хускарла, отводящего меч, и прыгнул, погружая острие копья в грудь свею. Хускарл вякнул коротко и помер.

— Слева! — рявкнул Ошкуй и махнул секирой. Набегавший свей дернулся, брызгая кровью из прорубленной грудины, и покатился с невысокого вала под ноги наступавшим.

Валит, ругая себя за рассеянность, оборотился вправо — и тут же подколол ярого свея, кроившего мечом теплый воздух. «Живучий!» — мелькнуло у парня. Копье пробило хускарла насквозь, а тот все дергался, скреб мечом по древку, пытаясь перерубить его. Валит выдернул копье и ринулся дальше.

А дальше поднимался новый вал, еще выше прежнего, и уже не стволы деревьев преграждали путь, а настоящий частокол из полуобгоревших бревен, правда, низкий, по пояс. И уже не хускарлы держали оборону, а викинги, грозившие варягам копьями.

— Вои с рогатинами — первые! — прокричал Олдама.— Вои с копьями — вторые! Бегом! Стрелкам — работать!

Такую команду мог отдать только рус. И только у русов подобная атака могла иметь успех. Вои-ополченцы, вооружась рогатинами, с какими они хаживали на медведей, вынеслись на вал, цепляя развилками здоровенные копья викингов и задирая их кверху. Отставая от них на шаг, мчались копейщики и били свеев рожонами. Удар рожона был сравним с наскоком дикого тура. Чудовищные копья, достойные богатырей, сносили викингов с ног, их тяжелые наконечники могли разворотить чью угодно грудь и делали это, с хрустом проламывая ребра. Гул, треск, грохот, вой, лязг поднимался оглушительный — аж в ушах звенело.

— Отходи-им! — пронесся крик сотника Яруна.

— Отходим! — рявкающее повторил приказ Олдама.— И закрепляемся!

Валит непонимающе огляделся. Чего ради отходить?! Так хорошо перли... Лишь отдышавшись, он разглядел клинья викингов, тискавшиеся через прогалы в укреплениях. К своям поспело подкрепление!

Ближний клин-фюлькинг затопал, наступая прямо на Валита. Сын Ниэры попятился. Лица викингов были суровы, глаза, зыркавшие из-под шлемов, блестели сталью, как и мечи. Круглые щиты плотно сбиты, ноги шагают в лад... Живая, дышащая крепость! Поди возьми ее!

— Дорогу! — крикнули за спиною Валита.

Он обернулся и увидал такой же клин — зеркальное отражение свейского, только сбитый из варягов. Валит шустро освободил путь и перебежал к своим, топтавшимся на валу первой линии обороны, у развороченного частокола.

— Если наши не одолеют,— пробормотал Олдама,— хана нам всем...

— Одолеют! — уверенно прогудел Сулев.

И тут два клина сошлись. Их «острия» смялись с грохотом и лязгом, первые ряды секли друг друга мечами, а вторые ряды бились через головы первых, доставая противника топорами-бродексами.

Викинги напирали с горки, сталкивая русов, но варяги не уступали, отжимая свеев обратно за вал. Валит оглянулся — то ли четыре, то ли все пять клиньев сошлись на передовой и плющились, разворачивались, шли стенка на стенку. Пыль и пепел, поднятые сапогами, повисли непроглядной тучей, из которой неслись короткие яростные выкрики и вопли боли, ругань и вой. Орали на русском и свейском, языки мешались, как грязь и зола, и доходили до слуха неразборчивым и не благим матом.

— Валит! Сулев! — крикнул Олдама.— Ко мне!

Сын Ниэры оторвался от зрелища битвы и подбежал к командиру.

— Тут и без вас справятся,— рубанул Олдама,— а вы мигом на берег, к Ешкиной запруде! Там эти... арабы. Поможете им!

— А... как мы с ними? — растерялся Валит.— Я по-арабски только «здрасте, до свиданья!»

— Бегом, я сказал! — осерчал Олдама, и Валит с Сулевом помчались, куда им было сказано.

Пробравшись хилым сосняком, Валит выбежал к запруде и увидал дивные вещи. У берега покачивались плоты, вязанные из бревен, а на тех плотах стояли маленькие срубы, крытые лесинами. В стенах срубов зияли оконца-бойницы.

— Ишь что придумали! — восхитился Сулев.

— Что это? — не понял Валит.

— С реки бить будем! — захохотал сын Каницара.— Айда!

Арабы как раз кончали свою молитву. Отбив положенные поклоны, они вставали с ковриков и обвешивались оружием — у кого сабля была, у кого лук в саадаке.

— Халид! — окликнул Сулев араба в длинной кольчуге, надетой на еще более длинный кафтан.— Мы к тебе!

Халид махнул рукой:

— Идемте!

Он перепрыгнул на плот, Сулев скакнул за ним, Валит последовал за товарищем. Из тесного сруба выглянул Ошкуй и спросил:

— А стрелы где, Халид?

Увидев друзей, Ошкуй осклабился:

— И вы здеся? Добро!

— Привет, Ошкуй! — Валит заглянул в сруб и сильно удивился — на мокрых бревнах «пола» валялись лопаты и кирки.— А это зачем?!

— У-у... — Ошкуй сделал значительный вид.— Тут, брат, такая штука... Что ты!

— Какая штука? — пристал Валит.

— Ход рыть будем! — сказал Халид.

— Ход?!

Халид кивнул.

— Станем у крепости,— заговорил он,— и начнем рыть!

— Не выйдет,— сказал Валит разочарованно.— Со стен заметят.

— Не заметят! — ухмыльнулся Ошкуй.— Мы под водою рыть будем.

— Под водою?!

— Под нею,— кивнул Халид,— и выйдем в колодец крепостной.

Валит только головой помотал: ну, дела!

— Успеть бы только до вечера... — озаботился Халид и встрепенулся: — Отчаливаем!

Арабы на берегу загомонили и попрыгали на плоты. Всего плотов было пять, и на самом большом аж два сруба стояло.

Течение подхватило плоты и понесло вниз по реке. Путь был недолог, скоро над мутными водами Олкоги разнесся шум битвы, потом открылись башни крепости.

— Подгребаем!

Плоты доплыли до места и бросили якоря — тяжеленные камни на пеньковых канатах — совсем рядом у восточной стены крепости. За частоколом показались шлемы свеев. Русские лучники с плотов тут же послали тяжелые стрелы, сковырнув пару любопытных.

— Ныряем с этой стороны! — скомандовал Халид.— Дышать через камышинки, не выныривать! Метить на башню угловую! Рыть начнем с глубины сажени и чуток забирать вверх. Работаем так — один роет, другой дышит через камышину. Потом меняемся! А третьему и четвертому — стенки крепить. Поначалу будет сложно, а потом, как выше реки подымемся, сразу полегчает! Главное — мимо колодца не пройти!

— Не боись,— пробасил Сулев, снимая рубаху,— не пройдем! В тот колодец телегу опустишь — стенок не заденет! Широкий...

Валиту с Сулевом выпало копать первыми. Сын Ниэры заткнул ноздри, взял в рот длинную камышинку, а в руки — кирку и прыгнул в реку. В этом месте было мелко — плес, но мутная вода скрывала надежно. Валит еще побаивался, что может всплыть ненароком, но зря — тело стремилось вверх поплавком, а кирка тянула вниз, как грузило.

Сын Ниэры плыл с закрытыми глазами, работая ногами,— одной рукой он сжимал инструмент, а другой придерживал дыхательную трубку. Плыл, плыл, иногда задевая Сулева, и приплыл в камыши, что шуршащей полосой окаймляли крепость по берегу. Осторожно высунув голову из воды, Валит сориентировался — отклонился он от курса лишь на пару шагов. Восьмигранная угловая башня высилась совсем рядом, на крутизне, чернея деревом с зелеными проплешинами мха. Рядом вынырнул Сулев, фыркая, как тюлень. Мокрые волосы сына Каницара перепутались с зелеными водорослями, по лбу сползала ряска.

— Ты на водяного похож! — прошептал Валит.— Начали?

— Начали! — кивнул Сулев. Набрал воздуху в грудь, с мехами схожей, и скрылся под водой. Валит последовал за ним.

Камыши место, выбранное под рытье, не прикрывали — круто обрывался бережок. Валит ощупал скользкий обрыв, руками счистил мягкие наносы. Открыл глаза, но ничего не увидел — сплошная муть.

Сын Каницара деликатно постучал его по спине, и сын Ниэры отодвинулся. Сулев ткнул в берег лопатой — это было хорошо слышно — и отвалил пласт глины. Подцепил еще, и еще, и еще. Передал лопату Валиту и подвсплыл, припадая к камышинке — отдышаться. Валит и сам чувствовал, что воздуху в легких маловато будет, но разок лопатой зацепил грунт. Копнул, наваливаясь всем телом и болтая ногами. Пустил пузыри. Все! А тут и Сулев поспел, перенял лопату. Карел не стал доставать трубку из-за пояса, заплыл в камыши и уже там отдышался. Наглотался воздуху до головокружения и вернулся сменить чудина.

Так они и менялись, пока вырытая ими нора не углубилась шага на три. Ошкуй с Халидом вертелись поблизости, укрепляя стены хода наколотыми чурбачками и досочками.

Вымотавшись, Валит с Сулевом вернулись на плот. Сил выбраться почти что не было, арабы помогли, вытащили. Валит растянулся прямо на мокрых бревнах и глядел в небо. Век бы так лежал! Нельзя... Валит сунул палец в ухо и вытряс оттуда воду. Шум боя, доносившийся с берега, стал слышнее. Вот как тут полежишь?! Люди там бьются насмерть, а он разлегся...

— Поплыли? — спросил он Сулева, прислонившегося к срубу.

— Лежи! — буркнул Сулев, не раскрывая зажмуренных глаз.

— Надо же побыстрее...

— Куда ты годен сейчас, паря? Силы сначала набери!

Валит вздохнул. Совесть его стала чиста — не пускают его подвиг совершить! Он приподнялся и сел, заглянул в сруб. Там вертелись два лучника, пуляясь по стенам крепости. Толку в той стрельбе было мало, но именно она оправдывала заякоренные плоты. Иначе у свеев сразу подозрения закопошатся — а чего тут эти плоты делают? Не замыслили ли чего хитрые русы? А их стрелами, стрелами! Какие уж тут подозрения...

...Солнце поднялось в самую высокую точку своего пути по небу и стало клониться к закату. День был в самом разгаре, когда ход поднялся выше уровня реки. Дышать «проходчикам» было нечем, и смекалистый Веремуд приспособил кузнечные мехи — закачивали воздух через кишку. Выбранную глину ссыпали в кожаные мешки и опорожняли под водою. Разводов грязных со стен крепости было не видно — Олкогу не зря прозывали Мутной... Долбежка заняла два дня и две ночи.

Валит, мокрый от воды и пота, оглянулся на вход, едва просвечивавший сквозь воду, оторвал от земли неподъемную кирку и продолжил долбать чертову глину, рыхля грунт под лопату. Сипло поддува-

ло из кишки, но сырой стоячий воздух все равно был тяжел — дышишь, дышишь, а в голове муть, как в Олкоге...

С плеском вынырнул Сулев.

— Моя очередь! — сказал он глухо.

— Щас... — выдохнул Валит и бочком протиснулся к воде, стараясь не касаться крепежа. А то мало ли... Рухнет пласт и похоронит на хрен!

Окунувшись в воду, Валит ощутил прохладу. И струйки пота перестали щекотать щеки и жечь глаза. Когда же кончится эта копка?!

Вынырнув в камышах, Валит отпыхался и глянул на реку. Плоты мирно покачивались на мелкой волне, стрелки азартно слали стрелы, выбивая редких свеев на стенах крепости, а за рекой мирно, как всегда, зеленел лес.

Рядышком вынырнул Халид. Отплевался, отер лицо и сказал:

— Скоро уже... Шагов пять осталось!

— Целых пять? — огорчился сын Ниэры.

Халид рассмеялся.

— Поплыли! — и нырнул. Валит устремился следом.

Подплыв к плоту со стороны реки, Халид сел на крайнее бревно и поболтал ногами.

— Ну и рыбы у вас... — промолвил он.— Все время натыкался! То сиг, то лосось... Богатая река!

— Это да! — гордо согласился сын Ниэры из рода Лося.— Что есть, то есть!

Рядом с плотом, отфыркиваясь, всплыл Ошкуй.

— Перекусим, может? — предложил он.— А то у меня какое-то щемящее чувство...

— Давайте! — согласился Халид.

Перекусив той самой рыбой, жареной и вареной, проходчики полежали пузом кверху, погрелись на солнышке и снова окунулись в работу.

— Это точно колодец? — спросил Халид, ощупывая холодные, сырые бревна, открывшиеся в конце прохода.

— Точно! — кивнул Сулев. Он сунул нож между бревен и добавил с удовлетворением: — Сухо! Выше воды вышли!

— Надо бревно вытаскивать! — прогудел Ошкуй снизу, от входа.

— Да как ты его вытащишь? Колупать придется!

Сулев всадил нож в дерево, подцепил и отколупнул изрядную щепку:

— Порядок! Трухлявое!

С деревом дело пошло веселее — воздух в щель сочился свежий, в голове не мутилось, как при копке.

Валиту досталось выламывать последний слой. Втащив обломки в ход, Валит осторожно просунулся в колодец. Вода плескалась рядом, рукой дотянешься. Вверх уходил квадратный колодец, обрамляя голубой лоскут неба. Внезапно голубой квадрат словно отгрызли с краю — показалась голова свея. Валит молниеносно нырнул в ход. Гремя по стенке, в колодец спустилось ведро на веревке, плеснуло, зачерпнуло воды и плавными толчками пошло вверх.

— Уходим! — прохрипел Халид.— Отдыхаем до первой звезды!

— Может, наши еще раньше свеев побьют? — загадал Ошкуй.

— Побить-то побьют... А свеи в крепости укроются.

— Тут-то мы их и возьмем! — кровожадно заключил Сулев.

4

В проводники Олегу дали седого, но бодрого и крепкого старичка-ижора по кличке Урий. Имени своего Урий не открыл, да и к чему оно Олегу? Шли быстро, часто переходя на бег, но Урий не сдавал, пер себе и пер. Хотя, если честно, то пер не он, а Олег. Ломился через кусты, что твой лось. А вот Урия и вовсе слышно не было. Идет по валежнику — не хрустнет у него ничего. По листьям топает — ни шелеста, ни шороха. Леший он, а не урий...

Тропа то взбиралась на обрыв, то спадала к самому берегу, уводила в лес, растворялась в траве, но Урий находил ее тут же — то валун приметный углядит, то сосну изгибистую. Внезапно Олег расслышал резкие, дребезжащие звуки, несущиеся из леса, и остановился. Урий тоже замер, а после расслабился, улыбнулся и поманил Олега за собой.

Крадучись, он вышел на край большой поляны, посреди которой росла ель. Ветер ли изломил дерево или время, а только рухнула елка, оставив по себе шипастый обрубок. Возле елки сидел на заднице медведь и с интересом музицировал — дернет когтями дранку и слушает. Наслаждается.

— «Медвежье кантеле»,— улыбнулся Урий.— Мишка любит!

Медведь недовольно обернулся, увидал людей и заворчал.

— Помешали ему! — усмехнулся Олег.

Косолапый поднялся — зад в сухой траве — и трусцой убежал в лес.

— А вот это уже не мишка... — прислушался Урий.

Олег напряг слух. Издалека докатились звуки неясные, смутные, но явно человеческой природы — лязгал и скрежетал металл.

— Война идет! — посуровел Урий.

— Вперед! — скомандовал Олег.

Чем ближе становилась Альдейга, тем явнее прорезались звуки битвы, делились и множились, приобретали оттенки. Олег с Урием вышли к курганам, и тут же из травы поднялись трое молодых карел весьма сурового вида, вскинули луки и натянули тетивы.

— Не стреляйте! — поднял руки Урий.— Свои!

Олег вышел вперед и сказал:

— Я — Олег сын Романа! Вы кто?

— Мы? — прокряхтел один из карел, держа лук внатяжку.— В дозоре мы!

— От кого?

— От Улеба конунга! — доложил карел и рассердился: — Ты кто таков, чтобы нас спрашивать?!

— Я был послан конунгом,— твердо ответил Сухов,— и ответ держать буду перед ним! Ведите меня к Улебу!

Карелы, сблизив головы, посовещались и отрядили двоих с Олегом, оставив Урия под охраной третьего стража.

Карелы, часто поглядывая на незнакомца, повели его, по дуге обходя Альдейгу, ставшую театром военных действий. Наконец они достигли леска возле западной окраины города. Лесок этот кишел пешими и конными, копейщиками и лучниками, здоровыми и ранеными.

Навстречу Олегу с радостными криками выскочила Чара.

— А Пончик?!.— вскричала она.

— Живой, живой Пончик! — поспешил заверить Сухов.— Конунг где?

— Здесь он! Дана его перевязывает!

— Ранен? — нахмурился Олег.

— Пустяки... — послышался густой баритон, и из шалаша, ставшего «лазеретом», выбрался Улеб конунг. Левая рука его была на перевязи.— Что скажешь?

Олег выпрямился, еле задавив в себе желание отдать честь, и отрапортовал:

— Конунг, твое задание мы выполнили! Рюрик со сборной дружиной прибыл и ждет твоих приказаний. С ним двадцать больших сотен.

Улеб расплылся в довольной улыбке:

— А почему Асмуд сам не явился?

— Сгинул Асмуд,— глухо сказал Олег.— Положил многих на Дине и сам смерть принял... А Крут в землях пруссов погиб.

Улеб посуровел и умолк. Молчал и Олег, вспоминая погибших друзей. Наконец конунг встрепенулся:

— Передай Рюрику — пускай реку перекроет выше и ниже Альдейги! Там же пусть и высаживается! На севере командует Шаев, на юге — Лидул. А теперь поспеши к рейксу — пора кончать со свеями!

— Бегу! — бросил Олег.

— Стой! — усмехнулся Улеб.— Бегун... Коня моего возьми!

Олег спорить не стал. Влез в седло и поскакал. Мимо храма Велеса, мимо курганов и сопок, мимо поляны с «медвежьим кантеле»... Олег едва не пролетел и мимо стоянки варягов, но вовремя заметил за деревцами изящные силуэты лодий. Конь вынес его на узкий бережок, к которому приткнулись десятки кораблей, и Олег спрыгнул на песок. Варяги не ставили шатров и не разводили костров, они ждали приказа выступать. Рюрик, завидев Олега, мигом слетел с лодьи на песок.

— Ну что?! — крикнул он.

— Бьются наши! — ответил Олег.— И тебя ждут!

Наскоро передав слова Улеба конунга, Сухов принял из рук Пончика ковшик с квасом и осушил его.

— Ну?! — нетерпеливо выдохнул лекарь.

— Жива твоя Чара! — поспешил его успокоить Олег.— Жива и здорова. Скоро свидитесь — имей терпение!

Пончик радостно улыбнулся.

— По лодьям! — гаркнул Рюрик.— Гуннар, поведешь своих на юг! Остальные со мной! Ударим с севера! Вперед!

Сотни мечей и топоров вскинулись над головами, сотни глоток извергли ярое:

— Ран! Ран!

Паруса скатали и сунули в кожаные чехлы. Над водой заскользили весла. Их ладное движение не отражалось в замутненной воде. Гребцы не успели еще притомиться, а уж и курганы показались, вздыбились зелеными горбами. У этого места лодьи разделились: половина погребла далее к югу, на соединение с тысячей Лидула конунга, а сотни Рюрика приготовились к высадке.

— Поворот! — разнеслось над рекой.

Весла справа замерли, а те, что с левых бортов, загребли, разворачивая лодьи к берегу.

— Ходу!

Лодьи с разлету, скрежеща килями по мелкому дну, втесались в берег.

— Вперед!

Варяги, йомсвикинги, пруссы, галаты — все, кто пошел в поход за Рюриком,— ринулись к носам лодий, запрыгали кто на берег, кто в

мелкую воду. В левых руках щиты, в правых — копья, мечи, топоры... Хоть сейчас в бой!

— Разобрались по десяткам! Полусотникам и сотникам вести! Паашли!

Олег с завистью проводил глазами гридней, трусцой удалявшихся на передовую. Нет того десятка, в котором он состоял бы,— статусом не вышел. Кто таков Олег Вещий? Ополченец. Как ни крути, как ни верти — боец второго сорта... Хилвуд вроде благоволит ему, да и Рюрик ласков, но что с того? Ежели он, Олег, в засаду попадет или, там, в полон угодит, гридь не кинется его выручать. Своего выручить — закон, своего гридь никогда и нигде не бросит. Пусть даже десятки лягут костьми, чтобы спасти одного, но выручат! В гриди главенствует простой закон: «Все за одного, один за всех!» — и нет у него исключений. Но Олег — чужой, этот закон на него не распространяется...

Сухов насупился. Подождав, пока гридь пройдет мимо, он пристроился к толпе ополченцев, не имевших ни малейшего понятия о строе. Все перли, как им моглось и хотелось. Ополченцы переговаривались:

— Эх, врежем свеям!

— Видать, награбили добра...

— Ниче, не убегут! Лодьи дорогу-то перекроют!

— Во-во! Все нам достанется!

— Все, что останется! Или ты мыслишь, что гридь с тобой поделится? Ага, жди!

— Ниче! Всем хватит!

Полное радужных надежд, ополчение топало в бой. Обходя громадный валун, Олег двинул напрямки, через кусты, и споткнулся о свежий труп. И очень удивился. На траве лежал воин явно не северного обличья — волосы длинные, волнистые, цвета воронового крыла, а лицо смуглое, словно обожженное солнцем. Ромей? Да нет вроде... Не та амуниция. Какой у неизвестного шлем был, уже не узнать — некто, обладавший громадной физической силой, так треснул южанина по голове, что шлем на миску стал похож. А вот доспех знатный! Чешуйчатый! Одинаковые стальные пластины были сшиты вместе так, что и впрямь напоминали чешую. «Пригодится!» — решил Олег и снял доспех с южанина. Кольчуга — кольчугой, а и латы не помешают! С его-то умением...

Олег, кряхтя, напялил доспех поверх «бирни» и затянул кожаные завязки на боках. Новое железо ощутимо давило на плечи, но и защищало надежно.

— Олег! — крикнул Пончик.— Чего ты там копаешься?

— Бегу! — откликнулся Сухов, прилаживая ножны, и впрямь побежал — грузной трусцой.

А шум боя накатывал все ощутимей — воздух дрожал от лязга и грохота, густел от криков неистовства и злобы. Ополчение преодолело лесополосу, отделяющую курганы от северной окраины Альдейги, и сразу окунулось в битву.

— На врага! — послышался приказ Рюрика.

Вымотанное воинство Шаева криками радости встретило прибывших на подмогу и рассредоточилось, пропуская вперед свежие силы. Гридни Рюрика мигом построились клиньями и бросились на растерянных свеев. И пошла рубка! Редкими ручейками викинги и хускарлы все-таки просачивались между клиньев — и попадали под мечи ополчения. Хускарлы, те или сдавались, или гибли, а вот викинги ни плена не желали, ни смерти. Попробуй-ка, плени такого вояку или прибей, когда те с десяти лет к мечу приучены. Только победа в бою не силой обретается, а духом. С этим у викингов была проблема. Чужаки на чужой земле, они уже были готовы и от добычи отказаться, только бы вырваться из Гардов. Вернуться бы, отдышаться, забыться, зализать раны... Ан не выйдет!

Олег махнул катаной влево, подрезая зазевавшегося хускарла, махнул вправо, но не достал. Прянул от чьего-то меча, отбил и ударил снизу вверх, пропарывая низ живота. Свей рухнул на колени, воя и тараща глаза. Олег взбежал на взгорбок и увидел перед собой бывший Урманский конец города. Ныне улиц его будто и не было: повсюду метались сотни людей, истребляя себе подобных. Кровавая карусель...

Олега обогнали стрельцы. Защелкали луки.

Сухов отбивал «змей битвы» щитом или мечом, что не всегда удавалось: дважды стрелы тюкнули его в панцирь, а одна пробила «подол» кольчуги и царапнула по ноге.

Внезапно картина боя изменилась — «карусель» откатилась к берегу Олкоги, очищая пустырь, заваленный трупами, ранеными, утыканный стрелами, заляпанный кровью. Там, где ранее проходила Варяжская улица, торчали стены полусгоревшего дома, а на самой «улице» рубился Рюрик сын Регинхери. Олег удивился — а где ж верные бояре? Чего не защищают рейкса? Подзабыли в горячке боя? Да разве можно о таком забывать?! И тут из уцелевшего дома полезли викинги. Один, другой, третий... Шесть голов! И шесть мечей... На одного Рюрика!

Сухов, словно забыв о килограммах доспехов, помчался наперерез свеям, вопя: «Берегись! Берегись!» Но рейкс не слышал его, фехтуя

сразу с двумя викингами, наседавшими на него. Олег подбежал и оглянулся — где та шестерка? Вовремя! Тяжелое копье неслось, выцеливая широкую спину Рюрика. Сухов изо всех сил долбанул щитом. Щит треснул, а копье прогудело над плечом Рюрика. Только тут рейкс оглянулся, заметил Олега с выпученными глазами, набегавшую шестерку и крикнул:

— Со спины меня прикрой!

Рюрик и Олег стали спиной к спине, и пошло дело! На Сухова насели те двое, которых Рюрик не успел отослать к Одину в Вальхаллу. Рубаки они были знатные. Деморализованные, это верно, но жажда жизни и страх смерти добавляли викингам сил и упорства. Олег едва поспевал отбиваться, а уж о том, чтобы самому нанести удар, и речи не шло. Вот викинг справа, с перебитым носом и длинными усами, качнулся в сторону и ударил наотмашь, едва не опрокинув Олега. Сухова спас лишний доспех — панцирь принял на себя удар, одна из пластин лопнула, но кольчуга под ней выдержала. Уклонившись, он успел отбить удар того викинга, что бил слева, безусого, но с рыжей бородкой от уха до уха. Обратным ударом викинг вспорол панцирь у Олега на боку и сделал короткий замах, дабы покончить с вертким русом, заколов того, но не успел — напоролся на меч Хилвуда.

— Сюда! — проорал рядом знакомый голос.— Сюда!

Ладонь Рюрика хлопнула Олега по плечу, и лишь тогда он оглянулся. Кричал Хилвуд, подзывая гридней-телохранов. Из шестерки викингов уцелели трое, но ненадолго. Подскочившие гридни, красные от того, что подпустили врага к рейксу, мигом уделали выжившую троицу.

Олег медленно приходил в себя. А Рюрику хоть бы что! И ведь ни полслова не сказал. Олег ему жизнь спас, спину прикрывал, а вся награда — по плечу хлопок! С другой стороны, как еще-то? Театральные фразы типа: «Благодарю тебя, мой юный друг, ты спас меня от смерти!» у Сухова всегда вызывали острый приступ аллергии. Так что все путем...

— Бегут свеи! — крикнул Хилвуд.— Хо-хо-хо! Драпают!

— Не драпают они,— поправил боярина Рюрик,— а в крепости спешат укрыться. Теперь выковыривай их оттуда!

Пыль на поле брани оседала, шумы откатывались к крепости. Ополчение бежало вслед за отступавшими свеями, добивая отстающих и раненых, а на бывшей улице показалась делегация — впереди шел Улеб конунг, припадая на правую ногу, за ним шествовали бояре, все простоволосые, только один шапку боярскую не посеял — нес ее гордо, то и дело поправляя.

— Ну, здравствуй, зятек! — прищурился Улеб, подойдя ближе.

Рюрик поклонился ему:

— Здравствуй, конунг! Вот, поспел как будто... Хотя ты и без меня бы справился!

Улеб хмыкнул.

— А скольких бы я тогда потерял зазря? — ответил он.

— Вообще-то, да,— согласился Рюрик.— Ну что, осадим свеев?

— Ни к чему это,— усмехнулся Улеб.— Мои под шумок ход прокопали от реки, прямо в колодец крепостной. Так что, ежели кто не прочь освежиться, пущай готовится! На рассвете вылезем из колодца и ударим по свеям изнутри. Достанем гадов из-под земли!

5

Ближе к вечеру на опустевшем поле брани появились люди в белом, собирая человеческие тела. Павших относили в лес, раненых и умиравших доставляли к лекарям, не разбирая, свой или свей. Работы Чаре и Пончику привалило. Спасибо Дане. Ведуница взяла на себя самую тяжкую обязанность: она определяла, кого куда нести. Тех, кого еще можно было вылечить, относили к Чаре, а тех, кто не жилец, кому вышел срок, стаскивали на Велесову поляну. На поляне высилась большая деревянная статуя Велеса, но сюда сбрелись жрецы всех богов, даже те, кто возносил моления Тору и Одину. Жрецы утешали умирающих, рассказывали, как их встретят в чертогах Вальхаллы или на лугах Ирия, под сенью Мирового Древа... Каждому по вере его.

А на берегу, на фоне сверкавшей серебром Олкоги, чернела крепость. Свеев уцелело чуть более тысячи, но плена не хотел никто. Жить в цепях, прикованными к мельнице или к мехам на кузне?! Променять благородный удел воина на жалкую участь трэля?! Никогда! И свеи готовились к бою, ожидали утра, когда русы должны были идти на приступ. Вот только у русов были несколько иные планы...

Валит выбрался из сруба и потянулся. Хорошо! Тяжкая усталость покинула тело. Мышцы еще побаливали, но силы возвращались к ним, вливаясь по капле.

— Ишь, сколько их там... — проворчал Ошкуй.— Глянь, по всей стене выстроились!

Валит глянул. Над частоколом поблескивали шлемы свеев — те стояли чуть ли не впритык.

— А что ты хочешь,— хмыкнул Валит,— сколько их туда набилось! Как яблок моченых в кадушку.

— Ниче... — выговорил Ошкуй с угрозой.— Обкусаем мы те яблочки!

— Эй! — окликнул их Халид.— Готовьтесь — гостей будем принимать.

— Оттуда?! — спросил Ошкуй, кивая на крепость.

— Отсюда! — рассмеялся Халид и указал на реку.— Самых ловких пришлют конунг и рейкс. Выйдут из колодца, как из преисподней, будет свеям банька кровавая.

— А мы что же? — обиделся Валит.— Нас в сторонку, да? Копали, копали, и на тебе...

— Не волнуйся — всем работки хватит. У меня тоже свой счет к свеям имеется, и одною киркой мне расплаты не добиться...

С тихим плеском вынырнула из воды голова, могучие руки уцепились за плот.

— Руку подай! — раздался негромкий басок.

Валит поспешно ухватился за мокрую ладонь и потащил «гостя» на плот.

— Не шибко теплая водичка... — проворчал тот.

— Какая есть,— буркнул Валит.

«Гость» коротко хохотнул. Поплавками на воде закачались еще две головы, и еще, и еще...

— Долго плыли? — спросил Ошкуй.

— Да мы по течению,— добродушно ответил один из прибывших.— Тока взмок маленько!

«Маленько»... «Гости» и «хозяева» с трудом задавили смешки.

— Когда двигать? — серьезно спросил Халид.

— Конунг ваш сказал, как восход засереет, так и начнем! Вы с нами?

— Обязательно! — быстро ответил Халид.

— Мечей не брать! — строго предупредил старший у «гостей».— Ножи только! Вырежем, сколько успеем, вражья, дозорных снимем, а Якко с Карлом ворота откроют!

— Там брус тяжелый! — предупредил Валит.— Вдвоем несподручно!

— Да? — задумался старший и позвал тихонько: — Велим! Здесь ты?

— Угу... — пробасили из сруба.

— Пойдешь третьим, с Якко и Карлом. Лады?

— Угу...

Взошла луна. Смутно завиднелись очертания крепости, подсвеченные парой костров со двора. Из-за стен ни звука не доносилось. И в округе стояла тишина — гриди Рюрика и Улеба перемешались давно и спать завалились, пользуясь краткими минутами покоя. Иные, правда, повстречали старых друзей, с которыми ходили в походы и вели беседы у костров, но говор их гас в темноте, не доносясь до реки.

Короткая летняя ночь минула быстро. Небо за лесом, что на том берегу Олкоги, налилось серым, призрачным свечением, предваряя восход.

— Пора! — решил Халид и стащил с ног мягкие сапоги.

Босые «гости» серьезно покивали головами.

— Валит! — сказал Халид.— Ты первый пойдешь, поведешь всех!

Сын Ниэры моментально надулся от гордости и кивнул.

— Штыри не забудь! Тебе втыкать!

— Взял я, взял!

Валит показал тяжелую связку бронзовых штырей.

— Ну, все тогда! Пошли!

Валит сел на край плота и соскользнул в воду. Сумка со штырями тянула вниз, но легкие, полные воздуха, удерживали плавучесть. Сын Ниэры проплыл к камышам на одном дыхании. Вынырнул, подышал, дождался, пока остальные подплывут, и ушел на глубину, рукою касаясь одного из «гостей» — тьма стояла полнейшая, не поманишь. Вот и вход...

Ощупав пальцами столбики, обрамившие «нору», Валит вплыл в зияние, отталкиваясь руками от пола, и вынырнул в душной темноте. Выбравшись из воды, он двинулся на карачках к бреши в стенке колодца и осторожно просунулся в нее. Квадрат ночного неба едва ощутимо мерцал в вышине.

Валит достал штырь, прогнулся и воткнул его между брусьев колодезного сруба. Щель была малой, но достаточной, чтобы пропустить бронзовое острие. Все, завяз. Держится? Он пошатал штырь. Вроде держится... Подтянувшись, Валит выбрался из бреши и стал ногами на ее край. Держаться можно было только за воткнутый штырь, до противоположной стенки не дотянешься. Карел примерился и воткнул второй. Прочно сидит.

Он поставил ногу на первый штырь, выпрямился и, держась за второй, вонзил третий... Из бреши уже дышали, слышен был шепот и даже хихиканье.

Израсходовав почти все штыри, кроме двух, Валит добрался до верха колодца и осторожно приподнял голову над краем его. Пара

костров посреди крепостного двора почти догорела, а предрассветные сумерки только вносили путаницу, смешивая тень и свет. Валит осмотрелся. Свеи были повсюду. Усталые и надломленные, они спали черным сном, больше похожим на обморок, без сновидений и неги. Лица потные, стоны со всех сторон, руки подергиваются, будто продолжая наносить удары.

Сын Ниэры бесшумно перевалился через край, и тут нога его ощутила под собой мякоть человеческого тела. Чертов свей пристроился спать под стенкой колодца!

Валит отдернул ногу и напряг зрение. Вроде спит... Вот голова... Спящего резать?.. Так сам же вызвался!

Он осторожно переступил через свея, присел на корточки. Где нож? Вот нож... Нашарив пальцами затылок свея, Валит задержал дыхание и коротко, сильно нажал на рукоятку ножа. Лезвие вошло в шею спящего, так и не пробудив его, только дрожь прошла по телу и оборвалась. Готов.

Над срубом колодца показалась голова и шепнула голосом Карла:

— Чисто?

— Чисто! — ответил сын Ниэры.— Одного я уже... того.

— Туда его...

Один за другим «гости» и «хозяева» повылазили из колодца. Трое двинулись к воротам, еще три тройки пошли по двору, убивая направо и налево, а Валит, Халид и Ошкуй отправились на западную стену — снимать дозор.

Босые ступни касались земли без шума, особенно приятно было ступать по траве или теплой еще пыли. Потом Валит почувствовал доски. Тоже ничего... На стене Халид легонько пихнул его вправо, а Ошкуя — влево, показывая, куда тем идти. Валит заскользил, куда ему было сказано. Луна светила в глаза, и сын Ниэры приставил ладонь ко лбу, высматривая дозорного. Сбоку шевельнулась тень. Карел пригнулся, отводя нож. Спит страж? Во сне ворочается? Страж не спал. Хускарл крепкого сложения метнулся к сыну Ниэры, ухватил его и так шмякнул о частокол, что нож рыбкой улетел за стену.

— С-скотина! — вырвалось у Валита.

Хускарл опрокинул его на доски, навалился, стал душить. Карел напрягся, но тушу свея свалить не смог. Его рука зашарила по панцирю хускарла и ничего не нашла, ни перевязи, ни меча на ней. Пояса, и того не было. Чувствуя на горле крючковатые пальцы и зловонное дыхание, он сунул руку под себя и нащупал штырь. Сжав это подобие «заточки», он воткнул его свею в бок. Хускарл закричал, призывая на помощь. Ва-

лит рукой заткнул ему рот и ударил снова, протыкая вражине шею. Забрызгала горячая кровь, свей заелозил на досках, сразу ставших мокрыми и скользкими, а карел поднатужился и скинул свея с себя.

И в этот самый момент дремотную тишину прорезал дикий крик. Словно волны, разошлось смятение. Свеи туго выходили изо сна, ропот заходил по двору, то поднимаясь до зычного говора, то рассыпаясь на шепотки. Еще один вскрик, донесшийся от ворот, был как сигнал к побудке. Лагерь загомонил, резкие голоса командиров вносили порядок в хаотическое движение тел. Свеи обнаруживали многих своих товарищей мертвыми, и это усиливало страх и сумятицу.

В это время с пронзительным скрипом пошли отворяться ворота, молчаливые гридни хлынули на крепостной двор, и вопли стократно усилились, заметались между стен, сложились во множественный рев.

Валит мигом сел и принялся разувать убитого им стража. Тот еще подергивался, когда он сдернул с него сапоги. Великоваты малость... А, ерунда! Меча сын Ниэры так и не обнаружил, а вот копье имелось. И то хлеб...

Ссыпавшись по лестнице во двор, он с разбегу воткнул копье в замешкавшегося свея. Тот упал, чуть не сломав оскопище. Валит выдернул копье.

— Эгей! — окликнул его Халид.— Примыкай! Одному не выстоять!

Карел оглянулся — араб, вооружившись трофейным мечом, ловко им орудовал, отнимая жизнь у заспанного свея. Рядышком орудовал Ошкуй, помахивая излюбленной секирой.

— Глядите, чтоб своих не порубить! — проорал Халид, перебарывая обвальный шум боя.

— Мы глядим! — прокряхтел Ошкуй, смахивая рябому хускарлу голову в круглом шлеме.

— Мы сдавайся! — завыли хускарлы, бросая оружие и задирая руки.— Сдавайся, сдавайся!

— Туда! — рявкнул Халид, указывая мечом на навесы, под которыми все еще серебрились связки награбленных мехов. Пленные живо дунули к навесам.

К рассвету сраженье подошло к концу. Примерно сотни полторы викингов окружили Эйрика конунга и отступали к восточной стене. Свеи сдавались пачками, но эти держали оборону до последнего. А когда их приперли к стене, викинги полезли по лестницам на забороло и удивили всех. Поскидывав брони и шлемы, они стали сигать в Олкогу. Сам Эйрик, сын Энунда, потрясая мечом и неслышно бранясь, в одной рубахе и портах, вспрыгнул на парапет и кинулся вниз.

— Стрельцам на стены! — разнесся приказ.

Лучники кинулись на стены. Валит, оглядев двор и убедившись, что победа за ними, взбежал следом. Викинги саженками переплывали Олкогу. Самые быстрые уже выбирались на берег. Стрелы доставали многих — пловцы дергались, вытягивались, и течение подхватывало мертвые тела, унося в озеро Нево.

Викинги, однако, плавали хорошо, и сотня свеев, во главе с конунгом, ушла, растворилась в лесу.

— Да и тролль с ними! — заорал Ошкуй, оказавшийся рядом с Валитом.— Ребята! Победа!!! Победа, понимаете?! Мы побили свеев!

Радостный гвалт поднялся в крепости, покружил по двору и выплеснулся за стены. Гридь подхватила победные вопли и разнесла их далеко, но даже из леса, из чащоб и с полян его накатывал радостный крик, неистово стучали мечи о битые, изрубленные щиты. Победа!

6

Путь сквозь дебри русского леса был долог. Несокрушимые викинги, гроза морей, вязли в болотах, продирались сквозь плотные заросли колючей ежевики. Трое поломали ноги, перебираясь через скользкие стволы бурелома. Будущее этих неудачников решили голосованием. Человек сорок предложили обезноживших бросить или прирезать «из милосердия», но большинство все же постановило дотащить их на носилках. Вероятно, рассудив, что и их самих может постигнуть подобная участь. А оказаться брошенным на чужой земле не захотел никто. Вот только куда тащить эту троицу с ногами в лубках? Куда им всем направляться? Пешком в Свеарики? Судили-рядили недолго. Опасались, что по их следам пустят молчаливых финнов, а у тех рука тверда и глаз меток — перещелкают всех из луков, и вся недолга... «Двинули к Ильменю,— решил за всех Эйрик,— а там приищем какую-никакую лодейку!» На том и сошлись.

Долгое блуждание по лесу доконало даже поддоспешники. Толстая ткань была изорвана так, что набивка торчала из дыр, как заячьи хвосты. Дрэллеборг и Гадар обошли по широкой дуге и выбрались к ильменским берегам.

Пробираясь мстинской поймой, пришлось понервничать — мало того, что заливные луга топкими были, так они еще и открыты для глаз. Пронесло.

Эйрик сын Энунда пробрался через заросли ольхи и выбрался на обрывчик, срывавшийся к шуршащим камышам. Ильмень-озеро раскатывалось до самого горизонта, блестело и переливалось, ветерок погонял мелкую волнишку. Все вокруг было пронизано, пропитано покоем, мирные пейзажи навевали дрему, а избитые ноги просто вопили, требуя упасть на землю и снять колодки сапог. Эйрик послушался своих нижних конечностей — сел, стянул раскисшую обувку, вытянул гудевшие ноги. Пущай подышут маленько...

Конунг до того устал, что даже грызшая его утрата мужской силы оставила ум. И разгром его войска, и потеря знатной добычи — все это отошло на второй и третий план. Что — поражение? На то и война, чтобы кто-то ее проигрывал! Разве он всегда одерживал победу? Нет, порой приходилось отступать, бежать даже. И что? Даже самые грозные звери, вроде льва, коего он видал в Сёркланде, или медведя, бегут, если не могут победить. Нету в том позора. Срам был бы, ежели, скажем, он сам утек, а дружину свою бросил. Так ведь с ним она, дружина его! А кто не с ним, тот сдался. Стало быть, самые сильные и умелые не в плену... И все равно, до чего же жалко все потерять! Людей не жаль, люди смертны. Одни умирают, другие приходят им на смену, подрастают и становятся в строй. Добытого жаль! Сколько мехов... А золотишка нагребли сколько — с баб срывали, по сундукам нарыли... И все, добытое воинским трудом, все пропало!

Затрещали кусты, и Эйрик вздрогнул. Нет, то не местные. Из зарослей выбирался Дюк Славянин.

— Конунг! — сказал он, растягивая губы в улыбке.— Тут к тебе!

— Кто там еще? — проворчал Эйрик, поднимаясь.

— Я это! — сказал знакомый голос, и на бережок выскользнул Вадим ярл, пообносившийся, в изгвазданном корзне, но все с той же ядовитой ухмылочкой на небритой роже.

— И ты здесь, конунг гардский? — усмехнулся Эйрик.

— Смейся, смейся,— протянул Вадим.— Сам небось в дураках остался, чего других подначивать?

— Ладно,— буркнул Эйрик,— ладно...

— Ладно,— согласился Вадим.— Давай договоримся, конунг... Сюда я еще вернусь и устрою всем этим рюрикам и улебам веселую жизнь, но пока... Короче, у меня лодья, у тебя гребцы. Соединимся!

Дом в Бирке у меня стоит, перекантуюсь пока под твоею рукою, поднакоплю силенок и вернусь. И тебе кой-чего верну из потеряного...

— Соединимся... — процедил Эйрик.— Это ж с твоей подсказки я здесь оказался!

— У тебя было все, конунг! — жестко сказал Вадим.— Все, чтобы грабануть Гарды и смыться. А ты? С моей, что ли, подсказки лодьи твои пожгли? Это ты Альдейгу спалил! Вот тебе и ответили. А как ты хотел?!

— Цыц! — мрачно ответил Эйрик.— Хватит болтать... Веди к лодье!

Солнце уперлось в зенит, когда из прибрежных камышей выскользнула длинная синяя лодья. Сотня угрюмых викингов сидела на веслах и гребла к югу, направляясь к волокам. Эйрик конунг восседал на месте кормщика и правил. Он глядел поверх голов своих хирдманов, на мутный синий горизонт, и во взгляде его читалась тоска. Эйрик Энундсон ничего не ждал от будущего. Все, что он имел, осталось за кормой Вадимовой лодьи. Он всегда горел желаниями, пламенел энтузиазмом и азартом, зажигая дружинников своих, а теперь... А теперь ему осталось тихо тлеть. Дотлевать в сонном оцепенении пустопорожние годы убогой и нищей жизни. Он глянул вниз, сжал ноги, разжал. Ни искорки... Огарок плоти. Конец.

Глава 22

Долгожданная тишина опустилась на Альдейгу. Убитых убрали с поля брани, снесли под деревья, сложили в рядки — уважительно ко всем, и к захватчикам, и к защитникам отечества. Пленных взяли под стражу и развели по загонам. Раненых уложили в терему — Пончик и Чара верховодили в этом импровизированном госпитале, а дворовые девки обратились в сестричек милосердия. Кровавые лужи засыпали песком. Трофейное оружие охапками сносили в крепость. Мир.

Олег сидел под стеной Воротной башни, держа катану на коленях. Сидел, тупо уставясь перед собой, и ни о чем не думал. Все мышцы ныли — особенно на правой руке. И ноги болели — побегай-ка в полупудовой кольчуге! Да еще панцирь сверху...

Раньше Олег читал, что после баталии воины чувствуют опустошенность. Лично он ощущал покой. Полный покой. Полный и бесконечный — Будда бы позавидовал.

— Олег! — позвал чей-то голос.

«Меня, что ли?..» — проползла ленивая мысль. Из-за угла вышел Хилвуд.

— Вот ты где,— сказал боярин.— Пошли в баню!

— Да я... как-то...— растерянно промямлил Олег.

— Пошли, пошли... Попаримся! И кровушку смоем, и смертушку...

Олег с трудом поднялся — точно, умаялся! — и поплелся вслед за Хилвудом. Боярин провел его в самый дальний угол крепости, туда, где в низинке стоял большой потемневший сруб. Это была банища.

В предбаннике крутился конопатый отрок зим пятнадцати от роду. Хилвуд передал ему оба меча, свой и Олегов, и конопатый с почтением принял оружие. Из мовни меж тем доносился хор голосов, обходившихся, в основном, междометиями, а также кряканьем, стонами, фырканьем и воздыханиями.

— Пошли,— молвил Хилвуд.

И Олег нырнул в маленькую дверцу, из которой дохнуло паром. Пахло квасом, дубовыми листьями, мятой, хвоей, травами, пучки которых висели под потолком, и еще чем-то, неопределенным, но знакомым с самого детства. Вдоль стен стояли лавки, а пол покрывали толстые желтые циновки. Десяток распаренных голых тел потели в мовнице, плескались из деревянных ушатов, терли друг другу спины лыковыми мочалками, чуть не сдирая кожу, зверски охаживали вениками на полках в парильне.

Там гудела открытая топка массивной каменки, бросая в полутьму багровые блики. Бурлил кипяток во вмурованном котле, у дальней стены стояли приземистые бочки со студеной ключевой водой. Пар был добрым, и Олега быстро проняло до костей. Поначалу он вознамерился обмыться и по-тихому уйти, но Хилвуд, отчего-то взявший над Суховым шефство, не отпустил. Дозволив наскоро сполоснуться, Хилвуд снова поволок Олега в парильню, в самое пекло, где впору супы варить, а не живых людей запаривать,— и давай вениками стегать, то хвоей охаживая, то листом.

В предбанник Сухов выполз, едва дыша. Обтерся полотенцем, оделся во все чистое — отрок выдал, вышел, вобрал полну грудь чистого воздуху и ощутил, что жизнь дается дважды, и второй раз случился только что. Истома в теле была, а усталость, надлом душевный исчезли — выпарились, возогнались. Потягиваешься с приятностью... Хорошо!

— Пошли! — вынырнул сзади Хилвуд. Опять «пошли!» Куда «пошли»? Зачем? Сонными, ленивыми пчелами роились подозрения, предположения, догадки...

Хилвуд вывел Олега к гриднице, к ее крыльцу, по которому подняться мог только воин из дружины конунга. Сейчас на крыльце, отвалившись на подушки, полулежал Рюрик — бледный, слабый, от шеи до пояса перемотанный чистой льняной тканью. Рядом с ним возвышался Улеб конунг. Сам-то рейкс еле языком ворочал, а у Улеба глотка, что твой репродуктор,— любого переорет.

Вокруг крыльца стояла дружина-гридь, все в чистом после бани — морды красные, волосы распущены. Теперь им всем предстоит пост — дня два-три. Восколебали они мечами да копьями своими грань между миром живых и иномирьем, обителью мертвых, протаяла она кое-где, ослабла. Пущай теперича зарастает, иначе беда может случиться.

Отдельно стояли отроки с мечами и при щитах — те, кто не проливал сегодня крови.

— Все тут? — гаркнул Улеб.

— Все, конунг! — вразнобой ответила гридь.

Улеб конунг поднял здоровый мешок, в котором громко зашуршало.

— Вот! — гаркнул он.— Тута ото всех концов и улиц береста. Некогда нам было круг собирать — война! — так мы собрали берестяные грамоты. Народ прислушался к слову моему и поставил на бересте одно и то же имя... Рюрик!

Перетасованная гридь взревела.

— Слушайтесь рейкса, как меня,— договорил Улеб.— Людям я послужил изрядно, пришла пора службу Перуну нести. А теперь...

Улеб склонился к Рюрику, выслушал, кивнул и распрямился.

— Олег, сын Романа! — вызвал он.

Олег похолодел — кишки будто в морозилку засунули.

— Здесь я, конунг,— шагнул Олег. Сердце колотилось... Как это у Миронова?

Но бьется живчик между жил:
«Я жив, я жив, я жив, я жив!»

— Ближе подойди,— проворчал Улеб. Впрочем, довольно добродушно...

Олег подошел ближе и остановился в двух шагах от крыльца. Он все еще не понимал, что происходит и при чем тут Олег, сын Романа. Рюрик поднял взгляд, осмотрел Олега, потом перевел зрачки на Улеба. Тот кивнул — понимаю, мол,— и заговорил с торжественностью:

— Олег, сын Романа! Ты уберег рейкса от смерти и бесчестья! Ты храбро бился и сослужил рейксу хорошую службу. И рейкс спрашивает тебя: чем отдарить за нее?

Олег с трудом сглотнул, чуть не закашлялся, но твердо выговорил:

— Возьми меня в дружину, рейкс! Остальное я добуду сам.

Дружина зашумела. Олег внутренне сжался — а ну как погонят? То-то сраму будет...

— Братие, дружино! — воззвал Улеб.— Согласны вы?

— Да-а! — заревела гридь. Отроки забили мечами о щиты. Вапнатак!

Улеб подошел к Олегу — тот глядел на него глаза в глаза, задыхаясь. Конунг неожиданно подмигнул ему.

— Отныне ты — дренг! — прогудел Улеб, кладя свой меч плашмя на Олегово плечо.— А сейчас...

Конунг с улыбкой переждал биение вапнатака и докончил:

— А сейчас гулять будем!

«А пост?» — удивился Олег. Но противиться не стал — пост ему был не по нутру в обоих смыслах. Есть хотелось ужасно! В животе было пусто, а теперь и в голове абсолютный вакуум. Он — дренг!

— Пошли! — хлопнул Олега по плечу Хилвуд.— Доволен?

— Не то слово!

Дружина повалила в гридницу, где шустрые девки уже накрыли столы для пира.

Меню было разнообразным: с мясом и рыбой, с жареными гусями и поросятами, грудами пирогов и расстегаев, и даже горшочки с новомодными пельменями... А на питье подавали мед, скир — хмельной напиток из молока, пиво, малиновое и заморские вина — аланское, хиосское, александрийское, рейнское... Пей — не хочу!

Олег сидел рядом с Хилвудом и Аскольдом сэконунгом, им прислуживали, плющась от радости, два вольноотпущенника — Валит и Ошкуй.

— Первый кубок,— провозгласил Рюрик,— за Улеба конунга!

Олег заметил, что рейкс совместил два обычая — пронес рог с рубиновым аланским над очагом и капнул маленько в огонь — и вашим и нашим жертва. Валит щедро ливанул Олегу зеленого рейнского. Зеленым здесь прозывали белое вино.

— Да куда ж ты мне столько! — переполошился Олег, принимая огромный рог с серебряной оковкой по краю.

— Пей до дна! — оскалился Валит.— Я подолью!

Олег, под одобрительные взгляды братии, пронес кубок поверх трещащих поленьев в очаге-лонгилле, вяло удивившись тому, что

огонь вообще присутствует в гриднице, где как будто бы не топили даже зимой, и щедро плеснул Сварогу, да Ран с Эгером, да Перуну с Воданом, да Хорсу с Доннаром — всем небесным покровителям замечательной страны, конунгу которой он служит отныне. И выпил. Хорошо пошло!

— Я ж говорил! — фыркнул сын Ниэры и сунулся с черпаком, но Олег твердою рукой положил рог и придвинул горшочек с пельмешками. Закусывать надо!

Бедный русский народ, как он только жил без такого-то блюда?.. Олег опростал горшочек наполовину, когда Улеб конунг поднял кубок:

— Ну, за победу!

Как тут откажешься? За победу, да не выпить? Нехорошо! Потом еще какую-то радость спрыснули, горе залили, помянув ушедших в Ирий-Вальхаллу... А еще Олег помнил смеющееся лицо Рады и как она его целовала и наказывала Ошкую довести до самой дружинной избы. На свежем воздухе Олег немного прочухался — шагал хоть и валко, но курс держал... А после проснулся и осознал, что лежит на лавке, на толстой хазарской кошме, вдвое сложенной, укрытый одеялом — чистой, теплой овчиной. В дружинной избе темно, только в дымогоне две звездочки переливаются... В углу басовито похрапывает побратим, со двора доносятся девичье пение и смех...

Самый длинный день в жизни Олега, сына Романа закончился.

МЕЧЕНОСЕЦ

Пролог

Багдад, 299 год хиджры (921 год от Р. Х.)

Утром, в час первой трапезы, Евлогий Комнин степенно прогуливался вдоль берега Тигра и поджидал своих высокоученых друзей — Аббаса Хаддада и Абула ибн-Казира. Оба были знатоками «ал-аристматики» и «ал-джебры», но Евлогия они интересовали исключительно как особы, приближенные к халифу. Аббаса с Абулом стоило лишь разговорить — болтливые и несдержанные, они выдавали массу ценнейших сведений, полезных для базилевса Ромейской империи [1], которому Евлогий давно и верно служил, подвизаясь на поприще тайных дел.

Одетый в белоснежную галабийю [2] и головной платок, с посохом в загорелой руке, Комнин походил на библейского пророка. Его арабский выговор был чист, репутация безупречна. Никому даже в голову не могло прийти, что Евлогий — джасус, то бишь шпион.

Строгое лицо Комнина, осмугленное солнцем, черная бородка с примесью седины, плотно сжатые губы и твердый взгляд, драгоценные четки, перебираемые пальцами левой руки,— все рисовало в воображении встречных натуру властную, вспоенную сурами Корана.

---

[1] *Ромейская империя* — верное название для Византии. *Базилевс* — император.

[2] *Галабийя* — длинное, просторное одеяние, традиционное для арабов-мужчин.

Иные из прохожих даже кланялись ему, принимая за особу духовного звания.

Сощурившись, Евлогий Комнин огляделся и скривил рот в раздражении. Велик был Багдад! В громадном городе проживал миллион человек — вдвое больше, чем в Константинополе. Могуч был халифат, но тем ценнее любая победа над этими сыновьями юга, тороватыми и заносчивыми, опасными и коварными, обложившими Византию и грозящими ей великими бедами.

Комнин внимательно огляделся кругом, прикрыл глаза, и зашептал, частя и глотая звуки:

— Господи Иисусе, прости мя за невольное услужение богу нехристей! Не корысти ради, а токмо во спасение веры истинной кладу поклоны. Пресвятая Матерь Богородица, услышь мя и помилуй!

Комнин сокрушенно покачал головою. Ах, знал бы кто, как тяжко бывает кланяться Аллаху и возносить священные формулы мусульман! Ему бы к светлому образу Богоматери припасть, испытать серафический жар и мистический восторг под куполом собора Святой Софии, но судьба разведчика сурова. Первая заповедь шпиона — быть как все. Не выделяться, раствориться в массе, таить истинное лицо свое под чужою маской, ненавистной и богопротивной.

Ромей сгорбился и поплелся дальше вдоль берега Тигра.

Набережная была застроена огромными зданиями, порою доходящими до восьмидесяти локтей [1] в высоту. С нишами-айванами и угловыми башенками, с резными решетками на окнах и цветными куполами, дома создавали образ блеска и роскоши, чарующей тайны и восточной неги. Евлогию представились черные глаза красавиц за узорчатыми загородками, масляный блеск золота в неверном свете лампад... Пышные опахала пальм над глинобитными оградами лишь подбавляли яркости первому впечатлению.

Народу на улицах хватало — богатых горожан в длиннополых халатах, с краями, оплетенными разноцветной тесьмой, торговцев с закрученными в жгуты кушаками, ученых с тайласанами — покрывалами из верблюжьего подшерстка, ниспадающими с голов на спины и завязанными узлами на груди, слушателей медресе в чалмах со свисающими концами, ремесленников в стоптанных туфлях на босу ногу и халатах едва до колен. Все шли пешком или понукали смиренно-безразличных ишаков — верхом на коне имел право ездить только один человек. Халиф.

---

[1] *Локоть* — приблизительно 0,5 метра.

Царственно опираясь на посох, Комнин обогнул колодец за четырьмя арками и столкнулся со здоровенным молодчиком в шароварах и безрукавке на голое мускулистое тело. Голову молодчика обматывала грязноватая чалма, а могучую талию — порядком засаленный пояс, за который был засунут кривой кинжал джамбия.

— Стой,— лениво проговорил молодчик, кладя ладонь на рукоять кинжала.— Ну-ка, дай сюда четки...

Комнин смиренно протянул затребованное. Его немытый визави повертел четки в руках и поинтересовался:

— Дорогие?

— Не дешевые,— кротко ответил ромей.

— Ага... Теперь вытряхивай дирхемы с динарами [1], и я оставлю тебе жизнь!

— А я тебе — нет.

Пока до грабителя доходил смысл сказанного, Комнин обхватил посох двумя руками, крутанул и разъял его на две половинки — в левой руке остались пустотелые «ножны», а в правой сверкнул узкий клинок. В тот же миг жало вошло в молодое, налитое здоровьем тело багдадского лиходея, погрузившись на всю длину, и вышло, смазанное кровью. Молодчик рухнул к ногам Комнина. Евлогий аккуратно обтер лезвие об истрепанные шаровары, заученным движением собрал свое потайное оружие. Наклонившись, он поднял четки, оброненные убитым. Отошел подальше. Остановился и стал смотреть — на реку, на колыхание мутных вод, на тот берег, всеми силами глуша греховную радость убийства.

Вниз по течению плыли большие серые чайки. Порою, потревоженные идущими с низовий барками, птицы начинали резко, негодующе орать и поднимались в небо.

За рекой был виден Ар-Русафа, загородный дворец халифа, и «Дворец вечности» — Каср ал-хулд, окруженный прекрасными садами и рощами финиковых пальм. Поближе к владыке правоверных переселились многие, целые кварталы выросли рядом с палатами его святейшества — Ал-Мухаррам и Аш-Шамассия. Туда через Тигр вел длинный лодочный мост, выше по течению виднелся еще один — подвесной.

— Досточтимый Халид! — воскликнул чей-то бодрый голос, называя Евлогия его арабским именем.

---

[1] 6 медных данников составляют 1 серебряный дирхем. 35 дирхемов тождественны 1 золотому динару.

«Мои болтунишки!» — подумал Комнин, обернулся и увидел Аббаса с Абулом, затянутых в светлые халаты. Ученые гордо несли чалмы верных суннитов, в четыре витка накрученных на головы.

— Салям алейкум,— поздоровался ромей.

— Алейкум ассалям!

Ученые приблизились и с ходу повели прерванную с вечера дискуссию. Речь шла о числах «совершенных» вроде шестерки, об «избыточных», как двенадцать, о «недостаточных» типа восьмерки, о «телесных», «пирамидальных», «фигурных», «дружественных»... Чокнуться можно! Евлогий получил блестящее образование, изучив тривиум и квадриум [1], но этого запаса знаний ему явно недоставало.

— Единица не есть число,— утверждал Аббас,— она начало и основа числа, а потому неделима.

— Истинная единица неделима,— соглашался с ним Абул и тут же начинал спорить: — Но единица, применяемая в наглядных примерах, называется ею условно. При взвешивании и измерении объемов, площадей и длин единица подразделяется на большое число частей при помощи деления: такая единица состоит из более мелких единиц...

Ученые бурно заспорили, вернулись к фигурным числам — «плоским квадратным» и «плоским продолговатым», потом перекинулись на «дружественные».

— А вы знаете,— оживленно заговорил Абул,— что сам Абу Камил ныне в Багдаде? Он приехал с караваном из Фустата, дабы посетить Дом мудрости [2].

— Абу Камил Шуджа ибн-Аслам ибн-Мухаммад ал-Хасиб ал-Мисри,— торжественно сказал Аббас,— имеет светлый ум и быстрый рассудок. Вы знакомы с его «Книгой об ал-гебре и ал-мукабале»?

— Почтенный Абу Камил сильно продвинул учение великого Аль-Хорезми,— блеснул знаниями Комнин,— он изображал отрезками прямой и само число, и неизвестную величину первой и второй степеней.

— А давайте навестим его? — загорелся Абул.— Абу Камил живет в Круглом городе, я знаю, где он остановился.

---

[1] *Тривиум* (грамматика, риторика и диалектика) и квадриум (арифметика, геометрия, астрономия и музыка) составляли семь свободных искусств — высшее образование на средневековый манер.

[2] *Дом мудрости* (Бейт аль-Хикма) — культурный центр, исламская академия, основанная в Багдаде.

— Тем более что нам по дороге,— тут же согласился Аббас.— Надо заглянуть к диван-беги [1], он просил уточнить кое-что насчет ширваншаха.

— Ширваншаха? [2] — делано удивился Комнин.— С каких это пор в диване интересуются отступниками из Ширвана, отринувшими власть халифа правоверных? Или готовится война?

— Готовится,— хихикнул Абул.— Только чужими руками!

— О-о... — молитвенно закатил глаза Комнин.— Как я завидую порой вашей близости к престолу! Быть доверенными высших лиц, вращаться в их обществе, касаться тайн, недоступных простым смертным...

— Ах, что вы такое говорите, досточтимый Халид,— пробормотал Абул, весьма, впрочем, польщенный.— Какие тайны... Просто вчера прибыл гонец с Хазарской реки [3] и принес любопытную весть — воинственные руси собрались в поход на Ширван.

— Что вы говорите! — воскликнул Комнин.

— Да-да-да! — вступил Аббас.— Руси уже спускаются по реке и скоро нагрянут на земли ширваншаха.

— О-о... — протянул Комнин, быстро соображая.— Но это опасно для земель халифата, не так ли? Русы постоянно нападают на наши города в Мазарандане и Табаристане [4], жгут и грабят, насилуют женщин и режут мужчин...

— Все правильно,— захихикал Абул.— Но в этот раз визирь принял мудрое решение — позволить русам жечь и грабить отпавший Ширван! Пусть режут воинов шаха — сколько смогут, пусть силою берут женщин за рекою Кур — сколько захотят. Халифу выгодно ослабление ширваншаха...

— Мудро,— согласился Евлогий.— И много тех русов?

— Эмир из страны Рус собрал дружину и выйдет в Абескунское море [5] на шестнадцати ладьях. Это... — Аббас посчитал в уме и выдал число: — Почти полторы тысячи воинов, умелых и ненасытных в золоте, любви женщин и крови врагов.

— Один эмир и один коназ,— поправил друга Абул.— Сам Халег, сын Ингара, царя Куябы, отправился в сей поход.

— Это точно? — насторожился Комнин.

— Абсолютно! — заявил Аббас с непререкаемостью имама мечети.

— Вы говорили, что ослабление ширваншаха выгодно нам... А разве убить коназа Халега не выгодно? Ведь русы держат в страхе все побережье — от Джурджана до Гиляна!

---

[1] *Диван-беги* — начальник дивана, арабского присутственного места.

[2] *Ширваншах* — титул правителей Ширвана (северо-восточный Азербайджан).

[3] *Хазарская река* — Итиль, ныне Волга.

[4] *Районы в южном* Прикаспии.

[5] *Абескунское море* — оно же Гурганское, Хвалынское и Каспийское.

— Верно,— снисходительно сказал Абул,— но этим можно поступиться, ибо русы суть главные противники Кунстантинии [1], грозящие румам с севера. А враг нашего врага — наш друг.

— Пусть даже такой шкодливый, как руси! — засмеялся Аббас.

Воистину, подумал Комнин, болтун — враг тайны...

Переговариваясь, троица приблизилась к стенам Круглого города — Ал-Мадина ал-Муддавара, ядра Багдада. Его внешние стены из сырцового кирпича поднимались на высоту хорошего тополя, а башни возносились еще выше. Минешь ворота, пройдешь шагов сорок — вторая стена встает. За нею по окружности шла улица, переулками деля кварталы на сегменты.

Ученые свернули направо, однако Комнин уже расхотел наносить визит Абу Камилу.

— Ах, я беспамятный! — неожиданно запричитал он.— Совсем забыл навестить больного друга! Старый Катир ибн-Сабит живет один с дочерью, он ждет от меня помощи и участия. Простите меня, друзья, но нам не по дороге — долг зовет!

— Долг превыше всего,— согласился Аббас.

— Передавайте вашему другу наши пожелания здоровья и долголетия,— добавил Абул.— Да поможет ему Аллах!

Трое раскланялись и разошлись — ученые направились по улице, горячо обсуждая способы измерения земного шара, а Комнин пошагал к центру города.

Евлогий прошел воротами, над коими вздымалась на полста локтей башня караулханы. Прямо от нее к центру города вела длинная галерея, перекрытая полусотней сводчатых арок. Стражник шагнул из тени и грозно спросил:

— Куда направляешься?

— Иду в гости к другу, коего приютил брат халифа, да умножит Аллах лета жизни защитника правоверных!

— Проходи,— смилостивился страж и скрылся в тень.

Евлогий убыстрил шаг и покинул сводчатый переход на большой площади. Ее замыкали в кольцо семь присутственных мест-диванов, мечеть Ал-Мансура и дома родичей халифа, а в самой середке возвышался Аль-Кубба аль-Хазра — «Зеленый купол», один из дворцов халифа. Палаты владыки полумира были в самом деле увенчаны блестящей зеленой полусферой, достигавшей восьмидесяти локтей высоты, а на самой ее макушке блестела позолотой фигура всадника с копьем. «Да, умеет жить халиф...» — в который раз подумал Комнин.

Пройдя во двор дома Мухаммада ал-Кахира, брата халифа, Евлогий убедился, что тот живет не хуже. Прямоугольное зеркало бассей-

[1] *Кунстантиния* — Византия. *Румы* — ромеи, потомки римлян и греков.

на занимало всю середину двора и светилось блеклой синевой летнего неба. Между краями бассейна и зелеными полосками стриженых мирт были оставлены узенькие проходы. Зелень обрамляла аркадумавазин, и получалось, что аркад было две — одна всамделишная, а другая, точно такая же, только перевернутая, отражалась в мерцающем водоеме. И до чего ж они легкие, эти аркадки! Их подпирали тонкие колонки, а каждая арочка была заключена в узорную раму. В орнамент рамы вплеталась вязь арабских букв. «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммад — пророк его» — эти слова повторялись и повторялись, а сам узор сменял свои мотивы с четкостью и последовательностью алгебраической формулы. Лазурная, алая и золотая краски то сплетались в завитках, то разбегались линиями...

Между колонками поблескивали тонкие струйки фонтанов. Комнин прочел замысловато свитую надпись на мраморной чаше: «Смотри на воду и смотри на водоем, и ты не сможешь решить, спокойна ли вода или струится мрамор...» Да уж...

А за водоемом открывался сам дом, обширный и богатый, отданный ал-Кахиром во временное пользование Катиру ибн Сабиту — за известные лишь им двоим услуги (Катир спас братца халифа — увел из засады, которую сам же и устроил). Комнин усмехнулся. Знал бы ал-Кахир, кого он пригрел! Имя Катира ибн Сабита было одним из многих, взятых не старым еще Игнатием Фокой, агентом Комнина в арабских землях. Игнатий имел титул спафарокандидата и мог спокойно обитать в Константинополе, отбывая непыльную службу при дворе императора. Но скука гнала его с берегов Золотого Рога на берега Нила и Тигра, где Фоку поджидали опасности и труды. Комнин хорошо понимал Игнатия — сам был такой же...

Между изящных колонн промелькнула фигура женщины, и Евлогий облизнул внезапно пересохшие губы — к нему приближалась Елена Мелиссина, напарница Игнатия. Нет, она не помогала Фоке сносить трудности, она командовала им. Елена была главной в неразлучной паре, играя роль дочери. Одинокий мужчина поневоле вызывает подозрения, но кого встревожит присутствие отца с дочкой? Впрочем, называть Игнатия мужчиной можно лишь в прошедшем времени — Фока добровольно оскопил себя, дабы спасти душу. Тем лучше для Елены — молодой, умной, коварной, изобретательной, жестокой... и невероятно красивой женщины. Вот уж кого Комнину не понять! Мелиссина принадлежала к богатому и знатному роду, с рождения будучи причисленной к самому высокому придворному рангу, являясь зоста-патрикией. У нее было все, что нужно женщине для счастья,— деньги, роскошный дом в Константинополе, огромное поместье за городом. Казалось бы, живи и радуйся! Шей самые вычурные наряды, закатывай пиры, и пу-

скай твои капризы наперегонки исполняют мужи, приближенные к базилевсу. Так нет же — Елена ударилась в политику, отдалась той ее тайной составляющей, которая подпитывает в базилевсе уверенность в победе или предупреждает о возможном поражении. Женщина стала разведчицей, тенью шествуя за Игнатием и направляя его.

— Салям алейкум, Халид,— поздоровалась Елена, выходя из-за аркады, и Комнин затрудненно сглотнул. Перед ним стояла не просто женщина, а сама суть ее пола, возбуждая страсть любым движением, гримаской или словом. Елена была закутана в тонкую накидку, из-под которой выглядывали шаровары, но драгоценная везарийская ткань не могла скрыть узенькой талии — легко обнимешь двумя сомкнутыми ладонями! А этот восхитительно-крутой, амфорный изгиб бедер?! А великолепные длинные ноги?! А грудь — вызывающе высокая, неколебимо тугая?! А эта шея, плечи, руки, вороная волна волос, склонных виться!

Лицо Елены скрывала полумаска, привычная для восточной женщины, но даже взгляда огромных черных глаз было довольно, чтобы вожделеть.

— Салям... Лейла,— кривовато усмехнулся Комнин.— Где Катир?

— Он дома. Позвать?

— Не нужно. Я буду говорить с тобой. Есть новое задание.

— Мы готовы исполнить все, что нужно.

— Я не сомневался... Ты бывала в Русии?

— Именно бывала. С купцами из Херсонеса поднималась по Борисфену до крепости Самбат — арабы называют ее Куябой, славины кличут Киевом, а русы — Кенугардом.

— Блестящие познания...

— Смеетесь?

— Нисколько. Язык русов знаешь хорошо?

— Мм... Ну, не так чтобы очень, но объяснить, чего я хочу, смогу.

— Отлично... Не удивляйся, что я заговорил о русах, находясь в сердце халифата...

Комнин пересказал Елене новость, услышанную от Абула с Аббасом, и продолжил:

— Арабы для нас — враг номер один, но если мы упустим из виду русов, то в недалеком будущем северяне займут место южан. Русы уже прямо и явно угрожают империи. Несколько раз они подходили к стенам Константинополя, но пока Бог миловал... А что случится завтра? По Борисфену проходит большой торговый путь, как русы говорят — «из варяг в греки». Так вот, по всему этому пути живут разные племена — галинды, лензанины, вервиане, северии, славины... Кого-то из них русы подчинили своей власти, с кого-то требуют дань, с кем-то находятся в союзе. Русов мало, но они берут не числом, а уме-

нием и силой духа. Ты могла их видеть при дворе базилевса, поскольку русы составляют цвет этерии [1]. Мы их прозываем варангами...

— О-о! — сказала Елена впечатленно.

— Вот именно... Так вот. Если русам-варангам удастся сплотить под собой все племена и создать единое государство, ромеи окажутся между ними и арабами, между жаркой наковальней с юга и ледяным молотом с севера. И тогда нам не выдержать натиска с обеих сторон. Выход один — упреждать русов, останавливать их на пути к господству. Все это я говорю для того, чтобы ты поняла важность задачи — надо будет убить Халега, сына царя Ингоря, что правит в Самбате и окрестных землях. Только не путай его с другим Халегом!

— Их двое? — удивилась Елена.

— Есть великий князь Халег, прозванный Ведуном. Он правит далеко на севере, откуда к нам привозят меха. Ведун стар, но рука у него твердая. Не зря его титулуют не простым князем, а великим. Когда его друг, князь Рюрик, умер, то сына своего Ингоря он доверил Халегу Ведуну, и тот с малолетства воспитывал мальчика. Увы, насколько Ведун велик как государственный муж, настолько он мал как воспитатель — Ингорь вырос крепким и здоровым, но дух его слаб, а ум не быстр. Зато его сын, которого Ингорь назвал Халегом в честь своего приемного отца, обещает перерасти родителя... и сильно усложнить нам жизнь.

Если не станет Халега, сына Ингоря, не будет кому унаследовать венец. Ингорь — неумелый и неудачливый государь. Славинские князья сменят его на киевском престоле, и тогда весь юг Русии долгие годы, если не века, терзаем будет смутами и междоусобицами. Князья начнут раздирать единую землю на уделы, чтобы самим править на клочках разорванной страны, великой и обильной. Вот наша цель! И добиться ее можно ценой всего одной смерти! Признаюсь, это не моя выдумка, умные люди в Константинополе давно вынашивают план убиения Халега, еще с той поры, когда русы напали на Таматарху [2]. Тогда Халег показал себя неплохим стратегом, в отличие от отца, хоть и молод годами. Этой зимой я получил тайный приказ самого базилевса — Его Божественность требовал найти и уничтожить Халега... Долго я думал, как исполнить высочайшее повеление, а тут такая удача — сын Ингоря сам идет к нам в руки!

---

[1] *Этерия* — личная гвардия императора.

[2] *Таматарха* — город в Тамани, построенный на развалинах эллинских колоний Фанагории и Горгиппии. В летописной традиции его именуют Тьмутараканью, хотя вернее было бы — Тмуторокан. Имеются весьма смутные свидетельства того, что у князя Игоря (Ингоря) действительно имелся наследник — Олег (Халег или Хельгу), якобы погибший при защите Тмуторокана в 925 году.

— Я поняла,— серьезно сказала Елена.— Когда нам отправляться?

— Сегодня же. Берите лучших коней и скачите в Ширван, за реку Куру. Понимаю, что сложно будет найти русов и вовремя пересечь их путь, но попробовать надо. Думаю, варанги поступят как всегда — начнут грабить Ширван с Нефтяного берега [1]. Попробуйте встретить их там. Если не получится, совершите вторую попытку, ибо русы обязательно поднимутся по Куре. Знать бы докуда...

— Это мы выясним на месте! — решительно заявила Елена.— Что-то еще?

— Да... У тебя останется и третья попытка. Помнишь, сколько было разговоров о пропавшем караване рахдонита [2] Гаддиила бен Халева? Его верблюды везли из Поднебесной империи много шелка. Караван вышел из Самарканда и словно растворился. Так вот... Ни верблюдов, ни купцов не осталось — их кости давно заметены песком. Но шелк цел. Вся драгоценная ткань сложена в странноприимном доме при храме Пресвятой Богородицы в Итиле, столице Хазарского каганата. Впрочем, властвует в Хазаране отнюдь не каган, а правитель-иша. Нынче в иши выбился Аарон, сын Вениамина. Он очень жаден и русов не любит, на этом и сыграй. Посули ему шелк рахдонита в обмен на избиение русов. Варангам деваться некуда, у них единственный путь домой — по Итилю, запертому хазарами. Власть иши держится на мечах арсиев, наемников из Хорезма. Даст им приказ иша — истребить русов! — и те с удовольствием исполнят его. Во-первых, добычу русы приволокут знатную, во-вторых, арсии как бы отомстят за братьев по вере...

Елена Мелиссина долго смотрела на опадающие струи фонтана, потом повернула голову к Комнину и твердо сказала:

— Можете считать, что задание выполнено. Я убью Олега!

---

[1] *Нефтяной берег*, или *Нафта*,— это полуостров Апшерон и побережье у Бакинской бухты, где в древности добывали нефть, используя ее и как лекарство, и как зажигательную смесь.

[2] Рахдонит, букв. «знающий пути» — богатый хазарский купец, ведущий торговлю шелком. Элита каганата.

Часть первая

«ИЗ АРАБОВ В ВАРЯГИ»

Глава 1,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ СУХОВ ПРЕДАЕТСЯ ВОСПОМИНАНИЯМ, БРОДЯ ДУШОЮ ПО МЕСТАМ БОЕВОЙ СЛАВЫ

Хвалынское море, 864 год от Р. Х.

Вечерело, но купцы не спешили приставать к берегу на ночевку — неспокойные были места. Десять пузатых кнорров проходили в прямой видимости восточного берега, где кочевали воинственные гузы, а караван не сопровождали боевые лодьи [1]. Конунг Рюрик Альдейгьюборгский [2] выделил по пятерке воинов на каждый корабль — и ему выгодно, и купцам спокойно, да только маловато полусотни, не сдержать им алчности степняков. Вот если бы гузы заприметили костры, разведенные небольшой дружиной, хотя бы мечей в пятьсот, тогда бы они обошли стороной опасных пришельцев, а так...

И приходилось экипажам одолевать морской простор не сходя на твердую землю, не отдыхая на стоянках. Опытные кормщики вели ко-

---

[1] *Лодья* — боевой корабль русов (скандинавы говорили lodje), могла достигать 40—50 метров длины и несла на себе 100—120 человек. *Кнорр* — торговый корабль.

[2] Автор придерживается мнения, что в 860 году жители Альдейгьюборга (ныне Старая Ладога) призвали на княжение Рюрика, сына Регинхери, рейкса из Старигарда (ныне Ольденбург), что в землях вендов — Вендланде (Южная Прибалтика).

рабли по звездам, по солнцу, держа в памяти все течения и мели, сравнивая на вкус соленость воды. Там, где в море впадала обильная Аму [1], зовомая ромеями рекою Окс, влага морская была почти что пресной. А дальше к северу вода все более горчила.

Впрочем, купцы не расстраивались — их дела шли хорошо и даже лучше. Прибыв с грузом рабов, воска и мехов в русскую факторию, что в городе Абесгун, торгаши живо распродали весь свой товар, получив сумасшедшую прибыль. Ох, недаром арабы-сарацины из жаркого Сёркланда [2] так стремились на север, обильный мехами. Покупая соболей за серебряные дирхемы, они продавали драгоценные шкурки по сто, по двести золотых динаров! И очень не любили арабские купцы конкурентов из холодной Русии. Да только варяги не больно-то интересовались их мнением, а когда сарацины начинали наглеть, являлись целой флотилией. Грабили Абесгун, Сари, Дайлем, Гилян. Жгли, насильничали, убивали... Короче говоря, наводили такого страху, что арабы долго ходили как шелковые и ласково улыбались купцам из русов...

— Слава Эгеру [3],— пробурчал подкормщик Гунастр Вепрь,— слава Ран... Ветер меняется, задувает моряна с юга. Хорошо пойдем!

— Эгей! — крикнул кормщик, не выпуская из рук рулевое весло, опущенное за правый борт.— Суши весла! Ставь паруса!

Гребцы довольно заворчали, со стуком вытягивая из лючков греби с узкими лопастями. Кнорр — не лодья, вся середка отдана товарам. На кнорре гребут лишь с носа и кормы, приподнятыми над волнами, а посему все весла длинные и тяжелые. Намаешься их тягать, особенно когда задует северный ветер — на Нефтяном берегу ему дали название «хазри».

Олег Сухов, молодой гридень [4] из дружины Рюрика, прозванный Вещим, довольно потянулся, помахал руками, утоляя боль в натруженных мышцах, и присел на бочку у самой мачты. Мачта поскрипывала, шкоты и штаги, плетенные из кожаных ремешков, гудели, натянутые пухлым парусом, мелкая волнишка игриво шлепала в борт. Хорошо!

— Устал? — спросил Пончик участливо, опускаясь рядом.

---

[1] В 10 веке Амударья впадала в Каспийское море, протекая по руслу нынешнего Узбоя, а само море занимало большую площадь, чем сейчас.

[2] *Сёркланд* — страна сарацин, то есть арабов. Так на севере называли земли Халифата.

[3] *Эгер и Ран* — бог моря с супругой.

[4] *Гридень* — воин, рядовой дружины-гриди (по-свейски — грид, по-нурмански — хирд).

Александр Пончев отвечал своему прозвищу на все сто — был он румян, почти в меру упитан и плотен, даже так — пышноват. Пять лет назад Олег и Шура были просто знакомы, находились в приятельских отношениях, но события невероятные и фантастические сдружили их накрепко — обоих переместило из двадцать первого в девятый век, в эпоху викингов и варягов...

— Да нормально... — лениво протянул Олег.— Помню, три года назад, когда Париж брали, вот тогда я выдохся вчистую. Восемь часов гребли! Ярлы [1] наши, и те умаялись...

— Слушай, расскажи мне про тот поход,— сказал Шурик.

— Да я ж тебе уже рассказывал!

— Ну-у, когда это было-то... Может, ты еще какие подробности вспомнишь. Повествуй, давай!

— Да чего там повествовать... — отмахнулся Сухов с легким небрежением.— Обычный пиратский рейд. Напали на Лондон, пограбили всласть, еще и виру с короля стребовали. Потом в Париж нагрянули... Париж! — фыркнул Вещий.— Такая же большая деревня, как и Лондон. Грязи по колено, а уж архитектура... Сразу и не поймешь, где избушки, где хлева...

— Расскажи! — заныл Пончик.

— Достал ты меня, коновал... — Олег вздохнул преувеличенно тяжко, подумал и начал: — Рюрик тогда всех конунгов окрестных собрал и свободных ярлов — с озер Ильмерь и Весь, из Бьярмов, из Хольмгарда, Алаборга, даже из Суждала, Мелинеска и Полтескьюборга [2]. Свели вместе лодий двести. Считай, на каждой по сто-сто двадцать человек. Сила! И мы ж еще схитрили — с осени пришли к Старигарду, да там, у вендов, и зазимовали. А по весне, когда у нас еще везде лед недвижим и снегу навалом, вышли в море — юг же! Ну, прошли мы узостью между свейским и датским берегами, и сделали поворот...

...Обогнув Ютландию, корабли русов вышли в Западное море — в Европе его прозывали Северным. Атлантика зябко дышала в паруса

---

[1] *Конунг* — выборный король. *Ярл* — личный титул, тождественный графскому. *Хевдинг* — вождь.

[2] Обычно под Хольмгардом понимают Новгород, однако в 9 веке Новгорода еще не существовало, а вот Хольмгард был. Правда, неясно пока, где именно он стоял... Суздаль — это переиначенное название мерянского города Суждал. Алаборг — это, скорее всего, Олонец. Бьярмы — Приозерск. Полтескьюборг — нынешний Полоцк. Мелинеск — город у верховьев Днепра, позже передавший свое название Смоленску. В скобках заметим, что данная географическая привязка весьма относительна...

армады, валила жидкими холмами, до реев взбрызгивала холодной пеной. День брызгалась, другой...

— Земля! — закричал с мачты Большой Валит, с палубы похожий на тощего медведя, влезшего на сосенку.— Вижу землю!

— Энгланд! — довольно рявкнул конунг Лидул Соколиный Глаз.— Ага... Слазь, Валит! Уже и так видно.

Тонкая полоска прорезалась на горизонте. Лезвийной толщины неровность отделила сушу и воду, положила небу край.

— На фалы и шкоты! — разлетелась команда.

Флот выровнял строй, нацеливая носы в эстуарий Темзы, и последовал в бейдевинд левого галса — сбоку дул ветер, с левого борту. Потом отошел — стал более попутным. Чтобы идти полным курсом, ярл приказал приспустить лодью, нареченную «Лембоем», под ветер. Корабль набрал ход.

«Посмотрите направо,— подумал Олег,— вы видите низменность Эссекса, безлесную и пустынную. Берега ее илистые и отмелые. Посмотрите налево. За белыми скалами, у которых грохочет волнобой, видна возвышенность Норт-Даунс. Там — Кент...»

С самого начала похода его не покидало состояние продленного восторга. Вырваться из привычного окружения, увидать заморские страны — что может быть лучше? Правда, в заморье и убить могут, но тут уж некому пенять...

Внезапно с травянистой макушки мелового обрыва поднялся столб густого серого дыма. Минуты не прошло, а с прибрежного острова потянулся еще один.

— Заметили нас англы,— усмехнулся Соколиный Глаз и повернулся к ярлу Олаву Гуляке: — Передай всем, чтоб без приказа не стреляли. Особенно это твоего Икмора касается! Попробуем сперва добром виру взять, а уж если не получится...— в голосе конунга зазвучала угроза.— Примем меры!

Дренг [1] по имени Слуд побежал на нос, развел руки с тряпками и пошел семафорить.

— И пусть навесят щиты. Не в гости идем...

Гридни перетаскали кучу щитов и навесили на оба борта.

— Белый щит поднять! — приказал Лидул.

— Поднять белые щиты! — отозвались старшие фелаги на других кораблях.

---

[1] *Дренг* — воин, кандидат в рядовые. *Хольд* — действительный рядовой, прошедший посвящение. *Форинг* — командир. *Старший фелаг* — старший товарищ.

Конунг махнул Валиту, тот кивнул, прицепил к фалу и поднял до верха мачты круглый, выкрашенный белой краской щит — знак мира и добрых намерений. Но и красный висел тут же — поднять недолго...

Эстуарий сужался, глаза различали на эссекском берегу водянистые, мочажинные пустыри, заросшие поля, метелки редкого кустарника и далекие леса, синей каемочкой очерчивавшие горизонт. А влеве, на кентском берегу, виднелись дубравы, особняком жалась тисовая рощица, свечками торчали корабельные буки. В лощинах и у подножий холмов истаивал туман и деревья казались скрутками черной проволоки, опущенными в разбавленное молоко. С суши тянуло прелью, дымком и запахом небогатого жилья — кислой капустой и жареной рыбой. Не такая уж и пустыня этот Энгланд, как хочет казаться!

Солнце прогнало туман, открывая оба берега. Флот постепенно втягивался в широкое устье Темзы, реки глубокой и полноводной. Ее высокий берег сбегал к искрящейся воде, над которой клонились ивы. Берег низменный тоже начинал дыбиться холмиками. Плоские вересковые пустоши еще тянулись, укатывая землю до края, но лес все чаще вклинивался в поле, внося трехмерность вертикалями платанов и грабов, каштанов и кленов, высокоствольных буков и широколистых вязов. Деревья росли все тесней, все кучней, перемешиваясь с подлеском, забаррикадировавшим все прогалы.

— Хорошая река,— сказал позади Гуляка,— не то что Оклога [1] — порог на пороге...

— По весне они все хороши,— проворчал Лидул.— Вон, на что уж Итиль полный да водяной, а и то... В паводок как-то шли в хазары — летим без греби, успевай рулить. А в обрат пошли — умучались. Где-то выше Клязьмы... да нет, еще повыше — после влива Костромы — подряд восемь мелей! Во как...

— Что ты сравниваешь — Темпс короткая совсем... О, глянь, глянь, как рыба вскатывается!

Олег повернул голову — прозелень реки волнило кругами.

— Небось щука играет,— со знанием дела заметил Лидул.— Щучка, она рыбка выметчивая... Ш-ш! — шикнул он вдруг и сделал жест палубной команде: тишина полнейшая!

Из-за плакучих ив, полощущих в воде пряди гибких ветвей, вытянулась рыбачья лодка. Гребец сидел спиною и не видел варяжских кораблей, прущих вверх по Темзе. Вероятно, он и на ухо туговат был, коли не слышал скрипа и плеска за собою. Положив весло в лодку, гребец

---

[1] *Оклога* — ныне река Волхов.

приподнялся и забросил лесу от закидушки. Медленно опустившись на скамью, он поводил лесой и принялся наматывать ее на рогульку.

Рыбацкая посудина была совсем рядом, в каких-то шагах с левого борта, и Соколиный Глаз не смог отказать себе в удовольствии схохмить. Вывесившись за борт, он участливо спросил:

— И что вырыскал?

Его «аглицкий» выговор был чудовищен, но для рыбака голос конунга прозвучал как гром с небес. Мужик аж подпрыгнул и оторопело вытаращился на громадный корабль. Все, кто был на палубе «Лембоя», загоготали, как по команде.

Рыбак дико озирался — необычное и странное, ворвавшись в монотонную серость буден, сорвало размеренный темп жизни, вышибло из сознания убогий набор привычностей.

— Как звать тебя? — спросил, отсмеявшись, Лидул.

— А... Альдгельм,— пролепетал рыбак.

— Хорошо клюет? На что ловишь?

— Вот! — Альдгельм поднял за жабры здоровенную щуку, показал вялo трепыхавшуюся форель. А вот насчет наживки ответить не успел — страшно заклекотав, рыбак схватился за горло. Из-под его скрюченных пальцев родничками забила кровь, брызгая на улов. Обмякнув, сакс упал ничком. Стрела, торчащая из его шеи, весело забелела оперением.

— Ну что за сволочи! — потрясенно вымолвил кормщик.— Своего же!

Олег увернулся от еще одного смертоносного жала, едва не попортившего ему шкуру. Ничего себе, заявочки...

Подскочили гридни, прикрывая Лидула. Держа щиты двумя руками, они отлавливали стрелы. С десяток «змей тетивы» [1] втюкнулось в борт, одна впилась в мачту.

— Вон они! Вон!

Из-за мысочка, заросшего сухим дроком, выплывали низкобортные галеры, подобные русским стругам, но поразвалистей. В каждой сидело на веслах дюжины по две керлов-ополченцев. Сильно сутулясь, со щитами на спинах, они гребли и прикидывались Очень Мелкими Существами. Их подгоняли королевские таны [2]. В кольчугах по колено и в таких же, из стали вязаных капюшонах, при мечах и со щитами, они кучковались на полупалубах галер. В проходах между скамьями ховались стрелки в простых кожаных панцирях и остроконеч-

---

[1] *«Змея тетивы»* — кэннинг, то есть замысловатое сравнение для стрелы, принятое поэтами-скальдами. Воинов они называли, к примеру, «ясенями битвы», а женщин — «Мелями злата».

[2] *Таны* — военная служилая знать. *Эрлы* — англосаксонские графы.

ных войлочных шапках. С палубы «Лембоя» нельзя было различить выражения лиц, но можно себе представить, что испытывали англосаксы, напав из засады на целый флот!

— Паруса долой! — заревел Лидул.— Весла на воду!

Забрякотали весла, выровнялись в два ряда и дружно загребли воду Темзы.

Олега охватил азарт битвы, а нелепая смерть Альдгельма раздувала в нем жестокую ярость. Казалось бы, ну кто он ему, этот англосакс? Он его не знает даже! А жалко... И ведь видели же, что местный,— зачем было стрелять? Наверняка специально целились! Но азартовать и яриться — это значило распускаться. Эмоции! Они находят на душу, потом откатываются и не помнятся уже. Отходят. Биться надо рассудком, гормонам всяким не поддаваясь... Уговаривая себя, Олег вытер вспотевшие ладони.

— В линию! — проорал конунг. Замелькали флажки, затрубили трубы. Подгребли еще четыре лодьи, из самых больших — «Семаргл», «Пардус», «Алканост» и «Финист».

— Поворот!

Пять лодий развернулись, перегородив русло Темзы. Напротив них сбились в кучу английские галеры, числом до полусотни. Сила немалая, как ни крути. Считай, почти две тыщи народу. Над некоторыми галерами колыхались золоченые стяги, качались кресты. Надсаживаясь, орали королевские таны. Жалобными голосами выпевало псалмы духовенство. Галеры построились выпрямленной подковой и двинулись на сближение — глухо били бубны, чтобы кряхтящие ополченцы гребли в такт.

— Стрелки! Чего ждете?!

Воздух дрогнул басовой струной. Сотни длинных стрел сорвались с луков. Описали крутую дугу, ударили, язвя палубы, щиты и неприкрытые тела.

— Стрельцам бить калеными и срезнями!

Низкое гудение русских стрел заглушило легкомысленный посвист английских pirrows [1].

— Копейщики!

С обеих сторон полетели копья и стрелы, воины потрясали секирами и мечами, дожидаясь сближения.

— Поворот! Смена гребцов!

---

[1] *Pirrow (англ.)* — стрела (разумеется, в данном времени говорили на староанглийском, но не будем усложнять...).

Лодьи развернулись, и корабли сошлись с галерами на встречных курсах. Англосаксы подняли рев.

Тан на передней галере — зубы на выскале — поставил ногу на борт и половчее перехватил абордажный крюк. И не боится же...

Олег выдохнул, повернулся к ждущему Олдаме и махнул рукой.

— Давай!

Олдама ждал приказа с разожженным факелом. Запалив фитили на горшках с нефтью, он по одному передал снаряды могутному Ошкую, и тот швырнул «гостинцы». Зафонтанировал огонь — палящий и копотный. Две галеры, шедшие наперегонки, превратились в погребальные ладьи. Людской вой смешался с гудением пламени.

С десятка лодий, вплотную приблизившихся к англосаксам, тоже полетели круглые горшки, оставляя дымчатые шлейфы разгоравшихся фитилей. Горючка расплескивалась по баркам, опаляя чернь и знать без разбору.

Олег готовился к абордажу, руку так и тянуло к левому боку, где висел меч, но боя не случилось. С галер наконец-то рассмотрели, что собой представляет противник, и начался распад. Барка, проскочившая за линию лодий, развернулась и понеслась к берегу. Королевскому тану это бегство сильно не понравилось, он орал, потрясая мечом, и озверевшие керлы утопили крикуна. Страх смерти пересилил страх наказания — король далеко, а русы близко!

Англосаксы бросали весла и кувыркались в воду, неуверенные, что их дезертирство поддержат товарищи. За керлами сигали стрельцы. Особа духовного звания в черном облачении бенедиктинца перекрестилась и плюхнулась, погнав волну и сверкая тонзурой.

На галере, борта которой были разрисованы кружками и ромбами, воцарился классовый мир — таны гребли вперемежку с керлами, а грузный эрл в роскошном меховом плаще ерзал на корме и подбадривал гребцов энергичными выкриками.

Река очистилась. Брошенные галеры, зачерпнувшие воды, сплавлялись в море вместе с «систер шипами», выжженными огнем. Плыли трупы, качались на волнах щиты.

— ...Вот так и началось наше вторжение,— проговорил Сухов, массируя ноющий бицепс.

— А дальше?

— Дальше — больше...

— Ну, Олег...

— Да дай ты мне отдохнуть!

— Ну еще немножечко, самую капельку! Здесь же нет телевизоров, нету газет...

— Дожил! Уже теликом обзывают...

— Олег...

Сухов повыпендривался малость и продолжил дозволенные речи:

— Ну, что? Приплыли мы, подступили к самому Лундуну, бросили якоря...

«Какой-то Лондон... не лондонский»,— думал Вещий, разглядывая стену Константина, выходящую к Темзе. Угловая башня Юлия круглилась в правом углу, на месте будущего Тауэра, а с северной стороны к римскому Лондинию присоседился варварский Лундун — лепясь к каменным стенам крепости, прямо поверх рва, заваленного отбросами и грязью до такой степени, что выемка превратилась в насыпь. Слобода разбегалась кривыми улочками, кучкуя землянки, мазанки, свинарники, перемежалась пашнями, садиками и огородиками.

Олег обвел взглядом городские укрепления и только головой покачал. Во множестве мест крепостные стены, сработанные римлянами, были разобраны по камешку — где только зубцов лишившись, а где и до самого фундамента разрывая пояс обороны. Видать, англосаксам дюже стройматериал требовался... Пробои загородили не шибко высокими прясламы, рубленными из дуба. Разборке подверглись и башни — местные кое-как надстроили их грубыми срубами. Все это архитектурное и фортификационное безобразие выглядело очень неаккуратно и убого.

На правом берегу Темзы чернела деревянная крепостца — Саутварк или, как ее прозывали северяне, Судвирки. Поперек реки был переброшен Большой мост, сколоченный из крепких бревен, утыканный башенками и огражденный невысоким — по пояс — частоколом. Над пильчатым палисадиком выглядывали шлемы, дергаясь как поплавки на поклевке, горбатились спины, сверкая кольчугами, будто рыбины чешуей. Ишь, забегали! Еще не так бегать будете...

А мост и вправду велик — две телеги запросто разъедутся. Последний пролет упирался в лундунские ворота, зажатые меж двух башен, наполовину сложенных из римского кирпича, наполовину — из бревен. Воистину, дерево — стройматериал варвара!

Топая по палубе сапожищами, подошел ярл Олав.

— Любуешься? — настроение у ярла было бодрое.

— Думаю,— сказал Олег.

— Думай, думай! — хохотнул Гуляка.— Продолжай в том же духе!

Утром, на военном совете, конунг Лидул предложил атаковать Лундун с реки. Обрушить мост — главное укрепление городских

врат, вышибить хлипкие створки и ворваться на улицы. Сказать по правде, Соколиный Глаз меньше всего думал о том, как бы побыстрей взять Лундун. Удар с Темзы помог бы сохранить жизни гриди.

Плох тот командир, который берет крепость любой ценой, ибо цена эта измеряется в смертях. Конечно, на войне как на войне, но это же не значит, что победа должна быть оплачена по высокой стоимости! Здесь торг уместен.

— Короче, ломаем мост, ко всем троллям,— энергично высказался конунг Игелд, приведший дружину на десяти лодьях,— и берем град сей.

Через полчасика начался штурм.

Вяло серебрилась Темза, помахивали ветвями яблони, задумавшие зеленеть. За зубцами лундунских стен мельтешил ратный люд, суетились таны, расставляя бойцов, копотно горели костры под чанами со смолою — город крепил обороноспособность.

— Скедии! [1] — гаркнул Лидул.— Па-ашли!

Пропели рога, разнося команду над водою, и четыре скедии в двадцать румов, то бишь на сорок гребцов каждая, сняв свои мачты, заскользили к Большому мосту.

За низким частоколом зашебуршилась стража, закачались копья, донеслись гортанные крики команд. Воины разбежались по всему мосту — на подплывающие скедии обрушились стрелы и копья.

— По мосту-у...— затянул Олав.

Сработали пращи и луки. Град стрел и свинцовых шариков обрушился сверху, выбивая защитников Большого моста. Длиннотелые скедии, изящные и хищные, нырнули под его пролеты. Олегу на просвет видно было, как гридни обвязывают сваи крепкими канатами из моржовой кожи.

— Давай, давай...— цедил Лидул, нетерпеливо постукивая кулаком по мачте.— Ага!

Скедии вышли на чистую воду. Натянулись канаты. Напружились могучие спины, выгнулись весла, взбурлила загребаемая вода. И не выдержал мост! Сваи вырвало и поволокло по дну, с оглушительным треском лопалось дерево, визжали и скрежетали раздираемые доски. Гудели натянутые канаты, водопадом шумела вода, вспененная веслами. «Падает, падает Лондонский мост!»

Изломились пролеты, окунаясь боком в воду и переворачиваясь. Поплыли по Темзе полурассыпавшиеся башенки, колья, бревна, до-

---

[1] *Скедия (скандинавы говорили «скейд»)* — по сравнению с лодьей средний корабль на 40 человек.

ски. Плотиками кружились обломки настила, по ним метались, падая на колени, человека три в кольчугах.

Олег ухмыльнулся: какой сборной по гребле удастся подобное — силою мышц и музыкальной слаженностью движений свергнуть огромный и крепкий мост?!

Он нахлобучил на голову мягкий подшлемник и натянул шлем с наносником и выкружками для глаз. Застегнул нащечники под подбородком. За спину — щит на плечевом ремне. Кольчужные ноговицы на ноги — похоже на женские чулки и цепляются так же — ремешками к поясу. Кафтанчик... Не, жалко кафтанчик — порубят еще... Створчатые наручья на предплечья — застегнуть. И такие же поножи — Валит споро затягивает ремешки у Олега на голенях. Наколенники, наплечники... Из похода на Миклагард-Константинополь, куда он ходил под водительством Аскольда и Дира, Сухов вернулся с хорошей добычей. И сменял половину золота на знатные доспехи. Ничего, окупится...

— Вперед! — гаркнул Лидул, выхватывая меч.

Лодьи на веслах продвинулись на то место, где недавно стоял Большой мост,— теперь о нем напоминало лишь огромное облако донной мути, постепенно сносимое течением.

Щелястый обрубок моста торчал перед ними ни к селу ни к городу.

Со стены наклонили котел с выливным носиком, пуская струю кипящей смолы, но лишь заляпали голову горгульи, украшавшей высокий нос лодьи.

— Стрелкам прикрывать!

Загудели стрелы, вычищая бойницы башен и просветы меж зубцов над воротами. Сухов держал щит на манер зонтика: душ из кипящей смолы — удовольствие ниже среднего.

Подхватив бревно, с комлем, окованным бронзой, варяги с ревом и уханьем принялись таранить ворота. Первой не выдержала левая створка — лесины затрещали и рухнули в проем. За воротами, в клубах пыли метались англосаксы, бестолково громоздя баррикаду.

— Слушай меня! — заревел Лидул.— На врага!

Олег пробежал по веслу и спрыгнул на берег. Выхватил меч. «Ну, кто на меня?!»

Англосаксы сгрудились в глубине арки, перегородив проход. Лиц было не разобрать — на светлом фоне проема фигуры воинов смотрелись черными силуэтами. Воняло навозом и мочой.

— Сулицы к броску! — скомандовал ярл Олав.— Цельсь! Замах! Раз! Два!

Тесно было под аркой, но на войне и хуже бывает. Мускулистые руки гридней отвели дротики-сулицы и послали во врага, выбивая передний ряд рекрутов.

— Строимся клином! Мечи из ножен!

Страшный северный клин-фюлькинг... Широкие плечи, бугрящиеся силой, обтянутые кольчугами, смыкаются в одушевленный железный колун и врезаются во вражье войско, ломая его строй, разрубая надвое, разя мечами и секирами направо и налево, без промаха и без пощады. А ты на острие этого клина!

Олег зашагал, топча осколки кирпича и щепки. Он держал в поле зрения весь строй англов и саксов, но всматривался лишь в двоих, крепкими короткими ногами упиравшихся в пыль на линии атаки. Эти падут первыми. От его руки.

Булат перешиб древко копья, нацеленного Сухову в грудь, и чиркнул лондонца по горлу. Лицо, сплошь заросшее рыжим волосом, закинулось кверху, а вбок словно выплеснули рубинового вина.

Удар фальшиона [1] справа Олег погасил обратным движением меча и подрубил открывшуюся шею. Кровавый фонтанчик забил брызчатой струей, просвечивая багровым на лету. Сунувшуюся морду с клочкастой бородой Вещий треснул щитом, еще одного защитника Лондона достал ногой.

Он не геройствовал. На нем была тяжелая и грязная работа, и Олег ее добросовестно выполнял. Страх смерти и страх убийства он уже научился придавливать в душе...

Гремело и бряцало железо. Глотки ревели непотребное и утробно хакали. Вязла в ушах атональная какофония боя — скрежет, лязг, звон сцепившихся клинков, грохот щитов, отбивающих мечи, тупой хряск разрубаемых костей, треск ломающихся оскопищ [2] и топорищ, крик, хрип, мат, вой...

Клин рассек ряды англосаксов, отбросил неприятеля к стенам и смешал с навозом.

— Сомкнуть щиты! Копья наперевес!

Загремели круги щитов, сбиваясь в крепкий тын, вспыженный иглами копий.

— Стрелкам — приготовиться!

Подвижной флешью выступил из-под арки русский клин, попадая в начало Главной улицы, немощеной и очень грязной. Бревенчатые

---

[1] *Фальшион* — меч с лезвием, заостренным лишь с одной стороны, тесак.

[2] *Оскопище* — древко копья.

дома перемежались с глинобитными мазанками и редкими зданиями из римского кирпича. Все окошки были задернуты промасленным полотном, из отверстий в тростниковых крышах шли сизые дымки, и два запаха попеременно перебивали друг друга — горящего торфа и конского навоза. Косматые коровы и тощие свиньи удирали на огороды и пашни.

В перспективе поднимались стены римского форума — три одноэтажных здания удивительной сохранности забирали квадратную площадь буквой «П», а с севера ее замыкала двухэтажная базилика. Лет семьсот этой базилике. Надо же, почти целая... Только половины черепицы не хватает, и балки крыши посередке провалились.

Но бытие определялось не этими метами цивилизации. Реалии жизни расползались под ногами и противно чвакали — таяли намороженные за зиму фекалии и навоз. Ядовито-желтые ручейки размывали вывал дерьма и помоев, растекаясь зловонными лужами.

— Развели чушатник...— брюзжал Валит.

— И не говори,— поддержал его Ошкуй, выбирая, куда ступить.— Не город, а задок нечищеный. Помойка!

Ярл не обрывал «разговорчики в строю» — они выявляли «высокий боевой дух» и поддерживали горение энтузиазма в заробевших.

Англосаксы атаковали сразу с трех сторон — пешие и конные. В момент они запрудили улицу.

— К мечу! — заорал Олав.— Тесней строй! Щиты сбей! Первый и второй десяток — по улице! Третий и четвертый — кругом! Крайние — полуоборот!

Русский «клин» перестроился в «город», в плотное каре, отовсюду ждущее удара и готовое его отразить.

— Тесней! Тесней строй! Жми щит!

Таны обтекали «город» скобкой, потрясая копьями и треугольными щитами, размалеванными ярко и неумело — грифоны, драконы, львы... Нестройно ревя, англосаксы бросились на русов, плюхая по «анализам кала» и оскальзываясь на объедках.

— Луки к бою!

По команде Гуляки первый ряд раздвинулся, и в прогалы шагнули стрельцы. Низко запели тетивы. Таны дружно прикрылись щитами — не ведали они убойной силы русских стрел! Граненые наконечники протыкали насквозь и грифонов, и драконов со львами, прокусывали кольчуги и гвоздили, гвоздили неприятеля, отбрасывая никнущие тела, мертвыми валя живых по принципу домино.

— Тесней! Не разрывай! Сомкни! Ускорь! Чаще! Шире шаг! Шире!

С жестяным грохотом столкнулись щиты и копья. К множественному треску и реву прибавился противный хруст и лязг. И снова мешались крови — темная венозная и алая артериальная, бурым осадком падая в месиво под ногами.

«Где подкрепление?! — злился Олег.— Что они там возятся? Ага, пошли, кажись!»

— Наши в городе! — крикнул Валит.

— Чистим улицу! — приказал Олав.

Сухов втесался в строй англосаксов, как лесоруб на заготовке дров. Только и разницы, что не топор рубил, а меч, и были сии дрова разумными... Не думать! Не думать! Нет, думай. Но — правильно! Куда прешься, зараза?! Н-на! Судить надо не процесс, а условия, необходимые и достаточные. Зарубить безоружного, прирезать ребенка или женщину — вот это безнравственно. А снести голову с плеч хлопцу с поганым взглядом, длинному, унылому и гнутому — этому вот, что слева, или во-он тому малому, с лягушачьими глазами и жвачным рылом — никакое не убийство вовсе, а одержание победы... Ах, тебе мало? ...Они ж оба владели колющим и режущим инструментом. Хлопец, вон, топором махал — отмахался, служивый. Малый мечом кроил — и его уделали. Прав тот, кто жив.

Слева подскочил Валит. Растянул лук и выстрелил. Стрела, низко гуднув, ушла в занавешенное окно на втором этаже деревянного дома. Грубое полотно сорвалось с петель, и наружу вывалился толстячок в безрукавке из коровьей шкуры. Лук и стрела выпали у него из рук.

— Так его! — похвалил Олег.

— А як же!

Ярл вывел полусотню на перекресток. Посреди улицы восседал на троне Юпитер с роскошным орлом у мраморных ног. Здесь русов и окружили.

— Держать строй! — проорал полусотник, чертя воздух мечом.— Стрельцов и раненых — внутрь!

Копья осаживали конных саксов, мечи и топоры косили пехоту, луки выцеливали окна. «Неужто не выдюжим? — тревожно подумал Олег.— Свинство какое!» Выдюжили! Из проулков ударила целая полутысяча, и таны сами попали в окружение. Ярл Олав Гуляка выстроил своих «стеной» — фалангой на русский манер, и вокруг громовержца началась давильня. Мерзлое дерьмо разжидело горячей кровью и потекло под ноги. А Юпитер Статор, недвижим и грозен, взирал на гекатомбы, приносимые русами, и прятал в мраморной бороде злорадную ухмылку...

Англосаксы не выдержали штурма и натиска варягов. Ряды керлов начали стремительно таять — войско разбегалось, ховаясь за свинарниками, просачиваясь в двери и окна, сигая через заборы. Угрюмые таны, чуждые массового героизма, бросали оружие и жались к стенам, зыркая из-под шлемов. Валькирии, деловито подбирая павших, милостиво улыбались русам: с победой вас!

— ...Вот в таком плане, в таком разрезе... — зевнул Олег.— Все, я устал. Хочу есть и спать.

— А сейчас я все принесу,— засуетился Пончик.— Фаст уже сало нарезает... Еще немножко, а? Вторую серию! Мм?

— Вот пристал... Ну, пограбили мы тот Лундун и отъехали с серебришком. Двинулись на Париж — за золотишком...

...Франкское море (позже его назовут Ла-Маншем) встретило варяжский флот теплом и покоем, волны его тихо колыхались, греясь на солнышке, и отливали радостным бериллово-зеленым.

На следующие сутки лодьи добрались до залива Сены. Корабли затерялись в архипелаге мелких островков напротив устья реки — и викинги, и варяги, идя в набег на земли франков, всегда бросали якорь у этих песчаных пятачков, заросших травой да кривыми сосенками. Тут чинили лодьи, отъедались, делили добычу.

Лидул Соколиный Глаз провел флот в тихий, глубокий заливчик, на место своей старой стоянки. Плавника сюда натащило горы, он хорошо поддерживал огонь под котлами, свисающими на цепях с треног, и вот уж толокно с сальцем и мясцом запахло на всю Нейстрию [1]. Вырос целый городок из шатров, с улочками и площадями, а под самым большим тентом собрался комент — военный совет. Пригласили всех — конунгов, ярлов, даже форингов. Гвалту и споров хватило, но Лидул задавил всех своим авторитетом. Постановили идти на Париж, не отвлекаясь на монастыри и аббатства, не трогая даже Руан, которому всегда первому пускали кровь. Но сначала решили послать людей «на вороп» — в разведку. Каждый из пяти конунгов предложил своего человека, проверенного в таких делах и балакающего на языке франков. Соколиный Глаз свой выбор остановил на Олеге Сухове. Посовещавшись с товарищами, конунг назначил старшим Варула, не по своему хотению проведшему в Париже три долгих года.

---

[1] *Нейстрия* — Западно-Франкское королевство.

Было около пяти утра, когда маленькая вспомогательная скедия высадила пятерку разведчиков на левом берегу Сены, около рыбацкой деревушки — безобразного скопища хижин, сараев и развешанных сетей. Селение это оставили в стороне, карабкаясь по дюнам, и приблизились к бедноватому монастырю, плоду скрещивания покосившегося амбара с водокачкой. Дул противный ветер с моря, шуршала сухая трава на песчаных гребнях, зябко было и сыро. Но пятеро смелых — Олег Вещий, Большой Валит, Маленький Ошкуй, Олдама Паук и Варул Волчье Ухо — были полны рвения и горели энтузиазмом. «Заняв» у монахов коней и ужасные черные балахоны (Олег щеголял в лиловой рясе каноника), пятерка порысила на Париж.

К болотистым берегам Сены, заросшим камышом, отряд старался не приближаться, пробирались дубравами и прочими чащами. Вепрей встречали постоянно, раза два пробегали олени, даже медведь появлялся — худой, облезлый, вывалянный в листве. Франкский мишка проснулся и жрать хотел отчаянно. А отряд продовольствием запасался по пути, отовариваясь в мелких аббатствах и глухих деревнях. Питались франки в большинстве своем скудно, частенько сиживали на голодной диете. Мяса ели мало, масла практически не знали, сахар был почти неведом, его заменяли медом. Овощи в меню значились редко... Что же они ели тогда? Хлеб лопали, да кашу, да копченый сыр. Пряности были привозной роскошью, обходились солью, чесноком и уксусом. Ели из мисок, как и на Руси. Знать накладывала в миски серебряные, чернь подкреплялась из деревянных. Управлялись ножом и ложкой, византийские двузубые вилки были не в ходу. Запивали пивком да винцом — дешевой кислятиной с местных виноградников.

До Парижа добрались без приключений. Когда разведчики перешли вброд мелкую речушку в густых камышах, под сенью раскидистых осокорей, и взобрались на высокий холм, их взору открылась древняя Лютеция — вонючий, ряской затянутый ров и бревенчатые стены, черные, кое-где с прозеленью мхов. А за стенами — огороды, хижины под красной черепицей или прелым тростником, свинарники, коровники, амбары... Село.

На правобережье — то же самое. Даже остров Ситэ, лежащий меж берегами, не впечатлял. Ну кирпичная башня Шателе на мысу, круглая и кургузая, пристроенная к обшарпанному римскому дворцу. Ну храм Юпитера — почти целый, хоть и видно, что заброшенный. Ну ветхие и безобразные особнячки меровингских времен под купами столетних вязов, платанов, каштанов... Глазу не за что зацепиться.

— Тю!..— презрительно фыркнул Валит.— Да он меньше Ладоги! А я-то думал...

— Меньше,— подтвердил Олдама, рассматривая панораму Парижа с видом бывалого полководца,— но не беднее.

— Эт-точно...— поддакнул Ошкуй.

— Денарии эти,— Олег подбросил серебряную монетку с корявым профилем кого-то из Каролингов,— чеканят во-он там, на острове. Там у короля монетный двор.

— Понятненько...— протянул Варул и похлопал по шее своего гнедого, неспокойно переступавшего, словно почуявшего стойло.— Помните, вы — монахи,— строго предупредил он.— Лики извольте держать постными и благостными. Тонзуры вам выбрить?

— Нет! Нет! — запротестовали разведчики.

— Тогда куколей не снимать.

Они тронули коней и не спеша, как то приличествует служителям церкви, двинулись к разбитой дороге. В этих местах она считалась чуть ли не идеальной, такой, «где могла проехать невеста, не зацепив воз с покойником».

Земли вокруг Парижа и без того болотисты, а уж если их постоянно месить копытами и колесами, вы получите полосу грязи с консистенцией густой сметаны — в иных местах лошади будет по брюхо. Не ровен час, утонешь в этой жиже...

Ступив на осклизлые бревна моста, Олег милостиво благословил привратного стражника, бормоча «Pax tibi, filius meus...» [1]. Стражник в сагуме — воинской рубахе поверх кольчуги, в каске с петушиным гребнем, смотрел на Сухова умильно, осенял себя крестным знамением и бормотал грубым голосом молитву на романском.

Под темными сводами воротной башни, рубленной из дуба, было сухо, хоть и грязи нанесено — без сапог не пройти. А дальше опять тянулось липкое, глинистое месиво — летом сей шлях будет сухим и пыльным. Осенью его опять разжидят дожди...

— Неужели так трудно замостить? — раздраженно высказался Валит.

— Франки!..— снисходительно буркнул Ошкуй. Дескать, что с них возьмешь? Такими уродились...

Опять запахло нечистотами. Разглядывая дома, Олег вспомнил сказку о трех поросятах. Редко-редко можно было наткнуться на каменный дом. В основном, на улицу выходили саманные жилища или турлучные хижины, держащиеся на каркасе из ивовых прутьев, обма-

---

[1] *Pax tibi, filius meus (лат.)* — Мир тебе, сын мой.

занных глиной. На возвышенных площадях тянулись к небу убогие колоколенки.

В упадке Париж, думал Олег, вертя головой направо и налево. Хлодвиг, первый из Меровингов [1], сделал этот город своею столицей — здесь и жил, и в походы отсюда отправлялся. Лютеция ныне во владении первого графа Парижского, Роберта Сильного.

— Съездим на остров,— вполголоса сказал Варул. Товарищи молча кивнули низко надвинутыми капюшонами.

Людей на улицах было мало — оскальзываясь, парижане пробирались вдоль заборов, держась за прясла. Один раз, шлепая по грязи, четверо слуг пронесли портшез с важной персоной. Пинками, стараясь не слишком качать носилки, они прогоняли свиней, млевших в грязи. Хрюшки обиженно взвизгивали. Из-за плетней слышался лай, квохтанье кур, блеяние коз и коровье мычание.

Ближе к центру народу прибыло — крались неясные личности, степенно ступали надутые купцы, семенили с корзинками вертлявые служаночки, поливали герань на подоконниках домохозяйки в чепчиках, выясняли отношения через забор горластые, пышные мещанки, божились дородные торговки, всучивая простофилям порченый товар, шныряли проворные жуликоватые мальчишки. Одеты все были очень похоже — мужская часть населения щеголяла в льняных рубахах до колен, зовомых камизами, и в коротких штанах-брэ. Поверх камизы носили блио — рубаху покороче камизы, с напуском над поясом. Женщины ходили в нижних рубахах-шэнс и верхних блио. Блио обтягивало торс, а начиная от бедер книзу было сшито из другого куска материи, плиссировано и подвязано длинным поясом. Слышались возгласы:

— Молочка, кому молочка, тетушки?

— Сыр, хороший сыр!

— Уголь! Уголь! За денье целый мешок!

— А вот гу-уси! Гусей кому?

— Ах ты, господи! Украли!

— Держи вора!

Местное наречие Олегу давалось с трудом, понимал он с пятого на десятое — Варул, побывавший в плену у франков, всю зиму учил его, да, видно, не доучил.

Обмениваясь впечатлениями и не забывая зорко поглядывать по сторонам, «пятеро смелых» выехали к Квадратной башне, прикрывавшей мост через Сену. Башню подпирала стража, словно не вышедшая из спячки.

---

[1] *Меровинги* — династия франкских королей.

Кони гулко затопали под бревенчатыми сводами и выехали на мост, где двум возам уж никак не разъехаться. За спинами пятерки как раз такой и грохотал — здоровенная фура, запряженная першеронами-тяжеловозами. Наверху громадной кучи подопревшего сена восседал возница — лохматый мальчиш, «косматая Галлия», нечесаный и нестриженый.

Сена шумливо обтекала срубы быков, тянулась серым транспортером от плоскогорий Бургундии, где таяли снега.

— Разъезжаемся,— тихо скомандовал Варул.— Осмотрите оба берега, прикиньте, сколько войска в Париже, какой состав, где слабые места в обороне. Есть запасы хлеба, или город сидит на голодном пайке. Особое внимание — на монастыри. Если кто и богат во граде сем, так это монахи. Вечером соберемся на Монмартре... ну, на той горе — помните, я показывал? Вот там, где храм бога Меркурия...

Четыре мрачных фигуры качнули черными капюшонами и втянулись в проезд, удаляясь к мосту на берег правый. Олег направил коня к башне Шателе, иначе зовомой Сторожевой. Лютеция... Из типичного оплота империи в далекой провинции Лютеция давно уж выросла, а до типичного средневекового бурга еще не дотянулась. Ей расти еще и расти. Рим давно дотлел, а Франция пока еще даже не затеплилась...

За приземистым дворцом Сеагриев, последних римских владык, расположилась маленькая площадь, теснимая с двух сторон башней Шателе и Галереей правосудия.

Объехав громадную кургузую башню, Олег двинулся по набережной, углубляясь в узкие улочки, оставшиеся неизменными со времен первых франкских королей. От этого, начального Парижа к будущим векам не останется ни единого кирпичика...

Осмотрев Остров, «обнюхавшись», приметив все ходы-выходы, Сухов направил коня на правый берег, где, немалое время спустя, откроется Сорбонна.

Решив «сходить в народ», он заехал в платную конюшню, разгороженную внутри на денники и довольно-таки чистую. Соскочив, Олег передал поводья конюшему — маленькому, лысому человечку в широких не по размеру портах и в безрукавке на голое тело. Человечек мелко кланялся и щерился беззубым ртом.

— Живо оботри лошадь соломой,— велел Олег.

— Сделаем, ваша святость! — прошамкал конюший.

— И овса задай,— добавил Сухов, небрежно бросая конюшему серебряный денарий.

— Все будет в лучшем виде, ваша святость! — В голосе человечка пробивалось ликование: он-то и на четверть денария не рассчитывал!

Олег зашагал по извилистым парижским улочкам, брезгливо обходя вонючие лужи. Потаскавшись переулками, нанюхавшись запахов — аппетитных и не очень, Сухов описал неровный круг и приблизился к конюшне с тылу, выбравшись на небольшой пустырь возле развалин римских терм. Нынешние парижане по баням не хаживали, им было велено блюсти чистоту не телесную, а духовную, приуготавливая себя к райским кущам. А пока они топтали землю грешную, то устраивали парадиз для паразитов, для насекомых, для крыс и прочей заразы...

Неожиданно внимание Олега привлекли громкие крики, злорадные и негодующие. Завернув за угол обшарпанной термы, он увидел толпу обозленных горожан и понял, что попал на самосуд.

Небольшая площадь между римскими банями и грузной часовней была полна народу. Народ бушевал вокруг столба, который линчеватели деловито обкладывали хворостом. В толпе попадались священники, узнавались торговцы, но больше всего топталось заезжих крестьян и городских босяков, равно жадных до хлеба и зрелищ. Все сословия гудели едино:

— Выжечь их, как ос!

— Давно пора было...

— Да сколько ж можно терпеть?!

— Ох, недаром с их двора серой несло!

— Господи помилуй! Господи помилуй!

— А тетке Эрмоаре кто на тень наступал? Она ж, Инграда проклятая! Эрмоара и померла!

— Господи помилуй! Господи помилуй!

— Давно бы уж спалили это отродье бесовское!

— А мне еще Варимберт Кривой сказывал... да знаешь ты его! Брательник он Тевдольду с Верхней улицы.

— А-а... этот. Ну как же!

— Вот... Так он сказывал — Инграда в дымогон вылетала верхом на черном коте!

— Да-да-да! Уж-жасающий! Ростом с собаку, глаза огромные и горят, язык кровоточивый и до пупа свисает, а хвост, наоборот, короткий такой и твердый, да так задран, что на ходу тварь эта казала всю свою гадостную промежность — туда еще эти... как их... адепты Сатаны устами прикладываются, когда учиняют свои радения! Так-то вот!

— Да ты что?!

— Вот те крест! В искрах вся, в дыму, хохочет по-бесовски, а у кота глаза как плошки, красным светятся, и пламя пыхает из пасти!

— Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Олег протолкался в первые ряды и стал рядом с каким-то клириком, сухим и пожелтевшим старикашкой, здорово смахивающим на мумию. На нижнюю рубаху и брэ клирик надел белый стихарь-альбу, своего рода тунику. Поверх альбы его облачала еще одна туника, тоже белая, но более короткая и прямая — далматик. Рукава далматика были широкими, а разрезы по бокам открывали вышивку альбы. На шее клирик носил льняной наплечник-амикт, со шнурками по углам, а поверх далматика лежала стола-епитрахиль, длинная льняная лента, украшенная золотой нитью. Стола отличала разные разряды клира — дьяконы носили ее через плечо по диагонали, епископы оборачивали столу вокруг шеи так, чтобы концы ее ниспадали прямо. Старикашка оказался простым священником — он перекрещивал ленту столы на груди.

— Слыхал я,— осторожно склонился к нему Олег,— нынче Инграды черед пришел? Ведьма она, что ли?

— Истинно так! — Клирик аж подался к «своему» (видать, страдал словесным недержанием) и зачастил: — Нечисто, ох, нечисто с этой девицей! Лекарка она, травница, но глаз у нее плохой, ох, плохой! Уж сколько раз у соседей ее скотина дохла, а весною поветрие случилось — половина улицы вымерла! Я уж не говорю о молоке, что скисало, как только Инграда приближалась к коровнику, или о яйцах, что тухли... А сегодня от ее колдовства обездвижел Винифрид, сынок купца Алагиса. Бедняга только и хотел, что задать ведьме плетей, а та как зыркнет на него, а Винифрид как грохнется на землю, и ну орать да корчиться! Воистину бесы управляли Инградой, ибо боль, ей же на пользу причиненную, она обращала на Винифрида! Это ли не силы демонические?!

— Обращала? — заинтересовался Олег.— То есть сынок купеческий пытался Ингряду отстегать, а она заставляла страдать своего му... э-э... учителя?

— Истинно! Истинно так! Когда Ротар и Эрлефред схватили ее на месте преступления, все было как всегда, девица плакала, умоляла, клялась в своей невиновности — обычные ведьмины штучки. Но когда Ротар попытался выкрутить ей руки, он закричал от дикой боли и упал, и пополз во двор. И лишь там, вдалеке от ведьмы, боль отпустила его!

— А этот... Эрлефред?

— Выбежал окарачь на улицу и до сих пор не пришел в себя, забился в сарай и воет от ужаса!

Олег сокрушенно поцокал языком, думая: «Так их, девочка! Молодец. Настоящая ведьмочка!»

— Но не грех ли это — казнить без суда? — нахмурился Олег.

— Грех,— виновато развел руки клирик.— Но эти настрадавшиеся люди творят дело богоугодное, ибо сражаются с Самим сатаной, владеющим Инградой!

— Ведут! Ведут! — заволновалась толпа.

— Это Викард и Годехар,— гордо сказал клирик,— дружки сына купеческого. Не бросили своего в тяжкую годину!

Из-за термы вышли двое молодчиков, одетых по-простому, но опоясанных дедовскими мечами. Они громко распевали псалом «Испепелю капища и разорю вертепы диавольские!» и тащили за собой упиравшуюся девушку, босую и в одной рубахе. Девушка не кричала, сопротивлялась молча. Она смотрела на толпу, но словно не видела злобных, тупых, глумливых морд. В глазах ее плескалась тоска и безысходность. У Олега сжалось сердце.

«Господи,— подумал он,— как же она красива и молода! И всю эту красоту и молодость — в огонь?!»

Он сильно пожалел, что его меч остался на «Лембое» — новоропнику меч не положен. Клинок — для боя. Для разведки достанет и ножа.

Линчеватели с большой опаской, бормоча молитвы, повели Инграду к столбу, крестясь свободными руками. Привязали. Но едва один из молодчиков достал огниво, он заорал благим матом, корчась и сбивая с себя невидимое пламя.

Толпа охнула и подалась назад. Мумифицированный клирик забубнил псалмы, сжимая крест на груди ручкой, похожей на куриную лапу.

Но минуло замешательство, в толпе заголосили резче, потрясая кулаками, исходя праведным гневом, и добровольные палачи запалили факелы. Инграда смотрела безразлично, пока не поймала взгляд Сухова. Ее глаза расширились в безумной надежде, наполнились слезами, словно мольбой о помощи, а припухшие алые губки приоткрылись, будто для отчаянного вопля: «Помоги!..»

И Вещий кивнул. На бледные щеки девушки вернулся румянец, она вся ожила — это заметил и Годехар. Все в его лице с крепкими челюстями, слегка горбатым носом, крупным ртом и высоким гладким лбом дышало тяжелой свинцовой ненавистью, слепым и безрассудным фанатизмом. Он прицелился получше и швырнул в кучу хвороста факел. Еще один, кувыркаясь, упал на вязанки, загодя облитые маслом и смолой. Повалил дым, показались первые язычки огня.

— Сгинь, нечистая сила! — взревел отец Винифрида с торжеством.

Толпа взревела.

— Пропади!

— Подпалим дьяволицу!

— Изыди!

— Огня ей! Огня!

Девушка закричала, забилась в пеньковых узлах. «Пора!» — решил Олег.

Он с ходу нокаутировал Викарда — остролицего, похожего на загнанного хорька. Молодчик еще падал, поднимая руки и пуча глаза, когда Олег выхватил меч у него из ножен и бросился к девушке, обвисшей в путах. Тяжелая черная волна волос закрыла лицо, переплетаясь с сизым дымом. Олег перерубил веревки одним ударом, подбросил Ингряду на плечо попой кверху, и понесся гигантскими прыжками, прижимая «ведьмины» ноги к груди. Толпа с воплями разбежалась.

Мелькнуло перекошенное лицо Годехара — кулаком, сжимавшим рукоять меча, Олег с удовольствием разбил его, своротив молодцу нос и расплющив губы.

Заскочив в конюшню, он не стал искать свою лошадь, а подсадил стонавшую девушку на ближайшую коняку — мухортого скакуна хороших, по виду, кровей — и взлетел в седло, не обращая внимания на вжавшегося в стену конюха, бледного от ужаса.

— Но-о! Живей, живей, мертвая!

Хорошо, подумал он на скаку, что еще не придумали телеграф, а то перекрыли бы все дороги, и думай потом...

С грохотом унесся назад мост. Наехала и отмахнула за стену Квадратная башня. Полетел в лужу сбитый страж. Девушка открыла глаза, они заполнились ужасом, но тут же, узнав спасителя, Ингряда рванулась обнять его, и смеясь, и плача. Олег мимоходом чмокнул ее и крикнул:

— Куда ехать? Я не знаю города!

— Туда! — указала девушка.— К восточным воротам! Там мой дядька в карауле!

Олег оглянулся. Их догоняло трое с мечами и топорами, все на конях белой масти. Из-за поворота, расплескивая веером грязь, вынеслось еще столько же, потрясавших короткими охотничьими копьями. Ну-ну...

— Налево!

Улицу загородил воз с решетчатыми бортиками. Возница тупо вытаращился на диво — на распаленном коне мчался аббат. Его ряса вздувалась пузырем, в правой руке особа духовного звания держала меч, левой правила и прижимала к себе прекрасную девушку в одной белой рубахе. Демоны!

— Держись!

Не, верный у него глаз оказался,— мельком подумал Олег. Доброго выбрал коня. Мухортый дико заржал и перемахнул через воз. Париж в глазах у Олега опал, взмыл и сотрясся. Одолели!

— Прямо, прямо!

Из-за спины донесся треск и ржание. Олег глянул за плечо. Придурки... Решились на групповой прыжок! Один всадник без чувств валялся в луже, белый конь хромал в сторону. «Бедный коняга...»

А спереди качками приближались ворота широкой башни с четырехскатной, под пирамиду, крышей из теса. У ворот стоял грузный коренастый вратник с рыжей бородой веником.

— Дядя Хагон! — завопила Ингpада.— Открой! Дядя Хагон!

Створка ворот начала поворачиваться на петлях. Мелькнули выпученные голубые глаза на фоне огненной бороды.

— Куда ж...

Прогрохотали бревна моста.

— Прощай, дядя Хагон!..

И еще четырежды дробот копыт потряс мост у Восточных ворот. «Четыре и один — есть такая игра... Сыграем?»

Дорога уводила в лес, в решетчатую тень платанов и дубов, покрывавшихся яркой молодой листвой. Ладно, прикроем Ингpаду. Олег осадил жеребца, спрыгнул с него и крикнул:

— Гони!

— А ты?!

— Быстро отсюда!

Мухортый ускакал, но лишь стих стук его копыт, как послышался частый перетоп преследователей. Четверо с мечами и копьями наперевес мчались по разбитой дороге, лихо гикая и горяча коней. Сухов, у них на виду, воткнул меч в землю, стянул душную рясу и вернул в руку клинок. Четыре ездеца, мня себя Святыми Георгиями, поражающими Змия, наехали на Олега Вещего. Сухов перечеркнул лезвием меча подпругу справа, лишь оцарапав коня. Тот всхрапнул и дернулся. Всадник, закидывая ноги, грохнулся оземь вместе с седлом.

Обратным движением меча Олег перерубил бьющее копье и распорол копейщику ногу до колена. Еще двое спешились и, выхватив мечи, бросились на спасителя отродья сатанинского.

Чужой меч — старая спата — был Вещему не по руке, но другого у него не было. Хоть такой есть...

Двое с клинками наседали — огромные, сильные, злые. Один черевист и перегибист, другой — пухл и румян. Мах. Мах. Высверк. Удар. Отбив. Мах. Высверк.

Спата ударила по мечу пухлого у основания рукояти — клинок усвистал в дорожную грязь, а хозяин отправился за оружием, мешая слякоть с кровью из разрубленного плеча. Черевистый стал осторожнее. Бежать ему не позволяла гордость, а победить... да он уже и не надеялся на победу. Но и Олег притомился скакать, махать да уворачиваться. Движения его теряли четкость и отточенность, быстрота затягивалась на сотые, на десятые, на целые...

И вдруг черевистый застыл на взмахе. Уронил меч. Упал в грязь и завыл от боли. Разбредшиеся кони шарахнулись. Отпыхиваясь, Олег поднял голову и увидел Ингряду, сосредоточенно глядевшую на линчевателя. Девушка стояла спокойно, но окаменевшие мышцы шеи и напрягшиеся плечики выражали ее усилия. Черевистый, ворочавшийся в грязи, смертельно побледнел и обмяк, злобно постанывая сквозь стиснутые зубы и вращая белками глаз.

— Я так и знал, что ты не удержишься...— устало сказал Сухов.— Едем отсюда! Садись на мухортого, а я этого возьму.

Он поймал белого коня, запутавшегося поводьями в ветках, успокоил животное и влез в седло. И куда теперь? Словно прочитав его мысли, Ингряда сказала:

— Тут недалеко, через лес, стоит хижина моего деда. Едем туда! Дедушка умер, теперь это единственный мой дом...

Олег кивнул и поворотил коня в чащу леса.

В самых дебрях, под могучими вязами, врастала в землю покосившаяся изба из громадных бревен, окруженная почерневшим частоколом.

— Здесь мы и жили, пока в город не переехали,— рассказывала Ингряда, урывом отворяя скрипучие ворота. Олег, держа в поводу мухортого, заехал во двор.

— Как тут все заросло...— вздохнула девушка. Она притянула створку и задвинула засов. Распрягши жеребцов, Олег пустил их пастись — кому-кому, а этим есть чем подкрепиться. Травы повылазило — страсть...

Углядев огромную, вросшую в землю деревянную бочку с водою, Олег сбросил с себя кожаную котту-чехол, полупудовую кольчугу и потную рубаху. С наслаждением обмакнул лицо в воду. Надо же — теплая! Ухая, Олег окатил спину, омыл плечи, тщательно протер шею. Сквозь плеск воды он слышал фырканье лошадей, хрупающих сочную травку, теньканье лесной пичуги. Потом послышался льняной шорох, и белая рубаха-шэнс легла ему на мокрую спину. Две гладкие ручки орудовали ею, как полотенцем. Олег обернулся и замер. Перед ним в

великолепном порыве стояла нагая Ингpада. По тому, как она на него смотрела, Олег понял, что девушка хотела выразить свою благодарность лишь одним возможным способом, доступным ей сейчас. Он почувствовал, как теплая волна прокатилась по позвоночнику. Приблизившись вплотную к Ингpаде, Вещий огладил ее плечи. Твердые груди Ингpады, близко и высоко посаженные, прижались к нему ощутимо и приятственно. От тела девушки пахло травами, и было оно очень горячим, но не хворый жар исходил от него, а здоровое живое тепло.

Подхватив девушку на руки, Олег понес ее в хижину.

Поздно вечером мухортый и белый жеребчики приблизились к храму Меркурия, сооруженному на склоне Монмартра, и приветственно заржали, учуяв собратьев. Олег сложил руки и прокричал совой. Ему ответили. Послышался скрип камешков, и взволнованный голос Валита произнес:

— Мы уж думали — все!

— Не дождутся,— усмехнулся Олег и попенял Большому: — А что это ты так лапами загребаешь? На весь лес слыхать!

Невидимая в темноте Ингpада хихикнула.

— Кто это? — насторожился Валит.

— Баба-яга...

Костер разведчики развели с умом — под защитой огромного валуна и пня-выворотня, оградивших стоянку с двух сторон. Олега встретили с радостью, Ингpаду — с восхищением. Валит, разглядев гостью, засуетился, постелил ей сложенный вдвое плащ. Ошкуй кинул сверху свой. Девушка рассмеялась хрустальным колокольчиком и села, а на лицах лазутчиков выступили улыбки.

— Извиняйте, други,— буркнул Олег, не глядя на Варула,— провалил я все дело...

— Ну, не бросать же... — усмехнулся Волчье Ухо, косясь на девушку.

— А за что тебя сжечь хотели? — ляпнул Ошкуй на корявом романском. Валит сильно пихнул товарища.

— Я лечила людей,— объяснила Ингpада, улыбнувшись Валиту. Тот сильно покраснел — это было видно даже в свете костра.

— Ну и что? — удивился Варул.

— А я их не молитвами пользовала и мощей не прикладывала,— усмехнулась Ингpада.— Я руками заращивала раны и снимала боль... Однажды я спасла Винифрида, сынка купца Алагиса — он охотился на огромного вепря, но поскользнулся, и кабан клыками вспорол ему живот. Я очистила кишки, смочила все... ну, таким зельем, которое

убивает маленьких, малюсеньких червячков, разносящих заразу... уложила и зашила. Винифрид выздоровел и стал приставать ко мне... Я его прогнала, и тогда он стал всякие гадости обо мне говорить, болтал повсюду, что я ведьма и с дьяволом знаюсь...

— Вот гад какой! — вырвалось у Валита.

Олег почувствовал, как в Ингради поднимаются перенесенные ужасы, как рвется тоненькая пленочка покоя, пропуская в душу девушки смятение, горечь и страх. Он обнял ее за плечи и шепнул:

— Все хорошо, слышишь? Больше мы не позволим никому тебя обижать.

— Пусть только попробуют...— проворчал Ошкуй.— Надо будет, и сынка этого... Винефрида, найдем и бошку оторвем...

Валит истово закивал головой, и над костром снова прозвенел серебряный смех Ингради. И оборвался.

Опять на всех сошло молчание. Валит подбросил дров в костер, чтобы отогнать ночную сырость, и все зачарованно следили за пляской огня.

— Вы хотите напасть на Париж? — неожиданно спросила Ингради, глядя на Олега со смятенным вниманием.

— Откуда...— изумился Варул и смолк.

— Ведьма! — удовлетворенно сказал Ошкуй, но, заметив укоризненный взгляд Валита, быстро поправился: — Ведьмочка!

Олег подумал и кивнул.

— Хотим золото вытрясти из графа Парижского.

— И из монахов всяких,— поддакнул Ошкуй.

Ингради вдруг взволновалась.

— С той стороны Монмартра,— выговорила она,— есть маленький храм Януса — совсем уже разрушенный, от статуи один постамент остался... Но под ним берет начало подземный ход, очень длинный, и выходит он на острове Франков, в храме Юпитера. Я покажу вам, где это...

— Здорово... — выдохнул Пончик.

— Здорово будет,— поправил его Олег,— когда ты мне сала с чесноком принесешь.

— Щас я!

— И хлебца не забудь!

Подкрепившись, Вещий продолжил:

— Утром мы вышли к тому самому храму, что был Янусу посвящен...

...Вряд ли Монмартр стоило называть горой — холм как холм,— но вид на Париж с его лесистой макушки открывался недурственный.

Город с высоты казался колоссальной пиццей, порезанной на три неравные порции — помидорками смотрелись черепичные крыши, жареным лучком выдавалась кровля из тростника, грибками чернели огороды, а вязы, буки и прочие насаждения гляделись зеленью. С утра было прохладно, и множество печей и очагов гнали сизые дымки — дополнительный штрих, «пицца» была горячей. К столу!

Олег усмехнулся и спустился по крутой тропинке вниз, к храму Януса, круглому в плане.

А кроме плана, ничего и не было больше. Имел место остаток святилища-целлы, заваленный мраморными обломками. Каннелюрованные барабаны колонн были рассыпаны, как бочки у нерадивого бондаря, завитые волюты лежали оббитыми, напоминая огрызки. Кому-то, видать, потребовался камень для забутовки, а тут языческое капище под боком! Бери — не хочу...

Из-за деревьев вышла Ингрaда — на ней была синяя котта длиной до пят, вернее, женская разновидность котты — сюркени, плотно облегавшая грудь. Поверх нее Ингрaда надела сюрко — безрукавку с разрезами по бокам и такую же длинную, как котта. Изящные ступни грелись в меховых туфельках, а плечи прикрывал плащ с серебряной фибулой на плече. Девушка тоже заметила Олега, и с ее неспокойного лица будто спал налет тревоги. Ингрaда подошла к Олегу и легонько прижалась. Словно древним женским инстинктом тянуло ее к самому сильному и надежному в этом опасном мире мужчине.

— Привет! — сказала она.— Тебе нравится?

Она покружилась перед ним.

— Очень,— признался Олег.

Ингрaда радостно заулыбалась.

— Готово! — разнесся голос Ошкуя.— Олег!

— Тише ты! Иду.

Валит с Ошкуем расчистили и постамент, на котором стояла статуя Януса, и каменные плиты вокруг.

— И что теперь? — спросил Валит у девушки.

«Краснеет,— подумал Олег, поглядывая на молодого карела, прозванного Большим как раз за средний рост и худобу.— Ишь ты его...»

— Надо повернуть постамент вокруг оси и сдвинуть в сторону вершины.

Олег, вдвоем с Ошкуем, стронул с места тяжелый куб. Заскрипела мраморная крошка. Открылась плита — чистенькая, будто новая, с одного краю зияла широкая щель.

— Дай нож.

Поддев плиту, Сухов перехватился и открыл мраморную крышку люка. Вниз, во тьму, вели каменные ступеньки. Они тоже выглядели так, будто сделаны были на днях, а не полтыщи лет тому назад.

— Глянь-ка,— удивился Валит.— На шипах медных...

— Зажигайте факелы,— скомандовал Варул.— Я буду впереди, а Ошкуй пойдет замыкающим.

— Я замкну люк,— кивнул Ошкуй.

Каменная лестница была крутой, ступеньки высокими, но не скользкими. Хотя сырость чувствовалась — на стенах кое-где нацвела плесень в два-три вершка. Воздух был затхлый — застоялся за столетия! — но дышалось легко.

Ступени вели под арку, вытесанную из камня, а дальше из света факелов в темноту уводил подземный ход. Крепи его были надежны — через равные промежутки стояли полуколонны, поддерживающие каменные балки, перекрытые сверху обтесанными плитами. Стены между колонн были заделаны хорошо обожженным кирпичом, а пол под ногами покрывала крупная мозаика из кусков мрамора, плоской стороной вверх — так мостили улицы и в самом Риме.

— Сколько ж его строили...— заохал Валит.— Лет сто, наверное!

— У римлян было одно великое преимущество,— сказал Олег, приглядываясь к потолку.— У них имелись тьмы и тьмы рабов... Вперед!

Они прошли не меньше трех верст, пока обнаружили вывал кирпича — глину за стеной пучило, груда кирпичей мокла в вечной луже.

— Наверное, мы уже под Сеной,— пропыхтел Варул, переходя лужу по кирпичам.

— Ты прав,— сказал Сухов.— Над нами дно.

— Ой...— сказала Ингрида.

— Все путем! — весело сказал Олег.— Потопали.

Как ни толсты были пласты глины, как ни крепка постройка, а вода все же сочилась с потолка — даже не сочилась... Просто щели между плит наверху мокро блестели, а на колоннах и кирпичах ощущалась влажная пленка. В иных местах натекли целые лужи и токала капель.

— Вперед!

Дальше было посуше.

— Стой!

Померещилось ему, что ли? Олег поднял факел повыше и обмер. На полу лежали два скелета в полном облачении римских легионеров — шлемы с красными гребнями, кожаные панцири, поручи-поножи. Ступни ног, вернее, кости ступней были вдеты в красные калиги — грубые воинские башмаки, истлевшие кисти сжимали рукоятки ко-

ротких римских мечей-гладиусов. И у обоих в спинах по кинжалу. Кто были эти люди? Какая трагедия разыгралась в подземелье пять веков назад или еще раньше?

— Вот подлые...— проворчал Олдама.— В спину...

Олег наклонился поближе и осторожно вытащил из панцирей кинжалы. Ого... Это были не какие-нибудь пошлые засапожные ножи, а настоящие шедевры, гордость древних оружейников.

— Мечи какие-то короткие...— проговорил Ошкуй.— А че за ножики?

— Хорошие ножики... — сказал Олег..

Он поднес клиночки к глазам. А и впрямь хороши... Широкие жала из черной бронзы с выпуклым ребром посередине венчали золотые рукоятки, изображавшие львиц, раздвинувших лапы-перекрестия.

— Пошли,— буркнул Сухов, аккуратно укладывая кинжалы в кожаную сумку, где лежала провизия — кусище вяленого мяса, ломоть хлеба, пахучий сыр — и кожаная фляга-бурдючок с густым красным вином.

— Скоро уже! — донесся глухой голос Варула.

Начались повороты, ступеньки поднимали уровень пола на локоть, на два, и подземный ход вывел четверку к лестнице.

— Дошли!

Дошли-то мы дошли, подумал Олег, а вот выйдем ли? Он передал свой факел Валиту, поднялся до такой же крышки люка, какую «замкнул» Ошкуй, и осторожно надавил на нее. Вот будет номер, мелькнуло у него, если и тут постамент... Но нет — посыпалась пыль, заскрипели медные шарниры, и плита подалась. В щель проник тусклый свет.

Олег напряг слух и оглядел место прибытия сквозь щель. Никого.

Осторожно подняв плиту, он вылез и еще раз осмотрелся. Судя по всему, это действительно был храм Юпитера. Целла — центральное помещение, где стояла статуя бога. Храм считался его домом.

Жилищу Юпитера явно не повезло. Во-первых, расколотили самого хозяина — на мощном постаменте выделялись лишь следы огромных стоп. Стены, сложенные из квадров — обтесанных каменных глыб,— перекрывались поверху дубовыми балками. Удивительно, но свинцовые листы кровли по большей части уцелели — как раз в прорехи и лился свет, почти осязаемыми конусами упираясь в загаженный пол. Похоже было, что храм приспособили под склад. У тяжелых бронзовых дверей стояли пузатые бочки. Валялась сломанная мебель, покрытая толстым слоем копоти,— в домах ведь топили по-черному. Горшки, вложенные один в другой, поднимались кольчатыми колоннами. Вдоль всей задней стены громоздились сундуки и открытые шкафы римского времени.

— Олдама и ты, Валит,— приказал Варул, возвращаясь к потайному ходу,— скачите навстречу нашим и предупредите. Скажете Лидулу, чтобы сотни две тайком послал к храму Януса. Ударим франкам в тыл!

Минуло три дня, и к храму Януса подтянулись варяжские сотни.

— И когда ж ты успел четыре версты проколупать? — пробасил ярл Олав, сжимая до хруста руку, протянутую Олегом. Тот не остался в долгу.

— А ну,— заоглядывался Гуляка,— покажь нам ведунью вашу!

Потупив взор, на свет маленького костерка вышла Инграда. Бойцы примолкли.

— Не знаю, как вы,— сказал Тур, молодой венд из Арконы,— а я сегодня пару раз подставлюсь франкскому мечу. Пусть Инграда меня полечит!

Сотни глоток исторгли полузадушенный смех, перебивая серебряный колокольчик Инграды.

— Тише, вы! — гаркнул ярл и скомандовал: — Выдвигаемся! Лодьи подойдут еще до света, надо успеть очистить остров...

...Ночной туман закутал и Сену, и остров Ситэ; словно в союзники русов записавшись, поставил завесу — плотную белую пелену, скрывающую корабли до верхушек мачт. Звуки вязли, падая как в вату, предутренняя тишина напускала на франков сонную одурь — часовые, и те дремали. Иные даже похрапывали, прислонясь к сырым камням.

А в храме Юпитера прибывало полку. Русы по-тихому вылезали из люка и жались к стенам в просторной целле. Олав раздавал краткие распоряжения:

— Полусотни Труана, Гуда и Пелга — занимаете восточную часть, и чтоб тихо! Тебе, Либиар, поручается мост на левый берег, ворота и Квадратная башня. Смотри мне, чтоб чисто было! К мосту лодьи будут швартоваться.

— Сделаем...— проворчал кряжистый Либиар.

— Ты, Асмуд, дворцом займешься, а твои, Тшудд, пусть Сторожевую башню берут. Только давайте сразу договоримся — не отвлекаться на девок и золото. Все и так наше будет! Если прокопаемся, то просто ничего не успеем.

— Да понятно,— отмахнулся бледнолицый Труан.— Я своих уже прижучил.

— Слушай меня! — пробасил Гуляка задушенно. Испуганное эхо запорхало под сводами храма.— К атаке... Готовсь! Мечи — к бою!

Вскинулись круглые щиты, сотней змей зашипели мечи, выползающие из ножен. Бесшумно разгребли туман ворота — ночью петли

обильно смазали. Мягкие сапоги не грюкали, ступали тихо, как мокасины на тропу.

— На врага... И тихо чтоб!

Ушли тшуддовцы. Скрылись в тумане трауновцы.

— Выдвигаемся,— сказал Асмуд и повел свою полусотню на дворец.

Теплая, благодатная Галлия! Даже туман не тяжелил одежд сыростью, не знобил тело. В землях, где зимою идут дожди, замерзнуть трудно, особенно русам, привычным к рекам, промерзшим до дна, и лопнувшим от морозу деревьям.

— Улеб,— раздавал приказания Асмуд,— удерживаешь южный вход. Твои, Свен, держат тот, что с угла. И ждать! Олдама, бери Варула — и на крышу. Свистнешь! Остальные — за мной! Прорываемся разом, по свисту Олдамы. Твои, Варул, первыми идут!

— Все понял,— кивнул Волчье Ухо.

Караул сняли мигом, будто тех и не было. Тихий свист Олдамы заменил рев турьего рога. Отряд бесшумно ворвался во дворец Сеагриев с трех сторон и сверху. Десяток Варула, заскользил по боковой нижней галерее. Стрелки водили луками по балюстраде верхней галереи-гульбища, ловили цели на балконах и в окнах, пугали кур-несушек и общипанных петухов в покоях дворца.

За позолоченными дверьми открылась пиршественная зала — высоченная палата с тридцатиметровым столом на сотню обжор и выпивох. С потолка свисали знамена, добытые в боях. В конце залы на возвышении стоял трон, а подле него — резное кресло. Стена, выходившая к реке, была прорезана парой щелевидных окон. Слюда, забранная в свинцовый переплет, цедила серое полусвечение, предвещающее зарю.

— Всех сгонять сюда,— приказал Варул.— Свенельд! Фаст! Стерегите двери. Всех впускать, никого не выпускать. Олдама!

Коренастый дренг возник на верхней галерее.

— Кто там у тебя?

— Слуги! — приглушенно доложил Олдама.

— Гони их вниз! Сюда вот!

Завизжала женщина. Напротив пиршественной залы, через атриум с давно уж иссякшим фонтаном, распахнулась дверь, и на каменные плиты двора выбежали растрепанные, очумелые тетки в одних рубахах, с соломой в волосах. Надо полагать, гофдамы. Почти все босиком, гофдамы волокли с собой вороха одежек и обувок.

— Как вы смеете! — срывающимся голосом закричала симпатичная, черненькая конфидентка.— Я особа королевской крови! Я — герцогиня Суассонская!

Олег галантно открыл дверь в трапезную.

— Особу загоняй первой!

— Топай, давай,— добродушно велел Ошкуй и ущипнул герцогиню за мягкое место. Особа королевской крови взвизгнула и влетела в пиршественную залу. Ойкая и толкаясь, за нею последовали прочие «прекрасные дамы». От дам остро несло благовониями и застарелым потом.

— Фрелав! Нур! Стемид! Давай в то крыло!

Варяги шагали темными, сырыми галереями, отчетливо вонявшими аммиаком, через запыленные палаты, по сводчатым коридорам, скупо освещенным смердящими факелами, торчавшими из ржавых гнезд в стенах, пока не вышли в портик зимнего сада, к волглым купам малахитовых колонн. Отсюда был виден Еврейский остров, лежавший против дворца, и просматривалась угловая Луврская башня на правом берегу.

— Аой! — донесся вдруг глухой боевой клич франков.— Аой!

— Эт-то что еще такое? — нахмурился Олег. С чудовищным скрипом раскрылись створки позеленевшей бронзовой решетки, и на пороге возник запыхавшийся Олдама.

— Там! — закричал он, тыча в коридор, и Олег бросился куда указано. Олдама затопал следом.

— Там Тшудд! Ему сказали Шателе брать, а он палаты грабит!

Олег зарычал от бешенства. Весь план насмарку! Тшудд, сволочь жадная... Взял и все испортил! Франков надо было тепленькими брать. А теперь прольется кровь! Кровь!

Сухов бегом пересек ветхую Галерею правосудия и выскочил на широкий двор между оплотом справедливости и башней Шателе. Из Зала караулов, занимавшего весь низ башни, валили, валили, валили палатины — личная охрана графа Парижского. В чешуйчатых доспехах, как жар горя, и в блестящих касках с петушиным гребнем, они с крыльца кидались в бой, словно пародируя задиристых петелов.

— Аой!

Палатины бросились на варягов Тшудда, таскавшихся по двору с хабаром — серебряными кувшинами под мышками, золотыми цепями на шеях, ворохами парчи, бархата и траченных молью мехов. Отягощенные добром, русы и биармы падали под ударами франков, пачкая в крови драгоценные ткани.

На Олега навалились двое. Один — огромный палатин с заплывшим глазом, перебрасывавший топор из руки в руку, второй — жиденький, бледный парнишка с прыщавой мордочкой — дрисливый щенок, дворянский ублюдок из мелкопоместных. Палатин с заплывшим глазом, надсадно хэкнув, занес топор и выронил. Опрокинулся

на спину. Из переносицы у него торчала стрела. Другой палатин, который пожиже, присел и рубанул Олега по ногам. Сухов подпрыгнул и мечом развалил жиденького почти напополам.

Клокочущая в Олеге ярость уняла муки совести и долила сил. Навстречу, пуча глаза, выбежал Тшудд. На его бычьей шее болтался добрый десяток ожерелий, бус и цепей из тяжелого кованого золота.

— Ты что ж это, гад, творишь?! — прорычал Олег. Коротко ударив Тшудда под нос, он всадил костяшки пальцев в кадык биарму и ударом локтя снес того с ног.

— Слушай мою команду! — гаркнул Вещий.— Стройся «клином»! Мечи к бою! Вперед!

Добрая слава Вещего поднимала его в негласной табели о рангах. Поэтому даже хольды охотно подчинились — они верили Олегу и в те высшие силы, которые ему помогали.

— Валит! — надрывал горло Сухов.— Собери стрелков! Живо! Скажешь, ярл приказал!

Да, это должно было помочь — русские луки били даже под дождем — надежные, как столовая ложка. Но франки того не ведали и не шибко испугались двойного ряда русских стрельцов — утренний воздух сочился влагой, а для франкских стрел такая погода была нелетная, пеньковые тетивы их луков боялись воды. А русские стрелы пели и зудели, звонко и зло.

— Ао-о...— воинственный клич захлебнулся кровью.

Палатинов на флангах расстреливали пачками. И маятник Фортуны откачнулся от франков.

— Олег! — крикнул Олдама.— Наши!

Сухов обернулся. Из-за крепостных ворот донесся рев и дружный лязг. Створки повернулись, как занавес, открывая мост и левый берег. Варяги и франки, разобравшись по парам, ожесточенно рубились, топча влажные доски. Из узкого окна Квадратной башни, дрыгнув ногами, вывалился франк и бросился в Сену. Еще один, развалив копчиком хлипкие поручни, последовал туда же. И тут запели турьи рога и медные трубы. Из тумана, колышущегося над Сеной, выплыли носы лодий. Страшные морды драконов закачались над дощатым настилом.

С громкими криками на мост полезла судовая рать. Франки бросились кто куда, а варяги втянулись в ворота, с ходу сшибаясь с палатинами. Перед Олегом возник сам Лидул Соколиный Глаз.

— Здоров, Вещий! — взревел конунг. Оглядевшись, узрев злое Олегово лицо, расквашенный нос Тшудда и шею его, обмотанную золотишком как шарфом, Лидул все понял и насадил на меч нарушителя дисциплины.

— Я беру башню с улицы,— прорычал конунг,— а Варул пущай сверху ударит! Вы верткие...

Олег отбил меч подскочившего палатина, а Лидул, будто приняв эстафету, добил франка.

— Ошкуй! Валит! За мной!

Сухов сунул меч в ножны и кинулся к тому крылу дворца Сеагриев, которое примыкало к башне Шателе. Олдама уже был на крыше палат и скидывал вниз веревку. Олег взобрался первым, потом поднялся Ошкуй, а Валита они вдвоем буквально выдернули наверх.

— Олдама, готовь «кошку»!

— Это мы мигом...

Оскальзываясь на мхом поросшей черепице, варяги перебежали под стену башни Шателе, сложенную из крошащегося кирпича. Олдама раскрутил когтистую «кошку» и забросил ее наверх, за зубцы парапета. Натянул веревку, обвис на ней. Держится!

Перехватываясь руками за ременной тросик, Олег поднялся на уровень высокого окна, прикрытого резными деревянными ставнями. Мощно оттолкнувшись, он описал дугу и пятками вышиб оба ставня. Сгруппировался, перекатился, выхватывая меч, и вскочил, шепотом матерясь. «Объект МЖ», чтоб их! От вони резало глаза. Толстые граненые полуколонны словно присели под тяжестью сводчатых потолков, а в полу, прикрытая уделанной решеткой, чернела дыра. Из нее дуло и смердело. С потолка на крюках свешивались платья — туалет служил... ну не гардеробной, конечно, а чем-то вроде дезинфекционной камеры.

Со стуком и грюком в окно влетел Валит и перекувыркнулся.

— А... это чего? — скривился он, оскальзываясь.

— Уборная у них тут,— любезно объяснил Олег.

— Засранцы... А одежа зачем? Подтираться?

— Это они так блох выводят...

— Тьфу!

Ошкую и Олдаме измазаться не дали, подстраховали. Вчетвером выскользнули на круглую лестничную площадку.

— Ты, Валит, пойдешь направляющим,— скомандовал Олег.— Ты, Ошкуй... последним пойдешь. Олдама — за мной. Вперед, ищем графа!

Искали с полминуты. Натолкнулись на двух лбов-палатинов, живот готовых положить у вызолоченных дверей, и поняли, что дошли до нужного места. Два кинжала из черной бронзы, пущенные с обеих рук, завязли у палатинов в мощных шеях.

— Стойте здесь,— сказал Олег приглушенно.— Валит, лук приготовь. Если что, поможешь. Только не убивать! Граф нам живым нужен...

Он вернул кинжалы, вежливо постучался и вошел.

Роберт Сильный, первый граф Парижский, действительно был мощного телосложения. Лицо породистое, квадратное, нос перебит и приплюснут, волосы смешно подстрижены в кружок. Босой, в потемневшей от долгой носки рубахе, граф нервно оглянулся на вошедшего и переменился в лице. Но не струсил — выхватил здоровенный скрамасакс [1] и метнулся к Олегу, пластая воздух крест-накрест, наискосок. Стрела, выпущенная Валитом, аккуратно пронзила графское запястье. Скрамасакс забрякал по плитам пола, утепленным свежей соломой, и Сухов не стал рассусоливать. Он перехватил здоровую руку графа, заломив волосатую конечность так, что его светлость осел на колени, натужно шипя и взрыкивая.

— Не рыпайся,— посоветовал Олег графу Парижскому,— и проживешь долго-долго. Шагом марш!

Отряд спустился в Зал караулов по каменной винтовой лестнице, узкой и скользкой, как шнек в мясорубке. Огромный полукруглый зал был полон — русы загнали палатинов с улицы сюда и теперь теснили, словно отыгрываясь за недавний позор. Варяги и франки кружились, сживая друг друга со свету, рубились почем зря, и низкие своды зала дробили многоголосое эхо.

— Прикажи своим людям бросить оружие! — велел графу Олег. Роберт Сильный бешено глянул на него и тут же полуприсел от резкой боли в вывернутой руке.

— Бросить оружие! — взлаял граф.

Зычный голосище покрыл шум побоища. Палатины оборачивались, на их искаженных лицах проигрывалась гамма чувств — неверие, надежда, облегчение, ярость, презрение. Бойцы расцепились и разошлись, посверкивая глазами. Мертвых разобрали и оттащили до своих.

— Сдавайтесь! — холодно сказал Олег.— И вам всем сохранят жизнь! Иначе...— он приставил к подбородку графа острие меча.— Вас перебьют, а первым умрет граф!

На пять ударов сердца зависла тишина. Потом, с громким дребезгом, на каменные плиты упал меч. За ним другой, третий... и посыпалось.

— Чего вы хотите? — прохрипел граф.

— Как чего?! — комически изумился Олег.— Золота!

Русы загоготали.

— Сколько? — в тоске спросил граф Парижский.

— Тысячу фунтов,— сообщил Олег размер виры.

— Сколько?!

— Ты-ся-чу,— раздельно выговорил Вещий.— Не прибедняйся, граф!

---

[1] *Скрамасакс* — короткий меч.

Граф покорно склонил голову. Domine, libera nos a furore normannorum [1]...

— Да-а... — проговорил впечатленный Пончик.— Как в кино сходил... Олег! — вскрикнул он вдруг.— Гляди! Как тогда...

Сухов перевел взгляд на море и оцепенел. Над караваном пылало зарево удивительного сиреневого оттенка. «Как тогда...» Опять открывается темпоральный туннель?! Опять их забросит черт-те куда?

Олег ощутил странное покалывание по всему телу, словно он организм «отсидел». Сиреневые сполохи заиграли, струясь лентами и вихрясь разрывчатыми струями света. Весь мир обездвижел — не вздымались волны, утих ветер, хотя парус по-прежнему пучил полосатое брюхо. В абсолютной тишине накатил синий туман, и пала тьма.

Глава 2,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ НАХОДИТ СЕБЕ НОВОГО СЕНЬОРА, А ПОНЧИК ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ВО ВРЕМЕНИ

Хвалынское море, 921 год от Р. Х.

В следующую секунду палуба под Олегом исчезла, и вокруг заколыхалась вода цвета светлого изумруда. Внезапный переход от предзакатных сумерек к свету ударил по зрению, по рассудку, но самым невероятным ощущением было иное — вдруг оказаться в воде. Не нырнуть, не плюхнуться нечаянно, а почувствовать в какой-то момент, что вокруг тебя не воздух, а плотная и не очень-то теплая влага.

Олег рванулся к светлой пленке над головой, колыхавшейся и отливавшей серебром, и вынырнул, отряхиваясь и отплевываясь.

Неподалеку барахтался Пончик. Лицо его было бледным, искаженным от страха, а глаза напоминали выпученные буркала глубоководной рыбы, о чем Олег не замедлил сообщить другу. Шурик не обиделся.

— Мы вернулись?! — заорал он, бултыхаясь.— Мы дома?!

---

[1] *Domine, libera nos a furore normannorum (лат.)* — Боже, спаси нас от ярости северян.

— Я доктор? Я знаю? Поплыли к берегу!

До берега было далековато, только выбора не было — плыви или тони. Идти на дно никто не хотел.

— Что ты воду пенишь? — крикнул Сухов.— Экономней работай, а то выдохнешься!

— Я спасаю свою душу! — булькнул Пончик.

— Тело не забудь!

На берег Олег выбрался буквально на карачках и выволок Пончика на сырой песок.

Став на колени, он оглянулся. Не запад катились зеленые валы Каспия, небо было чистым, едва тронутым облачками. На восток от широкой полосы пляжа, замусоренного кучами гниющих или сухих водорослей, поднимались пологие холмы с редкой травой. И ни звука. Даже чаек не слыхать. Только море в извечном ритме перелопачивало гальку и обтачивало песчинки, намытые волнами.

— А тут день! — воскликнул Пончик и закашлялся.

— Да ну? — буркнул Олег.— Какой ты наблюдательный... И что ты высматриваешь в небесах?

— Мало ли... Вдруг самолет пролетит...

— Ага, жди,— буркнул Сухов и пошарил по поясу. Древний нож на месте, и то слава богу... И заветный мешочек...

— Чего ты такой недовольный? Спаслись же!

— Спаслись! — фыркнул Вещий.— Спаслись когда?

— Может, мы вернулись обратно? — неуверенно предположил Шурик.— В 2007-й?

— Не верю,— буркнул Олег.— Слишком уж чисто кругом. Ни бутылок, ни пакетов из-под чипсов... И кто тебе вообще сказал, что мы переместились в будущее?

— А куда ж еще? — округлил глаза Пончик.

— Существует еще прошлое. Или тебе об этом не рассказывали? Провалимся куда-нибудь в нижний палеолит, то-то на мамонтов поохотимся...

— Да чего ты злишься?

— Ха! Чего злюсь... А ты знаешь, сколько я времени угробил на то, чтобы хоть чего-то добиться в тутошней жизни?! Годы! И на тебе, спасся! Где я, мне известно — эти холмы я с борта видел. Вон те, двуглавые. А вот какой век на дворе?

— Ну, не все так плохо,— бодро сказал Пончик.— В какое время мы переместились, я не знаю, но твое умение обращаться с мечом осталось с тобой — этого не отнять!

— Ага, вот только меч мой остался на кнорре. И доспехи тоже! Знаешь, во что они мне обошлись?

— Да я ж понимаю! Только что ж делать-то?

— Костер разводить,— пробурчал Олег.— И греться. Пройдись по берегу, собери, чего посуше...

— Щас я! Слушай, я одного не понимаю. Ну ладно, перекинуло нас... э-э... сюда. А остальных почему не тронуло?

— Не морочь мне голову... Где сушняк?

— Да щас я...

Пончик побрел по берегу, собирая обломки дерева, выбеленные морем, а Олег достал из мешочка кресало и грецкий орех, залитый воском. Вместо ядрышка в орехе хранился сухой трут.

Надергав травы, подтащив ломких водорослей, Олег высек искры. Трут задымился сразу. Нежно поддувая, Сухов добился того, что из искры возгорелся огонек. Подкрепившись сухими стеблями, он загудел, обращаясь в пламя костра.

— Пончик!

— Несу...

Сучья, ветки, обрывок тростниковой циновки — все сгодилось в пищу огню. Олег обсох и согрелся. И задумался. Что делать-то? Пробираться к своим? А где они, свои? Хороший вопрос, но сочтем его риторическим...

— У нас две возможности,— рассудил Пончик, вторя Олеговым мыслям.— Можем двинуться на восток, тут неподалеку проходит караванная тропа из Хорезма на Итиль и Булгар [1]... Или сдадимся гузам. Хотя я точно не знаю, кто тут кочует... И вообще! Вдруг вечерком с моря пароход загудит?!

— Фантазер ты... В любом случае двинем берегом моря на север, а там видно будет...

Пончик снял с себя мокрую рубаху и стал сушить ее над костром, поворачивая то так, то этак.

— Все равно не понимаю... — проговорил он.

— Что тебе не дается, добрый доктор Айболит?

— Ты помнишь, как все случилось тогда, в первый раз? Там физики ковыряли основы мироздания, разбирались в хронодинамике. Затеяли эксперимент и... Случился побочный эффект. Нас — сюда. А теперь

---

[1] *Итиль* — так называлась река Волга и столица Хазарского каганата, ядро которого совпадало с дельтой этой важной водной артерии. Булгар — государство, расположенное на берегах низовьев Камы и у Волги.

что? Какие тут могут быть физики? Тут и слова такого не знают... Может, это... Он?

Пончик неуверенно ткнул пальцем в небеса, боясь ехидных замечаний друга-атеиста, но не дождался.

— Не знаю, Понч,— серьезно сказал Олег. Откинувшись на груду сухого песка, он помолчал и продолжил: — В институте я числился в воинствующих безбожниках, чуть ли не в язычниках. У нас на даче даже идол стоял, я его аж с Алтая волок. Хватило ж ума... А попов как высмеивал... Куда там антирелигиозной пропаганде! Сектантов всяких, вроде иеговистов, громил по-страшному. Они в дверь стучатся, начинают про Библию толковать, и пошла дискуссия — они мне слово, я им — десять... Всяко бывало. Злорадничал даже, когда священники ныли о порушенных большевиками храмах. Так, думаю, вам и надо! Жгли капища, когда Русь крестили? Вот вам и аукнулось! А сюда попал и...

Олег смолк. Пончик уселся, поерзал и напомнил, не выдержав:

— И что здесь?

— Язычество здесь,— усмехнулся Сухов.— Во всей своей красе. Ей-богу, устал я от него. До тошноты. Помню, читал про дубы, посвященные Перуну, мечтал посмотреть в натуре... Посмотрел. Да ты и сам их видел — на каждом суку по человеку висит, птицами обклеванному, а земля у корней черная, жирная — ее кровью поливают... И как же это «святое место» смердит!

— Да уж,— сморщился Пончик,— хоть нос зажимай...

— И это ж постоянно,— продолжил Олег,— всегда и везде. Для Хорса мы девушку топим в реке. Чтобы Водана ублажить, пленных потрошим, да так, чтобы самих обрызгало кровью жертвенной — на счастье... М-мерзость! Знаешь, так порой хотелось убежать от этого, скрыться, а куда? Язычество — это ж не что-то отдельное, для капищ предназначенное, оно повсюду, вся жизнь по его правилам разложена — дома, в лесу, на море, на службе конунгу! Это как на зоне — не верь, не бойся, не проси. И захочешь по-иному жить, а не можешь — на волю ход заказан!

— А ты не пробовал в церковь сходить? — несмело спросил Пончик.— Поставишь свечку, и вся жертва — без крови и кишок. И не воняет там...

— Ты крестился, что ли? — спросил Сухов с удивлением.

— Да меня еще в школе крестили,— смутился Шурик.— Я отбивался, кричал, что не хочу, что мне стыдно перед ребятами, а мама упросила-таки. Для меня, говорит, крестись, пусть мне спокойней будет...

— Ох, не знаю, Понч... Понимаешь, креститься-то легко. Любой поп рад будет язычника обратить, вот только где я веру возьму? Нет ее во мне!

— Олежка, да тут никто не верит! Они все просто знают, что Бог есть, и принимают это без доказательств. Весь спор из-за того, какой Бог или боги истиннее...

— Им легче, а мне как раз доказательства подавай...

— Зачем? — неожиданно спросил Шурик.

— Как это — зачем?

— Зачем тебе нужны доказательства? Чтобы установить истину? Но кто же верит в истину? Ее положено знать! А Бог — это не закон природы...

— Слушай,— спросил Олег заинтересованно,— а ты сам-то веришь в Бога?

— Честно?

— Честно.

— Я хочу верить в Него, но у меня это плохо получается. И я придумываю окольные пути — представляю себе Господа как Мировой Разум, или как Гомеостазис Мироздания... Так проще, понимаешь? Это я могу понять, с этим мне легче смириться... В Альдейгьюборге всего одна церквушка, но я не то что хожу туда — я убегаю в храм. Успокоиться чтоб, сил набраться, прийти хоть в какое-то равновесие. В Питере мне это было не нужно, а здесь тянет...

— Ох, не знаю, Понч... Я сейчас, как в чистилище — отмываюсь от крови и слизи. От язычества вроде как отступился, к вере истинной шагу не сделал. Пока. Да и какая истинна? Под каким знаком эту истину искать? Под крестом? Под полумесяцем? Под звездой Давидовой?

— Ты таки немножечко еврей? — ухмыльнулся Пончик.

— Молчи, смертный... Пошли лучше рыбу ловить.

С великим трудом наколов рыбину на самодельную острогу, Олег вывалял улов в золе, чтоб солоней было, обмазал глиной и запек в костре. Блюдо получилось пресноватым, зато питательным.

Привалившись к теплому песчаному склону, Сухов задумался. 2007-й... За все эти годы он редко вспоминал свое прошлое, которое теперь стало будущим. Просто некогда было заниматься ерундой. Служба в дружине отнимала все его время и силы. Но он никогда не раскаивался в своем выборе. Недаром время сие называли «военной демократией». На всем Севере — от Рейна до фиордов, от Дуная до Волги правили конунги, князья, рейксы, кунигсы и прочие, могущие собрать дружину, чтобы беречь мирное население и не давать спуску

чужим. Брать за эту услугу дань, а для пущей славы ходить в походы за пределы подведомственной территории.

Уже сама принадлежность к дружине почетна, ибо не всякого берут гриднем, а лишь самых лучших — сильных, храбрых, умелых. На гридней заглядываются все девушки, старейшины здороваются с воинами, ибо те и защищают народ, и правят им.

Эти вещи он учил в школе, повторил пройденный материал, когда увлекся ролевыми играми с исторической реконструкцией. Но то были именно игры, развлечение для людей из 2007-го, которые кое-как разбираются в средневековом вооружении, но имеют смутное представление о нравах той поры, о житье-бытье.

И только угодив в век девятый, Олег почувствовал разницу. Только здесь, погрузившись в раннее Средневековье по самое «не хочу», он понял, до чего же безопасным было его «родное» время.

Отправиться на пикник за город. Спуститься на байдарках по реке. Ехать в одиночку по пустынной трассе. Все это было возможно и здесь, в «эпоху викингов», но мало кто решался на подобное, ибо вместо шашлычков тебя самого могли нанизать на меч, а вольного путника обратить в раба.

Здесь купцы сбивались в огромные караваны по пять тысяч человек, нагружая товаром целые табуны лошадей и стада верблюдов. Тут каждая вшивая деревня была обнесена крепким частоколом, и каждый дом по очереди выставлял дозор.

Да что говорить о гражданских, когда и самим воинам не давали покою — набеги кровожадных соседей случались постоянно. Впрочем, русы тоже не ангелами числились...

В начале века русские конунги грабили Эгину, Амастриду, Фессалоники, Таврию. В 845-м варяги брали на щит Севилью. Об этом в истории остались горестные строки, писанные ал-Якуби: «В город Исбилию вошли в 229 году хиджры поганые, называемые ар-Рус, которые захватывали пленных, грабили, жгли и убивали...»

Да и стоит ли перечислять? Мало было крепостей и богатых градов на европейских берегах, кои не испробовали русского меча!

И быть причастным к этой славе, самому копить силу, занимаясь «греблей и фехтованием», было приятно. Еще лет десять такой жизни, и он мог бы выбиться в ярлы, собрал бы свою дружину, обзавелся бы парой лодий... Или двумя парами. А на старости лет заделался бы купцом, отправился бы с караваном в Индию, в Китай...

А теперь что? Какое время на дворе? К кому тут примкнуть? Какому сюзерену служить, славу плюс злато-серебро добывая? У него да-

же меча нет! Все, нажитое воинским трудом, все исчезло, растворилось в прошлом. Или в будущем...

— Паруса! — завопил вдруг Пончик, подпрыгивая.— Олег, гляди! Там паруса!

Сухов вскочил и приложил ладонь козырьком ко лбу. С севера шли лодьи под полосатыми парусами.

— Наши, да? — прыгал возбужденно Пончик.

— А что, ты уже рад остаться в прошлом?

— Все лучше, чем в плен к кочевникам угодить!

— Тоже верно... Тащи водорослей посвежее! Дым пустим!

— Щас я!

Олег и сам бросился собирать горючий материал, подкидывая в костер все, что давало пламя. Повалил дым, серым столбом поднимаясь в небо. Заметят или не заметят?

Пончик приволок охапку водорослей и вывалил их в костер.

— А это точно наши? — осторожно спросил он.

— Видишь, какие паруса? В белую и синюю полоску. Бывают еще в белую и красную. Их шьют из разных тканей, так лучше. И шьем только мы или урмане. Так что либо варяги пожаловали, либо викинги. Но кто бы пропустил в наши реки чужаков? Значит, варяги...

Сигнал был замечен — одна из лодий повернула к берегу. Медленно, очень медленно она вырастала в размерах. Олег жадно разглядывал приближающийся корабль, но никаких особых отличий от виденных ранее не замечал. Тот же развалистый корпус, изящно переходящий в завиток кормы и в высокий форштевень, увенчанный зубастой и рогатой головою. Тот же широкий парус, оттянутый десятком шкотов, те же ряды весел, с идеальной точностью загребавших воду, и ряды круглых щитов, вывешенных по бортам.

Парус поник, заколыхался, вздуваясь и опадая, и его спустили. Гребцы прибавили ходу.

Шагах в двадцати от берега огромный загорелый мужик в шлеме и кольчуге уперся в борт ногой, затянутой в кожаные штаны, и проревел:

— Кто такие?

Олег сложил руки рупором и прокричал:

— Гридень я! Купцов сопровождал! Буря случилась великая, наш корабль затонул, спаслись только мы! А это друг мой, лекарь знатный!

Мужик сделал знак гребцам, и те подвели лодью к самому берегу.

— Меня называют светлым князем Инегельдом Боевой Клык,— представился он,— и гридни мне нужны. Если они гридни! Ну-ка...

Пощелкав пальцами, князь принял протянутый ему меч и перебросил его Олегу. Сверкающая полоса отточенной стали мелькнула в воздухе, но Сухов не сплоховал, ухватил клинок за рукоять и занял боевую стойку — вполоборота, меч острием вверх.

Инегельд высадился, проплюхал по мелкой воде и вдруг из неуклюжего создания превратился в стремительного и опасного бойца. Его тяжеловатый полуторный клинок завертелся с бешеной скоростью — казалось, сам шестирукий Шива обрушил на Олега удары одновременно со всех сторон, сверху и снизу.

Сухов устоял. Князь был воином изрядным, и нанести ему удар, сделать выпад Олегу недоставало ни сил, ни умения. Весь его талант меченосца уходил на то, чтобы не допустить чужое лезвие к коже, не дать ранить себя. Он изнемогал, выкладываясь полностью. Еще немного, и...

Боевой Клык внезапно отшагнул, и резко отвел меч в сторону, опуская его к земле.

— Годится! — пробасил он.— Звать как?

— Олег Вещий,— брякнул Сухов.

Инегельд весело загоготал, а за ним и все гребцы-молодцы грохнули.

— Ты только великому князю нашему не говори своего имени, ладно? — попросил Клык, утирая глаза.

— Виноват я, что ли, если прозвали так? — пробурчал Сухов и поинтересовался: — А кто великий князь ваш?

— Халег [1] Ведун,— гордо сказал Инегельд,— наследник Рюрика и пестун сына его Ингоря, владетель Альдейгьюборга и Ногарда.

«Десятый век!» — щелкнуло у Сухова. Раньше Ногарда-Новгорода просто не существовало. Узнать бы еще год... Когда там Олег помер? И тут Сухова окатило — знать, не он та историческая личность, что сбиралась отмстить неразумным хазарам и обречь их села и нивы пожарам за буйный набег! Ну и слава богу... Легче жить без ответственности перед будущими поколениями.

— Ладно, полезай на борт,— велел Боевой Клык.— Ивор! Освободишь весло для новенького!

— С радостью,— спокойно сказал невысокий парень с узким лицом и длинными белыми волосами, собранными в два «хвоста».

---

[1] Славянофилы очень любят возводить имя «Олег» к норманнскому «хельги», что значит «святой». Однако среди русских имен, известных по летописи, не встречается тех, что имели бы германское происхождение. У них или кельтские корни (Карл, Лют, Прастен, Фрелав, Тилен, Берн), или венедские (Борис, Карн, Акун, Удо), или персидские (Фроутан, Алвад, Мутур). Имя Халег — того же ряда. По-персидски оно означает «творец».

— А я? — закричал Пончик.— А меня?

По лодье снова прокатился смех.

— Лекарь нам тоже надобен,— решил светлый князь.— Залазь!

Пончик вскарабкался на лодью быстрее Олега и устроился в самом широком месте — у мачты. Там уже сидел какой-то оборванец в грязной чалме, уныло перебирая четки из деревянных бусин.

Сухов перекинул послушное тело через борт и занял место Ивора, взял в руки теплую рукоять весла, отполированную мозолистыми ладонями.

— Весла на воду! Поворот!

Лодья плавно развернулась.

— Парус ставить!

Полосатое ветрило захлопало, раздуваясь и принимая в себя попутный норд.

Пончик повозился, поозирался и начал знакомиться с экипажем.

— Ты по-нашему разумеешь? — спросил он унылого в чалме.

Тот кивнул.

— Звать как?

— Саид я...

— А меня Шур. А чего ты тут делаешь?

— Плыву...

— Да это понятно, что не летишь. Ты тут кто?

— Толмач я...

— Переводчик, значит. Ага. С какого?

— С арабского...

— Еще яснее. Я смотрю, тут много лодий плывет...

— Шестнадцать. Светлый князь в поход собрался и сын князя с ним на пару.

— Ага... Понятно... И куда ж они все намылились?

— Ширван грабить...

— Ух, ты... А год какой сейчас, не скажешь?

Унылый Саид очень удивился, даже четки перебирать перестал.

— Двести девяносто девятый год хиджры,— ответил он.

— Хиджры?

Пончик нахмурился. Черт, как же ему совместить обычное летоисчисление с этой хиджрой? Нужна понятная обоим веха... О! В 861-м убили халифа Ал-Мутаваккиля.

— А скажи мне, досточтимый Саид, в каком году его святейшество Ал-Мутаваккиль отправился к Аллаху?

Поглядев на Пончика с интересом, Саид ответил. Шурик посчитал, проверил еще раз, потом подполз к Олегу поближе, и прошипел:

— В девятьсот двадцать первый нас занесло! Малость не докинуло до дому!

Олег кивнул только. Он старательно греб, не глядя на тех, кто греб впереди него, не оборачиваясь назад. Придет время, и он узнает всех, кто с ним в одной лодье...

Глава 3,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ ПОЛУЧАЕТ НОВОЕ ПРОЗВИЩЕ

Для ночевки русы выбрали берег севернее Дербента. В этих местах степные просторы ужимались до узкой полоски приморской низины. Она то снежными проплешинами солончаков покрывалась, то прорастала ярко-красным покровом солянок, почти вплотную подходящих к морской воде. Пушистые кусты пряно пахнущего тамариска оживляли пески пляжей. А дальше к западу вскидывались зеленые, пока еще не выгоревшие предгорья, изрезанные синими вилюжинами ущелий. По кручам ссыпались кусты татарника, редкие сосенки и можжевельник. В предгорных низинах путались в лианах замшелые рощи с густым подлеском из кизила и терна, а на травянистых лужайках дыбились могучие ореховые деревья.

К подножиям жались убогие кутаны — нижние укрытия для чабанов и овец. Загоны строились из камня, из него же складывали круглые убежища типа юрт. Здесь отары спасутся, когда спустятся с горных пастбищ — уж очень любили барашков тутошние волки. А кавказских тигров стоило опасаться и мелкому рогатому скоту, и пастухам — кто их знает, полосатых? Баранинкой придут полакомиться или человечинкой закусят?

Варяги подтащили лодьи поближе к отмелому берегу и канатами привязали к вбитым кольям. Песок пляжей был настолько плотен, что не оставлял следов. Загорать на таком не тянуло, да и времени не было для солнечных ванн — половина воинов занялась укреплением лагеря и стоянки кораблей, а остальные отправились на охоту, убредая по густой и высокой траве — жирные фазаны вспархивали из-под ног и падали, сбитые стрелой, а то и дубинкой. Славный выйдет ужин!

Олегу выпало строить оборонительное сооружение. Вооружившись деревянной лопатой со стальным набоем по режущему краю,

Вещий вместе с сотнями новых товарищей копал ров, ограждающий лагерь, и накидывал землю на вал, где на глазах вырастал частокол. Фортификаторы переговаривались:

— Тилен! Подмогни-ка, тут каменюка...

— Щас я!

— Да ты на вал сыпь!

— А я куда?

— На сапоги мне!

— Ништо...

— Вот огрею по хребту лопатой, тогда узнаешь, што или ништо!

— Поддень!

— Да поддел я. Тут корни какие-то...

— Ивор! Кинь топор!

— Держи!

— Подруби.

— И-эх! Готово!

— Кормить нас скоро будут?

— Так ты ж уже ел!

— Да когда это было?

— Копай, давай! Тут осталось-то...

Тяжелая работа горячила мышцы, а множественное шарканье и перестуки грели дух — Олег был в общем строю, он участвовал в походе, «не отрываясь от коллектива». Князь даже презентовал ему персидский меч караджур. Что еще нужно для счастья? Доспехи бы... Ну, это дело наживное. Дураком надо быть, лентяем или трусом, чтобы в военном походе не разжиться золотишком! А за золото любую сталь купишь... Сухов усмехнулся — здорово его эпоха «перековала». А что делать? Жизнь такая... Как кочевнику прослыть героем в глазах девушек? Ему надо украсть коня или отбить от стада пару-другую коровенок — это уголовное деяние расценивается как подвиг. А русу как добиться почета и уважения? Да по тому же сценарию — сходить в поход и вернуться с добычей. И ведь что интересно, разбоем это никто не считает. Грабят-то чужих, а они все — вне закона. Зато, не дай бог, пришибешь своего или ограбишь соседа — мигом виру стребуют, в разор введут. Таков языческий закон. Правда, даже убийцу не предадут смерти, самое большее — изгонят на тридцать лет и три года. Такие вот правила бытия у варваров: со своими — по закону, с чужаками — по понятиям. С другой стороны, после падения Рима вся Европа скатилась к варварству. Здесь все так живут — и степные народы, и оседлые, и короли, и папы римские — тянут все, что

плохо лежит, а то, что уложено хорошо, берут с боем. Нехорошо выделяться...

Часа через два лагерь был укреплен, и его внутреннее пространство, защищенное от внешнего мира, вспухло десятками шатров из кож или войлока. Разгорелись костры, поплыли запахи каши и печеной дичи.

К костру Олег подсел с чувством исполненного долга. Пожилой рубака по имени Турберн Железнобокий сунул ему полную миску каши и плюхнул сверху фазанью «голяшку».

— Ешь... — проворчал он.

— Всегда готов,— ухмыльнулся Олег, доставая ложку из-за голенища. И пошел наяривать.

Хмыкнув, Железнобокий подложил ему добавки. Сухов и ее схомячил. И почувствовал, что жить — хорошо!

Уже в полной темноте к костру подошел князь Инегельд.

— Турберн? — гуднул он.

— Тута я,— донеслось в ответ.

— Ага...

Боевой Клык подстелил плащ и устроился на песке, вытянув ноги. Рядом присел на корточки Саид.

— Разговор есть,— веско сказал князь.

Олег привстал, чтобы уйти, но Клык остановил его жестом.

— Раз ты с нами,— молвил он,— мне таиться не с руки. Халег! — кликнул он.

— Иду! — донеслось из темноты.

Меж костров и согбенных черных фигур прошел Халег сын Ингоря, совсем еще молодой парень, типичный царевич из сказок — белокурый, краснощекий, курносый и лопоухий.

— Садись,— предложил ему Клык, уделяя место у костра.

Княжич сел и придал лицу выражение скромного достоинства. Из полутьмы, запутанной светотенями, вышли еще трое свободных ярлов, присоединивших свои лодьи к княжеским.

— Короче,— начал Инегельд.— Надумал я Дербент брать. Как его у вас называют? — поинтересовался он у княжича.

— Дербень,— сказал Халег и ухмыльнулся во все тридцать два зуба.

— Во-во... Саид там проживал как-то. Ну, чего молчишь?

— Дарбанд вам не взять,— встрепенулся толмач.— Ни в жисть! Знаете, как арабы нарекли его? Баб-аль-Абваб, то бишь «Ворота ворот»! Дарбанд перегораживает узкий проход между горами и морем — это город-забор, город-засов. Две стены его, высокие и крепкие, тянутся

с горных склонов до берега почти четыре версты, а поперек Дарбанд пройдешь, сделав полтыщи шагов...

— А с гор не обойти? — деловито спросил Халег.

— Это невозможно! — замотал головой Саид.— На западе стены замыкает цитадель-кухендиз, а дальше в горы, аж на сорок верст, уходит Горная стена, усиленная десятком квадратных крепостей с круглыми башнями по углам...

— Мы не собираемся лазать по горам! — нетерпеливо вмешался ярл Вуефаст Дорога — Ты лучше скажи, как к этому Дарбанду с моря зайти.

— Тамошняя гавань тоже защищена прочными стенами из камня,— заторопился Саид,— они уходят в море большим полукругом, оставляя для кораблей проход, запираемый цепью...

— Цепью, говоришь... — протянул Клык.— Цепь — это плохо...

— А богат ли Дарбанд? — поинтересовался ярл Олав Лесоруб.— Может, не стоит и возиться?

— Дарбанд — великий город! — ответил Саид с придыханием.— Он больше Дамаска или Иерусалима, там завязываются торговые пути с востока и запада, севера и юга! Это очень богатый город.

— Значит, будем брать,— удовлетворился Олав.

— Так я ж говорю... — начал Саид проникновенно, но Боевой Клык оборвал его.

— Мы уже слышали о неприступности Дербента,— сказал Инегельд.— Его не взять хазарам и гузам, только мы — другие. И Дербент будет нашим! Слышь, Турберн... Как думаешь, ежели нам с гавани начать?

— А иначе никак,— пожал плечами Железнобокий.

— Знаешь, какая у меня думка? Хочу к Дербенту ночью подойти...

— Думка хорошая,— признал Турберн,— но цепь...

— Да видали мы эти цепи... — отмахнулся Клык с пренебрежением.— В Миклагарде такие же и в Херсоне. Там у них вороты стоят, вроде тех, что у нас по волокам расставлены, только не деревянные, а из железа. Ими ту цепь и натягивают — между двумя башнями, когда надо. А когда не надо, опускают на дно. Можно и дербентскую цепь опустить...

Турберн выставил мосластый палец и сказал внушительно:

— Это, если кто изнутри стражу снимет и открутит вороты.

— О! — просиял князь.— Я к тому и веду. Знаю я, что на лодьях хватает пушного и прочего товару. Ежели его собрать в кучу, можно в Дербент наших отправить под видом купцов. Они там все, что надо, разузнают, со стражниками разберутся и опустят цепь. И мы в Дербенте!

— Дело говоришь, княже,— оценил Турберн затею.— А кто пойдет?

— Желающих я найду быстро,— хмыкнул князь.— Сам-то как?

— А чего ж не сходить? — ответствовал старый варяг. Его глаза блеснули в свете костра. Как Олегу показалось — хищно.— Сходим.

— И кого б ты взял с собой?

— Ивора. Свена. Стегги. Воиста... Да найдется кого взять! Загвоздка в том, что из наших мало кто говору сарацинскому внемлет...

— Вот! — увесисто сказал князь.— То-то и оно... Хм. Слышь, Олег, ты ж вроде купцов в Абесгун сопровождал... Как по-сарацински будет «здрасте»?

Сухов вздрогнул, выходя из задумчивости, и ответил, не думая:

— Салям алейкум! Только это не здоровья пожелание, а мира.

— Слыхал? — ухмыльнулся Клык.— Берешь?

— Такие люди нам нужны,— сказал Турберн и хлопнул Олега по плечу.— Со мной пойдешь.

— Так точно! — ляпнул Сухов, но Железнобокий не обратил на его слова внимания.

— Тогда укладывайтесь,— приказал князь,— подниму с первым светом.

— Лошадей бы сыскать,— закряхтел Турберн.— Не переть же на себе весь товар! Да и приметен пеший...

— Я Саука, сына Тааза, в степь послал с молодцами,— успокоил Клык ветерана.— Саук из гузов, в лошадях знает толк.

— Эт-точно,— повеселел Железнобокий и строго скомандовал: — Спать всем!

Олег противиться не стал — за день умаялся так, что телом ворочал лишь силой воли. Завернувшись в кошму, он уснул почти мгновенно.

Разбудило его конское ржание. Лошади отаптывались по ту сторону частокола, фыркали недовольно. Турберн проговорил что-то, Олег со сна не разобрал, что именно, зато расслышал ответ.

— Кони добрые, денег не жалко,— донесся резкий голос, «джокающий» по-гузски.— У аланов сторговали...

— Да ты целый табун привел,— недовольно сказал Железнобокий.— Куда столько?

— Как куда? Верховые надо? Надо! Вьючные надо? Надо! Куда ж без них? И запасные тоже надо!

— Надо ему... — продолжал ворчать Турберн уже больше для порядку.— А кормить их чем?

— Сами отыщут.

— А седел где столько набрать?

— Да они оседланы! Десять седел и еще три, этого хватит.

Олег сел, потянулся, протер глаза. Вдали над спокойным морем серело небо, обещая зарю. Сухов вздохнул. Все хорошо в службе воинской, одно плохо — вставать приходится рано.

— Турберн! — жизнерадостно прогудел князь.— Все ругаешься? Чем опять недоволен?

— Коней ему много! — пожаловался Саук.

— Тебе не угодишь! — по-прежнему жизнерадостно вострубил Клык.— То мало ему, то много... Одного для меня седлайте, я с вами двинусь.

— А лодьи? — строго спросил Железнобокий.

— Халег поведет. Верно говорю?

— А то! — гордо откликнулся Ингорев сын.

— Собираемся, грузимся и едем. Хватит сидеть.

— Поесть бы... — робко высказался огромный Малютка Свен.

— В дороге полопаем,— отрезал князь.— Все, по коням!

Олег влез в седло и помахал Пончику. Тот ответил и несмело улыбнулся, а Сухов подумал, что попрощался с единственным человеком, близким ему. Были у него друзья-товарищи, да где они сейчас? Ошкуй, Олдама, Валит... Если они и живы теперь, то им всем под сотню лет. Вряд ли в этом времени найдешь таких долгожителей... А каково Пончику? Он же любил свою Чару. И что ему делать? Искать возлюбленную? А найти кого? Древнюю развалину, маразматичку беззубую? Вот ужас-то...

«Зато мы с Пончем все те же!» — утешил себя Олег. Не допрыгнули до своего времени? Ну, что ж теперь делать... Не сейчас, так потом. Знать, есть сила некая, что заботится о равновесии в природе, о гомеостазисе мироздания, и стремится та сила сохранить баланс меж временами, тащит провалившихся в прошлое назад, в будущее... Вот только не всегда дотягивает.

Десяток варягов двигался без спешки, постепенно одолевая узкую и опасную Каспиа виа, как римляне называли дорогу между морем и горами Кавказа. В поводу бойцы-купцы вели вьючных лошадей, груженных мехами, моржовой костью и воском — все без обману! Саук, сын Тааза, скакал поодаль, подгоняя табунок запасных коней. Запасные брыкались и встряхивали пышными гривами, но не разбегались далеко, чуяли близость хищников. А еще им нравились соленые сухарики, которыми их угощал гуз.

— Турберн! — взревел князь и оскалился в приливе добрых чувств.— Говорил я тебе, что заново дюжину заведу? Говорил?

— Было такое,— согласился Железнобокий.

— Во! Доконали аланы Шибрида Двуглавого — Саук встал на его место. И Олег еще...

— Тогда это не простая дюжина, князь,— подал голос Сухов,— а «чёртова».

— Это как?

Ругнувшись про себя и на себя, Олег выкрутился:

— Дюжина — это когда двенадцать, а я — тринадцатый. Стало быть, чертова дюжина.

— А почему чертова? Черт — это кто?

— А-а... Ну, это так говорится. Черт — это... э-э... див такой. Или тролль.

— Мне нравится! — ухмыльнулся Клык.

— Не понял,— нахмурил лоб Малютка Свен.— А при чем тут тролль?

— Можно двенадцать разделить на два? — вопросом ответил Олег.

Малютка глубоко задумался.

— Можно,— бодро ответил Воист Коварный.— Будет два раза по шесть.

— Правильно. И на три можно дюжину разделить, и на четыре, и на шесть. А вот чертова дюжина делится только на себя, на тринадцать. Никак ты ее больше не разделишь!

— Здорово... — впечатлился Свен.— Ловко ты считаешь... Олег Полутролль!

Турберн с князем рассмеялись.

— А почему Полутролль? — поинтересовался Олег.

— Ну, ты ж поменьше тролля... И не такой страшный!

Тут уж вся «чертова дюжина» захохотала, включая и Сухова. Олегу полегчало даже — быстро ему «погоняло» дали, и достаточно почетное. Троллей русы уважали.

Долог ли, короток ли был путь, но и ему конец пришел. Засветло варяги спустились в широкую пойменную долину, заросшую вязами да грабами, пересекли маленькую каменистую речушку, взобрались по травянистому откосу и вышли к Дарбанду-Дербенту.

Могучая стена со ступенчатыми зубцами поднималась в вышину на пятьдесят локтей, соединяя сорок шесть мощных башен — круглых, квадратных, восьмиугольных. По левую руку стена уходила в море (огромные зеленые валы взбивали пену на плитах тесаного известняка), а по правую руку дотягивалась до крутого скалистого холма, карабкалась по его склону, к вершине, укрепленной желтыми

стенами цитадели. Под холмом раздавалось сырое ущелье, заросшее кизилом.

Баб ал-Кабир — Большие ворота — были открыты. Через них варяги и въехали в город, сунув стражникам горсть медных даников.

За стенами они тотчас же окунулись в шум и гам. Толпы людей бродили вдоль и поперек, торговали или приценивались, степенно обсуждали дела или бурно ругались, призывая в свидетели Аллаха, бродили без цели или сидели у стен, сосредоточенно потея на жарком солнце. Разноязыкому говору вторили надрывные крики ослов и верблюдов, и вся эта зверино-людская мешанина тусовалась и перетасовывалась, поднимая пыль в вечной круговерти купли и продажи, спроса и предложения.

— Двигаем к постоялому двору! — крикнул Боевой Клык.— Сложим товары, пристроим коней... Осмотримся.

По широкому проезду варяги вышли к одной из трех улиц, тянущихся от цитадели до моря, и поднялись по ней до громадной трехнефной Джума-мечети с бирюзовыми куполами. Рядом с нею отыскался солидный караван-сарай, четырехэтажное здание, замыкающее в себе квадрат внутреннего двора. За умеренную плату русы сдали на хранение товар и завели в конюшню лошадей. Облегченно вздохнув, князь сказал:

— Разделяемся. Стегги с Алком торговлей пусть займутся — хорошо бы все до вечера продать, а мы походим... Когда солнце коснется гор, собираемся здесь. Потолкуем...

Все кивнули и разошлись. Олег Полутролль отправился на разведку вместе с Малюткой Свеном и Ивором Пожирателем Смерти. Если Свен здорово напоминал Сухову старого знакомца Ошкуя — такой же был здоровенный и добродушный с виду, то Ивор казался личностью куда более интересной. Невысокий, стройный и сухощавый, он всегда носил одежку из кожи, как охотник-лесовик, только вот его оленью куртку крест-накрест перетягивали две перевязи, а тонкие, изящные ладони всегда лежали на рукоятках пары мечей. Лицо его так и тянуло назвать одухотворенным, интеллигентным даже, хотя Ивора никто не обучал грамоте. Единственной преподанной ему наукой была наука побеждать, а искусство, которым он владел досконально, звалось боевым. Пожиратель Смерти всегда хранил невозмутимое спокойствие. Не гоготал, как бесхитростный Свен, улыбался только. Но и не ярился. Когда другие орали от бешенства, Ивор сжимал губы в нитку и щурил серые глаза. Удивительно просто, до чего же Ивор и Свен были различны! Малютка — натура шумная, разгульная, душа нараспашку, этакий Портос. Пожиратель Смерти всегда скромен и со-

бран, аккуратен, говорит тихо, но из них двоих именно Ивор был по-настоящему опасен. Не для Олега — тот был своим, а для врага. Ивор рожден воином, талантливым убийцей. Арамисом в квадрате.

— А тут и поперечные стены поставлены,— заметил Пожиратель Смерти, окидывая взглядом стену, перегородившую город.

Олег кивнул согласно. Вокруг него раскинулись сады, огороженные высокими каменными заборами. Тут, в двухэтажных домах под черепичными крышами, за окнами, заделанными круглыми стеклами, живут люди богатые, владетельные или знатные. Это Верхний город.

В нем высится соборная Джума-мечеть, и шумят купцы на базарной площади, журчат фонтаны, плещутся бассейны-хаузы и поют бездельные красотки, запертые в женских покоях.

И есть Нижний город — вон там, за широкой поперечной улицей. Это тоже Дербент, но второго сорта. Дербент плосковерхих глинобитных домишек, грязных, немощеных улиц, крошечных огородиков и множества мастерских — кузнечных, гончарных, стекольных. Отсюда происходят слава и богатство Дербента, но достаются они купцам и раисам-начальникам из Верхнего города.

Сверху были видны три продольные улицы Дербента. Северная улица, что тянулась вдоль крепостной стены, не проходила между домами — опасное околостенное пространство оставалось незастроенным. А вот к южной стене дома лепились вплотную. За нею открывались глазу склоны холмов, где кустарник перемежался зарослями орешника. Воздух с юга шел горячий, пряный и немного терпкий.

— Если тут и есть что грабить,— высказался Олег,— то в Верхнем городе, а добираться до него от гавани лучше всего вдоль северной стены.

Ивор кивнул согласно, а Свен прогудел:

— Никто и не заметит!

— Точно... Пошли.

Трое вышли на шумливую базарную площадь. Со всех сторон ее замыкали крытые столбчатые галереи — это были места для купцов побогаче. Торгаши попроще занимали ряды под солнцем. Кого тут только не было! Из Персии, из Византии, из Сирии приезжали сюда торговые гости, из Индии и Китая наведывались, а уж товару было — ну просто завались!

— Шелковые ткани! — надрывался зазывала.— Бодрят тело!

— А вот фру-укты! Сладки, как любовь красавицы!

— Мечи, мечи! Клинки булатные, клинки дамасские!

— Купите «масхури»! Полотно льняное, носить приятно, а стоит недорого!

— А вот стекло! Купи стекло! И тепло с ним, и светло!

Олег, следуя за Ивором, миновал ворота в поперечной стене, пересек широкую улицу, мощенную булыжником, и углубился в лабиринт узких улочек Нижнего города.

Здесь не слышались крики зазывал, не бренчала музыка. Здесь лязгали молоты и стучали ткацкие станки, гудело пламя в горнах, и верещали голые дети, играющие на траве и делящие ее с худыми козами.

Ближе к порту домишки еще более обветшали, пошли сплошь обшарпанные турлучные хижины, сплетенные из ивовых прутьев и обмазанные глиной, а после и вовсе потянулся пустырь Дубара, заросший кустами тамариска.

Берег моря, зажатый каменными стенами, опять «пророс» домами и сараями — тут селились рыбаки и грузчики-амбалы, корабельщики и моряки. На кольях сохли сети, на грязный песок накатывался ослабевший прибой. Пахло рыбой, битумом и стружками. По причалам шныряли неясные личности, наверняка с ножами и свинчатками. Подлый народец. Завидя троицу, они принялись кружить вокруг, и Пожирателю Смерти пришлось выполнить простенький этюд — молниеносно выхватив оба меча, он описал ими сверкающие круги и бросил обратно в ножны. Шпана рассосалась.

— Вон где цепь натягивают.

Олег остановился на берегу и кивнул в сторону гавани, наполовину полной пузатыми кораблями со вздернутыми носами и гнутыми диагоналями реев, приспособленных под косые паруса-«сетти». Стены закруглялись, охватывая порт, и почти сходились краями, увенчанными громадами граненых башен.

— По стене — в башню,— добавил Ивор,— и к воротам.

— И тихонечко опускаем цепь,— заключил Свен.

— Именно.

Пожиратель Смерти поглядел за спину — солнце почти касалось гор.

— Пошли, потолкуем...

И они пошли.

Возвращалась троица не Средней, а Южной улицей и сразу наткнулась на большую толпу народу. Люди в бедных одеждах были растревожены и злы, детишки-голыши возбужденно метались между взрослыми, как челноки.

— Чего это они? — удивился Свен.— Слышь, Олег?

Сухов прислушался к звукам чужой речи. Арабскому его учил купец из Багдада, почтенный Абу-Зайд Халид ибн ал-Йазид ас-Самар-

канди. Учителем Халид был хорошим, но сколько той учебы? Олег поднатужился...

— Они говорят, что эмир Абу ал-Малик Первый совсем стыд потерял... Средь бела дня похитил дочку кузнеца Бусснара, сына Шеруда, и увел к себе во дворец... Нет, не так! Это не Бусснар — сын Шеруда, Шеруд — это жених похищенной девушки. Вон он, худой такой, усатый...

— И чего они хотят? — осведомился Ивор.

— Хотят вызволить девушку, а заодно вломить всем тутошним богатеям.

— Правильно! — одобрил Свен.

— Пойдемте,— заторопился Пожиратель Смерти,— надо князю обо всем рассказать.

Инегельда и всю честную компанию они нашли в сторонке от Джума-мечети, под раскидистым карагачем.

— А мы уже все распродали! — похвастался Стегги Метатель Колец, весьма пройдошливая личность.

— Разобрали влет! — гордо подтвердил Алк Ворон.

— Ну, что у вас? — поинтересовался князь, обращаясь к Ивору.

Тот с ходу выложил последние известия.

— Вот попали... — закряхтел Турберн.

— Только заварушки нам еще и не хватало... — озабоченно сказал Боевой Клык.

— А может, нам как раз повезло? — осторожно предположил Олег.— Если простонародье попрет на Верхний город, это отвлечет внимание от гавани. Даже если у нас что-то не заладится, подкреплений эмир не пришлет — штурмующие никого не пропустят. Да и не до гавани будет эмиру, ему бы задницу свою спасти! А мы под шумок войдем в город.

— Точно,— поддержал его князь.— Пускай штурмуют. Если ворвутся за стену, мы войдем следом. Если не смогут, все равно половину работы они сделают за нас!

— Верно,— кивнул Железнобокий.— Нам в Нижнем городе ловить нечего, золотишком брякают в Верхнем.

— Значит,— внушительно сказал Боевой Клык,— начинаем, как и было задумано. Так, Ивор, Олег и ты, Турберн, отправляетесь к гавани. Когда стемнеет, заберетесь на башню и подадите знак Халегу. Ответят — спускайте цепь. Свен и Алк, давайте и вы туда же — приглядите за вахтенными на кораблях, чтобы шуму не подняли, стражу поможете снять. Не двое же их там стоят... Отправляйтесь сейчас же, пока эмир не приказал ворота запереть! А мы тут ждать будем. Появитесь под стенами — мы отопрем ворота. Все ясно? Расходимся!

Олега князь восхитил — Клык все по полочкам разложил, каждому свой маневр объяснил, и даже не задумался спросить о главном: сможет ли четверка снять портовую стражу? Для ярла было ясно — сможет, конечно! Разве могут быть сомнения?

И четверка Турберна быстренько просочилась за ворота. Сердитый стражник прокричал им вслед, что обратно не впустит.

— Знать, напугали эмира,— хмыкнул Свен.

— Забраться бы к нему в палаты... — мечтательно проговорил Ивор.— Вот уж где богатств, наверное!

— А чего ж не попытаться? — пожал плечами Железнобокий.— Попробуем...

На улицах Дербента стемнело, но город не погружался в сон. Тревога и предчувствие беды витали над улицами его. Не спал Верхний город, по мощеным улицам печатали шаг наемники-гулямы. Богатеи с муллами метались по своим хоромам, не зная, то ли хватать пожитки в охапку и бежать подальше, то ли отсиживаться, потея от духоты и страха.

В Нижнем городе тоже никто не ложился — там горело множество костров, по улицам хороводили факелы. Сдержанный шум доносился из хижин и грозным прибоем достигал дворцов.

Олег, закутанный в темный плащ, мало выделялся из тени. Ремесленники и рыбаки, ткачи и гончары бегали по улице, сталкиваясь и бурно жестикулируя. Вооружены они были как попало — у кого нож в руках, у кого палка, у кого праща и грюкающий запас окатышей. Блестели и топоры, а лучше всех были экипированы кузнецы-оружейники — все в бронях и при мечах. Бунтовщики переговаривались:

— Нишу, волоки бронзу, будем таран делать!

— Да, да! Гулямы заперли ворота и вышли на стены!

— Ждут, сволочи...

— Ничего, брат, дождутся!

— Ох, не к добру это...

— Не трусь, Золтан, они нам за все заплатят!

— А вы чего сидите? Особого приглашения ждете?

— Мы как все...

— Оружие есть?

— Топор...

— Самое то!

— О, Аллах!

— Мира и благополучия, домисто Ишбан! И вы тут?

— Алхамидуллило! [1] Куда ж вы без меня, домисто Ваче?

— Эй, народ! А кто у нас главный?

— Шеруд, говорят...

К штурму готовились все — дети стаскивали подручный материал, женщины и старики вязали лестницы и плели щиты из лозы. Пастухи готовили луки к бою, ткачи деловито мастерили копья, мореходы тащили с кораблей метательные палки-фустибалы, защищавшие от морских разбойников.

— Разворошил эмир осиное гнездо! — сверкнул зубами Турберн и поглядел в небо, сверяясь со звездными часами.— Пора!

Варяги шли быстрым походным шагом, по пустырю припустили бесшумным бегом. Оставив в стороне припортовую мечеть, сложенную из окатанных морем камней, выдвинулись к громадной восьмиугольной башне, стерегущей вход в гавань с правой, южной стороны. Площадка перед башней напоминала плац — ровный, утоптанный и пыльный. Поодаль горело три костра, несколько унылых фигур с копьями стояли у огня. Доносился негромкий говор.

— Ивор,— негромко распорядился Турберн,— бери Свена и займись этими.

— Сделаем.

— Алк, Стегги — к кораблям.

— Пошли мы...

— Олег — за мной.

Олег пополз за Железнобоким. Показались крутые ступеньки, ведущие на стену. Олег оглянулся. В свете костра произошло неясное движение, и стоящий с копьем превратился в лежащего без копья. Сдавленный крик — и еще один улегся.

— Поднимаемся, и к башне.

Олег взобрался по сбитым ступеням на верх крепостной стены. Яркая луна висела над морем, прокладывая «дорожку к счастью». Ступенчатые зубцы бросали чересполосицу теней на выщербленные плиты.

Пригибаясь, Сухов заскользил к башне. Там, где стена примыкала к восьмигранному боку, чернела сводчатая дверь — проем в толстой кладке.

— Осторожно,— сказал Олег,— тут ступени.

Шаря ногой в темноте, он спустился по винтовой лестнице на два «оборота» и попал в луч света, льющегося из узкой бойницы. Бледное

---

[1] *Алхамидуллило*! — Слава Создателю!

сияние выхватило из мрака смутные формы больших зубчатых колес. Тусклый блик дрожал на огромном звене цепи, опутавшей барабан в полтора человеческих роста.

— Факел дать? — спросил сверху Свен.— Ивор зажег уже...

— Не надо,— ответил Олег, нащупав рукоятку.— Сигнал подали?

— Ага! Ивор факелом покрутил, с моря огнем помахали... Близко наши!

— Стражи много было?

— Было! — хихикнул Свен.— И не стало!

— Олег! — окликнул Сухова Турберн.— Разобрался?

— Да вроде...

— Опускай цепь!

— Щас...

Полутролль поднатужился, готовясь приложить большое усилие, но рукоятка пошла легко. Защелкал храповик, сдвинулись с места шестерни, заскрипели валы, и вот провернулся барабан, загремела великанская цепь, опускаясь на дно.

— Все! До упора.

— Порядок! Пошли наших встречать.

«Разведчики-диверсанты» выбрались из башни и спустились к гавани. По-прежнему горел костер, но грелись у него одни лишь мертвецы. Олег странно почувствовал себя. Эта теплая южная ночь, величественные стены древней крепости, томительное ожидание, угрожающий ропот вдали... Так непохоже на обычную тактику штурма и натиска! Из задумчивости его вывел голос Железнобокого:

— Эй, Полутролль! Глянь-ка, вроде на тебя кольчужка...

Сухов приблизился к Турберну. Пожилой воин снял халат с убитого стража-гуляма. Халат был напялен поверх кольчуги. Кряхтя, Железнобокий стянул броню с мертвяка.

— Ну-ка, примерь!

Без особого желания Сухов сунул голову в тяжелый ком скрипучих стальных колечек, продел руки в рукава. Кольчуга увесисто легла на плечи, опадая до середины бедра.

— Длинная,— удовлетворенно заметил Железнобокий.— На-ка вот...

Он протянул Олегу ком поменьше размером — это был кольчужный капюшон.

— Во! Может, и шлем подойдет?

Сухов попробовал нахлобучить на голову круглый шлем с острым навершием — копия русского шишака образца века тринадцатого,— но, увы, шлем не налезал.

— Не мой размерчик,— вздохнул Олег.

Турберн коротко хохотнул.

— Ничего,— сказал он,— скоро будет что примерять!

— Это точно...

Опоясавшись мечом, Сухов почувствовал себя куда бодрее. Кольчуга — это вещь!

— Наши! — прошипел Свен.

Между двух башен в гавань Дербента входила русская лодья. Лунный свет выбелил оскаленные клыки на драконьей голове, блеснул по вывешенным щитам, а после заиграл каплями, сыпавшимися с мокрых весел.

— «Пардус»! — опознал лодью Ивор.

— А вот и «Вейла»,— добавил Свен.— И «Сокол» наш!

Одна за другой вошли все шестнадцать лодий, заскрипели килями по гальке, притерлись бортами к причалам.

Турберн издал глухой переливчатый свист, и варяги, во множестве полезшие через борта, поперли на звук.

— Ты, Железнобокий? — донеслось из темноты.

— А то кто же... — было ответом.

Коротко посвятив форингов в ситуацию, Турберн повел варягов за собой.

— Сотни Асмуда, Каницара и Актеву охраняют лодьи. Приказ князя Инегельда!

Поворчав, названные отделились, рассыпались по берегу, а основная масса, почти полторы тысячи бойцов, пошагала через пустырь к Северной улице.

В темноте Олег не нашел экипаж «своей» лодьи и пристроился ближе к авангарду, топая рядом с Ивором и Малюткой Свеном.

— Гуляем, братцы! — донеслось из рядов.

— Прогуливаемся,— подхватил другой голос.

— Свежим воздухом дышим.

— Га-га-га!

Каменная стена справа тускло отсвечивала в лунном сверкании, а в домишках, теснившихся слева, огни не горели. То ли спали жители, то ли притаились, гадая, что будет. «А что будет? — мелькнуло у Олега.— Что везде было, то и здесь будет — кровь пустим Дарбанду и свое возьмем. А если город отбрыкиваться станет и оказывать сопротивление, большая кровь хлынет...»

Он прислушался — за топотом и шарканьем дружины узнавались иноязычные крики, лязг и ритмичное грохотанье.

— Не иначе, ворота высаживают,— догадался Ивор.

Варяги вывернули на широкую поперечную улицу, делившую Дербент на Нижний и Верхний город. Судя по всему, вся улица была запружена народом. Люди ревели нестройным хором, требуя выдать Ферузу, дочь Бусснара, угрожающе качали копьями и прочим убойным инструментом.

Два десятка дюжих молодцев били в ворота Верхнего города здоровенным брусом. Ворота скрипели и качались.

По всему верху поперечной стены горели костры, на огнистом фоне мелькали черные силуэты гулямов. Их толстый командир драл глотку, сильно тужась:

— Р-разойдись! А то я за себя не отвечаю! Разойдись!

В толпе народа оглушительно засвистели, и град камней обрушился на командира, сгоняя его под прикрытие каплевидных щитов охранников.

И вдруг ворота пошли раскрываться, пока не распахнулись настежь. Бунтовщики обомлели, а в проеме ворот показался князь Боевой Клык. На секунду зависло молчание, и Олег воспользовался подходящим моментом. Набрав воздуху в грудь, он проревел по-арабски:

— Мир хижинам! Война дворцам!

Толпа завыла, заколыхалась и ринулась в ворота — светлый князь едва успел спрятаться за створкой. Темной, неразличимой массой бунтовщики помчались по Средней улице, сминая растерянных гулямов, и грозным человеческим приливом докатились до стен цитадели-кухендиза.

Князь Инегельд вышел из ворот на свет костров и вскинул руку с мечом.

— Город наш! — протрубил он.

И варяги, скрытые ночной тьмой, заорали во все глотки, вторым цунами разливаясь по улице и переулкам, убивая и калеча редких защитников Дербента, потерявшихся от двойного набега, круша секирами резные двери, вламываясь в богатые усадьбы, громя все вокруг, вспарывая животы слугам и домашним, хватая самое ценное, пихая за пазуху ожерелья, браслеты, подвески...

Окна одного из домов внезапно осветились пляшущим оранжевым огнем, языки пламени вырвались из комнат, облизывая стены, забираясь под крышу. Темный переулок стал виден весь, от Средней до Северной улицы.

Олег пробежал мимо одного дома, где уже орудовали русы, спешно деля награбленное, миновал другой и ворвался во двор третьего —

со спины он узнал Ивора Пожирателя Смерти. Сухову навстречу выскочил верезжащий мужик, бритоголовый, в одной набедренной повязке, но с острым скимитаром в руке. Олег выхватил дареный караджур и нанес удар, не думая, «на автомате». Мужик заклекотал, давясь кровью, и покатился в пыль. Сухов выдохнул.

Переложив караджур в левую руку, он подхватил с земли скимитар. Оружие ему понравилось — арабский меч был почти прям, слегка изгибаясь и расширяясь к концу. Заточен скимитар был, как и караджур, только с одной стороны. Полированное лезвие блеснуло в огнистом свете, выделяя вязь букв, инкрустированную серебром,— что-то о неверном, коего даже алмазный щит не спасет. Увы, спас... А меч хорош... Булат! Пригодится в хозяйстве...

Расслышав крик Ивора, Олег бросился к дому и едва не столкнулся с гулямом, высоким и мощным мужиком в красном халате-чекмене, в медном сияющем шлеме с красными перьями. Гулям с размаху опустил меч. Сухов отпрянул. Отбив выпад дареным клинком, он ударил скимитаром — противник успел отскочить. Упала на землю рассеченная перевязь с ножнами. Гулям едва не запутался в ремне, но успел отпрыгнуть, выругавшись по-русски. По-русски?!

— Сюда все! — заорал гулям на чистом наречии северных озер, лесов и рек.

— Ты — рус?! — крикнул Олег.

Гулям изумленно отшатнулся, не опуская меч.

— Ну! — рявкнул он.— Я — Улеб, гулам эмира!

— Слуга?

— Гвардеец! Вы-то кто такие?

— Варяги мы! Я — Олег Полутролль, а князем у нас Инегельд Боевой Клык!

— Клык здесь?! Так чего ж ты молчал?

— Боялся, что ты мне язык срубишь нечаянно,— огрызнулся Сухов,— вместе с головой!

Гулям радостно захохотал. В это время резную дверь спиной вышиб Ивор. Пожиратель Смерти крутанулся, удерживая равновесие, и отступил на шаг, подпуская неприятеля к себе. Тот не замедлил явиться — огромный мрачный детина с рыжими усами, спадающими на грудь, и того же цвета косичками, выглядывающими из-под арабского шлема.

— Стой, Мутур! — крикнул гулям Улеб.— Это варяги Инегельда!

Детина изумленно вытаращился — сначала на Улеба, потом на Ивора — и мигом успокоился, подобрел.

— Предупреждать надо,— пробасил он.

Ивор недоуменно глянул на Олега.

— Это гуламы эмира,— объяснил тот,— они при здешнем правителе как варанги при базилевсе.

Улеб хмыкнул и демонстративно убрал меч.

— Ладно,— решил он,— мы вам мешать не будем. Наше дело — эмира охранять. Пошли, ребята!

— А чего б и вам не поучаствовать? — подкинул идею Сухов.

— Нельзя,— вздохнул Мутур,— мы клятву давали...

Улеб сумрачно кивнул.

— Ну, тогда, конечно,— развел руками Олег.

Гулямы поклонились и покинули двор. Ивор с Олегом переглянулись. Спросили друг друга глазами: продолжим? И согласно кивнули, достигнув трогательного консенсуса.

Сухов кинулся в дом и взлетел по лестнице вверх, попав в большую комнату, устланную дорогими ширазскими коврами. Со стен свисали шелковые сюзане, расшитые цветами персика и миндаля, на шестигранных столиках лежали серебряные подносы со сладостями. Спотыкаясь о раскиданные по ковру подушки, Олег покрутился по комнате и наткнулся на двух девушек, насмерть перепуганных,— обе разевали дивные ротики, но даже завизжать не сумели, настолько их сковал страх.

— Спокойствие, только спокойствие,— сказал им Полутролль, стараясь быть убедительным, и сделал жест рукою, намечая направление движения. Девушки бросились в указанную сторону и забились в угол.

Сухов покачал головою — крутизна крутизной, но и совесть тоже иметь надо. Девчонки совсем молоденькие, им лет по четырнадцать от силы. Так что прелюбодеяния оставим на потом...

Обнаружив занятный сундучок, Олег вскрыл его и весело присвистнул — вместилище было полно увесистых ожерелий. Богатая, но безвкусная золотая оправа удерживала витки бадахшанских рубинов и бирюзы из Нишапура, отборных розовых жемчужин и сапфиров с Цейлона.

— Живем! — весело сказал Олег, вешая всю эту роскошь себе на шею и вспоминая Тшудда. Мельком успокоив совесть — иначе нельзя-де, народ-де не поймет... — Сухов приблизился к девушкам. Те задрожали отчетливей, а он не смог отказать себе в удовольствии — правую прелестницу ущипнул за грудь, левую погладил по бархатистой щечке. Глаза обеих девушек расширились, губки задрожали, складываясь в подобия бледных улыбок. Олег подумал, снял с себя три или четыре ожерелья и повесил их на шею той девушке, что дро-

жала справа. Подцепил еще парочку ювелирных украшений, добавил к ним понизь крупного жемчуга и сделал «подарок» левой красотке.

— Делиться надо,— сказал Сухов назидательно, после чего изысканно попрощался и поспешил уйти.

Когда-то, в детстве золотом, он мечтал, чтобы все ленинградцы пропали на время, и можно было бы ходить повсюду, заглядывать в квартиры, магазины, лопать бесплатно мороженое и брать без спросу чужие вещи... А вот варяги обходились без волшебства — они исполняли его мечту, вырезая лишнее население, а те, что оставались, сами спешили пропасть. И русы врывались в чужие дома, брали без спросу все, что им нравилось, смеясь над лепетом в смысле «не укради» да «не убий». Ох и трудно же было вместить в себя варварскую мораль...

Спустившись во двор, Олег увидел Ивора, равнодушно вытиравшего меч о грязный халат убитого слуги. Куртка из выделанной оленьей кожи изрядно оттопыривалась.

Неподалеку Свен деловито потрошил большой деревянный ларь, оббитый крест-накрест полосками железа. Разбросав медные кумганы и кувшины, Малютка вытащил тяжелое золотое блюдо, испещренное чеканным узором, и украсился довольной улыбкой.

— Пойдемте отсюда,— сказал Ивор, оглядываясь,— а то Слуда прибегал, звал на площадь к крепости эмировой.

— Пошли,— согласно кивнул Сухов.

— Ага,— откликнулся Малютка Свен.

Выходя со двора, Олег обернулся и увидел две девичьи фигурки, прижавшиеся к оконной решетке на втором этаже. Он помахал им рукой, но девушки так и не вышли из неподвижности. Оцепенели. А Олег пожелал, чтобы тот мужик, которого он убил и лишил скимитара, не оказался отцом этой сладкой парочки.

— Как бы пожара не случилось,— обеспокоился Пожиратель Смерти, принюхиваясь к запаху гари, разнесшемуся по улице,— а то сгорит все прежде времени...

— И не говори,— поддержал друга Свен.— Взять ничего не успеем!

Олег промолчал.

Быстрым шагом они миновали магалы — кварталы Верхнего города, проходя мимо разграбленных дворов, переступая трупы, шугая местных мародеров, вороньем слетавшихся к месту пиршества волков.

— А народу... — проговорил Ивор.

У мощных стен цитадели скопилось несколько тысяч бунтующих жителей, исходивших гневом, яростью и опасной эманацией вседозволенности. Высоко за зубцами реяли обмотанные шлемы гулямов,

изредка мелькала пышная чалма эмира, усеянная каменьями. Вот один из воинов Аллаха просунулся меж зубцов и грянул:

— Чего хочет народ Баб ал-Абваба?

Толпа взревела и стихла. Вперед протолкался нескладный Шеруд и прокричал:

— Пускай эмир вернет похищенную Феруз! Она дочь Бусснара и моя невеста!

— Феруз сама ушла к эмиру! — заорал в ответ гулям.

Толпа взревела хором ночных демонов, и тогда князь Инегельд дал сигнал трубачам. Их мускулистые руки поднесли к губам трубы-рога и исторгли дружный рев. Все стихло.

Изумленные бунтовщики стали оборачиваться и обнаруживали у себя в тылу целое войско. Эмир тоже растерялся, зато Боевой Клык просто наслаждался произведенным эффектом и выглядел в свете факелов как голодный кот перед миской, полной сметаны.

— Олег,— мурлыкнул он,— ну-ка, переведи этому эмиру долбаному, что за хорошую плату мы не только город не пожжем, но и бунтовщиков усмирим. Давай!

Сухов решил малость отредактировать текст. Он вышел на пустое пространство между толпой бунтовщиков и стройными рядами варягов и обратился к эмиру:

— О, Абу ал-Малик Первый! К тебе обращается эмир русов и предлагает следующее! Если ты желаешь и впредь править этим городом, то пожалей его — заплати нам, и наши факелы не сожгут дома и мечети! Больше того. Будь щедр, и мы разгоним восставших, но прежде верни Шеруду его невесту!

Олег смолк. Народ безмолвствовал. Потом в толпе поднялся ропот, он усиливался, переходя в рев. Князь Инегельд прикинул, что к чему, и отдал неслышный приказ.

Варяги построились «стеной» — сплотились мощным рядом панцирей и щитов, лязгнули мечами и сделали шаг. Толпа сбилась в кучу, рев, наполовину оскорбленный, наполовину одобрительный, угас.

И тогда яркие факелы высветили фигуру эмира. Абу ал-Малик в золототканом халате и серебристой чалме возник перед народом, с трудом уместившись между двумя зубцами, и сказал зычным голосом:

— О, руси, друзья правоверных! Мы вознаградим вас за милосердие и помощь, и пусть в город вернется порядок и покой!

Эмир сделал эффектный жест и скрылся.

— Чего он там сболтнул? — нетерпеливо спросил Инегельд.

— Эмир согласился,— ответил Сухов.

— А куда ему деваться? — хмыкнул ярл Рогволт Глубокозадумчивый.

Минуту спустя отворились ворота цитадели, и две плотные шеренги гулямов выстроились по обе стороны от входа. Сначала в темноте проема ничего не было видно, потом за воротами забелело платье, и вот на площадь выбежала хрупкая девушка. Испуганно заметавшись, она рванулась в сторону, но ее догнал отчаянный крик:

— Фируза! Я здесь!

— Шеруд! — взвился тоненький вопль.

Положив ладонь на рукоятку меча, Олег ближе подошел к толпе бунтовщиков и дал не очень громкий совет:

— Расходитесь по-хорошему, и вас никто не тронет. Мы не грабим хижины.

В этот момент протрубили трубы, и целая процессия вышла из ворот цитадели. Придворные в халатах, шитых золотом и мелкими жемчугами, с лицами, бледными даже в свете факелов, волокли на себе вороха дорогих тканей, тащили увесистые мешочки с динарами. Один из слуг эмира, облаченный в синий суконный халат с двумя красными лентами на груди, спотыкаясь от страха и усердия, приблизился к светлому князю и в поклоне протянул ему расшитую подушку, на которой лежал меч в ножнах. И рукоятка меча, и сами ножны были просто усыпаны изумрудами, рубинами, топазами. Боевой Клык с ребяческой улыбкой принял подарок и небрежно кивнул придворному.

— Эмир русов благодарит Абу ал-Малика за ценное подношение,— сказал Олег надменно,— и обещает отдариться — он сохранит городу мир и благополучие.

Слуга эмира прогнулся еще ниже и поспешно ушел. Ворота цитадели плавно закрылись.

— Ну ладно,— молвил Боевой Клык,— пошли к лодьям. По дороге загоним простолюдинов...

Варяги развернулись и неспешно потопали к гавани, тыкая мечами в отстающих бунтовщиков. Толпа к тому времени здорово поредела. Восставшие дербентцы, бывало, огрызались, но у варягов разговор был краток — тычком в зубы, хуком слева, хуком справа...

Добредя до моря, Олег почувствовал опустошенность — нервный напряг давал себя знать. Пончик, молча улыбаясь, хлопнул его по плечу. Сухов вяло ответил.

— Все на борт! — весело заорал Боевой Клык.— Весла на воду!

Варяги, оживленно переговариваясь и похохатывая — редко у них бывали такие спокойные набеги! — расселись по скамьям, ухватились за рукоятки весел.

— Я ж говорил,— проорал Стегги Метатель Колец,— сходим на прогулку!

— Сходили! — загоготал Малютка Свен, и все его поддержали.

Так варяги и отплыли — сотрясая древние стены Дербента мощным гоготаньем. На востоке уже теплилась заря. Лодьи распустили полосатые паруса и взяли курс на юг.

Глава 4,

ИЗ КОТОРОЙ ДОНОСЯТСЯ ШИПЕНИЕ ВЕЧНЫХ ОГНЕЙ, ПОБЕДНЫЕ КЛИЧИ И ВОПЛИ ПРЕДАТЕЛЯ

Каспийские просторы радовали покоем. Хазри задувал, колыша изумрудные валы с белой оторочкой пены, и наполнял паруса.

Лодья была тесна для сотни крепких парней — приткнуться негде, но Олег нашел себе местечко — устроился у борта в самом носу, на мягкой скатке запасного паруса.

Он сидел, разнеженно жмурясь, и тупо отдыхал, как кот, наловивший мышей.

Пончик сидел рядом на корточках — отдыхал от трудов праведных. Все утро он накладывал швы раненым, менял им повязки, поил маковым настоем.

Олег зевнул и спросил:

— О чем задумался, детина?

Шурик улыбнулся стеснительно и сказал:

— Ты не поверишь — о происхождении русского народа.

— Во! — удивился Сухов.— И что ж тебя подвигло на подобные размышления?

— Бытие,— ухмыльнулся Пончик и кивнул на палубу лодьи, где сидели и лежали варяги. Князю выделили место на корме, на сложенном вчетверо ковре, и Клык спал, задрав кверху бороду и издавая громовой храп.

— Я тут кое с кем познакомился, пока первую помощь оказывал,— продолжал Шурик.— Вон, гляди, тот, что у мачты, «лицо кавказской национальности». Его зовут Тагаур, сын Ира, он из асов. Был узденем, то бишь воеводой у касожского князя Алэджа. А вон, рядом с

ним, тоже черный, с тремя косичками. Это Геза, сын Тотоша, мадьяр. А там, рядом с кормщиком, видишь?

— Который щит чинит? — уточнил Олег.

— Он самый. Это Шад, сын Имака, куман, иначе — половец.

— А чего он блондинистый такой? — удивился Сухов.

— Так потому и половец! От слова «половый», соломенный то есть.

— Понятно... И когда ты только успел их всех упомнить?

— Ну, так... — хмыкнул Пончик польщенно и продолжил с еще большим энтузиазмом: — А вон Пуреш, сын Чекленера, он был азором, выборным вождем в племени арису... Наверное, это летописная эрьзя. А то — Исавар, сын Баттхара, алан из Магаса, служил у нас, в Тмуторокане, теперь он у Клыка в дружине. Представляешь? И все они — варяги!

— Открытие сделал,— фыркнул Олег.— Ты б меня лучше спросил, я бы тебе то же самое сказал... Знаешь, что такое «варяги»? Это — «морские люди».

— То есть пираты... — заметил Пончик с ехидцей.

— Типа того,— легко согласился Сухов.— Они... то есть мы, вроде рыцарского ордена. Или какого-нибудь Берегового братства. Принимаем всех, годных к строевой службе... Только вот комиссию пройти не проще, чем в отряде космонавтов. И учебка еще... Не, тут параллели не срабатывают. Сам посуди — писаных уставов нет. Присягу мы князю-конунгу даем, но почему его слушаем? Не потому, что он чином повыше, а потому, что князь — первый среди лучших, ему-де сами боги помогают.

А знаешь, что самое поразительное? У князей очень маленькие дружины. Пятьсот человек — это уже очень много, а тысяча — так вообще. Но эти мелкие гриди города берут с наскоку, королей гнут!

— Ничего... — протянул Пончик с грустной улыбкой.— Скоро тут все повступают в новые производственные отношения, установят феодализм с человечьей мордой, всякое княжье во вкус войдет, станет командиров за взятки назначать. И придет вашему братству кирдык...

Олег хмыкнул и сказал лениво:

— На мой век хватит...

Он полюбовался добытым скимитаром и принялся любовно чистить блестящий металл. Неожиданно его вниманием завладел самый незаметный член экипажа — толмач Саид. Тот впал в беспокойство, засуетился, поглядывая на солнце, и вытащил драный молитвенный коврик. Постелил, стал на колени и принялся поклоны отбивать в сторону Мекки.

Вот вам пример эволюции веры, подумал Олег. Иудеи, христиане и мусульмане верят в одного и того же бога, только с разных позиций.

Можно ли говорить, что христианство устанавливает единобожие? Говорить можно, а на деле целый пантеон — Бог Отец, Бог Сын, Дух святой. Богородица. И Сатана — чем не бог зла? Плюс двенадцать апостолов, плюс легион святых и угодников. Святой Илья на небесной колеснице разъезжает, изображая громовержца, Святой Петр, по слухам, вахтером при райских вратах состоит... Прав был Фома — верую, ибо абсурдно. А вот Мухаммад избавил новую веру от парадоксов. У него все четко — нет бога, кроме Аллаха, и он — пророк его. И точка. Иисуса-Иссу он уважает, но лишь в пророки записывает.

Может, и ему, Полутроллю, обрезание сделать? И кланяться Аллаху по пять раз на дню?

Олег усмехнулся. Иногда ему видятся прохладные и гулкие нефы храма Божьего, с россыпью свечей, с пением псалмов за кадром — то ли в кино такое видел, то ли из детства воспоминание, когда с бабушкой Феней в церковь на Пасху хаживал. И это находит некий отклик, будит что-то в душе. А вот мечеть для него чужда.

Восточной экзотикой отдают гортанные призывы муэдзина, возносимые с минаретов, и почему-то сплетаются в сознании с просветленной улыбкой Будды. Хорошо, что стремящиеся к нирване исповедуют непричинение смерти живому, но и этот путь не для Олега. Не испытывать желаний, дабы не страдать? Спасибо. Куда лучше удовлетворять желания по максимуму, тогда и страдания сведутся к минимуму...

После полудня на юге прорезалась темная полоска земли — показался Апшерон. Варяги оживились, хотя до цели было еще далеко.

— Нафта,— довольно проговорил князь Инегельд.— Страна Огней!

Лодьи повернули к юго-востоку, пробрались меж островками, обогнули вытянутый к югу длинный мыс и взяли курс на запад.

— Земли здесь никудышные,— бубнил Саид,— зато озера соленые и сотни колодцев с земляным маслом — тут ее нафтой прозывают. Целые озера нафты! Все на этом живут — солью торгуют и черным соком земли...

— Да на кой он нужен, тот сок,— пренебрежительно проговорил Клык.

— Ой, не скажите, нафта — известное лекарство, а еще она хорошо горит.

— Вот это другое дело. Надо будет запастись этим самым маслом земляным, набрать его в горшки и фитили присобачить. Арабы так делают. А что? Хлопнешь вражине о палубу пару горшочков, и все, сгорел корабль, к такой-то матери!

Ближе к вечеру открылась синяя бухта, вытянутая подковой. К ней сбегало нагорье — всхолмленная серо-желтая земля с клочковатыми кустиками тамариска. Крепость Баку не была видна — видеть ее мешали несколько островков.

— Правь на острова! — скомандовал Боевой Клык.Светлый князь стоял на носу, жадно вбирая в себя воздух, ощутимо пахнущий нефтью.— Закрепимся рядышком!

Лодьи направили свой бег к плоскому острову. Низкий песчаный берег, тут и там в пятнах бурых кустиков верблюжьей колючки, возвышался лишь в одном месте, где за зубчатой стеной прятался храм огнепоклонников. Но самое замечательное зрелище открывалось на скалах, из которых били малиновые фонтаны неугасимого огня — газ, сочащийся из пропитанных нефтью недр, сгорал тут веками и никак не мог погаснуть.

«Флагманская» лодья обошла остров справа, и глазам варягов открылась странная картина — десятки кораблей были причалены к берегу, а у ворот храма шла настоящая драка — добрая сотня мусульман теснила жалкую кучку истощенных зороастрийцев. Толпа размахивала палками, лопатами и ломами. Ветер донес вопли:

— Бей нечестивцев!

— Инша-а-ала!

— Все во власти Аллаха!

— Велик Аллах! Омин!

Когда в поле зрения погромщиков показались русские лодьи, крики подутихли. Толпа сперва оцепенела, узнавая полосатые паруса, а после очень резво кинулась к своим плавсредствам и дружно отчалила. Неповоротливые купеческие корабли едва двигались, подгоняемые ветром и силою гребцов.

— Во несутся! — воскликнул молодой боец Фудри Московский, выходец из маленькой крепостцы, затерянной в дебрях между озером Серегер и рекою Итиль. Варяги не шибко тиранили добра молодца, но и спуска ему не давали. Однако на этот раз замечание «солобона» было встречено хохотом — уж больно потешно гляделись арабы, неумело загребавшие воду залива.

Шестнадцать лодий, одна за другой, причалили к берегу с подветренной стороны, и их экипажи сошли на землю, плюхая по мелкой воде.

Огнепоклонники попрятались по кельям, а их главный жрец-эрбад залез в комнатку-баланхону, помещавшуюся над входным порталом. Русы повытаскивали всех и привели к князю.

Олег только головой покачал — зороастрийцы так увлеклись умерщвлением плоти, что представляли собой душераздирающее зрелище. Немытые волосы, белые от пыли, торчали во все стороны. Худые тела изгибались под весом двухпудовых цепей, а на спинах серели обширные участки омертвелой кожи — фанатики подолгу лежали на негашеной извести.

— Большие приветы,— прогундосил эрбад на корявом русском,— от нас до вас большие радости-встречи...

— Не ври,— добродушно сказал Инегельд и огляделся.

Храм окружала зубчатая стена, пятиугольная в плане, а посередине стояла квадратная ротонда, в которой пылал «худи-суз» — «сам по себе горящий» газ, вырывавшийся из трещин в известняковой плите.

— Неплохо вы тут устроились,— оценил князь обстановку.— Короче. Придется вам потесниться — мы тут лагерем станем. Понятно?

— Ахурамазда будет недоволен... — проскрипел эрбад, и огнепоклонники дружно закивали нечесаными головами.

— Не будет! — отрезал князь.— Эти, из крепости, пришли сюда разгромить храм. Так? Так.

При этих словах жрец затрясся от злости и прошипел в сторону Баку:

— Пусть у них потухнут очаги!

Огнепоклонники содрогнулись — подобное пожелание было страшным проклятием и самой черной бранью. Легче смерти пожелать.

— Пусть,— согласился Клык.— И мы их накажем, богохульников. Понял, старик? Они — ваши враги, а мы враги им. Значит, мы для вас кто? Правильно, друзья! А друзьям надо что? По-мо-гать! Вот ты и подскажи нам, как пробраться в крепость незаметно.

Ярлы и княжич Халег согласно закивали.

— Вокруг крепости есть слободы,— сказал ярл Олав Лесоруб,— но оттуда все уже, наверное, сбежали и спрятались за стенами. Вместе со всем своим добром!

— Можно, конечно, пойти на приступ,— рассудил ярл Рогволт Глубокозадумчивый,— но сколько мы положим наших?

— А главное, зачем? — энергично поддержал его ярл Вуефаст Дорога.— Мы отправились грабить Ширван, а не этот Нефтяной берег. Нас ждет Шемаха — там горы шелка! Что нам этот Баку?

— Верно! — подвел черту князь Инегельд Боевой Клык и вновь обернулся к главному жрецу: — Выкладывай, старик, выкладывай все, что знаешь.

Эрбад задумчиво пожевал губами и вымолвил:

— Есть одна проход... На южная стена иметься такой труба, он спускает воду в ров... Идти надо ночью.

— Покажешь! — сказал Клык и так хлопнул жреца по тощему плечу, что тот аж присел.— «Чертова дюжина»! — заорал он.— Готовься!

— Всегда готовы! — осклабился Олег.

— Шатры ставь!

Пока молодежь устанавливала шатры, Сухов прогулялся по храму. «Вот тебе, богоискатель, еще одна вера,— подумал он.— Есть Ахурамазда, бог добра, и есть Ариман, бог зла. Ахурамазда вечно мутузит Аримана, тот дает сдачи. Понятная такая система...

— Ом-м! — послышался внезапно негромкий голос, тянущий глубокую согласную.— Ом-м-м!

Рука Олега непроизвольно дернулась к мечу, но он вовремя разглядел в тени одинокой кельи этакого седобородого патриарха в длинной тунике и варварской безрукавке из меха. Патриарх сидел на расстеленной шкуре снежного барса: пятки поверх колен, ладони дошечками, одна над другой, веки полуопущены. Буддист, что ли?

Заинтересовавшись, Сухов подошел ближе. Патриарх открыл глаза, и Полутролль поклонился старцу, сложив перед собой ладони по восточному обычаю.

— Я не следую путями Колесниц,— сказал тот на плохом арабском, намечая улыбку.

— Колесниц?

— Будда указал два пути — узкий путь Малой Колесницы для избранных и широкий путь Большой Колесницы для всех. По этим путям идут многие, спасаясь от иллюзии и раздвоенности сансары, но я не следую им.

— Тогда какому богу ты молился?

— Единому,— кротко улыбнулся патриарх.— Любая вера хороша. Все боги ведут к Единому: Шива и Брахма, Ахурамазда и Христос. Имена богов исполнены активной мощи. Властелин Шива и властелин Зевес — лишь разные проявления Единого, все боги восходят к нему. Из него, вечного, проистекает все, что движется и что неподвижно, все небесные тела, пространство и время. Единый — это безличностное начало, Абсолютная Истина и Великая Пустота... Только я не молился. Не внимает Единый человеческим молитвам — люди слишком ничтожны для него. Как мы равнодушно взираем на суетливых муравьев, так и нас самих воспринимает Великая Пустота. Наши души, как искорки костра жизни, гаснут в ее бесконечности, возносимые ветром смерти...

— Тогда что это было? Медитация?

— Я пытался увидеть истину и постичь себя,— ответил старец и прочитал нараспев: — «Пространство внутри сердца такое же огромное, как Вселенная. Именно в сердце заключены все миры, небо и земля, огонь и ветер, солнце, звезды, луна и молния». Так говорят Упанишады...

— Но если ты не молишься, а постигаешь истину, зачем обязательно обращаться к Единому?

— Знание торит дорогу спасения. Через знание приходит свобода от великой цепи кармы.

— Ах, кармы...

Патриарх кивнул, жмурясь от луча, проникшего в келью, но головы не отворачивая.

— Страшен закон кармы,— проговорил он,— даже боги подчиняются ему. Карма — это рабское странствие человека по круговороту смертей и рождений. Мы бредем по кругу сансары всю жизнь, рождаясь в муках и умирая в страданиях. Но только во временном теле человека дух способен освободиться от кармических уз. Это означает конец рождений и слияние с Абсолютом... Лишь тот, кто каждым поступком и помыслом приносит жертву Великой Пустоте, преодолев карму, избегнет плена материального мира...

— Ну-у... — протянул Олег.— Не уверен я, что этого плена так уж стоит избегать...

Патриарх тонко улыбнулся, смолчав.

— Ну ладно,— сказал Сухов.— Допустим, я хочу разорвать это ваше кольцо сансары и слиться с Абсолютом. Что мне, в святые податься?

— Преодоление кармы не требует святости. Да и что есть святость? Не совершение грехов? Этого мало... Ищущему спасения следует отказаться от заблуждений.

— Например?

— Например, не воспринимать себя обязательно принадлежащим к определенной семье или роду. Духовная сущность человека никак не определяется качествами его временного тела или отношениями этого тела с другими. Трудное искусство Акармы заключено в умении действовать, не вызывая своими поступками никаких последствий.

— По-твоему, это возможно? — усомнился Олег.

— Это самодовлеющая истина. Постичь ее способен лишь тот, кто освободился от всех материальных желаний, равно как от привязанностей и скорбей. Я пока несовершенен и недостоин и только-только осознал вечную связь с Высшей душой, источник которой — Великая

Пустота. Но я продолжаю путь и надеюсь, что скоро увижу божество в своем сердце...

— Удачи! — пожелал Сухов.

«Не-е... — вздохнул он.— Не слиться мне с Абсолютом!» Куда ему от иллюзии мира? От заблуждений любви и дружбы?..

Часа в два ночи, когда небо на востоке еще даже сереть не начало, любимая лодья князя Инегельда, окрещенная «Соколом», отплыла в сторону матерого берега. Корабль шел без мачты, поэтому заметить лодейный силуэт на фоне темного моря было практически невозможно, а гребцы опускали весла плавно, без всплеска. И надо ли говорить, что на борту стояла полная тишина? «Сокол» подкрадывался сторожко, как хищник к добыче.

Вечером ярлы договорились, что на захват, кроме «чертовой дюжины» Клыка, пойдут еще по двое от каждой лодьи — всего сорок пять человек. А потом, когда этим сорока пяти удастся открыть ворота крепости, вовнутрь ворвется команда «Сокола». Она завяжет бой, а тут и остальные-прочие подоспеют, и Баку придет хана.

Олег, как и товарищи его по «чертовой дюжине», не сидел за веслом, берег силы для подвига.

Бакинцы будут настороже — это уже заметно. Вон, по всей стене коптят огни. Защитники крепости жгут нефть в огромных плошках-светильнях. Дрожащее оранжевое зарево светит недалеко, но вода во рву — почти вся на виду.

— Водичка там морская,— тихо давал вводную Турберн,— вливается по копанке с моря. Ров вырыт кругом, только вода в нем не везде, только со стороны берега и еще маленько с полуночного боку, где у них ворота. Дальше она не поднимается... В общем, так. Добираться будем вплавь. С моря — в копанку, из копанки — в ров, изо рва — в трубу. Жрец говорит, решетка там гнилая, выломать можно, только она вся под водой, а выныривать нам нельзя — арабы заметят. Только под самой стеной, где не видно. Поняли?

Бойцы серьезно кивнули, не заметные в ночи.

— Пора... — послышался голос князя.

Олег снял сапоги, проверил ножны с кинжалом — ни мечей, ни кольчуг не брали с собой — с грузилами не выплывешь.

— И чтобы без шума! — строго сказал Железнобокий, переваливаясь через борт.

Олег нырнул пятым, после Ивора, и поплыл к берегу, ориентируясь на свет со стен Баку. Канал, проведенный от моря к крепостному рву, он заметил по огненным бликам.

Рядом с Олегом вынырнул Пожиратель Смерти и рассмеялся тихонько.

— Дураки эти гуламы,— выговорил он.— Развели огонь, пялятся на пламя... Как после этого увидеть хоть что-то в ночи?

— Нам же лучше! — усмехнулся Сухов.— Поплыли?

— Поплыли!

Вода в канале была мутная, песок, поднятый забегающей волной, не оседал, плавал, покалывая кожу.

Во рву было поспокойнее, и Олег открыл глаза, различив над собой слабые отражения огней. Сориентировавшись, он подплыл к самой стене и осторожно вынырнул в «мертвой зоне». Турберн уже был здесь — морщился недовольно и обтирал рукою пышные усы, обвисшие двумя хвостиками.

— За мной! — прошептал Железнобокий и нырнул.

Олег последовал за ним, поплыл вдоль стены, ощупывая руками каменную кладку, пока не натолкнулся на плечо человека. Плечо шевельнулось и напряглось. Гулкий удар разнесся под водою, такой громкий, что Олег даже испугался. Выпустив бульки, он передвинулся и нащупал пальцами бронзовую решетку. Решетка шаталась, как гнилой зуб. Сухов вцепился в нее, упираясь ногами в камни, поднатужился... Рядом пристроился Малютка Свен. Напряглись мускулы, и решетка подалась. С громким скрипом разогнулись шипы, и Олега отбросило вместе с бронзовым изделием. Он выпустил решетку из рук и поспешно вынырнул, прислоняясь к стене. Вдохнул, провентилировал легкие как следует. А под водой уже было не протолкнуться — десяток за десятком проскальзывали варяги в узкую трубу слива.

Олег проник в круглый, выложенный кирпичами лаз в числе последних. Он проплывал шаг за шагом, брезгливо касаясь стенок, и старался не думать о том, какую именно дрянь сюда сливали.

Неясный шум его насторожил, а когда он вынырнул, то оказался в глубокой нише. В нишу не проникал свет десятков факелов, а зря. Снаружи шел бой — варягов, вооруженных одними ножами, встретили гулямы в полном боевом, со щитами, с мечами и топорами. С яростными криками они набрасывались на русов, русы гибли, но прихватывали с собой одного-двух гулямов каждый.

Малютка Свен, мокрый и злобный, трубно ревел, вертя отобранной секирой, и наносил такие удары, что никакое светило медицины уже не могло бы помочь его жертвам.

— Олег! — заорал Турберн, отбиваясь от наседающего араба.— Уходи! Все уходим! Нас тут ждали!

Засвистели стрелы. На глазах у Олега три «змеи битвы» пронзили грудь Карла Убийцы, одного из «чертовой дюжины». Карл захрипел и тут же заработал стрелу в глаз.

— Свен! Бросай секиру! Уходим!

— Щас я! Н-на, зараза!

Могучий удар вогнал секиру в грудь гуляма по самый обух. Вперед скользнул Ивор. Выхватив у падающего мертвяка меч, он заработал им с таким неистовством, что гулямы испуганно отступили. Один из них, схватился за горло, роняя оружие, и его руки, белые в полутьме, зачернели кровью. Тут же закачался другой, со смертным стоном выгнулся третий...

— Уходите! — крикнул Пожиратель Смерти.— Я прикрою!

Русы, огрызаясь, отступили, по одному скрываясь в трубе водостока. Нырнул и Олег. Грязная вода во рву, видимая из спускной трубы, светилась оранжевым — арабы лили горящую нефть на воду. Не вынырнешь!

Взглядывая на огонь, мятущийся у него над головой, Сухов мощно погреб к каналу. Слава арабам — растекшаяся горючка высветила темный провал — вход в канал. Олег устремился туда и вынырнул за порцией воздуха. В тот же миг вода коротко взбурлила от ударов стрел. Сухов поспешно скрылся в глубине, ощущая касание древка, прорвавшего рубаху. «Ничего,— думал он разрывчато,— ткань — не кожа... Ну, я вам еще устрою!»

Вынырнув уже в море, он распознал неподалеку мокрую фигуру Турберна, орущего в сторону моря.

Пока приближался «Сокол», рядом с Олегом выныривали остальные. С радостью он увидел живых и здоровых Ивора и Свена.

— Живем? — осклабился Сухов.

— Еще как! — разулыбался Малютка.

Если бы арабы оказались посмелее, они бы смогли покончить с диверсантами, но никто из гулямов не решился покинуть крепость — слава русских воинов по всем берегам Каспия была велика.

Мокрые варяги полезли в подвалившийся «Сокол», и светлый князь замысловато выругался — в атаку отправились сорок пять воинов, а вернулся тридцать один...

Унылые и злые, варяги собрались во дворе зороастрийского храма. На востоке горизонт едва посветлел, пепельной полоской отделив черное небо от темной земли, воины стояли в потемках, негромко переговариваясь. По ним перебегали малиновые отсветы вечного огня, то высвечивая хмурые лица, то бросая на них тень.

Те, кто вымок, толпились в ротонде, греясь у неугасимой горелки, поворачиваясь, чтобы одежка сохла быстрей.

Олег стоял тут же, протягивая руки к огню. От мокрой рубахи валил пар, оставляя соляные разводы, ткань дубела, но это пустяки. Вон, огнепоклонники вообще в чем попало гуляют. А некоторым уже все равно...

— Я бы щас по слободкам ихним прошелся,— со злостью вымолвил ярл Рогволт,— все бы спалил, на хрен!

— А толку? — угрюмо сказал ярл Олав.— Крепость не спалишь...

— Но можно попробовать,— вырвалось у Олега.

Все посмотрели на него. Сухов не смутился — выпрямился и задрал подбородок.

— Ты это о чем? — прямо спросил Клык.

— Если в слободах найдутся бревна или брусья... какие-нибудь балки потолочные, то можно попробовать построить катапульту.

— Чего-чего построить? — не уразумел Малютка Свен.

— Котопульту,— подсказал ему Ивор.

— Котов пулять? — изумился Свен.

Мрачные выражения лиц сменились обычными, в задних рядах засмеялись.

— Катапульта — это такое метательное орудие,— назидательно объяснил Боевой Клык,— если столкнетесь с ромеями, узнаете. Она вот такие каменюки,— князь развел руки, показывая размер снарядов,— мечет за тыщу шагов!

— Серьезная штука,— заценил Свен.— А нам она зачем? А-а... Понял! Каменюки по крепости метать?!

— Не камни,— терпеливо втолковывал Олег,— а горшки с нефтью! Если такой горшочек запалить да метнуть, мы всю крепость сожжем, на хрен!

Ярл Олав крякнул в доволе.

— Это выход! — сказал он.— И ты знаешь, как их делать, эти кото... ката... Ну, ты меня понял?

— Соображу,— ответил Олег,— если найду все, что нужно. Надо Саида порасспросить... А где он, кстати?

Варяги заоглядывались, и тут Пончик сказал громким голосом:

— Саида давно уже нет на острове! Я сам хотел его найти, чтобы он перевел мне надписи на ротонде, и нигде не нашел...

— Не там искал,— выцедил Олег.— Саид наверняка в крепости — вот кто нас арабам сдал!

Варяги яростно взревели.

— Найду, подлюку,— пообещал Клык задушенным голосом,— лично врежу ему «красного орла»! Собираемся! Поищем по слободе, что Олегу нужно. Если не возьмем с бакинцев золотом, так хоть спалим этот подлый городишко!

Слобода к северу от Бакинской крепости была застроена глинобитными мазанками, с плоскими крышами и кривыми дувалами, через которые перевешивались ветви тутовых и инжировых деревьев, акаций и каштанов. Но попадались и дома побогаче, иные в два этажа вытягивались.

В один такой, стоявший на возвышенности — шагах в двухстах от стен крепости,— и ввалились полсотни варягов.

Олег прошелся по-хозяйски, оглядел потолок мехмонханы — гостевой комнаты.

— Семь балок! — сказал он удоволенно.— Ломай, ребята!

Ребятам только скажи... Мигом разобрав крышу, русы выдрали балки и спустили их во двор. Затем бригада «ломастеров» отправилась дальше, и к разгару утра у Олега было полно пиломатериалу. Нашлись и костыли, и кожаные ремни.

— А ты точно знаешь, как ее строить? — недоверчиво спросил Пончик.

— Да я этого добра столько в Интернете перевидел,— отмахнулся Сухов.— И баллист, и онагров... Сообразим! Зря я, что ли, вуз заканчивал?

Среди варягов хватало опытных корабельщиков, умелых в обращении с деревом. Они живо собрали опорный каркас катапульты-онагра, поставили верхнюю раму, уперли ее откосинами, приладили метательный рычаг с плетеной пращой, скрутили упругий жгут из вороха кожаных ремней и волосяных веревок. Больше всего возни было с механизмом натяжения. Пришлось разжигать огонь в местной кузнице и отковать грубое подобие шестерен с храповичками.

Понаблюдав за ходом строительства «чудо-оружия», ярл Инегельд поскреб в затылке и разослал своих людей собирать по домам глиняные сосуды, наполнять их «каменным маслом» из ближайшего нефтяного озера и складывать в сторонке. Олег и Пончика припахал — заставил подобрать испытательный снаряд с учетом веса будущих зажигательных бомб. Шур соорудил весы-качели, пока не уровнял большой горшок, полный нефти, с каменной глыбой, выломанной из забора.

После обеда состоялось испытание.

— Крутим! — скомандовал Олег, берясь за рукоятку натяжного механизма, и варяги взялись за дело.

Толстый сноп из ремней и веревок скручивался и скрипел, поддаваясь все туже и туже.

— Хватит! Закладывай камень!

Малютка Свен с готовностью подхватил увесистую глыбку, вывешенную Пончиком, и бережно уложил ее в веревочную пращу.

— Ну-ка...

Олег подхватил секиру и обухом ударил по стопору. Жгут с визгом крутнулся, метательный рычаг с грохотом ударил по верхней раме, обмотанной толстым слоем тряпья, и камень унесся по крутой дуге, вращаясь в полете.

— Здорово! — выдохнул Свен.

Пончик влетел во двор с криком:

— Перелет! Перелет!

— Ага! — К Олегу вернулась уверенность.— Тогда надо передок приподнять.

Общими усилиями нижнюю раму приподняли над землей, подложив под нее пару брусьев.

— Крутим! Заряжаем!

Последний оборот. Свен торжественно кладет камень.

— Пуск! — весело гаркнул Сухов.

Катапульта сотряслась, а камень усвистал по-над крышей разобранного дома.

— Попал! — донесся крик Пончика.

— Крутим? — радостно спросил Малютка Свен, прижимая глыбу к животу.

— Пока не надо,— строго сказал Олег.— Делаем еще парочку орудий... Или две парочки. Короче, сколько успеем. И стрельнем залпом!

Работа катапультщиков завершилась лишь к вечеру — пять орудий стояло вдоль пустынной слободской улицы.

— Ну все? — спросил ярл Олав нетерпеливо.

— Все! — выдохнул Олег.— Можно начинать!

— Крутим! — гаркнул Малютка Свен.

Варяги опустили и закрепили метательные рычаги, уложили в них большие кувшины с нефтью, запечатанные, с фитилями, смоченными все в том же «земляном масле». Заскрипели сворачиваемые жгуты — в слободе не хватило ремней, но ярлы не пожалели корабельных снастей из кожи моржа и тюленя.

— Готово!

— Поджигай!

— Горит!

— Пускай!

С множественным грохотаньем сработали катапульты. Пять снарядов, распуская по вечереющему небу шлейф искр, унеслись к крепости и лопнули на улицах, разбились о плоские крыши. Полыхнуло пять очагов возгорания.

— Ага! — заорал ярл Рогволт.— Грейтесь теперь!

— Крутим!

И еще один залп. И еще. Неумело собранные катапульты расшатались, грозя развалиться вовсе, но с функцией своей они справились — в крепости начался нешуточный пожар.

Большие кувшины кончились, тогда нефть стали наливать в кожаные бурдюки, для этого и предназначенные. Бурдюки хлопались на улицы Баку и расплескивали лужи огня. Пробивали хлипкие крыши, и тогда гудящее пламя охватывало дома изнутри. Вой и крики донеслись до катапультщиков, радуя закаленные варяжские сердца.

Стемнело, но в крепости было светло — пожар бушевал, пожирая все, что могло гореть.

— Арабы выезжают из ворот! — прокричал Фудри Москвич.

— Много их? — встрепенулся князь Инегельд.

— Человек десять! Едут сюда!

— Не трогать сарацин!

Арабы на белых конях, закопченных сажей, въехали на возвышенность и остановились. Ехавший впереди — в шитом золотом халате, с жирной талией, стянутой поясом, черненным серебром, в парчовых сапогах с загнутыми носами, в белой чалме — слез с коня и поклонился князю Инегельду. Видно было, что поклон дался арабу с превеликим трудом — его смуглое лицо было стянуто, как маска, а губы сжаты в ниточку.

— Я шейх Нафты,— надменно проговорил араб,— меня зовут Абу Юсуф Усман ибн Назир. Сколько мы должны заплатить, чтобы вы покинули Нефтяной берег и оставили в покое жителей его?

Олег перевел, и Боевой Клык удовлетворенно кивнул головой.

— Люблю таких,— признался он.— Не ходят вокруг да около, а сразу о деле ведут речи. Значит, так, Абу... мнэ-э... и так далее. Выплатишь нам дань золотом... можно жемчугами или каменьями, подбросишь пропитания и передашь на мой суд некоего Саида, бежавшего от нас. И мы снимаемся с якорей!

Поторговавшись, шейх с князем сошлись в цене.

Ранним утром воины Аллаха с постными лицами пригнали десять ишаков, груженных драгоценными металлами и тканями, вином и продовольствием, пробовать которое варяги заставили самого шейха. Усман ибн Назир добросовестно покусал все фрукты и отпил из мехов. А к ослу, плетущемуся последним в череде ушастых собратьев, был привязан Саид. Толмач дергался и извивался, пуча глаза, но Боевой Клык встретил переветника с отеческой улыбкой.

— Здравствуй, Саид,— проворковал он.— Чего ж ты ушел и не попрощался? Нехорошо... А ну-ка, кладите это дерьмо пузом вниз!

Малютка Свен и Стегги Метатель Колец сноровисто уложили брыкавшегося Саида на шатун катапульты, и сдернули с него рубаху. Варяги окружили место казни плотным кольцом.

— Приступим!

Князь Инегельд вытащил нож, приложил его к спине Саида, отчего тот забился в путах, и распорол предателю кожу вдоль хребта, взрезая мышцы с сухожилиями и хрящами, отделяя ребра от позвоночника. Проделав ту же операцию с другого боку, Клык вывернул наружу ребра, открывая розовые легкие.

— Вытащи ему крылья, князь! — завопил Турберн в полном восторге.

— Не-ет,— улыбнулся нежно Боевой Клык,— так он сразу сдохнет... А я хочу, чтобы эта мразь полетала! Отпускай!

Свен со всей силы трахнул по стопору, и метательный рычаг зашвырнул воющего Саида в небо.

— Как парит! — сказал Олег, провожая глазами толмача.— Наш орел!

Дружина загоготала и повалила к берегу — все должно быть по-честному. Получили выкуп? Получили. Обещали отплыть сразу же? Обещали. Значит, надо держать слово.

Оживленно делясь впечатлениями, варяги полезли на лодьи.

— Весла на воду!

Бакинцы-погорельцы стали потихоньку покидать крепость. Они боязливо толпились у ворот и глядели, как уходят страшные дэвы с холодного севера. В сторонке стояли двое, он и она — красивая молодая женщина, безуспешно скрывающая великолепную фигуру под мешковатым покрывалом, и пожилой мужчина с обрюзгшим лицом евнуха. Коротко посовещавшись, странная пара оседлала коней и отбыла по дороге в Шемаху.

А лодьи обогнули острова и подняли полосатые паруса. Устойчивый хазри погнал корабли дальше на юг — за новой славой, за новыми приключениями, за новой добычей.

Глава 5,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ ОБРЕТАЕТ И ТЕРЯЕТ РАЙ

Лодьи шли ходко, надутые паруса несли их вдоль Нефтяного берега, то удаляя, то приближая довольно унылые пейзажи — бесконечные валы галечников перемежались золотистыми песками, частенько наметаемыми в высокие дюны. Острый запах нефти по-прежнему витал в воздухе, мешаясь с пустынным ароматом полыни.

Экипаж «Сокола» от безделья не маялся, иначе суровый дядька Турберн обязательно нашел бы тунеядцам работенку. Все были как бы при деле — починяли оружие и ухаживали за ним, чуть ли не облизывая клинки и секиры.

Олег был занят скимитаром — любовно протирал клинок, доводя до зеркального блеска, чистил ножны, изнутри выстланные овечьим мехом.

— А для чего мех? — заинтересовался Пончик.— Чтоб лучше скользило?

— Почти угадал... На овечьей шерсти всегда есть налет жира, его там чуть-чуть, но все равно, смазывает меч... Средство от коррозии, понял?

— Ага... Дай подержать.

— На... За рукоятку бери! Клинок пальцами не трогай, ржа пойдет.

— Да ну... От пальца?

— От пота!

Пончик с почтением принял меч, повертел его, с видом большого знатока проверил баланс.

— Хорошая штука,— заценил он.— Почти что булат...

— Ничего себе — почти! — фыркнул Олег негодующе.— Да это и есть булат!

— А где такие полосочки с разводиками на лезвии? Где?

— Балда! Полосочки с разводиками на кованом мече появляются — когда его из разных полосок складывают, скручивают и проковывают сотни раз! А настоящий булат — литой, его из стали «вуц» делают. Понял? Индийцы готовые отливки продают, а кузнецы из них клинки куют... И лезвия не касайся, острое очень.

— А если сверху на него платочек уронить, разрежет?

— Запросто.

Олег забрал меч и вложил его в ножны.

— Скажи,— задумчиво проговорил Шурик,— а чего ты хочешь добиться?

— В смысле?

— Ну, в этом времени. Чего достичь?

Олег подумал и только рукой махнул.

— Да ничего я уже не хочу,— сказал он с легким раздражением.— Раньше хотел, да. Вот, думаю, пройду посвящение, выбьюсь в хольды, а там, глядишь, и дружинку собью. Ежели не рассорюсь с госпожой Удачей, то и лодьей обзаведусь, смогу свою ватагу в походы водить, разбогатею еще больше. Слава пойдет, коли не убьют... Так и в ярлы выйти можно. Ну, это я раньше думал. А теперь... Что толку хотеть, когда какая-нибудь темпоральная хрень опять тебя выдернет и закинет непонятно в какой год и какое столетие? Вот я с Инегельдом в походе участвую. Повезло, можно сказать. Но прошлые-то результаты мои обнулились, считай. Я все начинаю сызнова!

— Ты неправ,— покачал головой Пончик.— Да, прежние знакомства и связи ты потерял, но опыт, но мастерство остались с тобой!

— Это ты про меч? — скривился Олег.— Да, кое-что я могу. Ну а если бы нас закинуло подальше, ко времени, когда пользуются шпагами? Или саблями? Все, опять мне переучиваться! А ты помнишь, сколько я времени убил, пока арабским овладел? А я еще и по-старофранцузски могу. Вот только кто меня поймет даже в веке тринадцатом? Выходит, опять зря? Господи, как оно мне уже надоело все...

— Ох,— вздохнул Шурик,— лишь бы нас зашвырнуло в те годы, когда мечами стали баловаться — в ролевках, на фестах ваших...

— Зашвырнет... — протянул Сухов и сделал жест в стиле Мимино: — Я так думаю!

Пончика позвали на корму, перевязку менять, а Олег задумался. Это перед Шуркой он мог корчить из себя оптимиста заядлого, у которого проблем нет и не было. В реале-то все иначе. Проблемы были.

В принципе, все они сводились к одной-единственной — проблеме выбора. «Каждый выбирает для себя женщину, религию, дорогу...» Он выбрал путь воина. Трудный путь, зато почетный. С блестящими перспективами и обеспеченным житьем. Вот только за перспективы приходилось платить — рисковать своей жизнью и отбирать ее у других. Последнее было самым поганым. И тут дело не в самом причинении смерти. В конце концов, когда свеи напали на Ладогу, он их кроил за милую душу, и никакая совесть не тревожила его, не портила аппетит, не лишала сна. Но свеи были врагами, захватчиками, и дать им отпор было священным долгом и первейшей обязанностью бойца. Одна-

ко эти походы... Он сходил на Миклагард, на Лундун, теперь вот и Дербент на его счету. И кто он? Защитник разве? Нет, обычный захватчик. Пират. И тот толстый дербентец, зарубленный им в Верхнем городе, не был врагом, над коим одержана победа. Он его просто убил. Прикончил, защищаясь. Защищаясь, да, но разве это оправдание? Это тот толстяк защищал свой дом, своих близких от находников вроде него... Вот тут-то все и начинается — просыпается совесть и принимается грызть. А за что?! Разве он мог иначе? Что ему, стыдливо потупясь, не убивать, перепоручив «мокрые дела» сотоварищам? Так они тогда автоматически перестанут быть ему товарищами — на кой им нужен такой побратим? Выбор! Чертов выбор! Он никак не может уговорить свое благовоспитанное нутро, что выбор делается окончательно, полностью, без вычетов и оговорок. Если уж ты взял в руки меч, то пользуйся им. Если встал в строй, то шагай со всеми в ногу. Бьется дружина? И ты бейся! Грабит братия? И ты грабь! А иначе ты живо лишишься почтительного уважения мужчин и любви девушек. По их понятиям, воин, вернувшийся из похода без добычи, плох. Это или неумеха, или трус. Кто такому руку жать будет? Вот и думай...

Он и думает. Дорогу он выбрал сразу, топает по ней, не сворачивая. А вот женщины у него нет — такой, которая не на одну ночь, а на одну жизнь, такой, что не жалко за нее все отдать и душу продать. Душа... Олег чувствовал себя на пороге, накануне, в преддверии Большого Откровения, но сознание все еще упиралось. Хотя и опаска зарождалась уже — как бы жестокое бытие и вовсе не выдавило из него последние капли добра. Или содеянное им сложилось в такой задел зла, какого ему не избыть во веки веков?..

Лодья плавно повернула нос к востоку, направляясь к малозаметному острову, плоскому, как блин, но усеянному конусами грифонов.

— Готовимся! — разнесся веселый голос княжича Халега.— Все на помывку!

«Сокол» приблизился к острову со стороны маленького заливчика и заскрипел килем по галечнику. Остальные лодьи причалили неподалеку. Варяги, гомоня и перешучиваясь, полезли за борт.

— Какая еще помывка? — не понял Пончик.— В бане, что ли?

— Пошли,— потянул его за собой Малютка Свен,— мы тут завсегда моемся, когда на юг ходим. Тут грязюка такая — все что хошь отмоет, и вода не соленая есть. Горячая! Айда!

Олег перепрыгнул через борт и побрел к берегу. Весь остров был расковырян круглыми кратерами грязевых вулканов — жидкая глина вздy-

валась огромными пузырями, лопалась и оседала, пуская вонючий парок. Между кратерами — огромными, как круглые озера в тридцать шагов поперечником,— разливались лужи прозрачной «газированной» воды. Дно было чистым, выложенным галькой. Утробный гул и шипение разносились над островом, перебиваемые плеском и плюханьем горячей грязи.

— Значит, так,— зычно скомандовал Турберн.— Воды мало! Кто хочет помыться — раздевайся и в море окунайся. Мокрые натираются грязью — и обратно в море, мыться! В прудках этих только соль споласкивать. Понятно?

— Ага! — гаркнули варяги.

И вот тысяча голых мужиков, гогоча и шлепая друг друга по гулким спинам, полезла в море. Вода была теплой, и Олег от души скупнулся. Вылезя на берег, он прошлепал к ближайшему кратеру и как следует обмазал себя горячей, скользкой грязью.

— Тебе спинку потереть? — заорал Пончик.

— Мочалки нету!

— Га-га-га!

Смыв с себя всю грязь, Сухов с наслаждением опустился в глубокую лужу — как в ванну. Сполоснулся и уступил тесный водоем товарищам.

— Ух! — довольно крякнул князь Боевой Клык, шлепая себя по животу, где каждая мышца выделялась ромбиками.— Как в баньку сходил!

— Не-е... — покачал головой Олав Лесоруб.— Без парной какая баня?

— Тоже верно.

— Ничего,— взбодрился Олав,— вот возьмем Шемаху, попаримся! Там тоже бани водятся... Эй, ну все, кончай воду мутить! Двигать пора!

Чтобы зря не мокнуть, варяги полезли на лодьи в чем были, то есть голяком, и уже на борту облачились в порты и рубахи. Протрубил рог.

— Паруса ставим!

Шестнадцать кораблей развернули полосатые паруса и легли на курс.

Утром «эскадра» вошла в устье Куры. Река текла переполненная мутной водой — снега в горах продолжали таять, подпитывая исток.

Места вокруг Куры лежали пустынные — сплошь полынь да кусты держи-дерева, но берега окаймляли реку пышной зеленью тугайных лесов. Ива, белый тополь, береза, кусты ежевики и тамариска вырастали невысокими и корявыми, но стояли густо и часто, переплетаясь в живую изгородь.

Днем и ночью из тугаев неслись птичьи крики, а когда из зарослей доносился рык тигра, то разом хлопали тысячи крыльев, вознося несметную стаю над деревьями, и помет обильно выбеливал листву.

Иногда заросли прореживались, и глазам открывались маленькие озера-ахмазы, блестевшие неподалеку от русла Куры. Тугаи охватывали лесополосками и озерки.

Хазри по-прежнему поддувал в паруса, но течение здорово тормозило ход лодий, и гребцам приходилось помогать ветру.

Подошло время, Турберн оживился, начал высматривать одному ему знакомые приметы, пока уверенно не указал в сторону правого берега:

— Сюда! Вона протока, она выведет в озеро. Мы там стояли в прошлый раз, когда на Барду ходили.

Лодьи послушно повернули, куда сказано.

В самом деле, сплошная стена тугаев раздернулась, словно занавес, и открыла узкую затененную протоку, над которой склонились ивы, макающие плети ветвей в зеленую воду.

Лодьи медленно проплыли, мачтами расчесывая листья смыкавшихся верхушек, и вышли в озеро — овал глубокой воды. На пригорке, посреди вырубленного леска, возвышался частокол брошенного лагеря.

— Стоит еще,— удивился Железнобокий.

Некоторые бревна повыпадали из общей ограды, другие здорово подгнили, но все равно фортификационные работы обещали быть куда более легкими, чем ожидалось.

— Починим, и ладно будет! — вынес свой вердикт князь Инегельд.— Высаживаемся! «Чертовой дюжине» все осмотреть кругом, все подходы разведать. Вперед!

«Чертова дюжина» разошлась веером. Олегу достался сектор у самых тугаев, куда он поглядывал с опаской. Точно неизвестно, когда в Закавказье исчез последний тигр и витязи перестали заматываться в полосатые шкуры, но в начале десятого века этих рыкающих хищников хватало. Они охотились на оленей и кабанов, коих тоже было в достатке, а изредка тигриную добычу оспаривал лев, чей громовой рык сотрясал тугаи.

Сухов крался, лавируя между редкими железными деревьями, пока не вышел на опушку. Дальше, питаемая близкой водой, стелилась степь. Трава вымахала высокая, почти в рост человека, но, чем дальше к северу от Куры, тем она делалась реже и ниже, пока не сходила вовсе, открывая горячую землю, где-нигде заросшую серебристой полынью.

Внезапно Олег насторожился — ему почудилось, что заржала лошадь. Причем ржание тут же прервалось не по воле животного. Было похоже, что рука человека сжала губы коню, и тот смолк.

Сухов внимательно огляделся, едва поднимая голову над метелками трав. Никого...

В ту же секунду послышался тихий шелест, и грудь Олегову стянул волосяной аркан, прижимая руки по швам и сбивая дыхание. Сухов сделал судорожный полувдох, рванулся, но тут аркан дернули так, что петля врезалась в тело, сдавливая руки и ребра тисками.

Олега повалило в траву, и все что он успел сделать, это закрыть глаза, защищая органы зрения от стеблей дикорастущих злаков.

Сухов хотел крикнуть, но не было воздуха, а потом пятеро малорослых и кривоногих мужчинок, воняющих немытыми телесами, набросились на него, стали накручивать кожаные ремни, угрожающе лопоча:

— Поганый... Попался!

— Проклятый руси...

— Хоть одного добыли!

— Куда неверного?

— Привяжем к седлу!

Олегу связали руки и распустили аркан, чтобы пленник не задохся. Сухов набрал воздуху в изголодавшиеся легкие, но тут же плотная ткань обмотала ему рот. Он изловчился и стукнул одного из нападавших пяткой в колено. Тот глухо вскрикнул и попал под удар, отбросивший скрюченное тело на пару шагов. Взбешенные мужчинки кинулись одновременно и пинать Олега, и связывать ему ноги. Типчик с рваными мочками ушей заработал удар коленом в лицо, оглушивший и расквасивший ему нос. Но, видать, пятерка была привычной к пастушеству и наловчилась вязать сноровистых бычков — Олега скрутили так, что не вздохнуть, не охнуть. И поволокли в отдаленную рощицу, где, как оказалось, были привязаны кони. За ними приглядывали еще двое.

Только теперь Олег разглядел своих похитителей как следует. «Семеро смелых» не были смуглы от природы, просто загорели на солнце дочерна. Двигались они резко и выверенно, как опытные воины, но замечалась и чисто гражданская расхлябанность. Мужчинки ходили в засаленных халатах, головы были обмотаны чалмами по-шиитски — в двенадцать оборотов, на ногах красовались мягкие чувяки из сафьяна, а вот мечи, заткнутые за пояс, чудились предметами чужеродными. Скорее всего, мужчинки привыкли к иному оружию. К луку и стрелам, например.

Олега усадили на коня и крепко привязали к седлу. Повод держал в руке один из мужчинок, которого все прочие звали Джавдетом. Джавдет хищно улыбнулся, демонстрируя кривые желтые зубы, и с

ловкостью опытного наездника вскочил в седло. Глухо свистнув, он поскакал, таща за собою коня с Олегом.

Семерка, глухо топоча, поспешила скрыться из опасных мест. Мужчинки двигались по краю тугаев, пригибаясь к шеям коней, почти незаметные за буйными зарослями бурьяна.

Они скакали по своим следам, держа путь на восток. Полутролль оглянулся назад, но ничего и никого не заметил — даже тени не промелькнуло.

«Вот влип!» — мелькнуло у Сухова. Он еще подумал, что семеро похитителей долго следили за лодьями, поднимавшимися по реке, но эмоции смыли мысли, а самым сильным чувством, переполнившим Олега, была ярость, настоящая злоба. Хотелось душить этих вонючек, кромсать, пускать грязную кровь. Но ремни, туго стягивавшие руки и ноги, не поддавались — бывшие пастухи умели крепко затягивать узлы.

Обогнув густую рощу из низеньких, тонкоствольных тополько в, похитители выехали к своему лагерю. На небольшой возвышенности стояли шатры из черного войлока, а рядом паслись верблюды, уже нагруженные — огромные плетеные корзины свисали по обоим бокам животных.

Завидев приближающихся мужчинок, в лагере забегали, кинулись снимать шатры и грузить все хозяйство на лохматых лошадок степной породы. Когда семерка вместе с Олегом въехала на территорию лагеря, караван был готов двигаться в путь.

Толстый, но весьма подвижный караван-баши подкатился к Джавдету, оглядел Олега и расплылся в кровожадной усмешечке.

— Вай, молодец! — пропел он и оглянулся, резко меняя интонацию на повелительную: — Масуд! Пересади нашу добычу на Ушастого. Тахир, оставь барабан в покое, все и так уже собрались. Или ты хочешь подать знак неверным?

Перепуганный Тахир отдернул руки от барабана, чей бой обычно сзывал отъезжающих, а трубу повесил на плечо, касаясь ее осторожно, словно та сама могла затрубить.

— А ну,— грозно нахмурил брови караванщик, поднимая лицо к Сухову,— отвечай! Сколько вас? Куда вы идете? Кому хотите принести смерть и разорение? Ну?!

Олег глянул на него сверху и выцедил по-русски:

— Да пошел ты...

— Он по-нашему не понимает,— сделал вывод Джавдет, крутившийся рядом.

— Ладно, свезем поганого шаху, там его живо разговорят! Хо-хо!

Караван-баши вразвалочку подбежал к головному верблюду из сильной породы нар и снял с его шеи медный колокол. Один из семерки лишил колокола замыкающего верблюда из породы лук. Вскорости без колокольчиков и бубенцов остались все одногорбые и двугорбые корабли пустыни. На одного такого пересадили Олега — верблюд повернул к нему свою голову с надменно выпяченной губой и фыркнул презрительно.

— Выходим! — заметался караван-баши.— Выходим!

И караван двинулся в путь. Семеро, пленившие Олега, оказались погонщиками. Каждый из них собирал звено из трех-четырех верблюдов и вел их, составляя цепь каравана. Между звеньями ехала охрана верхом на конях и путники на скрипящих арбах.

Сидеть на верблюде было удобно, но езда была непривычна и утомительна — приходилось сильно раскачиваться вперед и назад, попадая в такт размеренному шагу горбатого «грузовика».

Олег ехал и молил небо, чтобы варяги не спасли его именно сейчас, в этом унизительном положении. Иначе как его станут называть? Явно не Полутроллем...

Сухов приглядывался и прислушивался, узнавая своих врагов по именам. Вязали его косой Юнус и Махсум с отрезанными мочками ушей, Усман со шрамом, рассекавшим бровь на две мохнатки, хромоватый Хафиз, Фахриддин с бородой, как у Старика Хоттабыча, и этот... в изначально белом яктаке, халате-безрукавке... как его...

— Али Джафар! — сердито позвал караван-баши мужчинку в яктаке.— Не отставай!

«Али Джафар! — удовлетворенно подумал Сухов.— Буду знать...»

Караван двигался без устали, погонщики торопили верблюдов, горбачи возмущенно ревели, но ходу прибавляли. К ночи животные отшагали верст тридцать, а тут как раз и селеньице объявилось — плоскокрышее скопище домиков-кубиков. На тускнеющем фоне заката выделялись лишь веретена кипарисов да одинокий минарет. В стороне расположился рабат — караван-сарай, укрепленный стеной с башнями по углам. Впрочем, Сухов заметил всего лишь одного наемника-сарбаза в шлеме и в широких шароварах, ниспадающих на сапоги. Воин выглядел осанистым и черевистым — видать, служба при караван-сарае была не пыльной, но хлебной.

Сарайбон, смотритель постоялого двора, сам вышел встречать «драгоценных гостей» и велел разместить их в лучших покоях.

Олега, полумертвого от усталости, грубо стащили с верблюда, отволокли и бросили в комнатке-келье, на груде прелой соломы.

Скоро спина болеть перестала — почти, но вот ремни по-прежнему впивались в запястья и щиколотки, возбуждая новые позывы резать и бить.

После вечерней молитвы никто не тревожил Сухова. Потом за стеной послышались два голоса — грубый, принадлежащий его стражу, и высокий женский.

Сухо брякнула деревянная щеколда, дверь открылась наполовину, чтобы пропустить внутрь хрупкую женщину-каниз, здешнюю невольницу. В одной руке каниз держала тусклый масляный фонарь, другой поддерживала деревянное блюдо с двумя плошками — с пловом, лишенным признаков мяса, и чалом, кислым напитком из верблюжьего молока.

Олег почувствовал лютый голод. Он сел и прислонился к стене, понимая, что рук ему не развяжут.

— Отведай,— тихо сказала женщина, поднося к его губам плошку с рисом, сдобренным подливкой.

— Сначала пить,— мотнул головой Олег.

— Ты знаешь наш язык?! — изумилась каниз.

Сухов не ответил, он приник к щербатому краю протянутой плошки с чалом и выхлебал шибающий в нос, щиплющий язык напиток. Олег не слишком беспокоился насчет того, что его лингвистические способности раскрыты. Вряд ли невольница побежит докладывать об этом, да и кто станет ее слушать?

Каниз брала рис комочками и пальцами вкладывала Олегу в рот, тому оставалось только пережевывать.

— Как зовут тебя? — спросил он, слегка насытившись.

— Шамсия.

— Принеси мне нож, Шамсия, и мы с тобой станем свободными. А тебе я подарю весь караван с грузом. Кстати, что везут верблюды?

— Рис... — пролепетала каниз.— И ткани... Белую симгун, красную мумарджал... синизи — полотно из Самарканда... О-о... Ты, конечно, храбрый воин, но один, а их вон сколько!

— В рабате, по-моему, не много бойцов...

— Один Ахмед Толстый... Но в караване двадцать человек!

— Да хоть сорок... Послушай, я ведь тоже не дурак. И не собираюсь бежать с тобой в степь — нас легко догонят и просто расстреляют из луков. Значит, мне надо сделать так, чтобы гнаться за нами было некому. Поняла? Принеси нож.

Каниз побледнела, решая в это мгновение свою судьбу. Подняв голову к потолку, она прошептала:

— Видишь, там дыра? Я сброшу тебе нож оттуда, он воткнется в пол рядом с тобой... Только ты ногу не выпрямляй!

— Ладно,— улыбнулся Олег,— не буду. И вот что, Шамсия... Попробуй узнать, у кого из погонщиков мой меч.

— А я знаю! — обрадовалась каниз.— У Джавдета. Он самый главный после Долгого Абдаллы.

— Абдалла — это караванщик?

— Ага. Джавдет отдыхает в гостевой комнате, она... третья от входа... Ой, я боюсь!

— Не бойся, ступай. Я буду ждать, пока Аллах с твоей помощью ниспошлет мне нож...

Шамсия неуверенно улыбнулась, подхватила посуду и вышла, семеня и прикрывая лицо платком. Стражник распустил руки, и каниз зашипела рассерженной кошкой.

А Олег принялся терпеливо ждать, поглядывая на дыру в потолке. Ожидание растянулось, видимо, Шамсию загрузили работой. Но вот сверху донесся слабый шорох, в дыру просыпались катышки сухой глины, а потом упал кинжал и воткнулся в утоптанный земляной пол.

Сухов очень оживился и, угадывая взволнованное дыхание над собою, сел спиною к ножу, нащупал онемевшими пальцами рукоятку.

Сколько раз он читал про такой способ освобождения, и вот самому довелось... Это было трудно, кожаные завязки упорно не поддавались лезвию. Но вот лопнул один ремешок, потом другой, третий. Неожиданно руки стали свободны. Руки-крюки...

Кряхтя, Олег сжимал и разжимал кулаки, тер запястья. Кровь запульсировала в пережатых жилах, и вернулась боль.

«Ничего... Злее будешь!»

Неуклюже перехватив нож, Олег перерезал путы на ногах и попробовал встать. Это ему удалось. Походив, Сухов размялся, поприседал, отжался раз десять от пола. Сила и гибкость вернулись сполна. «Приступим...»

Олег подошел к двери и прислушался. Тихо... Просунув нож в широкую щель, он уперся острием в щеколду и сдвинул ее на полсантиметра. И еще. И еще, пока дверь не скрипнула тихонько, сигнализируя о том, что вход свободен.

Выглянув из тьмы во тьму, слегка озаренную парой факелов, воткнутых в держаки на стенах внутреннего двора, Сухов не обнаружил

стража. Надо полагать, нарушителя дисциплины привлек запах плова и майноба, многолетнего вина наподобие коньяка.

Выскользнув наружу и заперев дверь за собой, Олег по стеночке прокрался к комнате Джавдета. Вход был прикрыт кожаным пологом, и Сухов решил не таиться — до него доносился мощный храп погонщика.

Откинув полог, Олег проник в комнату, где обнаружил «главного после Долгого Абдаллы» спящим на толстом армянском ковре, красном с желтыми разводами. Над Джавдетом витал сладкий дух майноба, смешиваясь с запахом горелого масла, распускаемым светильней в углу.

Свой меч Сухов обнаружил висящим на стенке и мигом опоясался, затянул перевязь, погладил ладонью рукоять. Нет, грязнить меч мы не станем...

Олег присел на колени рядом с Джавдетом. Погонщик замычал во сне, словно чуя скорую погибель, приподнялся, болтая головой, и Сухову оставалось лишь ухватить башку руками и резко крутануть ее. Глаза Джавдета выпучились, узнавая пленника — за секунду до того, как мокро хрустнули позвонки.

Поднявшись, Олег двинулся дальше, от комнаты к комнате. Трех аробщиков, прибившихся к каравану, Сухов оставил жить. Восьмерых охранников зарезал, сонных и пьяных, а потом пришел черед и караван-баши отведать водички из Пруда Пророка... [1]

Оставались погонщики. Эти не спешили ложиться спать — друзья и подчиненные Джавдета гуляли в большой комнате рабата.

Шестеро сидели вокруг открытого очага, а надушенные подростки-кравчие, наряженные в халаты из переливчатых шелков-букаламунов, бесшумно скользили остроносыми чарыками по ворсу ковров, обносили погонщиков вином и набизом. Шамсия и еще несколько девушек находились здесь же, покорно дожидаясь своей очереди, но клиенты еще не созрели до плотских утех.

Олег схоронился за тяжелым пыльным занавесом и внимательно осмотрел комнату. Оружие было свалено в углу вместе с седлами и сумками-хурджунами. Там были и луки в налучьях, и колчаны, набитые стрелами... Сухов прикинул, что к чему, и решил попробовать. Во-первых, должен сработать эффект неожиданности. Во-вторых... Ну, стрелок из него плоховастый, но промахнуться с пяти шагов?! Если он допустит подобное, то гнать его надо из варягов, таким в дружине не место...

---

[1] *Пруд Пророка* — водоем, из которого пьют те из правоверных, кто попал в рай.

Олег выдохнул. Отведя полог, он прошел в комнату, неслышно ступая по толстому ковру. Погонщики нестройно ревели, изображая хоровое исполнение песни о некоей луноликой Меванче, подобной гурии. Мужчинки размахивали руками, проливая вино из кубков, пили, закусывали, обтирали грязные руки о халаты.

«Веселитесь, веселитесь...»

Каниз узнала его, вздрогнула и торопливо зашептала подругам что-то успокаивающее. Девушки побледнели так, что уподобились привидениям из страшных сказок.

Олег спокойно прошел к оружию, сваленному в кучу, выбрал лук, вытащил из колчана пучок стрел...

Когда оперенное древко вылезло из груди Али-Джафара, собутыльники, вернее, сокувшинники не сразу это заметили. А когда разглядели, то тупо уставились на хрипящего товарища, шарившего руками по кровавому пятну. Махсум умер сразу и упал в огонь головой. Загорелась чалма. Третьим выгнулся Усман. Юнус до того протрезвел, что сумел вскочить, — стрела пронзила его шею спереди.

А вот с Фахриддином пришлось сойтись-таки на мечах. Два скимитара сверкнули, скрещиваясь, зазвенели. Снова сошлись, скрежеща доброй сталью.

Олег видел перед собой потное лицо противника и снова пожалел меч — воткнул в печень Фахриддину нож, посланный Шамсией.

Последнему из компании погонщиков он оставил жизнь — противно стало. Да и что за подвиг — резать пьянь?

— Шамсия!

— Я здесь!

— Уходим!

— Бежим!

— Не бежим, а именно уходим. И не забудь взять верблюдов! Три, четыре, сколько сможешь увести. Если хочешь — поделись с подругами, мне чужого добра не жалко...

Стремительным шагом Сухов вышел во двор... И нос к носу столкнулся с Ивором Пожирателем Смерти.

— Ивор?!

— Полутролль!

Они обнялись, не скрывая радости.

— Мы тебя ждали-ждали,— прогудел Малютка Свен, выходя из тьмы,— да так и не дождались. Стали искать, вышли на след и дунули сюда!

— А ты, смотрю,— проворчал Турберн, пряча меч в ножны,— времени зря не терял... Всех уделал!

— Заглядываю в одну комнату,— подхватил Саук,— трупы! В другую — трупы! И тишина...

— А это кто такая? — уставился на Шамсию Стегги Метатель Колец.

— Это здешняя невольница, она мне помогла. Я ей обещал всех верблюдов из каравана отдать, вместе с грузом.

— Раз обещал,— рассудил Железнобокий,— пущай забирает. А мы коней возьмем, не пешком же до Шемахи топать? И так уже все ноги сбили, тебя догоняя...

«Чёртова дюжина» помогла нагрузить десяток верблюдов и проводила девушек-невольниц за ворота.

— А я бы с той худенькой покувыркался бы... — задумчиво проговорил Малютка Свен.

— Охолонись,— строго сказал Турберн.— Вот займем Шемаху, и кувыркайся хоть до одурения. По коням! Поехали наших встречать...

Утром солнце осветило безрадостную степь, редко где отмеченную зеленой арчой, купами дубов или порослью кизила. А вот там, где селились люди и хватало воды, колыхалась не трава, а пшеница. Зеленели виноградники. Зрел хлопчатник.

Впрочем, варяги (а их в поход отправилось четырнадцать сотен) старались обходить селения стороной — не стоило размениваться на мелочь, когда впереди ждал крупный приз.

Поначалу наведывались — реквизировали коней и мулов, но вскоре вся пехота превратилась в кавалерию. Конники из варягов получились хреноватые, да от них и не требовались фокусы джигитовки. Главное, прибытие в Шемаху резко ускорилось — и никто из местных не успевал предупредить шаха о непрошеных гостях.

На второй день на севере поднялись невысокие горы, склоны которых были покрыты густым лесом из дуба, граба, карагача. Толстые плети дикого винограда и плюща заплетали деревья, как лианы, а можжевельник больше походил на сосну — до такой величины вымахивал.

Перевал отыскали не скоро, но спуститься по другую сторону хребта удалось без проблем.

И вот настала та долгожданная минута, когда князь Инегельд выехал на высокий холм и сказал:

— Шемаха!

Он вытянул руку с плеткой-камчой, указывая на серые стены города, сложенные из плитняка. Множество плоских крыш и глянцевых куполов теснилось за ними, а выше их, превосходя даже шпили минаретов, поднимались палаты дворца Гюлистан.

Шемаха лежала меж лесистых гор, ее окружали семь нарядных караван-сараев, зеленые сады и виноградники. Расстояние скрадывало грязь и вонь, нищету и убожество — издали Шемаха смотрелась очень даже ничего.

Турберн, а за ним и вся «чертова дюжина» поднялись на холм, легонько понукая коней.

— И много у той Шемахи защитничков? — спросил Железнобокий, щурясь на солнце.

— Мало! — уверенно сказал Саук.— Совсем мало! Тысяча и еще две сотни аскерхасов [1] — они во-он там, на горе, в лешгергяхе — военный лагерь такой... Во дворце сидят двести телохранителей-джандаров. Ну оруженосцы еще, миршабы — это конные стражники. А больше и нет никого!

— Вперед! — величественно сказал Боевой Клык, и войско тронулось, спускаясь в долину.

Шемаху загородили пологие холмы, за холмами буравила землю мутная речушка, кусты дикого орешника обозначали русло. Вразброс росли карагачи, а далее виноградники чертили зеленые рядки по склонам.

— Чо! — послышалось из низинки.— Чо-о!

Мемекая, выбежали овцы, за отарой поспешали два пастуха, старый и малый. Оба были в меховых душегрейках-кюрди на голое тело, вязаных носках-джорабах и остроконечных овечьих папахах.

Узрев огромное войско, чабаны растерялись, и овцы этим тут же воспользовались — стали разбредаться. Но лохматые пастушьи собачищи дело свое знали туго — рыча и клацая зубами, они сначала собрали отару, а потом облаяли варягов. Кто-то, кажется, Стегги, достал лук, но князь остановил его жестом.

— Я вас приветствую! — сказал он, покосившись на Олега.

Полутролль перевел, и старый чабан поклонился.

— И мы приветствуем тебя,— сказал он нараспев.— Живи, пока светит солнце и луна!

— Олег,— проговорил князь, продолжая милостиво улыбаться,— расспроси их, что тут и кто где.

— Звать вас как? — спросил Сухов.

— Да что мы... — застеснялся старик-чабан.— Овец пасем... Сахлом меня зовут.

---

[1] *Аскерхасы* — дословно: «чистое воинство». Привилегированная гвардия ширваншаха.

— А я — Сунбат,— представился молодой и зарделся.

— А скажи-ка, почтенный Сахл, где ширваншах обретается? В городе ли он?

— Дык как же? — вылупил глаза чабан.— Уехали оне еще на той неделе, да.

— Охотиться изволят,— вставил Сунбат.

— Сегодня вернуться должны,— снова взял слово Сахл,— да! Знатные из города уже и встречать его выехали. Видали мы, как торопились...

— Валили толпой! — добавил молодой.

Выспросив, куда и по какой дороге отправилась знать, Олег выложил полученную информацию князю.

— Отлично! — оценил сведения Клык и подмигнул Турберну. Железнобокий мигом всадил клинок Сахлу в бок. Сунбат в ужасе метнулся бежать и попал на меч Ивора. Пропели три стрелы, обрывая жизни верных волкодавов. Отара начала медленно разбредаться...

— Вперед, братие! — загремел Клык.— Перехватим служилых, а шаху засаду устроим!

— Любо! — зашумела братия.

И зашагала в ускоренном ритме. Проползли мимо виноградники, нашла тень тутовых садов. То слева, то справа открывались каменные стены червоводен, откуда драгоценные коконы доставляли на шелкопрядильни города. Конечно, качеством ширванский шелк уступал китайскому, но покупали его охотно, торгуясь лишь для приличия.

— Разделяемся! — скомандовал князь Инегельд, когда варяги вышли на дорогу.

В Шемахе было шестеро ворот, открывавшихся в сторону Баку, Дербента, Шеки, Шабрана, Аррана. Тот путь, по которому возвращался ширваншах, вел в Мугани. Узкая, извилистая дорога вильнула в очередной раз, ныряя в обширную сосновую рощу, и до Олега донесся смутный шум — шарканье и говор толпы.

Вскоре варяги обошли встречающих, перекрыли дорогу впереди и отрезали путь к отступлению. Шемаханцы заголосили, призывая Аллаха и проклиная «проклятых шайтанов с холода», но покорились при виде извлеченных мечей.

Кого только не было в цветастой толпе! В общем строю выступали небедные ремесленники в серых войлочных шляпах, желто-серых чекменях-косоворотках и легких башмаках из овечьей шкуры. Шли землевладельцы в кафтанах-архалуках и длинных накидках-чухах. Старосты прели в меховых шапках, кожаных чекменях и длинных са-

фьяновых сапогах. Впереди топтались купцы в синих халатах из парчи, затянутых кушаками.

— Вяжите их десятками к одному ремню! — приказал Клык.— Сотня Асмуда пущай посторожит, а мы пошли встречать шаха!

Варяги загоготали и двинулись по дороге, выбирая место для засады. Олег только головой покачал. Никто не учил ярлов с конунгами стратегии и тактике, кроме их дедов и прадедов, и варяги вечно импровизировали, полагаясь то на богов, то на себя, то на удачу. И ведь побеждали же!

Место для скрытного ожидания нашли без труда — там, где дорога сужалась до того, что лишь одна телега могла протиснуться между огромными валунами, зелеными от покрывавших их мхов. Скалы и сосны хорошо укрыли варягов, а вся дорога лежала перед ними и пониже них.

Олег присел на ствол поваленного дерева и приготовился ждать. Рядом примостился Пончик, вид у него был расстроенный.

— Ты из-за пастухов переживаешь? — угадал Сухов.

Шурик кивнул.

— Ну зачем их было убивать? — выговорил он, нервно потирая ладони.— Просто так, вот взяли и зарезали!

— Не просто так,— мотнул головой Олег.— Понимаешь ли, есть хорошее правило, очень полезное на войне — не оставлять свидетелей. Пастухи могли побежать и предупредить горожан или шаха, и что тогда? Знаешь, сколько наших поумирало бы зазря, только из-за того, что двоим ширванцам оставили их жизни? Понял? Ты думать — думай, но правильно. В нашу сторону! Иначе будет худо тебе же — пожалеешь одного чужака, а из-за твоей слабости погибнет десяток своих...

Пончик непримиримо покачал головой.

— Чужаки здесь мы... — глухо сказал он.

Олег только плечами пожал, ответить ему было нечего.

— Идут! — разнеслось от человека к человеку.— Идут!

Олег приподнялся, выглядывая. Вдали, там, где дорога загибала за гору, показалось облачко пыли, потом показались всадники и пешие, шествующие в парадных облачениях.

Впереди важно шагали аскерхасы в черных суконных чекменях и желтых сафьяновых сапогах. Они грозно хмурили брови, прижимая к себе небольшие, отделанные серебряной насечкой щиты и кривые дагестанские мечи.

А следом ехал сам ширваншах — в халате, словно отлитом из чистого золота, в расшитой красной мантии, в стальном островерхом

шлеме с павлиньим пером — красная повязка стягивала шлем на лбу и висках и узлом вязалась на затылке.

За шахом поспешали приближенные и слуги, а замыкали процессию все те же аскерхасы.

Протрубил рог, и варяги ревущими лавинами скатились по склонам, врезаясь в авангард и арьергард, окружая гвардейцев ширваншаха и резко сокращая их численность. Лучники обстреливали ширванцев с высоты, и ни один боеприпас не пропал даром.

Первая минута замешательства обеспечила выигрыш русам — окруженные, аскерхасы только защищались, подчас нанося смертельные удары, но, зажатые в теснине, не могли использовать всю свою силу и гибли, гибли, гибли...

Олег рубился между Ивором и Малюткой Свеном, не отвлекаясь на опасности с боков — об этом беспокоились его товарищи. Теснота мешала, не давала развернуться. Он бил с оттягом, так, чтобы скимитар резал плоть, и аскерхасы падали к его ногам. А Олег использовал трупы, как приступочку, и рубил с коротким замахом, уберегаясь от умелых выпадов, ибо неумех в аскерхасы не брали.

От поднятой пыли, крика и запаха крови у него кружилась голова, и надо было напрягать всю волю, чтобы удержаться в сознании, не окончив боя прежде времени.

— Получи, зараза! — надсадно ухал Свен, вскидывая и опуская секиру — как чурки колол на дрова.— Получи!

Ивор Пожиратель Смерти бился молча, только слабая усмешечка кривила его тонкие губы.

— Сдаемся! — завопил аскерхас, бросая меч на землю и вскидывая руки — видите, мол, пустые они! — и его «однополчанин» тут же вонзил клинок в слабодушного. И погиб сам от руки Олега.

В какой-то момент Сухову стало полегче. Оказалось, варяги перебили всех, потеряв убитыми четверых. Раненые — не в счет. Пончик поможет. Или боги...

— Победа! — пронеслось по узкой долинке.— Наша взяла!

Сухов опустил меч. Тяжело дыша, обтер клинок об чекмень павшего.

— Ништо! — бодро заявил Свен.— Меч от крови не ржавеет!

Князь, перешагивая через умерших, подобрался к ширваншаху, бледному до синевы, вытащил нож. Шах глухо вскрикнул, но Клык лишь рассек золотой кушак монаршьей особы и снял с него меч в красных сафьяновых ножнах, редко осыпанных крупными сапфирами и бирюзой.

— Пока ты пленный, шах,— зычно объявил Клык.— И запомни: будешь послушным и смирным — выживешь. Олег, переведи...

Сухов старательно перевел, и ширваншах кивнул заторможенно — понял, дескать, уяснил.

— Он проникся,— сказал Олег.

— Тогда шагом марш в Шемаху,— приказал князь.

В сосновой роще новых пленных объединили со взятыми ранее, и повели в город.

Муганские ворота были заперты, но когда ширваншах, которого ярл Рогволт невежливо в спину мечом подкалывал, прокричал приказ, то караульные в серокожаных одеждах неохотно отворили ворота. И варяги повалили в Шемаху стальным потоком, расшвыривая стражу, понуждая мирных граждан искать спасения в закоулках и подвалах.

По улице, мощенной булыжником, варяги поднялись вверх, минуя кварталы Мейдан и Шабран. Выйдя на Мраморную площадь между шахской мечетью и ханегой — жилым зданием дворца, Боевой Клык свернул к диванхане, шахской канцелярии — мрачноватому строению из серого необтесанного камня, и приказал:

— Пленных — внутрь! Запереть и сторожить!

Царедворцев вместе с венценосной особой загнали в сумрачные коридоры диванханы, а варяги только теперь, наверное, осознали, что Шемаха взята ими, взята почти без боя. Без приступа, без длительной осады, изнуряющей обе стороны.

Князь Инегельд тоже это почувствовал. И еще он уловил то настроение у своих подчиненных, каковое предшествует безумству разрушения, опьяняющей страсти уничтожать, жечь, крушить, предавать смерти. Можно простить разваленный город, но развал дисциплины — никогда, ибо гридь сильна не мечами, а командирской уздою.

— Слушать меня! — трубно взревел Клык, и варяги, разбежавшиеся было по Мраморной площади, остановили свой разбег.— В этом городишке,— продолжал греметь князь,— живет столько тыщ человек, сколько у каждого из вас имеется пальцев на руках и на ногах! Они никудышные воины, но их много. Мы свели счеты с шахом, и мы возьмем с него ха-арошую виру. Обещаю, добычи хватит каждому! А посему в город никому не отлучаться! Кто же не внемлет слову княжескому, будет иметь дело со мной и моим «вдоводелом»! — при этих словах он вскинул над головой руку с огромным полуторным мечом.— Всем ясно? Вон дворец — хоть весь его вынесите...

И варяги повалили в ханегу. Олег не отставал, шагал в первых рядах.

Поднявшись по широким веерообразным ступеням, он прошел под аркой с колоннадой в длинный коридор, где скучились телохранители-

джандары. Они стояли тесно, плечом к плечу, и перегораживали коридор в несколько рядов. Джандары были мрачны и настроены воинственно.

Халег, сын Ингоря, подошел и встал рядом со своим тезкой.

— Лучников, что ли, позвать? — подумал он вслух.— Или шаха им показать?

— Чего стоим? — бодро спросил сзади Малютка Свен.— Пошли, порубаем этих холуев!

— Погодь,— остановил его Турберн и кликнул: — Саук! Кажись, самое время испробовать ту штуку, с дымом едучим!

— Щас мы! — было ответом.

Варяги оживились — Железнобокий всегда умел удивить какой-нибудь смертоубойной новинкой. На этот раз они пришли в изумление — Саук приволок большую медную жаровню и с грохотом опустил ее на пол. Стегги и Фудри принесли два меха, выломанных на дворцовой кузне, а Воист Коварный притащил большой ком кира — битума из Страны Огней, разломал его, уложил куски на жаровню, а сверху щедро присыпал серой. И поджег.

— Мехи, мехи качайте! — сердито закричал Турберн.— Сильнее!

Горючая смесь разгорелась, раздуваемая мехами, и едкий дым, густой и ядовитый, тяжелыми клубами поплыл на джандаров — тяга была хорошая.

— Давай, давай... — цедил Железнобокий.

Дым стелился, колыхаясь, и совершенно скрыл за собой телохранов. Из сизой пелены доносился кашель и хрипы, лязг роняемого оружия. Мягкие шлепки озвучили падение тел — джандары теряли сознание. Еще через минуту все они были мертвы.

— Хватит! — просипел Турберн, перхая.— Выходим! Пусть проветрится...

Саук, зажимая нос пальцами, залил жаровню водой из кувшина и выскочил наружу.

Варяги скребли затылки в недоумении, но когда дым-отрава рассеялся, все увидели груду мертвых тел и посмотрели на Железнобокого уважительно.

— Теперь всегда будем так делать! — воскликнул Свен.— Как выйдем в поле биться, как разожжем костры, да как напустим дыму!

— Дубина ты,— ласково сказал Турберн.— В чистом поле надо будет целую гору горючего сжечь, чтобы подействовало! Это только для узостей всяких, для коридоров, для ходов потаенных... Понял?

— Понял... — вздохнул Малютка Свен и тут же взбодрился: — А чего стоим? Айда!

И все пошли коридором, где еще витал удушливый, свербящий запах, оставшийся после газовой атаки.

Олег прошагал вперед, под высокую арку, задернутую тяжелой ковровой завесью, и попал в тронный зал ширваншахов — приличных размеров помещение. Пол его был устлан коврами, вдоль стен — тюфячки, сундуки, подставки для книг, а сами стены увешаны мечами и копьями, головами антилоп, шкурами медведей и тигров. Напротив входа, на возвышении, стоял золотой трон.

Варяги разбежались по палатам дворца, ликующими возгласами сопровождая каждую находку. Трещащие и лязгающие эхо загуляли по Гюлистану — полным ходом шло расхищение чужой собственности.

Успокоив себя тем, что шах эксплуатировал народные массы, неправедно нажив добро, Олег присоединился к «расхитителям». Он собирал оружие и золотые кубки, одеяния из драгоценных тканей, увесистые светильни, отлитые из серебра. Все это считалось общей добычей и сносилось во двор, в одну кучу. «Дуванить», то есть делить трофеи, варяги станут потом, в спокойной обстановке.

Малютка Свен обнаружил в дальних покоях насмерть перепуганных слуг, и князь Боевой Клык постановил:

— Нечего тут трястись! Тащите самые лучшие припасы и готовьте пир!

Слуги бегом бросились на дворцовую кухню...

Когда обчистили дворец, варяги собрались на площади возле диванханы. Халег, сын Ингоря, отпер двери и огласил приговор:

— Выкупайте себя!

Олег перевел, и бледные шемаханцы потянулись в город. Каждого сопровождали двое-трое варягов.

Олегу с Фудри Москвичом и Малюткой Свеном достался купец Хасан. Он был толст, кушак едва стягивал полы халата на необъятной талии, а маленькую лысую голову венчал огромный тюрбан.

Хасан боялся так, что его ноги не держали — подгибались, и Свен то и дело заботливо встряхивал купца, так что у того зубы клацали.

Торговый человек привел варягов в свой дом — большое двухэтажное строение, и сразу провел к сундуку.

— Вот,— сказал он трагическим голосом,— здесь все, что я имею!

Свен открыл сундук. Под окованной крышкой лежали одежды из шелка и парчи. Малютка перерыл все содержимое сундука, но ничего, кроме платья, не нашел.

— А динары где? — спросил он в недоумении.— Слышь, ты, куль с жиром? Денежки гони!

Олег с удовольствием перевел. Купец затрясся еще пуще. Жалобно стеная и призывая в свидетели Аллаха, он клялся, что беден, нищ, разорен...

— Ищем,— коротко сказал Олег.

Втроем они устроили обыск, шугая домашних, и нашли-таки три шкатулочки, набитые золотыми и серебряными монетами. Купец увял.

— Зато ты живой,— утешил его Сухов и махнул рукой: — Пошли отсюда!

Уже спускаясь по лестнице, он услыхал злобное шипение Хасана, проклинавшего поганых «ар-Рус», но возвращаться не стал.

Ограбив шаха, вытребовав выкуп с пленных, варяги устроили во дворце пир. Замотавшись в чузеземные одежды, русы веселились вовсю, тем более что слуги раскупорили множество кувшинов с ширванским вином «рейхани». На яд проверили? Хватало и барашков, зажаренных с неведомыми на севере приправами. Появились и женщины — иных притащили силой, другие сами пришли.

Легкомыслия, впрочем, варяги не допускали — ученые были. Пока одна треть гуляла, две трети стерегли награбленное, коней и все подходы к дворцу. Потом следовала пересменка.

Наевшись и напившись, Олег до того устал, что отправился искать себе лежбище. Забредя в одну из башен дворца, он столкнулся с Халегом, сыном Ингоря. Угадав первейшее желание тезки, княжич сказал:

— Ложись у меня, я все равно не усну! Знаю, что завтра буду как сонная муха ползать, а все равно... Ну не хочется мне если!

— Чужой город,— улыбнулся Олег,— чужая ночь...

— Во-во! — подтвердил Халег и признался: — Это ж первый мой поход...

— Ну, дадут боги, не последний! Бурной ночи.

— Ха-ха-ха!

Веселый, молодой, безбашенный княжич удалился, а Олег ввалился в отведенные сыну Ингоря покои. Тут было безопасно. Сонно поморгав в цветные стекла шестигранного шебеке — стрельчатого окна,— Сухов разглядел костры на Мраморной площади. Разухабистые крики доносились смутно, сливаясь в общий гул.

— Мне бы красную девицу,— пробормотал Олег,— шемаханскую царицу... Не-е... Ну ее...

Сделав над собою усилие, он разулся и рухнул на пухлую стопу одеял. Подтянул к себе подушку. И уснул.

Когда он проснулся, неизвестно. За окном чернела все та же ночь, и варяги гудели по-прежнему, причем их жизнерадостный гогот все

чаще перебивался женскими взвизгами. И визжали прелестницы отнюдь не от страха...

Олег зевнул и потянулся. Полная луна засветила в шебеке, протягивая по ковру затейливый рисунок, расцвеченный причудливо, но бледно.

Внезапно дверь в покои стала медленно растворяться. Олег насторожился и с той же неспешностью подтащил поближе к себе меч.

В проем скользнула гибкая и стройная фигурка. Женщина?! Уже интереснее...

Вошедшая отбросила накидку с лица, и тяжелые волны волос обрушились на грудь — весьма заметную, кстати. Выдающуюся в обоих смыслах.

— Халег? — произнесла женщина, и Сухов вздрогнул.

Голос был молодой, в нем чувствовался неуловимый акцент, но не в том суть. Голос обволакивал, голос томил, обещая невероятные услады.

Олег облизнул пересохшие губы и признался:

— Я...

Женщина изящно скинула с себя одежды. Сухов ощутил «сердечный укол». Настолько прекрасного тела он никогда даже не надеялся увидеть. Разве могли быть у живой женщины настолько длинные и ровные ноги? Настолько тонкая талия? Большие круглые груди, не обвисавшие вопреки тяготению?

Кажется, будто природа или Бог трудились из поколения в поколение, вытачивали овал лица, искали рисунок соболиных бровей, волнующую линию груди, ужим талии, чтобы воссоздать изначальную прелесть Евы и Лилит. Каждая клеточка ее тела желанна, любое движение законченно, полно спокойного достоинства и опасной женской силы. Этой бесконечной женственностью, где ангелическое с демоническим сплетено нераздвоимо, можно любоваться всегда, глядеть, не уставая, не моргая даже, сдерживая бурное дыхание. И жаждешь ее отчаянно и в благоговейном трепете стесняешься своего необузданного желания, себя ощущая рядом с нею грубым и отвратным, затхлым и мерзким...

Дразняще качая бедрами, женщина приблизилась к Олегу и опустилась рядом на колени, прилегла, приобняла, коснулась сухими, горячими губами его пересохших губ.

Чувствуя невероятное возбуждение, Сухов обвил руками гибкий стан красавицы, перекатил ее, хватая за роскошную попу, и стал покрывать поцелуями — от стройной шеи до коленок. Он нарочно длил удовольствие, не позволяя осуществить желание, но «шемаханская царица» все сделала сама, отдаваясь торопливо и жадно.

Женщина извивалась под ним, охватывая его ногами и руками, изгибалась, вскрикивала, и вот издала последний сладострастный стон, вытянулась струнко и замерла в его объятиях.

Ладонь Олега плотно лежала под ее левой грудью, и он ловил частое биение сердца незнакомки.

— Как зовут тебя? — спросил он, не думая, по-русски.

К его удивлению, женщина ответила на том же языке.

— Елена... — нежно сказала она и упруго села, добавив: — О, я увлеклась без меры... Надо же... Я назвала тебе свое истинное имя! Впрочем, это уже неважно...

Она подняла руки к волосам, запуская пальцы в густую черную гриву, и вдруг вытащила из прядей тонкий кинжальчик с золотой рукояткой. Замахнулась им...

Олег, мало что понимая, приготовился перехватить красивую гладкую ручку неожиданной любовницы.

— О, господи! — застонала Елена.— Я не могу убить тебя, Халег, сын Ингоря!

Она с силой выбросила руку, и кинжальчик вонзился в одну из тонких деревянных колонн, подпиравших балки потолка.

Женщина вскочила, выпрямляясь, и Олега как пружиной подбросило. Стоя на коленях, он обнял руками бедра Елены, прижимаясь к ней, и сказал:

— Я не знаю, кто ты, но и ты пришла не к тому. Меня в самом деле зовут Олег, но я не сын Ингоря, и не княжич вовсе. Я простой воин... И благодарю всех богов этого и того света за то, что ты ошиблась!

Елена глухо вскрикнула и развела его руки, отступила на шаг.

— Проклятый северный варвар... — проговорила она и неожиданно бросилась обратно, с силой и страстью прижимаясь к Олегу, целуя его лицо, шею, плечи.— Проклятая Евина природа,— выдохнула Елена,— она подвела меня... Прощай!

Оттолкнув Сухова, она вырвалась и кинулась к двери, на бегу подхватывая свои одежды. Хлопнула дверь, затихли легкие шажки.

Олег, опустошенный и счастливый, вдохнул воздух, ловя легчайший аромат женского тела.

— Елена... — прошептал он, словно ощущая вкус этого имени.— Елена...

«Она с ним попрощалась...» — подумал Полутролль. Пройдясь к колонне, он расшатал и с трудом выдернул изящный кинжальчик.

— Фиг я прощусь с тобой... — пробормотал он, сжимая еще теплую витую рукоятку.

Глава 6,

ГДЕ ПРЯМЫЕ МЕЧИ СКРЕЩИВАЮТСЯ С КРИВЫМИ, ЛЯЗГАЮТ АБОРДАЖНЫЕ КРЮЧЬЯ, А ХРАБРЫЙ РОСС ВЕСЕЛИТСЯ, ПОТРЯСАЯ МАГОМЕТА

Полночи Олег искал свою потерю, но варяги на вопрос о черноволосой красавице смеялись только и предлагали Полутроллю брюнеток на выбор — одетых, полураздетых и голых, молодых и совсем еще девчонок, худеньких и капитальных. Но Елены среди них не было.

Сухов не побрезговал обратиться к вездесущим слугам, и ему повезло — одна из кухарок видела Елену. Олег вцепился в повариху, как коршун в цыпленка, и степенная женщина выложила все, что знала,— приходила-де тут одна красоточка, вся такая из себя, спрашивала какого-то русского принца по имени Халег, шаталась где-то по дворцу, а потом прибежала растрепанная вся и расстроенная. Ее встречал пожилой мужик, похожий на евнуха. Оба сели на коней и тут же уехали.

Олег покинул жаркую кухню расстроенным и в растрепанных чувствах. Ясно, что Елена покинула Шемаху,— иначе зачем ей конь? Другой вопрос, что так ее огорчило? Расставание с Олегом? Или все-таки сожаление о том, что не убила «русского принца»? И вопрос номер три, самый важный и самый сложный,— где теперь искать Елену? Бросить все и отправиться на поиски? Благородно, но глупо. Да и смахивает такое поведение на пошлое дезертирство. А тогда что ему остается? Память? И еще «заколка», которой его чуть не заколола самая прекрасная женщина в этом мире и времени...

Утром варяги покинули Шемаху. Улицы города были пусты и тихи — жители попрятались кто куда.

Дружина ехала довольная, веселая. Кони навьючены награбленным добром, желудки набиты вкусной и здоровой пищей, а шемаханские женщины еще не скоро забудут неистовых прелюбодеев с севера.

Один Олег выделялся на общем фоне — он был мрачен.

На второй день пути войско вышло к лагерю у Куры, и князь Инегельд очень удивился, насчитав в строю на один корабль больше, чем он оставлял. Семнадцатой боевой единицей флота стала арабская

дармуна, двухмачтовый корабль с веслами в два ряда. Гордый Вузлев Дракончик, чья сотня сторожила флот, поведал о захвате дармуны:

— Глядим — поднимается медленно вверх по течению, а с палубы арабы все высматривают чего-то по берегам. Ну, мы выплыли и спрашиваем: не нас ли ищете? Тех как сдуло с палубы — попрыгали в воду, и на тот берег, где ихний халифат... А мы эту посудину себе взяли. Рабов расковали, они дунули от нас еще прытче хозяев!

— Молодцы! — гаркнул Клык.— Благодарю за службу. Грузимся! Чур, я на дармуне пойду. Олежа, чего там накалякано?

Сухов разобрался в премудрой арабской каллиграфии и огласил, что дармуна названа «Аль-Кахирой», то бишь «Крепостью».

Варяги перебросали добычу на борт «Аль-Кахиры», расселись сами и дружно засвистели табуну коней, оставленному на берегу, словно прощались с землей Ширвана. Первой на простор речной волны вышла дармуна, за ней в кильватер пристроились лодьи.

Поход удался.

Дармуна, как и ее византийский прообраз-дромон, не имела сплошной палубы. Моряки обходились тремя сквозными проходами — два тянулись вдоль бортов над гребцами, а средний был уложен по оси «Аль-Кахиры», от носа до кормы.

Съемные щиты, прикрывавшие гребцов верхнего ряда, отсвечивали матово в закатных лучах, бимсы наложили «зебру» теней. Во влажном воздухе блестели мощные спины. Раз... два и три, и раз... два и три, и раз... Весла проворачиваются в лючках почти без шума — уключины смазаны, а напитанный жиром войлок подбавляет масляной пленки.

— Перерыв! — весело сказал Олег и принял поданные сверху корзины. Гребная палуба, только что наполненная лишь мерным мощным дыханием, огласилась довольным ворчанием, смешками и хрусткими потягиваниями. Втащив весла, «дромонарии» поднимались со скамей и принимали нехитрый ужин — поджаренный хлеб, рыбу и слабое вино.

— Выйдите, разомнитесь,— присоветовал Олег.— Пусть проветрится немного...

Он подошел к Фудри, закусывавшему на скамье близ миделя, и легонько хлопнул его по могутному плечу:

— Ступай, поспи. Моя очередь.

— Да я еще могу...— вяло засопротивлялся Москвич.

— Гуляй,— сказал Олег.

Добрый молодец с медвежьими ухватками меланхолически прошлепал в носовую часть, где сходились борта, и бухнулся на расста-

вленное там походное ложе из плетеных ремней. Довольное кряхтенье перебило журчание воды, трущейся об обшивку, и легкое поскрипывание дерева.

Надышавшись свежим воздухом, вернулись гребцы.

— Я первый! — заявил Алк Ворон и возмущенно заорал: — Этот уже здесь!

— Ваша лошадь тихо ходит! — хихикнул Фудри.

Гребцы, похохатывая, заняли три оставшихся спальных места, а те, кому не достались ложа, укладывались на скамьи или ложились в проходе на толстых циновках, прихватывая плоские кожаные подушки, набитые шерстью, коими они умягчали седалища при гребле.

Олег сел на такую же, поерзал, умащиваясь, и помог своему напарнику — Воисту Коварному, худому, но жилистому — протянуть весло через лючок. Лопасть, хоть и была узкой, но в кожаную манжету, защищавшую лючок от брызг, пролезала туго.

— Снял бы рубаху...— подсказал Воист.

— Точно,— кивнул Олег и стянул одеяние через голову. А то ходи потом в потной...

— Взялись,— скомандовал он, и четыре ладони крепко ухватились за гребь.

— Весла на воду! — донеслась сверху команда Боевого Клыка.

Малолетка по имени Яр, трубач и барабанщик, задал ритм гребле. Кленовые палочки в его ручонках словно стронули и занесли десятки кипарисовых весел. И раз! Два и три... и раз... два и три...

— Тера-тера!..— звонко запел Яр.— Пентеконтера!

Две сотни гребцов навалились как следует.

Разбудил Олега крик впередсмотрящего.

— Парус на горизонте! — орали с мачты.— Одиночный!

Сухов хотел было вскочить, но подумал, что горизонт далек — можно успеть как следует потянуться, продрать глаза и приготовить организм к переходу в активный режим.

— Паруса справа по борту! — вновь закричали с марса.— Много! И все косые!

Теперь в голосе марсового различалось беспокойство.

— Догнали-таки... — заворчал князь.— Не выдержал-таки шах, собрал флот... Ну и к троллям его!

Олег не стал уже садиться за весло, остался на боевой палубе. Не нравились ему эти паруса справа по борту... Так и слышалось, по памяти: «Вэ-7! Мимо! Гэ-9! Ранил! Гэ-8! Убил...»

— И... раз! Два и три! И... раз!

— Спустить паруса! — заорал Клык.

Паруса разом свернулись, как небывалые полосатые цветы на закате дня, зато сотни и сотни весел пенили, взбивали воду, толкая узкие, хищные корабли к северу.

— Вздеть брони! Свободная смена — к оружию!

Из трюма подняли два сундука с мечами, ножами и секирами, тулы, набитые стрелами, и вязанки копий. Гребцы сели по двое, свободные сменщики живо натягивали кольчуги, кожаные панцири с железным набоем — у кого что было, вооружались и подхватывали щиты.

— Яр, живо на корму, передай всем, чтобы строились в линию!

Лодьи, догонявшие дармуну, стянулись цепью, в которой не было слабых звеньев, и на их палубах тоже было заметно шевеление — русы готовились к бою. Ветер, словно испугавшись близкой битвы, стих. Море расплылось чуть волнистой гладью — природа замерла в ожидании величайшей нелепости — смертоубийства носителей разума.

Олег перевел взгляд за правый борт и нахмурился. К ним поспешала целая эскадра — уж никак не меньше дюжины пятидесятивесельных сафин и двух гурабов. На мачтах обвисали черные флаги с серебряным шитьем, запечатлевшие что-нибудь типа «Мухаммад — пророк Аллаха» или «Аллах щедр». У гурабов и сафин борта были черны, да с белой полосой — означение боевых кораблей.

«Гураб» по-арабски значит «ворон», наверное, из-за ростров-передков их с изображением ворона — сарацины считали эту птицу вестником беды. И впрямь, гурабы были кораблями мощными, быстроходными и маневренными, на каждом стояло по две мачты, а самые выносливые рабы — славины или черные зинджи — гребли ста восьмидесятью веслами.

— К бою! — разнесся долгожданный приказ.

Сафины расходились по трое, отрезая лодьям путь к отступлению — как будто русы собирались отступать! Один из «воронов» покинул строй.

— Переговорщики, что ль? — Боевой Клык приставил ладонь козырьком ко лбу, затеняя лицо.

На носу подходящей сафины стоял, подбоченясь, чернобородый араб в широких синих шароварах и в полосатом халате. Голову его покрывала белая чалма с зеленым лоскутом — знак хаджи. За кушаком этого Синдбада-морехода торчал здоровенный кинжал.

Такая пошлая экзотика, подумал Олег, и на тебе — в реальности! Пошлая реальность?..

Сафина подошла совсем близко, и араб в белой чалме прокричал на корявом русском, каким пользовались восточные купцы, бывавшие в Альдейгьюборге:

— Руси, сдаваться! Тады — живой! Ино — совсем мертвый будешь!

На лодьях загоготали.

— Я — князь Инегельд,— гордо сказал Клык.— А вы кто такие и куда идете?

— Морская стража ширваншаха Абу Тахира Йазида ибн Мухаммада! — надменно отчеканил араб.— Сдавайся, руси! Живой будешь! Кормить совсем хорошо-хорошо! Работать совсем мало-мало!

Боевой Клык прочистил горло и раздельно прокричал обычную формулу русских пиратов:

— Я предлагаю вам выбор! Можете садиться в лодки и добираться до берега, если вам повезет! Или защищайте себя и корабли!

Ничего не ответили арабы — видать, уровень русской наглости превысил сарацинский порог восприятия. Сафина отвалила прочь, а русы продолжили готовиться к бою. Вскоре до слуха их донеслись гулкие удары арабских барабанов, отбивавших ритм гребли. Гурабы стали бок о бок, сафины укрепили фланги, и ширванская флотилия двинулась разомкнутой подковой, грозя окольцевать варягов.

— Весла на воду!

Олег пощупал рукоять меча, попробовал, хорошо ли вынимается. Состояние у него было — не передать словами. Злая радость, азарт, нетерпение и ожесточенность — вот под таким соусом вступал он в первый свой морской бой. Будто смерть, незримым стервятником кружившая над волнами, его минует по договоренности!

— Луки завя-ажи!

Фудри вынул свой лук и принялся его «завязывать» — натягивать тетиву. Уперев нижний рог лука в палубу и еще ногу подставив, он одной рукой потянул лучную спинку к себе, а другой отжал верхний рог, сгибая тугую кибить и двигая по ней петельку тетивы. Есть! Загудела сердитым шмелем витая жилка, запела убийственную песню.

Корабли сближались, и с лодий полетели в неприятеля стрелы. Они гвоздили сарацин, а те, что мимо пущены были, «подстригали» такелаж. Арабские лучники пустили стрелы навесом.

— Щиты вверх! — заорал князь.

Стрелы заколотили по дармуне железным градом. Гребцу Бруни не повезло, прочие «змеи битвы» попали в щиты, занозили палубу, повтыкались в скатку паруса.

Маломощная баллиста с кормы «Аль-Кахиры» метнула увесистую кучку свинцовых шариков, а «скорпион» [1] с носа выстрелил пучком дротиков. Сарацины давали сдачи — осыпали варягов камнями из пращей и фустибалов — метательных палок. Оставляя дымные шлейфы, полетели с гурабов огромные стрелы, обмотанные паклей, смешанной с серой и битумом и пропитанные нефтью. Они вонзались в борта и палубы лодий, заставляя варягов бегать с песком и мокрыми кошмами, чтобы ликвидировать очаги возгорания.

— Щиты сомкнуть!

Еще одно облачко стрел пролилось губительным осадком.

— Князь! — заревел Турберн.— Не забыл ли? У нас таран в носу!

— Не верю я в эти штучки... — с сомнением протянул Клык и решительно махнул рукой: — Полный вперед! Пойдем на прорыв — между гурабами — и ударим сзади!

Нахазы — капитаны гурабов — дружно заработали плетьми, подгоняя рабов-гребцов. «Вороны» начали смыкать строй и готовиться к абордажу. Угрожающе закачались ассеры — управляемые тараны, длинные тонкие балки с оббитыми железом концами. Ассеры свободно висели над бортами гурабов — стоило их как следует раскачать и с силой толкнуть на дармуну, могли ей и борт пробить.

Все просчитали арабы, одного только не учли — на захваченной «Аль-Кахире» не рабы гребли, а варяги, лучшие в мире весельщики. Дармуна прорвалась между гурабов, едва не цепляясь веслами за весла. Ширванцы взвыли, потрясая серпоносными шестами-дорюдрепанами, но уже ни снасти порвать, ни людей покалечить ими они не могли — поздновато спохватились!

«Аль-Кахира» описала широкую дугу, разворачиваясь и разгоняясь, и пошла на таран. Выбранный для удара гураб «Сейф уль-ислам» («Меч ислама») сначала попытался уклониться, потом рванул вперед, но не ушел.

Надводный таран дармуны, окованный медью, с разгону врезался ему в корму. Удар был страшен — таран разворотил борт гураба и вскрыл нижнюю палубу. Весла вспенили воду, «Аль-Кахира» сдала назад, высвобождая таран. Развернулась, как злобный единорог. Сафина, надменно окрещенная «Аль-Мансурия», то бишь «Непобедимая», попыталась сманеврировать, уклониться и не подставить борт. Арабам это почти удалось — дармуна с разгону вонзила свой «бивень» в скулу «Аль-Мансурии». С лодий дармуну поддерживали луч-

[1] «Скорпион» — своего рода станковый арбалет, стрелявший дротиками, короткими копьями или пучками стрел.

ники, держа под обстрелом всю палубу атакованного корабля. Стрелы-срезни сбривали канаты, каленые вели счет убитым и раненым.

С моря подлетели «Зилант», «Вейла» и «Пардус», закидывая крючья на палубу гураба «Аль-Музаффар» («Победоносный»).

— Мечи к бою! Вперед!

Как раз в этот момент, словно подбадривая идущих в бой, налетел порыв ветра. С грохотом упал абордажный мостик, выколачивая пыль из чужеземных досок, и на палубу «Аль-Музаффара» неостановимым железным потоком хлынули варяги. Воины Аллаха бились отчаянно, но кривые скимитары уступили прямым мечам. Мигом проведенный абордаж потряс подданных ширваншаха в обоих смыслах. Противник им достался страшный. Под натиском варягов сарацинские моряки отступали со шкафута на корму, а, пока этот молниеносный бой свирепствовал на «Победоносном», лодьи сошлись с сафинами на встречных курсах, перетасовались, загородились щитами и оголили мечи. Ивор подхватил два копья и метнул их с обеих рук — два ширванца словили их грудью. Боевой Клык махал секирами направо и налево, разрубая щиты и черепа, раскраивая грудины, отрубая ноги и руки. Чудовищная мельница смерти!

— Вперед! Всех на дно!

— Ширванцы-засранцы! — проревел Малютка Свен, поигрывая секирой.

Олег, удерживая равновесие с помощью щита и клинка, перепрыгнул на палубу «Аль-Музаффара». Ударил мечом по ноге подлетевшего сарацина. Пригнулся, уходя от копья. Арабский меч скользнул по щиту, Сухов качнулся в сторону и нанес ответный удар снизу. Стальное острие вошло арабу в горло, и тот страшно заклекотал, давясь и брызгая кровью.

Олегу навстречу кинулись двое гулямов из судовой рати. Оба черноусые, в круглых шлемах, в длинных стеганых хуфтанах-поддоспешниках. Левый ударил кривым мечом, Олег отбил выпад щитом и подсек гуляма ногой. Пока левый падал, правый замахнулся копьем. Сухов рванул навстречу, избегая наконечника и вонзая меч в гуляма-копейщика. Развернулся в приседе и поразил вставшего левого.

Варяги зверствовали на палубах сафин и гурабов, как хори в курятниках. Ширванцы дрались остервенело — не все спешили попасть к гуриям, многим и в дольнем мире жилось недурно,— но «руси» ломили с еще большей силой и яростью.

Очистив «Аль-Музаффар» от полубака до миделя, варяги отжали противника на корму. Тут им неожиданно помогли. Рабы не сидели болельщиками — они ставили подножки ширванцам, подчас расплачива-

ясь за это отрубленными ногами. Однако ненависть, этот «перегной страха», возобладал над всеми их чувствами — рабы помускулистее вырывали свои цепи, наматывали звенья на руку и дубасили сарацин. Те, кто был послабже, били веслами, как киями, целя аскерам в головы.

Отправив особо настырного за борт, Олег столкнулся с рабом-степняком — смуглокожим, с приуженным разрезом глаз.

— Я — Котян! — гортанно выкрикнул раб, бия себя в грудь рукою с обрывком цепи.— Я печенег-мореход! Со мною двадцат человек, и все мы ждат твой слово, коназ!

Мускулы играли под загорелой, порченной плетьми кожей печенега.

— Я не князь,— сказал Олег, оглядываясь.— Пока! Твои люди оружны?

— Вот! — показал Котян кривой скимитар.

— Чистите гураб! Арабов — к рыбам!

— Ага!

«Ворона» дочистили быстро и качественно. Распотрошив «воронов», занялись сафинами — налево и направо полетели горшки с нефтью. Всплески огня, разливавшегося по палубам сафин, вызвали акустический удар: варяги заревели победно, арабы подняли вой ужаса.

По наклоненной палубе тонущей «Аль-Мансурии» проскакал нахаза-переговорщик. Чалмы на нем уже не было, а полосатый халат горел, как растопка из бересты. Вскочив на фальшборт, ширванец кувыркнулся в море.

Паре сафин русы прорубили топорами днища, третья была «вычищена» от живых и залита кровью, четвертая горма горела, пятая шла на дно под сопровождение воя цепных рабов, бурлила вода на месте затонувшего «Меча ислама»...

Но и русам досталось — на «Зиланте» едва половина людей уцелела, «Алконосту» размолотили левый борт, и лодья плыла с сильным креном. Вернее, дрейфовала, потому как теми остатками весел, что торчали из лючков, грести было нельзя.

Не повезло и дармуне — одолев оба гураба, корабль пылал, закиданный глиняными сосудами, полными нефти, смолы и серы.

Чадные клубы дыма стелились над морем, сбиваясь в сине-черное облако. На волнах качались десятки голов, как поплавки,— ширванцы и их рабы спасались в едином порыве.

Пламя разгоралось, а бой стремительно угасал. Поднялся ветер, и дым отнесло прочь.

Победа... Олег ощущал ее именно так — без восклицательных знаков, но с многоточием, знаком сомнения и горечи.

— Халег! — затрубил князь Инегельд.— Освободил моего «Сокола»! Пересаживайся на сафину!

— А тут их две! И обе свободные!

— Бери ту, что к тебе ближе. Олег, Турберн, Фудри! Сигайте на вторую...

Названные перепрыгнули с горящей дармуны сперва на палубу «Сокола», а уже оттуда — на сафину. Рабы — грязные, худые, заросшие, с кругами мозолей на запястьях, смотрели на варягов — вызывающе, заискивая, радуясь.

— Трупы — за борт,— приказал Олег.

Рабы качнулись, заслышав привычные повелительные нотки, но громадный тип с клеймом на плече и лбу оскалил беззубую пасть.

— А кому это ты велишь? — прошамкал он.— Мы теперича швободные!

— Еще раз вякнешь,— мрачно сказал Олег,— дух вышибу! А ну, живо убрать мертвяков!

Рабы бросились исполнять приказ. Человека, на их глазах чистившего гураб, сердить не стоило.

— Котян! — рявкнул Олег.

— Я! — подскочил печенег.

— Это правда, что ты мореход?

Котян осклабился в довольной усмешке:

— Ага! Подкормщик был у арабов, кормщика замещат.

— Иди тогда к рулю!

— Ага!

Захваченные сафины и лодьи окружили «Аль-Музаффар». Гураб решили сделать погребальным кораблем для павших. К его дымящимся бортам по очереди приставали корабли русской флотилии, и варяги переносили на палубу «ворона» погибших побратимов. Скорбная церемония длилась долго, но никто не подгонял похоронную команду — не тот случай. Оставшиеся в живых и ходячие раненые молча стояли у бортов, ветер полоскал их длинные волосы и разносил над морем тоскливую песню.

Последним уложили Яра, маленького музыканта. Угрюмый Вуефаст Дорога вложил в мальчишечьи руки медную трубу и сделал знак товарищам. Альф Убийца и Одд Галат из Ямталанда запалили факелы и разошлись по гурабу, множа поджоги.

В молчании переправившись на свои лодьи, они веслами оттолкнули пылающий «Аль-Музаффар» в его последний рейс — по маршруту «Мидгард — Вальхалла» [1].

---

[1] То есть из дольнего мира в обитель мертвых.

Гураб выгорел дотла. Россыпь углей и тающие шапочки пепла уплыли в сторону брошенного «Алконоста», чья голая мачта качалась наподобие маятника: memento mori... memento mori...

Северо-восточный ветер хазри унялся, задула с юга моряна, и лодьи с сафинами расправили паруса. К Олегу неуверенно подсел давешний клейменый гигант.

— Ты... это...— замялся он,— не шерчай, што я... того... развыступался тогда... Я так, шдуру...

— Пустяки,— проговорил Олег,— дело житейское.

— Ну да, ну да... Меня Кирилл звать, я из ромеев.

— Олег.

— Ага... И куда нас... потом?

— А куда хотите. Вы все били с нами ширванцев-засранцев, а теперь гребете на нашем корабле. По нашим законам, если раб дерется с мечом, то он получает свободу. Если раба садят за весла, то его тоже отпускают на волю. Так что вы все дважды свободные! Можете расходиться по домам...

— По домам... Кто меня где ждет?

Напевая какой-то варварский мотивчик, подошел Котян.

— Ты ж говорит, ест невеста в Кустандине! — припомнил печенег.

— Была...— беззубо заулыбался Кирилл, и Олега резануло жалостью. Надо же, как человеку жизнь изломали...

— Ты знаешь, кто я? — спросил он Кирилла.

— А как же! — пригасил улыбку тот.— Варанг!

— Четвертый год пошел, Кирилл, как я перестал быть рабом.

— Как?! — дуэтом вскричали Кирилл с Котяном.

— А вот так!

Олег изложил свое несвятое житие, скомкав года в минуту.

— А я по-глупому попал...— пригорюнился Кирилл.— Мы с Марией моей хотели пожениться... Тоже четыре уж года тому... Я и домишко пришмотрел в регеоне [1] Пемптон, рядом совсем с Влахерной, там мы тогда комнату снимали. И все бы хорошо, да вот деньжат на хозяйство все время не хватало. И решил я поджаработать. У дядьки моего кубара была, штаренькая, но крепкая еще, на ней он в Левант за товаром ходил. Вот я к дядьке моему — Максим жовут его — и пришстроился. Приказчиком, «подай-принеси». Сходили мы раз в Алекшандрию, и привез я кое-что из того плавания — Мария рада была, мы до шамого

[1] *Регеон* — район в Константинополе.

утра сидели, думали вслух, как это все у нас будет — и дом, и хожяйство, и дети... А потом пришла наша кубара в Антиохию. Золото там дешевле, чем у нас, и решил я прикупить побрякушек для Марии. Но не шторговались мы с тамошним сребродемом-аргиропратом, дорого мне покажалось... И тут какой-то араб — толштенький такой, глазки бегают,— давай меня завлекать. Пошли, говорит, совсем даром отдам! Все есть — чепи, кольца, серьги! И чёрт же меня дернул пойти за ним... В общем, дали мне по башке, и очнулся я прикованным к веслу. Потом в Багдад отплыли, там меня перепродали сюда, на море Кашпийское...

Все помолчали.

— А меня родной брат продат...— выцедил Котян.

— Ну! — выдохнул Кирилл.

— Ага... У нас как — ест большой орда и над ней хан...

— Очень большая? — поинтересовался Кирилл.

— Сорок тысяч воин! — гордо сказал Котян.— Ага... Хан у большой орда был Мурзай — это как конунг у русов, хан у малой — Албатан, он как ярл. А я был бек, имел брат кровный Халил... Ш-шакал! — Котян смолк ненадолго, словно заново переживая давнишнее предательство, и продолжил глухо: — До сих пор снится мой юрта из белого войлока... Кибитки кругом, арбы, кошары, а дальше — стада мои и табуны, и надо всем кизячный дым стелет... Просыпаюсь иногда — вот оно! — а это дым с жаровни... Халил всегда ласков был, и я отмечат его, рядом с собой в юрте сажат... Три зимы назад откочевали мы за реку Данепр, а, когда бродом ходи, Халил и говорит: «Тут, мол, недалеко ромейская ладья стоит, у меня там друзья. Давай, мол, приходит в гости — у ромеев вино, что мед сладко, а уж веселит не в пример кумысу!» Ну я, дурак, и согласился. Надо же, думаю, попробоват! Иначе как сказат «нравится», коли не испытат? Заявились мы... Встретит меня с почетом, усадит на ковры, чару вина подносит... Короче, споили бека Котяна. Последнее, что помню,— это как Халил, трезвый как стеклышко, на коня садит, а соматопрат [1], к коему я угодит, кланяется ему... А я лежу как конь взнузданный и кисну от смеха... Потом...— печенег прерывисто вздохнул.— Меня долго водит по Кустандине, показыват, как обезьяну, в Большом Дворце. Я забавлял царедворцев, пока не надоел, и тогда меня продали на Кандию сарацинам. Я пас их коз, два раза пытался бежат, но меня ловили. В третий раз выжгли тавро на плече, словно я бычок в гурте, и отправили сюда,— Котян топнул по палубе.

---

[1] *Соматопрат* — торговец живым товаром.

Он смолк. Не вел речей и Кирилл. Оба словно пытались осмыслить свое теперешнее положение и тянули на себя одеяло жизни прежней, чтобы прикрыть дыру во времени, оставленную подлостью и рабством, чтобы сметать на живую нитку прошлое с настоящим и определиться с будущим.

— Я не могу обещать, Кирилл,— сказал Олег негромко,— что Мария ждет тебя по-прежнему, но мы непременно найдем ее в Константинополе. Разыщем и Халила...

Больше в тот вечер они ни о чем не говорили. У каждого на душе столько наросло болючего и палящего, что утолить эту боль и залечить этот ожог можно было только наедине с собой, с морем, с небом и с тем Богом, которому возносились молитвы.

Глава 7,

ИЗ КОТОРОЙ ДОНОСИТСЯ ШЕПОТ ЛЮБВИ, СКРИП КОЛЕС И ШЕЛЕСТ ШЕЛКА

С ветрилами, поймавшими попутное дуновение, плылось легко и просто. Лодьи и сафины бодро резали форштевнями мелкую волну, а бек Котян, сменивший убитого кормщика, даже песню затянул. Слов ее никто, кроме бека, не понимал, но гортанный голос, выводивший мелодию, унылую, как зимняя степь, странно сочетался с шумом морских валов и посвистом ветра, путающегося в штагах и шкотах.

Пончик принес немудреный ужин Олегу и спросил:

— Ты чего такой скучный стал?

— Да так... — попытался отвертеться Сухов.

Шура, памятуя, что его друг отличается не только страстью к языкам, но также изрядным женолюбием, ухмыльнулся с пониманием:

— Шерше ля фам? А? Ля фам шерше?

— Ля фам... — вздохнул Олег.— Такая ля фам, Понч, что тебе и не снилась... Чем-то на нее Софи Лорен смахивает. Заметь — не она на Софи, а та — на нее...

— Может, встретитесь еще... — неуверенно проговорил Пончик.

Сухов только плечами пожал — Бог его знает...

Рано утром, когда с левого борта еще таяла тьма, а с правого разгоралась заря, перекрашивая серые сумерки в гламурный розовый колер, по северному окоему показалась черта земли.

— Ну вот,— бодро сказал Турберн,— мы почти дома!

Пока корабли подошли к устью Итиля, красный шар солнца успел взойти, зажелтеть и изгнать ночную сырость.

Дельта великой реки разошлась в обе стороны, пропадая за горизонтом. Еще немного, и лодьи с сафинами вошли в узкую протоку. По болотистым берегам вставали высокие зеленые стены камыша, перемежаясь с зарослями чакана, похожего на гибкие мечи. В воде плескались осетровые, нагуливая вес, на мелководье у берегов гуляли цапли. По затонам крутились стаи уток, в тростниках шелестели кабаны, откапывая вкусные корешки.

Река текла под уклон, и вскоре топкие берега «просохли», их заняли ивы в три обхвата. Ветлы, склонившиеся над водою, отражались в мощных струях — там, где речную гладь не покрывали зеленые лепешки листьев лотоса и его царственные цветы.

За ивами потянулась равнина, заросшая камышом вдвое выше человеческого роста. Над ровной гладью колеблющихся метелок вздымались продолговатые бэровские бугры, на сухих вершинах которых качались под ветром колючие кусты перекати-поля.

— Благодать! — сощурился Железнобокий.

К борту подошел князь и поглядел из-под руки.

— Кажись, керхане встречают,— проворчал он.— Вона, едут...

Разъезд керхан, свободных воинов-хазар, показался из камышовых дебрей. Человек десять всадников были вооружены щитами и плетьми, арканами, привязанными к седлу, и копьями. Черноволосые и смуглые, керхане больше всего напомнили Олегу гастарбайтеров-узбеков. В левом ухе у каждого по бронзовому кольцу, у левого бедра — кривой нож.

Турберн сделал приветственный жест.

— Хон керба [1]! — крикнул он, исчерпав наполовину запас хазарских слов.

Керхане сильно удивились и повернули коней обратно, а их предводитель не придумал ничего лучшего, чем обернуться в седле и погрозить варягам кулаком. На лодьях захохотали.

А местность по берегам Итиля все более «одомашнивалась» — потянулись садочки и огородики, появились виноградники. На зеленых

---

[1] *Хон керба!* — «Зиму прожил!» По весне это восклицание употреблялось как приветствие.

пастбищах, обнесенных изгородями из колючих кустов, паслись лошади. Раз за разом из камышей выплывали узкие рыбацкие челны, в которых трепыхались огромные серебристые белуги.

— Вот где рыбы... — проговорил Фудри, жадно приглядываясь к чужому улову.

— Она здесь дешева,— подтвердил Турберн,— большого осетра можно за полданика купить... И вообще, ничего у хазар своего нету, окромя белужьего клею!

— Подгребаем, однако! — крикнул Котян.— Город Итиль видат!

Олег даже привстал с места, чтобы разглядеть знаменитую столицу Хазарского каганата. Итиль его малость разочаровал — после чудес и диковин Константинополя город на волжских берегах поражал убожеством.

И слева, и справа тянулись на десять верст сплошные глинобитные дувалы, зигзагами ограждая улочки, заросшие зеленой травой. Высокий западный берег был застроен вразброс саманными мазанками с покатыми кровлями и островерхими войлочными юртами, деревянными домами богатеев с горбатыми крышами и культовыми зданиями — церквями с золочеными куполами, облитыми глазурью минаретами, плоскокрышими синагогами и караимскими кинассами.

На низменном восточном берегу расположился Сарашен — «Желтый город» — средоточие купеческих складов и приземистых, с плоскими кровлями и крохотными оконцами, караван-сараев, присыпанных желтоватой пылью. В Сарашене селились купцы и располагались базары — Понедельничный, Вторничный, Средний, Четверговый и Воскресный. Велась торговля на Сук Ар-Раких, невольничьем рынке, на Платяном, Ковровом, Арбузном, Рыбном, Мясном. Продавцы просиживали весь день на корточках в Саффах, торговых рядах вдоль улиц, или запирались в будках менялен. Сарашен был тем перекрестком, где сходились пути из Хорезма и Багдада, Булгара и Альдейгьюборга, и начиналось великое торжище.

А посреди реки лежал длинный остров, вытянутый с севера на юг и окруженный широкой глинобитной стеной. От него к обоим берегам протягивался на цепях наплавной мост из бревен. Из-за стены, окаймлявшей остров, поднимались могучие дубы, посвященные богу Тенгре, но даже они не могли скрыть ровный кирпичный куб дворца и высокую башню — Белую Вежу.

— Там живет сам каган,— показал пальцем Турберн.— Он думает сразу за всех хазар, а те слушаются его во всем, как дети — отца. Каган приказывает, а его управитель иша исполняет повеления. Раньше Вениамин в ишах ходил, а нынче сын его, Аарон, на побегушках у кагана...

— Тогда лучше ишой быть,— рассудил Малютка Свен.— Думать не надо.

Варяги посмеялись и принялись облачаться в «парадную форму» — надо же блеснуть перед хазарочками, выдержать марку.

— Большая деревня,— пренебрежительно высказался Пончик, оглядывая проплывающий пейзаж.

— Большой аул,— поправил его Олег.

Лодьи отшвартовались у причалов Сарашена и совершенно затерялись в длиннющем ряду торговых кораблей. Больше всего было арабских завов и хазарских каюков, плоскодонных, четырехвесельных суденышек, годных лишь для плавания по реке.

Кряхтя и разминаясь, варяги полезли на сушу. Видя целое воинство, на берег высыпали арсии, хорезмийские наемники на службе иши,— все в кольчугах и чеканных нагрудниках, в шлемах, с копьями и кривыми мечами. Но варяги вели себя мирно, и арсии успокоились. Зато мигом оживились сборщики податей в длинных халатах и круглых шапочках, с медными чернильницами у поясов. Часто кланяясь, они окружили Клыка, униженно, но настойчиво требуя выплатить десятину.

Князь спорить не стал — не с руки ему ссориться с ишой. А то, чего доброго, в следующий раз и вовсе не пропустит русскую гридь в набег на сарацин. Боевой Клык повернулся к лодьям и махнул рукой. Ярлы и княжич Халег передали приказ дальше, и вот отобранные гридни потащили на берег охапки ширванских шелков — драгметаллами Клык делиться не собирался.

Сборщики еще чаще забились в поклонах и мигом оприходовали выданные ценности.

Теперь варяги были свободны. Следовало набрать припасов в дорогу, распродать добычу, чтобы до дому привезти звонкую монету. Ну и гульнуть как следует.

— Ты куда собрался? — поинтересовался Пончик.

Сухов безразлично пожал плечами:

— Да так, пройдусь...

— А я на базар!

— Один не ходи, пристройся к Свену, а то тут сплошной криминал...

— Ладно! Ну, ты как стиляга местный.

— Топай, топай...

Олег вырядился в кожаные штаны и шелковую рубаху, в сапоги из сафьяна, а сверху, скрывая меч на поясе, накинул плащ-кису. «Первый парень на деревне,— подумал он с иронией,— а в деревне один дом!»

Но то была присказка, а вокруг творилась сказка. Огромная толпа народу шаталась вдоль пристани, тщательно перемешивая знать и чернь. Высшие жрецы в белых мантиях пересекались с желторизными, разрядом пониже. Проститутки в красных кожаных шароварах приставали к купцам-базарганам, ведущим местную торговлю, и клеились к рахдонитам, везущим товар из-за моря. Сафиры-чиновники, прозванные «синеподушечниками» по цвету подушек, на которых они восседали в диване, раскланивались с «красноподушечниками» — амилями, то бишь таможенниками. Женщины-простолюдинки ходили в платьях из цельных четырехугольных кусков, оголявших шею, руки и ноги выше колен, и щелкали деревянными сандалиями, а хазары-хукерчины, коровьи пастухи, кутались в халаты, из-под которых выглядывали штаны-дотаай и сношенные сапоги. Караимы гуляли в таких же халатах, только головы прятали под высокими войлочными или парчовыми шапками тузурке, похожими на кувшины.

Мелькали чекмени торговых гостей из Хорезма и Самарканда и черные одежды христианских священников, простирающих веру истинную в краю хазар и печенегов. Скрипели арбы, кричали ослы и верблюды, мычала толпа ярбигал — рабов с деревянными колодками на шеях. Воины-каткулдукчи важно шествовали, покрикивая в толпу: «Нижит е! (Будем бить палками!)» И толпа смирела на время, а после снова поднимала крик.

— Конгшиу! — бросил Турберн, морща нос.— По-здешнему это значит «вонь»,— похвалился он знанием хазарского, исчерпанного на все сто.

— Похоже,— улыбнулся Сухов.

— Ступай, Олег.— Железнобокий хлопнул его по плечу.— Погуляй как следует, а то потом до самого Булгара будет только степь да река, река да степь... Давай!

И они разошлись, как в море корабли.

Олег вышел к мосту на остров и пошагал по качавшемуся настилу. Надо полагать, мост служил не только для передвижения — он запирал реку, как стены Дербента — Каспийскую дорогу.

Наплавное сооружение состояло из двух частей, соединенных посередине высоким горбатым переходом, аркой приподнятым над рекой,— это был единственный проход для кораблей, идущих на север или следующих на юг, и он был заперт тяжелой цепью. Граница на замке.

Затопав по гулким ступеням, Олег миновал «виадук», опиравшийся о палубы двух барж, и продолжил путь. Ворота в стене, окружав-

шей остров, были раскрыты — горожанам дозволялось пересекать дворцовую площадь и выходить к мосту, ведущему в Итиль. Тем более что рядом с дворцом кагана возвышались главная церковь и главная мечеть города. И главный иудейский храм, неуклюже копирующий тот, что был выстроен по приказу Соломона. Его плоская крыша была вся утыкана позолоченными гвоздями, дабы птицы небесные не садились и не гадили на святое место.

Перед дверьми храма стоял жрец в желтой ризе, окруженный негустой толпой торговых гостей, по виду — арабов или хорезмийцев, и вдохновенно вещал, похожий на пророка. Олег прислушался. Похоже, что, в самом деле, тут богословскими прениями пахнет.

— Не всем дано войти в храм,— говорил жрец,— а уж в Кодеш ха-Кодешим, святая святых, скрытую завесой парохет, и вовсе нет доступа обычным смертным. Туда является один лишь первосвященник и только раз в году, в Судный день. Он окропляет святилище кровью быка и козла, возжигает благовония в золотых курильницах перед Ковчегом Завета и произносит всуе тетраграммат — сокровенное имя Господа. И все это время он чует Шехину вкруг себя, и ему даже открывается скрытый лик ее...

— Ты нас совсем запутал,— сердито сказал толстый купец.— Какая еще Шехина?

— Шехина,— строго сказал жрец,— это женская ипостась Господа. Когда вы рядом с нею, то ощущаете присутствие божественной силы. Уста наимудрейших гласят, что Шехина была низвергнута коварной Лилит с места Царицы Небесной и ныне бытует среди людей, отсоединенная от Господа. Вся земля преисполнена ею, грехи удаляют Шехину от нас, а благие деяния возвращают ее к людям. Христиане говорят о Святом Духе... Что ж, в приближении и упрощении Шехина есть Святой Дух...

— Нечего нам про неверных рассказывать,— снова оборвал жреца толстяк.— Скажи лучше... Вот тут мне нашептали... Правда ли, что пророк Мусса, коего вы зовете Моисеем, жил с этой вашей Шехиной, снизошедшей к народу, и бросил ради нее свою человеческую жену?

— Это так, но то была не измена, а праведный способ приблизиться к Господу, ибо никто не может видеть лицо Его и не умереть! — жрец заголосил: — Во имя Священного и Благословенного и его Шехины!..

Олегу надоело прислушиваться к богословской перебранке, и он отвернулся. Скучая, оглядел площадь, примыкающую к красным кирпичным стенам дворца. Площадь была вымощена известняковыми плитами. Внутрь дворца вели высокие двери, покрытые золотыми и

серебряными бляхами. Неплохо устроился Небоподобный, Небом рожденный, мудрый каган, равный богам...

Олег усмехнулся, повернул голову — и будто умер. Воскрес и снова погиб. И ожил, чтобы, затаив дыхание, слушая, как часто тарахтит сердце, видеть Елену. Это была она! Кто еще способен так идти, обычной походке придавая вид эротического танца? Шехина, разве что... Или это богохульство?

Женщина шла, кутаясь в длинный плащ, прикрывая им голову, но ее великолепная фигура словно просвечивала сквозь ткань, и Олег испытывал в эти мгновения радость узнавания тех волшебных изгибов и выпуклостей, которых он касался своею рукой. Подумать только!

Незаметно оглядываясь, Елена подошла к дверям, ведущим во дворец. Двое арсиев-великанов скрестили перед нею копья и грозно спросили о чем-то.

Женщина нетерпеливо ответила, и стражи расступились, открывая двери. И затворили их за нею.

Первым порывом Олега было проткнуть мечом обоих арсиев и ворваться следом за Еленой, но он быстро остудил разгоряченный мозг. Не хватало еще заварушку устроить в чужом городе. Тут голову потерять ничего не стоит, но как бы не навредить самой Елене... Да и зачем мертвому даже лучшая из женщин?

Сухов подошел, не торопясь, ко входу во дворец и постарался изобразить простофилю.

— Это здесь каган проживает, что ли? — спросил он у арсиев.

Те его поняли. Гигант, стоявший слева, усмехнулся и ответил густым басом:

— Нету тут кагана, кочует он. Проваливай!

— А можно глянуть, как оно там, внутри? — не унимался Олег.

— Не дорос ты еще,— вступил в разговор другой великан,— чтобы по дворцам шастать. Сказано — проваливай!

— А выход только один? Да?

— Да! — рявкнул левый и сделал вид, что тянется за мечом.

— Подумаешь,— притворился обиженным Олег.— Спросить уже нельзя!

Погуляв по площади, он нашел подходящее место между палатами иши и мечетью, среди неохватных священных дубов. Устроившись в развилке, Сухов приготовился ждать — ему был отлично виден вход во дворец.

Ожидание растянулось, он уже начал было переживать — может, Елена все же другим путем ушла? И тут она явила себя.

Женщина вышла из покоев кагана в сопровождении самого иши, пожилого мужчины с обрюзгшим, бульдожьим лицом. То, что это именно Аарон, сын Вениамина, Олег понял, увидев, в каком низком поклоне согнулись арсии.

Иша говорил Елене любезности, та кивала, после чего небрежно поклонилась, развернулась и пошла по направлению к Сарашену. Ее прекрасное лицо кривила неласковая усмешка — видать, к ише Елена не испытывала особо теплого отношения.

Олег неслышно спрыгнул на землю и зашагал следом за своей красавицей, не приближаясь особенно, но и не теряя из виду.

Красавица перешла по мосту на восточный берег и двинулась по извилистой улочке, огибая пасущихся верблюдов и стайки замурзанных детей, играющих в пыли. На перекрестке, где торчал истукан-балбал из серого известняка, изображавший неизвестно какого героя, Елена свернула к большой церкви. Перекрестившись на храм Божий, она двинулась к большому, приземистому зданию, смахивавшему на конюшню или склад, и остановилась у дверей, снимая с пояса связку ключей.

«Пора!» — решил Олег. Быстро перейдя площадь, он остановился за спиной Елены и сказал как только мог спокойно:

— Здравствуй, Елена.

Женщина охнула и резко обернулась, махнув по лицу Олега черной волной волос. Страха в ее глазах он не заметил. Все что угодно светилось в этих глазах — тревога, опасение, растерянность, но только не страх. И не радость...

— Олег?! — выдохнула красавица.

Не отворачивая своего лица, она ощупью нашла ручку у двери, дернула ее, распахивая, и затащила Олега внутрь. Громыхнул засов. Сухов оказался в полутемном коридоре, свет в который попадал лишь из полуоткрытых дверей в комнаты по сторонам.

— Елена...

— Идем! — решительно сказала названная и, схватив Олега за руку, повлекла его за собой. Ввела в просторную комнатку, устланную коврами с раскиданными поверх подушками, и замерла.

— Господи,— произнесла она,— я не ведаю, что творю!

Она бросила на Олега мрачноватый взгляд, вздохнула, отчего ее груди поднялись еще выше, ощутимо задирая просторное платье.

— Елена... — вымолвил Сухов.— Я никогда не встречал такой красивой женщины, как ты. Никогда не слышал о подобном, не предполагал даже, что бывают такие красы... Мне хочется восхвалять тебя, но язык мой молчит, ибо не с кем и не с чем сравнить мою Елену. Ты несравненна!

Женщина подошла к нему, положила руки Олегу на плечи, погладила его шею кончиками пальцев.

— Поразительно... — сказала она тихо, вглядываясь в его глаза.— Я слушала поэтов, которые воспевали меня в стихах, и скучала. Моей руки просил герцог Бургундский, он осыпал меня хвалами и пел за троих трубадуров, а мне было смешно. И вот я слушаю северного варвара, свирепого воина со стальным блеском в очах, и его слова приятны мне... Сам голос твой волнует мою кровь, и соски грудей стали тверды, как желуди... Я теряю свою волю, из меня уходят силы, я забываю все, чему научена, кроме одного темного знания,— как быть женщиной...

Елена обняла Олега за шею, прижалась к нему, теплая, покорная, желанная, а Сухов таял от одного лишь ощущения близости.

— Знаешь,— признался он,— даже касаться твоих волос, вот так, вскользь, уже услада. Одно лишь легкое касание переполняет меня блаженством...

Елена подтянулась и опалила его ухо горячим шепотом:

— А мне этого мало...

Она расстегнула фибулу на его плече, и плащ упал на пол. Сняла с него пояс с ножнами...

Олег не выдержал, обхватил Елену и принялся целовать, быстро, сбивая дыхание. Женщина лишь улыбалась и поворачивала голову, подставляя то губы, то шею, то ушко.

А руки у обоих будто жили сами по себе — раздергивали пряжки, развязывали шнурки, снимали, совлекали, стягивали...

Нагая, Елена казалась еще прекраснее, но куда уж больше? Олег подхватил женщину на руки, покружил по комнате и бережно уложил на мягкое шелковое покрывало.

— Иди ко мне, мой варвар,— ласково сказала Елена, протягивая руки, и сладко улыбнулась...

...Сложно сказать, сколько же минуло времени, пока обладание друг другом перестало дарить наслаждение и бурное дыхание унялось.

Елена лежала рядом с Олегом, закрыв глаза и мягко улыбаясь. Эта мягкость делала ее бесконечно милой, доверчивой, беззащитной. Хотелось оградить обладательницу улыбки от всех напастей и горестей, прикрыть, отдать все, лишь бы спасти и уберечь.

— Елена...

— Мм?..

Ресницы женщины задрожали и приоткрылись, выпуская лукавый взгляд.

— Что, мой варвар?

— Не называй меня варваром.

— А мне так хочется...

— Тогда ладно...

Перемену в настроении Елены Олег не почувствовал, а воспринял глазами. Женщина села, откинув назад руки, и посмотрела на него через плечо — печально посмотрела, смятенно.

— Что с тобой?

Олег сел рывком, обнимая Елену за плечи.

— Иша тебя обидел?

Женщина вздрогнула.

— С чего ты взял? — пробормотала она.— И при чем тут иша?

— Я видел, как ты входила во дворец.

— Ах вот оно что... Ты за мной следил?

— А за кем следишь ты? — прямо спросил Олег.— Можешь ответить, на кого ты работаешь? Ведь ты ромейка?

— Да,— прямо ответила Елена,— я подданная базилевса Ромейской империи. На него же, как ты выражаешься, и работаю.

— Шпионишь?

— Да... — В голосе женщины появилась усталость и толика равнодушия.— Не узнаю себя... Скажи мне кто-нибудь, что я способна раскрыться, я бы даже не улыбнулась подобной нелепице... А перед тобой я и разделась, и раскрылась... И-зу-ми-тель-но!

— Елена,— сказал Олег серьезно,— об этом не узнает никто и никогда. Твою тайну я не выдам просто потому, что она — твоя. Ты для меня священна... Пафосно звучит, верно? Но это правда... Я чувствую, я знаю, что способен предать из-за тебя, нарушить любую клятву — ради тебя, пойти на любое, самое ужасное преступление, лишь бы сделать приятное тебе...

— Ты удивительный... И очень странный. Непонятный. Варвары такими не бывают...

— А какими они бывают? — улыбнулся Сухов.

— Варвары просты, их желания убоги, а мысли примитивны,— убежденно проговорила Елена.— Им нужны женщины, вино, вкусная еда и война.

— А что нужно тебе? Ты не подумай, что я обиделся на твои слова, просто хочу понять, отчего ты выбрала такой необычный способ служить императору ромеев...

— Я служу не ему,— отрезала женщина,— а империи! Ты не поймешь этого... Ваши правители пока слишком дики и необузданны, они

неспособны сложить государство, народ которого понимает и чувствует, что есть patria...

— Сие означает «отечество». А еще мы говорим так — «родина». Но ты права, на нашем севере еще нет единого народа с общей историей.

— Вот видишь, как ты рассуждаешь! Варвары и слов таких не знают...

— Слава богу, я уже не дикарь в твоих глазах!

— Ты веришь в Господа?

— Н-не знаю...

— Ты странный... Но, господи, как же мне с тобой хорошо! Такое впечатление, что я вместе с одеждой сняла и свой незримый панцирь. Лишилась этой тяжести, осталась голой и беззащитной, но мне спокойно — ты рядом...

Олег продолжал гладить ее руки, незаметно перешел на тугую грудь и почувствовал, что кровь вот-вот закипит.

— Ненасытный... — нежно проворковала Елена, словно радуясь уходу от тяжких дум, неведомых Олегу, и прогнулась, охватывая руками его шею, запуская пальцы в волосы.— Я тоже хочу тебя...

Незаметно стемнело. Сначала в маленькое окошко хлынул рябиновый свет заката, потом он потускнел, сжижая в комнате сумерки.

Елена со вздохом разъяла объятия и потянулась за платьем. Олег, сожалея о быстротечности времени, быстро оделся и затянул воинский пояс.

— Я точно не знаю, когда мы отбываем,— проговорил он с неуверенностью,— но если вдруг случится задержка... Я смогу прийти к тебе?

— Нет. Сегодня мы с Игнатием уезжаем отсюда.

— Куда?

— Это не моя тайна. Олег... — голос Елены стал напряженным.— Послушай меня. Иша... он задумал уничтожить вас. Всех варангов! Сегодня на рассвете арсии сожгут ваши корабли, а людей перебьют.

— Нас трудно убить... — возразил Сухов.

— Арсиев — одиннадцать тысяч! — с силой сказала Елена.— И они уничтожат вас. Да, я знаю, что вы все великие воины, но вы даже не вырветесь из узкой протоки — вас перестреляют из луков с берега при свете горящих лодий!

— Но зачем нас убивать?! Какой смысл?

— Смысл... — криво усмехнулась Елена.— Смысл лежит в соседних комнатах и называется китайским шелком. Его там столько, что боязливый иша забыл про страх. Если с наступлением завтрашнего дня не останется живых варангов, весь шелк достанется Аарону...

— Это было твоим заданием? — тихо спросил Олег.

Елена зябко передернула плечами и выдавила:

— Да...

— Убить всех варангов... — продолжил логическую цепочку Сухов.— Чужими руками. И среди убитых должен обязательно оказаться Халег, сын Ингоря...

— Ты проницателен,— усмехнулась Елена.

Губы ее задрожали, по щеке скатилась слеза. Женщина крепилась, чтобы не всхлипнуть, и это ей удалось, зато крупные слезинки закапали на ковер.

— Елена! — Потрясенный Олег бросился обнимать возлюбленную.— Только не плачь! Прости меня, ради бога, я не хотел тебя расстраивать, но... Ты же понимаешь...

— Видишь,— сказала женщина тонким голоском,— какая я становлюсь слабая, когда ты рядом... Я пять лет не плакала — ни разу, хотя было от чего зареветь. Иди, Олег, иди и предупреди своих. Ведь ты не собираешься спасаться в одиночку?

— Нет,— скупо улыбнулся Сухов,— в этом сила северных варваров. У нас так — все за одного, один за всех.

— Иди... — неслышно повторила Елена.

— Да, конечно... Но... Скажи,— взмолился Олег,— что мы еще встретимся! Я так мечтал тебя найти после той ночи, и вот моя мечта сбылась. И что? Я должен снова терять тебя? Мир так велик, а мы так малы... Скажи хотя бы, как твое полное имя и где ты живешь! Как мне найти тебя?

— Олег... — Елена грустно покачала головой.— Мы слишком разные. Я... Да, наверное, я полюбила тебя, но вместе нам не быть. Поверь! Я принадлежу к древнему роду Мелиссинов и возведена в высший ранг зоста-патрикии, а кто ты?.. Мой дом в Константинополе найти нетрудно — свернешь от форума Константина направо и выйдешь к церкви Святого Сампсона. Я живу поблизости... Но зачем тебе искать меня? Не сейчас, но потом я обязательно вернусь в круг той жизни, и где в ней найти место тебе? Вот здесь,— женщина прижала ладонь к груди,— здесь ты у меня!

— Я понимаю,— опустил голову Олег,— ты, конечно, права... Но я все равно отыщу тебя! Хотя бы для того, чтобы убедиться — ты жива и по-прежнему красива... Вот, возьми, это твое... Твоя «заколка».

Женщина приняла протянутый кинжальчик и грустно улыбнулась.

Олег поцеловал Елену в последний раз.

— Прощай,— прошептала она.

— Нет,— наметил улыбку Олег,— до свидания!

Повернувшись, он покинул комнату. Прошагал по коридору, вышел на улицу. Ноги сами несли его, удаляя от любимой женщины, от тепла и счастья, наполняя душу холодом, разверзая пустоту. Счастье... Елена права — кто он и кто она? Интересно, кем бы эта восхитительная фемина представила его в свете? Да он и сам бы не позволил ей так портить репутацию. К чему знатной женщине быть замеченной в порочащей связи? Елена Мелиссина...

Свежий воздух малость освежил Олега, вернул его в реальность. Терзаясь раздумьями, он не заметил, как вышел к пристани.

Лодьи он обнаружил по звуку — варяги мощно хохотали, оживленно делясь наблюдениями, рассказывая о своих похождениях в стольном городе хазар.

Найдя лодью «Сокол», Олег перепрыгнул на борт и сразу столкнулся с Турберном.

— Ты уже здесь? — проворчал Железнобокий.— Быстро же вы, молодые, справляетесь...

— Князь где? — резко спросил Сухов.

— Зачем тебе? — удивился старый воин.

— Беда, Турберн.

— Пошли,— посуровел тот.

Инегельда они нашли на корме. Боевой Клык зверски зевал, раздумывая, ложиться ли ему спать или погодить.

— Клык,— негромко обратился Железнобокий,— тут Олег что-то важное сказать хочет.

— Валяй... — зевнул светлый князь.

Сухов сдержанно и сухо рассказал о зловещих планах иши. Зевота у Клыка прекратилась моментально, князь напрягся и сжал кулаки.

— Вот оно что... — протянул он.— А я-то думаю, и чего это они факелы жгут на мосту? А оно вон как...

— Тут еще кое-что,— добавил Турберн.— На севере — мост, и на юге проход нам закрыли — там каюки их цепью выстроились. Наверное, их еще и связали друг с другом. Заперли реку. Не войти, не выйти!

— Ничего,— процедил Клык,— выйдем! Так ударим, что от того моста одни щепки поплывут!

— Княже,— вставил слово Олег,— а если уйти по тихой? И оставить ишу в дураках?

— Это как же? — усмехнулся князь.— По суше уплыть?

— Именно! Только не уплыть, а уехать.

— На чем?!

— А это мысль,— заинтересовался Турберн, любитель всяких новинок.— На волоках телеги-колы есть и дроги, везут же они лодейки...

— И где ты тут колы видал? — агрессивно сказал Клык.— Тут не те колы, что на колесах! Тут другие, заостренные с одного конца! Тот конец жиром мажут и насаживают тебя дыркой в заднице!

— Есть же арбы,— подсказал Олег,— они еще пошире колов будут.

— Короткие больно... — засомневался Железнобокий.

— А если по две сразу? И ремнями соединить, чтобы не разъезжались?

— Вы что,— нахмурился князь,— серьезно?

— А что делать? — развел руками Сухов.— Не хочу я на кол, больно будет!

Турберн захихикал. Клык посопел-посопел и решил:

— Ладно! Ты, Олег, хватай «чёртову дюжину» и шуруй, арбы добывай. Волов не забудь!

— Может, лошадей?

Князь подумал и мотнул головой:

— Не, лошади послабже. И шумные они, а волам все едино — тянут и тянут... Ладно, иди. Железнобокий, что расселся? Вперед! Я пока всех обойду, предупрежу. Проверю заодно, все ли на месте, не загуляли ли. Вы еще здесь?

Олег с Турберном мигом канули в ночь. Следом за ними ушли Ивор и Малютка Свен, Стегги Метатель Колец и все остальные. Железнобокий объяснил задачу, и «чёртова дюжина» отправилась добывать арбы.

У причалов и на соседних улицах, выходивших к реке, «чертова дюжина» отыскала десятка два хазар, наблюдавших за варягами. Князь запретил их убивать, дабы не осложнять международную обстановку, так что русы лишь отпинали соглядатаев и повязали их. Вся операция балансировала на грани провала — достаточно было хотя бы одному хазарину или арсию подать сигнал тревоги, и началась бы большая резня. Но пока все было тихо.

Глубокой ночью на пологий берег у пристани упряжки волов выкатили громадные арбы, чьи оси были щедро смазаны бараньим жиром.

Пятясь по велению варягов, волы скатили арбы, связанные парами, в воду и сами вошли в реку почти по брюхо. Только тут животные проявили первые признаки беспокойства.

А варяги, уложив мачты своих лодий на палубы, заталкивали «Пардусов» и «Соколов» на квадратные повозки, действуя почти на ощупь — тьма стояла кромешная. Лодьи скрипели килями по дереву

арб, но становились как надо. Команды шустро распирали их клиньями, подбивали подпорки, привязывали штевни к тележным бортикам и тихо понукали волов. Те, накормленные сытным зерном, вытаскивали лодьи на сушу. Огромные колеса, в диаметре больше человеческого роста, оставляли глубокие колеи в песчистом грунте, но буйволы вытягивали небывалую поклажу и неторопливо везли по улицам Сарашена. Одна упряжка, другая, третья... Десятая... Шестнадцатая.

— Все,— глухо сказал князь.— Сматываемся. Надо поскорее уйти, и подальше.

У Олега мелькнула идея, которую он тут же воплотил в жизнь — побежал к знакомой церкви. Волы, везущие лодьи, как раз шествовали мимо храма. Олег подбежал к дверям, которые еще днем отпирала Елена, и увидел, что они незаперты. Ворвавшись внутрь, он метнулся в ту самую комнату — никого. Оббежав все помещения, он убедился, что Елена и ее провожатый исчезли, покинули Итиль в неизвестном направлении.

Сбавив шаг, Олег заглянул в кладовки. Так и есть — на деревянных полках были аккуратно разложены небольшие — с локоть — рулоны шелка, уложенные в холщовые мешочки. Сколько тут этого шелка...

Выскочив на улицу, Сухов позвал за собой варягов.

— Чего там? — недовольно проворчал Малютка Свен.

— Шелк там,— нелюбезно ответил Сухов.

— Да ну?! Много?

— Хватит на всех.

— Ух, ты!

Светлый князь, узнав о находке, злорадно улыбнулся.

— Обрадуем ишу! — хохотнул он и тут же распорядился: — Цепочкой становись!

Рулоны перебросали быстро. Кидали прямо на палубу. Проезжала одна лодья, швыряли на следующую. Товару хватило на пять кораблей.

Олег в последний раз глянул на шпиль церквушки, вздохнул и рысцой догнал своих.

Одно было хорошо в Итиле — у города не было стен. Вообще. Ни глинобитных, ни частокола. Так что арбы, влекомые равнодушными волами, свободно пересекли черту города и растворились в степи.

Под утро лодьи были спущены на воду. Свежий ветер с юго-запада наполнил паруса, но и веслам нашлась работа — течение у Итиля было неслабое.

Погони варяги не шибко опасались — на воде их взять трудно. У хазар был свой командующим флотом, звался он джавшигаром, вот только кораблей у джавшигара не было...

Чем дальше на север, тем суше делались берега. Исчезли ивы. Гладкая степь по берегам взбугрилась пологими холмами, прорезанными глубокими, поросшими лесом оврагами. Воздух был влажный и резкий.

Стоял июнь, степные увалы нежно голубели россыпями незабудок, а среди них, золотым шитьем, выделялись пятна степного крестовика и лютика.

В середине июня, когда лодьи поднялись по Итилю выше земель коротконогих буртасов, по степи разлился темно-лиловый шалфей и желтый козлобородник, а к концу месяца пологие склоны перекрасились в снежно-белый цвет — пришла пора клевера-белоголовки и таволжанки.

Ближе к середине июля, когда варяги прибыли в страну булгар, зацвел эспарцет, и подувядшая белизна степи приняла тускло-розовый оттенок. И это был последний всплеск цветения. Скоро задуют суховеи, и пышное разнотравье побуреет, словно готовясь к слезливой осени. И это степное уныние будет в тон настроению Олега — в Полутролля вселилась тоска.

Глава 8,

ИЗ КОТОРОЙ ДОНОСЯТСЯ СТЕНАНИЯ И ХРИПЫ, А ОЛЕГ ПОМИМО ВОЛИ УЧАСТВУЕТ В ЯЗЫЧЕСКИХ ОБРЯДАХ

Утро было теплым, обещая жаркий день. Петухи устали кукарекать и смолкли, переключились на повышение рождаемости. С Итиля тянуло влагой, доносились плеск весел и смутный говор рыбаков. Олег, умывшись из бадьи с дождевой водой, устроился на завалинке и занялся делом — стал щит чинить, набивая по кругу вощеную воловью кожу, твердую, как доска.

В землях булгар у князя «все было схвачено» — купцы из его рода, Адулб, Адун и Гомол, выстроили целую факторию, где складировали товар, чинили лодьи и кнорры, бывало, что и зимовали. Здесь и расположилась дружина. Помещений на всех не хватило, большая часть личного состава ночевала в шатрах, но варягам не привыкать, да и не ведали в этом времени обо «всех удобствах» — спали, где положат, ели, что дадут.

К исходу серых сумерек, олицетворяя собой команду «подъем!», явилась Сфандра, невольница Адуна. Она семенила по двору, держа

перед собой большую деревянную лоханью, полную холодной воды. Дотащив свою ношу, девушка-тир сердито брякнула лоханкой, выставляя ее на лавку. Вода плеснула Сфандре на босые ноги, не улучшив настроения рабыни.

— Носи им тут, носи,— пробурчала она,— будто река от них далеко!

Из «длинного дома» вышел князь Инегельд Боевой Клык в одних кожаных штанах. На широкой груди его светлости колечками вились седые волосы, растрепанные космы цвета соломы торчали во все стороны. Всю правую руку князя, от ногтей и до шеи, обвивали зеленые драконы, переплетаясь с ветвями, грифонами и клювастыми птицами.

Почесав под мышками, Инегельд потянулся, отчего взбугрились чудовищные мышцы спины, выдохнул с силою, крякнул в доволе и приступил к утреннему туалету.

Ухая, Клык набирал полные горсти воды из лоханки, омывая лицо, руки и волосы. Отряхнувшись и жмуря глаза, он заворчал в поисках полотенца. Сфандра была тут как тут, протягивая князю чистую холстину. Подождала, пока тот утрется, и сунула в руки гребень.

Расчесываясь, Боевой Клык прислушивался к звукам, доносившимся из дома,— двое или трое гридней прелюбодействовали с рабынями, коих купец Адун доставил на продажу. Сфандра приготовилась улизнуть.

— Погодь,— буркнул Инегельд.

Девушка преувеличенно громко вздохнула, сняла с себя клетчатую поневу и задрала длинную рубаху, оголяя крепкий задик. Прогнулась, упираясь в лавку руками, раздвинула ноги. Боевой Клык засопел, распуская ремень и стягивая штаны. Выражение его лица в этот момент было деловитым и сосредоточенным. Он шагнул, качая напряженным членом, и овладел девушкой с ходу, не тратя времени на прелюдии и церемонии. Облапил крутые белые бедра темными, мозолистыми ладонями, мощно задвигал тазом, пыхтя и покряхтывая. Сфандра стонала в такт, изредка вскрикивая, пластаясь по лавке, раскидывая по ней руки. В момент могучего крещендо Инегельд изогнулся, конвульсивно и порывисто, не сдерживая шумного дыхания, и ухватил рабыню за груди. Та закричала, не то притворяясь, не то и вправду получая удовлетворение.

Стали выбираться во двор гридни. Все споласкивали в лоханке руки, умывались и брызгались. Вытирались, расчесывали длинные волосы или заплетали косицы. Татуировки отмечали всех подряд, причем у Турберна, как у самого опытного воина, были изрисованы обе загорелые, обросшие мышцами руки, а зубастая пасть синего дракона, обвивавшего левую длань, забиралась на середину груди.

— Олег! — кликнул Сухова Боевой Клык.— Пошли, поможешь мне...

Олег с готовностью поднялся, запахиваясь в грубый воинский плащ-кису и перекидывая полу за плечо, чтобы правая рука была обнажена и свободна. Инегельд — в такой же кисе, при мече и секире,— подождал его и отправился за «длинный дом», где в загоне паслись коровы и овцы — живой припас для вечно голодной братии.

— Надобно жертву принести Велесу,— строго сказал князь.— Старый Адулб привез много товару, а тут, как я погляжу, сарацин — как мышей в амбаре, живо расторгуемся... Ты давай, корову веди, а я пару овечек прихвачу.

Олег выбрал самую старую коровенку и потащил ее за собой, накинув веревку на рога. Корова сопротивлялась, упираясь по-ослиному. Инегельд поступил проще — подхватив двух овечек под мышки, он по очереди взвалил блеющих животин на широкие плечи и потопал до святого места.

Олег повлек буренку туда же.

Капище расположилось на полдороге между якорной стоянкой и поселком при русской фактории. Это была невеликая полянка на берегу реки. С краю полянки был вкопан высокий столб в обхват с вырезанным ликом Велеса, покровителя купли-продажи. Кругом его скучились малые идолы, а позади них были врыты в землю высокие столбы.

По дороге к святому месту за Олегом, ведущим строптивую корову, увязались человек десять в потрепанной одежде, очевидно надеясь, что и им перепадет мясца.

Процессия миновала шатер, в котором маялся Радим, подхвативший лихорадку,— гридь следовала жестокому, но здравому обычаю, согласно которому больных селили отдельно. Даруют ли ему здравие боги, вылечит ли Радима Пончик, неясно, а разносчик заразы изолирован.

Череда идущих обогнула высокий, толстый клен, на котором висел почерневший Тугарин-разбойник, и вышла к капищу. Намоленное место...

Князь небрежно скинул мекающий груз, тут же подхваченный угодливыми руками, и простерся ниц перед Велесом. Выпрямился, стоя на коленях, и воздел руки в молитве:

— О господине! Я пришел издалека, со мной девушек двадцать голов, соболей и бобров — сорок вязок, меду всякого виду — тридцать колод, воску топленого — три десятка полновесных кругов, шелку почти сто штук. А этот дар я приношу тебе, о податель приплоду и богатства!

Инегельд скинул плащ и вооружился секирой. Одним ударом зарубив корову, он, походя, прикончил овец. Беднота распотрошила жертвы, разделала на части, за что князь швырнул горсть медных дани-

ков. Мелочь и мясо порасхватали босяки, а что осталось, Клык преподнес Велесу.

— Желаю,— сказал он, договариваясь с богом,— чтоб ты мне доставил купца с динарами и дирхемами, который купил бы у меня все, что я желаю продать, и не прекословил бы мне во всем, что я ему ни скажу!

Боевой Клык торжественно водрузил коровью башку на столб, пачкаясь в крови, а Олег, ежась в душе, насадил на шесты головы овец. Все, исполнен обет, кровью подписан «протокол о намерениях» с небесами. И пусть только попробуют нарушить контракт! Сухов только головой покачал. Что за идиотство...

Князь, довольный и успокоенный, обтер руки о росистую траву. Хотел было кису накинуть на плечи, но тут ему помешали.

К капищу подвалили булгары, подданные царя Балтавара, коих оный царь решил обратить в ислам. По этому случаю в Булгар прибыло целое посольство во главе с Сусаном ар-Раси, направленное в северные пределы по личному указанию халифа аль-Муктадира.

Растерянные арабы потерялись в толпе булгар, облаченных в халаты с вышивкой, брякавших наборными поясами и подвесками. Местные кричали то радостно, то гневно, и «гости города» робели, не понимая булгарского наречия.

Не разумел его и Олег, но вот настрой толпы уловил — новообращенные булгары шли бить язычников-русов. Достанется и богам — у многих в руках горели факелы и посверкивали топоры. Новообращенные успели давеча расколоть молотами грубое изваяние Зиланта, местного змия, которому поклонялись булгары, нынче записанные в язычники.

Приблизившись к границам капища, погромщики столпились и заорали, распаляя себя,— их легкие не хулу исторгали, а разжигали в себе злобу к неверным, как меха воспламеняют горнило.

Босота, прижимавшая к груди кровавые куски мяса, сбилась в кучу, не ведая куды бечь.

— Кто подмогу кликнет,— бросил Олег,— получит дирхем!

Вдохновившись, бедняки ринулись на прорыв, попрыгали с обрывца на берег, скрылись.

Клык молча перебросил в левую руку верную секиру, а правой выхватил меч. В глазах его, пронзительно-синего цвету, заплясали огонечки бешеного веселья, а рот искривился зловещей ухмылкой. Олег тоже оголил свой клинок.

Толпа, казалось, только и ждала этого. Кто-то в задних рядах завыл, закричал, старательно выговаривая чужеродную формулу:

— Аллаху акбар!

И булгары с ревом бросились на русов, потрясая топорами и дубинами, кроя воздух скрамасаксами, полуножами-полумечами.

Инегельд со звериным рыком обрушил на булгар дюжину ударов. Он рубил сверху увесистым полуторным мечом и поднимал его для следующего удара невероятно быстро. Ударив, он тотчас отскакивал, чтобы не попасть под встречный выпад.

Здоровенный косоглазый детина с дубиной наперевес напал на Олега. Окованная железом палица мечу не поддастся...

Сухов увернулся раз, увернулся другой, а потом, пока косоглазый замахивался, подрубил ему ногу, да так, что из лодыжки вылез розовый осколок кости. Булгарин взвыл и рухнул наземь, а Олег насадил на меч дружка косоглазого, с головой, неумело обмотанной тряпкой на манер чалмы.

Боевой Клык гробил врагов, не зная устали. Тяжелая секира так и мелькала, круша черепа и ребра, а меч разил с правой, разбрызгивая кровь по капищу.

— Примите подарок о, боги! — взревел князь, скалясь без натуги.— Жертвую вам этих двуногих баранов!

Небрежно перешагнув через окровавленные тела, он продолжил сеять смерть. Олег поддерживал его устремления с левого фланга.

Толпа внезапно отхлынула, но не разбежалась — булгары устроили себе роздых. Боевой Клык невозмутимо опустил секиру и проворчал:

— Зря ты щит не взял...

— Думаешь, стрелять начнут? — спросил Олег.

— А то...

— Где же наши?..

— Заучи урок: надейся только на себя!

Из орущей толпы прилетела пара стрел с широкими наконечниками, как у хазар. Однако стрелки были никудышные — Боевой Клык свою отбил рукою, а Олег перерубил «змею битвы» в полете.

И тут взревели знакомые голоса — гридни навалились на булгар с тыла, прорубая себе дорогу сквозь кровь и кости. Толпа дрогнула и стала таять — новообращенные разбегались, не спеша угодить к гуриям.

Инегельд с Олегом вытерли оружие о халаты убитых и двинулись навстречу разъяренной дружине.

— Дозволь, княже! — прорычал Малютка Свен.— Дозволь догнать и порешить! Искрошим, как морковь для похлебки!

— Это не воины,— утишил его князь,— не стоит поить наши мечи их вонючей кровью. Все живы-здоровы?

— Почти,— скривился Турберн Железнобокий. Лицо старого вояки выражало печаль — немного натужную, но гридню долго скорбеть не положено.— Грустную новость сообщаю тебе — Адулб помер!

— Помер, говоришь? — хладнокровно повторил князь.

— Кровь пустили старому Адулбу, прямо на торгу. Убийц мы поймали и повесили — это были Талут и Безмер, местные лиходеи.

— Ага... Ясно. Что ж, задержимся в булгарах, похороним купчину как следует. Адулб еще с Аскольдовым сыном хаживал, хазар бил, Миклагард брал. Послужил честно и Водану, и Велесу. Объяви всем: сегодня кладем Адулба в могилу, а девки его пущай одежду кроют и шьют. Треть добра семье возвернем, на остаток погребем Адулба. Пошли, братие...

Временную могилу выкопали глубокую, положили в нее умершего, поставили рядом с ним кувшин с вином, закуску, гусли и закрыли яму крышкой, присыпали сверху землей.

Девушки шили Адулбу богатые одеяния, работники его и рабы-трэли варили пиво, а князь Инегельд лично сыскал погребальную лодью, не старую еще посудину, на которой не стыдно будет вплыть в мир иной.

Олег злился на задержку, но что уж тут поделаешь? И он носился со всеми вместе, исполняя требования сложного обряда.

Лодью уже выволокли на берег, втащив на березовые подпорки, покрасили и обновили, а вокруг вкопали столбы с личинами богов.

Двое молодых воинов-дренгов подняли на палубу широкую скамью и покрыли ее вышитыми коврами, разложили подушки из ромейской парчи. Другая парочка натянула над скамьёю походный шатер, а толстая старуха с видом лютым выстлала ложе драгоценными паволоками. Была она «ангелом смерти», проводницей за последнюю черту, в обиталище предков. Таких, как она, выбирали трудно, ибо не всякая женщина могла без ущерба знаться с нежитью, не каждая умела пройти по лезвию меча между белым светом и иномирьем.

И настал черед страшного выбора — мертвецу нужна была подруга.

Инегельд поступил по-солдатски — вывел всех рабынь и наложниц купца и прямо спросил:

— Кто умрет с Адулбом?

Красны девицы стали бледнеть. Страх умереть боролся в них с желанием попасть в рай, не дожидаясь старости. Девушки переглядывались, будто ища в подругах ответ на мучивший их вопрос. И вот одна из рабынь храбро выступила вперед, звонко выкрикнув:

— Я!

Сероглазая, с носиком в конопушках, девушка смотрела с вызовом и отчаянием, ибо понимала — назад дороги нет. Ее заостренный подбородочек мелко вздрагивал от волнения, зрачки расширились настолько, что цвет глаз стал походить на карий.

— Звать как? — поинтересовался Клык.

— Гута,— ответила сероглазая.

Инегельд кивнул и показал пальцем на двух девушек:

— Ты и ты! Стерегите Гуту и всегда будьте рядом.

— Да, господин,— смиренно ответили девушки.

Турберн собрал местных старух, и те затеяли посмертную брачную церемонию. Гуту переодели в белую рубаху, расплели ей волосы и напоили вином.

Седобородые деды наяривали на гуслях плясовую, им подыгрывали на гудках и бубнах, колотили в барабан, а оседлый печенег по прозвищу Кангар дул в здоровенную серирскую трубу с бычьей головой из серебра.

Пьяную сероглазку взяли под руки и трижды провели вокруг похоронного корабля, а гридни колотили мечами по ножнам и щитам, притоптывали в такт.

— Поженили... — пробормотал Пончик.

— Замуж выдали,— поправил друга Олег.

— Вот счастья девке привалило...

— Как сказать... Она-то уверена, что смертью оплатила билет в жизнь вечную... Ладно, пошли отсюда. Князь приказал две бочки александрийского выкатить...

И вот наступил день прощания. Четверо пожилых гридней сгребли землю с могилы и подняли крышку. Медленно и торжественно извлекли почерневшее тело в покрывале, вынули кувшин с пивом, закуску и гусли.

— Я уж думал,— сказал Пончик облегченно,— вони будет...

— Да он там как в морозильнике лежал,— фыркнул Олег.— Тут, Понч, каждая мелочь продумана.

— Все равно как-то мрачно все.

— Пончик, ты не на дне рождения...

Девушки под пение старших товарок надели на Адулба шаровары и носки, натянули сапоги, а сверху — парчовый кафтан с золотыми пуговицами, нахлобучили на мертвую голову шапку из соболя.

Протяжно голося, гридни понесли умершего в предпоследний путь.

А толпа на берегу реки собралась изрядная — многие знали купца и пришли проводить, отдать дань уважения умершему, а большинство явилось для участия в тризне.

Задубевший труп устроили на ладье и подперли его подушками. Приглашенные понесли подарки — пиво и вино, благовония и овощи, каравай хлеба, блюдо жареного мяса. Рассекли на две части собаку и бросили на палубу. Обок с умершим положили его оружие, ломаное и гнутое, чтобы никто из живых не покусился. Трэли вскочили на двух коней и гоняли их, пока те не вспотели, после чего скакунов порубили мечами и загрузили на корабль. Зарезали петуха и курицу и кинули туда же.

А девушка, избравшая наикратчайший путь в небесную усадьбу, ходила по рукам, по очереди отдаваясь родственникам и друзьям покойного, и те говорили избраннице: «Скажи своему господину, что я сделал это по любви к тебе».

— Не, я бы так не смог,— тихо прокомментировал действо Пончик.— Группен-секс мне никогда не нравился.

— Так это ж не свальный грех,— возразил Олег,— а священнодействие! Хотя... Знаешь, первым я бы стал, но в очередь становиться... Ну уж, нет уж!

Когда настало среднее время между полуднем и закатом, Гуту повели к священным вратам — двум рогатинам, врытым в землю, с перекладиной, укрепленной поверх. Этакий косяк без дверей и самих стен.

Избранница, напичканная зельем, встала ногами на сложенные руки двух могучих гридней, и те подняли ее выше перекладины.

— Смотри, смотри хорошенько! — кричали ей.— Что открылось тебе?

— Вижу отца моего и мать мою! — радостно голосила Гута. Язык ее малость заплетался.

Гридни спустили «невесту» вниз и снова подняли.

— Вот вижу всех умерших родичей сидящими!

— Не ждет ли тебя муж? — крикнула «ангел смерти», когда жена мертвеца воздвиглась на крепких руках в третий раз.— Видишь его?

— Вижу! Вижу! Вижу моего господина сидящим в раю, а рай прекрасен, зелен! С ним взрослые мужчины и мальчики... О! Муж мой зовет меня! Он хочет меня, ведите меня к нему!

«Ангел смерти» подала Гуте курицу, избранница отрубила ей головку, а трепыхающуюся тушку бросили на ладью. Мрачный спектакль, где был просчитан каждый акт, близился к концу.

Сероглазая сняла серебряные браслеты и отдала старой карге. Отстегнула серебряные пряжки и протянула их двум девушкам, прислуживавшим ей все эти дни, от «свадьбы» до похорон. И повели Гуту на лодью к муженьку...

Мужчины со щитами и палками поднялись следом, и Турберн протянул сероглазой кружку с вином — девушка пропела над нею, прощаясь с подругами, и выпила до дна. Турберн тут же налил вторую. Гута затянула длинную песню, задабривая силы добрые и пугая демонов.

«Ангел смерти» еле дотерпела до конца сольного номера и ввела «жену» к «мужу» в шатер. За пологом скрылись шестеро мужиков от рода Адулба и хором сочетались с Гутой.

И вышел срок — сероглазую простерли бок о бок с мертвецом, двое схватили ее за ноги, двое за руки, а «ангел смерти» обвила стройную шейку Гуты красивым шнурком и протянула концы его третьей паре «любовников». Мужики крепко затянули шнурок, душа сероглазую, а старуха яростно втыкала ей в бок большой ширококлинный кинжал.

Стоны и хрипы удушаемой не доносились до берега — гридни со всей мочи колотили мечами по щитам, заглушая озвучку ритуального убийства.

«Ангел смерти» выпрямилась, и по толпе разнесся выдох: Гуты больше нет! Она ушла туда, откуда не возвращаются.

Адун, ближайший родственник умершего, двинулся спиною к ладье, держа в одной руке факел, а другой пятерней вцепившись в собственный голый зад, пока не зажег погребальный костер, разложенный под кораблем. За ним пошли остальные, запаливая ладью со всех сторон. И каждый их шаг, любое движение или слово было утверждено строжайшим обычаем, все имело свой смысл и причину.

Пончик постеснялся участвовать в действе, а Олег зажег факелом изгородь-краду вокруг погребального корабля, оплетенную соломой,— замкнулся круг из огня, спрятал от глаз людских ход в страну мертвых, куда вступал Адулб, рука об руку с молодою женой.

Сильный огонь охватил корабль, потом подул сильный, грозный ветер, словно насланный милостивыми богами, и неукротимое воспламенение усилилось еще пуще.

Жар был велик, и Олег отошел подальше, прикрываясь рукою, пока не остановился рядом с Боевым Клыком.

К светлому князю приблизился заезжий сарацин, поклонился Инегельду и спросил кротким голосом:

— Дозволено ли будет гостю этих мест присутствовать на похоронах достойного Адулба?

— А чего ж нет! — хмыкнул князь.— Кто таков будешь?

Араб поклонился и ответил:

— Меня зовут Ахмед ибн-Фадлан ибн-аль-Аббас ибн-Рашид ибн-Хаммад. Я прибыл в эту холодную страну из славного города Багдада, дабы помогать послу святейшего халифа в его славных делах... Во имя Аллаха, велик Он и всевышен!

— Да уж, славных дел вы натворили,— проворчал Клык.— Распалили булгар так, что те взбесились!

Ибн Фадлан прижал пятерню к сердцу и поклонился.

— Ладно, чего уж там... — махнул рукой князь.— Присутствуй.

Араб отвесил дежурный поклон и осторожно поинтересовался:

— Обычай сжигания мертвых известен в Индии, где люди поклоняются множеству богов. Русы тоже предают своих мертвецов огню. Мы же, боящиеся Аллаха, хороним их. Чей же обычай лучше?

Боевой Клык фыркнул и ответил со снисхождением:

— Вы, арабы, глупый народ. Вы берете милейшего и почтеннейшего для вас из людей и бросаете его в землю, где он становится добычей пресмыкающихся и червей. Мы же сжигаем павшего или умершего в огне, в одно мгновение, и он в тот же час входит в рай! — Громко захохотав, князь добавил: — По любви богов к Адулбу, наслали они ветер, так что огонь охватит его в час!

И подлинно, не прошло и часа, как ладья с умершим и подругой его обратилась в пепел.

Рассеялся дым, и князь вновь созвал своих гридней — таскать землю на щитах и засыпать место последней стоянки лодьи. Дружина взялась за дело споро, так что к вечеру на берегу возник курган. На вершине его вкопали деревянный столб, обтесанный с одной стороны, и жрец выжег на нем имя похороненного, а ниже — имя великого князя: «АДУЛБ ПОЛУНОЧНИК — ХАЛЕГ ВЕДУН».

Погас один большой костер, зато разгорелось много малых, словно отмечая торжество жизни над смертью. Началась поминальная тризна.

Дорогое вино заморское лилось рекой, что уж говорить о выдержанном меде — хоть топись в нем. Олег отведал медку, выдул полный кубок — хорошо пошло.

— Закусывать надо,— сказал Пончик.

Сухов вяло махнул рукой и подставил кубок расторопному рабу-кравчему. Тот живо плеснул новую порцию меду.

Сколько он выхлебал хмельного напитка, Олег не упомнил. Проснувшись посреди ночи, Сухов обнаружил себя голым, на расстеленной овчине. Земля, до того опаленная костром, грела сквозь шкуру так, что на коже пот высыпал бисером.

Рядом, круглой попой к нему, спала голая девица. Кто такая?..

Сухов приподнялся на локтях и огляделся. Он лежал на берегу, среди гаснущих огней. В дрожащих отсветах угадывались спящие товарищи, богатырский храп звучал на все голоса.

Поискав одежу и оружие, Олег обнаружил их рядом с собою и успокоился. Подумал-подумал и шлепнул девицу по упругой заднице. Нечаянная любовь живо обернулась к нему, залопотала не по-русски, придвинулась, подлащиваясь и раздвигая ноги. Хорошенькая вроде, пригляделся Олег.

Так и не познакомившись с девушкой, он овладел ею. Сухов мял большие груди с торчащими сосками, рассеянно слушал стоны и горячие аханья, а сам вспоминал Елену Мелиссину.

Удивительно, но случайная наложница излечила ему душу, утешив тело. Тоска истаяла, зато родилось ожидание.

А рано утром князь низко поклонился кургану с прахом Адулба и объявил:

— Пора!

Лодьи по очереди отваливали от булгарского берега и выгребали на стрежень великой реки.

Землями сувазов и арису, черемисов и мери флотилия поднялась до реки Шексны, переправилась в озеро Весь, то бишь Белое, оттуда волоками добралась до Онего, через реку Суваяр выплыла на простор озера Нево и свернула к устью реки Оклоги [1]. Вскорости по правую руку открылась древняя столица Гардарики — Альдейгьюборг, с могучей крепостью, сложенной из камня по приказу Халега Ведуна, перенесшего престол свой в Ногард, Новый город, заложенный совсем недавно на вливе Оклоги, там, где мутная река вытекала из Ильмерь-озера.

---

[1] Описан самый распространенный вариант движения по Великому Волжскому пути. Суваяр — ныне Свирь, Нево — Ладога, Оклога — Волхов.

Туда и потянулись лодьи, одолевая пороги, пока не завиднелся вдали новый стольный град, не зажелтели свежим деревом его стены. Город продолжал строиться — от крепости на правом берегу на берег левый тянули Великий мост, рубились из дуба кургузые башни, беря под защиту Славенский конец Новгорода.

Лодьи приставали к набережной Буян, и варяги вскакивали со скамей, ревели от восторга, изо всей силы колотя друг друга по спинам и плечам. Они дома! Дома!

И только Олег оставался спокойным в общей кутерьме, ибо его дом был очень далеко отсюда...

Часть вторая

«ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ»

Глава 9,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ЮГ

Лето кончилось скоро. По утрам стало холодать, леса переоделись, пятная багрецом и желтью хмурые сосняки и ельники. Но не долго красовались лиственные породы — задули ветра каленые, и все пышное убранство опало, оголяя корявые ветви. Набежали тучи, спрятали сочную голубизну небес, вывалили снегу по колено, и весь видимый мир перекрасился в цвета зимнего триколора — белый, черный и серый.

И вот перелистнулся календарь на месяц грудень, предпоследний в году. Олег заметил, что для варягов зимовка не тянулась, как для него. Русы продолжали жить как жили, не откладывая бытие на потом. Пили, ели, спали, целые турниры по тавлеям разыгрывали. Подружек заводили. И каждый день учились побеждать — уж за этим Инегельд следил в оба глаза, спуску не давал.

Беготня по лесным тропам, борьба и кулачные бои, упражнения с мечом, с луком и стрелами, с дротиками, долгие разговоры у костров, где воспоминания о реальных битвах причудливо мешались с вымышленными победами,— вся эта «боевая и политическая подготовка» ужимала время, ускоряла тягомотное перетекание секунд в минуты, минут в часы, часов в дни и недели. Олег и сам бы не заметил, если бы ему не напомнили — сегодня 24 студня! Праздник! Йоль называется. Самая длинная ночь в году. После нее света будет прибавляться, зима на убыль пойдет, повернет к теплу и вешнему растополью.

— Ты где встречать-то будешь? — прогудел Малютка Свен.

— Не знаю,— пожал плечами Олег, плотнее запахивая теплый овчинный полушубок.

— Пошли с нами,— пригласил Свен.— Фудри будет, и Стегги, и Пончик. Князь обещал подойти... Чего одному сидеть?

— Пошли! — махнул рукой Сухов.

— Во! — оживился Малютка.— Хозяйка еще и пирожков напечь грозилась — с ягодой! Дюже вкусные!

А Новогород не очень-то и тишел на ночь глядя. И в темноте не тонул. Группки парней и девушек, хохоча во все горло или прыская в ладошку, перебегали от дома к дому, плясали вкруг костров, шатались по улицам, пели песни и махали факелами в такт. С наступающим!

Дом, где гостила «чёртова дюжина», был из богатых — большая усадьба постройками своими брала двор в обхват, замыкала его неровным квадратом. Даже ворота были сделаны аркой под вторым этажом хозяйского «теремка».

Пировали в отдельной избе — «столовой». В ней было натоплено, сизый дым стлался повыше полок-сыпух, циклончиком крутясь под дымогоном. Посреди обширной хоромины стоял длинный, крепкий стол, скобленный дожелта. И чего только не было на том столе! На солилах — общих деревянных блюдах — дымилось жареное мясо, горячее, исходящее духовистым соком и влекущее голодный взор румяной корочкой. В деревянных ведерках плескался мед, стояла даже корчага с «зеленым» вином — так тут почему-то прозывали вино белое. А посередке курчавилась паром целая гора выпечки — пирожков, расстегаев, булок, кренделей...

По лавкам сидело человек десять гридней, к молодежи присоседился Турберн Железнобокий, большая и шумная душа компании. Турберн спорил с Хуртой Славинским, белобрысым веснушчатым парнем, принявшим крещение. Спор шел на опасные темы.

— Да не могла Мария бога родить! — наседал Турберн.— Никак не могла!

— Пресвятая она...— пробубнил Хурта.

— Да хоть какая! Все одно — не богиня. Женщина! И что вы так баб шугаетесь? «Непорочное зачатие»... Можно подумать, бывает иное!

— Все мы во грехе рождены...— бубнил Хурта.

Олег скинул полушубок, подумал и разделся до рубахи.

— Знаешь, Хурта,— вздохнул Железнобокий,— я б еще понял, если бы дите от брака с сестрой родилось или, там, от отца с дочерью. Вот то грех! Потому как родная кровь смешана, и дитю тому хворым

быть и тямом скорбеть. Но если люба мне девка, и понесет она от меня — где ж тут грех?!

— В блуде!

— Кончайте эту тему,— не выдержал Олег.— Ты, Хурта, не помнишь случайно, какую такую новую заповедь Иисус дал?

— Возлюби ближнего,— буркнул Славинский.

— О! — поднял палец Олег.— Вот и возлюби Железнобокого, пока тот не рассердился всерьез и не накидал тебе пачек... Может, закусим? — предложил он.— А то остынет.

— Давайте...— проворчал Турберн и потер зачесавшийся глаз.— Давайте сначала выпьем!

И они выпили. Трижды. Хмельной мед и выдержанное вино смягчили души, добавили к праздничному настроению хмельной радости.

Хурта впал в задумчивость. Ивор Пожиратель Смерти тоже порой замирал, уставясь в «красный угол», где в пламени светильника отсвечивали лики богов, вырезанные из дуба. Огонек прыгал, мерцал, тени шевелились, и казалось, боги пытаются что-то сказать, раздувая щеки, кривя брови, но никто не слышит гласа их...

Во влазне гулко затопали, счищая снег, и в дом ввалился розовый с морозца Инегельд Боевой Клык с глиняным горшком в руках.

— Вот наглые! — трубно взревел он.— А ну, гаси огонь! Я вам чистого принес!

Стегги, Ивор и Алк кинулись задувать светильни. В кромешной темноте виднелось лишь лицо Клыка, раздувавшего угли в горшке. Смахивало лицо на идольское — так же прыгали тени на нем и играл свет. «Чистый огонь» был добыт трением и разнесен по всем домам — с Новым годом, с новым огнем в очагах!

Олег подхватился и сбегал в сени за хворостом. Разложил в погашенном очаге, скрутил сухой бересты, и князь отсыпал из горшочка угольев. Береста задымилась и вспыхнула.

— Гори ясно!

Затрещал хворост, загудело пламя. Лучинки разнесли огонь по светильням, все сели за стол.

— Новый год прямо... — сказал Пончик.— Только елки нету...

— И мандаринов,— подхватил Олег. Шурик вздохнул только...

Инегельд крепко потер ладони и взялся за деревянную чашу. Стегги Метатель Колец поспешно плеснул в нее из ведерка с медом.

— Ну,— крякнул светлый князь,— поехали!

...В месяце апреле снег стал рыхлеть, а лед на реках затрещал, готовясь сойти. Задули сырые ветра, разогнали серую хмарь, открыли солнцу продрогшую землю.

Впрочем, дружине Инегельда и без того жилось тепло и сытно — великий князь Халег Ведун пристроил воинство Боевого Клыка в Рюриковом городище — крепости, что стояла рядом с Ногардом. Там же зимовала и гридь самого Халега — уж таков был закон.

Гардарики населял народ вольный, он сам выбирал себе правителей и указывал место конунгу, коего теперь вся чаще прозывали великим князем, отличая от простого княжья. По древним заветам властителю не позволено было проживать в стенах города, а лишь вовне.

Волей-неволей конунги чтили установления предков, подчинялись им, хоть и без особого желания. Никогда народ Гардов не ставил над собою выборного короля из своих, всегда призывал со стороны — нечего было ближним потакать, а то потом от власти да почестей не отвадишь. Лучше уж дальнего пригласить — приди-де и володей нами, чужак. «Земля наша велика и обильна,— гласила древняя формула,— а наряду в ней нет». Вот в обязанности чужаку и вменялось привнести наряд, то бишь законную власть, и устроить жизнь к правде и благу. Будешь справно службу нести, чужак, будешь блюсти законы — не узнаешь голода и безденежья, зато славу обретешь навек. А встанешь люду поперек, или струсишь в бою, или примешься загребать под себя общее добро — прогоним!

И служили конунги на совесть, честь свою берегли и страну, их мечу доверенную.

Как гласили саги, Радбард Гардский, заложивший Альдейгьюборг, сразился с великим вождем свеев Иваром Широкие Объятия и укоротил жадному захватчику руки, похоронил в Карельской земле. А внук Радбарда, Рогволт, прозванный Русским, встал на сторону свейского конунга Сигурда, и в битве при Бравеллире они сообща разбили войско датского короля Харальда. В честь той славной победы и назвал Рогволт сына своего — Бравлином. Сыночек в папашу пошел — дал жизни ромеям. По всем берегам империи знали имя его и трепетали, молились истово, дабы провел Боже лодьи неистового руса мимо, а того лучше — и вовсе потопил их, прости, Господи...

Рюрика, сына Регинхери, славного рейкса из страны вендов, призвали в лихую годину — опять свеи ополчились на Гарды, явились в числе великом убивать и грабить. Наподдали тем свеям изрядно, приятно вспомнить.

А вот наследник Рюрика, Ингорь, слаб оказался, хотя его сам Халег Ведун пестовал, давний знакомец и побратим сына Регинхери. Пришлось Ингоря сажать на престол в Кенугарде, городе Киуна, коего тамошнее население прозывало по-свойски — Кием. На юге люди то ли сроду не имели права голоса, то ли позволили отобрать его. Получалось так, что им было привычней покоряться царьку или князьку, чем самим делать выбор. Явились к ним готы — гнутся под готами. Сменили тех авары — прогнулись и под этих. Пришли с востока хазары — понесли дань хазарскому наместнику-тадуну.

Аскольд с Диром, разойдясь в мнениях с Рюриком, отправились в Киев-Кенугард, забрали тот городишко себе, тадуна прибили, а хазар, кои явились с претензиями, долго по степи гоняли.

По смерти Рюрика люди Гардов собрались на тинг, или, как венды говаривали — на вече, и выбрали великим князем Халега Ведуна. Тот первым делом спустился по реке Непру, убил Аскольда, убил Дира и поставил князем Ингоря.

Вздохнув с облегчением, Халег вернулся до дому и занялся строительством — заложил Новый город на вливе Оклоги, близ озера Ильмерь [1]. На одном берегу крепость основал, на другом торг открыл. Место было с умыслом выбрано, ибо оно на перекрестке дорог лежало. Сюда корабли по рекам, озерам и волокам добирались из земель арабов и греков, урман и франков, вендов и пруссов, булгар и хазар. И город пошел в рост...

Туман нагло лез под рубаху, лапал холодными пальцами, но кончалась власть его — солнце все сильнее жарило с небес, разгоняя зябкую пелену, выпутывая из нее мокрые ветви деревьев, на которых лопались почки.

Потом проявились тесовые крыши домов, крепкие башни, срубленные из дуба. Туман редел, медленно растворяясь в утреннем воздухе.

Хлопнула где-то дверь, донесся громкий разговор, перебитый смехом, заскрипел колодезный ворот, загрюкало ведро... Плюхнуло, заплескало. Скрипение пошло натужней...

Разошелся туман. С галереи терема Олегу стали видны бревенчатые стены домов и клетей, крытый верх крепостной стены, темные лесины мостовых. Осмелевшие лучи прогоняли последние белесые клочья, таящиеся по оврагам и западинам. Дольше всего туман дер-

---

[1] *Непр* — это Днепр, Данаприс, как его называли сарматы, а озеро Ильмерь стали называть Ильменем лишь с 16 века.

жался над рекою; сквозь него размыто проступали хищные силуэты боевых лодий — их мачты качались на мелкой волне Ильмеря, словно разгоняя туманную взвесь. И это вроде как помогло — истаял туман, открывая зрению вток Оклоги — мутная озерная вода вливалась в русло реки, чтобы вынести ил к устью.

На левом берегу, заняв господствующую возвышенность, основательно сидела крепость, забирая в неровный овал скученные дома. Всякие — от маленьких избушек до богатых усадеб. С той стороны доносился петушиный хор, гавканье собак, наплывали запахи свежеиспеченного хлеба и топящихся печей.

Олег созерцал приметы ясного весеннего утра и откровенно скучал. Зима, нудная и холодная, минула. До самого апреля дружина Халега Ведуна занималась «кружением» — по замерзшим рекам и болотам, по редким дорогам гридни с великим князем во главе объезжали малые и большие поселки, собирая дань. Халег и Боевого Клыка нагрузил — светлый князь со своими воинами отправился за податью в далекие грады карел и биармов.

К удивлению Сухова, данники встречали гридь чуть ли не с радостью. А как же — новые люди, новые вести. Из Нового города! Старейшины и вожди суетились вовсю, угощали дорогих гостей изысками северной кухни — от строганины из лосося в клюкве до жаркого из медвежатины. А уж меду сколько выпито было — не счесть тот объем.

Правда, хозяева тоже остались довольны — наслушались былей и сказок на год вперед. А уж гридни старались — врали самозабвенно, так расписывая свои подвиги, что Олег ежился — вот-вот старейшина вскричит: «Не верю!» Нет, никто не вскакивал и протестов не заявлял. Еще и сами привирали, трофеями хвастались, якобы добытыми на охоте или рыбалке. Гридни крякали только, слыша о медведях выше дома и о рыбинах, что длиннее всякой лодьи вдвое.

А в обратный путь лошади потащили сани, груженные моржовыми клыками и мехами всякого разбору.

Так и зима прошла, в делах да в заботах, пролетела незаметно. А вот весна тяготила Олега — не сиделось ему на месте, хотелось снова быть нужным, чувствовать сопротивление весла, загребающего воду, высматривать землю на горизонте, к которой полосатый парус несет лодью...

На высокое крыльцо терема вышел Халег Ведун, одетый стильно и неброско,— на нем были сафьяновые сапоги, расшитые мелким речным жемчугом, порты из шелку, уведенного в Итиле, и длинная, подпоясанная рубаха с богатой вышивкой по вороту.

Великому князю шел седьмой десяток, но он был крепким человечищем, даже в старости не растерявшим былой могутности. Лицо его, чеканное, твердое, рубленое будто, дышало волей, седые космы были красиво расчесаны и обжаты венцом — нешироким золотым обручем с громадным изумрудом на лбу. Глаза не прятались под белыми бровями, а смотрели зорко и пытливо, длинные, пышные усы свисали на грудь, не пряча тонких, плотно сжатых губ.

Величественно обернувшись к дверному проему, Халег позвал, разрушая образ:

— Долго ты там будешь копаться?

— Иду... — прогудело в ответ.

Пригибаясь под притолокой, на крыльцо шагнул Инегельд Боевой Клык, обряженный в красные юфтевые сапоги с желтыми нашивками, ярко-зеленые штаны и пурпуровую кису, наброшенную на голое тело.

Клык и верховный правитель Гардов сошлись и склонили головы, негромко обговаривая детали. Детали чего? Как ни напрягался Олег, но ничего путного он так и не расслышал. Но увидел — Инегельд и Халег кивнули друг другу и крепко пожали руки.

На цыпочках отойдя от перил, Сухов бросился в гридницу, окна которой закладывались резными досками на зиму, но с весны до зимы стояли открытыми. На месте он застал Малютку Свена, Ивора и Фудри Москвича.

— Старики чего-то затевают,— сообщил Олег.— Видел, как они сговаривались.

— Это хорошо,— слабо улыбнулся Ивор,— а то застоялся я...

— Размяться не помешало бы,— солидно заметил Фудри.

Свен ничего не добавил к сказанному — не успел. Могучая фигура Клыка заняла весь проем двери. Ступив на заскрипевшие доски, князь кашлянул и начал:

— Значится, так...

— Мы согласны! — пробасил Малютка Свен.

Все присутствующие захохотали, последним затрясся сам Инегельд. Отсмеявшись, он уселся на лавку, хлопнул себя по коленям и продолжил:

— Короче. Задумал одно дельце — в Миклагард податься, тамошнему базилевсу службу сослужить.

— Ух, ты! — не удержался Москвич и покраснел.

Сердце у Олега забилось чаще.

— Да уж... — проворчал Клык.— Запишемся в гвардию его, в великую этерию, охранять будем владыку ромеев, а за то он нам золотишком выплатит.

— Заработаем неплохо,— уразумел Пожиратель Смерти.

— Точно! Отплываем завтра же. Ну как, согласны?

— Так мы ж сказали уже,— вытаращился Свен.— Согласные мы!

— Тогда чего сидите? — строго спросил Клык.— Кого ждете? Собирайтесь! А то расселись тут...

Ежели говорить в северных понятиях, был князь Инегельд сэконунгом, «морским королем, тем, у кого было много дружины и совсем никакой земли». Зато Клыку сопутствовала свобода от забот о подданных, и великий князь всегда мог рассчитывать на его светлость.

С вечера гридни Инегельда отворили двери пяти наустов — корабельных сараев — и по каткам спустили на воду скедии — узкие, изящные лодейки, на сорок человек каждая.

На волоках, где корабли скользили по смазанным жиром бревнам, двигаясь силой воловьих упряжек или воротов, наматывавших тросы, могли и большую лодью перетащить из реки в реку. Но одолевать Непровские пороги приходилось своими силами, там не было воротов и прочей техники. Самым опасным порогом слыл Айфор — двенадцать его гряд надо было обходить посуху, выволакивая корабли на берег и перетаскивая за шесть тысяч шагов. Удерживая руками и плечами крутые борта, подставляя под киль дубовые катки, напрягаясь до красной пелены перед глазами. Одолеть пороги на большой лодье было неисполнимым желанием.

Конечно, хотелось прибыть к причалам Константинополя на плавсредстве посолидней скедии, да что ж делать-то?

С другой стороны, ободрился Олег, скатывая в озеро Ильмерь суденышко, тоже окрещенное «Соколом», скедии были куда мореходней ромейских дромонов. Корабельщики-византийцы растеряли знания и умения римлян, у них тяму не хватало распаривать деревянные заготовки и гнуть из них крепкие шпангоуты — забыли, как это делается! А русы помнили. Ромеи обшивали борта досками вгладь, из-за чего в трюмах дромонов и хеландий постоянно плескалась вода, а русы предпочитали обшивку внакрой, да еще прокладывали швы крученным волосяным шнуром, хорошенько его просмолив. Самую же великую зависть византийцев вызывали кили русских лодий, сработанные из одного дерева. Надо ли говорить, насколько крепче были лодьи, скедии или снекки против тех же дромонов, чьи кили составлялись из недлинных обрубков и сплачивались толстыми досками? Ромеи прозывали русские корабли «моноксилами», то бишь «однодеревками», досадуя на то, что в лесах империи уже не осталось столь могучих деревьев, какими полны были дебри Гардов.

Утро отплытия было ясным и ветреным, причем всю неделю задувал юго-западный ветер шелоник, разводя по Ильмерю метровую волну.

Встречные корабли, большие кнорры и малые ушкуи, шли под парусами, а вот гридь светлого князя не расставалась с веслами. Так и гребла, пока пять скедий не вошли в неширокое устье Ловати.

И потянулись речные берега, то крутые, то пологие, заросшие дубом и кленом, липой и вездесущей сосной, рябиной и орешником.

Ловать не походила на прямую и ровную дорогу — река виляла, намывая мели, выставляя валуны-одиночки, бурля на перекатах.

Но по ней проходил путь «из варяг в греки», а посему трудностей с устройством на ночлег у гриди не было — на расстоянии дневного перехода на берегах стояли малые крепостишки, где пара-другая «длинных домов» заключалась в квадрат частоколами из остренных бревен. Берегли конунги важную коммуникацию!

А потом потянулись волоки, где хватало гостиных дворов. Все пути тут давно уж были разведаны. Меж озер выкопаны каналы, чтобы бечевой тянуть суда, а на сухих путях уложены бревна и установлены во́роты. Волоковые мужички и снедью обеспечат, и корабельные возы предложат, только плати.

До верховьев Непра команда князя добралась на четырнадцатый день. И понесла скедии могучая река, полная вешних вод, на юг, где всегда тепло и даже зимы не пугают холодами.

Олег Полутролль, он же Сухов, теперь постоянно улыбался. Даже тогда, когда задувал встречный ветер, и приходилось грести, помогая неторопливому течению, он сохранял отличное настроение — он плыл в Константинополь. К Елене.

Глава 10,

В КОТОРОЙ ВАРЯГИ ПРИБЫВАЮТ БЕЗ ОПОЗДАНИЯ

Собирая влагу с громадных пространств, великая река несла ее неторопливо, даже величественно, обнажая клочки суши — намывные островки, низкие и голые. Такие образования здешние славины прозывали «выспами», выспевающими островками. Вот продер-

жится высп еще пару половодий, зарастет ивняком, покроется лопухом да мать-и-мачехой, тогда станут его величать отоком. А поднимется лес на отоке — все, можно давать ему имя. Созрел остров, выспел.

Ближе ко граду Киуна, или попросту Киеву, зелени на берегах прибавилось, даже сосны затемнели за рощами дубов, за чащами грабов, за буковыми лесками. И уже прорывался лес степными прогалами, обещая вскорости сойти на нет, смениться травою до горизонта. Зато холмы раздались в ширину и в вышину, подымаясь настоящими горами, пушистыми из-за сосняков.

Время прибытия Инегельд рассчитал точно — к вечеру скедии должны были причалить к пристани Вусегарда [1], варяжской крепости в двадцати верстах от Киева.

Вусегард крепко сидел на высоком холме с правой стороны Непра, около него имелась переправа с левого берега — незваные гости могли в любой момент форсировать реку, тут-то им и готовили встречу, со славным угощением из каленых стрел и острых мечей.

Солнце уже почти касалось верхушек деревьев на высотах правого берега, нагоняя длинные тени, когда из незаметного затона стали выплывать лодьи. Они были велики, но шли без парусов, уложив мачты на палубу. Борта их были увешаны щитами, и множество весел загребали воду, торопя корабли.

— Похоже, нам с ними по дороге,— спокойно заметил Турберн.

— Скрытно идут... — проговорил Боевой Клык.

Князь прошел на нос «Сокола» и глянул на реку из-за высокого штевня, увенчанного страхолюдной башкой с клювастой пастью, полной клыков, более подобающей не соколу, а птеродактилю.

— Эй, Ивор,— кликнул Инегельд,— у тебя смотрок острее, глянька... Разбираешь, чьи лодьи?

Пожиратель Смерти привстал, щуря глаза, и его тонкие губы дрогнули в улыбке.

— Да это Халег загребает,— сказал он,— сын Ингорев. Вон его лодья, которая сбоку, у нее черный низ и синий верх!

— Ага, вижу! — присмотрелся Клык.

— Все равно непонятно,— нахмурился Железнобокий.— Там десяток лодий, считай — тыща бойцов! Откуда у Халега столько сил? У него и дружины своей нету — отец сыну не доверяет, всех бойцов при себе держит...

---

[1] *Вусегард* — Вышгород.

— А там не варяги плывут... — протянул Ивор.— Лиц мне не разглядеть, но гребут они хуже купцов наших, макают весла как попало... Княже, кажись, нас приметили!

Олег выглянул из-за щита, бросив взгляд на реку. Да, черно-синяя лодья круто заворачивала против течения, а прочие легли в дрейф.

— Паруса убрать,— отдал приказ Инегельд.

Лодья с черным низом и синим верхом подплыла ближе, настолько, что можно было различить выражения напряженных лиц, и тогда над бортом воздвиглась ладная фигура Халега, сына Ингоря.

— Инегельд! — узнал княжич встречного и замахал рукой.— Здорово! А у нас беда...

— Да почуял уже... — проворчал Клык.— Что опять не слава богам?

— А! — скривился Халег.— Батя расщедрился, посадил меня в Вусегарде. К правлению землями не допускает, будто я дитё малое! А сам-то? Мало ему было зимнего кружения, так он по весне двинулся дань с древлян добирать! Те едва до тепла дожили, и на тебе, новая напасть...

— Жаден он у тебя,— прищурился Клык.

— Не то слово... — вздохнул княжич.

— А в чем беда-то?

— А в том и беда! Древляне устали терпеть безобразия, собрали в Малине войско... Малин — это градок их, к западу отсюда... Собрали они оружных тыщи три или поболе и на Киев двинулись. К Самбату не приступали и Подол обошли, а вчера осадили Вусегард и...

— И? — нахмурился Клык.

— ...И взяли его,— упавшим голосом договорил Халег.— А воеводу Вузлева убили... Смед его сгубил...

— Какой Смед? — высунулся из-за спин Хурта Славинский.— Косой?

— Он...

— А ты где был? — задал Инегельд прямой вопрос.

— На охоте... — опустил голову Халег.

— Нету в том вины княжича,— подал голос один из гребцов,— прислуга древлянская ворота открыла!

— Понятно... — пробурчал Инегельд, насупясь.— А это кто с тобой?

Халег вздернул голову.

— А я людей охочих собрал по Десне,— сказал он с вызовом.— Батя на своей Горе заперся и помощи не шлет. А мне что — крепость сдавать? Да ни за что!

Инегельд кивнул понятливо, с сочувствием даже, и проговорил ворчливо:

— Познакомил бы... Вместе ж биться будем...

Халег, не веря своему счастью, радостно представил спутников, оборачиваясь и тыкая пальцем в лодьи, дрейфующие неподалеку:

— Больше всего северы пришло, вона люди Илигера, сына Балаха, а там — две сотни Илитвера Отчаянного. А еще со мной угры пошли, их привел дьюла Тотош.

— А там вон кто? — кивнул Клык на дальние лодьи.— Уж больно черны... Не хазары случайно?

— Что ты! Это ультины, местные их уличами прозывают. Они из булгар, пришли к Самбату на торг, да и попали в заварушку. Их я не звал, но они сами меня нашли и сказали, что их мечи — мои мечи. Их предводителя зовут Курт, сын Альмаса из рода Дуло.

— Знатный род,— кивнул Инегельд.— И ты еще забыл назвать врага. Кто у древлян главным?

— Чагод Грозный, сын Агила! — ощерился Халег.— Это он смуту затеял, он и его сыновья — те еще детки!

— Большие детки,— проговорил Инегельд, соображая,— большие бедки... Так. Всем ставить мачты и поднимать паруса!

— Заметят же... — растерялся Халег.

— Вот и пусть заметят! — ухмыльнулся Клык.— Пусть увидят нашу силу и устрашатся. Вперед!

Отпылал пышный закат, на Непр упали пронзительно-синие сумерки, в которых вода отличалась от земли слабым блеском, отражением первых звезд.

Вусегард и в потемках был различим — его стены рисовались четким черным силуэтом на фоне дрожащего оранжевого зарева. Видать, древляне жгли костры во дворе крепости.

— Передать по лодьям,— глухо распорядился Инегельд.— Высаживаемся с шумом. Всем зажечь по факелу, орать, петь, бренчать оружием. Запалить побольше костров. Подходите, тушите факелы и скрытно возвращаетесь на берег. Там их снова зажигаете, и топаете обратно к кострам. Уяснили? Пущай древляне насчитают не тысячу, а пять, десять тысяч воинов! Пускай всю ночь трясутся от страха — сомлевших и квелых мы одолеем шутя!

Варяги загоготали довольно, разбирая факелы и смешиваясь с усатыми савирами, чьи островерхие шлемы были обмотаны разноцветными чалмами.

На расстоянии перестрела от Вусегарда осаждающие разжигали костры, бродили вокруг, громко переговариваясь и хохоча, свистя и

подвывая по-печенежски, на манер волков, гремя щитами и распевая боевые песни. А ультины и вовсе в пляс пустились — кружили вокруг огня, гикая, подпрыгивая, бешено вращая клинками.

Олег сунул горящий факел в траву, и тот потух.

— Обратно теперь, да? — задышал в затылок ему Пончик.

— Угу. Пошли, только тихо...

Пробравшись кустами, оба вышли на берег, где тоже горели костры, бросая отсветы на поникшие паруса.

— Дубль два! — ухмыльнулся Пончик, зажигая потухший факел.

— Вперед!

Они вернулись к кострам у крепости и вновь спустились к берегу. И еще раз. И еще. Если кто из древлян вел счет прибывшему воинству, то число взявших Вусегард в осаду давно перевалило за пять тысяч. Увидеть же истинное положение дел осажденным мешала ночь. Луны и той не было на небосводе.

— Строимся! — раздалась новая команда Боевого Клыка.

— Инегельд, как режиссер,— хмыкнул Пончик.

— Видать,— подхватил Олег,— батальную сцену готовит!

Было похоже на то. Князь выставил длинный ряд варягов со щитами и копьями в крепких руках. На роль героев второго плана он поставил савиров и булгар, за ними встали мадьяры — они почти не имели шлемов, но эта деталь не бросалась в глаза за грозным блеском стали в первых рядах.

А на заднем плане гридни попросту повтыкали в землю весла, тонкие и прочные, рукоятками вверх. Весла должны были изображать копья.

— Травки, травки сухой подтащите,— крутился Инегельд,— побольше! В копешки скидывайте!

Гридни живо нагребли прошлогодней сухой травы, натаскав и сложив ее тремя стожками — прямо перед строем.

— Это осветители! — хихикнул Пончик.

— Точно! — поддержал лекаря Малютка Свен.— А иначе тем, в крепости, не видно будет...

— Кто по-древлянски кумекает? — вопросил Инегельд.

— Я! — откликнулся голос из строя.

— Кто — я?

— Пелг, сын Нура! Я сам из Малина.

— Подь сюды, Пелг. Будешь переводить тем, кто внутри, то, что я им, собакам, скажу снаружи. Турберн! Как я отойду, поджигай все копешки.

— Будет сделано, княже!

Инегельд пошагал к крепости под защитой двух гигантских щитоносцев. За его широкой спиной прятался древлянин Пелг.

Турберн с факелом оббежал все три стожка и поджег траву. Повалил густой дым, красный с белесым, и копны вспыхнули ярким пламенем, высвечивая бесчисленное войско.

Инегельд встал руки в боки и зычно заговорил, избегая оскорблений,— не след злить врага, а то ярость может возобладать над трусостью:

— Эй, вы! Я, светлый князь Инегельд Боевой Клык, сын Акуна Кровавая Секира, привел с собою тьму воинов, храбрых и яростных!

Пелг старательно прокричал перевод — над кромкой стен Вусегарда виднелись головы осажденных, внимавших словам осаждающих.

— Вы можете покинуть крепость,— продолжил Клык,— пока горят наши костры! Не захотите — воля ваша! Тогда тысяча наших останется сторожить вас здесь, а остальных я поведу в Малин — насиловать ваших жен и дочерей, рубить головы вашим отцам и дедам, выпускать кишки сыновьям и жечь все, что горит! Я сказал.

Инегельд повернулся и зашагал прочь. Щитоносцы двинулись за ним, пятясь на манер раков, пока их не поглотила тьма — копны пылавшей травы угасли. Но костры все еще горели, светясь красными россыпями углей.

— Разойтись! — негромко скомандовал Клык.— Весла — на место! Ультинам Курта Дулата и савирам Илитвера Отчаянного — обложить дорогу из Вусегарда на Самбат. Пропустить всех древлян и ударить им в спину, атаковать с флангов! Бить и гнать, сколько хватит сил!

Ультины восторженно заулюлюкали и бросились исполнять приказ. Они растворились во тьме, подобно ночным духам зла, а за ними во мрак канули молчаливые савиры.

— Думаешь, уйдут древляне? — с интересом спросил Турберн.

Инегельд ответил не сразу, наверное, пожал плечами в темноте.

— Посмотрим... — буркнул он.

А за стенами крепости внезапно взвился дикий крик, потом еще один.

— Режут кого-то, что-ли? — покривился Железнобокий.

— Похоже,— сказал Ивор.

— Видать,— добавил Олег,— не все согласны оставлять крепость... Слышите?

В темноте разнесся протяжный скрип — это открывались ворота Вусегарда. Потом послышался множественный топот, словно били далекие барабаны,— сотни ног касались узкого моста через ров.

Топот стих, и тут же оглушительные кличи ультинов раскололи тишину, и дикие визги савиров — началась резня.

— В крепость! — указал факелом Инегельд.— Бегом!

Повторять ему не пришлось. Вся гридь князева бросилась к городским вратам. Тяжеловесные створки стояли распахнутыми, за ними тянулась улица, смутно освещенная полупритухшими кострами. Кое-где отсвечивали скорченные тела людей.

Варяги зашагали по отнятому городу, и жители его, забившиеся буквально по щелям, почуяли будто — свои пришли!

Женщины и старики, дети и отроки боязливо выглядывали, охали, плескали руками, причитали, плакали. Свои!

На центральной площади, куда выходил двухэтажный терем, горел самый большой костер. Десятки убитых освещал его огонь — защитники города усеивали своими телами и утоптанную пыль площади, и ступени терема.

— Натворили делов,— прорычал Инегельд,— псы смердящие!

— Княже! — послышался крик, и из темноты выбежал Халег, размахивая секирой.— Чагод ушел!

— Да и пес с ним... Поймаем — на осине подвесим.

— Так он казну с собой забрал! Он и сыновья его! И зять!

Инегельд взревел. Что проку спасти дом, если грабитель ушел со всем добром?!

— Много ли в той казне было? — осведомился Турберн.

— Достаточно! Один шелк чего стоит. А там и серебришко было, и мехов куча...

— Ах, Чагод... — злобно выцедил Клык.— Ах, гнойный прыщ... Халег! Готовь коней!

— Для всех?! — оторопел княжич.

— Для моей «чертовой дюжины»! И для Хурты припаси, он поведет. Сыщи табунок выносливых лошадок, десятка три-четыре. Чтоб сию минуту были!

— Будут! — повеселел Халег и скрылся во тьме.

Варяги, савиры, булгары с мадьярами заходили в ворота Вусегарда, принося с собою убитых и раненых. Не слушая стонов умирающих, они хвастались трофеями и похвалялись своими победами. Пончику тут же нашлось дело, а Олег стал готовиться к подвигу. Выспаться ему уже никто не даст, да и небо на востоке серело, предвещая скорый рассвет, но вот подкрепиться не помешает...

Глава 11,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ ИЩЕТ СОКРОВИЩА

Инегельд вел свою «чертову дюжину» между прибрежными зарослями ольхи и густыми камышами, потом набитая тропа свернула к мосту через речку Сетомль. И тут-то все увидели облако пыли, за которым размыто мелькали кони беглых древлян.

— Это они! — крикнул Олег.

— Сто-ой! — заорал Хурта Славин, приподнимаясь на стременах.— Стоять, сказал!

Древляне лишь прибавили прыти коням, сворачивая под Лысою горой, и понеслись вверх по речке Глубочице, обходя Подол.

— За ними! — крикнул князь, пришпоривая черного как смоль жеребца по кличке Драконь.— Веди, Хурта!

Отряд пронесся по взбаламученной воде, подымая тучу грязных брызг, и по мелкому притоку вышел в Козарское урочище. Справа высилась Гора, просто Гора, расклиненная оврагами и промоинами, лесом заросшая, почти необжитая — с краю только тронутая деревушкой с частоколом вокруг, а слева задирала крутые обрывистые края гора Замковая, останец высокого древнего берега, с крепостью Самбат на плоской вершине — ядро будущего Киева времен Владимира и Ярослава. А пока Олег видел то, что было «до того».

Хурта проскакал мимо брошенных землянок — похоже было, что дома потонули в болоте, одни крыши плавают. Олег бывал в таких землянках — сыровато в них. В жару, правда, хорошо — не душно, а зимой... Жарко, влажно, чадно и темно — ни единого окошка нет, весь свет через дымогон идет. Лавки прямо из земли нарезаются, сверху только циновки кладут, и пол земляной, холодный. Убого до невероятия, зато дешево. Да и безопасно — придут если кочевники, что они сотворят обитателям землянок? Самое большее — крышу спалят. Ну и что? Да под той крышей бревна в накат, а то и в два, землею переложенные. Не сгорят!

Кислая вонь выдавала хозяев — кожемяки тут проживали. Кожемяки... М-да. Это народец тертый... Дюжий народец. Помни-ка шкуры в чане — живо мясом обрастешь! Как бы тут стрелу не схлопотать... Вон опасное место — кособокий тын у вросшей в землю

мазанки под соломенной крышей. И поодаль, где вишневый садочек... Зорко обшаривая глазами слободку, Олег перевел взгляд на склон Замковой горы. К урочищу тот спускался уступами, и с уступа на уступ вела тропа — телеге не поместиться, а конному — вполне. Тропа вела к крепости Самбат, и по той тропе вилась пыль.

— Хурта! — нетерпеливо сказал Боевой Клык.— Чего ждешь? Дуем к Самбату!

— Они разделились, княже! Одни на Гору бросились, а другие к Подолу!

— Тогда так — ты, Хурта, бери с собой Воиста с Алком и чеши к Подолу. Вызнай, куда они так несутся. А мы в крепость! Дорога — вон. Понеслись!

Хурта с Алком Вороном и Воистом Коварным поскакали через Копырев конец к Подолу, а Клык повел остальных к Самбату. Незаметно было, что тропой пользовались часто, а уж в дождь по такой ездить... Сорваться тут — нечего делать.

Крепость была окружена крепким тыном из заостренных бревен, черных от смолы, сберегавшей дерево. Перед частоколом вырыли ров, в дожди полный воды, а ныне лишь мерзкая жижа воняла со дна.

Тын составляли из отборных стволов, зарытых в землю на треть. Бревна пригонялись плотно — прозора меж ними не было. За первым частоколом, отступая шагов на пару, забивался второй, а междурядье доверху было набито землею. Ромеев подобная крепость не впечатляла, и зря. По крайней мере стенобитным орудием деревянную стену не взять. Таран или ядро катапульты раскрошит кирпич и развалит каменную кладку, а вот от дерева отскочит, спружинив.

Ход для стрелков по верху стены прикрывался навесом из толстого корья, навесными плашками защищались проделанные в наружном тыне частые бойницы, узкие и высокие.

Ворота в крепость вели мощнейшие, просто феноменальные — хоть слонов загоняй, зато ни одна башня не укрепляла линию обороны, только сторожевая вышка торчала, поднятая на четырех прямых осокоревых бревнах.

Тяжелая створка из плах, обитых полосами бронзы, медленно затворялась.

— Быстро! — заорал Инегельд.— Быстро!

Варяги прибавили прыти скакунам.

Гнедка, доставшегося Сухову, тоже упрашивать не пришлось — конь так наддал, что у Олега в ушах засвистело. Дозорный на вышке глянул на такое дело, насчитал чёртову дюжину русов, и махнул ру-

кою кому-то внизу — Перевисищанские ворота по новой пошли открываться.

Правя левой рукой, правую держа на рукояти меча, светлый князь ворвался в крепость. Олег доскакал вторым. Он оказался на травянистом дворе, в глубине которого углом стояли два дома из толстых бревен, а перед домами — черный от древности и покрытый мхом колодезный сруб. От ворот к домам, огибая колодец, шла дорога, выложенная каменными плитами, справа от дороги пучились грядки огорода, а слева, посередине лужайки, лежала неприятная куча. Над ней густо кружили вороны.

— Не отставать! — сказал Клык, оборачиваясь, и повел бойцов узостью меж двух домов, сходившихся углами, пока не выбрался на главную улицу Самбата, сухую и пыльную, с коновязями и с изгрызенными поилками. По обеим сторонам улицы тянулись деревянные тротуары. Беленые хаты из саманного кирпича перемежались с длинными и низкими избами, крытыми на два ската снопами из камыша, густо смазанными глиной.

В конце улицы крутился табунок коней и бегали люди — мужики и парни в одних холщовых штанах.

Боевой Клык прибавил скорости своему Драконю и подскакал к толпе и табуну. Люди сразу отступили, прячась за лошадей, и выглядывали оттуда.

— Чагод?! — рявкнул Инегельд, помогая себе рукой — где, мол, такой?

Славины оживились, уразумев, что прямая и явная угроза направлена не на них, и заорали, выговаривая «Чагод», и дружно тыча руками куда-то в сторону.

— За мной!

Кони вынесли русов к княжьему терему, рубленному из дуба в два этажа. Когда-то сей теремок принадлежал хазарскому наместнику, тудуну Ас-Халибу, но сэконунг Аскольд снес спесивому хазарину башку и занял его жилплощадь. Нынче на ней был прописан великий князь Ингорь, сын Рюрика, а вокруг, в огромных избах, расселились боляре.

Узкие высокие окна Золотой палаты, тронного зала, были плотно задернуты тяжелыми парчовыми шторами, а на широкой лестнице, ведущей в Людную палату, толпились охранники — князь был на месте, но вступать в разборки с древлянами не торопился, занимая позицию «ни вашим, ни нашим». Дескать, напали люди Чагода на варяжский Вусегард? Вот пущай варяги и разбираются, а моя хата с краю...

Храня варяжскую честь, Инегельд Боевой Клык тоже не стал задерживаться у дворца, а проскакал мимо, даже не обернувшись. Охранники, в кольчугах до колен, с копьями и миндалевидными щитами, угрюмо проводили глазами своевольных варягов.

А те пересекли огромную торговую площадь, занимавшую половину крепости (когда-то здесь сарматы и анты обменивались товарами, тут Лес встречался со Степью), и вынеслись к Подольским воротам.

— Улизнули, гаденыши! — рявкнул Турберн.

Олегов гнедок выскочил из ворот и поскакал вниз по дороге, догоняя несущихся лавиной Боевого Клыка и Железнобокого. Дорогу сию славины называли Боричев увоз, и с него открывался вид на весь Подол, просматривались серебристые ленты Непра и затон Почайны.

Подол не окружала крепостная стена, даже бревенчатого частоколу не стояло вокруг разбросанного жилья. Лишь невысокий, оплывший под дождями вал тянулся меж берегом Непра и крайними огородами. Был когда-то и ров, да селяне пользовались им как свалкой, засыпая помоями и рухлядью, вырванным на грядках бурьяном и прочей дрянью. Трава на рву поднималась пышная, зеленущая, и подольские худые коровенки любили наведываться сюда.

Обширная низина, названная славинами Подолом, напоминала полуостров, примкнутый к лесистым горкам, чьи кручи опадали неглубокими распадками. С востока этот «полуостров» обтекал Непр, с севера — приток его, река Почайна, а на западе в Почайну впадала речушка Глубочица.

Заросли на Подоле держались лоскутьями и клиньями несведенных еще деревьев, а все остальное пространство было распахано на поля и огородики, обнесенные плетеными заборами. Прячась в тень редких каштанов, стояли славинские хатки-мазанки из саманного кирпича, крытые прелой соломой, уходили ниже травы землянки. Двумя концентрическими кругами стояли повозки на тяжелых цельных колесах, с кибитками из войлока и воловьих шкур — булгары пожаловали. Съехались на торг и блестели гладкими черепушками — ультины брили головы по древнему фракийскому обычаю, оставляя оселедец — единственный клок волос, свисающий до плеча, а усы их опускались на грудь, напоминая моржовые клыки.

— Вон они! — крикнул Железнобокий.

«Чёртова дюжина» уже спустилась с Горы, и увоз перепал в Боричев ток, широкий у берега Почайны, стиснутый двумя рядами крепких изб, высоких амбаров и овинов, приземистых конюшен. Боричев ток даже в дожди не развозило, но дощатые мостки все же были проло-

жены — чего зря по лужам шлепать, когда можно по сухому пройти? Часто мелькали гладкие коновязи и тяжелые бочки с водой — мера противопожарной безопасности.

— Они влево подались! — прокричал Фудри Московский.— Я видел!

Князь решил послушать молодого дренга и свернул на узкую песчаную дорожку, вьющуюся между громадных каштанов и буков, в два обхвата каждый. Гулкий топот донесся из подлеска, и на дорожку вылетели двое древлян на взмыленных аргамаках. Один из всадников, с перебитым носом, размахивал скрамасаксом, другой был без оружия, он прикрывал пятерней глубокий порез на голой груди. Из зарослей выскочил третий — мощный детина с мутным взором и растрепанными льняными волосами. Рубаха его с богатой вышивкой была порвана, оголяя пластины мышц, а руки секли воздух кривым кинжалом и спатой времен Меровингов. И тут стало понятно, отчего беглецы так резко завернули — их догоняли Хурта и Воист с Алком.

— Это он! — гаркнул Хурта, указывая на древлянина с перебитым носом.— Это Смед Косой! Он воеводу сгубил!

Малютка Свен выхватил меч и с ходу «обезоружил» убийцу — попросту оттяпал ему руку со скрамасаксом.

— Держи его! — крикнул Инегельд, не оборачиваясь.

Безоружного сбил на землю Турберн, а детина со спатой сам полез на князя. Что случилось дальше, древлянин так и не понял. Да и не увидел толком — движения Клыка были смазаны от скорости. Зазвякала вышибленная спата. Крутнулся, отлетая, кинжал. А потом «вдоводел» отнял у детины его жизнь, недолгую и неправедную.

Князь развернулся и посмотрел на убийцу воеводы. Тот был бледен, дрожал и скалился, удерживая на весу кровоточащую культю.

— Аркан ему на шею! — скомандовал Инегельд.— Поглядим, какой срок отпустит ему конь.

Малютка Свен и Фудри мигом набросили на гота петлю и перекинули конец через крепкий сук. Москвич не поленился залезть на дерево и крепко привязал волосяную веревку.

Лицо Смеда Косого исказилось. Он зарычал от злобы — и совершенно зря. Испуганный конь под ним взбрыкнул и поскакал в лесок, а тело всадника повисло в петле. Древлянин, дергаясь на веревке, пытался подтянуть тело одной рукой, но надолго его не хватило, скоро дерганья перешли в покачивания.

— Готов,— констатировал Свен и добавил сурово: — И так будет с каждым!

Отъехавший Турберн вернулся и предупредил:

— Там местные зашевелились, идут сюда, с копьями и топорами.

— Берем лошадей и уходим,— велел Клык.— С местными пущай ихний князь разбирается, а нам недосуг. Ивор, посторожи!

Пожиратель Смерти молча выдвинулся в проход, занимая дорожку, а Турберн живо расседлал коней — одного, потом другого.

— Давай помогу,— сказал Олег, спрыгивая наземь.

— Да сиди уж... — проворчал Железнобокий.

— Вдвоем быстрее.

Далекий гомон толпы зазвучал явственней, и вот на дорожку выбежали славины, рассерженные чужаками, невесть откуда явившимися и творящими беспредел. Разношерстный отряд был вооружен как попало — у кого копье, у кого топор или вилы. Двое держали в руках луки.

Ивор стоял широко раздвинув ноги, наклоня голову и разведя руки. Он был холоден и невозмутим. Напор толпы ослаб, передний ряд затормозил, не понимая, но пугаясь грозного спокойствия чужака.

Потом в задних рядах загомонили, подняли крик, и двое стрелков вскинули луки.

Руки Пожирателя Смерти в тот же миг метнулись к рукояткам мечей. Он выхватил оба, взмахнул ими — будто гигантская стрекоза вспорхнула — и пара отбитых стрел улетела в кусты. Однако толпа так просто не сдавалась — вперед протолкался коренастый парень с плечами такой устрашающей ширины, что казался квадратным. Этот удалец не стал разговоры разговаривать, а перехватил копье и метнул его с разворота. Ивор не дернулся даже, лишь слегка отклонил голову, и наконечник свистнул мимо. Фудри мигом подбросил свое копье и послал по квадратному удальцу — тот поймал «подарочек» грудью. Толпа взревела, качнувшись вперед. Варяги оскалились и полезли с седел, решив перебить местное население, раз оно не понимает, на кого можно буром переть, а с кем лучше не связываться!

И тут Хурта встал рядом с Ивором, повелительно вытягивая руку. Первое его слово, выкрикнутое в лицо славинам, перевода не требовало — Хурта требовал остановиться.

Олег оглянулся на дробный топот. А, вот и Алк! Довольный Ворон вел за собой пару вьючных лошадей.

Подскакал Воист, спрыгнул и доложил на выдохе:

— Двух лошадей отняли! Паволоки и меха! — вдохнул и закончил: — Остальных Чагод увел! Ф-фу-у...

— Сыщем,— буркнул Инегельд.

Углядев Хурту, внушавшего славинам что-то гневное и резкое, Ворон стал переводить:

— Он говорит, что мы не враги им, а друзья... Что повешенный был убийцей, он прибил воеводу Вузлева... А Чагод — вор, он украл чужое добро, и вот хозяева пришли, чтобы наказать татя и отобрать награбленное... Что-то в этом роде.

Толпа подрастерялась. Чувствовалось, что многие были удовлетворены словами Хурты,— не хотелось им вступать в драку с опасными русами. Раз варяги в своем праве, то чего ж? Пущай сами с Чагодом разбираются, все по Правде вроде...

Неожиданно один из «непримиримых», полный и грузный мужик в богато расшитой рубахе, в шелковых штанах, заправленных в юфтевые сапоги, в красивой меховой жилетке, расстегнутой на широкой груди, нахмурился и сказал:

— Хурта?.. Сыне Идара?

— Узнал, Ишута! — перевел Алк слова Хурты Славинского. Ухмылка сына Идара в переводе не нуждалась.

Ишута засуетился вдруг, заюлил, его широкое лицо замаслилось радушной улыбкой.

— Говорит,— ухмыльнулся Ворон,— что стадо Хурты никакого дохода не принесло, расходы одни...

Сын Идара небрежно отмахнулся, обронив пару слов.

— Хурта ему отвечает: обойдусь, мол, я сюда не навсегда. Как приехал, так и уеду, можешь коров себе оставить.

Ишута был рад — видать, не такие уж убытки понес на Хртовых коровках! Он властно прикрикнул на неуемных драчунов, стал увещевать толпу.

— Говорит,— переводил Ворон, усмехаясь,— это наши гости, это Хурта вернулся, как же можно друзей привечать копьями да топорами?

Толпа, растеряв инерцию, подуспокоилась. Люди стали расходиться, а Ивор спокойно вернул мечи в ножны.

Хурта, переговорив с Ишутой, покивал тому и вернулся к своим.

— Ну что? — подскочил Фудри.

— Все в порядке! — сказал Славин.— Ишута, сын Варансы, выбился, пока меня не было, в богачи. У него большие стада, к его слову прислушиваются.

— А Чагод тут кто?

— Чагод, сын Агила, в князьях ходил, но потом народ князя Мала выбрал. Чагод вроде как в тень ушел, к лихим делам пристрастился. Так что вольны мы вязать и вешать этого древлянина. Все по Правде [1]!

---

[1] То есть по закону.

— Отлично! — кивнул князь.— Сколько добра Чагод с собой уволок?

— Самое меньшее — семь вьючных лошадей. Я следы прочитал — Чагод разделил отряд — сам вместе с сыновьями ушел, а зять его, Свирид, где-то на Подоле затерялся, с ним двух лошадей отпустили, потом найдем...

— Ага! — сказал Боевой Клык.— Стало быть, семейка с собою пяток лошадок прихватила. Ладно... И где их теперь искать?

— Домой к нему явимся! В гости. У Чагода крепостца на запад отсюда, на полдороге до Малина, столицы древлянской.

— Тогда вперед!

И Инегельд легонько пришпорил Драконя.

Боевой Клык со товарищи ехали ниткой, прижимаясь к опушкам. Из зарослей ольхи, клена, бересклета, овеянных высокими вершинами черностволых вязов, тянуло свежестью и гнилью. Острые стрелки хвощей, выбравшись на опушки, сигнализировали о близости водяных жил.

Хурта ехал впереди, пробираясь длинными полянами, объезжая сплошной лес или ручьи, где вода, запруженная трудягами-бобрами, превращала чащи в заболоченные низины. От поляны к поляне вели узкие прогалы, они, как протоки связывают озера, посуху соединяли одну пролысину леса с другой.

— Что-то тихо тут,— насторожился Фудри,— птичек не слыхать...

— Для засады тут неудобье... — проворчал Турберн.

— А для честного боя? — спросил Олег и подбородком указал на всадников, пробиравшихся за опушкой, кустами орешника и боярышника, среди лип и ясеней.

Хурта сказал для Олега, не оборачиваясь:

— Это поляне, из молодых. Когда подъедем поближе, поднимите правые руки.

Настороженные поляне придержали своих коней, их руки неуверенно шарили по налучьям.

Хурта продолжал ехать все так же неторопливо, словно на прогулке, и поднял правую руку, раскрывая ладонь,— видите, дескать, не опасный я, не держу оружия и убивать никого не собираюсь.

Поляне помедлили мгновение и тоже продемонстрировали пустые руки, как знаки добрых намерений. Разошлись...

Снова потянулись темные леса, прозрачные реки, топкие болота. Толпами стояли вязы и клены, кряжистые дубы цепко закогтились в жирную почву. И вдруг разошлись дубы, оголяя уже не поляну очередную, а поле — черную, комковатую пашню, с кучами прелых сорняков.

По меже торчала лебеда, разделяя своею «лесополосой» деляну, где посеяли жито, от участка, выделенного под ячмень. Неровная кромка деревьев окаймляла поле, врезаясь в него мысами, отступая затонами.

— Близко уже,— обернулся Хурта,— сейчас рощу проедем, и мы на месте. Там родовой град Чагода стоит... Сыновья его — Окул, Мурат и Сура — с отцом живут, а дочь за Свирида отдана... Забыл уже, как звали девку. Зарина, что ли? Я у них во граде бывал пару-тройку раз, помню где что...

Олег выехал на край рощи и увидал за деревьями родовой град — высокий частокол на валу, кругом обносивший обширный двор. До града было шагов триста по открытому полю, сплошь покрытому пнями,— тут коннице лучше не гнать, ноги скакуну легко переломаешь. А сама роща кончалась засекой — завалом из деревьев, поваленных вершинами к лесу. Ни пройти ни проехать — сучья навстречу торчат, норовя живот коню пропороть. Хурта махнул рукой — давай в объезд.

— Или ночи дождемся? — обернулся он к Инегельду.

Тот мотнул головой.

— Мы не грабить идем,— внушительно сказал князь,— мы за своим пришли. Только давай коней здесь оставим, через тын им все равно не перебраться...

Олег спрыгнул на землю и обернул поводья вокруг молодого кленика. Варяги, лучшие в мире пехотинцы и моряки, кавалеристами были никудышными и слезали с седел раскоряками.

— Побежали!

Зорко оглядывая верх частокола, князь помчался к крепостце. Личный состав припустился следом.

Из-за частокола доносились невнятные голоса, ржание лошадей, но никто не высматривал врага в дозоре — или некому было, потому как людей нехватка, или это Чагода упущение...

— А вот и следы! — вымолвил на бегу Хурта, тыча рукой в отпечатки копыт, выдавленные на протоптанной дорожке.

— Верным путем идем, товарищи! — изрек Олег.

— Ходу, ходу! — пробурчал Турберн.

— Да мы и так как зайцы,— пропыхтел Малютка Свен.

Сперва они крепость увидели, а потом и унюхали — завонял ров, полный стоячей воды, покрытой ряской. Не будет ошибкой предположить, что и помои жители града скидывали туда же...

Крутые откосы вала затянуло малинником, через ров был переброшен мост — четыре бревна-переводины, опираясь на козлы, выдерживали толстый настил из распластанных повдоль бревен, выщербленных под копытами.

Ворота были узки — телега не пройдет. Тяжелая створка отвалена и казала ушки под запорный брус, и только две жердины закрывали вход, не пуская приблудную корову или другую скотину.

— Не здесь... — одними губами сказал Хурта и показал налево, где к тыну был прислонен лестничный шест — тонкое бревно с врезанными перекладинами.— Я первый...

Пропустив Хурту, Олег полез следом. Хель [1] раздери их задницы, не могли уже нормальные лестницы приставить!

Добравшись до верха, он перевалился вовнутрь.

Высокий снаружи, изнутри частокол казался низким — к нему была подсыпана земля, а над воротами ход для стрелков продолжался площадкой, сплетенной из нескольких рядов ивовых ветвей и устланной дернинами. Плетеный заплот скрывал и внутренний двор, круглый как арена. Лишь кое-где тын прорывался разрубами, и оттуда вниз, по склону насыпи, вели шестовые лестницы.

Олег выглянул в такой разруб, дыру в стене, и увидел четыре длинных и низких дома — стена по плечо,— разделенных высокими плетнями из толстых ивовых веток на дубовых столбах. Под насыпью кучились сараи и конюшни, амбары и хлева — беспокойное хозяйство рода.

— Гляди-ка, разросся как,— процедил Хурта,— вона, пятый сарай поставили... Богатеет род... Знать есть с чего.

В родовом граде не было соседей, не было горожан вообще — тут проживали только родичи, близкие и дальние. Когда тутошний юныш подрастал, ему сватали девицу со стороны и вводили ее в род. Все жили вместе, с рождения до смерти, и подчинялись законам рода. Законы рода, интересы рода — это было главным, личные и даже семейные пожелания в расчет не принимались. Никто не спрашивал жениха, по нраву ли ему невеста, люба ли,— раз роду угодно тебя женить, то бери ту, что дают, и не вякай. А никто и не вякал. Никому даже в голову не приходило восстать против решения рода, люди просто не знали иной жизни, кроме клановой, не существовали среди них индивидуалисты — сплошные коллективисты.

Никто в роду не стремился к личному успеху, к личной наживе, к преуспеянию за чужой счет — не было тут ни личного, ни чужого. Жизнь протекала покойно и размеренно, по издревле заведенному порядку. Серой была такая жизнь, скучной, зато безопасной и обеспеченной. В роду не было сирот — даже если ребенок терял обоих родителей, у него оставалась куча теток и дядек, дедушек и бабушек и

---

[1] *Хель* — очень негостеприимная хозяйка ада в верованиях северян.

так далее по нисходящей. Род кормил до самой смерти своих стариков и стариц — учителей и наставников молодежи. И потому самым страшным наказанием для родовича было изгнание из рода. Таких называли изгоями или извергами — их извергали из рода, в чужой, опасный, холодный и голодный мир, где всякий мог убить отщепенца или сделать его рабом. А потому редко кто преступал закон, боясь стать отверженным. Но коли уж случалось кому-то совершить злодеяние, то преступник был обязан тут же признаться — не уходить дальше третьего дома, постучать и повиниться. Бывало, что родович повстречает на узкой дорожке соседа — из другого рода, да и шлепнет его по нечаянности. Тут уж род вступался за своего, и пострадавшим выплачивали виру — штраф. А иначе нельзя было — не договоришься с соседями, они возьмут да и объявят кровную месть! И примутся вырезать весь род, от мала до велика. Поэтому душегубство было происшествием воистину чрезвычайным.

Бородач в одних штанах провел под уздцы хромавшую лошадь и скрылся за кузницей — ее выдавал нудно колотивший молот. Следом выбежала пара степных коников, густогривых и длиннохвостых, а потом вышел парень, перекошенный от натуги,— одной рукой он нес сразу две переметные сумы. Наверняка с награбленным добром! А иначе отчего так выгнулся?

— А вон дом Чагода! — указал Хурта на крайнее строение.

Дом Грозного был вытянут через весь град. К дворовой стене дома лепились чуланы и кладовые, сложенные из толстых бревен.

— Туда! — скомандовал Боевой Клык, и шестеро кинулись к дому короткими перебежками.

Они вошли через кладовую — замков во граде не знали. По обе стороны узкого прохода хранились родовые запасы: соль в долбленых вязовых колодах, тканина, выделанные кожи, свернутые по десятку в рулон,— запашок от них чувствовался и во дворе.

Таясь, Олег прошел в дом. Планировка была проще некуда — сплошной темный зал по всей длине, как у русов на севере. Крыша была собрана без потолка, балки и стропила будто черным мехом поросли — это висела сажа. Дальний угол зала перекрывал помост — полати сразу на дюжину человек. Хозяйская постель отгорожена серой тканиной. Сундуки из ровного тесаного дерева, высокие и низкие корзины, лубяные и берестяные короба, глиняные амфоры загромождали все проходы.

Свет шел через дымогоны, прорезанные в крыше, и от трех очагов, горевших под ними.

— А чего это очаги запалены? — насторожился Хурта.

«Или для тепла, или для свету»,— мелькнуло у Олега. Но кто ж топит, когда на дворе плюсовая температура?

В то же мгновение свету стало поменьше — изо всех проходов показались крепкие ребята, в перекрестьях ремней — перевязей мечей и колчанов.

— Так вот чего ворота открытыми держали! — протянул Турберн.

— Гостей ждали! — ухмыльнулся Стегги Метатель Колец, поигрывая любимым скрамасаксом.

— Ты Ильдибада видишь? — спросил князь Хурту.

— А вон тот, что в шлеме-наплешнике!

Боевой Клык разглядел Грозного, низкорослого и широкоплечего, и пошел к нему, бросив через плечо сыну Идара:

— Переводить будешь! — и тут же загремел на весь дом: — Где наше добро, огузок дрисливого гуся?!

Хурта громко и с удовольствием перевел. Древляне даже растерялись — они же обложили чужаков, окружили их, осталось только перебить, а эти еще и голос повышают!

Некто, источающий зловоние, сунулся к князю слева. Клык нанес пушечный удар ногой, и Олег разобрал хруст кости. Чуть после — глухой шум падения. Больше звуков не раздалось — сломанные ребра проткнули сердце вонючки.

Звон и лязг скрестившихся мечей донесся сзади, но князь не обернулся, выцеливая Чагода. Однако сын Агила не рвался в бой — победительная улыбка на лице его стала блекнуть.

— Спали тебя Перун! — буркнул Малютка Свен, появляясь слева. Меч его был замаран в крови.

Справа возник Фудри, примеривая трофейный меч — по руке ли?

— А ничего так, сподручно,— заметил он, явно играя на нервах древлян. Ведь прежний хозяин меча совершил невыгодный обмен — отдал клинок за свою смерть.

Олег не внес пока своей лепты в дело победы, но очень скоро ему представилась масса удобных случаев — родовичи бросились всей толпой, крича, размахивая холодным оружием. Они мешали друг другу, орудуя топорами и мечами, и князь Инегельд не стал пробиваться во двор, где их могли окружить. Наоборот, он стал отступать.

— Хурта! — крикнул Клык, отбиваясь от плотного Мурата, махавшего топором так, будто дрова колол.— Амфору с маслом не видать?

— Видать... — пропыхтел Славин, отталкивая ногой верткого Окула и добавляя ему заимствованным щитом. Острый умбон — навер-

шие щита — проломил сыну Чагода ключицу.— Вон та корчага, слева от тебя!

Инегельд рубанул Мурата по ноге и добавил кулаком в сытую морду. Мурат сгинул, кувыркнувшись за тяжелый ларь. Но еще трое родичей напирали на князя, а хитроумный Грозный вперед не лез — подбадривал своих, прячась за спинами.

Боевой Клык подцепил ногой указанную корчагу-амфору, крутанул ее и отпасовал в очаг. Увесистый сосуд, полный дорогого оливкового масла, привозимого из Херсонеса, разбился о камни, ограждавшие очаг, и пламя полыхнуло как следует, огненной волной прихлынуло к ларям, подпалила серый занавес. Затрещала стопа циновок из тростника. Стало светло как днем.

Древляне оторопели: ловушка, которую они устроили светлому князю и его команде, оборачивалась не легкой победой, а тяжелым поражением.

— Я ж говорил! — гулко захохотал Свен.— Перун вас спалит! Ему только подскажи!

Одной рукою он смел в огонь кипу каких-то одежек, другой подбросил сухих банных веников — огонь загудел, радуясь новому угощению. Следом полетел кто-то из родовичей. Обжегшись, он завизжал и, не взвидя света, бросился прямо на Олега. Сухов любезно посторонился, а родович угодил на меч Суры, сына Чагода.

Грозный злобно заверещал, подзывая деток. Втроем они выскользнули из горящего дома — Чагод с Сурой волокли с собою подраненного Мурата. Во дворе их догнал Окул.

— За ними! — крикнул Боевой Клык.

Теперь ему уже никто не мешал — жители града кинулись тушить пожар. Лишь двое неизвестных в кожаных штанах и безрукавках мехом наружу прикрывали отступление Грозного.

Одного, походя, долбанул Турберн, другого уделал Стегги.

В конюшне поднялось ржание и топот — из ворот ее вынеслась верхом целая компания — Чагод и сыновья. Все четверо волокли за собой по паре вьючных лошадей.

Олег бросился наперерез и вскочил на вьючную лошадь, что неслась, выпучив глаза, сразу за жеребцом Мурата. Уцепившись за гриву левой рукой, Сухов махнул мечом и перерубил «буксир».

— Тпр-ру-у! — заорал он, осаживая коняку.— Приехали!

Оглянувшись, он увидел, что его примеру последовал Фудри. Сияя, как новенький динар, Москвич гордо вел под уздцы лошадь, навьюченную двумя чувалами с «мягкой рухлядью» — сырыми мехами, вонючими, но зело дорогими.

— Вот же ж,— засмущался Свен,— не поспел я!

— И слава богам, что не поспел,— серьезно заметил Ивор,— ты бы тогда точно хребет лошади переломал. Она и так нагружена, а тут ты еще со своей тушей.

— Уходим! — сказал князь и побежал к воротам. Следом поспешал Фудри, волоча за собой лошадь. Турберн с Хуртой прикрывали отход, хотя никто и не собирался на них нападать. Воинов в крепости осталось мало, и они были заняты более важным делом — тушили пожар.

Мимо, фыркая, проскакали несколько коней, еще не оседланных, под одними попонами — решили прогуляться за всеми за компанию.

Вьючные лошади были свежими, и Олег погонял свою до самого леса. Там уже вскарабкался на своего гнедка и спросил Хурту:

— И куда этот Чагод, в смысле Ча-гад, поскакал, ты имеешь представление?

Славин почесал в затылке.

— Судя по всему,— солидно сказал он,— Грозный и не собирался задерживаться в крепости. Стало быть, у него было на примете более надежное место. А тут одно такое — Запретный Град, где храм богу Сварогу. Там все купцы из древлян золото и серебро хранят...

— Ты сказал — Запретный. Почему это?

— Ну, это раньше запреты были наложены, а ныне попасть туда просто сложно, уж больно дорога опасна.

Князь кивнул и обратился к Хурте:

— Показывай эту опасную!

Сын Идара крякнул, потер грудь рукою, соображая, и вжал пятки коню в бока, понукая того к скачке.

Олег порысил рядом.

— Что-то я не понял,— сказал он,— насчет купеческих захоронок. Древляне-то ладно, не тронут, а степняки? Храм для них не препона!

— Как сказать... — усмехнулся Хурта.— Раньше тот храм посреди города стоял, давным-давно. Старики рассказывают, многие жители с гуннами ушли, и город сошел на нет, один храм остался. А пройти к тому граду непросто, я ж говорю. Он как остров посреди обширных болот — топи страшные кругом, в самом сухом месте грязи по пояс! Чарусы даже зимой не промерзают. Ступишь на такую — вроде как ледок, а шаг сделаешь и ухнешь в мерзлую слякоть! А дорога дотуда одна, и та как след змеиный, и... Слово ты однажды такое сказал, мне понравилось... А-а! «Полоса препятствий»! Вот такая туда дорога — вся из препятствий да ловушек.

— Ямы? — спросил сведущий Фудри.

— Вот как раз ямы там отсутствуют — толку нет копать, любая выемка быстренько жижицей наполнится. Зато самострелы с обеих сторон, бревна-биты... Надеюсь, что жрецы не насторожили ничего. Но все равно, надо нам поберечься...

Бродом перейдя несколько мелких речушек, где черная вода стояла почти недвижимо, отряд минул тихую буковую рощу и двинулся чернолесьем — невысокие холмы поросли мелкими, словно общипанными елочками, росшими вразбивку, не сплачиваясь в лесок. Трава, и та вырастала невысокой, словно на газоне стрижена.

— Следы видишь? — сказал Хурта и показал на вмятины, оставленные лошадьми.

— Вижу,— солидно заметил Олег,— вьючные прошли?

— Они.

— То-то смотрю, отпечатки глубокие,— взбодрился Сухов.

— А вот и стежка-дорожка!

Хурта показал на два громадных дуба, стоявших по сторонам неширокой дороги, поросшей травой,— видать, не часто тут ездили.

— Едем осторожно,— строго предупредил сын Идара,— и глядим по сторонам. Нет, лучше я пёхом...

Славин спрыгнул с коня и пошел вперед, не торопясь, все время вглядываясь в траву под ногами, шаря глазами по кустам за обочиной. Ивор все поверх глядел, князь зыркал настороженно, Фудри вертелся в седле. Один лишь Турберн спокойно ехал, не пуская в сердце тревоги.

Первый сюрприз высмотрел Олег.

— Хурта,— позвал он с седла,— ну-ка глянь... В шаге от тебя, слева!

Сын Идара присел на корточки, сунул руку и ощупал туго натянутую веревку, сплетенную из кожаных ремешков.

— Есть такое дело! — удоволенно сказал он.

Взяв копье, он бережно зацепил наконечником веревку, отошел, перехватываясь за древко.

— Берегись! — предупредил он и дернул за конец копья.

Веревка натянулась и вдруг резко ослабла, а из кустов, слева и справа, с гулом вылетели два тяжелых дрота. Мелькнули по-над дорогой и канули в сухой травостой.

— Ничего себе... — пробормотал Олег.

— А ты думал! — хмыкнул Хурта.

Дорога описала крутой поворот и пошла насыпной дамбой меж двух озер, поросших камышом и в два, и в три раза выше человече-

ского роста. Вода была покрыта ряской, будто грязной зеленой пеной.

— Ага! — каркнул Славин, нашаривая в траве еще одну растяжку. Взяв копье, он попросил: — Вы бы отъехали на пару шагов... Во избежание!

Олег послушно попятил гнедка. Князь своего Драконя развернул боком. Хурта дернул... Вода в обоих озерцах всколыхнулась, и вот, с шумом и плеском поднялись со дна мокрые, грязные столбы в обрывках тины. На концах у обоих были набиты длинные шипы в локоть длиною. С гулом описав дуги, гигантские булавы ударили по дороге, да так, что аж земля сотряслась. Один из столбов не выдержал, изломился посередине, и тяжелый наконечник скатился в озеро, подняв облачко мути.

— Искусники, блин,— хмуро сказал Олег,— отбивную бы сделали из коня!

Князь фыркнул, Фудри хихикнул, Ивор отвернулся, а Турберн обнажил в улыбке ровные желтые зубы.

Дорога снова вошла в поворот и потянулась по сухому участку. Теперь и справа, и слева поднялись кряжистые сосны. Внезапно Хурта рванулся назад, его конь заржал, поскользнулся и упал на передние ноги. Это его и спасло — со стороны сосен, пригибая подлесок, вдруг сорвалось бревно, разворачиваясь и проносясь над дорогой, как исполинская коса,— длинные ржавые зубья дополняли эту аналогию. Бревно просвистело над самой головой ржавшего коня. Описав полукруг, оно врезалось в сосну. Дерево загудело, с веток посыпалась хвоя.

— Блин! — сказал Сухов потрясенно.— Очуметь!

— Очумеешь,— пообещал Турберн,— если моргать часто станешь!

Следующие двести шагов дорога никаких сюрпризов не припасла, а потом слева нарисовался широченный дуб с ребристой корой, в которой торчало два огромных копья, пущенных из самострела. Одно из копий пришпилило к стволу тело Окула, сына Чагода. Пальцы древлянина были скрючены, а лицо запрокинуто к небу — рот и глаза были одинаково круглыми, словно мертвец не кончал предсмертного крика, так и тянул одну мучительную ноту.

— Ага, одного накололи,— сказал Хурта.

— Часто моргал! — определил Малютка Свен.

За очередным поворотом, там, где над дорогой нависала могучая сосна, изогнутая буквой «Г», Сухов заметил удивительные «качели» — свисая на двух крепких канатах, поперек «полосы препятствий» гуляло сучковатое бревно, подвешенное за оба торца. Видать, Чагод и компания спустили снаряд, но увернулись.

Сучков на бревне хватало, каждый был остр и опален в огне для пущей крепости, а там, где ствол шел гладко, неведомый садюга насверлил дырок, да и повставлял в них заостренные колышки. Махнут такие «качельки» — и коня насадят на острия, и всадника не пожалуют. Но, по всему видать, Чагоду с детками удалось и тут проскочить, не заполучив лишние отверстия в шкурах.

Олег с опаской объехал убийственные «качели», исчерпавшие энергию маха, почти уже замершие, и повел коня шагом. Дорожка выпрямилась и выглядела парковой аллеей, обсаженной дубами. Справа и слева угадывались заросшие травой фундаменты — это была улица брошенного города. Тут Хурта и придержал коня.

— Дальше вы сами,— пробормотал он сокрушенно и засопел,— я туда не могу... Видать, не крепок я в вере...

Хлопнув Хурту по плечу, князь сказал беззаботно:

— Жди нас здесь, мы быстро,— и направил коня вперед.

Дубовая улица-аллея кончилась и вывела варягов к обширной поляне-площади, вытянутой с юга на север и обрамленной могучими деревьями.

За их стволами открывалось культовое здание. Сложенный из огромных дубовых бревен, черно-зеленых от времени и мхов, храм был восьмиугольным в плане. Более того, восьмигранник повторяли конические куполки по всем углам крыши и высокие, сводчатые двери, открытые на все стороны света. За ними виднелся истукан, изображавший Сварога, бога небесного огня,— это был толстяк, грубо вытесанный из пористого камня. Одной рукою идол прижимал к себе секиру, другой — кузнечный молот.

Еще дальше за храмом виднелись приземистые «длинные дома» и огромные валуны, испещренные знаками огня.

Ни одной живой души не было видно, ни звука малого не раздавалось. Так длилось несколько минут, а потом послышалось торжественное пение, и из дверей храма выступили жрецы в подобии тог или хламид, с резными посохами в руках.

Как оказалось, особого трепета Инегельд Боевой Клык не испытывал и благоговеть не собирался. Умилостивить бы Перуна, да Велеса, да Водана, Эгера бы с супругой не забыть, а прочим богам пущай иные угождают. Не слезая с коня, князь громко осведомился:

— Где Чагод?

Жрецы Сварога сбились с шага, сталкиваясь, и уставились на пришельцев в крайнем изумлении.

Старший из них опомнился первым. Он гневно вскричал и ударил посохом, расковыривая худую песчаную землю, однако на князя эта мера пресечения не подействовала.

— Я спрашиваю, где Чагод? — повторил он вопрос.— Выдайте нам этого вора, и мы уйдем!

— Да бесполезно их спрашивать, они по-нашему ни в зуб ногой! — нетерпеливо воскликнул Олег.— Давайте сами поищем!

Жрецы сбились в кучу и наблюдали с ужасом и гневом, как воинственные пришельцы поскакали к баракам на заднем плане. Одно из приземистых зданий отличали широкие ворота, и Сухов догадался, что это конюшня. Одна из створок была открыта, из-за нее донеслось тихое ржание. Потом кто-то, похожий на Мурата, выглянул из конюшни и тут же скрылся. А мгновение спустя добрая дюжина храмовых стражников покинула конюшню, вздергивая золоченые секиры. Секироносцы одеты были одинаково — в длинные белые балахоны, и равно выделялись мощью и статью. За их широкими спинами мелькали Чагод и сыновья.

— Мечи к бою! — рявкнул князь, спрыгивая наземь и выхватывая клинок.

Секира — оружие опасное, но тяжеловатое, в махе даже сильную руку «ведет», инерция смазывает быстроту и растягивает движение. Подставиться под удар будет последней ошибкой в жизни, но зачем же допускать помарки?

Олег увернулся от секущего движения и рубанул стража по боку. Отпрянул от соседней секиры, ударил ее носителя. Пригнулся под гудящим лезвием и сделал выпад, подрубая ногу охраннику.

Малютка Свен охаживал врага деловито, без спешки, но и без промаха. Фудри Московский метался, как загнанная рысь, высекая кровь из храмовников, увертливо отпрыгивая в пиковые моменты. Стегги с Воистом и Сауком бились на левом фланге, Турберн с Ивором прикрывали тылы. А Боевой Клык поступил по-своему — вспорол противнику живот и отобрал секиру. Да как пошел махать ею... Мечта дровосека!.. Князь рубил, кроил, хэкал и приговаривал:

— А вот не надо бы тебе железо в руки брать... Не дорос ишшо... Сморчок поганый... И-эх!

Взревев, как буйвол, из заднего ряда пробился Чагод, выставив толстое копье-рожон. Огромный наконечник, величиной с меч, несся, подрагивая, прямо светлому князю в живот. Светлый князь отпрыгнул, а в следующий миг оперенная стрела завязла у Чагода в горле.

— Я здесь! — послышался крик Хурты.

— Ага! — заорал Фудри.

Весело осклабившись, Олег огляделся мельком — от дюжины стражей уцелело трое. Мурата доконал меч Турберна, а Сура не стал дожидаться развязки — бросив секиру, он кинулся бежать, да так почесал, что очень скоро исчез за дубами, окружавшими храмовую поляну.

— Сдавайтесь! — гаркнул Инегельд.

Хурта рявкнул перевод. Стражи-храмовники побросали секиры, уразумев, что сражались не с людьми, а с ночными дивами, как минимум. Князь мечом указал на раненых и убиенных и перевел острие на бараки. Сын Идара растолковал приказ стражам: хватайте своих и скройтесь с глаз!

— Вроде все,— проговорил Ивор, оглядываясь.

Разгоряченный Свен шмыгнул носом и пробасил:

— Берем свое и сматываемся.

— Истину глаголешь,— улыбнулся Олег, направляясь к конюшне.

Переступив порог, он едва не споткнулся о груду кожаных мешков с драгоценными тканями, со златом-серебром, с охапками соболиных шкурок.

Князь приказал:

— Хурта, ты постереги пока. Олег, Ивор, Свен — хватаем сумы и грузим. Только выбирайте свежих коней!

— Выберем... — проворчал Саук.— Тут их полно...

Отобрав ровно две дюжины гнедых альпов и рыжих аргамаков, друзья навьючили их, распределив вес, и поехали прочь, удаляясь к «полосе препятствий».

Олег покачивался в седле, усталый и безучастный. Только усилием воли он заставлял себя следить за флангами и беречься от внезапной атаки. Запал кончился, порыв иссяк — они собрали почти все уворованное добро, кроме той доли, что уволок чагодовский зятек, но этой малостью можно было и пренебречь.

Жрецы попрятались, пение стихло.

— Турберн,— позвал князь.— Ты как, силушку не растратил?

— Осталось чуток,— ухмыльнулся Железнобокий.

— Это хорошо. Надо будет Свирида найти, а то негоже возвращаться с недоделками да недоборками. Мы с Фудри и Стегги к Вусегарду двинем, а ты бери Олега и Хурту и выследи этого зятька. Ивора возьми и Свена.

— Сделаем! — кивнул Турберн.

А Олег чуть не ляпнул: «Благодарю за оказанное доверие!»

Глава 12,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ УПОДОБЛЯЕТСЯ ГЕРОЮ ВЕСТЕРНА И СПАСАЕТ ПРЕСТУПНИКОВ

Перейдя по мостику через ручей, который местные звали незатейливо — Ручай,— Турберн со своими пересек редкую рощицу пирамидальных тополей и выбрался к харчевне, именуемой на ромейский манер таверной,— купцы из Херсона, когда прибывали в Самбат на торги, всякий раз заглядывали сюда.

«Таверна» напоминала длинные дома русов, только сложена она была не из дерева, а из саманного кирпича, и крышу покрывал не торф, а черный от дождей тес.

Развернув коня, Железнобокий сказал:

— Свирид где-то скрывается, но Зарина его здесь. Если он и решил уйти насовсем, то не один. Чагод подл, но только не для своих. Думаю, он для того и разделился со Свиридом, чтобы тот Зарину прихватил, дочку его...

Со стороны огородов подскакал Хурта.

— Что скажешь? — обернулся к нему Турберн.

— Дома Зарина,— выдохнул Славин.— Незаметно, что тревожится,— ходит по двору, скотину кормит... Воиста с Алком я там оставил, пускай приглядят.

— Ага... — сказал Железнобокий глубокомысленно.— Тогда так. Стегги с Сауком у Почайны побудут, один у моста, другой у брода. Ежели появится Свирид, не вспугните его, проводите незаметно до дому, а уж мы встретим ворюгу, как полагается. Ивор и ты, Свен, отправляйтесь к дому Свирида, Хурта вас проводит. Ты, Олег, здесь покрутись, в харчевне, послушай, что люди говорят, а я до Горы прогуляюсь. Все, разъезжаемся!

Варяги разъехались. Сухов проводил их взглядом, спешился, бросив поводья мальчишке-слуге, и переступил порог заведения.

Внутри было довольно светло — широкие окна, на зиму забираемые досками, стояли раскрытыми. В двух больших очагах шуровал огонь, подогревая похлебку в медных котлах. Кудрявый серый дым смерчиками уходил в отверстия, прорезанные в крыше. Алые отсветы огня мешались с дневным светом и бликами ложились на закопченные стропила.

Зал был перегорожен плетеной из ивняка стенкой, обмазанной глиной,— в проеме, задернутом занавеской, все плавало в дыму. Между столбов, подпиравших крышу, стояли четыре длинных стола и лавки. Земляной пол был присыпан резаной соломой.

Одну из выскобленных столешниц попирали ручищи хозяина, с виду добродушного медведя — шея в обхвате головы шире.

Посетителей было немного, человек пять, все местные, менявшие выпивку на сельхозпродукты.

Держатель «таверны», завидя Олега, поспешил навстречу, излучая обаяние и радость — почуял настоящие деньги.

— Рады, рады вам,— частил он на плохом русском, и себя, и Олега употребляя во множественном числе,— рады! Проходите!

— Спроворь-ка мне яишню,— велел Олег, устраиваясь за столом спиной к стене, поближе к выходу, где дым глаза не ел.

— Со шкварками? — плотоядно уточнил ресторатор.

— С ними.

— Мигом! Анея, ты все слышала?

— Не глухая... — донеслось из-за перегородки.

Хозяин живенько выудил из-под стойки стакан червленого серебра — не поить же дорогого гостя из деревянных чашек или глиняных кружек! — и наполнил ее красным вином.

— Из Корсуни бочечка,— суетился он, что выглядело смешным при его габаритах,— самое что ни на есть... Отведайте!

Олег хлебнул и кивнул одобрительно. Хозяин расплылся в совершеннейшем счастии.

В зал вплыла статная женщина степной наружности — черные волосы, заметные скулы, придающие лицу диковатое выражение амазонки на отдыхе. И голубые глаза. Причудливо мешаются крови на днепровских берегах!

— Извольте! — улыбчиво молвила Анея и ловко расставила приборы, даже чистую тряпицу припасла и мису для омовения.

Олег изволил. Он умял и шкварки, залитые тремя яйцами, посыпанными какими-то пахучими травками и лучком, и изрядный кус свежего серого хлеба.

Поев, послушав лениво здешнего музыканта, тренькавшего на подобии лиры, Олег расплатился серебряным дирхемом.

— Премного благодарны! — обрадовался владелец заведения и сунулся к ларчику за мелочью.

— Сдачи не надо,— сделал жест Сухов. Стоит ли описывать состояние кабатчика?

К сожалению, мир устроен так, что белая полоса обязательно сменяется черной, ведренный день — ненастьем. Мироздание соблюдает свой баланс интересов, смертному неведомый...

На крыльце послышались гулкие шаги, умолкла лира, и в залу ввалился человек-квадрат, человек-куб. Среднего роста, но очень широкий в плечах, с грудью пловца, с короткими, сильными ногами скалолаза, человек был затянут в кожу — штаны из потертой серой замши, а торс в полтора обхвата распирал хорошо выделанную куртку из оленьей кожи, украшенную на груди бисером. Голова «куба» синела бритой кожей, один лишь чуб свисал на ухо, да два уса опадали на грудь, пряча уголки сжатых губ.

Талию, что была шире бедер, окручивал длинный пояс, на нем справа висел нож, а слева скрамасакс. И никаких броней — уже одним этим как бы бросался вызов, заявлялось всему миру о превосходстве и непобедимости.

«Кожаный» встал руки в боки и дерзко оглядел зал. Охотники-лесовики его не заинтересовали, пьяный рыбак в углу — тоже. Маленькие глазки-буравчики метнулись к хозяину и вернулись досмотреть Олега.

— Бунай, я тебя умоляю... — начал трактирщик.

— Ша, Чамот,— лениво остановил его Бунай и обратился к Олегу: — Тут кто-то Свирида искал?

— Ты Свирид?

— Я его друг! А ты что за диво? Варяг, что ли? Варяг — с печки бряк...

Олег холодно посмотрел на Буная.

— Как стоишь, гнида холеная? — сказал он негромко, но так, что посетители поежились.— Смирно!

— Чиво?! — оторопел Бунай.

— Я русский воин,— напустил льду Сухов,— и всякая шелупонь косматая должна стоять передо мной по стойке смирно — то бишь прямо, руки по швам, пятки вместе, носки врозь! Дошло, смазка для меча?

Да, славин был быстр. Он выхватил клинок и обрушил его на то место, где только что сидел Олег.

— Бери уроки у старух,— посоветовал Сухов Бунаю,— они научат тебя двигаться порезвей!

Небрежно отклонившись, он пропустил мимо зудящую сталь и выхватил меч. Краем глаза Олег заметил, что зрителей прибавилось.

Бунай ярился, Сухов насмешничал, но, разогревшись, он ощутил и жар гнева.

Меч распорол Бунаю куртку, окрашивая кожу в красное. «Друг Свирида» отшатнулся и, словно косой, пустил меч понизу. Олег подпрыгнул, уходя от лезвия и провел в подскоке прямой удар ногой в грудь славину. Буная отнесло и швырнуло спиною на стол, скрамасакс с грохотом упрыгал по столешнице. Славин тут же перекатился, ожидая рубящего маха и выхватывая нож, но Олегу было неинтересно убивать безоружного. Кинув меч в ножны, он вооружился кинжалом, твердо сжимая золотое тельце львицы.

Бунай, обильно потея и тараща глаза от натуги, уже не о победе думал, а о том, как сохранить лицо. И заодно — несвятое свое житие.

Дуэлянты закружились на тесном пятачке между очагом и стойкой. Когда в поле зрения Олега снова вплыла входная дверь, он увидел Ивора, обнажившего меч. Рядом с русом причитала девушка со светлыми волосами, перехваченными тесьмой.

Бунай поскользнулся и упал на одно колено. Кинжал махом сбрил взметнувшийся чуб.

— Бунай! — закричала девушка.— Перестань, слышишь?!

Но Бунай не слышал. Он бросился на Олега и ударил снизу. Сухов перехватил его руку и вывернул так, что острие кинжала уткнулось Бунаю в горло.

— Не убивай его! — заверещала девушка, падая на колени.— Не надо!

Олег отстранился, и ошеломленный Бунай рухнул лицом в солому. Завозился, не веря, что жив. По его бычьей щеке текла красная струйка.

— Что, Ивор? — спросил Сухов, выходя на крыльцо.— Нашли?

— Нашли! — кивнул Пожиратель Смерти, взглядом измеряя бунаевские объемы.— Турберн всех собирает в кучу...

Свирид, зять Чагода, занимал небольшую, но крепкую усадебку рядом с защитным валом, выходившим к реке. Рядом с домом вымахала роща вязов, деревья росли не густо, и все прогалы затянуло подлеском. Там и спрятали лошадей.

В усадьбу Олег залез, как и Ивор, через высокий тын. Прирезанную собаку русы уже унесли за дом и лужу присыпали.

— Заходите,— скомандовал Турберн с крыльца,— и сидите тихо! Стегги уже совой крикнул — близко Свирид...

В доме было душно, сухое тепло накатывало от большой печи в углу. Огонь, трепетавший в плошке с бараньим жиром, тускло освещал комнату с низким потолком и полом из гладких плах.

— Семья его где? — осведомился Сухов.

— Связаны, в подполе сидят,— ответствовал Фудри.

— Ивор, спрячься во дворе,— негромко приказал Железнобокий,— дашь Свириду войти, а обратно не выпускай.

— Понял.

Тихо заскрипела дверь за Пожирателем Смерти, и воцарилась тишина, нарушаемая лишь дыханием Хурты, Железнобокого и Москвича. Олег впал в оцепенение, неспешно перебирая мысли.

Глухой стук, донесшийся со двора, мгновенно вывел его из задумчивости.

— Ти-хо! — прошипел Турберн.

Осторожные шаги на крыльце... Скрип двери...

— Зарина? — Свистящий шепот проник из дверей.— Зарина, это я, Свирид...

Дверь растворилась пошире, и в комнату вошел человек, закутанный в пыльный плащ,— пыль Олег учуял, аж в носу засвербило.

Неслышной тенью Железнобокий метнулся к двери и спокойно сказал:

— Ну, здравствуй, Свирид.

Зять Чагода вскрикнул, резко обернулся, и меч Ивора вошел ему в печень. Заклекотав, Свирид упал на колени и рухнул на бок.

— Зачем ты его заколол?! — свирепо зашипел Железнобокий.— Кто нам теперь скажет...

— Он привел лошадей,— перебил его Пожиратель Смерти.

Фудри выскользнул на улицу, следом выбрался Олег. Солнце уже зашло, полнеба пылало багрянцем, и этого кровавого освещения хватило, чтобы различить двух лошадей, понуро стоявших у коновязи. В их сумах лихорадочно рылся Москвич.

— Ого, тут даже золото есть! — крикнул он придушенно.— Клянусь Воданом!

Олег глянул на золотые предметы, подхваченные Москвичом. На закате золото отсвечивало кровью.

Усталый и раздраженный, Сухов вернулся со всеми в Вусегард. Халег, сын Ингоря, встретил его озабоченно и обрадовался, когда ему вернули Свиридову долю уворованной казны (о честно поделенных золотых монетах Турберн предпочел умолчать...).

Кое-как устроив гнедка, Олег завалился спать рядом с конем, на сеновале, и продрых всю ночь. Ему снилась степь без конца и без края, горячий ветерок обвевал лицо и лохматил волосы, а на каждом кургане сверкали розовым мрамором изваяния — нагая Елена

Мелиссина, застыв в камне, смутно улыбалась и манила приблизиться...

Проснулся Олег ранним утром, но никакие туманы не прятали текучего блеску Непра — было очень тепло, и многие варяги уже открыли купальный сезон, окунаясь в речную воду, еще не прогретую солнцем.

Полутролль купаться не стал, но умылся всласть, обливаясь водой, зачерпнутой с берега. Под ногой хрустели округлые ракушки с ладонь величиной, и скрипела галька. Мелкая волнишка плескала о сапоги... Хорошо!

И тут же диссонансом прозвучал конский галоп — это мчался Инегельд. Копыта Драконя разбрасывали песок, а лицо у Клыка было мрачнее тучи.

— Что опять не так? — громко задал вопрос Олег.

Боевой Клык осадил коня и сообщил:

— Халега убили!

— Да ты что?! — в Олеговой памяти тотчас всплыл ножик-«заколка».

— Все то же... Ночью закололи.

— Где он?

— Да где и был, у себя.

— А ты куда?

— Надо князю сообщить... Про сына.

— Не завидую тебе...

— Да уж...

Шлепнув Драконя, Инегельд припустил по дороге к Киеву, а Сухов поспешил в терем посадника.

В опочивальне Халега, сына Ингоря, народу было как сельдей в бочке — Олег едва протолкался к деревянной кровати, где на дорогих покрывалах лежал, раскинув руки, княжич. Лежал одетым и обутым, даже не скинув плаща. Его бледное лицо было закинуто, мертвые глаза смотрели остекленело, а в шее торчал тот самый ножичек с изящной витой рукояткой.

Сухов протиснулся к двери и понесся к конюшне. Спешно оседлав обрадованного гнедка, он вскочил на него верхом и поскакал самой прямой дорогой на юг, минуя Киев, к Витахольму.

Олег запрещал себе думать о возлюбленной, его компасом была логика. Если Елена причастна к убийству (причастна, причастна!), то ждать у моря погоды она не станет и постарается исчезнуть из поля зрения мстительных русов как можно скорее. А путь из Киева один — вниз по Непру. Уходить в степь равнозначно сдаче в плен кочевникам.

Все корабли, идущие на юг, в Херсонес или в Таматарху, никогда не следуют по опасной реке в одиночку, а собираются в караваны, по десять-пятнадцать судов, и вместе одолевают пороги, сообща отбиваются от степняков. Место сбора у них одно — у причалов Витахольма, варяжской крепости, поставленной в тридцати верстах к югу от Киева. И Олегу надо успеть увидеть Елену перед отплытием. Если она там... Вот в этом и следует убедиться.

Сухов немного отпустил поводья, доверяя коню. Гнедок не плошал, по-прежнему не терял резвости. За Киевом потянулись сплошные дубравы, широкой лесополосой разгораживая реку и степь.

Олег вывел коня на простор Дикого Поля, ехал и беспрестанно оглядывался. Земля, простор которой он сейчас преодолевал, находилась под властью князя киевского. Но кочевникам об этом забыли сообщить, и эти простодушные «доители кобылиц» сновали вдоль и поперек, то и дело наведываясь в пределы селений. Тащили все, что плохо лежит, воровали детей, уволакивали женщин, а мужчин или резали, или продавали в рабство. И какой из уделов печальней?

Набитая тропа поднималась на склоны высоких холмов и спускалась под горку, вилась по оврагам. Раза два Олег давал гнедку роздых, слезая с седла, и пробегал с километр, держась за гриву.

Утреннее солнце вкатилось на полуденную высоту, когда Сухов разглядел впереди высокий мыс, увенчанный крепостью. В укромной гавани скопилось несколько десятков судов — северных кнорров, южных хеландий.

— Поднажмем, коняка! — попросил Олег, и гнедок поднажал.

Попылив по голым склонам, Сухов выехал на пристань и огляделся. Больше дюжины хеландий собрались отдельной группкой, на них царила обычная суета — корабельщики-навклиры готовились отплыть. Успел вроде...

Углядев степенного мужика славинского обличья, но обряженного в золототканый дивитиссий, полуплащ-полухалат ромейского покроя, Олег подъехал к нему и спросил:

— Ты будешь старейшиной каравана ромеев?

Мужик подозрительно посмотрел на Полутролля и буркнул:

— Ну, допустим...

— Мне нужно осмотреть корабли!

Старейшина усмехнулся откровенно издевательски.

— А больше ты ничего не хочешь?

Олег положил ладонь на рукоятку меча и холодно сказал:

— Убили сына князя киевского. Мы ищем виновника, а ты скрываешь душегубца?!

Старейшина побледнел, губы его затряслись:

— К-как убили?! Да не может быть! Мы тут ни при чем, клянусь тебе!

— Новых людей набирали в Киеве? — Сухов говорил требовательно, с напором.— Гребцов, воинов, корабельщиков? Пассажиров брали?

— Нет-нет, на хеландиях плывет только старый состав! А пассажиров всего двое — старый ромей духовного звания с дочерью. Сам подумай — могут ли они быть убийцами?!

— Где они?

— На борту «Святого Поликарпа»...

— Проводи. Я должен убедиться лично.

— Да-да, конечно...

Спрыгнув с коня, Сухов повел гнедка в поводу.

Хеландия «Святой Поликарп» блестела свежеокрашенными бортами, но скрип снастей выдавал почтенный возраст судна. Олег примотал поводья к столбу навеса, под которым воняли пустые бочки из-под соленой рыбы, и взошел по трапу на борт хеландии. Пожилой ромей в черном плаще-сагии воспротивился было, но, перехватив мрачный взгляд Сухова, отступился.

Олег двинулся на корму, слыша за спиной торопливый шепот старейшины, объяснявшего купцу причину не примерного поведения руса.

Хеландия была мала для того, чтобы иметь отдельные каюты-камары для пассажиров, и те ютились вместе с владельцем корабля в малюсенькой подпалубной комнатке, больше похожей на большой ящик.

Олег согнулся, как мог, и протиснулся в крошечное помещение. Испуганный женский крик оповестил его о том, что подозрения оправдались.

В свете маленького, зарешеченного оконца Сухов разглядел Елену, приткнувшуюся на узком ложе, и ее немолодого спутника, отличавшегося нездоровой пухлостью.

— Не бойся,— сказал Олег негромко,— это я.

— Ты?!

Елена привстала на колени и сказала что-то властное пухлому. Тот кивнул послушно и вышел вон.

— Ты... — медленно повторила Елена, без сил опускаясь.— О, господи... Все? Я раскрыта? Меня убьют? Не то чтобы я боялась смерти, но пыток я не выдержу... — Она ухватилась за Сухова и взмолилась: — Помоги, Олег!

— Успокойся.

Сухов обнял женщину и погладил ее волосы.

— Никто тебя не тронет,— прошептал он.— Все знаю только я, и... Ну, ты же понимаешь! Скажи только, зачем ты убила Халега?

Елена отвернулась и ответила:

— Прости, это не моя тайна...

— А я и не пытаюсь вникнуть,— усмехнулся Олег.— Просто хотел убедиться, что ты успеешь скрыться с места преступления.

— Олег...

Сухов вздохнул.

— Жаль тезку... — сказал он.— Хороший был парень. Не знаю уж, что там напридумывало твое хитроумное руководство, но смерть Халега ничегошеньки не изменит.

— Не станет наследника...

— У Ингоря была не одна жена, да и мужик он крепкий, весь в батю. Ныне ему годков... сорок с лишним, и что ему помешает взять за себя молодуху лет через двадцать? Какую-нибудь Ольгу?

— Олег...

Елена крепко обняла его, целуя в щеки, в губы, в подбородок. Сухов порадовался отстраненно, что побрился с утра — острейшим ножом Ивора, оставил только бородку-эспаньолку и полоску усов на мушкетерский манер.

— Олег,— сказала женщина ему на ухо,— до отплытия еще есть время...

И принялась быстро и ловко лишать Сухова одежды. Он не сопротивлялся...

...Пыльный лучик, бивший в окошко, сместился совсем ненамного, когда Олег и Елена, голые и изнемогшие, разъяли объятия.

— Мне показалось,— произнесла женщина лукаво,— что я выразила свою благодарность наилучшим способом...

— Тебе не показалось,— улыбнулся Сухов и нагнулся, подбирая предметы туалета.

Мелиссина живо завернулась в платье и снова приникла к возлюбленному.

— Больше я никуда не двинусь,— пообещала она.— Буду наслаждаться тихой жизнью в Городе...

— И я,— твердо сказал Олег.— Я найду тебя в Константинополе. Не сегодня завтра мы отплываем, двести, как вы говорите, варангов. Хотим послужить вашему базилевсу...

— А ты послужишь мне! — в полном восторге заявила Елена.— А я — тебе... О, Олег, мой милый, милый варвар! Земля велика и необъятна,

но посмотри, как Бог скрещивает наши пути! Как я рада, что встретила тебя, если бы только знал! Это такое счастье — быть твоею, а не видеть тебя, не знать — горе...

Они б еще долго ворковали, но крики с пристани подгоняли, укорачивая время свидания. Еле оторвавшись от горячих Елениных губ, Олег вылез на палубу. Безразлично кивнув купцу, он строго сказал старейшине:

— Уходите немедленно! Все вы ни в чем не повинны, но слугам князевым лишь бы виновного сыскать. Торопитесь!

— Мы отчаливаем тотчас! — пылко воскликнул старейшина и заметался по палубе, выкрикивая команды на греческом. Их подхватили на остальных хеландиях, и Олег поспешил сойти на берег.

Мореходы живо отдали швартовы, а наемные гребцы опустили весла, выводя хеландии по течению. Одна за другой они выплывали на реку, распускали паруса и устремлялись туда, куда утекала река,— к морю.

— Хоть бы все нормально вышло,— прошептал Олег и отвязал гнедка.

К Вусегарду он подъехал лишь к вечеру. Езда по ночам, да еще в одиночку, была опасна — в любой момент из леска, из оврага неприметного могла вымахнуть лихая ватажка, а то и вовсе стрела, на звук пущенная. Но и спешить было нельзя. Оступится конь или, того пуще, ногу сломает, и все, как нету тебя, ибо пеший человек в степи — добыча зверя, а уж о двух ногах будет тот зверь или о четырех, какая разница?

Однако Бог или судьба хранили Олега и довели до вусегардских врат в целости. Сухов побаивался гнева княжеского, а оказалось — зря, никто и не заметил отсутствия Полутролля.

Инегельд, правда, в гневе был великом, ходил как тигр в клетке и перуны словесные пускал — не дай бог, угодишь на линию огня!

Олег предусмотрительно обошел светлого князя и спросил подвернувшегося Турберна:

— Чего это Клык так лается?

Железнобокий лишь рукою махнул:

— Послал князюшка человека верного к Халегу Ведуну, чтоб тот решил, как быть и что делать. Теперь ждать придется ответа. Две недели туда, две — обратно. Считай, месяц пропал. Вот и лается...

А Олег испытал мгновенное успокоение — теперь-то наверняка удастся Елене уйти безнаказанно, никому не догнать каравана! Скедии догнали б с легкостью, но им еще долго ждать отплытия. Ну и слава богу...

Глава 13,

В КОТОРОЙ ВАРЯГИ ПОЛУЧАЮТ ВАЖНЫЕ ИЗВЕСТИЯ И ВЫХОДЯТ В МОРЕ

Не прошло и четырех недель, как прибыли посланники от Халега Ведуна — на десяти лодьях прибыли, в полном боевом, а главным над ними был Аминод Мудрый, боярин и старый знакомец Инегельда. Боевой Клык встретил посланника как полагается, угостил, как следует, а после они заперлись надолго и беседу тайную имели. «Ничего не слыхать — расстраивался Малютка Свен.— Я и так пристроюсь, и этак, а оттуда все одно: бу-бу-бу-бу!»

Однако от дружины светлый князь таиться не стал. Пришел наутро в гридницу и очень серьезно сказал:

— Разговор есть. Только для ваших ушей.

Тут уж и Малютка построжел.

— Значит, так... — начал Клык.— Я тут не сидел, как некоторые, зазря и не только по охотам шастал да по девкам киевским. Следопыты знатные поработали на меня, и все как есть выяснили. Халега, сына Ингоря, ромеи убили.

Олег похолодел.

— Да,— продолжал князь,— побывало их тут немало, и купеческого звания, и духовного, однако убивцы не торгашами были и не попами. Скопец тут орудовал и девка с ним. Вот они-то и сгубили княжича... Но я не о том. Халег Ведун решил князя Ингоря не спрашивать и самому наказать ромеев. Ныне он собирает могучую дружину и явится к Миклагарду [1] виру требовать за убиенного княжича, почти что внука своего, а чтоб все было по чину, хочет с ромеями ряд мира и любви заключить. Во как...

Почто я это все вам рассказываю? Объясню... Мы с вами завтра же продолжим путь к Миклагарду и устроимся в этерию, сторожить базилевса и беречь его. Но это для вида. Великий князь еще одну службу подкинул нам — надо будет все у ромеев разведать и сюда пере-

---

[1] Обычно считается, что свой поход на Константинополь Олег Вещий совершил в 907 году, однако летописным датам доверять нельзя. К примеру, Новгородская первая летопись младшего извода уверяет, что Олег пришел к Царьграду в лето 6439-е от сотворения мира, то бишь в описываемое время, в 922 году.

дать. И про «огонь греческий» вызнаем, и число кораблей сочтем, и сколько войска стоит ромейского. Ясно вам?

— Ясно,— ответила гридь вразнобой.

— Ну, тогда прощайтесь с девками и собирайтесь. На рассвете отчаливаем...

Чуден был Непр! Могучий поток мутной влаги катил с верховий к низовьям, подпитываясь притоками, и ум отказывался верить, что можно в одном месте собрать такое количество воды. Справа берег вскучивался высокими холмами, перепадавшими в глубокие балки, слева стлался низменно. В первых рядах наступающих на реку растений шли камыш и тростник, к самой воде спускался развесистый краснотал, густели бересклеты и черноствольные вязы, липа вкраплялась и ольха, высовывали острые верхушки тополя. Далее, где посуше, собирались в рощи дубы.

А запахи с берега ветер доносил иные — степные запахи. Пахло мятой, донником, вездесущей полынью.

Совсем близко от левого берега Сулы, мягким увалом перепадающего к югу, лес кончался. Кусты боярышника еще вклинивались в степное разнотравье, а чуть дальше рос один ковыль. Степь и лес рядом. Лес и степь. Лесостепь.

Скедии спускались, чередой острых килей нарезая мутную воду. Паруса здорово оживляли великую реку, распиравшую пустынные берега. Яркими красками переливались круглые щиты, развешанные по бортам, десятки весел вымахивали из воды и загребали в великолепной тождественности.

Северный ветер окреп, и над рекою разнеслась команда:

— Весла убрать!

Олег вытащил свою гребь из лючка и уложил сушиться на Т-образные козлы. Усталость покидала натруженные мышцы, сменяясь приятной истомой.

Над «Соколом» вились непровские чайки, а высоко в небе чертил ленивые круги орел. Все смешалось в природе.

— От Кенугарда до порогов,— заговорил Турберн, задумчиво почесывая грудь, отчего голова вытатуированного дракона словно морщилась,— примерно триста верст. В день мы пройдем верст семьдесят. Или восемьдесят...

— Это ты к чему? — спросил разомлевший на солнышке Малютка Свен.

— Место надо искать для ночевки.

— На берег нельзя,— мудро заметил Фудри,— а то набегут кочевники всякие, мигом скальпа лишишься! И что я тогда буду расчесывать?

— Руку опусти,— пробурчал Турберн,— и сунь в штаны. Может, и сыщешь, чего чесать...

— Ест остров,— сказал печенег Котян,— немного плыт, да!

— Остров — это хорошо,— сказал князь.

Ветер поддувал в парус, и течение несло скедию, но так же сверкала гладь реки, не выпячиваясь ни единым клочком суши.

Солнце садилось, хмурые тени от высокого берега легли на воду, стирая дневную синеву и зелень, а после красные и оранжевые блики залепили речной простор, замельтешили, заиграли. И вот тогда из закатных блесток выступило обтекаемое черное пятно, плоское и недвижное.

— Эгей! — крикнул Фудри.— Остров вроде!

Остров был велик, его уже скрепили корни ивы, пошла расти трава. По форме он походил на перевернутую запятую, а узкий завиток-коса уходил на юг, постепенно пропадая в глубине. Северный бережок был просто завален сучьями, ветками, целыми стволами, выброшенными течением.

Пришвартовав скедии, варяги первым делом выставили охранение, а после запалили костры и подвесили над ними котлы. Повара изысками не увлекались — побросали в воду мяса, крупы, настрогали морковки, сунули головки лука, посолили. А голодной дружине много ли надо? Через часок котлы сняли с огня, и музыкой зазвучали стуки черпака, вылавливавшего гущу со дна.

После ужина разожгли еще множество костров на песке. Дождались, пока те прогорят, сгребли уголья в сторону и постелили кошмы на прогретый песок. Стало тепло и уютно. Разговоры увяли. Варяги разлезлись по кожаным спальным мешкам.

На остров опустилась тишина, только дозорные бродили берегом, шурша песком, да еще мощное журчание Непра трогало слух, пока не убаюкало.

Непр нес свои воды на юго-восток, а там, где впадала Самарь, великая река поворачивала на юг. Приближались пороги.

— Мачту снять! — скомандовал Боевой Клык.

Экипаж дружно опустил на палубу рей, замотал его в парус, уложил мачту, а после поскидывал всю одежду.

— Котян! — крикнул голый князь.— Вот только разбей мне скедию!

Котян-кормщик разобрал только свое имя, но осклабился — пришел его черед блеснуть.

— Готовност! — заорал он и махнул рукой по течению, в сторону высокого острова, выступавшего из воды посередине реки.

Остров был покрыт кустарником и высокими соснами, а от северного мыса его углом расходились буруны, будто от штевня колоссального корабля.

— Готовност! — повторил кормщик и напрягся.

Олег привстал и сразу сел — стало нехорошо. Впереди, уже совсем близко, из воды выглядывали черные скалы — вершины треугольников стоячих бурунов.

А главное, «Сокол» уже не нуждался в гребцах — река сама несла скедию, наклоняя течение. Теснина берегов сопрягалась со стремниной, и милый плеск волн вытеснялся гулом бурлящей воды. Перекатываясь меж высоких скальных островков водопадами, Непр ревел и бешено пенился, свергаясь с высот.

— Первый порог миноват! — объявил Котян.— Это — Эссупи! Готовност!

Качаясь и валясь, скедия одолела второй порог — Хольмефосс.

— К берегу! — заорал Котян.— К берегу!

Команда шустро погребла куда сказано.

— Ходит ногами,— объяснил кормщик,— по воде! И тянут! Там третий порог — Гьялланде!

Олег перелез через борт в холодную воду. Ух, ты...

— Я вам что, морж? — шепотом жаловался Пончик.

— Т-терпи, тюлень... — прокряхтел Турберн, хватаясь за буксирный конец.

— Тебе-то хорошо, вон какое пузо наел. Как у моржа! Жирному не холодно!

Железнобокий не ответил. Он зачерпнул полную горсть воды и плеснул на лекаря.

— Уй-я!

— Весла в руки,— приказал князь,— и толкаем!

Варяги разобрали весла и пристроились пихать скедию — кто нос, кто корму, кто посередке.

Олег зашел в воду по пояс и уперся веслом в борт. Это было нетрудно, течение и само несло скедию, надо было только удерживать «Сокола» на курсе, чтобы кораблик не развернуло. И нужно было шагать, нащупывая босыми ногами дно, расшибая пальцы о камни, и удерживать тело от падения — Непр ощутимо толкал в спину. И еще одна нужда была в запасе — поглядывать на берег. Степь лежала вокруг. Дикое Поле. В любой момент из неприметной балки могли с виз-

гом выметнуться печенеги, подло напасть, осыпать стрелами и скрыться, а тебе только и останется, что метаться по берегу в бессильной ярости. И хоронить потом павших.

— Выходит! — скомандовал Котян.— Сейчас четвертый — Айфор!

Айфор, или, как его звали славины, Ненасытец, был самым коварным. Но варяги настолько озябли и вымотались, что их уже ничто не могло взволновать,— хоть все водяные на них ополчись, они только отмахнутся от нечисти. Не до вас-де...

— Катки достат! — велел печенег-мореход.

Дрожа, растирая закоченевшее тело руками, члены экипажа перекидали на берег припасенные дубовые катки. Айфор обходят посуху, а плавсредство тащат волоком. Самое трудное — это выволочь скедию на берег, дальше будет полегче.

— Каток подставляй!

— Разом — взяли! Еще — взяли!

— Пошла! Наехала!

— Тяни!

— Толкай!

— Удерживай! Удерживай!

Сила и воля команды сработала — скедия, гудя днищем и струя воду на песок, выкатилась на берег. А теперь экипажу надо было сделать ровно шесть тысяч шагов, удерживая борта скедии. Вовремя подбирать катки за кормой и подставлять их с носа. И толкать. И тянуть. Удерживать. Подбирать. Подставлять.

Позади к берегу подходил «Стратим», русы, толкавшие кораблик, крякали, растирали розовые от холода ноги и готовились к ударному труду на волоке. Среди рослых варягов выделялся гигант Кирилл. Его тело было здорово помечено рубцами. Углядев Олега, ромей осклабил беззубую пасть. Сухов помахал ему в ответ. Учитель как-никак — чуть ли не год Кирилл обучал Полутролля языку ромеев.

— Шибче ходим! — весело заревел Клык.— Шибче!

— Вода холодная! — пожаловался кто-то.

— Щас ты у меня разогреешься, потом умоешься! А ну, взялись!

Олег навалился на скользкую корму «Сокола». Уперлись всею ватагой, напряглись, оттолкнулись... Пошла, родимая!

Впереди медленно двигалась скедия «Пардус», облепленная с бортов экипажем. А справа от Олега ревел Айфор. Вода на его двенадцати грядах металась от берега к берегу, разбиваясь о скалы, острые как меч. В воздухе висела водяная пыль, среди камней кружили водовороты.

...Когда гудящие ноги Сухова домерили последнюю тысячу шагов, и скедия снова закачалась на воде, сил в теле не осталось совершенно — легкие разрывались и свистели, как дырявые мехи, руки дрожали, а сердце занавешивало глаза кровью.

Шестой порог Варуфорс образовывал большую заводь, но расслабиться не дал. Слабина в этих местах означала щепки от корабля, а от экипажа — кровь и кости.

Седьмой порог, Леанти, прошли по глубине, сторожко следуя всем изгибам берега, и лишь дважды лодья чиркнула бортом по скрытым скалам. Оба раза Котян болезненно морщился, словно это по нему саданули скалистым выступом.

Последний порог, что пенился выше Крарийской переправы, носил название Струкун, то есть «порожек», и был как перемена после очень долгого и тяжелого урока.

— Проходит! — счастливо улыбнулся кормщик.

Олег глубоко вдохнул и выдохнул. С обоих берегов расходилась вдаль степь, порою открываясь сырыми балками, иной раз дыбясь скалами. А дно было мелким. Брод. Перевоз Крария.

— Можете одеваться,— милостиво сказал Клык.

— Премного благодарны! — низко склонился Турберн.

И получил звонкого шлепка по худой заднице.

Берега реки на перевозе сходились очень близко, ромей сказал бы — не шире Ипподрома. Плес невинно переливался на солнце, вспыхивая мириадами блесток. Сверкали капли воды, срываясь с весел. Расходились круги по воде, отражая в перехлестах интерференции густую горнюю лазурь.

«Обстановка какая-то... не боевая»,— подумал Сухов. Даже плеск весел звучал, как в парке на гулянии, когда играет духовой оркестр, а граждане совершают увеселительные лодочные прогулки...

Обстановка изменилась резко — над травянистым откосом левого берега вдруг вздыбились фигуры всадников — десятки и десятки. Кони неслись бешено и совершенно бесшумно — топот глушился травой, а ездоки мчались молча, хищно пригнувшись к напруженным шеям скакунов. Слетая с горки, лошади подняли облако пыли. Внесясь с разгону в мелкую воду, копыта взбивали ее, вскидывая брызги выше холок.

— К бою! — заорал князь, выхватывая меч.

Всадники в черных халатах и в черных колпаках выпрямились в седлах, растягивая луки. Олег с Турберном нырнули за щиты, разве-

шанные вдоль борта, и едва не столкнулись лбами. Выше звучно тюкнули стрелы. Мимо!

— Печенеги! — опознал напавших Малютка Свен.

— Орда большой,— дополнил Котян,— называт Сары Кулбай!

Русы уже вели прицельную стрельбу, перебегая вдоль бортов, прячась за щиты в одном месте, выныривая в другом.

А кормщик Котян предпочел отбиваться с помощью дротиков-сулиц, их у него была целая вязанка. Печенеги направляли коней «вилками», охватывая дрейфующие скедии с двух сторон, и дротики внесли заминку в тактический маневр — одна сулица пронзила шею коню, и тот пал, топя всадника и взбрыкивая ногами. Следующая за павшим животина споткнулась о труп и тоже кувыркнулась в воду. Второй дротик Котян метнул, целясь в мышастого коня, но тому повезло — передние ноги животного провалились в подводную яму, и сулица пробила грудь густо обволошенному всаднику в роскошной куртке — по ней были пришиты медные бубенчики, а вышивка бисером изображала птичьи лапы.

— Халил, собака! — взревел Котян.— Узнат?! Заполучи!

Сброшенный с седла, печенег упал, ногой запутавшись в ременчатом стремени, и мышастый поскакал к берегу, волоча на буксире ездока, раздирая его лицо о камни.

— А-а-о-о-о-у-у! — завыли кочевники.

Пятеро или шестеро самых бойких из них, подскакав к скедии, перескочили с коней на борт, воинственно размахивая кривыми мечами.

Олег подхватил круглый щит, висевший на бортовой планке, с ходу суя левую руку под одну кожаную петлю и ухватывая пальцами другую. Продолжая движение, он вскинул щит, отбивая секущий удар изогнутого меча. Махнув скимитаром, Сухов скрестил его с печенежским клинком, а ногою ударил степняка по колену. Хрустнула чашечка, кочевник ударился о борт и полетел в воду.

— Очистить палубу! — заревел Боевой Клык.

Олег развернулся и обратным ударом меча разрубил горло печенегу с безобразным носом — красным, рыхлым и пористым, похожим на перезрелую клубнику. Ударом ноги Сухов придал падавшему врагу потребное направление, и тот бултыхнулся в воду.

Загодя вытягивая руку со щитом, дабы отвести удар третьего шустрика, десантировавшегося на скедию, Олег отвел меч, но тут его опередил Хурта — стрела пронзила печенега, а ее граненый наконечник вышел у вражины из груди, прокалывая бесполезные костяные пластины.

— Турберн! Котян! — закричал князь.— Разворачивайте скедию носом к берегу! Гребем на коней!

Печенеги не ожидали, что экипаж скедии, практически захваченной ими, перейдет в наступление. Нет чтобы о пощаде верещать!

Скедия развернулась и наплыла на скопление конников. Двигалась она неторопливо, но и лошадям, залезшим в воду по брюхо и выше, было не развернуться. Скедия ударила неспешным тараном, ее острый форштевень подмял под себя одного коня, другого. Чалый жеребец, пуча безумные глаза, сделал попытку выпрыгнуть из воды, сковывавшей движения, и дико заржал, вскидывая на планшир передние ноги. Всадник, натягивавший лук, обронил свое оружие и судорожно ухватился за гриву, но лодья продолжала движение. Чалый оступился, ударился о борт головой и скрылся под веселенькими блестками, рассыпанными солнцем по воде. Только обезоруженный всадник задержался над поверхностью. Ивор тут же помог ему свести близкое знакомство с рыбами, ударив печенега копьем в шею.

Олег обернулся к корме — там бился Турберн. На него обрушивал меч ездок, чей конь буравил воду параллельным с ладьей курсом. Кривой и тяжелый клинок вышиб у Железнобокого меч из рук, варяг сразу же пригнулся, уходя от обратного удара, и подхватил весло. Разъяренный неудачей, Турберн заработал веслом как дубиной, одним концом разбивая голову коню, а другим, с разворота, его хозяину,— оба канули на дно.

Другого степняка Железнобокий снял, работая веслом как кием,— мокрая лопасть ударила всадника по голове, как по костяному шару.

— В лузу его! — заорал Олег.— Ха-ха-ха!

У Фудри рука была в крови, не понять, своей или чужой, но он продолжал азартно вертеть мечом. Однако кочевники отпрянули от скедии, и Москвич бросил меч в ножны, хватаясь за копье. А тут как раз молодой и прыткий печенег подвалил, вскакивая на седло ногами,— видать, сигануть решил на борт, удаль свою потешить. Копье вошло ему в живот, сгибая удальца в прямой угол. Фудри едва успел выдернуть оружие — кочевник перекинулся в реку.

— Уходим! — разнеслась команда князя.

Боевой Клык отбросил щит и упал на скамью.

— Уходим! — повторил он, хватаясь за весло.

Печенеги и сами, понеся потери и утратив боевой задор, спешно отступали, напрягая бедных своих земноводных коней. Русские стрелки, выстроившись рядами, посылали вслед убегавшим по десять-двена-

дцать стрел в минуту — живыми ушли не все. Олег сощурился — на вершине откоса недвижимо стоял одинокий всадник. Хан?..

Скедия развернулась на мелкой воде. Набирая скорость, двинулась к правому берегу, уходя на середину реки, куда не долетит никакая стрела.

Князь привстал, оглядывая своих.

— Все живы? — спросил он.

— Убиенным — выйти из строя! — подхватил Пончик.

— Не умничай! — ухмыльнулся Клык, радуясь, что все целы.— Вон, скинь лучше мертвяка!

У Пончика вытянулось лицо.

— Вот сколько уже раз говорил себе,— горько сказал он,— чтоб не высовывался. И все без толку!

Тяжко воздыхая, Шурик подобрался к мертвому печенегу, задержавшемуся на борту. Брезгливо перебросил за борт ноги в грязных шароварах, поднатужился, перевалил окровавленное тулово. Наклонившись к воде, чтобы омыть руки, он отчетливо прошипел:

— Угнетатель!

Котян, восседавший на месте кормщика, весело лыбился, хоть и плохо понимал, о чем говорят. Да и чего тут понимать? Радуются люди! Избежали смерти, одолели врага — чем не повод?

— Хортица! — крикнул он, вытягивая длань к югу.

Снизу наплывал большой остров, миль пятнадцать в длину, ромеями прозванный именем Святого Григория. Хортица — место удивительное, здесь, как в фокусе, было собрано все, что создала природа к северу от Русского моря [1]. Ее берега и песчаными пляжами тянулись, и каменистыми откосами скатывались, и дыбились крутыми скалами. Остров надрезали балки и овраги, по нему стелились луга и вставали леса, вода пересекала его по протокам, сбегала ручьями, копилась в озерцах. А уж живности сколько тут бегало, ползало и летало! Словно со всей степи съехались делегаты от пернатых, лохматых и чешуйчатых.

Котян плавно подвел скедию до укромной бухты, по берегу которой тянулась добротная пристань с бревенчатыми вымолами.

— Ого! — удивился Олег.— Да здесь целый порт!

— Сюда каждую осень ромеи прибывают,— объяснил Турберн,— торг ведут со степняками.

---

[1] *Русское море* — так в те времена называли море Черное. *Византийцы-ромеи* предпочитали говорить «Понт Эвксинский».

— Все-то ты знаешь...

— Ученье — свет, а неученье — тьма! — назидательно произнес Пончик.

Скедия причалила к мосткам, и Котян соскочил на причал, мгновенным движением накручивая канат на истертый деревянный столб.

— Надо приносит жертва! — объявил кормщик, и светлый князь серьезно закивал: надо!

Олег только плечами пожал — приносите, мол, если вам делать больше нечего...

Разминаясь и гогоча, варяги повалили на сушу. Князь Инегельд топал впереди всех и вел за собой гридь.

По набитой тропе они поднялись на обширную поляну, отделенную от берега строем кряжистых дубов. Но на самой поляне произрастал и вовсе гигант леса, всем дубам дуб! В десять обхватов, с порепанной корою, оплывшей от старости, дерево впивалось в землю корнями толщиной с человечий торс и воздымало к небу кипу могучих сучьев по четыре локтя в поперечнике.

Из земли, усыпанной толстым слоем фигурных листьев, выступал древний каменный алтарь. На нем было высечено яйцо, изображающее Вселенную, и скорчившийся человек — там, где полагалось быть желтку.

Котян с Хуртой скрылись в зарослях и вскоре вернулись. Печенег и славин тащили по птице — Хурта держал за лапы баклана, а кормщик волок селезня.

— Вы их в лавке купили? — сострил Фудри.

— Нет,— серьезно ответил Хурта.— Да тут это просто — подходи и бери. На Хортице охотиться и воевать нельзя — со всей Степью договор!

— А чего ж вы... — удивился Олег, кивая на добычу.

— А это не для еды!

Торжественно скрутив головы своим птицам, Хурта с Котяном побрызгали теплой кровью на корни дуба, приговаривая что-то нараспев — благодаря богов за то, что смерть отвели и даровали победу.

Князь и Турберн принесли в жертву несколько стрел, воткнув их в землю, Малютка Свен покрошил богам хлеба. Воист посыпал вокруг себя сыр, а Ивор плеснул вина из кувшина.

— А теперь и наша очередь! — довольно прогудел Турберн.

Расстелив на траве плащи, экипаж устроился поудобней и доел остатки провианта, захваченного в Киеве.

Олег как раз допивал вино из чарки, когда, скосив глаза, заметил выходившего из чащи старикана в белом. Старикан опирался на по-

сох, его седые космы были обвязаны золотой тесьмой. «Жрец!» — догадался Сухов.

— Здравы будьте! — пророкотал жрец неожиданно густым и сочным баритоном.

Князь с Турберном поднялись с достоинством и поклонились.

— Наверное, это жрец бога Хорса,— предположил Пончик,— других святилищ тут нет.

— Тебе лучше знать,— сказал Олег.— Ты у нас в делах языческих смекаешь...

— Поднимался я на скалу,— неспешно заговорил жрец,— видал оттуда, как вы с ворогом расправились... Боги радовались, глядючи на вас из чертогов небесных.

Неожиданно зоркие глаза жреца глянули из-под нависших седых бровей прямо на Пончика.

— Пойдем, Александр,— сказал жрец.— Мой бог надоумил меня сделать тебе подарок...

Недоумевая, откуда жрец узнал его имя, Пончик пошел вслед за жрецом. Старикан не шмурыгал слабою старческой походкой, а шагал, хоть и не широко, но энергично.

Олег, а за ним и варяги двинулись следом, оставаясь в почтительном отдалении. Миновав дубовую рощу и светлый соснячок, они вышли к подножию невысокого холма, заросшего травой. На плоской вершине холма крепко сидел храм странной архитектуры — шестиугольный, с острой крышей, уложенной шиферными плитками, окруженный кольцевым навесом на резных столбах. В глубине храма, сразу за открытыми дверями, угадывалась статуя бога Хорса — пухлощекий истукан держал на груди солнечный круг.

Внезапно из храма выбежали две собаки невиданной Олегом породы — размером со сенбернара, но больше всего походили на чау-чау. Большие, крупные, эти псы ступали мягко, вминая траву толстыми лапами, уши на лобастых головах стояли торчком, а хвосты мотались пышными бубликами. И оба были одной масти — рыжей.

Огромный косматый волкодав, порыкивая на Александра, завизжал, подлащиваясь к жрецу, заюлил, бешено заработал хвостом, вскидывая толстые лапы слуге Хорса на плечи, пытаясь лизнуть в лицо влажным красным языком.

— Привет, собака,— ласково потрепал пса жрец и указал на Пончика: — Свои!

Рычание булькнуло в глотке пса и заглохло. Язык вновь умильно свесился за ряд убийственных клыков.

— Танай! — громко позвал жрец.

В дверях храма показался подросток в штанах и меховой безрукавке на голое тело.

— Принеси Кавана!

Отрок кивнул и исчез. Минуту спустя он уже спускался, держа перед собой короб, плетенный из луба. В коробе что-то ворчало.

Жрец принял у подростка короб и протянул Пончику. В лубяной таре развалился лохматый рыжий щенок, головастый, с короткими толстыми лапами.

— Это хорт,— торжественно объявил жрец,— сам бог Солнца вывел этих собак и повелел дарить человекам. Нет лучшего сторожа, чем хорт! Когда щеня вырастет, он справится и с вором, и с волком.

Шурик запустил руку в короб и погладил детеныша. Тот блаженно зажмурился и хлопнулся на бок — давай, дескать, продолжай в том же духе.

— Благодарю тебя,— церемонно сказал Пончик и взял короб на руки. А увесист детеныш! Вот же ж бегемот вырастет...

Вернувшись на поляну, он гордо продемонстрировал подарок.

— Собака — друг человека! — выдал Сухов.

— Очень свежо,— заметил Шурик.

— Настоящий хорт! — выдохнул Фудри и потянулся погладить.

Щенок заурчал и ляскнул пастью.

— Ого! — рассмеялся Железнобокий.— Защитничек нашелся, признал Пончика за хозяина!

— Ну, все,— проворчал князь, грозно сводя брови,— двигаем дальше.

— Дай я понесу,— выпросил Олег.

— А не съест? — усомнился Пончик, передавая короб.

Хорт внимательно поглядел на Сухова, и акцию устрашения проводить не стал — улегся и закрыл глаза.

— Все на борт! — объявил Инегельд.— Опоздавших оставляем на зимовку!

И вновь потянулись берега. Теперь слева по борту расстилался Великий Луг — непровская пойма, самая большая в мире. Густые плавни, разрезаемые неисчислимым количеством проток и стремительных речищ, где болота и озера, бобровые запруды и старицы чередовались с островками и кучугурами, стелились до самого горизонта. Непроходимые заросли тростника, лозы, осоки, камышей чередовались с плавневыми дубняками и клочками ковыльной степи. А надо всем этим растительным беспределом кружились стаи пеликанов и бакла-

нов, вспархивали тетерева, а из тени дубрав доносилось уханье множества филинов.

Непр вновь изменил направление своего течения, повернув на юго-запад. Река делалась все шире и шире, пока берега и вовсе не ушли за горизонт — лодью вынесло в лиман. Вода все сильнее отдавала солью, а волны качали не по-речному.

Оставив справа по курсу остров Борисфен, который анты переиначили в Березань, а ромеи посвятили Святому Элевферию, скедия пошла в виду Гилеи, которую позже обзовут Кинбурнским полуостровом. Древние эллины чтили эти места, именно здесь шумела священная роща Гекаты. Весь полуостров зарос дубом, березой, ольхой, осиной, в Гилее паслись стада оленей и кабанов. Со времен Геродота предприимчивые ольвиополиты плавили здесь лучшее железо из наносов, принесенных рекой, и варили стекло. И что останется от Гилеи к векам будущим?..

С этими бодрыми мыслями Олег Сухов выплыл на просторы Русского моря, шумнокипящего Понта Эвксинского.

Глава 14,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ С ПОНЧИКОМ ТЕРПЯТ НЕБОЛЬШОЕ КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Ветер свежел, скедии стало покачивать.

— Паруса долой! — полетела от корабля к кораблю команда.

Ветрила убрали мигом, кормщики напряглись, гребцы удерживали скедии от разворота бортом к волне.

А Олег опять вспомнил Елену. Тоскливое чувство утраты вернулось к нему, наполняло душу холодом и непокоем. Вроде он и не удаляется от нее, наоборот, все ближе и ближе, а вот поди ты... Эта великолепная красавица отдавалась ему, но никогда не будет его. Он был и останется для Елены грубым варваром, могучим северным героем, ненасытным в любви и в войне. Им никогда не быть вместе. Мелиссине, утонченной придворной даме, богатой и знатной, нужен совсем иной спутник. Да и кто говорит о женитьбе?! Он выбрал свой путь —

присягнул великому князю и служит Гардам. И будет служить до последнего костра.

Сухов вздохнул — такова судьба всякого, кто вступает в борьбу и мечом добивается правды и богатства, почестей и славы. Тебе будет дано ощутить пьянящее чувство победы и торжество возмездия. Но ты лишишься простого человеческого счастья, у тебя не будет тихих вечеров наедине с любимой женщиной, ты не погордишься своим ребенком, не познаешь покоя и отдохновения в кругу семьи. Вместо этого холод и дождь, снег и ветер, пыль и жара, пот и кровь, грязь и боль. И все-таки... Неужто не упивался ты чувством одержанной победы? А когда восстанавливал попранную справедливость, разве не испытывал «глубокого удовлетворения»?

Олег поморщился, отгоняя коварные мыслишки, и глубоко вдохнул соленый, сырой воздух. Заметно похолодало, солнце спряталось за длинное серое облако, скрашивая розовым муаровую каемку. Приближался шторм.

Море стало сизо-зеленым, с длинными изгибами пены. Волны вздыбились и несли вскинутую воду туда же, куда летели облака — серые, серебристо-дымчатые, сизые, угольно-черные, пухлые и рваные в клочья. Тучи ворочались, мчались кувырком, клубились, растаскивались ветром на куски и снова лепились в кипящей целокупности.

Олег с тревогой прислушивался к скрипу дерева и звону туго натянутых снастей — ветерок, задувший с севера, поднимался с утра, поднимался, да и задул во все десять баллов. Буря к полудню набрала полную силу и больше уже не ослабевала в течение всего времени, пока скедии выносило в Русское море.

Что-либо противопоставить шторму было нельзя. Только держать лодью носом к волнам, к этим чудовищным, дымящимся водяной пылью стенам из серо-зеленой влаги. Пусть пенистые потоки перехлестывают через тебя, лишь бы не опрокинуло судно, не перетерло в страшной вихревой пучине.

Сухов отер лицо и взглянул на небо. Клочкастые тучи неслись с бешеной скоростью, их муаровое рванье подсвечивалось сполохами молний. Голая мачта описывала круги и восьмерки, потрескивала и постанывала натянутыми штагами.

На корме, отплевываясь и скалясь от натуги, удерживал рулевое весло Котян.

— Что-то ветрено сегодня! — проорал Пончик.

— Ага! — подхватил кормщик.— Видат, к дождю!

В это время скедия резко вскинула нос, и над кормой вздыбилась крутая водяная гора.

— Держись! — крикнул Олег.

Исполинская тягота воды, обрушившейся на полуют, наделала бед — неслышно лопнул штаг, унесясь черной змеей, и мачта с треском, резким, как выстрел, сломалась посередине. Вынырнув из пены, Сухов увидел очумелого Котяна, вцепившегося в рулевое весло, и только потом разглядел Пончика, барахтавшегося шагах в двадцати от борта, по шею в кипящем море. Недолго думая, Олег накинул на себя петлю фала, схватил спасательный бурдюк и прыгнул в шумящую пучину.

Природа будто взбесилась — визжащие ветра срывали с волн брызги и швыряли их, рассеивая в пыль. Волны налетали друг на друга, сталкивались, дробили свой накат, опадали, проваливались, кружась водоворотами, и снова вставали чередою, поднимая и обваливая грохочущие навесы вспененных гребней.

Олег доплыл до Пончика и натянул ему на голову спасательный мех, надутый «колбасой» и свернутый кольцом.

— Суй руки! — крикнул Сухов.

— Да я так...

— Суй, сказал!

Шурик просунул руку в круг, загреб и пропустил другую.

— Во! Поплыли!

Но нет, так просто изо всей этой свистопляски не вырваться, не пересилить чудовищную и равнодушную мощь моря! Фал вдруг резко натянулся и сразу ослаб, Пончика и Олега раздернуло, а продолговатое, мокро-блестящее тело скедии стало быстро удаляться.

Зло отфыркиваясь, Сухов распутал оборванный фал и сбросил его с себя. Пончик, поднятый на гребень, скатился как по горке.

— Вода холодная! — проорал он.

— Ничего! — крикнул Олег.— Не зима!

Водичка бодрила так, что глаза на лоб лезли.

— Понт какой-то беспонтовый! — провопил Пончик, отплевываясь.— Я видел, наши вроде заворачивают!

— Ты греби, греби давай!

«Сокол» опасно развернулся бортом к волне, его сильно накренило, но кормщик вырулил-таки, и корабль выровнялся, стал клевать воду носом, взметывая брызги.

— Вижу бревно! — донесся до слуха Олега крик Пончика.

— Это мачта! Хватайся!

Полупритопленный ствол с обмоткой из тугого каната здорово помог Сухову. Намокшая одежда стесняла движения и тянула вниз, а холод отбирал все силы.

Скедия неожиданно приблизилась, ее штевень стукнул по мачте, разворачивая ее. «Щас как шмякнет о борт!» — мелькнуло у Олега. Вслух он крикнул:

— Держись!

Мокрый, блестящий борт «Сокола» наехал дощатой стеной, и тут сверху протянулись крепкие руки друзей.

— Хватайся! — проревел Турберн.

Олег подпихнул Пончика, тот вцепился и полез наверх. Волна резко отнесла Олега от борта и бросила на него. Сухов извернулся, спружинив ногами. Схватился за планширь и вскарабкался на борт.

— Ну вот! — сипел Пончик, кутаясь в кошму.— Хоть искупался напоследок... А то как это — на море был и не поплавал!

— Ветер стихает! — громко сказал Ивор.

— А толку? — уныло сказал Боевой Клык, щупая огрызок сломавшейся мачты.

— С-справимся... — выдавил Олег.

К ночи ветер стих совершенно, воды улеглись, разгладились влажным зеркалом, но небо прояснело лишь к утру. Так что определиться по звездам, куда их занесло, не получилось. Работу навигатора исполнил Пончик — на восходе солнца он протер глаза и обнаружил землю по левому борту.

— Остров! — заголосил он.

Тут уж все пробудились. Зевая и расчесывая дыбом вставшие космы, Боевой Клык тут же сделал привязку к местности:

— Левка!

«...Есть в Эвксинском Понте против устьев Истра посвященный Ахиллу остров, называемый Левкой и имеющий в окружности двадцать стадий; он весь покрыт густым лесом и наполнен дикими и ручными животными; на нем находится храм Ахилла с его статуей». Так о Левке говорил Павсаний в своем «Описании Эллады». Весь античный мир знал Левку — остров был местом погребения Ахилла, здесь же якобы находился один из входов в преисподнюю. На нем никогда никто не жил, единственной постройкой на Левке был Ахиллесов храм, а единственными обитателями — жрецы этого храма, порою устраивавшие поминальные игры. К шестому веку жрецов извели христиане.

При северо-восточных ветрах остров был отрезан от мира: его западный и южный берега обрывисты, а в остальных местах якоря переставали держать дно.

— К берегу! — повеселел Инегельд.

Осторожно обойдя гряду рифов, скедия подошла к северному берегу острова и бросила якорь. Еще три скедии уже толклись у берега. На пляжах, занесенных водорослями, возжигались костры, а с моря подходил последний корабль флотилии.

— Слава богам,— бодро высказался Клык,— все живы! Так, расходимся и ищем дерево для мачты! Турберн, останься, надо планширь менять. Видал, как мачта долбанула?..

Тропинка вывела Олега на довольно широкую песчаную дорожку. С обеих сторон на нее напирали разросшиеся кусты — словно толпа встречающих, машущих флажками. За кустами поднимался молодой еще лес — прилизанные веретена кипарисов перемежались с платанами и лохматыми туями. Слабый ветерок задувал с юга, донося запах тимьяна, перебиваемый ароматом гниющих водорослей.

Как-то сразу кипарисы поредели, словно шторы раздернулись, и открылась широкая поляна. Олег остановился. Прямо перед ним, на мощном стилобате из крупных известняковых блоков, поднимая фронтон на стройных каннелюрованых колоннах, гордо высился храм Ахилла. Торжественный и строгий, открытый ветру, осиянный солнцем, периптер словно парил в лучезарном воздухе.

— Ух, ты! — раздался глас вездесущего Пончика.— А статуя там есть?

— Да виднеется что-то... — ответил Ивор, из-под руки оглядывавший храм.

— Давай глянем!

Олег отстал ото всех. Он хотел сначала обойти периптер — сделать круг по холодным плитам, то попадая в тень колонн, то выходя из нее,— и чтобы рукой касаться скульптурного фриза на стене, когда-то окрашенного в яркие синие, красные, коричневые тона.

Лишь обойдя храм вокруг, Олег миновал две колонны на входе в пронаос и окунулся в прохладную тень, как вчера в воду. Огромная статуя «быстроногого Ахиллеса» представилась ему во всей своей красе. В древности она была, по эллинскому обычаю, раскрашена как человеческое тело (там, где могучие члены героя не прикрывали латы, испещренные серебром), и Ахиллес выглядел как живой — замерли в энтазисе рельефные мышцы, грозно сошлись брови. Казалось, мощный воин завидел врага и выпрямился, готовый обнажить меч... Десни-

ца его, бугрящаяся силой, стискивала длиннотенное копье, ясень пелионский. Шуйца придерживала у ног щит, огромный и крепкий. Блестящий шлем с золотым коневласым гребнем венчал главу Пелида, уминая русые кудри. Странно, но следов от христианских кувалд почти не было, только пара глубоких щербин портила левую ногу статуи.

Погладив гладкий мрамор там, где облез крашеный воск, Олег удалился. Неугомонные эллины добрались до этого, не шибко ласкового острова, до Ольвии, и положили край Ойкумене, севернее которого лишь орды варваров кочевали, вставали темные леса и бурлили глубокие реки. Там не было дорог, терм, библиотек, там люди строили себе землянки, мало отличимые от звериных нор, там мрак ночной могли осветить лишь редкие костры охотников, а зимой ложились глубокие снега, погружая природу в оцепенение на долгие полгода. Однако именно оттуда вышли скедии. Именно там начинает свой разворот могучая сила, зачиная великую Русь.

— Олег, ты идешь? — провопил Пончик за стенами храма.

— Иду...

Умельцы со скедии «Сокол» уже сыскали подходящего размера кипарис, обкорнали его и тулили на место сломанной мачты. Турберн, ворча, достал из заначки кожаные канаты — их вырезали из толстенной шкуры моржа непрерывной спиралью, от загривка к хвосту. «Моржовыми» снастями укрепили новую мачту, растянув ее штагами и вантами, и к вечеру подняли парус.

На ночь глядя скедии отплыли от острова, ловя попутный ветер.

Всю дорогу до ромейских берегов Инегельд подозрительно прислушивался и приглядывался к новой мачте, но дерево вело себя стойко, не гнулось, не трещало, не поддавалось ветру. И светлый князь понемногу успокоился.

Скедии шли напрямую к югу, забирая чуток к востоку, чтобы поточнее выйти к Босфору. Ночью шли по звездам, днем справлялись по «солнечной доске», вычисляя, какую долготу одолели.

И вот затемнела земля на горизонте, всхолмилась зубчатой полоской.

Скедии совсем немного прошли на восток, и им открылся Босфор. Берега казались безлюдными, один лишь маяк виднелся на высоком холме — шестигранная призма из кирпича с опаленным верхом. Зато все вокруг радовало глаз буйством красок — склоны пышно зеленели, скатываясь к голубым водам, а надо всем опрокинут был лазурный свод небес.

— Лепота! — благодушно проворчал Клык, щурясь на солнце.— Лепота!

Ощутимое течение подхватило скедии и втащило в Босфор, а недолгое время спустя варяги вышли к стенам Миклагарда-Константинополя, «отца городов» и «ока вселенной».

За рамкой мощных стен и башен террасами поднимались дома его, дворцы и церкви, сверкая белым мрамором, отсвечивая красной черепицей с семи холмов Босфорского мыса, утопая в зелени садов и кипарисовых рощ. И все, что удавалось рассмотреть с палуб кораблей, было велико и обильно. А точкой наивысшего подъема, неким средоточием кудес и диковин, Олегу представился купол храма Святой Софии. Он казался огромным даже на расстоянии, но не подавлял — парил над садами и парками, над Священными палатами императорского дворца, над галереями Ипподрома, надо всем великолепным Городом.

— Лепота... — прошептал Сухов.

Черный дромон, взблескивая двумя рядами весел, приблизился к скедиям, скользя по индиговым разливам волн, и уже не отставал, сопровождая «вероятного противника», пока варяги не свернули в удобнейший залив Суд — еще одно название Золотому Рогу.

Справа глыбились башни Галаты и Перы, слева тянулась старая линия обороны — стена Юстиниана, часто утыканная мощными вежами. Весь берег у ее подножия был застроен амбарами и складами, на верфях топырились костяки недостроенных судов, кузницы гремели и звенели, проковывая горячие железа, над коптильнями вился сизый дымок. Сохли, трепыхаясь на ветру, рыбачьи сети. У гранитных причалов покачивались грузовые двухмачтовые хеландии и крутобокие селандеры, несуразные фризские когги и распластанные галеи. В порту поднимала шум толпа отъезжающих и провожающих, купцов и капитанов-навклиров. Шастали юркие коммеркиарии, высматривая, со всех ли взято мыто. Важно шествовали особы духовного звания. Тяжело печатали шаг стражи порядка. Скрипели и визжали на все лады подъемные краны-полиспасты, вынимая из трюмов кипы мешков и перенося их на сухое место.

Мычали волы, кричали верблюды, ржали кони, но все шумы покрывал сдержанный гул огромного города, перехлестывавший через стену Юстиниана.

Скедии проследовали по всему Золотому Рогу, доплыв до моста Каллиника, что напротив башни Анемы и Деревянных ворот. Здесь воспрепятствовать штурму извне могла лишь стена Ираклия. Она хоть и была укреплена двумя десятками массивных башен, но имелась в

единственном числе, не то что тройная линия Феодосия! И все равно, для того чтобы назвать стену Ираклия слабым местом обороны Константинополя, надо было обладать большим излишком самомнения.

За стеною красовался круглый Влахернский дворец, а подалее высился Семибашенный замок, своего рода цитадель, что-то наподобие будущей парижской Бастилии.

«Сокол» с остальными кораблями варягов прошел в самый конец Золотого Рога, в тихую гавань, принадлежавшую монастырю Мамантис Августа, названного так в честь великомученика Маманда. Монастырь располагался в уютном предместье, среди садов и виноградников. Именно здесь полагалось пребывать русским купцам и послам. Надо сказать, русы любили сей дворец и ласково называли свое обиталище «Святой Мамой».

На причале варягов-варангов уже поджидали босоногие оборванцы-поденщики, зовомые мистиями, а за ними важничали надутые чиновники, лигитарии и коммеркиарии.

Брошенные со скедий швартовы были моментально приняты мистиями, за что Турберн одарил их медяками, а с коммеркиариями пришлось рассчитываться серебряными милиарисиями [1]. Приняв серебро, коммеркиарий выдал варягам целый пучок свинцовых печатей — своеобразных квитанций в уплату за право причаливания, за право разгрузки, за использование казенной пристани, за использование императорских складов для хранения корабельных снастей, за право стоянки на рейде...

— Удивляюсь я с них,— сердито ворчал Боевой Клык.— И как это они не додумались еще плату брать за право ношения бород!

— Или за право глубоко дышать! — подхватил Железнобокий.

— Если дышишь через раз,— вставил Олег,— тебе сразу скидка...

Варяги захохотали, проталкиваясь к портикам «Святой Мамы».

На ступенях у входа в резиденцию их встречал надменный магистр — весь в белом, с украшенной перевязью-баптидионом на оба плеча. Это был мужчина лет тридцати, довольно высокий для ромея, с бледным лицом, оттененным черной ухоженной бородкой. Его тонкий хрящеватый нос портили широковатые ноздри, а густые брови, почти сросшиеся на переносице, гасили блеск черных глаз, то ли злых, то ли просто суровых. Впалые щеки придавали магистру видимость аскета,

---

[1] 1 литра золота — это 72 номисмы, золотые монеты в 4,5 г. В одной номисме — 12 серебряных милиарисиев. В 1 милиарисии — 12 медных фоллов.

борца за веру, но тщательно причесанные и напомаженные волосы исправляли обманчивое впечатление.

Он любезно поприветствовал варягов на ломаном русском и осведомился о цели их прибытия.

Инегельд приосанился, и пробасил:

— Я и мои люди желаем послужить базилевсу ромеев!

Магистр оглядел строй русских воинов — один к одному! — поклонился в ответ и сказал:

— Мы будем рады принять на службу храбрых варангов. Меня зовут Евсевий Вотаниат, пока будете подчиняться мне, так же как я подчиняюсь великому логофету [1]. Сегодня переночуете здесь, а с завтрашнего дня вы будете размещены в Доме Варвара — это в регеоне Аркадианы, рядом с форумом Аркадия, и перейдете под командование этериарха... Условимся об оплате ваших трудов... По истечении года ваш предводитель получит десять литр золота, полусотники — шесть литр, воины — по три литры...

— Согласные мы,— небрежно молвил Боевой Клык.— А делать что?

— Для начала мы должны убедиться в вашей верности Наивеличайшему,— вкрадчиво сказал магистр.— Поэтому первые дни будете нести охранение снаружи — у входа во дворец, у выходов в парк, на Ипподром, во храм. Если же твои люди, варанг, будут смирны, если мы не заметим их в пьянстве и буйностях, то вам доверят охрану опочивальни базилевса, личных покоев императрицы, дворца великого логофета и Золотой палаты. Вам также будет вменено в обязанность сопровождать повсюду Его Величество во время всех его выездов за пределы Священных палат. И хочу сразу предупредить, варанг,— голос Вотаниата стал жестким, а взгляд — колючим.— У нас не любят вражеских соглядатаев!

Инегельд и глазом не моргнул, обиженно соврав:

— Мы сюда не на разведку плыли, а только деньжат подзаработать на службе базилевсу!

— Я просто хочу предупредить,— тонко улыбнулся магистр и принялся смаковать: — Если кто попадется на подглядывании и подслушивании, то такому человеку сперва выкалывают глаза, потом отрезают уши, отрубают руки, а после этих неприятных процедур его прилюдно сжигают в чреве медного быка!

— Приятного мало,— равнодушно согласился Клык.

— Надеюсь, вы все поняли и мы сошлись в цене?

— Мы послужим,— утвердительно склонил косматую голову Инегельд.

— Тогда завтра с утра будьте готовы — вас отведут во дворец.

— Да хоть щас... — буркнул Клык.

---

[1] *Великий логофет* — главный министр.

Варяги разошлись по монастырю-резиденции, занимая свободные помещения, кидая по углам нехитрый скарб, бережно укладывая щиты, оружие и брони.

Олег выбрал маленькую комнатку, единственное окно которой глядело со второго этажа на Золотой Рог, и решил обосноваться тут. Пончик приволок свои душистые снадобья туда же.

— Как в общаге! — жизнерадостно сказал он, пихая под кровать короб с Каваном — хорт спал, повизгивая во сне и дрыгая лапой — догонял кого-то. Разложив туеса с зельями и чистыми холстинами, Шурик сел на прочный лежак с ременной сеткой и попрыгал.— А ничего так... Мягко. Слышь, Олег...

— Мм? — отозвался Сухов, раздумывавший о близости регеона Арториан.

— Надо что-то делать с Кириллом.

— А что с ним делать? — удивился Олег.

— Да он все еще здесь толчется! Идти боится домой. Представляешь? — Пончик похоже передразнил ромея: — «А вдруг Мария жамужем?»

— Вот балбесина! Пошли.

— Ага!

Вдвоем они спустились вниз, в круглый общий зал с кольцевой колоннадой у стен, и сразу наткнулись на Кирилла.

— Ты еще здесь? — напустился на него Олег.

— Здешш... — понурился ромей.

— Так, ладно. Где твой дом? Далеко отсюда?

— Да нет, рядом... На улице Паммакаристи.

— Пошли! — решительно сказал Сухов.

— Куда? — испугался Кирилл.

— К тебе в гости!

— А...

— Бэ! Веди давай!

И ромей послушно повел — мимо стен монастыря, мимо маленького садика, украшенного старинной колонной с коринфской капителью, мимо приземистых складов, вросших в землю, мимо ротонды, исписанной каракулями на вечную тему «А + В = Л», прямо к маленькому, бедному домику. На белом заборе из ракушечника была нарисована спираль и большая буква «ипсилон», а по обе стороны от калитки росли одинокий кипарис и древняя олива, способная давать лишь тень.

— Ждешш! — измолвил Кирилл, задыхаясь, и указал на калитку в заборе. Сбоку от входа из стены торчал бронзовый держак для факела.

— Ну так стучи! — нетерпеливо сказал Олег.

— Боюшш! — отчаянно проговорил Кирилл.— Четыре года! Вдруг она жамужем?!

— Стучи,— спокойно приказал Олег,— и узнаешь. Выбрал свободу? Тогда и правды держись! Все лучше, чем мучиться незнанием. Стучи!

Кирилл робко постучал. Потом посильнее забрякал. Глухо заскрипела дверь, и женский голос, высокий и тонкий, спросил с испугом:

— Кто там?

— Это я...— едва промолвил Кирилл, закашлялся и сказал глухо: — Я это, Мария... Мария!

За калиткой охнули, что-то упало и покатилось с дребезгом. Загремел засов, и калитка распахнулась. На пороге остановилась маленькая, худенькая женщина. Неуверенно шагнула, еще не веря, но более всего желая уверовать.

— Кирилл...— застонала она.

— Я это...— бестолково бормотал Кирилл, то ли вздыхая, то ли всхлипывая.— Я...

Женские глаза блестели слезами и ничего не видели, но руки гладили родное лицо и узнавали. Разлученные обнялись. Они крепко, до судорог, цеплялись друг за друга, словно боясь, что их растащат. Мария плакала тихонько, Кирилл сопел и морщился от жгучей влаги, стекавшей по щекам. Двое никого не замечали, и никто им не был нужен.

— Ну, мы пошли...— деликатно пробормотал Олег.

Ромей оглянулся на Сухова — выглядел он так, словно его разбудили, не дав досмотреть хороший сон.

— Мария,— сказал Кирилл,— это дружья. Это они меня шпасли...

— Входите, входите! — засуетилась Мария, одной рукой вводя Кирилла, а другой маня Олега и Пончика.

Пропустив хозяина и гостей в крохотный дворик, она затворила калитку и пригласила всех в дом. Олег прошел вестибулом-прихожкой в комнату четыре шага на шесть и остановился. Маленькое оконце почти не пропускало света, зато, наверное, помогало хранить тепло очага.

— Как же ты... одна...— донесся до него счастливый и малость обеспокоенный голос Кирилла.

— А я не одна! — залилась тихим смехом Мария.— Ты же ничего-ничего не знаешь, бедненький мой! — и позвала: — Богорис! Проснись, Богорис!

Ясный детский голос спросил из тесной спаленки:

— Узе встава-ать?..— В голосе читалось глубокое разочарование и пламенная надежда.

— Нет, родненький! Это твой папа пришел! Папа! Понимаешь?! Он вернулся!

Секундная тишина в спальне сменилась мгновенным шорохом откинутого одеяла и частым шлепаньем босых ног. Мария зажгла масляную лампу — руки ее дрожали — и в мерцающем свете на пороге показался херувимчик, каким его изображают на иконах — кудрявенький, пухленький, глазастенький, а личико... Если Кириллову душу и омрачали тени сомнений, то, стоило хоть раз посмотреть на маленького Богориса, чтобы понять: он — отец ребенка. Копия — папа!

— Шынок...

Кирилл стал на колени, чтобы быть вровень с ребенком, и тот недоверчиво, но надеясь, с боязнью, но радуясь, бросился отцу на шею и положил ему голову на плечо. Вряд ли дитя сознавало родство, но все вокруг так улыбались, а мама просто цвела, что Богорис послушно дал себя обнять и сам облапил большого доброго человека, который смешно шепелявил, совсем как соседская Ксенька...

Олег подергал Пончика за рукав, и они бесшумно покинули дом — не стоило мешать счастью двоих, каждый из которых неожиданно обрел третьего. Впрочем, Кирилл вернул в свою жизнь сразу двоих — и жену, которую любил, и сына, о рождении коего даже не догадывался.

Сухов на цыпочках вышел на улицу, а Пончик аккуратно прикрыл калитку. Лицо у Шуры было расстроенным.

— Чару вспомнил? — хмуро спросил Олег.

Пончик длинно и тоскливо вздохнул.

— Б...ское время! — выразился Сухов, и Пончев с ним согласился.

Глава 15,

В КОТОРОЙ НАД ОЛЕГОМ СОВЕРШАЮТ ТАИНСТВО, А ПОСЛЕ БРОСАЮТ В ТЮРЬМУ

Рано утром, когда солнце едва показалось за волнистой линией холмов на том берегу Босфора, щетинистой от кипарисов, трубач Стемид сыграл «подъем».

Олег потянулся как следует, покряхтел, позевал и стал одеваться.

Встрепанный Пончик сел и пробормотал спросонья:

— Князь велел приодеться в лучшее...

— Типа, «знай наших!»? Ух и вырядимся... Где тут моя парадная форма?..

Олег порылся в кожаной сумке и достал оттуда портки из мягкого льна, заменители «семейных» трусов. Надел, подвязал шнурком-гашником. Сверху — шелковую рубаху, кожаные штаны с расшитыми лампасами. Обмотал ступни «дембельскими» портянками из рытого бархату, обул мягкие юфтевые сапоги. Подпоясался, сунул в ножны акуфий — длинный и тонкий меч, похожий на клюв цапли. Такой клинок хорошо пробивал кольчужные доспехи.

— Плащи будем надевать? — поинтересовался Пончик.

— Давай... Для пущей важности!

Сухов накинул на плечи плащ-кису голубого «мушкетерского» цвета и застегнул его на плече золотой запоной. Готов к труду и обороне.

— Тебе бы еще шляпу с перьями,— сказал Пончик,— и вылитый Атос!

— Сейчас ты у меня договоришься... Пошли?

— Пошли! Сидеть, Каван!

В трапезной монастыря уже сидела половина гриди, уминая яства, поданные к аристону, первой трапезе дня. Остальное воинство решило как следует «прибарахлиться».

Олег не был голоден, но горсть фиников слопал.

Нервное возбуждение не покидало его — Елена была совсем рядом, очень близко от него. Он томился, ждал и надеялся, подгоняя неспешный ход времени.

— Будь спокоен, Ивор,— гулко раскатился голос Малютки Свена,— все девки — наши!

Сухов оглянулся на входящих. Пожиратель Смерти оделся скромно, без спецэффектов, разве что куртка его поражала обилием бисера и мелкого речного жемчуга, нашитого узорами в «зверином стиле». Зато Свен сиял и переливался — красные сапоги с желтыми нашивками, темно-изумрудные шаровары с напуском, огненно-алая рубаха и плащ сочного мандаринового колеру. Даже ножны, и те были из зеленого сафьяна с накладками из серебра, изображавшими звезды и луну.

— Ну, как я вам? — гордо осведомился Малютка Свен.

— Ты у нас самый яркий сегодня,— серьезно сказал Олег.— Пойдешь впереди, как знамя.

— А то!

Проводить варягов до места службы было поручено этериарху Епидифору, огромному македонцу с голубыми младенческими глазами. Этериарх тоже разоделся в пух и прах. Он был в длинной красной

рубахе-скарамангии, подпоясанной золотым ремнем, в наброшенном на плечи черном плаще-хламиде с вышитым на левом поле золотым орлом и украшенном серебряными бубенцами. Увесистая цепь из драгметаллов на шее и черная обувь с золотым шитьем довершали его одеяние, которому Малютка Свен сразу стал люто завидовать.

— Ну, здравы будьте,— поздоровался Елпидифор хриплым басом.— Десять лет подряд я набираю варангов, так что было время выучить вашу речь. Я — этериарх, то бишь командир этерии. Есть этерия великая, в ней служат мои соотечественники-македонцы. Есть этерия малая, для хазар, пачанакитов и арабов-христиан. А вы все будете в этерии средней, которая из наемников состоит, то бишь из варангов, ибо кого попало базилевс не нанимает... Уяснили?

— Да уж, поняли кой-чего,— проворчал князь Инегельд.

— Тогда собирайте свои манатки, и я проведу вас.

— Во дворец к базилевсу? — загорелся Малютка Свен.

— Сначала в Дом Варвара, а потом во дворец.

— Все собраны? — зычно вопросил Боевой Клык.

— Все! — хором ответила гридь.

— Тогда пошли!

И гридь зашагала за развалисто шествующим этериархом.

На перекрестке варягам встретилась погребальная процессия — несметная толпа слуг и рабов с масляными светильниками и зажженными свечами в руках заполонила всю улицу, шагая за гробом какого-то сановника. Попы молились, хор певцов возносил псалмы, а родные и близкие усопшего причитали, стенали, по-всякому выражая горе, хотя искренние слезы лила лишь одна пожилая женщина. Видимо, мать.

У моста Каллиника случилась заминка — муниципальные стражники требовали плату. Недовольно морщась, этериарх передал мзду и повел варягов к городским воротам. Причем ближайшие из них он миновал, видимо следуя данным ему указаниям — провести варангов по центральной улице Константинополя, дабы устрашить и унизить диких варваров богатством и блеском столицы империи.

Олег с уважением оглядел западную линию обороны города — стену Феодосия. От Мраморного моря до Золотого Рога тянулся обложенный камнем ров шириной в пятьдесят локтей, полный воды. За ним поднималась зубчатая стена из отличного кирпича. За первою стеной вздымался второй ряд стен и башен высотой с пятиэтажный дом. А дальше вставала третья стена с башнями вдвое выше второй.

— Да-а... — задумчиво протянул Инегельд.— Возьми такую, попробуй... Твердыня!

Вопреки ожиданиям Сухова, этериарх не повел варягов к парадным воротам — идти до них было далеко, а направил стопы к тем, что поближе,— Малым золотым, предназначенным для простолюдинов.

Стража приветствовала Елпидифора, одновременно разглядывая пополнение средней этерии. Взгляды были хмурые (наемникам с севера хорошо платили), но и опасливые — часовые сравнивали свои силы с возможностями чужаков и скрепя сердце отдавали первенство варангам.

Войдя под широкий, сводчатый портал, варанги по очереди миновали все три стены, с севера обошли Пентапиргий — Семибашенный замок — и выбрались на роскошную Месу — Среднюю, главную улицу Константинополя. По обе стороны улицы тянулись колоннады портиков, защищавших прохожих от дождя и солнца. Колонны были толстые и тонкие, круглые, квадратные и граненые, из мрамора всех цветов и оттенков — черного хиосского, белейшего каррарского, желтоватого нумидийского, розового, зеленого, золотистого, красного с прожилками...

Олег шел и наслаждался — самим ощущением города, большого застроенного пространства, где по мощеным улицам бродят тысячные толпы, а глазу есть на что посмотреть со вкусом.

— Наконец-то я в настоящем городе,— вздохнул Пончик.— Тебе хорошо, а я все пять лет ничего не видел, кроме избушек и леса. Чуть не подхватил идиотизм деревенской жизни!

Варанги шагали мимо громадной мраморной цистерны Аспара, куда можно было влить целое озеро воды, мимо величественных храмов с белыми куполами, мимо розовых дворцов под крышами из позолоченной бронзы, мимо кипарисовых рощ, выше которых вздымались в два яруса аркады водопровода Валента, и очутились возле старой стены Константина, перегораживавшей город поперек.

Тут этериарх круто свернул и зашагал вправо, держась мощной кладки.

— Сначала я проведу вас к Дому Варвара,— объяснил Елпидифор,— покажу, где станете на постой... Кстати! — сказал он, оживляясь.— Здесь, рядом, обитают блудницы. Целая улица заселена женщинами, искушенными во грехе! Когда у вас заведутся монеты, приходите сюда и получите любую утеху, на выбор. Мой совет — будьте разборчивей, ибо девки бывают разные. Есть педаны, эти самые дешевые. Узнать их легко, они сами будут к вам приставать на улице. Бывают квазиллярии — это бедные служанки, живущие неподалеку и готовые продать себя за пару медных фоллов. Попадаются еще копы, девицы из винных лавок, споят любого... Перегрины — это иностран-

ки, пламенные сарацинки или пришелицы из запонтийских степей. Сальтатрисы и фидицины обслужат мужчину по высшему разряду, одновременно играя на флейте и отплясывая страстный танец...

— Не-е... — выразился Малютка Свен, качая головой.— Зачем мне ее флейта? У меня и своя есть...

Варанги гулко расхохотались, и Турберн спросил заинтересованно:

— А еще кто тут водится?

— Еще? Люпинарии водятся, то бишь «волчицы»,— охотно ответил Елпидифор.— Они занимают комнаты во вполне приличных домах. Заходишь туда и стучишься. Если на дверях висит табличка «оккупато», значит, занято, ищи ту «волчицу», которая свободна. Да тут даже саги селятся, безобразные старухи из бывших проституток. Они продают любовные зелья, делают привороты... Да и сводни они известные. А вот те красивые дома принадлежат фамозам — куртизанкам высшего сорта, но вам туда дороги нет.

— Это еще почему? — обиженно спросил Малютка Свен.

— Фамоза не примет иностранца без должной рекомендации, к тому же услуги у нее страшно дороги. Рядовой варанг будет получать на службе у базилевса примерно восемнадцать номисм в месяц, а фамоза за одну ночь берет сто золотых монет!

— На фиг нужна такая... — проворчал впечатленный Свен.

— Вот именно,— поддержал его Елпидифор.— Но сразу за домами фамоз проживают деликаты, прекрасные девушки, берущие куда меньше фамоз. Зато куда более свежие и искусные в любовных делах. О, смотрите!

В окне дома напротив показалась молодая женщина со светлыми волосами, уложенными в высокую прическу. Она улыбалась и, словно от нечего делать, помахивала миртовой веточкой — знаком Афродиты.

— Зазывает... — вздохнул Елпидифор и заторопил гридней: — Пошли, пошли!

Варягов, приученных грести всю ночь, если надо, или бежать по лесу с вечера до утра, прогулка по городу не утомила, и вскоре они вышли на обширную прямоугольную площадь — форум Аркадия. Посередине форума возвышалась огромная колонна-башня, обвитая по спирали лентой мраморного барельефа, прославляющего подвиги Аркадия, которому отец его, Феодосий, выделил Восточную Римскую империю. Позолоченная статуя императора Аркадия торчала на верхушке колонны.

— Тут тоже Меса,— объявил Елпидифор.— Эта ее ветвь тянется от Золотых ворот и Студийского монастыря, а та, по которой мы шли, вела к церкви Апостолов. На форуме Тавра они сольются...

Варанги шли и дивились — поперек мостовой были расстелены ковры всех расцветок, и по ним шагали лошади, верблюды, ослы.

— Дураки какие-то,— недоумевал Свен.— Они же их запачкают!

— Зато сделают мягче,— сказал бывалый Турберн.

Рытый бархат, блистающие шелка, златотканая парча, узорчатая шерсть лежали тюками и кипами прямо на земле у дверей полутемных лавок, скрытых в тени портиков. Гридни шагали мимо столов менял, заваленных грудами золотых и серебряных монет, ловили «зайчики», пущенные ожерельями из окон мастерских ювелиров-аргиропратов, заинтересованно осматривали изделия оружейников — мечи, щиты, шлемы, разукрашенные чернью, золотой и серебряной насечкой.

— Пришли! — сказал Елпидифор, указывая на большой дом с колоннами и тонкими башенками по углам, стоявший в глубине двора, засаженного кипарисами.

— Это и есть Дом Варвара? — уточнил Олег.

— Он! — утвердительно кивнул этериарх.

— Недурно у вас варвары устроились...

Пройдя в дом, вернее будет сказать — во дворец, Елпидифор скомандовал:

— Брони, щиты, оружие оставляйте здесь.

— А не сопрут? — подозрительно спросил Ивор.

— Пока вас тут нет, охрану Дома несут мои люди,— успокоил его этериарх.— А если что и пропадет, то вам вернут стоимость потери в десятикратном размере.

— А, ну тогда пускай тащат,— удовлетворился Свен.

— С собой можете взять мечи, с остальным оружием будете являться только для охраны Палатия.

— Палатий — это дворец базилевса? — уточнил Инегельд, чувствующий себя не в своей тарелке.

— Именно. Готовы? Пойдемте!

Не присев даже, не осмотрев покои, где им предстояло стоять на постое, варяги двинулись дальше — осматривать достопримечательности и делать зарубки на память.

Отряд варягов пересек окруженную колоннадой прямоугольную площадь Тавра, в центре которой стояла громадная статуя быка, откованная из меди. Объемистое тулово было пусто внутри, а в правом боку имелось широкое и длинное отверстие, закрытое искусно подогнанной крышкой, повторяющей изгибы и бугры чудовищных мышц. Издали щель этого люка была незаметна, да и выступы тяжелых петель не бросались в глаза.

— Вот в этом молохе и казнят шпионов,— жестом гида протянул руку Елпидифор, указывая на медное изваяние.— Разводят под ним огонь, раздувают его кузнечными мехами, а когда медь раскалится как следует, преступника швыряют внутрь и длинными крюками запирают крышку. Утром после казни копоть на медном брюхе счищают, а изжаренные останки бросают псам...

— Мы прониклись,— сказал Олег.

И отряд двинулся дальше. С непривычки Сухов утомился — не физически, морально. После однообразия леса, степи и моря слишком много навалилось всяких чудес, чтобы голова могла их вместить. И он уже не обращал особого внимания на архитектурные излишества Филадельфии и Аргиропратия, лишь на форуме Константина встрепенулся — где-то неподалеку проживала Елена...

И вот варяги вышли на площадь Августеон. Олег остановился и поднял голову, умещая в поле зрения колоссальный храм Святой Софии.

Снаружи храм казался странным и неуклюжим нагромождением форм округлых и коробчатых, вознесенных горовидно и увенчанных плоским куполом.

Прямо на улице отливали свечи свечники, не обращая внимания на запреты градоначальника-эпарха, а за высокой оградой прятался прямоугольный мощеный двор храма, где раскрывался бассейн, вырезанный из зеленоватой яшмы, вокруг которого хороводили полуголые юродивые, грязные до безобразия, и попрошайки-нищие.

Девять бронзовых дверей вели со двора в самый большой зал на земле, но варягу-язычнику вход туда был закрыт.

Олег поджал губы и осмотрелся. Справа от него расположился Ипподром, над крытой галереей, окружавшей его, возвышалась кафизма — императорская ложа. Над нею замерла четверка коней, неукротимый бег которых запечатлел в бронзе великий Лисипп. Слева, на возвышенности, строго серело здание Сената, спуская к площади ступени длинной лестницы и поднимая строй желобчатых колонн.

— Олег! — послышался голос Пончика.— Догоняй!

Сухов встряхнулся и убыстрил шаги, небрежно огибая суетливых прохожих.

Священные палаты отгородились от города высокой стеной, выходя на форум Августеон мраморным вестибюлем Халкой, куда вели тяжелые кованые ворота с медной иконой Христа Спасителя, потемневшей от времени.

Пончик подобрался к Олегу и прошептал:

— Если бунтовщиков не остановит икона, то помогут ворота!

— Угу...

Бронзовый вызолоченный купол вестибюля поддерживался четырьмя арками, своды переливались яркими мозаиками, пол был выложен дорогими сортами мрамора, а в его центре выделялась вмурованная плита из порфира, на которую имел право становиться один лишь государь.

Заведя варягов за ворота, Елпидифор торжественно сказал:

— Это Главные ворота дворца. Есть еще ворота Святого Стефана, ворота Гормизды — южный вход на дворцовую территорию, и Водные ворота — с запада, на берегу Пропонтиса. И еще один выход — на Ипподром, но туда вы попадете не сразу... Следуйте за мной!

Этериарх повернулся и вышел в купольный зал с полом из фиолетового и желтого мрамора. Панели стен тоже были выложены цветным камнем, а под куполом помещались мозаичные картины, изображающие Юстиниана и базилиссу Феодору, пухлощеких царедворцев и полководца Велизария, любовника базилиссы.

Двухстворчатая бронзовая дверь открылась прямо на зеленую лужайку со статуями, искусно подрезанными деревьями, цветниками и фонтанами. Неподалеку громоздилось внушительное строение, крытое бронзовой черепицей, сверкавшей на солнце. К зданию вели широкие мраморные ступени, на которых застыли гвардейцы-экскувиты в белых туниках и золотых шлемах с красными перьями. На их позолоченных щитах сплетались буквы, складываясь в заветное сочетание: «Иисус Христос».

— Ого! — восторженно воскликнул Малютка Свен.— Какой себе дворец отгрохал ваш базилевс!

Елпидифор снисходительно усмехнулся.

— Это не дворец,— сказал он,— это всего лишь казарма для почетной стражи.

— Понял? — добавил Олег, чтобы сбить спесь с ромея.— Эти петухи — для почета, а мы — для стражи.

Этериарх насупился и сделал жест рукой — топайте, мол, а то разговорились не по делу...

Варяги потопали по крытой галерее, пока не дошли до трех дверей, выложенных слоновой костью. Двери вели в первый тронный зал. Пол зала перед золотым троном был устлан драгоценными коврами.

— Здесь во дни больших праздников,— объяснил этериарх с придыханием,— базилевс принимает поздравления...

— И для этого — целый зал?! — изумился Инегельд.

— Да! — ответил Елпидифор, не скрывая торжества.

Когда этериарх провел гридней в Золотую палату, Олег совершенно отупел от впечатлений. Дворец никак не мог кончиться. Пятнадцать внутренних дворов, десять галерей, две термы, три трапезные, четыре церкви, десяток роскошных покоев, парки, склады, гавань, висячие и подземные переходы — все это был один Палатий, город в городе, где жили и служили десять тысяч человек — конюшие, телохранители, кухари, стражники, священники, прислужники и сановники всех мастей. Прошения принимали референдарии, письмами ведали нотарии, хартуларии отмечали повышение по службе придворных чинов...

Купол Золотой палаты опирался на восемь полукуполов, венчавших восемь ниш, расходившихся во все стороны подобно лепесткам цветка. Двери у этого зала были отлиты из серебра, а мозаики блестели на золотом фоне.

Этериарх отпахнул массивную завесу из золотой парчи, вышитую черными орлами в зеленых кругах, в симметричном порядке перемежающихся с красными крестами, и показал варягам золотой трон базилевса.

Перед троном «росло» золоченое дерево, ветви его кишели золотыми птицами, а по обе стороны от трона возлежали позолоченные львы в натуральную величину.

— Когда на троне восседает Его Величество,— негромко проговорил Елпидифор,— эти птицы поют на все лады, а львы рычат...

— Мм?..— утомленно промычал Инегельд, тупо уставившись перед собой.

— Завтра вы заступите на охрану всех четырех входов во дворец,— строго сказал этериарх.— Кто будет сторожить ночью, а кто днем, решите сами. Теперь пусть каждый возьмет по пропуску, без предъявления сего вас сюда не пропустят.

Елпидифор раздал варягам печати из красного воска с оттиском павлина и проводил их коротким путем до ворот Халки.

— Свободны! — бросил он и запер вход на засов.

Варяги сразу оживились, стали разбиваться на группы по интересам — кто намылился в хорошую таверну, кто в квартал Зевгмы, где тоже хватало «жриц любви», а любители попариться собрались в знаменитые бани, выстроенные еще Севером Септимием, но почему-то прозванных термами Зевксиппа.

Олег, чувствуя волнение, помахал рукой своим, и тут его остановил голос Пончика:

— Ты куда?

— Дела! — загадочно ответил Сухов.

— Какие? — не отставал Шурик.

— Личные.

— А-а... Ля фам?

— Цыц! — весело цыкнул на лекаря Олег и бодро зашагал по Месе к форуму Константина. Там он свернул направо и довольно быстро нашел церковь Святого Сампсона. Покрутился и набрел на кованую решетку запущенного парка.

Он двинулся вдоль нее, а ему навстречу шаркала постолами седая старушенция в латаной хламиде. Сгорбившись, она качала головой, от чего седые космы мотались из стороны в сторону, и вела за собой на веревочке маленького серого ослика, везущего немудреную поклажу — две облупленные амфоры с водою.

Олег поднапрягся, припоминая ромейскую грамматику, и старательно выговорил:

— Бабушка, подскажи, где тут находится дом Елены Мелиссины?

Бабушка глянула на Олега исподлобья, не разгибая спины, и вытянула руку к решетке, ограждающей парк:

— Вот забор,— прошамкала она,— а вон дом.

— Спасибо!

— Ступай себе с богом...

Олег прибавил шагу. Недаром ему понравилась эта ограда, и малость одичавший парк!

Свернув за угол, он притормозил. Шагах в тридцати от него ограду раздвигали высокие мраморные столбы, удерживавшие решетчатые створки ворот. По одну сторону от них стоял полноватый седой мужчина, в котором Олег с радостью узнал Игнатия Фоку, а по другую топтался магистр Евсевий Вотаниат. Магистр горячился, упрашивал Игнатия, морщился досадливо, но верный спутник Елены лишь пожимал плечами и что-то бубнил равнодушным голосом.

Скривив лицо в негодующей гримасе, Евсевий сказал что-то резкое, сопровождая глаголание непристойным жестом, и зашагал прочь, Олегу навстречу.

Находясь в гневе, магистр мало что замечал. Он бормотал под нос неясные угрозы и чуть ли не шипел от бессильной злобы. Бросив недовольный взгляд на Сухова, он криво усмехнулся и процедил:

— А-а, варанг...

И стремительно удалился, шелестя тяжелыми одеждами.

— А-а, магистр... — сказал Олег вдогон, но Евсевий не расслышал, всецело погруженный в переживания.

Сухов приблизился к воротам и негромко позвал, чувствуя замирание и прочие прелести близящейся встречи:

— Игнатий!

Фока удивленно посмотрел на него и залучился в радостной улыбке узнавания:

— О, варанг!

Он быстренько отворил узорчатую калитку, и пропустил Сухова во двор. Самому особняку было никак не меньше нескольких веков. Выстроенный в типичном римском стиле, дом замыкал в себе обширные атриум и перистиль, и выходил в парк открытой галереей-виридариумом.

— Елена дома? — спросил Полутролль.

— Дома, дома! От одного магистра прячется, устала она от него... А тот настырный такой... Проходи, проходи! А ты здорово по-нашему говоришь, чисто.

— Да куда там... Пары слов связать не могу. У ромея уроки брал, а у того половины зубов нету, шепелявит страшно, так что с произношением у меня проблемы...

Разговорившись от волнения, он ускорил шаг, взошел-взлетел по ступеням лестницы, охраняемой парой мраморных львов, и открыл тяжелую дубовую дверь, часто обитую полосками бронзы.

Сразу за входом ему открылся обширный вестибул, где все дышало полным спокойствием и нешуточным богатством. Стены были выложены из кирпича и покрыты великолепными фресками, колонны из белоснежного мрамора с Проконеза, из светло-зеленого — с Каристоса, из бело-красного — с Ясоса, из розового — с «ямных приисков» Фригии упирались в мозаичный пол и поддерживали расписные потолки.

Свет в помещение попадал сквозь окна, разделенные тонкими колонками, а свинцовые рамы, заделанные кругляшами мутного зеленоватого стекла, были распахнуты по случаю теплой погоды.

На второй этаж вела мраморная лестница, закрученная вполоборота.

Игнатий прикрыл за Олегом входную дверь и позвал своим высоким голосом:

— Елена! К тебе пришли!

Из покоев наверху донесся недовольный голос красавицы:

— Я же просила никого не впускать!

Мелиссина в длинной голубой столе, подпоясанной в осиной талии, вышла на галерею, хмуря бровки. Узнав Олега, она охнула и буквально слетела с лестницы, с визгом бросилась Сухову на шею, целуя и тиская.

— Ты пришел! Ты нашел меня!

— Прощай... — просипел Олег.— Ты меня задушила...

Елена тихо засмеялась и прошептала:

— Что же ты стоишь? Неси меня! Бегом!

— Бегом нельзя,— рассудительно сказал Сухов, подхватывая женщину на руки,— а то еще уроню...

И он понес свою драгоценную ношу наверх, безошибочно находя опочивальню, схожую с будуаром. Здесь стояла высокая посеребренная кровать с изголовьем, застеленная дорогим покрывалом, у ложа курилась амбра. Угол занимал одежный шкаф-«башенка», модный в то время у ромеев, а слева от входа поместился стол, инкрустированный слоновой костью, и парочка табуретов, вогнутых посредине.

Олег опустил Елену на ковер, чувствуя, как сводит сохнущие губы. Женщина распустила волосы, и те упали двумя черными волнами на грудь — твердеющие соски буравили тонкую ткань.

— Помоги мне раздеться... — слова упали.

Олег помог.

Прошел час или минула эра, неважно. Когда погружение в горячие глубины закончилось и Олег малость пришел в себя, Елена легла на спину, закинув руки за голову, и томно потянулась, мягкая-мягкая, ласковая-ласковая.

Олег перевалился на бок, ощущая частые сокращения сердца и пестуя удовольствие излечившегося,— тоска и горечь разлуки отпустили его. Горький осадок воспоминаний еще саднил немного, но быстро растворялся в громаде наслаждения и тихой радости, радости покоя, убережения от тревог и напастей.

— О чем задумался? — нежно спросила Елена.

— О душе, Алёнушка.

— Алё... Как-как?

— Русы имя твое произносят как Алёна. А уменьшительное от него — Алёнушка.

— Красиво... Звучит как-то... пушисто!

Мелиссина радостно засмеялась и вдруг замерла, спохватившись.

— Ты сказал — о душе?

— О ней. У тебя великолепное, просто сказочное тело, но мне этого мало, я хочу владеть и душой твоей.

— Оле-ег... — Елена, не найдя слов и боясь обидеть «варвара», погрозила ему пальчиком.

— Я хочу принять крещение.

Женщина вздрогнула и села рывком, отчего ее груди колыхнулись из стороны в сторону.

— Ты серьезно?!

— Разве этим шутят?

— О, Олег! — простонала Елена, накидываясь на возлюбленного, словно желая заласкать его до смерти.— Я самая счастливая из женщин! Правда-правда! А когда?

— Когда я хочу креститься? Да хоть сейчас!

— Пошли!

— Только я хочу, чтобы это было в Святой Софии.

— Милый! Обязательно! Я все устрою! Ступай прямо туда и подожди во дворе. Я договорюсь, и тебя введут в храм!

— Ладно.

Олег быстро оделся, наблюдая за напевавшей Алёнушкой, и вышел, впервые не ощущая сосущее чувство потери,— он верил и знал, что еще вернется сюда. И не раз. И не два...

Кивком попрощавшись с Игнатием, Сухов вышел на улицу, направляя стопы к Великой Константинопольской Церкви, чей купол манил из-за черепичных крыш и острых метелок кипарисов.

— Где ты был, варанг? — прорычал вдруг знакомый голос, и Олег с удивлением узнал магистра Вотаниата.

Евсевий стоял перед ним с перекошенным лицом, а глаза его метали молнии — отверженный ухажер испытывал острый приступ ревности, а больше всего был уязвлен тем, что свой выбор Елена остановила на дикаре из гиперборейских лесов.

— Что ты забыл у Елены Мелиссины?! — взревел он.

— Интересно,— холодно проговорил Олег,— а какое твое собачье дело?

Магистр онемел — он давно уже отвык от подобного обращения.

— Как ты смеешь, варанг... — начал он тянуть сквозь зубы и с размаху ударил Сухова по щеке. Удар прошел мимо, зато варягу все удалось — ребром правой ладони по кадыкастому горлу Евсевия, костяшками левой руки под нос, отчего брызнули и слезы, и кровь, прямой правой в подбородок. Магистр отлетел к решетке парка, раскидывая по ней руки, и завалился, суча ногами, хлюпая носом, тараща глаза.

Олег наклонился над поверженным соперником и проговорил назидательно:

— Теперь до тебя дошло, почему базилевс доверяет прикрывать свою задницу именно варангам?

И пошел себе дальше...

Во дворе храма Сухов проскучал изрядно, кружа вокруг яшмового бассейна и шугая нищебродов. Мельком он видел Елену, о чем-то беседовавшую со священником, и даже самого патриарха Феофилакта в лиловой длинной мантии, ведомого под руки здоровенными иподьяконами.

И вот пробил час. Тот самый священник, что беседовал с Мелиссиной, в черном облачении и с большим золотым крестом на груди, ласково улыбнулся Олегу и поманил за собой.

Олег стронулся с места и пошел следом, не чуя ног и ощущая себя существом ангелическим, витающим над землею, но не соприкасающимся ни с чем земным.

Священник провел Сухова в крещальню — круглый в плане храмик близ Святой Софии, и подвел к купели — огромной мраморной лохани...

Память Олегова плохо сохранила подробности таинства. Он запомнил высокий голос то ли чтеца, то ли певца, возносивший псалмы,— полупонятные слова разносились под куполом слабым эхо.

Через узкие, часто зарешеченные оконца падали ощутимые лучи, в которых плясала пыль, но полутьму они не разгоняли, и свет крученых свечей, отражающих маслянистый блеск золотых образов, не казался бледным. А с потолка смотрело гигантское лицо Христа — изможденное и недоброе. Святой лик отвергал молящегося надменностью черт, пугал робкого черным безумием отекших лютых глаз. Невозможно было представить, что на своде изображен Спаситель, принесший в мир любовь. Нет, над вами тяжко нависал безжалостный, холодный судия, алкавший жертв и смерти.

Олег покачал головой — живописец ошибся, Иисус никогда не был таким. Наверное, художник не мог себе иначе представить Пантократора, отверзающего двери адовы...

Священник показал руками — раздевайся, и Сухов снял с себя все, полез в купель, полную воды. Его осеняли крестом, рисовали кисточкой крестик на лбу, намазывая елей, заставили трижды окунуться.

Дрожа больше от переживаний, чем от холода, Олег вылез, оделся и обулся и почувствовал на шее теплые руки Елены, застегивающие цепочку нательного крестика, золотого, с перегородчатой эмалью.

— Любимый... — прошелестело слово.

Сухов словно очнулся, воспрял ото сна. Он с удивлением заметил, что не он один был крещен — рядом стояли, склонив головы, человек десять с мокрыми волосами. Высоченный северянин, синеглазый и светловолосый, смиренно стоял рядом со смуглым и курчавым арабом, носатый кавказец шептался с рыжим здоровяком типично британской наружности.

Тут священнослужители запели и повели крещеных в храм Святой Софии.

Смиряя дыхание, Олег вошел под своды самого большого зала на земле. Четыре мощнейших столба стояли свободно, образуя квадрат, перекрытый куполом. Со столба на столб были перекинуты гигантские арки, а основание купола вверху окружал светящийся венец из сорока окон — снопы золотистого сияния как бы отрезали покрытый мозаикой купол, подвешивая его в светоносном воздухе, вознося к небесам.

Гремел хор, попы в золотых одеждах разыгрывали богослужение, уподобляясь библейским героям — лились священные песнопения, сопровождаемые курением ладана и возжиганием свечей. Священники двигались медленно и торжественно, словно разыгрывая мистерию. Да почему — словно? Пение, звучащее под сводами Софии, узоры света на стенах, горение свечей в шести тысячах канделябров из массивного серебра, свисавших с потолка в виде огромных гроздей, сто семь колонн, восстающих из мозаичного пола — все подвигало человека к божественному, воспламеняя в душах мистический жар.

Олег посмотрел на второй ярус, предназначенный для женщин, и сразу нашел Елену. Перевел взгляд на алтарную нишу, где в клубах фимиама и огнях дрожал лик Богоматери с Младенцем. И закрыл глаза. Исполнилось.

Ближе к вечеру он покинул дом Елены Мелиссины и двинулся к Дому Варвара — завтра ему заступать на дежурство. Емкая чаша доброго вина уняла хоровод мыслей в голове и сумбур эмоций. Олег шагал, ощущая крестик на груди, и ему было спокойно. Он словно очистился, побывав в купели. Крепка ли была вера его? Это вряд ли... Хотя кто знает? Может, он просто отринул язычество, но не захотел повиснуть в духовной пустоте без опоры? Или же он решился на духовный подвиг из-за Елены?

Олег рассудил, что забота о счастье возлюбленной стала той бабочкой, что перетянула чашу весов...

— Стой! — раздался вдруг грубый окрик, и сразу вокруг Сухова возникли темные фигуры, злобные и опасные, воздух наполнился вонью, а в свете факелов заблестели мечи. Наконечники копий протянулись из темноты, больно втыкаясь в тело, стремясь не убить, но обезоружить. Чья-то грубая рука молниеносно чиркнула ножом, лишая Олега перевязи с мечом.

— Вот ты и попался, варанг! — сказала одна из темных теней, оформляясь нескладной фигурой Евсевия Вотаниата.

— В чем дело, магистр? — ледяным тоном спросил Олег.— Или тебе повылазило? Я — варанг, рядовой-манглавит средней этерии, слуга и воин базилевса!

— Ма-алчать! Ты арестован, варанг! Я привел за тобой два десятка слуг правосудия. Дернешься, варанг, и превратишься в ежика, истыканного стрелами!

Разнесся мощный хохот, и тут же пахнуло новой волной зловония.

— Ведите его!

Строй тюремщиков окружил Сухова вытянутым овалом, мечи, копья и стрелы стерегли каждое его движение. Олег сжал зубы и пошагал.

Вели его не слишком долго — свернули на широкую Халкопрачийскую улицу, по прямой линии связывающую форум Августеон с воротами Просфория, и вышли к кварталу Октогон, названному так из-за высокой восьмиугольной стены, огораживающей его. Во времена Константина за этой стеной располагалась казарма, теперь там устроили тюрьму.

С гулом отворились сводчатые ворота — как оказалось, первые, поскольку стен насчитывалось две, а между ними рычали и лязкали пастями злые собаки, натасканные на людей. Они давились лаем и гремели длинными цепями, а острая, резкая вонь псарни била в нос.

Заскрипели, раскрываясь, внутренние ворота, впуская в тюремный двор, застроенный жилищами вертухаев. Тюремщики, громко сопя, направились под арку к камерам, покалывая Олега в спину копьями и тем понуждая его двигаться куда сказано.

И снова вонь, застарелая и въевшаяся в камень, ужасный запах бессильного отчаяния, боли и страха. Привлеченные светом факелов, узники бросались к решетчатым дверям, кричали и выли на разные голоса в безумной надежде на обретение воли.

— Куда его, сиятельный? — пробасил один из тюремщиков.

— В пыточный зал! — прозвучал ответ магистра.— Да-да, варанг! Ты думал, что я обойдусь пошлой местью? Нет! Завтра сюда явится судья, тебя допросят, осудят как убийцу, насильника и шпиона и казнят. Не быстро, ибо такое удовольствие, как умирание язычника, стоит растянуть!

Толпа ввалилась в зал допросов, посередине которого высилась трибуна для судей и писцов, а рядом располагались «рабочие места» палачей — каменные скамьи с кольцами для кистей и лодыжек. Пыточные ложа были сделаны с наклоном, неведомые каменщики трудолюбиво продолбили в них канавки для стока крови и нечистот. У стен остывали очаги, в которых калили орудия пытки, развешанные неподалеку.

Чего тут только не было, каких только инструментов по причинению боли! Клещи на деревянных ручках, железные изогнутые прутья для обжигания тела, бурава для ослепления, лопаточки для обдирания кожи, крючья для вырывания внутренностей, щипцы для вырывания ногтей, решетки для поджаривания плоти, долота для костей...

А с потолка, ужасая одним видом своим, свисали цепи, ошейники, петли, обещая выкручивание рук и подвешивание на крюке за ребро.

Олег оглядел строй ухмыляющихся тюремщиков, по совместительству — палачей. Все они были одеты, как пещерные люди,— в кожаные, пятнистым мехом вверх, куртки и короткие штаны.

— Все как с ума посходили,— медленно проговорил Олег.— Вы что, не понимаете? Я — варанг! За мою смерть жестоко отомстят мои товарищи. Вы этого хотите? Предлагаю сделать так — вы возвращаете мой меч и провожаете за ворота...

— В цепи его! — гаркнул Вотаниат, и тюремщики бросились исполнять приказание.

Сухова приковали за шею к ржавой цепи, вделанной в каменную кладку, и хорошенько отпинали.

— Ладно... — прохрипел Сухов, сплевывая кровь.— Значит, ждите гостей!

Верил ли он сам в помощь друзей? Конечно, его будут искать, но когда найдут? И в каком виде?

Одно Олег знал точно — к Богу он обращаться не станет. Бог — это для души, а тело надо спасать, не прибегая к помощи небес, забывая кротость и смирение...

Глава 16,

ИЗ КОТОРОЙ СТАНОВИТСЯ ЯСНО, ДЛЯ ЧЕГО НУЖНЫ ДРУЗЬЯ-ТОВАРИЩИ

Кряхтя, Олег устроился поудобней и спиною привалился к стене. «Ну, я попал...» Цепь, хоть и ржавая, держалась крепко, не вырвешь — кольцо вмуровано на совесть.

Миазмы, ползущие из камер, портили воздух, угнетали сознание обещанием неволи и смерти, да и сам зал допросов здорово давил на психику. Ведь ему никак не меньше полутысячи лет, и все эти годы здесь пытали людей. Кровь и моча стекали по желобкам, сливаясь в зияние булькающей клоаки, а куда девались боль и страх? Может, черной накипью оседали на стенах, впитываясь в каменную кладку?

Факелы, оставленные тюремщиками, погасли в своих держаках, но свет костров со двора проникал в сводчатые окна и плясал на стенах. Хохот и выкрики подтверждали догадку Сухова — магистр хорошо проплатил здешним вертухаям, и те накачивались вином. Глухо доносился собачий лай — «друзья человека», не раз пробовавшие вкус людской крови, унюхали жареное мясо и требовали справедливой дележки.

Олег попробовал языком зубы — вроде не шатаются... Синяки останутся, но это пустяки, дело житейское. Были бы кости целы, а кровоподтеки сойдут...

Он закрыл глаза и усмехнулся. Удивительно... Страха не было. Злость была, она клокотала где-то в потемках души, оживляя иногда предвкушение мести, а вот сердце билось ровно и спокойно. Олег не боялся. Ему уготовили мучительную смерть, обещая ослепление, усекновение главы и прочие радости местного правосудия, но ничего в нем не сжимается от ужаса и безысходности. Наверное, он просто не верил в собственную смерть. Рано ему еще умирать.

Или это так крещение действует? Знать бы... Сколько уж им передумано, сколько мыслей прокручено в голове...

Для чего он, именно он, пришел в храм? Сам пришел, по собственному почину. Не в порыве, а по трезвом размышлении. Слабый ищет у Бога утешения и поддержки, но ему-то зачем вера-костыль? Боязливый человек, запуганный картинами ада, жаждет уберечься от вечных мучений, но он-то не верит в пекло. Бог есть любовь, а не палач с садистскими наклонностями.

Все что ему нужно — приходить иногда под гулкие своды храма и почувствовать успокоение. Пускай вокруг вихрится карусель смерти и мерзости, трещат кости и льется кровь, а в храме, как в «глазу бури», должна стоять тишина и покой. Ему надо ощутить убережение от мира, даже от радостей земных, равно как и от гадостей, остаться наедине с собой и Тем, к кому обращаешь... нет, не молитву. Зов. И привет.

Ему надо просто побыть в намоленном месте и принести бескровную жертву — поставить свечку.

В двадцать первом столетии он никогда не заглядывал в церковь, да там это и не требовалось. Как подумаешь — благодать была, тишь да гладь, а проблемы... Да какие ТАМ проблемы?

Зато здесь он прошел через сумерки язычества, насмотрелся на сальные губы вытесанных из дуба идолов, которые мазались кровью — бывало, куриной, а бывало, и человечьей. Запутанные ритуалы, непонятные табу, простецкие отношения с богами, в которых торг был уместен,— поможешь, божечка, тогда мы тебе овечку на заклание, а не окажешь поддержки — отхлещем розгами за недостаток старания! И лупили своих божков, ежели те не исполняли договор, клали идолище на землю и секли.

Разве это вера? Так, полное собрание суеверий.

Домовому в блюдечко молока наливали, чтобы задобрить. В фундамент крепости ребенка закладывали, дабы умилостивить местных духов. Когда спускали на воду новую лодью, она должна была килем проелозить по телу раба, да так, чтобы кровь повыше на борта брызнула...

Хочешь не хочешь, но вся эта мерзость налипала на душу, грязнила ее, а теперь... Олег потрогал крестик под рубахой. Это как могучий оберег, отталкивающий мрачную эманацию древних верований, не пропускающий тлетворное дыхание зверобогов.

О, он всегда будет спорить с богословами о неразрешимых парадоксах христианства, будет ставить под сомнение догматы веры, но вовсе не из пустого и суетного желания доказать недоказуемое. Просто нравится ему добрый человек Иисус, и он станет всячески защищать Его, ибо заповедь «Возлюби ближнего» есть величайшая идея, основополагающий мотив бытия на тысячи лет вперед...

Олег ногой дотянулся до оброненного факела, подтащил его к себе и сунул в кольцо цепи, заделанное в стену. Подергал — ничего. Нажал — дерево хрустнуло и разломилось.

— Ч-чёрт...

Неожиданно что-то изменилось вокруг. Олег прислушался, недоумевая, что же его вдруг насторожило. Собаки! Один из псов взвизгнул от боли, потом другой, третий... Ну, бывает, что сцепятся, начинают грызню... Не бывает! Их цепи заделаны так, чтобы достать человека-беглеца, но друг до друга собачищи не доберутся. Неужели...

Додумать мысль Сухову помешали посетители — трое тюремщиков, основательно набравшихся дешевого пойла, ввалились в зал допросов.

— Ник-ик!-ита! — взревел один, мотая лохматой башкой и не открывая опухших глаз.— Ты х-де, Никита? Я тебя н-не вижу...

— Федор, я здесь,— ответил собутыльник, неустойчиво покачиваясь.— Чур, я буду судьей!

Третий их сотоварищ пьяно засмеялся, брызгая слюной, и зигзагом прошел к каменной трибуне. Сопя, он взгромоздил на нее кувшин, повернул голову к Олегу и заголосил, как на публичной казни:

— Так наказан безбожный варвар, родом из Гипербореи, за убийства христиан и насилия над хыр... хр-ристианками. Слава правосудию Романа справедливейшего, всемилостивого, наивеличайшего! Ик...

Федор уселся на ложе, потом прилег.

Никита, самый трезвый из троицы, подобрался поближе к Сухову и склонился перед ним.

— Имя свое назови, нехристь! — поворочал он языком.

— Олегом наречен,— смиренно ответил варанг,— сыном Романа. Но в одном ты, Никитос, неправ — крещён я.

— Брешет! — убежденно сказал Федор.— Так и запишем...

Заигравшись в писца, он рассмеялся.

— Ты кого дурить удумал, варанг? — ласково-грозяще спросил Никита.

— Ближе подойди,— попросил Олег.

Никита погрозил ему пальцем.

— Шуточки шутим? — прищурился он и рыгнул.— Щас ты у меня плакать будешь... От смеха! Григорий, тащи сюда буравчики! А то у этого слишком много глаз!

Григорий скис от остроумия товарища и пошагал за инструментом, сгибаясь и трясясь от хохота. Ухватив со второй попытки ржавый бурав с деревянной рукояткой, он разочарованно сказал:

— А он холодный!

— Ну сходи к костру, прокали! Только быстро давай...

— Щас я, мигом...

Григорий уплелся, а Никита допустил оплошность — потеряв равновесие от винных паров, он отшагнул, удерживаясь от падения, и Олег немедля ухватил его за ногу, сжав ее ступнями и выворачивая. Глухо вскрикнув, тюремщик рухнул на колени, и Сухов моментально перехватился, сжав ногами шею Никиты. Резко крутанув, он добился того, что раздался мокрый хруст, и голова Никитина согнулась не поздорову.

Сгибая ноги в коленях, Олег подтащил к себе обмякшее тело и отыскал здоровенный тяжелый ключ.

Ключ не подходил.

— Ах, чтоб тебя...

Пошарив на поясе убитого тюремщика, Сухов обнаружил не слишком длинный нож с широким лезвием. Сгодится...

— Иду уже, иду... — послышался голос Георгия.

Тюремщик появился в дверях, неся перед собой буравчик, кончик которого светился красным накалом.

— Несу уже... Никита, ты чего?

— Да вот,— непринужденно сказал Олег,— прилег твой дружок, отдохнуть решил. Что стоишь, Гриш? Федя спит, Никита спит, ну и ты ложись!

Григорий покачался, туго соображая, и повернулся уходить, ворча что-то вроде: «Лучше позову...»

Брошенный нож вошел ему в печень. Тюремщик захрипел, рухнул на колени, покачался и распростерся на каменном полу.

— Позовет он... — пробормотал Олег.— Я т-те позову...

Орудуя ключом, он принялся расшатывать вмурованное кольцо, но ему опять помешали. Послышались тихие шаги, и в зал вошел человек с факелом. Трезвый. Это был Ивор Пожиратель Смерти.

— Ивор! — радостно воскликнул Сухов.— Ты?!

— Да вроде! — рассмеялся варяг и оглядел помещение.— Ого! Ты, я смотрю, уже позабавился.

— Ключ не могу найти,— пожаловался Олег.

— Это мы мигом. Свен! Обыщи трупы, нужен ключ!

— А какой? — послышался голос со двора.— Большой такой, длинный?

— Да, да! — ответили Олег с Ивором.

Вскоре в пыточную ввалился Малютка Свен с целой пригоршней ключей, а за ним появился Турберн Железнобокий и Стегги Метатель Колец, Пончик и сам Инегельд Боевой Клык.

— Привет, ребята! — расплылся в улыбке Сухов.— Вот уж правда, рад всех вас видеть! Как нашли-то хоть?

— А к нам Игнатий прибежал,— затараторил Пончик,— знаешь такого? Игнатий Фока. Говорит, магистр, тот самый, как его... Евсевий... дальше забыл, в общем, этот Евсевий подговорил целую шайку, и те взяли тебя, арестовали, короче. Мы сюда...

— Понятно...

Пятый по счету ключ подошел, и кандалы растворились со ржавым скрипом.

— Свободен! — прогудел Малютка Свен.

— Уходим,— приказал Клык,— пока нас тут не застукали.

Спасатели и спасенный вышли во двор тюрьмы. Во дворе было тихо, тюремщики валялись вокруг гаснущих костров, то ли мертвые, то ли пьяные.

За внутренними воротами только воняло псиной, самих собак слышно не было.

— Мы их сверху,— объяснил Свен,— из луков.

— Быстрее, быстрее! — поторопил варягов Инегельд.

Все выбрались на улицу и торопливо зашагали в сторону Месы.

— И что теперь? — осведомился Олег.

— А ничего,— осклабился Клык.— Мы все спали, понял? Никуда не ходили, ничего не видели...

— Никого не трогали,— поддакнул Малютка Свен.

— Вот именно. Завтра с утра топаем во дворец. Будем охранять по очереди. Полсотни с утра до вечера, полсотни с вечера до утра. Отсыпаемся, гуляем и все по новой. А если этот Евсевий будет возбухать, то мы тут такое устроим... Весь ихний Миклагард на уши поставим и скажем, что так и было!

Тут из тени отделился полноватый человечек, в котором Олег узнал Игнатия Фоку.

— Живой? — воскликнул он.— Ну и слава богу!

— Передавай привет, Игнатий,— улыбнулся Сухов, не уточняя, кому именно.

— А как же!

Фока растворился во тьме, а Турберн сказал с удивлением в голосе:

— Вот ведь, скопец, а с понятием!

Варяги прыснули в здоровенные кулаки, боясь нарушить тишину, и зашагали вдоль по Месе, скрываясь в тени портика.

А рано утром, еще до восхода солнца, полусотня Турберна Железнобокого направилась к императорскому дворцу. Олег шагал впереди, ступая в ногу со всеми.

Варяги шли в полном боевом — в кольчугах и шлемах, при мечах, ножах и секирах. К нам не подходи!

Редкие прохожие оборачивались на них, провожали взглядами, но отпускать замечания побаивались, понимали — варанги обид не прощают, зарежут.

Дежурный офицер дворцовой стражи пропустил варягов в ворота Халки, а хмурый, невыспавшийся этериарх развел всех по постам.

Олегу, Ивору, Малютке Свену и Стегги Метателю Колец досталось охранять вход во дворец Триконх, украшенный тремя апсидами, бо-

гато отделанный мозаиками и разноцветными мраморами. К нему примыкал перистиль Сигма.

Сухов подглядел за Турберном и встал так, как Железнобокий,— ноги расставив пошире, а руки оперев о рукоятку секиры. Целый день так простоять нелегко, но варанги — не почетный караул, можно и размяться. Главное, пост не покидать.

— Это сколько же нам достанется в месяц? — задумался Пожиратель Смерти.— Если в номисмах считать? А?

— Достаточно,— сказал Турберн весомо.

— Восемнадцать золотых,— посчитал Сухов,— а Турберну все тридцать шесть, как полусотнику.

Железнобокий фыркнул насмешливо.

— Тоже мне,— сказал он насмешливо,— нашлись считальщики! Скоро великий князь подгребет, устроит базилевсу бледный вид. И кто нас тогда на службе оставит? Да мы и сами уйдем, ждать не станем, пока нас гнать велят...

— Это что же,— расстроился Малютка Свен,— мы так и не получим золотом?

— Получим, не беспокойся! Халег Ведун вытрясет из ромеев все что можно. Всем хватит!

— А, ну тогда ладно,— успокоился Свен.

А Сухову стало тревожно. Приближалось то, ради чего они все оказались здесь,— нашествие. Великий князь Халег приведет под стены Константинополя пятьсот кораблей. Двадцать тысяч воинов устроят тут переполох... Город им, конечно, не взять. Изо всех стенобитных орудий русам пока известен один лишь таран, а чтобы устроить приступ Константинополя, следует выстроить осадную башню-гелеполу, лучше две, выставить батарею мощных катапульт или баллист, и чтобы отряды умелых саперов под прикрытием заваливали ров, устраивали подкопы... Иначе будет много шума из ничего. Русы похулиганят в предместьях, пограбят имения-проастии и будут безобразничать, пока базилевс не заплатит им златом-серебром, чтобы ушли и больше не показывались. Ромеям не впервой покупать худой мир, ибо он всегда оказывается дешевле войны.

— Идут... — проворчал Турберн.

— Кто? — не понял Свен.

— Базилевс шествует, и вся свора тутошних бездельников за ним... Тут так каждое утро. Малый выход называется.

Олег прислушался. Издали донеслось гулкое: «Повелитель!»

Трусцой прибежали ленциарии-копьеносцы, потряхивая белыми и красными страусиными перьями на шлемах. Их толстый командир, пыхтя и отдуваясь, расставил бойцов через равные промежутки.

Следом спешили церемониарии с позолоченными жезлами в руках. Они суетились, вводя в зал магистров с патрикиями, друнгария городской стражи и друнгария императорских кораблей. Представители низов — виноградари, рыбаки, шелкопрядильщики-сирикарии — толпились подальше от сиятельных особ, обступая галерею, по которой базилевс прошествует по собственному дворцу, направляясь в храм Святой Софии. Шествие приближалось. Уже слышен был множественный шорох башмаков.

Прошагали силенциарии, поднимая жезлы из палисандрового дерева, с набалдашниками в виде серебряных шаров, и требуя тишины.

— Повелитель! — раздался голос распорядителя-препозита.

В конце галереи, чьи своды удерживались двумя рядами колонн, зареяли древние штандарты, веллумы и аквилы, увенчанные серебряными орлами или раскрытой ладонью, увитые лентами. Когда-то под ними сражались легионеры, превознося gloria romanorum, славу римскую, теперь же это стало реквизитом пышной церемонии.

За гордыми аквилами качались хоругви-лабарумы и знамена-драконы, в самом деле схожие с надувными змиями из раскрашенной ткани.

И вот показался сам базилевс Роман Первый Лакапин. Он шествовал, облаченный в пурпур и голубой дивитиссий, а его золотая хламида даже на вид была тяжела, столько драгоценностей покрывало ее. С императорского венца-стеммы свешивались понизи жемчуга, а в руке монарх держал зажженную свечу.

Над головой базилевса покачивался крест Константина, чтобы просвещать вселенную истинной христианской верой, перед ним несли жезл Моисея, дабы пасти народы. Ритмично звякали серебряные цепочки кадильниц, окуривая Романа Первого фимиамом.

— Повелите! — величественно произнес препозит, и базилевс, храня скуку на лице, благословил свечой присутствующих.

За базилевсом степенно выступали его соправители — сыновья Христофор и Стефан, а также Константин Багрянородный, третий соправитель-симбазилевс. Это был высокий голубоглазый красавец, истинный император, сын Льва VI Мудрого и базилиссы Зои Карбонопси.

Роман Лакапин был при Константине регентом, однако пользовался всеми правами самодержца. Правда, на всякий случай он выдал замуж за Багрянородного свою дочь, а то мало ли...

Шурша златотканными одеждами, мимо Олега проскользнула знакомая фигура. Да никак Евсевий!

Магистр, чуя будто, что его узнали, обернулся. Породистое лицо дрогнуло и застыло каменной маской, одни прищуренные глаза смотрели, как из прорезей шлема, и светились лютой ненавистью. Олег равнодушно посмотрел на Евсевия и отвернулся — за пышной церемонией было куда интересней наблюдать, чем за этой гнидой холеной...

Ромей, пребывающий в немалом сане, обернув руку полой белой хламиды и обратившись лицом к базилевсу, трижды медленно осенил его в воздухе широким крестом. Хор грянул:

Многая лета!
Многая лета тебе,
Автократор ромеев,
Служитель Господа!

Огромная свита топала следом за автократором, шелестя одеждами и шаркая по мраморным плитам. Бездельная толпа, всю жизнь ползающая на брюхе перед троном владыки, выпрашивающая у того землицу, дары, должности... Сотни и сотни сиятельных тунеядцев... На них пахать можно, а они тут расползались.

Обуреваем праведными мыслями, Олег не сразу приметил спешащего к ним этериарха. Елпидифор остановился перед варангами и скомандовал:

— Кто крещён — шаг вперед!

Сухов сделал шаг. Рядом вышел Пожиратель Смерти.

Турберн усмехнулся в бороду, Малютка Свен недопонял, а Олег обрадовался.

— И ты тоже?

— А то! — отозвался Ивор.

— Двое? — довольно сказал Елпидифор.— Отлично! Следуйте за мной.

Полутролль с Пожирателем Смерти подхватили секиры и зашагали за этериархом. Вопросов они не задавали, но Елпидифор сам разъяснил суть положения.

— Сегодня Его Величество изволит на Ипподроме присутствовать... — проговорил этериарх и замялся: — Покажите крестики!

Варяги молча продемонстрировали затребованное. У Ивора на груди висел серебряный крестик, у Олега — золотой.

Успокоившись окончательно, Елпидифор продолжил:

— Будете сопровождать Его Божественность и соправителей всю дорогу до Ипподрома и охранять их в кафизме. Понятно?

— Так точно,— выразился Олег и осведомился: — А что, Его Величеству что-то угрожает?

Этериарх нахмурился, а после с неохотой, но ответил:

— Скажем так — существует опасность нападения. А Его Божественность не доверяет никому, кроме варангов...

Ивор удовлетворился ответом и заверил Елпидифора:

— Не беспокойся, мы не подведем.

Олег кивнул, соглашаясь с другом, и обронил:

— Оправдаем высокое доверие!

Собираясь на Ипподром, царская семья приоделась в скарамангии цвета персика. И базилевс, и симбазилевсы несли на головах похожие обручи-стеммы из золота и драгоценных эмалей, увенчанных крестами, и с жемчужными подвесками-катасестами, качавшихся по бокам.

Роман Лакапин ступал величаво — он нес себя, как наивысшую драгоценность. Сыновья его семенили следом, изредка шушукаясь и хихикая в кулачки, а Константин, единственный, кто был рожден в Порфирной палате императоров ромейских, плелся позади, углубленный в собственные мысли.

Выдерживая дистанцию, за правителями империи шагали Олег с Ивором, взяв секиры на плечо, а за варангами поспешали приглашенные в негнущихся одеждах из толстой парчи — эпарх [1] Константинополя, великий логофет и еще пара сановников, раздувшихся от важности и собственной значимости.

Замыкали процессию экскувиты. Эти блистали серебром и золотом, потряхивали пышными султанами на шлемах, но к военному ремеслу были приспособлены слабо — любой варяг раскидал бы десяток этих разряженных кукол, изображающих воинов, и даже не запыхался бы.

Семья базилевсов со свитой проследовала в атриум дворца Дафне, где из порфировой чаши бил фонтан, через массивные железные двери попала в триклиний Девятнадцати аккувитов с многоугольным столом, за которым император имел привычку угощать послов, миновала церковь Святого Стефана, и перед процессией открылась залитая светом

[1] *Эпарх* — градоначальник Константинополя. Эпарху также подчинялась стомильная зона вокруг столицы; по своему положению эпарх занимал одно из ближайших мест к императору и пользовался привилегиями. Например, только эпарху позволялось передвигаться по городу в повозке и носить башмаки разного цвета...

бесконечная мраморная галерея с мозаичным полом, куда на равном расстоянии были вделаны плиты красного порфира. К стенам галереи жались высшие чины империи. Базилевс, еще выше задрав подбородок, зашагал, ступая на порфирные плиты, и чины пали ниц, униженно растягиваясь и даже умудряясь на ходу поцеловать ногу самодержца. Это являлось наивысшей формой низкопоклонничества — надо было суметь так приложиться к ноге Божественного, чтобы и самому как следует унизиться в лобзании, и не помешать при этом ходьбе Самого. Без долгой и упорной тренировки такой номер не получится...

В конце галереи слуги раздвинули серебряный занавес с вытканными на нем птицами, и вся процессия оказалась в кафизме, ложе для императора, поднятой на двух дюжинах колонн. И только тут Олег понял, что за гул доносился до него все это время, то усиливаясь, то стихая. Нет, это был не шум прибоя — галдела стотысячная толпа, занявшая каменные скамьи Ипподрома.

Гигантская арена, имевшая форму вытянутой подковы, замыкалась с западной стороны мощным строением, возвышавшимся вровень с многоярусными трибунами. На нижнем этаже этого помпезного сооружения находились конюшни, отсюда на арену открывалось шестнадцать ворот, а над ними размещались лучшие места для знати и вельмож, тех самых, что ползали на брюхе перед базилевсом (и когда только гордые римляне успели нахвататься этих «правил хорошего тона», более подобающих восточным деспотиям?).

Но еще выше возносилась кафизма, похожая на башню в три этажа, разукрашенная поясами мраморных гирлянд и горельефов.

Галдеж огромной толпы зрителей внезапно сложился в могучее прошение: «Взойди! Взойди!»

И базилевс взошел — Роман Первый поднялся по ступеням, выложенным морскими раковинами, в императорскую ложу, задернутую пурпурными занавесями и увенчанную лисипповской [1] конной четверкой. Видимый с трибун до колен, в белизне одеяний, оттененных пурпуром, базилевс высился — Божественный, Величайший, Несравненный.

Олег, впрочем, не царственным выскочкой любовался — он обозревал Ипподром и окрестности.

Белые трибуны, заполненные народом, поднимались в виде амфитеатра, устроенного самой природой в глубокой ложбине. Верхний

---

[1] *Лисипп* — знаменитейший эллинский скульптор, современник Александра Македонского. Тетриппу, ту самую конную четверку, стяжают в 1204-м крестоносцы из Венеции, где она находится по сию пору.

край Ипподрома окаймляла колоннада, а меж колонн открывался вид на Босфор, где проплывали корабли, на кипарисы азиатского берега, на башни и портики Палатия, на увалистый разлив черепичных кровель, белых куполов, триумфальных арок, на церковь Святого Стефана, откуда за ристаниями колесниц могла наблюдать базилисса — на трибуны допускался исключительно мужской пол.

Сама арена копировала римский Большой Цирк, вдоль нее тоже тянулась «спина» — невысокий каменный помост, загроможденный памятниками и статуями. Колоссальными иглами торчали обелиски — один был из розового гранита, его вывез из Египта Феодосий и установил посреди арены на четырех бронзовых кубах, а другой, догонявший по высоте пятиэтажку, был облицован позолоченными бронзовыми плитами. Тут же поместили знаменитый фонтан в виде четырех бронзовых змей с золоченой чашей, отлитой почти полторы тысячи лет назад, в честь победы эллинов над персами. Рядом стояла гигантская статуя Геракла, большой палец которого был толще талии смертного человека. И еще, и еще... Бронзовая Гера, мраморные Феодосий и Грациан, какие-то атлеты и неведомые боги... Хаотическое смешение эпох, стилей, масштабов! Всё по отдельности — шедевры, собранные вместе, они подавляли чудовищной безвкусицей.

До Сухова долетел обрывок разговора, и он прислушался. Эпарх Константинополя тихонько делился с великим логофетом:

— ...Тюрьма в Октогоне обезлюдела. Собаки перебиты, тюремщики перерезаны...

— Бунт? — нахмурился великий логофет.— Побег?

— Ни то, ни другое. Логофет претория [1] докладывает, что все узники на месте. Тюремщики заколоты прямо во дворе, там же стояли кувшины с недопитым вином...

— Пьяная драка? — просветлел великий логофет.

— Это вряд ли. Собак постреляли из луков, со стены. Получается, что кто-то проник в Октогон и расправился с тюремщиками...

— Нет-нет,— замотал головой великий логофет.— Случилась пьяная драка. Ведь это доказано? — Он посмотрел в глаза эпарху с настоянием.

— Ну, разумеется,— понятливо усмехнулся эпарх.— Чего только не бывает от винных паров, а эти тюремщики пили, как варвары, не мешая крепкое хиосское с водой, и меры не знали...

---

[1] В обязанности логофета претория входило, помимо прочего, слежение за тюрьмами.

— Вот и результат,— подвел черту великий логофет.

— Есть вести куда более тревожные,— понизил голос эпарх.— Кто-то из твоих приближенных, сиятельный, мутит «Зеленых»...

Великий логофет не побледнел даже, а посерел.— Этого... быть не может... — еле выговорил он.

— Еще как может... — притворно вздохнул эпарх.— Мои люди схватили двоих, и у обоих дома обнаружились целые арсеналы. А кроме оружия — чистые листы пергамена с готовыми свинцовыми печатями от твоего ведомства, сиятельный...

— Ты же не думаешь... — прохрипел великий логофет.

— Как можно, сиятельный,— тонко улыбнулся эпарх.— Но кто мог иметь доступ?

— Не время говорить... — слабым голосом сказал логофет.

— Боюсь, как бы не было поздно...

— Все так серьезно? Тогда... Тогда это либо Ираклий Кириот, патрикий, либо Евсевий Вотаниат, магистр... Кто-то из них, больше некому...

«Ага... — подумал Олег, напряженно разбирая слова, произнесенные тихими, задавленными голосами.— Я еще и в какую-то интригу вляпался, оказывается! Чем дальше, тем интересней...»

Тут гул толпы перешел в рев — базилевс дал знак особому сановнику, и тот обронил на арену платок. Игрища начались.

Взревели трубы, перекрывая людской гомон, распахнулись ворота, и на арену, покрытую благовонной пылью, выехали колесницы, отделанные золотом, сбруя коней, запряженных четверками, просто искрилась и переливалась драгоценными каменьями.

Возницы и сами выглядели по-царски. Разодетые в пух и прах, увешанные блестящими цацками, они гордо стояли на колесницах, правя упряжками. Вдобавок ко всему, на колесницах тряслись и качались арочки и столбики, плетенные из лозы и еле удерживающие пухлые гирлянды цветов, охапки цветов, целые цветочные копны.

— Василий Агарянин! — узнал своего любимца сын базилевса Христофор.

— А вон Бешеный Али! — воскликнул Стефан.

Трибуны ревели и стонали, приветствуя своих. Различались возницы по цвету плащей. Выступали венеты, или «Голубые», прасины звались «Зелеными», руссии числились в «Красных», а левки были «Белыми». Цвета сохранились со времен Рима, и у каждого находились свои сторонники-фанаты. Это были спортивные партии, за каждой из них стояли десятки тысяч болельщиков, которые легко превращались в сторонников того или иного политика, бунтовщика или царедворца —

неважно. Разгул страстей на Ипподроме легко мог захлестнуть улицы Столицы Мира и даже восколебать трон. Вот и мутит кто-то «Зеленых»... Беспорядки готовит? И зачем? И кто? Неужто Евсевий под базилевса копает? Интересно, какая у него может быть цель? Нет-нет, сам он фигура мелкая, кто-то неизвестный стоит за ним, добиваясь своих целей... Каких? Государственного переворота? Тогда, скорей всего, во главе заговора или Христофор, или Стефан. Дескать, засиделся папочка, пора и нам порулить... Константин в заговорщики не годится — это интеллектуал, не способный устроить резню ради воцарения. С другой стороны... Да кто вообще сказал, что существует заговор?! Может, и Евсевий тут совершенно ни при чем? Бог весть...

Все это время Сухов стоял возле колонны с угла императорской ложи и делил свое внимание между кафизмой и ареной, рассуждая как телохранитель. Пройти в ложу императора с трибун было нельзя — две крутые лестницы по бокам кафизмы имелись, но двери были закрыты наглухо. И какие двери — их только тараном взломаешь! А иных подходов и не было — кафизма являлась как бы бастионом Палатия, выдвинутым к арене. Разве что меткий лучник мог засесть на верхней галерее Ипподрома и оттуда выцелить самодержца...

Олег внимательно оглядел колоннаду, венчавшую амфитеатр. Меж колонн белели фигуры, но не живые — это стояли прекрасные статуи, свезенные в Константинополь отовсюду — из Рима, из Александрии Египетской, из Антиохии, Коринфа, Афин, Пергама...

— Тебе нравятся конные состязания, варанг? — неожиданно обратился к Сухову Константин Багрянородный и улыбнулся.— Я перехватил твой внимательный взгляд и понял, что тебе понятна наша речь...

— Понятна, величественный,— поклонился Олег, не зная, как ему выкрутиться, и сказал: — Я должен быть внимательным, чтобы первым заметить опасность и вовремя отреагировать на нее... Мне за это деньги платят.

Однако этот пассаж, должный продемонстрировать грубую приземленность варвара, дабы отпугнуть тонко организованного Константина, не сработал. Багрянородный усмехнулся только.

— Так как тебе все это великолепие? — кивнул он на трибуны.

— Денег сюда вбухано немерено,— протянул Олег.— Раньше тут гладиаторы рубились-кололись, нынче возницы катаются наперегонки. Каждому свое...

Константин засмеялся, но его смех совершенно поглотила буря криков с трибун — начались ристания.

Колесницы рванули с места, с прочерченной белой линии, и понеслись, обгоняя друг друга, рассыпая цветы. Вперед сразу вырвались

«Зеленые» и «Голубые», руссии с левками начали отставать — возницы изо всех сил погоняли лошадей, но все было бесполезно. А потом две отставшие колесницы столкнулись. Детали крушения были плохо различимы — взметнулось облако пыли, замелькали колеса, ноги, гривы, махнул красный плащ, покрывая белый... И пара коней в оборванной упряжи похромала в сторону.

Служители тут же ринулись на арену, растаскивая обломки. Одну из колесниц, почти целую, только с одним колесом, откатили прочь, увели лошадей, а возницу в белом плаще унесли в Ворота мертвых...

Шум на трибунах нарастал, сопровождая мчащиеся колесницы. В отрыв ушли двое «Зеленых» и пара из лагеря «Голубых». Еще один «Зеленый» мчался позади фаворитов, но обгоняя «Красных» с «Белыми».

Он ничем не привлекал к себе внимания, кроме того, что не погонял лошадей. У него вообще не было кнута в руках. Четверка, запряженная в его колесницу, была отменной — кони каппадокийской породы бежали ровно, не напрягаясь, и вполне могли потягаться с теми, что ушли вперед.

Олег насторожился. Когда же возница и вовсе стал натягивать поводья, притормаживая колесницу, он почувствовал «ветерок смерти».

— Ивор! — коротко бросил Сухов.

— Вижу! — было ответом.

А возничий рывком согнулся, сорвал цветочный чехол, открывая заряженный «скорпион», станковый арбалет, и прицелился в императорскую ложу. В Стефана.

Неслышно сработал убийственный механизм, выпуская короткое копье.

Олег отшвырнул мешавшую секиру и рванулся к симбазилевсу. Уговаривать времени не оставалось, все решали доли секунды — Сухов оттолкнул Стефана, а Ивор поймал сына базилевса, удержав от падения.

Пожиратель Смерти склонился на колено, пригибая голову, дабы не создавать Олегу помех, а Полутролль выбросил руку ладонью наружу, большим пальцем вперед, и поймал летевшее копье. Со свистом развернув его, Олег метнул его в спину вознице, соскочившему с колесницы и срывавшему с себя плащ,— видать, решил затеряться среди зрителей. Отцепить плащ он успел, и в это же мгновение копье вонзилось ему в спину, пригвождая спадающую зеленую ткань. Возница взмахнул руками и упал на арену.

Тут подоспели «Красные» и «Белые», они объехали труп и обогнали неспешно бредущую четверку каппадокийцев, но на трибунах все

уже позабыли о гонках — народ ревел и топал ногами, выбегая на арену и потрясая кулаками.

В кафизме царила тихая паника — эпарх бегал из угла в угол, приседая от ужаса, великий логофет стоял столбом, у Романа Лакапина тряслись губы, а Стефан поднимался с пола, тараща перепуганные глаза. Константин стоял в стороне, вчуже наблюдая за происходящим, Христофор же поклонился отцу и сказал дрожащим голосом:

— Покажись... Народ волнуется.

Базилевс заторможенно кивнул и сделал три шага, являя себя зрителям. Весь Ипподром сотрясся во взрыве ликования.

Унимая бешеный стук сердца, Олег подобрал секиру и занял прежнее место.

— Нет... — сказал ему базилевс.— Мы уходим. Игры отменяются.

— Да, Несравненный,— мигом согнулся великий логофет.

Подбежавший эпарх распростерся перед базилевсом и глухо доложил:

— Я выяснил личность возницы, покушавшегося на Твою Божественность. Это Никифор Метафраст. Он — человек Евсевия Вотаниата, магистра. Его ищут...

— Найди его! — каркнул базилевс, нетерпеливо вздергивая головой, и зашагал прочь.

Ивор с Олегом переглянулись и двинулись следом. Они хорошо выполнили свою работу.

Глава 17,

В КОТОРОЙ СЕВЕР БЬЕТСЯ ПРОТИВ ЮГА

Незаметно прошла неделя, потом другая и третья. Олег втянулся. Служба при дворе базилевса оставалась для него докучной лишь по ночам, когда ничего не происходило, а в полутемных галереях встречались одни китониты, экскувиты и прочая гвардия, оберегающая спокойный сон базилевса.

Зато дневные дозоры заносили в память немало интересного и поучительного.

Сухов был для придворных простым варангом, то есть бессловесной чуркой с глазами и страшной секирой в руках. Титулованные особы шушукались между собой, разносили сплетни, распускали слухи, и им даже в голову не приходило, что варанг разумеет их речь, что он понимает мотивы поведения и наблюдает за развитием интриг со стороны.

...Леонтий Трахомотий, протостратор [1], устраивал на тепленькое местечко своего племянника Николая, здоровенного и тупого недоросля.

...Димитрий Хрисокефал, ипат, копал под самого куропалата, начальника охраны дворца. Он исподтишка вредил куропалату, щедро плеская грязи, наушничая, подкупая нижестоящих и умильно вылизывая задницы вышестоящим.

Кто-то еще усердно трудился, составляя горы пустопорожних документов, кто-то брал взятки, обещая устроить дела подателю мзды, но слова своего не исполняя.

Впрочем, среди тысяч придворных бездельников и сановных тупиц попадались люди большой учености и изворотливого, хитрого ума. Эти, как правило, не увлекались интригами, но частенько именно от них исходили решения, нашептанные базилевсу на ушко и становящиеся императорскими указами.

Незримые советники мелькали тенями по Палатию, не ослепляя взоры массой побрякушек и дымовой завесой фимиама. Интриганы не ставили им ловушек просто потому, что не принимали их всерьез, не ведали об истинном весе.

С такими «серыми кардиналами» Олег желал бы сойтись поближе, но — потом. Ибо в настоящее время он был никто, и звали его никак. Гвардеец-наемник, дикарь из северных лесов, опасный варвар.

Смутные мыслишки уже мелькали у Сухова в голове, но он пока даже не задумывался о путях исполнения мечтаний. Всему свое время.

Правда, первый шаг он все-таки сделал. После того как Олег с Ивором уберегли сына базилевса от грозившей ему участи на Ипподроме, варангам оказали доверие — начали ставить на посты внутри дворцов Палатия, а самим спасителям был открыт доступ к святая святых — к опочивальням базилевса и базилиссы.

Пожиратель Смерти ворчал поначалу — дескать, могли бы и както посущественней отблагодарить. И его вроде как услышали — без-

[1] Чтобы было понятней читателю, сошлемся на «Тактикон», византийскую табель о рангах. Основных рангов насчитывалось четыре. К 1-му, высшему, относились анфипаты, патрикии, протоспафарии и дисипаты. Ко 2-му — спафарокандидаты; к 3-му — спафарии; к 4-му, низшему,— ипаты, страторы, кандидаты, мандаторы, апоэпархи. Протостратор, в отличие от стратора, то есть конюшего, являлся главным конюшим.

вестный кандидат, суетливый и юркий, вручил Ивору и Олегу по увесистому мешочку с новенькими номисмами. Пожиратель Смерти мигом повеселел и в тот же вечер отправился в квартал Зевгмы, куда вели ворота с изображением Афродиты. Квартал славился злачными местами, там легко было напиться и получить любовные утехи в ассортименте. А Олег заглянул к Елене.

С какой-то поры в душе его установилось равновесие. Они с Еленой любили друг друга, и его обращение в истинную веру лишь укрепило отношения, укрепило настолько, что Олег созрел для того, чтобы остаться в империи не на год, а навсегда. Правда, Елена была зоста-патрикией, а это высший женский ранг, стоявший выше присуждаемых чинов и санов, как звание патриарха.

И сие было проблемой — Олегу срочно требовалось возвышение.

Сухов усмехался, думая об этом, ибо мотивация представлялась ему небывалой, по крайней мере, непонятной для придворных. Ведь он преследовал цель возвеличения не корысти ради, а по любви. Олег ощущал острую необходимость хоть как-то сравняться с Еленой, ибо ситуация, когда «он — титулярный советник, она — генеральская дочь», совершенно не устраивала его.

Однако пока он ничего не мог изменить в своей судьбе. Хотя кто знает капризы Фортуны? И кому бывает слышна поступь Фатума?..

Прошел ровно месяц, и князь Инегельд собрал свою гридь на совет. Было тепло, и все с удобствами разместились во внутреннем дворике Дома Варвара.

Боевой Клык оглядел воинов и негромко довел до сведения:

— Тут купец прибыл из русов, вести принес интересные... Великий князь Халег Ведун спускается по Непру и скоро двинется за море.

Дружина оживленно зашевелилась, а Клык продолжил, не повышая голоса, так что все разом утихли:

— Нам велено на седьмой день выйти к морскому берегу и передать, сколько у ромеев кораблей водится императорских, сколько сил они выставить могут против наших... Ворон, ты проведал, что там, в Мангале ихней деется? И как бы нам секрет «огня греческого» выведать?

— А никак,— буркнул Алк Ворон.— Мангала та высокою стеной обнесена, да и тролль бы с ней, со стеной, но там вот какое дело... Спросить не у кого! Рабы, что горючку готовят, все как один глухие, а языки у них отрезаны. Скажешь им — не услышат, а и поймут, что толку? Слова-то вымолвить не смогут!

— А написать если?

— А там грамотных не держат! Все продумали ромеи, все учли. Пуще всего они берегут тайну неугасимого пламени!

— Оно и понятно,— проворчал Турберн.— Не будь у них горючки и сифонов огнепальных, как бы они воевали? Да их бы давно те же арабы побили!

— Значит, никак? — нахмурился Клык.— Но не все ж там рабы!

— Не все,— согласился Алк.— Но подойти невозможно — тройное оцепление стоит, из самых надежных и проверенных. А главное, никого из тех, кто в чинах ходит, хватать и пытать проку нет. Никто из них не посвящен в тайну до конца и полностью, все знают по чуть-чуть. Каждый в одиночку работает — сделает свою часть и уходит. Приходит другой, добавляет то, что он знает. И все с охраной...

— Полный секрет «греческого огня»,— вступил в разговор Олег,— только базилевсу ведом, да и то... Есть, конечно, люди, знающие тайну от и до, но кто они? И где их искать?

— Понятно,— вздохнул Боевой Клык.— Жаль, конечно... Ну ладно. Чем гасить огонь негасимый, хе-хе, мы Халегу передать успели... Ты точно знаешь, что его уксусом тушат?

— Точно,— твердо ответил Ворон.— Недаром на ихних дромундах всегда наготове бочка с уксусом — мало ли... Еще говорят, мочой погасить можно, но того я не знаю, не пробовал...

Гридь жизнерадостно загоготала. Отсмеявшись, Клык спросил, оборотясь к Турберну:

— Железнобокий, может, хоть ты порадуешь?

— Может,— усмехнулся тот.— Во-первых, друнгарий царского флота — раззява и недотепа, но в себе уверен напрочь. В общем, не противник, а мечта победителя. Во-вторых, кораблей у него всего шесть десятков, сплошь дромунды, только вот тех, что могут огонь метать, всего двадцать наберется.

— Это славно! — осклабился Клык.

— Еще штук сорок строится, а семьдесят дромундов по провинциям ихним разбросаны. Если их собрать, сила выйдет немалая, но на сборы месяц уйдет. Так что...

— Может, пожечь их к такой-то матери? — предложил Малютка Свен.

Турберн помотал головой.

— Ромеи, они, конечно, тупицы известные,— строго проговорил он,— и дуралеи порядочные, но не до того, чтобы корабли свои без присмотра оставлять. И ты не забудь, что нас за стены Миклагарда не просто так пустили — тут за нами постоянный пригляд и, ежели что, против нас тысячи воинов выставят.

Боевой Клык покивал озабоченно и перевел взгляд на Олега:

— А ты что скажешь, Полутролль? Ты ж по-ихнему балакаешь, слышал что?

— Насчет чего, князь?

— Ну вот сколько у города защитников наберется.

Сухов подумал, что лучше будет не зарождать в дружине напрасных надежд — меньше крови прольют, и своей, и чужой.

— Что тут скажешь... — протянул он.— Ромей варягу не противник, ясен пень, но это если один на один. А их тут такое множество, что они нас числом возьмут, трупами завалят. В городе постоянно находятся тагма схол, тагма экскувитов и тагма арифмы, еще и виглу сюда прибавьте, это стража ночная. А вне города служит тагма иканатов. Иканаты мешать будут и сопротивление окажут, но Халегу Ведуну они не станут серьезной помехой — все предместья будут ваши... наши, то есть. Но за городские стены великий князь не попадет — не научены мы пока стены рушить, а они у Миклагарда крепки.

— Это точно... — протянул Клык.— Ну ладно, служим далее, а на той неделе к морю двинем.

И опять Сухов загрузился проблемой, не поддающейся простому решению. Как ему быть? Главное, с кем? Крещение не только открыло ему двери Великой Константинопольской Церкви, но и наложило обязанности.

Человек десять из тех, что прибыли с князем Инегельдом, стали христианами задолго до похода — кто в Херсонесе был обращен, кто в свейской Бирке, а Стегги сподобился аж в Реймсе принять крещение, когда бывал там проездом. И крестики на шеях не выделяли гридней из общего строя, они по-прежнему служили своему князю-язычнику, пировали с ним, исполняли его приказы. Для них перемена веры не стала сменой вех, выбором иного пути. А вот Олег чувствовал свое отдаление от бывших товарищей. Между ними и им словно незримая стена выросла. Никто ее не замечал, кроме самого Сухова, но убеждение росло в нем и отвердевало: не быть ему более Полутроллем. Чувство христианского долга боролось в нем с чувством родства.

С одной стороны, эти веселые варвары-варяги были одной с ним крови, он испытывал к ним искреннее уважение и гордился принадлежностью к русской гриди. С другой стороны, гридни не задумаются даже, когда будут «зачищать» предместья Константинополя. От их руки могут полечь — и полягут! — мужчины и женщины, старики и дети. Вся Европа содрогается при одном упоминании норманнов и

не делит «северных людей» на варягов и викингов, все они одинаково хороши. Жестоки и беспощадны.

И все же варяги — свои для него, а своих он предавать не намерен. Но и ромеи-христиане для него уже как бы не чужие. Елена... Игнатий... Тот старик-священник. Даже симбазилевс Константин.

В принципе, не порывы благородства руководили Суховым, не позывы к беззаветному служению. Если честно, Олега заботили не столько вопросы сбережения жизней населения «Царьграда», сколько собственное духовное благополучие. Ему хотелось сохранить в душе то состояние покоя, которое он обрел под куполом Софии, сохранить то хрупкое равновесие, когда ступаешь по лезвию бритвы между грехом и подвигом, и тебя не «ведет», не заносит. Ну и пусть... В конце концов, он в подвижники не записывался. Он обычный человек и одинаково способен исполнить и меру зла, и меру блага.

А наилучшим способом сберечь покой было бы крещение Халега Ведуна, всех князей, что с ним придут, и дружин их. Тогда бы долг и родство не противодействовали бы друг другу, а совместились бы... Хм. А разве это не достойная цель? Сближать империю и Гардарики, способствовать смягчению нравов и русов, и ромеев, помогать и тем, и другим не зло творить, а добиваться справедливости... Один он ни черта не стоит в этом деле, но разве Пончик будет не с ним? А Елена? Результатов они добьются мизерных, ну и что? С тем же успехом можно пихнуть землю под ногами, что изменит орбиту планеты, но на какую долю? И все же... На Руси уже стоят первые церкви, и число их будет расти вплоть до княжения Владимира. Хорошо это или плохо? Он задавал себе этот вопрос еще в «родном» будущем, но ответа не нашел. Он ругал попов за жадность, князей за жестокость, ибо крестили Русь огнем и мечом. Все так. Но есть ли иной путь? Язычество держится только по инерции обычая, по народной привычке, но оно отжило свое, как род. Пора давать ход новому. Чему? Выбрать вариант «И» — обратить Гардарики в ислам? Ну уж, нет уж! Пусть лучше православие...

С такими мыслями Олег шагал по улицам Эксокиония, западного района города, где в эпоху Феодосия селились готы.

Пройдя улицей Псамафилийской мимо монастыря Святого Диомида к форуму Тавра и свернув, Олег забрел в настоящее гетто, застроенное мрачными многоэтажками-инсулами. Дно Константинополя. Мрачные, сырые улочки, запакощенные донельзя, с рождения голодные маленькие оборванцы и их опухшие родители, вечно нетрезвые и ничего не требующие от жизни, кроме выпивки... При появлении Олега ребятня смолкала, а их папаши втягивали головы в

плечи, уподобляясь нашкодившим котам. Но особой враждебности Олег не ощущал. Страх — да, был. Варанг все-таки. Хотя, если разобраться, этим-то чего бояться? Отбирать у них нечего. Лишать этих убогих их погаденьких жизней? Да кому они нужны...

У Олега испортилось настроение. Бессонная ночь, проведенная на посту, оставила в нем усталость, дневной негатив добавил раздражения. Ой, да пошло оно все...

Олег вывернул на улицу Палатия, пересекающую полуостров от порта Элевферия до Палатинских ворот на берегу Золотого Рога, и зашагал по ней, возвращаясь к Ипподрому.

— На ловца и зверь бежит! — донесся до него довольный бас Инегельда.

Князь в окружении «чёртовой дюжины» перегородил Сухову дорогу и щерил белые зубы.— Ты куда собрался?

— Да так,— отделался Олег,— гуляю...

— Пошли тогда,— сказал Клык решительно и хохотнул: — Прогуляемся к морю! Айда!

И «чертова дюжина» в полном составе зашагала к Палатинским воротам.

Из города их выпустили легко, не глядя, да и какие могли быть подозрения? Отслужили варанги всю ночь, пора и отдохнуть от трудов воинских...

Сунув пару медяков перевозчику, они одолели Золотой Рог и высадились рядом с Галатской башней, от которой через залив, к Сотенной башне Юстиниановой стены тянулась заградительная цепь, ныне окунутая в воду.

— Коней надо сыскать,— решил Боевой Клык,— не пешком же к морю добираться...

— Это точно,— согласился Турберн и направил стопы по берегу в обход крепостных стен Галаты, между бесконечной пристанью и рядом лавок.

Справа скрипели и терлись бортами рыбацкие саландеры да купеческие хеландии, а у выхода в Босфор стояла на якорях пара дромонов — «Феодосий Великий» и «Св. Димитрий Воин». Застилая их, проходили на веслах длинные веретенообразные кумварии, тоже боевые посудины, но помельче дромонов. Корабельщики в черных накидках-сагиях пели псалом:

Охраняет Господь путь праведных,
И путь нечестивых погибнет...

А слева бушевала рыночная стихия, где продавцы и покупатели вели неравную борьбу за медь и серебро, уже не надеясь на злато:

— Почем рыба?

— Рыбица свежайшая, только из моря!

— Почем, спрашиваю?

— По три фолла, почтенный!

— Так я ж недавно по два покупал!

— Ну-у, когда это было-то...

— Благовонные притирания! Благовонные притирания!

— Купи амбру! Мускус отдаю даром — за один милиарисий!

— А вот миосотис, душистее не бывает! Нард из Лаодикии! Достопочтенный, не проходи мимо!

Тут благовония перебил грубый запах навоза, и Железнобокий взял след. За ним в толпу ввинтился Саук, знаток лошадей.

Вообще-то конями положено было торговать на форуме Амастриана, но не топать же галатцам в такую даль! И вот, прямо у крепостной стены, была устроена коновязь, где фыркали и отаптывались скакуны всяких пород и вовсе непородистые, завезенные из Болгарии, мохнатые и длинногривые степные лошадки. Они были неказисты и коротконоги, а посему много за них не просили. Железнобокий живо сторговался и на правах хозяина вручил товарищам поводья чёртовой дюжины коней, купленных вместе с попонами.

— Седел нету, извиняйте,— бурчал он.— Как-нибудь доедете, не развалитесь...

Варяги вскочили на коней, обхватывая ногами некрупных лошадок, и отправились в поход.

Все были одеты на ромейский манер — в холщовые рубахи-хитоны и портки, заправленные в мягкие сапоги, крест-накрест перевязанные ремешками. Хитоны не имели длинных рукавов, это было для русов необычно, и они набросили на плечи светло-коричневые сагии из некрашеного сукна. Так комфортнее, да и мечи на поясах прикрыты.

— Ходу,— сказал Клык и показал пример, добавил прыти своему коньку.

Животина Олегу досталась с норовом, все спину горбила, брыкаться пыталась. Сухов разозлился и треснул коня кулаком меж ушей:

— Смирно, животное!

Убедившись, что хозяин едет в седле, а не под седлом, лошадка стала сама кротость.

Кавалькада оставила позади Галату, поскакала меж сельхозугодий. Лес держался жалкими клочками, маленькими рощицами или отдельно стоящими кипарисами, все остальное было распахано и засеяно.

Олег благодушествовал. Стояло чудесное утро, он скакал в составе «чёртовой дюжины», по дороге, вымощенной камнем, углубляясь в «пояс Цереры», окружавший Константинополь. Слева и справа зеленели ухоженные поля, шелестели сады, расстилались, полосатя холмы, виноградники, тянулись высокие каменные ограды усадеб-проастиев. Крестьянские дома строили пониже и пожиже — из камня или самана, а покрывали черепицей или тростником. К домам примыкали огороды, сараи, погреба и большие, врытые в землю кувшины-пифосы для зерна или вина. Пахотные участки разделялись межами, канавами, изгородями из жердей и камней, рядами деревьев и купами кустов.

Чем дальше от Города, тем реже попадались усадьбы, пока вовсе не сошли на нет. Мощеная дорога сменилась грунтовкой, зато заросли сгустились, оставляя безлесными лишь скалы да выжженные солнцем верхушки холмов. А потом повеяло свежестью, ветерок донес запахи соленой влаги и гниющих водорослей. И показалось море, Русское море — удивительный синий глянец уходил за горизонт, лишь кое-где тронутый белыми завитками барашков.

Лазурный простор был пуст, но не тих — размеренные удары прибоя доносились глухо и явно.

— Будем ждать здесь,— решил Инегельд.— Собирайте в кучи хворост, запалим семь костров.

Олег слез с коника, разминая ноги,— приходилось все время с силой сжимать колени, чтобы удержаться. Ничего... Зато какая тренировка!

Варяги рассеялись, собирая сушняк, и живо сложили семь костров — осталось их только поджечь. И развалились на травке, потащили из сум припасы и фляжки с забористым неразбавленным.

— Хорошо тут... — проговорил Фудри Москвич, жмурясь на солнышке.— Тепло... Только люди злые. И врут на каждом шагу. У нас хоть и холодно, зато все свое. Все свои...

— Эт-точно... — разморено сказал Турберн.— Да и скучно тут. У нас там и лес, как лес, и реки, как реки. Охота там, рыбалка... По грибы сходить, и то веселее, чем по здешним улицам слоняться.

Олег промолчал — о Библиотеке, где вечно пропадал Пончик, он распространяться не стал. А Ипподром, похожий на художественную галерею? А «Дом света», сияющий в ночи на всю Месу? А Палатий, где скульптур и картин древних собрано столько, сколько и не снилось будущим директорам Эрмитажей и Лувров?

Ленивая сиеста прошла в неге — Олег со товарищи тупо отдыхал в тенечке. Подремав до обеда, погулял и снова разлегся на старом месте.

Варяги обеспокоились лишь однажды, когда внизу, под грядой скал, прошел по узкому пляжу ромейский патруль. Прошел и скрылся за мысом, где воды Понта Эвксинского вливались в пролив Святого Георгия, как богобоязненные ромеи переиначили эллинское название Босфор.

И вот тогда, словно дождавшись ухода ромейской береговой стражи, за морем поднялись паруса. Много парусов, полосатых и однотонных.

— Наши идут! — расплылся в довольной улыбке Инегельд.

— И кого это они с собою тащат? — нахмурился Железнобокий.— Паруса вишь какие? В один цвет.

— Славинов, наверное,— убежденно сказал Стегги Метатель Колец.— Князья их давно уж головы подняли. Жадные они до злата, вот и напросились в поход... А Халегу что? Ему лишние мечи не помеха...

— Да какие там мечи! — фыркнул Малютка Свен презрительно.

— А лодьи у них, как наши ушкуи,— пригляделся Турберн к корабликам под однотонными парусами.

— Дак это ушкуи и есть,— сказал Хурта Славинский, не особо жалующий князей своих.— Зимою их новгородцы много понаделали, а по весне все в Киев сплавили.

— А чего тогда не сговорились, чтоб им скедий спустили? — спросил Железнобокий с недовольным видом.— Будут тут нас позорить!

— Так я ж говорю,— подхватил Стегги,— жадюги они! В ушкуй больше трех десятков вояк никак не вместить, а скедия сороковник запросто примет...

Турберн только головою покачал. Инегельд напряженно всматривался и воскликнул вдруг:

— Есть! Поймал!

Олег пригляделся в недоумении и тоже словил «солнечного котенка», как русы прозывали «солнечных зайчиков»,— видать, кто-то с борта пускал их зеркальцем.

— Зажигай костры! — скомандовал Клык.

Гридни забегали, зачиркали огнивами, и потянулись дымки, вспыхнуло прозрачное пламя.

— Зелени подкиньте, а то дыму маловато!

Бойцы подкинули, и потянулись к небу семь кривых серых столбов, определяя в десятках число кораблей императорского флота.

Потом Железнобокий с Вороном накинули на пару костров свои сагии и тут же сдернули. Опять набросили и снова убрали. Так два

прерывистых дыма сообщили дополнительную информацию — о двадцати самых опасных дромонах, на которых не только баллисты стоят, но и сифоны огнепальные.

С лодий заблистало зеркальце — «Вас поняли!».

— Все,— отрывисто сказал Инегельд.— Уходим!

Варяги живо собрали манатки и вскочили на коней.

Оставив костры догорать, «чертова дюжина» поспешила обратно, подальше от берега моря.

— Если попадемся,— предупредил Турберн,— нас не пожалуют!

— А что нам будет? — нахмурился Малютка Свен.

— Секир-башка будет,— серьезно ответил Саук.

— Ходу!

Отряд поскакал напрямик через дубравы и заросли хмелеграба, пока не выехал на дорогу. Здесь их ждала неприятность — большой разъезд конных иканатов в медных чешуйчатых доспехах с кожаными полосками-птеригами на плечах, смахивавшими на эполеты, в остроконечных шлемах, с овальными щитами-скутами и однолезвийными мечами-падамерионами. Впереди скакал офицер в красном плаще, с круглыми вышитыми вставками на хитоне.

Он зло закричал, углядев варягов, и выхватил короткий меч. В атаку!

Иканаты, сипло взревев, пришпорили коней и бросились на варягов. Тем ничего не оставалось, как кинуться наутек. Даже тигр не считает зазорным убежать от дикого буйвола...

Олег улепетывал со всеми, успокаивая себя тем, что никто из «чёртовой дюжины» не должен быть пойман или убит, ибо это будет подставой для всей гриди. Да и не хотелось ему разборок-заварушек в такой хороший день...

Варяги вынеслись на мыс, откуда открывался вид и на Босфор, и на море, и завертелись на обрыве. Дальше дороги не было. А преследователи догоняли, их с русами разделяла только хилая роща кипарисов. Оттуда донесся топот копыт, к которому добавились громкие крики, в которых мешался гнев и страх,— видать, ромеи разглядели подгребавший русский флот — сотни лодий с распущенными парусами, взблескивая тысячами весел, шли к Босфору, выстроившись в три линии.

Офицерский голос провопил команду, и иканаты затопотали в обратную сторону — предупредить о набеге страшных северных варваров.

— Ишь ты их,— смущенно закряхтел Клык.— Вот что значит дороги не ведать... Выперся! Едем.

— Постой,— сказал Железнобокий и указал на Босфор.

А там, показавшись за изгибом холмистого берега, выходили черные дромоны. Их паруса были свернуты и притянуты к косым реям — корабли шли на веслах, размеренно, в два ряда окунавшихся в воду.

— Ага... — тяжело сказал Инегельд, подумал и слез с коня.

— Щас что-то будет... — протянул Ивор.

Олег тоже спешился и накрутил поводья на руку. Конь сразу полез мордой в сумку и получил сухарь.

— На мелкое место им надо,— занервничал Клык,— туда дромунды не сунутся...

— Не боись,— сказал Турберн,— Халег не отрок сопливый, дело знает...

Русский флот словно послушался Инегельда — скедии с ушкуями сместились к отмелому месту. И тут же поползли вниз паруса, зашатались, укладываясь, мачты — ничего не должно отвлекать от боя. На скедиях произошло множественное движение — часть гребцов накидывала брони, разбирала мечи и секиры, снимала с бортов развешанные щиты. Грозно щерились головы чудищ, вздернутые на высоких штевнях скедий, а на носах ушкуев открывали зубастые пасти резанные из дерева медвежьи башки.

Флот русов несколько перестроился — простираясь по фронту на полверсты, он укрепил крылья, где корабли шли в глубину на три линии. В центре же — на две, причем с большими промежутками между скедиями, чтобы, не мешая соседу, уворачиваться от таранных ударов.

Дромоны выплывали медленно — силой течения их сносило назад, но мало-помалу они сближались с лодьями. С палуб ромейских кораблей доносилось нестройное пение — хриплые голоса мореходов-дромонариев выводили: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!»

На флагмане «Двенадцать апостолов» хлопала по ветру пурпурная хоругвь с изображением Богородицы — охранительницы града Константинова. Над ее главой можно было разобрать шитый серебром полумесяц со звездой внутри — знак Артемиды-звероловицы, римской Дианы. По палубе «Двенадцати апостолов» расхаживали иерей и диакон, облаченные в ризы, и тянули молитвы, усиленно окуривая воинство Христово благодатным дымом из кадильниц.

На кормовой башне-ксилокастре недвижно стоял сам друнгарий флота в сагии с вышитыми золотыми орлами по черному полю.

А уж как бегали матросы, как стегали рабов, прикованных к веслам, как суетилась судовые ратники-эпибаты!

На носовых башнях сдергивались кожаные чехлы, прятавшие начищенные медные купола сифонов и зловещие трубы, жерла с нако-

нечниками в форме оскаленных монструазных морд. То и дело воздух, наполненный скрипом и плеском весел, разрывал дикий свистящий рев «нигларос» — предохранительных клапанов, а над палубами дромонов вился легкий дымок — сифонисты рьяно шуровали в топках, поднимая давление в котлах с кипящим составом Каллиника, прозванным «греческим огнем».

Эпибаты ухали, накручивая рычаги баллист и онагров.

— Ох и будет нам... — пробормотал Ивор.

— Не каркай! — сердито цыкнул Железнобокий.

Один за другим двухмачтовые дромоны вырывались в море, и сразу улавливали ветер. Мигом расправлялись треугольные красные паруса, и выгнутые луками реи разворачивались «бабочкой» — один рей в одну сторону, другой — в противоположную. Так ветрила полнее всего наполнялись попутными дуновениями.

Победно взвыли трубы, полсотни громадных дромонов медленно выстроились полумесяцем и двинулись на русские скедии. Флагман держался позади, наблюдая за ходом сражения.

Скедии, лишенные мачт и парусов, казались утлыми суденышками, убогими однодеревками на фоне черных кораблей под красными парусами. Но скедий было много, и варяги, славные морскими победами, знаменитые пираты, не собирались сдаваться. Русские корабли не жались на отмели, дожидаясь, пока их сожгут.

Халег Ведун бросил основные силы на ту часть ромейского флота, что не грозила его скедиям сожжением.

Сверху было хорошо видно, как изящные варяжские суда веером двинулись к дромонам, заходя с правого фланга, ближнего к берегу. Первыми сдали нервы у командира корабля «Победоносец ромейский» — сработала катапульта, и вверх, описывая дымную дугу, взвился объятый пламенем снаряд — двухведерный глиняный сосуд. Он разбился о драконью голову ближней скедии, и хлынуло жидкое пламя, окатило форштевень, разлилось по волнам. Однако варяги не попрыгали в ужасе за борт, а принялись сноровисто тушить пожар — зачерпнули кожаным ведром уксуса из бочки и погасили «греческий огонь». Только пятно трескучего и чадного пламени расплылось по мелкой волне, пока не затухло.

Взлетели еще два снаряда, и тут уж постарались кормщики — следя за траекторией полета, они ускоряли ход скедий или замедляли его, сворачивали с пути. И обе «посылки» бесполезно плюхнулись в воду.

А самые быстрые из варяжских кораблей уже достигли дромонов, не числящихся в «огнеопасных», и пошли на абордаж.

Эпибаты обстреливали русов с палуб, метали дротики и копья, но варяги упорно пробивались, уворачиваясь, принимая стрелы на щиты. И вот громовой рев разнесся над притихшей водою — раскрутились и полетели к бортам дромонов цепи с крюками, варяги по двое подкидывали товарищей, перебрасывая тех за высокие борта. Пока первые вступали в бой, прикрывая идущих следом, на палубы дромонов залезали десятки и сотни осатаневших воинов, не знающих, что такое пощада и милосердие.

Первым был захвачен дромон «Жезл Аарона» — русы вырезали тех, кто им сопротивлялся, а тех, кто поспрыгивал за борт, отстреляли из луков.

Следующим сдался «Святой Иов», за ним пал новенький дромон «Великомученица Варвара».

Друнгарий флота впал в ярость, его трубачи подали сигнал, и сразу пять огнепальных кораблей с левого фланга повернули, ломая строй.

Началось замешательство, неповоротливые дромоны мешали друг другу. Один корабль не вовремя сменил курс и столкнулся с соседом, ломая тому весла по всему борту (а весла ломали руки и грудины рабов...). «Феодосий Великий» неуклюже развернулся, потерял ветер и врезался носом в борт «Дракону». Корпус не пострадал, но толчок многих эпибатов сбросил в море, что породило волну хохота на скедиях.

«Дракон» тут же отомстил варягам, поскольку был огнедышащим — сифонист направил трубу на скедии, из ее жерла повалил голубоватый пар. Помощник сифониста подполз, поднимая лампаду, и из трубы с ревом забило чадящее пламя. Огненная струя окатила две скедии подряд, и тут уж никакой уксус не спас мореходов — и людские тела, и корпуса кораблей равно горели, погибая от страшного, негасимого жара.

— Сволочи! — зарычал Малютка Свен.— Я бы их... Ух!

— Глядите! — воскликнул Ивор.

А поглядеть было на что — Халег Ведун наверняка имел план, который начал осуществляться на глазах у Олега Сухова. Варяги запалили захваченные дромоны и направили их против строя ромейских кораблей.

Дымно горели алые паруса, огни ползли по канатам, растекались по палубам. Треск пламени мешался с воем гребцов. Немногие варяги, оставшиеся на палубах, нещадно лупили невольников по исполосованным спинам, заставляя грести навстречу смерти.

Сработал сифон, окатывая «греческим огнем» палубу «Святого Иова», но жажда мести сработала против ромеев — дромон лишь пуще вос-

пламенился и плавно вписался между двумя ромейскими кораблями. Затрещали, лопаясь, весла, перепутались снасти, раздутый ветром огонь перебросился еще на две палубы. И вопль человеческий утроился...

Одна за другой сгорели пять скедий, но добрая сотня варяжских кораблей атаковала дромоны, обступив ромейские корабли, как лайки медведя.

И только тут на ромейском флагмане поняли замысел русов — Халег оставлял кораблей двести, чтобы сковать или разгромить флот империи, а главные силы уже брали мористее, продолжая движение к Константинополю.

Первым покинул место битвы головной корабль, трубачи другария выдували пронзительные сигналы к отступлению.

Дромоны с готовностью сдавали назад, переставляли паруса, перекладывали рули. Потрепанные ромейские корабли замедленно юркали в горловину Босфора, как черные крысы-пасюки в нору. Пользуясь течением, они заскользили к Константинополю.

А русские лодьи, оставив догорать свои и чужие корабли, кинулись вдогон.

— Вот,— радостно протрубил Инегельд,— а ты говорил!

Кто именно говорил и что именно, осталось тайной.

— Поскакали! — услышала приказ «чертова дюжина» и без промедления исполнила его.

Глава 18,

В КОТОРОЙ ОЛЕГУ ДАЕТСЯ ОТВЕТСТВЕННОЕ ПОРУЧЕНИЕ

«Чёртова дюжина» пробиралась запутанной сетью дорог, то уходя от Босфора, то вновь приближаясь, всякий раз наблюдая отступающие дромоны, теснящиеся в узком проливе, и следующие за ними скедии.

— Во, гонят! — воскликнул Малютка Свен.

— Век бы любовался,— прокричал Ивор,— как ромеи драпают!

— Догонят наши, нет? — поинтересовался Саук.

— А зачем? — пожал плечами Олег.— Я так понимаю, великий князь сюда не только за вирой, но и за уважением пришел, он признания ищет, хочет, чтобы базилевс не относился к нему как к какому-то слуге! Для чего тогда дромоны жечь? А вот силу показать надо было. Он и показал...

Инегельд задержался на круче, оглядывая живописные берега пролива, и сказал с озабоченностью в голосе:

— Это, конечно, все хорошо, но нам бы в город вернуться, да поскорее. Мы свое дело сделали. Ищите дорогу, хватит плутать!

Дорога вскоре и сама нашлась — узкая, но мощенная камнем, старой римской работы. С такой только пыль сметай — простоит тыщи лет, и ничего ей не сделается.

Вскоре и первые дома завиднелись. Было видно, как селяне суетились, собирая вещи в тюки, хватая детей, выискивая заначенное серебро. Грохотали телеги, тюпали копыта лошадей, мычали коровы, истошно гагакали гуси, наспех засунутые в клетки, плетенные из ивы. Жители бежали кто куда, лишь бы схорониться, лишь бы не попасть под русскую секиру.

Вскоре и кавалерия показалась — катафрактарии в тяжелом облачении казались сутулыми, а их могучие кони, почти полностью скрытые под доспешными попонами, выглядели валунами, каменными глыбами, вдруг обретшими движение.

Катафрактарии заметили варягов и поскакали наперерез, то ли ошибочно признав в них пришельцев-русов, то ли ради профилактики.

Князь Инегельд, бранясь по-черному, развернул коня и поскакал прочь, ибо разборки с тяжелой конницей могли кончиться печально.

«Чёртова дюжина», уже не надеясь добраться до моста Каллиника, повернула к Галате. И едва не столкнулась с еще одним отрядом — по дороге мчались во весь опор наемники-угры, гикая и свистя на все лады. Их было под сотню человек, и связываться с этими отморозками степей у варягов тоже не возникало желания.

Вот и вышло, что варягам помогли свои же.

Корабли флота русов так и не догнали дромоны — тем удалось прошмыгнуть в Золотой Рог, и за кормой последнего катапультоносца из воды поднялась исполинская цепь. Ее ржавые звенья грузно покачивались, то утапливаясь, то как бы всплывая и гоня поперечную волну.

Самые быстрые скедии развернулись у этой финишной черты и неспешно двинулись обратно. Но недалеко — Халег Ведун разбил лагерь за Галатой, на плоском берегу.

Тысячи воинов высыпали на берег, вытаскивая на берег корабли, а после взялись копать ров, насыпать вал, ставить частокол — все как всегда, отработанная годами практика действенной обороны. Приготовленных заранее кольев не хватило, и в дело пошла роща кипарисов.

«Чёртова дюжина» подлетела в самый разгар работ, когда на валу уже торчали первые заостренные бревна, но сплошной стены пока не наблюдалось. Русы поначалу встретили подъезжающих варягов неприветливо, но потом заревели от восторга, опознав друзей и побратимов.

— Турберн! Здорово! Не отлежал еще железные бока?

— Да это ж Инегельд! Здорово, Клык!

— Хо-хо-хо! Ивор!

— Глянь, Малютка Свен еще больше усох! Привет, заморыш!

Кивая и щеря рты, «чёртова дюжина» прошла сквозь плотный строй и оказалась возле единственного шатра, поставленного поближе к скедиям.

— Халег! — взревел Боевой Клык.— Встречай!

Пола шатра откинулась, и наружу вышел сам великий князь. Халег Ведун был в пластинчатом доспехе, отливавшем медью, в черных штанах, заправленных в червленые сапоги, а длинные седые волосы его обжимал золотой венец.

Выйдя, великий князь выпрямился и встретил Инегельда с усмешкой:

— От своих бегаешь?

— Да какие они мне свои,— пробурчал Клык.

— Ладно, князь, заходи, поговорить надо...

Князья великий и светлый скрылись за пологом шатра, и «чёртова дюжина» разошлась по лагерю, приискивая старых знакомцев, обзаводясь новыми товарищами. Уже слышен был веселый бас Малютки Свена и взрывы хохота вокруг.

Олег счел себя притомившимся и устроился на берегу, между сохнущих скедий, с бортов которых еще капала вода. Скучал он недолго, быстро нашлась тема для размышлений — было заметно, что русы не распространяли понятия равенства и братства на славинов, а от политкорректности они были и вовсе далеки.

Русов с Халегом Ведуном отправилось немало — человек двадцать князей, великих, светлых и простых, ярлы и великие бояре собрали свои дружины и дружинки в один кулак, приводя их из Бьярмов и Алаборга, Альдейгьюборга и Хольмгарда, Хинугарда и Дрэллеборга, Полтескьюборга и Мелинеска — со всех градов и весей Гардарики, которую все чаще называли просто Русью.

Помаленьку-потихоньку горделивое название Русь распространялось на оба берега Непра, почти на всем протяжении пути «из варяг в греки», повсюду, где русские конунги брали власть над местными племенами.

Одно было плохо — мало было русов. Постепенно светловолосые, белокожие, сероглазые великаны с Севера растворялись на просторах плодовитого Юга среди местного населения, не шибко рослого, черноглазого и темноволосого, сходного с теми же ромеями или итальянцами-фрязинами. Но уж больно любы были варягам чернявые южаночки, да и те привечали высоких блондинов... Так и шел великий процесс этногенеза, так выходил из «плавильного котла» народ, который много позже нарекут русским.

Но вот воинов-славинов варяги в свое братство допускали неохотно, держались наособицу и ставили себя куда выше выходцев из какого-нибудь Трубежа, Искоростеня или Турова. Вот и здесь, в лагере близ великого города, в глаза бросалась разделительная линия, незримая, но чётко проведенная между русами и славинами.

Скедии вытащены отдельно от ушкуев и стругов, варяжские каркасные шатры заняли места посуше, спихнув славинские палатки в низинки. Особо горят костры, особо варятся каши, да и сами бойцы не братаются. Похоже было, что славины занимали в сборном войске тот же уровень, что и вспомогательные части ауксилляриев в римских легионах,— смерть на всех одна, а доля в добыче разная...

— Олег! Подь сюды!

Сухов обернулся и увидел Инегельда, манившего его к себе.

— Слушаю, князь.

— Значит, так,— важно проговорил Клык.— Халег предлагает нам выслужить у базилевса весь положенный срок, то бишь год. Я дал согласие — и за вас, и за себя. Чай, не против?

— Я — за,— улыбнулся Олег.

— Ну, раз так, ступай к великому князю. Хочет тебя видеть лично...

Сухов очень удивился, но перечить не стал, полез в шатер, раздвигая два полога на завязках.

Легкий войлок пропускал немного света, да и дымогон вверху был открыт, так что все убранство княжеского шатра видно было без напряга глаз.

Выровненный пол был посыпан свежескошенной травой, в глубине стояла большая кровать с вышитыми подушками, шелковыми и меховыми покрывалами. Рядом уминали траву украшенный резьбой сундук, скамья и столик с серебряным кувшином и кубками. На стойке из

перекрещенных ясеневых шестов распялена кольчуга, наверху самого длинного шеста висел шлем, щит и ножны прислонены внизу.

Сам хозяин шатра сидел на скамье, уперев руки в колени, и ждал, пока Олег осмотрится. Спохватившись, Сухов отвесил не шибко глубокий поклон и сказал:

— Здрав будь, княже.

— И тебе того же, воин,— серьезно ответил Халег. Тут же его борода разлезлась ухмылкой: — Говорят, и тебя Вещим прозывали?

— Было такое,— смутился Олег.

— Ну, я не к тому звал тебя, чтобы прошлое вспоминать,— решительно заговорил князь,— впору о будущем думать. Сказывали мне, что ты ромейскую речь разумеешь?

— Разумею, княже. Так способнее. Безъязыкий в чужой стране все равно что слепой.

— Это верно... Я слышал отсюда, что согласился ты отбыть весь срок службы... А задержаться тут не хотел бы?

— Я... — растерялся Олег.

— Постой,— поднял руку князь.— Я не просто так это сказал, а с умыслом. Надобен мне тут свой человек, у ромеев, смышленый и верный, который бы все понимал, слышал и видел, а после рассказывал посланникам моим... Или тех, кто после меня избран будет людьми, потому как стар я и давно уж позван предками. Знаю, трудно стать у ромеев своим, народ они дюже подозрительный, но попробовать-то можно?

Олег подумал для солидности и твердо ответил:

— Я с радостью останусь в Миклагарде и буду работать во вражеском окружении. Долг каждого истинного руса — помогать родной земле. Если князь считает, что мой долг — помогать ей отсюда, я исполню его с тщанием.

— Вот и славно,— ласково сказал Халег.— Ступай и помни наш разговор. Да, и возьми сие,— князь протянул старинный перстень из серебра, оправляющий овальную печатку из бирюзы.— Ежели кто покажет тебе такой же, знай, то посланец от нас, можешь верить ему.

Олег с поклоном принял перстень и покинул шатер. Радость теснилась в его сердце — Халег Ведун легко и просто решил ту задачу, над которой он бился,— как остаться в Константинополе, не став для Руси, как минимум, перебежчиком. А то и изменником... «Чёртова дюжина» не поняла бы его устремлений, это как дважды два. Теперь же другое дело — он остается исполнять приказ самого великого князя! Большое ему за это человеческое спасибо...

Незаметно завечерело. Крепкий частокол стоял неколебимо, дозоры лениво слонялись по округе, высматривая неприятеля — на его же родной земле.

Военный лагерь был кучно заставлен шатрами, между которых горели костры и сидели воины в кружок. Тесноту чувствовали все, но и безопасность — тоже.

Горели огни и по ту сторону частокола. «За цепью», по тихим водам Золотого Рога и Босфора плавали плотики с чанами, в которых пылала горючая смесь. Огни красиво отражались в волнах, освещая акваторию,— русы не пройдут незамеченными!

Длинные цепочки горящих факелов очерчивали зубчатые линии стен Константинополя и Галаты, а на башнях горели костры, подогревая смолу в котлах с выливными носиками. Всполохи огня отсвечивали на латах и оружии, выхватывали из темноты то корму корабля у причала, то выщербленную стену.

Насмотревшись на растревоженную столицу империи, Сухов протолкался к центральной площади лагеря, расположенной на берегу. Тут тоже горели костры, освещая покачивающиеся скедии. Головы драконов, троллей и горгулий подсвечивались снизу, только клыки блестели, да блики дрожали на выпученных буркалах.

После сытного ужина варяги разговор вели ленивый, лишь бы время скоротать до отбоя. Но они сразу оживились, когда к шатру великого князя пробился юнец-дозорный и доложил Халегу Ведуну:

— Там ромея поймали... Вернее, он сам пришел. По-нашему бает, говорит, самого главного видеть хочу, тайну открыть готов...

Халег, не глядя на юныша, буркнул:

— Веди.

Дозорный исчез, и вскоре объявился перебежчик — высокий, длинный как жердь ромей, закутанный в потрепанную хламиду. Когда он откинул ткань с лица, Олег даже вздрогнул — это был Евсевий Вотаниат, магистр, которого объявили в розыск!

Евсевий заметно исхудал, тщательно стриженная бородка нынче торчала неопрятными клочьями, в ней застряли крошки, а в волосах — солома. Мрачное, даже зловещее лицо магистра было отмечено печатью усталости, а в глазах дрожал огонек загнанности.

— Где ваш князь? — спросил он глухо. Акцент выдавал ромея, но понять можно было без труда.

Халег Ведун, сидевший у костра вместе с гриднями, обернулся к магистру и спокойно ответил:

— Я — великий князь Халег. Слушаю тебя...

— А я — враг базилевсу,— криво усмехнулся Евсевий.— У нас говорят: «Враг моего врага — мой друг».

— Разве я враждую с базилевсом? — хладнокровно сказал князь.— Я пришел говорить с ним о мире и любви, а не чинить расправу и смерть. Чем быстрее он это поймет, тем меньше прольется крови.

— Я могу помочь вам!

— Как?

— Мне известны тайные двери в стенах галатских. Я смог бы провести твоих воинов к башне, откуда опускают цепь, и тогда корабли войдут в Золотой Рог!

Халег улыбнулся, щуря глаза, и промурлыкал:

— Я и без твоей помощи попаду туда. Завтра.

Евсевий недоверчиво покачал головой и зашел с другого боку:

— Тайные ходы есть и в стенах, окружающих Константинополь... Через один такой Михаил Пьяница попал в город, когда тот был осажден Аскольдом и Диром. Я покажу тебе его!

Халег заинтересовался, и тогда Сухов шагнул вперед.

— Не верь ему, великий князь! — резко сказал он.— Этот человек — беглый преступник. Он предал базилевса и с легкостью предаст тебя, хотя бы для того, чтобы оправдаться перед императором!

— Замолчи, проклятый варанг! — взбеленился Вотаниат.— Как я жалею, что не убил тебя, когда мог!

— А ты попробуй снова. Со второй попытки! Дать тебе меч или ты привык кусаться и щипаться?

Варяги весело зашушукались, предвкушая ха-арошую потасовку, а то и настоящий поединок. Халег поднял руку, унимая гридь.

— Ты хочешь биться, Олег? — осведомился он, храня невозмутимость.

— У меня с этим длинным хорьком свои счеты. Дозволишь ли?

— Дозволяю.

Олег обернулся к магистру.

— Я вызвал тебя,— сказал он.— Тебе выбирать оружие.

Евсевий Вотаниат неожиданно успокоился.

— Превосходно,— сказал он, осклабясь.— Я выбираю не меч, а секиру. Говорят, варанги — великие мастера биться на топорах? Вот и проверим этот слух...

Халег набрал побольше воздуху в грудь и оповестил окружение:

— Секиру и щит каждому! Освободить круг!

Гридни живо расступились, уширяя «арену», а оруженосцы притащили две секиры и два круглых щита.

Олег молча сунул левую руку за лямку щита, уцепился пальцами в рукоятку-держак, взялся за топорище. Сам топор был широк, с закругленным лезвием, но не слишком тяжел — полегче того, каким орудует лесоруб.

Сухов покрутил секиру, приноравливаясь заново,— давненько он не брал в руки подобное орудие убийства... Меч, конечно, сподручней, но уж больно дорог клинок. Даже в дружине Халега большая часть воинов имела при себе одни секиры. Да и кольчуги были не на всех. В основном, гридни носили кожаные доспехи с нашитыми бляхами или кольчужными накладками. Полновесные кольчуги ценились высоко и передавались по наследству от отца к сыну.

— Сходитесь! — прозвучал приказ.

Олег прикрылся щитом и двинулся на Вотаниата, поигрывая секирой. Топор — он и есть топор, массы у него побольше, чем у меча. Остановить после замаха трудно и разогнать нелегко. Приходится постоянно держать секиру «на махе», она должна всегда двигаться — так легче ударить или отвести выпад противника.

Магистр набычился и попер на Олега. Его секира описала дугу, вдруг резко пошла снизу вверх, обещая пропороть Сухову живот. Полутролль отпрыгнул в сторону, а секира Евсевия взвилась вверх и засвистела по косой, целясь то ли в шею, то ли в голову.

Олег отвел грохнувшую секиру щитом и нанес удар своей — по колену магистра. В самый последний момент Вотаниат отскочил. Внезапно отбросив щит в сторону, он схватился за топорище обеими руками и ударил со всей мочи по Олегову щиту. Сухов поставил его ребром, но металлическая оковка не выдержала, лопнула, а прочная ясеневая основа изломилась напополам, удерживаемая воедино вощеной кожей.

Освободившись от щита, Олег схватился за топорище у самой железки и ударил древком, отбивая секиру магистра. Теперь левая рука оказалась на замахе, и боевой топор ударил прицельно, с оттягом правой, рассекая ребра Евсевия. Прорубить грудину Олегу вряд ли бы удалось, да и зачем такой удар? Еще секира застрянет в кости...

С приглушенным возгласом Вотаниат отпрянул, а варяги взорвались криками восторга.

— Вломи ромею! — орал Малютка Свен.

— Снеси ему черепушку! — поддерживали его в первых рядах.

— Руку, руку отсеки!

— Бей!

— Руби!

— Покажи ему!

Олег снова закружился, помахивая секирой. Магистр развернулся с ударом Сухову в спину, но лезвие достало лишь край хитона. А Олег ответил прямым колющим ударом, со звоном отбил секиру противника и ударил того в пах ногою. Магистра скрючило. Выпучив глаза, он вяло отмахивался, отступая семенящим шагом к берегу, и вдруг швырнул секиру в Сухова. Не разгибая спины, он метнулся к скедиям, проскользнул между... Две стрелы прогудели вдогон, но не попали. С тяжелым всплеском Евсевий Вотаниат скрылся в воде Босфора.

— Лягушка прыгнула в болото,— спокойно сказал Халег Ведун.— Молодец, Олег, не посрамил нашей чести. Ну, все! Отбой! Завтра будет трудный день...

Глава 19,

ИЗ КОТОРОЙ ДОНОСИТСЯ ЗНАМЕНИТОЕ: «МЫ ОТ РОДУ РУССКОГО!»

Рано утром к частоколу, окружавшему варяжский лагерь, подъехала делегация ромеев — целая толпа магистров, патрикиев и прочих мандаторов, разодетых как на парад. Сопровождение из экскувитов блистало не меньше.

Для послов в частоколе прорубили достаточное отверстие, и те пролезли на стоянку, пугливо озираясь. Варяги молча расступились, образуя живой коридор к княжескому шатру.

Процессия отважно двинулась на переговоры. Впереди шагал личный посланник базилевса Лев Малеин, протоспафарий из ведомства логофета дрома, ответственного за внешние сношения империи. Малеин вышагивал в красно-зеленых одеждах, положенных ему по чину, а на груди его побрякивала золотая цепь.

— Олег,— сказал великий князь, не поворачивая головы,— скройся с глаз! Не нужно, чтобы тебя видели с нами. Достаточно и того, что вчерашняя «лягушка» упрыгала... веры ему, может, и не будет, но кто его знает? Скройся!

Сухов спрятался за спины товарищей, а Халег Ведун поманил к себе толмача из херсонитов, густо обволошенного, остролицего типчика. Тот подсеменил, безостановочно кланяясь.

— Его величество базилевс шлет архонту Халегу свои приветствия,— величественно начал протоспафарий,— и выражает кроткое недоумение: зачем храбрым русам потребовалось нарушать мир?

Толмач торопливо нашептал перевод.

— Я к твоему базилевсу,— мрачно проговорил Халег Ведун,— то ли дважды, то ли трижды послов засылал. И что? Все разы они зря прождали по месяцу и отбыли назад — базилевс так и не соизволил принять их. А я хотел с ним ряд заключить, ряд мира и любви!

Протоспафарий тонко улыбнулся:

— Ты должен понять, архонт... Базилевс не по злой воле заставлял так долго ждать твоих послов — того требовал обычай...

— Плевать мне на обычай! И забудем дела посольские. Теперь я сам прибыл сюда и не уйду, пока мы с базилевсом не урядимся.

— Это твое последнее слово, архонт? — пропел посланник.

— Предпоследнее,— буркнул князь.— Надо будет еще кое-что исполнить... Ваши люди зарезали сына великого князя Ингоря, и мы требуем по Правде своей отплатить за это непотребство.

— Сколько ты просишь? — деловито спросил понятливый протоспафарий.

— Немного. По двенадцать фунтов серебра на каждую скедию...

— Так у тебя их пятьсот! — ужаснулся посланник.

— ...И паруса новые,— невозмутимо продолжил Халег.— Для русов — шелковые, а для славинов — из крепкого холста. Все, разговор окончен.

— Я немедленно донесу до ушей базилевса твои слова, архонт,— поклонился протоспафарий и отбыл восвояси.

Подождав, пока тот скроется, Олег Сухов приблизился к великому князю и поклонился.

— Что скажешь? — обратился к нему Халег.— Согласятся они?

— Думаю, согласятся,— сказал Сухов, обдумывая каждое слово,— ежели ты, княже, последуешь моему совету... Не гневись только и не сочти слова мои за неподобающую смелость.

— Говори, говори... — проворчал князь.

— Знаю, что удержать воинов сложно, и молодцы твои уже прошлись по предместьям Миклагарда. Прикажи только, чтобы гридь твоя не трогала церкви здешние и монастыри. Это расположит к тебе ромеев.

— Думаешь? — сказал Халег с сомнением.

— Уверен. Их очень удивит то, что варвар щадит святые для них места.

— Ладно, не тронем храмов Распятого... — князь усмехнулся с хитринкой.— У меня тоже есть одна задумка, чтобы их... того... расположить.

— Какая же?

— Увидишь. Ну, все, топайте к своему базилевсу. Он, наверное, вас обыскался уже!

Собравшаяся «чёртова дюжина» вежливо посмеялась и двинулась вон, через пролом в частоколе к лошадям своим.

Олег спустился с вала и удивился — повсюду трудились варяги и славины, работая лопатами и ломами. Они срывали бугры и заравнивали ямы, трамбовали грунт тяжелыми обрубками бревен и засыпали овраги. Что за притча?

— Чего это они? — полюбопытствовал Фудри, влезая на коня.

— Знать бы,— буркнул Турберн.— Хитрит Халег, старый лис!

— Все тут? — нетерпеливо обернулся Клык.— Вперед!

Отряд поскакал между «дорожных рабочих», пока не въехал на пустынные улицы селения. Дома стояли брошенными, вокруг царило безмолвие, словно все село стало выморочным.

Вскоре, однако, донеслись крики. Несколько человек ромейского обличья выбежали на улицу и резко затормозили перед «чертовой дюжиной». В одном из бегунов Олег узнал верного спутника Елены.

— Игнатий!

Фока вздрогнул сперва, потом узнал Сухова и радостно всплеснул руками.

— Олег! — Его улыбка тут же сползла с губ, уступив место растерянной гримасе, изображавшей испуг: — Там Елена, в проастии! Она вернулась на минутку, чтобы забрать ценности, а тут варанги напали!

— Вперед! — яростно крикнул Сухов.

Варяги?! На его Елену? Да хоть сам Халег Ведун, без разницы! Любой отведает меча, кто хоть пальцем коснется Мелиссины!

— Мы с тобой! — крикнул Ивор, понукая коня.

За ним поскакали Малютка Свен и Стегги. Остальные переглянулись, и Клык махнул рукой:

— Едем!

Чувствуя его раздражение, Турберн сказал:

— Надо же своему помочь-то...

— Против своих же?!

«Чёртова дюжина» проскакала парой улиц и выехала к воротам богатого имения. Вернее, ворота уже лежали на земле, вышибленные тараном, а в переднем дворе суетились воины в кожаных доспехах и шлемах, с шестоперами и секирами в руках.

— Да это славины! — обрадовался Боевой Клык.— Ну, слава богам... Бей славинов!

Славины не приняли боя и кинулись в парк, варяги за ними.

Проастий напоминал город в миниатюре. Варяги скакали через парк и видели поперечные аллейки, украшенные статуями, и брызжущие фонтаны, а за клумбами и пышным розарием поднимал главу маленький храм. Была здесь и роскошная купальня под двумя куполами, и приземистый барак для рабов. В сторонке стояли добротные конюшни, овчарни, коровник, а за ними сверкал рыбный пруд и зеленели огороды. Даже маленькая тюрьма имелась в пределах проастия, даже богадельня для престарелых слуг! Хорошо иметь домик в деревне...

Славины дунули за межу, сложенную из плоского плитняка, а Олег, озираясь кругом, подскакал к террасе особняка.

Тут же, у столба коновязи стояло несколько лошадей, породистых и ухоженных. Все они были расседланы, кроме одной белой кобылки с золотистою гривой набок. Кобылке очень «шло» шелковое покрывало, свисавшее с крупа. Седло было расшито жемчугом и отделано золотыми бляхами.

— Елена! — крикнул Олег, спрыгивая с седла.— Елена!

— Елена! — послышался тонкий зов Игнатия.

Из дома донесся шум, и на террасу выкатился очумелый славин, кое-как отмахивающийся обломком меча от разъяренной Мелиссины, кроившей воздух акуфием.

Увидев Сухова, славин кинулся в атаку и напоролся на меч.

Выдернув клинок, Олег бросился к возлюбленной:

— Ты в порядке?!

— Да! — выдохнула Елена, отбрасывая оружие и цепляясь за крепкую суховскую шею.

Олег нежно гладил отвердевшую спину и чувствовал, как Мелиссина расслабляется, мягчеет, возвращая утерянную женственность.

— Валькирия! — ухмыльнулся Боевой Клык и спрятал меч.— Ну, не буду мешать...

Елена подняла голову и взглянула Сухову в глаза.

— Ты поступил не по правилам,— игриво произнесла она.— В Самбате ты уже спас мне жизнь, так что теперь моя очередь уберегать тебя от смерти.

— Прости,— улыбнулся Олег,— больше не буду.

— Я тебя люблю...

— А я тебя еще больше... Поехали отсюда!

— Да-да, едем...

— Игнатий сказал, что ты хотела забрать ценности.

— Ах, это по дурости. Я совсем забыла, что отнесла их в местный храм Богородицы, когда вернулась из Самбата. Жаль, конечно, что теперь они уплывут еще дальше, на твой север...

— Может, и не уплывут. Я упросил великого князя не трогать храмы...

— Думаешь, подействует? — округлила глаза Елена.

— Посмотрим,— пожал плечами Олег.

Он подсадил женщину на белую кобылку и вскочил на своего жеребчика.

— Клык! Где ты?

— Туточки...

Светлый князь вышел из парка, хрустя каким-то плодом.

— Зелен еще,— сморщился он и зашвырнул огрызок в кусты.

— А парочку мы все-таки догнали,— похвалился Малютка Свен, прилаживая меч на место.— Уделали...

— А ты не нарушай приказ! — выразился Турберн.— Правильно? А то все работают, а эти самые умные, шарить по домам кинулись! Непорядок...

— За что боролись,— весело констатировал Олег,— на то и напоролись. Поехали!

«Чертова дюжина», превратившись в почетный эскорт зоста-патрикии, поскакала к Золотому Рогу.

Там-то Сухов и увидел действо, описанное в летописях.

Варяги не зря трамбовали рыхлую землю и ровняли ее — они готовили волок. Да не простой — обычно корабли волокут без мачт, дабы облегчить груз, а в этот раз Халег Ведун испробовал новую методу.

Скедии протаскивали через проломы в частоколе и надвигали на дубовые катки. Дорога мимо Галаты и Перы к северной части Золотого Рога, докуда протянулся «волок», шла поначалу несколько в гору, и великий князь придумал, как облегчить труд гридням,— он приказал поднять паруса!

Теплый восточный ветер наполнял их и легко тянул корабли вверх по пологому склону — только успевай катки подставлять.

Гогочущие команды удерживали скедии «на курсе» и метались от кормы к носу, вдвоем перетаскивая тяжелые колесные пары. Очень скоро их голые спины заблестели от пота, зато и корабли не воло-

клись — летели! А уж когда скедии миновали перегиб и начинался спуск, паруса приходилось спускать — больно быстро разгонялись корабли.

— Ай, молодец! — возопил Железнобокий, пришедший в восторг от выдумки Ведуна.— Нет, это надо же, а?!

— Не понимаю только,— нахмурился Клык,— зачем ему все это?

— Что же тут непонятного? — усмехнулась Елена.— Ваш великий князь действительно умница, и он не зря запретил своим воинам грабить окрестности уже на другой день. Ну, что там можно найти стоящего? А в Золотой Рог набилась тысяча кораблей со всего света, и каждый из них битком набит зерном, кожами, благовониями, тканями, да чем угодно! Это же немыслимое богатство! И все это может стать его, если базилевс не проявит мудрости и не согласится заключить договор с вашим правителем.

— Халег Ведун — не наш правитель,— возразил Малютка Свен,— мы другого князя выбрали, его Лидулом звать...

— Да это неважно! — рассмеялась Мелиссина.— Поехали!

Отряд вихрем промчался по пустынному мосту Каллиника и поскакал вдоль стены Феодосия. Мосты, переброшенные через ров к ближайшим воротам, были сожжены, только те, что вели к Золотым воротам, оказались целы, хотя и облиты нефтью.

— Стойте! — заорал Олег, задирая голову к высоким квадратным башням, фланкировавшим трехпролетную триумфальную арку, украшенную статуями Геракла и Прометея.— Не поджигайте!

— Кто такие? — закричали в ответ, поднимая факел.— Чего надо?

— Мы сопровождаем зоста-патрикию Елену Мелиссину! — нашелся Сухов.— Немедленно пропустите!

— Открывайте ворота! — завопила Елена.— Чего ждете?

На башне переговорили, и самые большие, средние ворота, предназначенные для парадных въездов самого базилевса, стали плавно растворяться, открывая глубокий проход в толще стен.

На улицах Константинополя совсем не было видно народу. Даже Меса, по обыкновению шумная, была в этот день пустынна и тиха — лавки стояли закрытыми, никто не прохаживался под Царскими Портиками; когда-никогда мелькнет нечесаная голова раба-посыльного или кошка пробежит, и снова полная тишина.

Город оцепенел. Город попрятался. По двое, по трое скакали гвардейцы-вестовые, и их озабоченная хмурость лишь множила страхи. Церкви были набиты битком. Паства, истово отмахивая поклоны, молила Спасителя явить силу Свою и прогнать поганых язычников.

«Чёртова дюжина» проводила Елену до дома и вернулась к месту постоя, где их уже поджидал этериарх. Елпидифор был нервен.

Порывисто подойдя к Инегельду, он спросил:

— Где вы были?

— Провожали зоста-патрикию Елену Мелиссину,— важно проговорил Боевой Клык,— из проастия к дому.

— Вот как? — Брови этериарха вползли на лоб и снова опустились на глаза.— Скажи, князь, могу ли я верить тебе и твоим людям в этот день, когда такие же храбрые варанги, как и вы, стоят под стенами города?

Инегельд осерчал. Он высился над этериархом, похожий на медведя.

— Нам, ромей, не только храбрость ведома,— прорычал Клык,— мы и честь свою храним! Нам без разницы, кто там стоит, под стенами, да хоть архангелы вашего бога! Мы присягнули базилевсу, что убережем величество от ненужных ему встреч, и наше слово крепко! Ясно тебе?

— Ясно, ясно! — заулыбался Елпидифор с облегчением.— Поверь, у меня и в мыслях не было тебя обидеть, но я же не за себя беспокоюсь, мне нужно быть уверенным в безопасности Его Божественности...

— Не боись,— проворчал Инегельд, остывая,— не пострадает божественность, пока мы рядом. Проверено.

— Ну, тогда заступайте на пост!

— Полусотня Асмуда! — рявкнул Клык, оборачиваясь к гриди.— Готовы?

— Всегда готовы,— было ответом.

— Чего тогда тут отаптываетесь? Базилевсы ждать не любят!

И варяги, пересмеиваясь, зашагали в сторону Палатия, спокойные и уверенные в себе люди, не чуждые понятия чести.

Олегу надо было выходить на дежурство в ночь, и он решил прогуляться. А когда добрел до форума Августеон, то свернул к Софии и вновь оказался под великолепными сводами.

Правда, остаться наедине с собой не удалось — церковь была полна народу. Люди то падали ниц, лишаясь чувств, то вдруг одухотворенно вскрикивали. Юродивые вопили о конце света, а певцы возносили псалмы.

Олег прошел поближе к алтарю.

Низкий серебряный иконостас с рельефами святых был поставлен на двенадцать позолоченных колонн и отделял алтарную часть от остального храма, а посреди главного нефа, чей купол казался недосягаемым, отливал цветным мрамором невысокий помост-амвон. Над ним нависал балдахин из драгметаллов, увенчанный крестом в сто фунтов весом из чистого золота.

С амвона вещал патриарх.

— О, Город-царь!..— проникновенно восклицал Феофилакт.— О, Город-царь едва ли не всей Вселенной! О, Город, воздвигший многие победные памятники после одоления ратей Европы, Азии и Ливии! А слабый и ничтожный неприятель смотрит на тебя сурово, пытает на тебе крепость своей руки...Что это?! — воздевая руки к небу, возопил патриарх.— Откуда поражение столь губительное? Откуда гнев столь тяжкий? Откуда упал на нас этот дальнесеверный страшный Перун? Откуда нахлынуло это варварское, мрачное и грозное море? Не за грехи ли наши все это ниспослано на нас? Не обличение ли это наших беззаконий? Вспомните, как несправедливо обижали мы приезжих русов! Получая прощение неоднократно, сами не миловали никого... Часто внушал я вам: берегитесь, исправьтесь, обратитесь, не попускайте отточиться Божьему мечу и натянуться Его луку!

К сводам Софии вознеслись еще более бурные рыдания и причитания.

— Помните ли вы то время, когда скифский, и грубый, и варварский народ, и жестокий, и борзый, народ неименитый, но достигший блистательной высоты и несметного богатства, неожиданный и гордящийся оружием, так быстро и так грозно нахлынул на наши пределы, как злая волна холодного моря? Помните ли вы тот трепет, и те слезы, и рыдания, которым тогда предавался наш город в крайнем отчаянии? Помните ли вы ту мрачную и страшную ночь, когда жизнь всех нас должна была закатиться вместе с закатом солнца, и свет нашего бытия поглощался глубокой тьмою смерти? Помните ли тот час невыносимо горестный, когда приплыли к нам варварские корабли, дышащие чем-то свирепым, диким и убийственным... когда они проходили перед стенами града, неся и выставляя гребцов, поднявших мечи, и как бы угрожая городу смертию от стали разящей, и когда всякая надежда оставила людей?

Напряжение внутри храма достигло опасного предела, за которым рассудок помрачается.

— И вот тот же народ,— возгремел патриарх,— снова вздумал взять град Константинов в свою добычу! А мы услышали о них только тогда, когда их увидели и познали страх, хотя и отделяли их от нас столькие страны и правители, судоходные реки и пристанищные моря... Горько мне от того, что дожил я до таких несчастий... Горько от того, что сделались мы все поношением соседей наших...

На время умолкнув, Феофилакт затем громко воскликнул, обращая свой взор к куполу храма:

— О, царица городов царствующих! О, храм мой, Святилище Божие, Святая София, недреманное око Вселенной!.. Рыдайте, девы!.. Плачьте, юноши! Горюйте, матери и жены! Проливайте слёзы и дети! Плачьте о том, как умножились наши несчастья... Так возопием, припадая к светлому образу Богородицы: Досточтимая, спаси Град Свой, как ведаешь, Госпоже!.. Покажи русам, что Город укрепляется Твоею силою!.. Сколько душ и градов взято уже варварами — воззови их и выкупи, яко ее всемогуща... Даруй же и мир крепкий жителям Города Твоего!

И ввысь взметнулся соединенный вопль, вырвавшийся из тысяч уст:

— Спаси!

— Помилуй нас, грешных!

— Спаси и сохрани, Пресвятая Дева!

— По-ми-и-илу-уй!

— Спаси и сохрани!

— Смилуйся, Богородица Дева!

— Господи, помилуй нас, грешных!

Олег протиснулся мимо разгоряченных тел и выбрался на улицу. Задумчив и отрешен от земного, он медленно спускался по Месе, пока не вышел на форум Тавра. Там он заметил что-то новенькое — дощатый помост, над которым торчали столбы трех виселиц, укрепленных распорками и вытягивавшие перекладины с кольцами для веревок — издали казалось, что по синему небу провели три черные прориси, коряво выписав буквы лямбда.

Приблизившись к эшафоту, Сухов неожиданно узнал одного из казненных — на виселице, раскоряченной справа, вытянулся в петле Евсевий Вотаниат, бывший магистр, а ныне, как извещала черная табличка, болтавшаяся у него на груди, «изменник и вор».

Вот и встретились, усмехнулся Олег. Чего же ты хотел, магистр? Чего добивался? Возомнил ли ты себя грозным сокрушателем государства, этаким «делателем базилевсов»? Или обижен ты был на Романа Первого? А может, сыночки базилевсовы тебя подговорили, подбили на измену государю?

Судя по содранным ногтям, тебе уже задавали эти вопросы, но ты или смолчал, или разговорился не по делу, выдав и правых, и виноватых, лишь бы палач отстал и не мучил твою плоть и твою душу...

И вот душа твоя отлетела в края, неведомые смертному, а брошенная плоть, уже окоченевшая, покачивается под ласковым ветерком с моря...

— Покойся с миром, враг мой... — усмехнулся Олег.

Отстояв ночь у покоев базилиссы, Сухов решил и день продержаться, сменив Стеги,— судя по шепоткам пробегавших на цыпочках сановников да по пьяным откровениям одуревшего от страха диэтария Николая, старшего по дворцовому помещению, с утра намечался прием русских послов. Разве можно было пропустить такое действо?

...В пятом часу утра, когда отошла заутреня в константинопольских церквах, Палатий просыпался. Этериарх и папия — великий ключарь, приступали к отпиранию дверей.

Первой отпиралась облицованная слоновой костью дверь, пропускающая в Лавзиак. Там этериарх и папия переодевались в богатые скарамангии, шитые серебром, и следовали однажды заведенным порядком через залы и переходы в Хрисотриклиний и дальше — в Камилас, в Магнавру, в Эрос, в Буколеон...

Потом наступал черед веститоров-облачателей. Одни из них бежали в камару Святого Феодора, чтобы взять там жезл Моисея и прочий реквизит, а остальные толпой отправлялись в ризницу и там выбирали императорский скарамангий. Несли со тщанием и благоговением и клали на дубовую скамью перед дверью, оббитой серебряными листами с отчеканенным на них узором. За этой дверью почивал Его Величество базилевс...

И вот церемониарий приближается к серебряным створкам и трижды ударяет установленным стуком. Створки распахиваются, и веститоры торжественно вносят в опочивальню скарамангий.

А в это время ко дворцу стекаются толпы приглашенных, спеша занять лучшее место и теша себя мыслью: а вдруг именно сегодня сам базилевс бросит на меня свой благосклонный взгляд?!

Церемониальная суета расходится волнами по необъятному Палатию — служители гасят лампады, накрывая светильни медными колпачками на длинных тростях, свет раннего утра проникает в высокие, узкие оконца, и уже издали доносятся отгулом звуки голосов, сопровождая ежеутреннее шествие, которое закончится в Великой Константинопольской Церкви. Там патриарх-сын вручит императору-отцу просфору и флакончик с розовым маслом, а отец одарит сына пурпуровым кошелем с золотыми номисмами...

От мыслей Олега оторвал подошедший этериарх.

— А ты почему еще здесь? — спросил он дружелюбно, хотя заметно было, что ночью Елпидифор не спал.

Олег поклонился, согласно этикету, и объяснил свое желание. Этериарх усмехнулся с пониманием и сказал:

— Пошли со мной.

— Куда?

— В камару Феодора. Послов примут лишь после второй трапезы дня, мы называем ее дипнон. Хоть выспишься...

Камара оказалась не каморкой, а залом с аркадами и широкими окнами, со стенами, отделанными золотыми мозаиками, сводившимися к лику Христа Спасителя.

На возвышенном месте стояли три золотых трона, а под куполом покоился тяжелый стол из черного дерева, инкрустированный серебром, слоновой костью и лазуритом.

Этериарх отдернул занавес и указал подбородком на мягкие, обитые алым шелком скамьи.

— Выбирай любую! — сказал Елпидифор и удалился.

Лениво размышляя о странном расположении к нему этериарха, Олег сложил оружие с доспехом в кучку и с кряхтеньем разлегся. Пять часов здорового сна — его...

К обеду он проснулся бодрым и голодным. Умывшись в чаше фонтана, отлитого из серебра, Олег прошел в одну из дворцовых кухонь, и тучный повар мигом отрезал для варанга изрядный кус ветчины, а хихикающая девица с носиком, перемазанным в муке, протянула Сухову ломоть свежеиспеченного хлеба.

Умяв то и другое, Олег поспешил в Хрисотриклиний — близился прием послов.

Он успел вовремя — человек двадцать посланников уже топтались у двери в тронную залу, усердно наставляемые хранителями этикета. Варяги добродушно отмахивались от назойливых придворных и с любопытством разглядывали убранство, блиставшее мраморами и драгоценными металлами в таком изобилии, что страдала всякая мера.

Размеренно ступая, явился адмиссионалий, обязанный вводить послов пред очи Божественного.

Раскрыв двери в Золотую Палату, он пригласил послов войти. Варяги зашли не особо чинясь и вовсе не робея — дескать, видали и не такое.

Вслед за послами прихлынули придворные хлыщи, с ними вовнутрь проник и Сухов.

Все столпились перед тяжелым пурпуровым занавесом, ожидая начало первого действия спектакля «Прием послов». Протекторы и драконарии стояли вдоль стен с каменными лицами, похожие на раскрашенные статуи.

Скрежетнув кольцами, занавес медленно раздвинулся, являя базилевса и его соправителей, занявших низкие золотые троны и сидящих

совершенно неподвижно, как Будды. Полилась торжественная музыка, исполняемая на водяном органе, затенькал заводной соловей, сидящий на позолоченном дереве, закричал павлин, заклекотал орел. Ожили золотые львы, движимые пружинами. Они били хвостами о пол, раскрывали пасти и, двигая языками, громко ревели, исторгая всю мощь скрытых мехов.

Сверху базилевса накрыли клубы фимиамного дыма, и тогда препозит не выдержал, зашипел в спины послов:

— Троекратное земное преклонение! Троекратное! Падайте! Падайте ниц!

Варяги послушались и слегка склонили головы, приветствуя повелителя ромеев. Тому ничего не оставалось, как смириться и не требовать от гордых варваров большего, чем могло позволить их чувство достоинства.

— Кто вы такие и откуда прибыли? — внушительно произнес базилевс.

Переводчик тихо растолковал варягам смысл сказанного. Один из них, белокурый гигант с раздвоенной бородой, кивнул и сделал шаг вперед, заставив драконариев содрогнуться и побелеть.

— Мы от роду русского,— прогудел гигант.— Меня зовут Карл Вилобородый, это Либиар Лысый, а вот Фарлоф из Хинугарда, далее — Веремуд Высокий, Рулав Счастливый, Гуда Косматый, Руалд Рыжий, Карн Змеиный Глаз...

Представив всех, Вилобородый вновь обратился к базилевсу:

— Мы посланы великим князем Халегом Ведуном и прочими великими князьями земли Русской, а также великими боярами и светлыми князьями.

— Чего хотите вы, посланцы северных пределов? — вопросил император.

— Чего и раньше хотели,— хмыкнул Карл и ответствовал: — Хотим, чтобы ты, государь, подписал с нами ряд мира и любви. Ну и доплатил чтоб за наши старания.

У Романа Лакапина дернулась щека.

— Мы посовещались и решили,— торжественно провозгласил император,— заключить договор с правителями русских земель. Вам выплатят виру серебром, по двенадцать фунтов на каждый моноксил, и пошьют новые паруса — русам из шелка, славинам — холщовые.

Вновь заиграли органы, сгустилась фимиамная пелена, и занавес закрыл троны. Антракт.

Глава 20,

В КОТОРОЙ ОЛЕГА ВОЗНАГРАЖДАЕТ БАЗИЛЕВС

Было очень рано, по улицам Константинополя еще витала сонная одурь, на востоке едва занималась заря, а в Палатии уже царила суета — наступал час утренней церемонии пробуждения базилевса и его явления подданным.

Сквозняки повсюду разносили запах догоравших фитилей. Утренний ветерок завевал в открытые окна, дотягивая запах амбры от лавок торговцев благовониями.

Олег, зевая, прошелся по залу, украшенному по обыкновению коврами, хоругвями и паникадилами. Блистали оружием протекторы, возносили знамена драконарии. Хрисотриклиний — восьмиугольный зал с куполом на шестнадцати колоннах — был полон народу, но Олега никто не теснил. Словно и на Сухова пал отблеск великой и грозной славы Халега Ведуна и его воинства.

Накануне состоялся силентий — тайное заседание синклита, где в присутствии базилевса Романа и послов князей русских были пурпурными чернилами прописаны кой-какие исторические документы и скреплены печатями из красного воска с выдавленными на них павлинами.

Казначеи, причитая над каждой номисмой, выдали откуп за смерть Халега, сына Ингоря, и варяги в тот же день подняли паруса. Русы — шелковые, а славины — холщовые. И убыли.

Дня три константинопольцы были взбудоражены, обсуждали великое событие, но память человеческая быстро стушевала горести и ужасы, и вот взбаламученная вода жизни снова потекла плавно, а тошные впечатления легли мутным осадком на донышки душ.

К Олегу протолкался сонный Ивор и спросил:

— А ты чего спать не идешь? Послов больше не ожидается!

— Да этериарху я занадобился,— досадливо сморщился Сухов.— У меня глаза слипаются, а он: «Подожди, подожди...»

— Служба такая,— сказал Пожиратель Смерти с сочувствием и двинулся к выходу.

Олег вздохнул и потер глаза. Спать хотелось ужасно.

— Олег! — донесся строгий голос Елпидифора.— Ступай за мной.

Недоумевая, Сухов пошел за этериархом, имевшим вид загадочный и таинственный.

В полутемном и пустынном коридоре Елпидифор обернулся к Олегу и сказал с придыханием:

— Сейчас ты будешь лицезреть базилевса, ибо в этот день назначена хиротония [1].

— Чья? — не понял Сухов.

— Твоя!

— Моя?!

— Да, да! Его Величество достойно оценил твои заслуги по убережению христианских святынь и хочет вознаградить тебя. Идем!

Обалдев окончательно, Сухов послушно потопал за своим проводником, пока они оба не оказались у серебряной двери в опочивальню Благочестивого. Придворные уже выстроились в два ряда, готовые желать доброго утра повелителю. Среди этих подхалимов блистала Елена Мелиссина, прекрасная и недоступная зоста-патрикия, «патрикия опоясанная». Ее стан, грудь и плечи обвивал лор — узкая парчовая полоса, золотая на голубом, а волосы были уложены в высокую, похожую на башню прическу прополому. Увидев Олега, зоста-патрикия ослепительно улыбнулась.

Тут уже суетились четверо веститоров-облачателей в белых плащах, откинутых за плечи. В руках они держали дивитиссий цвета персика.

Церемониарий прислушался. За серебряной дверью кашлянули, потом громко прочистили горло, словно подавая знак. И палец с большим перстнем трижды стукнул в дверь опочивальни. Веститоры встрепенулись, а папий, обернув краем красной хламиды руку, воздел ее и провозгласил высоким голоском:

— Веститоры!

Препозит Дамиан — здоровый, пузатый, розовый кабан,— повторил низким басом:

— Веститоры!

Облачатели внесли дивитиссий в императорскую спальню, и Олег увидел вялого Романа в тонком хитоне.

— Приступим! — пропищал папий.

— Веститоры, приступайте! — прогремел препозит.

Двое поднесли базилевсу серебряный таз, третий полил на руки Его Божественности из золотого кувшина, а четвертый вытер их полотенцем.

---

[1] *Хиротония* — возведение в сан, присвоение титула.

Потом наступила очередь скарамангия и дивитиссия, под конец облачения на базилевса накинули хламиду, тяжеленную от нашитых драгоценностей, и возложили лор.

— Препозит! — подозвал базилевс.

Дамиан совершил земной поклон и поцеловал край священной хламиды.

— Подведи ко мне варанга Олега!

Сухов приблизился, заколебался, но все же смирил гордыню и встал на колени, рукою касаясь пурпуровых башмаков, на которых жемчугом были вышиты кресты. «Потерпишь!» — сказал себе Олег.

Базилевс, сопя, поднял полу хламиды и накрыл ею Сухова. Запахло пылью и благовониями.

Роман I Лакапин возложил на Олегову голову пухлую пятерню и промолвил:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа... Властью, данной мне от Бога, посвящает тебя наша царственность в спафарии. Встань, спафарий Олег! Аксиос!

— Аксиос! — зашумели сановники, толпящиеся у опочивальни.— Аксиос!

— Аксиос! — произнес высокий звонкий голос Елены.

Сухов поднялся, оглушенный и малость растерянный. Он совершенно не знал, как ему быть и что делать, но базилевс избавил его от долгих размышлений — начинался малый выход, и Его Величество прошествовал мимо. Придворные гурьбой двинулись за ним, и вот уже густой голос препозита разнесся под сводами:

— Повелитель!

— Я так рада,— сказала Елена, подходя к Сухову,— я так счастлива... А ты?

— Не знаю,— честно признался Олег.— Я мечтал о возвышении, чтобы... Ну, чтобы хоть как-то сравняться с тобою...

Елена замотала головой и сказала, перебивая:

— Ты всегда будешь рядом со мною и выше меня, ибо ты мой повелитель, владыка души моей...

Олег ничего не ответил, только осторожно коснулся губами припухших губок Елены.

— Тебе надо переодеться, спафарий,— сладко улыбнулась Мелиссина и взяла со скамьи, где недавно лежал императорский скарамангий, сверток с одеждой, положенной Олегу по рангу.

Сухов натянул хитон с красным украшением на груди, а сверху накинул синий сагий. Сбросив сапоги, он переобулся в мягкие кампагнии — как легко ногам!

— Ну, как я тебе?

Елена Мелиссина взяла Олега за руки и сказала с чувством:

— Ты — самый красивый, самый лучший, самый родной для меня и любимый человек. А я — самая счастливая женщина! Олежек... я правильно уменьшила твое имя? Скажи, как по-вашему звучит титул спафария?

— Меченосец,— ответил Сухов.

— Я верю, мой меченосец, что это была не последняя твоя хиротония. Ты поднимешься на высоту, путь к которой одолевают немногие. Но тебе дано достигнуть большего, я знаю это, чувствую... Пошли домой?

Домой... Олег ощутил вдруг громаднейшее облегчение и тихую радость, то маленькое счастье, которое ускользало от него все эти годы и вот нахлынуло, наполнило всего. Он посмотрел в лукавые глаза возлюбленной, где разгоралось опасное темное пламя, облизал пересохшие губы и ответил:

— Пошли.

МАГИСТР

...Неожиданно из-за арки, стоявшей поперёк улицы, вышли ещё двое в обтягивающих брючках-шоссах, больше всего напоминавших подгузники, причём штанины были разных цветов — у одного жёлто-голубые, у другого — красно-чёрные. Выхватив кривые мечи-скимитары, венецианцы бросились на Олега.

Сухов изобразил испуг и развернулся, делая вид, что изготовился бежать. Его рослый и статный противник, тоже вооружённый скимитаром, злорадно ухмыльнулся. Расставив руки пошире, присев на полусогнутых ногах, он ловил струсившего ромея — и нарвался на меткий выпад. Олегов меч вонзился снизу вверх, протыкая сердце.

Венецианец даже не захрипел в истекающие секунды жизни — выронив клинок, он привстал на цыпочки, пуча глаза и растягивая рот в неслышном крике. Олег выдернул меч и повернулся кругом к парочке «разноцветных». Сойдясь на мечах с «красно-чёрным», более опасным и опытным противником, Сухов стал кружить, уходя от клинка «жёлто-голубого»,— тот подпрыгивал, ярился, пытаясь достать патрикия и аколита, но его намерению то и дело мешал напарник, будто нарочно загораживавший Олега. Италиец и рад был бы уступить товарищу, да не мог выйти из магического круга, который со звоном и шипением рассекаемого воздуха чертила беспрестанно разящая сталь. Олег Полутролль, гридень Рюрика и Халега Ведуна, владел мечом на уровне, недостижимом для венецианских бретёров.

«Красно-чёрный» прилагал отчаянные усилия для того, чтобы только удержать скимитар. Скованный величайшим напряжением, он изнемогал, венецианцу казалось, что у противника отросло шесть рук, как у страшненького божка из Индии, и сразу полдюжины мечей пытаются иссечь его. Томящий страх набухал в венецианце, рождая

отчаяние,— «красно-чёрный» уразумел, что магистр не бьётся с ним, а забавляется, теша себя жестокой игрой. В какой-то момент произошёл надлом — рука бретёра дрогнула, пропуская удар, и меч-спафион перечеркнул ему горло — вбок словно брызнуло рубиновым вином.

Обратным движением клинка Олег поразил «жёлто-голубого» — тот умер, так и не успев ничего понять.

Сухов медленно выдохнул — и услышал топот. Ещё трое, нет, четверо со скимитарами выбегали из старого парка, над деревьями которого возвышалась одинокая колонна зелёного в крапинку мрамора. С кличем «Святой Марк!» они всем скопом бросились на Олега...

Глава 1,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ РЕШАЕТ УБЕРЕЧЬ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО

Ромейская империя[1], *Константинополь.*
Лето 935-е от Р. Х.

Весна в Константинополе напоминала Олегу Сухову русское лето — та же зелень кругом да теплынь. Разве что ночи случались сырые, промозглые, да море иной раз угрюмело, срываясь в бурю.

Зябнущие ромеи всё еще разжигали в своих домах жаровни, всё кутались в шубейки из лисьих да козьих шкур, а Сухов, наоборот, снимал с себя надоевшие теплые вещи — и радовался нарастающему теплу. Весна в здешних краях была коротка, она не тянулась месяцами, развозя грязь да слякоть. Природа тут просыпалась сразу — животворящие соки земли бежали всё веселей, всё шибче, питая корешки и готовя вершки к цветению...

---

[1] *Ромейская империя* — верное название для Византии. Ее население — ромеи, потомки римлян и эллинов, никогда не называли себя византийцами. «Византия», как и «Киевская Русь»,— выдумка кабинетных историков.

Олег покинул дом с первыми лучами солнца. Неширокие, извилистые улицы ещё тонули в плотном сумраке, но уже не были ни тихи, ни пустынны. Торговцы, зевая и потягиваясь, отпирали лавки, сонные никтофилаксы — ночные стражники — шли отсыпаться, мистии — подёнщики крутились у пристаней и прочих хлебных мест, а тысячи придворных, зябко кутаясь в нарядные сагии — плотные плащи-накидки, поспешали в Палатий [1], боясь пропустить церемонию торжественного шествия базилевса [2], ежеутренне являвшегося народу. Хоть ромеи и считали себя потомками римлян, а с виду такого не скажешь. Римские тоги и туники облегали тела, складками отзываясь на движения, подчеркивая стать, а вот ромейские одежды были настолько тяжелы и жестки, будто упаковывали своих хозяев в цилиндрические футляры, в негнущиеся обертки с головы до пят.

Обычно патрикий [3] Олегарий, как прозывали Сухова ромеи, и сам с рассветом направлял стопы к императорскому дворцу, но этим утром его ждали иные заботы. Закутавшись в черный сагий, Олег двинулся в обход церкви Святого Сампсона, пока не вышел к старой городской стене. Замшелая кладка не впечатляла — по сравнению с мощью укреплений Феодосия [4], защищавших западные пределы города, стена была и пониже, и пожиже. Неширокая улица, примыкавшая к куртинам и башням, тянулась до порта Неорион. Не доходя до Золотого Рога, уличка разбегалась узкими, загаженными проулками, где обитали грузчики, моряки и прочие нищеброды. Появляться в трущобах было опасно, ничего не стоило потерять и кошелёк, и жизнь, зато шпионам на глаза не попадёшься. А уж соглядатаев в Городе хватало — подсматривали, подслушивали все, кому не лень, доносы писались пачками.

Олег и сам «сплёл» целую агентурную сеть — из мистиев и невольников, проституток и беспризорных мальчишек. Расходовал он на это дело медяки, а сведения порой такие поступали, что и золота не жаль. У кого из сановников роман на стороне, кто из высших чинов склонен торговать секретами, что творится за стенами лучших домов Кон-

---

[1] *Палатий* — Большой императорский дворец, именуемый также Священными Палатами.

[2] *Базилевс* — император. Роман I Лакапин, выйдя из низов, стал опекуном малолетнего Константина VII, потом женил его на своей дочери и правил империей до старости.

[3] *Патрикий* — высокий титул 1-го ранга. Примерно соответствовал генералу или тайному советнику.

[4] *Феодосий Великий* — император, чьим попечением были выстроены мощные укрепления — тройной ряд стен, защищавших Константинополь с суши.

стантинополя — обо всём сообщали патрикию Олегарию. Хозяева обсуждали свои дела при слугах, в упор не замечая челядь — как будто у тех не было глаз и ушей. За тринадцать лет жизни в Царьграде Сухов вызнал подноготную богатейших и влиятельнейших семей империи. Фоки, Куркуасы, Аргиры, Дуки, Комнины — все хранили «скелеты в шкафу», за всеми числились тайны непристойные и зловещие, постыдные и ужасные.

...Мимо проехал старенький священник на понуром ослике. Старичок осенил Олега двоеперстием, и тот уважительно склонил голову.

«Ох уж эти тайны,— вздохнул Сухов,— ох уж этот лицемерный, коварный, шпионский мир...»

Некогда сам Халег Ведун, великий князь новгородский, оставил Олега тут «для пригляду», дабы вызнавать секреты ромейские и посылать весточки с людьми верными на далекий Север. Однако Халег давно уж упокоился — лет пять, как сожгли погребальную лодью князя. Нынче высокий курган над его могилой травой успел порасти.

И с кем Сухову теперь связь держать? Кому слать «совершенно секретные» сведения? Молодому, безбашенному Хельгу, еще одному тёзке, потрясающему леса и степи на том берегу Русского моря [1]? Или Ингорю Рюриковичу, князю киевскому, по прозвищу Старый, слабому и неудачливому сыну великого конунга? И это только самые видные фигуры в «далёкой стране Рос», а там ещё десятка два правителей понеприметней водится — конунгов, кунингасов, райксов да всякого княжья. Им пособить? Смешно, право...

Хельг на всех страху нагнал, каждый год уходит в набег — то хазарам жару даст, то на франков набросится, то еще на кого. Но уж больно горяч молодой князь, стратегии не ведает вовсе, а тактика у него одна и та же — переть напролом.

Такой, если и воспользуется секретными сведениями, то лишь для того, чтобы напасть и покуражиться всласть.

И Олег выбрал князя Ингоря Старого, хоть и против желания,— несимпатичен ему был правитель Киева. Однако долг превыше всего. Ещё малость подумав, Сухов признал, что кой-чего добиться удалось-таки. Разве не стал Ингорь, сын Рюрика, терпимее к христианам? Стал. Вон и церкви велел не жечь, а монахов и купцов ромейских привечать по-всякому. «И то хлеб...» — скупо улыбнулся Олег.

---

[1] *Русское море* — ныне Чёрное. Ромеи прозывали его на эллинский манер — Понтом Эвксинским.

«Знать, какова знать!» — такой, шутливый с виду, девиз придумал патрикий Олегарий своим агентам. Знание это, подчас весьма опасное, не раз помогало Сухову уберечься от дворцовых интриг и преследований — Священные Палаты больше всего напоминали роскошный террариум, гадючник или паучатник, где остервенело соперничали десять тысяч сановников. Подкуп, лесть, клевета, отрава или нож в спину — всё годилось в потаённой борьбе за власть, за близость к императору, к его подачкам и милостям.

И вот ещё одно важное сообщение — информатор доложил Олегу о зреющем заговоре против базилевса Романа I Лакапина. Императора заговорщики готовятся убить, дабы посадить на трон Константина Багрянородного, взрослого давно, но до сих пор опекаемого Романом, и погреться в лучах возведенного ими Величайшего, поиметь злата-серебра, земель и рабов вволю.

На памяти Сухова это была уже третья или четвёртая попытка государственного переворота. Предыдущие не удались, нельзя было позволить, чтобы стала успешной и эта, пока последняя по счету,— базилевс вполне устраивал Олега. Роман I, сын армянского крестьянина Феофилакта, ценил верных ему людей, он был щедр и приближал «выдвиженцев» к своей особе, так сказать, «через ступеньку».

Тринадцать лет тому назад император возвёл Сухова, крещёного варяга, в спафарии. Четыре года спустя Олег, минуя целый ранг [1], получил титул патрикия. Плохо разве?

...Он обогнул заброшенный Большой театр, покривившись и отворачивая лицо. Когда-то тут ставили пьесы Софокла и Плавта, а нынче на площадке орхестры, что перед сценой, разыгрывались иные трагедии с комедиями — там казнили государственных преступников.

— О, времена,— пробормотал Сухов,— о, нравы...— и вернулся к прерванным мыслям.

Быть патрикием не только лестно и почётно, но и выгодно — титул обеспечивал владельцу безбедное житье и массу привилегий, пропуская в узкий ближний круг, что теснился у самого престола. А взойдёт на трон новый император и что тогда? Ведь начнётся драка, вперёд, к кормушке поближе, пробьются новые фавориты, а приближенных свергнутого Романа оттеснят в задние ряды, обрекая на прозябание и тихое забвение. А оно ему надо?

---

[1] *Спафарий* — титул 3-го ранга. Затем следовали титулы более высокого 2-го ранга (спафарокандидата и протоспафария) и ранга 1-го — дисипата, патрикия, анфипата и магистра. Еще более высокие титулы куропалата, новелиссима и кесаря давались только ближайшей родне императора.

Патрикий зорко осмотрелся, отвлекшись от дум. За вонючими кучами мусора поднимались обшарпанные стены многоэтажек, обиталищ для отверженных и убогих. Первые этажи были заняты под лавочки и мастерские, а верхние уступами выпирали наружу, нависая над улицей и едва не смыкаясь грязными стенами. Улички превращались в подобия сырых и промозглых ущелий, где всегда густела тень и даже днём не гасли копотные светильни. Дуло как в трубу, но никаким сквознякам не под силу было выветрить вековечный смрад.

В полутьме облупленных колоннад обозначилось движение, и Олег откинул тяжелую полу сагия, открывая ножны меча. Тени замерли.

Привычным движением положив ладонь на рукоять спафиона [1], Сухов углублялся в район «высоток», не сбавляя шага. Живописный оборванец пересек его путь, небрежно крутя нож в ловких пальцах, и вдруг замер, поклонился почтительно.

— Привет тебе, сиятельный,— просипел он, узнавая.

— И тебе того же, Кенхри,— улыбнулся Олег своему агенту.— Как успехи?

Кенхри-Живоглот сделал неопределенный жест.

— Живем, не тужим. Удачи, сиятельный...

— Добычи! — пожелал Олег.

Согнувшись в прощальном поклоне, босяк скользнул за выщербленные колонны и словно растворился в полутьме. Ушел на дно...

А Сухов двинулся дальше, поглядывая по сторонам и не забывая посматривать вверх — из окошек и помои могли выплеснуть ему на голову, и ночной горшок опорожнить.

Впереди, выставляя девятый этаж под зоревые лучи, громоздилась «высотка» побогаче — кое-где и балкончики имелись, а между окон выступали облезлые пилястры. Желтоватые стены, поддерживавшие красную черепичную крышу, издали выглядели нарядными, веселенькими даже. Многоэтажку обрамляла аркада на облезлых колоннах, под нею чадили большие жаровни, трепетали язычки пламени. В сизом дыму чернели страшные фигуры нищих — сгорбленные, скрюченные, искалеченные. Те, кто были ближе к огню, грелись сидя, кто подальше — стоя. А один из нищих и вовсе лежал. Не жилец — умирающий клекотал и хрипел ошмётками лёгких, царапал грудь, тужился в последнем усилии жизни... Никто не обращал на него внимания.

Олег нахмурился, но шаг не замедлил. Однако и не ускорил свой уход — ранее его ужасали все эти «донные отложения», эта челове-

---

[1] *Спафион* — обоюдоострый меч.

ческая гниль, а после он притерпелся, стал лишь брезговать нищими духом и телом. Это было отвратительно — побирушки трясли культями, растравляли страшные раны, паразитируя на людской жалости. Каменщик в поте лица своего зарабатывал в день фоллов [1] двадцать, а нищий, с утра до вечера канючивший на паперти, выпрашивал милостыни на сотню. И кого тогда следовало жалеть?

Не переставая хмуриться, Сухов шагнул в тень аркады и переступил порог трактира «Золотая шпора», ногой нащупывая крутые ступеньки. В лицо пахнуло чесноком и луком, дешёвым вином и жареной рыбой.

Было ещё рано. По строгому велению эпарха, градоначальника Константинополя, трактирам полагалось начинать работу в восемь утра и закрываться в восемь вечера, но портовая окраина жила по своим законам.

«Золотая шпора» занимала обширный подвал, низкие своды коего будто проседали под тяжестью многоквартирного дома, плюща толстые колонны-тумбы. Сквозь узкие, часто зарешеченные окошки цедил бледное сияние восход, не затмевая светилен.

Длинные монастырские столы желтели скоблёным деревом, на лавке в углу храпел загулявший мореход, а за каменной стойкой зевал кабатчик. Сонно моргая на Олега, он осведомился глухим голосом:

— Чего изволите?

— Горячего подай. И вина хорошего. Хиосское есть?

— А как же! — засуетился трактирщик и трубно взревел: — Анна!

Из жаркой кухни выплыла пышногрудая девица, румяная и простоволосая.

— Звали? — буркнула она, упирая красные руки в толстые бока.

— Где тебя носит? Не дозовёшься... Тут свининки ждут, с капусткой фригийской. Хлеба испекла?

— А то...

— Тащи. И кувшинчик хиосского!

— Вилку прихвати,— велел Сухов, и девица удалилась, смутно бурча про некоторых, кои зажрались, видать — пальцев им мало, вилки им носи...

Не слушая, Олег прошёл в дальний угол и сел спиной к стене. Отсюда ему был виден весь зал, а из окошка поддувала струя свежего воздуха.

Вскоре Анна принесла горшок с тушеной свининой, развернула тряпицу с изрядным куском каравая, поставила запотевший кувшин-

---

[1] *Фолл* — мелкая медная монета. 12 фоллов составляли 1 серебряный милиарисий, из 12 милиарисиев складывалась 1 золотая номисма.

чик с вином — и двумя руками торжественно подала двузубую серебряную вилку с ручкой из кости. «Вот же ж язва»,— усмехнулся Сухов. Впрочем, готовить она мастерица — мясо просто таяло во рту, а капустка нисколько не разварилась. И хлеб как пахнет!

Завтракая, Олег стал вспоминать. Ему было что вспомнить...

...Олег Сухов родился далеко отсюда — в Ленинграде, тысячу лет тому... вперёд. Сначала его водили в садик, потом он сам ходил в школу. Отслужил в армии, поступил в универ, устроился на работу. Занимался фехтованием, участвовал в соревнованиях, увлекался ролевыми играми. И все мечтал оказаться в прошлом, где его умения пригодились бы всерьёз, чтобы выжить и зажить хорошо, и даже лучше. Однажды его мечта сбылась — в лето 2007-е от Рождества Христова.

Фестиваль они тогда устроили, решили размяться в молодецкой утехе — выбрались на природу мечами самодельными помахать да шашлычков отведать под «пивас». Олег как раз общался с Шуриком Пончевым, врачом, что пользовал ролевиков, когда вдруг полыхнуло сиреневым, и синий туман поглотил весь видимый мир. Надо полагать, физики по соседству баловались — ковырялись во времени, тайны природы вызнавая. Удался их опыт или провалился, неизвестно, а вот Олега с Пончиком закинуло аж в IX век, во времена варягов. В лето 859-е от Р. Х. На пустынные просторы Гардарики, древнего месторазвития Руси.

Те давние переживания уже почти стёрлись в памяти, а тогда его душу просто разрывало от ужаса и восторга, отчаяния и ярости.

Их обоих продали в рабство, и стал Олег-трэль медленно выбираться из неволи, выкарабкиваться из грязи да в князи.

Год спустя напали свеи, пришлось Олегу с Пончиком сопровождать посланцев конунга в далёкий Старигард[1], чтобы призвать того самого Рюрика. Призвали. Побили свеев. Олег тоже вломил вражинам, даже Рюрика спас, а когда спросили его, чем наградить, Сухов возьми да и скажи: «Волей!» Варяги захохотали и растолковали «путешественнику во времени», что он давным-давно свободен, ибо не может оставаться рабом тот, кто взял меч и бился за други своя.

Таков был суровый и гордый закон.

И тогда Олег запросился к Рюрику в дружину, и конунг взял его, и братия была «за»...

---

[1] *Старигард* — столица Вендланда, государства вендов-венедов в Южной Прибалтике. Ныне — Ольденбург.

Сходили они в поход на Лондон и Париж, под командованием Аскольда-сэконунга нагрянули в Константинополь. Сухов уже мечтать стал, прикидывать, как бы ему в ярлы [1] выйти, дружинку сбить и на собственной лодье прогуляться куда-нибудь в Кордову — вытрясти у тамошних сарацин их серебряные дирхемы и золотые динары. Увы, не пришлось — опять над ними заиграли сиреневые сполохи, опять накатил синий туман, и перебросило Олега с Пончиком на целую жизнь вперед, в лето 921-е, в десятый век. И опять всё по новой...

Прибился Олег к светлому князю Инегельду Боевой Клык. Славно они тогда поразбойничали, пограбили богатенький Ширван. Там-то и встретил Сухов свою возлюбленную, ныне жену законную, Елену Мелиссину, самую красивую женщину на свете. Всякого он потом навидался — в Итиле, в Булгаре, в Новгороде, в Киеве. Однако и грозные «исторические события», и подвиги воинские, и даже крещение во храме Святой Софии — всё блекло перед той встречей во дворце ширваншаха, перед их первым свиданием, связавшим свирепого северного варвара и ослепительную зоста-патрикию — однажды и на всю жизнь...

...В трактир ввалилась целая ватага мореходов из славного города Амальфи, и сразу стало людно. Смекалистый трактирщик тут же выпустил в зал юродивого — якобы бобы продавать. Полуголый «божий человек», лохматый и грязный, с жидкой бородёнкой и младенческим взглядом, расхаживал между столов, горбатя спину, изображая то обезьяну, то лошадь, то змею. Он искусно блеял и кукарекал, а на его тощей, вовек не мытой шее болталась на веревочке икона — увесистая доска с закопчённым ликом, раз за разом гулко шлепая несчастного безумца по впалой груди.

Бобы юродивый, по большей части, поедал сам или раздаривал, но едоков и выпивох он потешал изрядно — что и требовалось. Не потому ли посетителей — и зрителей — всё прибывало?

Заглянула на огонек не проспавшаяся педана — дешевая проститутка, из тех, что пристаёт к мужчинам на улице. Спустился объездчик лошадей, он был одет как крестьянин — в хитон из грубого полотна, заправленный в домотканые штаны. Сверху короткий плащ, перекинутый через плечо, на ногах поношенные сапоги, перевязанные ремешками крест-накрест. Крадучись по привычке, заявилась пара воришек, стала шептаться с трактирщиком, торгуясь за отрез шел-

[1] *Ярл* — титул у русской знати, тождественный графскому.

ка, который стяжала на рынке у зазевавшегося купца. А потом «Золотую шпору» посетили двое варангов [1], старый и молодой. Оба были в кожаных штанах, в сапогах сафьяновых, расшитых мелким речным жемчугом, в длинных кольчугах, перетянутых наборными поясами, и при мечах. Варанги здорово походили друг на друга — и статью, и разворотом плеч, и лицами — широкими, скуластыми, твёрдыми, словно резанными из крепкого дерева.

Старого Олег сразу признал — это был Инегельд. Светлый князь десятый год подряд приводил свою дружину на службу к базилевсу, и ему не отказывали, ценили за силу и верность.

Князь повертел кудлатой головой, обнаружил Сухова и тут же осклабился в радости узнавания. Небрежно расталкивая посетителей, он направился к патрикию. Кое-кому из амальфитанцев-мореходов не понравилось его неуважительное поведение, один усач даже за ножом потянулся, но молодой варяг так на него посмотрел, что тот мигом присмирел, вроде как усох даже.

— Здорово, Олег! — прогудел Боевой Клык.

Сухов молча ухмыльнулся и крепко пожал протянутую руку.

— Могу поспорить на литру золота [2],— сказал он весело,— что парню за твоей спиной ты приходишься отцом!

— И выиграешь спор! — расхохотался Клык.— Знакомься — Тудор.

Молодой варяг с достоинством поклонился.

— А это — Олег, сын Романа,— обратился к нему князь,— патрикий. По-нашему — ярл.

Тудор уже по-иному глянул на Сухова — с прирастающим почтением.

— Чегой-то тебя давно видно не было,— молвил Инегельд с укоризной.— Я к Елене-то твоей заглядывал пару раз, а она мне — нету, мол!

— Приказ базилевса,— усмехнулся Олег.— С царём болгарским толковали.

— Ну, тогда понятно,— прогудел князь и лукаво прищурился: — Слыхал, тебя поздравить можно? Никак этериархом заделался?

— Никак нет,— улыбнулся Сухов.— В этериархи меня не пускают — есть кому шепнуть на ушко базилевсу про моё гнилое варварское нутро. Вот, дескать, поставим мы этого варанга надо всею этерией, и куда та этерия мечи да секиры нацелит?

— Вот хорьки вонючие,— нахмурился Боевой Клык.— Мы ж клятву даём! Как же слово порушить можно, честь свою замарать?

---

[1] *Варанги* — так ромеи называли варягов.

[2] *Литра золота* — 72 номисмы (330 граммов).

— Они ж по себе судят, князь,— усмехнулся Олег.— Когда у самих ни ума, ни чести, ни совести, разве станешь искать это в ближних и дальних? Нет, конечно. Так что пока я аколитом поставлен, командовать буду одними наёмниками, то бишь вами.

Этерия — личная гвардия императора — была как бы триединой и складывалась из этерии великой, в коей служили сплошь македонцы, из этерии малой, куда набирали хазар да арабов-христиан, и этерии средней, самой славной, укомплектованной по найму — варягами или норманнами. Вот с нею-то и управлялся аколит.

— Угощайтесь,— сказал Олег и окликнул кабатчика: — Любезный! Чарки моим друзьям.

Хозяин трактира сам обслужил варягов — знал, как своевольны бывают русы.

Разлив вино, Клык коротко сказал:

— Ну, будем.

Выпив и утерши усы, он крякнул:

— Доброе винцо. Уж чего-чего, а в этом ромеи способны.— Навалившись на стол, князь спросил, утишая голос: — Пошто звал?

— Дело есть,— посерьезнел Олег.— Это самое... Узнал я через своих людей, что кой-кому не по нутру нынешний базилевс. Задумали они Романа прикончить, а Константина поставить на его место...

— И разжиться золотишком,— понятливо кивнул Клык.— За услугу-то.

— Именно. Мои подсуетились, вызнали всё, что смогли. Короче. Это самое... Сегодня в Палатии, в Срединном саду, заговорщики наметили свою первую встречу. Придет Феофан Тихиот, Павел Сурсувул, Димитрий Калутеркан и Рендакий Элладик. Самый важный из них — Павел. Он единственный знает, кто стоит во главе заговора. Мне это тоже неизвестно...

— Вызнаем,— обронил Инегельд.— Получается, что они как бы и незнакомы?

— Кстати, да. До сего дня они держались врозь. Все сношения велись тайно — заговорщики записки друг другу писали и прятали в особых местах. Каждый решал свою часть задачи — кто войско прощупывал, кто деньги изыскивал, кто сторонников привлекал. А теперь они соберутся вместе.

— Стало быть, скоро выступят,— сделал вывод князь.

— И я того же мнения. Их надо брать всех разом, живьем, вязать и к базилевсу тащить. Ему — убережение, нам — почёт. Ну и за наградой дело не станет...

Тудор поёрзал в нетерпении, поглядывая на отца, а тот огладил бороду, соображая.

— Всех гридней мне не собрать...— протянул Клык задумчиво.

— А всех и не надо. Достаточно будет «чёртовой дюжины», половины даже.

— Это можно! — расплылся в улыбке Клык и вздохнул: — Турберн, правда, занемог, стар больно. Я его в Тмуторокане [1] оставил — пущай косточки греет и добро наше стережёт.

— А отчего в Тмуторокане? — удивился Олег.

— А я там нынче обретаюсь. Как Хельг Ведун отнял град сей у хазар, так я в нём и поселился. А што? Тепло! Рыбы — море, хлеб родится — зёрнышко к зёрнышку. Не-е, хорошая землица! Там сейчас Карл Вилобородый обретается, да булгарин этот, из ультинов, Курт Дулат. Курт и савира нашего сманил, Илитвера Отчаянного. Помнишь, как мы под Киевом пересеклись? Во-от... И Веремуд Высокий там, и Рулав Счастливый, и Гуда Змеиный Глаз... Когда я уезжал оттоль, а было это по осени, в гавани уже четыре больших лодьи стояли! Да! Знамо дело, сосен таких, как на севере, на здешних югах не сыщешь, зато здесь бук растет. Такой вышины вымахает порой, что глядишь — и шапка валится! Я вот тоже, вернусь когда, лодью новую себе выстругаю!

— Поддерживаю,— улыбнулся Сухов и тут же построжел, словно вспомнив о звании аколита: — В общем, так. Соберёшь наших тихонько возле Фароса — это маяк, я тебе показывал. Помнишь? — Князь кивнул.— Вот. Оттуда недалеко до Срединного сада.

— Когда сходимся? — деловито спросил Боевой Клык.

— Ближе к полудню.

— По рукам!

Оставив друзей — голодные варанги трапезничать желали,— Сухов покинул трактир.

Нездоровый туманец от зловонных испарений успел растаять, нищие тоже потихоньку разбредались, кутаясь в свое рваньё. А умиравший остался — лежал близ чадной жаровни и остывал. Отмучился. Олег перекрестился и пошёл домой.

---

[1] *Тмуторокан* — город на Таманском полуострове, на месте эллинской колонии Гермонассы. Ромеи прозывали его Таматархой, печенеги — Таматарке. Есть основания полагать, что Олег Вещий (Халег Ведун) разграбил его приблизительно в 921 году, превратив в свой форпост на юге. Впрочем, весьма вероятно, что Тмуторокан (летописная Тьмутаракань) вошел в состав так называемой Черноморской Руси еще в IX веке.

Глава 2,

ИЗ КОТОРОЙ СТАНОВИТСЯ ЯСНО, ОТЧЕГО СУДЬБА ПОРОЙ ЗАКЛАДЫВАЕТ КРУТЫЕ ВИРАЖИ

Дом Елены Мелиссины стоял в регеоне [1] Арториан, напротив церкви Святого Сампсона. Это был типично римский особняк, спрятанный за кипарисами старого парка. Парк огорожен был высокими коваными решётками, а от ворот к дому тянулась аллея. Она уходила в недалёкую перспективу — к колоннаде парадного входа.

Пожилой, но всё ещё крепкий Игнатий Фока, верный слуга и давний спутник Елены, шаркал метёлкой по каменным плитам аллеи. Завидя Сухова, он заулыбался и поклонился патрикию. Сам Игнатий, хоть и носил звучную фамилию, но громких титулов не нахватал.

— Встала Алёна? — спросил Олег мимоходом.

— Только с заутрени вернулась. Отдыхать изволит.

Поднявшись по истертым ступеням лестницы, кою стерегли два каменных льва, патрикий отворил дверь, часто обитую бронзовыми полосами, и вошёл в «прихожку» — просторный вестибул с полукругом колонн из белоснежного мрамора, с расписными потолками и стенами, покрытыми фресками.

Этот особняк стал Олегу родным домом — здесь жила его любимая женщина, его жена, его Алёнка. Поначалу Сухов всё переживал, его унетало положение незнатного и бедного воина при богатой зосте-патрикии — он сам себе казался жиголо. Но постепенно различия между супругами сгладились, а ныне Олег сравнялся с Еленой в ранге. Да и золотишка в сундуке скопилось изрядно...

Сбросив сагий, Сухов быстро разулся и босиком прошлёпал по нагретому полу — старина Игнатий с утречка растопил подвальную печь. Горячий воздух гулял по глиняным трубам-лежакам, грея мозаичный пол, и поднимался по трубам-стоякам, наполняя теплом бельэтаж.

Потирая руки, Олег подошёл к окну, разделённому тонкой колонкой. Свинцовые рамы, заделанные кругляшами мутного зеленоватого

---

[1] *Регеон* — район Константинополя.

стекла, были плотно заперты. Сухов подумал, что понятие «посмотреть в окно» тут непригодно — не видно ни черта. Ну хоть не дует, и то хлеб...

— Ага, ты дома! — послышался весёлый голос.

Патрикий поднял голову и улыбнулся — на верхней галерее, куда вела мраморная лестница, показалась Елена. Женщина вышла в одном мисофоре — нижней тунике из тончайшего льна, и все прелести её великолепного тела были явлены глазам Олеговым, жадным и ненасытным.

Олег не однажды пытался описать свою возлюбленную и всякий раз бросал это дело, отчаявшись сыскать нужные слова.

Длинные ноги. Лебединая шея. Царственные плечи. Высокая грудь. Осиная талия. Крутые бёдра. Вот и всё описание! Слова-кубики, которые хоть так складывай, хоть эдак, всё равно выходит одно и то же — затёртый стандарт. Пошловатое клише.

Каким пером нужно владеть, дабы передать касание Алёнкиных волос, этой иссиня-чёрной гривы, что тяжёлым потоком ниспадает на плечи?

Когда он смотрит в огромные глаза Елены, в жгучие чёрные очи, у него кружится голова, он чувствует, что падает в тёмную бездну,— и где ему найти для этого глаголы и прилагательные? Он бегло говорит на латыни и по-эллински, но и эта древняя, полуугасшая речь не подсказывала ответов.

Киклотомерион — круглобёдрая, анедомаста — дерзкогрудая, карбонопис — углеокая... Звучит красиво, но даже язык Гомера не способен был облечь в слова красоту женщины, которой он не устал любоваться, которую не устал любить.

...Напевая что-то, Елена ступала на цыпочках, кончиками пальцев касаясь перил. Она преувеличенно покачивала бёдрами, прогибала спину и расправляла плечи, отчего тонкая ткань облепляла прекрасную грудь или западала меж ровных ног.

Олег взлетел по лестнице и схватил женщину, облапил ее, вскинул на руки и понёс в спальню...

...Двадцать минут спустя они лежали рядом, опустошённые и довольные. Унимая бурное дыхание, Сухов привлёк к себе Алёну, покорную, особенно мягкую и ласковую. Она положила свою голову ему на плечо, а он гладил её бедро, сводя ладонь в западину талии и снова возвращаясь на чудесную выпуклость. Женщина всё теснее прижималась к нему, нежась и подлащиваясь, и Олега вдруг резануло жалостью — он догадался, зачем Елена ходила в церковь. Наверное, снова, в который раз, молила Бога о ниспослании благодати, о

счастье, по сравнению с которым богатство — прах, а родовитость — звук пустой.

Алёна никак не могла забеременеть и всё каялась, всё корила себя и печалилась, убеждённая в том, что бездетность — это наказание Божье за грехи её.

Мучением было видеть заплаканные глаза любимой. Олег успокаивал Алёну, убеждал по-всякому, что, если уж и возлагать вину, то на него. На что жена кротко улыбалась и отвечала, что ни разу в жизни не усомнилась в мужской силе варвара, коего полюбила...

— Не переживай, слышишь? — прошептал Сухов.

— Я не переживаю...— тонким голосом ответила Елена.

Она томно перевернулась на спину и потянулась, то ли в самом деле переставая горевать, то ли притворяясь успокоенной. Олегова пятерня, словно сама по себе, погладила плоский животик, надавила на лобок и вернулась к тугой груди, стала обминать её пальцами, теребить сосок, нежно касаясь тёплой и шелковистой кожи. Женские ресницы затрепетали, веки опустились, а припухшие губки дрогнули в улыбке. «„Снежок в розе...“ — подумал Сухов.— Чьи это слова? Не мои...»

— Иногда я думаю,— доверчиво проговорила Мелиссина,— что нарочно соблазняю моего милого варанга, лишь бы зачать... А потом, когда отдаюсь тебе, понимаю, что просто хотела стать твоей, ибо я женщина...

— Ты слишком много думаешь,— сказал Олег назидательно,— и почти всегда — неправильно. Ты постоянно обижаешь Елену Мелиссину, а она очень хорошая... и очень хорошенькая.

— Я больше не буду...

— Алёнка ты, моя Алёнка...

— Алёнушка,— поправила его Мелиссина.— Алёночка.

— Любимая...

— Любименькая!

К Мелиссине вернулась обычная живость. Она села на постели и перекинула на грудь копну своих волос. Перебирая пряди, Елена сказала:

— Я сегодня видела Пончика, он проходил мимо с этим пачанакитом [1]... с Котяном, и просил тебе передать, что они обязательно явятся к Фаросу [2].

---

[1] *Пачанакит* — печенег.

[2] *Фарос* — городской маяк, расположенный на территории Палатия. Служил не столько для мореходства, сколько для приёма сообщений, переданных по световому телеграфу, изобретенному Львом Математиком.

В Олеге что-то сжалось внутри — он совершенно забыл о заговорщиках.

— Я в них и не сомневался,— бодро сказал Сухов.

— Ты опять что-то от меня скрываешь? — Соболиные брови Елены сердито нахмурились.

— Пустяки,— успокоил ее Олег.— Так, небольшая услуга базилевсу...

Женщина изящно прогнулась, скрючила пальцы, будто кошка, выпускающая коготки, и хищно потянулась к Сухову. Патрикий порывисто обнял её, опрокинул на кровать. Алёна взвизгнула — и тут же забросила ему руки за шею, царапаясь легонько и раздвигая ноги.

— Солнышко моё лучистое... Я опять тебя хочу... Представляешь?..— сорвалось с сухих губ.

— Представляю,— ответил варвар.

Задолго до означенного времени Олег покинул родовое гнездо Мелиссинов, одетый по последней моде — в штаны из дорогой шерсти, в тонкий шёлковый хитон и голубой скарамангий, затянутый златотканым кушаком. Ноги были обуты в мягкие кампагии [1] с загнутыми носками, а плечи Сухов укрыл чёрным сагием, расшитым золотыми грифонами.

Лицо его выражало скуку, а от всей фигуры исходила опасная сила и лёгкая надменность — они словно гнали по толпе прохожих волну почтения и робости. Олег уже привык к этой незримой ауре, отдаляющей людей и берегущей его от малых зол.

Обычного спафиона он с собой не взял, прихватил варварский скрамасакс, полунож-полумеч длиною в локоть [2].

По давней привычке патрикий не думал о предстоящем деле, дабы не перегружать голову и душу опасениями. Проходя под древними арками, минуя роскошные особняки, Сухов просто смотрел по сторонам — подмигивал хорошеньким девушкам, кутавшимся в накидки-мафории и оттого походившими на мадонн, смиренно опускал взгляд перед важными священниками, холодно глядел в нагловатые глаза заезжих венецианцев, развязных и громкоголосых.

Весь этот район, заселенный богатеями и знатью, народ прозывал Константинианой. Вероятно, потому, что тянулся он к западу до старой городской стены, сложенной Константином Великим. Да тут по-

---

[1] *Скарамангий* — верхняя одежда наподобие лёгкого кафтана, длинного, значительно ниже колен, довольно узкого. *Кампагии* — высокие башмаки.

[2] *Локоть* — мера длины, 0,52 см.

всюду, куда ни глянь, глаз натыкался на посвящения равноапостольному императору-солнцепоклоннику. Вот и улица достигла крайнего перекрёстка, вливаясь в форум Константина — просторную круглую площадь, мощённую мраморными плитами.

Прямо посередине форума высилась гигантская колонна из порфира, окаймлённая бронзовыми венками. На пятьдесят локтей поднимал сей столп позолоченное изваяние императора, представленного в виде солнечного божества Аполлона. Дабы освятить языческий образ, в статую вплавили гвоздь от Креста Господня, а в основание колонны замуровали и топорище от секиры Ноя, и кресало Моисея, и огрызки хлебов Иисусовых, и «Палладиум» — деревянную статуэтку Афины Паллады, которую ещё Эней стяжал в Илионе, а римляне считали залогом своей непобедимости. Видать, зодчие-столпотворители действовали по принципу «кашу маслом не испортишь».

Столп со статуей обрамляла двухэтажная колоннада с парой монументальных арок из белоснежного мрамора, к которой притулилась часовня Святого Константина. По левую руку от Олега на площадь выступало здание Сената с портиком из четырёх великих колонн, перед коим возвышались громадные статуи Афины и Тетис. Напротив Сената, с южного края форума, громоздился помпезный Нимфей — с куполом на гранёных столбиках, с маленькими бассейнами по окружности, с плещущими фонтанами и вечно мокрыми статуями, с искусно сложенными гротами, из которых водопадиками сбегали ручейки.

Олег усмехнулся, наблюдая весь этот блеск напоказ: с утра пораньше он побывал с изнанки «Города-Царя» и видел совершенно иное — чудовищную нищету и разруху в головах, грязь, мерзость, низость... Раззолоченная парча прикрывала гниющие язвы.

«Не грузись!» — посоветовал себе Сухов, пересекая форум.

Обычно народ толпился под сенью арок у «Колонны Гвоздя» или прохлаждался возле Нимфея, стремясь попадать в облако сеющейся водяной пыли, но это будет позже, а пока что горожане избегали тени, греясь на весеннем солнышке. Народ бродил толпами, многажды пересекаясь и гомоня на всех языках Ойкумены, топая пешком или качаясь в носилках, ведя в поводу ослика с поклажей или сгибая собственную спину под тяжестью ноши. Смуглые арабы и светлокожие русы, бурно жестикулирующие италийцы и смирные иудеи, хитроумные армяне и простодушные норманны, болгары в факиолах, похожих на тюрбаны, и мадьяры с гладко остриженными головами, украшенными тремя косами,— ото всех народов, ближних и дальних, сбрелись сюда ходоки.

Олег свернул налево, шагая по Месе — главному проспекту Города. Широкая — в сорок шагов — и помпезная, с тротуарами под тенью Царских портиков, Меса словно раздвигала холмы города, выстраивая по ранжиру богатые дома и храмы и выводя путников к главной площади Августеон. По левую руку от державной улицы тянулись гигантские аркады водопровода Валента. Акведук устремлялся туда же, куда и Месса,— к Палатию, к этому средоточию власти и величия, к пупу великолепной Imperium Christianum.

— Олег! — неожиданно окликнули патрикия.

Сухов узнал голос и улыбнулся заранее, оборачиваясь к подбегавшему грузной трусцой Шурику Пончеву, румяному и упитанному другу, товарищу и брату. Протоспафарий Александр щеголял в желтых башмаках и красно-зеленых одеждах, положенных ему по рангу, и побрякивал на бегу золотой нагрудной цепью.

— Пр-р-ры-вет, сиятельный! — пропыхтел он. Так «рыкать» и «ыкать» мог только Понч, это была его устная «визитка».

— Здорово, светлейший. Что-то ты, дружок, растолстел.

— Да ничего подобного! — возмутился Пончик.

— Ладно, ладно! Отъелся на ромейских харчах — не видно, что ли?

Как бы ниоткуда возник бек [1] Котян, смуглый печенег с чеканным лицом, на которое так и просилась боевая раскраска, с непроницаемыми обсидиановыми глазами и длинными прямыми волосами, отливавшими синевой. Одет он был в скарамангий цвета персика и чёрную хламиду, скреплённую на плече здоровенной золотой запоной, но куда больше, подумал Олег, ему бы подошла куртка из оленьей кожи с бахромой по швам и шаровары кочевника.

— Свидетельствоват! — ухмыльнулся Котян, поднимая руку.— Третья складка на пузе появилась — сам видат в термах.

Пончик уныло пощупал пухлый бок и вздохнул:

— Всё, сажусь на диету... Угу...

— Лучше сажат на коня! — уверенно посоветовал печенег.

С недавних пор Котян, знавший лошадей, был пристроен Олегом конюшим к юному патриарху Феофилакту, а уж тот просто обожал скакунов. В патриарших конюшнях содержали две тысячи отборнейших коней, и Феофилакт, младший сын Романа I Лакапина, из своих рук кормил их ячменём, изюмом и сухофруктами. Бывало, что горе-патриарх впопыхах завершал литургию и бежал к стойлу любимой кобылы, собравшейся рожать... Зато у базилевса имелся свой церков-

[1] *Бек* — вождь у кочевых народов степи. Имел статус, сравнимый с титулом ярла.

ный иерарх, ручной и послушный императорской воле. И почему бы Сухову не порадеть за своего человечка?..

— Слушай, друг степей,— прищурился Олег,— мы тут уж тринадцать зим и лет паримся. Хочешь, чтобы я поверил, будто ты до сих пор не растерял свой варварский акцент?

Печенег осклабился.

— Надо же понимат! — сказал он с гортанным печенежским призвуком.— Его Святейшество испытывает тихое торжество, имея в услужении свирепого кочевника, он трепещет от сладкого ужаса. Зачем же мне его разочаровывать? Или признаваться, что я в пятый раз перечитываю Плутарха? Что знаю наизусть из Григория Назианзина? Пусть уж лучше трепещет...

— «Кто я? Отколе пришёл? Куда направляюсь? Не знаю...» — продекламировал Шурик с выражением.

— «И не найти никого, кто бы наставил меня»,— дочитал печенег.

— Миллиард тыщ раз читал,— признался Пончик,— а всё равно... Угу...

— Опять книжные развалы посещали? — понятливо улыбнулся Сухов.

— А зачем ты нас к Фаросу звал? — перевел разговор на другую тему протоспафарий.

— Да так,— пожал плечами Олег,— заговор надо бы раскрыть.

— Ух ты! — сказал Пончик испуганно.— Против базилевса?!

— Тише, ты! А против кого ж ещё...

Печенег лишь осклабился в доволе — в его сердце любовь к эллинским премудростям уживалась со страстью к баталиям.

— Пошевеливайся, светлейший!

Все трое прибавили шагу. За пышным форумом Августеон вставала высокая стена, ограждающая Большой императорский дворец. Она была сложена из кирпича и прослоена полосами светлого мрамора. На площадь выступали Медные ворота с огромным образом Христа, а за ними открывался полукруглый двор, окружённый массивной, но на удивление ажурной бронзовой решёткой.

Дворцовые стражники, повинуясь жесту патрикия, отперли створку врат и пропустили всю компанию, склоняя головы в привете, из-за чего пышные султаны на их шлемах качнулись опахалами.

— Время у нас ещё есть,— сказал Олег, вытягивая руку с солярием — карманным циферблатом древней работы — и сверяясь с дневным светилом.— Но лучше обождать, чем опоздать! Вперёд.

Полукружие двора сходилось к парадному вестибюлю Халке — огромной ротонде под куполом, тускло отливавшим золотой черепи-

цей. Посреди зала выделялась рота — плита из порфира, с которой, бывало, базилевс обращался к народу. От роты кругами расходился узор на полу, выложенный из желтого и фиолетового мрамора.

Торопливо минуя Халку, троица вышла за внутренние бронзовые ворота, попадая в портик Схолариев и сворачивая к Буколеону, к южной оконечности гигантского собрания дворцов. Неподалёку располагался тронный Золотой зал, но Сухова куда больше впечатлял вид на зелёный склон холма, сбегавший к древним крепостным стенам у самого берега, и блистающий простор Мраморного моря. Было не жарко, и горизонт не затенялся дымкой марева — синяя даль чётко разделялась на ясную лазурь неба и чистую синеву моря. Дворцовую гавань покидал чёрный дромон [1], попутный ветер надувал его красные паруса, но и гребцы не знали отдыха — два ряда весел мерно поднимались из воды, рассыпая сверкающую капель, и снова погружались в прозрачные волны.

Сухов с удовольствием вобрал полную грудь свежего воздуха и медленно, с оттяжечкой, выдохнул, будто исторгая из себя пыль императорских покоев, вонь кадильниц и чад смоляных факелов.

Всякий человек покидал Палатий потрясённым здешней роскошью и бездумным, безумным расточительством. Вот они только что миновали огромный серебряный крест в Портике Схолариев, прогулялись мимо громадной вазы из яшмы, а напротив, в императорской бане, своды были отделаны листами чистого золота. Совершенно мещанский разгул! Да и не является Палатий дворцом — это самый настоящий город с десятком роскошных храмов, с галереями, тюрьмами, казармами, со множеством палат, каждая из которых годится в резиденции любому королю. «С жиру бесятся базилевсы!» — выразился однажды Пончик, и разве он был неправ?

Олег выбрался к церкви Богородицы Фаросской, где хранились терновый венец, туника и посох Христа, и оказался у трёхъярусной башни маяка, перекрытой куполом в виде пирамиды. Подойдя ближе к стенам его, на коих резчики по мрамору изобразили орлов, крылатых собак и баранов, Сухов углядел Инегельда и сразу успокоился.

Светлый князь был совершенно безмятежен и с виду беспечен. В шлеме с наносником, с огромным мечом на перевязи, Инегельд производил устрашающее впечатление, хотя даже бровей не хмурил —

[1] *Дромон* — основной боевой корабль ромейского флота. Имел две мачты с латинскими парусами и двойной ряд весел. Экипаж составлял 200—220 человек — 50 человек на нижнем ярусе, по одному гребцу на весло, и 100 человек на верхнем — по два гребца на весло. Плюс 50—70 воинов-эпибатов.

стоял себе да жмурился на солнышке. Это была смертоносная машина для причинения потерь живой силе противника, машина, хоть и поизносившаяся, но далеко не исчерпавшая свой ресурс. Заметив подходившего патрикия, Боевой Клык оживился.

— Здорово, аколит! — пробасил он.— Ну што? Двигаем?

— Двигаем,— твердо ответил Олег.— Где твои?

Клык приглушенно свистнул. Тут же из-за низких дверец маяка, от церкви, из кипарисовой рощицы, что росла на склоне, вышло человек шесть варягов. Они сходились, узнавали Сухова — и суровые лица воинов принимали добродушное выражение. Олег увидал Ивора Пожирателя Смерти, все такого же сухопарого, и Малютку Свена, все такого же огромного, возмужавшего Фудри Москвича, поседевшего Стегги Метателя Колец, заматеревшего Хурту Славинского и Воиста Коварного, утомившегося в борьбе с растущими залысинами, а посему обрившего голову до блеска.

— Здорово, Полутролль! — прогудел Малютка Свен, вспоминая давнее прозвище Олега, и протянул лопатообразную пятерню.

— Здоров, малышок!

Свен, похохатывая, пожал руку патрикия.

Варяги подходили и сердечно шлёпали ладонями об Олегову ладонь — побратимы радовались встрече, не тая зависти и не желая зла, как местная придворная сволочь, и у Сухова на душе потеплело.

Коротко введя братию в курс дела, Олег направил стопы к Месокипию — Срединному саду.

Обойдя Новую церковь, варяги зашагали по дорожке-просеке Месокипия. В Срединном саду веками собирали растения со всех сторон света, здесь местные туи и смоковницы соседствовали с северными дубами и южным бамбуком, рядышком росли пышные розы и густая арча, благородный олеандр перемежался с благоуханной пицундской сосной. Сад был изрядно запущен, деревья разрослись так, что порой сплетали кроны над аллеей, а кустарники и вовсе оккупировали дорожки, вставая поперёк живыми изгородями.

— Хорошее они место сыскали, ничего не скажешь,— пропыхтел Пончик.— Хрен продерёшься. Угу...

— Кстати, да,— обронил Олег.

— На то и расчёт,— сказал Котян.

— Ивор и ты, Свен,— распорядился Инегельд,— остаётесь здесь. Кто будет подходить — пропускайте, кто обратно двинет — хватайте и мордой в землю.

— Сделаем,— кивнул Пожиратель Смерти и поманил за собой Свена.

Расставив варягов, Инегельд с Олегом поднялись на второй этаж маленькой часовенки, возле которой и должны были встретиться заговорщики. Котян с Пончиком взобрались за ними следом.

— Давненько я в засаде не сиживал...— пробормотал Пончик.— Угу...

— Чего ты всё угукаешь? — поинтересовался Котян.

— Угукаю? — удивился протоспафарий.

— Да постоянно! «Угу» да «угу»...

— Разве?.. Знаешь, не замечал. Угу...

Сухов побродил по этажу, как кот, обнюхался, встал у сводчатого окошка, больше похожего на бойницу. Тихо в саду, даже мухи не жужжат.

Князь закряхтел, усаживаясь на пустой, рассохшийся сундук, крест-накрест обитый позеленевшими медными полосками, и пристроил поудобнее меч.

— Что кряхтишь, как дед? — улыбнулся Олег.

— Годы тяжелят,— вздохнул Боевой Клык,— жмут к земле, как десять доспехов. Раньше-то я сигал так, что — о-го-го! А теперь — о-хо-хо... Черёд подходит всю тяготу на Тудора перевалить, пущай он теперь скачет, моё время вышло.

— Ну, не так быстро, коназ,— воспротивился Котян,— силы в тебе ещё хватат.

— Ну-к, што ж...— хмыкнул Клык и встрепенулся, расслышав далёкое пение птицы. В Месокипии такие не гнездились — это Ивор знак подавал.

— Ти-хо! — скомандовал Олег.

Долго ему ждать не пришлось, вскоре захрустел гравий, зашуршали листья, треснул под неловкой ногою сучок... К часовне вышли двое — казначей Феофан Тихиот и Рендакий Элладик, начальник императорской канцелярии. Им было явно не по себе, лица заговорщиков страдали нездоровой бледностью, а движения отличались суетливостью. Оба были костлявы, но пышные синие скарамангии с пурпурными нашивками скрывали худобу.

— Разве это власть? — брюзжал Феофан, видимо продолжая начатый разговор.— Разве это величие? Палатий должен представать улеем, где всякой пчеле дана работа, но ныне здесь роятся трутни, не знающие усердия! Пустословие заменяет деятельность, где нет места ни знаниям, ни воспитанности, ни чести и прямоте, где обезьяны прикидываются львами, где царят угодничество и лесть!

Олег подумал по неизжитой воинской привычке: чего это они ведут подрывную деятельность, даже не заглянув в часовню? Мало

ли — вдруг засада? Повернув голову, он глянул на князя — тот тоже задирал брови от удивления. Ответ дал Котян, изобразив на пальцах квакающую лягушку — презрительное обозначение болтуна, не способного от слов перейти к делу.

— Ваша правда, светлейший,— вздыхал Рендакий, задирая бороду, завитую колечками.— Сам попечитель дворца не умеет ни читать, ни писать, а от патриарха вечно несёт навозом!

— Это что,— хмыкнул Тихиот.— Видел бы ты, светлейший, как этот мальчишка резвится на пирушках с шутами да мимами. Мыслимое ли дело — патриарху якшаться с людишками такого пошиба?!

Оба сокрушенно закачали головами. И тут неслышными шагами приблизился Павел Сурсувул, мелкий придворный чин, однако большой проныра. Павел вёл за руку шатавшегося от переживаний Димитрия Калутеркана, главного писца. Строгое лицо проныры было гневно.

— Что за страхи, в самом деле? — спросил он, сдерживаясь.— Своим испугом, сиятельный, вы можете сгубить наше общее дело!

— Вам хорошо говорить,— лепетал Калутеркан,— а мы можем потерять всё!

— Это я утрачу всё! — с силой сказал Сурсувул.— И жизнь — тоже! Вы же все вышли из благородных семейств, и самое большее, что вам грозит, так это ссылка! Но даже этого страшиться... С какой стати? Вся работа проделана в полнейшей тайне, никто о ней ни слухом ни духом!

— Ладно, почтеннейший,— неожиданно твёрдо прервал его Тихиот,— оставим беспокойства и обратимся к делу. Припомним, что дарует нам победа, соберёмся с силами и приступим!

Трижды перекрестившись, Калутеркан сказал:

— Одна тревога гложет меня по-прежнему. Вы, почтеннейший, обещали свести нас с человеком, который всё это затеял, всю эту... э-э... перестановку, но мы до сих пор не видели его лица и не слышали его имени! А вдруг это ловушка?

Сурсувул энергично покивал.

— Понимаю,— проговорил он,— всё понимаю, но и вы должны понять — это лишь первая наша встреча. Вы рискуете, и я рискую, но тот человек, коим я послан, рискует больше всех! А от него зависит успех нашего нелегкого предприятия. Поэтому давайте договоримся: забудем о пятом, который первый, и быстро порешаем дела. Итак, светлейший,— обратился он к Тихиоту,— можем ли мы надеяться, что золото найдёт путь в нужные кошели?

— Безусловно, почтеннейший,— кивнул Феофан величественно.— Деньги приготовлены.

— Отлично! А как у вас, сиятельный?

— Я выяснил у нужных людей всё, что требуется,— уверил его Димитрий.— За нами пойдут многие, а недовольных базилевсом ещё больше.

Не дожидаясь, пока его спросят, Рендакий Элладик сам подал голос:

— Гвардия не вмешается. Кувикуларии — те, что ночуют рядом со спальней базилевса, согласны помочь...

— Ты разговаривал с ними? — подался вперёд Сурсувул.

— Нет, нет, как можно! Только со спальничим, да и то мы были разделены шторой [1].

— Что ж, очень даже неплохо...— протянул Павел.

— Плохо! — решительно оспорил Феофан.— Кувикуларии — евнухи! Много ли они навоюют? Эх, нанять бы варангов... Вот кто бы с лёгкостью разрубил все узелки!

Элладик криво усмехнулся:

— Воины-ромеи подобны глиняным горшкам,— высказал он свое мнение,— а варанги — железным котлам.

Светлому князю понравилось это сравнение — он гордо улыбнулся и посмотрел на Олега. Тот кивнул.

Легко встав, Инегельд скрадом двинулся вниз, тихо ступая по крутым ступенькам. Внизу Сухов опередил Клыка и спокойно вышел из часовни.

— Приветствую вас, достопочтенные,— поздоровался он.

Заговорщики оцепенели. Лица их покрыла смертельная бледность, а Калутеркан, тот даже малость позеленел.

В следующую секунду Тихиот и Элладик метнулись в заросли — и забились в руках варягов. Малютка Свен скрутил Феофана, а Воист сграбастал Рендакия. Димитрий сомлел самостоятельно и опустился на траву кулем. Только Павел Сурсувул остался стоять, сжимая кулаки и гордо задирая подбородок.

Не обращая внимания на схваченных, стонавших жалобно и просивших о милости, Сухов приблизился к Сурсувулу.

— Как зовут вашего главаря? — спросил он ледяным тоном.— Отвечай!

Хрупкая стойкость Павла дала осадку — Сурсувул дрогнул, глаза его забегали.

Олег улыбнулся как можно более зловеще.

— Князь,— попросил он,— будь другом, вырежи у этого со спины пару-другую ремешков. А то уж больно молчалив.

---

[1] В помещениях того времени перегородками между комнатами часто служили тяжелые занавеси.

— Может, лучше с груди? — предложил Клык, поигрывая громадным ножом.— Надрезать да потянуть... А? Болтать начнёт — не остановишь!

— Пожалуй,— согласился Сухов.

— Вы не посмеете! — слабо воскликнул Павел.— Я — спафарий!

— А я — князь! — внушительно заявил Инегельд и шагнул к Сурсувулу.

— Стойте! — выдохнул тот, вытягивая руки в жесте убережения, и застонал, хватаясь за голову.— О, Господи... Я скажу, как зовут нашего глав... нашего главного. Он — синклитик, его приглашают на силентии, а зовут...

В следующую секунду Павел Сурсувул вздрогнул и страшно заклекотал, кровь выступила на его губах и стекла струйками на подбородок. Рухнув на колени, он упал в траву. Из спины у него торчал кинжал, вонзившийся по рукоятку.

— Схватить! — гаркнул Олег в бешенстве, но Ивор с Малюткой уже мчались за убийцей.— Проклятие!

— С этими-то что делать? — поинтересовался князь, не утративший хорошего настроения.

— Связать мерзавцев. Ч-чёрт...

Вскоре вернулись Ивор и Свен, доложили, что неведомый метатель ножей оказался весьма юрким — прошмыгнул в царские палаты, а охранники не пустили варангов на порог.

— Встречал я его,— спокойно заметил Ивор.— Маленький, щупленький — соплей перешибёшь, но злой. Сам он из венецианцев, а зовут то ли Пауло Лучио, то ли Лучио Пауло.

— Сыщи мне этого мелкого! — резко сказал Сухов.— Душу выйму из мерзавца!

— По всей видимости,— подал голос молчавший до этого Пончик,— главарь решил подстраховаться. Угу...

— ...И замёл все следы,— кивнул Олег.

— Не все. Нам известно, что он — синклитик и участвует в силентиях [1].

— Ну и что? Я тоже вхожу в синклит и на силентии попадаю. Знаешь, сколько там таких штаны протирает? Десятки!

— Всё равно... Не миллиард же тыщ! Круг подозреваемых сузился. Угу...

---

[1] *Синклит* — совещательный орган при базилевсе. *Синклитик* — член синклита, им мог стать любой с титулом не ниже протоспафария. Заседания синклита проводились либо в формате конвента, в котором принимали участие все синклитики, либо в формате силентия, на который приглашались лишь сановники «ближнего круга».

— Ладно,— сухо сказал Сухов.— Потащили хоть этих.

Слово было подобрано верно — если Тихиот и Элладик ещё брели своим ходом, подбадриваемые тычками, то мёртвого Сурсувула и полуживого Калутеркана пришлось тащить на себе.

Базилевса со свитой долго искать не пришлось — Роман Лакапин шествовал по галерее Сорока мучеников, направляясь в триклиний Девятнадцати экскувитов. Приближалась пора дипнона, второй трапезы дня, то бишь обеда.

Огромная толпа сопровождала императора — впереди шествовали знаменосцы-драконарии, вздымая странные штандарты, в самом деле походившие на тряпичных драконов. Шагали силенциарии с поднятыми жезлами из палисандрового дерева, увенчанные серебряными шарами, устанавливая тишину. Важно ступали стражники-схоларии в золоченых панцирях, с пышными перьями на шлемах и с монограммами «ИНРИ» на серебряных щитах. Сгибаясь в полупоклоне, семенила свита и целая толпа царедворцев — на их сытеньких лицах было написано жадное внимание собачек, следящих за хозяином в надежде поймать брошенное угощение. Священники вовсю махали кадильницами, окуривая самодержца и присных,— облако благовонного дыма висело сизой пеленой, и сверкание драгоценных одежд размывалось за нею, сливаясь в подвижную, пёструю массу подобострастия. Тонкие голоски евнухов выводили: «Се грядет владыко».

И вот внезапно в торжественном шествии, озвученном шарканьем и шорохом, случилась заминка — придворные во всё большем количестве замечали подходивших варангов. Смолкло пение, но возвысились голоса порицания, ропот прошёл по толпе.

Грузный препозит Дамиан — церемониймейстер двора — в белом одеянии и с посохом, вышел из-за колонн галереи и вопросил грозным низким голосом:

— Как смеют варанги нарушать покой государя?

Олег Сухов шагнул вперёд. Отстранив обомлевшего препозита, он приблизился к встревоженному базилевсу. Схоларии одним множественным движением потянули мечи из ножен — словно зашипела сотня змей.

Патрикий низко поклонился Роману Лакапину и произнёс:

— Пусть твоя божественность рассудит. Я — патрикий Олегарий, верный слуга автократора ромеев и Господа нашего. Мне удалось раскрыть подлый заговор против твоего величества и схватить виновных, за что надо благодарить верных варангов, о благочестивый.

Надо отдать должное Роману I — император быстро справился с собой, унял целую гамму противоречивых чувств и нахмурил брови.

— Правда ли это, патрикий? — властно спросил он.

— Истинная правда, несравненный. Виновные признались во всём,— Олег наметил скупую улыбку: — Варанги умеют развязывать языки.

Толпа придворных зашумела, силенциарии всполошились и забегали, потрясая жезлами, а тут и Тихиот задёргался, невероятным усилием вырвался из крепких рук варягов, пал на колени и быстро-быстро пополз, пластаясь по земле.

— Смилуйся, государь! — взвыл он.— Именем Христа милосердного! Умоляю! Яви милость к слуге твоему, о божественный!

А вот и Калутеркан повалился, пополз, подвывая и колышась тучным телом.

— Смилуйся! — трубил он.— Бес попутал нас, соблазн то был диавольский! Смилуйся, благочестивый! Во имя сладчайшей Приснодевы Марии!..

Заговорщики доползли едва ли не до кампагий базилевса, и лишь острия обнаженных мечей схолариев задержали униженное пресмыкание.

Роман I Лакапин молчал, и это молчание подействовало на свиту пуще любых силенциариев — тишина установилась мёртвая.

— Благодарим тебя, благороднейший патрикий,— церемонно молвил базилевс, и тут же десятки завистливых глаз уставились на Олега.— Покушавшихся на нашу царственность отправить во Влахернскую тюрьму. Дознаться и оповестить.

Повелев, император развернулся и зашагал прежним путём, неторопливо шествуя в триклиний. Схоларии построились первыми, тронулись знаменосцы. Зазвякали цепочки кадильниц, нестройные голоса затянули прерванный гимн, звуча громче, дабы осилить горестный вой пойманных и уличённых. Происшествие было исчерпано.

Двумя днями позднее преступников отстегали плетьми и выставили на всеобщее поругание. Тихиоту, Элладику и Калутеркану остригли бороды и волосы, сбрили брови, удалили даже ресницы, после чего обрядили в рубахи без рукавов, навешали на шеи отвратительные «ожерелья» из овечьих кишок и стали возить по всему городу, усадив на быков лицами к изгаженным хвостам. А впереди шутовского «парада» вышагивал жезлоносец, выпевая глумливые песенки, весело понося цареубийц-неудачников.

Множество народу собирал этот «триумф наоборот» — люди поднимали рёв и свист, они оплёвывали ренегатов и забрасывали их огрызками и помётом.

Но базилевс был милостив к падшим — он даже не приказал ослепить их. Всё добро, нажитое Тахиотом, Элладиком, Калутерканом и Сурсувулом, было изъято в казну, а оставшихся в живых заговорщиков сослали на остров Проконнес, где с давних времён в каменоломнях добывали ослепительно-белый мрамор...

Глава 3,

В КОТОРОЙ ОЛЕГУ ЖАЛУЮТ ТИТУЛ МАГИСТРА

Пропели третьи петухи в предместьях, отошла заутреня в константинопольских церквах. Тёмное небо на востоке, за Босфором, начинало сереть в потугах восхода.

Шёл пятый час утра, когда Священные Палаты стали пробуждаться — одна за другой отпирались двери, а вестиарии-облачатели понесли императорские одежды к опочивальне божественного.

Олег Сухов терпеть не мог вставать рано по утрам, да и зачем каждый божий день толкаться во дворце? Взыскуя благ от щедрот базилевса? Лучше выспаться, право слово, да сослужить службу истинную, от которой и самодержцу польза, и тебе добрая слава.

Но сегодня не поваляешься, мрачно думал Олег, шагая к Палатию. Сегодня у него хиротония — благодарный император жалует верному Олегарию титул магистра. Что и говорить, приятственно.

Во всей империи магистров насчитывалась ровно дюжина, каждому полагались двадцать четыре фунта золота в год, два новых платья из царских ризниц плюс подарки к великим праздникам.

Но не корысти ради стремились ромеи к заветному титулу. Великий почёт и уважение — вот что давал магистерский сан. Это была та предельная высота, на которую только и мог подняться смертный, если, конечно, он не лелеял мечты занять трон.

Хмурясь и радуясь, Олег прошествовал в Палатий. Его путь лежал ко дворцу Дафны, где располагались опочивальни венценосного семейства.

Дворцу из желтого мрамора было лет шестьсот, он издревле обосновался у восточных трибун Ипподрома, напротив императорской ложи, а правым крылом примыкал к Слоновым воротам дворцовых стен.

Четверо варягов сторожили вход. Бородатые, насупленные, они стояли между колонн, опираясь на секиры, однако их угрюмые физиономии мигом прояснились, стоило им увидать своего аколита. Сухов улыбнулся варангам, проходя во дворец.

В центральном зале белела статуя нимфы Дафны, изображенная в момент обращения в лавр. Заметно было, что церемония подъема шла вовсю — слуги гасили лампады, накрывая светильни медными колпачками на длинных хлыстах. Туда-сюда носились озабоченные вестиарии в белых хламидах, мелькнуло брыластое лицо препозита Дамиана.

Олег скромно отошёл к толпе придворных, топтавшихся у тяжелой завесы из золотой парчи, вышитой чёрными орлами в зелёных кругах, в шахматном порядке чередовавшихся с красными крестами. Тут стояли высшие сановники империи, но Сухов не обращал на них внимания. Ему хотелось смотреть на одну Елену Мелиссину — зоста-патрикия, во всём блеске её красоты, словно выступала предводительницей целого выводка тощих магистрисс, худосочных патрикисс и прочих протоспафарисс, испуганно жавшихся в сторонке. Елена пленительно улыбалась — одному Олегу, и он послал ответную улыбку.

— Началось!..— послышался благоговейный шепоток.

Из императорских покоев донёсся высокий голосок евнуха-спальничего:

— Вестиарии!

Рокочущий бас препозита тут же повторил, куда более звучно:

— Вестиарии!

Облачатели, заранее преклоняя головы, чередой проследовали к опочивальне, на вытянутых руках пронося серебряный скарамангий и голубой дивитиссий, усыпанный золотыми розами. Главный вестиарий Феофан тащил тяжеленную хламиду, расшитую массой жемчуга и драгоценностей.

— Приступим! — провозгласил спальничий.

— Вестиарии,— пробасил Дамиан,— приступите!

От усердного стояния старенькому анфипату Евлогию стало нехорошо, и он боком присел на мягкую, обитую красным шёлком скамью. А Олег подумал, что базилевс вовсе не владыка в этом дворце, он самый настоящий невольник, порабощённый запутанными церемониями. Вся жизнь Его Величества предписана этикетом, всякий порыв души должен гаситься, ежели не совпадает с ритуалом. Император выглядит пастухом при стаде послушных овец, но на самом-то деле стадо пасёт августейшего...

Долго ли, коротко ли шло облачение, но вот вестиарии, наконец, одели государя, вот уж завязаны золотые поручи и возложен лор — узкая полоса дорогой ткани, изображающая смертные пелены.

Служители отпахнули тяжеловесную штору с орлами и крестами, и базилевс явил себя — в богатейшей хламиде, с обручем-стеммой на голове, Роман Лакапин вышел мелкой поступью, держа в руке горящую свечу. Густой голос препозита сказал медленно и тяжко:

— Повелите!

В ответ император благословил свечой придворных. Лицо его при этом сохраняло неподвижность мраморного рельефа.

— Препозит! — величественно измолвил базилевс, едва размыкая губы.

Дамиан приблизился, поклонился государю до земли, прихватывая полу царственной хламиды и лобзая её.

— Подведи к нам патрикия Олегария!

Препозит дёрнулся было исполнять высочайшее повеление, но Олег сам шагнул к базилевсу, опустился на колени и припал к его пурпуровым кампагиям, на которых жемчужинками были вышиты крестики.

Император накрыл голову Сухова увесистой полой хламиды. Олег задержал дыхание — ноздри щекотал пыльный запах парчи, насквозь прокуренной фимиамом. «Как бы не чихнуть,— мелькнуло у него,— опозорюсь на всю империю...»

Пухлая рука благочестивого возлегла на голову Олегову, и базилевс проговорил:

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа! Властью, данной нам от Бога, посвящает тебя наша царственность в магистры. Встань, магистр Олегарий! Аксиос! [1]

— Аксиос! — вразнобой повторили присутствующие.

— Аксиос! — пошло гулять эхо по древним палатам.

Магистр Олегарий отошёл, не разгибая головы, а все прочие, наоборот, ринулись гурьбой, спеша пристроиться к базилевсу,— начиналась ежеутренняя церемония малого выхода.

— Божественный и единственный,— проблеял анфипат Евлогий,— вечность в жизни и славе!

Загремели мощные аккорды водяных органов. Воины выстраивались рядами вдоль царственного хода, церемониарии с позолоченными жезлами спешно сгоняли поближе магистров, патрикиев, спафа-

[1] *«Аксиос!»* — ритуальный возглас при рукоположении, означающий: «Достоин!»

риев и тех лиц гражданской наружности, кому выпала великая честь лицезреть благочестивого этим утром.

Елена Мелиссина обняла Олега со спины.

— Я так рада, любименький! — опалил его ухо шёпот.— Переодевайся!

Скинув привычный скарамангий, Сухов надел тот, что подобал магистру,— белоснежный, с пурпурными ромбами, нашитыми на груди. Елена накинула сверху украшенную перевязь на оба плеча и затянула у мужа на талии пояс из красной кожи с золотой пряжкой.

— Мой магистр! — сказала она с гордостью.— Солнышко моё!..

— Лучистое? — поинтересовался Олег, сияя.

— А как же!

А со двора донеслось пение — гремел хорал:

Многая лета!
Многая лета тебе,
Автократор ромеев,
Служитель Господа!

А день всё дарил и дарил неожиданностями. После скромной семейной трапезы (омар с маслицем, щупальца молодого осьминога, жаренные с лучком, сладкое александрийское винцо и спелая дынька на десерт) Олег сперва засел в кабинете, что разместился в левом крыле, в концентрическом кругу колоннады из фригийского мрамора, розового с прожилками. Захотелось магистру и аколиту освежить в памяти недавно откопанные тексты Аристарха Самосского и Эвдокса Книдского, тысячу лет тому назад доказавших, что Земля круглая, а потом магистр и аколит прилёг отдохнуть (вдвоём с Алёной).

Отдых вышел очень активным, бурным даже — шёпот любви и крики страсти долго полнили опочивальню, а пухлые амурчики с расписного потолка нахально подглядывали, изображая детскую невинность.

...Остывая, Сухов лежал поперёк кровати, уложив голову на тугой животик Мелиссины, и слушал её рассуждения о сущности души человеческой, изредка вставляя ехидные замечания, за что и получал — Елена больно щипалась.

Расслабленные и удоволенные, они покинули спальню в самый подходящий момент — Игнатий как раз приглашал в дом молоденького кандидата[1] с редкой, будто кем-то выщипанной, бородёнкой. Кандидат, запелёнутый в синюю хламиду, неловко топтался в вести-

[1] *Кандидат* — невысокий титул 4-го ранга.

буле, прижимая к тощей груди свернутый пергамент с красной восковой печатью. Заметив чету, спускавшуюся по ступеням, он с восторгом оглядел Мелиссину и отвесил поклон Сухову.

— Его Величество шлёт тебе привет, сиятельный,— пропел кандидат,— и призывает во дворец.

Договорив, он снова поклонился, протягивая грамоту.

— Благодарю тебя, почтеннейший,— ответил Олег, из любезности обращаясь к кандидату, как к спафарию, и принял подношение. Кандидат порозовел от удовольствия, украдкой взглядывая на зоста-патрикию. Елена сладко улыбалась.

Сухов сломал восковую печать с выдавленным изображением павлина и развернул пергамен. Округлый и витиеватый почерк писаря разобрать было легко — в изысканных выражениях магистра и аколита Олегария приглашали на силентий. Само приглашение было писано обычной чёрной тушью-сепией из дубовых орешков с добавлением золотой пыльцы, а внизу стояла корявая, зато исполненная пурпуром роспись базилевса. Олег только головой покачал — после русской вольницы очень трудно было привыкнуть к ромейским порядкам, к сложной и запутанной иерархии, где на каждой ступеньке свои поблажки. Писать пурпурными чернилами позволено было одному императору, его дети имели право писать синими, а сам Олег — зелеными. Заслужил.

— Всенепременно буду,— сказал он чопорно и склонил голову.

Бросив прощальный взгляд на Мелиссину, кандидат удалился.

— Всё мальчиков пленяешь? — проворчал Сухов, с трудом поджимая губы, готовые поползти в улыбку.

— Ревнуешь? — промурлыкала Елена.

— Было бы к кому! — фыркнул Олег.

Женщина рассмеялась, а Сухов подумал: а ведь правда, не ревную!

Обычно, когда они с Пончиком заводили разговор о мужской ревности, немедленно вспоминали Вильяма нашего Шекспира и сотворенного им Отелло — как этот брутальный мавр, лицо негритянской национальности, придушил бедняжку Дездемону. Блондинка пищит: «Не виноватая я!» — а мавр делает свое дело... Но разве виноват Отелло, что был простодушен и доверчив? Наслушался мавр сплетен от коварного Яго, разгневался — и совершил убийство.

Безусловно, ревность — это один из мотивов, побуждающих человека преступить заповедь «Не убий!», но что это значит — ревновать? Тут можно вспомнить диалог Дианы и Теодоро, созданных изысканной фантазией Лопе нашего де Веги. Там великолепная Диана взды-

хает томно, утверждая, что «ревность в ней зажгла любовь и страсть», на что Теодоро даёт отрицательный ответ, заявляя, что «родится ревность от любви». От любви ли?

Дабы не запутаться в морально-этических тенетах, они с Пончиком, испробовав вина на славу, разбирали ситуацию на примерах. И вот самый явный случай, давно ставший расхожей темой для анекдотов даже в десятом столетии: приезжает купец-навикулярий из дальнего странствия, является домой — и застаёт жену в объятиях любовника. Пикантная ситуация, не правда ли?

Что тут станешь делать? Если вы джентльмен, то подожмёте губы и ледяным тоном потребуете объяснений от женщины, а мужчине велите убираться прочь. Ну а если вы иначе понимаете смысл понятия «сохранить лицо», то заколотите себя кулаками в грудь и броситесь на соперника, требуя сатисфакции путем мордобоя (и жене достанется между делом). Но это всё деяния, а вот что вы при этом почувствуете? Какие ощущения испытаете?

Оскорбление, унижение, смертельную обиду, ярость. Но в этом списке нет ревности — просто обманутый мужчина очень болезненно переживает измену. Уже то, само по себе, что женщина предпочла ему другого, выводит представителя сильного пола из себя. Как?! Она — и с ним?! А, значит, я хуже?! И понеслось...

Абсолютное большинство мужчин совершенно не выносят даже сравнений себя с иными особями мужеска полу. То есть, когда женщина вздыхает: «А вот Евстафий своей шубку купил...» — мужчина страшно раздражается — ведь сравнение не в его пользу. Для него это как измена на словах. А уж на деле...

Если хорошо покопаться, то обнаружится, что в подоплёке слов и дел ревнивца лежит примитивный комплекс неполноценности. Такой мужчина не уверен в себе, не ощущает себя настоящим и стопроцентным. Всё это он тщательно скрывает, но в момент ревности отрицательный потенциал его эмоций зашкаливает — и любопытные соседи наблюдают сцену из семейной жизни.

Так что же такое ревность? «Попросту говоря,— решил для себя Олег,— это чувство собственника, ощущающего собственную слабость». В таком живет страх потерять свою женщину, но не потому, что он её любит. Более всего, пожалуй, ревнивец опасается насмешек окружающих: «Как там твои рожки? Развесистые небось?»

Благородный порыв типа: «Так дай вам Бог любимым быть другим!» — ему несвойствен. Ревнивцу больно даже представить себе, что его женщину будет обнимать кто-то иной, ведь она принадлежит ему!

Именно поэтому данный тип делается подозрительным, недоверчивым, его преследуют навязчивые мысли об адюльтере. А где сейчас его жена? В геникее [1]? А в геникее ли? И что с того, что в геникее? Можно подумать, она и туда не впустит ухажера! И так далее, и тому подобное.

Ревнивец постоянно настроен на негатив, всегда только на худшее, поэтому и сам внутренне готов разрядить накопленный отрицательный заряд — и причинить женщине зло.

А уж тот, кто пошел по стопам Отелло и готов убить свою подругу,— не просто собственник, а собственник осатаневший, то есть потерявший всякий человеческий облик, оборотень.

Убить из-за любви нельзя.

Любить женщину — это значит желать ей счастья, добиваться для неё блага, проявлять нежность и заботу. При чем же здесь ярость и садизм?

Если вы сильный человек и любите свою женщину, то не станете её ревновать ни к кому — ведь вы великодушны, вы уверены в себе и испытываете доверие к избраннице, к тому же вы снисходительны.

И даже если она изменит вам — а согрешить может любой и любая! — вы не станете учинять безобразных сцен, а повернётесь и покинете ту, которую любили. И только. Почему, догадываетесь? Правильно! Потому что вы — джентльмен, и вам присуще чувство собственного достоинства.

Вы будете мрачны и печальны, но страдать от любви не стыдно даже настоящему мужчине, лишь бы не напоказ.

А весь секрет в том, что джентльмен — это не тот, кто умеет по-светски улыбаться и знает слова почтения, а тот, кто относится к женщине как к леди. Если вы таковы, то это лучший залог того, что в вас не угнездится ревность — вы просто никогда не опуститесь до этого низкого площадного чувства.

Вот и всё.

«Какой я, оказывается, благородный»,— усмехнулся про себя Сухов и стал собираться. Даже к ужину опаздывать неучтиво, не явиться же вовремя на синклит — просто верх глупости. Кое-кто может сделать оргвыводы и принять меры... Право, лучше обождать, чем опоздать!

Миновав Халку, магистр и аколит Олегарий зашагал Портиком Схолариев. Собственно, это была прямая дорожка, вымощенная мра-

[1] *Геникей* — помещение для женщин в ромейском доме.

морными плитами, а с двух сторон ее как раз и прикрывали портики — крытые галереи из парных колоннад. Дорожка привела Сухова к трёхпролетной двери, имитирующей триумфальную арку. За её створками, облицованными пластинами слоновой кости с резными барельефами, находился Консисторион — зал для заседаний синклита.

Лет пятьсот тому назад пол зала выложили наборным рисунком из дорогих мраморов, но пришли иные времена — и композицию на тему резвящихся нимф стыдливо прикрыли роскошными персидскими коврами. Стены до половины тоже покрывал мрамор, а выше начинались мозаики, захватывавшие весь потолок. Пущей важности ради, зал обрамляли аркады, промежутки между колонн коих были задрапированы тяжелыми зелёными занавесями, резко контрастирующими с алым шёлком золочёных скамей, выстроившихся вдоль стен. А в глубине Консисториона расположился мраморный престол. Три ступени вели к трону — куриальному римскому креслу. По бокам от него стояли две статуи крылатой Ники — богини, дарующей победу. Ники держали над троном венок с христианской монограммой, а весь престол находился под золотым шатром, удерживаемым четырьмя витыми колоннами.

Трон пока пустовал, а вот синклитики были в сборе — человек сорок, вряд ли больше. Вельможи важно расхаживали поодиночке или парами, степенно обсуждая государственные дела, делясь сплетнями, интригуя помаленьку.

На вошедшего Олега никто не обратил внимания — все ждали прибытия императора. Роман Лакапин не заставил себя ждать — плавно раскрылась средняя, самая большая дверь, и препозит Дамиан, весь в красном с золотом, торжественно объявил:

— Его Величество базилевс, автократор ромейский!

Всё в той же парадной хламиде, задубевшей от множества драгоценностей — поставь её в угол, не упадёт, не сложится даже! — император прошествовал к престолу и занял своё место. Неподалеку примостился Мосиле, личный оруженосец государя, человек простоватой наружности и великой силы.

Поднявшись с колен, синклитики расселись по скамьям. Олег отступил и примостился на мягком сиденье, набитом шерстью. Рядом опустился протомагистр[1] Мануил Атталиат. Это был крупный мужчина с породистым лицом и умными, зоркими глазами медового цвета, каким отличаются львы или орлы. Его крепко сбитое тело было

[1] *Протомагистр* — главный магистр.

налито здоровьем и хранило память о дружбе с атлетикой, хотя годы и слабости человеческие брали своё — и животик появился у протомагистра, и волосы поредели — кудрявый венчик окружал блестящую плешь. Атталиат наклонился к Олегу и сказал дружелюбно:

— Ну и как оно — чувствовать себя наверху?

— Уж больно высоко, сиятельный,— пошутил Сухов.

— Что да, то да,— кивнул протомагистр,— падать отсюда больно.

Олег внимательно посмотрел на него, однако Мануил не отвел взгляда.

— Есть способ удержаться,— хладнокровно заметил Олег.

— Какой же? — заинтересованно спросил Атталиат.

— Ухватиться покрепче.

Протомагистр тихонько рассмеялся, тряся складками на чреве. Но тут препозит Дамиан ударил об пол посохом, и базилевс, до этого будто оцепеневший, ожил.

— День жаден к событиям,— разнёсся его голос по Консисторию.— Нам угодно выслушать мнения наших слуг и помощников.

Уловив жест императора, поднялся Феодорит Орфанотроф, высочайшим повелением назначенный председателем синклита.

— Божественный повелевает нам рассудить: как унять смуту в землях Лонгивардии [1]? — огласил повестку дня Феодорит.— Мириться ли единственно премудрейшему с апулийскими мятежниками, возмущающими спокойствие? Или готовиться к войне?

Обратив своё полное, будто опухшее лицо к базилевсу, председатель уловил легчайший кивок Романа Лакапина и простёр руку к скамьям напротив.

— Пусть сиятельный Катакил,— провозгласил он,— ознакомит нас с сутью дела.

Поднялся сухонький Василий Катакил и повёл свой рассказ.

— В то самое бедственное лето,— начал он дребезжащим голосом,— когда свирепые воины великого князя Халега из страны Рос осадили Константинополь, князь Беневента и Капуи Ландульф I поддержал апулийских лангобардов, восставших против власти божественного государя. Пять лет спустя князь сплотил силы с Гвемаром II, князем Салернским. Совместно эти варварские князьки атаковали владения ромеев: Ландульф напал на Апулию, а Гвемар — на Кампанию. Тогда Ландульфа постигла неудача — не смог князь осилить доблести православных воинов! Однако пять лет тому назад к этим

[1] *Лонгивардия, или Ломбардия*, — византийские владения в Южной Италии, захватывающие «каблук» знаменитого италийского «сапога», то есть Апулию, а также земли в Кампании. Столицей Лонгивардии был Неаполь, в то время — полунезависимое герцогство.

двоим присоединился Теобальд, герцог Сполетский. Но Господь снова услышал наши молитвы, и ромеи разгромили варваров! В то же лето герцог Сполетский примирился с нами, а ныне и Гвемар Салернский сложил оружие. Однако князь Ландульф никак не унимается, множит и множит беды, держит в страхе мирных сеятелей и виноградарей, а наши священники терпят поношения от него и грабёж!

Катакил отдышался, выдерживая паузу, и продолжил:

— Нельзя попускать варвару оскорбление царственности ромейской! Князь Ландульф должен быть наказан, а войско его разгромлено.

Резко поклонившись базилевсу, он сел. Олег Сухов слушал его невнимательно, магистра занимала иная задача — он пытался вычислить того самого синклитика, который возглавлял заговор против базилевса, «пятого, который первый». Того, чьё имя Сурсувул не успел произнести,— нож оборвал признание. Так кто же был тем неизвестным, который всё и затеял? Кому служил пронырливый Павел? Чью тайну унёс в могилу, поруганный и обесчещенный? Этот кто-то был здесь, в Консисторионе, сидел вместе со всеми и решал судьбы империи. Неизвестный. Затаившийся. Копивший яд и готовящийся уязвить. Кто? Да кто угодно! Сосед Олега справа, сосед слева. Вон тот, сидящий напротив, длинный как жердь, или другой, располневший до безобразия. Как распознаешь тайного врага? У него же на лбу не написано: «Заговорщик!»

Тут поднялся сам Иоанн Куркуас, полководец, славный победами над арабами,— он взял приступом или осадою почти тысячу крепостей и продвинул границы империи до Евфрата и Тигра.

Смуглый от природы и ещё более загоревший на солнце, Куркуас согнулся в поклоне базилевсу и заговорил вкрадчиво:

— Наказать варваров — долг и честь христолюбивого воинства ромейского, однако разумно ли проливать кровь на западе? Я побивал сарацин на востоке, поскольку нельзя договориться с теми, кто не верует во Христа... Однако лангобарды — подданные величайшего, и они крещены. Воюет тот, кто не может купить мир! Мы же богаты и способны добыть покой и благоволение во человецех не кровью, но золотом...

— Что предлагает сиятельный? — с места спросил розовощекий патрикий Кузьма, умелый дипломат и ловкий интриган.

— Забудем о князьях и вспомним о короле Италии,— сказал Куркуас.— После изгнания короля Родольфо II в Павии[1] короновали Гуго Арльского. Гуго правит твёрдо и жестоко, король завёл целый

[1] Итальянское королевство занимало Север Италии, а столица его находилась в Павии.

гарем, назначает на светские и духовные должности недостойных любимцев или своих незаконнорожденных детей, а недавно он женился на безнравственной римлянке Марозии, сенатриссе и патрикиссе, дочери сенатора Теофилакта, возводившей в папы римские своих любовников. Иными словами, Гуго Арльский — обычный франк.

После этих слов по залу пробежали смешки, даже сам базилевс изволил улыбнуться.

— Для того чтобы король Гуго стал врагом наших врагов,— продолжил Куркуас,— надо купить его дружбу. Золотые номисмы обеспечат привязанность италийского короля к христианской империи. Я закончил, достопочтеннейшие.

Едва он сел, как нервно подсигивающий Катакил тут же вскочил.

— Соглашаюсь с сиятельным, но настаиваю на прежнем! — выпалил он.— Да, мы должны подкупить короля Гуго, но и князь Ландульф должен понести наказание! Мятежникам нужно дать почувствовать нашу силу, нашу твёрдость! Предлагаю послать ко двору князя Беневентского патрикия Кузьму Хониата, а в Италию отправить флот. Патрикий станет добиваться мира лестью и посулами, а флот — оружием ромейским! — Обратившись к базилевсу, синклитик заговорил с придыханием и чуть ли не с умилением: — Престол твой, о единственный непобедимый, утверждён искони. Ты — от века! Нечестивые узрят это, заскрежещут зубами — и истают. Желание нечестивых погибнет! Сами противящиеся власти губят себя, ибо нет власти не от Бога!

Присутствующие зашумели, зашептались, клонясь голова к голове. Базилевс внимательно оглядел собравшихся, а после сделал знак председателю. Тот сразу поднял патрикия Иоанна Радина, друнгария флота [1]. Это был пожилой человек, битый жизнью, грубоватой внешности и неловких манер.

— Сколько кораблей в нашем флоте? — задал вопрос император.

Друнгарий смешно поклонился, словно споткнулся на ровном месте, и поспешно ответил:

— Всего около сотни дромонов, хеландий, памфил и кумварий [2].

— Около? — приподнял Роман I бровь, выражая неодобрение.

---

[1] *Друнгарий флота* — адмирал. Не слишком уважаемый чин.

[2] *Хеландия* — пожалуй, самый большой боевой корабль ромеев — двухмачтовый, с дополнительным парусом на наклонной носовой мачте, прообразе бушприта. Брала на борт 100 гребцов и 200—300 бойцов. Обычно имела на вооружении носовой огнепальный сифон для метания «греческого огня». Экипаж *памфилы* составлял 120—160 человек. *Кумварии* — не более 100.

— Число подвержено переменам, святейший. Одни корабли выходят из доков после починки и оснастки, другие заходят...

— Понятно, любезнейший,— удовлетворился базилевс.— Сколько кораблей можно выделить для итальянской экспедиции, не создавая брешей в обороне?

— Семь или даже восемь дромонов, величайший,— тут же ответил Радин,— десять—двенадцать огнепальных хеландий и полтора десятка памфил. Это почти четыре тысячи воинов, божественный.

— Хватит ли этого числа, дабы устрашились лангобарды?

— Хватит, несравненный.

Несравненный кивнул и сказал:

— Наша царственность желает, чтобы ты вёл корабли, Радин.

Друнгарий не смог скрыть довольной улыбки — давненько его не жаловали высочайшим доверием!

— А на любезнейшего Феоклита Дуку,— продолжил император,— мы возлагаем управление войском и назначаем доместиком схол Запада.

— Дозволено ли будет молвить, божественный? — спросил, привстав, магистр Феоклит Дука.

Базилевс милостиво кивнул ему. Вдохновившись, Дука сказал:

— Среди нас находится сиятельный Олегарий, магистр и аколит. Его варанги многажды доказали свою преданность, они бесподобные воины и лучшие в мире мореходы, ведь не боятся же росы выходить в поход на своих моноксилах-однодеревках! Вот и пусть бы присоединились к нашему флоту, пусть бы выказали доблесть на войне с лангобардами!

Олег слушал — и холодная ярость терзала его душу. Феоклит был ему давним неприятелем, никогда не упускавшим случая нагадить. Вот и теперь, мешая похвалу с оскорблением, Дука готовил очередную пакость.

А базилевсу предложение понравилось. Роман Лакапин взглянул на Сухова и сказал:

— Что нам ответит благороднейший аколит?

Олег встал и поклонился:

— Вначале, если позволишь, величайший, я отвечу Феоклиту.— Получив разрешение, он повернулся к Дуке, задетому небрежным отношением «этого варанга».— Сиятельный верно назвал росов лучшими в мире мореходами, но вот в кораблестроении он понимает прискорбно мало. Корабль варангов потому именуется моноксилом, что его киль сработан из одного ствола дерева,— это придаёт ему прочность, в отличие от дромонов или хеландий, кили которых сплачиваются из двух-трех обрубков. Ко всему прочему, варанги владеют искусством гнуть

шпангоуты из распаренного дерева, а не сколачивать их гвоздями из отдельных частей, как то делают здешние судостроители, подзабывшие навыки римлян. Вот и выходит это самое, что скедии, снекки, лодьи и кнорры, спущенные на воду в стране Рос, гораздо крепче, надежней и вдвое быстроходней, чем самый лучший дромон!

По Консисториону прошёл ропот недовольства, синклитики поглядели на Олега так, словно уличали его в богохульстве, а вот базилевс отнесся к аколиту с лёгким добродушием.

— Тогда собери в поход, Олегарий, триста—четыреста варангов,— велел он,— и пусть они двинутся вместе с нашим флотом, но на своих кораблях!

— Я в точности исполню волю божественного,— поклонился Сухов.

— О величайший! — вскричал Феоклит, картинно выпрастывая руку.— Не посрамим ли мы стягов империи, подняв их над утлыми моноксилами?! Мы уже наблюдали эти челноки под стенами града!

Базилевс азартно поерзал на троне и вопросительно посмотрел на Олега. Сухов презрительно улыбнулся.

— Пусть божественный простит неучтивость Дуки,— холодно проговорил он.— Сиятельный оказался даже более невежественным, чем я предполагал. Да будет ведомо тебе, Феоклит, что те корабли, которые ты видел под стенами града, назывались скедиями, а не челноками. Да, они не поражают размерами, но почему? Да потому, что самый близкий путь к здешним берегам из страны Рос проходит по реке Непру, известной своими порогами. И самый страшный из них — Айфор. Достигая его, варангам приходится выкатывать скедии на сушу и волочить их долгих шесть вёрст, пока не спустят на чистую воду. Мыслимо ли переместить по берегу большой корабль, вроде лодьи или дромона? Разумеется, нет! Но пусть не беспокоится Феоклит Дука — варанги прибудут на лодьях, и ромеи не потерпят позора.

— А велики ли лодьи варангов? — полюбопытствовал император.— Локтей тридцать будет в них?

— Боевые лодьи варангов, величайший,— по-прежнему холодно отчеканил Олег,— простираются в длину на восемьдесят, на девяносто локтей.

Синклитики зароптали так, что председатель заметался по залу, пытаясь восстановить тишину.

— Ты хочешь сказать, благороднейший аколит,— с интересом спросил базилевс,— что лодия больше дромона и даже триремы?

— Кстати, да, божественный.

Роман Лакапин оживился и встал с трона. Тут же вскочили и синклитики.

— Флот отправится к берегам Лонгивардии сразу после Пасхи,— распорядился базилевс.— Варанги отправятся вместе со всеми, под началом аколита Олегария. Любезнейшему Феоклиту надлежит занять порты Бариум и Тарант, побивая мятежных лангобардов и воинов князя Ландульфа. Благороднейший Олегарий поведет варангов на штурм городов Амальфи, Неаполя и Гаэты, не признающих верховенства нашей власти.

Отдав приказ, Его Величество покинул Консисторион. Когда Сухов распрямил согбенную спину, он наткнулся на ухмылку Феоклита Дуки, исполненную злобного торжества. Впрочем, высокий лоб царедворца уже начинал морщиться под натиском жестоких сомнений: святейший назвал его самого любезнейшим, а вот варвара Олегария — благороднейшим... Не скрыто ли в этом тайное предпочтение?

А Сухов сразу же подумал о другом. «Неужели это он затеял переворот? — промелькнуло у него.— Было бы здорово... Обречь такую паскуду на пытки и казнь — отрада, каких мало!»

Домой он возвращался уже под вечер, но на Месе было по-прежнему людно. Олег шёл и думал, как хорошо быть богатым и знатным. Вот он идёт, и ничто не тревожит его ум, никакие суетные желания и нужды. Прикупить бы чего на ужин? Принести ли воды? А в достатке ли дров? Всё это не касалось его — о том, чтобы ему было тепло и сытно, позаботятся слуги. А их господин может важно и чинно шествовать, освобождая мысли для философии и прочих достойных занятий.

Слежку за собой Сухов обнаружил не сразу и осерчал. Досадным было не само преследование, а то, что он его не сразу приметил.

За ним неотступно, как привязанный, топал венецианец, обряженный по смешной европейской моде,— тощие ноги обтянуты узкими штанами-шоссами и обуты в башмаки с причудливо загнутыми острыми носками, поверх рубахи-камизы болтается жакет-пелиссон из меха, обшитого тканью снаружи и с изнанки. На поясе висел кошель из чёрного шелка и меч в ножнах, голову прикрывала маленькая чёрная шляпа с длинным красным пером.

Олег сразу вспомнил убийцу Павла Сурсувула, но нет, описание не сходилось — венецианец, которого обещал добыть Ивор, был маленьким и юрким, а этот, неутомимо преследующий Олега, отличался ростом и статью. Интересно, при чем здесь, вообще, Венеция? Хотя... Венецианцы всегда были изворотливы и предприимчивы. Их предки,

сбежав от орды готов, поправших Великий Рим, на островки и болота Венецианской лагуны, сразу прикинули, что к чему, и навсегда задержались между сушей и морем. Сухопутные жители спасались за крепостными стенами, постоянно претерпевая осады и штурмы, а Венеция стала неприступной, ибо ни готы, ни гунны, ни лангобарды не знали флота. А вот Восточная Римская империя ведала — и подчинила поселения венецианцев своей воле.

Ко времени Романа Лакапина Венеция обрела почти полную свободу — и ставила во всё большую зависимость самих ромеев. Венецианские купцы прибирали к рукам морскую торговлю империи, становясь незаменимыми посредниками, а по сути — хозяевами положения. Ромейский торговый флот хирел и таял, а венецианцы всё спускали и спускали на воду новые усиеры, галеры, батты и барказы — вскоре сосны на островках вокруг их столицы были сведены полностью, и они переключились на леса Далмации. Вот так ничтожный Давид скрутил колоссального Голиафа...

«Не отвлекайся!» — одернул себя Олег. Случайно ли в заговоре оказались замешаны венецианцы или это простое совпадение, неважно. У него на хвосте висит один такой, вот о нём и надо думать. Чего добивается преследователь, зачем потрясает гульфиком? Ответ на этот вопрос был получен без задержки.

На форуме Константина Сухов свернул к своему дому — и венецианец сразу ускорил шаги, стал догонять магистра. Магистр погладил рукоятку верного спафиона.

Неожиданно из-за арки, стоявшей поперёк улицы, вышли ещё двое в обтягивающих брючках-шоссах, больше всего напоминавших подгузники, причём штанины были разных цветов — у одного жёлто-голубые, у другого — красно-чёрные. Выхватив кривые мечи скимитары, венецианцы бросились на Олега.

Сухов изобразил испуг и развернулся, делая вид, что изготовился бежать. Его рослый и статный преследователь, тоже вооруженный скимитаром, злорадно ухмыльнулся. Расставив руки пошире, присев на полусогнутых ногах, он ловил струсившего ромея — и нарвался на меткий выпад. Олегов меч вонзился снизу вверх, протыкая сердце.

Венецианец даже не захрипел в истекающие секунды жизни — выронив клинок, он привстал на цыпочки, пуча глаза и растягивая рот в неслышном крике. Олег выдернул меч и повернулся кругом к парочке разноцветных. Сойдясь на мечах с «красно-чёрным», более опасным и опытным противником, Сухов стал кружить, уходя от клинка «жёлто-голубого»,— тот подпрыгивал, ярился, пытаясь достать магистра

и аколита, но его намерению то и дело мешал «красно-чёрный», будто нарочно загораживавший Олега. Италиец и рад был бы уступить товарищу, да не мог выйти из магического круга, который со звоном и шипением рассекаемого воздуха чертила беспрестанно рязящая сталь. Олег Полутролль, гридень Рюрика и Халега Ведуна, владел мечом на уровне, недостижимом для венецианских бретёров.

«Красно-чёрный» прилагал отчаянные усилия для того, чтобы только удержать скимитар. Скованный величайшим напряжением, он изнемогал, венецианцу казалось, что у противника отросло шесть рук, как у страшненького божка из Индии, и сразу полдюжины мечей пытаются иссечь его. Томящий страх набухал в венецианце, рождая отчаяние,— «красно-чёрный» уразумел, что магистр не бьётся с ним, а забавляется, теша себя жестокой игрой. В какой-то момент произошёл надлом — рука бретёра дрогнула, пропуская удар, и меч-спафион перечеркнул ему горло — вбок словно брызнуло рубиновым вином.

Обратным движением клинка Олег поразил «жёлто-голубого» — тот умер, так и не успев ничего понять.

Сухов медленно выдохнул — и услышал топот. Ещё трое, нет, четверо со скимитарами выбегали из старого парка, над деревьями которого возвышалась одинокая колонна зеленого в крапинку мрамора. С кличем «Святой Марк!» они всем скопом бросились на Олега.

Магистр опустил меч, наклонил голову, готовый встретить новую напасть, как вдруг в тылу у венецианцев заметались две тени — огромная и не очень. С радостью и облегчением Сухов угадал в них Ивора и Малютку Свена.

Венецианцы изумились, рассмотрев на его лице приятную улыбку, а в следующий миг им очень не повезло — одному в спину втесалась любимая секира Малютки, другого наотмашь ударил Пожиратель Смерти, почти снеся голову с плеч. Третий напоролся на спафион Олега, а четвертого подрубил Котян.

— Припоздал я! — выдохнул он с сожалением, добивая поверженного врага.

— Спасибочки,— расплылся в улыбке Олег,— подсобили чуток!

— Не всё ж тебе одному,— ухмыльнулся Свен.

— Да я всё того Пауло Лучио искал,— сказал Ивор, аккуратно обтирая клинок об убитого.— Нашёл-таки, но поздновато, тот помереть успел — его из лука расстреляли.

— Стрел понатыкали...— протянул Малютка Свен.— Как ёжик стал!

— Ясно,— кивнул Сухов и задумался.— Вот что, малышок... Это самое, сгоняй-ка ты за князем. Лады? И веди его ко мне домой. Ско-

ро мы в поход идём, ясно? Лангобардов будем бить. Пойдём на больших лодьях!

— Так а где ж их взять? — подивился Ивор.

— Вот и обсудим, где да как. Пошли. Алёна обещала на ужин седло косули подать с бобами, так что пошевеливайся, Свен, а то не достанется.

— Бегу! — сорвался Малютка с места, перепрыгнул сражённого венецианца и помчал к Месе.

— Пошли,— повторил Олег.

И они пошли.

Глава 4,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ИТАЛИЮ ТРАНЗИТОМ ЧЕРЕЗ ТМУТОРОКАН

С раннего утра варяги стали готовиться к отплытию — их аколиту, исполнявшему волю государеву, предоставили дромон «Жезл Аарона», здоровенный чёрный корабль с непривычными для росов косыми реями, больше всего смахивавшими на колодезные «журавли». Вместе с Олегом отправлялся князь Инегельд со всею «чёртовой дюжиной» и Пончик. Ну куда ж без лекаря...

На берегу стоял епископ. Держа в руках дикирий и трекирий, он крестообразно осенял дромон. Иподиаконы, крест-накрест повязанные орарями, гнусаво пели стихиры, а ромеи-корабельщики грубыми голосами тянули нестройно: «Господи, помилуй! Господи, помилуй!»

— Отплываем когда, любезнейший? — спросил Сухов у навклира Михаила, командира корабля.

Навклир скосил глаза, пошевелил губами, словно ведя расчеты, и ответил:

— Ближе к полудню, с помощью Пресвятой Девы, мы сможем поднять паруса, сиятельный.

— Ну и славно... Только, это самое, не позже, договорились?

Ровно в полдень Олег поднялся на палубу «Жезла Аарона» и навклир велел отдать концы. Канаты, удерживавшие дромон, соскольз-

нули с гранитных тумб, между бортом и причальной стенкой стала шириться полоса зеленой, мутновато-грязноватой воды Золотого Рога. Прощевай, град Константинов! Еще свидимся...

В Босфоре пришлось хорошенько поработать веслами — сильное течение из Понта Эвксинского не пускало корабль, толкало обратно, но могучие гребцы, взяв в напарники южный ветер, вывели дромон в открытое море.

— Глянь-кось,— дивился Боевой Клык,— скрипит-то как, а не тонет! Почитай, по пятнадцати вёрст парусит. Хорошо поспевает.

— Паруса у них непонятные...— Стегги Метатель Колец подозрительно оглядел красные полотнища, растянутые треугольниками. Ветер дул в корму, и паруса развернули «бабочкой» — рей на передней мачте выгибался по диагонали вправо, а тот, что на задней,— влево. Так дромон забирал больше ветра.

— Зовутся — латинские,— со знанием дела сказал Фудри Московский.

— И на што они такие? — всё удивлялся Клык.— Али холста не хватило, штоб обычные пошить?

— С косыми парусами, князь,— вразумил Инегельда Олег,— можно и против ветра плыть.

— Врёшь поди?

— Точно тебе говорю...

Осиянный солнцем купол Софии стал медленно оседать, словно прячась за облачка. Пропадали из виду башни, церкви, дворцы. Едва движимый гребцами и подгоняемый попутным ветром, дромон миновал Диплоционий и вышел в открытое море. Морщины и складочки на парусах мигом изгладились, корабль побежал шустрее.

На дромонах не стелили сплошной палубы — от носовой до кормовой площадки тянулись три сквозных дощатых прохода — поднятых над гребцами с каждого борта, и по продольной оси. С гребной палубы ощутимо тянуло потом и теплом разгоряченных тел.

Шагая по гулкому настилу вдоль правого борта, Сухов вышел на корму, где двое кормчих удерживали рулевые вёсла. Над кряхтящими кормщиками загибались два «рога» — кормовые завитки-акростоли,— а ещё выше колыхалась пурпурная хоругвь с ликом Богоматери. Над её главой отливал серебром полумесяц со звездой внутри — знак Артемиды, богини-девственницы. Вроде как спасла она во время о́но городишко Византий от набега Филиппа, царя македонского, и благодарные жители назвали в честь богини бухту Золотым Рогом. Семьсот лет спустя Артемида-звероловица совместилась в сознании верующих с Богородицей...

Хоругвь была тяжела от злата-серебра, и ветер никак не мог заставить её трепетать и полоскаться.

— Не понять мне вас, христиан,— проворчал Клык, перехватывая взгляд Олегов.— Кабыть, полумесяц со звёздочкой арабы себе малюют, так и вы туда же!

— Бог един,— мягко сказал Сухов. И задумался.

Однажды крестившись, он не часто посещал церковь. Любил справлять Пасху, а остальные праздники бывало, что и пропускал, увиливая от пышных церемоний и торжеств, ибо был убеждён — суть христианства вовсе не в соблюдении ритуалов, не в следовании догматам, а в верности глубинной сути, основному устою, Символу веры. Христос дал новую заповедь: «Возлюби ближнего, как самого себя!» — и это была величайшая идея всех времён и народов. Возлюби ближнего! Не воюй, не причиняй боли и смерти, не приноси горя, не возбуждай ненависти, безразличен не будь, не лги, не трусь, не предавай и не совершай подлости, а возлюби! Возлюби — и рай земной устроится при твоей жизни. Дружи или пылай страстью. Живи по совести, по закону стыда. Поддержи упадающего, подсоби слабому, пойми ближнего и помилосердствуй. Это же так просто! И будет всем счастье.

Так нет же, не приемлют человеки любви, всё кровь проливают, стяжают и пакостят, пакостят, пакостят... Миряне мечом отбивают чужих жен и не своё добро, а попы — крестом, насилуя идею Христову, извращая смысл её. Угнетает тебя власть, обирает? А ты возлюби её, ибо вся власть от Бога, а Бог есть любовь! Ты пашешь от зари до зари, пóтом своим и кровью орошаешь землю, а весь урожай достаётся богатею-землевладельцу? Он жиреет, а жена твоя старится смолоду, и дети от голода пухнут? Так возлюби жиреющего! Возлюби врага, возлюби палача и сиятельного вора, возлюби притеснителя, но только не требуй взаимности, не впадай во грех равенства...

Быть может, светлая заповедь Христова неисполнима вовсе? Но вот же он, Олег, готов жить в мире, где правит Любовь! Он любит свою Алёнку, друзей любит... Врагов, правда, недолюбливает. Живёт сам и даёт умереть другим. Убивает, чтобы не умереть самому, чтобы любить по-прежнему тех, кто достоин исполнения божественной заповеди...

...Византийские берега постепенно опадали, теряя подробности рельефа и заплывая синим цветом, ужимаясь в темную полосу по окоёму, пропадая вовсе за обливными валами. Ай, хорошее море! Русское море.

...Крепко сидел Тмуторокан, заняв место на берегу крошечного полуострова, связанного с большой землей песчаными косами, обрам-

лявшими горькие соленые озера и мелкие заливчики — с суши не взять! Да и с моря не подкрадешься — повсюду мели переходящие, там и сям скалы торчат, а берег высок, крут и обрывист. Недаром предприимчивые эллины один за другим полисы свои здесь выстраивали — Гермонассу, Горгиппию, Фанагорию. Знали толк!

А какая земля вокруг Тмуторокана — жирнющий чернозем! И толщины неимоверной — закапывайся хоть на два, хоть на три роста, а до худосочной глины не докопаешься. И зеленели за стенами тмутороканскими виноградники, колосился хлеб, цвели сады. А воды еще богаче были, еще изобильней — воистину море обетованное. Старики по бережку промышляли — не торопясь, набивали полные мешки вкусными мидиями, а дети их рыбу ловили, да не всякую, а с разбором. Белугу брали, осетром не брезговали, а прочие «дары моря» — к чему им?

Короче говоря, не ищи места лучше Тмуторокана, всё равно не найдёшь!

По выходе в Понт Эвксинский дромон повернул на восток, минуя Гераклею и Амастриду, которую ромейские мореходы называли оком Пафлагонии (а варяги грабили, и не раз). У мыса Карамбис корабль взял курс на север, отправившись ночью, чтобы плыть с попутным ветром и дойти с его помощью до середины Понта, где с наступлением дня ветер переменится и домчит до места. Так и случилось.

По левому борту «Жезла Аарона» проплывала Таврия, стекая на восток пологими травянистыми холмами, предвещая степной простор и обрываясь в море слоистыми кручами.

Входной маяк Боспора Киммерийского [1] встал по левую руку, и навклир повернул дромон на пол-оборота к северу.

С моря открылся взгляду неширокий пролив, вёрст пятнадцати у входа.

Утреннее солнце висело красным щитом во мгле испарений Сурожского моря [2]. Туманец застил дали пролива, но небо гляделось ясно. Солнце набирало жáру, забираясь на небеси, и туманная мгла истаяла, преподнося глазу восточный берег — как зеркальное отражение берега западного.

В проливе качались струги и ушкуи, рыбари с них выбирали невода. Ценную рыбу швыряли под ноги, лишнюю отпускали в море. Из воды торчали тонкие шесты, опоры ставных неводов. На мелкой вол-

[1] *Боспор Киммерийский* — ныне Керченский пролив.

[2] *Сурожское море* нынче называют Азовским. Ромеи прозывали его Меотидой.

не плясали поплавки из красной осокоревой коры, удерживая переметы для донной ловли.

— Тмуторокан видат! — довольно сказал Котян.

— Как же тебя сопливое святейшество отпустило, не понимаю,— проговорил Сухов.

Печенег ухмыльнулся.

— А я ему коней обещал привезти,— сказал он,— тутошних коней, что от роксоланских альпов породу ведут. Патриарх мигом меня собрал, еще и денег дал на дорогу!

— Всё с тобой ясно...

Восточный берег всё задирался слоистой кручей. Понизу обрыва стелился узенький жёлтопесчаный бережок — не шире тропинки. А вот и город показался — травянистые валы поднялись за обрывом, а по валам тем белокаменные стены протянулись, укреплённые башнями круглыми и квадратными, толстыми и могучими даже с виду.

Дромон шёл медленно, сторожко, держась подальше от светлеющих мелей и темневших подводных камней. За городом «Жезл Аарона» повернул к пристани.

У причалов покачивались крутобокие ромейские саландеры, нагружаемые амфорами с местной нефтью, гнутые арабские фелюги, высоко задиравшие нос и корму, торговый русский кнорр, несколько скедий, черных с синим, а поодаль стояли в рядок боевые лодьи — длиннотелые, хищных очертаний корабли. Мелкая волна вскидывала их форштевни — пока что пустые. Головы драконов, горгулий и прочих чудищ, украшающие их в походе, были сняты в виду родных берегов — своих-то зачем пугать? Успокаиваясь и радуясь, Олег насчитал семь лодий.

— Во! — хмыкнул Клык.— Ишшо три штуки настругали! Ну, молодцы! Ужо намнём лангобардам по телесам!

Убрав паруса, дромон подошёл к пристани на вёслах. Пара босоногих гридней в одних кожаных штанах приняла швартовы и живо накрутила их на крепкие деревянные столбы.

Прибыли.

Блистать белыми одеждами магистра Сухов не стал — обрядившись в чёрный сагий, расшитый золотыми орлами, он спустился по трапу на бревенчатый причал. И сразу же услыхал родную речь:

— А чего это сюда ромеи припёрлись?

Вопрошал молодой и норовистый гридень с наглыми глазами забияки. В одних портках да в тяжёлой куртке из буйволиной кожи, обшитой роговыми пластинами, гридень задирал нос не по чину. Шлем

с наносником и выкружками для глаз был молодцу великоват и сидел косо, а из-под него выглядывали две смешные рыжие косицы.

— Ты глазья-то разуй! — прикрикнул на него Боевой Клык.— Нашенский это Олег! Али не признал?

Парень охнул и засуетился:

— Князюшка, вот не ждали!

— Ступай отседова, Стемид, да ярла призови.

— Карла, что ли?

— Всех, кого сыщешь,— и Карла, и Олава, и... Чьи это лодьи стоят, ведомо тебе?

— А как же! — взбодрился Стемид.— Вон, с краю, Карла Вилобородого лодья, «Пардусом» наречена. Рядом «Семаргл» Веремуда Высокого и «Вий» Гуды Змеиного Глаза, а четвёртая отсюда кабыть «Лембой» Рулава Счастливого. За ним сразу «Финист» Вуефаста Дороги...

— И этот здесь? — осклабился светлый князь.— Ага! Да ты не молчи, я слушаю. А те, што за «Финистом»?

— Которая последняя — «Морской змей» Олава Лесоруба,— протараторил Стемид,— а та, что поближе,— «Зилант», Либиар Лысый его на той неделе в море вывел.

— Вот и давай их всех... куда? А давай к тому дому с колоннами, где мы хазарина вешали. Живо!

Стемид почесал так, что босые пятки засверкали, а делегация стала чинно подниматься по крутой тропке наверх, к городу. Олег постоянно встречал приметы здешней жизни, и они находили отклик в его русской душе. Вон молодые девки в одних рубахах стоят, вёдра

тащат полные, аж коромысла гнутся. У девиц на головах веночки, сзади косы до пояса, а ветерок шаловливо задирает подолы или облепляет точёные фигурки, подсказывая рассудку незримые черты. А где-то петух голосит, мычит корова, звякает кузнечный молот. Русским духом пахнет, вот только запах распаренных банных веников странно сочетается с ароматами полыни и гниющих водорослей.

За распахнутыми воротами крепости Олегу открылась извилистая улица, впадающая в пыльный майдан. Под ногами пощёлкивало — уличку по эллинскому обычаю мостили галькой, осколками битых амфор, кувшинов и прочей утвари.

Россы были пришельцами в здешних безлесых краях, но приспособились они быстро. Ставили хаты-мазанки, кто побогаче — дома из ракушечника складывали. А рожь сеяли вместе с пшеницей, получалась сурожь, оттого и море так назвали.

— Тебя тут, как венценосную особу, встречают,— проговорил Пончик.— По улице живого магистра водят, как видно, напоказ. Угу...

— Цыц! — сказал Олег.— Не мешай мне исполнять волю государеву.

А на улицах Тмуторокана и впрямь людно стало. Население тутошнее, зрелищами не избалованное, выходило посмотреть на ромейского вельможу, являясь всем семейством. Причём к статному блондину, светлоглазому и светлокожему, частенько жалась чёрноглазая брюнетка из алан, булгар или ясов — тут вместе сходились горы, степь и лес.

— Олежа!

Сухов встрепенулся, завидя крепкого деда, будто сделанного из стали и сыромятной кожи. Это был Турберн Железнобокий.

— В гости припожаловал, дорогой? — осведомился он, лучась.

— Кстати, да! — ответил Олег, попадая в ухватистые объятия старого варяга.— Ну и по делу тож — базилевс в поход призывает.

— А далече ли? — Глаза Турберна вмиг сделались цепкими.

— На Италию! Пока ромеи будут лангобардов колошматить в Апулии, мы вперёд уйдём — в Амальфи нагрянем, в Неаполь заглянем, в Гаэту завернём...

Олег, привыкший к ромейскому порядку и размеренности, не хотел обсуждать детали похода на улице, однако над варягами не довлел церемониал — вскоре магистра и аколита обступили плотной толпой, а потом в середину протолкались ярлы — все как один в шёлковых рубахах и в портках из рытого бархату, а уж сапогам их, расшитым жемчугами да каменьями, позавидовал бы любой модник с Месы. Карла Вилобородого Сухов узнал — встречал однажды. С Олавом Лесорубом и Вуефастом Дорогой он в поход ходил на Ширван, а остальные ему были незнакомы. Зато их хорошо знал Инегельд.

После радостного рёва и мощной серии дружеских тумаков светлый князь отрекомендовал ярлам Олега, магистра и аколита, после чего представил Сухову своих знатных знакомцев. Высокие договаривающиеся стороны пошаркали сапогами в пыли и вернулись к обсуждению дел насущных.

— Лангобардов я не встречал,— задумался Карл Вилобородый.— Франков бил, свеев бил, саксов бил, а с лангобардами не пересекался.

— Ой, да те же франки, считай! — отмахнулся Инегельд.— Разомлели они в своей Лангобардии, воевать совсем разучились. Правда, много их...

— Ну так сочтём число, да и подсократим! — ухмыльнулся Олав Лесоруб.— Впервой, что ли?

— Ты мне вот что скажи, Олег,— строго спросил Либиар Лысый, великан с круглой головой, обритой наголо,— добыча ожидается знатная?

Сухов важно кивнул.

— Амальфи с Неаполем, да и Гаэта тож — торговые города,— сказал он.— Это самое... Купцы там живут богатые и хитрозадые — по три шкуры спустишь с них, и окажется, что парочку шкурок они таки заныкали.

Ярлы захохотали.

— Только учтите,— построжел Олег,— я вас не на прогулку зову. У тех городов крепкие стены, взять их будет непросто.

Рулав Счастливый пожал плечами.

— Если я учую золото,— сказал он,— камень меня не остановит.

— Неаполь, Амальфи, Гаэта,— стал загибать пальцы Вуефаст Дорога.— Это всё?

— Как разберёмся с этими, двинем к Риму, надо будет тамошнего короля Гуго купить с потрохами — таково поручение базилевса. Вернее, это самое, нам такое ответственное дело поручат, ежели возьмём три города подряд. Возьмём, я думаю... И домой!

— Согласные мы! — выразил общее мнение Карл.— Верно, ярлы?

— Верно! — заорали ярлы.

— Условия такие,— возвысил голос Сухов.— В поход отправляться только на больших лодьях! И чтоб было вас хотя бы сотни три, а лучше все четыре.

— Сейчас посчитаем,— рассмеялся Олав, любитель арифметики,— нас тут много!

— А нас? — выбился из толпы булгарин Курт из рода Дуло.— Мы тоже хотим!

— И мы сходили бы! — подал голос уздень Алэдж, сын Бэгота, ясский воевода.— Знай, урум [1], большие лодьи из великих дерев построены, а те деревья в наших горах росли!

После криков и азартной брани стороны договорились, что бить лангобардов пойдут четыреста пятнадцать варягов на семи лодьях [2], а так как посудины это вместительные, то можно будет взять в поход еще три сотни проверенных бойцов — булгар, савиров, ясов да алан. На том и порешили.

---

[1] *Урум* — т. е. ромей.

[2] Об участии в итальянском походе 415 варягов на 7 кораблях есть упоминания в хрониках.

Ближе к вечеру, устав от публичных слушаний и говорильни, Олег выбрался за Восточные ворота. Перед ним простиралась холмистая равнина. Вблизи дорога петляла меж рыжими буграми и виноградниками, по ней проезжала ясская арба.

Земли тут были наиплодороднейшие, но и неспокойные — там грязевой вулкан извергается, целые озера жидкой горячей глины бурлят в кратерах, тут нефть выступает. Глаза смотрели на белесые солончаки, на колючие будяки и сомневались в ценности зримого. Надо было далеко отойти, чтобы почуять, как одуряюще пахнет жирная чёрная земля,— жито сеяли за плавнями, там же и скотину пасли. Такова была мера убережения от набега кочевников, хазар или печенегов — эти тоже покою не давали.

Затюпали по пыли копыта, и из-за садочка вывернула четвёрка гнедых скакунов. Переднего оседлал совершенно счастливый Котян, вволю нанюхавшийся трав, загонявший всю четвёрку бешеной скачкой по весенней степи.

— Хорошо-то как! — воскликнул он, осаживая храпящего коня.

— Наскакался? — спросил Олег с улыбкой.

— Вдоволь! Досыта!

— Иди тогда, договаривайся с навклиром, чтобы взял на борт патриарших коников.

— А ты? — упавшим голосом спросил печенег.

— А я на лодье пойду, так быстрее выйдет.

— Ладно!

Котян спешился и повёл коней в поводу — те фыркали и мотали головами, остывая от бега. Олег оглядел темнеющую степь в последний раз, да и отправился следом за беком.

Ну, само собой, отдохнуть от трудов праведных ему не дали — на проводах гулял весь Тмуторокан, гулял по-русски — до утра, до упою, до забытья. Корчаги с вином едва успевали вытаскивать из погребов. Опрокинув в себя ха-арошую чарочку, наспех закусывали икрой или ухой стерляжьей и пускались в дикий пляс, да чтоб с гиканьем, с отмашкой острым клинком!

Мрачной краснотой светила луна, зловещая муть ложилась на тихую воду залива — над Сурожским морем, над солеными озерами, над камышовыми топями кубанских гирл вставали, клубились облака испарений. Они-то и окрашивали восходы луны в кровавые тона. А сделаешь пару переходов, к горам поближе, и любуйся себе ясными ночами да серебряным разливом лунного сияния...

Едва отбившись от пары настойчивых девиц, Олег спустился к пристани, забрался на лодью «Пардус» и завалился спать.

Утром варяги похмелились и отчалили. Впереди двигался дромон «Жезл Аарона», но флагманом он пробыл недолго — выйдя в открытое море, лодьи обогнали ромейский корабль и оставили его за кормой. И снова простёрся вокруг синий, шумнокипящий Понт.

Скинув к чёрту сагий, Сухов уселся за весло и пошёл тягать гребь на пару с Малюткой Свеном. Свен грёб осторожно, боясь сломать рукоять весла. А Олег ощущал тихую радость возвращения, он просто упивался тем, чего ему так не доставало у ромеев,— спокойной надёжности побратимов, драгоценного чувства товарищества. Он словно заряжался бесшабашной силой варягов, их гордой волей и той храбростью, что порой доходила до самоотречения.

Двумя днями позже Олег справил свой маленький триумф — семь громадных лодий с воздетыми на штевни клыкастыми головами драконов и прочих чудовищ, с гордо выпяченными полосатыми парусами, с рядами круглых щитов по бортам, величественно вплывали в устье Золотого Рога. Превосходя в размерах кумварии и памфилы, равняясь по длине со старыми триремами и новыми дромонами, лодьи поражали воображение ромеев своею варварской красой. Любви народной варанги, конечно же, не заслужили, да и без разницы была им та любовь. Но вот страха в людях прибавилось, и этакого опасливого уважения: видали, что эти варанги вытворяют? Божьим ли попущением? Или наущением сатанинским?! Свят, свят, свят...

Сразу после Пасхи объявили отплытие. Сам базилевс явился провожать экспедиционную армию, приведя с собою толпу придворных. Патриарх Феофилакт на скорую руку благословил воинов, порываясь сбежать в конюшню, к своим четырём красавцам из скифских степей.

Под заполошный звон бронзовых бил и приветственные крики толпы флот отправился к берегам Италии. Последними отчалили лодьи варангов. Они скользили по водам легко и плавно, лениво даже, словно не желая зря тратить силы.

Роман I Лакапин намеренно поднялся на плоскую крышу дворца Буколеон и придвинулся к фигурным зубцам парапета. Он увидел, как флот медленно выплывал на морской простор. Русские лодьи плелись в хвосте, что варангам было не по нраву. И вот семь кораблей распустили красно-белые паруса, а северный ветер борей, родственный россам, подхватил лодьи и понёс вперёд. По сравнению с ними даже новейшие дромоны «Победоносец Ромейский», «Дракон» и «Св. Димитрий Воин» казались неуклюжими, медлительными волами рядом с быстроногими скакунами-каппадокийцами. «Но служат они мне!» — подумал базилевс и утешился.

Некоторое время Роман Лакапин глядел на море, поглощенный своими думами, пока не заметил ещё один корабль, будто догонявший отошедший флот. Это была венецианская галера. Она скользила легко, движимая чересполосицей вёсел, окунавшимися в одно и то же мгновение, и парой косых парусов, растянутых длинными реями.

Базилевс покачал головой. Венецианцы частенько бесили его своей заносчивостью и великой гордыней. Этих купцов, мореходов и рыбаков наберётся тыщ пятьдесят на всех островках их гнилого архипелага, но флот «Города-на-воде» уже сейчас внушал почтение и опаску. А что будет завтра? С какими ещё притязаниями явятся эти надменные гордецы в бархатных плащах?..

Тут автократор ромеев припомнил, что Светлейшая Республика Венеция всё ж таки провинция его империи, и улыбнулся.

ГЛАВА 5,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ ИСПЫТЫВАЕТ ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

1

Ромейская эскадра миновала проливы. Прошла мимо Крита, удерживаемого сарацинами — пиратами и пастухами. Вышла из толчеи островов архипелага. Обогнула коварнейший мыс Малею, где ясная погода могла почти мгновенно, как будто по мановению волшебной палочки в руке злого чародея, обратиться в бурную, а ласковый бриз сорваться в яростный шквал. Так и случилось — едва русские лодьи и ромейские дромоны обошли мрачные скалистые утёсы Малеи, как на лазурные воды пала угрюмая тень, сгущая цвет волны до холодной синевы. Откуда ни возьмись, наполз густой туман, скрывая корабли до верхушек мачт.

— Паруса долой! — вострубил Инегельд.

Варяги, видимые в сырой пелене размытыми пятнами, бросились исполнять приказ. С ромейских кораблей донесся заполошный звон —

дромонарии колотили в била, предупреждая о себе. Вразнобой зазвучало: «Господи, помилуй!» — но туман лишь плотнел, покрывая белесою мгой всё вокруг. Лодьи легли в дрейф, а варанги засели недвижными статуями, напряжённо вслушиваясь, ловя малейший звучок,— не шумит ли прибойная волна, не скрипит ли в опасной близости соседний корабль.

Однажды из тумана наплыл чёрный скользкий борт дромона «Феодосий Великий» — варяги дружно выставили вёсла, приняв удар, и мощно оттолкнулись. Ромейский корабль понемногу растаял в белесине.

— Как тесен мир...— пробормотал Пончик.— Ночью или в тумане даже в голову не приходят мысли о бесконечности Вселенной и безбрежности подлунного мира. Угу...

— Ну, не скажи,— протянул Олег.— Я однажды днём испытал... это самое... как тесно бывает на земле. Я, такой, в лесу ягоду собираю, малинку спелую — срываю по ягодке и в рот кидаю. Вдруг вижу — ещё один лакомится, медведь здоровый. Загребает малину когтями, чавкает и на меня посматривает — прикидывает, что ему с этим двуногим сотворить. Днём, Понч! А уж ночью... Только увижу звёзды — сразу являются мысли о бесконечном. Помнишь?.. «Ночью я открываю свой люк и вижу, как далеко разбрызганы в небе миры. И всё, что я вижу, умноженное на сколько хотите, есть только граница всё новых и новых вселенных. Всё дальше и дальше уходят они, разбегаясь, всегда разбегаясь. За грани, за грани, вечно за грани миров!»

— Кто это... так? — спросил впечатлённый Александр.

— Уолт Уитмен,— вздохнул Сухов.— Был такой... Будет такой.

— Через миллиард тыщ лет...— уныло договорил протоспафарий.— Угу...

Магистр и аколит не стал подбадривать друга. Как это, вообще, возможно? Они вжились в это время, укоренились в нём, проросли всеми нервами, а толку? Оно так и осталось для них чужим, не родным, не своим.

В этот момент, будто решив поднять настроение, погода снова поменяла знак — задул свежий ветер и порвал туман в клочья, понёс истаивающие клубы над блестящею водой. На дромонах грянули благодарственные гимны.

Олегу открылась вся лодья (вместе с Боевым Клыком он плыл на «Пардусе» Карла Вилобородого) — развалистые борта изящно сходились к носу, вытягиваясь форштевнем, шеей какой-то страхолюдной башки, изображавшей тигра — как минимум саблезубого.

— Парус поднять! — бодро скомандовал ярл.

Гулко хлопая на ветру, расправился полосатый парус, заскрипели внатяг снасти из моржовой кожи. Лодью повлекло вперёд, но разве командиры дадут спокойно посидеть личному составу?

— Не скучать! — крикнул Вилобородый.— Вёсла на воду!

Забрякали десятки вёсел. Варяги привычными движениями вытаскивали резные затычки из круглых зияний в бортах, совали в них вёсла с узкими лопастями и брались за отполированные рукояти.

— И... раз! И... два!

— Греби! Греби! — выдохнули вёсельщики.

Лодьи набрали хорошую скорость, уходя вперёд и в сторону, дабы не мешать дромонам, хеландиям и прочим памфилам.

Очень постепенно холмистые земли Греции изгладились, уходя за горизонт, протянулись толстой синей линией. После она утончилась и пропала вовсе. Одно море простёрлось кругом.

Ночь выдалась звёздная. Олег отыскал Большую и Малую Колесницы (так ромеи прозвали небесных Медведиц), полюбовался косматыми светилами и решил пройтись на корму — приспичило магистру.

Звёздного света было довольно, чтобы разглядеть Стемида, удерживавшего рулевое весло и сонно кивавшего своим «безразмерным» шлемом.

Отлив с левого борта, магистр и аколит опёрся о крайний щит, подвешенный на особую планку, и засмотрелся на море. Вода ещё не успела как следует прогреться, и душно не было — волны нагоняли солоноватую свежесть.

Услышав тихую поступь за спиной, Олег повернулся, и это спасло его — удар кинжала пришёлся в бок. Сухов отшатнулся, хватаясь за меч, и следующий выпад порвал ему руку, вонзаясь и кромсая плоть. Боль была такая, что горло перехватило, и крик застрял в глотке.

Тёмное, сосредоточенно сопящее лицо с косицами, торчавшими из-под большого шлема, расплылось перед глазами Олега. Вытащить спафион из ножен ему ещё удалось, но вот удержать его в руках он не сумел, выронил. Почти вслепую, руководясь не рассудком, а волей к жизни, Сухов уцепился за кромку щита, укрытого от сырости чехлом из коровьей шкуры. Скоба не выдержала вес тела — изломилась, и магистр вместе со щитом ухнул в море.

Холодная вода привела его в чувство. Судорожно цепляясь за щит, Олег крикнул, но исторгнуть удалось лишь хрип. Чёрная обтекаемая масса лодьи скользнула вперёд, растворяясь во мраке. Парус недол-

гое время застилал созвездия непроглядным прямоугольником, но потом и он затерялся, сливаясь с гранями миров.

Лодьи обгоняли дромоны, те шли позади. Быть может, с ромейских палуб заметят человека за бортом? Едва додумав эту мысль, Олег на миг потерял сознание.

«Так не годится...» — сложилась думка. Сухов просунул руку под петлю щита и, ухватившись за треснувшую скобу, попробовал затащить на деревянный круг непослушное тело. Загнанно дыша, опустил голову на мокрый край. Как же ему худо, Господи...

Круглый варяжский щит, сколоченный из толстых досок и обитый толстой кожей, вываренной в воске, служил гридням на переправах через реки. А вот пробовал ли кто переплыть со щитом море?.. На этом умственном усилии рассудок Олега померк.

2

Витале Ипато являлся патрицием и был занесён в «Золотую книгу», куда вписывали всех нобилей, все знатные семейства Светлейшей Республики Венеция. Он не был так богат, как его дядя Доменико, но содержал дворец на Большом Канале — двухэтажный каменный дом с крошечным садиком, где нашлось место для пяти чахлых деревьев. А для Венеции это служило признаком весьма состоятельного человека.

Ипато очень гордился принадлежностью к древнему роду, у него в предках числились римские сенаторы, а потому Витале с самой молодости твердил, что служить согласен разве что дожу [1]. И вот, когда в дожи вышел Пьетро II Кандиано, пробил его час.

В помощники правителю Венеции выбрали двух трибунов, так что было кому давать подсказки Кандиано по торговой или военной части, а вот Ипато дож поручал дела тайные, назначив Витале своим советником — преординатом.

Блистательная звезда Венеции стремилась в зенит, и мало кто задумывался о том, что восходила она из смрадной хляби...

---

[1] *Дож* — так венецианцы выговаривали ромейское слово «дука» — герцог, образованное от латинского dux, то бишь «вождь».

...Разрывчатым полумесяцем раскинулся лабиринт из клочков зыбкой суши по Венецианской лагуне — сотня островков, полторы сотни проток, болота и отмели, наносы ила и песчаные косы. Те острова, что побольше, были покрыты разнотравьем, рощицами и зарослями кустарника. Редкими гостями островов бывали разве что пастухи или добытчики соли.

Всё изменилось с набегом Алариха, победоносного вождя готов, чья конница сметала легионы, выкашивая их как спелое жито. Римляне из Аквилеи и Патавиума бежали на топкие острова целыми семействами, прихватывая с собой домашний скарб и рабов. И прижились, пережидая смуту, ибо болота и солёное мелководье оберегало беженцев лучше крепостных стен — свирепые кочевники умели брать города, а вот с морем они не дружили.

Волна за волной проходили нашествия — то готы топтали древнюю землю Италии, то гунны, то лангобарды. «Длиннобородые» [1] остались навсегда, занимая брошенные виллы, поселяясь на руинах великой империи. Грозное крушение Рима сменилось целой чередой войн — завоеватели делили награбленное, схватываясь в междоусобицах, и только Венецианская лагуна оставалась тихой заводью.

Однако остатки былой гордости не позволяли римлянам и коренным венетам влачить нищее существование пастухов и рыбарей — они начали строить свою Республику, пуще всего остерегаясь единовластия. Болотистая почва островов укреплялась неисчислимым количеством свай из далматинского леса, сюда завозили камень с «твёрдой земли», разбивали сады и виноградники.

Столицу порешили заложить на островах Риальто, которые буквой «S» рассекала излучина древней реки, переименованная в Большой Канал. Пока что кварталы-сестьере выстраивались лишь на одном его берегу — там жались друг к другу бревенчатые дома, крытые соломой, каждый с двумя дверями — одна открывалась на узенькую улочку, где с трудом расходились двое путников, а другая — на воду, где обязательно покачивалась привязанная лодка-гондола, заменявшая венецианцу лошадь. На городских задах стояли и вовсе лачуги, обмазанные глиной, с развешанными на просушку сетями, но уже появились сработанные ромейскими зодчими каменные церкви — Св. Евфимии, Св. Севера, Св. Варфоломея, Св. Кассиана, Св. Августина — они возвышались над деревянной Венецией как обещание будущего блеска и величия. Правда, даже в вере у жителей города-

[1] *«Длиннобородые»* — лангобарды.

амфибии доминировала гордость. Они так и говорили: «Сначала мы — венецианцы, а потом уж христиане!»

Первоначальным небесным покровителем Венеции был Феодор Тирон, но лет за сто до описываемых событий этот византийский святой уступил духовное водительство города святому Марку.

Купцы Буоно и Рустико похитили мощи апостола в Египте, а, дабы сарацинские таможенники не придирались, святые останки вывезли в корзине, прикрыв их кусками свинины.

Для хранения мощей венецианцы возвели базилику с куполом — собор Сан-Марко, напротив Дворца дожей — хорошо укреплённого замка с высокими стенами и башнями. С тех пор на расшитых знаменах Венеции красовался крылатый лев — геральдический зверь апостола Марка.

Венеция хоть и оставалась отдалённой провинцией Ромейской империи, но зависимость не слишком тяготила островитян — от этого они были в безусловном выигрыше. Ведь торговые права Венеции гарантировались принадлежностью её купцов к подданным базилевса, а раз так, то можно и потерпеть, ведь именно купля-продажа лежала в основе процветания и могущества земноводного государства.

Венеция устроилась не хитро, но ловко, став посредником между мусульманским Востоком и христианским Западом. Закупая благовония в Аравии, пурпур в Цезарее, китайский шёлк в Сирии, пряности из Индии, Цейлона и Явы, венецианцы везли сей дорогóй товар знатным франкам в Брюгге, папскому двору в Риме, окружению лангобардского короля в Павии. А с Халифатом торговали рабами, лесом, оружием.

Получая баснословные сверхприбыли, Венеция стремительно богатела, её военный флот мог поспорить с ромейским или сарацинским. Светлейшая Республика сначала заявила о себе как о «царице Адриатики», а ко временам Романа Лакапина из данницы превратилась в союзницу Константинополя, и даже в соперницу. Звезда «Островной империи» восходила всё выше, и выше, и выше...

...Витале Ипато стоял на корме приземистой галеры «Аквила». Тяжелый вымпел с крылатым львом, шитым золотом по красному бархату, плавно извивался над головою патрикия — чудилось, что зверь помахивает крылами и шевелит лапами.

Впереди, на невысоких мачтах, гнулись длиннейшие реи с косыми парусами, но Ипато спешил, а посему сто пятьдесят дюжих гребцов-галеотти хрипло ухали, тягая вёсла и гремя цепями в такт. Они сиде-

ли до того тесно, что любая заминка, малейшее нарушение музыкального лада гребли, оборачивались ударом веслом по голове тому, кто выдавал «фальшивую ноту».

Дюжий негр неутомимо долбил по огромному барабану, отбивая чёткий ритм. Пот тёк с барабанщика градом, придавая бронзовой коже влажный блеск, но не чернокожего слушались гребцы, а трёх десятков солидариев [1], меривших шагами покатую палубу.

Ипато возвращался в Венецию, но приближение родного дома не радовало преордината — он не выполнил важное поручение дожа. Для Витале было настолько невыносимо ощущать проигрыш, что он испытывал мучение почти физическое — боль терзала его душу. Срам-то какой... Патрикий сжал зубы, крепко сожмурил глаза и замычал. Мычание перешло в короткий рык.

Впервые Республика подошла к тому, чтобы круто повлиять на судьбы империи,— Ипато сам нашёл важного сановника, готового низложить базилевса Романа и возвести на трон Константина, книгочея и теоретика власти. Иметь податливого автократора, послушного воле дожа... Да можно ли желать большего?!

Сановник оказался умён и чрезвычайно осторожен. Он вовлекал в свои сети всё новых и новых исполнителей, очень медленно, очень постепенно, но неотступно проникал во все части громоздкой государственной машины. Этот избранник, этот ставленник дожа, и от венецианцев требовал неукоснительного соблюдения тайны. Он не оставлял в живых ни одного опасного свидетеля, никогда не упоминал в своих посланиях ничьих имён, но вот подписывался попросту — «Принцепс» [2]. Именно тщеславие и толкнуло этого человека на измену, на союз с дожем.

Ах, с каким нетерпением ожидал Ипато первой встречи главных заговорщиков, собранных «Принцепсом»! Сколько надежд он питал, какие идеи вынашивал! И вдруг такой сокрушительный удар — некий магистр и аколит, в прошлом, говорят, варанг, раскрыл тайну, арестовал людей «Принцепса»...

Сам избранник, правда, сохранил жизнь и свободу. Единственную ниточку, ведущую к нему — Павла Сурсувула,— удалось вовремя обрезать. В тот же день Ипато приказал расстрелять из луков и самого убийцу.

---

[1] *Солидарий* — от лат. solidus — монета. Так называли наемных воинов, служивших по контракту. Отсюда — солдат.

[2] *Принцепс* — титул римских императоров.

Но можно ли удовольствоваться таким плачевным итогом? Пять лет незримой миру, неимоверно кропотливой работы — коту под хвост! Начинать всё сначала? А дозволит ли Кандиано? Доверится ли снова неудачнику Ипато? Не прогонит ли прочь?

— О, Боже...— глухо простонал преординат.

— Укачало, превосходительный? — участливо спросил Орсо Меммо, кормщик «Аквилы».

— Нет! — резко ответил Витале.

Однако Меммо не обратил внимания на его тон. Привстав на цыпочки, он глянул из-под руки на море.

— Там человек, превосходительный! — воскликнул кормчий.

Ипато раздражённо обернулся к морю. Да, что-то чернело на волнах. Вроде бы утопленник... Или утопающий?

Подкормщик Тибальдо побежал на нос, выкрикивая команду. Гребцы остановили своё монотонное качание, погружая вёсла в бурлившую воду, сгорбили мокрые спины и тупо сидели, даже не радуясь мимолетной передышке,— невольник на галере быстро превращается в забитое животное, еда и сон для него — краткие перерывы в мучительном, надрывном труде. Правда, страдания рабов непродолжительны — гребцы долго не живут.

Галера замедлила бег. Бойцы в кольчугах, опасаясь выпасть за борт и тут же пойти ко дну, дотянулись-таки до человека за бортом, мёртвой хваткой вцепившегося в круглый щит, и вытащили его на палубу.

— Божья кровь! — вскричал бородатый Доменико.— Да это же наш магистр! Синьор! Взгляните, какую рыбу мы поймали! Это тот самый Олегарий, натворивший столько бед, я и сам еле ушел от его варангов, а Маурицио, Галлу и Теодата он заколол на моих глазах!

— Это точно он? — нахмурился Ипато.

— Да он это, точно вам говорю! Мы же следом за ихними лодьями шли, вот и подцепили улов! Ха-ха-ха! Ну что? Добить — и в воду?

— Не-ет...— протянул Ипато, соображая.— Магистра раздеть, осмотреть, залечить раны, укрыть тёплыми и сухими одеялами. Олегарий мне нужен непременно живым и здоровым! Понятно?

— Живым так живым,— легко согласился Доменико.— Исполним! Интересно, кто же это его одолел?

— Я, кажется, догадываюсь, кто...— проворчал патрикий и резко обернулся к кормщику: — Чего ждём, Меммо? Ходу!

Орсо набрал воздуху в грудь и заорал:

— Паруса ставить! Вёсла на воду!

Негр встрепенулся, его барабан загудел по новой. Сдавленный стон вырвался из полутора сотен глоток, и вёсла, разом придя в движение, погрузились в тугую воду, оттолкнулись, снова загребли... Направляемая опытной рукою кормчего, галера понеслась на северо-запад, в Адриатику, к топким берегам царицы морей — Светлейшей Республики Венеции.

ГЛАВА 6,

В КОТОРОЙ ЕЛЕНА МЕЛИССИНА МОЛОДЕЕТ

Проводив Олега, Елена Мелиссина заскучала. В молодые годы это противное чувство — скука — было ей неведомо. Она вела бурную жизнь, полную опасностей и приключений. С Игнатием Фокой они составляли идеальную пару — мудрый отец и скромная дочь. В образе странствующего купца или паломника Игнатий побывал в Брюгге и Аахене, Париже и Лондоне, добирался до северных Бирки и Ладоги, отправлялся в Дамаск, Кордову или Багдад — туда, куда забрасывала его непростая судьба разведчика. И повсюду Фока бывал на вторых ролях, охраняя Мелиссину, служа ей, исполняя её приказы, ибо кто мог заподозрить молодую женщину в шпионаже и драках?

Память Елены сохранила многое. К примеру, ту погоню в Сахаре, когда её белый верблюд-мехари уходил от разъярённых бедуинов. Их двугорбые великаны мчались за ней, вымахивая голенастыми ножищами, дикие гортанные крики преследователей оглашали ночь, а с неба светила громадная луна, осеняя ночную пустыню. Или тот холодный северный фиорд, на берегу которого проживал Олаф Йомсвикинг, сын Харальда. Там были громадные ели и мрачные скалы, а Сигурд, наложница Олафа, пела грустные песни. Рабы-трэли выплывали на лодчонках в стылое море и ловили рыбу — камбала попадалась ростом с человека, а треска — в обхват.

Из владений Йомсвикинга они с Игнатием бежали по узенькой тропке шириной в ладонь — осторожно ставишь босую ногу на эту щербину, но вся ступня не помещается, а глубоко внизу пенится прибой, клокоча меж острых скал...

Всякого она навидалась. Однако разве молодость её прошла?..

Больше Мелиссина не находится на секретной службе у величайшего — родной дом и любимый человек занимали всё её время, целиком и полностью. Она была по-настоящему счастлива все эти годы, а если бы у неё родился ребёнок, то более нечего было желать в этой жизни.

Елена вздохнула и открыла окно в парк. Листва шелестела, будто лопоча о несбывшемся, а потом долгий, протяжный звон разошёлся окрест — это заговорило било в церкви Святого Сампсона... Кто-то, кажется, шёл к дому.

Выглянув из окна, женщина убедилась, что это так,— по аллее шагал молодой иподьякон в длинном чёрном одеянии. Он сильно сутулился и размахивал руками при ходьбе, будто отгоняя от себя мелких бесов.

Спустившись вниз, Мелиссина встретила гостя в дверях. Иподьякон был сумрачен и отрешён от земного, его лицо выглядело бледным, как у всякого человека, редко бывающего на солнце, и казалось больным. Однако не такой уж он и аскет — длинные волосы молодого священника вовсе не слипались жирными сосульками, они были тщательно вымыты и завивались. Отшельники, как и фанатики любого пошиба, редко следят за собой. Как правило, они очень неряшливы и от них неприятно пахнет. Да чего уж там — смердит.

— Что привело тебя, любезнейший? — спокойно спросила Елена, не стремясь пленить и обаять.

Иподьякон молча поклонился и произнёс:

— Святейший патриарх Феофилакт просил тебя, великолепная светлейшая, посетить его дом для важного разговора. Когда прикажешь ждать тебя?

Голос у гостя был глубок, но резок. Наверное, подумала Елена, кричит он с завизгом...

— Я не заставлю святейшего ждать,— ответила женщина любезностью,— и отправлюсь тотчас. Проводишь?

Иподьякон снова согнулся в поклоне.

Елена Мелиссина быстро переоделась в скромное платье и накинула на плечи мафорий. Набрасывать накидку на голову она не стала — не вышло бы. Волосы Еленины были настолько густы, что их копну невозможно было обжать одной ладонью — не хватало и двух.

— Я готова,— сказала зоста-патрикия, появляясь.

Маячившему в дверях Игнатию Елена велела присматривать за домом и зашагала к выходу. Спускаясь по лестнице, она испытала полузабытое возбуждение. От иподьякона пахло ладаном и свечами, а она учуяла запашок тайны, почувствовала на губах металлический привкус опасности.

Выйдя на улицу, Елена подосадовала на глупые местные законы, запрещавшие передвигаться на лошадях верхом. Константинопольский эпарх был единственным в городе человеком, пользовавшимся привилегией раскатывать в грохочущей повозке-каррухе, все остальные ходили пешком или ездили на осликах. Можно было, конечно, купить восьмерых здоровых рабов, чтобы они таскали её на носилках-октофороне, но это было как-то глупо. Один необученный раб стоил тридцать номисм. Потратить двести сорок золотых монет лишь для того, чтобы иногда тебя выносили в город? Нет, денег у неё хватит, а что потом? Содержать восьмерых бездельников? Ещё чего не хватало! Лучше уж пройтись пешком — это, кстати, полезно для здоровья.

Выйдя на форум Константина, Елена свернула на Месу. Резиденция патриарха находилась неподалёку от Великой церкви [1], туда Мелиссина и держала путь. Рядом неслышной тенью реял иподьякон.

В патриаршем дворце было на редкость малолюдно. Обычные просители из дальних монастырей и киновий уже покинули обитель святейшего, только во внутреннем дворике были заняты беседой Мануил Атталиат и Василий Катакил. Они бродили по дорожкам средь подрезанных кустиков мирта и вежливо противоречили друг другу, не горячась понапрасну, но терпеливо склоняя собеседника к признанию своей правоты. Впрочем, моложавый Атталиат, в отличие от престарелого Катакила, не был настолько уж поглощен разговором, чтобы не заметить присутствия Мелиссины. Улыбаясь дружески, он поклонился зоста-патрикии, и женщина ответила протомагистру тем же.

Иподьякон, так и не назвавший своего имени, исчез, зато появился грузноватый помощник патриарха. Низко прогнувшись перед зостапатрикией, он отпахнул тяжелую парчовую занавесь, густо расшитую золотыми крестиками, и пропустил Мелиссину в мрачноватую приемную, обитую темно-зеленым бархатом.

— Его Святейшество ожидает великолепную светлейшую в покоях,— почтительно проговорил помощник.— Я провожу.

— Сделай милость...— небрежно измолвила Елена.

Помощник повел гостью анфиладой полутёмных комнат, спустился по узкой лестнице, улиткой раскрутившейся в обширный покой, где стояли всего пара кресел и низкий столик, зато целая стена во много-много рядов была заставлена досками икон. Перед иконостасом стоял молодой мужчина лет двадцати, почти юноша, довольно

---

[1] *Великая константинопольская церковь* — так сами ромеи называли храм Святой Софии.

высокий для ромея, с бледным лицом, оттенённым чёрной ухоженной бородкой. Его тонкий хрящеватый нос портили широковатые ноздри, а густые брови, почти сросшиеся на переносице, гасили блеск чёрных глаз, то ли злых, то ли просто тёмных. Впалые щеки придавали молодому человеку видимость борца за веру, но тщательно причесанные и напомаженные волосы исправляли обманчивое впечатление. Это и был Его Святейшество патриарх Феофилакт.

— Я пришла по первому зову святейшего,— сказала Елена и слегка поклонилась — большего уважения к этому мальчишке, променявшему Святую Софию на конюшню, она не могла проявить, да и не хотела.

— Да-да,— засуетился патриарх, словно не зная, чем себя занять, и вывернулся-таки, велел помощнику: — Вина, Евсевий!

Молодчик, занявший патриарший престол, устроился поближе к иконам, усадив Мелиссину лицом к свету. Евсевий бесшумно метнулся в угол, где на резной подставке стоял ларец из чёрного дерева, вынул оттуда два древних бокала, вырезанных из горного хрусталя, и наполнил их вином. И покинул покои, пятясь задом и склоняясь в пояс.

Елена слегка пригубила вина, её брови поднялись, выражая приятное удивление, и бокал опустел на четверть. Феофилакт только подержал сосуд в руке, словно грея напиток, и любуясь им на просвет — вино отдавало рубином.

— Как мне стало известно, тебе, великолепная светлейшая, поручались весьма ответственные и... э-э... щекотливые дела? — начал он издалека.

Мелиссина холодно усмехнулась.

— Дела мои лишь для ушей императора, и даже грехи мои требуют тайны и покрова молчания.

— Конечно-конечно! — заспешил патриарх.— Я только хочу напомнить великолепной светлейшей не столь уж давнее прошлое, памятью вернуться ко временам предшественника моего, патриарха Фотия... Считаю, что многие победы и успехи этого мирянина, капризом базилевса посвящённого в духовный сан,— Феофилакт словно намекал Елене на собственный, не- беспечальный опыт,— добывались трудами Константина Философа, сына Льва, перед самой смертию своей принявшего постриг и наречённого Кириллом. Константин Философ был секретным посланником патриарха, самым надёжным и умелым. Чем только не занимался сын Льва! И шпионил, и людей похищал, убивал врагов церкви, каверзы строил сарацинским эмирам, лбами сталкивал вождей варварских племён... Молодой совсем был, а сколько подвигов за веру и державу совершить успел! Числился же Константин

иереем и хранителем патриаршей либереи. Считалось, что тайные поездки его в Багдад, Рим, Кордову, Александрию, в Итиль хазарский связаны были с богословскими прениями...— тут Феофилакт тонко улыбнулся: — Ну, мы-то с тобой понимаем, каким богословием занимался патриарший посланник... Однако всё, что он совершил,— строго добавил святейший,— деяниями было богоугодными и для христолюбивой империи нашей зело полезными!

— Святейшему угодно,— прямо спросила Елена,— чтобы его тайной посланницей стала я?

— Да! — облегчённо выпалил патриарх и сразу повеселел.— Мне и... Ну, неважно. Да... Есть дело, кое я не могу поручить могучему воину или велеречивому послу, но женщина способна с ним справиться, особенно такая, как ты, великолепная светлейшая...

В этот момент в комнату вошёл Котян и поклонился — сначала Елене, затем Феофилакту.

— Святейший,— громко сказал он,— Ундина рожат!

Патриарх взволнованно вскочил.

— Уже?! — воскликнул он.

Рванувшись было к выходу, он нетерпеливо сморщился и повернулся к Мелиссине с видом величайшей неохоты — и с покорностью судьбе.

— Дело таково,— заговорил Феофилакт торопливо, не смущаясь присутствием конюшего.— В Риме творится безобразие, исходящее от сенатриссы Марозии, ныне ставшей третьей женою короля Италии Гуго Арльского — между прочим, брата её второго мужа Гвидо! Разве это не случай отвратительнейшего кровосмешения? В граде, осиянном служением святого Петра, установилась похабная порнократия, кощунственное правление блудниц! Отец Марозии Теофилакт правил Римом, будучи и консулом, и комитом Тускулума, и дуксом [1], и папским казначеем. Папа Сергий III превратил двор понтифика в подлинный воровской притон! Он отдал Теофилакту все светские полномочия, а пятнадцатилетняя Марозия стала его любовницей...— Святейший взволновался и быстро облизал губы. Тут же опомнившись, он неодобрительно покачал головой и продолжил обличать нравы латинян: — Следующим папой стал любовник Марозии — Анастасий III. Но он недолго осквернял Святой престол, следом за ним папскую тиару примерили креатуры уже мамочки Марозии — Теодоры. Она подсадила папу Ландона, а затем — Иоанна X.

---

[1] *Комит* — граф. *Дукс* — герцог.

Марозия вышла замуж за Альбериха I, маркграфа Камерино, и побуждала его захватить власть над Римом — воистину сатанинскую жажду власти испытывала эта женщина! Из-за противодействия Иоанна X Альберих был убит. Тогда Марозия вышла за Гвидо, маркграфа Тосканы. Семь лет назад Теодора скончалась, и что же Марозия? Она приказала бросить папу Иоанна в тюрьму, где его и задушили подушкой! Вся власть над Римом досталась одной Марозии, сенатриссе и патрикиссе, дьяволице в образе человеческом! Она сделала папой своего человечка, и стал он Львом VI. Но не прожил и года. Марозия тут же поселила в Латеранском дворце [2] Стефана VII, а позже велела убить его, ибо подрос ее собственный сын, рожденный от Сергия, он-то и стал нынешним папой — Иоанном XI...

Пересказ горестных событий так задел патриарха, что он даже забыл на минуту о рожавшей кобыле.

— Твоя задача, великолепная светлейшая,— сказал торжественно Феофилакт,— сложна и полна опасностей, но ты проверена в делах, не требующих огласки, и потому я остановил выбор свой на тебе. Согласна ли ты послужить Святой Церкви, дабы искоренить зло, чинимое латинянами, ведающими, что творят, но не боящимися Господа?

— Да, святейший,— ответила Елена, не задумываясь.— Но прилично ли мне будет явиться в Рим одной? К несчастью, верный спутник мой Игнатий Фока слишком стар и немощен, чтобы служить мне опорой и защитой...

Котян, стоявший за спиной патриарха, стал корчить Мелиссине страшные рожи, тыча себя в грудь.

— Я подумал об этом,— важно кивнул Феофилакт.— Ты отправишься в путь по виа Эгнатия, и всю дорогу тебя будут сопровождать верные нам болгары — Тарвел, Органа и Куверт. Я дам тебе прекрасных коней из своей конюшни — верховых, вьючных и запасных, а по прибытии в Диррахий пересядешь на борт венецианского нефа «Золотой лев», он будет ждать тебя в гавани, и достигнешь на нём порта Бариума [2]. Золота я выдам из своей казны в достатке...

— Тогда следует взять с собой и вашего конюшего,— делано озаботилась Мелиссина.— Ибо кто лучше него присмотрит за лошадьми?

— Пожалуй...— пробормотал патриарх. Видно, ему не хотелось отпускать печенега, но беспокойство за доверяемых зоста-патрикии

---

[1] *Латеранский дворец* — резиденция папы римского.

[2] *Диррахий* — ныне Дуррес, а *Бариум* — Бари.

коней всё же перевесило.— Да, ты верно рассудила, великолепная светлейшая. Пусть Котян тоже отправится с тобой.

Бек радостно оскалился за плечом патриарха.

— В таком случае, благослови, святейший.

Феофилакт перекрестил Мелиссину и молвил:

— Ступай с Богом!

...Ранним утром, когда придворные базилевса лишь начинали покидать тёплые постели, Елена с Котяном и тремя развесёлыми болгарами уже проезжала через Меландизийские ворота.

Копыта замечательных каппадокийских коней дробно простучали по горбатому мостику и вынесли всадников на виа Эгнатиа, Большую государственную дорогу. Построенная римскими легионерами почти тысячу лет назад и названная в честь главного инженера Гнея Эгнатия, она до сих пор верно служила империи. Прямой и покатый путь, вширь раздаваясь на пятнадцать шагов, вёл путников и ездецов от моря до моря — по дамбам через болота, подымаясь на горные перевалы и спускаясь в долины, огибал с севера Охридское озеро, связуя Константинополь с Фессалониками, Пеллой, Эдессой, Гераклеей, и выводил к Адриатике.

В пути Елена Мелиссина не испытывала особых неудобств, все дорожные тяготы брали на себя мужчины. Котян выделялся волчьим башлыком на голове, а болгары — своими факиолами (обычно, помыв голову, Елена обматывала волосы полотенцем. Получалось похоже на факиол).

Зоста-патрикия ожидала неприятностей от местных жителей — как-никак, а почти вся виа Эгнатия проходила по землям, захваченным болгарским царём Симеоном. Правда, Роман Лакапин вытребовал мир, выдав свою дочь за царского сына Петра, а сие упрощало многое. Да и Органа с Тарвелом и Кувертом никому спуску не давали. Торговец в Траянополе попробовал нагрубить Елене — и Тарвел мигом проткнул грубияна мечом.

В долинах «её мужчины» сооружали для сиятельной шалаш, в горах запаливали жаркий костёр, чтобы та не замёрзла, а Мелиссина вовсе не обращала внимания на мелкие неудобства — она ощущала великую радость возвращения на тропу.

В Диррахии, древнем римском порту, её ожидал крутобокий неф с пышным названием «Золотой лев». Пожилой капитан благородной внешности, назвавшийся Антенорео Сельво, провёл зоста-патрикию по трапу на палубу, а следом поднялись три болгарина и один печенег.

— Разве мы бросим такую замечательную хозяйку? — осклабился худой, но жилистый Тарвел.

— Такую прекрасную хозяйку? — подхватил коренастый Органа.

— Такую милую хозяйку? — длинно вздохнул Куверт.

— Да ни за что! — по-печенежски рубанул Котян.

Елена посмеялась только и призналась, что рада будет подобной свите.

Через юиссы — особые дверцы на корме — завели коней Мелиссины, и в тот же час венецианский неф отчалил.

Море между Диррахием и крайним окончанием Апулии было узко, но оставалось морем. Вот отдалился восточный берег, пропал за небоскатом, и одни лишь волны заплясали кругом. Пузатый неф, медлительный и рыскливый, как все широкие, но короткие суда, следовал в порт Бариум, и только однажды его путь пересёк другой корабль, и тоже венецианский — галера, пластавшаяся по-над волнами.

— «Аквила» преордината Ипато,— гордо сказал сеньор Сельво, провожая глазами корабль, колоссальной водомеркой скользивший по морю.

Венецианский купец предложил великолепной светлейшей отдохнуть в маленькой, но уютной камаре [1], коей нашлось место в кормовой надстройке, но женщина ответила отказом. Её поддержал бек Котян.

— Тут вольно дышат! — воскликнул он.

И Елена с ним согласилась.

ГЛАВА 7,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ ПРИМЕРЯЕТ МОДНЫЕ ОДЕЖДЫ

Тяжко пришлось Олегу. Неделю или больше он провалялся в бреду и беспамятстве. Потеряв много крови, закоченев в холодной воде, Сухов не отдал богу душу потому лишь, что воля к жизни оказалась сильнее малодушного желания «отмучиться» — сложить лапки, не

[1] *Камара* — каюта.

бороться с болью, с жаром, с лихорадкой и соскользнуть в тёмный колодец забвения, оставить мир и перестать быть.

Временами магистр приходил в себя, но отрывочные и смутные видения не давали подсказки помрачённому рассудку. Какой-то корабль... Олег ощущал валкое шатание и запах морской влаги. Какой-то порт... Качка участилась — непослушное тело Сухова перекладывали на носилки, спускали на берег, несли куда-то... Стены... Небо... Лица... И снова мерк свет, и падала обморочная тьма.

Наверное, в день десятый, если не одиннадцатый, магистр и аколит проснулся в ясном сознании. Очухался...

В теле еще жила боль, Олега не покидала слабость, но он явно пошёл на поправку. Затянувшийся кризис минул, как долгий и нудный кошмар. Сухов выкарабкался.

Его глаза глядели в потолок, вернее, взгляду предстал расшитый верх балдахина, укрепленного на фигурных ножках по углам просторного ложа. Вышивка на балдахине изображала крутобёдрых и пышногрудых нимф, водивших хоровод вокруг козлоногого сатира — рогатенький лесной дух играл на флейте и приплясывал, вскидывая лохматые ноги и что-то прикрывая.

С трудом повернув голову, Олег разглядел стену напротив, прорезанную большим тройным окном, разделённым парой тонких колонок. Позеленевшие бронзовые рамы, заделанные розоватыми пластинами гипса, были распахнуты настежь, открывая доступ воздуху и свету.

Небо и краешек солнца — это было всё, что Сухов мог видеть за окном. Оттуда доносились смутно слышимые голоса, отдаленный смех и журчание воды. Пронзительные крики чаек причудливо мешались с повизгиванием свиней.

Скрипнула дверь, донеслись тихие шаги. В поле зрения Олега показалась девушка — чёрненькая, маленькая, не сказать что красавица, но приятная. Две её длиннющие косы были переброшены на грудь — весьма выпуклые округлости красиво облекались тканью закрытого платья. Губы Сухова дрогнули в улыбке: если уж стал внимание на девиц обращать, то дело точно пошло на лад!

Девушка заметила его пробуждение и улыбнулась, заговорив на приятном, мелодичном наречии, отдалённо похожем на будущий итальянский.

— Не понимаю...— еле выговорил Олег. Подумав, повторил то же самое на латыни.

Девушка обрадовалась и залопотала на звонкой речи Овидия и Горация. Ее латинский был довольно понятен, но уж больно искажён и

огрублён. Или, напротив, это Сухов говорил с акцентом?.. Из слов девушки Олег понял, что девушку зовут Эмилией, и она служанка в доме «самого Витале Ипато».

— Где я? — попытался сориентироваться магистр и аколит.

— В Ка'Ипато [1]! — повторила Эмилия.

— А Ка'Ипато где? — терпеливо выпытывал Сухов.

— В Венеции! — удивилась девушка.

— А-а... А за окном что?

— Большой Канал,— сообщила Эмилия и тут же поинтересовалась: — А вас как зовут?

— Олег.

— Ол-лего? — Девушка словно примеряла новое слово на язык.— Хотите пить, Олего?

— Хочу.

Служанка быстренько сбегала к столу — Сухов его не видел, но по стуку догадался — плеснула чего-то, и поднесла раненому серебряный стаканчик с разведённым вином. «Олего» с удовольствием выпил. «Всё-таки,— подумал он,— что бы там ни говорили, а жить — хорошо!»

Тут опять скрипнула дверь, и прозвучали шаги куда более грузные, чем лёгкая, едва ли не вспархивающая, поступь Эмилии.

— Доброе утро, сеньор доктор! — прощебетала девушка и взвизгнула.

Невидимый Олегу доктор густо захохотал и приблизился к постели, унимая смех и пряча улыбку в бородке. Сухов разглядел толстого жизнелюбца-чревоугодника в пошитом из мягкой синей ткани блио — верхней одежде, напоминавшей глухую куртку-безрукавку длиною до колен.

Через разрезы спереди и сзади просматривалась нижняя камиза — рубаха яркой расцветки, с узкими рукавами-воронками. А вот прическа у доктора была куда как проста — «под горшок». Густые чёрные волосы, едва тронутые сединой, были обрезаны до мочек ушей, спереди — чёлка.

— Я — врач,— сказал он внушительно.— Зовут меня Лоренцо Корнаро.

— Олегарий, сын Романа,— представился Сухов,— императорский магистр.

Мохнатые брови доктора встали «домиками».

— Моё почтение, магистр,— прогудел он небрежно, приподнимая простыню.— Ну-ка...

---

[1] Словом «ка» (сокращением от «casa», то есть «дом») венецианцы называли дворцы. Слово «palazzo» было ещё не в ходу.

Осматривая пациента, Корнаро благожелательно кивал.

— Хорошо...— бормотал он.— Хорошо... Просто отлично... Затянулись просто на диво... Очень хорошо...

— Почесать можно? — поинтересовался Олег.

— Чешется? — ответил вопросом доктор.

— Ага...

— Очень хорошо! Значит, заживает. Так, сейчас синьору магистру принесут крепкого рыбного отвару, и Эмилия его покормит. Эмилия!

Девушка прибежала, притащила тяжёлый табурет. Еще раз сбегала и вернулась с горячим горшком, до половины полным наваристой ухи. Присела на кровать и стала кормить «Олего» с ложечки.

Три дня спустя Сухов начал вставать. Раз за разом это у него получалось всё лучше и лучше — уже не кружилась голова, и мир не шатался вокруг, а ноги не дрожали, удерживая ослабевшее тело.

За окном и впрямь рябила вода Большого Канала, изгибистого и неширокого. На той стороне зеленели виноградники и сады, стелились пастбища с бродившими коровами. Увязнув в топком бережку по щиколотку, выстаивал с удочкой мальчишка-рыбак.

Каменные «дворцы» представляли собою обычные для ромейской столицы дома в два этажа, крытые черепицей. Их редкий строй перемежался бревенчатыми срубами под кровлями из почерневшей соломы.

Дома лепились плотно, стенка к стенке. С первых этажей несло запахами — аппетитными и не очень — там по обычаю располагались кухни с кладовками. А жили венецианцы на вторых этажах. Частенько дома открывались на Большой Канал балконами и крытыми галереями, оплетёнными вьюном. Оттуда, облокотившись на резные перила, выглядывали юные простоволосые синьориты, весело переговариваясь с молодыми людьми, проплывавшими мимо на гондолах — подходящей замене лошадям в городе на воде. Замужним дамам показываться на людях с распущенными волосами было неприлично, они прятали головы под круглыми платками с отверстиями для лица. Платки покрывали целиком голову и плечи, а концы их частенько были засунуты в вырез котты — верхней туники-безрукавки. Та благословенная пора, когда можно было завлекать парней, для замужних дам прошла, поэтому зрелые женщины частенько утоляли сердечную жажду, перебирая струны мандоры или георбы [1],— их сладкие и томные звуки расплывались над водами и стогнами града.

[1] Струнные инструменты, наподобие мандолины.

Шлепая по полу босыми ногами и слегка прихрамывая, Олег приблизился к окну. Уцепившись рукою за колонку, выглянул наружу — его привлекли громкие голоса.

Внизу, у широких и крепких ворот, швартовалась барка-плоскодонка, груженная бочками и амфорами, мешками и горшками,— на дом к синьору Ипато подвезли свежие припасы.

— Синьор Олего...— заговорила вошедшая Эмилия и осеклась, приметив, что магистр-то голый.

Сухов, не особо стесняясь, прошлёпал обратно в постель. Девушка мило улыбнулась, становясь по-настоящему хорошенькой,— к щекам ее прилила кровь, выступая румянцем, а глаза разгорелись тёмными огоньками.

— Вам еще рано вставать, синьор...— пропела она.

— Ах, Эмилия,— вздохнул Олег и закончил назиданием: — Нельзя холить и лелеять недуг, а то вовсе разленишься и разболеешься. Душу надо держать в чёрном теле, гонять её и занимать делом. Поняла?

Для лучшего закрепления материала Сухов ущипнул Эмилию за тугую попку — девушка радостно ойкнула и выпорхнула за дверь.

По истечении второй недели Олег ощутил себя здоровым. Прежняя сила пока не вернулась к мышцам, Сухов здорово уставал и всё ещё прихрамывал, но тело окрепло, а дух и вовсе не утрачивал твёрдости.

За всё это время магистр ни разу не видел хозяина дома и своего спасителя, патрикия Витале Ипато. Покидая Константинополь, он приметил за кормою силуэт галеры. Вероятно, это и была «Аквила» синьора Ипато, служившего преординатом у самого Пьетро II Кандиано, «Божьей милостью дожа Венеции».

И вот на четырнадцатый день после покушения поганца Стемида в комнату к Олегу заглянул сам патрикий.

Это был живой, энергичный человек лет тридцати пяти, среднего роста, но хорошего сложения, не создававшего впечатления приземистости. Лицо его, узкое и породистое, дышало силой и уверенностью. Хрящеватый нос с горбинкой и тонкие губы придавали Ипато хищное выражение, но мягкий взгляд зеленых глаз сглаживал остроту черт.

Преординат был облачён, как Олегу показалось, в шёлковую зелёную блио до пят и в ярко-красную камизу, обе с разрезами спереди и сзади — это облегчало поездку верхом, хотя для Венеции подобная деталь кроя была излишней — по водам особо не поскачешь. Потом оказалось, что Сухов не разобрался до конца в тонкостях здешнего стиля — Ипато носил не блио, а котту, хотя, чем они друг от друга от-

личались, Олег не мог сказать толком. Наверное, котта просто вышла из моды.

На ногах Ипато красовались остроносые туфли пигаш. Сшитые из мягкой кожи, они поражали огромными загнутыми носками, набитыми конским волосом. На взгляд Олега, смотрелось это ужасно, поклоунски, однако что поделаешь? Мода такая...

— Почтение, сиятельный, и добрый день,— слегка поклонился патрикий.— Рад видеть вас во здравии.

— А уж я как рад...— пробормотал Олег.— Благодарю вас, превосходительный, что спасли и выходили.

— Пустяки,— ясно улыбнулся Ипато,— дело житейское. Не бросать же было, не по-христиански это... Тем более что мои люди узнали в утопавшем магистра Олегария, аколита над варангами.

— Ага,— сказал Сухов.

Преординат глянул на него исподлобья, задумчиво и словно оценивающе.

— Признаюсь честно,— произнёс он, медля, словно сомневаясь в том, стоит ли говорить правду,— едва я узнал, кого нам принесло на щите, у меня сразу зародилось подозрение в том, что сие не случайно, что за нечаянной встречей нашей скрыто Божье попечение и провидение Его...— Витале Ипато взволнованно заходил по комнате, шлёпая по плитам мягкими носами туфель.— Весь путь до хранимых Господом островов наших я тщился понять промысел Божий и уразуметь скудным умом своим, в чём цель спасения вашего, указанная свыше. И лишь когда галера миновала острова Святого Николая [1], меня осенило — Господь наставлял меня, направляя на путь служения Светлейшей Республике Венеции! И вы, магистр Олегарий, орудие в руце Его.

Сухов без удивления выслушал пафосное откровение Ипато и усмешку погасил в зародыше.

— И в чём же должна проявиться моя богоизбранность? — негромко спросил он.

— Об этом с вами, сиятельный, будет говорить дож Венеции! — объявил патрикий с торжественностью.

К Олегу вернулась подрастерянная настороженность: к чему бы это верховному правителю беседовать с ромеем, пусть даже удостоенным магистерского сана? О чём? Сухов поёжился в душе — на него словно потянуло зябким ветерком опасности.

— И когда я смогу увидеть высочайшего? — осведомился Олег.

---

[1] Крайний архипелаг Венецианской лагуны, ныне острова Лидо.

— Как только наберётесь для этого сил.

— Что ж,— улыбнулся магистр и аколит,— будем считать — уже набрался и готов явиться пред светлые очи дожа венецианцев.

Ипато с сомнением оглядел Сухова.

— Не знаю, не знаю...— протянул он.

— Чтобы знать, превосходительный,— сказал Олег,— нужно сделать попытку.

— Тогда... моя гондола к вашим услугам, сиятельный.

— А пешком нельзя? — капризно осведомился магистр.— Мне нужно ходить, двигаться, разрабатывать ноги...

— Хм. Тогда придется отшагать милю... А хватит ли вас, сиятельный, на столь утомительную прогулку?

— Опыт покажет! — решительно заявил Сухов.

— Тогда я готов быть вашим проводником, сиятельный.

— Спасибо, конечно, но для начала я бы всё-таки оделся...

— Сожалею, но ваше магистерское облачение пришло в полную негодность, а новое ещё не готово. Не соблаговолите ли приодеться по здешнему обычаю?

— Если разберусь...— сказал Олег и почесал в затылке.

— Я скажу Эмилии, она поможет вам, сиятельный.

Процедура одевания утомила магистра и аколита. Сперва Эмилия протянула ему белые, лёгкие брэ, больше всего похожие на длинные «семейные» трусы из прекрасного льняного полотна, только без резинки. Чтобы брэ не падали, надо было обвязать вокруг них поясок да пару раз обернуть вокруг него верхнюю часть «трусов».

Проверив, держатся ли брэ, Эмилия подала шоссы — узкие шерстяные штаны-колготки, вернее, штаны-чулки, потому как каждую штанину надо было надевать отдельно — шоссы не сшивали вместе.

Натянув их по очереди на ноги Олегу, девушка привязала посередке гульфик — треугольный полотняный клапан, соединяя им шоссы, и взялась за шнурки этих самых разъятых штанин.

— Я подержу,— сообщила она,— а вы пока надевайте камизу и блио.

Разобравшись, что камиза — это длинная льняная рубаха с разрезом, Олег натянул её через голову.

— Нет-нет,— тут же вмешалась Эмилия,— разрез должен быть спереди!

Вздохнув, Сухов извернулся, перекручивая камизу на себе, пока нижний разрез не оказался на животе, и сунул руки в рукава.

— А теперь — блио!

Блио — глухая, расширенная к бёдрам полукуртка-полукамзол, тоже надевалась через голову.

— Там у вас шнурки, на блио, их надо пропустить через разрез в камизе и подвязать ваши шоссы спереди.

Олег исхитрился с третьей попытки справиться со всеми подвязками.

— Во-от...— удовлетворенно сказала Эмилия и зашла Сухову за спину, чтобы завязать узелки на шоссах сзади.

Ещё раз обойдя Олега, девушка осталась довольна и принесла магистру его кампагии, отчего тот испытал сильное облегчение, ибо представить себе не мог, как вообще можно ходить в дурацких пигашах, находящихся в близком родстве с ластами.

— Вы очень красивый мужчина,— залюбовалась магистром Эмилия и глянула на него мечтательно, склонив головку к плечу.

Явившийся Ипато прервал паузу.

— Замечательно выглядите, сиятельный,— сказал он, кивая одобрительно.— Ну, что ж, идёмте?

— Я готов, превосходительный,— сообщил Олег.

Замешкавшись в дверях, чтобы пропустить вперёд Эмилию, он не удержался и ущипнул девушку за грудь. Та только хихикнула и повела плечом...

Спустившись по лестнице следом за преординатом, Сухов выбрался в крошечный садик, с трёх сторон замкнутый стенами Ка'Ипато, а с четвёртой отгороженный высоким кирпичным забором. Отворив скрипучую калитку, Ипато выбрался на улицу.

Олег шагнул за ним, пригибая голову, а когда разогнулся, то рассмотрел узкую улочку, скорее даже щель между стенами домов, где верхом не проедешь — ногам всадника не хватило бы места. К тому же улица была занята — тут повсюду обитали свиньи. Они бродили среди отбросов, лениво выискивая помои повкуснее, или просто валялись в грязи, разморено хрюкая.

— Вот поэтому я и не люблю ходить пешком, сиятельный,— признался патрикий.— Воняет!

— Константинополь тоже не всюду источает благоухание,— заверил его Сухов.

— Ничего,— бодро сказал Ипато,— здесь здорово посвежеет после лета — осенние шторма нагонят воду на улицы, и та всё смоет!

Олег шагал, прислушиваясь к себе, но наплыва усталости пока не чувствовал.

Движение по улице-щели было редким, в основном приходилось переступать через чушек или поднимать их пинками, чтобы уступили

дорогу. Хрюшки обиженно визжали и не сразу принимали ускорение. Лишь однажды пришлось разойтись с венецианцем — тот шагал навстречу в одних брэ и в замызганной камизе, облепленной чешуёй.

А потом улица резко расширилась — аж до двух шагов поперёк! Теперь пешеходы стали попадаться чаще — огородники с тележками, чумазые оборванцы, волокущие дырявые мешки с углём, старушка-молочница, опасливо поглядывавшая на угольщиков, особа духовного звания, подбиравшая полы рясы и перешагивавшая лужицы. Можно было с ходу угадать принадлежность к тому или иному сословию — по цвету одежд. Тем, кто был побогаче и познатней, шили камизы, котты и блио из ярких тканей — зелёных, красных, синих. Те же, кто относился к «малым людям», носили одеяния серых и бурых тонов — цветов некрашеной шерсти и небеленого полотна. Не встречалось лишь жёлтых платьев — никому не приходило в голову красить ткань в цвет измены и ревности.

Девицы либо заплетали две косы до пояса, либо вовсе распускали волосы, подхватывая их обручем на лбу. Замужние тоже частенько надевали обручи и диадемы поверх платков или украшали их яркими повязками. Мужчины набрасывали на себя плащи, застегивая их на правом плече, и, в отличие от ромеев, многие ходили бритыми, обходясь без усов и бород.

Венецианцы оживленно болтали между собою, размахивая руками, закатывая глаза, хохоча или призывая в свидетели всех святых и угодников. По улочкам и переулкам разносились запахи жареной рыбы и чеснока. Когда поддувал ветерок, пахло солёной влагой, а когда порывы бриза спадали, снова накатывали едкие «ароматы» давно не чищенного свинарника.

Миновав каменную церковь Св. Евфимии с колоннадой и мозаиками, Олег с Ипато вышли на ухабистую и немощеную площадь-пьяцетту. С одной ее стороны поднимала купол базилика Сан-Марко, а с другой стороны тянулись причалы — бесконечный ряд длинных и плоских галер, крутобоких гатов и пузатых нефов, объёмистых баттов и маломерных барказов. Мачты с убранными парусами слегка покачивались, скрипело на все лады дерево, топали по гулким палубам мореходы, ухали грузчики, взваливая на спину тюки, а важные купцы прохаживались по пристани в бархатных плащах и поглядывали вокруг — всем ли видно, какие они богатые да предприимчивые?

Однако Ипато не пошёл вдоль набережной, а свернул в сторону, где в окружении толпы поднимался крепко сбитый эшафот. За помостом, словно служа мрачной декорацией, торчали два столба висели-

цы с перекладиной — на ней обвисали тела повешенных, тихонько покачиваясь под ветерком.

А на «сцене» эшафота готовилось представление — мускулистый палач во всём красном, в остроконечном колпаке того же весёленького цвета медленно прохаживался вокруг колоды с воткнутой в неё секирой и разминал бицепсы на волосатых руках.

Зеваки, жадные до зрелищ, волновались, переживая, скоро ли им будет явлено зрелище чужой смерти. Долго ждать не пришлось — забили барабаны, и к эшафоту вывели заморённого мужичка, босого и голоногого, в одной драной рубахе. Двое дюжих стражников в красных стёганых коттах поверх полосатых рубах и в ромейских шлемах-касисах держали мужичка под руки. Они почти внесли его на эшафот и бросили на колени возле самой колоды. Мужичонка покорно уложил голову на рыхлое дерево, пропитанное кровью. Лишь плечи его вздрагивали, а в широко раскрытых глазах читался не ужас даже — смертная тоска. Поднявшийся наверх священник торопливо пробормотал положенные молитвы и поднёс мужичку распятие. Тот приложился и снова поник.

Палач деловито срезал ножом редкие пряди на затылке у мужичка и легко, одной рукою, вытащил секиру из колоды. Примерился, замахнулся...

Толпа перестала дышать. Топор ударил с силою и мокрым хряском, заставив гудеть помост. Голова страдальца отпала, прокатилась нелепым кочаном и шлёпнулась в деревянное корытце. Толпа выдохнула.

— Тюрьма здесь близко,— небрежно прокомментировал Ипато,— во дворце дожа, на самом верху башни. Узники томятся под самой крышей из свинцовых листов — летом им дышать нечем, до того жарко, а зимой они страдают от холода.

— Вы их как будто жалеете, превосходительный,— усмехнулся Олег.

— Сочувствую,— смиренно ответил преординат,— однако понимаю, что мучения их заслуженны, ибо они преступили закон.... Нам сюда, сиятельный.

Ипато повёл Сухова мимо собора Сан-Марко, к хорошо укреплённому замку с высокими стенами, башнями и глубокими рвами. Это и был Дворец дожей.

Расфуфыренная стража из копьеносцев подтянулась, завидя преординатора. Стражники выпятили грудь, делая грозные лица. Офицер склонил голову в шлеме.

— Высочайший дожидается вас, синьор,— доложил он.

Витале Ипато величаво кивнул и прошествовал мимо, ступая по узкому деревянному мостику, переброшенному через ров. До подъем-

ных мостов еще не додумались, а этот, сколоченный из бруса и досок, легко сжечь в случае осады.

За мостом, за тяжёлыми воротами, оббитыми гвоздями со шляпками с кулак величиной, прятался дворик, обставленный колоннами. В тени колоннад скрывались двери, ведущие в дворцовые помещения — анфиладу зал, разгороженных тяжёлыми занавесями. Витражные окна, мраморный пол, серебряные светильни — вся обстановка дворца призвана была поразить куцее воображение варвара, но Олега, насмотревшегося чудес и диковин Палатия, местная роскошь не впечатлила.

Ипато провёл Сухова в самый высокий зал, освещённый целым рядом узких стрельчатых окон, и склонился в поклоне.

Олег тоже поклонился и лишь после разглядел, кому отдавал дань уважения и почтения.

Пьетро II Кандиано был рослым и сухощавым мужчиной. Аккуратный валик рыжеватой бороды окаймлял его костистое лицо. Прямой, типично римский нос служил напоминанием о славных предках, а вот глаза подкачали — маленькие чёрненькие бусинки под короткими ресничками глядели на Сухова.

Дож венецианцев был в золотой мантии с пышным воротником из меха горностая и в красных башмаках, служивших прозрачным намёком на кампагии базилевса. На голове Кандиано красовалась шапка-колпак из парчи, пошитая в форме рога, а пояс из золотых пластин оттягивался мечом в роскошных сафьяновых ножнах, усыпанных каменьями.

Одну руку дож положил на рукоять меча, в другой держал скипетр.

Присутствие двух трибунов, поблекших в сиянии и блеске Кандиано, Олег обнаружил немного погодя, но рассмотреть этих немолодых уже советников правителя Венеции не успел — дож отослал их мановением скипетра. Трибуны исчезли.

Зато из тени выступил воистину огромный человек, закутанный в чёрный плащ,— это был северянин-великан, могучий викинг из страны фьордов и троллей. Плечи его поражали необъятной шириной, длинные руки пугали бычьей силой. Косматые рыжие волосы уминал простой кожаный обруч, а на бледном лице, твёрдом и бесстрастном, жили одни глаза — холодные как лёд. Их взгляд был тяжёл и оценивающ, причём держал в прицеле одного лишь Олега, а рука в чёрной перчатке ласково оглаживала рукоять меча, висящего на перевязи, отделанной серебром.

— Рад нашей встрече, магистр Олегарий,— густым басом пророкотал Кандиано, тщательно выговаривая слова греческого языка, и эхо

запрыгало по залу, уносясь под неумело расписанный свод.— Постой пока здесь, Орм,— приказал он викингу.

Тот молча поклонился, по-прежнему не отводя глаз от магистра и аколита.

— Почтительно приветствую вас, высочайший,— ответил Сухов, непроизвольно косясь на Орма. У него даже мелькнула мысль-сожаление: одеть-то его одели, но оставили без оружия...

— Я вас оставлю, синьоры?..— спросил Ипато, то ли вопрошая, то ли утверждая, но тая надежду.

— Останься, Витале,— велел дож, и патрикий приободрился.— Следуйте за мной, синьоры. Да, и не бойтесь ушей Орма, сына Харальда,— он и венецианский-то понимает с пятого на десятое, а уж ромейский для него и вовсе загадка...

Пьетро II проследовал за ряд тонких колонн и своею рукою раздвинул тяжелые складки парчовых штор. За ними скрывалась небольшая и потому уютная комнатка, где наличествовали удобные мягкие кресла. Дож уселся первым и жестом любезного хозяина пригласил гостей последовать его примеру.

Изрядно притомившийся Олег с облегчением погрузился в мякоть кресла и приготовился слушать. Что, интересно, надо от него этому дожу? В христианское милосердие Ипато Сухов не верил. Венецианцы — типичные жители Западной Римской империи, закоренелые индивидуалисты и заскорузлые прагматики, во всём ищущие выгоду.

— Венеция — маленькая, но гордая страна,— сказал дож внушительно.— У нас нет гор, в которых роют золото, нет равнин с тучными нивами. Каждый пятачок суши мы отвоевываем у моря, селясь на хлябях,— за порогом наших домов плещет вода... И всё же мы добиваемся высокого положения и великого богатства! Добиваемся своим умом, своим рвением к науке и труду. Ромейская империя и Халифат враждуют искони, а мы торгуем и с теми, и с другими. Пускай землицы нашей едва достаёт, чтобы стоять на двух ногах, зато мы повелеваем морями!

Венецианцы свободны, ибо живут в Республике, а я выбран ими, дабы править к вящей славе и пущему благу. И вот что поразительно, синьор Олегарий,— любой из нас, даже бедный рыбак или пастух, обладает куда большей волей и гордым достоинством, нежели императорский магистр. Не поймите меня превратно, синьор Олегарий, я вовсе не хотел вас обидеть, но ведь такова правда. Я бывал в Константинополе, меня принимали при дворе... Что ж, пришлось и мне следовать вашим унизительным обычаям — падать ниц перед бази-

левсом, целовать ему ноги... Тогда я попрал свою честь лишь ради Республики. И понял, что любой тамошний царедворец, даже магистр или кесарь, не господин себе, а раб, послушный воле базилевса. Знатный венецианец спокоен, он боится лишь Бога, ибо родовая честь и нажитое добро защищают его ото всех напастей земных. А можете ли вы, сиятельный, похвалиться тем же? Нет! По капризу базилевса или по навету подлеца вас могут ослепить и сослать, заточить в темницу или насильно постричь в монахи. Так зачем же нужен титул, что проку от богатства, если высокое положение ваше эфемерно и зыбко, если в любой момент милость государя может обернуться гневом, и тогда будет потеряно всё, ради чего вы жили и что успели нажить?

Сухов молча слушал дожа. И соглашался с ним.

— Чего хочет высочайший? — спросил он негромко.

Пьетро II склонился к нему и раздельно проговорил:

— Я хочу, чтобы вы, синьор Олегарий, подумали о том, как помочь и себе, и нам, и Империи, и Республике. Вы в достаточной степени знатны, богаты и могущественны, чтобы вершить великие дела...

— Например?

Дож посмотрел на Ипато, и тот сказал, то ли плохо скрывая волнение, то ли хорошо играя его:

— Разве по закону и по совести занимает трон Роман Лакапин? Нет, он должен был давно уже уступить престол Константину Багрянородному, истинному императору! Роман — всего лишь опекун Константина и его василеопатор [1], но не слишком ли заигрался Лакапин? Не слишком ли он злоупотребил доверием Багрянородного и терпением его?! — Голос Ипато всё поднимался и поднимался, доходя до обличающих громов, и вдруг скатился до вкрадчивых тонов: — Так почему бы вам не помочь свершиться правосудию? Пусть восторжествует справедливость! Тем самым вы заслужите почёт и уважение и нового базилевса, и Венеции, ведь мы не оставим вас одного на поле брани.

Олег помолчал, переваривая новость. Ишь как его подняли! Огибая, обтекая пугающую прямоту, предлагают состряпать заговор под лозунгом «Долой царя!». Почёт... Это как? «Наградить посмертно»? Нет уж, увольте... Хотя отказа у него не примут — как спасли, так и обратно утопят. Хотя нет, прирежут скорее — тяжелая по-

[1] *Василеопатор* — почётное звание отца императора. Роман Лакапин заслужил его, став тестем Константина.

ступь Орма была слышна хорошо. Ох, не зря Ипато провёл его близ эшафота... Ох, не зря... Запугивал, сволочь. С другой стороны, геройствовать он тоже не собирается. «Жизнь за царя» — это не его опера...

— А чего добивается Венеция? — полюбопытствовал Олег.— Чего вы ждёте от нового базилевса?

Напряженное лицо Ипато исказилось от улыбки — поддаётся магистр!

— Наши притязания скромны,— сказал дож,— и не выходят за рамки торговли. Мы даже не требуем независимости! Зачем? Нам и так хорошо. Но вот дань снять бы с нас желательно. И порты имперские бы открыть для прямой торговли. И пошлины бы уменьшить. Вот и всё!

Олег помолчал, соображая. Копнуть ему давешние события или погодить? Копнём, пожалуй. Хуже не будет...

— Меня возвели в магистры из благодарности за то, что я предотвратил покушение на базилевса,— осторожно проговорил Сухов, будто ступая по канату над пропастью.

— Нам это известно,— кивнул Кандиано.

— Меня интересует, не были ли вы замешаны в том покушении, высочайший? — бухнул Олег.— А то уж больно много венецианцев попадалось мне, и все почему-то далеки были от благих намерений...

Дож нахмурился, переглянулся с Ипато и пожал плечами.

— Вы считаете это мудрым,— спросил он не без сарказма,— подбивать к свержению императора того самого человека, который раскрыл прежний заговор? Нет, синьор Олегарий, мы не причастны к покушению на базилевса. Клянусь мощами святого Марка!

Сухов подумал.

— Если я возьмусь за дело,— медленно проговорил он,— то людей, охочих и умелых, найду без труда. Однако тратить на это собственное золото я не намерен...

— Мы обеспечим вас любою суммой! — заверил его дож.— Доставить, куда надо, людей или оружие — тоже не проблема. Флот у нас велик и весьма приличен.

Олег покивал и сказал, подводя черту:

— И последнее. Если меня постигнет неудача, то всё кончится моей гибелью. Но и в случае успеха мне не стоит рассчитывать на покой, ибо кто помешает базилевсу принудить меня, скажем, принять постриг? Или подвергнуть осмеянию и сослать в каменоломни? А посему я хочу заручиться вашей поддержкой, высочайший. Хочу быть уверенным, что всегда найду покой и убережение в Светлей-

шей Республике Венеции... Именно поэтому я не прошу у вас платы за ту опасную работу, которую берусь выполнить. Мне не нужны деньги, я хочу иметь в Венеции хороший дом, куда всегда мог бы вернуться.

Дож качнул скипетром и проговорил:

— Синьор Олегарий, у вас будет лучший дом в этом городе!

— Тогда вернемся к делам насущным. Думается, что оправдать высокое доверие дожа, а заодно сослужить хорошую службу Венеции я мог бы и вдалеке от Священных Палат — здесь, в Италии. Базилевсом я послан на штурм Неаполя и Капуи,— слегка приврал Олег,— дабы запугать князя Беневентского Ландульфа, но моим варангам всё равно, на какой город идти приступом. Так что мы бы вполне могли напасть... мм... ну, скажем, на Гаэту. Или на Амальфи... Кажется мне, амальфитанцы изрядно досаждают вам на море, соперничая с Венецией в торговле с сарацинами.

— Вам не кажется, синьор Олегарий,— признался дож.— Проклятые амальфитанцы отбивают у нас покупателей, сбивают цены на рабов в Африке! Предав этот город разврата и алчности мечу, вы совершите благое дело!

— Тогда мне будут нужны винеи и гелепола.

— Сделаем! — воскликнул Ипато, тут же глянул на дожа — не превысил ли я полномочия? — но тот лишь кивнул, выражая согласие.

— Может, и требукет [1] найдётся? — поинтересовался Сухов.

— Будет! — уверил его дож.

— Тогда я готов исполнить приказ во славу империи... и во благо Венеции!

Дож ощерился в довольной улыбке и сделал знак Ипато. Преординат живо прошмыгнул за шторы и вскоре вернулся с запотевшим кувшинчиком, удерживая в другой руке золотой поднос с тремя драгоценными стеклянными чарами. Разлив духовистое вино, он подал первую чару дожу, затем Олегу, а третью взял себе.

— Вива, Венеция! — провозгласил Пьетро II Кандиано, поднимая чару.

— Вива! — восторженно поддержал его Витале Ипато.

— Вива,— согласился с ними Сухов и отпил вина. Хорошо пошло!

---

[1] *Винеи* — легкие разборные галереи, под защитой которых штурмовали крепостные стены. *Гелепола* — осадная башня. *Требукет* — метательное орудие.

ГЛАВА 8,

В КОТОРОЙ НА ТЕАТРЕ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ СТАВИТСЯ СПЕКТАКЛЬ, А ОЛЕГ ПОДРАБАТЫВАЕТ ОСВЕТИТЕЛЕМ

Дерево в Венеции было дорого, но дож не поскупился — местные искусники сработали для Олега и гелеполу, и винеи, и требукет. Потом всю эту военную технику аккуратно разобрали и пометили каждый брус, каждую бронзовую накладку — куда чего цеплять, с чем соединять да какою стороной. Осталось всё это дело перевезти и собрать на месте. И тут венецианцы схитрили, не стали себя подставлять — погрузили метательные орудия и осадную башню на трофейные галеры-сандануму, спущенные на воду в Генуе, давнишней сопернице Светлейшей Республики. Дескать, мы тут ни при чём, это всё они, нехорошие генуэзцы...

Правда, капитанами пошли все же венецианцы, а на борт того сандануму, который возглавил караван, поднялся лично Витале Ипато. Олег Сухов взошёл вторым, радуясь новенькому скарамангию. Европейская мода точно не для него... Не тот тренд.

На рассвете корабли отплыли.

Генуэзские сандануму шли довольно ходко. Обогнув мятежную Апулию, караван взял курс на юго-запад. Когда с правого борта засинели берега Калабрии, которую ромеи прозывали Калаврией, кормчие повернули к северу, попадая в узость Мессинского пролива и оставляя слева благословенные земли Сицилии, отобранные у ромеев сарацинами.

А вот куда следовать далее, Олег не знал. По логике, его варанги должны были погоревать о потере аколита — недолго, в меру, после чего двинуться на штурм Амальфи, Неаполя, Гаэты... Тут, правда, потребовалась бы помощь ромеев, ибо амальфитанцы с неаполитанцами обладали крупными флотами, справиться с которыми непросто. А вот если к семи варяжским лодьям прибавить хотя бы одну-две огнепальных хеландии... Тогда сразу перевес в нашу пользу. Друнгарий флота вроде как обещал выделить парочку, но когда это было...

Олег стоял на носу галеры «Св. Иоанн Креститель» и вертел головой, ощущая беспомощность и злость. Куда плыть? Где ему искать до-

блестных варангов? Подались ли они дальше на север, поближе к амальфитанскому побережью, или обретаются где-то на юге? А где?

Незаметно приблизившийся Ипато сказал негромко:

— Возможно, стоит начать поиски вашего флота, сиятельный, с захода в Регию[1]. Варанги не смогли бы пройти мимо столицы Калаврии. Может, они и на берег сходили. А если так, то их обязательно бы запомнили. Варанги — ребята бойкие, удержа не знают... Тем более что в Региуме и стратиг Калаврии Евстафий обретается.

— Кстати, да,— кивнул Сухов.— Держим на Региум!

Морячки забегали, разворачивая паруса. Заскрипели реи, кормчие приналегли на рулевые весла. Сандануны плавно повернули к калаврийским берегам, гористым и малолюдным — прежнее кипение жизни на узком побережье отошло в прошлое. Постоянная угроза сарацинских набегов вынуждала жителей уходить повыше в горы, забиваться подальше в леса.

Олег присмотрелся к близким берегам Сицилии — тоже никакого движения. Хотя нет, вон какой-то парусник показался.

— Три мачты,— прищурился Ипато.— Значит, это куркура. Большой корабль. Только под парусами и ходит, вёсел на нём нет.

— Нам следует опасаться сарацинов?

— Опаска никогда лишней не бывает, сиятельный. Осторожный человек живёт дольше. Одна куркура нам не страшна, но в этих местах орудует целая сарацинская эскадра, ведомая адмиралом Сабиром. Сабир — из славян, но служит Фатимидам, тутошним арабским эмирам. Злой человек, коварный... а вот и Региум!

С правого борта показался прелестный вид — к водам цвета берилла, отороченным жёлтым песком пляжа, спускались белые домики под красными черепичными крышами. Пышная зелень юга щедро добавляла живых красок, а серый камень крепостных стен вносил суровую ноту в мелодию города, звучавшую истомой и негой. И радостным облегчением — Олег разглядел на ярком фоне полосатые паруса.

— А вот и варанги, сиятельный! — воскликнул Ипато.— И искать не пришлось!

Загребая вёслами прозрачнейшую воду, галеры медленно втягивались в бухту древнего Региума.

Сухов ощутил волнение. Снова увидеть своих — это приятно. И разделаться со Стемидом, что еще приятней.

---

[1] *Региум* — ныне Реджо-ди-Калабриа.

Приблизившись к берегу, магистр разглядел слона — парочка хеландий со спущенными парусами покачивалась в сторонке от варяжских лодий. Неужто сдержал слово друнгарий флота? Это здорово...

Венецианцы — мореходы отменные, «Св. Иоанн Креститель» уткнулся бортом в причал мягко, потерся об него почти что ласково, как кошка о ногу хозяина.

Сухов первым сошёл на берег и неторопливо пошагал к стоянке лодий. Навстречу брели вразвалочку четыре варяга, незнакомые Олегу, кроме одного,— посередке ступал, малость косолапя, Малютка Свен. Он равнодушно скользнул глазами по магистру и вдруг словно запнулся — застыл, как в игре «Фигура, замри!», выпучил глаза и пробасил обалдело:

— Полутролль?.. Живой?!

— Как видишь,— улыбнулся Сухов.— Не ждал, малышок?

«Малышок» восторженно взревел и накинулся на Олега, стиснул со всей мочи.

— Заломаешь, медведь,— просипел магистр.

Тело отдалось слабой болью, но Олег не рассердился на простодушного великана.

— А мы думали — всё! — радостно ревел Свен.— Просыпаемся, а тебя нету! Стемид ещё сказал, что вроде как всплеск слыхал! Значит, не утонул-таки?

— Ещё бы Стемиду не слыхать,— процедил Олег.— Эта паскуда во мне дырок понаделала и в море скинула!

— Ну-у?! — выдохнул Малютка.

— Вот тебе и ну... Меня венецианцы подобрали. А то кормил бы я рыб...

Трое варягов, неуверенно ухмылявшихся за широчайшей спиной Свена, разом нахмурились.

— Надо тогда словить Стемида,— сказал один из них, сильно «окая»,— брюхо вспороть за такие дела и камнями набить!

— А камешки на костерке накалить,— присоветовал другой.— Пущай погреется перед вечным холодом Хеля [1]!

— Пущай,— согласился Олег.

И все пятеро энергично зашагали к лодьям. Два корабля медленно подходили к пристани — «Пардус» и «Финист» — и спускали паруса. Остальные лодьи, скалясь на Региум драконьими пастями, мирно покачивались у причалов. За вывешенными щитами никого не было вид-

[1] *Хель* — северный вариант ада.

но — надо полагать, братия дрыхла на скамьях. Или в полном составе завалилась в портовые капилеи [1], дабы как следует выпить и закусить.

Человек десять варягов сгрудились вокруг большого костра, разведённого на галечнике, и жарили мясо, нанизав солидные куски на тонкие клинки акуфиев, смахивавших на аистиные клювы,— русы понемногу перенимали полезные изобретения ромеев. Акуфии были приспособлены для того, чтобы пробивать кольчужную броню, хотя у самих варягов лишь каждый третий таскал такую, большинство обходилось кожаными доспехами. Русы из тех, кто не был богат настолько, чтобы заказать себе кольчугу, или тех, кому она не досталась по наследству, носили ромейские кавадии — доспехи из стёганого дешёвого шёлка, подбитые грубым хлопком.

Все варяги были хоть и при мечах, но с непокрытыми головами, и лишь один жарился в большом шлеме, из-под которого торчали рыжие косицы.

Стемид что-то с жаром рассказывал, помогая себе руками и всем телом, а остальные рассеянно слушали его, следя за тем, чтобы не подгорело мясо и не перекалились мечи.

Малютка Свен подошёл и с ходу ухватил Стемида за шкирку. Мотнув его, он рывком поставил возмущённо брыкавшегося дренга лицом к лицу с Олегом. Остальные варяги удивлённо поворачивались — и столбенели. Их аколит вернулся с того света!

Рыжий дренг хотел было крепко высказаться по адресу Малютки, но, сдвинув шлем на лоб, сразу увидал Сухова. Стемид посерел от страха и хлопнулся на колени.

— Не виноватый я! — взвыл он.— Они меня заставили!

Олег покачал головой.

— Они тебе заплатили,— возразил он.— Кто?

— Не зна-аю! Корабельщик он! Из ромеев! В больших чинах ходит, и плащ на нём такой, чёрный весь, в орлах золотых!

— Курчавый?

— Да, да! И борода тоже кучерится!

«Неужели Иоанн Радин — тот самый „пятый, который первый“? — подумал Олег.— Да нет, не может быть. Чтобы друнгарий флота... Хотя почему бы и нет? Роман Лакапин тоже в друнгариях флота ходил, а вышел в базилевсы...»

— Все эти дни,— спокойно сказал он вслух,— я представлял, что с тобой сделаю, и уже притомился казни выдумывать. Устроить тебе

---

[1] *Капилеи* — дешевые закусочные.

усекновение главы? Нет. Не хочу меч пачкать грязной кровью. Повесить тебя? Четвертовать? Не знаю, не выбрал еще. Мне, в общем-то, без разницы, как именно ты умрёшь. Но ты умрёшь. Сегодня. Сейчас.— Поглядев на варягов, магистр добавил: — Делайте с ним, что хотите, ребята. Он ваш.

Ребята отложили недожаренное мясо и подхватили Стемида. Тот дёрнулся так, что шлем его слетел на камни, обнажая огромную плешь цвета сырого мяса в венчике рыжих волос. Да какая там плешь — это со Стемида скальп сняли! Печенеги, наверное, или мадьяры — любой степняк любит вплетать в гриву своего коня человеческие скальпы. Удивительно, что Стемид жив остался. Наверное, дохлым притворился...

— Не-ет! — заверещал рыжий.— Не надо! Не хочу-у!

— Заткнись,— посоветовал ему Свен,— душу перед смертью не погань.

— Калить камешки-то? — поинтересовался любитель «жареного».

— А то!

Стемид заверещал пуще прежнего... Олег отвернулся и подошёл к вымолам, куда подваливал «Пардус».

— Оле-ег! — донеслось с палубы, и Сухов разглядел подпрыгивавшего Пончика. Магистр помахал светлейшему рукой.

Лодья ещё толком причалить не успела, а Шурик уже перепрыгнул на древний каменный вымол и понесся к другу.

— Пр-рывет, сиятельный! — вопил он, лупая мокрыми глазами.— Ну, ты вообще! Я уж думал — всё! И что б я Елене сказал?!

Пончик так сильно шлёпнул Олега по плечу, что тот поморщился.

— Ты... чего? — неуверенно проговорил протоспафарий.

— Швы мне сняли, зажило вроде, но всё равно побаливает ещё...

— Швы?..

— Проникающие колотые раны — так вы вроде выражаетесь?

Пончик сделал страшное лицо.

— Кто?..— выдохнул он.

— Кто?! — рявкнул подоспевший Инегельд.

В этот момент поросячий визг Стемида огласил берег.

— Он,— показал Олег за плечо.

На вымол шагнул Ивор Пожиратель Смерти. Стемида он не видел за спинами склонившихся варягов, но зато приметил большой шлем, валявшийся на песке.

— Стемид? — прищурился Ивор.

Олег кивнул.

— Ясно...— протянул Клык.

— Никогда прежде не бывало так,— тихо проговорил Сухов,— чтобы мне приходилось спину на лодье прикрывать. Свои же! И вот, нарвался...

Светлый князь потемнел лицом, его кулаки сжались, а губы стянулись в нитку.

— Кто там, с ним? — резко выговорил он.

— Акила Длинный Меч,— прогудел подходивший Малютка Свен.

— Тогда ладно,— пробормотал Клык,— Акила толк знает.

Прерывистый вой разнесся надо всей бухтой, но князь лишь мрачно улыбнулся.

— Повой, повой, с-собака! — проворчал Инегельд — и улыбнулся, вспомнив о возвращении аколита.— Так это что же,— оживился он,— поход не отменяется?

— Поход продолжается, князь!

Клык приставил ладонь ко лбу и глянул на отшвартованные генуэзские галеры.

— Твои, што ль? — спросил он.

— Почти. А Турберн где?

— Здесь я,— послышался сердитый голос Железнобокого, и старый варяг протолкался через толпу.— Станут колом, и не пробьёшься! Здорово, дорогой!

Сухов обнял старика, а потом протянул руку к галерам.

— Я там тебе подарочки привёз,— сказал он, посмеиваясь.— Башню осадную, гелеполу и самое что ни на есть здоровенное метательное орудие! Требукетом зовется.

— Ух ты! — обрадовался Турберн, большой любитель военной техники.— Надо будет посмотреть!

— Ну так пошли.

Большой толпой варяги пошагали к причалам, где отшвартовались сандануумы. Фигура Ипато помаячила и скрылась — не доверял преординат варангам.

Шагая по шуршащей гальке, Олег несколько отстал, и рядом с ним оказался один лишь Пончик.

— Так ты в Венеции был? — спросил он.— И как там?

— Да не очень...

— А эта... как ее... гелепола? Ты ее что, купил?

— Продался,— усмехнулся Олег.— Завербовали меня.

— Чего-чего?..

— А того! Ты нам, говорят, базилевса сковырни, который Роман, а Константина поставь. И ждут, чего я им отвечу. А за шторкой здоровяк с мышцами разминается, с вот таким мечом. Ладно, говорю, чего ж не сковырнуть? Вот и выдали мне аванс требукетами да гелеполами...

— И что теперь? — спросил Пончик испуганно.

— А что теперь? — преувеличенно тяжко вздохнул Олег.— Уйду в подполье, буду вести подрывную деятельность...

— Я серьёзно!

— А я — нет. Не грузись, Понч. Дож мною решил попользоваться, а я использую его. Называется «взаимовыгодное сотрудничество»...

Турберн Железнобокий лично осмотрел «игрушки», сделанные в Венеции, и пришёл в полнейший восторг.

— Ну, всё! — кричал он воинственно, пугая Витале Ипато.— Хана Амальфи! Кирдык Гаэте!

— Гелеполу мы используем при штурме Неаполя,— поправил его Олег.— Требукет испробуем на Гаэте, а вот Амальфи возьмём хитростью. Слыхали про Троянского коня?

— Это который деревянный? — уточнил Клык.— Сказывали нам про него, сказывали... Нам что, тоже в такой коняке таиться?

— Нет, кони будут самые настоящие, верховые и запряжённые в телеги. Будем по одному, по двое просачиваться в Амальфи, а когда нас там наберётся человек... ну, хотя б двадцать, ударим изнутри!

— Не пойдёт! — отмел такой вариант Турберн.— Ты хоть видел здешний народ? Они ж все чёрные! А у нас белоголовых — десять человек на десяток!

— Исправим,— пообещал Олег.— Я тут хны привёз — чернее арабов станете, это я вам обещаю!

Тут отворилась створка городских ворот Регионума, и к порту выехала целая делегация на конях — по сторонам гарцевали рыцари-катафрактарии, с ног до головы закованные в броню, на могучих лошадях, тоже покрытых доспехами, а в промежутке ехали «официальные лица» в белых скарамангиях. Расшитые золотом попоны скрывали их коней почти до самой земли, гривы были стрижены, зато на лошадиных головах покачивались пышные султаны из страусиных перьев.

— Никак стратиг пожаловал,— сказал Инегельд, упирая руки в боки.

Катафрактарии разъехались в стороны, и конь стратига Калаврии выступил вперёд. Разглядев скарамангий Олега, Евстафий приподнял брови.

— Полагаю, что вижу магистра и аколита Олегария? — произнёс он.

— А я имею возможность лицезреть стратига Евстафия? — ответил вопросом Олег.

Евстафий слегка поклонился и спешился. Это был коренастый человек довольно брутальной наружности, больше всего смахивающий на мрачного пирата, вздумавшего переодеться в платье прирезанной жертвы.

— Патрикий и друнгарий флота Иоанн Радин,— сказал он деревянным голосом,— передаёт твоему попечению две огненосные хеландии, «Св. Георгия Победоносца» и «Грифона». Патрикий Иоанн убедительно просил тебя не допускать к огнепальным сифонам варангов...

— Я учту просьбу друнгария,— прохладно ответил Олег.— Это всё?

— Сиятельный,— сказал стратиг прочувствованно,— я чрезвычайно рад твоему чудесному спасению, ибо варанги необузданны и держат наш город в страхе. Чем скорее ты уведёшь их, тем сильнее будет благодарность жителей Регионума!

— Мы не задержимся,— улыбнулся Олег,— и отплывём ранним утром. Соблаговолите собрать припасы и доставить воду, и уже завтра мы избавим вас от тревог.

— Всё будет исполнено в точности, сиятельный! — заверил Евстафий, становясь похожим на пирата весёлого.

Олег сдержал слово — на рассвете семь варяжских лодий покинули бухту Регионума и двинулись проливом на север, к Тирренскому морю. Лодьи шли в кильватер, одна за другой. Слева расправляли паруса пять сандануумов, справа догоняла пара хеландий. Флот. Сила.

Варягам бы брови хмурить сурово, холодным взором серых и синих глаз окидывая горизонты, но нет — с лодий нёсся неудержимый гогот. Русы кисли от смеха, глядя друг на друга, а Малютка Свен до того изнемог, что лишь взвизгивал тихонько и слезу утирал.

Ярлы и полсотни варягов перекрасили свои светлые волосы в радикальный чёрный цвет, и вид товарищей, из блондинов оборотившихся в брюнетов, зело веселил остальную команду.

Витале Ипато, зазванный Олегом на борт «Пардуса», неуверенно улыбался. Неуютно было преординату, уж больно шумным оказался народец, прозывавшийся варангами. Шумным и совершенно непонятным.

Русы могли бросаться в бой голышом, выражая тем презрение к противнику, их храбрость граничила с безрассудством и полным самозабвением. Они сатанели от ярости и были запредельно жестоки к врагу, а вот друзей любили и ценили, делились с ними последним. Потрясающая щедрость варягов сочеталась в них со скупостью и жаждой золота. Тем не менее, пренебрегая выгодой, они настойчиво до-

бивались пустяков, вроде задушевного разговора или ласкового девичьего взгляда. Варяг мог целый год копить добро, чтобы в один день пропить его, размести в бешеном разгуле — и не жалеть потом, а вспоминать с приятностью: «Ох и покуражились мы тогда!..»

Ипато неплохо знал арабов, с норманнами был знаком похуже, но и те вписывались в некие рамки. Ромеи, хазары, лангобарды, франки, англосаксы — все они подчинялись определённому набору правил, руководствовались определённым набором правил и были предсказуемы. А вот предугадать поступки русов было невозможно — в них сплелись нераздвоимо нордическое спокойствие и стихийное буйство степных кочевников. Причудливо мешались крови в северных пределах, напитываясь туманом бесчисленных озёр и жарким веянием пустынь, пеною морской и хвойным, смолистым духом...

Ипато вздохнул и покачал головою:

— Уму, осенённому крестным знамением, не дано постичь разумение варвара...

— Всё куда хуже, превосходительный,— усмехнулся Олег.— Многие из варягов крещены, однако не утратили тот стержень в душе, что скрепляет нас воедино, определяя слова и деяния, мысли и грёзы.

— Нас?

— Синьор Ипато, я такой же варяг, как все эти парни, и горжусь этим естеством не меньше, а больше всех своих титулов. Вам, я вижу, непривычно их бытие?

— О, да! — вырвалось у венецианца.

— Вы, главное, не впадите во грех осмеяния чужого и отторжения необычного. Надо просто понять главное — у русов самая широкая душа, какую только можно наблюдать в роде человеческом. Знаете, как я прошёл посвящение в дренги?

— Дренги?

— Дренги — это молодые воины в гриди... Гридь — это дружина. Короче, гридни выстроились в два ряда, и каждый держал весло в руках. Девушки стянули с меня штаны, и мне пришлось на четвереньках пробегать сквозь строй, уворачиваясь от шлепков лопастями вёсел. Я, такой, верчусь, юлю, то в одну сторону кинусь, то в другую шарахнусь, и всё равно, когда одолел весь путь, задница моя была красна! Мне, правда, смешно не было, зато вся дружина лопалась от смеха. Это и вправду уморительно, если смотреть со стороны,— голозадые парни скачут на карачках, пуча глаза от звонких шлепков! Я потом долго не мог лежать на спине, поэтому те самые девки ложились под меня...

Ипато смущённо хихикнул.

Город Амальфи располагался на южном берегу полуострова Сорренто, что вытягивался от Апеннин на запад, как крепкий сук отходит от ствола дерева.

Обогнув Италию с юга, кормщики держали курс на север и с заданием командования справились — подошли к берегу перед самым рассветом, в стороне от селений. Корабли набились в крохотную бухточку, как селёдка в бочку, и тут же полсотни черноволосых и черноглазых алан, булгар и ясов, вперемежку с «зачернёнными» варягами, отправились за лошадьми и телегами. Их повёл кривоногий, приземистый и широкоплечий Курт, сын Котрага из рода Дуло, фигурою смахивавший на краба.

Заря розовела на полнеба, на этом фоне скалистые горы выглядели непроглядно-чёрным контуром, словно перекрашенные светилом, но вскоре сияние смыло потёмки, и Олегу предстал роскошнейший пейзаж — изумрудное море голубело поодаль, наливаясь лазурью у горизонта; скалы, заросшие пышной зеленью, спадали уступами к белопенной кайме прибоя, и всё это переливалось на солнце, грелось под ним и нежилось, источая благоухание и рождая в душе тихий восторг.

— Пр-рывет, сиятельный! — возник рядом Пончик.— Любуешься?

— Так должны выглядеть окрестности Зурбагана,— проговорил Олег.— Или Гель-Гью. Или Лисса.

— Да-а, здорово тут,— подтвердил Шурик.— Красиво. Угу...

Утро было в самом разгаре, когда на берег съехали грохочущие телеги, груженные сеном. Зацокали копыта коней, и Олег улыбнулся — всадников было не узнать. Впереди гарцевал Саук, сын Тааза. Сам он был из гузов, но давно уж прибился к Инегельду. Конник изрядный, Саук единственный был узнаваем. А вот товарищи его... Воист Коварный, Алк Ворон, Стегги Метатель Колец, Альф Убийца, Одд Галат из Ямталанда — перекрашенные из «светленьких» в «тёмненьких», они снова хохотали, едва не падая с сёдел. Уж больно веселили их одежды, позаимствованные у местных,— десятка два голых мужиков, тощих и перепуганных, сбегали к берегу, обеими руками прикрывая срам.

Крестьяне не носили шоссов и блио — берегли, надевая лишь по великим праздникам, и щеголяли неглиже — в исподних брэ да в домотканых камизах. Такие прикиды на варягах смотрелись презабавно, а вислые шляпы из войлока или соломки довершали их наряд.

Спешившись, варяги согнали раздетые «жертвы среди мирного населения» к стволу дерева, обкорнанного прибоем, и привязали их к нему. Гридни были в хорошем настроении — одни хохотали, другие подхихикивали,— поэтому никому из аборигенов травм не нанесли.

Одд Галат, с фигурой, похожей на перевернутый равнобедренный треугольник, мужчиной был видным — даже латаная камиза его не портила. Но вот с подвязками он явно не разобрался. Когда Одд спрыгнул с коня, его грязновато-белые брэ свалились на песок. Галат, отпуская ужасные словечки, нагнулся за «трусами», сверкая голой задницей, а вся дружина просто стонала от восторга.

— Понапридумывают что попало! — возгремел Одд и с укором глянул на хохочущих побратимов: — Чего ржёте? Это шнурок лопнул!

— А ты их этим,— пробулькал Альф,— канатом моржовым прихвати!

— И стоило коней приводить,— осерчал Одд Галат,— тут их и так навалом... Табун целый!

Посмеиваясь, Олег и сам переоделся. Слава богу, опыт был. Натянул на себя весь комплект, разве что блио не стал надевать — солнышко пригревало, хватит и камизы.

— Собираемся!— крикнул он, спускаясь с санданума.

Неуклюже переступая в остроносых пигашах, пошитых на него в Венеции, Сухов сошел на берег. Варяги молчали — их лица багровели, щёки надувались, а глаза выкатывались.

— Смейтесь, сволочи,— проворчал Олег,— не то лопнете.

И варяги грохнули — развесёлое гоготанье разнеслось эхом по всей бухте.

— Грузимся! — рявкнул аколит.— Поддоспешники и брони кидайте в телеги, завалим их сеном.

— А мечи?

— Туда же! Только, это самое, тряпьем переложите, чтобы не звякали. Синьор Ипато, не составите ли компанию?

— Охотно! — откликнулся преординат.— Тут, на юге, многие знают греческий, многие, да не все. Могу пригодиться!

Сухов уселся на козлы и тряхнул вожжами. Венецианец устроился рядом.

— Н-но, мёртвая!

Пара упитанных лошадок бодро потащила полупустую повозку. Вперёд ускакали двое верховых — Ивор с Малюткой Свеном. За Олегом тронулись остальные телеги числом в шесть. Ещё пятеро варягов неторопливо двинулись верхом на мулах, а двое, погрозив кулаками товарищам, взгромоздились на ушастых осликов.

— Я с тобой! — подбежал Пончик, путаясь в мешковатой камизе и подсмыкивая брэ.— Без медика — куда? Угу...

— Садись, медик,— сказал Сухов и легонько щёлкнул кнутом. Протоспафарий суетливо забрался на кучу сена и развалился с видом победителя.

Дорога шла берегом, между морем и скалами, потом лошадки вытянули телегу по некрутому откосу на наезженный тракт. Колеи тянулись по уступу над прибрежными скалами, над пенными водоворотами лениво грохочущего прибоя. Путь был не то чтобы опасным, но требующим внимания — вниз полететь было нечего делать.

— А если встречные? — обеспокоился Пончик.— Как мы тогда разминёмся?

— А никак,— хладнокровно ответил Сухов.— Поскидываем их вниз, и всего делов.

— Шутишь, да? — спросил Александр неуверенно.

— Средневековье, Понч. Что ты хочешь?

Дорога петляла, дорога то сужалась в тропу, то раздвигала края. Спускалась в лощины, заросшие лохматыми пиниями. Поднималась на пологие склоны, полосатые из-за виноградников. Пролегала мимо деревушек и садов на террасах.

Грохот колес, цокот копыт, фырканье лошадей — однообразный шум утомлял, но тряские козлы не располагали к отдыху.

— Чтоб я ещё хоть раз сел на телегу,— брюзжал Олег.— Чувствуешь себя, как отбивная перед жаркой!

— И внутри всё ёкает! — пожаловался Пончик.— Угу...

— Сидел бы уж! Ёкает у него... Целый стог под седалищем!

— Так пружинит же! Угу...

Встречные варягам почти не попадались, разве что пара крестьян прошла с гигантскими вязанками хвороста. А потом нарисовался кавалларий — этакий рыцарь, с ног до головы обтянутый кольчужным доспехом, в блестящем шлеме с колыхавшимся султаном из страусиных перьев. Копья кавалларий не держал, щит висел у него за спиной. Одной рукой всадник правил, другую горделиво упирал в бок. Его конь, покрытый тяжёлой кожаной попоной, ступал важно, словно заразившись хозяйской заносчивостью. Ступал прямо по середине дороги.

Олег, не желая связываться, свернул влево, впритык к скале, но кавалларию этого показалось мало.

— На колени, презренные! — прорычал он на хорошем греческом, требуя почтения.

— А не пойти ли тебе в задницу? — любезно ответил Сухов.

Сначала кавалларий не понял сказанного — не смог совместить непристойное предложение с собственной персоной. Потом до него дошло, и глаза всадника выкатились в изумлении и великом гневе.

Ни слова не говоря, кавалларий выхватил меч и послал коня на «врага».

Малютка Свен оказался быстрее — бросив своего чалого наперерез, он поднял его на дыбки. Лошадь рыцаря испуганно шарахнулась, оступаясь, чуть ли не падая, и кавалларий не удержался в седле — рухнул в пыль. Валялся он недолго — Свен тут же оказался рядом. «Малышок» подхватил оглушённого рыцаря за наборный пояс и за кольчужный воротник, крутанул, как следует, да и скинул с обрыва вниз.

Отряхивая руки, он выглянул за край.

— Разбился? — охнул Пончик.

— Не-е... Утоп.

— Кто-то дошутился,— мрачно сказал медик.— Угу...

Остаток пути протоспафарий, преординат и магистр проделали в молчании. Наконец показался Амальфи. Город расположился по склону скалы, дома его лепились друг к другу, соединяясь высеченными в камне лестницами, а на крышах росли сады. Черепичные кровли, проходы, мосты, улицы, мощённые галькой,— всё это романтическое великолепие тонуло в нагромождениях пышной зелени. Апельсиновые деревья путались с лимонными, заплетались виноградными лозами и пробивались кипарисами, а ещё выше поднималась глава собора Св. Андрея Первозванного.

Городок смотрелся весьма симпатично и спускался к полукружию бухты, где стояло с полсотни кораблей, как трибуны к сцене.

— Подъезжаем! — крикнул Олег.— Приготовиться всем.

Съехав к берегу, Олег двинулся вдоль пристани, заворачивая к Амальфи. Лошадки сами прибавили прыти, направляясь к Порта делла Марина — городским воротам, открывающим путь к гавани.

— Синьор Ипато,— негромко сказал Сухов,— вы уж сами со стражниками переговорите, а то мои лишь одно слово знают...

— Си![1] — подтвердил проезжавший Саук.

— Ага,— сказал Свен.— Тьфу ты... Си!

Обширная площадь перед воротами была заставлена палатками и лотками — тут шумел базар. Множество торговцев настойчиво предлагали свой товар всем подряд, уламывая, улещивая, взывая к небесам и клянясь самыми страшными клятвами. Купцы побогаче восседали в тени шатров, иные торговали прямо с расстеленных ковров, а то и вовсе бродили по рядам, всё своё таская с собой. Шум стоял неимоверный. Чудилось, торгаши осадили Амальфи и вот-вот пойдут на приступ.

---

[1] *Si!* (*Итал.*) — Да!

— Мыло! Галльское мыло! Смоет грязь и грехи!

— А вот мальчики-рабы! Здоровенькие и крепенькие, всего по сорок тариев [1] за голову!

— Рыба! Рыба! Свежа-айшая рыба!

— Кому вино из Газы? Налетай! Кому нектар из Асколона? Подходи, не зевай!

— Фисташки из Дамаска! Порадуйте себя отборными фисташками!

— Лён из Скитополиса, лён из Лаодикеи, из Библоса... Выбирай, какой для тебя хорош! Лучше всё равно не найдёшь...

— Пурпур из Цезареи! Кому царский пурпур? Что стоим, дорогой? Покупаем, покупаем!

Олег, малость одуревший от рыночной стихии, объехал торжище. У распахнутых ворот Амальфи его притормозил добродушный стражник. Толстый и запаренный, он оставил копьё воткнутым в землю, а шлем повесил на рогатину, поддерживавшую плетёный тент. Отдуваясь, страж молча протянул грязную ладонь, требуя плату за вход.

— Си! — храбро сказал Сухов и отсчитал пару серебряных денаро, отчеканенных в Венеции по образу и подобию франкских денариев.

Ипато повёл рукою, мелодичной скороговоркой объясняя, что это плата за все возы.

Стражник пересчитал телеги, шевеля губами, решил пример на вычитание и довольно кивнул — можно было опрокинуть стаканчик лимончеллы [2] на сдачу!

Едва телеги прогрохотали под сводами ворот, как к ним подскочил маленький человечек, юркий и прилично одетый. Тараторя и стрекоча, гримасничая и размахивая руками, он выхватил клок сена. Понюхав его, человечек яростно чихнул.

— Это Паскуале Фоскари, он хочет купить наше сено,— обернулся преординат к Олегу.

— Замечательно,— обрадовался магистр и рявкнул: — Си!

— Си! Си! — дружно закивали варяги.

Возы, повинуясь жестам Фоскари, проехали узкой улочкой до широких ворот двухэтажного дома. Внизу обнаружился здоровенный амбар. Малютка Свен хотел было выразиться по этому случаю и уже открыл рот, но вовремя вспомнил о своём италийском происхождении и ляпнул:

---

[1] *Тарий* — монета в четверть номисмы. Имел хождение по всей Южной Италии.

[2] *Лимончелла* — крепкий лимонный ликёр.

— Си!

Олег с Пончиком вооружились вилами и стали перекидывать сено в прохладную сень за амбарными воротами.

— Стегги, Воист, Курт,— негромко проговорил магистр,— собирайте своих, забирайте всё оружие и скройтесь до темноты. Выступите по сигналу, когда вспыхнет огонь и станет светло.

Двое варягов и булгарин кивнули незаметно, подхватили свою кладь и шмыгнули в щелевидный проход между домами, взлетели по каменной лестнице, канули в сад, шумевший прямо на крыше высокого дома.

Разбрелись почти все «троянцы», только лошади их остались — привязанные у коновязи над поилкой, они то фыркали, то били копытом. Наверное, от удовольствия — в кои веки у них был выходной день!

Ивор Пожиратель Смерти и Малютка Свен задержались, и надо же было такому случиться — именно в эту минуту мимо них прошёл с виду незаметный мужичок, судя по всему, из торгового сословия. Он шагал вразвалку и качал головою, словно ведя разговор сам с собою. Вдруг мужичок увидал варягов — лицо его выразило дикий страх, как будто ему явилось привидение. Пересилив себя, он зашагал далее — заторможенной, деревянной походкой человека, напряженного до крайности.

Ивор проводил его долгим взглядом.

— Знакомый? — спросил Олег.

— По-моему, я его видел в Региуме...

— Убрать! — каркнул Сухов.

Малютка Свен и Пожиратель Смерти сорвались с места и бросились догонять мужичонку.

— Опасный свидетель? — насупился Пончик.

— Да,— твёрдо ответил магистр,— опасный свидетель.

Двое варягов вскоре вернулись. Шагая валко, пошатываясь, они изображали пьяную троицу, волоча «упившегося приятеля» — оглушенного мужчинку. У амбара Свен и один справился — обхватив шею «опасного свидетеля» локтем, он её сжал чуток — послышался мокрый хруст — и отнёс мёртвое тело в дальний угол амбара, присыпав его сеном.

А тут и маленький, да юркий Фоскари объявился. Продолжая тараторить и жестикулировать, он расплатился с Суховым, запер ворота амбара и убежал вверх по лестнице, подныривая под обвисшие лозы.

— Поехали отсюда,— велел магистр и аколит.

Трястись на телеге всю обратную дорогу он не решился и оседлал брошенного варягами коня.

Выбраться из Амальфи труда не составило — толстый страж дремал в тенёчке, предоставив собирать мзду молодому помощнику, а тот даже внимания не обращал на отъезжавших — выход из города был бесплатным.

Олег с Ивором и Свеном, «записавшимися» в добровольные телохраны, Пончик и Витале Ипато быстро добрались до стоянки в бухте.

Быстренько переодевшись в ромейское и привычное, Сухов собрал ярлов и навклиров хеландий.

— Разрабатывать стратегию и тактику нам некогда,— начал он,— и ту и другую построим на двух принципах — быстроты и натиска. Атакуем с моря. Хеландии сжигают корабли амальфитанцев, лодьи высаживают бойцов, «троянцы» открывают ворота — и город наш! Вниманию ярлов — просьба не увлекаться резнёй! Всё ж таки амальфитанцы — вассалы императора...

— А добро стяжать можно хоть? — встревоженно спросил Карл Вилобородый.

— Сколько сможете унести!

— А, ну тогда ладно,— успокоился ярл.

— У меня всё,— сказал Олег.— Чистим оружие и ждём вечера!

К вечеру, когда солнце тонуло в Тирренском море, на стоянке остались одни генуэзские галеры и стража из ясов. Хеландии и лодьи вышли в море, двигаясь на вёслах к востоку. В наступление.

Сухов поднялся на борт «Св. Георгия Победоносца», с ним вместе взошли Ивор и Свен — большего количества варангов навклир вынести не смог.

Олег прошёлся по палубе до самого носа и потрогал рукою медный купол огнепального сифона — тот был едва тёплым. Медная трубажерло, именуемая пирекболом, то бишь огнемётом, и украшенная разинутой пастью чудовища, стояла зачехлённой, а всё пространство до борта покрывали сырые воловьи шкуры, настеленные для пожарной безопасности.

— Где сифонист? — резко спросил Сухов.

Тут же в палубе отворился люк и наружу выбрался длинный, нескладный парень, обряженный в доспехи. Именно обряженный — шлем ему шёл как корове седло.

— Мы при сифоне поставлены, сиятельный,— доложил парень.

— Звать как?

— Евлогием окрещён...

— Ну-ка, Евлогий...— Олег отодвинул сифониста и спустился по трапу вниз.

Внизу было жарко. Гудело пламя в топке котла, полного ужасной горючей смеси, вонял уксус в бочке — только им и можно было затушить «греческий огонь», вода его не брала.

— Воздуху подкачай, Михаил,— сказал сифонист с палубы.

Полуголый, хорошо сложённый Михаил, блестя потной кожей, молча подошёл к мехам и с усилием принялся работать рукояткой — гудящий воздух, нагретый в трубах, заполнял сифон с коротким шипением, всё повышая и повышая давление.

— Долго еще греть? — спросил Олег.

— Не, сиятельный,— отмахнулся хорошо сложённый.— Уже скоро!

— Надо так сделать, чтобы клапаны открылись в порту Амальфи, не раньше! А то как заревут, сразу тревогу поднимут.

— Сделаем, сиятельный!

Когда Сухов поднялся на палубу, над нею уже курился дымок из топки — тяга была хорошая. Котёл быстро нагревался, издавая утробное бульканье.

— Они что,— спросил Свен боязливо,— «греческий огонь» варят?

— Вроде того,— кивнул магистр.— Нагревают его, а потом горячим воздухом выдавливают.

— Ну, правильно,— оценил Малютка,— не руками ж его давить!

Солнце село, а луна ещё не взошла, когда лодьи с хеландиями вышли на рейд Амальфи. Звёздного света хватило, чтобы в чистом воздухе обрисовать тёмные контуры судов, покачивавшихся на якорях и пришвартованных у пристани. Отблескивала вода, тускло светились огни в окнах домов — город и впрямь поднимался от моря на склон подобием гигантской трибуны, от партера до галёрки.

Смутными тенями мелькали матросы по палубе «Св. Георгия Победоносца», разворачивавшие реи. Почти сливаясь с волнами, скользили лодьи.

«Что ж,— подумал Олег,— все действующие лица уже на сцене. Пора объявлять начало представления!»

И тут же, словно услыхав его мысли, сработали niglaros — предохранительные клапаны, сигнализируя, что горючая смесь достигла кондиции и готова к применению,— режущий уши свист, переходящий в высокий вой, огласил тихие просторы бухты. Как чёртики из коробочки, выскочили из люка оба сифониста.

— Мы готовы, сиятельный! — доложил нескладный.

Хорошо сложённый молча запалил лампадку.

— Жгите всё подряд! — отдал приказ Сухов.

Евлогий неожиданно преобразился — в его движениях обнаружилась точность и выверенность. Сдёрнув чехол с пирекбола, он со скрипом развернул его, нацеливая за борт.

— Шкуры смочил? — отрывисто спросил он Михаила.

— Смачивал уже... Сейчас я...

Хорошо сложённый подхватил ведро с уксусом и облил им шкуры, покрывавшие палубу близ огнепального сифона. Резкий запах кислоты ударил в нос.

— Огня!

Михаил стал на карачки, подполз к пирекболу и приподнял зажжённую лампаду. Евлогий оскалился, ногой отжимая бронзовый рычаг. В трубе загудело, из пасти медной химеры забил пар, вспыхнувший синим пламенем, а в следующую секунду химеру вырвало потоком жидкого огня.

С диким рёвом горючка окатила пару амальфитанских галер, разбрызгивая всепожирающее полымя. Огненная дуга сияла в ночи, соединяя хеландию с галерами, с усиерами, с пузатыми кубарами. А тут забил еще один палящий фонтан — взревел сифон на хеландии «Грифон». К ревущим выбросам «греческого огня» добавился треск пылающего дерева. Вспыхивали вёсла и скамьи на амальфитанских кораблях, загорались надстройки и борта, чадили скатки парусов, огненными прямыми прочерчивались штаги и ванты, лопались, скручиваясь тлеющими петлями, клубились тучами жалящих искр.

Флот Амальфи горел, столбы великого пожара поднимались в небо гигантскими факелами, оранжевое зарево высветило почти весь город.

— Ярлы! — гаркнул Олег.— Па-ашли-и!

Варяги взревели, налегая на вёсла. Оставляя горящие корабли слева по борту, лодьи устремлялись к берегу и с ходу втёсывались в песок. Русы, ясы, аланы, савиры, булгары прыгали в воду или на сушу и бежали к городу, потрясая мечами, секирами и копьями. Мелькали щиты, качались шлемы. Варяги ревели, аланы выли, ясы свистели, булгары издавали воинские кличи разных кланов, савиры улюлюкали.

Олег с волнением следил за стенами Амальфи. Были заметны цепочки факелов — огоньки медленно стекали по лестницам города-изваяния, кружились бестолково на крошечных площадях, но ворота по-прежнему стояли запертыми, отсвечивая бронзовыми полосами и заклепками.

— Ну же, ну...— цедил Олег, замирая. Вот оно!

Створки ворот дрогнули и стали раскрываться.

— Есть!

Огонь с моря, закручивавшийся и колыхавшийся дымными колоннами, осветил место действия — поле боя. Было хорошо видно, как десятки людей у воротных башен бьются на мечах, не щадя ни своих, ни чужих. Не выстояла бы горстка «троянцев» в схватке с амальфитанцами, но тут подоспело подкрепление — накатило, смяло, раскидало, втоптало в землю...

Перебив защитников города, скопившихся у ворот, варяги погнали драпавших горожан по узким лестницам и улицам-проходам.

— Всё! — выдохнул Олег. Повернувшись к бледному навклиру, он приказал: — К берегу!

Малютка Свен тут же украсился довольной улыбкой: вот и его черёд пришёл пограбить!

Хеландия обогнула горящие корабли и высадила беспокойных варягов вместе с их аколитом на песчаный пляж.

— Мы... это...— замялся Свен.

— Да иди уж,— махнул рукой Олег.

— Си!

И варяг-великан почесал к городу — успеть попользоваться плодами победы. А победа была явной. Бои на улицах продолжались, но быстро угасали — Амальфи прекращал сопротивление, сдаваясь на милость победителя.

— Светло-то как...— пробормотал Ивор Пожиратель Смерти, задирая голову к небу.

— А ты чего здесь? — удивился Сухов.

— Ну надо же кому-то охранять твою особу, аколит,— улыбнулся варяг.— А мечом помахать я ещё успею — два города впереди.

Ранним утром установилась тишина. Взошедшее солнце осветило полусгоревшие остовы галер и чёрную полосу головешек, вынесенных на песок волнами. Амальфи был тих. Город затаился, пережидая уход варягов, довольных добычей. Мёртвых воинов и убитых горожан сносили к храму Св. Андрея Первозванного. Потрясённые девушки, испробовавшие буйной варяжской страсти, понемногу приходили в себя.

Когда солнце поднялось над горами, воротами Порта делла Марина прошли правители города Амальфи — префект Мастал I, епископ Константин, комиты и судьи.

До смерти напуганный префект стал с жаром убеждать Олега в своей искренней верности базилевсу и смиренно признал вассальную зависимость от империи. Что и требовалось доказать.

ГЛАВА 9,

В КОТОРОЙ ЕЛЕНА МЕЛИССИНА РАЗМЫШЛЯЕТ О СУДЬБАХ ИМПЕРИИ И ПЛЕТЁТ ИНТРИГИ

Бариум оказался весьма милым городишкой, зеленым и уютным. Множество зданий уцелело от времён цезарей, но были и странные новостройки. Растеряв мастерство римских каменотёсов, возводивших стройные колоннады и гордые фронтоны, лангобарды выкладывали из камня круглые дома-трулли, имевшие тяжеловесные крыши из глыбок, сходившихся остроконечными конусами.

Елене Мелиссине показалось страшным жить под нависавшими камнями, а вот местные об этих вещах даже не задумывались. По крайней мере в труллях было тепло зимою и прохладно летом.

Впрочем, называть лангобардов новыми хозяевами древнего Бариума было бы не совсем честно — и ста лет не прошло, как этот город-порт захватили сарацины. Правоверные даже основали здесь Барийский эмират, возвели крепость, но не долго они поклонялись тут Аллаху — их вытеснили православные.

Зоста-патрикия направила коня за пределы городских стен. Она ехала шагом, дожидаясь Котяна, посланного на разведку, а булгары следовали позади, не мешая, но всегда в готовности помочь.

Женщина подставила лицо солнцу и улыбнулась. Тот восторг, который обуял её на виа Эгнатиа, уже схлынул, но тихая радость осталась, будя в душе неясные надежды.

Даже простая поездка, совершаемая ради новых впечатлений и бездумного отдыха, дарит удовольствие. А уж когда ты при деле, приятность возрастает стократ.

Елена поднялась на покатый холм и осмотрелась. По правую руку сияло голубизной море, узкая белая оторочка пляжа разделяла воду и сушу — холмы, скалы, рощи, луга. На гладком зеленом поле стояли ровными рядами воинские шатры, замкнутые в квадрат валом и рвом,— это был ромейский военный лагерь, разбитый Феоклитом Дукой, доместиком схол Запада, командующим всеми сухопутными силами империи в Лонгивардии. Шатёр доместика, больше и выше прочих, находился в самой середке лагеря, там, где колыхались знамёна и штандарты-фламулы.

Над лагерем висела пыль — многие сотни копыт и сапог давно уж вытоптали траву, а ныне Христово воинство уже не расхаживало среди тентов, а бегало — близился час сражения с мятежниками. Многочисленный отряд апулийских лангобардов приближался с запада, отрезая Мелиссине путь к Аппиевой дороге Траяна — самому короткому пути в Рим.

— Великолепная светлейшая!

Подскакавший Котян лихо спрыгнул с коня и ухватил того за уздцы.

— Сегодня выехат не удастся,— доложил бек.— Доместик перекрыл все дороги, заворачиват и конных, и пеших! Но скоро всё решится — лангобарды близко, я сам видел их конников за лесом.

— Думаешь, городу грозит осада? — нахмурилась Мелиссина.

— Ну уж нет, сиятельная! Воинов среди бунтовщиков мало, на нас прёт голытьба. У этих босяков хватат злобы, они жадны, но их руки привычны к лопатам, а никак не к копьям. Уж ты поверь, сиятельная, бой будет недолог!

— Хорошо бы,— вздохнула Елена, переводя взгляд на лагерь.

А там вовсю шло общее молебствие: каждый воин, укрепив на воткнутом в землю копье светильник или свечу, молился на коленях о ниспослании победы, о спасении в бою, о прощении грехов. Бойцов причащали войсковые священники. Хор грубых голосов донес слова поклонения Богородице:

Радуйся, мудрости Божьей вместилище,
Радуйся, милости Господа хранилище,
Радуйся, цветок воздержания,
Радуйся, венок целомудрия,
Радуйся, козни ада поборающа,
Радуйся, дары рая открывающа...

И тут хрипло взвыла труба. Её вой подхватили рога, разнося заполошные сигналы. Началось столпотворение, называемое построением. Елена разобрала в кажущейся суете определённый порядок — воины собирались, свои находили своих, строились, поправляли доспехи.

Трое булгар подъехали поближе к Мелиссине, и Органа вытянул руку с плетью в сторону леса:

— Вон они!

Лангобарды, кто пешком, кто верхом, показывались из-за деревьев, то растягиваясь цепью, то сбиваясь в толпу. Редко кто был при мече, основная масса вооружилась топорами и самодельными копьями, а то и просто вилами да косами.

Мятежники валили и валили — человеческое стадо, не ведающее науки побеждать. И это стадо всё сильнее смещалось в сторону Бариума.

— В город?! — крикнул Котян, вскакивая на коня.

— Нет! — мотнула головой Елена.— Уходим к Аппиевой дороге, а то, боюсь, надолго здесь застрянем. И к чёрту доместика!

Мелиссина представила себе во всех красках баталию, что вот-вот разразится, и разбежавшихся по долам и лесам лангобардов, сбившихся в разбойничьи банды. И как потом проехать в Рим, как пробиться через бесконечные заслоны из лихих людей, засады грабителей и убийц?

— Вперёд!

Елена с Котяном помчались к западу, следуя краем леса. Булгары поскакали следом. И тут же ещё одна толпа вооруженных апулийцев высыпала из леса, отрезая тайной посланнице и ее спутникам пути в Бариум.

— Котян! — окликнула печенега женщина.— Постой! Надо переждать на опушке, пока эти не пройдут!

Булгары закивали согласно, а Котян досадливо сморщился — не в его натуре было прятаться и отсиживаться. Но Елена права: переть наобум — нелучшее решение, можно было легко попасть в лапы арьергарду войска бунтовщиков.

Бек пустил коня шагом, заезжая в рощицу, Мелиссина подъехала и остановилась рядом. Отсюда были хорошо видны порядки мятежной армии, а вот ромейский лагерь едва просматривался.

Вон вроде из его западных и северных ворот выступили конные сотни катафрактариев — тяжёлой кавалерии, чьи всадники, равно как и лошади, были закованы в броню. Угрожающе клонились их пики в восемь локтей длиною — сама несокрушимость наступала на лангобардов.

Донесся, нарастая, гул, подобный накату паводка. Когда зоркие глаза Мелиссины смогли различить отдельных всадников и множество качавшихся и прыгавших хоругвей над ними, чей-то несильный голос прокричал команду:

— Пуска-ай!

Удивлённая, женщина повернула голову в сторону бунтовщиков — оказалось, что метательные орудия приволокли упряжки лангобардских лошадей!

Слитный стук спускных рычагов баллист ударил сухим частым грохотом, да с завизгом. Тяжелые дротики провыли над полем, унося навстречу тяжелой коннице ромеев. И поразили цели, накалывая

катафрактов, как жуков на булавки, бывало, что и парами, подчас и коня нанизывая на общий вертел.

— Заряжа-ай! Толка-ай!

Еще одна стая убийственных жал перелетела сжимавшуюся нейтральную полосу.

Шагов двести оставалось до оголовья ромейского клина, когда заговорили катапульты. Десятки ядер ударили по катафрактариям «тупыми предметами», напрочь отрывая головы, переламывая тулова, а те, что на излёте, выбивали всадников из седел и бросали под копыта бесившихся коней.

Десятки валившихся мертвецов, кувырки убитых скакунов создавали заторы, катафракты наезжали друг на друга, роняя оружие, порой и сами не удерживаясь в сёдлах. Ромеи начали рассыпаться, разворачиваясь в лаву, но было поздно — конница уже сбилась с шага, таранный удар оттягивался, теряя мощь, выдыхался в жалкий шлепок.

— К западу отходим! — крикнул Котян.— К западу! Они сейчас побегут — и прямо на нас!

— Не побегут! — возразила Елена.

Она судорожно сглотнула, ощущая тягостную истому. Было страшно до одури. По её глупости они все оказались меж двух огней, между молотом и наковальней. Успеют если прошмыгнуть — спасутся. Не успеют — тогда всё...

Кони в стальных намордниках, остервеневшие катафрактарии, стоявшие в стременах, нелепые дерганья хоругвий за их спинами — наваливаются, накатываются...

И тут Елена Мелиссина заметила просвет в лангобардском построении — мятежники ускакали вперёд, обходя ромеев с левого фланга, и между лесом и полем открылся пологий склон холма, изрытый копытами.

— На холм! — скомандовала посланница.

Конь Мелиссины, испуганный не меньше всадницы, буквально вспорхнул на возвышенность, поросшую молодыми деревцами. Сверху было лучше видно, как сомкнулись фланги лангобардов, плотно окружая катафрактов. То там, то сям ромеи переходили в контратаку, но восставшие отбрасывали их. Кони, люди заметались в узком пространстве, причем реально сражаться могли лишь крайние, середка же давилась в тесноте и бессилии.

Началось побоище. Катафрактов скидывали наземь, цепляя крюками на копьях, резали коней, и ромеи падали, барахтаясь в крови и

парящих кишках. Бой двух отрядов постепенно распадался на сотни малых сражений — один на один, один на всех или все на одного.

— Бей! Бей! — неслось с поля сражения.

— Слева! Гизульф!

— Не трожь коняку! Сгодится!

— Шибче!

— Сзади, Ландо! Сзади!

— А щит твой где?! Раззява!

— Получи! Получи, зараза!

— Куды прёшь, собака?!

Рев сотен глоток, проклятия и молитвы, грозный лязг и тошнотворный хруст — ужасающий шум битвы — висел над полем, эхом отдаваясь от холмов.

— Стой!

На Мелиссину наехал бунтовщик, закованный с ног до головы в кольчугу и замотанный в длинную стёганую котту с разрезами сзади и спереди. Его пику печенег перерубил и стал отступать, прикрывая Елену. Лангобард отбросил бесполезное древко и выхватил меч.

— Уходим! — гаркнул бек.

Булгарин Тарвел развернулся и достал наехавшего мятежника клинком. Тот взмахнул рукой, роняя щит. Рассвирепевший Котян замахнулся мечом как следует и снёс противнику голову, будто курёнку.

Елена сохранила о сражении отрывочные воспоминания. Всё менялось за один удар сердца — наваливался новый враг, и надо было успевать поворачиваться, отбиваясь, наседая, вступая в дуэль. За холмом, куда она въехала сама и вывела спутников, обнаружился добрый десяток конных мятежников — и каждый считал своим долгом истребить ромейку, трёх булгар и одного печенега.

Падает сражённым один лангобард, а взамен прибывают двое... Конь под Котяном погиб, печенег перескочил к ближайшему лангобарду за спину и пропорол тому кожаную броню акуфием... Копье целило Органе в голову, мечом булгарин отсёк наконечник, возвратным движением подрубая кольчужный воротник справа...

Чья-то горячая кровь обожгла Елене руку, хлынув струёй,— лангобард без шлема свалился с лошади, обратив удивлённый взгляд голубых глаз к небу, а редкая бородёнка его тряслась, словно мёртвые губы всё ещё силились договорить слова молитвы...

Мелиссину со спутниками спасла неопытность апулийцев и малодушие катафрактов — ромеи на поле начали сдаваться. Какой-то кавалларий торопливо сбросил шлем и отшвырнул меч, истошно вопя о милосердии.

— Ради Пресвятой Девы! — пронесся крик.

Пример трусливых заразителен, и скоро хвалёная ромейская конница обратилась в толпу изнемогших, отупевших людей, сохранивших только одно желание — жить!

Отдельные катафрактарии прорывали окружение и уходили. Широкой полосой смещалась битва в сторону моря, и на всём протяжении взрытая копытами земля впитывала кровь, и множество мертвых тел остывало на ней.

Лишь теперь пропели трубы — копейщики и щитоносцы стройными рядами двинулись на лангобардов, понёсших большие потери. Ромеи наступали с флангов, мечи медленно перемалывали человечину — богини победы и удачи, отвернувшиеся было от православного воинства, вновь с интересом поглядывали на него.

— Уходим! — крикнула Елена, с трудом отрываясь от страшного зрелища.— Все живы?

— Да все вроде,— выдохнул Котян, управляясь с трофейным конём.

За лесом, за холмами открылась виа Аппиа Траяна — прямая, как стрела, дорога, мощённая плитами из травертинского камня.

— Зачем вот мы бросились в обход лангобардов? — терзалась Мелиссина.— Это был не риск, а безумие!

— Но ты же сама нам приказала! — растерялся Котян.

— А зачем ты меня послушал? — набросилась на него женщина.— Видишь же, что глупости говорю! Надо было по-своему сделать, правильно!

Малость обалдевший печенег оглянулся на посмеивавшихся булгар, но не рассердился на Елену, надувшую губки, а вздохнул:

— Да какое там «правильно»... Я ведь уверен был, что лангобардов сметут в одно мгновение! Видывал я атаки катафрактов, видывал... Тараном бы прошлись по бунтующим, перелопатили бы всех, как навоз! А оно вишь как...

— Ладно,— Мелиссина тоже испустила вздох,— впредь будем умнее. И осторожнее. Ходу!

И пятёрка конных поскакала по гладкой виа к Беневенту.

Дорога уцелела не везде — лангобарды потихоньку разбирали её на хозяйственные нужды. Добывать камень и обтесывать его они не умели, а тут готовые плиты — бери, не хочу. И брали. Разбирали прекрасный языческий храм — и складывали церковь-уродца, церковь-нелепицу, кривобокую, перекошенную, неуклюжую. Частенько эти

новоделы заваливались, погребая неумелых зодчих, но иных архитекторов уже не было... Перевелись, ибо крах империи означал и гибель цивилизации.

Елена не слишком интересовалась историей, и воспоминания о славе римской не щекотали её тщеславие. Она выросла с сознанием, что ромеи и есть римляне, продолжатели великих дел предков. Ведь вокруг неё сиял великолепием Константинополь, Второй Рим, «Город-Царь»! И только в Италии к женщине пришло понимание того, что истинное величие минуло безвозвратно, что оно отделено от неё веками варварства и давно кануло в Лету. Ромеи — потомки не римлян, а греков, приневоленных цезарями, а ныне они тщатся в жалких потугах соответствовать былой царственности, которую постигло забвение.

Впервые это тоскливое ощущение разрыва и утраты Елена почувствовала в Беневенте, когда проезжала под триумфальной аркой Траяна, когда огибала заброшенный амфитеатр, где во время óно бились гладиаторы и ревели толпы народу, а ныне паслись козы; когда пересекала реку Сабато по великолепному каменному мосту. А сама дорога? Виа Аппиа тянулась от Рима до самого Брундизия, главного порта империи, и добраться по ней из конца в конец можно было за пару недель. А император Траян проложил еще одну дорогу от Брундизия до Беневента — через Бариум, спрямив путь и ускорив прибытие дня на три. В ту пору вдоль виа непрерывной чередой тянулись милевые столбы, через каждые десять миль путников и всадников ждало место отдыха — с гостиницами, с почтовыми станциями, где вам меняли лошадей, а сейчас...

А сейчас даже не все столбы уцелели, а уж о гостиницах и речи не шло. Больше всего на обочинах сохранилось гробниц — гробниц в виде алтарей, в виде пирамид, башен, колонн, катакомб, столбов. Когда спутники разбивали лагерь в укромном месте и натягивали шатёр, Елена отправлялась бродить среди древних могил, с трудом разбирая эпитафии.

«Аталий Серран Рабирий, отпущенник Г. Аталия Серрана, маргаритарий со Священной Дороги. Путник, остановись и посмотри на этот холм слева, там находятся кости человека доброго, любящего, милосердного, честного и бедного».

«Клавдий Секундин. Не грусти ни о чём!» «Помпония Виталина умерла на ложе любви»...

...Они ехали по благословенной земле Кампании, как и прежде осиянной солнцем, «Счастливой Кампании». Как и века назад, на востоке лиловела зубчатая линия Апеннин, сияло солнце, зеленели склоны пологих холмов. И под этим солнцем, среди этой зелени лежали руины

великой эпохи. Елена проезжала мимо обрушившихся гробниц и развалившихся стен, лишь кое-где встречая заброшенный, необитаемый дом, мимо оград, заборов и плетней, мимо развалин Капуи, сто лет тому назад захваченной сарацинами, а ныне лежавшей в запустении. И лишь однажды прошлое ожило — милях в тридцати от Рима, на станции «Три харчевни», которую, бывало, нахваливал Цицерон.

Проехали Синуэссу и Минтурну, миновали Таррацину и Аррицию у подножия Альбанской горы, и вот виа Аппиа уткнулась в ворота Св. Себастьяна, знаменуя конец пути и прибытие в пункт назначения. В Рим.

— Подъезжаем! — оживилась Елена.

Прежние квадратные башни в стене Аврелиана, фланкирующие Аппиевы ворота, кто-то надстроил башнями круглыми и снабдил зубцами. Вероятно, тот самый, кто дал воротам имя Святого Себастьяна.

Размеры Вечного города поражали даже издали, и Мелиссина взбодрилась, надеясь быть потрясённой чудесами и диковинами.

Стражники у ворот, молодые и нагловатые, хором отпускали комплименты Елене, зачастую весьма сомнительного свойства, но женщина не обижалась на италийскую несдержанность, и Котян перестал хвататься за меч.

Виа Аппиа продолжалась и за воротами, ныряя под акведук Антонина, который снабжал водою исполинские термы Каракаллы, раскинувшиеся неподалёку, на трёх уровнях. Но и тут Елену ждало разочарование — стены бани, некогда отделанные мрамором, ныне краснели кирпичной кладкой, кое-где разобранной до бетонной сердцевины.

— Давайте посмотрим, что там,— предложила посланница.

— А что там? — с любопытством спросил Котян.

— Это баня, вроде Зевксиппа [1].

— Такая здоровенная?!

— Да! — гордо ответила Елена.

Когда же они подъехали к термам, она поняла, что гордиться особенно нечем,— колоссальные своды терм кое-где уже были провалены, и солнце играло лучами на остатках мозаик из порфира и жёлтого нумидийского мрамора. В лучшие времена солнце в термы заглядывало через огромные полукруглые окна, бронзовые переплёты которых были заделаны тонкими пластинами полупрозрачного гипса цвета слоновой кости, дабы ровный золотистый свет заливал залы, где любой римлянин мог бесплатно поплескаться в бассейне с горячей во-

[1] *Зевксипп* — крупнейшая баня в Константинополе.

дой, принять ванну, размяться в гимнасии, почитать в библиотеке, пообедать или заглянуть к обученным проституткам. Теперь же драгоценные полы были усеяны мусором, и только хриплое мявканье бродячих кошек пускало эхо в великой пустоте, размером своим сравнимой разве что с собором Св. Софии.

— Идёмте отсюда,— вздохнула Елена.

В молчании они проехали остаток Аппиевой дороги до старых римских стен, сложенных Сервием Туллием. За ними дорога пролегала будто в ущелье из высоких зданий — с дверьми и окнами, но с обрушившимися крышами. Говорят, что прежде на римских улицах не было зелени. Что ж, теперь тут всё пошло в рост — из руин вымахивали стройные кипарисы и кривоватые пинии, похожие на зонтики, а ограды, щербатые стены домов перевивал тёмно-зелёный плющ, символ забвения и печали.

— Ну и акведуков у них! — воскликнул Органа, плетью указуя вперёд, где дорогу, ставшую улицей, пересекали многоярусные водопроводы Аппия и Марция. Кое-где их стройные аркады были разрушены, а обломки лежали огромными грудами, уже поросшие кустарником. Да и на самих акведуках прорастали молодые деревца.

— Когда-то тут жил миллион человек,— вздохнула Елена, глядя, как по разваленной арке акведука Марция стекает водопадик, наполняя маленькое озерцо.

— Ничего себе! — выдохнул впечатлённый Тарвел.— А теперь сколько?

— Не знаю,— равнодушно ответила Мелиссина,— тысяч тридцать от силы...

Они провели коней краем озерца, по сути — огромной лужи, до Большого цирка, и видом, и величиной похожего на константинопольский Ипподром, и свернули на широкую улицу Патрициев. Каменные плиты, коими она была вымощена в незапамятные времена, давно скрылись под слоем земли, и великолепная улица больше напоминала деревенский просёлок с пыльными колеями, набитыми в густой траве. Патрицианскую улицу с обеих сторон зажимали ряды домов, редко где целых, в основном развалившихся до первых этажей, а кое-где и вовсе чернели пустоши — места старых пожарищ. Вымерочный город...

Однако именно здесь Елене встретились первые жители некогда многолюдной столицы — тяжёлая повозка, запряжённая шестёркой лошадей, проезжала со стороны Колизея, полная нарядных гуляк,— двое молодых людей распевали, две девушки смеялись, а усатый и

хмельной возница расслабленно улыбался, не погоняя упряжку, а лишь направляя её.

Молодые люди обратили внимание на красивую женщину, и Елена тотчас же решила воспользоваться этим преимуществом пола. Подъехав поближе, она громко спросила на латыни:

— Приветствую вас, но не знаю, понятен ли вам мой язык?

— Кто же в Риме не знает латыни? — воскликнул усатенький молодчик в грубой рясе.— А с кем я имею удовольствие разговаривать?

Мелиссина сделала знак Котяну, и тот выехал вперёд.

— Мою хозяйку зовут Елена Росена [1],— сказал он,— она весьма знатная дама и едет поклониться святым местам.

— А сам-то ты кто?

— Печенег.

— Печенег?! В первый раз встречаю печенега, говорящего на языке Овидия!

— Можно подумать,— звонко воскликнула одна из девушек, светленькая, в простенькой медной диадеме,— ты их вообще когда-либо встречал!

Все, сидевшие в повозке, рассмеялись. Елена тоже улыбнулась и забросила крючок:

— Я хотела бы снять подходящий моему положению дом. Не подскажете ли, где мне найти такой?

— Обязательно подскажем! — заверил её усатенький монашек, бросая пылкие взгляды.

— И покажем! — добавил ревниво его товарищ, мирянин с козлиной бородкой.— Эй, Алагис, поворачивай!

Возница не сразу сообразил, чего от него хотят, и потом ещё долго катался по улице туда и сюда, пока не развернул повозку.

— Я знаю один хороший дом возле Септизодия! — громко сказала светленькая.— Настоящий дворец! Год назад там проживал Фароальд Носатый, а зимой его жена Ивантия померла, и он отъехал, оставив сторожить моего дядьку. Дом просто чудесный, вам понравится!

— Посмотрим,— улыбнулась Елена.— Поехали! Кстати, как зовут моих новых провожатых?

— Я — Ильдерик! — стукнул себя в грудь усатенький.— Слуга Господа, замаливаю грехи родителей в монастыре Святого Германа.

— А я — Адемар, сын консула Зотто,— представился козлобородый.

— Алоара,— мило улыбнулась светленькая, поглядывая на булгар.

---

[1] *Росена* — Русская (Эльгой Росеной ромеи называли княгиню Ольгу).

— Берта,— томно произнесла чёрненькая.

— Поехали!

— А это кто? — послышался громкий шёпот Алоары.— Тоже печенеги?

— Сарацины они,— со знанием дела сказала Берта.— Видишь, какие у них тюрбаны?

— Это булгары,— улыбнулась Мелиссина.— Органа. Тарвел. Куверт.

Она называла имена своих спутников, а те по очереди склоняли головы. Алоара была просто очарована.

Ехать пришлось недолго, Септизодий находился почти что рядом — высокое здание в три этажа, украшенное колоннадами. В нём никто никогда не жил, а вот неподалёку обнаружился старый римский особняк-домус. Домус прятался в запущенном парке, гулять по которому было невозможно,— старые деревья давно попадали, устроив бурелом, а молодая поросль заполнила собою все просветы, включая аллеи. Одичавшие розы и виноградные лозы заплели стволы и мраморные статуи, полуразрушенные гроты и пересохшие фонтаны. Кованые решетки ограды были уворованы столетия назад, но теперь и сам парк охранял подступы к дому лучше всяких частоколов.

Все — приезжие и местные — отправились к дому пешком. Заметив, что Елена идёт налегке, Берта удивилась.

— А где же ваши вещи? — спросила она.— У знатной дамы должно быть много нарядов!

Елена улыбнулась.

— Откуда же я могла знать, что носят в Риме? — сказала она.— Что это на тебе?

Берта посмотрела на своё платье до пят, огладила его руками:

— Это сюркени.

Так называлась женская разновидность котты, плотно облегавшая грудь. Поверх неё девушка надела сюрко — безрукавку с разрезами по бокам и такую же длинную, как котта, а хрупкие плечи Берты прикрывал легкий плащ с серебряной застёжкой-фибулой на плече.

— Я прихватила с собой столу на выход,— сказала Елена,— это такое платье, принятое в Константинополе, но мне бы не хотелось выделяться...

— А ты мне покажешь? — загорелась Берта.

— Ну конечно! Только уговор: ты поможешь мне купить то, в чём ходят в Риме, и научишь правильно одеваться.

— Согласна! — радостно ответила девушка.

Мелиссина пригляделась к ней. В Берте смешалась кровь последних римлян и лангобардов. Вполне возможно, что в роду её отмети-

лись и гунны, и вестготы, и вандалы. Нет, империя не рухнула в одночасье, пав под ударами варваров. Триста лет подряд римляне приваживали полудиких соседей, мирились с ними за деньги, узаконивали их веру. Великий Рим менялся, подлаживаясь под инородцев, пока не превратился в варварское государство, быстро распавшееся на уделы — опять-таки, в полном согласии с законами нахлынувших орд. Изнеженные, слабые римляне уступили место здоровым и сильным, крепко сжимавшим меч и распятие...

Елена вздрогнула от посетивших её грешных мыслей и перекрестилась.

— А вот и сам дом! Правда, красивый? — воскликнула Берта, указывая на глухие стены, украшенные портиком с колоннами. В высокой стене глаз замечал лишь малюсенькие окошки размером с кошачий лаз, а сверху выступала красная черепица.

— Дядя Радельхис! — позвала Алоара.— Дядя Радельхис! Ты где?

— Здесь я, чего кричать зря...— послышался ворчливый голос, и из-за колонн портика вышел сгорбленный человек с лысой головой и седыми усами, такими длинными, что свисали ему на грудь.

— Привет, дядя Радельхис!

— Алоара, ты, что ль?

— Я, я! Вот тут одна знатная дама, она приехала на богомолье, хочет снять дом!

— Да ну? — удивился Радельхис.— А деньги-то у ней водятся?

Елена сделала знак Котяну, и тот небрежно сунул руку в заветный мешочек, выгребая и ссыпая обратно позванивавшие номисмы. Это тоже было сделано специально и возымело эффект — Радельхис мигом подобрел.

— Раз такое дело,— прокряхтел он, с великим трудом разгибая спину,— то заселяйтесь! Много не возьму... пару золотых, мм?

Печенег тут же передал ему требуемую сумму — сторож и вовсе растаял.

— Живите! — сказал он.— Дом хороший, родовое гнездо самих Квинтиллиев!

Елена пересекла тёмный вестибул и ступила в атриум — маленький внутренний дворик, загаженный и замусоренный. Пыль, грязь и прелая солома толстой коркой покрывали пол. Там, где ходили чаще, мусор был разбросан и открывал выщербленную мозаику — угадывался цветущий куст, кувыркавшийся дельфин, некто в тоге и со свитком в руке. Тени былого блеска...

Посреди атриума, в растрескавшейся оградке имплювиума — декоративного бассейна, лангобарды устроили открытый очаг. Рядом, в маленькой комнатке, хранились дрова.

Качая головой, Елена прошла в таблинум — парадную комнату, потолок которой был расписан амурами и венерами. Гениталии у томных Венер были исчирканы и расколупаны наконечниками копий. Таблинум был проходной комнатой, за ним открывался перистиль — еще один внутренний дворик, окруженный крытой галереей на колоннах. Здесь тоже был имплювиум — из него устроили поилку. Слой засохшего навоза покрывал пол — видать, скотину держали. Но давно — вонь почти исчезла. Елена вздохнула. Дальше, за перистилем, должен быть садик с беседками. Дверь туда была заколочена досками, но вряд ли она сильно ошибётся, если предположит, что сад давным-давно сменился выгоном...

— Отлично,— сказала Мелиссина,— этот дом мне подходит. Только здесь надо всё убрать, навести чистоту, поставить мебель...

— Позволь и мне помочь,— вызвался Адемар.— Я пришлю парочку-другую наших рабов, они тут всё отмоют до блеска!

— Превосходно,— улыбнулась Елена.— Я принимаю твою помощь. И... Если уж вы так добры, то не подскажете ли, где я могла бы отыскать умелую служанку?

— А я вам не подойду? — лучезарно улыбнулась Алоара.— Вы не подумайте чего, я к работе привычна. Наш род не знатен и не богат...

— Как всё устроилось на диво! — искренне сказала Мелиссина.— Ты мне подходишь, Алоара!

Адемар не подвёл, прислал-таки четырёх сметливых рабов, и те быстренько навели порядок в доме Квинтиллиев — отскребли грязь, отмыли всё, отчистили. А Ильдерик окропил все углы святой водой.

Елена не пожалела денег, выданных патриархом, и купила кровать и стол из бронзы работы древних литейщиков, развесила повсюду посеребренные светильники с молочного цвета колпаками из алебастра, расстелила ковры армянские и ширазские — домус сразу приобрёл жилой вид.

Но не в этом заключалась основная работа тайной посланницы. Почти всю неделю Мелиссина разъезжала по Риму, а ее булгаро-печенежский эскорт вовсю сплетничал о хозяйке, разнося слухи и дразня любопытство обитателей города, некогда являвшегося центром мира, а ныне неотличимого от заштатного городишки. Тарвел с Котяном, бегло говорившие на латыни, небрежно живописали, каким по-

трясающим богатством всегда была окружена их госпожа, как вращалась она в великосветском обществе эмиров и шейхов, ханов и шахов, королей, герцогов и прочих отмеченных регалиями властителей. Котян с ностальгией вспоминал глазурованные купола Багдада, причудливые колоннады Альгамбры, сказочную роскошь Священных Палат, а Тарвел вздыхал о редких яствах и винах, доступных лишь халифам — и слугам Елены, этой таинственной богачки, ослепительно-красивой и загадочной женщины.

Надо ли говорить, какие толки и пересуды вызвала Мелиссина в римском высшем обществе!

И вот, под конец первой недели в Риме, к Елене прибежала запыхавшаяся Берта. Вытаращив глаза, она выпалила:

— К вам с визитом направляются Марозия, дочь Теофилакта Тускулумского, патриция и сенатрисса, супруга короля Уго Арльского! Да, и ещё сестра её, Теодора-младшая!

Мелиссина, прихорашивавшаяся у зеркала, спокойно спросила:

— Уго? А мне говорили, что в Италии правит король Гуго.

— Ну, это мы так говорим — Уго. Ах, вы просто не представляете, кого будете принимать! Марозия — великая женщина! По сути, она правит Римом!

— Успокойся, Берточка,— улыбнулась Елена, расчёсывая волосы русским гребешком из моржовой кости.— Ну правит. И что? Я перевидала на своём веку столько правителей, что их не вместила бы эта вилла! Разве что с китайским императором не довелось свести знакомство, но это меня мало печалит. Алоара! Поможешь мне?

— Конечно! — подскочила девушка.

Мелиссина сбросила одежды и улеглась на кровать. Берта, хоть и будучи моложе, с завистью созерцала её совершенное тело, не изуродованное родами, не тронутое безжалостным временем. Да полноте, может ли смертная иметь столь гладкую кожу? Столь упругие ягодицы? А как высока, как туга её грудь! Как крут изгиб её бёдер, будто вторящий линиям драгоценной амфоры, полной жизни!

«А вдруг это дьявол в обличье женщины?!» — ужаснулась Берта. Да нет же, нет! Ведь только вчера Елена навещала папу Иоанна! Разве позволено Сатане войти под своды Латеранского дворца? Конечно же нет!

Прибежала Алоара и принесла с собой большой ларец, разгороженный на маленькие вместилища, откуда выглядывали баночки, скляночки, флакончики, коробочки — походное хранилище для благовоний и мазей, спасающих красоту от увядания.

Алоара растёрла Мелиссине грудь и лицо настойкой крокуса, смазала волосы и веки экстрактом сладкого майорана, в кожу стоп и коленей втёрла отвар тимьяна с добавкой лепестков жасмина, ладони и плечи смазала миррой, а губы, шею и внутреннюю сторону бёдер растёрла розовым маслом и вытяжкой из цветов лотоса.

Полежав немного укрытая покрывалом, Елена, не спеша, оделась, накинув столу из голубого шёлка и обув мягкие меховые туфельки.

Солнце уже покинуло верхнюю точку полудня и здорово склонилось к закату, когда пожаловали гости — Марозия с Теодорой, в сопровождении массы прислуги и охраны. Елена вышла их встречать.

Теодора-младшая была моложе сестры, но и Марозия, возраст которой приближался к сорока, не выглядела на столько. Это была стройная, красивая женщина, из тех, что в юности выглядят простоватыми и страшненькими, но расцветают к тридцати, с годами всё полнее и ярче раскрывая свои красы, усиливая Евины чары. Марозию отличали пухлые, чувственные губы, изящный, прямой нос истинной римлянки и большие, широко расставленные глаза, в которых светились ум и юмор.

Теодора походила на сестру внешне, но вот внутренней силы и собранности Марозии ей недоставало.

— Приветствую владычицу Рима! — сказала Мелиссина.

Марозия откликнулась воркующим грудным голосом:

— Тогда и я приветствую вас в моих владениях.

Повинуясь приглашающему жесту Елены, сёстры вошли в вестибул, свертывая с себя тяжелые плащи и оставаясь в сюркени из драгоценных материй. Свиту увела Алоара — в людскую.

Заранее вызнав все тонкости местных ритуалов и обычаев, Мелиссина первым делом усадила гостий за стол, ломившийся от снеди. Марозия повела себя весьма непринуждённо и утолила свой аппетит на славу. Заметив, что хозяйка не берёт мясо руками, а накалывает его двузубой вилкой, сенатрисса удивилась и заинтересовалась.

— А зачем так? — спросила она, кивая на вилку.

— Чтобы зря не пачкать рук.

— Дай я попробую!

Мелиссина протянула Марозии вилку, и та испытала её в действии, немало насмешив и себя, и Теодору с Еленой. Забрызгав весь стол, сенатрисса всё-таки обрела кое-какой навык в обращении с неведомым ей столовым прибором. Завязался лёгкий светский разговор ни о чем, потом женщины освоились и сменили тему, перейдя на мужчин. Мелиссина умело направляла разговор, подталкивая Марозию к речам о Гуго Арльском.

— Мужем я довольна,— сказала сенатрисса, щепетно беря пирожное,— это сильный человек, жестокий и властный, упорный в своих намерениях. Он единственный сын Теобальдо, графа Арльского, и Берты Лотарингской, дочери короля Лотаря II. Выйдя в графы, Уго был королем Нижней Бургундии, но тех земель и той власти было мало ему, он жаждал большего. И вот Уго короновали в Павии...

— Говорят, его призвал архиепископ Ламберт? — уточнила Елена.

— О,— усмехнулась Марозия,— этот поп — тот ещё пройдоха! Но и Уго палец в рот не клади — откусит всю руку по локоть! Если говорить правду,— приглушила она голос,— то Уго призвала и я. После смерти моего второго мужа Гвидо я отправила к Уго послов, передавших ему мои слова: приди и владей Римом — значит, и мной тоже. Спросишь, почему я вообще звала его? Отвечу — мне пришлась по душе его натура — где надо, гибкая, где надо — твёрдая. Уго милостив, но вот предателей не прощает, уничтожая их безо всякой жалости. Вот, был случай — двое судей Павии сплели против него заговор — Вальперт и Гецо по прозвищу Эверард. Сын Вальперта, Пётр, поставлен епископом в Комо, а дочь его, Роза, вышла замуж за пфальцграфа Гизельберта. Уго детей не тронул, но отца их казнил, а Гецо изувечил. Вот так. Он расставляет своих людей повсюду, как фигурки при игре в затрикий [1]. Вот епископ Ильдин, скажем. Его изгнали из Льежа, а Уго устроил его епископом Милана...

— А монаха Ратера,— вставила Теодора,— сделал епископом Вероны.

— Верно,— кивнула Марозия.

— Лишь бы не забывал родных...— намекнула Елена.

— О, уж об этом он не забывает! А уж в женах его и любовницах и запутаться, право, нетрудно! Своего сына от Вандельмоды — Умберто — Уго сделал маркизом Тосканы и герцогом Сполето. Сын от Пецоллы — Бозон — стал епископом Пьяченцы. Да что там! Дочь Уго Альда вышла замуж за моего сына Альбериха II!

— Хорошая партия,— кивнула Елена.

— Безусловно,— согласилась Марозия и вздохнула: — Мне было бы совсем хорошо и спокойно, если бы Бог дал сыночку немного терпения и почтительности, убавив заодно строптивость его и великую гордыню. Альберих не выносит Уго, и любое слово отчима воспринимает как личное оскорбление. Боюсь, однажды это кончится очень плохо — им двоим тесно в Риме.

---

[1] *Затрикий* — шахматы.

— Так ваш супруг нынче здесь?

— Да, он покинул сырую и холодную Павию, чтобы погреться на нашем солнышке!

Поболтав еще немного, Марозия с Теодорой собрались уходить. На прощание «владычица Рима» предложила Елене навестить их с мужем в замке Сан-Анжело, и Мелиссина с благодарностью приняла приглашение. Проводив могущественную и опасную гостью, тайная посланница с удовлетворением отметила: неделя прошла удачно. Теперь, по крайней мере, стало ясно, на кого делать ставку, кого именно ей нужно «разрабатывать»,— Альбериха II Сполетского.

ГЛАВА 10,

В КОТОРОЙ СЕВЕР БЬЁТСЯ С ЮГОМ

Покуролесили варяги изрядно — весь берег амальфитанский словно притих в испуге. Ну, особо не зверствовали, и то ладно.

С отплытием, правда, припозднились — отчалили в разгар ясного утра. Семь лодий, пять галер-сандануров и две огнепальных хеландии покинули порт Амальфи и потянулись на запад, чтобы обогнуть полуостров Сорренто и выйти в Неаполитанский залив.

— Што-то знакомое чую,— нахмурился князь Инегельд.— Неаполь... Неа-поль. Неополис? Это што ж, вроде как «новый город»? Новгород, значит?

— Верно, Клык,— ухмыльнулся Олег,— Новгород и есть. Неплохо ты речь ромейскую усвоил.

— Ну-к, дело, чай, известное,— польщённо улыбнулся Боевой Клык.— Поди лет пятнадцать греческий язык на слуху-то!

Турберн Железнобокий, сидевший на месте кормщика у рулевого весла, что опускалось с правого борта «Пардуса», посадил за себя Тудора, сына Инегельда, и подошёл к стоявшим магистру и князю. Нервно потирая мозолистые ладони, спросил:

— Кабыть, пришла пора гелеполу сбивать-сколачивать?

— А то! — пробасил князь.— Сколотим, чего там... Ужо настучим неаполитанцам-засранцам, штоб впустили! Долбанём со всей мочи!

— Со всей дури! — хохотнул Турберн.

— Смена гребцов! — разнёсся трубный глас Карла Вилобородого.— Парус по ветру!

Тем временем хеландия «Грифон» прошла у лодьи за кормой, отбирая ветер, и этим тут же воспользовался «Финист» Вуефаста Дороги — стал обходить «Пардуса», пока не поравнялся с ним.

— Путём-дорогой! — гаркнул ярл Вуефаст, передавая привет по морскому обычаю.— Здорово, молодцы!

— Ваше здоровье! — радостно заорал Карл Вилобородый.— На все четыре ветра!

— Откуда боги несут?

— От Амальфи!

— А чего вы в той Амальфе забыли-то?

— Дык, ёлы-палы! Одной лимончеллы сколь выпили — страсть!

Экипажи обеих лодий грохнули одновременно.

Тут земля амальфитанская, что цвела и пахла по правому борту, ушла к северу, загибаясь оконечностью и открывая пролив между Сорренто и островом Капри.

— Кормчий, право руля! — скомандовал Вилобородый.— Табань правым бортом! Левый борт, поворот!

Весла справа погрузились, тормозя ход, и разбежавшаяся лодья стала неохотно заворачивать в пролив.

— А нас уже ждут, Клык,— сказал Олег, выпрямляясь.

Инегельд обернулся к носу лодьи и нахмурился — на лазурных волнах пролива, ближе к Сорренто, покачивались десятки галер. Их мачты были убраны, как то делается перед боем, и лишь кое-где полоскались стяги с фигурой Св. Януария, покровителя Неаполя. Заметив варяжские корабли, капитаны галер воодушевились, их протяжные крики переполошили подчинённых — вразнобой загудели барабаны, и сотни вёсел заблестели на солнце, загребая голубую воду.

Инегельд осклабился.

— Ла-адно...— протянул он.— Сами полезли? Ну-ну...

Карл Вилобородый зычно скомандовал:

— Спустить парус, крепить снасть! Мачту уложить! Брони вздеть!

Те же короткие приказы зазвучали на остальных лодьях маленького варяжского флота. Венецианцы на сандануме держались в стороне, а вот хеландии, на огонь которых рассчитывал Олег, затеяли странный манёвр — двинулись к западу, обходя Капри с юга.

— В тыл, што ли, выйти хотят? — поинтересовался Клык, натягивая кольчугу.

— Надеюсь,— процедил Сухов.

Прежние подозрения насчёт Иоанна Радина, подутихнувшие было, проснулись в нём с новою силой. Да и то сказать, не сами ж по себе навклиры хеландий сговорились, дабы варягов бросить в лихую годину! Или сговорились? Да ну, глупость какая-то... Может, струсили просто, да и дёру дали? А с чего бы им такими пугливыми вдруг стать, да ещё обоим сразу? И ведь никакой суматохи на палубах хеландий! Как шли они на запад, так и продолжают идти. В тыл выйти хотят? Архиглупо. Это он погорячился, версию князеву поддержав. Пока тот Капри обойдёшь, морской бой закончится давно. Господи, что же тут творится, на самом-то деле?!

Олег быстренько скинул сагий и облёкся кольчужным панцирем, сверху натянув стёганую эмилорику. А вот шлем он предпочёл варяжский — круглый, с нащёчниками, здорово похожий на те, что носили римские легионеры, разве что без гребешка.

— Биться будем? — тревожно спросил Пончик, едва совладая с кожаными ремешками доспеха.

— Будем,— усмехнулся Олег.— Куда мы денемся... Ты бы спрятался в трюм, что ли. Стрела, она, это самое, тоже дура...

— Ещё чего...— пробурчал Александр.— А раненым помогать кто будет? Ангелы небесные? Угу...

Сухов взвесил в руке ромейский щит-скутарион и отложил, выбрал круглый варяжский щит — этот, хоть и потяжелее будет, зато и понадёжней. Проверено...

Олег смотрел на приближавшиеся галеры без трепета — не остыв ещё после взятия Амальфи, он принимал новый вызов, испытывая не страх, а гнев. И ещё рос в душе азарт, коего вчера не ощущалось вовсе,— побитие амальфитанцев было просто грязной работой. Да и разница чувствовалась: вчера они сами нападали, а сегодня нападают на них.

Между тем на лодьях забряцало оружие — из трюмов споро доставали дубовые сундуки с мечами, объёмистые вязанки копий, луки да колчаны, набитые стрелами. Вооружались варяги, вооружались аланы, ясы, савиры, булгары — хватало воинственных племён на землях будущей Руси.

— А чего ты не командуешь? — спросил Пончик, ревниво оглядывая лодьи.— Ты ведь аколит! Угу...

Сухов хмыкнул.

— Вот высадимся,— сказал он,— и буду я аколит. А на море лучше наших ярлов не сыщешь бойцов. Зачем же им мешать своим чутким руководством?

Он снова проводил глазами хеландии, следовавшие вдоль южного берега Капри, и прищурился. Назойливые мыслишки не прекращали вертеться в голове. Неужто и впрямь Радин — тот самый главарь? «Пятый, который первый»? Если так, то понятно, почему огнепальные корабли бросили варягов,— другарий заметает следы, убирает свидетеля самым естественным образом — и чужими руками. Ведь семи лодьям противостоят три десятка неаполитанских галер — перевес, однако.

Хм. Что-то тут не сходится.

Главное же, что мешало Олегу, заключалось в следующем — простоватый другарий был ему чем-то симпатичен. Тем, наверное, что не лез в самую грязь придворных интриг, из-за чего оставался на вторых и третьих ролях, занимая посты ответственные, но скромные. Брезговал? Или же искусно притворялся? Поди разбери...

— Воздух! — крикнул Пончик.

Олег мигом вскинул щит на манер зонтика — десятки стрел, пущенных неаполитанскими лучниками, посыпались с неба.

— Щиты вверх!

Тяжелые стрелы на излёте задолбили по палубе, по воздетым щитам, втыкаясь в скамьи, в уложенную мачту, в борта.

Тут же загудели русские луки, тугие и убойные, креплённые моржовой костью и жилами оленя. Варяжские стрелы гвоздили воинов Неаполя, пробивая кольчуги и снося с ног. Хорошие ученики степных кочевников, русы оттягивали жильные тетивы и пускали стрелу за стрелой. Пока на галерах спохватились и прикрылись щитами, добрый десяток солидариев пал на головы гребцам или свалился в море.

— Карл! — крикнул Сухов.— Следи за галерами! У них тараны в носах — поберегись!

— Не дождутся! — проорал Вилобородый в ответ.

— Слу-ушай! — вскинул руку светлый князь.— Идём на прорыв! Заходим этим в тыл, делаем разворот — и добиваем гадов!

— У-а-у-у! — завыли булгары с савирами.

Варяги заревели, добавляя к волчьему вою рык голодного зверя. Берсерков среди них не водилось, так что никто не портил зубов, изгрызая щиты, зато все как один были исполнены рвения. Гридь никогда не делилась на слабых и сильных, лишь на старых, опытных, посвященных, и на молодых, еще не прошедших посвящения. Ни один конунг, или князь, или хан не держал в дружине неумех, самого понятия «плохой воин» не существовало, разве что в смысле личного оскорбления. Всё было проще некуда — или ты воин, или ты его жертва, его добыча.

— Следить за небом! — протрубил Вилобородый.

— Па-ашли! — заревел Клык.

Гребцы налегли на вёсла. «Пардус» понёсся вперёд, намечая себе путь между двух галер. Довольно-таки ходкие, галеры плохо были приспособлены для манёвра — развернуться на месте или отплыть в сторону у них получалось с трудом.

Неаполитанцы ярились, не слишком понимая, куда так гонят варяги. Вероятно, они полагали, что противник просто спешит убраться с линии таранного удара,— и радовались, что русы сами спешат приблизиться к галерам. Солидарии торопились отстреляться, выпуская стрелы в упор. Закричал раненый алан Баттхар из рода Сахири. Ухватился за пробитое горло хазарин Янур.

Пончик тут же пополз оказывать первую медицинскую помощь, а Малютка Свен вскочил, подхватывая два копья. Взяв короткий разбег, «малышок» одновременно размахнулся и метнул оба копья. Левое пробило насквозь капитана, правое пригвоздило к борту кормчего.

Неаполитанцы взревели, а лодья всё летела и летела. На галере забеспокоились, стали уходить с курса «Пардуса», даже обстрел прекратили. Поздно!

— Суши вёсла! — прозвучала команда.

Лодья с ходу вошла в узкий промежуток между двумя галерами. Её острый форштевень, окованный медью, с треском ломал длинные, с широкими лопастями, вёсла галер, калеча и убивая гребцов.

Следом прорвались «Финист» и «Вий», остальные лодьи обошли неаполитанцев с фланга.

Солидарии бесновались, галеры стали неуклюже разворачиваться, собираясь броситься в погоню за проскользнувшими лодьями,— южане плохо знали варягов!

Прикрытые щитами побратимов, гребцы развернули лодьи кругом. Вёсла вспенили воду, а варяги затянули боевую песню, зловещую и тоскливую, такую, что мурашки по коже и волосы дыбом.

— Вперёд! — взревел Инегельд.— Готовь крюки! Никого не оставлять в живых! Всех — к рыбам!

Семь лодий, вспенив воду в развороте, набросились на галеры, уже поломавшие свой ровный строй. «Пардусу» достался «Святитель Николай», вместительная посудина на двести человек — и ни одного раба на вёслах. Гребли и бились вольные солидарии — бились за наличные, бились за жизнь — свою и тех, кто остался в Неаполе.

«Святитель Николай» успел развернуться, и «Пардус» сошёлся с галерой борт к борту. Полетели, разворачиваясь, крюки на цепях,

впиваясь в трещавший фальшборт, стягивая два корабля в одно поле боя. Десятки галерных вёсел задрались вверх, чтобы не поломаться, и варяги использовали их как абордажные мостики, с воем и рёвом кинувшись на палубу «Святителя Николая».

Первыми перепрыгнули Боевой Клык и Малютка Свен. Оба держали в руках по две секиры. Инегельд с разбегу втесал топор в грудину мощному усатому солидарию. Справа занёсся меч — князь подставил вторую секиру, лезвие ее скользнуло по клинку, срубая врагу кисть. Хороший пинок, и воющий неаполитанец слетел за борт.

Малютка Свен едва не попал под меч. Успев откинуться назад, он пропустил сверкнувшую сталь, маятником качнулся обратно и ударил секирой снизу. Готов!

Меч лёгок, его можно удержать в крайней точке выпада — и тут же нанести удар, а вот боевые топоры весьма увесисты, их «ведёт» на замахе. Секиру нужно разогнать или погасить набранную ею силу инерции и лишь потом ударить. Поэтому бойцам приходится постоянно «играть» топорами, описывая лезвиями восьмерки и дуги,— так легче орудовать этим страшным оружием, раскалывающим щиты и черепа.

— Всем кровь пущу! — ревел Малютка Свен, маша топорами направо и налево, круша врагов, как сухие чурки. «Малышок» счастливо ухмылялся, с головы до ног забрызганный кровью.

Олег особо не спешил броситься в гущу схватки, он высматривал слабые и сильные места, заодно приглядывая за соседними галерами. «Финист» и «Вий» справа сцепились с шестью или семью вражескими кораблями, и рубка там шла сумасшедшая, а «Семаргл» слева отвлёк на себя сразу четыре галеры.

— Пончик! — крикнул Сухов.— Всех раненых — в шатёр!

Александр, волокущий подстреленного Улеба Вепря, поднял голову и кивнул понятливо — шатёр на корме лодьи мог спасти хотя бы от стрел — покрывавшая его буйволиная кожа ссохлась и задубела до твёрдости крепкой доски.

А тут и Олег определился. Корма «Святителя Николая» медленно, но неуклонно очищалась от врага — шеренга варягов наступала на шеренгу неаполитанцев, мечи и секиры то и дело блистали на солнце, работая на убыль живой силы противника. А вот ближе к носу ситуация была куда тревожней — больше полусотни неапольцев окружили десяток варягов и наседали, стараясь пробиться за щиты и мечи.

Сухов обернулся на последний резерв — десяток аланов Исавара, сына Ситая из Фуста, ждал его приказа, потрясая кривыми мечами.

— Поможем нашим! — гаркнул магистр.— За мной!

Аланы радостно взревели и кинулись следом за Олегом на палубу галеры.

Сухов запрыгал, отталкиваясь то от твёрдой скамьи, то от мягкого тела убитого гребца, и с ходу наколол спину солидария, наседавшего на Боевого Клыка и усердно при этом ухавшего. Выдернув спафион, окрашенный дымившейся кровью, Олег мигом подрубил бочину неаполитанца в шлеме с султаном, а тут и аланы подоспели, навалились дружно.

— Ух и нарубили мы мяса! — проорал Клык, сжимая секиру двумя руками.— Ух и намололи!

Тудор, бившийся спина к спине с отцом, лишь осклабился, вовсю орудуя мечом.

— Где секиру потерял? — крикнул Олег, рассекая живот неаполитанцу без лат, но в богатом шлеме. Придерживая руками вывалившиеся кишки и пуча глаза, солидарий кувыркнулся в море.

— А вона!

Клык, наступив ногой на щит, в котором застряла секира, выдернул ее и указал полукруглым лезвием на соседнюю галеру. Там, обвиснув на рулевом весле, покоился кормщик. Из спины у него торчал топор, всаженный по самый обух.

Отбив щитом выпад слева, Сухов пронзил мечом неаполитанца, бледного до синевы, а обратным движением разрубил горло еще одному желающему стать кормом для рыб. И опустил меч — некого стало убивать. Варяги очистили палубу «Святителя Николая» от доброй половины солидариев, а остальные поспрыгивали в воду, уберегая жизни от ярости неистовых северян.

— Чистим дальше! — протрубил Боевой Клык.

Малютка Свен разбежался и прыгнул, занося секиры, на палубу соседней галеры, «Морского тигра», спешившей на помощь своим. Солидарии взревели, задирая копья, но Свен был не новичок, заработал как мельница смерти — секиры его так и летали, разрубая кости, разбрызгивая кровь.

Таран «Морского тигра», нацеленный на лодью, промахнулся, вошёл с грохотом и треском в скулу «Святителю Николаю».

Варяги повалили на палубу следующей галеры — уже отведавшие крови, но жажды убийства пока не утолившие. Они ломили, не замечая стрел, пронзавших руки, застревавших в боках.

Боевой Клык без устали кроил секирой, Ивор Пожиратель Смерти бился двумя мечами, Алк Ворон орудовал своим любимым копьём — на коротком древке, но с длинным наконечником, походившим на обою-

доострый клинок. Альф Убийца был невозмутим — сеял смерть, держа в одной руке меч, а в другой кинжал, и лишь изредка улыбался, когда умертвие удавалось достойным великого умельца. Стегги Метатель Колец бешено отбивался от наскоков сразу двух солидариев, удерживая равновесие на кромке фальшборта. Турберн Железнобокий экономил силы — увёртывался, отбивал вражеский клинок, отступал — и вдруг наносил молниеносный удар, поражая сразу и насмерть. Хурта Славинский потерял меч, но не растерялся — отмахивался обломком весла, как дубинкой, обращаться с которой был мастер. Фудри Москвич беспрестанно ругался, обрушивая на соперника поток самой чёрной и гнусной брани, и лишь изредка делал паузы — когда убивал одного солидария и переходил к следующему. Олав Лесоруб... Большеухий Актеву... Алдан Засоня... Асмолд Белая Сова... Вся дружина сражалась на своих и чужих кораблях, изничтожая врага всеми способами. И враг дрогнул. Не помогло неаполитанцам их численное превосходство — варяжская дружина на семи лодьях уже очистила десять галер и продолжала нести смерть еще на пяти палубах. И подданные герцога Неаполитанского стали отходить — полтора десятка низкосидящих кораблей вовсю работали вёслами, бросая товарищей на милость победителя. Но варяги не ведали милости...

Под занавес в бой вступили венецианцы — лучники с сандануумов, выстроившихся в линию, взялись обстреливать галеры, уходившие к Неаполю.

Витале Ипато, возбуждённый и встрепанный, оказался на палубе «Пардуса» одновременно с Олегом, покинувшим «Морского тигра»,— на галере остались одни «гасильщики», добивавшие раненых неаполитанцев, снимавшие с них доспехи и собиравшие оружие.

— У меня хорошие стрелки! — сказал Ипато.— Они привычны к мощным степным лукам и немного «проводят» неаполитанцев.

— Спасибо, Витале,— бросил Сухов и тут же прикрыл преордината щитом, отлавливая меткую стрелу, едва не лишившую дожа его верного слуги.

— Вам спасибо...— выдохнул венецианец.

— Не за что,— усмехнулся Олег.

— Кончаем эту карусель! — сипло крикнул Карл Вилобородый и закашлялся. Рука его, кое-как обмотанная окровавленной тряпицей, висела на ремне.

— Оружие соберите,— пробурчал Клык, уставший донельзя.

Князь сильно хромал, его поддерживал Тудор.

— А с лоханками ихними что делать? — долетел вопрос.— Может, днища прорубить к троллям?

— Убитых много? — вопросом ответил князь.

— Четырнадцать человек,— доложил Пончик, бледный, измотанный, вымазанный не своей кровью.— Угу... Раненых не считал еще.

— А здорово мы им врезали! — расплылся князь в улыбке.

— Дай ногу гляну,— подступил к нему Александр, протоспафарий и, по совместительству, врач.

— Заживёт! — отмахнулся Клык.

— Вот начнётся заражение, и всё тогда! — повысил голос Пончик.— Не в бою сгинешь, а сдохнешь от хвори, как старый трэль!

— Лучше не спорь, князь,— посоветовал Олег.

Инегельд поморщился и позволил врачу разрезать на себе штанину. Протоспафарий промыл рану и наложил повязку с пахучей мазью.

— До свадьбы заживёт,— пробурчал он.

Осталось последнее дело — печальный долг оставшихся в живых перед теми, кто ушёл к предкам. Гридни выбрали самую красивую да целую из захваченных галер — «Великомученицу Варвару»,— посбрасывали с неё трупы солидариев и начали укладывать на палубу, скользкую от пролитой крови, мёртвые тела своих товарищей. Всех их уложили рядом, сохраняя нерасторжимыми узы боевого братства, и запалили «Великомученицу Варвару» со всех концов, превращая галеру в погребальную лодью,— пускай возрадуются души убиенных воинов, пускай с дымом последнего костра вознесутся прямо на небо, в горние чертоги богов, и попируют на славу за одним столом с погибшими героями!

Очистив спафион от крови и слизи, Олег вложил его в ножны и уселся, откинулся к борту, ощущая ни с чем не сравнимое чувство облегчения после битвы — чувство убережения от смерти. Сколько раз лезвия мечей чиркали по его кольчуге! Однажды стрела задела оперением его нос, копьё вонзилось в палубу точно между ног — и ни царапинки! Видно, не исполнилась еще мера его дел, и не закончен путь. Бог хранит его...

...Отпылал погребальный костер — галера выгорела до дна и ушла под воду обугленным остовом. На лодьях подняли паруса, гребцы расселись по скамьям тягать вёсла. Кольчуг и шлемов никто не снимал, а на заново поставленные мачты подняли красные щиты — знаки войны, предупреждавшие: «Иду на вы!»

ГЛАВА 11,

ИЗ КОТОРОЙ ДОНОСЯТСЯ УДАРЫ ТАРАНА И СВИСТ NIGLAROS

Олег сидел, прислонясь к борту, слушал скрип вёсел, мощные выдохи гребцов, плеск воды, расходившейся от форштевня, и старался не двигаться — солнце не палило, но грело заметно, а когда на тебе рубаха, поддоспешник, кольчуга и эмилорика, взопреть — не проблема.

Сухов снял шлем и меховой подшлемник, пригладил взмокшие волосы. Нет ничего хуже, чем париться в теплынь.

— Ты бы снял эмилорику,— посоветовал Пончик.— Угу...

— Ну уж, скажешь тоже...— лениво проговорил Олег.— Эмилорика не только удар меча гасит, она ещё доспех прикрывает от солнца. Иначе он раскалится, и буду я, как цыплёнок в духовке, медленно жариться в собственном соку...

— Какой-то ты усталый,— сказал Александр, хмурясь.— Или озабоченный. Ты из-за тех хеландий?

— Да нет... Хеландии... У меня такое ощущение, что их навклиры выполняют чей-то тайный приказ, но пока не слишком в том преуспели. Да и тролль с ними, со всеми... Меня другое тревожит, Понч.

— Что?

— Я. Я сам. Помнишь, как мне горелось в Ладоге? Как я жилы рвал, лишь бы в люди выбиться, достичь положения жаждал? Тогда я пылал энтузиазмом, всё мне было интересно, у меня дух захватывало при виде куполов Константинополя — в тот мой первый приезд, вернее, наезд. Я любил страстно, будто жил на земле последний день, я бился яростно, словно от исхода боя зависело всё, а ныне что-то ушло из моей жизни — потускнело восприятие мира, я без восторга наблюдаю за новыми местами, даже к сражению отношусь спокойно, как к работе.

Пончик важно покивал.

— Ничего нового с тобой не происходит,— сказал он со снисхождением,— ты просто повзрослел, вот и всё. Угу. Знаешь, пора бы уж! Ты, может быть, и не заметил такого пустяка, а только мы оба четвёртый десяток разменяли. Угу... Думаешь, я сам не жалею о мироощущении юнца, когда всё перед тобой сияет и переливается? Знаешь, отчего это? Когда ты юн и глуп, гормон допамин впрыскивается тебе в кровь по-

многу, а теперь ты в возраст вошёл, и допамина стало меньше. Понял? Наверное, природа полагает, что, коли ты набрал ума, то получаешь от этого удовольствие и подпитывать тебя гормоном — лишнее. Угу.

Я бы ещё подумал, что это у тебя кризис среднего возраста развился, но уж больно гипотеза нелепа. Кризис, он для тех, кто дожил до наших лет — и ничего не добился, даже неудач не претерпел. Вот и маются такие — знают же, что жизнь не вечна, а как достичь высот, не истратив на это годы? Но тебе-то маета не пристала — Олег Романович Сухов добился всего в этой жизни. Ты богат и знатен, тебя любит прекраснейшая из женщин. Какого тебе ещё рожна?

Олег помолчал, а затем очень серьёзно сказал:

— Понч, ты помнишь, как нас в десятый век перекинуло? В один момент одну нашу жизнь зачеркнуло, а другую мы начали с чистого листа. И больше всего на свете я боюсь, что это однажды произойдёт снова. Нет-нет, я не схожу с ума от страха, и лишь изредка меня, бывает, окатит холодком — вдруг опять эти сиреневые сполохи да синий туман? И что тогда? А если рядом не окажется Елены? Если я не успею ухватить её и прижать к себе? Или успею, но нас с тобой перебросит чёрт-те куда, вернее, чёрт-те когда, а она останется тут? Что мне делать тогда? Как жить? Для чего и для кого? Ладно, не будем об ужасном, может, всё уже утихло, и мироздание смирилось с существованием пришельцев из века двадцать первого в веке десятом. Ну а ты сам смирился с этим? Только честно? Ты правильно сказал — я многого добился. Да и ты не на обочине здешней жизни, верно? Но можешь ли ты признаться, что полностью, стопроцентно, вжился в этот мир? Я вот не могу. Я продолжаю думать и чувствовать как человек из будущего. А что в том времени значат все мои достижения? Меньше, чем ничего! Кому в 2007-м нужен магистр и аколит? Да и не в этом дело... Для меня настоящее осталось там, за тысячу лет от этой поры, и я прекрасно понимаю — мне никогда не стать своим здесь, я обречён быть чужаком. Постоянно, постоянно я пытался и пытаюсь сблизиться с тутошним человечеством, но я не могу принять его обычаи без оговорок. Нам с тобой удалось перевоплотиться, мы, как народные артисты, играем свои роли, но меня лично всегда донимает одна и та же мысль, одно и то же ощущение — это именно игра, игра в жизнь. Одежда, что на мне,— театральный реквизит, а бои местного значения — ролевая постановка, а сцена — это весь земной шар, который тут считают плоским кругом...

— Жизнь — театр, а люди в нём — актёры,— картинно выпростав руку, продекламировал Шурик.— Угу... Что тебе сказать? Не парься! Угу...

Неаполитанский залив был красив как на картинке — голубая гладь. А на заднем плане поднимался конус Везувия. На его фоне, у самого подножия коварного вулкана, сгрудились дома Неаполя — узкие улицы сбегали с высоких холмов к морю. Проведённые по римским правилам, улицы делились на декуманусы, шедшие с востока на запад, и на кардисы — эти тянулись с севера на юг. Правда, долгая эпоха варварства внесла свои коррективы в чёткий план — иные улочки никуда уже не вели или заводили в глухие тупички, появилась и масса кривоколенных переулков.

Город окружали серые лавовые поля, а там, где лежали пласты пепла, зеленели сады и виноградники.

Олег внимательно рассматривал наплывавший пейзаж. Боевой Клык, сопевший рядом, вытянул руку в направлении маленького островка, соединённого с городом узкой насыпью. На острове глыбились развалины укреплений.

— Это што там такое? — спросил он.

— Кастель-дель-Ово,— ответил Сухов,— «Крепость яйца». Её снесли в прошлом веке, чтобы не досталась сарацинам. Ты хотел там высадиться?

— Думал. Всё ж таки укрытие.

— Кстати, да... Нет, лучше встанем лагерем у моря, прямо напротив города. Пусть видят, что нам не страшны его защитники. Тут-то всего тыщ тридцать прописано... проживает, и сколько из них тех, кто способен держать оружие?

— Держать меч маловато будет,— ухмыльнулся Клык,— им ещё владеть надо.

— Вот именно.

— К берегу!

Лодьи и сданумы причалили в порту Неаполя. Напротив поднимались крепкие стены города. На башнях вовсю курились костерки под чанами с водой и смолою, бегали туда-сюда воины, готовясь к отражению штурма.

У причалов покачивались брошенные галеры и с полсотни кораблей купеческих да рыбацких. Всё ценное, включая паруса, с них убрали, готовясь к тому, что варяги пожгут суда. Не тут-то было — грозная этерия не учиняла поджогов. Варяги поснимали с неаполитанских кораблей все мачты и реи, используя их для сооружения частокола. Широкую букву «П» начертали дружинники, выкапывая ров, набрасывая вал и укрепляя прочный тын — надёжную защиту шатров и кораблей.

Двумя часами позже приступили к выгрузке разобранной гелеполы, виней и плутей. Винеи больше всего напоминали маленькие бревенчатые домики под двускатными крышами из сырых кож, разве что в них отсутствовали две стены. Перетащишь на себе один такой домик, как улитка свою ракушку, да к самой крепости, а потом ещё один к нему пристыкуешь, третий, четвёртый, пятый, да хоть десятый — и получится у тебя этакая крытая галерея, по которой можно подобраться к самой городской стене, и ни одна стрела тебя не заденет, ни она капля смолы на тебя не упадёт. Правда, осаждённые могли сверху каменную глыбу уронить... Ну так что же? На войне как на войне. Убитых похоронят с почестями, а вместо разрушенной винеи притащат другую, целую.

Эта придумка древних стратегов Турберну Железнобокому очень понравилась, а вот плутеи вызывали у варягов громкий, жизнерадостный смех. Конструкция плутеи проста, как ложка,— это был большой плетёный или дощатый щит, обтянутый кожей. Таскать такой не получится и вдвоём, да плутею и не таскают, а ставят на два колеса и катят — это и веселило варягов. Но веселье не мешало им сколачивать всё новые и новые плутеи — уж больно здорово оказалось идти на штурм крепости прикрытым с головой. Выглянешь из-за щита, выстрелишь из лука или, там, из пращи, и обратно — шмыг!

А вот к гелеполе варяги отнеслись с должным почтением. Одни литые колеса чего стоили! А брусья каркаса? А толстенные лесины для обшивки стен? А тяжелые стопки сырых воловьих кож? Нет, осадная башня впечатляла даже в разобранном виде. Сгрузили с сандануов и парочку хайробаллист, стрелявших не шибко тяжёлыми ядрами, но бивших далёко и точно.

Ближе к обеду началась сборка гелеполы — на виду у неапольцев, и без того истерзанных страхами.

Гелепола не была для италийцев внове. Ее надо было подкатывать почти вплотную к крепостным стенам, долбить их тараном и баллистой, устроенными на разных ярусах осадной башни, а с верхней площадки перекидывать мостик на зубцы. И вперед, на штурм! В давние времена сооружались колоссальные башни в девять этажей, а двигали этакую громаду три с лишним тысячи воинов. Аппетиты Олега были куда скромнее.

Для гелеполы решено было засыпать ров напротив юго-западных ворот, выходящих к порту, сверху уложить доски-лесины, а по линии движения вбить колья, окованные железом, чтоб было за что цеплять канаты. Тянут-потянут варяги за кожаные тросы, подтянут гелеполу шагов

на пять ближе к городу и давай крепить канаты за следующий кол. И снова: «Эй, ухнем!» Осадную башню, поставленную на колеса, будет несложно придвинуть вплотную к стене Неаполя. Несложно, хотя и невероятно трудно, однако прилагать усилия варягам было не привыкать.

Дружина Олава Лесоруба пригнала на работы местное население — бедных виноградарей и хлеборобов заставили копать землю, а тем, кто побогаче был, то бишь имел лошадей, приказали мешки с землей грузить на телеги и подвозить к осаждённому городу. Бегом, согнувшись в три погибели, варяги перетаскивали тяжелые мешки и сбрасывали в ров.

Осаждённые не раз и не два пытались помешать их трудам, но савиры и булгары, известные лучники, обстреливали стену из-за плутей, пресекая попытки сбросить на винею бревно или огромный валун.

Собирали осадную башню в перестреле от крепостной стены — в русском, понятное дело, перестреле. Италийским лукам на столько шагов не добить.

Варяги под чутким руководством Железнобокого уже сколотили из бруса тяжелую раму и сейчас крепили стояки откосинами, чуток заваливая столбы внутрь,— стены гелеполы будут наклонными. Над местом сборки стоял гомон голосов.

— Клади пластью!

— Да куды ж?

— Да сюды!

— Клони, клони... Ещё... Стой! Крепи!

— А сверху чем? Лесин мало.

— А горбылём!

— Да ну... Неказисто получится...

— А тебе что, невесту сюды вносить?

— «Гуляй-поле» на один раз, больше — зачем?

— Заноси!

— Готов венец! Давай пол набивай, а то и стать негде!

— Левее! Еще маленько!

— Доски-то пилёные, смотрю...

— Ништо, «гуляй-поле» — не лодья, не набухнут! [1]

— Топор мой где?!

— Алвад вроде взял!

— А я с чем буду?! Алвад! Ворочай топор!

---

[1] Для строительства лодий применяли исключительно колотые доски, рубленные топором, — такие хуже впитывали воду, нежели пилёные.

— У тебя ж ишо есть!
— А это мой любимый!
— Гвозди где?
— Вон, сзади!
— Подбей чуток... Во! В самый раз!

Олег поднял голову, окуная лицо в лазурное, беспримесно чистое небо. Солнечный круг докатился до середины пути и грел кожу полуденным теплом. Хорошо!

Ночью на стенах Неаполя продолжали гореть костры и факелы, но вылазок гарнизон не совершал — и правильно делал. А на следующий день труба пропела: «На штурм!»

Варяги в полутьме гелеполы ухали придушенно и кряхтели, налегая на рычаги. Звонко шпокали храповички, и железные колёса, медленно проворачиваясь, тащили на себе осадную башню. Ещё на пядь, на вершок, на аршин ближе к стене, что слева от Морских ворот. Ворота находились между мощных восьмиугольных башен, против которых гелепола оказалась бы бесполезной — легче было стену дырявить.

Пара крепких канатов из моржовой кожи со скрипом наматывалась на блоки — сотня самых дюжих варягов тягала тросы, подтягивая гелеполу.

— Стой! — заревел Карл.— Перецепляемся!

Канаты ослабли, двое варягов, пыхтя, сняли петли с одного кола, вбитого в землю, и натянули на следующий, показавшийся из-под передней стенки гелеполы.

— Олег, ты идёшь? — крикнул Боевой Клык, сгибаясь под низким потолком.

— Порядок! — сказал Олег, спускаясь со второго яруса, где стояла небольшая, но довольно мощная баллиста.— Видите черту на лесинах? Вон, под ногами? Для вас наковыряли. Держитесь ее, чтоб не съехать...

— Да уж...— пропыхтел Хагон Ворчун, налегая на рычаг.— Такую дуру хрен тогда сдвинешь!

— Ништо! — бодро откликнулся Ярун из Хольмгарда, подлезавший к бойнице, прикрытой щитком.— Идёт как по маслу!

— По салу! — прохрипел Вилобородый.— Вся душа изболелась! Вкусноты — пропасть, и всё на смазку!

— Я тебе лично окорок куплю,— улыбнулся Олег,— в лучшей лавке за той стеной.

— Лады!

Олег хлопнул ярла по необъятной спине и вылез из гелеполы — задняя стенка у неё отсутствовала. Тудор тут же загородил магистра и князя огромным щитом-мантелетой, вообще-то рассчитанной на двух человек, но для русского медведя вполне сподручной.

— Хорошо ребята прут,— заметил Инегельд.— Што твои волы. Неужто и впрямь расколупаем?

— Должны,— твёрдо сказал Сухов.

Они дошли до нейтральной полосы и высунулись из-за мантелеты. Влево и вправо уходили мощные стены, раздвинутые ещё более могучими башнями. Но сейчас, когда гелеполе оставались считаные шаги до кирпичной кладки, укрепления больше не казались пугающе неприступными. Грозная стенобитная махина надвигалась на стену медленно и неотвратимо, лишая защитников веры в победу. Скоро, очень скоро гелепола подберётся вплотную, и страшный таран пойдёт долбать отличный римский кирпич.

Защитники Неаполя и сами это разумели, но помешать варангам не могли. Пытались, но ничего путного у них не выходило — русские и савирские лучники держали этот участок стены под перекрестным обстрелом.

«Штурмовики» пока отдыхали. Тяжелая пехота «стояла в очереди» и болела за своих, игравших со смертью на чужом поле. «Наши» вели. Три или четыре раза неапольцы достреливали до осадной башни пудовыми камнями, но русы строили крепко — ярусы лишь слегка потрескивали, да гул проходил по перегородкам.

— Сиятельный! — подскочил Слуда Хмырь, длинный, тощий, угловатый, но стрелок Божьей милостью.— Тут какой-то мужик к тебе!

— Мужик? — недовольно нахмурился Олег.

Слуда подвел маленького человечка, расхристанного, потного, белолицего, с красным унылым носом. Приоткрытый рот с неуверенной полуулыбкой. Просящие глаза деревенского хитрована.

— Тут такое дело, ваше сиятельство,— зачастил человечек на худой ромейской речи,— я вам тут мешки с землёю возил... ничего не скажу, все чин чинарем... а только лошадку мою... того... каменюкой оттудова,— он вильнул в сторону города,— зашибло насмерть. А я ж не виноват! А куды ж мне, безлошадному-то?

— Это правда? — спросил Олег у Хмыря.

— Было такое,— подтвердил Слуда,— перешибло его кобылу ядром, сломало хребет животине. Ну я и прирезал ее, чтоб не мучилась...

— Ага, ага...— часто кивал мужичок.

— И хороша была лошадка? — спросил Сухов у него.

— Да как сказать...— замялся мужичок.— Не царских кровей, конечно, но послушна...

— Заплати ему двенадцать номисм,— велел Олег.— Лошади здесь дороги.

Отмахиваясь от благодарностей осчастливленного мужичка, он вернулся к прерванному занятию — быть зрителем на премьере постановки «Осада Неаполя». Начиналось действие второе, с батальными сценами. Гелепола заняла позицию, почти вплотную придвинувшись к городской стене, тяжёлый литой таран раскачали на цепях, и вот прокатился первый удар, тупой и гулкий. Сыпанула кирпичная крошка. Второй удар. Третий... Повисла, поплыла облачком ржавая пыль.

— Зря ты столько мужику этому отдал,— проворчал жмотистый Клык.— С него и номисмы хватило бы...

— Не жадничай,— улыбнулся Олег,— подумай лучше. Этот мужик всем же рассказывать станет, какие варанги щедрые. Соседи его сравнивать нас станут со своими господами, мироедами да скупердяями. А придет им нужда выбирать, кого они поддержат — родимых жадюг или чужих благоносцев? Понял?

— Умно,— оценил князь.— Но все равно жалко. Э, опять он здесь! Чего тебе? Ещё одна кобыла сдохла?

Олег обернулся — перед ним стоял давешний проситель, подсмыкивая грязноватые брэ. В одном кулаке он сжимал платочек с номисмами, а другой протягивал скрученную грамотку.

— Вам велено было передать,— робко сказал мужичок,— а я и запамятовал на радостях...

— Кто велел?

— Не нашенский. Ромей, вроде вашего сиятельства. Тоже в таком... в такое обряжен, и плащ на нём золотом выткан, всё орлы да кресты... Две стрелы схлопотал он, помирал уже. Я-то думал, помер он, хотел было плащик... того... ну, чтоб не пропал зря, а тот живой ещё. Передай, говорит, магистру Олегариусу пергамен сей. Ну, я и взял...

Олег развернул жёсткий пергамент и прочёл:

«Патрикий и друнгарий флота Иоанн Радин шлёт привет магистру и аколиту Олегариусу, сыну Романа. Во имя Господа нашего, Иисуса Христа, сиятельный, прибудь на остров Искья с сотней воинов, дабы защитить православных инокинь тамошнего монастыря, разрушенного сарацинами, что поставлен

блаженным Фокой Пизанским на берегу Разбойничьей бухты. Ради всего святого, препроводи невест Его в безопасное место, накорми и устрой. Дромон „Феодосий Великий" прибудет за ними позже и перевезёт в Тарент».

Вот только инокинь мне ещё и не хватало для полного счастья, подумал Сухов. А может, это ловушка? Вопрос остаётся открытым: враг ли ему Радин? Он ли тот самый главарь? Или его излишне пылкое воображение питается ошибками да нелепицами? В любом случае придётся проверить — сходить на эту Искью. Хотя бы для очистки совести. Вдруг взаправду инокини? Молодые? Красивые? Ждут спасителя и ноги ему целовать готовы? И не только ноги...

— Акила! — рявкнул Олег. Подбежавшему варягу он показал на мужика и отдал приказ: — Допросить. Денежку ему оставь.

— Понято!

Длинный Меч уволок побледневшего крестьянина. Возился он недолго и вскоре привёл допрошенного обратно — изрядно помятого, в ссадинах и кровоподтёках, с рукою, висевшей плетью. Другая рука тискала узелок с монетами, сжав его мёртвой хваткой.

— Вроде как правду говорит,— доложил Акила.— Наши съездили к этому в деревню — тут рядом, нашли того ромея в канаве. Деревенские уже раздели его догола. Ну, мы одёжу-то отыскали — всё как у тебя, сиятельный, только этот... как бишь его... сарака... сакара...

— Скарамангий,— подсказал Сухов.

— Во-во! Этот самый. Так он цвету зелёного с красным.

— Протоспафарий, значит. Один он был?

— Вот уж нет! Ещё, говорят, четверо его сопровождали, да все куда-то подевались. Такие вот дела.

— Ладно... Спасибо, Акила.

— Рады стараться! — осклабился варяг.

— Слуда! Выдай этому убогому ещё двенадцать номисм и гони отсель!

— Сделаем, сиятельный...

...С сухим, колким грохотом посыпались битые кирпичи. Из-за стены Неаполя взвились дымные хвосты, и два сосуда с нефтью разбились о гелеполу. Но корчащийся огонь бессильно стек в ров, не взяв сырые кожи, наколоченные на стены осадной башни.

Варяги деловито готовились к штурму — вязали длиннющие лестницы, заготавливали тугие вязанки хвороста, набивали колчаны стрелами про запас, оправлялись в кустах и подкреплялись у походных

кухонь. За стенами лагеря натягивали огромный шатер госпиталя. Пончик гонял помощников — лубки заготавливать, перевязочный материал кипятить и сушить, травы вываривать.

Настал вечер, опустились синие сумерки. Зажглись первые звёзды. Но не осенило Неаполь ночным покоем.

Множественный шум осады, складываемый из человеческих голосов, звона стали, конского ржания, перехлестывал через цепи укреплений и достигал городских улиц, мучая жителей страхом и гоня сны.

Гелепола долбила стену с перерывами. Подолбит-подолбит и перестанет. Выждет, пока осажденные успокоятся, и давай по новой: дррум, дррум, дррум... Неаполитанцам это действовало на нервы. А пара хайробаллист множила тревоги, добавляя к жесткому ритму гелеполы надсадный вой хитро обтесанных ядер. И поди угадай, из какой области небес они рушатся тебе на голову!

Олег усмехнулся, наблюдая за батальными сценами, и пошагал к лагерю. Надо было обсудить с Клыком детали экспедиции на Искью. Осада сегодняшним днём не кончится, с текучкой найдётся кому разобраться. А вот ему не мешало бы развеяться — и рану заодно попарить. Говорят, на Искье полно горячих — и зело целебных! — источников, бьющих из-под земли. Прекрасная выйдет физиопроцедура...

Отправились пополудни на «Пардусе». Карл Вилобородый остался при гелеполе, выделив для похода полусотню Акилы Длинный Меч. Князь Инегельд добавил пятьдесят воинов во главе с Тудором, так и составилась приятная компания.

До изумрудной Искьи лодья добежала часа за два. Райское местечко — и словно отражение Неаполя: и там и там высился вулкан. Гористые склоны острова заросли соснами, ниже располагалось царство каштанов и одичавших цитрусовых, а ещё кактусов, вздумавших цвесть.

— Выглядит как необитаемый,— поделился мыслями Пончик.

Олег молча кивнул. Узкие песчаные пляжи, окаймлявшие Искью, желтели нетронутой гладью, нигде ни дымка, ни звучка.

Где искать Разбойничью бухту, варяги выпытали у рыбаков — догнали их тартану, сдуру вышедшую в море, и учинили допрос. Несчастные рыбари выложили всё, что знали,— о подходах к бухте, об ориентирах на берегу, о глубинах. Когда их тартану оставили в покое, до Олега донеслись голоса, квартетом исполнявшие благодарственную молитву...

— Вона та самая скала,— указал подбородком Клык,— про которую давеча бородатый сказывал. И вершинка раздвоенная имеется, и пещерка над водой. Сворачиваем!

Лодья плавно развернулась, входя в потаённую бухточку. Её песчаный берег сходился клином и продолжался узкой долинкой, поднимавшейся в гору и густо поросшей сосняком.

— А вона и крест! — удовлетворенно сказал князь.

На берегу из песка выглядывал грубо обтёсанный каменный крест, немного покосившийся, словно указывавший одним концом своим на еле заметную тропку, уводящую в заросли. Лодья описала полукруг, огибая отмель, обозначенную крестом, и пристала к берегу в глубине бухты.

— Пошли, поищем монашек! — ухмыльнулся Боевой Клык, спрыгивая на берег.

— Чтоб не обижали никого,— предупредил Олег, соскакивая следом.

— Што ж мы, звери какие...

Небольшой отряд, человек двадцать, отправился по тропинке вверх, забираясь на довольно крутой склон. Солнце уже садилось, и тени протягивались длинные, а в лесу густел сумрак.

Потом тропинка перевалила на плоскую вершину, и до ушей Олега донеслось громкое шипение, сменившееся утробным клокотанием.

— Это што ещё за зверь? — замедлил широкую поступь князь.

— Дракон? — тревожно спросил Малютка Свен, перехватывая секиру поудобней.

Шипение быстро усилилось до рёва и затихло, переходя в басистое харканье.

— Точно, змей,— кивнул Ивор.

— Наверное, всех монашек пожрал,— сожалеющим голосом сказал Тудор.

— Должен вас разочаровать,— проворчал Сухов.— Драконы тут не водятся. Это ключи такие, горячие, из земли бьют.

— Да ну...— недоверчиво протянул Свен.

— Точно тебе говорю!

Деревья поредели и открыли каменистую пустошь, подтверждая слова аколита,— из щелей в скале там и сям били струи кипятка, крутился пар, булькала вода в лужах. Варяги, изготовившиеся со Змеем Горынычем биться, были слегка разочарованы.

— Нету и не надо,— измолвил князь.— Сплошная морока с этими драконами... Вы мне лучше скажите, где тут монастырь? Я лично даже развалин не замечаю! Али сарацины его с собой унесли?

Олег почувствовал глухое раздражение — опять его надули! Да сколько ж это можно...

— Возвращаемся,— сухо сказал он.— Прочешите лес в той стороне, гляньте с высоты, и назад.

Битый час варяги обшаривали скалы и рощи, но никаких следов богоугодного заведения так и не обнаружили.

Возвращались не спеша. Олег всю дорогу ломал голову над тайнами, которые ему уже порядком обрыдли, но так и не пришёл ни к каким выводам. Правду ли говорил тот мужичок, что грамотку ему передал? Не подослан ли он? Хм. Вряд ли от Акилы много утаишь... А если Радин и вовсе ни при чём, просто кто-то неизвестный прикрывается именем друнгария? Ведь приказать Олегу более некому — доместику схол он не подчинён, да и Радина волен ослушаться. Но не ослушался же, исполнил приказ-просьбу в точности... Кто же это воду мутит постоянно? И зачем? Чтобы пришибить Олега? Опять-таки, чего для? Вернее, почему? Нет, главное — кто? Кому так не люб магистр и аколит? Тому самому главарю, нераскрытому и непойманному? Или тут скрыта совсем иная причина? Тьфу ты! Кажется, физиопроцедуры отменяются...

Выйдя на берег, Сухов остановился неподалёку от креста. Ему стало понятней, почему его услали на Искью,— у выхода из бухты покачивались на якорях обе пропавшие хеландии. А потом дико засвистели niglaros.

ГЛАВА 12,

ИЗ КОТОРОЙ ДОНОСИТСЯ ГОГОТ ПОБЕДИТЕЛЕЙ И СТОНЫ ПОБЕЖДЁННЫХ

Олег ощутил прилив жестокой ярости — как же они его достали!

Темнело быстро, и даже багровые отсветы заката не красили воды бухты — крутые склоны прятали заходящее солнце. Хеландии виднелись зловещими чёрными тенями, как вдруг заревел пирекбол на «Грифоне», и огненная струя облила каменный крест.

— Отходим! — крикнул Сухов, одним скачком выходя из круга света, отбрасываемого горящим перекрестием.

Навклир «Св. Георгия Победоносца», плохо видимый в свете факела, поднёс ко рту медный рупор и проорал:

— Сдавайтесь! Сложите оружие, снимите одежды и выходите по одному к кресту!

Князь Инегельд, набрав побольше воздуху в могучие лёгкие, проорал навклиру такие пожелания, что будь рядом монахини — попадали бы, бедные, в обморок.

Биение жидкого огня ослабло, он пролился на воду, но не потух — закачался на мелкой волне оранжевыми языками пламени.

— Берегут, гады, огонь-то,— процедил Тудор.

— До «Пардуса» им не достать,— рассудил Инегельд,— далеко больно...

Тудор хмыкнул.

— Бать, а что мешает им подплыть?

— Цыц! Что мешает... Камни подводные мешают!

— Так их же тут нет!

— Балда! Им-то откуда знать?

Варяги отошли к лодье. Их товарищи, остававшиеся на борту, тоже спустились на берег. Отсюда хеландии вообще видно не было — терялись корабли ромейские на фоне прибрежных скал.

— Значит, так,— веско сказал Олег.— Мы перед императором чисты, ибо выполняем его приказ в точности. На хеландии засели то ли предатели, то ли дураки, обманутые предателями. Следовательно, они враги — и нам, и базилевсу. А если враг не сдается, его... что?

— Уничтожают! — храбро заявил Пончик.

— Правильно! Времени у нас мало — станет светло, и хеландии приплывут сюда, чтобы сжечь лодью. Вода тут чистейшая, дно за двадцать локтей видно...

— «Пардуса» я не брошу! — нахмурился Турберн.

— Значит, сгоришь с ним вместе! — вывел Акила.

— Я так не согласен,— замотал головой Малютка Свен.— Лучше в лес уйти и оттуда напасть!

— Можно подумать,— улыбнулся Ивор,— они тебя близко подпустят. Спалят лодью — и уйдут.

— А зачем? — удивился Пончик.— Смысл в этом какой? Ну спалят. И что? Мы-то спасёмся! Ну поживём тут денёк-другой, а потом за нами вернутся — «Финист», «Вий», «Семаргл», да все! Да мы же этого навклира хренового поймаем и распнём!

Варяги расхохотались над словами развоевавшегося врача.

— Кстати, да. Ты прав, Понч,— задумался Олег.— Чего-то мы недопонимаем... Вот что. Ивор и ты, Свен, дуйте обратно наверх и под-

беритесь к берегу. Осторожно только — там обрыв. Гляньте, далеко ли до хеландий.

— Задумал што? — сощурился Клык.

— Ежели сверху копьё метнуть потяжелее да пробить сифон, а потом факел туда метнуть...

— ...Рванёт так,— возбуждённо закончил Пончик,— что вся Искья вздрогнет!

Инегельд крякнул от удовольствия.

— Это мне нравится! — ухмыльнулся Свен.

— Вы ещё здесь? — сдвинул брови Олег.

— Мы уже там!

Ивор с «малышом» растворились в зарослях, как лесные духи.

— Ежели ночь темна будет,— проговорил князь, соображая,— можно попробовать тихохонько выйти в море промеж хеландий...

— И не надейся, Клык. Вон, луна восходит. Скоро тут всё засеребрится.

На хеландиях между тем разгорелись факелы, высвечивая мачты, фигуры воинов-эпибатов, крестовины фальшборта, похожего на балконные перила.

— Да тут и без луны светло,— проворчал Турберн.

Олег пристально следил за шаткими тенями на борту хеландии.

— Помнишь, Турберн,— спросил он,— как мы пытались крепость Баку из-под воды взять?

— Ну? — насторожился Железнобокий.

— Ничего у нас тогда не вышло, поскольку нас там ждали.

— Ну?

— Что — ну? На хеландии-то нас никто не ждёт!

— А-а...— стало доходить до Железнобокого.

Тут из леса донёсся шум, треск, и на берег выскочили Ивор и Свен — следопыты известные, способные пройти неслышными тенями. Видать, спешили.

— Там...— выпалил Малютка и задохнулся.

— Там корабли сарацинские! — договорил за него Ивор.— Десяток стоит у самого входа в бухту! Заураки и накаиры. Нам отсюда их не узреть, а вот те, на хеландиях, видят их прекрасно!

— Ах, вон оно что...— протянул Олег, светлея.— Так тут, получается, двойное предательство! Выходит, навклиры в сговоре с арабами... Ага... Ромеи, значит, запирают бухточку, а сарацины нас режут. Или вяжут...

— Это ещё неизвестно, кто кого будет резать! — пробурчал Инегельд.

— Князь, сарацин на десяти кораблях не меньше тысячи, а нас — сотня всего,— терпеливо сказал Сухов.— Мы им, конечно, вломим, как следует, но это тебе не амальфитанцы дохлые, это пираты Сабира!

— И что ты предлагаешь? — разозлился Клык.— Сдаться?!

— Ещё чего...— спокойно сказал Олег.— Ивор, ты не заметил, какая хеландия ближе к берегу стоит?

— «Грифон». Со скалы если глянуть, хеландия как раз внизу. Свен ещё хотел каменюку кинуть, да я не дал.

— И правильно сделал. Вот что, князь. Ты, я знаю, хвалился, что гарпуны в зверя морского метать умелец?

— А то! — приосанился Клык.— На моржей хаживал, на кита даже — я с лодьи так ему втыкивал — гарпун на полдревка уходил в тушу непомерную!

— Вот и славно. Тогда отправляйся с Турберном наверх и возьми с собой парочку самых тяжелых копий, вроде рожонов, а лучше три, чтоб с запасом, обмотайте их только паклей или что тут у нас есть, и всё масло из фонарей на них потратьте, чтоб горело ярко и в падении не гасло. Задача ясна? Только Ивор сову изобразит, кидай со всей мочи копьё, да выцеливай сифон медный, что в носу,— луна его как следует выбелит.

— Эт можно!

— А ты, Железнобокий, как он копьё метнёт, сразу своё швыряй следом, для верности.

— Подожги только,— вставил Акила.

— Поговори мне ещё,— проворчал старый воин.— Потопали, князюшка, проведу тебя на гору.

— Сам дойду.

— Потопали, потопали...

Малютка Свен, провожавший взглядом уходивших, повернул голову к Олегу и спросил:

— А мы?

— А мы искупаемся, малышок. Сплаваем на «Святого Георгия Победоносца», подержимся за навклира, погутарим...

— А потом?

— Суп с котом.

Магистр и аколит выбрал пятерых, самых умелых и годных для заплыва — Ивора, Акилу, Воиста, Свена и Фудри. Сам Олег был шестым в этой «сборной по плаванию».

Раздевшись догола, с ножами в руках, они вошли в воды бухты, стараясь не плескать, и поплыли вдоль тёмного берега. Луна уже серебрила склоны, но Разбойничья бухта лежала в непроглядной тени.

Вода была не тёплой, но и не холодной — терпимой. Держа нож в зубах, Олег плыл, еле загребая, чтобы не выдать себя, ибо попасть под дождик из «греческого огня» у него не было желания.

Плавание его утомило — сказывалось ранение,— но дух был бодр. И зол.

Прямо перед ним, словно морской дьявол, вынырнул Ивор и прошептал:

— Мы со Свеном кормой займёмся.

— Лады. Навклира не убивать, он мне живым нужен.

— Понято.

— Я на нос. Навклира ведите туда же и сами подгребайте.

— Ага...

Пожиратель Смерти бесшумно скрылся под водою и показался уже под самой кормой хеландии, хватаясь за рулевое весло.

К борту прибрёл сонный ромей. Стянув штаны, он отлил и вернулся досыпать. Олег снова поплыл, пока не уцепился за якорный канат.

Кое-как взобравшись по нему на носовую палубу, где тускло отсвечивала ощеренная труба пирекбола, он присел в тени и коснулся купола сифона. Котёл был горяч, адская смесь в нём булькала и шипела.

Тут на озябшего Сухова снова пахнуло теплом — это открылся люк в хозяйство сифонистов. Наверх, подсвеченный огнем из топки, выбрался хмурый Михаил.

Олег бесшумно поднялся, зашёл сифонисту со спины. Одной рукой прикрыв Михаилу рот, другой приставил нож к горлу.

— Тихо! — шепнул он.

Сифонист понятливо закивал.

— Я ничего не понимаю, сиятельный,— почти неслышно заговорил он,— мы всю ночь простояли на Капри, пока не дождались посла от Сабира, этого пирата, а потом все вместе двинулись сюда...

— А тут и понимать нечего. Навклир — предатель, и я поступлю с ним как с предателем. Хочешь разделить его участь?

— Я не трус! — яростно зашептал Михаил.— Но я лучше сдохну, чем стану Иудой! Прикажи только, сиятельный, и я этого навклира своими руками задушу!

— Тише, тише... Верю. А Евлогий?

— Мы оба — морские стратиоты [1], из одной деревни. Евлогий мне как брат!

---

[1] *Стратиот* — военный поселенец, которому давали надел земли за службу в армии или на флоте.

— Тогда слушай меня внимательно. Будешь выполнять только мои приказы...

Тут из люка показалась голова Евлогия, и Олег с Михаилом вдвоем приложили пальцы к губам: никшни, мол, и чтоб ни звука!

— Сиятельный! — расплылся тот в улыбке.— Ну наконец-то! А то я уж думал на берег отсюда плыть!

— Всё с вами ясно. Сколько людей на борту?

— Да где-то с сотню будет. На «Грифоне» — все полторы.

— Ясненько... Тогда так. Раскочегаривайте свой сифон, а трубу разворачивайте к палубе. Если по-хорошему не поймут, будем действовать по-плохому.

— Так не видно же...— слабо возразил Михаил.

— Это мы исправим. Скоро.

Из темноты возникли двое — Ивор в чёрном сагии на голое тело шагал рядом с навклиром в скарамангии. Лицо командира корабля застыло, тело выгнулось, и Олег понял, что Пожиратель Смерти добивался от навклира послушания, уперев нож в область печени.

— Садись, навклир,— ласково произнёс Олег,— потолкуем о том о сём.

Ивор усадил капитана, дружески похлопал его по плечу и переместил остриё ножа к жирной и потной шее.

— Зря ты это, сиятельный,— прохрипел навклир.— Я исполняю приказ очень и очень большого человека...

— Ах, большого... Большего, чем базилевс?

— Я этого не говорил!

— Как твоё имя?

— Фе... Феофан.

— А не Иуда? — донёсся шёпот из люка.

— Ты растапливай, Михаил, растапливай,— улыбнулся Сухов.— Так вот, Феофан. Сейчас только от тебя зависит, будет ли эта ночь последней в твоей паскудной жизни, или же она продлится до завтра, до послезавтра и так далее. Ты — предатель, и я имею полное право повесить тебя...

— За яйца! — подсказал Михаил.

— Можно и так,— зловещая ухмылка исказила лицо магистра и аколита.— А можно и за шею. Или за ноги...

— И чтоб башка над костерком! — глухо донесся совет от сифониста.

— Ты не понимаешь,— заскулил навклир,— я просто не мог отказаться, нельзя было не выполнить приказ...

— Приказ кого?

— Феоклита Дуки, доместика схол!

— Ах, вот чьи тут уши торчат...— обрадовался Олег.— А я на другого грешил. Зря. Феоклит, значит... Славно. Вот уж кого я вздёрну с удовольствием! Надоел он мне. Так, ладно...

По одному к носу вышли Фудри и Свен. Акила и Воист забрались на палубу по канату.

— Все здесь? Михаил, как там?

— Готово! — доложил сифонист.

— Тогда... Ивор, ухай совой — пора!

Пожиратель Смерти с удовольствием изобразил ночного хищника — уханье разнеслось по-над бухтой, откликаясь эхом от скал. Олег задрал голову вверх, стараясь разглядеть фигуру князя на круче, но это ему не удалось.

Копьё мелькнуло бесшумной молнией, небесным Перуном. Едва наконечник пробил крышку котла, как вверх с рёвом забил белесый гейзер, вспыхнул — и колонна голубого огня высветила всё вокруг — хеландии, лодью, смутные силуэты арабских накаиров да заураков. И тут же дикий рёв сменился раскатом грома — всю носовую полупалубу «Грифона» вывернуло наизнанку, в щепки раздирая борта и форштевень. Теперь уже алое пламя рвануло во все стороны клубящимися фонтанами, и волна жара накатила на «Св. Георгия Победоносца».

Грохот стих, только заполошное эхо металось от склона к склону. Половина «Грифона» полыхала и шипела, погружаясь в воду. Лужа горящего «греческого огня» расплывалась, вылизывая борта хеландии, и над нею взвились крики ужаса и отчаяния — экипаж дружно повалил на корму, стремясь успеть покинуть корабль и отплыть подальше от смертоносного пламени.

Экипаж «Св. Георгия Победоносца» тоже заметался спросонья, но тут засвистели niglaros, и голый Олег загремел на всю палубу:

— Всем бросить оружие — и за борт! Считаю до трёх! На счёт «три» поджарим вас из сифона, как жирных поросяток!

Кивнув Евлогию, он поднёс факел к пирекболу.

— Раз! Два!

Ромеи запрыгали за борт без энтузиазма, не до конца веря угрозе.

— Три!

Евлогий нажал рычаг, с утробным гудением рванулся газ, полыхнул шагов на десять голубой вспышкой — и на палубе не осталось ни одного человека, всех как сдуло. А Евлогий тут же отжал рычаг, и

пламя, пыхнув разок, потухло. Но темнее не стало — «Грифон» разгорался всё сильней.

— Где там наши? — проворчал Сухов, чувствуя усталость и холод.

— Идут!

В оранжевых отсветах показалась лодья. «Пардус» приблизился к «Св. Георгию Победоносцу», и Олег крикнул:

— Прыгайте сюда ещё человек двадцать! Отгоним лоханку в порт!

Варягам только скажи... Два десятка мореходов мигом перескочили на палубу хеландии, спотыкаясь о брошенное оружие.

— Уходим!

Олег развернул к себе навклира Феофана и от души врезал ему кулаком в челюсть. Навклир без звука полетел за борт.

— Зря ты,— пожурил его Ивор.— А казнить?

— Ничего,— утешил друга Сухов,— я кое-что получше казни придумал.

Хеландия развернулась и медленно потянулась из бухты. По правому борту забелели корабли сарацинов. Их головы в чалмах смутно выделялись в потемках. Олег прокашлялся и заговорил на арабском, надеясь, что его ширванский акцент не будет им резать слух:

— Правоверные! Вы явились сюда за рабами — мы их вам дарим! Там, в бухте, плавает две сотни крепких и безоружных молодцев! Забирайте их всех и славьте щедрость Халега ибн Романуса!

Сарацины сперва издали недоверчивый ропот, потом послышалась яростная перебранка, а ещё позже флагманский накаир направился в бухту. За ним двинулся другой, третий, четвёртый... Пиратов было в достатке и, наверное, не в одной разбойничьей голове мелькнула мысль о нападении на лодью, но хеландия с её сифоном усмиряла злодейские порывы — ни одному арабу не хотелось поджариться на «греческом огне».

Пираты, гребущие и высматривающие обещанную добычу, помалкивали, зато подняли крик ромеи, не желавшие быть проданными на невольничьем рынке.

— Как голосят! — расплылся в улыбке Ивор.

— Аж сердце радуется! — поддержал его Малютка Свен.

— Князя-то хоть не забыли? — спохватился Олег.

— Туточки мы! — проорал с лодьи Инегельд.— Ну ты и придумал, аколит! Вот это потеха! Вот это я понимаю!

— Курс на Неаполь! — скомандовал Сухов, улыбаясь.— И дайте мне что-нибудь надеть, холодно же!

Оставляя Искью по правому борту, лодья и хеландия легли на курс.

А в Неаполе всё было по-прежнему. Долбила стену гелепола, на её верхней площадке время от времени появлялись лучники и обстреливали неапольцев на соседней привратной башне, чтобы тем неповадно было пакости устраивать. Винеи за ненадобностью убрали, а вот плутей не было видно. Надо полагать, их укатили с собою те из варягов, кто тревожил защитников города со стороны Южных ворот и с севера, где к стенам подходил акведук Серино.

А вот в лагере царил полнейший порядок — дружинники, любившие побезобразничать в захваченных городах и весях, за своими частоколами сохраняли строжайшую дисциплину. Шатры выстроены в линеечку, дорожки ровные — бугры срыты, ямы закопаны. Это не было подобием немецкого орднунга, просто в бою ничто не должно отвлекать воина — ни камень под ногами, ни плохо завязанные шнурки на сапогах. Когда всю жизнь сооружаешь лагеря в походах, поневоле запомнишь, куда бежать по тревоге. Стоят палатки параллельно и перпендикулярно, значит, даже в темноте не заплутаешь. Это был тот самый случай, когда точно знаешь, где можешь упасть,— и подстилаешь соломки.

«Св. Георгий Победоносец» и «Пардус» медленно вплыли в узкое пространство между галерами-сданумами и лодьями. Варяги сразу зашумели, подхватились, забрякали вёслами, укладывая их на Т-образные козлы. Прибыли!

Сойдя на берег, Олег прежде всего умылся, потом переоделся в чистое и сухое. Решив подкрепиться, он направился к котлам, подвешенным к треногам над костерками, что висели на цепях и булькали, распространяя ароматы толокна, заправленного мясом и луком. Но не судьба ему было вкусить вкусной и здоровой пищи — затрубил рог дозорного.

Бранясь, Сухов кинулся к частоколу — верхней перекладине буквы «П», обращённой к городу. Ещё не выглянув наружу, он понял причину тревоги — страшный скрип пудовых петель разнёсся над берегом — это открывались Морские ворота Неаполя.

Тяжёлые, толстые створы расходились над узким каменным мостом, переброшенным через сухой ров. В тени проёма Олег разглядел наполовину поднятую решетку-катаракту — и толпу воинов, с криками и воплями ринувшихся на мост. Каждый из бойцов нёс по факелу, а то и по два.

— Вылазка! — проревел Инегельд.— Акила! Ты слева! Тудор! Жми справа!

Неапольцы всей толпой вынеслись за ров и разделились — одни бросились к гелеполе, другие к лагерю. Отряд, что кинулся к осадной

башне, встретили бойцы Тудора. Они теснили горожан ко рву, во всю мочь работая мечами и секирами.

Те же из неаполитанцев, кто напал на лагерь, дружно метнули факелы через частокол, стараясь докинуть их до лодий.

Варяги, отдыхавшие после ночного дозора, понеслись к стенам лагеря — кто в одних штанах, кто и вовсе без оных, но обязательно с мечом.

— Стойте! — крикнул Олег.— С теми придурками справится Акила! Тушите огонь!

Бойцы словно опомнились — побросали оружие, похватали кошмы. С размаху окуная их в море, они бегом бежали обратно, набрасывая мокрый войлок на горящую смолу, стекавшую по шатрам. Сухов подхватил пару факелов и затушил их, сунув в песок. Вовремя оглянувшись, он увидел оскаленную морду неаполитанца, влезавшего на частокол, замахнулся погасшим факелом, но его опередили — свинцовый шарик, пущенный Хуртой из пращи, врезался морде в лоб.

— Лодьи целы? — спросил Олег пробегавшего Фудри.

— Целы! Два факела долетели до «Вия», Стегги их в море сбросил, а огонь затоптал!

— Тогда хватай своих — поможем, чем можем!

Олег мигом собрал два десятка варягов и алан. Выведя отряд за стены лагеря, он убедился, что вылазка неапольцам не удалась,— варяги Тудора скинули горожан в ров, а лучники с гелеполы методично расстреливали их сверху. Акила со своими прижал остаток воинства герцога Неаполитанского к частоколу и попросту изничтожал неприятеля — не торопясь и не отвлекаясь, как машина.

С грохотом упала решётка-катаракта, отсекая пути отхода, плавно затворились врата.

Сухов облегчённо опустил меч. Справились.

— Видать, прижали мы их крепко! — оскалился Фудри.

— Бывает, волк догонит зайца,— хохотнул Алк Ворон,— а тот — бряк на спину, и давай всеми лапами отбиваться! Так и эти... Чуют, за кем победа будет!

— Победа будет за нами,— внушительно сказал Олег.

Подошедший Пончик дополнил:

— Наше дело правое — враг будет разбит... и далее по тексту. Угу...

— Поговори мне ещё,— ухмыльнулся Сухов.

И в этот момент раздался ужасный грохот. Резко обернувшись к городу, Олег успел увидеть, как оседают зубцы крепостной стены перед гелеполой, как проваливаются кирпичи, поднимая тучу ржавой пыли.

— На штурм! — заорал Сухов.— Карл и Олав! Ваши дружины идут первыми!

— У-о-о! — ответили дружины.

Откатить гелеполу было уже невозможно — груда кирпичей завалила её до половины и ссыпалась в ров. Да и некогда было откатывать. Варяги бросились на приступ слева и справа от осадной башни, пробегая по мешкам с землёю, набросанным в ров, взбираясь по пылящей кирпичной осыпи.

Пыль ещё не рассеялась, а первые «штурмовики» уже ворвались в город и скатывались по травянистому откосу.

Олег вздохнул — не видать ему обеда... Ну, зато город взят!

Быстренько нацепив шлем и застегнув ремешок под подбородком, он приготовился ждать — негоже магистру да аколиту по кирпичам прыгать. Несолидно сие.

Дожидался Олег недолго — снова заскрипели ворота Неаполя, только теперь под приподнятую катаракту подныривали варяги, машущие руками товарищам — пожалуйте, мол! Открыто!

Товарищи из сотни Вуефаста Дороги взревели радостно и пожаловали. Олег неторопливо зашагал следом, сопровождаемый Витале Ипато, Ивором и Свеном.

Под аркой ворот было сыро, зато за ними, на круглой площади, светило солнце. Площадь окружали двух-трёхэтажные дома под черепичными крышами. Стены их были столько раз белены и штукатурены, что сделались неровными и шли наплывами.

На площади лежали мёртвые тела — десятки убитых неапольцев и ни одного пришельца из леса, гор или степей. А дальше поднимались в гору улицы, на которых творился ад земной — жители метались от дома к дому с наспех собранными узлами, иные таскали вдвоём сундуки, женщины вопили, воздевая руки к небу, а одна из местных сидела прямо посреди улицы, простоволосая, и качалась из стороны в сторону, то ли оплакивая кого, то ли последний разум потеряв.

— Никого! — поражался Свен.— До чего ж народ трусливый попался!

— Нам же лучше,— заметил Ивор.

— А правда, что добычу поровну поделят? — осведомился Малютка с тревогой.

— Чистая правда,— подтвердил Олег,— беспримесная. Сложим всё в кучу, разделим на всех и свалим.

— Правильно! — горячо одобрил и поддержал Свен.— А то одному богатенький достанется, а другому вечно шваль всякая...

Ипато улыбнулся только — радовалось сердце истинного венецианца горю соперников. Олег усмехнулся и стал подниматься вверх по улице.

Варяги пока почти не трогали местных — заняты были. Десятки из дружины Вилобородого отражали контратаку вражеских всадников, орудуя копьями издали, секирами вблизи. Дружная четвёрка алан во главе с Аккером из Магаса гоняли по улице десяток солидариев — аланы хохотали, умерщвляя неапольских бойцов попарно. Они накалывали на пику сначала одного супротивника, протыкая несчастного насквозь, а потом догоняли следующего, придерживая труп на древке, и нанизывали второго. Бросали этот чудовищный «шашлык» и бежали дальше, готовя новую пику-шампур. Саук, сын Тааза, и Фудри Московский развлекались тем, что ловили местных девушек. Девушки визжали, прятались в домах, парочка их оттуда выгоняла уже голыми...

Прямо на Олега выскочила одна такая — растрёпанная, росточку небольшого, но с большими грудями, подпрыгивавшими на ходу. Девушка бежала, невзвидя свету, зажимая руками низ живота. Сухов поймал её, и та забилась, рыдая и поминая всуе имя Божие.

Фудри с Сауком вылетели из дверей, сразу же резко затормозив. Их довольные улыбки поблекли.

— Опять балуетесь? — с укором спросил Олег, отпуская девицу. Та без сил опустилась на землю.

— Да мы так просто,— решил отвертеться Саук, «джокая» по-гузски.

— Почему не в строю? — построжел аколит.

— Так всё уже! Разбежались бойцы ихние! Мы-то думали, как за стену пролезем, так самый бой и начнётся. А он кончился!

— Ладно,— махнул рукой Сухов,— балуйтесь, тролль с вами...

Да и что ему было сказать? Варяги одержали победу, значит, имели полное право эту самую победу праздновать, то есть портить девок и отбирать имущество у их родителей. В мирное время за такое голову секли, а война всё спишет...

— Что-то я не замечаю особых зверств,— улыбнулся Ипато.— Обычно после северян остаются жуткие следы...

— Спасибо вашей гелеполе, а то пришлось бы моим варягам на стены лезть. Потеряли бы многих, остальные озверели бы — и улицы Неаполя стали бы скользкими от крови!

Они вывернули на широкую улицу, заставленную двумя рядами богатых домов. Кое-где фасады украшались колоннами, попадались даже безносые статуи.

Над улицей стоял крик и стон — не желали богатые горожане беднеть. Из дверей и окон доносился стук и грохот, гневные вопли сме-

нялись звонкими ударами. Или предсмертным хрипом. Или тонким воплем насилуемой девушки.

Олег даже не поморщился. Напротив, он чувствовал сильное раздражение, производное от голода, усталости и долгого воздержания. Алёнка далеко, а тутошних девок лапать — нет уж, увольте. Их моют два раза в жизни — при рождении и когда в гроб кладут. В остальное время они воняют. Вроде ж и водопровод им римляне провели, ещё при Августе — купайся хоть день напролёт. Так нет же, попы постановили, что чистота духовная куда важней чистоты телесной, и поразрушили термы с купальнями, дабы женщины не мылись вместе с мужчинами, возбуждая похоть и греховные помышления. Помывки отменили, канализация сама забилась... Зато никакой аморалки. Ничего, скоро вам воздастся за грязь — чума приберёт всех, и немытых праведников, и немытых грешников...

— Не отда-ам! — хрипло заорал расхристанный мужик, выбегая на улицу в одних брэ.

Он бежал, косолапя, и прижимал к груди мешок с чем-то звякавшим. Из окна выпрыгнул Акила Длинный Меч. Смеясь, он метнул топорик-чекан, раскроивший мужику череп. Косолапый рухнул, выпуская мешок из рук, и по выщербленным плитам улицы раскатились золотые чаши, миски, кубки...

Малютка Свен с сожалением посмотрел на посуду и махнул рукой:

— Ладно, потом поделим!

— Чем занят, Свен? — жизнерадостно спросил Акила, подбирая золотые вещи.

— Гуляю, не видишь, што ль?

Длинный Меч рассмеялся и бодро потрусил к дому, крича: «Сундук тот не забудьте! Актеву! Сундук! Слышь?»

Безбородый Актеву, дергая себя за длинный пшеничный ус, высунулся из окна второго этажа и проокал:

— Понесли уже! Всё туточки, чисто!

— Дальше пошли!

— Акила! — донесся грубый голос из дверей ограбленного дома.— Тяжёл сундук-то!

— Складывай у порога, Фроутан, я телегу подгоню!

Из дома напротив с трудом выбрался варяг могучего сложения, толстая патлатая женщина волочилась за ним, цепляясь за грабителя, колотила его кулаком по спине и орала благим матом. Грабитель, красный от стыда и гнева, развернулся у выхода и ударил бабу рукой в кольчужной перчатке — орущая свалилась замертво.

Зацокали копыта. Понурая лошадь провезла телегу, полную ухищенного добра — тканей дорогих, посуды серебряной, украшений женских. Двое варягов вели лошадь под уздцы и громко смеялись, вспоминая забавный случай.

Выйдя на перекресток, Олег столкнулся с Инегельдом.

— Здорово, князь. Куда несёшься?

— Тебя ищу! Там этот, герцог тутошний, миру просит!

— Показывай дорогу. Ипато, растолмачишь его дозволенные речи?

— О, герцог Иоанн учился в Константинополе и прекрасно говорит по-гречески, сиятельный.

— Тем лучше. Быстрее найдём общий язык.

Сухов шёл не торопясь — знал, что, как только они с герцогом заключат мир, грабить станет нельзя. Остановить же варягов, обозлённых долгим сопротивлением, будет непросто. Надо уловить тот момент, когда жажда золота будет утолена в меру, а безумство разрушения ещё не овладеет воинами.

Пусть варяги врываются в дома, пусть отбирают добро, пусть даже учиняют развратные действия, лишь бы не осатанели они от крови, не устроили бы немытым неапольцам кровавую баню. Так что рановато ещё мир учинять, надо дать время его ребяткам оттянуться, как следует, распотешиться вволю.

Да и так ли уж безжалостны варяги? Взять тех же девиц. Сколько их бегало голышом по улице? Две или три. А сколько осталось дома, слабо сопротивляясь распалённым русам или отдаваясь по доброй воле? Конечно, оправдать войну нельзя, но понять можно.

Боевой Клык вывел Олега на небольшую площадь, куда выходило здание с колоннами, видать, бывшая римская курия. Ныне её занимал герцог Неаполитанский, Иоанн III, сын Марина I, с женою Теодорой.

Перед дворцом герцога в ряд стояли конники в блестящих латах с алыми накидками. Особую пышность почётной страже придавали султаны из страусовых перьев, украшавшие как шлемы, так и налобники коней.

Перед этим роскошным строем пыжился герцог — невысокий пожилой человек. Его сковывали драгоценные доспехи, посеребрённые, с золотой насечкой, а шлем он держал под мышкой. Герцог высоко задирал подбородок, но ни капли решимости не было в его лице, оно выражало одну лишь покорность судьбе.

Сухов приблизился к Иоанну, сыну Марина, и слегка поклонился.

— Я — Олегариус, магистр императора Романа,— представился он.— Весьма прискорбно, что свожу знакомство с вами, герцог, в столь неприятных обстоятельствах, но в том нет моей вины.

— Неужели? — усмехнулся Иоанн, не поднимая глаз.— Чьи же воины творят бесчинства в славном городе Неаполе?

— Мои,— признался Сухов.— Сами виноваты, герцог. Не нужно было поддерживать князя Ландульфа.

— Мы никогда не отрицали вассальной зависимости от империи! — воспротивился Иоанн.

— Мало не говорить «нет»,— сказал Олег с мягкой укоризной,— необходимо говорить «да», когда это требуется. Вам надо было доказать сюзерену свою верность делом, надо было пресечь злодеяния Ландульфа, хоть как-то проявить преданность! Вы этого не сделали. Так чем же вы недовольны теперь?

— Я...— начал герцог величественно.

Сухов поднял руку, останавливая поток оправданий и обвинений.

— Мы не ставили своей целью разорение Неаполя,— сказал он.— Если вы хотите остановить грабежи, то заплатите выкуп, и мы уйдём.

— Сколько? — поскучнел Иоанн.

Олег назвал цену мира. Свен с Ивором радостно переглянулись, Инегельд осклабился в полном довольстве, герцог же, напротив, увял.

— Согласен,— тяжко вздохнул он. И пробормотал, подняв очи горе: — A furore normannorum libera nos, o Domine! [1]

— Аминь,— заключил Сухов.

ГЛАВА 13,

В КОТОРОЙ ЕЛЕНА МЕЛИССИНА ОТКАЗЫВАЕТ ДВУМ МОЛОДЫМ ЛЮДЯМ

В тот день Елена Мелиссина легла спать раньше обычного — ей хотелось как следует отдохнуть, чтобы с утра выглядеть посвежевшей. Приглашение Марозии оставалось в силе, тайную посланницу ждал приём в замке Сан-Анжело, поэтому за главным своим оружием — красотой — Елена хотела проследить особенно тщательно.

---

[1] A furore normannorum libera nos, o Domine! (*Лат.*) — Господи, спаси нас от ярости норманнов!

Раздевшись, она легла. Римские ночи были тёплыми, ветерок из парка доносил запах цветущего жасмина и олеандра. Тишина стояла необычайная, как в родовом проастии — имении Мелиссинов. Проастий стоял рядом с деревней, но крестьяне ложились рано, и только брехливые собаки нарушали молчание ночи. Лежишь — и не веришь, что совсем рядом ворочается, дрыхнет, пьянствует, любится громадный Константинополь.

А вот в Риме всё ощущалось иначе. Здешний покой был почти что кладбищенским — десятки тысяч домов заполняли город, но почти все они стояли брошенными. А то и разваленными. Пышные Сады Саллюстия заросли, став прибежищем для лис. От былого великолепия Капитолия остались жалкие остатки колоннад, торчавшие над руинами храма Юпитера Наилучшего Величайшего, словно костяк сгнившего мертвеца...

Елена поморщилась: что за мысли у неё на ночь глядя — кладбище, мертвец... Но разве виновата она, что римская тишина напрягает, что за стенами дома Квинтиллиев стоит безмолвие? Именно безмолвие. Тишина — это когда всё вокруг затихает, спит или наслаждается покоем. А вот пустота безмолвна.

Женщина прислушалась. Неразборчивый говор булгар донёсся до неё, будто успокаивая — спутники рядом, они помогут. Тихо заржала лошадь — это Котян угощает своих любимцев, пусть полакомятся на сон грядущий.

Елена вздохнула, натягивая простыню до подбородка. Чем она не римская матрона? Эти древние своды, это ложе, чья бронза хранила сны сенаторов или всадников, каких-нибудь эдилов или консулов... Правда, говорят, римлянки не спали голышом, так ведь века минули, нравы посуровели. А чем суровее мораль, тем пуще на волю рвётся плоть греховная. Хотя почему обязательно греховная? Разве не пела её бестелесная душа, когда тело извивалось в объятиях милого варвара? Где ещё сыскать большую усладу и негу? Если же любовь — сатанинское наваждение, то что есть Бог?

Верно рассуждал Олег: демон, дьявол, чёрт с рогами — всё это мелкая нечисть, страшилки для дураков, ибо Господь всемогущ и не допустит владычества всяких там князей тьмы и воплощений зла. Бог выше всего, Он сверх всего. Бог есть любовь. Он любит всех — и человеков, и зверя лесного, и пичугу королька, и гада болотного, и мельчайшую тлю. Он не давал людям заповедей и не обозначал грехи, ибо непостижим для людского ума и чудовищно далёк — даже жалкие муравьи ближе к человеку, чем человек — к Богу. Он не внемлет на-

шим молитвам, как мы сами не придаём значения жужжанию пчелы. Он никого не наказывает и никого не награждает, Господь просто любит всё, им сотворённое, и Христос первым постиг суть божественную, заповедав любить ближних и дальних, ибо это угодно Ему...

Елена уже впадала в дрёму, как вдруг незнакомый звук вторгся в пределы подступающего сна, возвращая мыслям ясность. С громко бьющимся сердцем женщина вглядывалась в чересполосицу теней и дорожек лунного света. Из темноты выступила неясная фигура и замерла, будто в неуверенности.

— Кто здесь? — спросила Мелиссина, садясь в постели. Простыня оголила её груди, но женщина не прикрылась даже рукой, выражая молчаливое презрение к вторгшемуся.

— Это я...— отозвался хриплый, полузадавленный голос. Елена узнала Ильдерика, распутного монаха, ныне растерянного и трусливо вожделеющего.

Отбросив покрывало вовсе, она спустила ноги на пол и неторопливо встала. То облекаясь бледным лунным сиянием, то попадая в тень, Елена подошла к светильнику и зажгла по очереди семь свечей. Ильдерик не видел мстительной улыбки, изломившей женские губы, а когда Мелиссина оборотилась к нему, он узрел холодное и равнодушное лицо богини — с чеканно правильными мелкими чертами, идеально прямым носом, твёрдым подбородком.

— Как ты проник в дом? — спросила богиня, поводя покатыми плечами немыслимой чистоты и гладкости, отчего груди её упруго колыхнулись.

— Есть тропа в саду,— забормотал молодец, откидывая на спину капюшон и пожирая глазами всё, чем природа или Бог щедро одарила женщину.— Её знаю только я один...

— Зачем ты пришёл?

Ильдерик пал на колени и протянул к Елене руки в молящем порыве.

— О, дива! — выдохнул он пересохшим ртом.— О, женское естество, от природы злопакостнейшее! Сколько зим я умерщвлял в себе трепет плоти, сколько епитимий накладывал в страсти к смирению, дабы воспарить к святости, являя собой высочайшее средоточие благостыни, и всю жизнь свою одушевить чистейшим целомудрием. Но не получалось! Одолевала плоть, и для ея успокоения возлегал инок Ильдерик с нагою женщиной, и лобызал ея во все места, и соединял свое нагое лоно с ея нагим лоном... О Господи Пресвятый! — поднял монах лицо к потолку, где сплетались в немыслимых сочетаниях нимфы и фавны.— Как возлюбить тебя, уволя душу от чувственного со-

блазна? Как отличить жар серафимов от жжения Люциферова? Что от Бога, а что от содроганий возбужденной плоти? Или возвышенный экстаз любви к Христу Распятому — величайший самообман?! Подмена страсти страстью?! Свят, свят, свят! Неужто правы те странные и опасные еретики егошуиты, утверждающие, будто бы телеса людские не просто обитаемы духом, а соприродны ему в роскошестве великолепнейшего тождества, в совершенной соразмерности сочленений, в сопредельной соседственности, сродненной существенной нутряной силой? И прелюбодеяние, сие блаженнейшее сопряжение созданий Божьих, не грех великий, а святониспосланная благодать? Или морок водит меня, дьявольское наущение?!

...Но вот я вижу драгоценнейшее, великолепнейшее тело ваше, о Елена, и взором одним уестествляю вас... Греховное помышление, обольщение чувств — какая мне разница?! Если вы, о прекраснейшая из дам, возгнетающая во мне невыносимое пылание страсти, покинете круг зримого мною мира, неутоленное желание измучает меня, а память изъязвит сожалениями о миге утраченной радости...

Мелиссина, немало удивлённая изощрёнными речами Ильдерика, улыбнулась неласково и всезнающе.

— Мало переступить порог моей спальни, чтобы утолить страсть,— проговорила она ледяным тоном.— Нужно обладать великой силой и волей, дабы, как ты говоришь, сравняться в великолепнейшем тождестве. Пока что мне ведом лишь один мужчина, соприродный моему «злопакостнейшему» естеству. Ты — не он.

Елена выпрямилась, вся напрягшись,— зовущая, грозная, чуть-чуть презрительная. Её губы приоткрылись, высокая грудь поднялась ещё выше — вызывающая красота и опасная сила женщины поразили Ильдерика в обоих смыслах — добра молодца скрутило, он отпрянул, зажимаясь, пока спиною не ткнулся в колонну, содрогнулся в сладострастной конвульсии.

— Я... всё! — пролепетал лангобард потрясённо.

— Уходи.

Ильдерик, согнувшись, просеменил вон, растворяясь в тенях атриума. Мелиссина, улыбаясь по-прежнему недобро, поглядела ему вслед и задула свечи. Легла, укрылась и заснула.

Утро Елена посвятила уходу за собой и лишь к полудню покинула дом, оставив на хозяйство Органу и Куверта, а Котяна с Тарвелом взяв с собой.

Ближе к Колизею повозки и кони, люди пешие или ведущие в поводу осликов с поклажей стали попадаться чаще.

Народ спешил по своим делам или проводил время в безделье, торговал помаленьку, воровал потихоньку, а гигантская чаша Колизея молчаливо и могуче довлела над мелкими людскими страстишками, покрывая своею тенью и базарчики, и хижины, устроенные на развалинах.

Мелиссина свернула на виа Сакра — Священную дорогу, выезжая на римский Форум. Душераздирающее зрелище...

Блистательный Форум романорум, центр Рима, средоточие власти, торговли и веры, ныне превратился в козье пастбище. Земля, смытая с окрестных холмов, покрыла Форум толстым слоем, из которого выглядывали колонны и побитые статуи. У Новой базилики пролёты были настолько колоссальны, что обвалились вскоре после возведения. Прямо на Священной дороге встали церкви Св. Вакха и Св. Сергия. Храм Св. Адриана задирал свой крест на месте Курии, а там, где стоял храм Мира, поднималась неумело сложенная церковь Св. Козьмы и Дамиана.

Чувствуя раздрай в душе, Елена спустилась на Триумфальную дорогу и доехала по ней до самого Тибра.

Весна была в разгаре, и река не умещалась в свое ложе, унося к морю мутные жёлтые воды. Каменный мост Элия упирался в мавзолей Адриана, лангобардами превращённый в замок Сан-Анжело. Это был монументальный бастион из красного камня на правом берегу Тибра, вписанный в крепостную стену Аврелиана.

Мелиссина подъезжала к замку по мосту и поражалась виденному. Как ни посмотри, а замок-мавзолей должен был выглядеть потешно. Он представлял собой огромный квадратный цоколь, на котором расплывалась кургузая круглая башня. Ни дать ни взять — торт на подставке.

Но глазам открывалось иное — необоримая мощь. Такое же впечатление на Елену оказывали египетские пирамиды. Замок Сан-Анжело был куда меньше грандиозных гробниц фараонов, всего каких-то сто шагов поперёк, а вот поди ж ты...

Возле узких ворот, где толпились пышные гвардейцы с пиками, женщина спешилась и передала коня подбежавшим конюшим. Стража сделала вид, что не заметила Елену, хотя глаза часовых просто из орбит вылезали, провожая красавицу.

— Чуть шеи не свернули,— проворчал Котян, воинственно поглядывая кругом.

— Если что — докрутим,— ухмыльнулся Тарвел.

Мелиссина прошагала длинным мрачным коридором и поднялась в покои замка Святого Ангела.

В приёмных толпился народ, обдавая Елену то густым чесночно-пивным духом, то тяжелым ароматом розового масла. По залам гуляли сквозняки и куры. Хохлатки выступали с важностью павлинов, небрежно роясь в соломе, устилавшей полы замка. В оконные проёмы, завешанные промасленной тканью, тянуло запахом навоза.

Особы королевской крови, родовитые графья, заезжие бароны и всякая аристократическая мелочь не могли усидеть на месте — повсюду раздавался топот сапог, визг собак, которым отдавливали лапы, и заполошное кудахтанье. Разряженная толпа носилась по коридорам, закручиваясь у поперечных проходов и отстаиваясь в галереях.

— Рада вас приветствовать, Елена! — раздался голос Марозии, и Мелиссина вежливо поклонилась сенатриссе, обряженной в парчу и бархат.— Это ваша свита?

Тарвел и Котян одновременно согнулись в поклоне.

— Нет,— улыбнулась зоста-патрикия,— это мои спутники.

— Пройдёмте, я познакомлю вас с мужем.

У королевских покоев Елена увидела целую толпу церковников. Аббаты и монахи-бенедиктинцы этаким черно-лиловым капитулом окружали парочку епископов в красном и белом и викария папы Иоанна. Викарий носил особый белый шарф с тремя вышитыми крестами — паллий, символизировавший пастыря, несущего на плечах овцу. Паллий ткали инокини в монастыре Св. Агнессы из шерсти ягнят, освященных папой римским.

Духовные особы уже оборотили к женщинам сытенькие лица.

— Тот, что сизонос и дороден,— вполголоса говорила Марозия,— Ромуло Остийский. А слева от него, вон тот рыжеволосый субъект с тремя подбородками и маленькими глазками, отягощенными трехъярусными мешками,— Ансуальдо Веронский. Оба — дубины редкостные, но зело исполнительные. Куриальные борзые.

— Все здесь! — проскрипел за спиной чей-то голос. Куриалы, гвардейцы, весь круг бездельников и хлыщей, прибившихся ко двору, посмотрели на Елену. Архиепископ с лицом удивленного льва сдержанно поклонился. Викарий осклабился с какой-то подобострастной наглостью.

— Его величество король! — мелодично взревел герольд.

Мелиссина повернулась и увидела короля Италии Гуго Арльского. Да, это был он — лобастый, ясноглазый крепыш с обширной лысиной по темечку. Король выглядел подтянутым, гладким, элегантным, на губах его блуждала улыбка, полная добродушно-коварного юмора, столь свойственного властным, сильным натурам.

— Рад, рад...— сказал он скрипуче, усмешливо кланяясь отцам церкви. Скрестив руки на груди, Гуго несколько секунд с неопределенной ухмылкой смотрел на Елену. Котян храбро выступил вперед и представил хозяйку-подругу, начальницу-товарища:

— Великолепная светлейшая зоста-патрикия Елена Росена!

Гуго уперся кулаками в бока и приблизил к Елене свои пронизывающие глаза.

— О! Так вы читали из Библии русам?

— Да, мессир,— поклонилась Мелиссина, хохоча в душе.

— Говорят, они великие воины...— продолжал король.

— Вам говорили правду, мессир. Варанги — величайшие воины.

Женщина заметила, как сошлись брови у викария, как нервно передернулся его дружок-аббат.

— Да?! — комически изумился Гуго.— А мне тут представляли русов народцем трусливым и негодным к строевой службе!

— Мессир,— усмехнулась Елена,— русы сильны и храбры — я даже не знаю, с кем их можно сравнивать. В лютую зиму они с хохотом купаются в проруби, а в бой могут идти голышом, всем видом своим являя неуважение к врагу. Если вы сойдетесь с ними на море, вы обречены — когда рус бьется на палубе корабля, он непобедим. Чьё угодно воинство, сир, они пройдут насквозь, гуляючи, и даже не заметят помехи, а крепости, которые не сдадутся русам, ещё не выстроены.

Королевское чело разгладилось.

— В кои веки я слышу правдивые речи! — воскликнул Гуго.— Браво! Разделите с нами трапезу — мой Вульфард готовит изумительную утятинку с трюфелями. А дабы нам не заскучать за ужином, мы устраиваем представление «Киприановой вечери»! Не то затянутое повествование магистра Алькофрибаса о пире блаженного Киприана Карфагенского епископа, кое вам должно быть известно, а рифмованное переложение диакона Иоанна... Аудуальд, напой нам!

Подскочивший аббат завёл тонким голоском евнуха:

Пал со смеху Гаудерих
В именительный падеж,
Лёжа учит Анастасий
Отложительный глагол...

Король скрипуче рассмеялся, и его весёлый настрой поддержали все, даже клирики — внушать Гуго, что «Вечеря» есть святотатственная, богохульная пародия на Священное Писание, и что она более приличествует язычнику, нежели помазаннику Божьему, духовенст-

во не решалось. Вероятно, понимало, что и сами по уши погрязли в мирской суете.

Обед удался — Марозия закатила настоящий пир. Всё, что родит земля, всё, что бегает по лесам, по полям, что плавает в море, присутствовало на столах в изобилии, заполняя собой огромные дымящиеся блюда и подносы. Кувшины с винами выстроились в длинные шеренги, но и гостей хватало — краснолицые бароны, зубастые маркизы, графья, князья...

Мордатые лакеи в смешных обтягивающих штанах суетились вокруг, подливая, подсыпая, подкладывая гостям. Под столом стоял страшный хруст — это пировали собаки, разгрызая швыряемые им кости.

Украдкой поглядывая на жующую знать, Елена высматривала на их лицах признаки ума и вдохновения, но не находила. Правда, одно лицо из толпы выделялось. Немного женственное и очень бледное, оно принадлежало молодому человеку с длинными вьющимися волосами, сидевшему напротив Мелиссины.

Зоста-патрикия склонилась к Марозии и спросила:

— Кто этот молодой мужчина?

Сенатрисса перехватила взгляд Елены и довольно улыбнулась.

— Это мой сын Альберих,— сказала она.— Красавец! Весь в меня!

Альберих II Сполетский не отводил глаз от Елены. Взгляд его соскользнул на выпуклость груди женщины и вновь вскинулся, горя мрачным огнём. Мелиссина верно угадала под изнеженной оболочкой натуру страстную и необузданную. Вряд ли Альберих отличается умом и сообразительностью, но он горяч и болезненно обидчив — отличная растопка для того костра, который собралась зажечь Елена.

— Докладывай, Аудуальд! — вскричал подвыпивший Гуго.— Вслух, вслух! Тут все свои!

— Феоклит Дука показал себя никчёмным полководцем,— забубнил аббат.— Он погубил много тяжелой конницы и одержал победу, кою стоит назвать пирровой. Ныне он следует маршем к Гаэте. Флот Иоанна Радина направляется туда же. А вот русы...

— Так-так,— мотнул головой король.— Что же русы?

— Русы сожгли амальфитанский флот и взяли город Амальфи. Разбив флот герцога Неаполитанского, они разграбили Неаполь.

— О! — поднял палец Гуго.— А некоторые не верили! Кстати, сколько тех русов?

— Не знаю, мессир...

— Четыреста варангов на семи кораблях,— громко сказала Елена.

— О! — повторил король.

Пирующие тут же зашумели, припоминая воинские подвиги, реальные и выдуманные, вино полилось в глотки ручьями и очень скоро званый обед превратился в пошлую пьянку. Дворяне ревели нестройными голосами песни, отбивая такт чарками и кубками, собаки уже в открытую ели со столов, и Мелиссина решила покинуть гулянку. Выходя из-за стола, она посмотрела на Альбериха — и опустила глаза. Клюнет — не клюнет?

Выбравшись в галерею, она отправилась бродить по замку, пока не оказалась в Дворике Ангела. Здесь было тихо, вверху проплывали облака...

— Как мне называть вас? — послышался глухой голос.

Зоста-патрикия живо обернулась. Клюнул-таки. Перед нею стоял Альберих, он смотрел не мигая, словно играл в «гляделки».

— Еленой,— ответила женщина.— Этого достаточно.

— Елена...— повторил бледнолицый.

Решительно шагнув к ней, он протянул руки, обнимая Мелиссину. Не тут-то было — в гладких женских ручках нашлось достаточно силы и ещё больше умения, чтобы расцепить кольцо объятий.

— Я замужем,— твёрдо сказала Елена.

Альберих вспыхнул, его глаза сузились, губы задёргались, однако зоста-патрикия даже не подумала сгладить оплошность, а стала развивать наступление.

— Право, вы обидчивы, как ребёнок,— усмехнулась она.— Что, хотите разрядить свой гнев на меня? Нечего сказать, достойное приложение сил! На меня-то к чему обижаться? И за что? Да, я уважаю только сильных мужчин. И кто в этом замке таков? Король Гуго! Да-да, тот самый, нелюбимый вами отчим. Но разве я виновата в этом? Король точно знает, чего хочет, и добивается поставленной цели. Он получил Италию, теперь, женившись на вашей матушке, Гуго обрёл власть над Римом и всей Папией [1]. А что же вы? А вы, как истинный пасынок, скромно жмётесь в тени и дуетесь на всех. Браво!

Альберих сжал кулаки.

— Чего вы от меня хотите? — прорычал он.

— От вас? — делано удивилась Елена.— Чего же можно от вас хотеть? Хотят от Гуго, от Марозии — они тут власть и сила. Я недавно приехала в Рим и скоро покину его. А вы останетесь. Ах, не обижайтесь, Альберих, просто мне как женщине всегда неприятно видеть

[1] Имеется в виду Папская область.

мужчину, терпящего унижения, мужчину, с которым никто не считается. Это вызывает неловкость и протест. А впрочем... Не обращайте внимания на мои слова, Альберих. В Риме я вторую неделю всего, а уже сужу о его жителях так, будто знаю их с рождения. Может, вам нравится жить пасынком, откуда мне знать?

— Мне это не нравится,— отчеканил пасынок Гуго.

— Тогда почему вы даже голоса своего не подаёте? Почему даже не пытаетесь хоть как-то поделить с родителями их власть? Или вы ждёте, что они сами вам всё дадут? Не дождётесь!

— Да кто вы такая,— зашипел Альберих,— чтобы судить обо мне?! В любой момент я могу засадить вас в тюрьму!

— Очаровательно! — рассмеялась Елена.— Да вы не только не желаете отстаивать собственные права, вы сразу бросаетесь защищать родительскую власть!

— Ничего я не защищаю! — возвысил голос сын Марозии и внезапно успокоился.— Вы же ничего не знаете,— сказал он,— а спорите. Скажите... Скажите, а если я докажу вам, что честь для меня не пустой звук, что обладаю силой и упорством, тогда я заслужу ваш поцелуй?

— Посмотрим,— улыбнулась Елена.

— Я докажу,— повторил Альберих, развернулся и ушёл.

Из-за тяжёлых створок дверей тут же выбрались Котян с Тарвелом.

— Ну, ты храбра, сиятельная,— признался печенег.— Взгрела так взгрела эту бледную поганку!

— Будет ли толк...— вздохнула зоста-патрикия.— Пойдёмте отсюда.

Они вернулись в трапезную — и застали безобразную сцену. Альберих Сполетский с поджатыми губами, набрав в кувшин воды, поливал отчиму на руки. Тот умывался, фыркал, отплёвывался, как вдруг, выпрямившись, огрел пасынка мокрой пятернёй по щеке. От крепкой пощёчины Альберих отлетел в сторону, а Гуго загремел:

— Какого чёрта ты столько воды льёшь?!

— Не ругайся, Уго,— захихикала пьяная Марозия.

Пасынок поглядел на мать, на отчима, перевёл взгляд на Елену — Мелиссина была серьёзна — и вышел, не сказав ни слова, но на последнем градусе бешенства.

«Спасибо, Гуго,— подумала зоста-патрикия,— лучших доказательств моим словам не привести! Приведёт ли свои Альберих? Вот вопрос...»

ГЛАВА 14,

В КОТОРОЙ ДОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО ГРУЗЯТ НА ТОГО, КТО ВЕЗЁТ

Семь лодий, пять галер-сандануров и одна хеландия покинули Неаполь перед рассветом. Добычи было столько, что на палубах едва хватило места для пары хайробаллист. Турберн Железнобокий погоревал о гелеполе, что оставалась у городской стены, и настоял, чтобы тогда уж хоть все плутеи были взяты на борт. Просьбу старого варяга уважили.

Эскадра проследовала Неаполитанским заливом и вышла в открытое море — командование выбрало кружной путь к Гаэте.

...Места здешние, если и не были раем земным, то очень на него походили — лазурные волны, подбегая к берегам, принимали цвет берилла и накатывались на роскошные золотистые пляжи, а дальше поднимались горы, скалы, душистые заросли. Сюда, если верить Вергилию, причалил корабль Энея, бежавшего из Трои. Здесь же была похоронена его любимая кормилица Каэта. Случилось ли это на самом деле или всё выдумка, никто уже не скажет, однако точно известно, что Антонин Пий, наследовавший императору Адриану, одарил Гаэту отличной гаванью, а прочие римляне и до, и после него, строили тут виллы. Строили наперегонки, спеша занять местечко получше. Так что новым хозяевам, готам и лангобардам, сразу нашлись удобные места жительства...

Описав крутую дугу, корабли подошли к герцогству Гаэта с запада. Сам город располагался на небольшом скалистом мысу — выступе горы Орландо. С моря Гаэту было не видать, лишь мощные башни крепости на мысу попадали в поле зрения. Дабы попасть в порт, кораблю следовало обогнуть мыс с юга — город прятался с восточной стороны мыса, под защитой крепости.

На следующий день после отплытия из Неаполя впереди замаячила та самая гора Орландо.

— Покуда крепость не возьмём,— проговорил Инегельд,— о городе и думать не моги. Только подступишься к воротам, а тебе по башке каменюкой заедут али ещё чем.

— И не говори,— улыбнулся Олег.— Так и шишку набить могут. Баллистиарии, что в крепости засели, парнишки меткие... Вот что,

други, я тут подумал-подумал и решил: а на хрена нам Гаэту штурмовать?

— Это как? — не понял Турберн.

— А так! Ежели мы крепость займём, то вся Гаэта под нами окажется — куда хошь, туда и целься. И стреляй. И необязательно ядрами, можно и сосудик запулить с «огнем греческим». Нет, пулять мы не станем, но припугнём: дескать, не заплатите выкуп — сожжём вашу Гаэту ко всем чертям собачьим!

— Дельно! — оценил Железнобокий.

— Ага,— буркнул сидевший неподалёку Карл Вилобородый,— осталось только крепость взять...

— Возьмём! — сказал Олег уверенно.— У нас, чтобы её ворота отпереть, один ключик имеется.

— Какой такой ключик?

— Требукет!

Чтобы собрать требукет, потребовались усилия чуть ли не всей дружины — пока одни в дозоре стояли, другие таскали в гору огромные брусья, колёса-катки и мешки с песком. Потом грузчики-таскальщики менялись с охранниками. Труд был тяжкий, но его подогревал интерес — уж больно великим выходило метательное орудие!

— А жилы где, дорогой? — удивлялся Турберн, заядлый любитель военной техники.— Али эти, кишки воловьи? Чего ты скручивать собираешься?

— Требукету жилы с кишками ни к чему,— терпеливо объяснял Олег.— Он по-иному устроен. В нём рычаг-шатун, который ядро мечет, срабатывает не от скруток всяких — его противовес тянет.— Для ясности магистр начертил схему на песке.— Видишь, у шатуна длинное плечо есть и короткое. Длинное мы книзу прижмём и застопорим — на нём будет праща особая, куда мы ядро поместим. А вот на короткое здоровенный такой короб подвесим и загрузим его мешками с песком. Понял? Выбиваем мы стопор, противовес рычаг вниз тянет, и — фьють! — полетело ядро!

— Ух ты...— сказал Железнобокий — хитрая механика привела его в восхищение.

Мимо как раз проносили рычаг-шатун — огромную балку длиною в двадцать четыре локтя, оструганную под восьмигранник. Десять самых здоровенных дренгов волокли её, пыхтя от натуги.

— Пошли наверх, Железнобокий,— позвал Олег.— Покажем Гаэте кузькину мать!

Вблизи крепость выглядела очень внушительно. С севера её стену прикрывала протейхизма — внешняя ограда. Между этими двумя стенами тянулся перибол — дорога к воротам, выводящим прямо во внутренний двор. Ворота в протейхизме выглядели внушительно.

Огромный требукет на шести тяжелых колесах-катках тянула сотня дюжих варягов, а следом ехали телеги, реквизированные у местных, подвозившие мешки с песком — огружать противовес. Пустых мешков не хватало, пришлось под это дело приспособить кожаные чехлы, которыми накрывали щиты, вывешиваемые на борта. Само же метательное орудие выглядело столь солидно, что почти затмевало гелеполу.

На тяжеленной раме из бруса крепились укосинами два стояка, а между ними на оси качался шатун, напоминая колодезного «журавля», сработанного великаном. С того конца, где к «журавлю» цепляют обычно жердь с ведром, на рычаге требукета висела праща, сплетённая из толстого каната, а на коротком плече покачивался, скрипя, кузов-балансир. В него-то и нагружали мешки с песком, пятьсот пудов без малого — именно столько надо было уместить, чтобы длинное плечо коромысла выбросило ядро весом в шесть пудов.

Впрочем, аналогия с «журавлём» подходила ранее, во время сборки, а теперь требукет больше смахивал на водяную мельницу — у него с обеих сторон появилось по гигантскому «беличьему колесу» — чтобы не разгружать всякий раз кузов-противовес, а подтягивать шатун канатами, наматывая их на барабаны. Вот как раз барабаны те и вращались с помощью колёс, как заповедал в своих трудах римский стратег Вегеций,— так было куда ловчее, чем руками накручивать, толкая да тягая рычаги. А «белками» в тех колёсах подрабатывали самые здоровые из варягов.

Громоздкая «самоходка» приблизилась к стенам крепости на расстояние выстрела — от машины до протейхизмы оставалось шагов триста. Сощурившись, Олег осмотрелся. Слева от него лежала Гаэта, на её западной стене угадывалось шевеление — беспокоились воины герцога. У Сухова даже мысль мелькнула — пойти на штурм, не заморачиваясь. Но нельзя. Вернее, пойти-то можно, если в голове пусто, ибо в таком случае варяги оказались бы меж двух огней, меж двух гарнизонов — города и крепости. Нет уж, лучше поморочиться...

— Заряжа-ай!..

Притянутый книзу рычаг требукета зафиксировали стопорным болтом, а пращу аккуратно разложили вдоль желоба на станине и закатили в нее увесистый валун. Варяги, ясы и булгары построились в

цепочки и стали разгружать подводы, передавая мешки с песком. Самые могутные стояли в кузове-качалке и укладывали груз.

На башнях крепости толпились воины — требукет и им самим в новинку был. Никто не стрелял, но не потому, что миролюбием отличался. Просто далеко был противник, не достать.

Олег перевел взгляд на стены и башни Гаэты — за зубцами перебегали люди в блестящих шлемах, дымно горели костры под чанами с кипятком, кто-то важный, с плюмажем из страусиных перьев, раздавал приказания... А в прогале меж скалистых холмов синело море — спокойное и безмятежное. Что тому Понту до людских дрязг, нелепых, мелких и жалких? Копошатся всё, копошатся... Чего для?.. Хм. Как это он раньше внимания не обратил — в порту Гаэты не стояло ни одного корабля. Ни единого! То ли все в разгоне, то ли здешние судовладельцы учли опыт Амальфи и Неаполя, не стали рисковать флотом. Умно!

Олег поднял руку и резко опустил ее. Послышалось едва слышное тюканье молота по задвижке, и рычаг плавно повело вверх, все ускоряя и ускоряя мах гигантского метронома. Оттянутая праща раскрылась в верхней точке, и ядро, описывая пологую дугу, устремилось к цели. «Журавль» продолжал качаться, заставляя елозить всю громоздкую конструкцию, прокатываться туда-сюда на колесах, а ядро, вихляясь и кружась, дорисовало траекторию и подняло в воздух тучу пыли, не долетев до ворот шагов десять.

— Крутовато взяли,— озаботился Турберн.— Перезаряжаем!

Перезарядка длилась долго, но вот второе ядро вкачено в пращу.

— Пуска-ай!

Ядро отправилось в полёт по более отлогой, настильной траектории и попало в цель — разнесло ворота на кусочки. Обломки дубовых плах и железных скреп еще скакали под арочными сводами, когда обвалилась наружная кладка протейхизмы — каменные блоки, уложенные «на сухую», лишь скрепленные медными пиронами, рухнули, оголяя бутовую засыпку.

— Здорово долбануло! — впечатлённо сказал Инегельд.

— Да уж...— протянул Олег.— Глянь-ка! Ни одного на стенах, все попрятались!

— Перепужались, чай! — захохотал Турберн.

— Наклоняй шатун! Эй, кто там поздоровее — на колёса!

— Я тоже покручу малость,— собрался Боевой Клык.

— Растряси жирок, князь,— хихикнул Железнобокий.

Варяги забрались внутрь колёс и зашагали, пародируя толстых, неуклюжих хомяков. Колёса завертелись, защёлкали храповички, за-

крутились большущие шипастые шестерни, понижая передачу. Шатун с болтавшейся пращой дрогнул и стал медленно клониться, тяжёлый противовес — подниматься.

— Сиятельный! — обратился к Олегу Ипато.— Было бы неплохо переговорить с местным локосерватором — так вы, кажется, прозываете комендантов крепостей? Может, с него хватило и одного ядра?

— Хм... Стоило бы в этом убедиться. А кого вы предлагаете в переговорщики, превосходительный?

— Себя!

— Ну что ж... Попробуйте. Только передайте этому локосерватору, что третье ядро прилетит к нему без задержки!

— Обязательно передам!

Венецианец, небрежно помахивая белой холстиной, пошагал к пролому, перелез через завал и скрылся в потемках длинного перибола.

Варяги не стали томиться в ожидании ответа — устроившись в тени, решили перекусить. Начались шуточки, смешочки, подначки. Молодой Прастен, сын Алка, осваивал кифару, прихваченную в Константинополе. Тудор поднес Олегу тепловатого вина, и магистр не стал отказываться. Поднял стакан — за вас, ребята! — и выпил терпкую и сладкую, с приятной кислинкой жидкость. Потаённый в ней огонь прогрел пустой желудок и облегчил мысли.

Всё путем!

— Эй! — крикнул Акила.— Хомяки пузатые! А ну, шибче лапами перебирайте!

— Допросишься, Акила! — принёсся ответ.

— Хо-хо! Хомяков и сусликов не боимси!

— Иди помогай лучше!

«Белкам» становилось труднее вращать колёса — варяги стояли на четвереньках внутри обода и с усилием переступали. Их товарищи стали помогать снаружи — подпрыгивали, хватаясь за перекладины, тянули колёсо вниз под собственным весом.

— Готово! — крикнул Турберн, вбивая стопор.— Держится!

— Заряжа-ай!

И вот ещё одна глыба помещается в пращу.

— Стоп! — сказал Олег.— Тудор, молот у тебя? Разогни-ка этот крюк.

— Зачем, дорогой? — удивился Железнобокий.— За него ж конец пращи цепляется! Ежели разогнёшь его, праща скорей откроется!

— А я этого и добиваюсь — тогда снаряд полетит по крутой дуге, ударяя сверху.

— Тогда ладно...

— Пускай!

Тудор стукнул по стопору, и шатун мощно пошёл вверх, вытягивая за собой пращу, закидывая её... Вот праща открылась, и ядро полетело в цель, врезаясь в стену за протейхизмой и разворачивая кладку. Донёсся приглушенный расстоянием грохот валящихся камней, восклубилась туча пыли.

— Эгей, Олежа! — воскликнул Турберн.— Гляди-ко, белым машут!

Над стеной неистово мотался белый лоскут, прицепленный к копью.

— Вот что значит требукет,— назидательно сказал Железнобокий, с кряхтеньем усаживаясь на раму.— Раз, два, три — и готово!

Варяги оживлённо переговаривались, обсуждая «чудо-оружие», но бдительности не теряли — три сотни стояли в полном боевом, со щитами и при мечах, готовые отразить атаку хоть из крепости, хоть из города.

Пыль над протейхизмой рассеялась, и через завалы перебралась целая делегация — человек десять вооружённых людей. Впереди шагали двое — Ипато и высокий, сухощавый человек с длинным лицом и большими жёлтыми зубами.

— Ишь, морда какая,— пробурчал Инегельд.— Ну лошадь — лошадью!

— Знатный, чай,— определил Турберн.

Делегаты подошли ближе, и Витале Ипато представил человека с лошадиным лицом:

— Герцог Гаэтанский!

— Я ж говорил...— проворчал Железнобокий вполголоса.

Олег улыбнулся и небрежно поклонился герцогу.

— Рад видеть его светлость в добром здравии,— сказал он.— Надеюсь, вы не будете против, если мы займём эту крепость? Временно, разумеется, временно!

Герцог сжал губы и подвигал туда-сюда нижней челюстью, в этот момент более походя не на лошадь, а на корову.

— Чего вы хотите? — выговорил он неожиданно высоким и звонким голосом.

— А я как раз размышлял над этим вопросом. Мы склонны начать осаду Гаэты. Или, это самое, пойти на приступ... Быть может, ваша светлость подскажет нам третий выход из положения?

Герцог снова изобразил жвачное и сказал деловито:

— Я дам вам хороший выкуп.

Он назвал цену — и лица варягов украсились довольными улыбками.

— Это мудрое решение,— оценил Олег хозяйственный подход его светлости.— Сумма нас тоже устраивает.

— И я готов заплатить вам вдвое больше,— продолжил герцог с нажимом,— если вы защитите мой город от подступающих ромеев!

— Ромеев?!

— На Гаэту ополчился доместик Феоклит Дука. Сюда идут несколько тысяч конных и пеших, чтобы разграбить наш город!

— Ах, вот оно что...

Олег не стал посвящать герцога в планы базилевса — не надо его высочеству знать, что его величество сам послал варягов «бомбить» города-порты, заигравшиеся в независимость. Однако Феоклит Дука занёсся не по чину... Как минимум, превысил свои полномочия. Видать, жалкие победы в Апулии сподвигли доместика отыграться на Гаэте, а заодно перебежать дорогу магистру и аколиту. Ну-ну...

— Я не позволю Дуке учинять произвол,— твёрдо сказал Сухов.— Доместику нечего делать у стен Гаэты. Или он уберётся сам и уведёт своё войско, или мы заставим его убраться! Только плата вперёд.

Герцог улыбнулся, поразительно напомнив ржущего коня, и стал торговаться. Тут и светлый князь подтянулся, изображая то тяжкое сомнение, то бурное негодование. Наконец, высокие договаривающиеся стороны пришли к соглашению — варяги на время занимали крепость и располагали свой флот в гаэтанском порту. Выкуп и плата за службу вносятся тут же (и делятся по справедливости!), после чего варяжская тяжёлая пехота укрепляется конницей герцога, и все с нетерпением ждут ромейское войско...

Олег лежал у костра на песочке и глядел в небо. Искры да подсвеченный дым мешали любоваться звёздами, зато создавали этакий пещерный уют. Сухов любил такие моменты бытия, когда отдыхали и тело, и душа. Натура у него была деятельная, но дела вершат днём, а ночью не грех и полениться.

Прошуршали шаги, и рядом опустился Пончик.

— Пр-рывет...— сказал он вяло.

— А что так тускло? — улыбнулся Сухов.

— Устал. Угу... Слушай, Олег, а ты не боишься нарушить приказ базилевса? И вообще, как же это — биться со своими?

— Какими своими, Понч? — зевнул магистр.— Свои — вон, кругом меня сидят. А если кто и нарушает приказ, так это Дука. Сказано ему было — сидеть в Апулии и не высовываться, колошматить бунтовщиков и ждать, пока Ландульф не скомандует «отбой». А он сюда прёт! Думает, если у него там ничего не вышло, то в Гаэте всё получится как надо. Ага... Щас!

Пончик поёрзал и сказал задумчиво:

— Знаешь, я вот, когда сюда плыл, додумался до... Короче, мне представилось, что люди — хуже животных...

— Очень свежая мысль.

— Да нет, ты не понял! Понимаешь, вот звери в стаю сбиваются или в стадо, а нам этого мало — наши вожаки жаждут и другие стаи под себя прогнуть. И начинается война... Каменными топорами бились, потом стали бронзой горла резать, нынче вот сталь в чести. А психология та же!

— Да какая там психология, Понч... Голые инстинкты. Знаешь, у кого стремление к власти выражено сильнее всего? У самцов бабуинов! Или у павианов — не помню точно. Но ведь людям нужно собираться в стада, они сами этого хотят — жить в куче. Люди даже с угнетением готовы мириться, лишь бы их не сильно прижимали, лишь бы хоть какое-то спокойствие и мир. Тут, знаешь, интересная штука наблюдается. Всегда мы, от самых пещер, стремимся соблюсти баланс между свободой и безопасностью. Диктатура так всех прижимает, что оставляет тебе узкую тропинку — шаг влево, шаг вправо карается расстрелом. От свободы одно название остаётся, зато жить безопасно. Плохо, скудно, но безопасно. Демократия дарует свободу, но не гарантирует безопасности. Просто потому, что права и свободы распространяются на всех — на бандитов и на их жертв, на богатых и нищих — короче, на всех разом. Понимаешь? Вроде же всё хорошо — свободные выборы, цивилизация, то-сё... А перед варварством демократии бессильны! Помнишь, был такой СССР?

— Будет такой...— буркнул Пончик.

— Неважно! Теракт в Советском Союзе был практически исключён, даже убийство становилось ЧП. Сам я этого не помню, мал был, зато вволю нагляделся на беспредел в 90-х. Вакханалия! Хаос! Смута! Варвары полезли изо всех щелей — террористы, мафия, скинхеды! «Красные», «коричневые», «зелёные»... Бубнят старушки: «Сталин бы такого не допустил...» — и что им ответишь? Ведь правы же!

— Ты был за Сталина?

— Я был за себя. А Сталин... Понимаешь, его можно как угодно называть и обвинять во всех грехах, но именно под железной рукой Иосифа Виссарионовича СССР стал сверхдержавой. Нравится это кому-то или не нравится, неважно — история была именно такова.

— Будет таковой...— вздохнул Пончик.— Угу...

— Будет... Конечно, будет. А помнишь, как ты всё хотел прогрессорством заняться? «Сначала я водяные мельницы внедрю,— пере-

дразнил он Александра,— потом домны выстрою, стали наплавлю, бумагу делать начну, стекло варить — и мыло, мыла побольше!»

— Помню...— вздохнул Шурик.— Дурак был. Янки при дворе конунга Рюрика... Да нет, я, правда, мечтал могучую экономику создать, чтобы Русь самой сильной стала, самой продвинутой. Угу... Носился я со своими прожектами, носился, пока не понял, что лозунг «Время, вперёд!» рассчитан на глупых — никак нельзя ускорить время, невозможно навязать прогресс, когда в нём нужды нет. Мельницы... А зачем им мельницы? Доски пилить? Так русы их от века колют! Угу... Бумагу делать? А писать кому «чертами и резами»? Руны только жрецам были ведомы да кое-кому из князей. Тебе вот тоже. Угу... Азбуку в народ нести? А на хрена русам та азбука? Мечтал дороги строить, а все и реками были довольны вполне — вон как волоки оборудовали! Я бы и не додумался до всех тех хитростей... Люди просто живут, и по фигу им мой прогресс. Пока нужда не заставит — ни на пядь не продвинутся!

Олег улыбнулся:

— Расстраивался небось?

— Ну так... Злобился даже, обижался. Я же для вас, думаю, стараюсь, голову ломаю, как бы мне быт обустроить, а вы?! Помнишь, как мы печь сложили и дымоход вывели? Дивились соседи, крякали, по ляжкам хлопали — не дымит, нет, ну надо же! И хоть бы кто так же сделал! Нет, по-прежнему топят по-чёрному, а чад в дымогон уходит...

— Знаешь, Понч, за что я тебя люблю? За то, что ты, какой был в будущем, такой и в прошлом остался — ни капельки не изменился.

— Всё такой же лопух, ты хочешь сказать? — насупился протоспафарий.

— Всё такой же добряк. «Человек из будущего». С тобой уютно...

— Как с котом. Угу...

— Да нет, правда... Душой я отдыхаю только с тобой да с Алёнкой.

— Ну, насчёт души я бы в данном случае помолчал...

— Щас получишь...

— «Человеку из будущего» всегда достаётся от неблагодарных предков... Такая уж судьба у нас, Прометеев. Угу...

— Знаешь, а ведь ты затронул одну интересную тему. Вот смотри, ты из будущего попал в прошлое, но окружающее тебя время оказалось не властно над твоей душой и разумом. Ты сохранил себя, больше того, ты сделал попытку изменить само это время, воздействовать на ход истории! Наивно, конечно. Один человек ни черта не может, если он не Чингисхан или Александр Македонский, но у тех все перемены были к худшему — великие завоевания всегда вели к убожеству, разрухе и

застою. Чего ж требовать от Александра Пончева, врача из городской поликлиники? Только вот что я тебе скажу, прогрессор. Ты-то остался таким, как был, а вот я... Протоспафарий тщился переделать эпоху, магистра же переделало сие время, которое нынче на дворе,— я стал другим, Понч. Десятое столетие перековало меня. Я превратился в жестокого и безжалостного человека, иногда — равнодушного убийцу, иногда — мелкого владыку, равнодушно приказывающего убить. Начинал я простодушным воином, но эта долбаная Византия сделала из меня изворотливого, коварного интригана. Да что там — сам таким сделался, по своему хотению. Я постоянно обманываю людей, используя их, они гибнут за меня, помогая магистру Олегарию добиться высот, которые, если разобраться, не менее мрачны, чем дно пучины...

— Не наговаривай на себя. Угу...

— Ладно, больше не буду. Ложился бы ты спать, протоспафарий. Подниму рано, учти!

— Всё, я сплю.

— Ты забыл сказать «угу»...

Александр ничего не ответил, его глаза слипались. Следом заснул и Олег.

Обоих разбудила труба. Подъём!

Олег встал, потянулся как следует, пятьдесят раз присел, пятьдесят раз отжался — и почувствовал себя готовым встать в строй.

Море выглядело безмятежным, небо ясно голубело, мир и покой были разлиты в воздухе. Предприимчивые жители Гаэты словно почуяли настрой Олеговой дружины — стали проникать за стены по одному, предлагать свой товар, приценяться к добытому варягами. Русы, ясы, аланы, булгары и прочие охотно избавлялись от своей доли, меняя дорогую посуду или не менее драгоценный шёлк на звонкую монету — так и хранить легче, да и пользоваться куда проще.

Олег не мешал торгу. Он и сам в нём поучаствовал — отдал ковры и благовония, доставшиеся ему в Неаполе, за солиды — так тут называли золотые номисмы.

Оживлённая купля-продажа растянулась до полудня, а потом далёкий горнист донёс весть о приближении ромейского войска. Гаэтанские перекупщики (да чего уж там — скупщики краденого) мигом скрылись за воротами города. Конница герцога построилась на флангах, в серёдке стали варяги.

На дороге, что спускалась с гор к берегу, показалось облако пыли.

— Турберн! — окликнул Сухов Железнобокого.— Плутеи вперёд!

— Плутеи вперёд! — повторил команду варяг.

— Баллисточки наши как?

— Взведены и заряжены!

— Стяг с собою?

— А как же ж, дорогой! — Турберн показал большой красный вымпел с вышитым на нём крылатым львом.

— Развернёшь, когда я знак подам. Только так, чтобы его из крепости увидать можно было!

— Знамо дело... Нешто мы без понятия?

Олег посмотрел в сторону крепости. Там схоронилась полусотня Тудора. Баллисты и катапульты на башнях да требукет — это вам не что-нибудь. Батарея!

Повернув голову обратно, Сухов различил впереди катафрактов на рысивших конях. Подробностей битвы при Бариуме Олег не знал, но, судя по тому, насколько поредели ряды тяжёлой кавалерии, урон имперцам мятежники нанесли впечатляющий.

И вот авангард воинства ромейского выехал на припортовую площадь — довольно обширное пространство между гаванью и стенами Гаэты. Впереди, на лихом коне, ехал сам Феоклит Дука. В вороненых латах и чёрном шлеме с того же цвета султаном, он больше всего напоминал Кощея Бессмертного перед битвой с Иваном-царевичем. Позади доместика ехала его личная гвардия — рослые, плечистые молодцы в посеребрённых доспехах, с пышными перьями на шлемах.

— Эй, индюк крашеный! — раздался насмешливый голос Акилы Длинный Меч.— Чего припёрся?

— Да он лангобардам уже приелся, видать! — ответил Стегги Метатель Колец.

— Ух, они его и отымели! — пробасил Малютка Свен.

— Во все места,— подхватил эстафету Ивор,— и спереди, и сзади!

— А он всё стелется, всё тулится...— мощно вздохнул Вуефаст Дорога.

— Не, ребята, не понимаю я этих содомитов,— признался Истер Рыжий.— И что в том хорошего?

— Грех один! — грянул Тилен Верная Рука.

— Ощипали нашего петуха...— сказал Фудри Москвич, жалеючи.— Вишь, аж почернел весь!

— Да не, ворон это! — уверенно заявил Саук, сын Тааза, и добавил с сомнением: — Или ворона...

— А это уж кому как! — заключил Хурта Славинский.

Варяги захохотали, засвистели, заколотили мечами о щиты. Доместик аж позеленел от злости.

— Р-разойтись! — заорал он, привставая на стременах.

Тут вперёд вышел Олег и спокойно спросил:

— Так мы и не услышали ответа: ты зачем припёрся?

— Я исполняю приказ базилевса,— ответил Дука лязгающим голосом,— и следую своему долгу! Гаэта должна понести кару — и она будет наказана!

— Кем? — по-прежнему спокойно спросил Сухов.

Змеиная улыбочка скользнула по губам доместика.

— Ты мог бы заметить вооруженных людей за моей спиной,— сказал он снисходительно,— мою армию!

— Вооружённых людей я вижу, а вот армии что-то не примечаю. Ну, довольно пререкаться, Дука. Прогулялся сюда? Теперь гуляй отсюда. Ноги твоей не будет в Гаэте, уж мы за этим проследим.

— Ты! — Лицо доместика исказила неприкрытая ненависть.— Пособник мятежников! Да ты сам бунтовщик! Взять его! Мечи к бою! Копья наперевес! Вперёд!

Угрюмые лица катафрактариев скрылись под забралами. Опустились копья с трепещущими флажками у наконечников. Оставляя доместика в тылу, конники обошли его с боков и неуверенно стали наступать на варягов и гаэтанцев.

Олег выхватил и высоко поднял меч, блеснувший на солнце. Турберн Железнобокий тут же развернул стяг с крылатым львом. Издалека донёсся слаженный стук, и полдесятка ядер, посвистывая на разные лады, принеслись с башен крепости и ударили по стройным рядам ромеев. А потом прилетел громадный валун, пущенный требукетом. Он ударил, с ходу размозжив двух всадников, подскочил и снова упал, погребая еще парочку пехотинцев. Хайробаллисты были орудиями дальнобойными — их снаряды оставили кровавые борозды в пешем строю. И тут же строя не стало — началась паника и толкотня. Никто не хотел умирать на странной войне, затеянной Дукой.

— Вперёд! — крикнул Олег.

И варяги навалились как следует. Выстроившись «клином», они втесались в людей и коней, больше потешаясь, чем сражаясь. Ещё ни одно войско не смогло удержаться под ударом «клина» и не дрогнуть, не расколоться, не побежать. Ромеи не были исключением — их воинство распалось надвое, как полено от крепкого удара топора. Варяги тут же перестроились, стали «стеной», точнее, двумя «стенами», всё отжимая и отжимая «вооружённых людей» — к городскому рву и к морю, а с флангов наехали гаэтанские кавалеристы...

— В воду их, в воду! — хохотал Инегельд.— Мочи подстилок лангобардских! Ха-ха-ха!

— Коней пожалели бы!
— А этот ещё и сопротивляется, гад!
— Врежь ему как следует!
— Убери меч! Всё ж таки базилевсовы люди...
— Свен! Не бей с размаху — прибьёшь ведь!

Это не было разгромом, скорее уж разгоном — ромеев приперли так, что они десятками валились в глубокий ров, падали в воду. Отягощенные бронями, вязли в донном песке, спотыкались, скрывались под волнами и показывались снова, уже совершенно ополоумев, мучительно выкашливая солёную воду.

Герцог Гаэтанский носился, скалясь по-лошадиному и охаживая ромеев плетью-трёххвосткой, Инегельд сжимал в руке меч, но на клинке почти не было крови — князь работал кулаком, круша челюсти налево и направо.

Не все струсили в стане ромейском, находились и там люди с твёрдым сердцем и закалённой волей. Такие не бежали, бросая оружие, а отступали, обороняясь. Но их было мало, а внутренняя убеждённость отсутствовала у всех.

Олег не шагал вместе с «клином», он искал Феоклита Дуку. Доместика закружила, завертела людская карусель, утянула куда-то в середину. Сухов угадывал местоположение Дуки лишь по красным перьям его гвардейцев, не бросивших командира.

Когда «клин» стал расходиться «стенами», в наступление перешла резервная полусотня Тудора, спустившаяся с горы. Вместе с нею явились венецианцы и среди них Витале Ипато.

Возбуждённый преординат наткнулся сзади на Олега и прокричал:

— Воистину, русы — величайшие воины! Превратить жестокое сражение в потеху — это верх мастерства!

Внезапно Ипато резко качнулся и стал падать на Сухова. Из груди у преордината торчало древко стрелы. «Как в Месокипии...» — мелькнуло у магистра.

— Витале! — крикнул он.— Держись! Сейчас Пончик тебя залатает! Держись!

Ипато слабо улыбнулся и покачал головой. Силясь выговорить хоть слово, он забулькал кровью — красные струйки побежали у него по подбородку, и проклекотал:

— Он в вас... целился... а попал... в меня...
— Кто он? Ипато!
— Дука... Доместик... Из лука... Я же видел... Олег!

Преординат неожиданно крепко вцепился в руку магистру:

— Олег... Забудь о договоре с дожем... Это... неправильно, грех это... Дож обманул... Был заговор, мы его поддерживали, а ты его раскрыл, только главный... от тебя... ушёл...

— Имя! Как его имя? Это Феоклит Дука?

— Нет... Мы называли его «Принцепс»... Он сам так себя называл...

Кровь у Ипато хлынула горлом, он открыл глаза шире, словно удивляясь чему-то, и взгляд его остекленел.

Олег бережно опустил голову венецианца на песок и поднялся. «Потешный бой» закончился — большая часть ромеев бежала, остальные сдавались пачками. Десятки раненых отползали с пути всадников, отыскивая, куда бы спрятаться. А иные просто приняли смерть ни за что ни про что.

Были потери и у русов, но варяги принимали смерть товарищей спокойно. Им заплатили — они вышли на бой. Всё по-честному. А то, что в залог отданы жизни... Что ж, со смертью не сторгуешься. Знать, судьба такая.

Кончился день. До Гаэты добрался обоз ромейской армии. Магистру Олегариусу удалось собрать больше тысячи бойцов из войска Дуки. Одни сами пришли на зов, вспомнив о дисциплине, других привели силой. Стратиоты, те подчинились сразу, а вот офицерьё было строптивей — всякие тагматархи и прочие чины упорно не желали подчиняться Сухову, а топотирит, заместитель доместика, прямо заявил, что в отсутствие Феоклита Дуки командование переходит к нему, и точка.

Пришлось варягам устраивать общий военный лагерь — рядовой состав ромейского войска в это время насыпал курган над павшими в нелепой битве за Гаэту. А уж когда греческие «тента» стали соседствовать с варяжскими палатками, многие строптивцы мигом присмирели — с русами особо не забалуешь. Чуть что не по ним — сразу кулаком в зубы, а потом быстро-быстро исполняешь отданный приказ и благодаришь Бога, что не секирой врезали.

Тихо подкралась ночь. Олег выставил усиленные дозоры — варяги по трое патрулировали лагерь. Но за всем не уследишь.

Сухов устроился в просторном шатре доместика схол, огромном — хоть цирковое представление устраивай. Стражу вкруг шатра выставил Курт Дулат — из проверенных булгар, но магистр лёг спать одетым и меч далеко не откладывал.

Феоклит Дука ушёл, и не один, а в горах прятались тыщи полторы ромеев, которым не было дано особого выбора — либо они сдаются магистру Олегариусу, либо остаются с доместиком. В ином случае их

объявят дезертирами, а за это полагается суровое наказание. Если же Дука соберёт достаточно войска, то у него хватит «ума» напасть на лагерь, дабы воссоединиться с тысячей, признавшей Олега, и взять реванш. Безусловно, это будет акт отчаяния, но Феоклит давно уж действует за гранью здравого смысла. Да и что ему остаётся? Бездарно проиграв все сражения, может ли Дука надеяться на милость государя? Скорей всего, он сумеет оправдаться, его не сошлют, но нынешнее свое положение доместик схол утратит. Вот и тщится Феоклит наверстать упущенное, изменить баланс сил в свою пользу, одним ударом добиться перевеса и прибыть в Константинополь триумфатором.

Задремавший было Сухов внезапно насторожился — непонятная возня послышалась за пологом шатра. В следующее мгновение острый меч проткнул полосатую ткань и распорол ее. Внутрь ворвался булгарин в факиоле, он красноречиво поигрывал мечом. За ним вломились ещё трое, а четвёртым проник Феоклит Дука, тоже в цветастом тюрбане. Значит, это не болгары, подумал Олег, вскакивая и отводя меч.

— Явился, не запылился,— усмехнулся Сухов.— Проходи, гнида, будь как дома.

Доместик оскалился, вытаскивая меч.

— Я пришёл арестовать тебя, подлый варвар и сын варвара! — с ненавистью проговорил Дука.

— Рискни,— промурлыкал Олег.

— Взять его!

Двое лжебулгар тут же кинулись на магистра. Один не заметил молниеносного выпада и расстался с жизнью сразу, а другой оказался опытным рубакой — его короткие и резкие удары было сложно предугадать и отбить. Сложно, но можно. Почти что всякий мастер, достигая совершенства, выбирает любимую схему боя и держится её. Именно поэтому бывает так, что новичку удаётся одолеть профессионала, совершая неожиданный ход. Сухов, правда, и сам давно уж вышел в мастера, но не закоснел и был горазд на выдумку.

Перехватившись, он вцепился в рукоять спафиона правой пятернёй сверху, а левой упёрся в «яблоко» — навершие, и нанёс мгновенный удар сбоку, заимствуя этот приём из арсенала японских самураев. Клинок вошёл лжебулгарину между рёбер, и левая ладонь с усилием протолкнула лезвие, пропарывая сердце.

Выдернув меч, Олег отшагнул.

— Объясни мне, сволочь этакая,— заговорил он,— откуда в тебе столько ненависти ко мне?

— Варвар...— прохрипел Дука.— Поганый варвар... Из-за таких как ты, дикарей, пал Великий Рим! А ныне вы, как черви ненасытные, подтачиваете Ромейскую империю, последний оплот веры истинной! Я бы вас всех... истребил, выжег бы калёным железом, но тебя — первого!

Гаркнув: «Он — мой!» — доместик набросился на Сухова, очень быстро и толково орудуя мечом. С ходу сделав выпад — Олег отбил клинок — Дука отпрянул. Резко присел, чиркая лезвием по-над ковром, устилавшим пол шатра, как косой по траве. Сухов подпрыгнул и тут же скрестил мечи. Яростно скрежетнув, клинки расцепились — и скрестились снова. Звон стали частил, то и дело сменяясь лязгом. Дважды Олег почти добирался до Феоклита — острие вспарывало скарамангий, чиркая по коже.

Лжебулгары не вмешивались, и зря — втроём бы они уделали магистра, но доместика схол переполняла ненависть и гордыня, это удерживало гвардейцев. И слава богу.

Сухов бился с напряжением — противник ему попался достойный,— но частью сознания выгадывал один-единственный момент, тот самый, который позволит ему одержать победу. Олег держал в уме одну идею — испробовать иайдо, технику мгновенного удара. До сих пор ему не требовалось прибегать к школе Востока, поскольку и западной школы фехтования доставало ему, чтобы одерживать победы. Но тут был особый случай.

И момент настал. Дука притомился махать клинком, задержал меч на какой-то миг, и этого мига хватило магистру, чтобы вскинуть и опустить спафион так быстро, что лжебулгары и промелька не уловили. А вот Феоклит Дука поник — его тюрбан, разрубленный пополам, упал на ковёр справа и слева от ещё стоявшего, но уже мёртвого человека. Из расколотого черепа натекла кровь, заливая ощеренное лицо, и Дука рухнул.

Олег перевёл взгляд на лжебулгар, бледных и трясущихся. Как раз в это время пара стрел залетела через зияние в шатре, протыкая гвардейцев, а следом за стрелами ворвался Курт, Инегельд и ещё куча народу, разъярённого и винящегося.

— Прости! — покаянно взвыл Курт Дулат.— Не уследил! Трое моих купились на булгарскую одежду этих оборотней, и их зарезали!

— За всем не уследишь, Курт,— устало сказал Сухов.— Лучше уберите отсюда эту падаль. Я спать хочу...

«Чёртова дюжина» окружила шатёр непроницаемой стеной, и магистр заснул, проспав до самого утра.

А утром в гавань Гаэты вошли пять дромонов ромейского флота. На «Феодосии Великом» прибыл сам Иоанн Радин. Олег вышел его встречать.

— Приветствую тебя, сиятельный,— произнёс друнгарий флота, с изумлением рассматривая частокол военного лагеря и поредевший строй катафрактов.— Откуда?!

— Из Апулии, светлейший,— ответил Сухов и коротко посвятил Радина в события последних дней.

— Что ж, я не удивлён,— криво усмехнулся друнгарий флота.— А где же сам Феоклит?

— Не повезло доместику,— вздохнул Олег,— напоролся на меч.

— Бывает. Что ж, я рад вашим успехам, сиятельный. Ваши варанги с честью исполнили волю божественного, и мне поручено передать вам заветный сундучок.

Радин махнул рукой, и шестеро матросов-здоровяков с трудом спустили на берег тяжелый сундук.

— В нём золото,— объяснил Радин.— Базилевс лично приказал мне поручить подкуп короля Гуго тому из военачальников, кто одержит внушительные победы и, вообще, проявит себя. К сожалению, полководческие таланты оказались несвойственны Феоклиту Дуке, и я еще две недели назад отправился в Кампанию, чтобы убедиться в твоих успехах, сиятельный. И я убедился.

— Скажи, светлейший, а Дука знал об этом поручении императора?

— Думаю, да.

— Угу... Тогда понятно, почему он так не хотел видеть меня живым... Ну ладно. Эй, ребятки! Тащите сундучок на «Пардус»! Клык, покажи им дорогу! Прощайте, светлейший, удачи вам.

— И куда мы? — раздался громовый голос Инегельда.

— В Рим!

ГЛАВА 15,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ ДАЁТ ВЗЯТКУ КОРОЛЮ ИТАЛИИ

Венецианские санданумы покинули Гаэту ещё ночью, хеландия «Св. Георгий Победоносец» вошла в состав эскадры Иоанна Радина, а семь лодий отправились дальше на север, исполнять волю императора.

Настроение у варягов было приподнятым — война как бы кончилась, своё дело они сделали. Добра всякого добыто изрядно, потери на удивление малы, а по возвращении их ещё и наградят — базилевс щедр к тем, кто верно служит ему. И варяги пели — голосили, не таясь в виду берега.

По правому борту тянулись песчаные пляжи, а чуть выше виднелась римская Прибрежная дорога, виа Латералис, обсаженная кипарисами и туями. Вдалеке чернел целый лес, а перед ним лежали Лаврентинские болота, северней переходящие в Остийское озеро. Слева однообразно синело море, мирное и спокойное, оно словно ластилось к лодьям, игриво плеская в борта.

А потом показалась Остия, в древности — главный порт, «уста Рима», а ныне запущенный, запакощенный и богом забытый городишко. Башня маяка-Фароса по правую руку всё ещё торчала кирпичной свечой, но на её закопченной макушке давным-давно не возжигали огня, привечая странствующих и путешествующих. Сохранился и громадный храм Нептуна — он стоял ближе к городу. Правда, знаменитая четвёрка бронзовых слонов, некогда украшавшая его фронтон, давно уж перекочевала на Золотые врата Константинополя, а на её месте установили огромный чёрный крест.

В остийском порту варягов поджидали усатые и бородатые щитоносцы в кольчугах и при мечах. На их треугольных щитах узнавалось имя Иисуса Христа, выдавая гвардию Иоанна XI. Гвардейцы препроводили лодьи на стоянку папских галер.

Там их витиевато, но на грубой латыни приветствовал посланник трёх политических сил сразу — папы римского, короля Гуго и Марозии. Посланник был не мал и не высок, не стар и не молод. Невзрачный, потертый жизнью. Никакой. Его сухое лицо, обтянутое жёлтой, как пергамент, кожей, излучало абсолютное смирение и полную отрешённость от земного.

— Как прикажешь обращаться к тебе? — поинтересовался Олег.

— Аббат Сальватор,— поклонился тот.

— Магистр и аколит Олегариус, будем знакомы. Коней нам хоть подадут?

— О, да! — поклонился Сальватор.— И вас уже ждут.

— Приятно слышать. Поднимайтесь на борт, аббат, покажу вам «посылку» от базилевса...

Когда поднялась крышка заветного сундука, и по глазам Сальватора ударил тусклый, маслянистый блеск золотых монет, аббат онемел будто.

— Засвидетельствуете перед королем,— сухо сказал Олег,— что император готов платить за мир. «Посылка» будет в целости и сохранности доставлена по назначению — в Павию. Князь,— обернулся он к Инегельду,— остаёшься за меня. Лады?

— Лады! — ухмыльнулся Клык.— Ты, это, «чёртову дюжину» прихвати с собой. Мало ли...

— Айда, ребята! — махнул Олег «ребятам», среди которых почему-то затесался Пончик.— Прогуляемся!

— Вас ждут одного, магистр,— забеспокоился Сальватор,— гвардейцы понтифика обеспечат охрану и неприкосновенность!

— У меня своя гвардия,— отмахнулся Сухов.

На щеках аббата закраснелись пятна нервных волнений, губы сжались в бледную полоску.

Чтобы перевезти всех, пришлось опустошить ближайшую конюшню, выведя пятнадцать коней гнедой и белой масти. Олег выбрал гнедка и вскочил в седло.

— Веди нас, Вергилий, в смысле — Сальватор!

Аббат покорно влез на тощего вороного мерина-аскета и потрусил впереди кавалькады.

Улицы остийские были распланированы как в римском лагере — с юга на север и с востока на запад. Жили тут, в основном, в инсулах — обшарпанных многоэтажках имперских времен, да в землянках. Новых домов было мало, а те, что появились после римлян, архитектурными изысками не блистали, больше напоминая трущобы.

Вперёд выехал Пончик на белом коне и поравнялся с Олегом.

— Что-то я не припоминаю имени «Александр» в списке «чёртовой дюжины»,— притворно задумался Сухов.— Ивор в ней числится, и Свен, и Стегги, и все прочие, а вот Александр — нет.

— Куда ж ты без меня? Ещё заедешь не туда. Угу...

Кавалькада свернула на главную улицу — Декуманус Максимус — и вниманием Олега завладели остийцы. Господи, кого тут только не было! Нищие и побирухи, лжемонахи, убогие, странники, калики, безродные священники, отставные наёмники, моряки с галер, колодники с отрезанными ушами, а вперемежку с ними — кочующие мастеровые: мебельщики, ткачи, кузнецы, лудильщики, точильщики, плетельщики, а за ними снова и снова вороватый люд любого мыслимого разбора — ошуканы, тати ночные, карманники, мнимые паралитики, торговцы чудотворными мощами, лжепроповедники, почтеннейшие христарадники, костыльники и прочая странная сволочь, пугающая темных людей, дурящая их, обирающая, паразитирующая на бедах и радостях человеческих...

Варягов они заметили сразу и очень оживились — какое-никакое, а зрелище! Из толпы сразу понеслись попреки и ругательства:

— Разрази и убей вас Господь!

— Язычники вонючие!

— Всепокайтеся!

— Да от них серой несет!

— Мало их жгли!

А Олег ехал, и ему на ум приходило сравнение с походом в зоопарк. Ты — по одну сторону решёток, а по другую — гиены, макаки, рептилии... Так и здесь — едешь и наблюдаешь за носителями разума в естественной обстановке.

— Надавать бы вам,— процедил Свен.— Псы смердящие!

— Не обращай внимания на убогих,— сказал Олег.

Он смотрел брезгливо и безразлично, чем выводил толпу. Сухов долго терпел выходки малых сих, но один юродивый, таскавший за собой на веревке дохлую собаку, все же допросился. Юрод был гол и чудовищно грязен, копна сальных, сроду не мытых волос торчала а-ля дикобраз; тощие чресла прикрывала повязка, не годная даже в половые тряпки.

— Возмоли! — заверещал убогий.— Святый папа да свобождает от греха! И Господу Богу помолимся! И аминь!

Он подскочил к гнедому, оседланному Суховым, схватил коня за гриву и нацелился харкнуть. Этого Олег стерпеть уже не мог. Он с размаху заехал сапогом по наглой харе — юродивый улетел в толпу вместе со своей собакой. Толпа ахнула, отхлынула и нахлынула, готовая вступиться за божьего человека, но тут уж варяги не подкачали, наехали на разумных и рассеяли, наподдав повернутыми плашмя мечами.

— Инкуб и суккуб! — гнусаво верещал голос юродивого.— Зряще како землю жрать твой дух! И на небеси! Всепокайтеся!

Удовлетворенный, Олег фыркнул.

— Так ему! — ликующе сказал Пончик и продолжил экскурсию.

За Остией потянулись виноградники, садики-огородики. Мальчишки без штанов, но в куртках пасли овечек на молодой травке, крестьяне с лицами цвета седельной кожи погоняли осликов. Это был вид слева. Справа нёс свои мутные воды Тибр, не знавший пока мелей по вешнему-то растополью.

Двумя часами позже кавалькада подъезжала к Риму, следуя Портовой дорогой. Вид Вечного города угнетал. Кипарисы по-прежнему отливали темной зеленью, и стены Аврелиана стояли нерушимо, но не выглядывали больше из-за них купола терм — обрушились те купола.

Не угадывались гребеночки храмовых колоннад — разнесли те храмы во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа...

Подковы процокали под сводами Портовых ворот, будя тени тысячелетия, и варяги оказались в пределах «Апостольской столицы», проезжая мимо садов Цезаря, порядком вырубленных на дрова. На том берегу широко раскинулся Эмпорий — громадный склад, окружённый колоннадой и оттого смахивающий на храм. А за Эмпорием поднимался Авентинский холм, застроенный домами для бедных, заросший деревьями и сорной травой.

Спрямляя путь, Сальватор переправился по мосту Цестия на остров Тиберин, объехал развалины храма Эскулапа и выбрался на левый берег реки напротив каменного театра Марцелла, полукруглого здания удивительной сохранности,— все арки уцелели на его ярусах, и даже отдельные статуи.

Здесь, в районе Марсова поля, народу прибавилось — люди гуляли, приценивались к товарам на импровизированных базарчиках, обменивались сплетнями, окружали бродячих мимов и жонглёров, торговали пирожками вразнос и якобы родниковой водой.

Протолкавшись через толпу, кавалькада потрюхала далее — мимо театра Бальба и портика Октавии, лишившегося половины своих колонн,— их увезли в Константинополь, украшать Месу. Мимо театра Помпея, мимо терм Агриппы, мимо цирка Фламиния. Выехав к Большим портикам, кавалькада устремилась по ним, добираясь до замка Сан-Анжело между колоннад, кое-где поддерживавших уцелевший навес.

Олег не уставал вертеть головой. Город-призрак... Времена, когда Рим вмещал в себя миллион народу, шумел на всех языках и переливался всеми красками, прошли. Навеки. Ныне в экс-столице мира числилось полтора дома на душу населения. Целые кварталы были безлюдны и оглашались лишь хриплым мявканьем кошачьих разборок. Даже один оставленный хозяевами дом, и тот тоску наводит, а что тогда говорить о брошенных улицах? Прилизанные кипарисы лишь сгущали привиденческие настроения — эти деревья не шелестят...

И всё же тот давний, имперский Рим узнавался — уж слишком долго строили римляне, слишком много чего возвели, чтобы всё это превратилось в руины и сровнялось с землёй. Сухов глядел в оба, ибо всё, что попадало в его поле зрения, исчезнет к будущим векам безвозвратно. Пятьсот лет рушили Рим и ещё столько же будут рушить, используя творения древних зодчих в качестве каменоломен. Не остготы с гуннами уничтожили Вечный город, и даже не вандалы — те интересовались одними золотыми цацками. Вожди варваров, вроде

Тотилы или Алариха, даже оплачивали ремонт римских зданий и храмов. А вот христиане объявили священную войну языческому наследию, разрушая старый мир до основания, а затем из бэушных стройматериалов кое-как выстраивая свой, новый мир — убогий, нищенский, уродливо помпезный и стандартно безликий, больной, по-рабски и бездарно копирующий отвергнутое, превращенное в руины и идеологически перепаханное...

Впрочем, стоит ли попрекать этим одних христиан? Все так делали.

Где семь чудес света? Нету их. Даже пирамиды уже не те — арабы подчистую ободрали с них облицовку, выкладывая мечети из полированных плит, испещрённых иероглифами нечестивых. А сами фараоны чем лучше? Правители Среднего царства приказывали разбирать дворцы и храмы эпохи царства Древнего, а их постройки, в свою очередь, ломали выходцы из династий Нового царства.

Где великий град Вавилон? Пергам где? Карфаген? Нету их! Одна цивилизация перетирала другую не хуже орды варваров — в лом, в щебень, в пыль.

И какой только дурак додумался до того, что человечество развивается по спирали, от витка к витку набираясь ума, накапливая сокровища Мысли и Духа? Нет, больше всего исторический путь народов мира напоминает электрокардиограмму больного, где пики расцвета сменяются провалами, крушением, гибелью, забвением. И вновь подъём, и опять спад. Пришёл конец Риму — и вся Европа погрузилась на тысячу лет во мрак невежества, мракобесия и кровавых потасовок. К несчастью, новая вера не воспользовалась кладезем античной цивилизации, а забросала его мусором и гадостью. Ещё лет пятьсот брести европейцам до Ренессанса, заново открывая то, что давным-давно было известно римлянам, эллинам, египтянам. Воистину, прогресс — сизифов труд, дурная работа для избранных!

— Подъезжаем,— разлепил губы аббат.

Впереди дорога упиралась в берег Тибра и продолжалась мостом, подводящим к грандиозному мавзолею Адриана, ставшему для варваров замком Сан-Анжело.

Трубачи, заметив подъезжающих, вскинули трубы и исполнили нечто вроде торжественного приветствия. Стражники сделали «на караул».

— С почётом встречают,— хмыкнул Пончик.— Угу...

Спешившись, Олег передал поводья подскочившим конюхам и зашагал под гулкими сводами длинного коридора, освещённого факелами в держаках, закоптившими весь потолок.

— Знаешь, Понч,— сказал Сухов по-русски, на языке, который не понимал никто в этом веке,— я, кажется, понял, что меня гложет и грызет.

— И что же это?

— Неадекватность! Молчи! Я имею в виду, что мы с тобой неадекватны этому времени. Побывать в прошлом интересно и познавательно, но жить в прошлом...— Олег затряс головой.— Ведь мы с тобой не какие-нибудь нищедухи, которым лишь бы напиться да спать завалиться. Нам обязательно надо достичь высот, добиться успеха, реализовать себя. Но как нам, пришельцам из века двадцать первого, реализоваться в веке десятом? Мы стали теми, кем стали, не потому, что хотели этого, а потому, что в ином случае остались бы никем — рабами или простолюдинами, обречёнными на пожизненное убожество!

— Повторяешься. Ты уже говорил как-то, что наши достижения в лето 935-е по Рождеству Христову ничего не значат для будущего. Угу...

— Так именно! Ни-че-го! Ну кем я могу стать в 2007-м, если вдруг возвернусь? Тренером по фехтованию? Переводчиком с латыни, греческого, старофранцузского и прочих мёртвых языков? Разве я к этому стремился ТАМ? А жизнь-то проходит!

— А ты хоть помнишь, к чему ты ТАМ стремился? — сказал Пончик с неожиданной агрессией.— Да ты, вообще, стремился хоть к чему-нибудь? Жизнь у него, видите ли, проходит! Идёт она у тебя, а не проходит, понял? У тебя есть всё, что нужно для счастья! Вот и будь счастлив. Угу...

— Ишь ты его... Ты чего это, светлейший, на сиятельного хвост поднимаешь?

— Да иди ты... Думаешь, мне здесь и сейчас комфортно и хорошо? Я тоже, знаешь ли, хочу по Невскому бродить, а не по Месе! Ну и что? Мироздание или Господь Бог не берёт в расчёт мои хотения. Так что живи, сиятельный, и получай от процессов жизнедеятельности максимум удовольствия! Вон, щас с живым королём свидишься. Где бы ты в своём 2007-м встретил монарха? Угу...

— Неадекватно, Понч...

Поднявшись по винтовой лестнице, Сухов со товарищи оказались в обширной зале, вдоль стен которой выстроились высокородные римляне — варвары из варваров, но все сплошь сенаторы да консулы. Потомки победителей равняли себя с давно побеждёнными, тщась отразить своими жалкими побрякушками гордое сияние «Gloria romanorum» — славы римской. Хотя, что с них взять, с варваров?..

Из глубины зала к Олегу приблизились двое, мужчина и женщина. Крепкого мужика с лысиной, прикрытой короной, представлять нужды не было — король Гуго Арльский собственной персоной. А женщина, надо полагать, его жена Марозия, сенатрисса и патрикия.

Ах, какая женщина! Невысокая, но стройная, с талией не требовавшей корсета для ужатия, большегрудая брюнетка. Немудрено, что Гуго принял её предложение руки и сердца. Вот именно — её предложение! Впрочем, Сухова не подавляло властное превосходство Марозии. Ум этой властительницы-обольстительницы, энергия и сила её почти не замечались Олегом. Да и не интересовали его ни внутренний мир супруги короля Италии, ни её дорогие одежды. Прежде всего, он видел в Марозии женщину, саму сущность её пола. В каждом движении тела сенатриссы и патрикии — в изгибе бедра, в наклоне шеи, в улыбке — сквозили вызов и яростный призыв. Каждый взгляд её чёрных глаз, огромных и блестящих, обжигал и волновал кровь, даруя бесстыдные обещания.

— Его величество король! — торжественно провозгласил герольд.

Олег молча поклонился Гуго, затем церемонно сделал ручкой Марозии. Женщина сладко улыбнулась в ответ.

— Наслышаны о ваших победах, магистр,— проскрипел король.— Думаю, князь Ландульф устрашился достаточно для того, чтобы искать мира с императором.

— Надейся на лучшее, а готовься к худшему,— тонко улыбнулся Олег.— Лично я предпочитаю не надеяться и верить, а быть уверенным. Лучше уж пусть сам Ландульф утратит надежду на помощь вашего величества и убоится союза короля Италии с автократором ромеев. Поддержка ваша будет неоценима, хотя уже оценена высоко.

— О, да! — воскликнул Гуго.

— Сальватор описал дары императора шёпотом,— сказала Марозия нежным голосом, глаз не сводя с Олега,— а это для нашего аббата признак наивысшего восторга.

— Так дар принят? — спросил Сухов, также не отводя взгляда.

Супруга короля потупилась и отвесила лёгкий поклон.

— Мы поддержим базилевса в трудную для него минуту,— важно проговорил король.— Я сейчас же отошлю приказ моим войскам, чтобы выступили на Беневент и Салерно,— пусть Ландульф поймёт, наконец, что игра проиграна.— Обернувшись к Марозии, он сказал: — Дорогая, проводи магистра в трапезную. Я присоединюсь к вам, как только покончу с делами.

Женщина взяла Олега под руку и повела, куда ей было сказано. Проходя галереей, она повернула голову к нему и проговорила волнующим грудным голосом:

— Я в жизни не встречала такого мужчину, как вы.

— Такого длинного? — пошутил Сухов.

— Такого сильного! Вероятно, женщины не отказывают вам? Ведь вы им нравитесь — сужу по себе!

— Это надо спросить у женщин...

— Ах,— вздохнула Марозия томно,— вы даже не представляете себе, как это трудно — отыскать мужчину, чьё превосходство не наигранно и не поверхностно! Гуго я покорилась, но подчинилась бы вам одному...

— Марозия,— негромко проговорил Олег,— не пробуждайте во мне желаний, затмевающих рассудок...

— Если рассудок мешает чувству, он излишен.

Гости между тем спешили в трапезную, торопливо занимая места за огромным столом. Марозия провела Олега на почетное место рядом с креслом короля и уселась рядом. Напротив сидела молодая женщина, удивительно похожая на Марозию.

— Познакомьтесь,— сказала супруга короля, сенатрисса, патрикия и прочая и прочая,— это Теодора, моя сестра.

Теодора мило улыбнулась Сухову. Если сама Марозия лицом и фигурой напоминала ему Софи Лорен в расцвете лет, то Теодора была ею же, только помоложе. Ох и сестрички... Хотя в гневные обличения Олег не верил. Не были Марозия с Теодорой шлюхами. Зачем им, богатым и знатным дамам, жалкий удел куртизанок? Сенатриссы выходили замуж, заводили любовников, были жестоки и коварны — нормальные женщины, адекватные своему веку.

— А правда, что вы — варанг? — спросила Теодора, взмахивая длинными ресницами.

— Правда,— признался Сухов.

— В первый раз встречаю настоящего варанга!

Тут пришёл король, и разговоры смолкли. Марозия наклонилась к Олегу и проговорила:

— Ваш тост — первый.

Магистр и аколит протянул чару лакею, тот моментально наполнил её вином. Сухов встал и поднял чашу:

— За короля!

— За короля! За короля! — зашумел зал.— Виват, король Уго!

Все дружно выпили до дна, закусили, и пошло — за императора, за дам, за гостей, за то, за сё. Торжественное мероприятие стремительно превращалось в разгульную пирушку, но Олег не воспринимал происходившее вчуже — он и сам выпил изрядно. Потом король пригласил к столу варягов из «чёртовой дюжины» — и как тут не выпить за грозных воинов, потрясателей Амальфи, Неаполя и Гаэты? Выпили и закусили не раз и не два.

Начинало уже темнеть, когда Марозия увела из-за стола порядком набравшегося Олега. Сухов почти что твёрдо стоял на ногах, разве что покачиваясь изредка, но в голове у него плавала весёлая муть, а возбуждение росло и росло, пьяня без вина. В галерее к ним присоединилась Теодора, и сестры вдвоём вывели Олега из замка и подсадили его в нарядную повозку.

— Куда мы? — с трудом выговорил магистр.

— В Латеранский дворец! — ослепительно улыбнулась младшенькая.

— Навестим папочку римского! — хихикнула старшенькая и велела трогаться.

К Латеранскому дворцу подъехали со стороны базилики Св. Иоанна. Строгое изящество древнего дома Латеранов скрывало за стенами безумство роскоши.

«Что и говорить,— подумал Сухов, малость протрезвевший на свежем воздухе,— неплохо понтифик устроился». Позолоченная бронза переливается, нумидийский мрамор инкрустирован мрамором александрийским, на полу мозаика тончайшей работы — словно идешь по гигантской картине в сеточке трещинок-кракелюр. Канделябры из массивного серебра свисают с потолка в виде огромных гроздей, заливая палаты мерцающим жёлтым светом. У каждых дверей истуканами торчат гвардейцы. Серыми мышами, а также черными, красными и лиловыми семенят всякого сана клирики и каноники, монахи-бенедиктинцы и монахи-августинцы. В воздухе мешается странный набор запахов — ладана, пыли и пота.

— Не думаю,— промычал Олег,— что Его Святейшество будет рад встрече с пьяным сиятельством...

Теодора рассмеялась, а Марозия пропела:

— А мы не скажем Иоанну, мы пойдём в купальню! Умберто, истопил ли?

Толстый евнух, не замеченный Суховым ранее, уверил сенатриссу и патрикию, что воля её исполнена в точности, и самолично распахнул высокие двери из мореного дуба с позолотой, ведущие в купальню. За

дверями скрывался круглый зал с парящим бассейном. Краны в форме серебряных дельфинчиков были открыты, подливая горяченькой.

Стены зала из снежно-белого мрамора были разделены гранитными пилястрами, а покрывал его купол, разбитый на глубокие квадратные ячейки-кессоны. Они мельчали снизу вверх, и от того создавалось впечатление, будто полушарие купола вытягивалось, делаясь яйцевидным. Внутри кессонов поблескивали позолоченные бронзовые розетки, похожие на крупные звезды.

— Купаться! Купаться! — закричала Марозия, снимая с себя парчу и шелка. Невесть откуда появившиеся нагие девицы помогли ей справиться с завязками и взялись раздевать Олега — Сухов не сопротивлялся.

Голые и босые, сестрички представились Сухову ещё более привлекательными. Спустившись за ними в горячую воду, он едва не застонал от удовольствия — это ж сколько времени его тело не знало мытья?

Теодора с Марозией принялись намыливать Олега с ног до головы, восхищаясь его статью, а искупав, налили вина и заставили выпить.

Выбраться из бассейна Сухов смог лишь с помощью визжащих и хохочущих девиц, сразу обступивших его с простынями, укутывая и промакивая распаренное тело.

Следом бассейн покинули сестрички и повели Олега в опочивальню. Пол её был теплым и почему-то шатался, валясь из стороны в сторону. Сухов повалился на постель, встал на четвереньки, упал на бок и пополз к подушкам. Тут и слева, и справа к нему прижались горячие женские тела; ладони, губы и языки Марозии с Теодорой довели возбуждение до предела — впервые в жизни он занимался любовью втроём.

Он ощущал, как чьи-то ноги то раздвигаются под ним, то обхватывают его со спины, то закидываются ему на плечи, но чьи именно — не различал. Кто стонал — Теодора или Марозия? А за чью грудь он хватался? Чьи бедра тискал? А какая ему разница? Вот Марозия лежит под ним и царапает ему спину ноготками, кричит от наслаждения и закидывает голову... А вот Теодора опускается на колени, выгибая спину, а он тискает её то за ягодицы, то за талию, то за груди... Две женщины оказываются сразу везде, обволакивая Олега, обнимая, оглаживая и ублажая, исполняя все его желания и все свои хотения, более чем необузданные.

Сухов забылся тяжёлой дрёмой, но даже во сне он погружался в горячее и влажное, соседствуя с мягким и упругим, гладким и шелковистым...

ГЛАВА 16,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ СТОЙКО ПРИНИМАЕТ УДАРЫ СУДЬБЫ

Олег проснулся, но не проспался. Хотя за окном ярко светило солнце — фигурные стекляшки бросали пёстрый отсвет на разворошенную постель,— отдохнувшим он себя не чувствовал. Сухов протёр глаза. Свод над опочивальней был разрисован на темы, далёкие от божественных,— вакханки плясали по нему, изгибаясь самым непристойным образом. Колонны розоватого мрамора поддерживали купол потолка позолоченными капителями, приподнимая вакханок над суетой.

Олег перекатил голову по подушке влево, чувствуя тяжесть в голове и тупую боль.

Слева возлежала Марозия, свежая и румяная, словно после холодного душа. Лежала и улыбалась.

У Олега мелькнула мысль, что вовсе не выпитое вино представило её красавицей, Марозия на самом деле была хороша. И очень сексуальна — женщина до кончиков ногтей.

Сухов поморщился. Вопрос: что он теперь скажет Алёне? Отговорки типа «боюсь расстроить жену, потому и скрываю правду о любовнице» содержат один лишний элемент. Надо убрать слово «расстроить», поскольку оно лживо, и тогда всё будет верно. Боюсь, потому и скрываю! Но в нём-то страха нет. Конечно, ему не хочется расстраивать Алёну, но и скрывать измену он тоже не станет — так ещё противней.

В общем, простит его Алёнка — хорошо, не простит — сам виноват. Пить надо меньше. Или это тоже отговорка? Э, нет, сиятельный, не дели провинность с алкоголем — вино само в глотку не льётся!

— А где Теодора? — спросил он, не найдя лучшей темы для разговора.

— Прихорашивается,— улыбнулась Марозия.

Протянув руку, она нежно погладила лицо Олега. От неожиданной ласки он даже глаза закрыл. Лёгкие касания женских пальцев будили совсем иные чувства, нежели вчера. Часов десять назад Марозия извивалась, крича от страсти, она отдавалась вся и целиком, яростно, обжигая и обжигаясь, не тая ничего, не приберегая на потом ни слова, ни жеста, ни поцелуя. А ныне она мягкая-мягкая, ласковая-ласковая...

— Марозия...

Сухов положил ладонь на грудь женщины, ощущая под пальцами тёплую атласность и неожиданную туготу. Сжал, погладил, легонько защемил сосок.

— Я люблю тебя...— прошептала Марозия, прикрывая глаза трепещущими ресницами.

Колкий звон развеял розовый романтический туман — тяжелая стрела влетела в окно и воткнулась в спинку кровати, задрожав грязным оперением.

Марозия не вскрикнула, она порывисто метнулась к Олегу — не ища защиты, но оберегая его самого. Распахнулась дверь, и в опочивальню вбежала Теодора. Женщина была в одной рубахе-шэнс, лицо её с трудом сохраняло спокойствие, а глаза были широко распахнуты.

— Альберих поднял восстание! — воскликнула Теодора.

— Мой Альберих?! — изумилась Марозия.

— Да, да! Он вооружает римлян против тебя и Уго! Воспользовался, что король отправил войско к Беневенту, и восстал!

— Мой Альберих...— проговорила супруга короля.— Моя кровь...

Ещё одна стрела влетела в окно, оставляя щербину на мраморе колонны.

— Надо уходить отсюда! — заметалась Теодора.

Олег, забыв про похмелье, вскочил и быстро стал облачаться — чьи-то умелые руки (он вспомнил вчерашних девиц) аккуратно сложили его одежду на деревянном кресле рядом с кроватью.

Одевшись, обувшись, нацепив перевязь с мечом, он обернулся к Марозии. Женщина подбежала к нему, приникла, вставая на цыпочки, и нежно поцеловала.

— Беги в замок, любимый,— сказала Марозия, задыхаясь.— Спасай моего муженька — это сейчас самое важное!

— А ты?

— А что Альберих сделает своей матери? Беги, любимый мой, беги!

Обняв Марозию на прощание, Олег поцеловал её и выбежал вон.

Удивительно, но память подсказала ему дорогу.

В большой приёмной Латеранского дворца шёл вялый бой — мятежники сражались с гвардейцами папы римского.

— Иоанн! — раздался трубный глас, и в приёмную ввалился огромный загорелый человек с повязкой на глазу. Единственное око великана горело яростью.— Где Иоанн?

— Здесь, здесь! — закричали за высокими дверями.— Ведём уже!

Створки с грохотом распахнулись, и двое в гражданском платье выволокли папу Иоанна XI. В белом одеянии, с растрёпанными воло-

сами, понтифик представлял собой жалкое зрелище, хотя и сопротивлялся — вырывался, упирался ногами в притолоку, кусался даже.

— В тюрьму ублюдка! — взревел одноглазый.— Приказ Альбериха! Живо, живо давайте! А эти почему до сих пор тут?

Под началом великана римляне набросились на гвардейцев с новой силой. Олег, прячась за шторой, проскользнул за ряд колонн и выскочил в длинный коридор. Спасать папу римского он не имел никакого желания — это была не его война. А вот Гуго Арльский должен быть спасён, иначе весь план базилевса провалится, и все подвиги, все потери утратят смысл и значение.

Из поперечного коридора выбежал юнец с мечом наголо. Увидев перед собой незнакомца, он храбро — или сдуру — бросился на Олега. Сухов увернулся, выхватывая меч, и перечеркнул юнцу горло отточенным остриём. Храбрец-глупец осел на пол, брызгая кровью.

Выбравшись наружу, Олег увидел огромную толпу народа, обступившую лестницу к церкви Св. Иоанна. Народ волновался, то шапки от восторга подкидывая, то грозя кулаками, то просто исторгая вопли от избытка чувств.

На верхней ступеньке лестницы стоял молодой мужчина в дорогих одеждах, с длинными вьющимися волосами и толкал речь.

— Достоинство города Рима настолько уже оскудело [1],— гремел оратор, надрывая связки,— что повинуется даже распоряжениям блудниц! Что может быть более гнусным и отвратительным, чем допускать гибель города Рима из-за нечестивого брака одной женщины и позволять бывшим рабам римлян, то есть бургундам, повелевать римлянами? Если меня, своего пасынка, он ударил по лицу, будучи ещё только новым и чужим для вас человеком, как, вы думаете, станет он обращаться с вами, когда укрепится здесь? Разве не знаете вы ненасытности и высокомерия бургундов?

— Знаем! — закричали из толпы.

— Мы с тобой, Альберих!

Альберих бледно улыбнулся и продолжил с ещё большим напором:

— Обратите внимание на само значение их имени! Ведь вот почему назвали их бургундами: когда римляне, покорив мир, привели множество пленных из их рода, они велели им возвести себе дома за пределами города, но чуть позже изгнали их за высокомерие. А так как те называют «бургом» кучку не окруженных стеной домов, то римляне и прозвали их бургундами, то есть изгнанными из бургов. Впрочем,

[1] Подлинный текст. С этими словами Альберих обратился к римлянам в день восстания.

они зовутся ещё и вторым, туземным именем — галлами-аллоброгами. Я же, согласно присущему мне благоразумию, называю этих бургундов горланами, как потому, что они из-за высокомерия кричат во всё горло, так и потому — что более правильно,— что они без меры предаются обжорству!

Олег, обходя толпу, наткнулся на пару лошадей, привязанных к дереву. Мигом развязав скользящий узел, он вскочил в седло и послал коня рысью.

— Эй, стой! — заорали сзади, но Сухов почему-то не послушался, а лишь прибавил скакуну прыти.

А толпа римлян всё росла, накал страстей набирал жару, крики «Бей бургундов! Бей Уго!» сливались в восторженный рёв — мирные жители радовались редкой возможности пограбить да побесчинствовать.

С холма Целия, застроенного некогда роскошными особняками, Олег спустился на Пренестинскую дорогу и проскакал к амфитеатру Флавиев, который римляне прозвали Колоссумом, или Колоссеем.

Объехав желто-коричневую громаду, местами белевшую не снятой еще облицовкой, Сухов направил коня под арку Тита — сооружение величиной с пятиэтажный дом. Громоздкая кубатура арки была выложена белоснежным пентелийским мрамором, а на самом верху «божественный Тит, сын божественного Веспасиана» стоял в позе Аполлона на бронзовой колеснице и правил четверкой лошадей. Безвкусная пышность арки казалась и вовсе нелепой рядом с хижинами римлян, как попало слепленных из подручного материала, скученных и убогих.

Олег не погонял коня, боясь привлечь внимание, и смотрел во все глаза на город и горожан. По всему было видно, что Альберих найдёт у народа и сочувствие, и поддержку,— римляне собирались группками, оживлённо тараторя, разбегались и сходились снова. Многие являлись с оружием, не пряча дедовских мечей и луков,— голытьба с энтузиазмом откликнулась на призыв «Бей бургундов!». В принципе, босякам было всё равно, кого бить, лишь бы пограбить всласть, понасильничать как следует, не боясь наказания.

— Сиволапые! — скривился Олег.

Сразу за аркой Тита начинался Форум — толстый слой покрывал каменные плиты, а поверх хорошо принялся бурьян. Безносые, а то и безголовые статуи по пояс высовывались из глинистых отложений, вразброс росли священные деревья, еще помнившие прежние времена.

— Стой! — бросилась к Олегу шайка «р-революционно» настроенных римлян.

Бежавший впереди худосочный типчик с редкими волосёнками грозил копьём. Неумело ткнув им в магистра, он промазал, зато магистр не оплошал — вырвав копьё из рук худосочного, он треснул того древком в лоб. Римлянин упал, раскидывая конечности. Перехватившись, Сухов без замаха пригвоздил худосочного его же копьём. Шайка дунула прочь, огрызаясь через плечо...

Поплутав среди древних храмов и церквей-новоделов, Сухов выбрался на Марсово поле и поскакал к Тибру.

Скачками приближался замок Сан-Анжело, а справа, по улице Ретта, уже мчались передовые отряды восставших. Их кони и повозки летели будто наперерез Олегу. Бунтовщики в разномастных одеждах, часто в рванье, правили стоя и залихватски гикали, понукая лошадей, мулов и даже ослов, орущих громче своих непутёвых хозяев.

Сухов первым одолел мост через Тибр и на ходу соскочил с коня. Растерянные гвардейцы толпились у толстых решетчатых врат, запиравших вход в замок, и не знали, что же им предпринять.

— Где командир? — гаркнул Олег.

— Спит! — выпучил глаза бравый солидарий.— Перебрали они вчера!

— Телеги тут есть?

— Есть, как не быть.

— Так чего ты стоишь, глазами лупаешь?! Живо выводи телеги на мост и ставь их поперёк! Бунтовщики уже на подходе! Живо!

Солидарий умчался.

— Лучники имеются? — воззвал Сухов.

Четверо покинули строй.

— Луки в руки — и отстреливайте голытьбу!

Четвёрка умчалась.

— Мы тоже тута! — сообщил знакомый голос.

Магистр с радостью узнал Малютку Свена.

— Ты здесь, «малышок»?

— А то! — гордо сказал Свен.

— Кто тут из наших?

— А все, почитай!

— Давай их сюда! Надо нам этого дурака Гуго спасать!

— Я мигом!

Мятежные римляне между тем ворвались на мост и собрались в кучу, не решаясь идти на штурм,— уж больно величественно выглядел замок. Бунтовщики лишь потрясали копьями и мечами да пару стрел выпустили.

Прогрохотали телеги. Давешний солидарий вывел на мост упряжку, заворотил повозку и тут же, на глазах у нападающих, распряг ко-

ней. Следом выехала ещё одна телега, да не пустая, а полная гремящих бочек.

— Давай, давай! — кричал Олег.— Вали всё, что есть!

— Мы здесь! — послышался спокойный голос Ивора Пожирателя Смерти.

— Пр-рывет, сиятельный! — провопил Пончик.

— Здорово, Понч. Видал, во что мы вляпались?

— Может, они не решатся? — спросил Шурик неуверенно.

— Решатся, Понч. Это они ещё не все подошли. А вот соберётся большая толпа — и попрут. Или дождутся, пока Альберих явится со своими головорезами...

— Это какой Альберих? — поинтересовался Фудри Московский, выгибая лук и натягивая тетиву.

— Да пасынок Гуго нашего. Отчима иначе как бургундом не прозывает и всех кличет громить этих самых бургундов — чужаков, что король с собой привёл.

— Знакомый призыв,— пробурчал Пончик.— Угу... Гляди, пошли вроде!

Большой отряд мятежных римлян, прячась за щитами и опуская копья, грузно бежал по мосту.

— Лучники! — гаркнул Олег.— Давай!

Десяток стрел сорвался с тетив, выбив нескольких бунтовщиков. Потом пришёл черёд дротиков. Последними полетели копья.

Штурмующие замешкались, столпились на середине моста, будто решая, идти ли им в наступление или отступить. Жадность и азарт перевесили.

— Отходим! — крикнул Сухов.— Решетку — на засов! Пятерым стрелкам остаться — будете самых ретивых снимать! Начнут ворота ломать — уходите!

— Всё сделаем в лучшем виде! — успокоил его Свен.

Пробежав длинным коридором, Олег взбежал по винтовой лестнице, стремясь поскорее попасть наверх.

Наверху он увидал безобразные следы ночной пьянки — огрызки, осколки, блевотину в углах. Иные из гостей дрыхли после вчерашнего, самые крепкие похмелялись. Посреди зала стоял король Италии Гуго в костюме, залитом вином. Узнав Олега, он встрепенулся.

— Этот ублюдок решился-таки! — взорвался он негодованием.— Паршивый недоносок! Бледная немочь, баба в штанах!

— Простите, что перебиваю, ваше величество,— резко сказал Сухов,— но мне нужно знать: на площадках замка есть какие-нибудь метательные орудия?

— А зачем вам? — полюбопытствовал король.

— Мой долг — защитить ваше величество!

— Моя гвардия...— напыжился Гуго.

— Ваша гвардия,— не сдержался Олег,— обделалась! Во всём замке едва ли наберётся с десяток бойцов, не считая моих варягов.

Король засопел, страхом изгоняя из себя винные пары и обиды.

— С этой стороны ничего нет,— сказал он,— а с северной стоят камнемёты-петроболы.

— Ага! Свен! Поднимай всю эту пьянь и гони наружу — надо будет перетащить орудия!

— Да они все в стельку!

— Выбирай, кто способен хотя бы ползать!

— Понял! Эй, а ну, встал и пошёл!

— Я м-маркиз...

— Да мне до сраки, кто ты! — Малютка опрокинул на маркиза кувшин воды.— Очухался? Ивор! Гони их пинками!

— Эй, бурдюк,— вежливо сказал Пожиратель Смерти.— На карачках — шагом марш!

Король мрачно молчал, наблюдая, как его баронов и маркизов гонят на принудработы. Понимал монарх, что иначе придётся плохо ему самому,— хоть Альберих и «баба в штанах», а верёвку на шею отчиму он накинуть сможет.

Турберн с Сауком были самыми трезвыми из «чёртовой дюжины» — Железнобокий «завязал» — сердечко пошаливало, а гузу вообще нельзя было брать спиртное в рот — пьянел сразу. Вдвоём они поднимали плохо соображавших «бургундов» и ставили их в строй. Тех, кто сопротивлялся, пугали именем короля, а если не помогало, били ногами. И поднималась знать, строилась в колонну.

Олег вышел на обширную нижнюю площадку — верх квадратного основания мавзолея-замка. Высота основания не впечатляла, да и низковатый зубчатый парапет тоже не казался надёжной защитой. А бунтующие всё прибывали, они тащили с собой лестницы, связывая их между собой, наращивая в длину. Качались копья, шатались щиты, толпа закручивалась и ходила волнами. Гомон голосов сливался в угрожающий гул. Стихия!

— Топай, топай давай! — прикрикнул Свен.

Под аркой входа показались бледные рожи выпивох. Шатаясь, чуть не падая, знать поплелась на северную сторону. «Успеем? Не успеем? — подумал Олег.— Надо успеть!»

С визгом и грохотом, рывками, перетащили камнемёты и «скорпионы» — громадные арбалеты, метавшие пучки дротиков или тяжелые копья. «Бургунды» толкали орудия и дёргали, бледные до синевы, до зелени, потея и задыхаясь.

— Пить уметь надо! — поучал их Малютка Свен.— А не умеешь — не берись! Ходче давай, ходче! А не то Альберих закуску из вас понаделает!

Стегги с Ивором погоняли знать, влекущую короба с ядрами, стрелами и прочими снарядами. В этот момент толпа штурмующих взревела, опрокидывая баррикады, и разлилась по двору перед решёткой главных ворот.

— Заряжа-ай! Пускай!

Громко клацнули мощные тетивы «скорпионов», унося пучки дротиков и смертельным дождиком окропляя толпу перед мостом. Грохнули камнемёты, зашвыривая туда же свинцовые шарики и каменные ядрышки. Вопли боли и предсмертные крики оповестили осаждённых о попаданиях, а не попасть по кучному скоплению народа было невозможно.

— Заряжа-ай! Крути живей, таракан беременный!

Знать, вяло огрызаясь, живо работала рычагами, оттягивая тетивы и скручивая пучки жил в камнемётах.

— Хватит! Кидать недалече... Отпускай!

И ещё один залп накрыл штурмующих, внося разброд. Толпа стояла так тесно, что убитым некуда было упасть, а раненые мерли стоя. И только теперь на мост выехал Альберих II Сполетский, ведя за собой свою дружину, пополненную самыми отчаянными новобранцами-голодранцами. Добрая сотня стрел взвилась в воздух и опрокинулась вверху.

— Щиты вверх! — проблеял маркиз.

— В укрытие давай! — рявкнул Свен.

Почти все успели добежать до стен главной твердыни — круглых стен мавзолея Адриана.

Маркиз Клеф Тарацинский стал мишенью невидимого пращника — получив камнем по голове, он упал, и тут же три стрелы вошли ему в спину, добивая. Барону Сиконульфу, сыну Гримоальда, тоже не повезло — он бежал зигзагом, спотыкаясь и прикрывая голову руками. В очередной раз метнувшись в сторону, барон «поймал» спиною копьё, брошенное наугад, но с большой силой.

— Стегги! Алк! Воист! — кликнул Олег.— Берите щиты, будете прикрывать наших баллистиариев!

Сам Сухов бросился по галерее к винтовым лестницам. Лучники с солидариями уже покинули главный коридор — оттуда доносился громкий лязг и тупые удары.

— Решётки ломают,— хмуро сказал бравый солидарий.

— Все здесь? — спросил магистр.

— Да все вроде...

— Тащите лавки из трапезной и скидывайте на лестницу! Заклиньте подъём!

— Это можно,— повеселел солидарий.— Годехок! Атто! За мной!

Пересчитав остаток живой силы, Олег покачал головой. Семнадцать человек! И ещё человек двадцать полупьяных «бургундов». И дюжина варягов, не считая его самого. Пончик тоже не в счёт — не боец... Полусотня всего. Хм. Будем считать, что в его распоряжении АЖ полусотня!

— Давай, давай! — крикнул из галереи задушенный голос.— Ну и что, что тяжёлая?

— Не тяжелее твоего гроба...

— Хватай за тот конец!

— Погодь! Дай перецепиться...

Показались солидарии, нагруженные тяжёлыми дубовыми скамьями. Вот первая из них прогрохотала по ступенькам и застряла.

— Не бросай! Подбей!

— Правильно! Заклиним на хрен!

Пыхтя, солидарии опустили скамью и ударили ею по той, которую уже сбросили. Лавка загудела, просаживаясь и треща.

— Ещё! Ещё разок! Во! Вторую давай!

— Переверни!

— Божьи кости!

— Опускаем! Раз... Два... О-па!

— Пошла!

В этот момент из нижнего коридора послышался громкий скрежет, что-то рухнуло с тяжким звоном. И сразу — рёв толпы.

— Ворота выбили! — пробормотал бравый солидарий и завопил: — Лавки, лавки тащим!

Олег помог всадить ещё одну скамью поверх остальных и бросился наверх.

А наверху разгорался бой — приверженцы Альбериха приставляли длинные лестницы к стене замка и лезли по ним вверх. Толпа, стоявшая внизу, прикрывала штурмующих, забрасывая защитников крепости камнями, меча стрелы и даже закидывая веревочные петли.

Один волосяной аркан был удачно наброшен на шатун камнемёта — толпа победно взревела, потянула, петробол заскрипел, наклоняясь... Малютка Свен подскочил и рубанул мечом по лохматой верёвке — снизу донеслись вопли падавших. А «малышок» подполз к концу ближайшей лестницы, выглядывавшей над парапетом, и ухватился за неё.

Тут показалась голова и плечи штурмующего, по этой самой лестнице влезавшего. Корча зверскую рожу, он опёрся о парапет, готовясь перепрыгнуть, замахнулся маленьким топориком... Стрела, выпущенная хладнокровным Ивором, вошла штурмующему в лоб.

— И-э-эх! — выдохнул Свен, пихая лестницу.

Та содрогнулась, скользя по стене, и упала. Ещё один взрыв негодования...

Сухов обернулся ко входу в галерею, откуда боязливо выглядывали солидарии.

— Лавки ещё есть? — крикнул он.— Тащите сюда! Всё тащите — скамьи, кресла, столы!

— Поможем, чем можем,— крякнул Турберн, маня за собою Саука.

Олег, поглядывая на небо, откуда могла прилететь шальная стрела, обошёл основание замка от одного угла до другого. Сан-Анжело был вписан в линию оборонительных сооружений, выстроенных Аврелианом, как форт, выдвинутый на правый берег Тибра. Штурмовать его извне было сложно, как и любую крепость. Идти же приступом изнутри, из города, было куда проще, но только с южной стороны квадрата основания, что облегчало оборону. Сухов досадливо поморщился: если бы не эта пьянь, если бы стража заприметила бунтовщиков загодя, то можно было бы отбить атаку ещё на подходах к мосту, используя те же камнемёты и «скорпионы». Ныне же, когда войско Альбериха стоит под стенами... Трудная задача. И та ещё работка.

— Олежа! — крикнул Железнобокий.— Лавки «пришли»!

— Бросаем!

Подхватив за один конец лавку, Сухов на пару с Сауком, подтащил её к парапету и перевалил вниз.

— А-а! — взвился крик.

— Поплачь,— громко посоветовал Турберн,— легче будет!

Вниз полетели лавки, кресла, длинный монастырский стол. Малютка Свен перебросил бочку, наполовину полную вина. В ответ защёлкали тетивы, посылая стрелы.

— Не бросай лавку! — хрипло крикнул маркиз Пандульф Бергамский.— Подставляй под петробол!

— Зачем? — не сообразил бравый солидарий.

— Наклоним,— сообразил Олег,— и стрельба пойдёт по ближнему краю!

— Точно!

Общими усилиями — варяги прикрывали баллистиариев — станину камнемёта приподняли, подпирая скамьёй.

— Натягивай!

— Заряжай!

— Пускай!

«Ложка» петробола, полная обточенных ядер и простых обломков камня, с грохотом ударила по раме, усылая вверх рой снарядов. Рой описал крутую дугу и сверзился, поражая скученную толпу, убивая и калеча,— ни одно ядро даром не пропало.

Ту же операцию проделали со «скорпионом» — задранный к небу самострел прогудел тетивой, выбрасывая пучок дротиков. Дротики красиво разошлись в вышине и повернули вниз, полетели, набирая скорость. Судя по звукам, некоторые из штурмующих прикрылись щитами. Зря — тяжелые дротики, падая с ускорением, пробивали и щиты, и тела.

И отхлынули бойцы Альбериха, побежали, отступили на тот берег Тибра.

— Ага! — вскричал Пандульф.

— Как мы их, а? — ухмыльнулся Свен, хлопая маркиза по плечу.

Пандульф не возмутился, осклабился, радуясь победе.

— Не стоим! — прикрикнул Сухов.— Собираем стрелы, копья, все «подарки», что к нам нападали! Лавки тащим и — что там ещё есть из мебели? Одну атаку мы отбили, готовимся к следующей!

— Эй! — крикнул Пончик, выглядывая из галереи.— Раненых прошу внутрь! Буду перевязки делать. Угу...

— Нам поесть бы...— намекнул Свен.

— Проведай здешних поваров,— присоветовал Олег.— Что найдёшь — тащи сюда. Я тоже ещё не завтракал...

Полдня прошло в беспокойствах и повышении обороноспособности. Турберн с Сауком устроили самый настоящий вытрезвитель, ускоренно возвращая к жизни римскую знать, примкнувшую к Гуго. Знать похмелялась и приходила в себя, пополняя невеликое войско осаждённых.

Протрезвел и король. В перерывах между скрежетом зубовным и полётом безудержной фантазии на тему: «Какие пытки применить к гадскому Альбериху» — Гуго гонял своих присных, возложив на Олега заботы по защите замка.

И усилия осаждённых не пропали даром — Альберих послал на штурм воинов в броне, с огромными прямоугольными щитами. А это тебе не босота. В ход пошли настоящие штурмовые лестницы, на мосту выстроилась целая команда лучников, а к набережной Тибра подтянули баллисты и катапульты.

— Выстоим, как ты думаешь? — спросил Турберн, тревожно вглядываясь в приготовления на том берегу.

Сухов покачал головой.

— Даже если и отобьём эту атаку,— сказал он,— утром замок возьмут.

— Вот и я того же мнения. И что делать будем?

— Лично я жду, когда стемнеет, Железнобокий. Уходить надо. И уводить Гуго.

— Верно мыслишь, дорогой!

За мостом запели трубы. Началась атака. Воины Альбериха, прикрываясь щитами, выходили на мост. Теснясь у перил, стояли лучники. Но первыми вступили в бой катапультеры и баллистиарии — очередь гулких ударов докатилась с набережной Тибра, и над рекой провыли ядра, копья, обрубки брёвен в рост человека, спереди обтёсанные под остриё и обитые железом.

— Берегись! — разошёлся крик Свена.

— Приготовиться! — заорал Сухов.

Окованное брёвнышко ударилось неподалёку, выламывая плиту и раскалываясь. Два тяжёлых ядра попали в цель, расколачивая «скорпион», третье выломало верхний камень парапета. И посыпалось — копья, ядра, стрелы. Олег еле успевал уворачиваться, а уж на отражение атаки времени не оставалось вовсе.

— Заряжай! Пускай!

Выстрелили два камнемёта. Ядра выбили троих-четверых в строю штурмующих, но это роли не сыграло — под хорошим прикрытием войско Альбериха приблизилось к стенам замка.

Обстрел подутих — баллистиариям нужно было немалое время, чтобы скрутить обратно распущенные вороха воловьих кишок и жил, подтащить снаряды, зарядить. Зато лучники не жалели стрел — оперённые хворостины с калёными жалами падали беспрерывно. Варяги почти не опускали щиты, поднятые над головой, и отлавливали ими пущенные стрелы, собирая убийственные «букеты».

Вновь протрубил рог. Пять или шесть лестниц ударили о стену, скрежеща крючьями.

— Стрелки, к бою! — скомандовал Сухов.— В упор не бить, цельтесь сбоку! Копейщики — на позицию!

— Стойте! — завопил Пончик.— Мы воду подогрели! Четыре полных котла кипяточка!

— Волоки их сюда! — обрадовался Турберн.— Умоем тут некоторых!

Перепуганные поварята выволокли парящие котлы, каждый из них таща вчетвером. С мужеством отчаяния они донесли их до самого парапета, поднатужились и опрокинули за зубцы, окатывая лезущих по лестницам горячим «душем». Пронзительные вопли раздались в ответ.

— Мыться полезно! — проорал Железнобокий.— Вонять будете меньше!

Одного поварёнка зашибло камнем, пущенным из пращи, котёл резко наклонился, выплескивая кипяток на каменные плиты. Малютка Свен тотчас подскочил, помог, почти в одиночку опорожняя котёл куда надо, и улыбнулся довольно, слушая крики и стоны ошпаренных. Воины Альбериха отошли от стен, сосредоточившись на метании копий, свинцовых шариков и дротиков.

Солнце уже садилось за Яникульский холм, когда Олег собрал потихоньку «чёртову дюжину» и привёл её к королю. Гуго выглядел безобразно, он словно постарел и одряхлел — на лице прорезались морщины, щёки опустились брылями, вяло отвисла губа.

— Ваше величество,— твёрдо сказал Сухов,— больше медлить нельзя. Пора уходить.

— Нет! — каркнул Гуго.

— Да! — настоял Олег.— Мои варяги доставят вас в порт и переправят в Геную, а там и до Павии недалеко.

— Срань Господня! — выругался король и покорился, горбя плечи: — Хорошо...

По северной галерее они выбрались на ту сторону замка, которая выходила к пустынному Ватиканскому полю и стене Леонова города.

Малютка Свен быстро закрепил крепкий канат, плетённый из кожаных ремешков, и перебросил его за зубцы парапета, на гребень стены Леонина.

— Свен! Ивор! Стегги! Фудри! Вы спускаетесь первыми!

Варяги молча хватались за верёвку и исчезали за парапетом.

— Твоя очередь, король! — буркнул Турберн.

Гуго Арльский неуклюже взобрался на парапет, хватаясь за канат, и полез вниз. Последним шёл Пончик.

— А ты? — обернулся он к Олегу.

— А я вас прикрою, пусть у вас будет хоть небольшая фора. Одному-то смыться проще. Полезай, полезай, Понч... Я скоро.

Александр скрылся за парапетом, испытывая жестокие сомнения, а Сухов, мигом погасив легкомысленную ухмылочку, бегом вернулся к «бургундам».

Тибр уже вовсю отражал багрянец заката, тень и свет перепутались, рождая сумрак. Десятками загорались яркие факелы, светом своим лишь сгущая потёмки. Смутный говор нёсся с моста, угрожая, злобствуя, обещая кары небесные и земные. Невидимые трубачи выдули сигнал «На штурм!».

— Приготовиться! — скомандовал Олег, соображая, когда ж ему улучить момент и скрыться по-английски, не прощаясь.

Сумрак ли был тому виной или утомление, а только не заметил магистр кое-каких перемен, случившихся за его отсутствие. Солидарии и «бургунды» разошлись, сбиваясь порознь. Протрезвевшие бароны и маркизы переговаривались вполголоса, срываясь порой в ругань, но не страх или злость окрашивали их голоса, а нервозность и непонятное Сухову нетерпение.

В чём тут дело, он понял быстро — сразу, как только крепкая сеть упала на него сверху, а Пандульф с Рагимпертом, Аудоином и прочими сжали с боков, опутывая верёвками, заматывая в кокон.

— Продались, суки?! — захрипел Олег, порываясь добраться до меча, до ножа засапожного, но всё было бесполезно. Только испитые хари толклись вокруг, дыша перегаром, да всё крепче затягивались узлы.— Чтоб вам всем попередохнуть!

А чего ещё он мог пожелать трусам и предателям?

«Бургунды» сдали замок Сан-Анжело, дурными голосами крича о том, что их заставили и подставили, что в их сердцах живёт горячая преданность к Альбериху Сполетскому, а всю вину следует возложить на поганого варвара, именуемого Олегариусом.

Пандульф погнал солидариев разбирать завал на винтовой лестнице, а после долго кланялся поднимавшемуся победителю. Губы Альбериха кривились, и не понять было — то ли смех разбирает пасынка Гуго, то ли он орать собрался и слюною брызгать.

— Отвести его,— показал Альберих на Сухова,— в тронный зал. Мы не варвары, мы будем судить этого преступника по закону.

— Как стоишь? — процедил Олег, теряя благоразумие под наплывом гнева.— Перед тобой магистр императора Романа!

Пасынок Гуго отшатнулся, словно получив пощёчину, побледнел, но волю своим чувствам не дал.

— В зал! — выдавил он.

Обширное помещение, где помещался походный трон короля Италии, быстро заполнялся народом, спешившим засвидетельствовать лояльность и верность новому правителю Рима. Сходились именитые гости, монахи, епископы, клирики с канониками — весь папский двор. А там, где кончалась красная ковровая дорожка, стоял на возвышении трон, отделанный золотом и слоновой костью. На нём с удобствами устроился Альберих — «сенатор, патриций и государь всех римлян». Рядом поставили большое кожаное кресло, предложенное новому папе римскому — Льву VII, ставленнику Альбериха. Папа вырядился в алую сутану, из-под которой выглядывали туфли с золотым шитьем. Лев не впечатлил Олега — тщедушный мужичок занял апостольский трон, впалогрудый, нескладный — одно плечо перекошено, бородёнка жиденькая... Не красавец.

Стражники разрезали путы, сковывавшие Олега, и магистр вздохнул облегчённо. Меч у него отняли и нож вытащили, но руки-ноги целы...

На лице «государя всех римлян» выражение злого торжества сменилось легкой растерянностью, переходящей в досаду и раздражение. Альберих, видимо, ждал иного поведения — страха, заискивания, дрожи в коленках... Ну уж нет уж!

— Ты что, совсем сдурел? — возгремел голос Олега, басистым эхом заметавшись под куполом.— Я тебя спрашиваю! Или ты уже латинского языка не понимаешь?!

Альберих сидел как громом пораженный. Из толпы, замертвевшей от наглых речей преступника, вышел епископ и стукнул об пол посохом, так, что брыли на щеках его подпрыгнули.

— На колени! — завопил он жирным голосом.

Олег аккуратно сложил мозолистую пятерню в кукиш и продемонстрировал его преосвященству.

— Накось, выкуси!

Альберих сделал знак «своему» папе, и тот привстал с трона.

— Веруешь ли ты,— обратился он к Сухову звучным, хорошо поставленным голосом,— в истинную римскую церковь, единую, святую и апостольскую, руководимую папой и его епископами?

— Нет, ну ты сам подумай,— вздохнул Олег,— как можно веровать в кучку проходимцев и самозванцев, чьи мысли порочны, действия преступны, а вера — лжехристианская?

Толпа возроптала.

— Веруешь ли ты в Господа нашего Иисуса Христа, в Воскресение его и вознесение на небо?

— Да вот я-то как раз и верую! Это вы погрязли в неверии, а мы-то веруем!

Папа подрастерялся, но быстро опамятовался:

— Веруешь ли ты в Святую Троицу? — с проникновенностью спросил он.

— Господи...— скривился Олег, сжимая руку в кулак, чтобы не заметил никто, как трясутся у него пальцы.

— Маркиз Пандульф! — возгласил Альберих, и вперед вышел «бургунд» во всем новом. Видать, обласкал «государь»...

— Слушаю! — ответствовал Пандульф.

— Узнаешь ли ты этого человека?

— А как же! — злорадно ухмыльнулся маркиз.— Это Олегариус, вожак шайки северных варваров! На нём кровь христианская, он идолам кланяется и несёт поругание вере истинной!

Ропот прошел по залу, закручиваясь черной петлей.

— Признаёшься ли ты, Олегариус,— торжественно спросил папа,— в совершенных тобою мерзких преступлениях?

«Молчать? — подумал Сухов.— А толку? Тут хоть молчи, хоть говори — всё одно казнят, не помилуют... Сказать? А, хуже не будет!»

— Меня судят,— голос магистра окреп, обрёл силу,— а судьи кто?! Вы, извратившие божественное Слово и предустановления Творца и Вседержителя?! Вы, пастыри злодейские, распутные, наглые, невоздержные, сластолюбивые, падкие до благ, копители богатств, празднословные, напыщенные, гордые, алчные, строптивые, погрязшие в пороках, искатели тщеславия, неприятели труда, растлители доброверных, готовые презреть право и совесть?! И от вас пребывает в небрежении тропа набожности, и через вас посреди людей селится страх, и братняя злость, и преступность, и черствость, и зависть, и безразличие, и воровство, и винопийство, и излишество, и противоприродное распутство! Продолжать ли, или вы сами уже узнали себя самих, вы, господа наглых беззаконий, богохульники, обманщики, алкатели сокровищ, губители красивых жен и знающих мужей, враги преданных вере и их преследователи, двуличники и лжеапостолы!

Олег умолк и обвёл глазами лица растерянные, постные, страшащиеся, злобные, улавливая впечатления слушателей, смакуя напряженную тишину.

— Ну и кто вы после этого? — продолжил он.— Да если доведется узреть вам Иисуса на лугах райских, он не накажет вас в великой доброте своей, но велит удалиться от него, ибо не заслужили вы света, а заслужили тьму!

— Отец Малахия! — лязгающим голосом произнёс Альберих.— Зачитайте приговор!

Сухонький, морщинистый старичок, похожий на упакованный скелетик, зачитал монотонным тенорком на скорую руку сварганенный документик, приведя устрашающий перечень грехов и преступлений Олега. И пират он-де, и вор, и схизматик, и то, и это... Приговор оканчивался определением полагающейся казни — ввиду того, что подсудимый не желает сознаваться в своих грехах.

— ...И потому приходится нам ныне,— блеял Малахия,— беря в расчет всё доселе известное и исходя из выше приведённого, сказанного Олегариусом, в ереси упорствующа и не хотеща от многих своих невежеств и от скверны очищаться, и исправляться грешным духом, на прямой и на истинный путь не позволяюща себя наставить, ныне полагать указанного Олегариуса за неисправимого, за упрямого и закоснелого в злонамеренной своей испорченности; и дабы вперёд сей указанный Олегариус бесчестиями своими и преступлениями не мог ни перед кем тщеславиться, и дабы мера пресечения его подлости составила бы для всех остальных охотников полезнейшую науку, назавтра до повечерия надлежит вышеуказанному Олегариусу, кознодею и пирату, к обыкновенному лобному месту быть возведену, и на этом положенном месте предану смерти через сожжение, дабы совсем он лишился жизни и душа бы его от тела отделилась.

Сухов выслушал и усмехнулся криво, холодея в душе.

— Ты что, с дуба рухнул, государь вшивый? — спросил он Альбериха II Сполетского.— Ты хоть иногда думай своей башкой! Я же не один! Пусть империя далеко, так дружина варягов моих близко! Да они тебя в шкуру коровью зашьют и зверюгам скормят в лучших традициях христианских мучеников — один гульфик от тебя останется!

— В Маммертинскую тюрьму его! — промычал «государь всех римлян».— В яму!

ГЛАВА 17,

В КОТОРОЙ РАЗЛУЧЁННЫЕ ВСТРЕЧАЮТСЯ

Олега вывели из замка и посадили в клетку на колёсах. Сухов не протестовал — не заковали в цепи, и то ладно.

Магистр грустно улыбнулся, глядя на солидариев, которые совсем недавно отражали атаки альберихцев, слушая его приказы, а ныне преданно служили государю-самозванцу. Правильно римляне говаривали: «Так проходит слава земная!»

Копьеносцы и арбалетчики окружили арестантскую повозку с клеткой, и знакомый Олегу бравый солидарий крикнул:

— Трогай!

Молоденький рекрут-возница вздрогнул, вжал голову в плечи, но быстро опомнился и повёл лошадь под уздцы — на козлы сесть он побаивался. Ладно, решил Сухов, будем считать, что он на бесплатной экскурсии. А там посмотрим...

Подстелив соломки, он уселся и привалился спиною к решетке.

Телега миновала мост Элия и проделала тот же путь, что давеча осилила «чёртова дюжина», ведомая Сальватором. Разве что у театра Марцелла солидарии не стали заворачивать на остров, а двинулись дальше, к Велабру, ложбине между склоном Палатина и Капитолием, пока не выехали на Этрусскую улицу. Поднимаясь в гору, конвой миновал полуразрушенный храм Диоскуров и выбрался на римский Форум — ныне кочковатый пустырь, заросший кустарником и чахлыми дубками.

Качаясь и трясясь, повозка проехала мимо базилики Эмилия с провалённой крышей и церкви Св. Сергия, наискосок через весь Форум, под тяжеловесную арку Септимия Севера. За аркой постепенно открывались взгляду портики трех больших храмов, а за ними дыбился громадный Табулярий, бывший имперский архив, декорированный колоннадами. С Форума на Капитолий вела длинная лестница, создавая впечатление огромности пространства, охваченного архитектурными объемами, и при этом все было напоказ, все доступно зрению — до последней ступеньки и арочки.

Щелкнув кнутом, возница свернул в Маммертинский переулок. Врезаясь в крутой склон Капитолийского холма, над переулком нависал колоссальный Табулярий, выглядевший отсюда крепостью.

Олегу стало не по себе, когда он увидел вход в страшную Маммертинскую тюрьму. Там, в ямах без света и свежего воздуха, а то и вовсе в Туллиануме — бывшей каменной цистерне, имевшей всего одно отверстие в потолке,— держали государственных преступников. А ныне на маммертинскую «зону» доставят его самого, Олега свет Романыча, чтобы Олегу свет Романычу удобней было одуматься и покаяться и отречься от «множества облыжных клевет на христианнейшего государя Альбериха и святого папу Льва»...

— Вылазь! — махнул мечом солидарий.

— Ты когда в последний раз мылся? — спросил Сухов, кривя лицо.

— Разговорчики...— пробурчал солидарий, благоразумно отступая в сторону.

Олег прошагал под глыбистые своды штольни-входа. Когда-то Маммертин поставлял туф, но еще при цезарях в здешние каменоломни начали сажать — и строить ничего не надо, и не сбегут. Это тебе не замок Иф, толщу горных пород не проколупаешь столовым прибором...

Чем дальше уходил коридор, тем темнее становилось. Стражники зажгли факелы.

В оранжево-красном, прыгающем и колеблющемся свете тюрьма приобрела вид ещё более пугающий и зловещий. Как же это было ужасно — годами сидеть в этой духоте и тьме, терзаясь пыткой недоступности света, свежего ветра, книг, женщины, работы...

Паче чаяния, в яму Олега не упрятали. Тюремщик разомкнул тяжелый засов на решетке и пропустил Сухова в темницу, длинную и узкую, как пенал. Солидарии развернулись кругом и утопали, а тюремщик задержался. Толстый, усатый, румяный, он меньше всего походил на вертухая — ему бы в лавке молочной торговать. Потоптавшись и покашляв, он неуверенно предложил:

— Может... того... факел оставить?

— Спасибо,— улыбнулся Олег.— Я не боюсь темноты.

— А-а... Ну ладно тогда. Там солома в углу, располагайтесь...

Шумно сопя, он ушел, и прыгающие отсветы утянулись за ним следом. Прихлынула тьма и затопила все вокруг. «Темнота — друг молодежи» — вспомнил Сухов веселую поговорку. Друг-то она друг... только не здесь. В Маммертине тьма была опасным противником, ежечасно отшелушивавшим здравый ум, сводившим с него... если воля узника оказывалась слабее мрака и тишины. Каменный мешок. Ну, мешки бывают и с дырками... Олег подергал и пошатал прутья решетки. В три пальца толщиной, прутья стояли неколебимо. Ладно... Ма-

гистр почувствовал усталость. Немудрено — весь день крепость защищал. Он добрел до вороха свежей соломы в углу, лег и уснул.

Сухову снился приятный сон, и он недовольно сморщился и сощурился, когда его разбудил свет факела и тихий женский голос. Олег приподнялся на локтях, все еще пытаясь уловить обрывки таявшего сновидения, и глянул из-под руки на решетку. За нею стояла девушка или молодая женщина. Тёмный и глухой чехол монахини висел на ней безобразным мешком, пряча фигуру. У Олега сразу что-то заёкало внутри — неужто аутодафе?! На фиг, на фиг... Всё, больше он не станет покоряться арбалетам! Лучше выглядеть святым Себастьяном, чем Джордано Бруно. А уж тризну по себе он справит загодя, прихватит с собой стольких, скольких успеет... Но что за страхи, в самом деле?!

— Олег!..— негромко позвала монахиня.

Э, нет, так на казнь не зовут... Господи, какой знакомый голос! Мерещится ему, что ли? Сухов упруго встал и широкими шагами приблизился к решетке. Невозможно...

— Алёна?! Ты?!

— Я, я! — ответила женщина, смеясь и плача.— Бедненький мой! Сейчас я тебя вызволю...

— Но... как? — вымолвил Сухов, всё ещё не способный прийти в себя.

— Меня патриарх направил, своею тайной посланницей...— проговорила Мелиссина, тягая хитрый засов.— Это моя вина, что Альберих поднял мятеж,— я сама его подзуживала, и вот...

С третьей попытки она открыла решётку. Олег не сдержал порыва — облапил жену и стал тискать.

— Солнышко моё лучистое... Господи, как же я рада, что ты жив!

— А уж как я рад... Какого... этого... он тебя послал? Ума последнего лишился?

— Патриарха беспокоила Марозия, хотя блуд у Святого престола его, по-моему, даже возбуждал...— проговорила Елена, переводя дыхание.— И решил Феофилакт, что нельзя Рим превращать в Вавилон! А я не нашла ничего лучше, как свергнуть Марозию руками её сына... Господи, когда прибежал Котян и сказал, что видел тебя, я чуть с ума не сошла! Если бы они тебя... казнили бы тебя, то я... Ах, я не знаю, что бы тогда делала!

— Котян здесь?! Здорово!

— Да, и ещё Тарвел, Органа и Куверт! Они булгары, но хорошие...

Тут за изгибами коридора заплясали огни факелов и донеслись голоса.

— Это гвардейцы! — ахнула женщина и схватила Олега за руку.— Бежим скорее! Я сюда по катакомбам прошла...

Они побежали.

В темноту, подальше от пятен красного света, и чудилось Сухову, что блики отбрасывает костер с лобного места... Неровными, осыпавшимися ступеньками чета спускалась все ниже и ниже, но дышалось как на вершине высокой горы — лёгким не хватало воздуха.

Послышался взрыв проклятий — солидарии обнаружили пустую камеру. Олег отнял у женщины факел и пошёл впереди.

— Тут тупик,— сказал он, поднимая факел повыше,— у стен — ямы с решетками...

— Нам во вторую с конца!

Олег взял Елену за руку и повел за собой.

— Откуда на тебе это ужасное платье?

— Мне его дала аббатиса монастыря Святой Цецилии — я там скрываюсь. А Котян с булгарами прячутся в Садах Саллюстия, там такие дебри... Осторожно, тут яма!

— Глубокая?

— Да как сказать... Лично я еле из неё выбралась. Тут раньше преступников держали.

— Ну-ка, посвети...

Олег спрыгнул в яму и помог спуститься Елене. По ногам дунуло сквозняком — лаз выходил под «нарами» — грубо обтесанным каменным блоком. Сухов полез первым, жена поспешала за ним. Ход вскоре сделался повыше, Олег встал на четвереньки. Подняться на ноги удалось только в древней выработке, где во времена Империи добывали туф.

— Осторожно! — сказала Елена.— Тут тоже ямы!

— Я вижу...

Сухов стороной обогнул провал глубиной в два его роста, перевалил через кучу породы и вышел сразу к четырем зияниям в неровной стене со следами, оставленными кайлом и бурами.

— Тут четыре дыры...

— Нам во вторую! Что слева... Нет-нет, справа!

Опустившись на четвереньки, они пролезли под нависшей твердью. Господи, подумал Олег, ни креплений, ничего... И «миллиард тыщ» пудов сверху.

— Подожди! — сказала Мелиссина.— Аббатиса говорила, что надо обрушить блоки за собой!

— Блоки? Где? А, вижу...

Отведя женщину под своды полукруглой штольни, Сухов вернулся к нагромождению тяжеленных глыб туфа — скверно обработанных кубов. Блоки качались в неустойчивом равновесии, подпертые бронзовым ломом. К лому была привязана веревка. Вытравив ее до конца, Олег натянул канат и дернул за него. Лом со звоном запрыгал по камням, а блоки пошатнулись и грохнулись, заваливая проход.

Стряхивая пыль и камешки с волос, Сухов вернулся к Елене. Когда он коснулся её плеча, женщина вздрогнула и крепко ухватилась за него обеими руками.

— Я так перепугалась! — сказала она жалобно.

— Всё,— утешил ее Олег,— теперь они к нам не сунутся.

— Ну и слава Богу...

— А куда мы хоть идем?

— Тут в одном месте можно пройти в часовенку, а оттуда — к нашим. Скоро уже! Сейчас... так... сейчас развилка должна быть...

— Вижу.

— Нам по тому коридору, что вниз спускается!

Сухов повёл Елену по спуску в разработку с низким потолком, подпёртым, будто толстыми колоннами, невыбранной породой. Ещё коридор, ещё развилка, ещё спуск... Повеяло сыростью.

— Здесь у меня где-то должна связка факелов лежать...— проговорила женщина.— А, вот она! Иди сюда, отдохнём немного. Тут песочек...

Олег с облегчением опустился на песок и воткнул в него факел. Прислушался — даже слабых отголосков погони не было слышно, только мерный плеск капель слышался в тишине, да изредка шорох осыпавшихся камешков.

— Вечером Гуго ударил своего пасынка, и Альберих ушёл,— негромко проговорила Мелиссина.— Город не спал всю ночь. Я видела сотни факельщиков, что бродили по улицам, невидимые толпы ревели в темноте, а с рассвета началось столпотворение... Я снимала особняк Квинтиллиев, утром туда вломились пьяные римляне. Булгары перестреляли человек пять, но мятежников было больше, они всё прибывали и прибывали, надеясь основательно нажиться в доме богатой иностранки-паломницы... Нам пришлось бежать. Мы прорвались, отбиваясь от обезумевшей черни, а когда уже покидали Эсквилин, Котян с Тарвелом спасли двух монашек, отогнав шайку насильников. Вальдрада и Джемма спрятали меня в монастыре Святой Цецилии, а мои спутники ушли в Сады Саллюстия... Я видела, как

войско Гуго маршем уходило по Аппиевой дороге, и сразу поняла, почему решился Альберих,— более удачного случая просто не придумать. Брата Иоанна он засадил в темницу, ту же участь уготовив родной матери...

Олегу стало нехорошо. Пересилив себя, он сказал:

— А я вчера со своими варягами короля Гуго подкупал. Продался жадный бургунд и затеял пир. Вечером Марозия и Теодора увезли меня в Латеранский дворец. Мы купались втроём, «соображали» на троих, а после прелюбодействовали, все трое...

Елена долго молчала, разглаживая ладонью складку платья на колене.

— А потом? — спросила она негромко.

— Утром я бросился спасать Гуго,— безразлично сказал Сухов.— Оборонял замок до вечера, пока не отправил короля с варягами в Остию. Хотел прикрыть их отход, да бургунды к Альбериху переметнулись. И сами продались, и меня сдали...

— Это так важно — короля подкупать? — по-прежнему тихо задала вопрос Мелиссина.

Морщась, Олег разъяснил жене политическую обстановку.

— Господи,— прошептала она,— а я чуть было всё не погубила...

— Да к чёрту Гуго! — глухо сказал Сухов.— Я о жене его толкую! И о сестре её! Я переспал с ними обеими!

— Ты был пьян, ты долго не был с женщиной, ты...

— Да при чём тут это, Алёнка?!

Мелиссина порывисто обняла его, прижалась с силой, вздрагивая всем телом.

— А чего ты ждёшь от меня? — зашептала она.— Криков? Слёз? Проклятий? Я же люблю тебя! Понимаешь? Люблю!

Олег до того расчувствовался, обнимая Елену, что глаза его наполнились жгучей влагой. Он крепко зажмурился, чтобы стряхнуть капли с ресниц.

— Ты плачешь? — потрясённо спросила женщина.— Миленький! Не плачь, всё же хорошо! Мы вместе, мы живы и здоровы, чего ты?..

Сухов ласково погладил Алёнкины волосы.

— Ты лучшая в мире,— сказал он,— ты самая красивая... Ты — единственный родной мне человек, ты...

Елена не дала Олегу договорить, накрывая его губы своими. Поцелуй был недолог — женщина дрожащими пальцами принялась развязывать узелки на мятом скарамангии магистра.

— Я не умею раздевать монахинь,— сказал он.

— Я тебе помогу! — хихикнула Мелиссина, шурша своим чёрным балахоном.

Неяркий свет факелов разрисовал тело женщины в оранжевые тона, накладывая прыгающие тени и скользящие блики. Елена легла на Олега — самая приятная тяжесть на свете. Сухов огладил бёдра женщины, круглые ягодицы, потом перевёл ладони на груди.

— Ты простила меня?

— Я люблю тебя...

Полчаса спустя он лежал и получал удовольствие, разглядывая свою Елену. Ей уже тридцать пять, тридцать шестой пошёл. «Бальзаковский возраст».

Возраст женщины — не предмет для обсуждений, однако стоит ли так уж бояться прибавления лет? Бытуют такие рассуждения: женская красота достигает расцвета годам к двадцати, к девятнадцати даже. Девушки этого возраста обладают-де «дьявольской красотой», ведьминской, от которой особям мужеска полу якобы нет спасения.

Однако сама по себе красота значит мало — это орудие, которым надо уметь пользоваться. У молодой девушки подобных умений и знаний нет, они появляются с возрастом, когда былые заблуждения развенчаны. Да и так ли уж поразительна краса двадцатилетних?

Часто внешности супердив требовалось время, чтобы созреть, проявиться в полную силу.

Безусловно, вряд ли это закон для всех. Просто красота не подчиняется введенным для нее канонам, и, где там правило, а где исключение, сказать сложно.

Многие девчонки до икоты пугаются числа «тридцать» — этот возраст им кажется конечным, чуть ли не старческим. Появляются первые морщинки, седые волоски... Старость надвигается? Нет, утешают их — начинается «бальзаковский возраст»! Волшебная пора расцвета лет, когда ты не только красива, но и накопила ту опасную женскую силу.

А уж чем для женщины окажется «бальзаковский возраст» — поздним летом или поздней осенью — зависит от неё самой.

Можно родиться красивой, но счастливыми не появляются на свет — ими становятся.

Что это вообще такое — «бальзаковский возраст»? Если обратиться к самому Оноре де Бальзаку, то получается, что эта пора весьма

растянута во времени — от тридцати до пятидесяти. Пора зрелости. А что есть у красивой молодой девушки такого, чего нет у красивой женщины «бальзаковского возраста»? Свежесть? Юная прелесть, трудно отличимая от детской? А теперь посмотрите на девушек, в том числе и на девочек. Что вы наблюдаете? Массу помад, белил да румян, хоронящих и свежесть, и прелесть, зато подчеркивающих зачатки той самой женственности, которая достигает апогея лишь к заветным тридцати. Это явление можно сформулировать в форме парадокса: юные девушки стремятся выглядеть как женщины «бальзаковского возраста»!

То есть, становясь старше, женщины стремятся молодеть, а молодые спешат повзрослеть. В обоих случаях желания спорны. Девушкам хочется посоветовать: «Не спешите жить!» — а взрослым дамам попенять: «Не жалейте, что юность прошла!»

Неужели вы хотите вернуть те года — время порывов, первых разочарований и житейских невзгод, вечных ошибок, пустоголовости и потрясающей наивности? Вспомните себя, глупенькую очаровашку, с юным максимализмом несущую «прекрасную чушь». Легко ли вам было жить? Радостно ли? И возникает ли у вас нынче желание расстаться с тем драгоценным опытом, что накопили в молодости, а пользуетесь лишь теперь, достигнув возраста, которому суждено быть воспетым Бальзаком века спустя?

Безусловно, сорокалетние женщины всегда будут вздыхать об утратах на жизненном пути. Ах, где моя гладкая кожа? Где узкая талия и упругие выпуклости?

Жаль, конечно, что жизнь нельзя прожить дважды, исправив все допущенные ошибки, но разве судьба — злодейка? Жизнь одна, и каждый волен устроить ее по-своему. Только не нужно бояться надвигающихся лет — их нужно проживать, проживать по полной, а не страх испытывать перед календарем.

Молодые девушки пугаются подхода «тридцатника», дамы, достигшие этого возраста, ужасаются приближению «полтинника» — и в чем между ними разница? А нет ее! И те и другие боятся состариться. Не надо бояться. Следует помнить о набранной ими женской силе и пользоваться обретенной женской властью. Природа гораздо щедрее, нежели кажется. Годы серебрят волосы, зато даруют ум, обаяние, полуволшебное искусство очаровывать и соблазнять.

Юная девушка подобна алмазу — твердому, но неинтересному камешку. С возрастом алмаз подвергается огранке и лишь после тридцати засверкает бриллиантом...

— Что ты на меня так смотришь? — пробормотала Елена, подлащиваясь.

— Любуюсь. Ты у меня красавица...

— Да, красавица я...— довольно сказала женщина.— А ну, хватит валяться! Нам пора.

— Негодница...

— Годница!

Одевшись, возлюбленная пара подхватила факелы и продолжила свой путь.

Впереди, за извилистым коридором, открылась малая комната — кубикула. При входе в нее коридор заканчивался добротными арками, сложенными из камней. Арки шли одна за другой, проводя в рукотворную пещерку с полками для саркофагов и парой новеньких икон. Со стен глядели святые в тогах. Олег не старался разобрать, кто именно был отмечен нимбом,— всё равно без света росписи не оценить.

Елена вывела Олега под высокую и широкую арку, они поднялись по обтесанным ступеням, миновали, не задерживаясь, анфиладу средних комнат-крипт, одолели еще пару подъемов и очутились в большой капелле, скорее уж зале, чем комнате.

— Теперь уже близко,— сказала Елена.

Последний коридор уходил вверх лестницей. Узкая и очень высокая, похожая на туннель в пирамиде, она трижды выводила на лестничные клетки, освещенные через особые щели в сводчатом потолке, и снова подставляла высокие, вырубленные в камне ступени. И вот она, «омега», знаменующая конец пути! Под маленькую полукруглую арку вела дверь, сколоченная из дубовых плах. Мелиссина осторожно, стараясь не шуметь, отворила толстую створку, низко наклоняясь, изящно выгибая спину, сунулась вовнутрь. Олег протиснулся следом, оказываясь в заброшенной часовенке.

Солнце скрылось за облаками, но и рассеянный свет резал глаза, привыкшие вглядываться во мрак.

— Где это мы? — спросил Сухов, щурясь и прикрываясь рукою.

— За императорскими форумами,— ответила Елена, привставая на цыпочки и доставая с каменной полки свёрток.— Вот, накинь на себя — тут ряса монаха-бенедиктинца.

Олег не стал спорить. Развернув рясу, он встряхнул её, избавляясь от пыли, а после натянул, подвязавшись верёвкой.

— Вылитый монах! — улыбнулась Мелиссина.

Она потянулась руками за его шею, Сухов уже собрался поцеловать жену, но та всего лишь набросила ему на голову капюшон-куколь, скрывавший лицо в тени.

— Ну, всё, пошли!

— К монашкам?

— Обойдёшься! Надо нам добраться до Пинция. Там, в Садах Саллюстия, нас ждут.

— Ага. Ну, до Пинция так до Пинция. Потопали.

И они потопали.

Вся северная часть Рима, примыкающая к стенам Аврелиана, была холмиста и со времён Империи засаживалась деревьями. Холм Пинций так и назывался — Холм Садов. Его восточные склоны и северный край Квиринала занимали Сады Саллюстия. Некогда они имели форму обширного овала и были ограждены решётками, но с тех пор минули века — ограды растащили, а платаны, дубы, мирты, кипарисы, пинии разрослись так, что ухоженный парк превратился в настоящий лес.

Пройдя Длинной улицей, Олег с Еленой свернули к зарослям. Крайние дома, стоявшие здесь когда-то, представляли собой многоэтажки-инсулы. Стоило сгореть их балкам и перекрытиям, как стены рухнули, потеряв опору. Остались от инсул оплывшие валы и холмики, заросшие травой. А дальше шумела каштановая роща.

И на Длинной-то улице было малолюдно, а уж здесь и вовсе простирались пустыри — ни души.

Поплутав, парочка вышла к монументальным воротам, ведущим в Сады Саллюстия. Ажурные кованые решётки давным-давно уж не висели между стройных колонн, а сами колонны были оплетены лозами винограда толщиной в руку. Ступени лестницы покрылись толстым слоем почвы, колючий кустарник поднялся в рост человека — гуляющих не находилось, а садовники повывелись.

Продравшись через молодую поросль, Олег выбрался на старинную алеею. Когда-то её обрамляли колонны, несущие своды портика, теперь же почти все они были повалены, как деревья в бурю, и лежали вдоль и поперёк, распавшись на барабаны, врастая в землю, покрываясь шапочками мха.

— Как грустно...— выговорила Елена.— Идёшь, будто по мёртвому городу, покинутому жителями...

— Рима больше нет, Алёнка. А куда идти-то?

Обойдя круглый храм с проваленным куполом, сквозь который пробивался кипарис, Елена вывела мужа к купальне на берегу ручья, ранее соединявшего каскад неглубоких прудов. Теперь пруды заилились и пересохли, лишь на берегу ручья чавкала под ногами грязь.

Треснула ветка под неосторожной ногой. Олег напрягся и тут же расслабился, узнавая в выходящем из-за угла купальни человеке Котяна.

— Кого я видат! — заорал печенег, бросаясь к магистру.— Здорово!

— Привет... Не ори, не дома. И дома не ори.

— А-а! — отмахнулся бек.— Тут вокруг как вымерло всё!

Ещё трое парней показались из леса на той стороне ручья.

— Знакомься! Тарвел. Органа. Куверт.

Булгары перешли ручей по бревну и по очереди пожали магистру руку.

— Прошу! — сказал Котян, приглашая всю честную компанию в купальню.

Как ни странно, внутри всё оказалось цело, даже мраморные скамьи в нишах вокруг бассейна, полного опавшей листвы. Олег с Еленой заняли одну скамью, булгары — другую, а Котян устроился на краю бассейна.

— Вопрос, как я понимаю, прост,— прокряхтел бек: — Куды бечь?

— Именно,— кивнул Олег.— За этими садами находятся Номентанские и Соляные ворота... Интересовались уже?

— Хаживали мы туда, хаживали,— покивал Котян.— Вот, Органа к Соляным прогулялся.

Органа кивнул.

— Не пройти,— сказал он.— Стража на обеих башнях и у ворот, проверяют каждого. Пропускают не всех, хоть туда, хоть оттуда,— уже две толпы скопилось, снаружи и внутри.

— А если через стену? — предложила несмело Елена.

— Да там высота локтей тридцать! — хмыкнул печенег.

— Тридцать два,— поправил Сухов.

— Не перемахнешь...— вздохнул Органа.

— Не перелезешь...— затянул Тарвел.

— Не одолеешь,— подвёл черту Куверт.

— Можно попробовать ночью,— медленно проговорил Сухов,— на лодке по Тибру. Если они, конечно, цепь не навесили... Ладно, разберёмся. Вы мне лучше вот что скажите: лишний меч найдётся? А то я без оружия, как без штанов!

— Найдём! — кивнул печенег.— У нас их целая связка.

— Пошли, покажешь,— поднялся Олег. Встав, он усмехнулся: — А насчёт того, куды бечь... Вы не забывайте, что в Остии стоит семь наших лодий, а на них человек шестьсот здоровущих верзил! А варяги своих не бросают. Пошли, Котян.

И они пошли.

ГЛАВА 18,

В КОТОРОЙ ВАРЯГИ ВЫСТУПАЮТ ВСЕ ЗА ОДНОГО

— Мы что, так и будем сидеть? — нервно спросил Пончик. Вскочив, он забегал от мачты до скамьи, занятой хмурым Инегельдом.— Олега, может, убивают вот в эту самую минуту, а мы тут сидим, рассусоливаем! Угу...

— Не мельтеши,— пробурчал князь,— и без тебя тошно.

Александр сделал глубокий вдох, но это не принесло спокойствия. Олег остался прикрывать их уход — и не вернулся. Уже вторые сутки прошли, а его всё нет и нет! И что тут прикажете думать? А вдруг и вправду убили? Ох, не дай бог... Это был его вечный страх — остаться в прошлом одному. Ужас невыразимый! Расстаться с другом — одно, потерять его навсегда — совсем, совсем другое. Расставание предполагает встречу, в крайнем случае — поиски, но, если Олег встретит свою смерть, что тогда? Магистру-то хорошо, у него есть зоста-патрикия, а протоспафарию как быть?

Пончик обвёл глазами причалы Остии, по которым шатались неясные личности — бледные тени в лунном свете, словно призраки. Лодьи стояли в старинной гавани Траяна, сооружённой в форме шестиугольника. Со времён Траяновых порт его имени здорово занесло илом, кое-где даже островки поднялись, травою поросли. Корабли варягов проходили по мелкой воде и причаливали у древнего склада зерна, чиркая по липкому дну килями. Какой-нибудь дромон давно завяз бы тут, а вот лодьи славились малой осадкой,

позволявшей им подниматься по рекам и грабить тот же Париж или Лондон.

Зернохранилище потрясало своими объемами и высотой — пятиэтажка будет ниже. Когда-то в гавани Траяна разгружались гигантские ситагоги, доставлявшие хлеб из Египта — чуть ли не двести тысяч пудов за ходку! Те времена прошли безвозвратно, а склад остался. «Господи, о чём он только думает?» — вздохнул Пончик.

— Кончай вздыхать,— тоскливо сказал Инегельд.— Сейчас Ивор со Свеном вернутся и всё расскажут.

— Да я понимаю...— пробормотал Александр.

Он с неприязнью глянул в сторону кормового шатра, где безвылазно просиживал король Италии Гуго Арльский. Король то спал, то жрал, то поднимал крышку заветного сундука и любовно перебирал золотые номисмы.

— Ага! — оживился Боевой Клык.— Кабыть, возвращаются!

Пончик встрепенулся, заоглядывался. Точно — две фигуры, стройная и огромная, возникли за углом зернохранилища, замелькали между колонн.

Первым на борт «Пардуса» поднялся Ивор.

— Сволочь бургундская предала Полутролля,— выцедил он,— Альберих засадил его в тюрьму, но оттуда Олег бежал.

— Ага! — каркнул князь.— Ну хоть не казнили — и то хлеб.

Подошли остальные — Турберн, Стегги, Карл, Тудор, Курт.

— Олег где-то в городе,— пробасил Свен,— знать бы где...

— Сыщем,— уверенно сказал Клык.— Как там, в Риме, вообще?

— Шумят,— коротко описал положение Пожиратель Смерти.— Альберих разошёлся — родную мать в темницу засадил и братца туда же — это который папа римский Иоанн. По городу шайки ходят, в дома вламываются, орут: «Бей бургундов!» — а кто там бургунд, а кто нет, не дознаются особо...

— Мы по этому...— вступил Свен.— Ну, где вода течёт...

— По акведуку,— подсказал Пончик.

— Во-во! По этому самому пробрались в город, в какие-то термы спустились, пошарахались везде... Вот.

— Может, и нам тем же путём? — осторожно спросил Тудор отца.

Инегельд покачал головой.

— Не выйдет,— сказал он.— Мы же не знаем, где Олега искать.

— Да и не просто это — по акведуку,— уточнил Ивор.— Мы столько ждали, пока стража подальше отойдёт, что ноги занемели.

— Надо Рим приступом брать! — рубанул Инегельд.— Как Неаполь! Хватит с ними чикаться!

— Дело говоришь, князюшка! — ухмыльнулся Железнобокий.

— Поддерживаю и одобряю,— сказал Пончик.— Пока там Гуго правил, надо было закон блюсти и о пользе императору думать, а теперь там засел наш общий враг! Угу... Только вот опасная это затея... Рим — большой. Угу...

Инегельд покровительственно похлопал протоспафария по плечу.

— Не боись,— пророкотал он,— сдюжим. В этом Риме домов больше, чем людей! И людишки-то — тьфу! Мелочь одна! Значит, так. Ты, Карл, остаёшься тут за меня, будешь короля стеречь и лодью.

— Ладно уж...— проворчал Вилобородый.

— «Пардуса» оставим,— развивал мысль Боевой Клык,— и «Вия» тож. Пойдём на пяти лодьях — полтыщи народу хватит, чтобы Альбериха запужать до усрачки!

Варяги загоготали и принялись деятельно готовиться. Пончик, малознакомый с бытиём варангов, удивлялся — он ожидал, что князь всё подробно растолкует, даст цэ-у отдельно каждому ярлу, а тут — раз-два, и готово! Хотя, в принципе, чего слова зря переводить, время на многоглаголание тратить? Варяги — мужики опытные, тут новичков нету, и всяк знает свой манёвр.

— Пошли, Пончик,— сказал князь, перешагивая на трап,— двинем на «Финисте»!

— Угу...

Александр перебрался на каменную лестницу, спускавшуюся к воде. В нижние ступени были вмонтированы тяжёлые бронзовые кольца, к которым и привязывали корабли. А вот и «Финист» — вместе с Пончиком на борт лодьи поднялось ещё человек двадцать, похохатывая и перешучиваясь,— варяги радовались грядущему штурму. Шурика близящиеся бои пугали, но было и облегчение — наконец-то что-то сдвинулось с мёртвой точки, началось дело — воины, друзья и побратимы, плыли вызволять своего командира.

— Вёсла на воду! Па-ашли!..

Пять лодий, одна за другой, проследовали по широкому каналу. Лет пятьсот назад над ним смыкались арки гигантских мостов, ныне от них остались лишь груды каменных обломков на обоих берегах, закованных в гранитные плиты.

Выйдя в море и обогнув спящую Остию, лодьи вошли в устье Тибра.

— Летом тут не пройти,— сказал Турберн, правя рулевым веслом,— мелка река и наносов много — завязнешь легко. А нынче, чай, снега тают, воды вешние шуруют нам в помощь. Ага! А вот и ветерок подул. Не оставляют нас боги своим попечением!

— Поднять паруса! — отдал команду Вуефаст Дорога.

Бело-синее полосатое ветрило захлопало, расправляясь, и вот выгнулось, вобрало ветер, понесло лодью, заставляя скрипеть мачту и звенеть натянутые снасти.

«Финист» шёл в середине, впереди раздували красно-белые паруса «Семаргл» Веремуда Высокого и «Лембой» Рулава Счастливого. За «Финистом» следовал «Морской змей», принадлежавший Олаву Лесорубу, а замыкал строй «Зилант», новенькая лодья Либиара Лысого.

Акила Длинный Меч перемигнулся с Инегельдом, прочистил горло и запел красивым, сильным голосом. Это была не боевая песня, где лютость мешалась с тоскою, а радостный гимн Яриле, весеннему богу, будящему всё живое после очарованного зимнего сна, зовущему траву зеленеть, цветы — распускаться, а девушек готовиться к поре любви.

Травень-май в Риме варяги опознали по-своему: лето пришло! Над Вечным городом стояла теплынь, буйно цвели жасмин и олеандр, а беломраморные колоннады на фоне пышной зелени уже как бы и не являли собой примету разрухи. Рим все еще сохранял следы былого величия, а что холмы его обезлюдели, так это даже и к лучшему: меньше толкотни...

...А песня Акилы всё лилась, всё ширилась, новые голоса подхватывали протяжный напев. Пончик увидел под нижней кромкой паруса римские башни и стены, едва обозначенные огонёчками костров, но страх не проник в его сердце — языческая хвалебная песнь прогнала темень с души, поселяя в ней радостную надежду и шалые желания.

— Париж брал,— стал загибать пальцы Вуефаст Дорога,— Лондон брал, Йорк брал, Руан, Баку, Абесгун, Ингельхайм... Рим не брал.

— Ну так пошли, и возьмём! — захохотал Инегельд. Лёгко выхватив меч, он простёр клинок, указуя на Вечный город, и рявкнул: — На Рим!

ГЛАВА 19,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ ДЕЙСТВУЕТ ОДИН ЗА ВСЕХ

Ночь прошла спокойно — к Садам Саллюстия не долетали крики перевозбуждённых римлян, отыскивавших «бургундов», назначенных врагами, или самих несчастных «врагов», отбивавшихся от желающих их ограбить или убить. Неясные шумы, доносившиеся с холмов Рима, гасились чащами деревьев. Куда слышней были птичьи трели, уханье сов, шорохи мелкой лесной живности.

Заночевали в купальне. Вместо перин Олег постелил охапки веток и вороха опавших листьев, простыней послужил плащ Котяна.

Сухов спал чутко, держа под рукой древний римский меч-гладиус — недавний трофей печенега.

Где-то под утро он проснулся и замер, прислушиваясь. Показалось ему, что ли? Да нет, вот опять — вроде стонет кто-то.

Приподнявшись на локте, Олег встретился глазами с Котяном.

— Слышал? — проговорил он одними губами.

Бек кивнул и показал пальцами: сходим, посмотрим? Сухов кивнул и неслышно поднялся, вооружаясь мечом.

Едва начинало светать, небо в восточной стороне неясно серело. Деревья поднимались чернеющими колоннадами, ещё больше нагнетая тьму. Олег прислушался, уловил стон и двинулся на звук.

Слух привёл его к прогалу меж двух столетних платанов — прямо на выступавших корнях лежал человек в рваной накидке, руку и ногу его покрывала корочка засохшей крови.

— Потащили,— шепнул Сухов.

Находка раздражала его, первая медицинская помощь жертвам переворота не входила в планы. Но не бросать же, в самом деле.

В купальне, при свете маленького костерка, разведённого Еленой, Олег получше рассмотрел раненого. Это был мужчина в годах, коренастый и небритый, с короткими кривыми ногами и шапкой пепельных волос. Дряблые мешки под блестящими черными глазами придавали ему скорбный вид сенбернара, потерявшего любимого хозяина.

— Кто ты такой? — прямо спросил печенег.

— Камилл моё имя...— проговорил спасённый слабым голосом.— А вы кто?

— Тебя кто подстрелил?

— Головорезы этого выученика Сатаны...

— Альбериха?

— Его...

— Тогда вы у друзей,— заключил Олег.— Мы тут тоже от этого выродка спасаемся.

— Вот думаем, как бы Рим на уши поставить,— сказал Котян.

— Или на рога,— добавил Тарвел.— Это уж как получится.

Булгары засмеялись. Из их хохота выделился смех Елены, похожий на звон хрустального колокольчика.

— Рим?! — выпучил глаза Камилл.— Это что, шутка такая?

— Да нет,— сказала Мелиссина, ловко обрабатывая ему рану,— мы серьёзно.

Камилл настороженно оглядел лица окружающих.

— Сила нужна,— опасливо сказал он.— И власть немалая.

— Сила скоро прибудет,— проговорил Котян значительно,— а власть...— печенег указал на Сухова.— Перед тобой имперский магистр, спаситель короля Гуго и разоритель Неаполя!

— Бек! — нахмурился Олег.— Болтаешь много.

— Да ладно! — отмахнулся Котян.— Ему тут ещё денька два отлёживаться, кто узнает? А потом подойдёт флот...

— Вы — магистр?! — вытаращился Камилл.

— Магистр, магистр... Тарвел, подогрел бы вина, что ли. Не поедим, так хоть согреемся.

— Уже!

Булгарин снял с костерка кувшин с парящим вином.

— Пейте неразбавленным! — ухмыльнулся он, подавая сосуд Сухову.

Магистр сделал несколько хороших глотков и передал кувшин Елене. Женщина отпила слегка и, поддерживая голову Камилла, угостила его.

— Не знаю,— пробормотал тот, отпыхиваясь,— умно я поступаю или глупо, но открою вам тайну...— выждав паузу, он торжественно заявил: — Я — егошуит!

— Его... кто? — не разобрал Котян.

— Егошуит! Еретики мы, гонимые, нас с полтыщи наберётся по всему Риму.

— Можно полюбопытствовать? — спросил Олег старикана.— В каком вы сане?

— Я епископ,— мягко улыбнулся отец Камилл.— Но обошелся без папского рукоположения. Наша община избирает духовное началь-

ство поднятием руки, как и восемьсот лет тому назад. Помогают мне пресвитеры и субдиаконы, диаконы и диакониссы. Мы вместе молимся и вместе трудимся, а по воскресеньям собираемся на общие трапезы-агапы, где я раздаю хлеб, преломленный диаконами...

— Папа, конечно, числит егошуитов в еретиках?

— О, мы многажды погрязли в ересях...— усмехнулся отец Камилл.— По его, разумеется, мнению! Егошуиты, например, согласны с Оригеном в том, что ад не может быть вечным. Бесконечная длительность осуждения зла противоречит всемогуществу Бога... Мы также придерживаемся учения монаха Пелагия, отрицавшего первородный грех. А раз не было грехопадения, то и люди не отягощены виною. Следовательно, крещение не искупает грех первородства, оно лишь приобщает верующего к жизни общины, к вступлению на путь добрых дел.

А вот Августину всё человечество представляется совокупно ответственным за грехи Адама, в силу как бы органической порочности, что передаётся от отца к сыну через зачатие. И, стало быть, даже для семейного человека плотское желание есть похоть неуёмно греховная...

— Августин был больным человеком,— вставил Олег,— с искривленной психикой.

— Верно, но сколько ж его концепции спровоцировали человеческих катастроф, мучений и горя! А посему егошуиты против учения Августина, этого «отца церкви». Зато мы разделяем воззрения священника Ария, верно понявшего неравносущность Бога и Иисуса. Егошуа Назорей был рожден человеком, в том и сокрыто величие жизни Его, что Бог дал воскреснуть Ему! В том пример людям! Истинно говорю вам — нет смысла в том, чтобы провозглашать Егошуа сыном Бога. Ведь такое утверждение сразу умаляет подвиг Его жизни и удаляет момент чуда! Где ж удивительное в том, что Сын Божий воскрес?! У него ж божественная природа, для Сына Божия Воскресение так же обычно, как для нас — пробуждение ото сна...— Ослабев от говорения, отец Камилл передохнул, хрипло дыша и облизывая губы, а после продолжил: — Егошуиты согласны и с выводами епископа Нестория, утверждавшего, что Мария не может быть почитаема как «Матерь Божья», ибо она есть всего лишь «мать Христа», смертного, как и все другие... И не мы ли по праву можем называться христианами? Ведь мы, и только мы исповедуем те начала веры, за кои принимали смерть великомученики и святые в правление Нерона! Потому и обрушиваются на нас гонения, что вера наша еретическая — только не в ругательном смыс-

ле, а в первоначальном, ведь hairesis — это «особые вероучения»... От них и родится истина!

На этом месте отец Камилл закряхтел в совершеннейшем смущении.

— Ох, простите ради бога! — сказал он, прикладывая к сердцу пятерню.— Увлёкся!

— Блаженны увлечённые! — ухмыльнулся Олег.

— А я лишний раз уверился в том,— торжественно сказал отец Камилл,— что встретил вас единственно Божьим наущением! — Он неуверенно осмотрелся и понизил голос: — Скажите, Олег, а велик ли флот ваш?

— Семь больших кораблей и тысяча бойцов. Ну, не полная тысяча, поменьше, но зато воины — лучшие, какие только есть.

— Ничего себе...— проговорил отец Камилл и подался к Олегу.— Тогда помогите нам! Что хотите, берите, но поспособствуйте сохранению общины! Сил наших больше нет эту муку терпеть! Мы ж ничего такого не просим, только дайте нам жить спокойно. Не дают!

Олег подумал.

— Вот что,— сказал он.— Варяги — это не добренькие дяденьки, что поддерживают слабых и убогих, они — воины. Хотите, чтобы варяги вам помогли? Отлично. Тогда помогите им!

— А как же! — радостно вытаращился отец Камилл.— Поможем! Обязательно поможем! Людьми, делами, всем!

Сухов задумчиво почесал в затылке. У него не пропадала надежда на приход друзей, но можно ли было рассчитывать на это? В любом случае, даже если Инегельд приведёт дружины под стены Рима, скольких ярлы недосчитаются после атаки? А вот если подсобить своим изнутри, с помощью егошуитов, составив из них «пятую колонну»... Это же совсем другое дело!

Олегу всегда претило числиться в спасаемых, он не терпел быть тем, кому оказывают помощь и поддержку, ибо это ставило его в унизительное положение слабого. Но если использовать егошуитов... Да, да, именно использовать! Биться с Альберихом за этих еретиков он не станет, а варяги — тем более, но вот устрашить этого «государя всех римлян» было бы полезно.

— Хорошо, отче,— сказал Сухов,— я согласен. Вы где проживаете в этом граде греха?

— На Эсквилине, сыне.

— Будете показывать дорогу.

Олег накинул рясу и опустил капюшон. Тарвел с Котяном устроили носилки из пары копий и потащили на них увесистого Камилла, а Органа с Кувертом были на подхвате.

Продравшись через заросли, беглецы, ставшие заговорщиками, выбрались на Длинную улицу, с неё поднялись на Альта Семита — «Высокую тропу», проходившую по гребню Квиринала. Здесь они застали примету смутного времени — горел большой трёхэтажный дом. Простояв столетия, он лишь обветшал, но людское недомыслие погубило его в одночасье.

Балки и перегородки полыхали, как дрова в печи. Пламя с грозным гулом вырывалось изо всех окон, закручивалось языками в прорехи черепичной крыши. Вот кровля зашевелилась — и провалилась внутрь. С грохотом пошли рушиться перекрытия — в небеса поднялся копотный «гриб» из искр и дыма. Стены простояли недолго — стали складываться и валиться, этаж за этажом.

— Прах к праху,— пробормотал Котян и воскликнул: — О, смотрите! Носилки!

Действительно, неподалёку от пожарища лежал перевёрнутый паланкин. Шторки с него были содраны, а рядом лежал, раскинув руки, бывший хозяин паланкина — раздетый догола и со множеством ран и увечий.

— Пересадка, отец Камилл! — весело сказал Олег.

Усадив егошуита на подушки, булгары с Котяном легко подняли и понесли носилки-октофорон. Олег с Еленой, как особы духовного звания, пошли позади в смирении перед суетой сует и всяческой суетой.

Шли долго — через Квиринал наискосок, с Квиринала на Эсквилин — пока не добрались до района уцелевших многоэтажек-инсул, римских трущоб, весьма похожих на константинопольские.

— Сюда,— сказал отец Камилл, указывая на арку сумрачного подъезда облупленной пятиэтажки.

Слово «инсула» означает «остров». Каменная громада, словно мрачный утес, занимала целый квартал, окруженная узкими, забывшими, что такое солнце, улочками-щелями — двум всадникам не разъехаться. Редко кто из обитателей этого многоэтажного барака работал. Раньше в инсуле снимали квартирки нищие плебеи, требуя «хлеба и зрелищ», выпрашивая подачки у патрициев. Теперь каморы заселены такими же тунеядцами, только с крестиками на шеях. Эта тупая, серая масса всю свою жизнь маялась от безделья, дожидаясь первого числа каждого месяца, когда из церковных амбаров-горрей выдавались еда, вино, одежда и деньги.

Олег следом за носильщиками вошёл во двор-атриум, голый — ни травинки, загаженный людьми и собаками, но с побитой чашей фонтана, давным-давно пересохшего. По всем четырем стенам шли наружные лестницы, частично каменные, частично деревянные. Они вели на галереи, откуда уже можно было попасть в квартиры. Ну а параллельно лестницам тянулись желоба, по коим стекали нечистоты.

Пришлось подниматься аж на четвертый этаж. Носилки бросили во дворе, и булгары потащили отца Камилла на руках. Олег шёл, страхуя Мелиссину. В некоторые из квартир вели дощатые двери, но частенько вход прикрывался истрёпанной суконкой — а чего красть-то?

Отец Камилл, не слезая с крепких рук Тарвела и Органы, толкнул крайнюю дверь на ветхой галерее, пропустил всех внутрь, а потом позволил занести себя самого. Котян огляделся и запер дубовую створку на засов.

Миновав «гостиную» три на два метра, Олег попал в каморку, которая — единственная во всей квартире — имела окно. Запираемое на ночь щелястой ставней, окошко выходило на глухую стену соседней инсулы.

— Добрались-таки...— врастяжку, дребезжащим тенорком сказал отец Камилл и позвал: — Теобальдо! Ротильда! Годефредо! Умберто! Не бойтесь, выходите!

Из дверей соседней комнатушки неуверенно показался черноусый юноша, за ним проскользнули бледная рыжеволосая девушка и еще два парня деревенской наружности — коренастые, крепкие, добродушные.

Кивнув вошедшим, отчего те сразу заулыбались и расслабились, Олег сосредоточился на деле.

— Так сколько вас в Риме, егошуитов? — спросил он.

— Священнослужителей и церковнослужителей мало совсем,— с готовностью ответил отец Камилл.— Приверженцев множество, но верных и надежных наберется сотни три от силы...

— А оружие сможете достать?

— Оружие? — усмехнулся егошуит.— Да все мы оружны. Жизнь такая!

— Тогда вот что,— деловито сказал Олег.— Одно дело, когда город берётся штурмом, и совсем другое, когда его ворота открываются, спасая кучу жизней. Так вот... Корабли наши могут пройти в Рим по Тибру, но река наверняка перегорожена цепью...

— Да, это так,— подтвердил отец Камилл.

— Следовательно, нам нужно цепь эту снять, перебить стражу на башнях, что стоят у берегов, и пропустить лодьи.

Отец Камилл заёрзал, волнуясь и переплетая пальцы рук.

— Многие погибнут...— слабо возразил он, словно перебарывая сильнейшее желание голосовать за Олегов план двумя руками.

— Погибнут,— подтвердил Сухов.— И меня могут подстрелить, и вы не бессмертны, отче... Ну и что? Вас же всё равно изведут! Так уж лучше в бою пасть, чем на костре. Хуже уже не будет, отец Камилл, а вот лучше — очень даже может быть!

Молодые егошуиты радостно переглянулись, а старый долго думал. Отец Камилл всё вздыхал, всё смотрел в окно на облезшую стену дома напротив. Внезапно встрепенувшись, он повернул голову к магистру.

— По воле своей, данной мне людьми,— торжественно начал он,— и освященной Господом нашим, принимаю власть твою, Олег, над собою и над возлюбленными чадами моими. Веди агнцев на псов лжехристианских, будь милосерд и справедлив, и да свершится воля Его!

Сбор Сухов назначил в Большом цирке. Занявший естественную ложбину в Мурсийской долине, Циркус максимус [1] вытянулся удлиненным амфитеатром меж Палатином и Авентином. От арены, обнесенной парапетом-подиумом в три человеческих роста, множились ряды нарезанных ступеней, служивших скамьями, круто восходя к аркадам портика на самом верху. С востока цирк, как и положено, закруглялся, а с запада был отрезан оппидумом — площадкой с местами для знати. Оппидум поддерживали тринадцать арок, под средней открывались Парадные ворота, под другими когда-то держали колесницы и ждали своего выхода гладиаторы.

Пятьсот зим минуло со времени последних боев — идущие на смерть уже не ревут «Ave, Caesar!», арена заросла травой, а на оппидуме уже и кустики с деревцами принялись. Запустел, запаршивел Циркус максимус. Лишь мальчишки порою забегают через колоннаду Триумфальных ворот, играют в ретиариев и мурмиллонов и, по совместительству, пасут коз на арене.

Но в этот вечер сотни две приглушенных басов, теноров и фальцетов оглашали цирк, возвращая прошедшее, эхом отражаясь от щербатых портиков, окаймлявших амфитеатр. С Палатина нависали полуразграбленные дворцы, словно заглядывая за стены цирка, но

---

[1] *Циркус максимус* (*лат.*) — Большой цирк.

дозорные чутко бдили. Почти двести пятьдесят егошуитов со всего Рима собрались на арене, а люди все подходили и подходили — кто с мечом, кто со скромным скрамасаксом, а кто и с полным комплектом доспехов. В кожаных сумах и рогожных мешках угрожающе позвякивало и полязгивало. Пришли и те из егошуитов, кого община направила служить в папскую гвардию и в преторскую стражу. Эти как раз и стояли в дозоре, карауля подходы к цирку и дежуря у ворот.

Олег поднялся на самый верх, под арки портика, и разглядывал оттуда огромный Циркус максимус. Амфитеатр, округло вздымаясь, заметно уходил в перспективу, едва освещённую полумесяцем. Её подчеркивал так называемый «хребет» — низкий разделительный барьер по оси арены, утыканный столбиками-метами, определявшими дистанцию во время бегов. И справа, и слева от «хребта» уцелели колонны, поставленные «для красоты», да обломанные постаменты статуй, а посередине вздымался обелиск, с великими трудами вывезенный из Египта. Вдоль парапета, оберегавшего зрителей от диких зверей, терзавших христиан в правление Нерона, когда-то параллельно тянулись ров с водой и железная решетка, но ров давно уж усох, а решетку растащили на хозяйственные нужды.

Стоял поздний вечер. Багровый закат дотлевал за Яникульским холмом, и Альбанская гора, с вершины которой еще не сошел весь снег, больше не отсвечивала пурпуром, а все больше таяла в синем накате ночи.

Олег прогулялся вдоль портика, поглядывая на чернеющие громады Палатина, и спустился на оппидум. У парапета, не слезая с «трофейных» носилок, сидел отец Камилл.

— Начнём? — спросил его Олег.— Негоже мариновать людей.

— Да,— вздохнул епископ и вымученно улыбнулся: — Боюсь очень...

— Это нормально, отче... Мы же все живые.

Он приказал зажечь факел. Трепещущий свет выделил фигуру Олега и словно затемнил цирк. Оживление на трибунах и арене доносилось словно ниоткуда.

— Братья и дети мои! — поднял руку отец Камилл и словно подрос.— Мы все попрощались с родными и любимыми. Мы уже оплаканы, ибо кто-то из нас этой ночью узрит Христа. А поведет наше войско человек с далекого Севера, уже бравший великие грады. Звать его не по-нашему — Олегом, но он, как и мы, исповедует божественное учение любви, справедливости и милосердия! Hic est! [1]

---

[1] *Hic est! (Лат.)* — Вот он!

В толпе, скрытой густыми сумерками, родился сдержанный шум. Олег шагнул к парапету и опустил на него руки. Факел светил за спиною, и Олег стал лучше видеть, даже разбирал отдельные человеческие фигуры. Он стоял, спокоен и непринуждён, и молчал. На людей Олег не смотрел, его взгляд был устремлен куда-то на дальние трибуны, к фронтону Триумфальных ворот. Тишина настала абсолютная — даже чьё-то покашливание воспринималось как гром. Выдержав ровно минуту, Олег сделал вдох и грянул:

— Велик Рим! Высоки башни его! Крепки стены Аврелиана! Но разве нам придется брать их штурмом? Мы уже внутри их, и город сей — наш!

Толпа загудела одобрительно.

— Но помните,— продолжал Олег,— я поведу вас в бой не затем, чтобы вы отдали свои жизни, а затем, чтобы вы причиняли смерть нашим общим врагам! За вас молятся ваши родные, ваши любимые! Не лишайте их счастья увидеть вас завтра утром — живых и здоровых! Не доставьте им горя! Да не станут дети ваши сиротами, а жены — вдовами! И помните: завтра утром вы подарите тем, кого любите, свободу! Есть ли дар, желанней этого? Страхи и тревоги покинут вас, вы будете спокойно спать по ночам, не боясь, что за вами явятся и уведут на пытку и казнь! Вы будете спокойно делать свою работу, молиться, не таясь, и открыто трапезничать на агапах! Все это исполнится, если мы одержим победу и впустим корабли в город! Нас мало, но вера удесятерит наши силы! Ибо исполнилась мера и настал час! Город злодеяний и разврата, новый сей Вавилон, дождался очищения! Он ждет нас! Вперёд! Вам я говорю: вы — победители! Се грядет Господь покорить город злодейств, гнета и нечестия! И вы — воинство Его! Так будь же славен в велениях своих, Боже, наказывающий нам побеждать! Осанна!

Толпа коленопреклонённых или воздевающих руки кверху исполнилась торжественности и глубокого волнения. Мерцающий свет факела отражался в белках заведенных глаз, одни, привстав на колени, пели, другие с жаром повторяли имя Христово, иные ударяли себя в грудь, как те первые братья по вере, несущие благую весть миру. С разных сторон возглашали:

— Осанна!

— Во имя Христа!

— Мы овцы твои, Олег, паси нас!

— Слава в вышних Богу!

— Иисусе, Иисусе, Иисусе!

— Верую! Верую! Верую!

— Слава Христу!

— Веди нас, Олег!

Сухов, и сам взволнованный своими речениями, задумался на минутку: а исполнится ли мечтание? Сбудется ли то, что он так красочно обещал? Не обманывает ли он этих людей ради своих выгод? Пожалуй, нет. В будущем он ни разу не слыхал ни о каких егошуитах. Видно, всех извели. Но пусть они хоть раз ощутят свою силу, пусть познают хмельной вкус победы!

Рим спал. Спали в нищем Эсквилине, спали в богатеньких Каринах. Босяк-пролетарий дрых в своей каморке на куче тряпья. Папа Лев похрапывал в покоях Латеранского дворца на золоченой кровати, под балдахином, изукрашенным ангелами и херувимами. Спал торговец в комнатушке позади своей лавчонки. Провальным сном спал усталый подёнщик. Дремал стражник у Капенских ворот, то пялясь сонно на веретена кипарисов, облитые лунным светом, то вновь роняя голову на грудь.

Не спали только в семьях егошуитов. В бедных халупах и в крепких домах одинаково горели самодельные свечи, и женщины, кутаясь в одеяла, шептали молитвы, вознося Богу одну просьбу — отвести смерть от мужа, отца, брата, жениха, сына...

Две полные сотни и одна полусотня шагали, удалясь от Большого цирка, бесшумно и грозно ступая во тьме ночи. Луна высекала блики на лезвиях мечей и топоров, неясно посверкивала на шлемах, выбеливала лица — суровые и жесткие, неуверенные и бодрящиеся, торжественные и просветленные.

Луна чернила стены и серебрила плоские крыши, холодным душем отражённого света поливала прилизанные кипарисы и взлохмаченные пинии, купалась в Тибре, разрезаемая тенями мостов, пересчитывала зубцы крепостных башен, загибая лучи, словно пальцы, фосфорическим сиянием скрывала мерзости и красы, днем выставляемые напоказ.

Олег терпеливо прохаживался под портиком Эмпория, переходя из тени колонн в полосы лунного серебра. Отсюда были хорошо видны могучие башни, зажимавшие Тибр. В их бойницах мерцали огни — солидарии бдили, страшась нашествия.

Начинало светать, когда из полутьмы выбежал тощий парень, зовомый Магиуло, и выдохнул:

— Корабли! По Тибру... идут! Большие! С парусами полосатыми! Пять больших кораблей!

— Macte![1] — хищно улыбнулся Сухов.— Выдвигаемся!

Ночную тишину всколыхнули шорохи и глухие звуки шагов. Ожили многочисленные тени, лунные блики закачались в такт поступи.

— Проверить всё! — приказал магистр и аколит.— До мелочи! Гляньте даже на ремешки сапог — затянуты ли? А то развяжутся, оступитесь, да и откроетесь мечу!

Пыхтение, покряхтывание и притоп озвучили исполнение приказа.

— Тристан! Поведёшь своих на правый берег. По мосту, и сразу на штурм! Рамберто! Твоя задача — спустить цепь. Механизм в подвале правобережной башни, выступаешь за Тристаном. Хамальвин! Ты идешь со мной, берём левобережную башню. Вперёд, и без криков!

Десяток солидариев, бродящих по набережной у башни, перестреляли из луков.

— Мечи к бою!

Полусотня Хамальвина, рыча от спущенной злобы, ворвалась в башню. В узкие её ходы и подъёмы втиснулось едва два десятка бойцов, но рёв поднялся, как от тысячи. Стальным поршнем егошуиты выдавили папских гвардейцев на верхнюю площадку башни — лязг мечей, вопли ярости и боли долетали до земли. С душераздирающим криком парапет перевалил сброшенный гвардеец, следом за ним рухнули сразу трое. Олег напряженно наблюдал за рекой. Толстенная цепь, перегораживающая течение, неожиданно дрогнула. Начала медленно погружаться.

— Macte! — воскликнул Олег.

Первым в виду Эмпория показался «Лембой». Следом двигался «Семаргл», борт к борту шли «Финист» и «Морской змей». Последним подгребал «Зилант», не отражая в мутном, полноводном по времени Тибре полосатых парусов. И тишина...

Настороженно молчала судовая рать, ожидая каверз и ловушек. «Что-то здесь не то...» — крутилось в головах варягов, варилось под шлемами недоверие и опаска. Почему опущены цепи, перегораживавшие реку? Почему не свистят стрелы? Не гудят камни? Почему не трубят трубы, а толпа вдоль всей набережной под портиками, под сводами гигантских смоковниц и сикомор стоит — и это было странно, крайне странно! — и тоже молчит?!

В полной тишине лодья Вуефаста Дороги подвалила к причалам Эмпория. Слышен был только слабый плеск весел.

---

[1] *Macte!* (*Лат.*) — Отлично!

Не в силах сдерживать улыбку, Олег протолкался сквозь толпу егошуитов и вышел на каменный вымол. Из груди его рвалась радость, но горло перехватывало от переизбытка чувств. Сзади подошла и прижалась Елена. Сухов только шумно вздохнул и замахал руками.

Сразу же после этого дикий рёв узнавания огласил палубы кораблей. Сотни мечей вскинулись над бортами и неистово забили о щиты.

Толпа на берегу заволновалась, загомонила, почтительно отступая в тень колоннад. Только несколько обнажённых по пояс мускулистых парней остались, чтобы принять швартовы и ловко накрутить их на причальные тумбы.

Ещё не спустили сходни, а варяги уже сигали через борт на каменные плиты. И только теперь Олег понял, как он соскучился по этим бесхитростным, прямодушным мужикам — по медведю Свену, по хитрюге Хурте, по мужиковатому Инегельду, по «дедуське» Железнобокому. По всем!

— Олег! — орал Пончик, неистово махая руками.

Боевой Клык опередил протоспафария, облапив магистра, потискав дружески — так, что у Олега кости затрещали, и сказал:

— Ну, как ты тут без нас? Не отошшал? — Заметив мило улыбавшуюся Елену, он остолбенел и еле выговорил: — Ну у вас и семеечка... А это кто такие?

— Егошуиты, князь. Наши союзники. Считай, что это ополчение.

— Да уж вижу, что не войско...— проворчал Клык.— Ну и что тут интересного, в Риме?

— Вот Эмпорий, тут купцы местные товары свои хранят. Выше по склону — Авентин, там одни нищие, не стоит и соваться, а выше по течению — Бычий форум. Можешь с него начать. За ним увидишь холм, называется Палатин. Там сплошные особняки.

— Ага! — сказал Инегельд.— Вуефаст! Веремуд! Либиар! Двигаем по реке вверх!

— Магиуло! — позвал Олег.— Хамальвин! Ступайте следом. Клык! Погоди, я с тобой...

Город Святого Петра спал и не ведал, что язычники и еретики стали хозяевами на его улицах — варяги покидали лодьи, строились и тяжело печатали шаг, забираясь на холмы города. Альберих не сплоховал — сразу бросил в бой почти тысячу солидариев и папских гвардейцев. Первую сотню римского воинства варяги перемололи на Бычьем форуме — два «клина» врезались в толпу гвардейцев, раско-

лоли её, окружили и порубили, даже не запыхавшись. Прочая гвардия, поняв, с кем связалась, попросту разбежалась.

Олег повёл свою сотню на штурм Палатина — Магиуло донёс, что во Дворце Флавиев, древней резиденции римских императоров, есть жизнь. Там же находилась Камера апостолика — казна папы римского.

Месяц на небе начал бледнеть, а небо за Альбанской горой — светлеть, когда варяги Сухова — дружина Олава Лесоруба в полном составе, усиленная полусотней Магиуло,— вышла к бывшему парку Дворца Флавиев, деревья которого давно были пережжены на уголь. Одни пеньки виднелись между портиков.

— Ивор,— позвал Олег.— Скажи там, чтобы баллисты ставили. Пора.

— А молодец Турберн,— улыбнулся Пожиратель Смерти.— Я его, помнится, ругал, чтобы не загромождал палубу своими «баллисточками». А старый упёрся, и ни в какую! Гляди-ка, пригодились!

— А то!

— Баллисты ставить! — тихо отдал команду Ивор.— Там и там!

— Заряжать свинцовыми шариками и «блямбочками»! — добавил Сухов.

Вернулись разведчики и доложили, что стража вся на площади, там горят костры и, по всей видимости, идет попойка.

— Готово? Пускай!

Взвизгнули упругие элементы. Баллисты подпрыгнули, устраивая стражникам убийственные «осадки».

Полусотню Магиуло Олег оставил в саду, куда выходила галерея дворца, а остальных разделил надвое и повел в обход, со стороны криптопортиков, обнимавших дворцовую площадь.

— Вперёд!

Двумя потоками — огибая боковой криптопортик и по улице Аполлона — варяги высыпали на дворцовую площадь. В свете костров был виден высокий свод арки главных ворот, над которой будто приплясывала в свете костров четвёрка коней работы Лисиппа и пошевеливались бронзовые возницы — невесть как убережённые Аполлон и Диана.

Дворцовая площадь была окаймлена колоннадой из желтого нумидийского мрамора. Бросался в глаза сухой фонтан и мёртвые тела.

— Десяток Акуна — налево! Десяток Вузлева — направо! Остальные — за мной!

Расчёт Олега оказался верен — обрушившийся свинцовый град перепугал стражу до полной потери себя. Побросав оружие, дозорные

бегали по дворцу, подвывая от ужаса и сшибая с ног разбуженных священников. Егошуиты ворвались внутрь, как хорьки в курятник.

— Heu, heu, me miserum! [1] — неслось из покоев.

— Habet! — слышалось в ответ.— Peractum est! [2]

Олег во главе полусотни вбежал в роскошный триклиний — обширную трапезную, разделенную на две части шестью колоннами тиволийского мрамора. Драгоценная мозаика на полу изображала полубогов и полулюдей. В глубине зала за колоннадой стоял круглый стол из мрамора, а вокруг него разместились высокие бронзовые ложа, аккуратно уложенные пуховыми подушками в пурпурных наволочках.

Лампы из алебастра и позолоченной коринфской бронзы были потушены, но запах ароматного нарда еще витал в воздухе.

— Хорошо папы устроились! — сказал Ивор с неприязнью.

— Да уж...— Олег покачал в руке гладиус и вытянул клинок, указывая на двери, облицованные перламутром.— Туда!

Косяки дверей выглядели скромнее — их покрывала всего лишь черепаховая кость. Триклиний сообщался с внутренним двором-перистилем, окружавшим квадратный бассейн с фонтаном в центре.

Фонтан не работал, но бассейн был полон дождевой воды, проливавшейся в ненастье через отверстие в крыше, ныне затянутое пурпурно-красным сукном по причине ночных холодов.

Пройдя вдоль колоннады, Олег свернул в боковой покой и столкнулся с церковником в лиловой рясе. Бледное лицо было перекошено страхом и непониманием. Посиневшие губы громко, но сбивчиво выпевали градуал «Sederunt»:

Adjuva me, Domine,
Deus meus salvum me
Fac propter magnam misericordiam tuam!..

Олег схватил аббата за плечи и грубо встряхнул.

— Сальватор! — рявкнул он.— Очнись!

Встряска подействовала. Зрачки во всю радужку, исполненные безумия, заблестели узнаванием.

— Оле-легариус,— залепетал Сальватор.— День суда!.. Се грядет! Звезды градом сыплются на землю, се разверзает она бездны свои, и

---

[1] *Heu, heu, me miserum!* (*Лат.*) — Горе, горе мне, несчастному!

[2] *Habet! Peractum est!* (*Лат.*) — Получи! Готов!

мёртвые восстают, а Господь грядет средь звуков трубных и сонмов ангельских, средь громов и молний!

— Да опомнись ты, изувер хренов! Партитуру для труб Страшного суда еще не сочинили, успокойся! Я это все устроил! Я!

— Искупитель...— заскулил Сальватор.— Смилуйся!

Олег толкнул аббата на мраморную скамью и дал глотнуть крепкого вина из фляжки.

— Пей! Очень, говорят, способствует...

Сальватор поперхнулся, закашлялся, но, отдышавшись, вернул себя.

— Это ты?! — прокаркал он.

— Я, я... А ты бы поменьше Апокалипсисы читал, а то так чокнешься скоро!

Аббат засверкал глазками.

— Камера апостолика где? — ласково спросил Олег.

Глазки Сальватора забегали.

— Там почти что и нет ничего,— заюлил он.— Так, мелочь одна...

— Веди,— приказал Сухов,— а не то падёшь смертью храбрых!

...Утром, когда алое солнце поднялось над горами, наливаясь слепящей белизной, варяги покинули Палатин. Воины Вуефаста Дороги и булгары Курта Дулата вернулись из Леонина, что в заречье, за Тибром.

А в разгар утра явились послы от Альбериха — перепуганные бургунды во главе с маркизом Пандульфом предложили варягам выкуп, лишь бы те убрались поскорее.

— Как мыслишь, князь? — спросил Олег Инегельда.

— Да мы уже взяли маленько...— ответил Клык добродушно.— Но выкуп лишним не бывает! Пущай тащут.

Альберих не заставил себя ждать. Вскоре по Тибру спустилась маленькая галера, на ней доставили тугие мешочки с серебром. Договор дороже денег — варяги не стали задерживаться. Один за другим русы, аланы, ясы, булгары, савиры поднимались по трапу, и каждый тащил по увесистому мешку, а то и по два. Малютка Свен даже где-то бронзовую Венеру спёр — маленькую, по пояс, но тяжеленную. Котян вернулся с целой поленницей тубусов, в которых хранились скрученные папирусы. Фудри Московский тоже пустой пришёл, но зело довольный и со следами крепких поцелуев на мощной шее.

Около полудня лодьи отчалили от Эмпория. Все жители попрятались, и только римлянки пришли проводить завоевателей их сердец — они стояли и махали веточками жасмина и молодого лавра.

Олег смотрел на них со снисхождением, как человек семейный. Он сидел на корме «Финиста» и обнимал Елену. А потом Акила подмигнул Сухову и завёл такую песню, что Мелиссина покраснела и спрятала лицо на плече у мужа.

— Мне необыкновенно хорошо! — призналась она.— Словно юность вернулась — всё так ярко, так сильно! Понимаю, что в Рим меня отослал враг, тебе на погибель, но я ему всё равно благодарна. Ах, если бы Господь послал мне дитя... О-о... Я бы утолила тогда все свои желания, я стала бы самой счастливой женщиной на свете!

Олег нежно поцеловал её в шею и прошептал:

— Всё будет хорошо...

ГЛАВА 20,

В КОТОРОЙ ОЛЕГУ БЫЛО ЯВЛЕНО ЧУДО

Семь варяжских лодий шли морем на север, между островами Тосканского архипелага и материком. Варяги благодушествовали — поход оказался на редкость удачным. Хоронили мало, а вот злата-серебра добыли изрядно и славу воинскую приумножили.

Вёсла сушили согласно настроению — спешить было некуда, свежий ветер поддувал слева в корму, и реи развернули так, чтобы улавливать каждое дуновение, а паруса ещё и распёрли в ширину особыми жердинами. Лодьи шли ходко.

Олег Сухов приготовил Елене укромное местечко на корме «Пардуса», в маленькой треугольной каморке под полуютом, куда вела низкая дверца, но женщина воспротивилась, не пожелав обитать в сырой полутьме, слушая окрики кормщика сверху и шум волн, обтекающих борта.

А вот Гуго Арльскому каюта пришлась по душе — король почти не вылезал оттуда, за исключением тех случаев, когда лодья причаливала к острову, и трубач сзывал желающих отобедать к костру.

Олега беспокоило, как Его Величество отнесётся к появлению на борту Елены, но всё прошло гладко — Гуго был поражён, конечно, но счёл, что магистру просто удалось спасти красавицу-паломницу, вы-

рвав сей ценный трофей из лап презренного Альбериха. Елена Мелиссина не стала переубеждать короля...

Уступив изгнанному монарху каюту, женщина устраивалась на полуюте, подстилая себе кипу войлочных кошм и удобно откидываясь в ложбину кормового завитка, изображавшего хвост корабля-дракона. А когда поднималась волна, пересаживалась ближе к мачте, где качка была ощутима менее всего.

Приседая на груду ковров, сложенных у мачты, зоста-патрикия оказывалась в центре внимания — взгляды сотни мужчин устремлялись на неё,— но Елена не смущалась. И не чинилась, не чванилась особо — женщина улыбалась и думала о своём, а иногда пела песни, что выучила за свою неспокойную жизнь. Она тянула заунывные арабские песнопения, протяжные славянские, томные итальянские, пылкие франкские. Варяги слушали — и их твёрдые лица мягчели, а в душах, заветрившихся и огрубелых, начинало щемить.

На третий день пути — лодьи проходили между островом Эльба и побережьем Тосканы — Елена заняла своё обычное место на корме. Турберн, сидевший у руля, поглядывал на неё с умилением. Потом пришёл Пончик, пристроился рядом. Олег, тягавший снасти на пару со Свеном, разгорячился и скинул рубаху, оставшись в одних штанах, сшитых из кожи по варяжской моде — гребцы в таких не скользили в бурю по мокрым скамьям.

— Олег! — крикнул Шурик.— Иди к нам!

Сухов прошёл на корму и занял место в ногах Елены, облокотившись на крутой изгиб борта.

— Мы как на отдыхе,— ухмыльнулся Пончик,— на увеселительной прогулке! Угу...

Елена сидела, выпрямившись и высоко подняв голову,— загорала под солнцем Италии. Её глаза были закрыты, а вся фигура выражала полнейшую безмятежность.

— А я вот всё думаю,— проговорила она, не раскрывая глаз,— знаете о чём? Думаю, как же я попала сюда? Кто послал меня — умный враг или глупый друг? Помнишь, Олег, ты говорил, что это не мог быть патриарх? А может, всё же он?

— Верится с трудом,— пожал плечами Сухов.— Феофилакт слишком глуп. Говорить он умеет, но соображать не способен — в его голове никак не могла родиться идея повлиять на ситуацию в Риме извне так, чтобы развалить порнократию изнутри. Нет, это ему кто-то «напел», а патриарх подхватил. Вполне вероятно, что он и сам убеждён, будто идея с тайной посланницей пришла к нему естественным путём.

— Допустим,— сказала Мелиссина, открывая глаза.— Допустим, что его подговорил тот самый враг — главарь, которого ты не раскрыл. Как, ты говорил, его прозвище? «Принцепс»?

— Угу,— сказал Олег.

— Не передразнивай,— проворчал Пончик.

Елена улыбнулась и продолжила:

— Если «Принцепс» оплодотворил слабый патриарший разум идеей о свержении порнократок, то как он мог знать, что я поступлю именно так, как поступила? И, вообще, какой он смысл закладывал в исполненное мною поручение? Навредить тебе? Ведь «Принцепс» — синклитик, и наверняка знал о планах императора. А вредить Марозии означало принести вред Гуго, следовательно, и базилевсу!

Пончик скорчил рожу, тыкая пальцем в настил — дескать, Гуго под нами. Елена пожала плечами — мол, плевать я хотела на всяких там королей.

— Наши речи слишком понятны,— предложил Александр, беспокойно ерзая.

— «Принцепс» точно знал, как ты поступишь,— перешёл Олег на язык русов.— Полагаю, он был в курсе всех твоих тайных дел — и просветил о них патриарха, чем привел того в восторг. Правда, Феофилакту далась лишь внешняя сторона, его впечатлил список дворов, при которых ты блистала, а вот «Принцепс» разглядел куда больше — твой характер. Ты дерзка и решительна, любишь опасность, но храбрость твоя разумна — ты не станешь рисковать зря, опыт и знание подскажут тебе неожиданный ход — и ты сделаешь его. Я помню, как встретил тебя во дворце ширваншаха — ты явилась убить князя Халега, сына Ингоря, а по ошибке встретила меня. Благословенная ошибка!

— Перестань,— махнула на него рукой Елена.

— Перестал. Просто я хочу сказать, что твои действия в Риме были достаточно предсказуемы. Тактику посланницы Мелиссины предвидеть было нельзя, но стратегия-то ясна! Центр, ось, опора порнократии — это Марозия, и что бы ты выбрала для решения поставленной задачи? Либо убить Марозию самой, либо убрать её чужими руками. Ты пошла по второму пути — он был интереснее. Подзуживая Альбериха, ты добилась своего — сыночек заточил мамулю и братца в темницу.

Однако я уверен — «Принцепс» добивался вовсе не этого. Положение в Риме его не волновало совершенно. Посылая тебя, он вредил мне! Не в силах дотянуться до магистра и аколита, он желал посред-

ством зоста-патрикии нанести ему, то есть мне, удар в спину. Как? А вот тут выбор велик. Представим, что ты сама решила зарезать Марозию. Тебе это удалось, но тебя схватили и отдали палачу... Впрочем, стоит ли зря тратиться на пытки? Можно было и подсказать, кому положено, кто ты. И что будет делать Гуго, узнав, что его жена убита супругой человека, желающего заключить союз от имени императора? Постарается этого человека извести, верно? А то, что при этом пострадает империя, «Принцепсу» безразлично. Ему это только на руку — чем хуже для империи, тем лучше для него.

— Убить тебя не легко,— убеждённо высказался Пончик.— Угу...

— Согласен, не легко. Но можно ведь? Я, знаешь ли, не заговорён от стрел и мечей, я, как все, внезапно смертен. Причём, заметьте, «Принцепс» в любом случае оставался в выигрыше. Убьёшь ты Марозию — Гуго осерчает и возжаждет меня прикончить. Король остаётся на нашей стороне только потому, что не знает, кто стал причиной нежданного возвышения Альбериха. Если же ему об этом сообщат, он тут же увидит всё в ином свете, обвиняя и меня в подлом заговоре. Ведь это я заплатил ему золотом, убеждая послать войско пугануть Ландульфа! А если бы войско осталось в Риме? Посмел бы тогда восстать Альберих? Да ни за что! Видишь, какой расклад? И поэтому я успокоюсь лишь тогда, когда окажусь в Константинополе — и пойду по следу «Принцепса», и отыщу этого гада. Пока он жив, и я, и ты будем в опасности.

— Но всё могло окончиться неудачей,— осторожно сказал Пончик.— Мало ли... Могли убить саму Елену... Хм.

— Вот именно,— криво усмехнулся Олег.— Могли. И это был бы самый беспощадный удар по мне...

Елена дотянулась рукою до шеи Сухова и провела по ней пальцами, лаская и успокаивая.

— А тебе не кажется,— затянул Шурик,— что ты переоцениваешь Гуго? С чего бы ему вдруг бросаться мстить за убиенную Марозию? Да у него только официальных любовниц было... не помню сколько. Вандельмода, Пецолла, Ротильда, Стефания, Ротруда и... и так далее. А в Павии, во дворце, он держал целый гарем из красивых наложниц!

— Пончик завидует королю,— объяснила Елена для Олега.

— Ничего я не завидую!

— А вы знаете,— сказала Елена,— как Гуго женился в третий раз, то есть на Марозии? Она-то была замужем за Гвидо, его братом по матери, а церковь запрещает женится на вдове брата. И король не остановился даже перед тем, чтобы обесчестить память о мамочке,

объявив, что её потомство от второго брака не отпрыски её, а приёмыши, которых она лживо называла своими детьми! Представляете? Ламберт, маркграф Тосканы и брат Гвидо, вызвался доказать действительность своего происхождения, и зря — Гуго заманил Ламберта к себе, велел схватить его, ослепить и запереть в темнице. Маркграфство Тосканское он отдал Бозону, своему брату по отцу.

— Ну, то, что Гуго не обременён нравственностью и совестью, нам известно,— сказал Сухов.— И что никакой любви к Марозии он не питал, тоже ясно. Тут другое... Король не зря так стремился жениться на сенатриссе и патрикии — он мечтал, чтобы тот самый папа Иоанн XI, сын Марозии, который, кстати, развёл Гуго с его второй женой Альдой, провозгласил его императором! Вот какая у него цель была! Не страсть правила монархом, а чистая политика. Вернее, грязная.

— С этим всё ясно,— подвёл черту Александр,— но главный вопрос остаётся без ответа: кто такой этот «Принцепс»? Ты вот сказал, что пойдёшь по его следу. А где его следы? Лично я не замечал ни одного. Угу...

— Не замечал он...— фыркнул Олег.— Искать надо не здесь. Вернёмся в Константинополь — и сразу заявимся к патриарху. Душу вытрясу из мерзавца! Он мне всё скажет, коневод хренов...

В это самое время «Пардус» проходил мимо Эльбы, оставляя остров за кормой по левому борту. И тотчас же показалась двухмачтовая усиера, корабль поменьше дромона, но побольше кумварии. Гребцы на ней располагались в два ряда — пятьдесят человек на нижнем ярусе, пятьдесят на верхнем, но вёслами они работали лишь на переходе, как и варяги на лодьях. Когда же усиера вступала в бой, гребцы становились воинами.

— Кто это, интересно? — приподнялся Пончик.

Олег пожал плечами, разглядывая огромный вымпел, ниспадающий с задней мачты усиеры. На нём был изображён Иоанн Креститель, святой покровитель Флоренции.

Спустив паруса, усиера подошла к «Пардусу» на вёслах, и некий чин поднялся на её корме. Сложив ладони рупором, он прокричал:

— Не у вас ли находится его величество король Гуго?

— А зачем он вам? — заорал в ответ Инегельд.

— Маркграф Бозон Тосканский желает засвидетельствовать своё почтение!

При этих словах Гуго Арльский очень живо выполз из своей каморы и поднялся во весь рост.

— А где же наш любимейший брат и славнейший маркграф? — спросил он громко, подбоченясь.

— Ждёт вас на берегу, ваше величество! Верные люди передали маркграфу, что вы следуете с норманнами... Меня послали встретить вас и проводить! Маркиз Риккардо Злой, к вашим услугам!

Гуго перевёл взгляд на Инегельда, тот глянул на Вилобородого, а ярл посмотрел на кормщика.

— К берегу! — скомандовал Карл.

Олег обратил внимание на перемены, произошедшие с королём,— Гуго уже не выглядел жалким беженцем, он выпрямил спину и выпятил грудь, принимая вид величественный. Хотя и немного потешный, ибо без мантии и короны Гуго не воспринимался как монарх, больше смахивая на держателя харчевни или на купчика средней руки.

Лодьи повернули вслед за усиерой в направлении Пьомбино, порта на границе двух морей, Тирренского и Лигурийского, но маркиз Риккардо обошёл город стороной, взяв северней, и причалил в маленькой укромной бухточке, на берегу которой выросло целое селение из роскошных шатров, стоявших вразброс. Множество солидариев в блестящих кольчугах, с копьями в руках и перьями на шлемах расхаживали поодаль, сторожа подходы к лагерю, а больше выпендриваясь друг перед другом. Было заметно, что все они служат разным господам — геральдические звери на их щитах щерили кровавые пасти, выпускали когти одинаково свирепо, но породы были разными. Да и больно уж пыжились щитоносцы.

У походных коновязей — попросту говоря, у верёвок, протянутых между деревьями,— фыркали и перетаптывались кони под яркими попонами, а на берегу краски и вовсе пестрели, утомляя зрение произвольным смешением цветов — это вышли встречать короля обитатели шатров, высокие титулованные особы. Граф Флорентийский, граф Сиенский, виконт Пизанский, князь Пьомбино, а впереди всех, источая улыбку, полную мёда и елея, простирал короткие пухлые руки маркграф Тосканский Бозон.

Лодьи одна за другой подошли к берегу, со скрипом и шорохом всаживая форштевни в песок.

Засидевшиеся варяги сходили на берег сразу десятками, и в их присутствии дворянство тосканское малость поблёкло, хотя ни русы, ни даже булгары не отличались цветистыми одеяниями. Сам вид варягов был весьма внушителен — сразу становилось ясно, кто тут воин, а кто просто мечом опоясан. Тем более что на фоне болтливых, экспансив-

ных южан, чёрных и мелких, сдержанные северяне гляделись белокурыми великанами, которым достаточно было бросить один мимолётный взгляд, чтобы задавить в зародыше позыв схватиться за оружие. Солидарии рядом с ними как-то усохли, увяли. Чудилось, даже пышные султаны из перьев поникли.

— Брат! — воссиял Бозон Тосканский, распахивая объятия.

Гуго Арльский, снисходительно улыбаясь, приблизился к нему и приобнял, похлопав по спине.

— Мне докладывали, что норманны решили тебя подбросить до места,— оживлённо болтал маркграф,— но я даже представить себе не мог, что тебя сопровождает такая сила!

— Они гвардейцы императора ромейского,— сказал король небрежно.— Император хочет мира на Юге, я поддержал его, а эти, как ты говоришь, норманны, помогли мне в трудную минуту.

— Так будьте уверены,— торжественно заговорил Федерико, виконт Пизанский,— что усилия вашего величества увенчались полным успехом: Ландульф I, князь Беневентский, сложил оружие и заключил мир с императором ромеев, за что и получил титул стратига Лонгивардии!

— Превосходно,— важно ответил Гуго,— это надо отметить!

— Всё готово, брат! — снова залучился Бозон.

Тут король спохватился и отрекомендовал феодалам Сухова.

— Магистр Олегариус,— сказал он в манере герольда,— в наших понятиях — герцог.

«Герцог» усмехнулся и отвесил тосканцам короткий поклон.

— К столу, господа! — воскликнул виконт.— Ваше величество... Ваше высочество...

И тут на берег сошла Елена Мелиссина. Графы с маркизами моментально приобрели сходство с голодными котами, узревшими миску со сметаной.

— Зоста-патрикия Елена,— представил её Олег,— в ваших понятиях — герцогиня.

Знать дружно поклонилась прекрасной даме, продолжая поедать её глазами. Выглядело это презабавно.

Повара знатных особ были в отчаянии, когда узнали, что стол придётся накрывать едва ли не на тысячу персон, но справились — накрыли поляну. Над десятками костров подрумянивались на вертелах бычки и кабанчики, не считая крупной дичи. Вино разливалось бочками, целый воз свежеиспечённого хлеба «разгрузили» за две перемены блюд.

Олег устроился на ковре, неподалёку от Гуго Арльского, пировавшего с особым аппетитом,— видать, сытная пища варягов не отличалась особыми изысками.

Утолив голод, аристократия пустилась в воспоминания.

— Бивали мы тех лангобардов,— лениво проговорил виконт Пизанский, ковыряя в зубах.— Подошли как-то к Таранто на галерах, вроде как на арабов собрались, а сами высаживаемся в порту. Местные не знали, куда деваться, а наши избаловались: за каждой девкой не гонялись уже, только самых смазливых щупали; серебро не брали, только золото... Ух и погуляли мы тогда! На славу, как говорится...

— А вот мы попали однажды,— подхватил эстафету маркиз Риккардо Злой,— так попали! Составили как-то караван, пошли в Венецию. Бариум уже, помню, миновали, как вдруг, откуда ни возьмись, пираты! Причём с запада напали арабы, с востока — хорваты, а мы, значит, как орешки в клещах. Бог спас да жадность людская — хорваты, чтобы не делить добычу, набросились на арабов, а те — на хорватов! Так и порвали друг друга...

— Жадность и алчность — вот они, грехи смертные! — провозгласил Годехар, граф Флорентийский.— Помните, как мы Ламберта хватали? Кто тогда первым бросился в покои маркграфские, разжиться чем-нибудь подороже бронзы? Теодоро, по-моему... Ну да, он самый. Только Ламберта заперли, он — бегом в палаты, и давай шерстить повсюду. Всё, помню, знаменитый золотой поясок Ламберта отыскать хотел. Всё перевернул, а пояса не нашёл. Теодоро и жену Ламбертову раздеть велел, Гаительгриму,— та стоит, голая, а он всё рыщет, всё ругается. А я гляжу — у Гаительгримы из влагалища будто шнурочек высовывается красненький. Я подхожу к ней, берусь за тот шнурочек, тяну — и вот он, золотой пояс! Ха-ха-ха, ей-богу, ни одной повитухе такое не удавалось!

— Я бы хотел,— вскричал Фабио, князь Пьомбино,— чтобы и у моей жены почаще были такие роды!

— Га-га-га! — ответила знать.

Олег посмотрел на Елену, но та лишь улыбнулась — дескать, что с них взять, с варваров? Грубый народ. Дикий.

Король Гуго малость перепил вина, отчего стал жеманничать и вводить в свою речь витиеватые обороты.

— Мы тут посовещались,— промычал он, наклоняясь к Олегу и облизывая жирные губы,— и решили двигаться к Павии сушей. Я приглашаю вас в гости, благороднейший Олегарий. Хочу, знаете ли, отл... обл... от-бла-го-да-рить за гостеприимство и принять, как подобает

королю. Возьмите с собою вашего князя, Евдокию... или Елену? В общем, её я тоже желал бы видеть среди приглашённых. И... и с полсотни ваших доблестных норманнов — думаю, полусотни хватит, дабы устеречь моё золото и уберечь вас самих от ненужных встреч. Не соблаговолите ли принять моё предложение, магистр?

— Соблаговолю,— улыбнулся Олег.— А лошади хоть найдутся? И коляска для Елены?

— Всё будет! — величаво заверил его Гуго.— Король я или не король?

Сухов привстал на колени и подполз к Инегельду, благодушно выслушивавшему всякую чушь от пьяненьких маркизов с баронами.

— Слышь, Клык? Король нас в Павию зовёт, только не морем. Ты как насчёт конной прогулки? Возьмёшь с собою полусотню...

— ...Полусотню Тудора! — договорил князь.

— Можно и Тудора. А я тогда «чёртову дюжину» прихвачу...

— И меня, и меня! — забеспокоился Пончик, отрываясь от сочной пулярки.

— И тебя.

— А я Котяна возьму,— подала голос Мелиссина.— И булгар моих. Можно, ваше величество?

— Можно! — решительно кивнул Гуго, да так, что шея чуть не хрустнула.— Король я или не король?

— Ладно,— кивнул Инегельд.— Тогда что? Тогда ярлы пущай в Геную следуют. Слышь, Карл? Подождёшь нас в Генуе!

— Добро! — сказал Вилобородый с набитым ртом.

Сидевший неподалёку Либиар Лысый утвердительно наклонил голову, а Вуефаст Дорога, дурачась, изобразил нижайший поклон, принятый на приёмах у базилевса, отчего расплескал вино и развеселил товарищей.

— А не боится ли магистр,— проговорил Бозон Тосканский,— в наших понятиях — герцог, что полусотни норманнов маловато будет, чтобы сохранить и золото, и голову?

Сухов внимательно посмотрел на маркграфа. М-да. Вино не раздобрило Бозона, а прибавило агрессии и пьяной злости.

— Не боюсь,— спокойно ответил Олег.— Потому как на лодьях останутся еще шесть сотен, в ваших понятиях — шесть тысяч отборнейших воинов, поскольку любой варяг стоит десятерых. Если надо, они пройдут всю Италию вдоль или поперёк, чтобы только мне помочь. Пройдут, удобряя землю кровью врагов. Эти люди, маркграф, за последний месяц взяли приступом Амальфи, Неаполь и Рим.

— Рим?! — не поверил Бозон.

— Рим,— по-прежнему спокойно сказал Сухов.

— Это правда, маркграф,— подтвердила Мелиссина.

Тот лишь головою покачал, несколько обалдев, и тут же загорелся новой идеей.

— А пусть тогда покажут свои умения! — воскликнул он.— Пусть в поединке сойдутся лучшие воины — ваш и наш!

— Пусть! — пьяно рявкнул Гуго, уже мало что соображавший.— Король я или не король?..

— Ладно,— согласился Олег, подумав, что победа варяга на дуэли обезопасит его лишний раз — многие из местных забияк присмиреют. О вероятном поражении он даже не думал — победить руса, конечно, можно, но только не этим солидариям. Одержание победы над варягом — удел разве что викинга, светловолосого гиганта из края хладных синих фьордов и лесистых шхер. А уж эти южане... Они возьмут лишь числом, серой массой. Какие из них воины? Так, одно подобие. Смазка для меча.

Варяги, услыхав о странном вызове, запереглядывались — что это, дескать, за чудак выискался — сам для себя погибели ищет?

— Прошу учесть,— надменно сказал Бозон,— Бертуччо Пезаро сражается на двух мечах. Бертуччо!

В дальнем углу поляны поднялся с ковра рослый тосканец, узкобёдрый и широкоплечий, с маленькой головой на непомерно толстой шее, брутальный и жестокий тип — всё в нём дышало грубой силой. Знавал Олег подобных субъектов, знавал... Привычка легко выигрывать порождает в них иллюзию непобедимости, утверждает ни на чём не основанную самоуверенность, перерастающую в наглое доминирование. Но такие люди — не бойцы. Боец — это тот, кто борется, тот, кто, потерпев поражение, находит в себе волю подняться и продолжить битву, тот, кто уверен в своих возможностях, потому как точно знает их пределы. И тут главное не сила тела, а сила духа.

Бертуччо глумливо оскалился, демонстрируя белые зубы и обводя варягов взглядом жадным и нетерпеливым — выходи, мол, кто из вас дурнее, и дай мне с тобой разделаться!

Сухов отыскал глазами Пожирателя Смерти и позвал:

— Ивор!

Тот посмотрел в его сторону, перевёл взгляд на Пезаро — и легко встал, подхватывая оба своих меча.

— Давай, Ивор,— напутствовал друга Малютка Свен,— выпусти из этого говнюка всю вонь!

Пожиратель Смерти тонко улыбнулся и вышел на площадку, поросшую травой, что простиралась шагов на десять между коврами и платановой рощицей.

Бертуччо осмотрел Ивора удивлённо и хмуро, будто не понимая, для чего ему подсунули этого заморыша. Смеху ради, что ли? Он заворчал и качнул правым мечом.

— Врежь ему, Бертуччо! — завопил Бозон.— Врежь как следует!

— Бой до первой крови? — хладнокровно поинтересовался Олег.

— До смерти! — осклабился маркграф.

— Ладно,— пожал плечами Сухов и крикнул: — Ивор! Можешь его убить, если хочешь.

Пожиратель Смерти кивнул, не отводя взгляда от Пезаро. Выпрямившись, он скрестил перед собою оба меча и резко развёл их в стороны, приседая на широко раздвинутых ногах. Бертуччо бросился на него, обрушивая крест-накрест свои клинки, но варяга уже не было на прежнем месте. Отпрянув в сторону, Ивор совершил молниеносный выпад, нанося не смертельный, но болезненный укол.

Тосканец взревел и заработал мечами как мельница, кроя воздух по диагонали. Пожиратель Смерти метнулся к нему, выбрасывая оба меча и задерживая клинки противника, а ударом ноги поражая Бертуччо в пах. Со звенящим скрежетом разъяв мечи, Ивор мягко отпрыгнул, завертев клинками так, что лезвия слились в сверкающие круги. В этот момент он мог поразить тосканца насмерть, но не стал прерывать забаву так рано.

Пезаро издал глухой рык, к его резко побледневшему лицу вновь прихлынула тёмная кровь, затмевая зрение яростью. Он набросился на варяга, рубя одним мечом, другим отбивая удары, неожиданно меняя руку,— вот он сёк правой, защищаясь левой, а теперь била левая, отводя правой роль щита.

Ивор не стал переходить в наступление — он отступал, скользя по траве, отводя мечи Бертуччо, а своими клинками тревожа соперника — покалывая, царапая, пуская кровь по капле. Пожиратель Смерти развлекался, двигаясь ловко и гибко, по-кошачьи, нанося молниеносные удары огромной, тупой и неповоротливой мыши из рода Пезаро.

— Бей! Бей! — кричали вельможи.

— Кро-овь! — визжал Бозон.— Пусти ему кровь!

— Бер-туч-чо! Бер-туч-чо!

Но всё чаще то один, то другой тосканец впадал в растерянность, плохо понимая, что же происходит, почему их силач и задира никак не может покрошить этого задохлика Ивора, и всё больше тревожась,

ибо варяг был по-прежнему бодр, с его лица не сходила лёгкая усмешечка, а вот Бертуччо взмок от пота.

— Как скачет, а? — спрашивал Свен у друзей.— Не-е, вот вернусь до дому и заведу коров. Быка куплю, самого бодливого и тупого! А чего? Имя у меня уже есть — назову быка Бертуччо!

А Бертуччо злился всё больше и больше, стервенея от неудач. И тогда он принялся обзывать Ивора, чередуя солёные выражения из местных наречий с греческими. Пожиратель Смерти тотчас же наказал грубияна — неуловимым движением он отрубил Пезаро оба уха.

— Правильно! — оценил Стегги Метатель Колец.— Так красивше!

— А ему так идёт, правда? — поделился мнением Тудор.— Башка круглее стала!

— Нос ещё торчит,— посетовал Свен,— прямо ни к селу ни к городу!

А до Бертуччо только сейчас стало доходить. Кровь заливала ему шею, растекаясь по плечам, пропитывая рубаху.

— Сдавайся,— холодно предложил ему Ивор.

— Никогда! — прохрипел Пезаро, тут же бросаясь в атаку.

Пожиратель Смерти безразлично пожал плечами — дескать, моё дело предложить, ваше дело — отказаться... Гибким, даже изящным движением он ушел с линии атаки и рубанул мечом, рассекая Бертуччо бок вместе с завязками шоссов и брэ. Штаны стали спадать, Пезаро суетливо прикрылся мечом. Внезапно клинок Ивора оказался у него между ног — перепуганный Бертуччо скакнул в сторону, запутался в шоссах и рухнул на траву. Варяги так и покатились со смеху, хлопая в ладоши, а вельможи Тосканы, как один, поднялись на колени, кто сидел, и вскочили на ноги, кто уже стоял на коленях.

Бертуччо Пезаро лежал, подтягивая к себе один клинок — другой он выронил,— и с ужасом следил за кончиком варяжского меча, подрагивавшего у его носа. В следующее мгновение Ивор отвёл клинок и отшагнул сам.

— Хватит с него,— сказал он.

— Видали?! — гордо проговорил Малютка Свен.— Даже не запыхался!

— Мог бы и сам выйти,— улыбнулся Пожиратель Смерти.

— Да ну...— отмахнулся «малышок».— У тебя терпения больше, я б его сразу зашиб — и никакого удовольствия!

Варяги загоготали, весьма довольные собой и миром.

— Убедились, маркграф? — спросил Олег, наблюдая за Бертуччо. Тот, посрамлённый, лишённый ушей, а также внутренней опоры, убредал с поляны, хромая и придерживая спадающие штаны.

Бозон Тосканский не ответил, сжимая губы в ниточку. К вечному унижению, которое он терпел от братца, теперь ещё добавился и этот позор. Как его пережить?! Способ известен — срам залечивается чьей-то смертью...

— Ладно,— громко сказал Сухов,— пора и баиньки. Пошли, Алёнка.

Оглянувшись, Олег наткнулся на упорный взгляд маркграфа. Равнодушно скользнув глазами по его застывшему лицу, магистр отвернулся и лишь тогда позволил себе скривить губы в улыбке. Истинно говорят, что естественных врагов у человека всего три — это голод, жажда и холод. Остальных он находит себе сам...

Рано поутру лодьи ушли в море, а королевский кортеж только-только начинал выходить из состояния «бестолковщины» — сопровождать повозку короля, которую рано было называть каретой, жаждали все вельможи разом, из-за чего суета и неразбериха длились и длились, кони и люди топтались на одном месте. Наконец, дворяне разобрались, кто за кем следует, и королевский поезд выстроился.

Впереди поскакали герольды в ярких накидках, трубя радостную весть о приближении самого короля, дабы все желающие лицезреть его величество загодя выстраивались на обочине и снимали головные уборы, громкими криками приветствуя владыку. За герольдами и музыкантами ехали знаменосцы, вздымавшие стяги и хоругви, следом поспешали королевские гвардейцы, грозно хмурившие брови и не снимавшие рук с мечей. Далее, строго выдерживая дистанцию, скакали копьеносцы и лучники, щитоносцы и арбалетчики. И лишь позади всего этого воинства грохотала королевская повозка с крытым верхом — Гуго Арльский гордо восседал на пухлых мешках с шерстью, дабы седалищу его величества было мягко ехать, а ноги уложив на заветный сундук с ромейским золотом. Монарх каменел лицом, устремляя взгляд вперёд, к одному ему ведомым целям, и растерянному, оглушённому крестьянину в грязи за обочиной был виден лишь грозный профиль короля Италии.

Монаршию повозку догоняла толпа графов, маркизов, баронов, виконтов и прочих мелкопоместных. Их строй замыкал ещё один отряд королевской гвардии, а последними направляли коней варяги. Елена Мелиссина ехала в повозке-двуколке с откидным верхом, рядом рысил Олег на великолепном гнедом арабских кровей.

Из Рима в Павию тянулись сразу две дороги — древняя, полуразобранная, полупогребённая виа Фламиниа, шедшая через Флоренцию, и виа Франческа, проложенная купцами и воинами через Лукку,

столицу маркграфства Тосканского. Королевский кортеж следовал по виа Франческа — так было короче. Если всё будет хорошо и особенных неприятностей в дороге не случится, Гуго и его свита доберутся до Павии неделю спустя. Да и куда спешить? Вокруг расстилались чудесные пейзажи, в каждом городе королю и иже с ним был готов и стол, и дом. Олега, правда, грызло нетерпение, но утешало одно обстоятельство — эта «конная прогулка» совершалась как бы по дороге в Константинополь. В Павии они надолго не задержатся — потолкаются во дворце короля, выпьют за его счёт, вежливо откланяются и направят стопы в Геную. Там сделают пересадку... И домой!

В первый день, пока кони были свежие, кортеж одолел добрых пятьдесят миль. Ближе к вечеру, не дожидаясь, когда окончательно стемнеет, остановились шумным лагерем на берегу безымянной речушки. Повара запалили костры, собираясь готовить ужин, слуги торопливо закапывали резные столбики и натягивали на них шатры, конюхи скребли, поили и кормили коней.

Варяги разбили отдельный лагерь на возвышенности, в удобном для обороны месте, но костров не разводили — как-никак, они гости. Вот пусть король их и кормит.

Шатёр для магистра и зоста-патрикии поставили Ивор со Свеном, а Олег уже сам натаскал внутрь веток для мягкости. Разостлав ковры, он откинул полог и вышел, желая завести внутрь Елену,— намаялась, бедненькая, в дороге, вот и пусть бы отдохнула. Однако ни вблизи, ни вдали Сухов не обнаружил свою дражайшую половинку. Острое беспокойство тут же стало царапать его, возбуждая неясные подозрения и рождая тихое бешенство.

— Не дай бог...— проговорил он негромко, памятуя о недоброжелательстве Бозона Тосканского.— Всю шкуру спущу! На ремешки!

Навстречу ему шагал Пончик, но обычное «Пр-рывет!» застряло у протоспафария в горле — друг заметил выражение лица Сухова.

— Что случилось? — спросил он почему-то шёпотом.

— Надеюсь, что ничего,— выцедил Олег.— Елену найти не могу.

— Фу-у, как ты меня напугал! Спросил бы сразу! К часовне Ленка пошла.

— К часовне? — переспросил магистр, чувствуя, как отпускает тревога.— К какой часовне?

— Думаешь, я её видел? Какая-то часовенка выше по реке, местные сказывают.

— Нашла когда гулять,— заворчал Сухов.

— Кажется, дождь собирается,— сказал Пончик, задирая голову к небу.

А небеса затягивались хмарью — синие, с лиловой опушью, тучи громоздились, нагоняемые сырым ветром. Вдалеке, над горами, уже посверкивали зарницы, подсвечивая облачность мертвенной голубизной.

— Пойду приведу эту гулёну,— сказал Олег и пошагал на поиски.

Лагерь разбили на северном, низком берегу реки, сразу, как перешли брод. Вода едва текла, иногда журча по каменистым отмелям, порой зеленея омутами. Прямо к реке подступали рощицы ив, полощущих ветви в неспешном течении, а кое-где зеленели тростники, добавляя к бурливому плеску сухое шуршание.

Часовенку Сухов обнаружил на пологом травянистом склоне — четыре мощных арки под пирамидальной крышей. Половины черепиц не хватало, но ласточки не жаловались — везде налепили свои гнёзда, порхали вокруг или сидели в рядок на почерневших стропилах. Пичуги летали низко — к дождю.

Подтверждая примету, загрохотал гром. Порыв ветра пронёсся над рекой, тревожно зашелестела листва. Тут-то Олег и увидал Елену.

Женщина зашла в воду по пояс и тянулась руками к чему-то похожему на большое гнездо, сплавлявшемуся по воде. Да это корзина!

Зловещий свет молнии залил долину, огненный зигзаг распорол небо, оглушительными раскатами ударил гром.

— Алёна! — позвал Олег.

Жена не откликнулась. Она всё тянулась и тянулась к подплывающей корзине и вот дотронулась кончиками пальцев до плетёного ободка, медленно повлекла к себе, ухватила покрепче — и бережно, нежно вынула нечто маленькое и живое, завёрнутое в серую домотканую пелену. «Как Моисея...» — мелькнуло у Сухова.

Прижав свою находку к груди, Елена побрела к берегу. По её лицу, абсолютно счастливому, ручьём текли слёзы, но женщина смеялась, не в силах удержать ослепительную радость.

— Это девочка! — еле выговорила она.— Моя девочка! Господь услышал мои молитвы!

И в тот же момент стих гром, угасло биение молний, улёгся ветер. Небывалая тишина установилась в мире. В непроницаемом пологе туч образовался разрыв — небо, только что покрытое хмарью, очищалось и яснело. Вскоре лишь пара тающих облачков висела в вечернем небе, подрумяненная закатом.

Проглянуло алое заходящее солнце — и тут же прекрасный «зелёный луч» сорвался со светила, уходя в зенит.

— «Меч Господа»,— пробормотал Олег.

— Благодарю тебя, Боже! — воскликнула Мелиссина и бросилась целовать обретённое сокровище.— Ты посмотри только, Олег!

Сухов пальцем поднял уголок пелёнки и увидел головку крошечной девочки в золотистых кудряшках. Кто ж это такого херувимчика сделал подкидышем? — подумал он.

Девочка лупала большими голубыми глазами, а потом раззявила беззубый ротик в улыбке и протянула ручонки к Сухову.

— Ты ей понравился! — восхитилась Елена.

— А я всегда нравился девочкам,— улыбнулся Олег.

Не зная, как ему обращаться с ребёнком, он пощекотал ей животик пальцем. Девочка рассмеялась, задвигала плечиками.

— Кокетничает,— решил Сухов.

— Ты понимаешь,— прошептала Мелиссина,— ты понимаешь? Я стала матерью! Это — моё дитя! Господь даровал мне его, и... О-о! Больше мне ничего не надо! У меня есть ты — и она!

Олег, странно себя ощущая, повел жену с ребёнком в лагерь. Первым их встретил Пончик.

— Пр-рывет! — радостно воскликнул он и удивился: — Кого это Ленка тащит?

— Мою дочь,— ответил Сухов.

ГЛАВА 21,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ ВОЗВРАЩАЕТ ПОДАРОК

Павия показалась поздним утром, когда дело уже шло к обеду. Ничего особенного город собой не представлял — кирпичные стены и башни, поля вокруг, порезанные на мелкие деляны, парочка отстроенных базилик и новые домишки в слободе — десять лет тому назад орда мадьяр здорово покуролесила в Павии и вокруг. Одних только церквей кочевники сожгли более сорока.

Павия была городом и молодым, и древним. Ранее на её месте стоял римский Тицинум, готы начали переделывать его на иной лад, лангобарды продолжили их дело и объявили Павию столицей своего ко-

ролевства. А что? Земли тут плодородные, сей — не хочу. И виноградники имеются, и тучные пастбища. Недаром всегда находились охотники до Павии — Гуго Арльский пока был последним в череде королей, включая и Карла Великого, прибиравших её к рукам.

Город хорошо вписывался в ландшафт берега реки Тичино, в нижнем её течении, недалеко от впадения в По.

Копыта коней прогрохотали по крытому мосту, и стража у ворот поспешила пропустить короля и свиту. Известия о приезде Гуго расходились со скоростью звука — не успел кортеж достичь и середины пути ко дворцу, а народ уже толпился вдоль стен, выглядывал из окон, торчал в дверях. Барин приехал!

Королевский дворец выглядел крепостью в крепости — те же башни, те же стены, разве что ров не прорыт.

Первыми на площадь, куда выходил дворец, подскакали герольды и подняли такой шум, как будто соревновались, кто из труб своих выдует самую громкую ноту.

Ворота дворца плавно отворились, и все — кони, люди, повозки — занеслись внутрь, словно спасаясь от погони.

— Тоже мне, столица,— фыркал Боевой Клык, разминая ноги.— Село!

— Батя, не ругайся,— вставил Тудор.

— Цыц! — ответил батя.

Олег спешился и помог сойти с коляски Елене, не спускавшей с рук Наталью,— так решили назвать девочку ниоткуда.

Внутренний дворик замка был вымощен плитами и окружён тяжеловесными аркадами. Дворецкий сразу же провёл магистра и зостапатрикию в отведённые им покои — просторную комнату со сводчатыми потолками и узким стрельчатым окном, заделанным промасленной тканью. Мебель была под стать — тяжёлая, но крепкая. Монументальная кровать под балдахином, пара деревянных кресел, неподъёмные сундуки-«башенки», высокие, модные у ромеев — они закрывались двухскатными крышками с фигурными бронзовыми накладками.

— Олег,— беспокойно сказала Елена, осторожно укладывая на кровать спящую Наталью,— присмотри за ней, ладно?

— А ты куда?

— Нужно срочно найти кормилицу. У меня-то молока нет! Да ты не волнуйся, я с Котяном схожу.

— И булгар возьми тогда!

— Ладно,— улыбнулась Мелиссина.

На цыпочках выйдя на галерею второго этажа, тоже обрамлявшую внутренний дворик, Елена тихонько прикрыла за собой дверь.

А Сухов, стараясь дышать потише, стал рассматривать нежданное прибавление семейства.

К детям у него было отношение сложное. Отроков-малолеток, развязных, наглых, склонных к стадности, он не выносил. Дошколят, сопливых, обожающих ломать, сжигать и взрывать, еле терпел, а младенцев и вовсе терпеть не мог. Олег искренне не понимал женского восхищения этими сморщенными голышами, безмозглыми, орущими, пачкающими подгузники. «Личинка же! — недоумевал Сухов.— Мозгов нет, одна кишка — в одну трубу вливается, в другую выливается. И воняет!» Но это его особое мнение женщины с негодованием отвергали, утверждая, что он-де ничего не понимает в детях. Тогда Олег затевал рассуждения о материнском инстинкте, о безусловных рефлексах... Его обзывали занудой и прогоняли.

В принципе, он всегда больше любил девочек, чем мальчиков. И, когда его спрашивали, любит ли он детей, Олег утвердительно кивал, уточняя, что особенно ему нравятся двухсотмесячные девочки.

Он вздохнул. Наталья сопела, пальчики её то сжимались в кулачок, то разжимались. На удивление спокойный ребёнок. Плачет редко и очень быстро успокаивается. Видимо, не привыкла в первые месяцы своей коротенькой жизни к вниманию и обожанию, научилась стойко переносить невзгоды, вроде отсутствия молока или чистых пелёнок.

Сухов не верил, что девочку ниспослал Господь. Это слишком мелко для Творца и Вседержителя, ответственного за всю Вселенную,— вникать в микроскопические мечты мельчайшей пылинки жизни по имени Елена Мелиссина. Хотя, кто Его знает? Пути Господни неисповедимы, а чтобы понять Бога, надо быть Им.

Олег присмотрелся к Наталье. Симпатичная вроде... Что из неё вырастет, интересно? Голубоглазая блондинка.

Конечно, Елена будет баловать подкидыша и портить по-всякому, поэтому его долг как отца (звучит очень странно применительно к О. Р. Сухову) защитить дитя от материнской любви, чтобы не развить в дочери (с ума сойти...) болезнь под названием «капризит с выбрыками».

А вообще, если уж говорить о педагогике, то несложно прийти к обескураживающему выводу — никто в мире не знает и не умеет воспитывать детей. Никто, никогда и нигде не знал и не умел. И тысячу лет назад и через тысячу лет всё воспитание сводилось или будет сводиться к питанию. Накормить дитятю, обуть-одеть его — вот и вся наука. Скажешь дитяте: «Нельзя!» — и он тебя послушается. Тогда

сунешь ему печенушку, пускай мусолит на здоровье. Не послушается — дашь ему по шее, отшлёпаешь, выпорешь, в угол поставишь. Метод кнута и пряника. Дрессировка.

А ведь иного метода нет. Во все времена жили люди, способные учить других. Иногда их имена оставались в истории, чаще всего подвергались забвению.

Легко научить ремеслу или военному делу. «Делай, как я!» — вот и вся метода. Лепи горшки, как я. Строгай, как я. Вари пиво. Куй железо. Головы срубай ворогу.

А как научить честности? Как внедрить в ребячью душу понятие справедливости? Милосердия? Понимания? Совести? Как привить любовь к труду и тягу к знаниям?

Да если даже к лучшему учителю привести ребенка с улицы и попросить: «Научи этого дитёнка брать на себя ответственность и нести её»,— ничего же не выйдет. Всё, что есть у учителя,— это слова и розги. В будущем недалёкие и неумные гуманисты отменят наказания для детей — и лишат учителей кнута. А много ли воспитаешь пряником? И разве безнаказанность не хуже во сто крат наказания? (Да и кто сказал, что эти гуманисты наказание запретили? Они просто переложили неприятную процедуру на родителей — вызовут тех в школу, опишут подвиги сыночка — и будет тому сыночку! Всыпят дома так, что сесть не сможет...)

Удел учителя — бормотать заклинания: «Будьте добренькими, будьте добренькими...» А где же педагогу взять волшебную палочку, чтобы «закрепить материал»?

И насколько, вообще, человек воспитуем? Что в нас передаётся по наследству, а что служит примером? Как это узнать? Как определить, на каких весах?

Ах, как радуются мамочки, глядя в честные глаза своих малышей, наивно лепечущих слова любви и бесконечной признательности. Но подступает зловещий срок, исполняется малышу тринадцать лет — и всё летит в тартарары. Милый мальчик (девочка) превращается в наглого, невоздержанного, угловатого отрока (отрочицу), грубит, не слушается, занимается чем попало... Что же, тринадцать лет «воспитания» — коту под хвост? Начинай сначала? А как? Это малышня в рот взрослым глядит, а подростки посмеются только над нудными нотациями, отвергая учителей и низвергая авторитеты...

Тут размышления Олега сбились — Наталья захныкала, завертелась беспокойно. Открыв глаза, долго ими хлопала, словно не узнавая «папу», а потом зачмокала.

— Ну и что ты этим хочешь сказать? — спросил Сухов с неожиданной робостью.— Жрать хочешь? Ох, где ж там твоя мама...

Мучиться ему пришлось недолго — скрипнула дверь, пропуская в покой Елену Мелиссину и грустную девушку лет двадцати, миловидную, с густыми чёрными волосами, спрятанными под платок-теристру. Одетая в простое платье, девушка не носила обычного сюркени, обтягивавшего грудь,— уж больно велик был её бюст. Тяжелые, налитые груди распирали льняную ткань, увлажняя её пятнами от выступавшего молока.

— Вот, нашла! — радостно сказала Елена.— Познакомься, это Гелла. Она потеряла своего ребенка и согласилась кормить моего... нашего.

Гелла робко поклонилась Олегу, магистр тоже ответил ей поклоном.

— Ты из лангобардов? — спросил он.

Тут ему пришлось удивиться — Гелла вздёрнула свой носик и ответила, что все её предки до седьмого колена были чистокровными римлянами. Сухов не стал спорить, да и Наталья теряла терпение — словно почуяв запах молока, она радостно и нетерпеливо заагукала. Гелла подошла к кровати и всплеснула руками в восхищении — Елена гордо улыбнулась...

Истинная римлянка быстренько уселась, взяла девочку на руки и дала ей грудь, хоть и огромную, но сохранившую красивую форму. Наталья даже растерялась, облапив её, и жадно всосалась, зачмокала.

Олег уселся в кресло и стал наблюдать за кормлением ребенка — вероятно, самой древней картиной на свете...

Королевский приём был очень пышен и очень скучен — в тронном Большом зале, скудно освещённом сквозь промасленные холстины, вдоль трёх стен выстроились придворные, а на возвышении у задней стены, увешанной знамёнами поверженных врагов, стоял трон лангобардских королей, ныне занятый Гуго Арльским.

Гуго выслушивал нудные приветствия высоких гостей, вроде принца Конрада I Тихого, сына бургундского короля Родольфо II, князя Капуи Атенульфа II, Германа I фон Веттерау, герцога Швабии, или Арнульфа Милостивого из рода Луитпольдингов, герцога Баварии.

Все эти высочества, светлости, милости терпеть не могли Гуго Арльского, но слащаво улыбались ему. Впрочем, они и друг дружке постоянно делали пакости, но в лицо расточали любезности, сжимая за спиною нож и мечтая его всадить по самую рукоятку своему собеседнику.

После представлений, поздравлений и уверений в совершеннейшем почтении все с облегчением перешли к «официальной части» — начали пировать: есть до отвала и пить до упаду.

О, это была знатная обжираловка, достойная Гаргантюа. Хруст костей, чавканье, звон и плеск полнили Большой зал, навевая мысли о свинарнике. Сначала ещё сохранялась видимость чинности — музыканты дудели, бренчали, стучали и тренькали, лакеи, шлёпая пигашами, разносили яства, а раскормленные собаки зевали вдоль стен, лениво выкусывая блох. Но разгул набирал и набирал обороты. Вскоре визги, гогот, рёв, здравицы — всё смешалось. Куда ни глянешь — выпученные глаза, борода, заляпанная подливкой, зубы, вонзающиеся в окорок, немытый кадык, торопливо ходящий вверх-вниз, накачивающий тулово вином, струйки спиртного, стекающие по усам и капающие на блио...

Выпив и закусив в меру, Олег трезво оценил, что официальная часть закончилась, пошло разгуляево, король уже «устал», и можно уйти, не нарушив законов приличия. Он посмотрел на Елену, та кивнула, и чета покинула Большой зал.

Гул пиршества доносился и во внутренний дворик, словно шум прибоя. Поднявшись по наружной лестнице на галерею, Елена поспешила вперёд — убедиться, что с её ненаглядной крошкой всё в порядке.

В покоях было тихо. Серебряный канделябр бросал свет десятка свечей на кровать, где сидела Гелла и спала Наталья, на икону в углу, на скромно накрытый стол — кувшин с вином, кусок пахучего сыра и ломоть хлеба.

— Как она? — прошептала Мелиссина.

— Спит,— приподнялась кормилица — и вернулась на место, усаженная жестом зоста-патрикии.

— Ох, как меня утомили эти лангобарды,— тихонько простонала Елена, наливая себе в чарку вина из кувшина.

— Ты ещё не напилась? — улыбнулся Олег.

— Да я не выпить хочу, а просто пить...

— Стой! — резко сказал Сухов.

Недоумевая, Елена поставила чару на стол.

— А... что? — растерялась она.

— Откуда тут вино? — спросил Олег.

— Ну, Гелле принесли, наверное...

— С каких это пор короли угощают кормилиц? — продолжил магистр напряженным голосом.— Гелла, ты не пила это вино?

— Да нет...

— А ты не выходила отсюда? Видела, кто принёс кувшин?

— Я выходила,— испуганно призналась девушка.— Завернула Наталью, чтобы её не просквозило, и вышла на галерею — размять ноги и укачать ребёнка. Но я видела, кто заносил кувшин. Я ещё подумала, что это ваш знакомый заходил, но не застал никого. Человек-то знатный! Кто таков, не знаю, но плащ у него богатый, из синего бархату...

— ...Под ним — зелёное блио с золотой цепью,— продолжил Сухов описывать сегодняшнее одеяние маркграфа,— сам коренастый, жирноватый, ноги и руки короткие, борода кудрявая, на носу большая бородавка, а на голове шляпа с двумя перьями, зелёным и красным?

— Да-да! — обрадовалась Гелла.— Так вы встретились?

— Встречались,— усмехнулся Олег.

— Думаешь, это Бозон являлся? — с тревогой спросила Елена.

— Приметный товарищ наш маркграф, спутать трудно. Чего вот только он лично решил нас вином обнести?

— Неужели...— Женщина осторожно перелила вино из чарки обратно в кувшин.

— Скорей всего, отравлено,— кивнул Олег,— но я это проверю.

— Как?

— Верну подарок.

Подхватив кувшин с вином, Сухов вышел на галерею. Ему пришлось обойти её почти всю, пока он не наткнулся на Малютку Свена, стоявшего у перил. «Малышок» задумчиво глядел на первые звёзды, разгоравшиеся над Павией, и звучно икал.

— Свен,— обратился к нему магистр,— ты не в курсе, где поселили Бозона Тосканского? Ну, этого, который Бертуччо выставил против Ивора!

— А, этот! — просветлел варяг.— Так вона его дверь, с угла которая, на ней сразу две подковы приколочены!

— Точно его?

— Да точно! Что ж я, врать тебе буду?

Олег кивнул и прошёл к двери. Отворив её, он заглянул внутрь. В просторной комнате горели аж три канделябра, бросая отсветы на толстую девку, лежавшую на кровати в позе «звёздочка», то бишь раскинув руки и ноги, и похрапывавшую.

Сухов осторожно поставил кувшин на прикроватный стол — кто-то его уже успел заляпать вином — и тихо удалился.

На галерее стало люднее — появился Ивор и Пончик. По лестнице наверх поднимался Тудор, тащивший на себе Инегельда, рычавшего походную песнь.

— Пр-рывет, сиятельный! — поприветствовал Олега протоспафарий.— Ты чего это по чужим палатам шастаешь, а?

— Порядок навожу.

Сухов вкратце посвятил друзей в детали происшествия, которое по чистой случайности не стало чрезвычайным.

— Может, там и нету яда,— неуверенно предположил Пончик.

— Ты веришь, что Бозон просто так, от широты душевной, решил меня угостить?

— Хм... М-да. Верится с трудом. Угу... Слушай, а если оно и вправду отравленное и его кто-то другой выпьет?

— А мне наплевать,— медленно проговорил Олег.— Давайте-ка ложиться, парни. Завтра подниму с рассветом. Хватит с нас этой Италии! Домой пора двигать.

Свен хохотнул и в обнимку с Ивором направился в Синий зал, где залегла полусотня Тудора. Половина варягов ещё не вернулись с гулянки, вот и пускай потом ищут свободное место!

Хлопнув по плечу задумчивого Пончика, Сухов вернулся к себе и задвинул засов на двери.

— Всем спатьки,— объявил он.

Напряжённое лицо Елены разгладилось, она улыбнулась. Тут и Гелла заулыбалась обрадованно — страх как не хотелось ей покидать эту семью, очень уж господа хорошие, добрые такие и щедрые.

Олег остался в одной рубахе и прилёг с краю. Ложе было огромно — четверо лягут. Четверо и легли.

...Дворцовые повара и слуги просыпались рано, они-то и обнаружили трупы Бозона Тосканского и Толстой Эльзы, павийской блудницы. Он и она лежали на кровати друг на друге, голые, с искажёнными лицами синюшного цвета.

Когда Гуго Арльскому донесли печальную весть, было уже позднее утро. Король, находясь в тяжком похмелье, туго соображал, о чём таком ему толкуют, а когда до него дошло, он с ходу принял самое верное и мудрое решение — созвал всех своих гостей на поминальную тризну...

Одних варягов не пригласили — в полном составе они покинули Павию. Полусотня Тудора прихватила с собою мешки со съестным, а «чёртова дюжина» затарилась вином.

В Генуе они не задержались — пересели на лодьи и отчалили. Военный поход окончился. Начиналась охота на человека.

ГЛАВА 22,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ

Забавно было наблюдать за сдержанно сопевшими варягами, разглядывавшими Наталью Сухову. На их лицах читалось удивление и чисто мужская растерянность при встрече с младенцем. Малютка Свен хотел даже подержать кроху — одной ладони варяга хватило бы для этого,— но Гелла вцепилась в ребёнка, как в своего, и не позволила. Свен не обиделся, умилился даже такой преданности.

А вот Пончик был загипнотизирован отнюдь не девочкой — сердце протоспафария покорила кормилица. Он глядел на Геллу, как кролик на удава, только не с ужасом, а с восторгом, больше всего желая быть проглоченным дивным ротиком девушки.

Теперь мать приёмная и мать кормящая прочно обосновались на корме «Пардуса», тетешкая Наталью, кормя её, направляя младенческий взгляд на море: «А во-он дельфинчик поплыл! Смотри, какой дельфи-инчик... О, как прыгает дельфинчик, как кувыркается!»

Олег частенько занимал место на скамье гребца и брался со всеми за весло — нетерпение гнало его в Константинополь. Чудилось ему, что, когда он работает веслом, пункт назначения приближается скорее.

Лодьи без происшествий добрались до узости Мессинского пролива, на ночь останавливаясь в бухтах укромных островков.

Обогнув Калабрию и выйдя в Ионическое море, варяги направились в Бариум, где стоял ромейский флот Иоанна Радина.

Это было задумкой Олега — он не хотел возвращаться со всеми вместе, надо было ему попасть в Константинополь раньше всех, чтобы без помех вытрясти из патриарха всё, что тому запомнилось, и выйти на след «Принцепса».

Сухов сомневался, что ему это удастся, но ни с кем не делился своими сомнениями, даже с Пончиком. Нельзя показывать свою неуверенность подчинённым — личный состав должен верить в командира, в мудрость его и прозорливость, полагаться на него во всём. Отсюда и рождается то, почти религиозное, ощущение непобедимости, каковое вселит в своих нукеров Чингисхан двести лет спустя.

В Бариуме варяги сошли на берег размяться да погужеваться в портовых кабаках и заведениях известного рода. Но повезло не всем — «чёртову дюжину» Олег прихватил с собой.

Иоанн Радин, очень довольный победами над мятежниками, легко уступил Сухову тахидромон — лёгкое быстроходное судно, предназначенное для скорейшей доставки донесений или для разведки. Олег же использовал тахидромон для того, чтобы, не теряя времени, прибыть в Диррахий.

Надо ли говорить, что Елена с Натальей и Геллой отправились на том же корабле? И стоит ли добавлять, что Мелиссина позвала с собой Котяна, Тарвела, Органу и Куверта? А не слышному никому зову Геллы Пончик подчинился раз и на всю жизнь. Кормилица, правда, пока лишь очень смутно догадывалась, что происходит с протоспафарием, почему Александр при ней застывал, изображая идола на кургане, краснел, бледнел и растягивал рот в дурацкой улыбке. Почему всякий раз, когда она встречалась с ним глазами, в его взгляде читалось восхищение и... обожание? Геллу пугало внимание столь важного синьора, но всё же любовные токи доходили до неё, принуждая ресницы опускаться, погашая взор, а кровь — струиться быстрее, притекая к щекам.

Сухов замечал все эти волшебные превращения и радовался за друга, наконец-то обретшего любовь в этом мире чистейшего воздуха и грязнейших улиц, исступлённой веры и дикого неистовства, чудовищной жестокости и потрясающе наивных заблуждений.

Не дожидаясь утра, тахидромон «Святой Иов» отбыл пополудни из Бариума и вечером уже входил в гавань Диррахия.

Котян с булгарами переполошили хозяев местных конюшен, запугали их, купили, но привели-таки целый табун лошадей, лёгкую коляску и два десятка простых кавалерийских сёдел.

«Чёртова дюжина» тоже без дела не сидела — прошлась по лавкам Диррахия, запасаясь сыром, хлебом, копчёным салом, вином, изюмом. Торговцы были бы рады отдать свой товар и даром, лишь бы эти страшные дюжие молодцы оставили их вживу, но молодцы платили, не торгуясь.

Солнце уже село, когда странная кавалькада тронулась в путь. Сметливые тётушки из предместий сразу же пустили слух — это, дескать, варварскую принцессу повезли сватать, а громилы, что с нею, всё братья ейные — уж больно они одинаковы, прямо как бобы в стручке.

Отряд Сухова ехал до темноты, пока не остановился лагерем за дорогой, под защитой скалы и рядом с ручьём. Елена всё беспокоилась

о здоровье малышки, но Олег уверил жену, что Наталье Олеговне свежий воздух лишь на пользу. И впрямь — дрыхла Наталья Олеговна так, что даже гром небесный не разбудил бы её.

Утром магистр повёл своих дальше, одолевая милю за милей виа Эгнатиа.

Ясный майский полдень стоял над Константинополем, когда отряд прибыл к Меландизийским воротам. Все запылённые, прокопчённые, одна Наталья пахла молоком. Ехать дальше было нельзя — закон не позволял передвигаться днём по городу на конях. Олег тут же нанял для Елены и Геллы носилки и отправил женщин домой в сопровождении булгар и неполной «чёртовой дюжины» — Котяна, Ивора и Свена он оставил с собой. После жестоких колебаний к ним присоединился Пончик. Так, впятером, они и отправились учинять допрос патриарху.

После италийских будней Олегу было непривычно шагать по Месе, он словно заново открывал для себя главную улицу Ромейской империи. А на ней ничего не изменилось — всё так же болтали женщины с пустыми кувшинами, стоя в очереди к цистерне Аспара. Всё так же торговали мясом на площади Тавра, в Царских портиках зазывали покупателей хотя бы прицениться к золотым диадемам, ожерельям, пекторалям, а возле храма Святой Софии отливали свою продукцию свечники, наплевав на запреты эпарха.

— Сюда,— сказал Олег, сворачивая к резиденции патриарха.

Варяги с печенегом молча кивнули, Пончик обронил: «Угу...»

Во внутреннем дворике было людно — со своими прошениями к святейшему явились игумены монастырей и прочие алкатели бесплатного счастья. Небрежно подвинув охрану, неуклюже расступавшуюся перед магистром, бесцеремонно отстранив Евсевия, секретаря и первого помощника патриарха, Олег вошёл в покои Его Святейшества.

Феофилакт в этот момент молился на коленях перед огромным иконостасом, обуреваемый мистическим жаром.

Сухов молча стоял и ждал, пока патриарх заметит его присутствие. Положив десяток поклонов, Феофилакт обернулся и смертельно побледнел, наткнувшись на холодный и суровый взгляд Олега. Варяги и вовсе смотрели так, словно готовились Его Святейшество прирезать, забрызгивая кровью иконы.

— Ч-что?.. Кто? — залепетал патриарх, с трудом поднимаясь с колен.

— Ты почто Елену Мелиссину в Рим отправил? — ледяным тоном спросил Сухов.— Тебе известно, что она моя жена?! А извещён ли ты, что задание, данное тобою своей тайной посланнице, было направлено против величайшего и сорвало планы базилевса? Ты хоть понимаешь, что за это полагается? Ослепление и темница, где ты сгниёшь, объедаемый крысами!

Феофилакт обратно рухнул на колени.

— Не губи, сиятельный! — тонко заверещал он.— Умоляю! Не виноват я!

— Как же не виноват?! — не ослаблял напор Олег.— Или, скажешь, не ты придумал тайную посланницу завести, да и в Рим направить?

— Не я! — с жаром сказал патриарх.— Ей-богу, не я! Вот те крест! Нашептали мне люди недобрые, соблазнили! Сатанинское то было наваждение! Искус диавольский!

— Что ты врёшь?! Кто тебя соблазнил?

— Они, они! — еле выговорил трясущимися губами Феофилакт. Он подполз на коленях к Сухову и ухватился за полу его пропылённого скарамангия.— Они всё задумали, они всё затеяли!

— Толком говори! — рявкнул магистр. Он был страшен.

Феофилакт угодливо закивал.

— В тот самый день,— быстро заговорил он, перебирая складку Олегова скарамангия,— с утра ещё, у меня побывали логофет дрома Василий Катакил и протомагистр Мануил Атталиат. Они всё, они! То один говорил, а другой поддакивал, то наоборот. Запутали они меня, околдовали будто! Да почему — будто? Как есть околдовали! Внушили мне мысли зловредные, а я грешен, искушения перебороть не смог — гордыня взыграла, восхотелось мне, как патриарху Николаю, дела творить тайные да патриарху Фотию уподобиться!

Олег присел на корточки и заглянул в насмерть перепуганные глаза патриарха — зрачки во всю радужку.

— И больше никто об этом при тебе речи не заводил? — раздельно проговорил он.

Феофилакт затряс головой:

— Никто! Они только! Они всё! Бог свидетель, не вру!

— Ладно...— протянул Сухов.— Что ж, если так, попробую даже помочь тебе остаться святейшим...

— Да, да! — возликовал патриарх.— Богу буду за тебя молиться, сиятельный!

— Одно условие, святейший,— никому ни слова о нашем разговоре. Понял? Иначе, если всё дойдёт до ушей божественного, он тебя не пожалует.

— О-о! Конечно, конечно! Я буду молчать аки рыба! И наложу на себя епитимью... Сейчас же!

— Хоть две,— буркнул Олег, поворачиваясь и удаляясь в коридор.

Выйдя во дворик, он сделал глубокий вдох-выдох, вытравливая из лёгких духоту патриарших покоев.

— Катакил и Атталиат...— задумчиво проговорил Пончик.— Угу...

— Катакил или Атталиат,— поправил его Котян.

— Логофетом дрома займёмся после,— решил Сухов.— К Аттали-ату!

Дом протомагистра стоял в хорошем месте — перед стеной Константина, где на зелёные холмы взбирались кипарисы и белые церквушки, вознося в голубое небо кресты. А вот Атталиат зелени не любил — его дом выступал прямо на улицу, спускаясь к ней широкой мраморной лестницей, украшенной бронзовыми фонарями на витых столбах.

— Вот, ведали бы, мимо б не прошли...— проворчал Свен.

— Да кто ж знал,— пожал плечами Ивор.

— Сейчас узнаем! — молвил Пончик.— Угу...

Олег первым поднялся по лестнице в тень мраморной колоннады. Высокая дверь, обитая гвоздями со шляпками в форме звёзд, была заперта. Рядом висел деревянный молоток, подвешенный на цепочке. Сухов несильно постучал предложенным орудием. Шагов слышно не было, но вскоре дверь открылась, и в щель высунулся розоволицый привратник с выгоревшими бровями и белесыми ресничками, придающими ему сходство с поросёнком.

— Хозяин в тавлинуме быть изволит,— проблеял он, разрушая образ.— Велел говорить, что не принимает...

— Мне он будет рад,— сказал Олег, рывком отворяя дверь и перешагивая порог.— Ивор, присмотри тут...

Не оборачиваясь, чтобы убедиться, выполняется ли его приказ (конечно, выполняется. Разве могут быть сомнения?), Сухов пересёк обширный вестибул, с полом, разукрашенным трёхцветной мозаикой, и попал в тавлинум, разгороженный по середине рядом каннелюрованных колонн.

У окна, за громадным и тяжёлым столом — мраморная плита на бронзовых ножках под вид львиных лап — восседал грузноватый Аттали-

ат. Протомагистр что-то выводил тростинкой-каламом на листе пергамена. Заслышав шорох отодвигаемого занавеса из выделанной кожи, он обернулся. Ничто не дрогнуло в лице Атталиата, ничем он не выдал своих чувств, и всё же выражение стало иным, утратив некую малость — ощущение жизненности. Чудилось, будто душа этого человека уже покинула бренное тело, и оно двигается по инерции, имитируя проявления жизни.

— Всё-таки доискался...— выговорил Мануил. Вздохнув, он отложил калам и откинулся на спинку деревянного кресла.— Да ты присаживайся, сиятельный. Как у вас говорят: «В ногах правды нет...»

Олег почувствовал успокоение — всё-таки он нашёл того, кого искал. Удобно устроившись в кресле, он положил ногу на ногу и сложил руки на колене.

— Катакил — твой человек? — спросил он прямо.

— Ну вот ещё! Василий глуп и умеет только поддакивать. Тайну ему доверить нельзя, умного совета от него тоже не дождёшься.

— Тогда объясни мне одну вещь, «Принцепс»,— сказал Сухов.— Зачем?

— А тебе известно куда больше, нежели я полагал,— с уважением затянул Атталиат.— Зачем... Ты же только что из Италии и видел, как там живут-поживают да добра наживают всякие бароны и графы. Даже какой-нибудь ничтожнейший виконт, владеющий вшивой деревушкой, чувствует себя господином, хозяином жизни! А мы? Мы живём в вечном страхе, не зная, что с нами станется завтра, всё изощряемся, угождая базилевсу. Да по какому праву? Кто он такой? Отец Романа жил по колено в навозе!

А видал ты, как живут монахи в той же Италии или в Бургундии? Лотарингии? Штирии? Едят от пуза и сладким вином запивают! Наши же всю свою жизнь Господа молят в голоде и холоде!

— А чего же ты не переедешь в ту же Италию? — поинтересовался Олег.— Купил бы себе виллу на бережку и чувствовал бы себя хозяином жизни.

Мануил грустно вздохнул и покачал головой.

— Не хочу,— сказал он.— Здесь я родился, здесь и умру.

— Тоже правильно. Скажи, а того варяга, Стемида, ты подкупил?

— Стемид? — нахмурился протомагистр.— Ах, да... Признаться, не хотел вымарать руки убийством, но тут случай подвернулся — грех не попользоваться. Уж очень подходящ был этот... как, ты сказал, его зовут?

— Стемид.

— Вот-вот, он самый. Абсолютно продажный, жадный и бессовестный тип. Правда, за тридцать серебряных милиарисиев он не соглашался тебя убить, но вот за тридцать номисм готов был зарезать любого.

Олег посмотрел на него, подумал.

— Знаешь,— признался он,— я бы не питал к тебе ничего, кроме лёгкой брезгливости, если бы ты обманом не услал Елену в Рим.

— Да, это было подло,— легко согласился Атталиат.— Надеюсь, она жива?

— Твоими молитвами, Мануил,— усмехнулся Сухов.

Атталиат тоже наметил улыбку.

— Объясни и ты мне одну вещь, Олегарий,— сказал он.— Ты-то почему хранишь верность императору? Зачем?

— Это не верность и не преданность, Мануил. Просто я дал слово чести, а честь для воина — всё. Я — воин. Ну что, вечер вопросов и ответов закончен?

— Пожалуй,— кивнул протомагистр.— То, что тебе хотелось узнать, ты вызнал уже, а прочее не слишком интересно...

Кряхтя, он поднялся и подошёл к сундуку-«башенке». Подняв крышку, Атталиат достал оттуда гладиус.

— Не напрягайся,— спокойно сказал он,— поединок я затевать не собираюсь. Я — не воин. Так что позволь мне уйти из жизни подобно достославным предкам...

На глазах погрузнев, состарившись за миг единый, протомагистр подошёл к колонне. Уперев рукоятку меча в желобок, острие клинка он приставил к груди и обнял колонну обеими руками.

— Прощай, враг мой...— пробормотал Атталиат.

— Прощай, «Принцепс»,— сказал Сухов.

Протомагистр рывком прижался к колонне.

«Х-ха!» вырвался воздух из пронзённых легких, и остриё, обагрённое кровью, выступило со спины «Принцепса». Угасающий разум ещё светился в распахнутых жёлто-медовых глазах Атталиата, когда тот опускался на пол, цепляясь за колонну в последнем усилии жизни, но вот померк и он. «Пятый, который первый», заговорщик и предатель, коварный и сильный человек, умер.

Олег поднялся, гася позыв склониться над телом протомагистра, дабы закрыть ему глаза, и вышел.

— Ну, что? — бросился к нему Пончик.— Он?!

— Он,— подтвердил Сухов.

— Ты его убил?

— Я дал ему умереть. Пошли домой, Понч. Устал я...

Ивор, Свен и Котян молчаливо ждали его приказов.

— Это и вас касается,— улыбнулся Олег.

Малютка Свен радостно потёр ладони — любил он бывать в гостях у Мелиссины, жаркое у её домоправительницы Ирины выходило просто бесподобное...

Игнатий Фока отворил ворота и пропустил всю компанию, лучась от радости,— все целы, здоровы, как хорошо-то!

Сухов ступал по аллее и чувствовал, как отпускают его тревоги. Тут из окна опочивальни донёсся смех Натальи и мощное сюсюканье двух мам, Елены и Геллы.

— Остановись, мгновение,— прошептал Олег, испытывая ни с чем не сравнимое ощущение. Он вернулся. Он дома.

БАГАТУР

Глава 1,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ СУХОВ ВСТРЕЧАЕТ РАССВЕТ ПОПОЛУДНИ

Лето 936 года по Рождеству Христову выдалось в меру жарким. Природа, словно балуя злаки и дерева, не скупилась на дожди, но и не задерживала тучи в небесах, открывая землю горячему свету. Пахари радовались скорым урожаям, вычищая громадные пифосы [1] и представляя, чего и сколько они купят в Городе, лишь только закончится страда.

А сам Константинополь жил и горя не знал — купцы торговали, набивая мошну потуже, чиновники соскребали с пергаментов указы прошлых лет, дабы испачкать их новыми записями, нищие попрошайничали, воины скучали, священники молились во здравие и за упокой.

Громадный Город-Царь, отстроенный на краю Европы императором Константином, красовался, выставляя себя напоказ, гордился своим величием, изнемогая от богатств, самим видом своим, роскошью немыслимой, внедряя в умы и сердца народов окрестных идею превосходства Ромейской империи [2].

---

[1] *Пифос* — огромный широкогорлый кувшин в форме шара с плоским дном. В таких хранили зерно, воду, рыбу (обычно пифос закапывали в землю). Кстати, именно в пифосе проживал Диоген.

[2] *Ромейская империя* — государство, которое принято называть Византией, хотя это то же самое, как если бы Российскую Федерацию именовали Московией.

Константинополь — око и центр вселенной. Базилевс [1] — глава всех народов земли. И сами ромеи — народ особый, отмеченный свыше. Все прочие — варвары, неименитые и несчитаемые, удел которых состоит в служении ромеям.

Константинополь — Второй Рим, и никому не сокрушить его, ибо град сей находится под надёжной защитой Провидения. Христианский Рим, преславный Константинополь, будет царить над миром вечно!..

Внимали ли этим истинам заезжие варвары, история умалчивает. Русы, франки, норманны, хазары, угры, болгары бродили по великолепной и пышной Месе [2], дивясь бесконечным колоннадам и статуям, золотым куполам церквей, неисчислимым толпам горожан, разодетых в парчу и бархат. Вот только не почтение возбуждалось в их душах, а зависть и ревность.

Варвары не признавали законов, не ведали ни стратегии, ни тактики, их действия были абсолютно непредсказуемы, но они крайне редко терпели поражения. К горю людскому, алчность дикарей-европейцев или азиатов-кочевников подкреплялась глупостью христолюбивых царей, множащих беды, подрывающих устои, близящих грозное крушение государства.

Величайший, Святейший, Августейший, Единственнопремудрейший базилевс Роман I Лакапин долго думал, как же ему умилостивить противников, да ещё пуще порадовать сторонников, и придумал — устроил гонения на евреев. Бедных иудеев хватали по всей стране, силою заставляя креститься. Массы беженцев покидали империю, уезжали, уплывали в Хазарский каганат к своим единоверцам, а тамошний иша [3] Йосып бен Аарон, привечая гонимых, ответил гонителям массовыми казнями христиан. Тогда ромеи подкупили русского князя Хельгу, дабы тот воевал за них в степях таврических. Среди ночи воины князевы напали на Самкерц [4] и захватили его из-за беспечности градоначальника Хашмоная, подавшегося на охоту. Каганат тут же нанёс ответный удар — хазарский полководец Песах осадил Самкерц и разорил подряд три города ромейских — Феодосию, Сукдею и Алустон [5]. Так, из ничего, из сумасбродства неумного правителя, возжёгся огнь войны...

---

[1] *Базилевс* — император ромеев, то бишь византийцев.

[2] *Меса* — Средняя. Главный проспект Константинополя, центральная улица.

[3] *Иша* — «управляющий богатством»; как бы царь Хазарии, правящий от имени кагана. Надо особо отметить, что вся верхушка каганата, купцы-рахдониты, ведущие заморскую торговлю, и часть простонародья исповедовали иудаизм.

[4] *Самкерц* — надо полагать, нынешняя Керчь.

[5] Нынешние Судак и Алушта.

Магистр Олегарий, он же Олег Романович Сухов, аколит средней этерии [1], вышел на Месу, чувствуя, что настроение испорчено окончательно — базилевс слал его в Киев, к великому князю Ингорю Старому, за подмогой. А оно ему надо?

Олег вышагивал, хмурясь и раздражённо толкая прохожих. Те иной раз огрызались, но живо смолкали, стоило им углядеть белый магистерский скарамангий [2] с пурпурными нашивками на груди. Кому ж охота связываться с вельможей такого ранга? Не все, правда, сникали от почтения — гости города, те же амальфитанцы или венецианцы, не ведавшие здешнего подобострастия, сникать особо не спешили, а бранились, порою и за нож хватались. Один такой, чернявый, с кривыми ногами, обтянутыми штанами-чулками, гневно обернулся, заработав тычок в плечо.

— Ты чем-то недоволен? — холодно спросил его Олег, засовывая большие пальцы за пояс-сингулум из красной кожи с золотой пряжкой. Он подставлялся под удар.

Чернявый лишь оскалился, вооружаясь изящным стилетом. Сухов не стал дожидаться, когда лезвие попортит скарамангий, и вышиб у строптивца кинжал из руки. Ударил под дыхало. Чернявый согнулся, сипло втягивая воздух и роняя шапочку с длинным пером. Олег ухватил нечаянного супротивника за длинные патлы, приложил головой об колено, добавляя кулаком по затылку — готов. Дерзостник рухнул на каменные плиты, истёртые подошвами и пятками.

А магистру полегчало — согнав злость на патлатом, он малость успокоился, повеселел даже. Шаг его замедлился, придавая поступи величавость, подобающую царедворцу.

«Да и что такого особенного произошло?» — подумал Олег. Можно подумать, в прошлые годы было легче — постоянно его слали куда-то. И в Хазарию он хаживал, и в Херсон, и в Александрию, арабами переиначенную в Искандарию. В Болгарии бывал, в Венеции, в Хорватии, в Бургундии и Лотарингии, Моравии и Швабии. Да легче сказать, куда его не закидывала судьба и приказ императора. Может,

---

[1] *Магистр* — высший титул, которого мог удостоиться царедворец, не состоящий в родстве с базилевсом. Всего магистров в империи насчитывалось 12 человек. Аколит (или аколуф) — командир наемников. Этерия — личная гвардия императора. Различалась великая этерия, комплектовавшаяся из македонцев, малая этерия, в которой служили хазары и арабы-христиане, и этерия средняя, наёмная, куда брали викингов-норманнов или варягов (ромеи прозывали их варангами).

[2] *Скарамангий* — парадное одеяние вроде лёгкого кафтана длиною до икр, довольно узкое, стянутое в талии кушаком или особым поясом.

ему просто лень отправляться в дальний путь? До Киева — месяц пути. Да столько же обратно. Хорошо, если удастся к осени вернуться...

Наверное, он, Сухов, просто повзрослел — сделал вывод Олег. Пропал прежний азарт, прежнее рвение, желание преуспеть. Он добился столь многого, что впору делиться с неудачниками!

Щербина на каменной мостовой заставила его споткнуться и отпустить чёрта. Прохожие заулыбались, радуясь магистерской оплошке.

— Ур-родцы...— выцедил Сухов.

Если бы он ещё и растянулся на камнях, восторг толпы предела не имел бы.

— Вода, вода! — послышался звонкий мальчишечий голос.— Холодная вода из цистерны Аспара! Вкусная! Кому водички?

Сухов узнал одноглазого Никитку Хромца, маленького калеку-водоноса. Согнувшись под тяжестью двух бурдюков, перекинутых через худенькое плечо, Никитка побрякивал оловянными стаканчиками.

— Ну-ка, налей мне,— остановился Олег.

— Мигом, господин!

Обрадованный водонос доверху наполнил стакан и поднёс Сухову. Магистр выпил с удовольствием. Действительно, холодная...

— Держи,— сказал он, вкладывая в протянутую ладонь серебряный милиарисий.

— А у меня сдачи не будет...— протянул Хромец.

— А и не надо! — отмахнулся Олег и пошагал дальше, оставив за спиной осчастливленного Никиту. Легко быть добреньким...

Обычно Сухов следовал принципу: «Не спеши творить добро!» Не повинуйся порыву, подумай, не умножит ли содеянное благо твои горести? Легче жить недоброму... Но иногда можно себе позволить благость.

Ободрившись, Олег прибавил шагу, устремляясь к форуму [1] Аркадиана, где располагался так называемый Дом Василия, он же Дом Варвара — дворец, в котором поселялись воины-наёмники, принятые в среднюю этерию.

В разные годы императора оберегали и варяги, и норманны. Под командованием Сухова служили и двухметроворостые северяне из хирда [2] доблестного ярла Олафа, сына Харальда Змееустого, и молчаливые, очень дружные йомсвикинги [3] из Юмны [4], и варяжская дружи-

---

[1] *Форум* — площадь.

[2] *Хирд* — дружина. Русский вариант — гридь.

[3] Члены своеобразного братства викингов, существовавшего на территории нынешней Северной Германии в описываемую эпоху.

[4] Порт, предположительно находившийся в устье Одера.

на Либиара из Хенугарда [1]. Но больше всех Олег любил «ребятишек» светлого князя Инегельда Боевой Клык, ныне как раз и занимавших Дом Варвара.

В одном строю с дружиной князя он повоевал немало, покоптился у одного костра, погрёб в одной лодье, не раз спасал товарищей от смерти неминучей, а они бросались на помощь ему, своему аколиту, некогда такому же варягу, молодому бойцу-дренгу по прозвищу Полутролль.

Дружина Инегельда числом не поражала, едва ли большая сотня [2] мечей набралась бы, зато все были как на подбор — отличники боевой и политической подготовки. И были среди них лучшие из лучших — тринадцать витязей прекрасных, знаменитая «Чёртова дюжина» Боевого Клыка. Когда-то и Олег Полутролль числился в её рядах, чем весьма гордился. «Чёртова дюжина» всегда была на передовой. Брали город приступом, а тринадцать добрых молодцев уже за стенами крепости, побивают стражу у врат и впускают своих внутрь. Сталкиваются лодьи с арабскими сафинами [3], зачиная морской бой,— «Чёртова дюжина» первой идёт на абордаж. И к кому ещё обратиться магистру и аколиту за помощью? Кого брать с собою в чёртов Киев, понуждать чёртовых славинов надрать задницы чёртовым хазарам? «Чёртову дюжину», разумеется...

Князя Инегельда Олег приметил ещё с улицы — Боевой Клык стоял в одной рубахе на ступеньках у входа и озирал Мессу. Вид у него был героический — больше всего князь походил на завоевателя, только что поправшего знамя противника и занявшего его крепость.

— Приветствую высокое начальство! — радостно протрубил Инегельд.

— Здорово, Клык.

— Проходь, дёрнем по маленькой. День-то какой! Грех не выпить.

— Повод уж больно сомнительный,— улыбнулся Сухов, крепко пожимая громадную лапищу князя.— Я на минутку. Тут такое дело... Это самое... Мне срочно нужна «Чёртова дюжина» в полном составе.

— И я?

— Кстати, да. Куда ж без тебя...

— А то! И куды именно без меня — ну, никак?

— В Киев, князь. Мою особу беречь будете.

— Ага... Куда и чего — ясно. А когда?

---

[1] Ныне Изборск.

[2] *Большая сотня* — приблизительно 120 человек. Был и большой десяток — 12—15 бойцов.

[3] *Сафина* — боевой корабль на 50 гребцов.

— Сегодня. Это самое... Чем быстрее туда, тем скорее обратно.

— По рукам!

Распрощавшись, магистр повернул обратно — домой. Шёл и думал, как, в принципе, бессмысленна жизнь. Один наихристианнейший венценосец затеял евреев гонять, другой самодержец, приверженный иудейству, принялся крещёных казнить, а теперь венценосная особа, коя первой начала, жаждет и бойню устроить, и не запачкаться. А смысл? Почему славины должны теперь кровь пускать, себе и хазарам? Чего для? И всегда так — вышестоящие накосячат, наворотят, а «выпрямлять» приходится нижестоящим, теряя здоровье, а порой и само житие.

Философический настрой привёл Сухова в равновесие, но хрупкий, едва обретённый покой ненадолго задержался в душе — на форуме Константина Олег стал свидетелем безобразной сцены. Справа от колонны, подымавшей над площадью золотую статую равноапостольного императора, располагался Нимфей — каскад бассейнов с гротами и арками, со статуями и чашами фонтанов. На краю Нимфея гомонила толпа. Сухов пригляделся и сморщился в гримасе отвращения — двое дюжих молодцев окунали в воду визжащего иудея, а толстый священник крестил его. Еврей лупил глаза, хватая воздух перекошенным ртом, и брыкался — руки его были связаны. Наконец ему удалось чувствительно задеть одного из молодчиков — тот упал, но и сам иудей не удержался, скрылся под водою. А в руках доброхотов уже билась, крича и рыдая, черноволосая девушка, наверняка Сара или Суламифь.

— Эй, доставайте! — кричали в толпе.— Никак утоп!

— Ничего,— успокаивали их другие,— лучше крещёным в рай попасть, чем нехристем жить!

— Евлогий, чего встал? Тащи девку!

— Сымай с неё всё! Покрестим!

— Гы-гы-гы!

Олег круто свернул в переулок, углубляясь в регеон[1] Арториан. Настроение снова упало в минус.

Он мог спасти эту евреечку, но не стал — опасно сие. И дело даже не в молодчиках, которых базилевс лишил химеры совести. С толпою Сухов справился бы. В крайнем случае, достал бы меч из ножен. А что потом делать? Выслушивать слезливые слова благодарности от спасённой Сары или Суламифи? А кто будет спасать его собственную же-

[1] *Регеон* — район Константинополя. Регеон Арториан числился в престижных.

ну и дочь от погрома? Кто защитит «пособника иудеев»? На титул магистра рассчитывать не стоит, да и надолго ли он его сохранит? Найдутся сметливые людишки — тут же нашепчут кому надо о предосудительном поведении «Олегария», поступающего наперекор благим намерениям Божественного императора. А тот сделает оргвыводы...

Сухов снова ускорил поступь, угрюмо глядя под ноги. Самое неприятное заключалось в том, что ему даже не пришлось подавлять позыв вмешаться и прекратить безобразие. Прошло то время, когда он то и дело хватался за меч в глупом мальчишеском стремлении восстановить попранную справедливость. Ныне он зачерствел, заматерел, скрылся за скарамангием от сует беспокойного мира. Что ему та Суламифь? Не убивают же её, в самом-то деле...

Дошагав до кованой решетки, огораживавшей парк, разбитый вокруг дома Мелиссинов, Олег подошёл к воротам. Калитку ему открыл верный Игнатий Фока.

— Ну, как там, при дворе? — поинтересовался он по обычаю.

— Как в курятнике,— буркнул Сухов,— не заклюют, так обгадят.

Игнатий захихикал и сказал, предваряя вопрос:

— Дома хозяйка. Гостей принимает.

— И каковских? — поинтересовался Олег, хотя мог загодя назвать имена визитёров — захаживали к ним одни и те же.

— Протоспафарий [1] Александр пожаловал.

— Ну, конечно,— улыбнулся Сухов,— кто бы сомневался... Пожаловал! Можно подумать, он отсюда вылазил...

Шурик влюбился в Геллу Читти, их кормилицу. Втюрился как мальчик. Гелла сперва робела, смущаясь, когда такой знатный господин оказывал ей знаки внимания, но вскоре разобралась в ситуации и тоже, как и Олег, стала называть протоспафария Пончиком. Это прозвище куда лучше, нежели имя, отражало натуру Александра Игоревича Пончева — доброго, мягкого, нерешительного и неуверенного в себе человека. Кормилица стала позволять себе милые капризы, могла и губки надуть — Пончик то страдал сладчайшей мукой, то воспарял выше ангелов небесных, будучи удостоин ласкового взгляда возлюбленной.

Олег не вступался за друга, даже с укором не смотрел на Геллу. Напротив, радовался тому, что девушка ожила и снова открывается миру. Этой весной Читти пережила трагедию — она потеряла ребёнка. И её груди, полные молока, вспоили дочь Олега и Елены, найдёны-

---

[1] *Протоспафарий* — высокий придворный чин, самый младший из тех, которые давали право их владельцу присутствовать на заседаниях синклита (тайного совета).

ша Наталью. Впрочем, при Елене Мелиссине Сухов никогда не упоминал слова «приёмыш» — женщина была свято уверена, что девочку послал ей сам Господь. Стоит ли говорить, что Олег ни разу не позволил себе усомниться в этом вслух?

Елена Мелиссина, любимая его Алёнка, имела всё, что нужно женщине для счастья,— богатство, красоту, здоровье, любимого человека. И только детей не дал ей Бог. Елена сильно переживала, плакала украдкой, молилась и
каялась во грехах, но понести не смогла. И вот, ровно год назад, в далёкой Италии, куда Мелиссину занесли чужие интриги и вражья злая воля, сосуд её исстрадавшейся души наполнился счастьем доверху — течение безымянной реки принесло корзинку с прелестным младенцем, малюсенькой девочкой с золотистыми кудряшками. Этот херувимчик не орал и не хныкал, он задумчиво сосал палец, лупая в небеса глазами василькового цвета.

В тот миг вся природа будто замерла в явлении чуда — хмурые тучи, блиставшие молниями, рассеялись в могучем порыве вышнего ветра. Стихли громы, и солнце опустилось за край небес, рассекая закатный багрянец «Мечом Господа», знаменитым «зелёным лучом»...

А Олег всё равно не поверил в чудесное обретение Натальи — сказывалось его прошлое, которое осталось в будущем. Эту свою тайну он не раскрывал никому, даже Елене. Только двое знали её — Олег Сухов и Александр Пончев. Они оба были пришельцами из года 2007-го, чужаками в лето 936-е...

Магистр прошёлся по аллее, напрягая слух. Вот оно, предвестие дома — из окон донёсся заливистый смех Натальи, перебиваемый воркованием сразу двух мамочек.

Олег усмехнулся, покачал головой. Он никогда не страдал чадолюбием и относился к детям как к взрослым — иной ребёнок нравился ему, что случалось редко, а в основном малышня вызывала у него раздражение, в лучшем случае — равнодушие. Младенцами же Олег и вовсе брезговал, искренне не понимая, как можно восхищаться розовыми морщинистыми тельцами, представлявшими собой кишки, оравшие спереди и гадившие сзади.

А вот с Натальей ему, можно сказать, повезло. Когда Елена выловила её, аки жена фараонова — Моисея, девочке исполнилось от силы полгода. Ходить она ещё, само собой, не умела, зато кушала с удовольствием — охватывала ручонками большую Геллину грудь и присасывалась, тараща глазята, в которых читалось безмерное радостное удивление: «И это всё мне?!»

Сухов поднялся по лестнице и потянул на себя тяжёлую дверь. Перешагнул порог, додумывая мысль: а ведь ему ни разу не доводилось размышлять о продолжении рода. Да и что ему тот род? Пускай желающие успокаивают себя, что после смерти их черты проявятся в потомках, передадутся по наследству следующим поколениям. Но ему-то какая разница? Закончится ли на нём цепочка «прадед — дед — отец — сын» или продолжится в будущее до седьмого колена, ему-то что? Его-то, Олега Романовича Сухова, уже не будет в живых — помрёт он! А мёртвым безразличны дела сущих.

— Пр-рывет! — воскликнул Пончик, встречая Сухова в обширном вестибуле.— Как жизнь, сиятельный?

Александр, полный и румяный, буквально лучился счастьем.

— По-моему,— усмехнулся Олег,— сияешь здесь как раз ты. Что такого случилось, эпохального? К ручке тебя допустила? Или к ножке?

Пончик замахал на него руками, но не выдержал, признался.

— Она меня... поцеловала! — выдохнул он, блаженно улыбаясь.— Угу...

— В губы? — уточнил Сухов.

— Э-э... В щёчку. Да какая разница?! Гелла меня по-це-ло-ва-ла! Меня! Представляешь?! Она — меня!

Шурик тут же осёкся, продолжая излучать в любовном диапазоне. По лестнице спускалась Елена в длинной голубой столе [1], цветущая, радостная и на диво красивая. Следом ступала Гелла в оранжевой тунике, держа Наталью на руках. Ростику Читти была небольшого, но стройна, белолица, а большие груди её тяжело покачивались, продавливая сосками тонкую ткань.

Олег поймал себя на том, что с удовольствием пялится на Геллин бюст. Хотя почему сразу — пялится? Любуется...

— Ты уже вернулся? — спросила Елена. Она выглядела оживлённой и радостной.— Будем кушать! Ирина, накрывай на стол.

Домоправительница Ирина, женщина строгая и хозяйственная, родом из болгар, поклонилась госпоже и удалилась — строить и школить лакеев. С такой не забалуешь.

Олег взял Елену под руку и повёл в трапезную, где стоял большой овальный стол и удобнейшие стулья с гнутыми спинками.

— Ты чем-то встревожен, милый? — негромко спросила Мелиссина.— У тебя рука напряжена...

---

[1] *Стола* — длинное платье прямого покроя, подвязывалось поясками в талии и под грудью.

— Ничего-то от тебя не скроешь,— улыбнулся Сухов.— Не то чтобы встревожен... Скорее, раздосадован.

— Чем же?

— Не буду портить тебе аппетит. Да ты не волнуйся — так, ничего серьёзного...

Омыв руки, все расселись и отдали должное мастерству повара — худого Никомеда, чья тощая стать не соответствовала расхожему мнению о тучных кулинарах. В меню была нежнейшая телятина с разваристыми бобами, обильно политая соусом, душистым, острым и архисложным в приготовлении — одних трав надо было покрошить десятка три видов. Но получалось очень даже вкусно.

Олег оглядел сотрапезников. Елена и Гелла кушали как птички, не доедая даже свои кукольные порции. Игнатий приканчивал уже вторую добавку, регулярно напоминая Пончику о трапезе — протоспафарий, в основном, пожирал глазами сеньору Читти, изредка, когда Фока непочтительно пихал его в бок, накалывая двузубой вилкой пару бобов или кусочек мяса.

Сухов отмахнулся от лакея и сам разлил вино по драгоценным стеклянным кубкам.

— Пончик,— сказал он,— плесни компота Геллочке.

Протоспафарий кинулся исполнять просьбу, едва не пролив весь кувшин на обожаемый им предмет, чуть не умер от огорчения, но все же умудрился наполнить кубок ягодным отваром, почти не измарав скатерть.

Читти улыбнулась, мимоходом осчастливив Пончика, и поделилась напитком с Натальей. Пей, дитятко, пей...

Отхлебнув вина, Олег сказал:

— Сообщаю пренеприятнейшее известие: базилевс повелел, и я должен отправиться в Киев. Хочет наш Святейший напакостить хазарам по-крупному — и чужими руками. Не получилось у него аланов натравить на каганат, так решил он побить хазар войском русским, напустить на них дружину Ингоря, сына Рюрика...

— А ты? — спросила Елена.

«По-моему, она не слишком-то и опечалена»,— ревниво подумал Сухов и буркнул вслух:

— А что я? Хватаю своих варягов и двигаю Ингоря Рюриковича уговаривать, злато-серебро сулить...

Тут Гелла прижала к себе Наталью, так, что глаза кормилицы только и были видны из-за светлого чубчика, и сказала волнующим грудным голосом:

— Александр, ты тоже будешь героем?

Пончик, который в это время растерянно смотрел на Олега, соображая, как же ему быть, мигом втянул живот, выпрямился и решительно, солидно проговорил:

— Конечно. Куда ж они без меня? Угу...

Сухов испустил нарочито длинный вздох, косясь на Елену, однако прилива любви и нежности не дождался.

Вернее, прилив-то был, но весь запас тёплых чувств жена растратила не на мужа. «Всё лучшее — детям».

— Кому мы тут нужны, Понч? — сказал Олег, преувеличенно печалуясь.

— Им нас совсем не жалко! — подхватил Шурик горестно, взглядывая на Геллу.— Угу...

— Скучать и тосковать по нам уж точно никто не станет.

Посмотрев на обеих мамочек, с увлечением менявших пелёнки Наталье, Сухов вздохнул уже неподдельно и махнул обречённо рукой.

— Пойдём собираться, Понч.

— Пошли... Угу.

Тщательно отмывшись в купальне, Олег переоделся в чистое и поднялся к себе. Елена уже была там — она стояла у сундука-«башенки», откинув высокую крышку, и впрямь похожую на четырёхскатную кровлю.

— Смену белья возьмёшь,— сказала Мелиссина непререкаемым тоном, выкладывая сложенные вещи,— полотенце не забудь... А где твой сагий [1]?

— Лето на дворе,— проворчал Сухов,— буду я ещё жариться в сагии...

Женщина повернулась к нему, изгибая губы в сладкой улыбке, положила руки Олегу на плечи.

— Ты меня к Наталье ревнуешь? — промурлыкала она.— Глупый мой варвар...

Сухов притянул Елену к себе, чувствуя, как кровь начинает потихоньку закипать.

— А давай прямо здесь? — сказала Мелиссина, быстро подбирая подол столы и стягивая её с себя.

— А давай!..

---

[1] *Сагий* — плащ-накидка.

...Отплывали рано утром, когда солнце едва показало краешек за кипарисами на восточном берегу Босфора.

Ладная, длиннотелая скедия [1] отчалила, толкаемая вёслами и подгоняемая красно-белым парусом. «Чёртова дюжина» в полном составе гребла, а светлый князь Инегельд гордо восседал на месте кормщика.

Олег устроился посерёдке, у самой мачты — сидел, полуприкрыв глаза, и слушал, как скрипит дерево, как острый нос скедии надрезает шумливую волну. Унылый Пончик расположился тут же, длинно и тоскливо воздыхая.

— Что развздыхался? — пробурчал Сухов.— Нечего было в добровольцы записываться, сидел бы дома.

— Ага,— тускло сказал протоспафарий,— а что бы я Гелле сказал? Извини, мол, не гожусь в герои? Ещё чего...

— Тогда не вздыхай.

— Буду,— буркнул Пончик.

Усмехнувшись, Олег пересел на свободную скамью — погрести. Перед ним пыхтел огромный Малютка Свен, похожий на учёного медведя, позади кряхтел Ивор Пожиратель Смерти, изящный, как девушка, и опасный, как демон ночи.

— Устал сидеть? — добродушно пробурчал Свен.

— Да сколько ж можно... Руки нам не для того вставлены, чтобы их на коленях складывать.

— Эт точно...

И варяги продолжили тягать вёсла. Земля отдалилась, засинела зубчатой полоской, утончилась до линии и пропала из глаз. Одно море раскинулось кругом. Русское море [2].

Пересечь Понт Эвксинский было проще всего — попутный ветер исправно поддувал в широкий полосатый парус. Подняться по Днепру стоило усилий куда больших — четыре недели гребли варяги, одолевая течение. Слава Богу, на порогах их никто не поджидал — ни угры, ни печенеги засад не устроили, даже Айфор [3] удалось пройти тихо и мирно.

А вот выше по реке, уже в пределах Киевского княжества, «Чёртовой дюжине» перестало везти — громадный, полупритопленный ствол дерева проломил скедии днище. Пришлось варягам разделиться — шестеро остались с Инегельдом, корабль чинить, а остальные от-

[1] *Скедия* — варяжский корабль, классом пониже лодьи, рассчитанный на 40 гребцов.

[2] Ныне Чёрное. Ромеи прозывали его Понтом Эвксинским.

[3] *Айфор* — «Водопад на волоке» — самый опасный из днепровских порогов, его обходили по суше, переволакивая суда «в объезд» за шесть вёрст.

правились пешком по возвышенному западному берегу, пока не вышли к стойбищу булгар-ультинзуров, коих славины прозывали уличами.

Здесь варяги присмотрели себе степных лошадок — коротконогих, с толстыми шеями и длинными гривами. Сторговались быстро — ромейское серебро сразу нашло путь к сердцам табунщиков. Сёдел, правда, не было, одни вонючие попоны, так и ехать было недалёко — в дневном переходе к северу находился Витахольм, варяжская крепость на Днепре, а оттуда до Киева вёрст тридцать, от силы. Рядом совсем!

...Олег не торопил своего лохматого коня, он благодушествовал. Полуденное солнце пригревало, но душно не было — по правую руку протекала великая река, уносящая к морю прорву мутно-зелёной воды, а слева поддувал ветерок, щекоча ноздри горьким травяным духом. Хорошо!

Отряд взбирался на крутые склоны, стараясь держаться низин или пробираясь дубравами, спускался в глубокие, сырые овраги, вскачь одолевал клинья степи, прорывавшейся к самому берегу Днепра, выносившей к камышам широкие разливы зелёного ковыля.

Сухов ехал налегке, доверив латы и оружие вьючной лошади.

Впереди скакали Свен с Ивором, сзади догоняли Акила Длинный Меч и Фудри Московский, а Стегги Метатель Колец на пару с Сауком, сыном Тааза, прикрывали магистра и протоспафария с флангов.

Еле заметная тропа завела кавалькаду в густой ольховник, за которым открылась бесконечная зелёная равнина. Степь поднималась навстречу дремучими травами, бурьяном такой высоты, что коня укрывала с головой. Дикое Поле [1].

Стоял июнь, степь продолжала цвести — отходила нежная голубизна незабудок и золотистые разливы крестовика и лютика, начиналось царствие тёмно-лилового шалфея. Пахло им же и ещё полынью.

Разъезжать у всех на виду в степи — очень нездоровое занятие, но уже открылся взгляду высокий мыс, на котором крепко сидела деревянная крепость.

— Витахольм! — довольно прогудел Малютка Свен.

Сухов кивнул, соглашаясь, и в то же мгновение свет, заливавший реку и поле, померк. Небывалая, немыслимая тишина упала на степь. По небу разлилось странное сиреневое сияние, отсветы его пробегали по траве, бросая на изумлённые лица варягов лиловые тени.

— Ах, чтоб вам пропасть!..— зашипел Олег, ярея, и разразился самой чёрной бранью, какую только помнил.

— Не хочу-у! — заскулил Пончик.

---

[1] *Дикое Поле* — так называли степь на Руси.

Но бесполезно было ругать или уговаривать мироздание. Откуда ни возьмись, наплыл голубой туман, обездвиживая всё сущее,— и бысть тьма.

...Свет ударил неожиданно, распахнул ясное, холодное небо. Солнце было неярким — алым полушарием выползало оно из-за горизонта, ещё не давая тени, тая в углубинах рельефа ночные сумерки. Воздух был сырой и льдистый.

Олег ощутил себя сидящим в седле — конь под ним испуганно храпел, топчась по рыхлому снегу. Пончик гарцевал рядом — и никого больше, пусто.

Сухов сгорбился, словно под гнётом обрушившегося на него несчастья. Задохнулся, унимая позыв выть и рубить наотмашь.

То, чего он больше всего боялся, всё-таки произошло — их с Пончиком опять, в который раз, перебросило во времени. Раньше это хоть и бесило, но представлялось приключением, а теперь... Теперь случилась беда — между ним и Еленой пролегла пропасть. Век разделил их или вечность — какая разница? Всё едино — навсегда. Или — разгорелась вдруг безумная надежда — весна пришла, года 937-го?!

Вокруг стелилась степь, холмистым раздольем убегая к западу. Снег лежал рваным серым покрывалом, Днепр был скован льдом. Изо рта у Олега шёл пар, а Пончик, известный мерзляк, и вовсе закоченел.

— Февраль,— определил Сухов.— Или март.

— Ты так спокойно об этом говоришь! — страдающим голосом сказал Александр.— А ведь, если нас опять перекинуло лет на сорок, как тогда, то всё! И Гелла, и Елена давно состарились, даже твоя Наталья уже взрослая тётка! Мы их потеряли! Слышишь?!

— Заткнись,— процедил Олег.

Минутное отчаяние как накатило на него, так и схлынуло, зато в груди заклокотала злоба, бешеная ярость поднималась из глубин души — да сколько ж это можно?! Никому не позволено, ни Богу, ни Гомеостазису Мироздания, так жестоко изгаляться над человеком! Есть некая таинственная сила, которая стремится вернуть их с Пончем в «родное» время? Ладно! Так пусть возвращает сразу, пока ты не врос в чужой век, пока не сроднился с ним, не укоренился дружбами да любовями! Нельзя вырывать вот так, с кровью, с сукровицей! Больно же!

Чудовищным усилием воли Сухов подавил осатанённость. Кому тут пенять? К кому взывать?

Привычно хлопнув по боку, меча он не обнаружил — его верный акуфий [1] остался в прошлом, на вьючной лошади.

---

[1] *Акуфий* — меч в виде клюва цапли, хорошо «вскрывал» кольчужные доспехи.

— Т-твою-то ма-ать...— протянул Олег и ощупал кошель на поясе. Не туго, но увесисто. И ещё здоровый кинжал в ножнах. Вытащив клинок, Сухов посмотрелся в блестящее лезвие.

— Называется: «Приплыли»,— сказал он.

Сощурившись, магистр осмотрелся. Степь, да степь кругом... И ни единого следа на мокреющем насте, кроме тех, что оставили их кони. Какой-нибудь печенег обалдеет, когда увидит отпечатки — с неба эти скакуны свалились, что ли? Или время печенегов уже вышло? Витахольм вдали почти не изменился, разве что больше стал...

— Поехали, Понч,— сказал Олег,— оденемся по сезону.

— Да что ж ты за человек такой? — простонал Шурик.— Или тебе всё равно?

— Мне не всё равно! — с силой ответил Сухов.— Но я не позволю себя сломать ни человеку, ни закону природы! Не дождутся, понял?

— Господи... Господи...— запричитал Пончик, крепко зажмуриваясь и тряся головой.— Что ж нам делать-то?

— Жить, Понч,— сказал Олег с прочувствованностью и похлопал товарища по плечу.— И пошло оно всё на хрен!

Он замолчал, оглядывая расстилавшуюся степь, Днепр, бронированный чёрным льдом с намётами снега, серое небо, спешащее голубеть, и красное солнце.

Ненавижу, подумал он. Ненавижу этот мир, этот век. Всех тут ненавижу. Тем хуже для них...

— Поехали, Понч,— сказал Сухов и направил коня к Витахольму.

Глава 2,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ ПРОИЗВОДИТ СЕБЯ В РЫЦАРИ

Был Витахольм, да весь вышел — покинули его варяги. Видать, на север перебрались, к воле новгородской поближе, от князей киевских подальше. Ныне крепость звалась Витичев холм и выглядела запущенной — нижние венцы городских стен подгнили, шатровые кровли на башнях, некогда крытые тёсом, обветшали так, что оголились рёб-

ра стропил. Посад[1] на склоне горы тоже измельчал — десяток рыбацких изб торчал между крепостью и берегом, да столько же бань, вот и всё поселение.

Сухов помотал головой — окружающий мир был настолько реален во плоти своей, что рассудок отторгал самую мысль о путешествии во времени. Путешествие с пересадками — криво усмехнулся Олег и тут же нахмурился, сжал зубы: хватит! Довольно об этом.

Проехать в город удалось легко, стража у воротной башни магистру с протоспафарием не препятствовала, только проводила их глазами, удивляясь странной заморской одёже.

— Холодно! — пожаловался Александр.

— Потерпишь,— буркнул Сухов.

— Чего ты такой злой? — обиделся Пончик.— Между прочим, я не меньше твоего переживаю! Угу...

Олег почувствовал прилив раздражения.

— Кто тебе сказал, что я вообще переживаю? — накинулся он на товарища.— Да по фигу мне это время! Мне всё по фигу!

— Не злись,— миролюбиво сказал протоспафарий, ещё пуще разозлив Сухова.

— Не лезь ты ко мне! — грубо ответил магистр.— Я тут поубивать всех готов, а он лезет...

Шурик надулся и отвернул голову. Легче Олегу не стало, но хоть злость прошла, сменилась глухой досадой. Воистину, проще убить кого-то, чем успокоиться...

Выехав в город, Сухов осмотрелся. Маленькую площадь, на которой он находился, замыкали большие бревенчатые амбары, крытые почерневшим камышом. Грязный снег вокруг был вытоптан в мерзкую бурую жижу, копыта коней противно плюхали по ней, но горожане как будто и не замечали этого — они суетились, радовались, переговаривались громко и весело.

Олег напряжённо вслушивался в звуки их речи. К его великому облегчению, он понимал то, о чём говорили жители Витичева холма — люди переживали, хватит ли зерна до нового урожая, ругали скупердяя Микиту Творимирича, хвалились выдержкой хмельного мёда, грозясь в одиночку вылакать целый жбанчик, тем более, и повод есть — Новый год как-никак! Грех не выпить!

Тут же Сухов припомнил Инегельда. Ещё быстрее он запретил себе думать об этом, а то мигом потянется ассоциация, связывая «Дом

---

[1] *Посад* — то же, что и слобода; поселение вне городских стен.

Варвара» с регеоном Арториан, где напротив церкви Святого Сампсона живёт... Стоп!

Олег сосредоточил все мысли на настоящем, боясь даже памятью возвращаться в прошедшее.

Язык, на котором он разговаривал с Боевым Клыком, был грубее того, что слышался на улицах Витичева холма,— грубее, резче, выпуклей, что ли. Ныне говор стал напевней и мягче — чувствуется влияние славинских наречий. Вот некий Местята упрекает соседа: «Данило, чему еси давно не пришёл, а ныне еже еси пришёл, а то добро же, пьеши ли наше питие?» (Данило, почему раньше не приходил, а теперь пришёл? Но и то хорошо. Пьёшь ли наше питьё?) А Данило отвечает Местяте: «Доселе есмь не пил, ныне же ты велишь, пью!» (Раньше не пил, но теперь ты велишь, поэтому пью!)

Тут целая орава посадских мальчишек высыпала из проулка. Чумазые от копоти курных изб, одетые как попало — кто в рваном отцовском полушубке, кто в материной душегрейке,— мальчиши, взбудораженные праздничной суматохой, заозирались, выискивая приключений на задницу. И доискались — стали потешаться над скарамангиями пришельцев, дразниться и обзываться противными голосами:

— Эй, скоморох на лошаде!

— Глянь-ко, чисто пугало!

— С огорода сбежало, коняку зажало!

— Чучело! Чучело!

Обычная сдержанность изменила Сухову — он замахнулся, но мелкая шпана ничуть не испугалась. Издавая неприличные звуки и хохоча, мальчишки стали подбирать с земли конские «яблоки» и бросаться в «скоморохов». Здорово разозлённый, Олег спешился — и угодил в яму. Под настом из мокрого снега воды было по колено. Ледяной.

Малолетки завизжали от восторга, а распаренный, краснорожий мужик в наброшенном на плечи тулупе, наблюдавший эту сцену, гулко загоготал, приседая и шлёпая себя по ляжкам.

Не помня себя, Сухов выхватил кинжал и бросился на обидчиков.

— А ну!..

Завопив, мальчишки дунули в щель между амбарами. Мужик в тулупе кинулся следом, втесался, но застрял — и заорал благим матом:

— Рятуйте, православные!

Проклиная всё на свете, Олег забрался на чалого. Всё не так! Всё не там!

Уняв дыхание, Сухов медленно сосчитал до пятнадцати. Спокойствие, только спокойствие... Перехватив испуганный взгляд Пончика, Олег решил помириться и сухо сказал:

— И вправду холодно...

— Ага! — с готовностью отозвался Александр.

— Слушай, Понч... это самое... будь другом, сгоняй вон к церквушке, узнай хоть, какое время на дворе.

— Сейчас я!

Шурик порысил к маленькому храму, приткнувшемуся к крепостной стене, и, не слезая с седла, задал вопрос проходившему мимо попу, толстому и важному. Поп понял его и дал ответ. Вернувшись, Пончик проговорил в возбуждении:

— У них тут Новый год! Представляешь? Первое марта одна тыща двести тридцать седьмого года [1]! Угу...

— Да-а...— протянул Олег.— Закинуло нас...

Александр, только что оживлённый, увял, поник весь.

— Триста лет минуло...— сказал он.— Всех наших давным-давно нет уже... Угу...

— Молчи! — жёстко потребовал Сухов.— Забудь! Понял?

— Понял-то я, понял,— вздохнул Шурик,— только как же тут забудешь?

— А ты делом займись,— присоветовал Олег,— некогда думать будет. Короче. Ставим перед собой цель и добиваемся её. А какая у нас цель? А та же, что и раньше,— рваться вперёд и вверх! Рваться и рвать всех подряд, кто помешает нашему возвышению. А для начала надо приискать князя, чтобы послужить ему и выбиться в люди.

— А потом? — спросил Шурик.

— Суп с котом. Поехали к торгу!

И они поехали — мимо покосившейся звонницы, мимо высоких заборов с грязными, осевшими сугробами в тени, мимо старого терема, мимо постоялого двора, прямо к рыночной площади, куда, казалось, сошлось всё население города. Одни продавали, другие покупали, и все орали наперебой, перекрикивая друг друга:

— А вот жито! Зернышко к зёрнышку! Сухое да звонкое!

— Рыбка, рыбка свежа-айшая! Только что из Днепра!

— Кому мёду? Хорош медок! Липовый! А уж как пахнет...

— Мясо парное, ишшо остыть не успело! Глянь только — ни хрящика, ни жиринки, мякоть одна!

Народ вокруг разный суетился, горожане, в основном, да степняки. Хотя различишь не сразу — витичевцы кутались в рыжие и бурые

---

[1] В старину Новый год встречали по ромейскому (и римскому) обычаю, по церковному календарю — 1 марта.

армяки [1], подвязанные кушаками, а кочевники носили тёплые халаты и кафтаны, разве что с запáхом на другую сторону — разница невелика. И на лицо похожи были местные — все одинаково черноволосы да черноглазы, разве что степняки поскуластее выглядели, да чуток пораскосее, а ежели мельком глянуть, то не сразу и распознаешь, кто есть кто. Из разговоров в толпе Олег уяснил, что кочевники тут не пришлые, а вроде как свои, хоть и не коренные,— торки, печенеги, берендеи, ковуи. Всех их «чёрными клобуками» прозывали — за войлочные колпаки-капюшоны. Посмотришь со спины — вроде монах-черноризец шагает, а как обернётся — лицо загорелое, кострами копчённое, бородёнка в косичку заплетена, а глаз с прищуром, целится будто. Степная порода.

Ну, это, так сказать, гости города, а вот как прикажете хозяев называть? Раньше-то просто было — тут соседствовали северяне-русы и южане-славины. А теперь, триста лет спустя?

Оказалось, что все тутошние — киевляне [2]. Не жители града на Днепре, а люд, населяющий Киевское княжество, подданные великого князя, что в Киеве сидит и оттуда правит. Восточней проживали черниговцы, к западу — галичане, дальше на север — рязанцы да смоляне. Разобщённые, чужие друг другу. Друг другу? Скорее уж, враг врагу... Печенег какой-нибудь, вольный сын степей, был киевлянину ближе, чем гордец-новгородец или задавака-суздалец.

— Хватит сидеть,— бодро сказал Сухов.— Слезай, пройдёмся!

— Да ну,— сказал Пончик боязливо,— тут собаки...

— Ну и что? Пинками тех собак!

— Ага! А если укусят?

— Так я ж и говорю — пинками! Пошли.

Олег покинул седло и неторопливо прошёлся по рядам, ведя чалого в поводу. Привязывать его к коновязи он опасался (вдруг уведут?), да и просто захотелось подвигаться, согреться.

«Меховые изделия» удалось купить по дешёвке — не сезон. Сухов быстро переоделся, накинув поверх рубахи кунью шубу, крытую вишневым бархатом-аксамитом, с откинутым бобровым воротом, и прикрыл голову войлочной шапкой с разрезом спереди.

— Ну как? — спросил он у Пончика.

---

[1] *Армяк* — длиннополое теплое одеяние из армячины — верблюжьей шерсти. Больше всего напоминало просторную, безразмерную шинель. Подвязывался кушаком.

[2] Если выговаривать по тогдашним правилам, то «кияне». Но слово «киевляне» нам привычней.

— Все девки — твои! — ухмыльнулся тот и пригасил улыбку, вздохнул.

— Чего развздыхался? Меряй!

— Может, чего попроще? — неуверенно проговорил Александр.— Денег жалко... Угу.

— Чего их жалеть? Деньги на то и придуманы, чтобы их тратили. Лично я собираюсь ко двору князя киевского, а там по прикиду и встречают, и провожают. Ты со мной или как?

— С тобой!

— Ну так меряй!

И Пончик примерил бобровую шубу, обшитую сукном, и круглую шапку с соболиной опушкой.

— Ну, вот,— оценил Олег,— совсем другое дело.

Рассчитываясь с суетливым торгашом золотыми номисмами [1], Сухов принял на сдачу серебряную гривну и полную горсть мелочи — кожаных кун и векш [2].

Приосанившись, Олег проследовал к оружейникам. Народу возле лавок, торговавших доспехами, щитами да оружием, было немного — уж больно дорого всё. Трёх коней можно было приобресть по цене одного простенького меча, а за полный набор доспехов и воинских «орудий труда» отдашь столько гривен, что хватило бы на покупку стада коров, голов этак с десяток-полтора.

Среди бойких купцов Сухов сразу выделил «чужеродное тело» — долговязого крестоносца, зябко кутавшегося в свой плащ. Видать, из самого Константинополя прибыл «лыцарь», да поиздержался, раз уж понёс на торг свою «сбрую» [3] — длинную кольчужную рубаху-хауберк, с капюшоном и «варежками», ведёрчатый шлем с прорезями для глаз и дырочками для дыхания.

Покупатели обходили рыцаря стороной, прицениваясь к привычным шеломам [4] и панцирям из бычьей кожи. Заметив интерес Олега, долговязый оживился.

---

[1] Византийская золотая монета (3,79—4,55 г, в зависимости от эпохи). Чеканилась с IV века н. э.

[2] Тогдашняя денежная система опиралась на серебряные гривны (49,25 г). Одна гривна была равноценна 25 ногатам, или 50 кунам, или 100 векшам.

[3] Понятия «латный костюм» в те времена не существовало. Доспехи подчас назывались просто «сбруей».

[4] *Шелом* — сфероконический шлем с плавным переходом в остриё на верхушке. Хорошо защищал от вертикальных ударов мечом или саблей, потому и продержался у русских витязей несколько веков подряд.

— Не желаете ли купить? — прожурчал он в манере разбитного продавца, разве что с запинками в трудных словах.— Всё в лучшем виде, работа знат-ней-ших мастеров Милана и Аугсбурга! Как раз ваш рост, словно кто мерку снял!

Его русская речь была удивительно чиста, разве что подчёркнуто чёткий выговор выдавал в рыцаре инородца.

— Вы говорите по-гречески? — спросил Олег церемонно.

— О, да!

— С кем имею честь?

Крестоносец неуловимо изменился — он будто вырос, сквозь торгашескую угодливость прорезалось достоинство.

— Барон Гийом де Танкарвиль,— представился рыцарь.

— Магистр Олегарий,— отрекомендовался Сухов.— Приветствую вас, милорд. И позвольте вам представить моего друга, протоспафария Александра.

Гийом и Шурик сдержанно поклонились друг другу.

— Что привело вас на эти стылые берега? — вежливо поинтересовался Олег, переходя на русский.

Барон улыбнулся.

— Под уч-ти-востью сиятельный магистр скрыл иной вопрос,— сказал он.— Почему рыцарь продает свои доспехи? Видит Бог, я верно служил и храбро сражался, посему и был отягощен грехами тяжкими. Меч мой испил немало крови сарацин, но поднимать его на христиан только за то, что они право-слав-ные...— барон де Танкарвиль покачал головой.— Нет, этого моя душа не приемлет. Я решил уйти от мира и за-тво-риться в тихой обители, где проведу остаток дней в молитвах, взыскуя покоя...

Сухов кивнул и скинул шубу. Натянул на себя толстый стеганый гамбезон — мягкую подкладку под кольчугу, гасящую удары. Хм. Надо же... И впрямь, будто по нему сшито.

Гийом помог магистру надеть скрипящий доспех. Олег напялил меховой подшлемник, просунул голову в кольчужный капюшон, затянул шнурок вокруг лицевого отверстия. Плосковерхий, похожий на бочонок шлем довершил облачение. Шлем сидел как влитой. Благодаря ременной подкладке, он не давил, зато облегал плотно, в самый раз. Смотреть на мир сквозь узкие прорези Сухову было непривычно, но это пустяки, дело житейское.

— Ну, как? — глухо раздался его голос. Пар от дыхания протёк через насверленные дырочки.

Пончик выразительно показал большой палец:

— Класс!

Олег величественно кивнул и стащил шлем.

— Я беру латы,— сказал он.

— А меч?

— И меч.

— Слава тебе, Господи! — вырвалось у барона.

Сухов выскреб остаток золота из кошелька и передал его Гийому.

— О, сиятельный! — с чувством изрёк рыцарь.— Вы меня спасли! Скоро уже лёд сойдет, и к югу двинется купеческий караван, а у меня ни гроша на дорогу! Уж год минул, как я тут око-ла-чиваюсь. Послали меня к великому князю киевскому с поручением, а вот обратно всё никак не выберусь... Что ещё могу я сделать для своего благодетеля?

— Расскажите, милорд, о князе — сам к нему направляюсь. Кто он и что он?

Гийом смутился.

— Это сложно, сиятельный,— сказал он с запинкой.— В том году княжил Владимир Рю-ри-кович, но он попал в плен к половцам...

— К «чёрным клобукам»? — вставил Олег, демонстрируя свою осведомлённость.

— Что вы, сиятельный! «Чёрные клобуки» — пострадавшая сторона. Половцы изгнали их из степи, и те немного обрусели, крестились даже, многих к оседлости потянуло. А степь не зря зовётся Половецкою... Так вот. Трон Владимира Рюриковича занял Изяслав Мстисла-вович «Смоленский». Зимой великий князь Владимир выкупился из плена и выгнал Изяслава из Киева...

— Ага...— задумался Сухов.— Чувствую, без поллитра тут не разберёшься...

— Что? — не понял барон.

— Я говорю, просто так в нынешней сложной политической обстановке не разобраться. Буду обязан, если милорд согласится разделить с нами трапезу.

— Плачу я! — поставил условие Гийом.

— Идёт!

Харчевня отыскалась неподалёку — это была огромная изба с низким закопченным потолком, подпёртым резными деревянными столбами. Тусклый свет, падавший из малюсеньких окошек, заделанных слюдой, уступал отблескам огня из открытой печи, напоминавшей камин и такой огромной, что хоть быка в ней жарь. В душном полумраке угадывались длинные столы и скамьи. Скамьи, натёртые седалища-

ми, блестели, словно покрытые чёрным лаком, а вот столешницы сияли белизной скоблёного дерева. Пахло дымом и квасом.

— Чистенько,— снисходительно сказал Пончик.— Белый верх, чёрный низ. Угу...

Барон тайком рассчитался с краснолицым кабатчиком, видимо, погашая прошлые долги, и громким голосом заказал мяса, хлеба и вина.

Олег сел за стол, по привычке — спиною к стене. Шурик притулился рядом, Гийом устроился напротив.

— Что вы хотите знать о князе киевском, сиятельный? — спросил он.

— Всё!

Барон потёр редкую рыжеватую бородку, сморщил хрящеватый нос, задумался.

— Тут такой узел завязался,— протянул он,— что слова и дела одного лишь князя киевского не выпростать из общей путаницы...

— А вы по порядку, милорд,— спокойно ответствовал Сухов.— И учтите, что я совершенно не знаю, что здесь творится. Давно не был. Очень давно...

— Хорошо! — тряхнул головой Гийом.— Начать надо с того, что на востоке Киевское княжество соседствует с Черниговским. Там правит Михаил, старший из рода Ольговичей, сын Всеволода Чермного. А на западе проходит граница с княжеством Галицким, на чей престол раз за разом пытается взойти Даниил Романович, волынский князь. И все эти три больших царства-государства раздроблены на множество мелких. Так вот... Тут уже лет десять, если не больше, идёт война между местными государями. В начале позапрошлого года князь Даниил потерял Галич. Тогда же к Киеву двинул войска Михаил Черниговский, вместе с Изяславом Мсти-славо-вичем. Тогдашний великий князь киевский, Владимир Рю-ри-кович, пошёл на союз с Даниилом Галицким. Михаил Черниговский отступил, а Изяслав бежал к половцам, с коими весьма дружен, к хану Котяну Сутоевичу. Владимир же с Даниилом повернули на Чернигов, и там к ним присоединился князь Мстислав Глебович. Он отговорил их нападать на Чернигов, но при этом лукавил, поскольку являлся тайным союзником Михаила Всеволодовича и желал измотать князей галицкого и киевского в мелких стычках.

— А Мстислав Глебович — это кто? — спросил Пончик.

— Мелкий феодал,— ответил Олег со знанием дела.— И что было дальше, милорд?

— Повоевав под Черниговым,— продолжал барон,— князья повернули на запад и, не доходя до Киева, столкнулись с половцами,

призванными Изяславом Мстиславовичем... Так вот. Даниил и Владимир повернули в степь и у Торческа, города «чёрных клобуков», их полки были смяты и рассеяны войском половецким. Владимир Рю-рикович угодил в плен, а Даниил Романович бежал в Венгрию, к королю-крестоносцу Эндре II, где близко сошёлся с австрийским герцогом Фридрихом Бабенбергом. Даниил всё искал стороннюю помощь, но его преследовали неудачи. Понадеялся Романович на союз с поляками — не вышло. Венгры... Умер король Эндре, и в октябре на престол должен был взойти давний противник Даниила, Бела IV. Волынский князь... как тут говаривают — из кожи вон лез, лишь бы угодить новому государю и склонить его на свою сторону. Он даже шагал в составе коронационной процессии в Секеш-фехер-варе, как последний вассал — вёл под уздцы королевского коня. Не помогло!

Тогда же бояре галицкие зазвали к себе в князья Михаила Всеволодовича, а Изяслав, сын Мстислава Романовича Старого, сел на трон в Киеве. Так Господь одним уготовил поражение, а другим даровал победу...

Тут пышнотелая девица принесла запотевшую амфору-корчагу, разлила вино по чарам, быстренько обернулась, расставила блюда с парящим мясом, порезала духовистый каравай.

Троица налегла на вино и закуску. После второй чарки Гийом отёр усы и продолжил «политинформацию»:

— Так вот...— сказал он внушительно.— Весною прошлого года Михаил Черниговский затеял поход на Владимир Волынский, где в ту пору засел Даниил Романович. Тогда же Владимир Рю-рикович выкупился из плена, изгнав из Киева князя Изяслава. Он снарядил и послал в помощь Даниилу Галицкому союзных «чёрных клобуков» и полк воеводы своего, Данилы Нажировича. Войско сие взяло в полон князей Болховских, и Михаил Черниговский, объединившись с Конрадом Мазовецким...

— Польским королём? — решил блеснуть познаниями Олег.

— Ах, что вы, сиятельный! Короля в Польше давным-давно нет, там творится то же, что и здесь,— некогда единая страна порезана на княжества-лоскутки. Ими правят Генрих Набожный, Владислав Тонконогий, Болеслав Стыдливый, Лешек Белый и ещё добрый десяток мелких властителей. А Конрад княжит в Мазовии. Так вот. Объединившись с ним, с половцами Изяслава, Михаил Черниговский осадил Владимир, якобы желая вызволить болховцев... И тут половцы изменили, ушли к Владимиру Рюриковичу! И всё! Конрад Мазовецкий бежал, потопив половину войска на переправе, Михаил Чер-

ниговский отступил, а Изяслав Мстиславович снова захватил Киев. И вот, уже этой зимою, Даниил Романович и Владимир Рюрикович обратились к Ярославу Всеволодовичу, князю переяславскому, под чьею рукой сам Новгород Великий, и предложили ему занять киевский стол... Ярослав Всеволодович согласился. Да любой рыцарь на его месте дал бы согласие! Оставив Новгород на сына своего, Александра Храброго [1], князь выступил с войском, разоряя города в землях черниговских и тяжкие откупы собирая с них. Ныне Ярослав Всеволодович должен уже к Киеву подойти, а что дальше станется — Бог весть!

— Понятненько...— проговорил Олег и разлил вино по третьему разу.— Тогда поспешим навстречу князю переяславскому и поможем ему обрести трон киевский!

— Поспешим...— эхом отозвался задумчивый Пончик и встрепенулся: — Э-э... Милорд! А не расскажете ли о Константинополе? Что вообще творится в тех краях? — Перехватив предостерегающий взгляд Сухова, Александр торопливо пояснил свою просьбу: — Мы очень давно не были в империи, странствовали повсюду, то в Азию нас занесёт, то в Африку...

Чувствуя, что перебрал в выдумках, Шурик смолк, но де Танкарвиль, изрядно захмелевший, принял его слова за правду.

— А что еще может твориться в Латинской империи [2], кроме всеобщего развала? — горько вопросил он, поняв вопрос по-своему.— Тридцать лет и три года тому назад венецианцы, купцы и скупцы, устроили страшную резню в Константинополе. Они разграбили всё, что можно и нельзя,— могилы разрывали, коней с императорской трибуны на Ипподроме стаскивали, даже с фресок Святой Софии соскребали сусальное золото. И всё! Не восстать более блистательному Царьграду! Душою скорбел, когда видел запущенное, неопрятное захолустье, каковым стал Второй Рим, а народу там проживает вдесятеро меньше, чем бывало — целые улицы стали выморочными.

Ныне императором коронован Балдуин II, но в Киев меня послал не он, а Иоанн Бриеннский, бывший король Иерусалимский, выбранный баронами регентом и пожизненным правителем империи. Увы, Иоанн де Бриенн умер, а Балдуин обнищал настолько, что ездит по

---

[1] Будущий Александр Невский.

[2] *Латинская империя*, или *Романия*,— государство со столицей в Константинополе, образованное рыцарями-крестоносцами в 1204 году.

европейским дворам и выпрашивает подачки. Терновый венец Спасителя он заложил в Венеции, выкупить не смог, и священная реликвия была приобретена Людовиком Святым [1]. Да что там говорить, если Балдуин тем же богатеньким венецианцам заложил собственного сына Филиппа!

Гийом выпил подряд две чарки вина, взгляд его помутнел, а речь стала бессвязной.

Олег с Пончиком переглянулись, кивнули и покинули заведение.

На свежем воздухе хмель малость выветрился. Веяло теплынью, так что Сухов решил остаться как был — в рыцарских латах. Отвязав своего чалого, Олег приторочил к седлу вьючок с шубой и вскочил в седло. Пыхтя, Пончик взобрался на своего гнедого.

— Была империя и не стало...— пробормотал он, всё ещё находясь под впечатлением рассказа барона.

— Знаешь, какая мне мысль в голову пришла? — обратился к нему Сухов.

— Не знаю. Угу...

— Мы тут пока чужие, не обвыклись ещё. Что, если я князю представлюсь странствующим рыцарем?

— А что? — обдумал идею Пончик.— Не так уж и глупо. Угу...

— Пойдёшь в оруженосцы?

— Как Санчо Панса? — подозрительно спросил Шурик.— Намекаешь на мой излишний вес?

— Да Бог с тобою! Намекаю, что к рыцарской службе ты не годен.

— А к чему годен? — пробурчал протоспафарий.— В смысле, что я должен буду делать?

— Повсюду таскаться за мною и оказывать первую медицинскую помощь.

— Ну, это я умею! — повеселел Пончик.

Беседуя на темы будущего возвышения, друзья направились к городским воротам. По дороге их обогнала компания «чёрных клобуков» — трое степняков сопровождали четвёртого. Этот четвёртый сразу не понравился Олегу. Во-первых, не похож он был на торка или печенега — тех легко было спутать с русским человеком, а этот выглядел чужаком даже для половцев — лицо плоское и тёмное, цвета седельной кожи, глаза совершенно косые, усы длинные свисают, а борода «лопаткой» подстрижена. Во-вторых, держал себя

[1] Французский король Людовик IX Святой (1214—1270).

плосколицый до того надменно, что поневоле вызывал раздражение.

Вперив тяжёлый взгляд в Олега, плосколицый словно ожидал угодливого поклона. Не дождался и спросил властно, не тая угрозы:

— Что уставился, орос?

— Тебя не спросил,— ответил Сухов с лёгким пренебрежением.

Глаза чужака полыхнули бешенством, скрюченные пальцы метнулись к сабле в роскошных ножнах, но Олег уже поглаживал рукоять меча.

— Гуляй! — процедил он, страстно надеясь сойтись в поединке с этим неприятным степняком. Но удовлетворения Сухов так и не получил.

По лицу чужеземца пробежала судорога, на лбу выступили капли пота. Чудовищным усилием совладав с собой, он повернулся в седле, «сохраняя лицо».

— Хуррагш! [1] — прорычал чужак.

Повелительный взмах рукой — и все четверо порысили к воротам.

— Он на монгола похож,— неуверенно произнёс Александр и протянул, расширяя глаза: — Слу-ушай... А может, уже монголо-татарское иго наступило?!

— Может,— согласился Олег.

Вдохновившись, Шурик с жаром предположил:

— А этот, с плоской мордой, шпион из Орды! Круто?!

Сухов покусал губу и спросил Пончика:

— У тебя что было по истории СССР?

— Чего-чего? А-а... «Четвёрка», по-моему. А что?

— Даты хорошо помнишь? Когда случилось Батыево нашествие?

Александр задумался.

— Кажется, в тыща двести сороковом,— сказал он без особой уверенности.— Или в сорок первом...

— Чует моя душа,— медленно проговорил Олег,— что скоро мы это узнаем точно. Поехали!

— Куда?

— В Киев.

— В Киев! — эхом отозвался Пончик.— В Киев!

---

[1] *Хуррагш!* — «Вперёд!» (*монг.*) Надо полагать, именно от этого древнего монгольского клича произошло русское «Ура!»

Глава 3,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ ЗАВОЕВЫВАЕТ КИЕВ

Сухов с Пончевым, следуя берегом Днепра, миновали Перевесище — охотничьи угодья князя — и выехали к стольному городу.

Первый раз в Киеве Олег побывал ещё в 860-м. В то лето дружина Аскольда-сэконунга спускалась вниз по Днепру, да и решила сделать остановку. Оно и понятно, ведь сэконунг, «морской король», славен воинскими победами, да и только. Лодьи у него имеются, и храбрецов вдосталь, а вот земель нету ни клочка. И решил Аскольд на старости лет обзавестись каким-никаким княжеством.

В ту пору Киева как такового ещё не существовало. Имелась древняя крепость Самбат да пара-другая крошечных посёлков, раскиданных по горам и долам приднепровским. Аскольд хотел сперва зашибить тамошнего правителя Дира, но тот выразил покорность захватчикам, втёрся к ним в доверие — пригожусь, дескать.

И стал Аскольд-сэконунг жить-поживать да добра наживать. А четыре года спустя на пару с Диром отправился мзду требовать с Константинополя, в чём немало преуспел.

К 921 году посёлочки на Горе и Подоле [1] слились в город, а нынче, три века спустя, Киев и вовсе разросся — вона, сколько дымов печных поднимается к небу, а купола золотые блестят как!

За полверсты до городских стен все заросли были вырублены, и деревья, и даже кустарник — не подкрадёшься. На пустыре этом Сухов особенно остро почувствовал всю свою неприкаянность и бездомность. Воистину, один в поле не воин...

«Ну, это мы ещё посмотрим»,— подумал Олег, направляя чалого к южным воротам киевским, прозванным Лядскими. Вскоре он обнаружил, что те заперты, а на стенах полно народу, оружного и весьма воинственно настроенного. И было отчего — полсотни конников вертелись перед вратами. Они носились туда-сюда, гарцевали, поднимали лошадей на дыбки, изредка постреливали из луков.

---

[1] *Гора* — Старокиевская гора, историческое ядро Киева, где располагалась крепость Самбатас («град Кия»), выросшая в X веке до «града Владимира», а после и до «града Ярослава». *Подол* — слобода, предградье Киева, занимавшее низину между Горой и реками — Днепром, Почайной и Глубочицей.

Что интересно, узкий мост, переброшенный через ров, был цел. Обычно, когда враг приступал к городу, мосты сжигали, а этот, наверное, просто не успели спалить.

Осаждающие весело материли осаждённых, те отвечали такой же похабенью, словно и не воевали враждующие стороны, а так, сошлись потехи ради.

— Видать, подоспел Ярослав Всеволодович,— сделал вывод Пончик.

— Видать,— согласился Сухов.

Всадники-матерщинники заметили парочку и поскакали навстречу. Александр поначалу осадил коня, но Олегов чалый продолжал шагать, поэтому гнедок, потоптавшись, догнал собрата.

Гикая и свистя, конники закружили вокруг «рыцаря с оруженосцем», а после, повинуясь команде, остановились — кони зафыркали, задёргали головами, пыхая паром и звякая уздою.

Всадники отличались высокими скулами, были курносы и конопаты, а вот их командир выглядел на варяжский манер — светлокожий был и сероглазый, с чубом цвета соломы. Бросалась в глаза и северная привычка биться в пешем строю — восседал варяг на могучем рыжем рысаке, однако кавалеристом был никаким — держался в седле куль кулем.

Храня невозмутимость, он послал коня вперёд, загораживая Сухову дорогу. Олег хладнокровно завернул чалого, пытаясь объехать старшо́го, но тот, по-прежнему сохраняя каменное выражение лица, подал рысака назад, не давая проезда.

Конники даже привставали с сёдел, дабы не пропустить увлекательного зрелища, и Олег не разочаровал почтенную публику — мгновенно выхватив меч, он с размаху ударил рысака варяжского плоской стороной клинка. Звонкий шлепок мигом сменился диким ржанием — рыжий рванул с места с такой прытью, что всадник почти упал спиной на круп.

Дорога освободилась, и Сухов чуток пришпорил чалого, хотя и не надеялся, что его оставят в покое. Так и вышло — конники, только что скалившие зубы, сурово нахмурили брови и потянулись к оружию.

— Ребята,— ласково заговорил Олег,— убить-то вы меня, конечно, убьёте, но двоих-троих из вас я обязательно прихвачу с собой. Может, и пятерых — это уж как повезёт.

— А вот хрен тебе! — воскликнул молодой воин. Он был без шлема, и его большие, лопухастые уши смешно оттопыривались, алея на просвет.

— Уши побереги,— хладнокровно посоветовал Сухов.

Добрый молодец бросил коня вперёд, сверкнула степняцкая сабля... Нет, прямой меч оказался быстрее — клинок отсёк молодчику левое ухо. Струйки не в меру горячей крови протекли за ворот чешуйчатого панциря.

— У-уй! — по-детски вскрикнул молодчик, мигом растеряв весь гонор.

— Займись им, Понч,— обронил Олег.

Демонстрация силы помогла — двое самых безбашенных всадников кинулись на Сухова, но вот основная масса придержала коней, оценив удар — молниеносный, могущий стать смертельным, но не ставший им.

Парочка наехала на Олега с двух сторон, грозя короткими копьями с крючьями, как вдруг раздался грозный бас военачальника, и копейщики неохотно отступили.

Хмурый командир подъехал поближе и спросил:

— Ай издалека?

— Из греков,— ответил Сухов.

Тут его перебил недовольный голос Пончика:

— Да убери ты свою железяку, дурак! Дай перевяжу!

Все повернулись к пострадавшему, рану которого пытался затампонировать Александр.

— Ну, куда ты руку суёшь?! — орал Пончев, серчая.— Занесёшь заразу — и майся с тобой потом!

— А это кто? — Командир качнул шлемом в сторону Шурика.

— Это мой оруженосец и врач,— ответил Сухов.

— А ты?

— А я — странствующий рыцарь.

— Латинянин небось?

Конники напряглись.

— Мы оба православные,— сказал «странствующий рыцарь».

— А не врёшь? — прищурился «варяг».

— Вот те крест!

Конники расслабились.

— Имя? — осведомился старшой.

— Имён у меня много... Можешь звать меня Олегом.

— И куда ж ты собралси, Олег?

— До князя Ярослава Всеволодовича собралси.

— А на что тебе князь?

— А послужить хочу князю. Ещё вопросы будут?

— Ишь ты, ершистый какой! Думаешь, раз ухо мальцу отчекрыжил, так и всё, в герои выбилсси?

— Могу и голову отчекрыжить,— холодно сказал Сухов.— Ему или тебе, мне без разницы.

— Не ерепенься! — буркнул старшой.— Меня кличут Якимом Влунковичем [1], я у князя воевода ńабольший, новоторжан [2] в узде держу и за всеми прочими приглядываю. Понял? Во-от... Али ты думал, будто сам Ярослав Всеволодович в дружину бойцов призывает? Не, без моей воли ни один конный али пеший в строй не становитсе! Понял? Во-от...

— А мне в строю делать нечего,— по-прежнему холодно вставил Олег,— вырос я из рядовых.

— Да цто ты говоришь? — съехидничал Яким.

— Что есть, то и говорю,— отрезал Сухов.— Я флотом командовал, тысячи в бой водил, крепости брал. Негоже мне всё сызнова начинать, не юныш какой.

— Так ты, смотрю, в воеводы метишь?

— Согласен и сотником начать.

Влункович довольно крякнул.

— Не, нам такие люди нужны! — осклабился он.— Наглые! Дерзкие! Поставлю тебя десятником. Понял? Во-от... Ежели портки не обгадишь и всё как есть исполнишь, тогда и потолкуем. Лады?

— Лады,— кивнул Сухов.— Чего надо хоть?

— Подол взять приступом! Исхитришься? Вдесятером-то?

— Легко,— обронил Олег.

Полки [3] Ярослава Всеволодовича подступили к Подолу со стороны Почайны — днепровского притока, чьи тихие воды образовывали удобную гавань. Но это летом, а сейчас, на перепаде между зимою и весной, Почайну скрывала толстая кора льда. А сам лёд прятался под возами с сеном на корм лошадям и санями с припасами для войска, под палатка-

[1] Реальное историческое лицо.

[2] *Новоторжане* — жители города Новый Торг («пригород» Новгорода Великого), ныне Торжок. *Суздальцы* — здесь не жители Суздаля, а выходцы из Владимиро-Суздальского княжества, в данном случае переяславцы.

[3] Надо заметить, что к XIII веку понятие «дружина» претерпело изменения. Под дружиной понимался «княжой двор» — личное войско князя из его придворных. А полки формировались («нарубались») из воев-ополченцев по принципу «1 воин на коне и в доспехе полном (конно и оружно) с 10 сох». Если же возникала прямая и явная угроза, то воина выставляли и с 4 сох. (Соха — это единица поземельного налога, именно соха облагалась податями. К примеру, новгородская соха равнялась 3 обжам, а обжа — это та площадь земли, которую обрабатывал один человек — с конным плугом, но без помощников).

ми и шатрами, бойцами конными и пешими — тут их собралось несколько тысяч. Вои-новгородцы и новоторжане стояли вместе, суздальцы держались наособицу — распри делили не одних лишь князей, весь народ разводили они, сея рознь и вражду «межи человеки».

За пологим берегом поднимался не шибко высокий земляной вал, укреплённый острогом — частоколом из толстых брёвен с острёными верхушками. В одном месте линия укреплений прерывалась, оставляя проход,— его запирали мощные ворота.

Над крепостной стеной то и дело показывались головы защитников, качались наконечники копий, вылетали стрелы, пущенные навесом, но оборона шла вяло.

Дворяне и вои кучковались на льду Почайны, проверяя оружие, подтягивая завязки на панцирях и успевая лениво переговариваться:

— Како ся урядим, братие?

— Таран нужон, без тарана — куда?

— Да где ж ты таран возьмёшь? Близ городу больших деревьев не сыскать!

— Раньше надо было думать.

— А нам по чину не положено, это пущай князюшка думает!

— Верно баешь! Приказу такого не было, чтоб таран мастерить. Вот и стой.

— Да цего ж стоять зря? На льду-то? Дубеешь как дурак!

— А ты дубей как умный! Вона, лунку проколупай и рыбку лови. Удом своим! Не отмёрз ишшо?

— Почнём, что ли?

— Куда торописсе, кулик [1]?

— А чего сразу — таран? Што, на воротах белый свет клином сошёлси? Глянь, тын какой — не низок, не высок. В самый раз!

— Лестницу надо, да не одну.

— Во-во! А никто не побеспокоилси!

— Да успокойтеся вы! То таран им, то лестницы... Чего скажут, то и делать станем!

Олег оглядел свой большой десяток. Да-а... Зря он заподозрил Якима Влунковича в симпатиях к своей персоне — воевода отдал ему под руку ополченцев, набранных в новгородской глуши,— увальней в армяках и лаптях, вооружённых топорами и луками. Худые вечные [2] мужичонки, охотники-лесовики — вот такой у него личный состав.

---

[1] *Кулики, сальники* — обидные прозвища суздальцев.

[2] *Вечные мужики, вечники* — миряне с правом голоса на вече.

Новики все, салабоны-новобранцы. Редко у кого из них имелся шлем, а панцирь был в единственном числе — на румяном, кудрявом парне, гордо назвавшимся Олфоромеем Лысуном. Выучкой же, опытом боевым, похвастаться не мог ни один — схватки с медведями и волками не в счёт.

Десяток без особых проблем подчинился новому командиру. Кое-кто, правда, дозволил себе поартачиться, но пара зуботычин привела строптивцев ко смирению.

— Скотина этот Влункович,— громко прошептал Пончик.— Он же тебе мстит, на смерть посылает!

— Помнишь, как в былинах богатырь говаривал? — тихо сказал Сухов.— «Не бывать тому!»

Обернувшись к своему десятку, что перетаптывался, сбившись в кучу, Олег громко спросил:

— Кто из вас белке в глаз попадает?

Новики заулыбались со снисхождением — экий у них десятник глупый!

— Да все и попадают,— ответил Лысун.— Как иначе-то? Мы-ить все промыслом живём, шкурок не портим!

— Отлично...— медленно проговорил Сухов.— Тогда слушай мой приказ. На тебя, Олфоромей, вся надёжа — побудешь возницей. Вон, видишь телегу с сеном? Погонишь её к воротам!

Объяснив каждому его манёвр, Олег напялил шлем на голову, в правую руку взяв меч, в левую — горящий факел. Олфоромей обошёл кругом телегу — здоровенные дроги, запряжённые парой могучих волов. На дрогах пошатывалась в неустойчивом равновесии целая гора сена.

Перекрестившись, Лысун взгромоздился на козлы, стегнул бичом, страгивая с места ленивых животин, и дроги покатились к воротам. Остальные бойцы из Олегова десятка выстроились в ряд и начали обстрел вражеских позиций. Они никому не позволяли высунуться над частоколом, чуть кто покажется — тут же слали стрелу. Кому-то из защитников Киева повезло — успели пригнуться, а кому-то и нет — пустили им стрелу в глаз, как той самой белке.

Войско Ярослава Всеволодовича притихло, с интересом наблюдая за потехой. Дружинники-дворяне не верили, что какие-то новики способны на подвиги воинские, и готовились потихоньку к приступу, исподволь наблюдая за «бельчатниками», подшучивая и пересмеиваясь.

Меж тем Олфоромей Лысун загнал дроги под самые ворота. Повинуясь жесту десятника, двое новиков — Олекса Вышатич и Ратша Гю-

рятич — подбежали на подмогу. Поднапряглись, втроём опрокинули кучу соломы, да бегом отвели дроги — в тыл.

Сухов швырнул факел. Сено задымилось, погнав белые, плотные клубы, и вспыхнуло. Яркое пламя заревело, вздымаясь выше острога, а когда солома опала грудой раскалённой трухи, гул и треск огня лишь усилился — горели ворота. Сухие брусья лопались, брызгая смолой и нагоняя такой жар, что снег стремительно отступал от ворот, протаивая кругом до парящей земли.

— Ну, дела...— выдохнул Олфоромей, зачарованно следя за прогоравшими воротинами.— Эхма!..

Олег хлопнул его по широкому плечу.

— Готовься! — сказал он.— Запрягай, как я сказал.

— Задом наперёд?

— Ну!

Лысун с Ратшей сноровисто перепрягли волов, поставив тех мордами к телеге.

Городовые полки уже не подсмеивались — на их глазах «бельчатники» ковали победу. Новгородцы, новоторжане, переяславцы настороженно наблюдали за действиями Олегова десятка, а «бельчатники» словно стряхнули с себя былую неуклюжесть, обрели уверенность, задвигались быстро и чётко, без суеты.

— Давай! — рявкнул Олег, углядев, что ворота достаточно прогорели, и махнул рукой.

Олфоромей как пошёл стегать волов, как те замычали, как заработали ногами бешено, разгоняя пустые, грохотавшие дроги перед собою, как те врезались в обуглившиеся створки! Ворота не рухнули, но отворились с грохотом, разламываясь и поднимая тучу искр.

Олег первым ворвался в Киев, за ним, издавая восторженные вопли, рванули его новики.

— Ура-а! — заорал Пончик.

Невеликое число осаждённых мигом оставило стены, удирая по кривым подольским улицам, скача по огородам, перепрыгивая через плетни... Победа!

— Стой! — заорал Сухов, придерживая разгорячившийся десяток.— Подождём отстающих.

Возбуждённые новики сгрудились вокруг своего десятника, довольно похохатывая. Уделали они-таки заносчивых сальников из Переяславля! Утёрли носы дворянам!

А ополченцы повалили в догорающие ворота, сотня за сотней, полк за полком, с удивлением и неверием поглядывая на «лапотников», пыжащихся от гордости за содеянное.

Мимо проскакала «Золотая сотня» княжеская, особенно нарядная — все в блестящих кольчугах, с вызолоченными пластинами на груди, изображавшими дерущихся львов, с флажками на копьях, с малиновыми щитами миндалевидной формы. И вот показался сам князь Ярослав Всеволодович.

Это был плотный невысокий мужчина, из тех, про которых говорят: «Ладно скроен, крепко сшит». Недостаток роста скрадывался горделивой осанкой, подтянутостью и выправкой. Лицо князя дышало силой, всё в нём выдавало натуру властную и решительную — плотно сжатые губы, хищный нос, густые, нахмуренные брови, похожие на мохнатых гусениц. А вот глаза... Глаза Ярослава Всеволодовича тревожно бегали, щурились или расширялись, отражая коварство и хитрость, понуждая тонкие губы кривиться в недоброй улыбке.

Князь ехал на великолепном белом коне, рассеянно слушая Якима Влунковича. Придержав коня рядом с Олегом, Ярослав Всеволодович спросил воеводу:

— Он?

— Он, княже,— поклонился Яким.

— Эва как...

Князь с интересом оглядел Сухова, а тот стащил с себя шлем и низко поклонился.

— Ну, не расхотел ли служить мне? — спросил Ярослав Всеволодович с хитрой ухмылочкой.

— Не расхотел, княже,— ответил Олег Романович.

— Тогда ступай за мной, рыцарь. Порадовал ты меня. Ей-богу, порадовал!

Сухов скромно пристроился сбоку от князя, почтительно отстав на полкорпуса, и махнул рукой своему десятку и Пончику: поспешайте следом!

А войско между тем подходило и подходило, на рысях следуя кривыми улицами Подола, растекаясь в поисках удачи и добычи. Вот уже где-то заголосил, запричитал визгливый женский голос, проклинающий грабителей, завизжала насилуемая девушка, а уж предсмертные хрипы мужиков, встающих на защиту родного дома... Кто ж их расслышит за топотом копыт и лязгом оружия?

Vae victis... [1]

---

[1] *Vae victis* — Горе побеждённым (*лат.*).

Глава 4,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ НАЖИВАЕТ СЕБЕ ВРАГОВ

Ни бревенчатых домов, ни беленых хат на Подоле не стояло, киевляне проживали, в основном, в жилищах типа фахверков — сооружали бревенчатый каркас из стояков, откосин и перекладин, а пустоты заполняли кирпичом-сырцом. Получалось что-то среднеарифметическое между северными избами и южными мазанками. Оно и понятно — глинобитный дом попросту размоет весеннее половодье, а вот фахверк выстоит. Ремонта потребует, конечно, но выдюжит накат вешних вод. А изба... Не тот лес на Днепре, чтобы избу ставить. Степь рядом.

Улочки подольские были нешироки, дома зажимали их плотно, стена к стене, часто возносясь на пару этажей, а бывало, что и на все три. Внизу не жили, и высокие крылечки поднимались на столбах до второго этажа, куда и вели ступени лестниц и где отворялись двери. Было легко догадаться, кто на улице богаче, а кто беднее,— состоятельные киевляне чаще белили стены, а крыши не соломой крыли или камышом — тёсаный лемех ладили, даже плитками шифера выкладывали.

Однако намётанный глаз Олега примечал отнюдь не архитектурные излишества — было видно, что Подол терпит второе нашествие за зиму. Раз за разом попадались пожарища, открывавшие взгляду маленькие огородики, окружённые плетнями, частенько поваленными, а снег был истоптан копытами коней. Видел Сухов и двери, порубленные топорами, и запертые ставни, в которых застряли наконечники обломанных стрел. Надо полагать, дружина Изяслава Мстиславича порезвилась вволю, а теперь пришёл черёд Ярослава Всеволодовича.

Что и говорить, не везло Киеву, многих князьков притягивал великий стол. Тринадцатый век только начался, считай, а сколько уже раз город приступом брали — в 1202-м, в 1203-м, в 1207-м, в 1210-м и ещё, и ещё... И всякий раз князья-штурмовики смерть сеяли и насилие, брали жителей в полон, грабили их почём зря. Хуже ворогов были свои же, проклятые черниговские Ольговичи, волынские Изяславичи, смоленские Ростиславичи, суздальские Юрьевичи!..

— Не понимаю,— буркнул Пончик, хмуро оглядываясь,— почему князь ведёт себя как захватчик? Ему ж с этими людьми жить! Угу...

— Почему...— усмехнулся Олег.— А чтоб боялись, Понч. Чтоб и пикнуть не смели! Ярослав не отдаст Киев на поток и разграбление. Скоро он прижмёт своих, но... не сразу. Пускай уж поозоруют, возьмут своё, оттянутся по полной. После князю с воеводами легче будет их строить да школить. А как утихнет беспредел, киевляне ещё и благодарить станут Ярослава!

— За что? — проворчал Александр.— Что не всех поубивали?

— Именно, Понч!

Войско продвигалось по Боричеву току, главной улице Подола, ведущей от пристаней на Почайне к Верхнему городу. Улица была пуста — ни души. Дворяне проезжали мимо затворённых дверей, опасаясь бесчинствовать на глазах у князя, и завидовали ополченцам, избравшим параллельные улочки,— оттуда неслись заполошные крики и весёлая ругань. А князь Ярослав и ухом не вёл — ехал себе да на солнышко щурился.

Боричев ток вывел Олега на вечевую площадь, где в гордом одиночестве возвышалась церковь Успения Богородицы Пирогощи, и малопомалу на подъём пошёл, прозываясь уже Боричевым взвозом.

Заорали воеводы, призывавшие бойцов, им вторили сотские и десятники, спускавшие приказ до подчинённых,— впереди поднимались стены Верхнего города, а Боричев взвоз утекал под ворота громадной въездной башни. Дружинники построились, припоздавшие вои поспешали за братией, торопливо пряча за пазуху шейные гривны и бусы, браслеты и даже меховые шапки — все те «пенки», которые удалось снять с мирного населения.

Полки были настроены воинственно — лёгкая добыча раззадорила бойцов, они готовы были штурмовать Подольские ворота, запиравшие проход на Гору.

— Цегой-то ты сена не прихватил? — обратился Яким Влункович к Олегу, приоткрывая в ухмылке крупные жёлтые зубы.— Али раздумал огнём баловатьсе?

Сухов усмехнулся в ответ, примечая оживлённое шевеление на воротной башне. И не простые воины суетились, толкаясь за парапетом, а кое-кто поважней, в соболях да в бархате.

— Солому пожалей,— сказал он.— Ворота необязательно жечь.

— А цего?

— В них можно просто войти,— проговорил Олег с усмешечкой, глядя, как вздрагивают створы Подольских ворот, и добавил, как гостеприимный хозяин: — Прошу!

Воевода даже рот раскрыл от изумления — ворота открылись, распахиваясь настежь, и в глубине арки показалась процессия —

плотным строем вышли бояре под предводительством толстого архиепископа.

Ярослав Всеволодович подбоченился, не покидая седла, а «вятшие люди града Киева» низко поклонились князю.

— Исполать тебе, Ярослав свет Всеволодович! — гулким басом пророкотал архиепископ.— Войди во град сей и блюди его по всей правде [1]!

Князь, обретающий приставку «великий», ничего не ответил, только кивнул небрежно и тронул с места коня. Бояре расступились, пропуская Ярослава Всеволодовича за стены Верхнего города.

Выехав на свет божий, Сухов понял, что боярство киевское прогибалось не зря и смогло-таки расположить к себе нового правителя — стража вывела пред светлы очи князевы прежнее руководство — Изяслава Мстиславича, растрёпанного парня лет тридцати, с полным лицом, щекастым и губастым.

— Казнить не стану,— снисходительно молвил Ярослав Всеволодович,— милую! Бери коня, бери дружину и ступай с Богом.

Мстиславович поглядывал на князя переяславского исподлобья. Полные губы его вздрагивали, пухлая щека подёргивалась. Ни слова не говоря, Изяслав развернулся и вскочил на подведённого ему коня, подав знак малой дружине — сплошь из половцев, смугловатых степняков в стёганых халатах и доспехах из бычьей кожи. Почти у всех у них на головах были островерхие шлемы с интересными откидными забралами, изображавшими человеческие лица в металле — будто маски посмертные.

Половцы, в отличие от своего предводителя, молчать не стали — загикали, засвистели, завыли и вихрем унеслись за ворота (с этого дня Изяслав Мстиславович всё равно что умер — никто с ним, отовсюду изгнанным, не водился более).

А великий князь Ярослав Всеволодович отправился далее, шествуя, что твой триумфатор,— окружённый «Золотой сотней» под командованием верного окольничего [2] — Акуша, проныры родом из Бостеевой чади [3]. За княжьими мужами ступали полки новгородский, новоторжский и переяславский.

---

[1] Подразумевается «Русская Правда» — свод законов. Исполать — выражение, заимствованное из греческого, означает «хвала, слава».

[2] *Окольничий* — придворный чин и должность, занимал второе место после боярина. Служба окольничего заключалась в устройстве всего необходимого для путешествия князя («устроить путь и станы для государя»), но мог и полк возглавить.

[3] *Бостеева чадь* — род (колено) половецкого народа, названный в честь прародителя. Летописи упоминают Бостееву и Чаргову чади, роды Вобургевичей, Бурчевичей, Токсобичей и Улашевичей.

— На тебя уже зыркают,— негромко сказал Пончик, склоняясь в седле к Сухову.

— Акуш и Яким? — промурлыкал Олег, щурясь.

— Они! Соперника почуяли. Угу...

— Пускай чуют, Понч. Живее бегать станут, а то раздобрели на княжьих-то харчах!

Сам же Сухов «зыркал» на Киев. Такого Верхнего города он не застал в прошлом, а до будущего тутошнее великолепие не дотянет, найдётся кому разнести всё по кирпичику.

Уж и вовсе по-царски выглядел Бабин Торжок — площадь у Десятинной церкви. Здесь красовалась бронзовая квадрига [1], вывезенная князем Владимиром из Херсонеса,— гридни стащили её с триумфальной арки Феодосия. До кучи князь прихватил и статуи мраморные, изображавшие Афродиту, Артемиду и Геру.

«Бабами» обычно назывались истуканы-балбалы, воздвигнутые кочевниками на курганах. Может, оттого и площадь была прозвана Бабиным Торжком? Какая богобоязненному христианину разница, прекрасное изваяние ли воздвигнуто на постамент или грубое творение варвара? Всё одно — идол...

С трёх сторон площадь замыкали княжьи дворцы. Самый большой из них располагался к западу от Десятинной церкви. Трёхэтажное строение простиралось двумя крыльями, выстраивая редкие колонны, выставляя напоказ яркий фасад, облицованный мрамором и плинфой. Лепота!

Ярослав Всеволодович спешился у парадного входа и сказал Якиму, оборотясь:

— Пошли людей верных на Подол, пущай осадят воинство, а то забалуют.

— Всё сделаю, как велишь, княже,— поклонился воевода.

Дождавшись, пока великий князь скроется в палатах, и уже не пряча усмешечки, Влункович приблизился к Сухову.

— Слыхал? — сказал он.— Даю тебе ишшо две сотни новиков из полку Косты Вячеславича, хватай их — и на Подол! Наведи порядок. Понял? Во-от... Ежели «баловники» не послушают сразу — заставь!

— Сделаем,— пообещал Олег.

— И вот чего ещё...— Яким помялся, но договорил: — Ты больно-то роток не разевай на милости великокняжеские. Понял? Во-от... А то зашью!

---

[1] *Квадрига* — упряжка из четырёх лошадей. У эллинов — *тетрипна*.

— Не грози, Влункович,— улыбнулся Олег неласково.— Не тебе решать, кого князю одарить, а кого ударить. Понял? Во-от...— передразнил он воеводу.

— Врагов ищешь? — вкрадчиво проговорил воевода.— Мотри, обрящешь на свою голову!

— Своих врагов я всех похоронил,— холодно ответствовал Сухов.— Не набивайся ко мне в неприятели, Яким, проживёшь дольше!

Воевода скрыл гнев, только глянул на Олега пристально, а после махнул рукой, подзывая ополчение. Новики — пешие, без броней, вооружённые чем попало,— всей толпой шагнули к Сухову...

...Олег спускался по Боричеву взвозу и думал, не слишком ли круто он портит отношения с Якимом? Обмозговав это дело, пришёл к выводу, что выбрал верный путь. Как себя поставишь, такое тебе и уважение окажут.

Кивая своим мыслям, Сухов выехал на Боричев ток и развернул коня. Оглядел свои сотни — передние столпились, задние догоняли бегом. Ждут. Верят. Аж рты раскрыли от усердия.

— Кто из вас мечом обзавёлся? — громко спросил Олег.

Над толпой поднялся один-единственный клинок.

— Ясно,— кивнул сотник.— Ну, про топоры не спрашиваю...

— А цего? — удивился Олекса Вышатич, вскидывая секиру.— Имеетсе!

— Князь приказал воев своих к порядку призвать,— терпеливо объяснил сотник,— чтоб не озоровали особо и местных не обижали зря. Вои те не раз в походы хаживали, князь их с собой и на Литву водил, и под Псков, и Чернигов воевать. Вы же все новики, в первый раз на войне...

— А цего...— вякнул Олекса, и на него зашикали.

— А того,— хладнокровно сказал Сухов.— Я вам всё это не потому толкую, что вы распоследние. Запомните: вступать с воями в ближний бой вам запрещается! А к дворянам даже близко не подходите и их к себе не подпускайте! Луками пользуйтесь, понятно? Если я прикажу этим воякам закругляться и уматывать, а те не послушаются — гоните их! Вон, у кого копья, в первом ряду пойдут. Тычьте их в бочины, задницы колите — и держите на длине копья! Только чтоб все вместе шагали, плечом к плечу. Уразумели?

— Нешто мы без понятия? — пробурчал Олфоромей.

— Вот и прекрасно. А чтобы вои сами на вас не кинулись, луки примените — тупыми стрелами в шею метьте, а острыми — в ногу, в руку... Не дойдёт — в пузо натыкайте! Понятно?

— Ага! — прокатилось по толпе.— Понятно, цего там... Ясно дело!
— Ну, раз ясно, тогда вперёд.

Первыми на пути новиков попались свои же новгородцы — человек двадцать здоровяков увлечённо громили лавку, мечами раздирая тюки, секирами вскрывая сундуки.

Сам купец в отчаянии метался вокруг, всплескивая руками и упрашивая налётчиков оставить ему хоть что-нибудь. Новгородцы хохотали в ответ и добродушно отмахивались от назойливого киевлянина, продолжая делить ценные вещи.

— Не трогать! — гаркнул Олег, подъезжая и кладя руку на меч.

Здоровяки, те из них, кто располагался ближе к дверям лавки, остолбенели. Иные же, из тех, кто забрался поглубже, не слыхали ничего, поглощенные изыманием чужого добра.

— Глянь-ко, Фрол! — доносились их глухие голоса.— Никак, сукно... Доброе!

Новгородец, что стоял в дверях, с кудрявенькой бородкой и перебитым носом, оглянулся на Фрола. Снова оборотился к Сухову, растягивая рот до ушей, словно в предвкушении скорой веселухи. На шее у него болталась целая связка лисьих да куньих мехов, а за полурасстёгнутый панцирь была напихана бухарская хлопчатая зендянь — лазоревая, с белыми цветами.

— А эт-то цто тако? — вопросил он гнусаво.— Цто эт-то за лёвзвирь выискался, рыкает на нас? Да страшно-то как, я аж убоялся!

Из лавки стали выглядывать прочие любители поживы, и купец, поозиравшись, бросился к Олегу, на колени пал.

— Убереги! — взвыл он.— Последнего лишают!

— Замолкни, купечь! — прикрикнул на него здоровяк.

— Княжье дело! — провозгласил Сухов.— Ярослав Всеволодович приказал местных не обижать. Ну-ка, вернули всё на место, и марш отсюда!

Новгородцы переглянулись и загоготали — от души, радуясь силе своей, здоровью крепкому, воле и скорому развлечению.

— Слышь-ко,— заговорил с угрозой ополченец с перебитым носом,— мотай отседова, а то допросиссе!

— Слышь, гугнявый,— ответил ему в тон Олег,— ты вон зендянцу хапнул, а заплатил ли?

Вой оскорбился и потянулся за мечом.

— Олфоромей,— негромко сказал Сухов, и в тот же миг тупая стрела ударила новгородца в шею, рассекая кожу до крови и вырубая

добра молодца на счёт «раз». Гугнявый, где стоял, там и упал, выстелился на пороге. Товарищи его растерялись сперва, а в следующее мгновение поперли, памятуя, что штурм и натиск — средство посерьёзнее ума-разума.

Олег не страгивал коня с места, не слезал с седла, даже меч свой не выхватил. А вот новики выстроились вокруг, в несколько рядов, и только приказа ждали, наложив стрелы, готовясь растянуть тетивы.

— Взялись! — рявкнул Сухов.

Десятки стрел пропели, втыкаясь новгородцам в руки и ноги. Вои спотыкались и падали, летели кувырком по грязному снегу, роняли оружие, сталкивались друг с другом. Лишь один, самый быстрый, самый вёрткий, добрался-таки до Юрка, робкого, тишайшего мужичка, и всадил в того меч.

— Юрко! — взвыл Олфоромей, бросаясь на выручку с копьём наперевес.

Напор его был так страшен, что наконечник прободал вёрткому и панцирь, и рёбра. Новгородцы застыли в растерянности, а вот новики-копейщики не дрогнули, мигом окружили «озорников», щекоча тех наконечниками на уровне живота и удерживая на дистанции.

— Юрко! — простонал Лысун и вдруг оборотил к ополченцам лицо, искажённое яростью.— Вы пошто другана моего зашибли?! — заорал он.— Всех перережу! Всем кровь пущу!

— Успокойся, Олфоромей,— твёрдо сказал Олег.— Ты уже взял плату за смерть Юрка, не пачкай душу зазря.

Лысун увял.

— Скидываем оружие и брони! — приказал Сухов новгородцам.— Складываем в одну кучку, а что награбили — в другую. Живо!

Под пение натянутых тетив вои быстро поскидывали дедовские кожаные панцири с бронзовыми накладками, шлемы, мечи, ножи, секиры — всё это звякало и лязгало, а рядышком ложилась груда чужого добра, едва не ставшего добычей. Ткани и меха шелестели и шуршали.

Новгородцы без броней, без оружия, без славы стояли, перетаптываясь и сжимая могучие кулаки. Они поглядывали из-под нахмуренных бровей, мрачно и тяжело, но уже не полагались на удачу — лучник метнёт стрелу быстрей, им за новиками не поспеть...

— Вон отсюда,— холодно приказал Олег.

— Куда? — просипел гугнивый.

— Да хоть к чёрту.

— Брони наши...

— Были ваши, стали наши.

— Отдай...— засопел новгородец.

— А ты отними,— усмехнулся Сухов.

— Дорогие оне...

— Ещё раз вякнешь, отправишься на Гору босиком!

Гугнивый посопел только перебитым носом, сгорбился, да и побрёл в сторону Верхнего города. За ним двинулись остальные.

Новики расступились, опасливо посматривая на воев, но уже прорезались на их напряженных лицах победительные улыбки. Они-таки одолели заносчивых ополченцев! Заставили их поступить по-своему! То-то будет разговоров, когда они вернутся в родные деревни!

Проводив взглядом удалявшихся воев, Олег повернулся к своим сотням и пальцем указал:

— Копейщики Олфоромея и вы, стрелки... Кто там над вами?

— Станята! — раздался одинокий голос.

— ...И стрелки Станяты. Разбирайте брони и оружие, оно ваше. И за просто так никому не отдавайте, разве что за выкуп хороший.

Новики, не веря своему счастью, загомонили, накинулись на кучу амуниции и холодного оружия, быстро и толково поделили — тебе, Станята, эта бронь не по мерке, широк больно. Матерущий, беда! Бери вон ту, глянь, как переливаетсе! Тебе, Олекса, меч и ножны, тебе, Радько, сабля половецкая!

А уж купец едва не плакал от счастья, сапоги Олеговы целовать кинулся.

— Угомонись,— улыбнулся Сухов,— и послушай моего совета — переберись в другое место, со всем скарбом — от греха подальше.

— Так и сделаю! — с жаром уверил его купец.

А новики отправились дальше. У Пирогощи они разняли дерущихся вояк — сцепились новоторжане с переяславцами. Как выяснилось — не поделили серебряные подсвечники, спёртые в Успенской церкви.

— Вот она, феодальная раздробленность,— молвил Пончик назидательно.— У себя дома небось и свечку не стырят, а тут как будто язычники прописаны, тут можно — чужие же все!

— Ты прав как никогда,— согласился Олег и крикнул Олфоромею: — Пусть разуются!

— Да куды ж нам без сапог? — возмутился кто-то из новоторжан.— Снег же!

— А это тебе епитимья [1] такая! Не будешь храмы осквернять. А ну, дуйте отсюда!

---

[1] *Епитимья* — наказание.

Ойкая, кряхтя, матерясь, разутые вояки понеслись к Горе, смешно ковыляя и вздёргивая босые ноги.

Олег объехал всю вечевую площадь, где обычно шёл торг, проверил садики и закоулки за Туровой и Михайловской божницами и уже хотел было вернуться к своим, когда мимо проскакал «чёрный клобук» на сером коне. На мгновение из-под капюшона выглянуло плоское лицо. Эге... Никак старый знакомый!

— Стоять! — крикнул Сухов, но плосколицый не послушался, свернул в неприметные воротца, за которыми расставлял кривые ветки вишнёвый садочек.

Олег проскакал в объезд — пусто. И тут с соседней улицы выехали двое «чёрных клобуков» — один на чагравом коне, опоясанный по-воински, с саблей в красных сафьяновых ножнах, а другой... Другой, оседлавший неприметного серого мерина, ехал, сгорбившись, перепоясанный простою верёвкою. Похоже, это не «чёрный клобук» вовсе, а особа духовного звания — из-под чёрного плаща с пелериной и капюшоном выглядывала белая туника. Надо полагать, монах-доминиканец [1].

Всадники на чагравом и сером свернули и разъехались. Неплохо придумано — мелькнуло у Олега. За двумя монахами погонишься, ни одного не поймаешь.

И Сухов последовал за ехавшим на чагравом. Всадник не оборачивался, пока не завёл Олега на старое пожарище, где переминались кони троих «чёрных клобуков». Засада? Если это ловушка, то он легко — и очень глупо — угодил в неё.

Тут всадник на чагравом обернулся, и Сухов узнал плосколицего.

— Ой-е! Какие люди! — сказал «монгольский шпион» насмешливо.— Не пойму, урус ты или урум [2]?

— Я и тот и другой,— ответил Олег.— А ты-то кто, «копчёный» [3]?

— Дзе-дзе, какой отчаянный,— поцокал языком плосколицый.

Трое «чёрных клобуков» — то ли друзья «копчёного», то ли подчинённые,— схватились за сабли.

— Дозволь убить его, Бэрхэ-сэчен! — воскликнул степняк с длинной бородкой, заплетённой в косичку.

---

[1] В 1228 году доминиканцы во главе с братом Яцеком (Гиацинтом) основали в Киеве монастырь своего ордена, дабы содействовать «воссоединению православных князей и епископов с Римом».

[2] *Урус* или *орос* — русский; *урум* — ромей, грек (*монг.*).

[3] *«Копчёный»* — обидное прозвище для степняка.

— Не сейчас, Савенч,— остудил его пыл Бэрхэ-сэчен и добавил что-то на непонятном, но звучном языке. «Чёрные клобуки» расхохотались и повернули коней.

Покусывая губу, Сухов поглядел им вслед. Странно... Он-то был уверен, что монах, пересевший на серую лошадь,— это уловка Бэрхэ-сэчена, простейший способ пустить по ложному следу. А выходит, что его как раз и уводили от бенедиктинца, или кто он там.

— Дело ясное,— проговорил Олег,— что дело туманное...

Глухой стук копыт по мёрзлой земле загулял эхом меж двумя рядами домов, и к Сухову подскакал Олфоромей Лысун. Беспокойство на его лице сменилось облегчением.

— Еле нашёл...— проворчал он и кивнул в сторону отъезжавших «чёрных клобуков»: — А кто это?

— Да так, враг один,— пожал Сухов плечами.— Поехали отсюда.

С вечевой площади новики углубились в переулки, выходившие к замёрзшему ручью, незамысловато прозванному Ручаем,— и на первом же перекрёстке столкнулись с сотней Акуша. Половец осадил коня и крикнул:

— А вы чего здесь?

— Княжью волю исполняем,— бодро ответил Олег,— оберегаем покой мирных жителей.

— Это нам приказано было! — возмутился приятель Акуша по имени Сатмаз, как бы заместитель окольничего.— А вы давайте, мотайте отседова!

— А ты нас прогони,— сказал Сухов с ласковостью в голосе.

Новики, насторожившись было, задвигались посмелее, заулыбались. Акуш, успокаивая грызущего удила коня, похлопал его по шее и заговорил:

— Ты, как я погляжу, совсем страха не чуешь? Не много ли воли взял?

— Мне хватает.

— А почто брони отобрал у новгородцев?

— Что, уже мамке нажаловались? Ты знаешь, Акуш, у нас, у рыцарей, есть обычай такой. Мы, когда на турнирах в поединках сходимся, то проигравший отдаёт победителю свой доспех. Вот и мои тоже выиграли... Ну что, Акуш? Расходимся? Или турнир затеем?

Окольничий криво усмехнулся.

— Обойдёшься. Мне твой шлем ни к чему.

— Ну, прощевай тогда.

— Свидимся ещё,— выцедил половец.

— В любое время, Акуш.

«Золотая сотня» ускакала, поигрывая мечами, булавами, саблями. Глухой топот копыт затих, затерялся в путанице улочек Подола. Олег осмотрелся — дома, дома, дома... Дерево скрюченное. Слякоть внизу, хмарь вверху. Сухов почувствовал внезапный упадок сил. Чего ради стремиться куда-то, добиваться чего-то? Смысл в этом какой? Вот зачем он сразу двоих врагов нажил? Каких двоих? А третий? Этот-то, плосколицый который? Ну вот, значит — троих. Зачем, спрашивается? Что за дурацкая манера — сначала создавать трудности, а потом их героически преодолевать? Чего он, вообще, добивается? Тёплого местечка при великом князе? А оно ему надо? А что ему тогда нужно? Чего он по-настоящему хочет? Не из того убогого выбора, что предлагает ему время, а вообще?

«Ты ещё смысл жизни поищи!» — зло скривился Олег. Хватит! Довольно. Устал он, наверное. Ясное дело, устал! В веке десятом скакал с восхода до полудня, а в веке тринадцатом опять, по новой, рассвет встретил. И весь день то на ногах, то в седле, а солнце-то село уже, темнеть скоро начнёт.

Житейские дела вернули Сухова к реалу. Тут не до депрессии, думать надо, где ему ополчение разместить да чем кормить две сотни здоровых лбов. Вернуться на Гору? Тогда вместо ужина «подадут» разборки...

Додумать и решить Олегу помешал недалёкий девичий крик. Встрепенувшись, Сухов развернул коня и поскакал на звук, пока не оказался на улице под названием Пасынча беседа. Там стояла старинная Ильинская церковь, а наискосок от неё ещё более древнее сооружение — приземистое жилище хазарского наместника-тудуна, который некогда подати собирал с киевлян (Аскольд того тудуна вздёрнул на ближайшем дереве, а местным посоветовал дань ему нести).

Тут-то они и собрались — четверо вояк с Горы, пьяных и мерзких, прижавших к стене резиденции тудуна девушку. Шубу с неё уже сдёрнули, и теперь грязные пальцы тянулись к расшитому нагруднику, похожему на распашонку, накинутому поверх длинной белой рубахи.

Олег на скаку покинул седло, с разбегу вонзая меч в спину ближнему из насильников. Лезвие вышло спереди, разваливая печень.

Трое собутыльников оказались не настолько пьяны, чтобы уж и вовсе растерять бойцовские качества. Они махом обернулись к шестому лишнему, выхватывая из ножен сабли да мечи. Сухов стал отступать, уводя троицу от девушки, но та и не думала сбегать, только что шубку подхватила да на плечи накинула.

Трое рубак — это сила, если при этом они не будут мешать друг другу. Поединок требует простора, чтобы было куда отступить, куда

отскочить, а вот когда напавшие на тебя давку устраивают... Им же хуже.

Вои ожесточились — кроили мечами без устали, не давая Олегу продыху. Сухов понемногу отступал. Неожиданно вляпавшись в свежую коровью лепёшку, он поскользнулся, но не упал, утвердившись на колене. Один из нападавших вырвался вперёд — вонючий мужик с бородой, выпачканной в подливке, в сорочке тонкого белого полотна, шитой цветными шелками и облитой вином. Вот в эту-то винную кляксу и попал клинок Олега — пятно мигом расплылось, набухая хмельной кровью.

Изнемогая, отбивая удары, рубящие сплеча и секущие наотмашь, Сухов медленно, содрогаясь от натуги, поднялся во весь рост — и уложил третьего, грузного, в кольчуге и пластинчатом доспехе, но без шлема, с головой, обритой наголо и покрывшейся бусинками пота.

Бритоголовый упал беззвучно — остриё меча вошло ему под выпяченную нижнюю челюсть. Обратным ударом Сухов поразил четвёртого, худущего, с брыластым лицом. Худой растянулся «звёздочкой», раскинув костлявые руки и тонкие ноги.

Тяжело дыша, Олег постоял, унимая бешеное сердцебиение, вяло обтёр клинок об рубаху бритоголового и вернул меч в ножны.

А тут и новики подтянулись. Топоча, как табун лошадей, они вывернули из переулка.

— Живой ле?! — заорал Олфоромей и тут же крикнул, оповещая своих: — Живой!

— Прости, что не поспели,— выдавил Станята, отпыхиваясь и с ужасом оглядывая череду мертвяков.— Ох ты, мать честная... Да сколько их тут! Батюшки...

— Ты как дунул верхом,— с ноткой обиды сказал Пончик,— а мы пёхом! Думали, опоздаем... Угу...

— Да всё в порядке,— сказал Олег.

Обернувшись, он увидел девушку там же, где она и раньше стояла. И почему-то обрадовался. А ближе подойдя, ещё и восхитился — красавицей оказалась спасённая им киевляночка.

— Как звать тебя? — спросил Сухов, как мог, мягче.

Девушка похлопала ресницами и губы развела в робкой улыбке.

— Олёной наречена,— сказала она.— Спасибо тебе, ратоборец[1], что уберёг от лихих людей.

Сердце Олегово дало сбой. Олёна... Алёна...

---

[1] *Ратоборец* — рыцарь.

— А ты б не ходила боле одна по улицам,— проговорил он с хрипотцой в голосе,— знаешь ведь, каково нынче в городе.

Олёна лукаво улыбнулась:

— А ты меня проводи до дому, чтоб одной-то не идти...

И без того большие глаза девушки стали и вовсе огромными. Олег же вздóхнул с огорчением.

— Я бы проводил, да на мне — вона, две сотни мужиков, и всем надо ночлег сыскать, да какую-никакую еду...

— А там есть! — обрадованно сказала Олёна.— Два амбара здоровых стоят, и сена в них навалом — ночью тепло! И поснидать [1] найдём чего. Пойдём!

— Ладно, уговорила.

Сухов с удовольствием подсадил девушку на чалого и повёл коня в поводу. Новики, уже куда более походя на отряд, затопали следом.

«Два здоровых амбара» обнаружились в конце Пасынчей беседы, там, где Ручай перегораживала невысокая плотина и стояла водяная мельница.

— Это деды мои построили,— сообщила девушка,— они оба мельниками были...

— Были?

— Сгинули оба лет восемь тому под Галичем [2]. Несчастливый это город для нас — там же и отец мой погиб... Но мельницу я никому не отдала, родни у меня много! Тем и живём — зерном берём с помола али деньгами.

— И амбары твои?

— Мои! — гордо заявила Олёна.

Дом у мельника больше на крепость походил — первый этаж из дикого камня сложен, а второй из дуба рублен. Крыша была, будто чёрной чешуей, выстелена осиновыми пластинами-лемешинами, а высокий частокол замыкал в себе обширный двор, мощённый деревянными плахами. Посторонним вход воспрещён!

Девушка протянула руки, и Олег с удовольствием снял её с седла.

Олёна перешла улицу, постучалась в соседний дом, пошла теребить своих тётушек, те примчались тут же, засуетились, забегали по двору, разжигая очаги, вытаскивая большие котлы, подняли племяшей, те наносили воды из проруби. Времени совсем немного прошло, а уже потя-

---

[1] *Поснидать* — поужинать.

[2] В 1227 году князь Мстислав Удатный передал Галич королевичу Андрашу, весьма способному правителю, но после смерти Удатного волынский князь Даниил Романович напал на город и развязал долгую и ненужную войну за галицкий престол.

нуло аппетитным варевом — новики задвигались поживее, заходили кругами вокруг бурлящих котлов, потирая руки и нащупывая кленовые ложки, засунутые за голенища «трофейных» сапог,— на месте ли?

Успокоившись за своих, Сухов поднялся в дом, где его встретила Олёна, переодевшаяся в запону [1] василькового цвета. Волосы её были заплетены в косу и убраны под серебряный обруч с качавшимися подвесками-колтами. Раскрасневшаяся девушка оторвалась от плиты, где булькало жаркое в горшке, и показалась Олегу ещё краше, чем была. Сухов не преминул сказать ей об этом. Олёна смутилась, но глаза её засияли радостней.

— Садись, ратоборец,— проговорила она ласково,— сейчас снидать будем.

Олег присел на широкую лавку и даже закряхтел довольно.

— Ох и устал я...— признался он.

Сухов сидел, привалясь к стене, и отдыхал душой. Горница была велика, низковатый потолок поддерживался парой витых столбов, а весь угол занимала круглая глиняная печь с дымоходом, выдолбленным из ствола дерева. Рядом, на полицах, сияла медная посуда, начищенная до блеска. Напротив висела большая икона, украшенная вышитым рушником, а пол был застелен дорожками, вязанными из тряпочек.

Углядев бадейку около двери и полотенце-утиральник, висящее на крюке, Олег с сожалением поднялся.

Скинул кольчугу, скинул гамбезон, подозрительно принюхался к рубахе. Омыл лицо, руки, шею. Утёрся, чувствуя, что посвежел, словно зарядился от холодной воды.

Ужин прошёл тихо-мирно, по-семейному. Разомлевший в тепле, осоловевший от вкусной и здоровой пищи, Сухов поднялся по лестнице в горенку, где ему постелила хозяйка. Испытывая блаженство, улёгся.

В темноте блеснули два зелёных глаза.

— Кис-кис-кис! — позвал Олег. Кот в ответ невнятно мурлыкнул, подрал когти о половичок.

Сухов вздохнул. Спать хотелось ужасно, но дрёма вызвала к жизни те мысли, которые спугивал день и дневные заботы,— об усадьбе Мелиссинов, о Наталье и Гелле, о Елене, Алёне, Алёнушке... Как она там, без него? А он как — здесь? Господи ты боже мой, какие ещё «там», какие «здесь»?! Их не пространство разделило, а время! И что? Говорить «тогда» и «сейчас»? Язык не поворачивается...

---

[1] *Запона* — платье типа сарафана, не сшитое по бокам. Носилось с поясом, поверх рубахи, скреплялось у колен заколкой.

Умом Олег прекрасно понимал, что с момента их последней встречи с Алёной минуло три века, что всё — потерял он любимую женщину. Расскажут ли ей варяги о том, как пропал супруг в голубом тумане, под сиреневые сполохи? Найдёт ли Елена отчима Наталье? Если хорошо подумать, то сие неважно. В любом случае, даже прапраправнуки Елены давно уж похоронены. Вернуться бы в Константинополь, глянуть, что с домом, найти бы хоть какие-то следы... Алёнкину могилку... «Да что у него за мысли, в самом деле!» — рассердился Сухов. Могилку... Это умом он хочет поклониться давно усопшей — а ведь ужасно даже представить себе красавицу Елену дряхлой старухой! В чёрном гробу, в белых смертных пеленах... Ужас!

Но душа не верит в эти страшилки. Не принимает жестокую правду. Отрицает, казалось бы, очевидное. А если душа права? Триста лет... Подумаешь, триста! Его вон и через тыщу с лишком перекидывало...

Сухов откинул одеяло и сел. О босые ноги потёрся кот. Машинально почесав у животинки за ухом, Олег стал памятью возвращаться в прошедшее, погружаясь всё глубже и глубже. Кровь тяжко застучала в виски.

...Алёна убегает от него в парк проастия [1], по аллее к фонтану, что бил посреди круглой полянки, заставленной мраморными статуями. Он бросается искать женщину, но та находится сама — выходит на солнце, нагая и прекрасная, и манит к себе...

...Игнатий Фока ширкает метёлкой по плитам подъездной дорожки, смахивая опавшие листья, и громко переговаривается с Ириной. Домоправительница ласково беседует с Фокой, изредка обращаясь к поварёнку, и тогда следует строгий окрик...

...Гелла кормит Наталью, сидя на веранде. Её круглая, загорелая грудь так велика и так упруга, что дитёнку с трудом удаётся обхватить тяжёлую округлость и вжать ладошки в атласную туготу...

Сухов встал и осторожно прошлёпал к двери, боясь отдавить хвост коту. Спустился и вошёл в светёлку Олёны. Перешагнув порог маленькой комнатки, он замер, привыкая к тусклому мерцанию светца, в коем горела лучина.

Скрипнула кровать, и девушка легла на спину. Тёплое покрывало соскользнуло, обнажая груди, повторявшие формою опрокинутые чаши, и крутой изгиб бедра.

— Иди ко мне...— прошелестел в темноте вздрагивавший девичий голос. И Олег внял ему.

---

[1] *Проастий* — загородное имение.

Глава 5,

В КОТОРОЙ ЛЁД ТРОГАЕТСЯ

Сухов так и прижился у дочери мельника, стал на постой в доме на Пасынчей беседе. А вот Пончик переселился во дворец — беречь особу великого князя киевского от хворей с поветриями. Ярослав Всеволодович прозывал Шурика на новгородский манер — Олександром, всюду таская с собой. Оттого друзья перестали часто видеться, но Олегу скучно не было — служба его протекала бурно, каждый божий день он то в драку ввязывался, то в дуэли вступал. Шестерых новиков сотнику пришлось похоронить, зато остальные сплотились ещё пуще, ещё злее стали. В одиночку по Киеву они не ходили, отправлялись, если надо было или охота пришла, впятером. Задевать их не перестали, но делали это с оглядкой — новики могли и навалять обидчикам, а если у них самих не получалось, за своих вступался Олег.

Интересно, что ни Акуш, ни Яким Сухова не трогали — они держались как бы в стороне. Но было у Олега подозрение, что именно воевода с окольничим и ставили все или почти все «батальные сцены», напускали на него безбашенных и отмороженных — заплатив, подпоив, оговорив.

Правда, бросаться на своих врагов, выяснять с ними отношения Сухов не спешил — выжидал удобного момента. Да и куда ему было спешить?..

Двадцать первого марта, на Сорок мучеников, киевляне встречали весну — они открывали ставни, счищали снег с крыш, раскутывали молодые яблони в садочках. В этот день Олёна принесла с рынка, прозванного на Подоле «толчком», пару тёплых, только что испечённых «жаворонков» — со сложенными крылышками и чёрными изюминками вместо глаз. Ещё одна примета весны!

Снега рыхлели и сходили, открывая солнцу чёрные пашни. Земля парила, наполняя хрустально-чистый, студёный воздух запахами пробуждавшейся жизни. Только Днепр продолжал спать под холодным ледяным одеялом.

С самого утра Олег развёл суету — гонял своих новиков с горки на горку, сводил их в пары, и охотники-промысловики неуклюже фехтовали увесистыми деревянными мечами — тяжело в учении, легко в

бою. Сам Сухов стоял на пригорке да покрикивал. Тут-то его и нашёл Коста Вячеславич[1], тысяцкий, поставленный главным над полком новгородским. Это был грузный человек, чрезвычайно широкий в плечах, однако впечатление неуклюжести было обманчивым, на самом-то деле Коста был весьма проворен.

— Здорово, Олег Романыч,— пробасил он и засопел.

— Здорово, коль не шутишь.

Посопев изрядно, словно соображая, что же сказать, тысяцкий заговорил прямо:

— Вчерась ты с Судимиром бился на мечах, цегой-то вы не поделили...

— Судимир? — нахмурился Сухов.— Это не тот ли конопатый, с рваным ухом?

— Он и есть! Медведь ему ухо порвал — зацепил удачно, не то бы всю башку снёс...— Снова посопев, Коста добавил: — Ты ж мог прибить Судимира.

— Мог,— подтвердил Олег.

— А не прибил, подранил только...

— Коста,— улыбнулся Сухов,— знаешь, я как-то не рвусь за славой палача. И не люблю устраивать чьи-то похороны — душу берегу, сколь возможно. Судимир напал, я дал сдачи...— Отвлекшись, он крикнул: — Олфоромей! Пусть твои отдохнут! Станята, раздай мечи своим!

Тысяцкий поглядел на пыхтящих новиков, осваивавших науку побеждать, и договорил:

— Судимир из Славны мне седьмая вода на киселе, родня дальняя, а всё ж родня. Спасибо, что не дал помереть дураку...

— Да не за что,— улыбнулся Сухов.

— А новгородцев своих я прижму,— пообещал Вячеславич,— пригляжу, чтоб к тебе не лезли. А то этот Влункович больно много силы взял — пущай своими новоторжцами вертит, как хочет, а моих не трогает.

— Яким поближе к князю прибивается, вот и оттирает всех, кто рядом,— локтями работает вовсю, кулаками машет. Может и подножку поставить...

— Ха! Да не выйдет у него ни хрена! Князюшка наш добра не помнит, а мне так зло его памятно. Вона, лет осьмнадцать минуло, как у Липиц битва была — должон помнить... А, да ты ж из греков... Липицы — это в родных краях Ярослава Всеволодовича. Сцепились тогда

---

[1] *Коста Вячеславич* и *Судимир из Славны* — реальные лица, участвовали в походе Ярослава Всеволодовича на Киев.

князья, никак земли поделить не могли. Тьму [1] народу перебили... Так что ж? Пленных новгородцев князь наш зарезать велел, а от Липиц первым дунул! И сдался первым же, а после у брата Константина прощение вымаливал и волости, а у тестя, Мстислава Удатного, чтоб жену возвернули, Феодосью Мстиславну. Во как! Князь поступает так, как его правая нога велит,— того повысит, этого понизит... Так-то вот. Разговорился я что-то не по делу... Я ж к тебе с другим шёл — Ярослав Всеволодович всех призывает до себе, гостей привечать будем.

— Это кого ж к нам чёрт несёт?

— Владимира Рюриковича, князя бывшего!

Бывший великий князь оказался мужчиной в возрасте. Одет он был пышно, с щегольской роскошью — сплошь соболя да парча, но вот дружину с собой Владимир Рюрикович привёл малую, да и ту наполовину из половцев собрал. Потому, видать, и зазвал Ярослава Всеволодовича, что сам он Киев удержать не способен был — силёнок не хватало.

Встречали князя на Бабином Торжку, где выстроились полки и дружина Ярослава Всеволодовича. Новики были оттеснены на задний план, поближе к народу — киевляне собрались толпами, жадно рассматривая прибывающих и встречающих.

Ярослав приоделся на киевский лад — в длинную зелёную свиту с красной каймой по низу и золотыми зарукавьями, сверху накинул синий плащ-корзно с серебряным позументом, на ноги портки натянул рытого бархату, а обулся в зелёные сафьяновые сапоги. Голову великого князя покрывала (так и хотелось сказать: венчала) круглая шапка с меховым околышем.

Ярослав Всеволодович вышел к Владимиру первым, как всякий любезный хозяин.

— Здрав будь, Володимер! — сказал он.

— И тебе поздорову,— ответствовал Рюрикович.

Дружески приобняв Владимира, великий князь киевский повёл его в круглостенную Гридницу, что возвышалась в полусотне шагов от Десятинной церкви. Это была массивная ротонда, саженей [2] десяти в поперечнике. С внешней и внутренней стороны Гридница имела по шестнадцать полуколонн-пилястров, а посередке обширного круглого зала находился массивный кирпичный столб в четыре обхвата, поддерживавший свод. Свет в ротонду проникал через арки окон, проделанные

[1] Под Липицами действительно полегло почти 10 000 человек, то бишь тьма.

[2] *Сажень* — мера длины, в среднем равнялась 2,10 метра.

наверху между пилястрами, рассыпая яркие блики по фрескам, изображавшим сцены охоты, и по обливным керамическим плиткам.

Олег всё это видел, поскольку вошёл под своды Гридницы в числе «и других официальных лиц» — спальников, стольников, мечников, милостников, бояр киевских. Все расселись вдоль стен по резным лавкам, обшитым кожею и набитым шерстью для пущей мякоти, а Сухову сразу припомнилась Золотая палата императорского дворца — ротонда была на неё отдалённо похожа.

Оба князя устроились на скамье, окольцовывавшей центральную «подпорку», и повели переговоры на высшем уровне — вспоминали прежних владык киевских, признавали, что былая слава города на Днепре отгремела и увяла, обеднел Киев — куда ему до Новгорода али Владимира-Залесского!

Старенький боярин, рядом с Олегом превший в соболиной шубе и бобровой шапке, проскрипел тихонько:

— Жалиться приехал Володимер, волостей просить...

— Похоже,— кивнул Сухов.

Того же мнения придерживался и Ярослав Всеволодович, ибо, повздыхав о блеске минувших дней, великий князь сказал Рюриковичу:

— Пойдёшь в Переяславль [1] княжить? Те земли и вовсе без пригляду, а мне всё не объять.

— А пойду! — загорелся Владимир — воспрял, плечи развёл, слабую улыбку наметил.

— По рукам?

— По рукам!

И высокие договаривающиеся стороны скрепили свои намерения пожатием рук.

Глазами отыскав Якима Влунковича, великий князь киевский сказал властно:

— Проводишь князя переяславского в Западный дворец и выставишь своих людей.

— А ты, княже? — спросил воевода обеспокоенно.

— И я не сбегу,— пошутить изволил Ярослав Всеволодович.— Бойцов у тебя довольно, пущай стерегут снаружи, а внутри...— Зоркие глаза великого князя обежали толпу и остановились на Сухове.— А внутри побудет Олег Романыч.

Олег поклонился, подумав мельком о том, как переменчива жизнь — магистр прогибается перед каким-то князьком! Когда он вы-

---

[1] Имеется в виду Переяславль Русский (он же Южный), оборонявший левобережье Днепра от кочевников.

прямился, то перехватил жгучий, злобный взгляд воеводы — и поддался-таки искушению, не утерпел, подмигнул Якиму Влунковичу...

К ночи великокняжеский дворец затих, только зажжённые факелы потрескивали в своих держаках, бросая отсветы на стены и сводчатые потолки. Полусотня Олфоромея и столько же новоторжан сторожили все входы и выходы с улицы, сохраняя вооружённый нейтралитет.

Олег неспешно шагал длинным коридором, проклиная неведомого архитектора. Ей-богу, пьян был зодчий! Имелись во дворце комнаты, располагавшиеся на первом этаже, куда проникнуть можно было, только поднявшись на второй, а после спустившись обратно вниз. Два поворота заканчивались тупиками, а чтобы из умывальни пройти в малую трапезную, находящуюся рядом, за стенкой, следовало топать по коридору направо, свернуть налево в другой коридор и добраться-таки до цели.

— Дурдом,— буркнул Сухов, пробираясь мимо опочивальни князя.

Странно, прислушался он, не спит Ярослав Всеволодович — ходит туда-сюда, меряет комнату шагами. Бессонница замучила или грехи покоя не дают? Ага, притих вроде. Кровать заскрипела.

Олег дошагал до конца коридора, до стрельчатого окна с частым переплётом, но и сюда донёсся могучий храп. Угомонился великий князь... Сухов зевнул с хрустом, поминая лихом придворную службу,— любил он поспать вволю, да чтоб вставать попозже, а тут броди всю ночь напролёт!

Рассудив, что холодный ночной воздух поможет бороться с сонливостью, Олег растворил узкое стрельчатое окно в конце коридора. Тяжёлая бронзовая рама, заделанная массой мутных стекляшек, загудела и зазвякала, впуская свежесть и голоса.

— ...А я туда спьяну забрёл вчерась,— донёсся оживлённый голос Якима Влунковича,— там у латинян то ли церковь, то ли монастырь, я так и не разобрал — спать залёг на какой-то лавке. Просыпаюсь — бубнит кто-то. Гляжу — поганый, из степняков, лапу свою немытую на Библию поклал и чешет, как по писаному! Я, грит, клянусь всех ханов извести, живота, грит, не пожалею! Видал, цего делаетсе?

— Поганые, они поганые и есть,— откликнулся чей-то басок.— Кочевого хоть трижды окрести, всё одно нехристем останетсе!

— Твоя правда, Труфане...

Сухов зевнул, потянулся и решил, что подремать на посту не помешает. Хоть посидеть с закрытыми глазами! А спит он чутко...

...Было часов шесть утра, когда Олег вышел из тяжкой дрёмы. Света от восходящего солнца поступало столь мало, что рано было га-

сить факелы. Ополоснув в умывальне лицо, Сухов вышел — и увидел чужого. Некто в чёрном стремительно шагал по коридору, хоть и припадая на правую ногу.

— А ну, стой! — окрикнул Олег нарушителя.

Тот резко оглянулся, и Сухов узнал Бэрхэ-сэчена.

— Стой, кому сказал!

Плосколицый не стал искушать судьбу, а метнулся к лестнице, бегом взбираясь наверх, к княжьим покоям. Олег погнался следом. Пронёсся по всему коридору, заглядывая за каждый угол, но никого не обнаружил. Замерев, Сухов прислушался — тишина. Но не приснился же ему этот монгол, или кто он там!

Тишайший шелест шёлка подал Олегу знак. В последний момент он резко присел — и спас себе жизнь. Лезвие сабли просвистело над самой его головой.

Упав и перекатившись, Сухов вскочил, выхватывая меч, однако Бэрхэ-сэчен не захотел дуэли и кинул саблю в ножны. Метнувшись к ближайшей двери под аркой с колонками, он скрылся за нею. Олег зарычал от злости, но долг превыше всего.

Подбежав к дверям опочивальни, он тихонько приоткрыл её, больше всего опасаясь увидеть окровавленный труп на постели. Ан нет, князь был жив. Сидя в одной рубахе, свесив на пол волосатые ноги, он накачивал себя пивом — кадык так и ходил вверх-вниз, вверх-вниз.

Наслушавшись постанываний, причмокиваний и бульканья, Сухов притворил дверь. Помчался обратно. Ворвался под арку в пустую комнату — и обнаружил глубокую нишу, в которой закручивалась винтовая лестница. Похоже, Бэрхэ-сэчен знал дворец лучше него!

Выскочив на улицу, Олег столкнулся с Олфоромеем.

— Утречка доброго! — пожелал Лысун.

Сухов отмахнулся.

— Отсюда никто не выходил? — спросил он.— Степняк, плосколицый такой?

— Дык только что вышел...

— А кто его пускать велел?! — напустился Олег на новика.

— Дык грамотка у него была,— растерялся тот,— вот Станята и пропустил...

— Куда он побежал?

— Кто?

— Степняк!

— А-а... А он не побежал, пошёл себе во-он в ту сторону.

— За мной, живо!

Олег с Олфоромеем пересекли Бабин Торжок, миновали высокую каменную ограду богатой усадьбы — Гордятина двора — и выбежали на неширокую, но прямую улицу.

— Да вон он! — обрадовался Лысун, пальцем тыча в чёрную фигуру, удалявшуюся быстрым шагом.

— Ти-хо! За ним.

Бэрхэ-сэчен свернул в неприметный переулок, и Сухов наддал, побежал скачками. Затормозив у поворота, он выглянул, и вовремя — плосколицый быстро поднимался на крыльцо дома, дверь которого услужливо придерживал длиннобородый Савенч.

— Та-ак...— проговорил Олег.— Вот что, Лысун. Я здесь побуду, а ты обойди тот дом вокруг, глянь, нет ли там другого выхода. Понял? И сразу сюда.

Олфоромей кивнул и отправился на разведку. А Сухов пристроился за толстым каштаном, поглядывая поверх развилки.

Дом, в котором скрылся Бэрхэ-сэчен, был не из бедных, но и роскошью не блистал. Поднимая стены на три этажа, он поддерживал крышу из двойного тёса. Ставни были закрыты, дым из трубы не вился... Называется: «Никого нет дома».

Лысун показался из глухого переулка, и Олег негромко свистнул ему.

Олфоромей живо дотопал, притулился к дереву.

— В общем, так,— сказал он веско.— С той стороны — овраг глубокий, забора там нет. И ежели этим охота придёт отъехать незаметно, то они по оврагу-то и уйдут. Однако снег нетронут.

— Ясненько... Вот что, сбегай тогда к нашим, найдёшь мне кафтанчик, как у «чёрного клобука», и притащишь сюда. А я пока посторожу.

— А кто это, вообще?

— Знать бы... Ты про монголов слыхал что-нибудь?

— Монголов?..

— Ну, как их тут ещё называли... называют... Татары!

— Дык кто ж про татар не слыхивал! Знамо дело, слыхал. Они ж у прошлом годе на булгар войной ходили, кучу народу побили, все грады пожгли. Была Булгария, и нету!

— А ты этих татар живьём видал?

— Врать не буду, не видал. А цего?

— А того, друже Олфоромей, что мы давеча татарина догоняли.

— Ну?! — выдохнул Лысун.— А цего он во дворце забыл?

— Вот это мне и интересно! Ходит этот гад по Киеву, вынюхивает, а потом всё своим ханам доложит. Может такое быть?

— А цего? Запросто!

— Вот и я так думаю... Ты ещё здесь?

— Бегу!

Олфоромей убежал, но ожидание не затянулось — вскоре новик примчался обратно и протянул Сухову тёплый халат из некрашеной бурой шерсти, расшитый по краям тесьмою.

— Вот! Бегубарс Тоглиевич передал, он сам из берендеев.

— Порядок!

Олег накинул поверх кольчуги халат и подпоясался кушаком.

— Шапчонку мою возьми,— Олфоромей сдёрнул с головы войлочный колпак,— кочевые-то такие носят.

— Спасибо.

Едва Олег договорил, как на крыльцо вышел Бэрхэ-сэчен, небрежно отмахиваясь от Савенча, изнывавшего от желания услужить.

Плосколицый спустился по ступенькам и направился к усадьбе Гордяты. Обогнув богатый двор, двинулся далее. Бэрхэ-сэчен шёл неторопливо, не оглядываясь, безо всякой опаски, как у себя дома. Похозяйски. Это Олега злило.

Сухов шагал следом, пытаясь быть незаметным, стараясь не маячить — то ствол дерева его прикроет, то будка менялы.

Между тем Бэрхэ-сэчен прошёл за городские ворота, а за мостом дорога разбегалась новыми улицами, проложенными во времена Ярослава Мудрого — каких-то двести лет назад.

Вдали, вырастая над крышами, сияли купола многоглавой Софии Киевской, но Бэрхэ-сэчен шагал не туда.

Внезапно в его поведении наступила перемена, резкая и странная,— монгол отшатнулся, отбежал к стене, пластаясь по ней и замирая.

Сухов замедлил шаг, недоумевая, что же так напугало плосколицего. Впереди неторопливо переходил улицу пожилой человек восточной наружности. Он зябко кутался в шубу, а наряд его дополняла чалма.

Бэрхэ-сэчен пристально следил за пришельцем с Востока. Тот, всё так же неспешно, направил стопы на заход солнца, к Золотым воротам, и плосколицый двинулся следом. Олег ухмыльнулся — они шествовали втроём и «пасли» друг друга. Ну, так даже интереснее...

Тут человек в чалме обернулся, узнал Бэрхэ-сэчена — и метнулся в переулок, узкий и кривой. Монгол погнался за ним, а Олег — за монголом.

Переулок вывел всю троицу в садик, деревца которого росли так густо, что ветвями прикрывали не хуже листвы. Оглядевшись, Сухов никого не обнаружил, но тут же услышал голоса.

— Не трогай меня, нойон[1]! — хрипел «восточный человек».— Я буду тебе полезен!

— Что ты здесь делаешь, Халид, шакалье охвостье? — рычал Бэрхэ-сэчен, страшно коверкая арабскую речь и тиская горло Халида крепкими пальцами.

— Не убивай! — взмолился тот.— Я всё-всё скажу! Меня послал сам Гуюк-хан[2] к князю Ярославу! Старый Абдалла, посланный ханом ранее, не давал о себе знать, и...

— Где сейчас Гуюк?

— В степи! — заторопился восточный гость.— В степях за рекою Дон. Гуюк-хан вместе с Менгу покоряет половцев! Ох... Я понял — это ты убил Абдаллу... Нет-нет, ты не думай, я никому не скажу! — Он заскулил: — О, нойон, не делай жён моих вдовами, а детей — сиротами! Не...

Голос его прервался, сменившись клёкотом и переходя в затухающее сипение.

Олег поднырнул под свисавшие ветви и оказался в двух шагах от Бэрхэ-сэчена, вытиравшего окровавленную саблю о шубу бездыханного Халида.

— Ай-ай-ай,— неодобрительно покачал головой Сухов.— Убивать послов — нехорошо. И как тебе только не стыдно...

Монгол спокойно оборотился к Олегу. Сабля в руке его описала дугу и замерла, подрагивая.

— Уходи,— сказал Бэрхэ-сэчен равнодушно,— тебе я дарю жизнь.

— А я не принимаю подарков от кого попало! — резко ответил Сухов, выхватывая меч и тут же делая выпад. Монгол ушёл легко, играючи. Отшагнул, увлекая Олега за собой, и тут же атаковал.

Бэрхэ-сэчен был быстр, дьявольски быстр, он опережал противника всего на долю секунды, но эта доля решала исход поединка. Сухов едва успел присесть, как сабля с шипением прошла над его головою, разрубая войлочный колпак. Олег тут же подпрыгнул, пропуская вражеский клинок под собою, отбил рубящий удар слева, едва успел уклониться от колющего справа. Он с трудом держал оборону, не имея ни мига для нападения. Опыт схваток подсказывал руке, державшей меч, откуда ждать выпада, клинок порхал, взблескивая на солнце, но сабля управлялась ещё скорее.

---

[1] *Нойон* — «господин» (*монг.*). Князь и военачальник.

[2] *Гуюк-хан* — старший сын Угэдея, великого хана и сына Чингисхана. Гуюк не признавал верховенства Бату-хана (Батыя) и вёл свою политику.

Неожиданно Бэрхэ-сэчен задел клинком ветку старой вишни, и Олег поспешил — его меч тут же распорол монголу халат, даже не поранив степняка.

— Багатур[1]!..— насмешливо произнёс Бэрхэ-сэчен.

Сухов упрямо сцепил зубы и продолжил бой, выжидая, когда ему будет дан второй шанс. Он сражался с величайшим напряжением, не ослабляя усилий, и всё лучше понимал, что ни навык его, ни умение не помогут совладать с монгольским нойоном. За ним было одно-единственное преимущество — возраст. Бэрхэ-сэчен выглядел крепким, но глубокие морщины выдавали число прожитых зим. Нойону не выдержать бешеной растраты сил в поединке — он начнёт сдавать, уступать Олегу одно мгновение за другим, и вот тогда...

Внезапно раздались крики и удалой посвист — трое «чёрных клобуков», свита Бэрхэ-сэчена — ломились через кустарник верхом. Верный Савенч вёл в поводу чагравого скакуна.

— Савенч! — крикнул монгол.— Тотур! Сюда!

Сухов мгновенно отпрянул, уходя под защиту дерева — лишь бы отдышаться. И принять бой со всей четвёркой. «Вот, значит, где всё кончится...» — мелькнула у него мысль. Но судьба преподнесла и приятный сюрприз — примерно с той же озвучкой, что и у степняков, к садику вырвался добрый десяток новиков во главе с Олфоромеем. Верный Лысун скакал на лохматой рыжей кобылке и держал в руке поводья суховского чалого.

Олег буквально взлетел в седло, шлепком по плечу выражая благодарность Олфоромею, но Бэрхэ-сэчен продолжал опережать — трое чёрноклобуцких воинов и монгол пустили коней галопом, прорываясь в незаметный переулок.

— Луки к бою! — гаркнул Сухов.

— А нетути! — виновато сказал Олфоромей.— Я погнал кого мог, мы за «чёрными клобуками» увязались и пришли у них на хвосте!

— Догнать гадов!

Весь десяток рванул с места. Олег первым ворвался в переулок, проскакал его и вынесся на широкую улицу, уводящую к Лядским воротам. Четвёрка заметно удалялась, скача во весь опор и распугивая прохожих. Новики кинулись вдогон, пролетая между застывшими в ужасе киевлянами, перескакивая брошенные корзины и вьюки, краем уха улавливая вопли и брань.

— Дорогу! — орал Станята.— Дорогу!

— Дорогу! — вторил ему дюжий Олекса Вышатич, трубно взрёвывая.

---

[1] *Багатур* — богатырь, герой (*монг.*).

Киев только казался большим, на самом-то деле невелик был — вот и ворота Лядские показались. Новики, как по команде, засвистели, и стража мигом рассыпалась в стороны. Кони гулко протопотали по мосту и вынеслись за город.

— Вон они! — заорал Станята, указывая плетью.— К реке подались!

— Ходу!

Бэрхэ-сэчену и его свите удалось отъехать от берега шагов на двести — видно было, как из-под копыт брызжет отбитый лёд. Олег первым вырвался на хрусткие речные покровы, как вдруг его догнал отчаянный вопль Олфоромея:

— Сто-ой! Стой, Христа ради! Сгибнешь!

Недоумевая, Сухов развернулся в седле и увидел, как новики бешено машут ему руками: назад, мол!

И только теперь, когда топот копыт и толчки крови уже не мешали ему слышать, Олег уловил, как воздух сотрясается от глухого гула. Протяжный скрежет и вой разносились над рекой — Днепр просыпался и лениво скидывал с себя одеяло. Начинался ледоход.

Сухов, матерясь и оглядываясь на улепётывающие чёрные фигурки, вернулся на берег.

И тут же, словно дождавшись его спасения, Днепр начал вскрываться — по льду разбежались трещины, со страшным грохотом покровы лопались, вспучивались и оседали.

— Не доехать «клобукам»,— авторитетно заявил Станята.

— Они уже до середины добрались,— возразил Олекса.

— То-то и оно, что до середины!

Льдины подныривали, наезжали, лопались, сталкивались, громоздя торосы, и вот вся эта колоссальная, намёрзшая за зиму масса тронулась и поползла по течению, толкаемая прибывающей водой.

— Всё! — весело завопил Олфоромей.— Перетрёт того татарина в кашу!

— На льдину намажет! — подхватил Станята.

— И Днепра-батюшку угостит! — заключил Олекса.

Сухов вглядывался, пытаясь различить фигурки беглецов, но река стала как рассыпанная мозаика — стылого панциря более не существовало, были отдельные льдины, несомые чёрной водой.

Олег заметил метавшихся по белому обломку лису и зайца — видать, один убегал, другая догоняла, а нынче оба в беде.

На большом ледяном пласту проплыл перекошенный сарайчик, а за ним — стог сена. Дохлая лошадь. Изломанные сани. Обкорнанный ствол дерева.

Сухов бросил последний взгляд на дальний берег и скомандовал:

— Возвращаемся!

Глава 6,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ ВВЯЗЫВАЕТСЯ В ДРАКУ

Седьмого апреля, на Благовещение, киевляне выходили на улицы с клетками, плетёнными из ивового прута, и выпускали «заключённых» птиц, чтобы те «пели на воле, Бога прославляли и просили счастья-удачи тому, кто их выпустил».

К этому дню лёд сошёл совершенно, а снег задержался разве что во глубине сырых балок, куда не часто заглядывало солнце. А как разгулялись вешние воды! Днепр разлился до самого горизонта, затопив восточный берег, и гляделся морем необъятным, разве что накаты прибоя не доносились.

Вода подтопила многие дома на Подоле, но хозяева были людьми опытными, к половодью привычными, и спасались у родни в Копыревом конце.

Тепло всё прибывало и прибывало, влажный ветер из Дикого Поля доносил возбуждающие запахи, от коих не одни лишь «чёрные клобуки» в беспокойство впадали, а и пахари, давно уж приросшие к своей земле, испытывали неясное томление, вдыхая терпкий степной дух.

А Олег по-прежнему тянул лямку, муштровал новиков — и всё сильнее ощущал нетерпение. Ещё совсем недавно, в Константинополе, которого уже нет, он искал покоя подле любимой женщины, а ныне, когда утратил её, рвался в бой, не вынося скуки заведённого порядка. И вот надежды его — устроить ха-арошую потасовку — стали вроде сбываться. Начинало попахивать войной.

В общем-то, боевые действия на юге так называемой Киевской Руси и не прекращались, просто борьба князей за галицкий, да за киевский престолы обострилась в те годы до крайней степени, принося народам смерть да разруху.

Михаил Всеволодович, князь галицко-черниговский, собирал войско в поход на Киев. И то сказать — Киевское княжество разделяло два его владения, Чернигов и Галич, лишая земли единства и целокупности. А вот ежели к ним Киев присоединить... Тогда власть князя Михаила распространится от Карпат до реки Воронеж, а где власть, там и богатство.

Надо сказать, что весной 1237-го Михаилу Всеволодовичу приходилось туго — Даниил Романович мало-помалу одерживал над ним

верх. До того ободрился князь волынский, такую силу почувствовал, что решил дружку помочь, австрийскому герцогу. Видя такое дело, венгерский король Бела IV вынужден был отговаривать Даниила от столь опрометчивого шага, а взамен заключил с ним надёжный мир.

В общем, к весне Михаил Всеволодович не только оказался отрезанным от своей «отчины», но и растерял всех союзников — и Конрада Мазовецкого, и Изяслава Мстиславича, и короля Белу. Пришлось ему мириться с Даниилом и передать Романовичу Перемышль...

А Ярославу Всеволодовичу стало ясно: замирившись на западе, Михаил обратит свой жадный взор на восток. И вот в середине апреля прискакал к Ярославу гонец и передал тревожную весть — галицко-черниговский князь слал в поход два полка с воеводою Мирославом, слал на Киев.

В тот же час великий князь киевский собрал в Гриднице главноначальствующих и отдал приказ:

— Тебе, Яким Влункович, следует выступить на Мирослава — не побьёшь, так потреплешь. Обескровишь войско галицко-черниговское, измучаешь стычками да налётами. Пойдёшь напрямую, через Мическ на Тихомель.

— Слушаю, княже,— прогнулся воевода набольший,— вот только не мало ли нас будет противу двух-то полков?

Ярослав Всеволодович нахмурился и оглядел собравшихся.

— Эва как... Олег Романович,— сказал он, обращаясь к Сухову,— пойдёшь на ту же войну.

— Да, княже,— поклонился Олег.

— Дозволь слово молвить,— поднялся Владимир Рюрикович.— Пусть бы и мои половцы в походе поучаствовали. Две сотни дам с конями заводными [1].

— Добро,— кивнул Ярослав.— Сколь людей у тебя, Романыч?

— А тоже две сотни, княже.

— Тогда и половцев бери. Будешь полутысяцким.

— Половцев? — повторил Сухов, будто и не замечая повышения.— Это дело, княже. Половцы — конники знатные. Мне б тогда и лошадей для воев моих, не пешком же им топать.

— Найдём,— веско сказал Владимир, обрадованный похвалой Олега. Видать, заедало князя то обстоятельство, что дружина его сплошь из степняков состояла.

— Раз так, не медлите,— строго молвил Ярослав Всеволодович.— Чем скорее обернётесь, тем лучше. Награжу! Ступайте с Богом.

---

[1] *Заводной* — запасной.

Сборы были недолги. Вскоре новоторжане Якима Влунковича выступили за пределы Золотых ворот, открывавшихся на западную сторону. Следом выступили новики да половцы. Степняки таскали на себе тяжёлые доспехи вроде длинных курток из бычьих шкур и кожаные шлемы. Щитами половцы не пользовались, а вот луки они держали поближе к себе.

Новоторжцы ехали, не особо разгоняясь. Сухов повёл своих стороною, дабы не пересекаться с Якимом. В конце концов, великий князь ничего не сказал о главенстве, стало быть, воевода ему не указ...[1]

Под вечер две растянувшиеся колонны, большая и поменьше, сблизились. Воевода выехал вперёд и вскинул руку.

— Эгей, рыцарь! — крикнул он с ухмылкою и показал на рощицу между холмами.— Ночуем здесь! Ты только своих подальше отведи. Понял? Во-от... А то от вас хлевом так и прёт! Новики твои навозом коровьим провонялись, степняки лошадиным кизяком смердят, а мы нюхай!

Новоторжане жизнерадостно загоготали, а Олег тонко улыбнулся.

— От вас и вовсе говном человечьим несёт, будто все разом обделались,— любезно заметил он.— И ничего, притерпелись мы. Да, Олфоромей?

— Ага,— кротко ответил Лысун.— Глаза только щиплет.

Новики захохотали. Те, кто владел наречием степняков, перевели суть сказанного половцам, и хохот разросся, захватывая всю полутысячу. А сам полутысяцкий, с удовольствием наблюдая за тем, как выступают красные пятна на лице Влунковича, поспешил успокоить набольшего:

— Ладно, ладно, как скажешь. Подальше, так подальше. Хоть глаза резать не будет. Айда, ребята!

И ребята взяли с места, удаляясь от лагеря новоторжцев.

Немного погодя Олег въехал на высокий плоский холм и оглянулся назад. Далеко-далеко, пробиваясь искорками в густеющих сумерках, мерцали костры.

— Ужин, чай, готовят,— принюхался Лысун.

— Едем,— сказал Сухов.— Чем скорее обернёмся, тем лучше.

— Задумал цего? — поинтересовался Олфоромей.

— Да есть маленько...

Сотни конных ринулись вниз с холма, проехали топкой низиной и поскакали по отлогому склону, желтевшему прошлогодней травой. Редкие деревья стояли поодиночке, растопырив голые чёрные ветки.

---

[1] К сожалению, регулярной армии на Руси не водилось. Не было ни единого командования, ни строгой иерархии с железной дисциплиной — дружины следовали в поход по отдельности, могли и вовсе уйти от одного князя к другому. Именно поэтому огромное войско, собранное князьями для битвы на Калке, проиграло монголам, предопределив, по сути, будущие разгромы.

Половцы, свистя и улюлюкая, понеслись впереди, не пропуская ни кочки, ни борозды,— известные следопыты, они читали землю под ногами как открытую книгу. Следов было мало — вон пара туриц пробежала, рядом пролегала старая, сглаженная колея.

— А вот, глянь,— сказал Олег, показывая на следы лошади.— Неподкованная! Половецкая?

Молодой Кулмей пригляделся и уверенно сказал:

— Не, то тарпан пробежал. Дикая лошадь.

— Наверное, от волков удирал,— сделал вывод его друг по имени Итларь.— Смотри, шаг какой!

— Похоже...

Оба половца сложили пальцы в охранительном жесте — волки степняками почитались за священных покровителей.

Солнце село, землю укутали тени, предвестники ночи, а отряд всё скакал и скакал на запад. Лишь перейдя вброд речку Тетерев, Сухов объявил привал.

Коней согнали в табун и отправили пастись под усиленной охраной, а на берегу разжигали костры, подвешивали над огнём котелки с водою, доставали из сумок крупу и солонину. Итларь, жадно принюхиваясь к запахам, исходящим от варева, не утерпел и сгонял подальше в степь, притащил дикого луку и ещё каких-то пряных трав. Накрошил поровну во все котлы — и дух пошёл такой, что даже терпеливый Олфоромей не выдержал.

— Вари быстрее! — простонал он.

Кашевары дружно заработали черпаками, помешивая походное яство.

После сытного ужина, с запивкой по вкусу — кому кумыс, кому сбитень,— воины стали укладываться, а сотники расселись у одного костра с полутысяцким и устроили военный совет.

— Чего делать будем? — с ходу спросил Чюгай Акланович, натуральный половец — длинные волосья его отливали соломенным цветом [1]. В рубахе, кафтане и кожаных штанах, Чюгай пропах дымной гарью и травяной горечью — истинный степняк.

— Задумал я, братие, дело одно,— сказал Олег, палкой вороша костёр,— дело опасное, зато и выгодное. Хочу, чтобы мы одни Мирослава отогнали, без новоторжцев! Знамо дело, побить войско галицко-черниговское нам не под силу, но разогнать его, проредить в стычках да засадах — это мы могём.

---

[1] Некоторые византийские источники, а также восточные авторы описывают половцев как блондинов с голубыми глазами.

Слегка раскосые глаза Чюгая загорелись.

— Могём! — подтвердил он, гортанно выговаривая глагол.— А за то нам князь награду выдаст!

— Так это ж надо сперва новоторжан обогнать,— трезво рассудил Олфоромей,— чтоб не мешались.

— Как их придержать, я придумал,— сказал Сухов,— но суть не в том. Мало нас, вот в чём беда. Новики мои — ребята стойкие, лучники знатные, но конники они никакие...

— Пешцы мы,— кивнул Станята,— к земле привычны.

— Вот именно! Стало быть, вся надёжа на половцев, а две сотни на два полка...— Олег покачал головою.

— Справиться можно,— осторожно сказал Итларь.

— Можно,— подтвердил полутысяцкий,— но сколь народу зазря погубим? Ведь галичане стоять да глазеть не станут, стрелять примутся!

— А я знаю, чего делать! — раздался из темноты голос Кулмея.— Надо ещё наших позвать!

— Откуда, балбал [1]? — хмыкнул Чюгай.— В Шарукань за подмогой сгонять или в Балин [1]?

— В Салмакаты!

Над костром повисло молчание.

— А ведь точно! — хлопнул себя по коленям Чюгай.— Это, если отсюда на заход солнца скакать, забирая к югу. В одном переходе!

— Да поболе...— усомнился Итларь.— Но всё равно, близко. А кто там сейчас сидит? Не старый ли Ченегрепа?

— Он! — кивнул Чюгай.

— Хм... А вернулся ли Ченегрепа с кышлага [2]? Зимует он у моря, а сюда обычно откочёвывает ближе к маю, когда всходит молодая трава...

— Ченегрепа, сын Белдуза,— мой дед! — гордо оповестил командующих Кулмей.— И в Салмакаты он возвращается, лишь только сходит снег. Тута айлаг его!

Итларь рот раскрыл, дабы определить место и значение молодого воина, но прикусил язык. Вместо отповеди он развернулся к Олегу и проговорил неторопливо:

— Салмакаты печенежской была, прадеды наши отвоевали её у орды...

---

[1] *Балбалы* — каменные истуканы, которые половцы устанавливали на курганах в честь павших героев. *Шарукань, Балин* — половецкие города-крепости. Полагают, что Шарукань находился на берегу Северского Донца, местоположение Балина неизвестно. Салмакаты («Сторожевая крепость») упоминается Константином Багрянородным под названием Салма-катай.

[2] *Кышлаг* — половецкие зимние пастбища. Летние — *айлаг*.

— Йазы-Цопон? — не удержался Олег.

— Не-е...— замотал головою Итларь.— Кара-Бей. Крепость такой же осталась, а прежних хозяёв перебили...

— Одного на развод оставили! — жизнерадостно поправил его Кулмей, по-прежнему невидимый в потёмках.— Байчу, сына Кухея! Эй, Байча! Спишь?

— Заснёшь с тобой...— ответил ворчливый голос.— Чего тебе?

— Ты у нас печенег?

— Я не у вас, я сам по себе печенег. Всё, можно спать дальше?

— Спи, спи! — милостиво позволил Кулмей.

Отсмеявшись, командование вплотную занялось стратегией и тактикой...

На рассвете полутысяча тронулась к Мическу, что оставался в паре вёрст к северу, на том же берегу Тетерева. Городишко сей был мал настолько, что стены, окружавшие его, не имели башен. Но стража не дремала — мигом высыпала на заборола [1], лишь завидя конные сотни.

Олег подскакал к запертым воротам и крикнул:

— Княжье дело! Кто тут у вас волостель [2]?

Из бойницы над запертыми воротами высунулся дюжий мужик в шлеме-наплешнике.

— Ну, я,— прогудел он.

— Так слушай! Сегодня до вас доберётся полк воеводы Якима Влунковича, ясно?

— Ну, ясно...

— Ясно ему... Ежели не хотите бесчинств, встретьте их ласково, приветьте — пиво выкатите и чего покрепче. Они, чем пьянее, тем добрее!

— Ну, ладно...

— Ну, пока! — передразнил Олег волостеля и поворотил коня прочь, в степь Половецкую.

Степь стелилась то гладкой, как море в тихий день, то слегка всхолмленной плавными перепадами высот и низин. А над нею распахивалось небо, такое же пустое и обильное простором.

Конь глухо тюпал копытами по колючей сухой траве, сбивал репейники, ступал в стародавний навоз, иссушенный ветром, переступал через лошадиные кости, выбеленные дождём.

---

[1] *Заборола* — верхняя часть крепостных стен с проходом для воинов, защищённым парапетами с бойницами и крышей, укреплённой на столбах.

[2] *Волостель* — должностное лицо, управляющее волостью от имени удельного или великого князя. Жалованья волостель не получал, кормился за счёт жителей.

К концу лета степная трава выгорает, буреет и желтеет. Ложится под осенними дождями неприглядными космами, приобретая вид унылый и безрадостный.

То, что простиралось вокруг, звалось равниной, однако монотонность плоского поля то и дело нарушалась — гладкую степь перерезали реки и ручьи, она распадалась оврагами, проваливалась круглыми котловинами-западинами с плоским дном, густо заросшим ивняком и осиновым кустом. Островами, затерянными в степном море, поднимались дубравы, кленовые и ясеневые рощи, а пески речных долин скреплялись корнями могучих сосновых боров.

Чем дальше на юг, тем пустынней становилась Половецкая степь — рощицы остались позади, даже одинокие деревья не показывались взгляду. Одно Дикое Поле простёрлось вокруг — неопрятное, нечесаное, в буром полегшем бурьяне. Но уже пробивалась зелень, прорастала, жадно поглощая воду и солнце, обещая взойти буйным разнотравьем.

И вот равнина стала всё чаще горбиться курганами, вознося к далёкому небу каменных «баб» с руками, сложенными на животах, и с грубыми ликами, скорее уж намеченными, чем высеченными. Или то ветер с дождями так постарались, стёрли черты за века?..

Под вечер открылась Салмакаты — круглая стена из беленой глины, замыкавшая в себе «застройку» — островерхие войлочные юрты, саманные мазанки с покатыми крышами, бревенчатые срубы местных богатеев — дерево в степи дорого.

Местность вокруг крепости была голой — ни травинки,— изъезженной колёсами арб, истоптанной копытами коней и верблюдов, загаженной, но хотя бы не пыльной — слякотной.

Неровную глинобитную стену Салмакаты размыкали ворота-решётки из кривых стволиков, перевязанных кожаными ремнями. Десятки, да как бы не сотни юрт, крытых бурым, чёрным, белым войлоком, окружали крепость неровным кольцом, этаким предградьем, слободой на степной лад. Со стороны поля юрты были прикрыты рядами кибиток, а ещё дальше маячили конские табуны, пасущиеся верблюды, отары овец — «движимое имущество» куреня [1].

Первыми своё внимание на полутысячу Олега Сухова обратили стражники — в длинных кожаных панцирях, обшитых роговыми пластинами, нарезанными из копыт, в круглых шлемах с низкими шишаками на темени. Воины-половцы сидели у стены, приставив к ней

[1] *Курень* — объединение нескольких родов, вернее, кошей. Кош — «семья» (аил) из представителей двух-трёх поколений, разросшаяся за счёт «худородных» родичей и челяди.

копья, и сонно следили за подъезжавшими. На их загорелых, обветренных лицах не было и тени тревоги — чувствовали свою силу. В Диком Поле они — хозяева.

Не доезжая до ворот, Чюгай Акланович спешился. Половцы спрыгнули следом, новики покинули сёдла, изрядно кряхтя с непривычки, а Олег слез на землю последним.

Из ближних юрт уже выглядывали любопытные ребятишки, чумазые растрёпы. Женщины в ярких цветных шабурах [1], в жёлтых и зелёных платках, выкладывали на просушку сыр из кобыльего молока, то и дело поглядывая на Олегову рать, а вот мужчины скрывали свой интерес к новоприбывшим — не подобает сие воинам. Они степенно сидели на расстеленных кошмах и работали по хозяйству — подшивали сёдла, плели сбрую из кожаных ремешков, строгали древки стрел.

За юртами фыркали довольные кони — подростки скребли им бока пучками соломы. Чаги, женщины-служанки, хлопотали у очагов — то проса подсыпят в котлы, то сала копчёного добавят. Они доили кобылиц, вычёсывали верблюжью шерсть, пряли и ткали. Чаги тоже обращали внимание на гостей Салмакаты, но взглядывали мельком, походя — некогда им было.

А уж рабы с колодками на тощих шеях и вовсе отворачивались, косясь угрюмо и злобно. Колодникам поручалась самая тяжёлая и грязная работа — глину месить пополам с навозом и резаной соломой, лепить из этой гадостной массы кирпичи и заделывать прорехи в крепостной стене, пострадавшей за зиму. Выскребать шкуры, мочить их и мять в деревянных чанах с раствором едкого помёта, с утра до вечера взбалтывать кумыс в огромных бурдюках-турсуках из коровьих кож.

И весь этот народ возился вокруг, бегал, расхаживал, орал, бранился, огрызался, вонял... Неприятный, неопрятный, непредсказуемый.

Чюгай громким голосом обратился к стражам у ворот. Олег понимал с пятого на десятое — вроде как его представляли знатным «Олгу-батыром», прибывшим с дружественным визитом к солтану [2] Ченегрепе.

Стражники, уважительно поглядывая на «Олгу-батыра», пропустили его в крепость. Следом вошли Чюгай, Итларь и Кулмей, надувавший от важности щёки.

---

[1] *Шабур* — верхняя одежда из домотканой шерстяной материи.

[2] У половцев не существовало верховного правителя, а среди знати выделялись ханы, беги и солтаны. Бег — глава коша, поэтому бегов называли также и кошевыми. Во главе куреня стоял солтан. На совете старейшин выбирался хан — глава самого большого куреня. Отличали также беев, знатных воинов, и батыров, славных своей храбростью.

Изнутри Салмакаты казалась ещё больше. Внутри её стен полно было мазанок-овчарен, а посередине возвышалась, как меловой курган, юрта солтана из белого войлока. У её входа торчали длинные шесты с лошадиными хвостами на перекладинах, треплемые ветром. Это были бунчуки, знамёна солтанские.

Юрту Ченегрепы кольцом окружали шатры победнее, из бурого войлока,— место жительства жён солтана.

У дверного полога юрты Ченегрепы стояли два воина громадного роста, с неохватными плечами. Они грозно хмурились, сжимая рукоятки кривых сабель. Только намекни, живо пустят в дело...

Следом за Чюгаем Олег пробрался в юрту. Там было довольно опрятно — пол устилали ковры во много слоёв, деревянный каркас шатра покрывали разноцветные шелка. Света, проникавшего через дымовое отверстие-тоно в потолке, хватало, чтобы дать представление о богатом убранстве и о самом хозяине, восседавшем на толстой кипе кошм. Ченегрепа, сын Белдуза, не поражал богатырским сложением — росту среднего, мышцы заплыли жирком, волосатое чрево вываливается из кожаных шаровар. А вот лицо жёсткое, словно рубленное из дерева. Такой не будет колебаться, решая, казнить или миловать...

Половцы исполнили трио ритуал приветствия, в красках отобразив знатность и родовитость Сухова, а после Чюгай соло живописал ту нужду, которая привела «Олгу-батыра» в степь. Олег с трудом улавливал смысл сказанного.

Солтан Ченегрепа, снисходя до просьбы знатного соседушки, посланца самого «коназа», ответил в том смысле, что всегда готов к войне, и сделал широкий жест: присаживайтесь.

Сухов опустился там, где стоял, скрестив ноги, а хозяин юрты хлопнул в ладоши. Звякая цепями, появился колодник с бурдюком и наполнил пенным кумысом дорогие чаши китайского фарфора, на редкость чистые. Олег с удовольствием отхлебнул резкого, холодного напитка — видать, бурдюк в проточной воде держали.

Довольный солтан оскалил щербатые зубы, а Кулмей, погладив Ченегрепе толстые руки, и вовсе лучился, как начищенная номисма.

— Видал, какой у меня дед? — горделиво сказал он.

— Большой человек,— согласился Сухов.

— А то!

Тут Чюгай повернулся к Олегу и передал слова солтана:

— Ченегрепа хочет знать, какая доля добычи достанется ему?

— Скажи,— спокойно ответил Сухов,— что всё, взятое с бою, достанется славному солтану. Мы же идём не за добычей, а за победой.

Ответ Ченегрепу порадовал, и его последние слова стали понятны Олегу.

— Сегодня я буду гадать по волчьему вою,— торжественно сообщил сын Белдуза,— и скажу точно, что сулит нам война!

Стемнело быстро. Засинели сумерки, похолодало. Вспыхнули десятки костров, по всему становищу потянуло сладковатым запахом горелого кизяка. С первой звездой солтан Ченегрепа выехал на коне за пределы крепости и удалился в степь.

Олег с Кулмеем потихоньку отправились следом, но почтительно задержались у курганов, не смея мешать таинству гадания.

Как ни вглядывался Сухов в сумерки, различить, где там Ченегрепа, а где балбал на оплывшем кургане, он не смог. Зато отчётливо услыхал солтана — тот издал хриплый вой, подражая волку. Вой был долог и тосклив, сам собою будя страхи перед оборотнями и упырями. Кулмей испуганно поёжился, и только присутствие Олега удержало половца от спешного ухода.

Неожиданно солтану ответил настоящий волк. Кулмей сгорбился, успокаивая встревоженного коня, и забормотал, вспоминая заклинания, рукою теребя оберег, висевший на шее.

Недолго тишину делили два голоса, волчий и человечий — целый хор волков поднял вой, отвечая Ченегрепе.

— Возвращаемся,— негромко сказал Олег,— а то ещё дед твой нас застукает.

— Конечно, конечно! — поспешно закивал Кулмей и мигом развернул коня. Животное тоже было согласно удалиться...

Неслышимые и невидимые, они вернулись за стены Салмакаты, а вскоре, со всеми вместе, встречали солтана. Ченегрепа остановился перед воротами, куда сбрелись все свободные, и провозгласил:

— Нам будет сопутствовать удача! Мы одержим победу! Яшасын! [1]

— Яшасын! Яшасын! — радостно подхватил весь курень.

Половцы не делились на мирных скотоводов и воинов. «Если завтра в поход, если завтра война», то почти все они становились в строй — суровые мужи и мальчишки, молодые парни, жаждущие подвигов, и крепкие деды, вышедшие победителями из сотни боёв, девушки и незамужние женщины. Половчанки, правда, копьями не грозили врагу, но с луком управлялись получше иного мужчины.

---

[1] *Яшасын!* — Да живёт! — половецкий клич, отдалённо соответствующий советскому «Да здравствует!».

Каждая семья из куреня Ченегрепы выставила по кошуну, как бы родовому полку. У Чурнай-бега насчитывалось всего полсотни воинов, у Тарха Красавчика и Камоса Карноухого — по сотне, а мужеподобная Аймаут вела чуть ли не двести конников. Всего войско Олега Сухова усилилось на полтыщи сабель. Сила!

Сам Ченегрепа остался в Салмакаты, переложив на «Олгу-батыра» верховное командование.

Перед рассветом конники пришлые и тутошние покинули крепость. Ехали быстро, а когда кони уставали, пересаживались на запасных — у иных степняков в запасе скакало по пять, по десять коней.

Половцы принарядились, как на праздник,— все в кафтанах с галунами по подолу, вороту и вдоль рукавов, а половчанки ещё и в коротких юбках поверх кафтанов, да с головными уборами из остроконечных шапочек с отогнутыми вверх полями, косичек, лент, цепочек и колец.

Сухов ловил себя на том, что степняки ему нравились. То, что они антисанитарию разводят, отталкивало, зато половцы были единым народом и жили дружно. Случались, конечно, стычки — то водопой не поделят, то скотину уведут. Невесту украдут без уговору. Всякое бывало, но ханы не устраивали бойни и резни меж куренями и ордами, а воины половецкие были как на подбор — умелые, храбрые, дисциплинированные. Как начнёшь сравнивать с княжьим двором, тошно становится...

Путь «конармии» лежал на север, и Олег тихо радовался, что весеннее тепло не сменилось пока летнею жарой, иначе облако пыли, поднятое тысячами копыт, было бы видно издалека. А так чалый Сухова месил грязь, разбрызгивал лужи, тюпал по леглой траве.

Скакали весь день до вечера. У реки Случ Олег выслал вперёд разведчиков, молодых, азартных половцев. Естественно, без Кулмея тут не обошлось. А, вернувшись, внук Ченегрепы радостно доложил:

— Видали мы новоторжан! Реку перешли и дюже с похмелья маются!

Совсем юная половчаночка, скуластенькая и метко стрелявшая глазками, добавила:

— Вялые все, лагерем становятся между оврагом и рощей.

Олег задумчиво подёргал себя за ус, а Лысун каждому подъезжавшему бегу объяснял, кто такие новоторжане и какие гадости говорили они в адрес половецкого воинства.

— Напасть и перебить! — решительно заявила дебелая Аймаут.— По оврагу мы подберёмся незаметно.

— Нельзя! — отрезал Сухов.— Какие ни есть, а новоторжане — люди князя киевского. Они нам не враги, скорее уж соперники — тоже ведь идут на войну с галичанами. А нужно ли нам делиться добычей и славой?

— Придумал цего? — осведомился Олфоромей.

— Да есть маленько... Коль у новоторжан до сих пор головка бо-бо и во рту будто кошка насрала, стало быть, крепко их угостили в Мическе! Считайте, на день они в пути задержались. Вот и надо нам ещё денёк выиграть...

— Как? — прямо спросил томный и смуглый Тарх.

— Разгоним их лошадей!

Лица половцев расцветились улыбками понимания.

— По коням!

К лагерю новоторжцев подкрадывались в темноте, следуя ручью, журчавшему на дне оврага. А когда в красноватых отблесках костров завиднелся обрыв у того места, где Яким Влункович объявил ночёвку, Олег завёл своих подальше в темноту и начал подъём.

Вместе с ним отправились верный Олфоромей, Кулмей (куда ж без него!), Тарх, Итларь, Байча и ещё четверо половцев, имён которых Сухов не упомнил.

Отправляясь на рискованное предприятие, оседлали самых смышлёных лошадей, а для верности обвязали их копыта войлоком — и не услышать, и следов не останется.

Десяток шагом объехал стан, хоронясь за кустарником и редко раскиданными деревьями. Тарх с Итларем пропали в ночи — поискать ночных дозорных — и обнаружили их мирно спящими. Ни убивать, ни будить сторожей не стали — тайные «гости» разбрелись по роще, не тревожа их сон.

Между деревьями были протянуты волосяные верёвки, к которым привязывали коней. Животные фыркали, порывались ржать, но половцы знали толк в лошадях и быстро успокаивали гнедков да саврасок. Споро заработали острые ножи, обрезая верёвки и поводья. Олег забирался всё дальше в рощу, освобождая всё новых и новых скакунов, шлёпая их тихонько по крупам, чтоб живее разбредались.

— Ва-вай! — прошептал Кулмей неодобрительно.— Даже не расседлывали!

— Пора, Кулмей,— тихонько сказал Сухов, плохо различая лоснящиеся спины лошадей.

Половец хищно улыбнулся и пропал. И вот вспыхнули факелы, загорелись охапки сухой травы, и дикие вопли раскололи ночь. Гикая, свистя, подкалывая коней копьями, пуская стрелы так, чтобы не убить, а испугать, половцы погнали лошадей в степь.

Обезумевшие от ужаса животные, визжа и храпя, бросились напролом — через лесок, через луг. Вытянувшись струнко, мчались ко-

ни, покидая вчерашних хозяев, разбегаясь в стороны, кто к реке, кто на север, к городку Полонному.

Новоторжане с трудом возвращались в явь, подхватывались, метались, начинали стрелять по собственным коням, спросонья принимая их за вражескую конницу. Дикое ржание и суматошные вопли разносились по лугу, по роще, а десяток Олега уже уходил тёмным оврагом, незрим и неуловим.

Само собой, кони новоторжан почти все вернутся к хозяевам. Да хозяева и сами немало побегают по степи, отыскивая пропажу. День на это уйдёт — весь, без остатка. А Тихомель отсюда — в дневном переходе...

Олег ухмыльнулся и прибавил чалому прыти.

Скакать до Тихомели не пришлось — войско галицко-черниговского князя показалось сразу после обеда. Едва Олег успел утрясти в себе кусок вяленого мяса на лепёшке и хорошую порцию кумыса, как вот они, полки Мирослава!

Местность вокруг ровностью да гладкостью не отличалась, она то полого, очень полого вскатывалась, устраивая подъём чуть ли не до самого горизонта, то опадала спуском, едва заметным глазу. Спрятаться на этой перекособоченной плоскости было попросту негде — ни холмов поблизости, ни густых чащ. Только кое-где торчали одинокие деревья — разведчики Леса, заброшенные ветром в Степь, внедрившиеся в жирный чернозём, но так и не дождавшиеся подхода основных сил.

Сборное войско Олега двигалось по степному обычаю — несколькими колоннами. Новики, малоспособные биться верхом, старались не отставать и надеялись быть полезными — хотя бы числом своим страху нагонят на разных там галичан!

Молодые половцы рыскали на флангах и уносились далеко вперёд, разведывая путь и высматривая противника.

Вот пятёрка Кулмея доскакала до гребня возвышенности — и круто развернула коней, понеслась, что было мочи, до своих.

— Иду-ут! — долетел крик.

В тот же момент на «перевал» въехали чужие всадники, покрутились и сгинули.

— Ты не ори,— сердито сказал Сухов,— а говори толком! Кто идёт? Куда? Далеко ли?

— Галичане идут! — тут же отрапортовал Кулмей, вставая на стременах.— На нас идут! Они в трёх перестрелах [1]!

---

[1] Около полукилометра.

Олег и сам приподнялся над седлом, гаркнув:

— Вперёд!

А половцам объяснять, что к чему, нужды не было: ясно же — с горки ударить куда способней, нежели на горку мчать. И вся конница мигом прибавила прыти, одолела гребень — и оказалась в виду двух полков, над коими реяли жёсткие стяги с зубцами и колыхались хоругви. Полки на ходу перестраивались, смыкая ряды, подтягивая растянувшийся арьергард, а сам Мирослав скакал перед войском — меч наголо, красный плащ за плечами веет, конский хвост и грива на отлете. Картинка!

— Тарх! — крикнул Сухов.— Камос!

Подчиняясь мановению его руки, половцы бросились в атаку. Им не надо было объяснять тактику войны — степняки действовали по опыту сотен боев. Летучие отряды Тарха и Камоса налетели на галичан, ввязываясь в бой издалека — пуская стрелы на скаку и всякий раз попадая, не во всадника, так в его коня.

Покрутившись, побезобразничав, половцы ускакали прочь, но уже новые сотни тревожили полки, беспокоя их с флангов. Разозлённые галичане контратаковали, бросались на степняков, но куда там — половецкие отряды мигом рассыпались, отходя веером.

Это была давняя, проверенная метода — «свора собак против медведя». Медведь ворочается на месте, ревёт от злости, бьёт лапами наотмашь, а собаки вёрткие, под удар не попадают, кусаются, хватают зверя то за лапу, то за бок...

Подскакавший Чюгай возбуждённо крикнул Олегу:

— Хороший овраг есть! Глубокий, и близко отсюда!

Сухов, наслышанный о степных войнах, тут же отдал приказ — учинить ложное отступление.

Половцы завыли по-волчьи, накидываясь на галичан всем скопом, но не приближаясь на длину меча, по-прежнему действуя издали — меча стрелы, дротики, копья, накидывая арканы на воинов и сдёргивая тех с сёдел.

Мирослав воякой был опытным, он и венгров бил, и ятвягов, и ляхов, и рыцарям-меченосцам жизни давал, а вот со степняками дела не имел. Это его и подвело.

Накал страстей достиг предела, галичане уже и сами выли от ярости, пытаясь достать половцев, хоть как-то уязвить наглых кочевников, и те «дрогнули», начали отступать, а после развернули коней и стали трусливо драпать с поля боя. С торжествующим рёвом полки Мирослава бросились вдогон — выхваченные мечи так и заблистали на солнце, готовые рубить и кроить податливую плоть.

— Бей «копчёных»! — взвился крик.

— Бей! Бей!

— Руби! Коли!

— Врёшь, не уйдёшь!

А половецкие сотни заметались, как будто отчаянно ища прибежища, да и ринулись в устье глубокого оврага, втягиваясь в него потоком разгорячённых тел. Галичане с победными криками понеслись следом, забираясь всё дальше — вот-вот догонят, покрошат беглецов, растопчут...

— Олфоромей! — рявкнул Олег, едва сдерживая дикое возбуждение.— Станята! Наш черёд!

И новики, вместе с сотней Итларя, ударили в тыл галичанам, этакой пробкой запечатывая устье оврага.

Здесь, между оплывших стен балки, было душно — жар, исходящий от лошадей, держался, наплывал, не рассеиваясь под ветерком.

Новики ударили «клином», выставив копья. Половцы поддержали их с флангов, пуская стрелы в упор или навесом — в узком, замкнутом пространстве оврага ни одно из смертоносных жал не пропало зря.

Сухов не мог видеть, что творится впереди, но догадывался — кошуны из Салмакаты перестали «трусить» и развернулись, в упор разя противника, опорожняя колчаны, а самые горячие кидались с саблями на мечи. Бешеное мелькание копыт... Выпученный конский глаз... Трава, раскрошенная в труху... Оскал зубов, мелькание стали, лютая бледность на лицах...

— Кулмей! — крикнул Олег изнывавшему молодцу.— Скачи к Аймаут! Её выход!

Осчастливленный Кулмей взял с места и ускакал. Стрелки Аймаут очень быстро вышли на позицию — они показались на краю обрыва, натягивая луки и методично расстреливая тех, кто копошился внизу, кто попался в западню и не знал, где выход из неё.

Меж тем Мирослав понял, что допустил ошибку. Развернув своих людей к устью оврага, он пошёл на прорыв, не обращая внимания на потери — лишь бы вырваться из теснины на волю!

Сухов сразу почувствовал возросший напор и дал команду отступать — стоять насмерть он не собирался.

«Раскупорив» овраг, новики с половцами Итларя и Чюгая отошли, не прекращая обстрел. И вот повалила рать Мирослава — растрёпанная, побитая, растерявшая полдесятка знамён. Огрызаясь, отстреливаясь, разрозненные полки повернули обратно, туда, откуда пришли. Ряды их значительно поредели — и склон холма, и дно оврага были

усеяны мёртвыми телами. Несколько коней брели понуро, лишившись всадников, и спотыкались о брошенные поводья.

— Тарх! Камос! Аймаут! Чюгай! — воззвал Олег.— Преследовать полки до темноты! В ближний бой не вступать, нападать из засад! Добычу без вас делить не станем.

Успокоенные степняки поскакали на запад, а тем, кто остался, Сухов нашёл два занятия — приятное и не очень. Надо было собрать брони да оружие, проще говоря, обобрать павших и раненых. Половцы снимали с трупов всё, имевшее ценность, то есть раздевали догола и уносили мечи, шлемы, доспехи, портки, рубахи, оставляя одни нательные крестики, если те были из дерева.

А новикам и крещёным половцам пришлось хоронить чужих и своих. Своим отрывали могилы в размякшей земле, а галичан уложили под обрывом, да и обрушили песчаный край, разом погребая всех.

— Олфоромей,— устало обратился Олег.— Онцифор! Соберите стяги галицкие да черниговские, все, какие найдёте. Отвезём их князю!

— Это мы мигом!

Сухов подъехал к понуро замершему саврасому коню — осиротевшему скакуну с примесью хороших кровей, и спешился. Савраска вскинул голову, тревожно кося лиловым глазом, но Олег заговорил с ним ласково, погладил морду. Конь покивал головой, вздохнул, будто печалясь, и покорился новому хозяину.

А Сухов, взгромоздясь верхом на саврасого, оказался чуть выше — видать, степные предки «трофея» когда-то пересеклись с чистопородными. Похлопав коня по шее, Олег осмотрелся. Победили они или нет? Мирослав бежал, и правильно сделал — воевода спас полки от полного разгрома. Степь ведь не зря Половецкою звалась — Ченегрепа и иже с ним властвовали над просторами между лесом и морем, а дабы удержать сии просторы, требовалась сила немалая. И она у половцев была.

Так или иначе, решил Олег, а задачу свою они выполнили — галицко-черниговское войско отогнано за пределы княжества Киевского. Победил ли он Михаила Всеволодовича Черниговского — это ещё вопрос, но вот над Якимом Влунковичем верх одержан точно...

...На Бабином Торжку собрался полк из Нового Торга. Новики и половцы Олега скромно стояли в сторонке, у позеленевшей квадриги.

— Струсили галичане,— бойко докладывал Яким Влункович,— даже показыватьсе нам не стали! В Тихомели, как и полагаетсе, тишь да гладь да божья благодать. Мы по всей степи рыскали, а не сыскали во-

рога. Побоялси, видать, Мирослав клинков наших, не решилси границу-то перейти!

— Эва как...— протянул Ярослав Всеволодович.

Великий князь осмотрел новоторжан и повернул голову к Сухову.

— А ты что скажешь, Олег Романыч? — спросил он сумрачно.

Вместо ответа Олег дал знак Олфоромею, и тот, на пару со Станятой, вынес охапку стягов и бросил Ярославу Всеволодовичу под ноги.

— Это знамёна воеводы Мирослава,— громко заговорил Сухов,— потрепали мы галичан здорово, вот они и утекли!

— Лжа это! — заорал Влункович, напрягая жилы.— Не можно четырьмя сотнями побить два полка!

— А уметь надо!

Князь с любопытством оглядел стяги, пощупал даже жёсткую ткань с изображением Святого Василия, а потом огласил своё решение.

— Храбрецы новоторжские! — сказал он зычно.— Благодарю за службу! Обещал я вас наградить и слово своё исполню. Можете возвращаться до дому!

Новоторжане — смущённые, растерянные, обрадованные, равнодушные,— зашевелились, зароптали, подались с площади, а Ярослав Всеволодович снял с себя витую золотую гривну и нацепил её Олегу на шею.

— Носи, воевода,— сказал он.— Служи с честью, и дано тебе будет не только славою облечься, но и великим почётом!

Сухов поклонился, больше всего упиваясь той зеленью, что проступила на лице Якима Влунковича, бледном от ненависти. «Понял? — мелькнуло у Олега.— Во-от...»

Глава 7,

В КОТОРОЙ СУХОВ ПОМИНАЕТ ЧЁРТА

Шестого мая, в день Святого Георгия Победоносца, киевляне устраивали «гулянку» — принарядившись, целыми семьями отправлялись за город, на Выдубицкие высоты. Там они пили и закусывали, расстилая скатёрки на молодой траве, ходили босиком по густой поросли, как бы прокладывая жизненную тропинку до следующей вес-

ны. А весна нынешняя буйствовала, вся природа справляла праздник жизни — расцветала зелёная степь, расцветали каштаны, расцветали девушки. Открывали сезон соловьи, аккомпанируя возлюбленным парам, разносились по-над Днепром чудные, протяжные песни.

В день шестой месяца мая, который в Киеве по-прежнему называли травнем, Олег Сухов ходил в народ и окунался в гущу событий. Притомившись ходить и окунаться, он устроился в тени Выдубицкого монастыря, у подпорной стены церкви Архистратига Михаила, лет сто назад сработанной Милонегом. Днепр отсюда был совсем близко, плеск речных волн заглушал крики и здравицы, доносившиеся из дубрав Выдубицкого урочища, и навевал покой.

Воевода Олег Романыч во все первые числа месяца травня нёс службу на левом берегу, утверждая власть Владимира Рюриковича в Переяславле. Бояре переяславские, отвыкшие под князем жить [1], воспротивились поначалу, но мечи дружинников и воев живо укротили строптивцев, некоторых укоротив на голову.

При штурме переяславских Епископских ворот Олега чувствительно задела стрела, распоров плечо, хорошо хоть левое. Рана была неглубокая, но, не дай бог, заражение... Тогда всё, капец. Сухов вытерпел прижигание калёным железом, а в Киеве Пончик обработал рану по всем правилам.

— И чтоб никаких купаний! — строго наказал Александр, меняя повязку.— Понял?

— Во-от...— подхватил Олег, поглядывая за ловкими пальцами Шурика, накладывавшими пахучую мазь и аккуратно обматывавшими раненую руку чистой холстиной, порванной на ленты и прокипячённой в целебном растворе.

— Как там Переяславль? — спросил Пончик.

— Деревня,— коротко ответил Сухов.— Правда, каменная баня есть. Прям как терма.

При упоминании о термах Шурик вздохнул украдкой. Олег приметил этот момент, но ничего не сказал — ему и самому порой становилось паршиво. Только вспомнишь об Алёне — и понеслось... Столько сразу наваливается всего, памятного, дорогого — и утраченного безвозвратно. Как тут не посчитать жизнь поганкой?

Пончик закончил с перевязкой, полюбовался делом своих рук и велел Олегу одеваться. Сухов осторожно натянул через голову шёлко-

---

[1] Князь Святослав Всеволодович, посаженный в Переяславль в 1230-м, покинул город в том же году — престол остался вакантным.

вую рубаху с богатой вышивкой у ворота и привалился спиною к стене — толстые дубовые брёвна удобно подпирали тело.

Сощурившись, огляделся. Широкий Днепр переливается на солнце. Камыши шуршат, листья молодые шелестят, хор девичий зачинает распевку... Хорошо!

— Неуютно мне в Киеве,— неожиданно выпалил Шурик,— неприятно. Угу...

— С чего это вдруг? — удивился Олег.

— Да не вдруг... По всей Руси князья дерутся, а тут, на юге, и вовсе лютуют — настоящая гражданская война идёт. А Орда всё ближе... Батый ныне в поход на буртасов[1] собирается, на мордву... Угу.

— Откуда знаешь? — насторожился Сухов.

— Половец один рассказывал. Говорит, хан ихний, Котян Сутоевич, уходит потихоньку из донских степей. Уже и послов своих к венгерскому королю засылал, чтобы в те земли переселиться. Король Бела поставил условие — всем креститься, и Котян согласился...

Олег присвистнул.

— Да-а...— протянул он.— Видать, прижало хана крепко.

— То-то и оно! — воскликнул Пончик.— Скоро и нас прижмёт, да так, что ни вздохнуть ни охнуть! А князья, вместо того чтобы оборону крепить против общего врага, сживают друг друга со свету!

— Да-а...— повторил Сухов.— Знаешь, кого я сейчас вспомнил? Вана. Помнишь такого?

— Ван? — наморщил лоб Пончик.— А-а, это тот китаец? Ты ещё у него чай покупал! Он?

— Да. Не помню, по какому случаю, но Ван Лун однажды поделился со мной одним наблюдением. Рассказал, как в детстве вышел на окраину своей деревни и наблюдал за дракой двух псов. Собаки сцепились так, что клочья летели. Они рычали, визжали, грызлись — и не заметили, как из леса вышел тигр. Полосатый одним ударом лапы пришиб обоих и утащил — тигры терпеть не могут собак, но любят собачатину. Мстят будто за своих мелких сородичей...

— Похоже,— вздохнул Шурик.— Целая свора грызню устроила, а с востока приближается безжалостный хищник. Одних шавок он растерзает, другие станут лизать полосатую задницу...

— А так и будет, Понч. Что ты хочешь? Лествичное право...

---

[1] Народ, населявший в описываемый период территорию нынешней Пензенской области. Этническая и языковая принадлежность буртасов до настоящего времени не выяснена. После опустошительного нашествия Батыя буртасы в течение короткого времени сходят с исторической сцены.

Ох уж эта окаянная «лествица»... Поговаривают, что лествичный порядок престолонаследия Русь переняла у Хазарии. Так это или не так, никто уже не скажет. В теории «восхождение по лествице» вроде бы исключало борьбу за власть, поскольку все дети умершего правителя получали часть общего наследства. На практике «лествица» приводила к нескончаемой междоусобной распре.

Почил князь Владимир Красное Солнышко, папаша многодетный, и всем его сыновьям достались уделы — более-менее цельное государство раскололось на княжества, те подробились на ещё более мелкие волости. Но даже самый мелкий удел доставался наследнику лишь на время. Почему? Вот в этом-то и крылось коварство «лествичного права»!

Когда князь-отец умирал, его место в роду занимал старший брат, он становился отцом для младших братьев, а его сыновья делались братьями дядьям своим и переходили из внуков в сыновья, потому как не было уже деда над ними, старшим в роду оказывался уже их родной отец. Умирал старший брат — второй брательник заступал его место. Теперь он делался отцом для прочих младших братьев, и уже его дети переходили из внуков в сыновья, из малолеток — в совершеннолетние. Вот так молодые князья через старшинство своих отцов сами приближались к месту старшего в роду. «Как прадеды наши лествицею восходили на великое княжение киевское,— говаривали вельможи,— так и нам должно достигать его лествичным восхождением»[1]. А перешёл ты на следующую ступень — всё, бросай доставшийся тебе удел, перебирайся в другой. Но и там корней не пустишь, ибо владение твоё — не навсегда. Некогда тебе править, даже вникать в проблемы времени нет. Очередная смерть старшего в роду — и начинается перемена мест. Был ты удельный князь болховский — станешь удельным князем курским. Или вжищским. Или ещё каким.

Тот ещё порядочек, что и говорить. А ежели князь помрёт, не будучи старшиной рода? Тогда дети его навсегда останутся на ступени несовершеннолетних — дальнейшее восхождение их прекращалось. И им это активно не нравилось — обделённые поднимали мятежи, затевали войны, а благополучные чада в долгу не оставались, давали сдачи изгоям.

И каждое чадо ревниво посматривало на прочих деток, возгораясь гневом и алчностью: «А чего это у Михайлы больше земель, нежели мне дадено?», «Ослаб Игорёк, надо бы у него пару городишек оттяпать...», «Не годится сие — одни леса у меня! А у Глеба пажить на пажити! Переделить надобно — мечом нарезать землицы!»

---

[1] Формулировка принадлежит С. Соловьёву.

И оттяпывали, нарезали, творили передел и беспредел. А что же народ? А народ безмолвствовал, терпел и вымирал — войны разоряли земли, а разорение вело за руку голод невиданный: одни впадали во грех людоедства, обрезали человечину с трупов, другие ели и конину, и собачатину, и кошатину, кору липовую грызли и лист, ильм употребляли в пищу и сосну, вламывались в чужие дома, надеясь найти хоть немного зерна, повсюду: на улицах, на торжищах, за околицей — валялись трупы, которых пожирали стаи собак, и жирные вороны благословляли мор, и некому было хоронить мёртвых...

— ...Знаешь,— сказал Сухов задумчиво,— чем дольше я служу князю, тем сильнее моё желание бросить всё на хрен и уплыть на необитаемый остров, благо их в этом времени не счесть. Или поубивать, одного за другим, всех здешних князьков! Ну невыносимо, Понч! Этим придуркам даже в голову не приходит собрать земли и силы воедино, у князей одно на уме — кромсать и рвать! Знаешь, я даже рад, что грядёт Батыево нашествие.

— Ну, ты скажешь тоже...— неуверенно промолвил Шурик.

— Нет, правда. Пусть бы хан прижал им хвосты! Хоть какой-то порядок будет под Ордою...

— Вот именно — под! — фыркнул Пончик.— А потом монголам дань плати. Вот уж радости!

— Подумаешь, дань! Да твоя разлюбезная Ромейская империя кому только не платила — и гуннам, и готам, и аварам, и хазарам, и печенегам, и русам! И ничего! Ладно...

Опираясь на правую руку, Олег поднялся и отряхнул порты.

— Пошли, Понч,— сказал он.

Александр лениво поднялся.

— Если хочешь, оставайся,— добавил Сухов,— а я пойду. Мне сегодня опять в ночь, князя стеречь.

— Тогда я лучше тут посижу,— рассудил Шурик, устраиваясь под стеной.— А то меня эти дворцы в депрессию вгоняют.

Олег хмыкнул понятливо и пошёл по тропинке вниз, к огромной иве в два обхвата, где стояли лошади. За ними присматривали длинношеий Онцифор и расторопный, хоть и малость бестолковый, Кулмей.

— В город,— бросил воевода, влезая в седло.

— Мой дед пробовал жить в городе,— тут же подхватил внук Ченегрепы.— Целых два дня вытерпел — и сбежал. Дышать, говорит, нечем было — дома и люди давят со всех сторон, глаза простора не видят. Я вот,— вздохнул он,— тоже измучился...

— Измучилси он, как же,— фыркнул Онцифор.— Вона, щёки наел — треснут скоро!

— Я внутрях измученный!

— Иди ты! Мученик нашёлси...

Переругиваясь, перешучиваясь, вся троица покинула земли монастырские и поскакала натоптанной дорожкой к Киеву. На колокольне Софии загудел, заговорил благовест — ударил трижды, разнёс над городом медленные, протяжные звоны и заколотил неспешно, размеренно, призывая на службу.

Ночь, опустившаяся на Киев, была столь тепла и духовита, что запираться в дворцовых стенах казалось глупостью и потерей. Но — долг превыше всего.

Луна заливала коридор ярким холодным пыланием — свинцовые рамы были распахнуты настежь, запуская ветерок в княжеские палаты. Тишина стояла такая, что Олег слышал даже шарканье ночной стражи.

Неторопливо пройдясь по коридору, Сухов развернулся — и увидел человека в просторном чёрном плаще с капюшоном. Человек прихрамывал при ходьбе, шагая уверенно, без опаски. Олег похолодел, окликнул придавленно:

— Эй!

«Чёрный» спокойно развернулся.

— Бэрхэ-сэчен...— глухо проговорил Сухов.— Верно говорят: дерьмо не тонет!

Бэрхэ-сэчен оскалился в кривой усмешке.

— А, багатур...— сказал он небрежно. Не отводя глаз, добавил: — Не цапай меч. Не смерть несу твоему князю, а весть. Я — посол.

Неизвестно, чем бы закончилась эта встреча, но тут из Золотой палаты — тронного зала — выглянул Ярослав Всеволодович, одетый и трезвый.

— Это ко мне, воевода,— резко сказал великий князь.

— Княже, этот человек...

— Мне ведомо, кто он! Проследи, чтоб никто не мешал нам.

— Да, княже.

Бэрхэ-сэчен скрылся в палате, а Олег, не мешкая, прошёл в конец коридора и по маленькой, неприметной лестничке поднялся к низенькой двери, обитой железом. Осторожно отворив её, он вышел под потолок тронного зала, на один уровень с массивными деревянными стропилами, поддерживавшими тяжёлую каменную крышу. В четырёх саженях ниже стоял престол с роскошным золочёным креслом, а прямо из-под ног Олега уходила мощная средняя балка, протянувшаяся во всю длину Золотой палаты. Через каждую сажень её пересекали поперечины, опиравшиеся концами на боковые стены. Все балки и стропила покрывала искусная резьба.

Балансируя, Сухов продвинулся по центральной балке до того места, откуда свисало паникадило, похожее на тележное колесо, утыканное огарками восковых свечей — слава богу, потушенных.

Олег осторожно присел, замирая, и разглядел внизу двоих — русского князя и монгольского нойона.

— Говори,— сухо сказал Ярослав Всеволодович.

Бэрхэ-сэчен поклонился и торжественно провозгласил:

— Великим ханом Белой Орды [1] Бату, сыном Джучи и внуком Потрясателя Вселенной [2], послан я к тебе, великий князь киевский!

Князь молча выслушал нойона, поднялся по ступенькам к трону и уселся. Так же, ни слова не говоря, он протянул руку в приглашающем жесте: присаживайся, дескать.

Бэрхэ-сэчен замешкался, собираясь устроиться прямо на толстом ковре, но передумал — сел на лавку из золочёного морёного дуба.

— Слушаю тебя, посол,— гулко прозвучал голос Ярослава Всеволодовича.

Посол помолчал, словно раздумывая, с чего ему начать, и заговорил с чувством:

— Две зимы назад на далёкой реке Онон собрался совет-курултай, на котором монгольские ханы приняли решение идти в большой поход на запад — на булгар, на Русь, на Европу — «до последнего моря». Сами Чингизиды, прямые потомки Священного Воителя, выразили своё желание воевать, в бой идти за славой и добычей, во исполнение завета Потрясателя Вселенной...

— Потрясателя? — перебил посла Ярослав Всеволодович.— Уж не Чагониза ли ты имеешь в виду?

— Его, князь,— поклонился Бэрхэ-сэчен.— Великое почтение не позволяет мне произносить многославное и грозное имя.

Окрепшим голосом он продолжил:

— Семь туменов вышли в поход. Тумен — это тьма по-вашему, десять тысяч воинов. Поход возглавили Бату, Орду, Шейбани и Тангут, чьим отцом был Джучи, старший сын Тэмучина [3]; возглавил и наследник Джа-

---

[1] Обычно хана Батыя относят к Золотой Орде, но это спорный вопрос. Джучи, старшему сыну Чингисхана и отцу Батыя, достались в удел западные земли — Ак-Орда, Белая (или священная) Орда. Ему же были пожалованы ещё не завоёванные земли на западе. Возможно, в названии Ак-Орды заложены мистические положения китайской философии, согласно которой запад являлся священной стороной света, отмеченной белым цветом.

[2] Монголы опасались прогневить тень Чингисхана, поэтому не упоминали имя его всуе, называя то Потрясателем Вселенной, то Священным Воителем. Чингиз или Чагониз — так его называли русские, а вообще-то хан был Тенгизом.

[3] *Тэмучин, сын Есугея,*— имя того, кого позже стали титуловать как Чингисхана.

гатая, второго сына Священного Воителя, храбрый Хайдар, и внук Чингизида, Бури. Угедэй, третий сын Тэмучина, ставший силою Вечного Неба Далай-ханом всего великого народа, послал в поход Гуюка и Кадана. Меньшой сын, Толуй, отправил Мункэ и Бучека, а самый младший отпрыск Потрясателя Вселенной, Кюлькан, лично участвует в походе.

Ведёт тумены Субэдэй-багатур, полководец бесстрашный и мудрый, не познавший ни одного поражения, но завоевавший полмира. Это он, Субэдэй, опустошил земли булгар той осенью, убивая толпы народу, сжигая города Биляр, Кернек, Жукотин, Сувар... О, это была славная война! Биляр размерами своими превосходил Киев, имея шесть рядов оборонительных валов, а монголы взяли его приступом, и нету более града сего! Я сам верно и преданно служу хану в тумене славного подвигами Бурундая, молодого, но отмеченного богом войны Сульдэ. Я — тысяцкий, и говорю лишь о том, что видели мои глаза!

Великий князь киевский сидел, оцепенев.

— Эва как...— разлепил он губы.— Ты что ж, послан застращать меня?

Бэрхэ-сэчен поклонился и сказал ровным голосом:

— Великий Бату-хан желает найти в тебе, коназ, союзника.

Ярослав Всеволодович сразу ожил, закаменевшее лицо его разгладилось.

— Булгары твердят,— бодро сказал он,— что Батыга Джучиевич надо всеми князьями князь, что он владыка всех владык, а деду его, Чагонизу, будто бы покорился весь мир. Правду бают али брешут?

— Священный Воитель распространил свою власть над Китаем и Персией, Хорезмом и Самаркандом, над дикими краями Сибири и степями Дашт-и-Кипчак. Вся Русь, от Рязани до Новгорода и от Киева до Владимира, будет выглядеть как заплата на кафтане, не покрывая и десятой доли монгольских владений [1]...

Ярослав Всеволодович поднял руку и сказал нетерпеливо:

— Будем считать, что я уже устрашился и преисполнился почтения. Чего же хочет от меня Батый? Чего ждёт?

— Покорности,— ровным голосом ответил Бэрхэ-сэчен.

— Покорности?! — вскричал великий князь.

— И верности,— хладнокровно договорил монгол.

Ярослав Всеволодович растерялся даже.

— Да в своём ли ты уме, посол? — тихо прозвучал его голос.

— Коназ! — с напором сказал Бэрхэ-сэчен.— Сила грозная и несокрушимая идёт из степи! Никому не дано оказать сопротивление

[1] Монголы представляли себе Землю подобной разостланному халату, окружённому беспредельным морем.

Орде, а все те, кто пытался это совершить, обратились в прах! Вся Русь покорится власти и мощи Бату-хана, ляжет у ног великого, как покорная на-ложница. И не останется более ни одного самовластного правителя ни в Киеве, ни во Владимире, нигде! Бату-хан принесёт на Русь новый порядок — ни один коназ не займёт свой престол без позволения Орды. Править будут те, кто получит из рук хана ярлык на княжение. И ты, коназ, можешь стать первым, кто обретёт право на власть! Бату-хан хочет, чтобы ты стал великим коназом владимирским.

Ярослав Всеволодович побледнел. Да кто ж из князей не мечтает добиться власти над огромным и богатым Владимиро-Суздальским княжеством! По сравнению с Владимиром даже Киев малозначим и беден!

— А не забывает ли хан Батый о сущей мелочи? — вкрадчиво спросил князь.— Ведь во Владимире правит Юрий Всеволодович, великий князь!

— Орде не нужен Юрий,— надменно ответил Бэрхэ-сэчен,— Орда желает видеть великим князем Ярослава.

Ярослав Всеволодович откинулся на спинку трона, испытывая томительную муку выбора,— лицо его попеременно выражало страх, сомнение, надежду.

— Эва как... Допустим, я соглашусь,— сказал он.— Сохраню ли я тогда Киев?

— Сохранишь, коназ. А сын твой княжить будет в Новгороде. Так ты подчинишь своей власти почти все земли русские!

Князь встал с трона, спустился по ступенькам, заходил нервно.

— Хорошо,— сказал он,— согласен! Что я должен делать?

— Ждать, коназ.

— И долго?

— До глубокой осени. А затем двигайся на север, в Новгород, убеждай сына признать власть Бату-хана. Посланцы хана Угедэя уже склонили Александра Храброго на сторону Орды, но не лишним будет и слово отеческое...

— Это мне понятно, но... Если я покину Киев, то его сразу же займёт князь Михаил!

— Займёт,— спокойно согласился Бэрхэ-сэчен.— Но ненадолго.

— Хм... Когда и где я увижу хана Батыя?

— Вы встретитесь зимою в Шеренском лесу[1]. Если ты, коназ, не изменишь хану, то получишь ярлык.

— А что получит Орда?

---

[1] Местонахождение Шеренского леса нельзя указать точно, лишь приблизительно — на границе нынешних Ярославской и Тверской областей.

— Десятину.
— Всего-то?
— Рядом с жадностью нет места мудрости...
— Договорились!

Олег Сухов осторожно распрямил затекшие ноги и двинулся обратно. Добрался до дверцы, просунулся на лестничку, спустился в коридор. Он совершал все эти движения чисто механически, не думая, потому как в голове гремели подслушанные слова.

Господи, ещё война толком и не началась, а захватчики уже договариваются с будущими предателями! Или князь — не иудиного племени? А как тогда назвать человека, согласного сотрудничать с оккупантами? Или всё это громкие слова? Разве у Ярослава Всеволодовича выбор есть? Ну, откажется он, не будет покорен и верен Орде, так те другого найдут! Хотя нет, ордынцы уже года два засылают шпионов на Русь, всё выведали, что нужно. И знают точно, на кого им ставить. Видать, Ярослав у них давно уж в разработке... И разве плохо хоть как-то вместе собрать земли Владимира, Киева и Новгорода, трёх столиц русских? Хоть как-то привести их к единству?..

...Подставив разгорячённое лицо ветру, задувавшему в окно, Олег закрыл глаза, приводя себя в зыбкое равновесие. Со вздохом отерев лицо, он посмотрел с горы на Днепр, за реку, на восток, где занималась заря. Оттуда, из туманной дали Великой степи, прихлынут несметные полчища, рассеют русское воинство, разорят города и веси, закабалят на века.

— Да и чёрт с вами со всеми,— пробурчал Сухов и с треском захлопнул тяжёлые ставни.

Глава 8,

В КОТОРОЙ ОПЯТЬ ВЛАСТЬ МЕНЯЕТСЯ

Наступило лето. Навалилась жарень. Олег то и дело выходил к реке — потоптаться босыми ногами по горячему песочку, по хрустким ракушкам, бултыхнуться в воду, смывая с себя пыль, пот, тревоги. Но вот выберешься на берег — и снова тобой овладевают беспокойные мысли.

Никто: ни боярин, поставленный заведовать перевозом на Днепре, ни рыбак, удивший сига на Волхове, ни купец, одолевавший Волок Лам-

ский [1],— никто не ведал, что ждёт их всех совсем скоро, поздней осенью, зимой и весной. Сухов знал — и что ему прикажешь делать со своим знанием?

А жизнь продолжалась, шла себе помаленьку — поскрипывало водяное колесо у Пасынчей беседы, глухо воркотали жернова, перемалывая зерно. Каждое утро начиналось с петушиных криков и пронзительных звуков свирели — это пастухи собирали коров со всей улицы и вели стадо за город, на пастбища.

Чёрные пашни подёрнулись зеленью всходов, подросли злаки, заколосились, зажелтели — приспело. Девки, подвернув понёвы [2] «кульком», вышли в поле с серпами, колосок к колоску собирая в снопы.

А после и леса желтизной тронуло. Облетела листва, холодом потянуло, лужи стало ледком прихватывать. Задубела земля, ударили морозы. Повёл отсчёт дней ноябрь, приближая зиму.

Великий князь Ярослав Всеволодович нервничал всё сильнее, всё раздражённей становился, а однажды утром успокоился. Велел в поход собираться.

Тысяцкие да сотники роптали недовольно — и куда это князю нашему вдруг приспичило? Зима на дворе, а он нас с тёплых мест срывает! Один лишь воевода Олег Романыч понимал, что движет князем, но молчал. Как мог, утешил Олёну, вскочил на коня, да и повёл свой полк куда велено.

Князь отъезжал на любимом своём белом коне. Он был в кольчуге и в шлеме, с новгородской распашной шубой на плечах. Длинные рукава её болтались на ходу, хотя вшиты они были больше для красоты — шубу носили внакидку. Задумчив был Ярослав Всеволодович, рассеян и мрачен.

Киевляне высыпали на улицы, провожали князя хмурыми взглядами, воздыхали да плакали — не потому, что жаль им было расставаться с Ярославом Всеволодовичем. Просто понимали люди, что грядёт новая власть — всенепременно князь галицко-черниговский заявится. И опять им терпеть поношения да поборы, а всех разве накормишь? Известное дело: утробы княжьи — ненасытны.

— Только устроишься, и на тебе,— брюзжал Пончик, часто оборачиваясь, словно силясь запомнить городские пейзажи Киева.

— А что изменилось? — возразил Олег, оседлавший савраску.— Ты как был этим... лейб-медиком, так ты им и остался. Состоишь при особе великого князя. Чего тебе ещё?

— Да неохота мне переться чёрт-те куда! Опять есть из общего котла, спать, где положат, и не помыться, не побриться! Угу...

---

[1] Волок из реки Лама в Волошню, приток Рузы. Ныне — город Волоколамск.

[2] *Понёва* — запашная юбка, полагавшаяся девушкам по достижении известного возраста и носившаяся поверх рубахи. Имела разрез спереди, из-за чего прозывалась разнополкой. Шили понёвы, в основном, из суконной ткани в клетку, причём размер клеток обозначал площадь земель, находившихся во владении семьи.

— Ты же в курсе, куда мы едем,— утишил голос Сухов.

— Да в курсе я...— буркнул Пончик.— Угу... До сих пор не могу поверить, что великий князь так под великим ханом прогнулся...

— Ярослав — подлый, хитрый, коварный, беспринципный тип, то бишь настоящий политик. Прогнулся... А что ему оставалось? Сам не прогнёшься, так тебя силком в три погибели скрючат!

— Ох, не знаю...

— Узнаем.

От войска Ярослава Всеволодовича осталось едва ли тыща народу — новики Олеговы, переяславцы да дружинники Акуша. Новгородцев князь тоже отправил по домам, не забыв наградить за службу. Правда, Акуш обещал призвать половцев своего дядьки, солтана Китанопы, но тех ещё уговорить надо было — степняки тоже не испытывали особой любви к перемене мест накануне зимы.

Воинство переправилось через Днепр и выступило в дальний поход.

Ярослав Всеволодович вёл своих людей не прямо на север, а склоняясь к востоку, так, чтобы пройти землями
Черниговского княжества. Ведь ясно же, что Михаил обязательно займёт Киев! Так хоть нагадить напоследок государю галицко-черниговскому!

Уневеж, Всеволож, Блестовит, Хоробор, Болдыж, Кромы — всем досталось. Сам Чернигов войско обошло, а вот с городишек малых и окупы взимали, и брали всё, что нравилось,— отборное зерно на корм лошадям, «мясо, млеко, яйки».

— Это что...— вспоминал Акуш, жмурясь от приятных воспоминаний.— Вот лет шесть тому порезвились мы так порезвились — с размахом! Тогда Ярослав Всеволодович собрал полки со всех волостей своих, в набег пошёл на Михаила Всеволодовича. Серенск мы тогда пожгли, весь север Черниговщины опустошили! Да-а... Они тогда вместе с Даниилом Романовичем взялись князя черниговского извести. Да, союзниками были Ярослав наш с Данилой. У них же жёны — сёстры родные, обе — дочери Мстислава Удатного. То ещё бабьё... Змеищи! Паскудные — страсть!

— Вот и сбегают от них мужья,— усмехнулся Олег.— Отдыхают, воюя.

Акуш расхохотался, а Сухов с любопытством присматривался к этому половцу, что сумел узду накинуть на княжьих дворян. Летом окольничий не вредил ему никак, а по осени помирился даже. Особой приязни к бывшему вражине Олег не испытывал, дружбы с ним тоже не водил, но приятельствовал — чего зря-то беса тешить?

Ранним утром войско вышло к Оке, и Акуш напомнил князю о своём обещании призвать бойцов Китанопы. Ярослав Всеволодович кивнул и обратился к Олегу:

— Бери, Романыч, своих и дуй за Акушем. Сколько выделит Китанопа сотен, столько и приведёшь. Под твоей рукой будут, вот и поглядишь, чего товар стоит. Будем вас в Дебрянске ждать. Ступайте!

— Слушаю, княже,— поклонился Сухов.

Не мешкая, он окружил себя полусотней Олфоромея и припустил за окольничим — тот взял с собой Сатмаза да сотню половцев в полном боевом облачении. Сам Акуш щеголял в кожухе, в тёплых шароварах с лампасами и в бесформенной меховой шапке со свисавшими на спину лисьими хвостами.

— Я с тобой! — послышался заполошный крик Пончика, и «лейбмедик» догнал Олега, вызывая добродушные смешки ополченцев.— Что я один-то делать буду? Угу...

— А кому ж о здоровье княжьем печься?

— Да чего о нём печься? Здоровый же бычара, ни одна зараза его не берёт! Угу...

— Ладно, поехали.

И они поехали. Налегке, без обоза и долгих остановок, кони домчали «призывную комиссию» до реки Воронеж на второй день.

— Дядька стоит под Чёрным лесом,— махнул Акуш плетью, указывая направление.— Это рядом совсем, обедать будем уже в становище!

Лес действительно был тёмен и непрогляден. Окружённые со всех сторон степью, деревья будто сплотились, теснясь и сплетаясь ветвями. Тут, рядом с понятной ему чащей, Олегу стало спокойней — это в степи спрятаться негде, а лес укроет, не выдаст.

— Пришли,— сказал окольничий. Вложил два пальца в рот и пронзительно свистнул.

И тут же из леса повалили всадники на конях степной породы, но не половцы — на всех долгополые бараньи шубы мехом вверх и шаровары из конской кожи шерстью внутрь, на головах остроконечные собачьи малахаи с наушниками и назатыльниками, и ноги в тепле — в сапогах-гутулах, выстланных войлоком.

Акуш тотчас же выхватил из-за пазухи круглую золотую пластинку, блеснувшую тремя рубинами, и воздел над собой. Конники почтительно объехали его и ринулись на полусотню Олега. Они мчались, крича: «Кху-кху-кху-кху!» — и налетели, сверкая надраенными доспехами, блистая начищенными саблями.

«Подстава!» — мелькнуло у Сухова. Он почувствовал бешеную, жестокую ярость, рвущуюся из него, и выхватил меч. Никогда прежде он не бросался в бой, испытывая только ненависть. Всегда и страх был, и опаска. А сейчас он не боялся. Совсем. Одна палящая злоба клокотала в душе, рождая лишь одно желание — убивать. И Олег убивал.

Ближнему из всадников, затянутому в грязную шубейку, он отсек руку, державшую саблю, а после вспорол живот. Кочевник выпучил раскосые глаза, и Сухов сбросил его с седла — корчиться и умирать в заиндевевшей траве. Развернулся, чтобы отбить саблю, ударившую справа. Противник его на чалом коне заверещал, скаля жёлтые зубы, и, прикрываясь щитом, плетённым из лозы, махал и махал своим клинком, да с оттягом, рубил и рубил. Неожиданно Олег раскроил круп чалому — конь вздыбился от боли, а всадник открылся. И тут же рухнул на мёрзлую землю, обливаясь кровью из подрубленной шеи.

Затравленно оглянувшись, Сухов увидел сотни воинов, съезжавшихся отовсюду, чтобы поспеть к зрелищу, визжавших, вывших на все голоса, улюлюкавших, круживших вокруг да около, натягивавших тетивы убойных степных луков. Ополченцы его гибли десятками — гудевшие стрелы пробивали тела навылет, пуская кровавые фонтанчики. Один Олфоромей ещё держался, крутясь вьюном, отбиваясь и огрызаясь.

Волосяной аркан упал на Сухова, мгновенно стягивая руки, сбивая дыхание, лишая меча. Могучий рывок — и Олега сдёрнуло с седла, бросило наземь и поволокло.

Он поднял глаза к шатавшемуся небу, ожидая резкой боли от калёных жал, но так и не дождался — чей-то голос, гортанный и властный, выкрикнул короткий, как резкий выдох, приказ.

И косоглазые всадники моментально остановились, осаживая лошадей, а то и поднимая тех на дыбы, освобождая широкий проход командиру, восседавшему на великолепном белом коне.

Это был Бэрхэ-сэчен. Его голову украшал позолоченный шлем с пучком пушистых перьев цапли, чешуйчатый панцирь-куяк тускло взблескивал на солнце, сабля в серебряной оправе позванивала о стремя.

— Вот и встретились,— усмехнулся монгол. Повернув голову к Акушу, не таившему злобного торжества, он церемонно кивнул: — Благодарю тебя.

Половец осклабился.

— Провожать врага на казнь,— сказал он,— это радость, минган-у-нойон [1].

Сухов устало перекатился, вставая на колени, с трудом поднялся с земли, кое-как ослабил петлю, стащил её с себя, переступая по очереди ногами — и незаметно вытащил засапожный нож.

— Убить врага самому,— медленно выговорил он,— радость куда большая.

И метнул клинок. Нож пронзил окольничему шею, войдя по рукоять. Акуш захрипел, выгнулся, хватая руками воздух, и упал, вытянулся, испуская дух.

---

[1] *Минган-у-нойон* — тысяцкий, командир тысячи воинов в монгольском войске.

Бэрхэ-сэчен отдал резкий приказ, указывая на Олега. Сухов в отчаянном прыжке метнулся к трупам убитых им монголов, кувыркнулся, подхватывая саблю, но уже натянулись тетивы луков, загудели, запели песню смерти...

— Ха![1] — гаркнул чей-то басок, и опустились луки, вторижды уберегая Олега от смерти. Лицо Бэрхэ-сэчена перекосила злобная гримаса, но и он не посмел ослушаться.

Воины поспешно разъехались, пропуская худущего, длинного как жердь человека, с лицом цвета луковой шелухи.

В каждом движении длинного, в посадке головы, во взгляде читалось властное превосходство. Нетерпеливо махнув плетью, он послал к Олегу пожилого, но крепкого степняка в цветном войлочном клобуке с меховыми отворотами и в тулупе, обшитом красными тесёмками.

Степняк подъехал, сохраняя дистанцию, и заговорил на половецком:

— Достопочтенный Бурундай спрашивает, кто ты такой?

Сухов выслушал его и ответил:

— Меня зовут Олег, сын Романа.

Половец понял его корявую речь.

— Зачем ты убил воинов великого хана? — спросил он.

— Они напали. Я их убил. Ты тоже хочешь умереть?

— Не надо, Олег! — взмолился Пончик, вырываясь из цепких рук.— Они убьют тебя! Это ж монголо-татарское иго!

Сухов пожал плечами, но саблю опустил.

— Брось саблю! — скомандовал половец-толмач.

— Пожалуйста! — добавил Александр дрожащим голосом.

Сухов покачал саблю в руке — и разжал пальцы. Клинок с шорохом погрузился в слежавшуюся траву.

Бурундай заговорил спокойно, без тени гневливости. Сухов ничегошеньки не понял, но половец угодливо поклонился начальнику и перевёл:

— Слово достопочтенного таково: ты убил великих воинов, Таргутай-Кирилуха и Шихи-Хутага. Значит, ты и сам багатур. Будешь ли верно служить великому Бату-хану, Хельгу, сын Урмана?

Олег посмотрел на хмурое серое небо и подумал, до чего же ненастье подходит его несчастью... В масть.

— Буду,— твёрдо сказал он.

---

[1] *Ха!* — Стой! (Монг.)

Часть вторая

НАШЕСТВИЕ

Глава 9,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ СНАЧАЛА ПОЛУЧАЕТ ПОДАРОК, А ПОСЛЕ ТЕРЯЕТ ЕГО

...Осенняя степь, бурая под нависшей хмарью, белёсой и серой, вселяла бесприютную тоску. Вселяла бы, останься Олег наедине с нескончаемым простором, но теперь он волей-неволей стал нукером [1], боевой единицей степного воинства, а в орде от коллектива не очень-то оторвёшься.

Сухов вздохнул. Опять он всё утратил — друзей, положение, всё, что нажито непосильным трудом... Даже меча его лишили. И шубу спёрли, и кольчугу сняли. Хорошо хоть коня не отобрали — этого добра тут навалом. Табуны!

Сухов снова испустил тяжкий вздох. Да разве в том горе, что ему холодно без шубейки? Олфоромея жаль. Упорствовал Лысун, не стал кумиру, изображавшему Великого Чингисхана, поклоняться и обряд очищения пройти тоже отказался. Там и надо-то было меж двух костров пройти, ан нет. «У вас своя вера,— спокойно заявил ополченец,— а у нас своя. Вы бесам кланяетесь, а мы Богу молимси». И зарубили Олфоромея...

Пончика в невольники записали, но за него Олег не переживал особо — этот везде устроится. Понч только с виду хлюпик да нытик,

---

[1] *Нукер* — «друг», воин (*монг.*).

по натуре же своей он хитёр, просто прибедняться любит. А вот за Лысуна сердце щемило...

Сухов даже продолжительные диалоги вёл сам с собою, доказывая тени Олфоромеевой: не потому я, дескать, к хану служить пошёл, что забоялся. Нету во мне страха. «А почему тогда?» — допытывался Лысун, сгинувшая душа христанская. «Так сразу и не скажешь, очень сложно всё... И очень просто». Проще некуда...

Он искал управу на князей, и он её нашёл — тумены пройдут по всем землям русским, безжалостно истребляя непокорных, милуя покорившихся — и облагая данью. И накладывая запрет на междоусобные разборки. И принуждая выпрашивать ярлык на княжение. И приставляя к князьям наместников-баскаков. Что, унизительно сие? А пускай! Так им и надо! Как Владимир Святой насаждал новую веру? Огнём и мечом! И правильно — иного способа скрепить Русь общим порядком да единым законом не найти...

...Олег вывел коня на вершину плоского холма. Савраска охотно подчинился, балуясь и фыркая. Игривый ему достался скакун...

Сощурившись, Сухов осмотрелся. Куда ни глянь, везде люди, люди, люди... Пешие и конные, простые нукеры и важные нойоны, пастухи-харачу и рабы-боголы, жёны воинов с детьми на повозках-тэргэн и суетливые возницы, погонявшие волов, резко вскрикивая: «Ач! Ач!»

Сотни костров горели по степи, вознося чад к серому небу, и словно соединяли земное с вышним. Тысячи юрт покрывали степь, будто пупырышками, белыми, бурыми, чёрными. Ржали кони, кричали верблюды, мычали коровы.

Семь туменов шли воевать Запад, шли покорять русские княжества — разобщённые уделы, погрязшие в распрях.

Знатнейшие царевичи-кюряганы, виднейшие полководцы вели сильнейшее в мире войско, направляя на запад множество племён, накрепко спаянных железной дисциплиной и суровыми законами. Степняки, горцы, лесовики, а все вместе — монголы, что значит — «побеждающие».

Белая Орда, предводительствуемая Бату-ханом, неторопливо и неотвратимо наступала, продвигаясь к дальним границам княжества Рязанского.

Олег подышал на пальцы, разминая суставы. Прижал ладонь к уху. Холодина какая... Стёганый гамбезон грел плохо, да и ноги мёрзли отчаянно.

— Ой-е,— послышался насмешливый голос,— совсем заколел багатур!

Сухов с трудом развернулся в седле. На него, склонив голову к плечу, смотрел давешний толмач, старый рубака из половцев, восседавший на верном гнедке.

На толмаче был шлем из толстой бычьей кожи, обложенной узкими железными полосками, начищенными до блеска. Шлем был напялен на лисий малахай — его длинные наушники куман [1] завязал сзади. Чешуйчатый куяк, сплетённый из прочных ремней, туго обтягивал грудь и плечи; на голубом шёлковом поясе спереди висел нож с серебряной чеканной рукояткой, сбоку — кривая сабля в зелёных ножнах, украшенных медными кольцами; носки замшевых гутул упирались в бронзовые фигурные стремена; к седлу был приторочен саадак для лука, расшитый цветными нитками.

— Д-да,— согласился Олег,— не душно.

— Пошли,— скомандовал толмач и повернул коня.

Сухов, не спрашивая, куда и зачем, двинулся следом. Савраска фыркнул довольно, то ли радуясь движению, то ли предвкушая угощение.

— Я арбан-у-нойон [2] в тумене Бурундая,— сообщил половец деловито,— будешь служить под моим началом. Правила простые — внимание и повиновение! Я приказываю, ты исполняешь. Я посылаю в бой, ты побеждаешь врага. Если струсишь и побежишь, тебя зашьют в воловью шкуру и оставят в степи. Это смерть медленная. Или попросту сломают хребет — это смерть быстрая.

— Я не побегу,— серьёзно сказал Олег.

— Верю,— кивнул арбан-у-нойон и неожиданно спросил: — Ты орос, Хельгу?

— Орос,— признал Сухов.— Только я уже лет двадцать как тут не живу.

— Неважно сие — орос везде орос. Можешь называть меня Изаем Селуковичем — это моё имя. Так меня крестили.

— Ты христианин?

— Есть маленько... Двадцать зим назад я служил у Ингвара Игоревича, князя рязанского. Ва-вай... Крещёные все, а хуже поганых нехристей. Помню, был случай — князья Глеб и Константин Владимировичи пригласили на «почётен пир» в село Исады пятерых своих двоюродных братьев и одного родного, Изяслава. И всех их зарезали. Ингвара Игоревича тоже звали, да он не поехал. Оттого и уцелел.

---

[1] *Куманы* — самоназвание половцев.

[2] *Арбан-у-нойон* — десятник.

И стал князем рязанским. Ему наследовал сын Роман, потом его сменил брат Юрий... Почему и как сменил, не знаю — два года тому назад князь Ингвар помер, а я ещё раньше покинул Рязань, к становищам ушёл. А Юрий Ингваревич до сих пор княжит...— Половец вздохнул, покачал неодобрительно головой.— Всё делят и делят Рязань бедную, никак поделить не могут. Уже на десять уделов расчленили княжество, а им всё неймётся — рубят и колют друг дружку, травят, слепят... Подсылают убийц, держат в залоге женщин с детьми, нарушают крестное целование... Города берут, девок портят, людей побивают без счёту, грабят, а что унести не могут, жгут... Хуже всякого вражья княжьё русское [1]! Потому я и ушёл в степь ...

— И как? Лучше в степи?

— Порядку больше. Яса [2] Чингизова всех струнит — и нукеров, и ханов. Орда не за кровью идёт, а за данью. Дашь им — и отступятся, не дашь — силой возьмут, перебьют всех, кто против. Зато Яса пытать не велит...

— Изай Селукович,— усмехнулся Олег,— что ты меня всё уговариваешь?

— А я тебя не уговариваю,— строго сказал половец,— я душу твою заговариваю, чтоб не болела зря. Знаю я вас, оросов...

Изай спешился у небольшой юрты, крытой чёрным войлоком, и бросил поводья подскочившему агтачи — конюшему. Отворив деревянную резную дверь, он махнул Сухову рукой — заходи, мол, да поживей.

Оставив саврасого на попечение агтачи, Олег вошёл в юрту, раздвигая дверной полог. Под ногою заскрипел порожек.

— Запомни,— сказал арбан-у-нойон назидательно,— наступать на порог юрты — это тяжкое оскорбление хозяину.

— Извини...— пробормотал Сухов.

— Ничего, переживу.

В юрте было тепло, в очаге горел огонь, под ногою прогибались толстые войлока. Шёлковая занавеска-перегородка была отдёрнута, не пряча постель, застеленную одеялом из верблюжьей шерсти. Жерди-уни ничем не покрывались изнутри, всё было по-простому, по-походному, а на крюке, поближе к огню, висела попона-потник, добавляя жилищу вони.

---

[1] Заметим, что не в одном лишь Рязанском княжестве творился беспредел, так было везде, во всех землях, кои лишь Иоанн Васильевич, прозванный Грозным, скрепит в единую Русь. А на её северо-востоке, куда и пришёлся главный удар Батыя, лишь один 1235 год вписан в летопись так: «Мирно бысть...»

[2] *Яса* — «Запреты». Собрание высказываний Чингисхана; нечто среднее между сводом законов и цитатником.

На маленьком коротконогом столике стояли две чашки с кумысом и медная тарелка с желтоватыми лепёшками сушёных молочных пенок и рассыпчатым творогом.

— У меня сегодня лишь «белая еда»,— сказал Изай,— зато она не тяжелит.

Пройдя к дальней стенке, он ухватился за пару тюков и вытащил их на свет. Порывшись в одном, половец вынул синюю шубу и швырнул под ноги Олегу.

— Одевайся! Как добудешь что получше, вернёшь.

Добавив к «приданому» меховые штаны, гутулы и заячьи носки, Изай сунул руку во второй тюк, с мехами, и достал оттуда малахай. Сухов не стал кочевряжиться — скинув гамбезон, переоделся в «зимнюю форму». И быстро согрелся.

— Хорошо...— вздохнул он, присаживаясь на груду кошм.— Тепло...

Арбан-у-нойон хмыкнул только и подбросил в огонь сухого кизяка — к дымогону поплыла сладковатая гарь.

— Саблю я тебе тоже выделю,— сказал он,— а вот лишних броней не держу, будь добр, сам их добудь, с бою возьми.

— Возьму,— твёрдо сказал Олег и поинтересовался: — Изай Селукович, а кто над вами поставлен? Кто тут сотник, кто тысяцкий?

Куман кивнул и ответил:

— Сотней Эльхутур командует, молодой, да ранний. Такой не просит, такой говорит: «Давай, да побыстрей!» И попробуй скажи ему что поперёк — мигом пожалеешь, что не страдаешь немотой! Не дурак, но умом не остёр, сотник — его законное место. Скажут ему — нападай на тысячу врагов и победи! Нападёт и победит. А вот сам думать не привычен, Эльхутуру приказ надобен.

Вот тысяцкий наш, Бэрхэ-сэчен, иначе устроен. Бэрхэ-сэчен умён, но разумом лисицы. И бережлив, не позволит бойцам умирать зазря, по нужде только. Вот и исхитряется Бэрхэ-сэчен, чтобы этой нужды не возникало. А уж темник наш, Бурундай-багатур, почти что догнал самого Субэдэя — видит далеко, думает наперёд. У врага ещё только появляется желание, а Бурундай уже предвосхищает его. Правда, неосторожен он, не таит мыслей своих, говорит, как режет, а всем ли правда удобна? Слишком острый клинок плох тем, что иногда прорезает свои ножны... Ты мне лучше ответь, чего это на тебя так Бэрхэ-сэчен взъярился?

— Точно не знаю, но догадываюсь. Если я откроюсь, обещаешь ли сохранить в тайне сказанное?

Изай молча вытащил нательный крестик и поцеловал его.

— Ведомо тебе,— сказал Олег,— что тысяцкий послом был?

— Наслышан.

— А насчет того, что Гуюк-хан тоже слал своих людей к князю киевскому, известно ли?

Изай с интересом посмотрел на Олега.

— Не знал о том,— сказал он,— но не удивляюсь. Хан Гуюк гневлив и мнит себя царём в степи, даже слово Бату ему не указ.

— Гуюк-хан направлял в Киев сначала одного посла, потом другого. И обоих Бэрхэ-сэчен убил.

— Ого!

Половец нахмурился, покачал головой.

— А я ещё и пожурил его за это...— досадливо сморщился Сухов.— Хватило ж ума!

— Если об этом прознает хан Гуюк...— протянул арбан,— то он призовёт своих китайских палачей, и те предадут Бэрхэ-сэчена изощрённой казни. И никто не спасёт тысяцкого, даже Бату-хан, ибо жизнь посла священна! Да-а, Хельгу, трудно тебе придётся... Чую, не отстанет от тебя Бэрхэ-сэчен, пока не сведёт в могилу!

— А это мы ещё посмотрим,— пробурчал Сухов.

После продолжительного молчания он сказал:

— Изай Селукович, научите меня монгольскому.

Половец не удивился просьбе, кивнул одобрительно.

— Правильно мыслишь, а то так и останешься джадом — чужаком. Ну, речь половецкую ты разумеешь, а здесь все ею пользуются. Однако, ежели ты не желаешь всю жизнь в нукерах проходить, то язык Чингисхана знать надобно — на другом с тобою ни нойоны, ни ханы разговаривать не станут... Это,— сказал Изай, подбирая щепотью сушеный творог,— хурут.

— Хурут,— повторил Олег.

— Это...— половец хлопнул по доспеху.

— Куяк! — ввернул Сухов.

— Худесуту хуяг,— поправил его арбан и щёлкнул по шлему: — Дуулга.

— Дуулга.

Указав на щит, висевший на вогнутой стене, Изай выдохнул:

— Халха.

— Халха.

Половец потянул саблю из ножен:

— Хэлмэ!

— Хэлмэ... Сабля — хэлмэ или ножны?

— Сабля,— подкинув нож, Изай назвал его: — Хутуг.

— Хутуг.

Арбан дотянулся до ножен с мечом и постучал ногтём по рукоятке:

— Мэсэ. Меч, значит.

— Мэсэ.

— Лук — номо.

— Номо.

— Стрелы — тумер булсуу.

— Тумер булсуу.

— Топор — алма хунэ.

— Алма хунэ.

— Булава — гулда.

— Гулда.

— Копьё — жада.

Повторить Сухов не успел — за стенами юрты гулко забили барабаны. Подняли хриплый вой длинные кожаные трубы-карнаи, и чей-то пронзительный голос завопил:

— Дэр-халь! Хош-халь!

— «Сейчас и повеселее»,— перевёл арбан-у-нойон, торопливо поднимаясь с места.— Сбор!

Изай стремительно покинул юрту, Олег поспешил за ним следом. Агтачи бегом подвёл коней.

— Хельгу, неси попону! Живо!

Сухов метнулся в юрту и вынесся обратно, держа в руках нагретый потник — пусть коню будет приятно.

Олег потрепал саврасого по холке, будто извиняясь, и положил на его спину ненагретую попону — негде ему пока греть. Поверх попоны — чепрак, отороченный бахромой из мягкой кожи, на чепрак — седло с крутыми луками, окованными бронзовыми узорными пластинами, с бронзовыми же стременами. Затянув подпругу, снял оброть [1] и надел уздечку, плетённую из узких ремешков. Готов к труду и обороне.

А вот Изаю Селуковичу приходилось решать ту же задачу в два действия — его гнедому тоже полагался доспех. Надо было скрепить на спине коня две обширные боковины из толстой кожи, опускавшиеся ниже колен, за седлом увязать накрупник, спереди — нагрудник с нашейником, а на голову гнедку конскую маску надеть.

Олег приметил, что Изай сам собирался в поход, исполняя все воинские повинности, а вот юрту сворачивали боголы арбана. Разделение труда.

---

[1] *Оброть* — конская уздечка без удил, с одним ремнём.

Пока половец споро затягивал ремешки, собрался весь его десяток — крепкие парни в поперечно-полосатых куяках, расписанных зелёными, розовыми, красными, оранжевыми красками и украшенных вышивками. Нукеры никогда не мылись, но и не воняли особо, от них шёл запах дыма и мускуса. Изай крикнул им что-то непонятное, и те стали представляться по одному:

— Хасар! Джарчи! Судуй! Чимбай! Тайчар! Курух! Хуту! Итурген! Алтан! Джельмэ!

Олег вскочил на саврасого и громко отрекомендовался:

— Хельгу!

Трое или четверо из десятка дружелюбно оскалились, остальные хранили каменную непроницаемость. Сухов, правда, не шибко-то и расстроился — новичков нигде особо не жалуют. Ничего, стерпится-сдружится...

Показался сотник Эльхутур, за ним следом ехали барабанщик с двумя барабанами, трубач с рогом на перевязи и щитобоец с большим медным щитом-гонгом.

Придирчиво проверив, в порядке ли оружие у его подчинённых, Изай взлетел в седло и махнул рукой: за мной! Десяток потрусил следом за командиром. Олег завертел головой. Десяток? Сотни, тысячи, десятки тысяч стронулись с места! Женщины с пронзительными песнями разбирали юрты, сворачивали войлоки, сдвигали косые решётки и вьючили всё это на верблюдов, вместе с медными котлами, железными таганками и чувалами с пожитками. Одноколки-тэргэн скрипели нещадно громадными колёсами, несчётные табуны топтали степь, поднимая тучи пыли, смешанной с сухим снежком.

Вся орда порысила, покатилась, понеслась на север, следуя напрямки «аяном» — «волчьим ходом», ускоренной тропотой [1].

Время «Великого приказания» пробило, начиналась война.

Хмурым ноябрьским утром вышли тумены на берег реки Воронеж, обтекавшей край Чёрного леса. Никто не ждал, что ордынцы вообще способны не вольной степью скакать, а пробираться извилистыми лесными тропами. Но так и случилось — войско Бату-хана скрытно подошло к пределам княжества Рязанского. Правда, те же половцы считали всю южную половину княжества своими исконными владениями, ибо степь продолжалась в этих пределах, степь, хоть и с частыми рощами да чащами, сил не имевших скрепиться в непролазные

[1] Неправильная конская рысь.

дебри. И эта лесостепь тянулась до самой реки Прони, вот её-то куманы вполне справедливо считали границей владений рязанцев. Оттого и воевали с княжеством. Воевали часто, ещё чаще мирились — князья замуж брали дев-половчаночек, а воины-куманы частенько службу несли у разных Всеволодовичей да Романычей.

Однако подчиниться ханам из Орды им было куда как вольней — свои всё ж, как ни крути. Степная кровь. Хотя как раз воли Батый половцев лишил — в его воинстве только он один был волен, все же прочие были повязаны жесточайшей дисциплиной. А дабы лишний раз убедиться в верности призванных куманов, булгар, буртасов и оросов, Бату-хан прямо на берегу Воронежа потребовал от «новиков» принести ему клятву верности. Новобранцы не возражали, сочтя это делом обычным — и правом хана.

«Новики» выстроились на обширном лугу, сошли с коней и склонили головы. Олег находился тут же, оглядывая исподлобья тех, кто будет биться с ним в одном строю.

Сдержанным гулом поднялись голоса, повторявшие присягу:

— Передовым отрядом преследуя врагов... мы будем доставлять тебе... пригонять тебе прекрасных дев и жён... дворцы-палаты, холопов, прекрасноланитных жён и девиц... прекрасных статей меринов. При облавах на дикого зверя... будем выделять тебе половину, брюхо к брюху. Одиночного зверя тоже будем сдавать тебе брюхо к брюху сполна... сдавать, стянувши стегна.

— В дни сечи, если мы в чём нарушим твой устав...— выговаривал Олег, присоединяя свой голос к могучему хору,— отлучай нас от наших стойбищ, жён и женщин... чёрные холопские головы наши разбросай по земле, по полу. В мирные дни, если нарушим твой мир-покой... отлучай нас от наших холопов, от жён и детей... бросай нас в бесхозяйной, безбожной земле.

Бату-хан, восседавший на белом коне, дослушал клятву, а после поднял руку и возгласил своё слово.

— Когда пределы земель урусов будут очищены от смутьянов,— прокричал толмач перевод,— и всё, что уцелеет от меча, преклонит голову перед начертанием высшего повеления, все вы возвыситесь! Но помните крепко: если из вашего десятка в бою бежит один, или двое, или трое, или даже больше, то все десять будут умерщвлены! Точно так же, если один, или двое, или больше смело вступают в бой, а десять других не следуют, то их также умерщвляют! А если из десяти попадают в плен один или больше, другие же товарищи не освобождают их, то они также умерщвляются!

Хан опустил руку. Тишина опустилась на поле, и тогда вперёд вышел грузный, волочивший ногу Субэдэй-багатур, воспитатель-аталык Батыя, и выхватил нож, острый как бритва. Новобранцы уже знали, какую причёску носят в монгольском войске, и дружно скинули меховые колпаки и башлыки. И принялись друг друга оболванивать.

Здоровенный булгарин-великан, улыбаясь не по росту робко и просительно, обрил Олегу макушку наголо, спереди оставляя клок волос, состриженный до бровей, а два клока по бокам головы заплел, закрывая обзор по сторонам — чтобы воин даже думать не смел, что происходит сзади, а двигался только вперёд.

Бритьё всухую причиняло боль, но Олег всё же улыбнулся невольно, угадывая в стрижке сходство с «полубоксом» далёкого детства. Улыбка, впрочем, быстро пропала — причёска сама по себе была клятвой...

Кряхтя, он отряхнул с себя состриженный волос и сказал великану:

— Наклонись, а то я не дотянусь до твоей башки!

Булгарин слов не понял, но красноречивым жестам внял — и склонил свою голову...

А вскоре по степи разнеслось протяжное:

— Дэ-эр ха-аль! Хо-ош ха-аль!

...На правом берегу реки Воронеж, на мысу, стояла невеликая крепость Онуза, передовой форпост княжества Рязанского на границе леса и степи, пажитей и Дикого Поля. Не шибко высоко задирались бревенчатые башни, крытые тёсом. Стены, рубленные из дуба, почернели от дождей.

Три глубоких рва окружали Онузу, два ряда валов вставали на пути ворога. Поближе к крепости тулился посад — избушки вразброс. Редкий лес дымов поднимался к провисшему небу серыми косицами, расплетавшимися в сизое облако.

Первый снег уже выпадал — он лежал белыми заплатами на чёрной пашне, оттеняя недалёкий тёмный лес, подступавший к частоколу, ограждавшему посад.

Небо приспустилось серой пасмурой, будто грязная пена с хлябей горних протекла, да и застыла, подмёрзнув.

В чистом студёном воздухе звуки разносились далеко. Вот колко ударил топор, разваливая полено. Глухо замычала корова. Злобно взлаяла собака — и завизжала, получив хозяйского пинка.

Олег всматривался и вслушивался, стоя на левом берегу Воронежа, среди дубков и клёнов, облетевших, но проросших так часто, что скрывали и десяток Изая, и сотню, и тысячу, и весь тумен.

Река покрылась крепким льдом, лишь кое-где оставляя полыньи, но темник [1] не спешил отдать приказ бить в барабан — рядом с тумен-у-нойоном Бурундаем стоял сам Субэдэй-багатур, неуклюжий и нескладный сын кузнеца Джарчиудая, блестящий полководец, ни разу не нарушивший Ясы, не потерпевший ни единого поражения. Но и победы оставили на Субэдэе свои отметины — раненая правая рука багатура всегда была согнута, глаз правый вытек, а длинный рубец тянулся через бровь и щёку.

«У этого барса с разрубленной лапой чугунный лоб,— пели про него певцы-улигэрчи.— Морда у него — долото. Язык у него — шило. У него железная грудь, вместо плети — меч. Съедая свою тень, мчится он, оседлав ветер...»

Субэдэй сам выехал к реке, хмуро оглядывая противоположный берег. На нём была шуба с золотыми пуговицами, крытая верблюжьей шерстью. Из-под островерхой шапки, опушенной мехом соболя, на виски опускались чёрные с проседью косицы, на гутулах с круто загнутыми носками поблескивало золотое шитьё.

Посопев, поворчав, полководец кивнул Бурундаю. Тот склонился в коротком поклоне и отдал приказ порученцам-туаджи. Вскоре гулко ударил большой барабан наккар — начать бой!

Вперёд бросились алгинчи — передовые, над ними трепетали бунчуки-туги из белых конских хвостов. Лошади лавиной повалили из леса, копытами взламывая лёд на месте брода, и разделились, двумя потоками охватывая Онузу.

Нукеры развели костры по всему лесу, сотни и сотни стрел, обмотанных просмоленной паклей, поджигались и взмывали в небо, оставляя дымные шлейфы. Всё больше и больше чадных дуг марали воздух, соединяя два берега, всё чаще вспыхивали красные огоньки на крышах и стенах крепости. Они сливались в полосы пламени, множились, разгораясь всё ярче, и вот загудело, заревело пламя, и нукеры повалили за реку, соединяя свой вой и рёв с воем и рёвом пожара.

— Хуррагш! — неслось со всех сторон.

— Хуррагш! — вопили тысячи глоток.

— Хуррагш! — подхватил Изай и понёсся вперёд.

Олег направил саврасого следом, проверяя, легко ли вынимается сабля. Хэлмэ.

Сотник Эльхутур, в монгольской табели о рангах джагун-у-нойон, повёл своих людей на захват крепости — таков был приказ Бэрхэ-сэчена. Десяток Изая скакал в первых рядах.

---

[1] *Темник* — командующий «тьмою» (отряд в 10 000 воинов), то есть туменом. Тумен-у-нойон.

Для начала сотня ворвалась в безымянный посад, ворота которого были повалены. Олег удивился даже — на крепко сбитых створках лежал снег. Кто-то уже побывал в селе! Оно и видно — половина изб спалена, одни печи торчат, плетни поломаны, скирды сена разворошены, а вот теремок старосты цел — перед ним косо торчал высокий шест с пучком еловых веток.

Над селом поднялся вой и крик — мужики и бабы выскакивали из уцелевших изб, из теремка, из холодных клетей и метались, лезли на частокол — только бы скрыться в лесу.

— Всех гоните к крепости! — надрывался Изай, хлеща селян плетью.

Один из мужиков, с белыми от ужаса глазами, схватился за вилы и бросился к Сухову, желая то ли саврасого сгубить, то ли всадника поддеть. Олег сперва вилы трёхрогие перерубил, а возвратным движением почти снёс голову мужику.

— Гони! Гони!

Крестьяне не сразу, но исполнили волю степняков — похватали вязанки хвороста, заготовленные на зиму, валежник да сухостой, и бегом потащили к стенам крепости, закидывать рвы — как раз напротив ворот, куда вёл узкий мосток, сожжённый уже самим гарнизоном буквально на днях. Перепуганные бабы визжали, но волокли окоченелые трупы лошадей и коров, то ли убитых, то ли задохнувшихся в дыму, и тоже валили в ров.

Немногочисленные защитники Онузы подрастерялись сперва, а после принялись отстреливать селян из луков. Тут уж и степные «номо» заговорили, дрожа тугими тетивами. Длинные «тумэр булсуу» взвизгивали и подвывали в полёте, пугая приделанными свистульками. Воина в лёгком кожаном доспехе они пробивали насквозь, бронника в латах сносили на пару шагов.

— Хуррагш!

Два десятка нукеров бросили коней и закинули на плечи ременные петли, поднимая тяжёлое бревно-таран с комлем, окованным бронзой.

Обстрел стен горящей крепости резко усилился, а воины с тараном ловко пробежали по трупам, по хворосту и со всего маху ударили в ворота. Лесины затрещали.

Молодой русоволосый боец возник из дыма на горящей проездной башне и метнул копьё, поражая одного из нукеров, тащивших таран. Степняк упал и покатился в ров, а русоволосого пронзило пять стрел подряд, выбивая кровавые брызги.

— Дзе-дзе, и не боится же,— покачал головой Изай.

Судуй из его десятка мигом занял место убитого нукера.

— Хуррагш!

Седьмого удара ворота не выдержали — переломился брус засова, и левая створка упала в проём. И тут уж вся сотня Эльхутура подалась вперёд, понукая ржущих коней.

Савраска влетел под арку ворот, и на Олега пахнуло горячим воздухом и дымом. Защипало глаза.

Со злостью тряхнув головой, Сухов ворвался во двор крепости, посреди которого стояли двухэтажные срубы — гридницы. Дальняя из гридниц горела, изо всех окон клубами валил чёрный дым, а та, что стояла ближе к воротам, ещё держалась — её бревенчатые стены дымились, смола стекала и пузырилась. Вот-вот вспыхнет... Вспыхнула. Занялась. Огонь взобрался на крышу — и затрещал любовно уложенный тёс.

На высоком крыльце гридницы столпились последние защитники Онузы, они отбивались от наседавших нукеров, вовсю работая секирами и мечами. Сабель было больше...

Джагун Эльхутур гарцевал на коне, очень гордый победой и при полном параде — в суконном чекмене, подбитом мерлушкой, с синими нашивками на левом плече и в белых замшевых сапогах.

Вдруг, откуда ни возьмись, из-за гридницы выбежал парень в одной рубахе, но в шлеме-шишаке. Держа в левой руке меч, правой он метнул топорик-клевец.

Олег как раз проезжал между двух столбов с перекладиной, на которой висело бронзовое било. Он резко пригнулся, и клевец воткнулся в столб. Сухов вырвал топорик и бросил вдогонку убегавшему парнише — острое лезвие втесалось тому под лопатку, перекрашивая белое в красное.

Когда Олег снова взглянул на крыльцо, то увидел, что сопротивление подавлено — по двору крутились лишь всадники в малахаях. Изай Селукович подскакал к Сухову и плетью указал на воротную башню:

— Уходим!

В воротах Олег зажмурил глаза, прорываясь сквозь искры и дым. Недовольно всхрапывавший савраска вынес его из крепости. Взятой крепости. Онуза пала, предвещая длинную череду осад и приступов.

Изай Селукович догнал Сухова за линией рвов и сказал негромко:

— Я за тобой присматривал, спину прикрывал...

— Спасибо.

Куман нетерпеливо отмахнулся.

— Помнишь воина, что бросил в тебя топорик?

— Ну? — мигом насторожился Олег.

— То не орос был. Его имя — Хоб, сын Ситая. Он из аланов — и верный слуга Бэрхэ-сэчена. Чуешь?

— Чую...— помрачнел Сухов.

— Ты присягнул хану Бату, Хельгу,— серьёзно сказал арбан,— ты стал его нукером, и никому в орде не позволено отнять твою жизнь, если только ты сам не согрешишь против Ясы. Одно хорошо — наш тысяцкий не подл, как хорёк, он не будет устраивать тебе пакости, а постарается просто убить. А потому смотри в оба!

— А что мне ещё остаётся? — криво усмехнулся Олег.

По избам Сухов не шарил, а потому ничего в Онузе не добыл, но Изай решил по-своему и отметил-таки нового нукера — дал ему раба, как награду-хуби. Олег поначалу отбрыкивался, углядев это жалкое существо — маленькое, скрюченное, дрожащее под рваной дохой, сношенной до блеска, но принял подарок, узнав в боголе Пончика.

— Привет, Понч,— сказал Сухов, испытывая неловкость — во все эти тяжкие дни он ни разу не вспомнил о протоспафарии.

— П-пр-рывет...— выдавил Шурик.

— Пошли в баню, я тут растопил одну. Отмоешься хоть. Да и тепло там.

— А ч-чья баня?

— Не знаю, не спрашивал. Пошли!

— П-пошли...

Олег прихватил выструганное из дерева корытце, в котором монголы подавали мясо, и перекидал в него большие куски говядины из общего котла, цепляя их пальцами.

— Идём. А-а, зараза! Чуть не обжёгся...

Банька была новой, но потолок отливал блестящей сажей — топили тут по-чёрному.

Пончик мылся долго, ожесточённо стирая с себя грязь реальную и выдуманную, не жалея ни мочала, ни кожи. В предбаннике Сухов подкинул ему от щедрот своих домотканые портки и рубаху в русском стиле да шаровары по монгольской моде.

Не спрашивая уже, чья это одежда, Александр быстренько облачился в чистое. Присел, с вожделением поглядывая на мясо, дымившееся в корытце.

— Секундочку,— сказал Олег, доставая чашки-аяк, выточенные из корня берёзы. Выкатив заветный бочёночек из-под лавки, он вынул пробку и разлил по чашкам мутное содержимое.

— А это чего такое? — подозрительно спросил Пончик.

— Это архи, молочная водка. Пей, коньяков не держим...

Выпив, друзья хорошенько закусили. Бывший протоспафарий ел жадно, набивал рот горячим мясом и тут же студил его, часто дыша и деликатно прикрываясь жирными пальцами. Сухов привалился к тёплой стене. Пробормотал:

— Мах...

— Чего? — не понял Пончик.

— Так монголы мясо называют — «мах».

— А-а...

Выпив по второй, Шурик понурился.

— Мне Гелла приснилась...— сказал он и шмыгнул носом.— Угу...

— Не надо об этом.

— Да, ты прав... Господи... Знаешь, иногда мне кажется, что нас просто испытывают, словно готовят к чему-то необыкновенному и сверхъестественному...

— Ага. Организованный набор в архангелы.

— Нет, правда. Ну должен же быть хоть какой-то смысл в наших мучениях!

— Мучениях? Понч, когда это ты мучился? Извини, но я не верю в замученных протоспафариев!

— Да, я им был! Но теперь-то я кто? Да никто! Паршивый богол. Всю эту неделю я взбивал кумыс. Дали мне здоровенный бурдюк из коровьей шкуры, а в него такой дрын воткнут, взбивалка, и вот я ею туда-сюда... Угу... А с утра нас выгоняли кизяк собирать. Он уже мёрзлый был, но всё равно пачкался. И вонял...

Олег даже не улыбнулся.

— Это самое... Помнишь, как мы угодили в восемьсот пятьдесят восьмой нашей эры? — спросил он.— Кем мы тогда стали? Трэлями [1]! И ничего ж, выжили, в люди вышли. Зашвырнуло нас в девятьсот двадцать первый — тоже ведь не сдались, вон в каких титулах ходили! Ну попали мы сюда, и что? Знать, судьба такая...

Олег посмотрел в прорезь маленького волокового окошка — солнце садилось. Открытый зев печки-каменки освещал предбанник красным накалом углей с перебегающими синими язычками.

— Давай выпьем!

Они выпили и доели мясо. Мах.

— Что будем делать, Олег? — серьёзно спросил Александр.

— А что тут сделаешь? — пожал плечами Сухов.— Знаешь, у меня такое ощущение, что я продолжаю работать на Ярослава Всеволодовича — ведь оба Орде служим, только он извне, а я изнутри.

— Да, Олег, ты не думай, я же всё понимаю! — с чувством сказал Пончик.— Ты пошёл в эти... в нукеры не по своей воле. Иначе бы тебя завернули в войлок и забили палками... Угу.

---

[1] *Трэль* — раб у древних скандинавов.

— Ошибаешься. Так казнят только ханов и прочих знатных особ, чью кровь нельзя проливать. Это почётная смерть. А мне бы просто сломали спину и бросили подыхать... Но ты ничего не понимаешь, Понч. Идти в нукеры к Бату-хану — это мой выбор.

— Я реально не понимаю...— беспомощно пробормотал Пончик.— Но как же... Они же чужие! Они захватчики! Ты что же, согласился воевать на стороне врага?!

Олег почувствовал злость. Опять эти Шуркины моральные закидоны!

— Запомни раз и навсегда,— жёстко сказал он,— с кем бы я ни воевал, я всегда остаюсь на одной и той же стороне — своей собственной! Понял?

— Понял...— проговорил Александр упавшим голосом и тут же повысил его, срываясь в шёпот: — Но так же нельзя! Ты что, готов убивать своих? Тебе прикажут брать Рязань, и ты пойдёшь на приступ?

— Да,— твёрдо сказал Сухов.— Прикажут — и пойду. А ты, как я посмотрю, так ничего и не понял. Мы двадцать лет тут, а до тебя так ничего и не дошло! Какие «свои», Понч?

— Русские...

— Нету здесь никаких русских! — рявкнул Олег.— Есть рязанцы, есть владимирцы, новгородцы, киевляне и так далее. И все они чужие друг другу, все грызутся между собой! «Рязань брать»! — передразнил он Пончика.— А тебе известно, патриот долбаный, кто девятнадцать лет назад пожёг ту самую Рязань и вырезал кучу народу? Не монголы, не половцы — суздальцы! Да-да, Суздаль пошёл войною на Рязань и учинил тем рязанцам бедственный денёк и варфоломеевскую ночку! А ещё раньше Всеволод Большое Гнездо то же самое содеял — спалил Рязань на хрен!

— Ну хорошо, допустим! — не уступал Александр.— Феодальная раздробленность, междоусобицы...

— Ты, пока кумыс взбивал, ничего не заметил? — перебил его Сухов.— Я тут, хоть и зверства учинял простому народу, но кой-чего углядел. Буквально вчера на Онузу уже нападали. «Свои» сюда заявились, то ли князя пронского дружина, то ли князя ижеславского. В поход на юг хаживали, половцев грабить. Это они полпосада сожгли. Пойдём, я тебе кое-что покажу. На, надень малахай на голову, а то застудишь ещё...

На улице стоял морозец. Было довольно светло, хотя солнце уже село.

— А куда мы идём? — спросил Александр, спотыкаясь на замёрзшей грязи.

— Увидишь.

Олег привёл товарища к теремку и свернул за угол. Там стоял амбар и клети. И находилась коновязь. К ней за руки были привязаны пять или шесть девушек, простоволосых и голых. Они лежали прямо на мёрзлой земле, скорчившись, изогнувшись, и были совершенно неподвижны. На белой-белой коже прекрасных девичьих тел проступал иней.

— Смотри,— спокойно сказал Сухов.— Это не монголы сотворили. Тут тот самый князёк отметился, который налёт на половцев устроил. Побаловался проездом. Собрали с боярами самых красивых девок со всего посада и трахали их по очереди. А потом пошли дальше пьянствовать.

— Д-девушек уб-били?

— Нет, они просто замёрзли. Их тут больше было, человек десять. Половину уже похоронили, а этих не успели — мы как раз нагрянули, враги земли русской. Ну, как? Хороша иллюстрация на тему «свой-чужой»? Ладно, пошли, погреемся. Юрты своей у меня пока нет, так хоть в бане посидим...

Они вернулись, и Олег подбросил дров в топку. Поленья вспыхнули, затрещали, бросая жаркие отсветы.

После продолжительного молчания Пончик сказал:

— Всё равно, это не причина, чтобы оставаться по сию линию фронта, в стане врага, в стане захватчика! Угу...

Олег успокоился, злость ушла.

— Отчего же? — спросил он с прохладцей.— По-моему, причина вполне достаточная. Вот скажи мне, почему ты только сейчас на меня накинулся, коришь за набеги да умертвия? А чего ж ты раньше молчал, когда я Мирослава побивал, Переяславль брал, городишки черниговские грабил? Где тогда была твоя совесть? Или те войнушки как бы не считаются? Киевлянину, значит, позволено сородичу кишки выпускать?

— Бли-ин! — зашипел Шурик, выходя из себя.— Это же иго! Иго, понимаешь?!

— Я вижу, Понч, тебе в школе просто мозги задурили сказками про иго. А ты глаза-то разуй! Своим умом подумай, прикинь, что к чему. Иго, друг мой, благо для Руси!

— Иго — благо?!

— Да, благо! Это не «злые татаровья» вредят иванам да марьям, а князья, у которых ни ума, ни чести, ни совести! Это они, князья твои, витязи распрекрасные, шесть раз подряд Киев брали, когда трон делили. Шесть раз! Шесть штурмов, шесть пожарищ! И всякий раз горы трупов! Я лично в седьмой раз ломился на Подол. Да по сравнению с князьями ханы монгольские — просто ангелы. Немытые, копчёные херувимчики! И надо сказать большое спасибо Батыю за то, что при-

жмёт всех этих Владимировичей, Юрьевичей, Всеволодовичей, что хоть какой-то порядок наведёт!

Пончик не ответил. Он сгорбился и смотрел в топку, где тлели угли.

— Может, ты и прав насчёт князей,— тихо проговорил Александр,— но народ-то при чём? Ладно, ладно! — заторопился он.— Ну, необязательно же быть нукером у Бату-хана!

— А у кого?! — заорал Олег.— Я тебе тут битый час доказываю — нету другой силы, чтобы Русь в чувство привести! Только Орда! Только Батый, будь он неладен! Меня воротит от монголов, но больше некому утрясти здешний бардак! Некому, понимаешь ты или нет?!

Успокоившись, он привёл ещё один довод:

— Вот скажи мне, когда наши деды в сорок пятом фашистов били в самом Берлине, они кем были — захватчиками? Врагами? Устроили, понимаешь, набег на земли германские, немцев изничтожали, города жгли, дань собирали... Если тебя послушать и согласиться с твоею чёрно-белой логикой, то наших фронтовиков надо заклеймить позором!

— Да при чём тут это? — возмутился Пончик.

— Да при том! — Олег помолчал и продолжил: — Я всю эту неделю только тем и занят был, что думал. Сперва бежать хотел, за Олфоромея отомстить. А куда? В Дебрянск, к Ярославу Всеволодовичу? Глядеть, как он за ярлык жопу Батыю лижет?

— Нет, ну почему же...— промямлил Пончик.

— Или ты думаешь, я с ордынцами потому, что они сильнее?

— Да ничего я не думаю...

— Знаешь, Понч, если бы нас закинуло ещё дальше, в год одна тысяча девятьсот восемнадцатый, я бы не в Красную армию добровольцем записался, а к Белой гвардии примкнул. Понимаешь?

— Понимаю...

— Ни хрена ты не понимаешь! Белогвардейцев было тысяч сто человек, а красноармейцев — пять миллионов, но Деникин, Колчак, Врангель били их! Изничтожали «комиссаров» и «товарищей», и я бы с ними изничтожал, потому что правда была на стороне «белых»! Вот так я понимаю справедливость. Понятно тебе?

— Понятно,— поджал губы Александр.— А если хан прикажет убивать князей и их подданных, ты исполнишь приказ...

— А мне наплевать,— медленно проговорил Олег,— и на князей, и на их подданных.

— А мне — нет! — заявил Пончик и поднялся, глухо проговорив: — Я твоя собственность, твой богол... Отпусти меня, пожалуйста. Я знаю, где достать коня и как незаметно скрыться. Пойду к князю рязанскому...

Воин из меня никакой, так хоть лекарем пристроюсь,— он усмехнулся.— Буду ковать победу... Пусть мы и не разобьём врага, но наше дело правое. Угу... Только не обижайся, Олег. Ты сделал свой выбор, я — свой. Моё место на стенах Рязани. Отпустишь?

— Иди, куда хочешь,— холодно сказал Сухов и гаркнул: — Убирайся! И чтоб я тебя больше не видел!

Александр вжал голову в плечи, просеменил к выходу. Согнулся под низким косяком, обронил: «Прощай...» — и ушёл, аккуратно прикрыв дверь. Ворвавшийся воздух холодил ноги, но голова Олегова продолжала пылать.

Посидев немного, он поболтал бочонок с архи — есть ещё маленько. Налил полчашки и выпил, не сводя глаз с тухнувшего огня в печи. Дрова прогорели, и лишь отдельные уголечки дотлевали красным. Вот погас последний. В волоковом оконце [1] синели сумерки.

Олег с силой запустил чашкой в стену. Он остался один.

Глава 10,

В КОТОРОЙ ПОНЧИК ПРОБИРАЕТСЯ К СВОИМ

Сделай Пончик попытку скрытно покинуть монгольский стан, ничего бы у него не вышло — ночные стражники-кебтеуты бдили рьяно. И хитроумный протоспафарий (а придворная жизнь кого хочешь приучит к изворотливости) решил использовать стратегию настолько же простую, насколько и нахальную,— он ушёл открыто, не таясь. Спокойно взял за оброть старенького мерина и повёл за собой.

Из темноты наехал страж, закутанный в длиннополую шубу. Пончик показал ему деревянную пайцзу [2], кебтеут равнодушно кивнул,

---

[1] Окошко для выхода дыма.

[2] *Пайцза* — верительная пластинка, овальная, круглая или продолговатая, металлическая или деревянная, служащая наполовину пропуском, наполовину паспортом. Имевший пайцзу пользовался содействием властей, получая от них продовольствие и фураж. Темник и тысячник получали золотую пайцзу с изображением лежащего тигра и вставленными рубинами (от одного до трёх), сотник — серебряную, десятник — бронзовую. А вот текст на пайцзах был один и тот же: «Силою Вечного Неба имя хана да будет свято; кто не поверит — должен быть убит».

пропуская богола,— мало ли куда того хозяин послал. Может, за дровишками в ближайший лесок?

Спотыкаясь и путаясь в полёгшей траве, Александр покинул становище, далеко обходя костры и рыжих монгольских волкодавов, привязанных у юрт.

Слабый ветер дул с запада, относя прочь запахи кизячного дыма, испарения огромного скопища людей и животных, горьковатый дух полыни, увядшей, но всё ещё щекочущей ноздри.

Только звуки продолжали доноситься сквозь порывы ветра — ржание, мычание, крики людей и верблюдов, лязг, заунывные звуки хуров[1], топот, шорохи, гомон, бряканье, звяканье, стуки, трески... Разнообразные шумы сливались в глухой гул, будто чудовище-исполин ворочалось во тьме, устраиваясь поудобнее.

Пончик тоскливо вздохнул. Ему очень не хотелось покидать монгольское войско. Да, там он был бесправным рабом, но его хоть кормили. Пусть объедками, но кормили же. И поспать можно было в тепле. А теперь как?

У него есть конь, вернее, мерин, ещё вернее — одр. Седла, правда, нет, только попона. И лёгкая круглая шкура с верёвкой, протянутой по краю,— такой вот монгольский спальный мешок. А вот меча нет, и копья нет, и лука. Ну и что? Фехтовать он всё равно не умеет, а уж тетиву оттянуть — не хватит сил. Монголы, правда, тетиву не оттягивают, они держат стрелу возле правого уха, когда прицеливаются, а потом просто сгибают лук, выпрямляя левую руку. Просто... А ты попробуй, выпрями... Зато у него есть нож-тесак. И кусок вяленого мяса. И фляга с кумысом.

Пончик вздохнул ещё тоскливее — друга у него больше нет, вот в чём беда. Как-то так получалось все эти годы, что он постоянно был вторым, постоянно прятался за широкую спину Олега. Олег шагал впереди, а он шёл следом — сопровождающий впередиидущего. И вот — остался один. Совсем один.

А вокруг огромная, холодная, пустынная страна, которую он из принципа считает своею родиной. Хотя при чём тут принцип? Тогда, в бане, он не сказал Олегу главного — поостерёгся назвать друга предателем. Но ведь он прав! Ведь он прав?.. Прав или нет? Разве это не предательство — воевать против своих на стороне врага, как какой-нибудь бандеровец? Ладно, ладно — против своих предков! Но в чём разница? Пусть столетия пройдут, прежде чем образуется русский народ, русская нация, но ведь монголы-то точно не одной с ними кро-

[1] *Хур* — струнный смычковый музыкальный инструмент.

ви! Так разве это не предательство — убивать людей той же веры, того же языка? Правда, в туменах полно христиан, а в Сарай-Бату [1] даже православная Сарайская епархия водится, с епископом Феогностом... А будущие башкиры с татарами? Они что, не россияне разве? А ведь их предки-ордынцы во-он там, у него за спиной...

Тут Пончик рассердился на себя: оправданий ищешь, трус? Повода вернуться? Как же, страшно пускаться в путь одному, самому отвечать за себя! Но, раз уж ты такой принципиальный, раз уж ты так уверен, что правда на твоей стороне, надо идти до конца выбранной дорогой, пусть даже дальней, опасной и трудной.

— Надо, Шур,— прошептал Александр.— Надо!

Оглянувшись на проблески монгольских костров, он положил руки на спину своему Росинанту, подпрыгнул и со второго разу лёг тому на круп. Закинул ногу, кое-как уселся и потянул за повод.

— Но-о!

Одр побрёл потихоньку, низко свесив голову, словно печалясь о горькой судьбе — все кони, как кони, у костров греются, а его уводят в ночь, где голодно и волки...

Пончик поднял голову. Небо было ясное, он сразу нашёл созвездие Большой Медведицы, которую монголы прозывали Повозкой Вечности, и Медведицы Малой с Полярной, после чего двинулся на север, благословляя погоду, не предвещавшую осадков. Под снегом он бы просто замёрз...

Так и брёл коняка с незадачливым седоком — по склонам покатых возвышенностей, забредая в овраги, продираясь сквозь ломкий кустарник. Взошла луна, прибавилось свету — и непроглядных теней. Ступишь в черноту — и не знаешь, то ли просто тёмное место под копытом окажется, то ли яма глубокая. Погонять одра Пончик не рисковал — ежели тот поскачет, как он удержится?

Александр нахохлился в своей дохе, закутал плечи с головой «спальной шкурой» и задремал, укачанный конём, так и не заметив, как наползли тучи и повалил снег...

...Очнулся он от холода. Конь под ним всхрапывал и поминутно дёргался. И никаких звуков больше, полная тишина. А потом в этой тишине, объясняя конское беспокойство, завыл волк, нагоняя тоску и древнюю жуть.

Пончик открыл глаза. Над ним провисали кривые чёрные ветки, словно костяными руками удерживавшие снег. Он сгрёб ладонью снежок и обтёр им лицо. Сон пропал, появилась ясность.

---

[1] *Сарай-Бату* — столица Белой Орды на реке Итиль (Волга).

Небо очистилось и открылось в тёмную бескрайность, искристую от звезд. Бело-голубым щитом сияла над холмами луна, заливая вершины холодным пыланием. Склоны холмов смутно серели, скатываясь в густеющую синь, и чёрными фракталами ветвились деревья. Два зелёных глаза появились в серебристом прогале между стволов. Сгустком тьмы заскользил волк. Матёрый, определил Пончик, оплывая ужасом. Конь захрапел, задёргал головой, часто переступая копытами. Круглый глаз испуганно косил на всадника: «Спаси!..»

— Ну-ну, коняшка,— выдавил Александр дрожащим голосом, потрепал по холке испуганное животное и вытащил из ножен здоровый тесак. Сердце просто заходилось в биении.

Ещё две чёрные тени, оставляя сереющие цепочки следов, проявились в потемках, угадываемые лишь по движению. Замирал волк, сторожко внюхиваясь, и ничем уж не отличить зверя от куста или пня. Тонкий слой снега почти не шуршал под толстыми лапами серых.

Кое-как сориентировавшись по ночному небу, Пончик тронул коня к северу. Какого чёрта, спрашивается, понесло этого мерина в холмы? Дурак непарнокопытный... Хорошо хоть в болото не залез!

Волк прыгнул неожиданно. Словно материализовавшись из ночных теней и страхов, хищник свалился на шею коню и ляскнул пастью, оспаривая добычу у Шурика. Всадник сдавленно вскрикнул, ноги у заржавшего коня подогнулись. Клинок рубанул по тени — и попал, почти отделяя волчью голову от голодного туловища.

Второй хищник кинулся уже на самого Пончика, однако свалился раньше, чем нож попортил серую шкуру. Три или четыре волка понеслись вдогонку за конём, но то ли длинная попона мешала санитарам леса подобраться к мягкому подбрюшью, то ли гибель вожака их деморализовала, а только стая отстала и слилась с ночным мраком.

Бедный Александр, вцепившись в гриву обеими руками, трясся и молил Бога, чтобы не скинул его конь. Молитва была услышана...

Везение не покидало Пончика всю дорогу. Ясным утром он еле слез с коня и долго ходил раскорякой. Сделал попытку соорудить шалаш, получился кособокий навес, который после завалился в костёр.

Александр плюнул, дождался, пока огонь прогорит, сдвинул угли с головнями в сторону, да и постелил на горячей земле шкуру. Лёг, свернулся, затянул веревку, собирая шкуру в мешок, и уснул.

Поднялся он пополудни, разбитым и невыспавшимся. Пожевал мяса, напился студёной водицы из полыньи на ручье.

— Едем дальше,— бодро заявил он, обращаясь к одру.— Да, коняшка?

Коняшка только ухом повёл. С утра Пончик так крепко привязал одра к дереву, что отвязать не получилось. Пришлось резать узел ножом. Ночь Александр встретил в пути. Так и длилась его одиссея.

Объезжая стороной редкие сёла, избегая людей, даже одиноких путников, Пончик упрямо приближался к цели своего путешествия. Мясо он доел на другой день, тогда же кончился и кумыс. Дня через три удача скупо улыбнулась Александру — он нашёл замерзшего зайца, попавшего в силок, прежде охотника. Скудный был стол, что и говорить. Через неделю Пончик уже мало соответствовал своему прозвищу — от его полноты мало что осталось.

Ближе к полудню восьмого дня пути Шурик расслышал слабый стон, донёсшийся из кустов. Придержав коня, он прислушался. Нет, не померещилось ему — кто-то стонет, и явно не зверь. Хотя откуда ему знать, как мучаются животные?

Заведя коня в кусты, Пончик неожиданно выехал на маленькую полянку, обрамлённую могучими елями. Под одним из деревьев, на худом ложе из колючих ветвей, лежал человек в чёрном плаще. Его бледное, измождённое лицо казалось восковым, неживым. Но вот сухие, будто пергаментные губы шевельнулись, проговаривая неслышное слово, открылись слезящиеся глаза.

Шустро спешившись, Пончик наскоро привязал коня и опустился на колени рядом с человеком в плаще. Глаза лежавшего наполнились ужасом.

— Татарин?..— прохрипел он, поднимая худую руку, больше похожую на куриную лапу.

— Я грек,— соврал Александр, лишь бы успокоить страждущего.

— Христианин?! — спросил тот, да с такой надеждой в голосе, что Пончик старательно перекрестился.

— Слава Богу!

А Пончев осторожно разрезал на неожиданном пациенте чёрный плащ, задубевший от крови. Под плащом обнаружилась меховая телогрейка, пробитая ножом в двух местах, и белая туника — ткань сделалась жёсткой там, где расплывалось страшное коричневое пятно.

— Кто ж тебя так? — спросил Шурик, быстренько расчищая снег гутулами.

— Разбойники...— еле выговорил раненый.— Они напали, отобрали коня и немного серебра — всё, что у меня было... Вероятно, их разозлила малость добычи, вот и пырнули...

Он смолк, задыхаясь, а Пончик развёл бурную деятельность — натаскал еловых лап и осторожно переложил на них раненого, насобирал бересты, наломал сухих веток, развёл костёр. Свернул из коры подобие кулька, набил его снегом, подвесил над огнём. Снег растаял, Шурик добавил ещё немного, нагрел воду — стенки сосуда ниже уровня жидкости не загорятся — и промыл страдальцу раны.

— Как приятно...— слабо улыбнулся тот.— Тёпленькая...

— Крови ты много потерял, вот беда,— озаботился Пончик.— Сам-то на коне не удержишься, придётся к седлу привязывать...

— Не придётся,— качнул головой раненый.— Не жилец я... Молодой и сильный на моем месте, может, и выжил бы, но не старый и слабый... Как имя твоё?

— Александром наречён.

— А я — Рогерий, монах ордена братьев-проповедников... Доминиканец я [1]...

— Очень приятно, Рогерий. Сейчас я вас напою... Заварю веточки малины, смородины... Я даже немного высохших ягодок собрал!

Доминиканец с удовольствием и жадностью выпил горячий настой.

— Согрелся...— выдавил Рогерий, задыхаясь, и мучительно заперхал, давясь кашлем. Отдышавшись, он заговорил: — Об одном прошу, как брата по вере... Знаю — вы, православные, против папы римского и расходитесь во взглядах с католиками, но так ли глубок раскол? Ведь исповедуете вы не богопротивную ересь, а веру во Христа! Я являюсь... являлся, хе-хе... конвентуальным приором киевского монастыря доминиканцев, а здесь нахожусь по очень важному делу — оно касается судеб мириадов грешных и невинных душ, населяющих Венгрию, Моравию, Богемию, Алеманию [2], Австрию... все те земли, на которые устремили свои алчные взоры эти ужасные татарины... Мы так мало знаем о них! Брат Юлиан бывал в Орде этой осенью и выведал имена виднейших королей манглов — Бахатура, Коактона, Фейкана, Байдара, Гермеуса, Кхеба... (Пончик не стал поправлять приора.) Мне же, ничтожному слуге Господнему, удалось больше — ныне у ордена есть верный помощник в самой Орде...— Приор захрипел, силясь улыбнуться, и выговорил: — Орда... Ordo fratrum praedicatorum... [3]

Рогерий сомкнул веки, из горла его вырывалось сипение и хлюпы. Пончик с содроганием понял, что этому человеку действительно жить осталось недолго — обескровленный, с воспалением лёгких...

---

[1] Орден основан св. Домиником в 1220 году и с самого начала стал орудием папы римского для миссионерской работы, борьбы с еретиками, а также ведения тайных операций, устройства заговоров и смут. Инквизиционные трибуналы, образованные в 1232 году, были переданы в руки доминиканцев, «божьих псов» (игра слов: выражение domini canes на латинском означает «псы господни». Доминиканцы использовали этот мотив на своём знамени, изображающем собак, рвущих еретиков на клочки, и на гербе). Возглавлялся орден генеральным магистром, провинции ордена — провинциальными приорами, а монашеские общины — конвентуальными приорами.

[2] *Алемания* — Германия.

[3] *Ordo fratrum praedicatorum* — орден братьев-проповедников, одно из названий доминиканского ордена (*лат.*).

Доминиканец открыл мученические глаза и проговорил неожиданно ясным голосом:

— Наш человек в Орде является терциарием[1]. Он сам — татарин, но крепок в вере истинной и рьяно исполняет наказ самого папы Григория IX. Защитить от набега чад Божьих — вот цель его нелёгкого служения. Я должен был передать ему послание от генерального магистра Иордана Саксонского, но... не судьба.

— Вы хотите, чтобы я его передал? — уточнил Александр.— Но... как же я найду этого вашего терциария?

— А его не надо искать! Послание следует оставить в подвале Успенского собора, что в Рязани...— Приор разъяснил, как найти «почтовый ящик», и обмяк, истратив последние силы. Жизнь покидала его тело, рассудок мутился сильнее и сильнее, в задышливой речи всё чаще звучала латынь: — Восхвалять, Благословлять, Проповедовать...[2] Domini canes...[3] Еретиков... На куски... Рвать... В Рязань отнеси... В собор Успенский... Recennie quod est alius ducatus Rucenorum... Завоёвывать... Romam et ultra Romam...[4] Страх Божий...

Голос Рогерия угасал, и вот уже одни губы его слабенько вздрагивают, тщетно пытаясь выговорить последнее слово. Замерли в тоскливом изгибе. Недвижный взор остекленел. Душа раба Божьего Рогерия рассталась с телом...

Пончик спрятал за пазуху переданный ему пергамент, скрученный в трубочку, и занялся похоронами — переволок тело монаха в яму неподалёку, а после долго жёг костёр, отогревая почву, отковыривая тесаком куски земли и засыпая ими покойника.

Устал он так, что на изготовление самодельного креста сил просто не осталось.

— Покойся с миром,— пробормотал Александр и влез на коня.— Помчались, Росинант...

Выбравшись к Пронску, Пончик увидел бревенчатые укрепления на валу, истыканные башнями с шатровыми кровлями. Дубовые стены чернели морёным дубом, а крыши серели уложенным тёсом. А над

---

[1] *Терциарий* — доминиканец, не дающий обета безбрачия, живущий в миру, подчиняющийся основным пунктам доминиканского устава и помогающий в работе своим «старшим братьям» — монахам. Название связано с понятием «третий орден»: первая ветвь — это монахи, вторая — монашенки, третья — терциарии.

[2] Девиз ордена доминиканцев.

[3] *Божьи псы...* (*Лат.*)

[4] Рязань также является одним из княжеств русских... Рима и дальнейшего... (*Лат.*)

башнями вырастали колоколенки и луковки церквей. Дымы многочисленных печей не поднимались выше храмов, стелились сизою пеленой по-над городом.

Прямо к стенам подступали домишки слободы. Укрепления у них были пожиже городских — вал да частокол, но народ селился, надеясь не на защиту княжеской дружины, а больше «на авось». Авось не придут кочевники, авось не нагрянут князья-соседи, Пронск делить. Авось уцелеем...

Картина была такая мирная, такая спокойная, что у Пончика дыхание перехватило. Он не помнил, как оно всё было по истории, да и можно ли верить учебникам? Скорей всего, спалят город. Разграбят и спалят. И слободе не жить. Большую резню учинят монголы, пожарище оставляя после себя и горы заиндевевших трупов, обобранных и поруганных. Война, она такая...

Александр прислушался. До него донёсся собачий лай и заполошный крик петуха, коровье мычание и одинокий женский голос, выпевавший долгую ноту песни, печальной и нескончаемой. Слов было не разобрать, больно далеко, но Пончик заслушался. А потом, перекрывая все шумы, забили колокола — сначала большой ударил, глуховато, весомо, потом зазвонили малые, присоединяя свои голоски к первому гласу.

Шурик даже не пытался подъехать к Пронску — куда ему, боголу, соваться? И слушать не станут, побьют, а то и вовсе... того... выше дерева стоячего. Вздохнув, он поневоле вобрал носом накатившие запахи — дровяной гари, молока, навоза и ещё чего-то кислого, опары, что ли.

Вздыхая, Пончик свернул на «прямоезжую дорогу» — к Рязани.

...Обросший, исхудавший, с закопчённым лицом, пропахший потом своим и конским, Александр Игоревич Пончев представлял собой душераздирающее зрелище, но глаза его горели решимостью.

Выбравшись к реке, он верно счёл её Окой и двинулся по берегу, высматривая стольный град. А вот и он!

Вдали, на том берегу, показались присыпанные снегом валы и бревенчатый тын, из-за которого выглядывали разноцветные маковки церквей. И тут Шурику перестало везти.

Откуда ни возьмись, набежали мужики в бурых армяках и собачьих треухах и обступили коня. Сильные руки стянули седока наземь.

— Попался, мунгал! — заорал мужичонка с редкими пегими волосиками.— Ужо тебе!

— В прорубь «копчёного»! — крикнул его длинноносый сосед, отвешивая Пончику тумака.— Ишь, окаянный, ходит всё, высматривает!

— Бей татарву! — взвился клич.

— Стойте! — завопил Александр.— Вы чего?! Я же свой! Я от монголов бежал и к князю вашему иду! Еле добрался до вас, а вы — бей...

— Свой?! — Длинноносый ухватил Пончика за отвороты дохи и притянул к себе.— Ты ишшо скажи, што крещёный!

— Да вот те крест!

Мужики затоптались неуверенно, запереглядывались — а вдруг и взаправду? Сгубишь зазря душу христианскую, не подумав, Бог не простит...

— А ну,— решительно сказал красноносый бородач,— давай, в город его! Пущай князюшка сам разбирается!

— Вер-рна! — зашумела вся компания.

И, плотно обступив «мунгала», мужики повели его. Перейдя реку по льду, выбрались к городским укреплениям. Стены рязанские впечатляли — громадные бревенчатые клети, сложенные из столетних дубовых кряжей, были забиты плотно утрамбованной землёю. Клети, как звенья цепи, смыкались боками в могучую стену и тянулись вокруг всего города, да в три яруса, да ещё с заборолами поверху. Крепость! Мыслимо ли взять такую?! Мыслимо...— печально подумал Пончик.

За проездом в валу он заметил, что узковатый мост, переброшенный через ров к могучей башне Спасских ворот, был очищен от снега — его подожгут, как только возникнет угроза осады. Стражи в длинных тулупах да в островерхих шлемах долго не хотели никого пускать, угрожая секирами, но мужики расшумелись так, что сам воевода явился, боярин Кофа.

— Чего шумим? — рявкнул он, грозно оглядывая толпу мужиков и странного человека, не то юродивого, не то беглого.— А эт-то ещё что за диво?

Длинноносый мигом сдёрнул меховой колпак с головы и сказал:

— Не гневайся, Вадим Данилыч! А только вот не пущают нас, а мы ж не абы как, мы тут мунгала словили, а он кабы и не мунгал...

— Свой я! — сердито заявил Пончик, вырывая руку из захвата у пегого.— В плену был у Батыя, да ушёл! Вот, к князю следую, помочь хочу, рассказать, что знаю, а этим только бы ловить...

Боярин хмуро осмотрел «мунгала» и спросил:

— Звать как?

— Александром.

— Ишь ты... Крещён ли?

— А то!

— Ну, пошли тогда.

— Куда?
— В баню.
— Куда-куда?!
— В баню! Смердишь ты больно, Александр...
— Понял,— ответил смиренно Пончик.

Миновав сырую и тёмную арку ворот, боярин и богол вышли в город. Привычной Пончеву застройки, как в Киеве, тут не было. Рязань состояла из усадебок, больших и малых. Боярские терема теснились у западной стены, а всю главную улицу, пересекавшую город с севера на юг, и переулки обступали дворы победнее, но основательные — избы в один-два этажа, клети, амбары, сараи, хлева, конюшни замыкали усадьбы в четырехугольники, а в просветах стояли монументальные ворота или забор-частокол. Вот уж воистину: «Мой дом — моя крепость!»

Впереди поднимал главу Спасский собор. Перед ним лежала обширная вечевая площадь, а рядом располагалось торжище. Народу хватало, а на торгу — особенно. Площадь была заставлена возами с зерном, мороженными свиными и телячьими тушами, деревянными вёдрами и бочками. Шла бойкая купля-продажа мочёной ягоды и сала, масла и сметаны, муки и хлеба, соли в горшках и мёду в кадках. Пончик слюною изошёл, улавливая аппетитнейшие запахи с обжорных рядов, а тут ещё, как назло, румяные разносчики вышагивали в толпе, выкликая охотников до пирогов с капустою, до сбитня горячего, до икряников — блинов с икрою чёрной...

Бабы с корзинами азартно толкались, высматривая, где подешевле, мужики степенно беседовали в сторонке. Просеменил мимо худой пономарь в подряснике, с бородкой, заплетённой по куманской моде — в косичку. Важно прошествовала боярыня, дородная и румяная, в шубе до пят, обшитой аксамитом. Капитальная женщина.

Кофу знали все, ему кланялись, а сам Вадим Данилыч отвечал кому поклоном, кому кивком, кого и вовсе не привечал, честь свою оберегаючи.

За Спасским собором обнаружился терем княжеский — ладно срубленная изба из брёвен в обхват, в два этажа со светёлками да с балкончиками, с галереей-гульбищем, с высоким крыльцом, с башенкой-смотрильней на углу. Кофа провёл Пончика на зады и сдал паре молодцев, дюжих и молчаливых.

— Помыть,— приказал боярин,— одеть, накормить и к князю провести.

Молодцы поклонились и взялись исполнять повеление Вадим Данилыча. Пончика раздели и втолкнули в мыльню, где его по эстафете

принял голый верзила в кожаном переднике. Измазав Александра полужидким мылом, серым и неприглядным, он растёр «мунгала» мочалками, почти что освежевав, опрокинул сверху ушат горячей воды, почти что обварив, а после уложил на полок в парильне и принялся по-зверски мять исхудавшего протоспафария, тереть да вениками охаживать, хвойными и лиственными по очереди, плеская на раскалённые камни то отвару травяного, то квасу хлебного.

Пончик пришёл в себя лишь тогда, когда руки молодцев-молчунов обтёрли его чистою холстиной. Одевался он уже сам, до смерти желая лечь, уснуть, и идёт оно всё к чёрту...

Одёжку ему дали не то чтобы богатую, но чистую — портки и рубаху шерстяные, с латками на локтях и коленях, разношенные чоботы — полусапожки с загнутыми носками, и зипун, похожий на скарамангий без воротника, только тёплый и покороче — до колен.

Намучившись с портянками, Александр обулся с горем пополам, накинул на себя зипун, запахнул его и подпоясался кушаком. «Первый парень на деревне,— припомнил он язвительное присловье,— а в деревне один дом!»

— Откушать изволь,— сказал строгий хромой старикашка, появляясь в дверях бани. Дверь была низенькая, но старец как раз вписался — маленький, щупленький, в чём только душа держится.

— Изволю,— улыбнулся Пончик и зевнул с хрустом.

Старик повёл его, сильно припадая на левую ногу и подозрительно оглядываясь,— так и зыркал на «мунгала».

Покормили гостя в людской — усадили на лавку за длинным столом, дали миску с кашей из толокна, заправленной салом да луком, а в большую деревянную чашу налили хмельного мёду, слабенького, правда, невыдержанного.

Пончик первым делом приложился к чашке, выхлебал половину и быстро-быстро заработал деревянной ложкой, опорожняя миску. Облизал ложку и почувствовал себя почти счастливым человеком — поспать бы ещё... Минуток шестьсот.

— Пошли,— строго велел старикан.

— Пошли,— вздохнул Александр.— Тебя как звать хоть?

— Апоницей кличут. Не туда — сюда. Князь Юрий Ингваревич желает лично всё у тебя выспросить.

Проведя Пончика полутёмными коридорами, хромой Апоница открыл низковатую дверь под аркой и впустил протоспафария в большую, светлую палату, расписной потолок которой поддерживался тремя витыми колоннами. На полу, ближе к маленьким, часто зарешёченным

окошкам, лежала шкура громадного медведя. Голова зверя смотрела прямо на Александра, бусинки глаз хранили запечатлённую свирепость, а огромные жёлтые клыки грозили в вечном оскале. На лавках, покрытых ковром, сидели четверо, одетых богато,— сапоги из красного сафьяну узором расшиты, рубахи шёлковы, золотыми поясами подвязаны. Кто из них князь рязанский, Пончик определил сразу — вон тот, с проседью в бороде. Другие помоложе, а один и вовсе юн.

Апоница поклонился в пояс и просеменил к князю, нашептал тому что-то на ухо, тот нахмурился, кивнул лобастой головой и обратил взгляд к Александру.

— Как звать-величать? — спросил он властно.

— Александром,— ответил Пончик, ощущая в груди частые сердечные толчки.— Я попал в плен к монголам, и...

Юрий Ингваревич остановил его движением руки.

— Про мунгалов мы и без тебя знаем,— сказал князь небрежно.— Аж с той зимы по рубежу крутятся, всё в пределы наши заглядывают. А вот чьих кровей сам-то будешь? — поинтересовался он вкрадчиво.

— Я — русский! — брякнул Александр.

По губам Ингваревичей зазмеились нехорошие улыбки. Апоница и вовсе оскалился, не пряча злобного торжества.

— Ах, русский...— протянул князь рязанский.— Это из каких же земель такие? Вроде ж и наставляли меня люди знающие, и грамоте я обучен, и не забыл ещё, где какой народ проживает, а вот русских не встречал. Мы вот рязанские, на север от нас — суздальцы, на запад — смоленцы, к югу — половцы...

— Да при чём тут это? — возмутился Пончик.— Мы же все на одном языке говорим, одну веру православную исповедуем! Отсюда я родом, понимаете?

Юрий Ингваревич поугрюмел.

— Что ж ты, родной наш,— проговорил он,— даже портянки не приучен наматывать?

— А где ж ему учителей сыскать было? — подал голос Апоница.— Мунгалы-то по-своему обуваются, не как мы!

— Признайся лучше,— с угрозой сказал молодой княжич,— зачем тебя послали в Рязань? Чего выведывал?

— Да вы что?! — вытаращился Пончик.— Свой же я! Да как вы не понимаете! Хан Батый войной на вас идёт!

— Видали мы тех кочевников,— презрительно отмахнулся Апоница.

— Что ты видал, сморчок паршивый?! — неожиданно рассвирепел Александр.— В войске Батыевом семь туменов, семьдесят тысяч бой-

цов, храбрых и беспощадных! Монголы под себя всю Азию подмяли, всею степью завладели! Они и Рязань возьмут, если вы не почешетесь!

— Ты на кого голос повышаешь, мунгал вонючий?! — взревел Юрий Ингваревич.— Евпатий, сделай милость, уведи его отсель, а то я тут всё его поганой кровью позабрызгиваю! В темницу его!

Кряжистый, широкоплечий Евпатий казался былинным богатырём рядом со щуплым Пончиком — грудь как бочка, шея толще головы, воротник рвёт, ручищи как ножищи. Он положил тяжёлую ладонь на плечо Александру и прогудел:

— А ну-ка...

Пончик вырвался, не удержался и шлёпнулся на колени, зачастил:

— Я же правду говорю, правду истинную, что же вы мне не верите?! Ведь поздно будет, не успеете ничего! Я в самом деле родом отсюда, в землях новгородских рождён, у реки Невы обитал! А потом...— Шурик едва не брякнул, что базилевс его титулом протоспафария пожаловал, но вовремя сменил тему: — В греках был долго, а с самой весны великому князю Ярославу Всеволодовичу служил, снадобьями всякими пользовал, поелику врач я! А тут нас в степь послали, с одними кочевниками договориться, только мы в плен к другим попали, к монголам! Я, как узнал, кто они такие и чего хотят, сбежал и сюда подался, а вы... Да что ж вы тупые такие?!

Большего он сказать уже не смог — Евпатий подхватил его за шиворот, как котенка за шкирку, и поволок. Опять тёмные переходы, опять задули сквозняки, потянуло сыростью, и вот впихнули Пончика в темноту и смрад, и захлопнулась толстая дверца, загремел засов, затихли шаги удалявшегося Евпатия.

Александра объяла тьма. Нащупывая ногою холодный земляной пол, он мелкими шажками обмерил темницу, брезгливо касаясь мокрых стен с нацветшей плесенью. Споткнулся о лежак, под ногою зашуршала прелая солома. Обиженно пискнула крыса, которой он отдавил хвост.

Содрогаясь от отвращения, Пончик собрал солому в охапку и «застелил» ею лежак, после чего лёг и свернулся калачиком. Чёрное отчаяние, охватившее его, как нельзя лучше соответствовало окружающему мраку. Всё зря, всё зря... Эти феодалы сиволапые ничегошеньки не понимают, даже не пытаются понять! Господи, какой же он дурак был... Зачем было уходить? Чтобы из раба в узника обратиться? Вот спалят Рязань, и они тут оба зажарятся — протоспафарий Александр и безымянный грызун...

Всхлипнув пару раз от жалости к самому себе, Пончик подложил руку под голову и уснул.

Ни тяжёлых шагов, ни лязга и скрипа, когда открывалась дверь, Шурик не услышал — спал он самозабвенно.

Евпатий потряс его за плечо, буркнув: «Вставай! Слышь?» — и только тогда Пончик проснулся. Заморгал сонно на трепещущий свет масляного фонаря в лапище боярской, протёр глаза.

— Чего ещё? — сказал он с горечью.— Решили усекновение главы устроить? Давайте, чего там...

— Пошли,— буркнул Евпатий.— Князь видеть тебя хочет...

— Вопрос в том,— строптиво сказал Александр,— хочу ли я его видеть!

— Иди давай! Разговорился...

И вновь перед Пончиком потянулись знакомые уже проходы и переходы. Евпатий печатал шаг сзади и громко сопел. Потом не выдержал, видно, и проговорил ворчливо:

— Послы мунгальские пожаловали, десятину запросили во всём: в князьях, и в людях, и в конях...

— Ах вот оно что... А князья им что ответили?

— А что им отвечать было... Рекли: «Когда нас не будет всех, то всё нажитое вашим станет».

— Тоже мне, нашли когда чваниться... А тебя, случаем, не Коловратом звать?

— Я и есть,— подтвердил боярин,— Евпатий Львович. А тебе-то сие откуда ведомо?

— Оттуда,— буркнул Александр.

Снова перед ним отворилась дверь под аркою. В полутёмной комнате горели свечи перед иконами, золочёные ризы отражали неяркий свет, смутно выделяя лица. Присутствовали всё те же — князь Юрий Ингваревич, братья его, Ингвар и Роман, сын Фёдор, племянник Олег Красный, князья Юрий Давыдович Муромский, Кир Михайлович Пронский, Глеб Ингоревич Коломенский. Лавку напротив бояре заняли — Вердеревские, Кобяковы, Карандеевы. Отдельно сидел Вадим Данилыч Кофа.

Как кого звать, Пончик разобрался после, а сперва он на одного князя рязанского глядел — тот стремительно шагал из угла в угол, заложив руки за спину и склонив голову. Но тигра в клетке государь рязанский не напоминал, скорее уж загнанную лошадь, почуявшую запах хищника.

— Вот, князь, привёл,— пробасил Коловрат.

Юрий Ингваревич резко прекратил свои метания и шагнул к Александру. Не тратя времени на церемонии, он старательно выговорил фразу на греческом, интересуясь, как с Месы пройти к императорской опочивальне, что во дворце Дафны. Пончик машинально ответил, что проще всего через Халку и Портик Схолариев двинуть. Князья с боярами перегляну-

лись, толстый священник с окладистой бородой величественно кивнул — всё верно, дескать, разумеет «мунгал» греческий. Знать, не мунгал...

Эта детская, смешная даже проверка убедила всех, подействовав успокаивающе. «Видно, туго им пришлось»,— подумал Пончик.

— Так ты говоришь, много тех мунгалов? — спросил Юрий Ингваревич обычным голосом, будто и не было перерыва в их разговоре.

— Много,— ответил Шурик.— И не то плохо, что велико число их, а то, что монголы спаяны железным порядком.

Толстый поп поёрзал и пророкотал архиерейским басом:

— Из Дикого Поля завсегда кто-нибудь, да приходил. Печенеги являлися, козары, половцы. И где они все? Или сгинули всеконечно, или под руку попали князьям нашим. Мунгалы твои тож из степи явились. И чаво они в топях наших забыли? А? Так что отсидимси, переждём беду. Да и не пойдут оне дебрями, боязно им в чащобах, тягостно. Не о мунгалах думать надобно, а о спасении души, во грехах погрязшей. Аминь...

— Батюшка,— криво усмехнулся Пончик,— на Онузу монголы напали, Чёрным лесом пройдя, а сюда я добрался, ни разу не заплутав, — степь-то до самой Прони тянется. И ещё. Зря, что ли, по-вашему, Батый зимой пришёл? Отнюдь нет! Замёрзли болота. И реки льдом покрылись — прямые дороги! Так что не отсидеться вам, и не надейтесь даже.

— Посол сказывал,— медленно проговорил Олег Ингваревич Красный, действительно смазливый парень лет тридцати,— будто у Батыги войска столько, что пересчитывать его придётся девяносто девять лет, а начальников аж одиннадцать, и все царевичи священной крови Чагониза. Верно сие?

— Я уже говорил, воинов у Батыя много, семьдесят тыщ, и все они повинуются приказу без разговоров и без раздумий, не боятся никого и привыкли побеждать. Царевичей и в самом деле столько, да не их бояться стоит, а полководцев — Бурундая, Субэдэя и этого тангута [1]... как его... Сили Цяньбу. Они завоёвывали огромные пространства, могучие государства, где в одном только городе жителей больше, чем во всём вашем княжестве, и эти военачальники не потерпели ни единого поражения!

После этих слов никто не спешил высказаться, повисло молчание. Первым его нарушил князь рязанский.

— Что делать станем, братие? — негромко спросил он.

— Тянуть время надобно,— пробурчал Кофа.— И верных людей слать к Юрию Всеволодовичу, великому князю владимирскому. Пущай помогает людьми! Нешто мы одни должны за всех отдуваться?

---

[1] Народ, населявший земли на севере нынешнего Китая и создавший в X веке государство Сы Ся, павшее в ходе завоевательных походов Чингисхана.

— Верно! Верно! — загудели князья да бояре.

— Я так думаю,— веско сказал Юрий Ингваревич.— Во Владимир-Залесский мы людей пошлём обязательно. Небось не токмо Рязань хотят мунгалы данью обложить, но и Владимир, и Новгород, и... и всех. Надо и послов мунгальских туда же отослать, к Юрию Всеволодовичу! Мы, дескать, люди маленькие, великий князь над нами, он ńабольший, он всё решает, вот и пущай скажет своё веское слово!

Кофа одобрительно кивнул.

— Правильно мыслишь, княже,— сказал он.— Нам нонче каждый лишний день — подмога, а послы, пока туда, пока обратно... Недельки две протянем, так-то!

— Далее,— сжал кулак государь.— Встань, Ингварь.

Ингвар Ингваревич поднялся, спокойно одёргивая рубаху.

— Посылаю тебя в Чернигов, к князю Михаилу Всеволодовичу. Возьмёшь с собою Евпатия. Выпрашивайте у черниговцев полки! Хоть половину полка! Беда пришла большая, надо, чтобы все заодно стояли, а не то перебьют нас поодиночке. Феодор!

Княжич встал.

— Соберёшь даров всяких, мехов да прочего богатства, и к Батыге отъедешь, умилостивишь хана, а заодно разведаешь пути-дороги, глянешь опытным глазом. Но лишнего дня не задерживайся!

— Всё сделаю, батя,— сказал Фёдор.

— А мы? — спросил князь Пронский.

— А мы к битве готовиться станем! — решительно сказал князь рязанский.— Что нам остаётся? Собьём дружины, созовём ополчение, да и двинем на татар!

Князья зашумели, крик подняли, спорить кинулись.

— Вы вспомните,— надсаживался князь Муромский,— как прадед ваш Глеб и дед Ярослав, не желая покоряться Всеволоду чести ради, и сами тяжко претерпели, и землю разорили вконец, а всё одно принуждены были сильнейшему покориться!

— Ни за что! — ревел князь Пронский.— Ни за что кланяться не стану татарам, яко псы смердящим!

— Лучше нам смерть в бою принять,— заключил Юрий Ингваревич,— нежели в поганой воле быть!

Пончик сжался в уголку, чувствуя, как нарастает в душе страх и отчаяние. Его глупые надежды пересилить твердолобых феодалов, склонить их к миру, рассеялись прахом. У князьков был шанс, они могли спасти Рязань, выплачивая Орде ежегодную дань, могли народ уберечь! Но нет, как же им поступиться своею дурацкой честью! А о

людях они подумали? Конец настаёт их житью-бытью. Разорение грядёт и гибель, горе и муки. Война...

...В тот же день, ближе к вечеру, Александр выбрался в город и направился к Успенскому собору. Это было добротное беленое здание, на крыльцо которого степенно восходили купцы, важно поднимались дворяне, торопливо карабкались мужики, а в дверях храма сословия равнялись — все одинаково сдёргивали шапки и крестились. Пончик последовал их примеру и вошёл в собор, озарённый мерцающим сиянием свечей. В полутьме гулко разносились плаксивые голоса, молившие Господа о спасении, о ниспослании благодати, о чуде, о здравии... Воровато оглянувшись, Шурик прихватил горящую свечу и незаметно вышел вон.

Обойдя храм, он обнаружил решётчатую дверь в подвал полуоткрытой и спустился по истёртым ступеням в студёный коридорчик с облезлыми стенами, оголявшими кирпичную кладку, и низким сводчатым потолком. Прикрывая дрожащий огонёк ладонью, Пончик дошагал до второго поворота и зашёл в маленькую келью, скорее даже глубокую нишу, на стенке которой висело позеленевшее медное распятие.

Осмотревшись, он пересчитал тонкие кирпичики-плинфы, похожие на коржики, и пошатал пальцами тот, что был отмечен тремя зарубками. Плинфа легко вышла из паза. Александр торопливо вложил пергамент в щель, подумав, что даже не поинтересовался, о чём послание неведомому терциарию.

Молча пожелав удачи «бойцу невидимого фронта», Пончик покинул холодный и пустой церковный подвал.

Глава 11,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ ГОТОВИТСЯ К БОЮ, НО ДО НЕГО НЕ ДОХОДИТ ОЧЕРЕДЬ

...Представление о монголах, как о плосколицых и узкоглазых уродцах, измышлено для возжигания пущей ненависти в сердцах потомков тех, кто испытал все тягости ига. На самом-то деле истина, как водится, где-то рядом. К примеру, есть все основания полагать,

что сам Чингисхан был высоким, хорошо сложенным, с прямым носом. Во всяком случае, он был рыжим, а представить себе типичного монголоида светловолосым как-то не получается. По крайней мере отец Тэмучина, Есугей-багатур, принадлежал к племени кият-бурджугин, что значит — «синеокие». Так-то вот.

Те, кого принято называть монголо-татарами, были жителями степи, такими же, как гунны, вселявшие ужас в римлян, изнеженных цивилизацией. После поражения на Каталаунских полях[1] гунны разбрелись по Дунаю, плотнее всего населив Паннонию, будущую Венгрию, и Фрисландию — это в Северной Германии. Но что-то не замечается в лицах немцев особой уплощенности и узкоглазия.

Нормальными людьми были гунны, мало чем отличными от европейцев. Вот так же и с монголами дело обстоит, тем более что под этим словом соединились десятки, сотни племён, населявших степи, леса, горы,— нангясы, уйгуры, казахи, таджики, половцы, туркмены, калачи, карлуки, татары-куин, татары-алчи, кият-асары, хакасы, чаншиуты, мангуты, конкотаны, нукузы, киргизы, икирасы, и прочие, и прочие, и прочие. И вот что самое удивительное — завоевателей всегда хватало, но таких, как Тэмучин, не бывало. Ведь ему удалось не только захватить огромные пространства, но и удержать их и собрать в один кулак разноплемённую армию.

После смерти Чингисхана равного ему не рождалось, однако новые владыки монголов не уступали своих владений — они наступали, присоединяя к уже завоеванной половине мира его остаток. Чингизиды просто-напросто пользовались тем, что создал их великий предок. В первую голову — колоссальное, строго вымуштрованное, выдрессированное, отчаянно смелое, летучее войско, настроенное исключительно на победу. Во вторую очередь, ханы имели прекрасную разведку и были научены, как, устрашая и посулами привечая, манипулировать своими врагами, как их лучше перессорить и соблазнить возвышением, за что купить, а за что продать. Вопрос: а почему десятки тысяч степняков бросали всё и шли по зову нойонов и ханов в поход? Из страха? Нет. По зову сердца. По зову разума. По зову алчности. И ещё потому, что монголы были свято уверены: они — избранные. Они верили в Вечно Синее небо и с каждой новой победой

[1] Грандиозное сражение, получившее название «битва народов», между объединенным войском Западной Римской империи (Гесперии) и союзных Риму народов под командованием Аэция, с одной стороны, и коалицией варварских придунайских племен, возглавляемой гуннами Аттилы, — с другой. Сражение произошло в конце июня 451 года в районе города Каталаунум (совр. Шалон-сюр-Марн на северо-западе Франции) и закончилось победой армии Аэция.

убеждались, что путь, указанный Тэмучином,— истинный. Монголы шли в поход, потому что исполняли волю Вечно Синего неба, и следовали за ханом, покровительствуемым Небом.

«Мы веруем во единого Бога,— говорили они,— которым живём и умираем; но как руке Бог дал различные пальцы, так и людям дал различные пути к спасению: вам Бог дал Писание, и вы его не соблюдаете; нам дал колдунов, мы делаем то, что они нам говорят, и живём в мире...»

...Снегопад выбелил степь, скрыл траву под искристыми увалами. Серая хмарь была так плотна и так густа, что солнце даже расплывчатым пятном не выделялось на небе, просевшем однообразной пеленой, равно цедившей холодный и тусклый свет.

Чёрными островками в снежном море выделялись рощицы, далеко-далеко, на краю зримого мира, сливавшиеся в синюю полоску леса. Не дебрей, ещё не дебрей — заросли дуба, липы, клёна тянулись разрывчато, перемежаясь обширнейшими лугами. Здесь лес смешивался со степью, клиньями углубляясь в Дикое Поле, окружая разнотравье, но не смыкая рощи воедино.

Монгольское войско казалось гигантским кочевьем, ставшим на зимовку, и только обгорелые брёвна Онузы свидетельствовали: война идёт.

Юрты и шатры-джодгоры делили степь на истоптанную гутулами и копытами, разрытую конями до земли, запачканную кострищами, загаженную, испятнанную коричневым и жёлтым,— и нетронуто-снежную, девственно-чистую, безмолвную и пустынную. Но недолго сохранялось деление — цепочки следов всё чаще прочерчивали наст, то расходясь, то скрещиваясь, завивая петли и выводя зигзаги.

Вот и савраска метит снег, хрупко ступая по целине. Иногда он останавливался, чтобы копытом разгрести холодные хлопья, и добирался до травы, высохшей на корню.

Олег не мешал коню подкрепляться. Надо будет — саврасый весь день проскачет, а сейчас — пускай себе хрумкает, если ему нравится.

Сухов с утра кружил вокруг становища, исполняя долг тургауда, дневного стражника. Служба непыльная. Вот, если бы задул буран, если б замела метель... Тогда — да, тогда дневной дозор живо сравнялся бы с подвигом. А сегодня ветер едва колеблет хвосты тугов. Лёгкий морозец щиплет щёки, но добрая порция мяса греет изнутри, шуба — снаружи, а лохматому савраске всё и так нипочём. Этой животине хозяин нужен не для кормёжки и ухода, а для общения. Конь и всадник не есть два отдельных существа. Тот, кто в седле, сживается, сродняется с тем, кто под седлом, и являет собой двойственную неразрывность. Кентавра.

Олег похлопал по шее жевавшего савраску, и тот мотнул головой: чего тебе?

— Кушай, кушай...— проговорил всадник.

Конь тряхнул гривой и сгрыз целый пук травы. Захрустел, зазвякал уздой.

В этот момент на белоснежном поле зачернело пятнышко, будто кто точку поставил на чистом листе. Сухов пригляделся. Путник? Нет, всадник. Но уж больно низко сидит... Да лежит он!

Олег направил коня навстречу неизвестному. Он увидел усталую лошадь-«монголку» и нукера, бессильно обвисшего в седле. Из куяка торчали две стрелы, качавшие оперением.

— Ха! — выкрикнул Сухов.

Нукер поднял искажённое от боли лицо, нетвёрдой рукой вытащил серебряную пайцзу с изображением парящего сокола.

— Кто?..— прохрипел он.

— Нукер из десяток Изай,— старательно выговорил Олег,— сотник Эльхутур.

— Хану скажи, если помру... Бату-хану... Коназ рязанский не принял мира... Рать собрал, на нас войной идёт...

— Большой рать?

— Половина тумена...

— Сам ехать для поговорить. Имя как?

— Сорган-Шира...

— Ехать, Сорган-Шира. Ехать до Бату-хан.

Нукер не ответил — он медленно валился на бок. Сухов подхватил никнувшее тело и понял, что поддерживает мёртвого.

Отобрав у Сорган-Шира его пайцзу (пригодится), Олег привязал руки нукера к седлу и повёл лошадь за собой в поводу.

— Поехали, коняка,— сказал Олег.

Савраска не стал спорить — бодро потрусил в сторону юрт.

Чем ближе к становищу, тем сильнее давил шум и плотнее обступали запахи. Жизнь вокруг бурлила во всех своих проявлениях.

Чумазые пастухи-харачу доили кобылиц, а сморщенные старухи-куманки готовили сыр из кобыльего молока. Воины сидели у костров, грелись или занимались делом — подтачивали наконечники стрел, пришивали новые завязки к куякам, плели из пареной лозы щиты и обтягивали их грубым шёлком, напрягали глотки в горловом пении — их грубые, заунывные голоса будили в Олеге щекочущие полувоспоминания-полусны о древности, восходящей к пещерам. Чудились ему травяные запахи зелёной степи и гул скачущих табунов. Сама Азия,

непричёсанная, косоглазая и плосколицая, витала над становищем, нагоняя жуть от минувших неистовств.

Правда, Сухов не глазел вокруг зря. Он ни днём ни ночью не забывал, что служба его отлична от увеселительной прогулки. Вот и сейчас Хельгу, сын Урмана, ехал, посматривая по сторонам, не забывал и за спину глянуть. Конечно, подручные Бэрхэ-сэчена поостерегутся убить его посреди становища, но уж лучше перебдить, чем недобдить!

Савраска вынес Олега на бугор, с которого открылась орьга — ставка Батыя. В окружении десятков юрт приближённых возвышался белоснежный шатёр хана, вокруг которого были расставлены девять тугов — по два с каждой стороны, а в середине торчал главный бунчук — тонкое древко, увитое цветными лентами, с круглым бронзовым щитом. С его краёв бахромой свисали белые волосы конской гривы, а навершие было выполнено из бронзы — меч и два лепестка пламени составляли трезубец.

Дальше Олегу проехать не дали — могучие кешиктены, гвардейцы хана, окружили Сухова. Хельгу моментально выудил серебряную пайцзу и крикнул:

— Внимание и повиновение! Моя ехать для поговорить до Батухан! Шибко важно!

Кешиктен на белом коне молча показал плетью — поезжай впереди.

Так, в окружении гвардии, Сухов приблизился к ханскому шатру на десять шагов — дальше его не пустили тургауды, скрестив копья.

Олег послушно спешился. Тут же перед ним возникли три шамана в просторных куртках с вышитыми красными и жёлтыми узорами, изображавшими тайные знаки. Юбки из синей шерсти с тяжёлыми складками прятали войлочные сапоги, а головы шаманов гнулись под тяжестью шапок с приделанными кусками бирюзы. На макушках у них, походя на короны, торчали рожки джейранов, собранные в окружности, на виски опускались треугольные подвески, а за спинами болтались цепи с бронзовыми побрякушками. Их трезвон перебивался рокотом бубна.

— Пройди между огнями, воин,— прошамкал самый старый из жрецов.— Мы обкурим тебя священным дымом. Он очистит сердце от недобрых помыслов, прогонит прочь злых духов-мангусов.

Олег кивнул только. Кешиктены выстроились в два ряда, по обе стороны дорожки, ведущей к шатру, и грозно нахмурили брови.

Сухов направил стопы к дверям, делая остановки около восьми жертвенников, сложенных из камней. На них дымились костерки. Два шамана помоложе вовсю махали опахалами, раздувая огонь, а старый пел дребезжащим голосом:

О, духи конца и начала,
Хранители пути,
Пронизывая капли тумана,
Наслаждаясь дыханьем ветров,
Охраной идущие сзади,
Несущие вехи вперёд,
Жертву примите, очистите сердце!

Напряжённый взгляд Олега отмечал всякую мелочь — волосяные арканы притягивали шатёр к кольям с медными головками; шатровая дверь состояла из двух позолоченных створок с резьбою, изображавшей драконов в окружении листьев; перед дверью покоился расписанный лаком барабан на деревянной подставке, а у входа стояли в карауле двое кешиктенов полузвериного обличья. Копьями они подняли дверной занавес и пристально следили за тем, чтобы Олег не коснулся ногой порога. Сухов поднял ногу повыше и переступил порожек.

Внутри ханского шатра горели светильники, заправленные благовонными маслами, на разостланных коврах лежали подушки в шёлковых наволочках. Хоймор — почётная часть юрты — был задёрнут малиновой шторой, расшитой золотыми тиграми с растопыренными когтистыми лапами и серебряными соколами, падавшими на добычу.

У входа Сухова встретил сам Субэдэй в синем халате-чапане с рубиновыми пуговицами. Он молча указал на саблю. Олег, тоже не говоря ни слова, снял клинок и положил его у двери. Субэдэй кивнул и провёл нукера в хоймор. Там, на стопе из двадцати семи верблюжьих шкур, сидел Бату-хан в начищенном до блеска куяке. На груди у него висела на цепи овальная золотая пайцза с изображением тигриной башки — усы встопорщены, клыки в оскале. Голову хана покрывала белая войлочная шапочка, отороченная голубым шнуром, плечи покрывали четыре хвоста чёрнобурок. Рядом с походным троном из кож находился колчан, выложенный золотом. В нём лежало всего три стрелы [1].

На ковре перед ханом стояла на коленях шаманка с обрюзгшим лицом, почти скрытым под тонкими косичками и низко надвинутой шапкой, украшенной головами птиц с длинными клювами и хвостами лисиц. Засаленный халат покрывала тяжёлая медвежья шкура, подпоясанная ремнём, на нём висели войлочные божки. В одной руке шаманка держала бубен, в другой — колотушку и раскачивалась из стороны в

[1] Чем человек знатнее, тем меньше стрел находилось в его колчане. Только простые воины обязаны были иметь по два полных колчана.

сторону, то ли входя в транс, то ли не имея сил выйти из него. Она смотрела, тупо уставясь перед собой, и ничего не видела. Тянула только, глухо и заунывно: «Аюн-ее! Аюн-ее!»

Олег сразу узнал жрицу — это её отправляли послом к великому князю рязанскому. Бату и Субэдэй терпеливо ждали, когда же шаманка переговорит с духами-онгонами и поведёт людские речи.

Неожиданно женщина замерла и ясным голосом сказала:

— Великий коназ Гюрги из города Ульдемир [1] отказал в помощи коназу Резана. Он не пошлёт ему воинов и не заступится сам.

Бату и Субэдэй переглянулись, улыбаясь довольно. Больше шаманка не сказала ни слова. Подобрав орудия для камлания, она вышла вон.

Батый задумчиво поглядел ей вслед, оглаживая усы и бородку, а затем обратил своё благосклонное внимание на Олега.

— Менду [2], нукер Хельгу, сын Урмана,— усмехнулся он.— Если ты потревожил меня по пустякам, будешь наказан.

— Байза [3], хан Бату, сын Джучи, сына Тенгиз-хана,— сказал ему в тон Сухов, неторопливо опускаясь на колени.— Моя находить в степи воина Сорган-Шира. Он не доехать до твой шатёр, он умереть. Сорган-Шира говорить через меня к тебе — князь рязанский идти войной. Он шибко-шибко быстро вести войско в половину тумена и будет здесь скоро.

Хан вскочил, сжимая кулаки и щуря глаза, и без того узкие.

— Растопчу это коровье дерьмо! — еле выговорил он в бешенстве.— Достану, вырву печень коназа и скормлю собакам!

Субэдэй-багатур выразил свои чувства, издав громкое сопение, а его единственный глаз до того налился кровью, что стал походить на рубиновую пуговицу.

— Ступай, Хельгу,— отрывисто сказал Батый.

Олег встал, поклонился и сказал:

— Будь славен, победоносен и многолетен, великий.

Хан кивнул ему милостиво, а Субэдэй проворчал в спину Сухову, подбиравшему саблю:

— И не болтай там языком, как овца курдюком...

Олег ответил поклоном и удалился. Лишь пройдя сквозь строй кешиктенов к радостно фыркавшему савраске, Сухов выдохнул с облегчением. Держись, человече, подальше от королевских палат и ханских шатров! Проживёшь дольше.

---

[1] Юрий Всеволодович из Владимира. Летописи часто называли его Георгием.

[2] *Менду* — здравствуй (*монг.*).

[3] *Байза* — внимание (*монг.*).

Олег вернулся к юрте Изая Селуковича, но войти, чтобы испить полный аяк кумыса — что-то в горле пересохло,— не успел. Завыли рога, заревели хриплые трубы, зарокотали барабаны. Зычные голоса порученцев-туаджи разнесли любимую присказку Чингисхана, обычно произносимую перед повелением войску:

— Слушайте, тумены непобедимые, подобные бросающимся на добычу соколам! Слушайте, тумены драгоценные, как каменья на шапке великого хана! Тумены единые, как сложенный из камней высокий курган! Слушайте, багатуры, подобные густой чаще камышей, выросших тесными рядами один подле другого! Исполняйте волю Священного Правителя! Только его слова мудры, только они приносят победы, только его приказы доставят вам обильные богатства, тысячные стада и немеркнущую славу!

Во всех концах становища поднялись голоса:

— Слушайте слова Великого Воителя! Слушайте почтительно и с трепетом!

Семь туменов упали на колени, касаясь руками земли, и, подняв голову, слушали объявление приказа:

— Великий повелевает тумену пресветлого хана Гуюка спешно двинуться вперёд, найти в степи войско оросов, загородивших нам путь, и раздавить его! Если Гуюк-хану будет сопутствовать удача, он первым поведёт своих нукеров на Резань! Войска пойдут широкими крыльями, самый левый — Гуюк-хан, самый правый — Шейбани-хан! Хуррагш!

На мгновение зависла тишина, а после низким рыком откликнулись все тумены разом, потрясая степь:

— Ху-урра-агш!

...Монгольское войско продвигалось отдельными туменами, между которыми постоянно сновали гонцы. Конные разведчики скакали впереди, то и дело поднимаясь на отлогие холмы, и подавали знаки, кружась на месте,— всё спокойно!

Чтобы не разрывалась связь между отрядами, без устали трудились сигнальщики, маша чёрными и белыми флажками. В сумерках и ночью они передавали сообщения с помощью горящих факелов.

Шли тумены сакмой — широким степным шляхом, по отлогому берегу реки Лесной Воронеж. Земли вокруг или раскатывались заснеженной плоскостью, или приподнимались низкими холмами с длинными и пологими склонами.

То ли Субэдэй, то ли сам Бату отметил бдительного тургауда — молодой чёрноусый кешиктен привел для нукера Хельгу лошадь Сор-

ган-Ширы, передал его лук и доспех и удалился, коснувшись пальцами правой руки сердца, губ и лба.

Так у Олега появился второй конь. Хотя хвастаться тут было особо нечем — иные из нукеров вели за собой по пять, даже по десять запасных коней.

В поход на «коназа Резана» Сухов снарядился от и до: у него были резак и напильник для заточки наконечников стрел, крючок с леской, бечёвка, железный котелок, две кожаных фляги — одна для воды, другая для кумыса. И два полных колчана — шестьдесят стрел ровно. Половина — срезни для «кровопускания», половина — с граненными, калёными жалами, пробивавшими кольчугу.

С луком Олег дружил не особо. В человека мог попасть, но не за сотню алданов [1], как лучшие стрельцы-мэргены. Да и норму — выпустить восемь—десять стрел в минуту — он ни за что не осилил бы. Ведь стрелы надо не просто выпустить, а попасть ими в цель! Убить!

Монголы этому искусству буквально с трёх лет учились, куда уж с ними тягаться взрослому неучу... Но и в отстающих числиться Сухову тоже не хотелось.

И вот на каждом привале Изай доставал старый щит, плетённый из ивняка, вешал его на дерево, а Олег вооружался луком Сорган-Ширы и метал стрелы в цель.

Одно хорошо — растягивать лук надо было левой рукой. Если бы напрягать пришлось правую, то он бы не смог удержать в ней меч — так уставали мышцы. Да и то сказать, лук разгибался с усилием в три пуда — это всё равно что поднять не самого худого отрока на уровень плеч. Одной-то рукой!

Его тренировки всегда собирали толпу зрителей — нукеры развлекались вовсю, весело обсуждая каждый выстрел, давали насмешливые советы, но Сухов не обращал на них внимания. Пускай себе зубоскалят. И, надо сказать, его упорство было оценено — сам Субэдэй-багатур похвалил его за настойчивость и волю. Ведь не всякий способен после трудного перехода найти в себе силы для занятий. Но за день до битвы Изай Селукович отменил тренировку: копи, дескать, силы, они тебе пригодятся, Хельгу, сын Урмана...

...На ночёвку устраивались по-простому. Даже для Бату-хана установили не шатёр, а походную юрту. К ночи поднялся ветер, повалил снег, но бравые нукеры не пугались буранов. Олег, как все, выкопал яму в снегу, разжёг в ней костёр, а после устроился на тёплом месте,

---

[1] *Алдан* — маховая сажень, больше двух метров.

постелив вместо простыни попону, расправил обычно засученные рукава шубы, свернулся, как медведь в берлоге, да и заснул.

Ветер намёл над ним сугроб, а к утру стих. Едва хмурый рассвет пробил полог туч, и занялась заря, перекрашивая в розовый цвет белую степь, явился бравый Эльхутур.

— Изай! — воскликнул он.— Ойе, Изай!

Сугроб рядом с заиндевевшим гнедком зашевелился, и пред очи джагуна явился его десятник-арбан.

— Ойе, слушаю!

— Я уже почти всю сотню объехал! Зачем медлишь?

— Доезжай, и мы все будем на конях!

Сухов живо поднялся, умылся снегом и подхватил тёплую попону. Савраска благодарно ткнул его головой в бок.

Один за другим поднимались нукеры Изая Селуковича. Покидали свои снежные постели, тащили потники, седлали продрогших коней.

— Дэр-халь! — разносилось повсюду.— Хош-халь!

Не задерживая конницу, первым тронулся в путь обоз — надменные верблюды тащили на себе разобранные шатры и юрты, кипы расписных войлоков, котелки, мешки муки и риса, изюма и солонины.

И вот весь десяток Изая снова вышел в поход, вся сотня Эльхутура, вся тысяча Бэрхэ-сэчена, весь тумен Бурундая. «Передовой отряд» Белой Орды.

Безбрежную равнину видел Олег, занесённую снегом, с проплешинами сухой травы — ночной ветер сдул с неё снег, чтобы рядышком намести сугробы, отточив их гребни до сабельной остроты,— белорозовые с солнечной стороны, они отливали тёмной синевой в тени.

Кое-где мелькали кусты осины с ещё не облетевшими ярко-жёлтыми листьями или чернели полосы дубняка вдоль промерзших речек. Больше всего снегу наметало в лощины и абалы, как рязанцы называли широкие овраги с пологими склонами.

Олег ещё с вечера примерил мягкий доспех Сорган-Ширы, называемый хатангу дегель — «прочный, как закалённое железо». Он был скроен на манер халата — без рукавов, но с оплечьями. Шили хатангу дегель из белого войлока и бычьей кожи, простёганной поперечными стежками, а сверху покрывали однотонной тканью. Для пущей надёжности в мягкий панцирь вшивали с изнанки прямоугольные стальные пластинки — у горла и в подмышках. Доспех хорошо сидел на Сухове, прямо поверх шубы.

Шлем-дуулга тоже подошёл ему по размеру. Бармица из кожи носорога защищала шею, заодно прикрывая от ветра и снега. На макушке шлема имелось навершие для султана, но Олег не захотел выгля-

деть чудом в перьях — вставил туда штырь. Шлем был велик, как раз чтобы натягивать на малахай — и не давит, и тепло.

...Сухов ехал, покачиваясь в седле, в левой руке держа обязательный прутяной щит, обтянутый шёлком, с бронзовым умбоном [1] посерёдке, а правую грел за отворотом. Тут-то всё и началось.

Тумен Гуюк-хана разминулся с дружиной Юрия Ингваревича — два войска прошли по разным сторонам протяжённой дубравы, вымахавшей на отлогом берегу Воронежа. И разведчики рязанцев столкнулись с авангардом Бурундаева тумена, цепью рассыпавшимся по широкому полю, и где там кончался лёд на реке и начинался низкий бережок, не разглядеть — снег равно укрыл и замерзшую воду, и выстуженную сушу.

Сам Бату выехал на пригорок на опушке кленовой рощицы — хан был в шубе из белых песцов, крытой жёлтым шёлком. Рядом с ним встал Субэдэй-багатур. Военачальники словно заняли почётные места в ложах, чтобы наблюдать за ходом битвы,— и мрачный балет начался.

С гиканьем, с лихим посвистом вынеслись рязанские конники, повалила пехота — ополченцы в полушубках и рыжих армяках, подпоясанных узкими ремнями с ножами в деревянных ножнах, в лаптях и шерстяных онучах, обвязанных до колен и затянутых лыковыми бечёвками, или обутых на степной манер — в войлочные чуни. Вооружено ополчение было чем попало — дедовскими копьями и топорами, охотничьими луками, рогатинами, а то и вовсе дрекольем. Зато орали рязанцы знатно — мат и вой стоял над полем.

Монголы бросились в бой без криков, в полном молчании, лишь топот копыт озвучивал контратаку.

Субэдэй послал вперёд лучников — сотен пять стрелков закружили «хоровод» по всему фронту наступавшей рати рязанской. Лучники-корчи поотрядно скакали, кружась по часовой стрелке, выцеливая свои жертвы с самой удобной позиции — слева. На полном скаку каждый корчи спускал по две-три стрелы и сворачивал в тыл своим товарищам. Появлялся опять, в начале сей убийственной «карусели», и снова стрелял. И снова попадал.

Сотни стрел одновременно слетали с тугих монгольских тетив, и промахи были крайне редки. Оперённые «тумер булсуу» вонзались в плоть, прикрытую бронями, и сносили бронника с ног, лишая здоровья или самой жизни, а когда стрела попадала в пешца, на котором, кроме полушубка да бурого армяка, не было ничего, то пробивала тело насквозь.

---

[1] *Умбон* — сферическая или коническая бляха на щите, защищающая руку воина от пробивающих щит ударов.

Люди падали, люди рушились под ноги своим, убитые лошади спотыкались и летели кувырком, роняя всадников.

Меткие рязанские стрелы выбивали и степняков-корчи, те валились в снег, но губительный «хоровод» не прекращал своего кружения.

Рать рязанская дрогнула, смешалась — передние ряды подались назад, уберегаясь от обстрела, задние давили на передних, яростно требуя смерти врагу.

И тогда Субэдэй-багатур послал вперёд тяжёлую конницу. Копьеносцы в шубах, обтянутых блестящими, надраенными куяками, в ребристых шлемах с забралами, казались мощными, большеголовыми, лишенными шей демонами. Копейщиков несли могучие кони, чьи ноги почти не были видны — броня из сыромятной кожи и железа скрывала скакунов почти до взрытого копытами снега.

Рязанские витязи сошлись с конниками Бату-хана. Боестолкновение было страшным — громадные копья ударили, как тараны, сшибая коней, расколачивая миндалевидные щиты, насаживая седоков, будто на колья. Лошади дико ржали, вставая на дыбы, пытаясь выдержать чудовищный напор, и падали в кровавый снег.

А на флангах багатуры уже отбросили изломанные копья, вооружаясь сразу двумя саблями, и врезались в рязанскую конницу, неистово полосуя клинками тела и крупы, врубаясь в ряды защитников земли рязанской, пьянея от брызжущей крови и наседая, наседая, наседая...

Тысяцкий Бэрхэ-сэчен, получив команду от Субэдэя, привстал в стременах и хрипло закричал:

— Хуррагш!

Десять сотен всколыхнулись и послали своих коней вслед отступавшей рати рязанской. Но перейти к своему заключению — к рукопашному бою — сражение уже не могло. Рязанцы бежали, а впереди всех, на лихом коне, мчался князь рязанский Юрий Ингваревич.

Нукеры Гуюк-хана, исправляя оплошность, понеслись вдогон, истребляя беззащитных пеших, а сотни Эльхутура и Алтун-Ашуха напали на рязанский обоз — смирных лошадок, запряжённых в сани-розвальни с плетёными коробами, набитыми караваями житного хлеба, мешками с пшеном, кадками с салом. Мужиков обозных давно уж и след простыл, зато кое-где в санях остались брошенные тулупы, кольчуги, брони — видать, не все из ратников успели облачиться к бою.

Монголы налетели на обоз. Олег, спрыгнув с коня, кинулся к саням, влекомым заморённой чалой лошадёнкой, и решительно отпихнул прыткого Джарчи — молодца с рассечённой бровью и реденькими усиками,— перехватив великолепный меч ромейской работы —

настоящий акуфий. Ах, какой клиночек, так и просится в руку! Прекрасненько...

Примерив один островерхий шлем, Сухов отбросил его — маловат будет. А вот этот в самый раз! Гранёный и шпилястый, с выкружками для глаз, с наносником, шлем был хорош на диво. Пригодится в хозяйстве...

Подъехавший Изай Селукович только головой покачал, оглядывая обоз.

— Гей, ой-о! — протянул он.— Ум коназа жидок, как молоко, с которого собрали сливки. Столько народу погубить зазря. Ва-вай...

— Ой-е, Изай-гуай [1]! — жизнерадостно молвил Джарчи, примеряя тулуп.— Коназ — мерин, всё ещё думающий, что он жеребец!

Арбан-у-нойон не ответил бойцу, продолжая сокрушённо качать головой. Чихнув, он сказал задумчиво:

— Духи зла щекочут мои ноздри — к чему бы это?

Незаметно подъехавший Субэдэй-багатур сказал, устремляя свой единственный зоркий глаз на север:

— К походу, арбан. В земли храброго, но глупого коназа. На Резан!

Глава 12,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ ПОВИНУЕТСЯ ПОРЫВУ

Субэдэй-багатур был виднейшим полководцем, сравнимым разве что с самим Чингисханом. Или с Александром Македонским. Или еще с кем. Его ум находил неожиданные решения, Субэдэй продумывал битву на много ходов вперёд, используя местные особенности и разведданные, приспосабливая опыт степняков, таёжников, горцев или жителей пустыни — ведь за спиной у багатура были покорённый Китай и Кашгария, Сибирь и Алтай, Средняя Азия, Персия, Кавказ, обширнейший Дашт-и-Кипчак — Половецкая степь, что раскинулась от Иртыша до Днепра. Субэдэй вёл тумены от победы к победе, прибирая всё новые и новые земли к бескрайней монгольской империи, приводя под руку ханов всё новых и новых данников.

---

[1] *Гуай* — уважительное обращение к старшему (*монг.*).

Однако он никогда не чурался военных обычаев, освящённых временем и именем Тэмучина. Та же Онуза занята была не потому, что на дороге стояла. Взятие этой мелкой крепости явилось демонстрацией силы — вот, дескать, коназ резанский, мы пришли! Гляди, что творим. Ну и чем ты ответишь на наши безобразия?

А чтобы до князя быстрей дошло, к нему направили послов.

И это было давней, проверенной схемой — перейти границу, захватить крепость и ждать, что ответит местный правитель, получив от посла предложение (читай — ультиматум): выбирай — мир или война? Если мир — тогда готовь дань. И каждый год отныне будешь собирать десятину для хана. Если война — тогда держись, тогда вина за вторжение на тебе, князь (или шах, или император, или король, не суть важно). И нукеры с чистой совестью будут резать, будут бить, будут грабить и жечь. Вам же предлагали мир? Предлагали. Не захотели? Значит, сами виноваты!

И вот под копыта монгольских коней ложится земля рязанская, истерзанная княжескими разборками и вечной разрухой — только очистят пожарище, отстроят избы по новой, только распашут заросшие бурьяном поля,— опять является полчище, опять власть меняется! И что разумного, доброго, вечного можно было создать, когда каждое поколение переживало по две-три войны?..

...Олег ехал, держась сакмы, и грустно улыбался своим мыслям. Похоже, что он продолжает неоконченный спор с Пончиком. Всё ищет новые аргументы в защиту своей правоты.

— Наше дело правое,— пробормотал Сухов,— победа будет за нами.

Он ехал, ведя в поводу уже трёх коней. Парочку — сивого и бурого — Олег обнаружил случайно, когда Изай послал его прикрывать фланг тумена, скакать в стороне, да высматривать вероятного противника. Часа не прошло, как Сухов наткнулся на двух осёдланных лошадей, забившихся в чащу. Поводья у них запутались в кустах, и сивка с буркой грустно смотрели на Олега. Сперва они, конечно, подёргались, храпя и фыркая, но голос Сухова, выговаривавший всякие ласковые глупости по-русски, успокоил их. Олег угостил коняшек сухариками, и те дали себя увести. Убили ли их хозяев в бою, или те по дороге свалились от ран, осталось неизвестным.

Тумены шли берегом реки Рановы, подбираясь к её истокам, к незаметному водоразделу, откуда на юг течёт и Воронеж, и сам Дон, а к северу сбегает Ока. За водоразделом нукеры Чингизидов двинутся по льду реки Прони. Это уже, считай, рядом с Рязанью, но стольный

град воинство Бату-хана захватит в последнюю очередь. Сначала нужно будет предать огню и мечу окрестности, разорить города и веси — тоже старинная стратегия. Ведь надёжный тыл — прежде всего. Значит, надо пройтись по тылам князя рязанского, пожечь всё, что горит, порубить всех, кто сопротивляется «натиску на запад», лишить Юрия Ингваревича даже надежды на подмогу. Пускай запирается в своей Рязани и падает духом, ибо не будет ему никакого спасения, никто не защитит его — сдавайся или умри!

На Проне тумены разделятся — Гуюк-хан, давний враг Батыя, отправится на приступ города Пронска. Мункэ, давний друг Бату-хана, пойдёт на Белгород, Шейбани поведёт своих к Ижеславцу. С ним отправится Сили Цяньбу, тангутский военачальник, умелый стратег и хороший тактик.

А остальное войско Батыево двинет вниз по Проне и выйдет прямо к Рязани. Его поведёт Субэдэй.

Вечером тысяча Бэрхэ-сэчена вышла к селу Добрый Сот, стоявшему на берегу Прони,— как раз в том месте, где находилась переправа по дороге из Пронска в Рязань.

Добрый Сот был окружён старым, давно не чиненным тыном из острённых, осмоленных брёвен, а мощные ворота на пудовых петлях навешаны были на резные столбы в обхват.

Олег поморщился недовольно — он чертовски устал, весь день проведя в седле, а теперь вместо ужина штурмуй это паршивое селище! Но тут ворота Доброго Сота дрогнули и пошли открываться. Несколько сробевших молодцев придержали тяжёлые створки, и навстречу монголам вышел староста в буром армяке, часто кланяясь и подлащиваясь. Мол, не в ответе мы за князя, князь сам по себе, а мы сами по себе.

— Милости просим,— проблеял староста,— не извольте гневаться.

Переваливаясь по-утиному, приблизился старый бородатый поп в лиловой ризе из грубой крашеной холстины с нашитыми жёлтыми крестами. Собрав пальцы щепотью, он осенил монголов крестным знамением.

Эльхутур забеспокоился и крикнул:

— Изай, что делает русский шаман?

— Отгоняет от нас злых мангусов,— нашёлся арбан.

Джагун-у-нойон успокоился и передал приказ тысяцкого: домов не жечь, селян особо не обижать. Воюют с непокорными, покорившимся даруют жизнь.

Сотни разъехались, выбирая себе места для ночлега. Хозяевам и впрямь не чинили обид, разве что выгоняли из домов — селяне торопи-

ливо забивались на гумна и в овины [1], на сеновалы и в конюшни, торопливо крестясь — слава те, Господи, пронесло! Вживе остались!

Сельцо не выглядело богатым — приземистые избы были словно уплощены крышами из бересты и дёрна. Улиц не замечалось вовсе — плетни, огораживавшие дворы, пересекались как попало. На возвышенности поднимала луковку новая церквушка-«однодневка», когда-то в один день выстроенная всем миром.

— Ищем, что получше! — крикнул Изай, понукая коня.— Тут юртчи [2] нету!

— А вон! — показал Олег на крепкую избу, поставленную «глаголем», то бишь буквой «Г» в плане.— Вроде ничего с виду.

Арбан-у-нойон свистнул, подзывая десяток, и все поспешили к выбранной избе.

Дом нельзя было назвать богатым, но и нужды в нём тоже не терпели. За воротами открывался двор, как стеною окружённый мыльней, конюшней с сенницей, житницей, дровяником, а над высокой тесовой крышей поднималась верхница — надстроенный теремок, этакий мезонин.

Нукеры спешились, захлестнули чембуры вокруг коновязи, натаскали животным сена.

Олег, устроив своих коней, прошёл к крыльцу и поднялся по ступенькам в сени. Следом топали Изай и Джарчи.

В доме было натоплено — и тихо. Ни голосов, ни запахов особенных. Тянуло чем-то кислым, то ли квасом забродившим, то ли пропавшим тестом.

Почти всю горницу занимала громадная печь, в красном углу тускло отблёскивал иконостас. Весь свет шёл от пары светцов с горящими лучинами.

— А где все? — удивился Изай по-русски.

Будто в ответ скрипнули полати [3], и забелело лицо.

— Я и есть все,— прокряхтел ширококостный крепкий старик с угрюмым взглядом из-под нависших на лоб волос.— Чего надоть?

— Мы у тебя переночуем,— сказал Олег.

— А я вроде никого не звал,— ответил старик, приглаживая растрёпанную бороду,— мне гостей не надь.

— А тебя никто не спрашивает,— отрезал Сухов.— Не звал он... Кто ещё в доме?

---

[1] *Гумно* — сарай для сжатого хлеба. *Овин* — постройка для сушки снопов.

[2] *Юртчи* — своего рода квартирмейстер в монгольском войске, заведовал многим, в том числе жилищами.

[3] *Полати* — нары для сна между печью и стеной.

— Трандычиха подселилась с лета, годков ей поболе, чем мне, но бегаеть ишшо...

Олег обошёл всю избу и решил, что заночует в горенке — маленькой комнатке, отделённой от чердака бревенчатой перегородкой. Там было уютно — в окошке, заделанном бычьим пузырём, мутно расплывалось багровеющее небо, а от толстой трубы, обмазанной глиной, шло тепло. Почти весь пол укрывала медвежья шкура, снятая «ковром».

— Нормально,— решил Сухов и спустился вниз.

Трандычиха оказалась бойкой старушонкой — и хорошей стряпухой. Она мигом завела тесто из ржаной муки на житном квасе, не переставая болтать:

— Салфет вашей милости, господа хорошие! Вот, сейчас я каравайто испеку, жара в печи довольно, в самый раз... Три каравая должно выйти, у меня глаз, что твоя мерка... Мужики-то все, што степные, што лесные, до еды охочи. А я всегда говорила — был бы человек хороший, а из степи он али из лесу, в том никакой разности нету. Приходили к нам кумане, рекомые половци, тоже не дураки подраться, ну и чаво? Давно уж переженилися с нашими! Даже князья половчаночек замуж брали за себя! А чаво ж? Девки знатные, сисястые... А теперича мунгалы явилися. И што? Тоже ведь на двух ногах ходють и с одной головой все. Люди как люди... А князюшка наш уж гонорист больно! Чаво было в бой кидаться? Вот, надавали ему по сусалам, и правильно сделали! Может, от того ума в ём прибавится, не станет боле гордыню свою глупую тешить. Бог же, он всё видит! Об людях думать надобно, а не забивать себе голову премудростями всякими...

Бабка вовсе задурила Олегу голову, зато он понял, отчего старик называл её Трандычихой — терендит и терендит бабка, не остановишь. Зато хлеба у неё на славу вышли — пышные, румяные, а уж дух от караваев такой шёл, что даже сытый слюной подавится.

Нукеры тоже времени даром не теряли — обнаружив в хлеву бычка-двухлетку, они его мигом забили и освежевали, наварив три котла сытнейшего бульону, в котором мяса было больше, чем воды.

Три котла, три каравая — ужин удался. Трандычиху никто особо не гонял, даже мясом угостили безобидную бабку. А вот старик так и не слез с полатей, всё лежал и кряхтел, зыркая на монголов.

Гнать его из дому не стали — лежит себе, никому не мешает, да и пёс с ним.

Выйдя подышать на крыльцо, Олег прислушался — тихо было в Добром Соте. Не орал никто, от меча смерть принимая, не визжал, теряя девственность. Селянам просто повезло — устали нукеры, выдох-

лись в долгой дороге, вот и не влекли их утехи воинские, в сон тянуло ордынцев. Да и то сказать — последний переход остался до Рязани. Ещё немного, усмехнулся Сухов, ещё чуть-чуть...

Обведя глазами засыпавшее село, Олег задумался. Все эти дни он провёл в напряжении — спал чутко, бодрствовал с оглядкой. Постоянное ожидание смерти выматывало нервы, но Бэрхэ-сэчен всё не нападал сам и не подсылал убийц. Или передумал тысяцкий?

Непонятно это всё... Как-то в голове не укладывается. Да, Бэрхэ-сэчен реально хотел убить его, но за что? Проходили дни, и Олег всё меньше верил собственному объяснению — дескать, он стал неугодным свидетелем, узнав невольно, что Бэрхэ-сэчен убил двух послов Гуюк-хана. Вот тысяцкий и перепугался.

Спору нет, Гуюк крут и долго разбираться не станет, но всё же спросит: а кто это видел? Ах, никто не видел? Нукер слыхал, да ещё из оросов? И кому веры больше будет — нукеру из пленных или тысяцкому? Поклонится Бэрхэ-сэчен хану и заявит: «Наговор!»

А так и будет! Вопрос: отчего тогда минган-у-нойон злился, когда Бурундай помешал ему Олега в расход пустить?

Вот тут-то и начинается область загадок и догадок. Если Бэрхэ-сэчен преследовал Хельгу, сына Урмана, вовсе не по поводу убийства послов, то какова тогда истинная причина? Чего тысяцкий боялся до смерти — до смерти Олеговой? Спросим так: что Хельгу, сын Урмана, видел такого опасного для Бэрхэ-сэчена? Настолько опасного и предосудительного, что свидетелю полагается умертвие? Свидетелю чего?!.

— Дело ясное, что дело туманное...— вздохнул Сухов.

Когда он вернулся в горницу, то увидел, что комната превратилась в спальню — бойцы Изая заняли лавки у стен, а кому не досталось мест, разлеглись на полу.

Олег поднялся по узкой деревянной лестнице в горенку и стащил с себя доспех, снял шубу. Бросил её сверху на шкуру медвежью и прилёг, довольно стеная.

Саблю он положил подальше, а привычный акуфий — поближе.

Сухов прикрыл глаза. Мысли, крутившиеся в голове, замедляли свою карусель. Ещё немного, и думки увязнут во сне... Что-то ему мешало. Духота.

Олег недовольно поднялся и ткнул мечом в бычий пузырь, проколупав изрядную дырку. Лица коснулась струя свежего воздуха.

— Проветривать надо...— сказал Сухов, зевая, и снова прилёг. И задремал.

Проснулся он глубокой ночью, не сразу разобравшись в том, что же его разбудило. Какой-то звук. Чьё-то присутствие. Бэрхэ-сэчен?! Решился-таки, плоскомордый?..

Не двигаясь, Олег медленно провёл ладонью по медвежьему меху, наткнулся на рукоять акуфия и сжал её.

Окошко тускло сияло, пропуская в дыру узкий лучик лунного света. Сперва в лучике блеснул занесённый топор, потом жуткие, вытаращенные бельма старика-хозяина, а после забелела мятая рубаха. Эге, а дедок-то не такой уж и дряхлый, каким хочет казаться. Тот ещё живчик...

Крадучись, старик приблизился к спящему Олегу. Замер. И вот топор поднялся ещё выше, ещё — и резко пошёл вниз. Дедок согнулся, выдыхая и крякая, как будто собравшись чурку колуном развалить. Зарубить мунгала!

Акуфий вонзился старику под сердце. В то же мгновенье Сухов перекатился — топор с грохотом вонзился в исшарканные плахи, прорубая шкуру и шубу. Дед упал, стукнувшись головою об пол, но ему уже не было больно.

Олег сел и выдернул меч из мёртвого тела. Аккуратно вытер лезвие о рубаху на груди старого, ещё не намокшую кровью. Вспомнилась его первая встреча с Еленой — тогда тоже стояла ночь, и он был один, спал себе и никого не трогал. Вдруг явилась красавица, разделась, отдалась ему, а потом, вместо прощального поцелуя, выхватила кинжальчик из своей роскошной гривы и едва не всадила ему в шею. Перепутала его с другим Олегом, сынком Ингоря Старого, великого князя киевского...

Неприязненно поглядев на старика, Сухов поднялся, ухватил труп за ноги и поволок вниз. Бум-бум-бум...— колотилась седая голова о ступеньки.

— Старый пердун,— процедил Олег.— На подвиги потянуло!

Оттащив тело в сени, он вышел на крыльцо, где дремал в дозоре Джарчи. Нукер встрепенулся, но Сухов сделал нетерпеливый жест.

— Я это,— буркнул он.— Изай спит.

Джарчи успокоенно вернулся на ступеньку — можно ещё покемарить...

А Олег оглядел село. Добрый Сот был погружён во мрак и сон. Не спали ночные охранники, плохо почивалось селянам, а нукеры храпели в тёплых избах, набив кишки мясом, и копили силы ко дню завтрашнему.

Сухов пригляделся: на западе, за пильчатой стеной ельника небо дрожало оранжевым заревом — это горел Пронск.

Ранним утром, когда ёлки за восточной околицей села зачернели на красном фоне зари, тысяча покинула Добрый Сот. Селяне помалкивали, страшась лишним словом возбудить гнев «татарвы», боясь поверить своему маленькому счастью — не спалили, не вырезали!

Один старый поп, со встопорщенной со сна бородой, истово махал кадильницей, выпевая:

— Во здравие царя ордынского, батога божьего, вразумляющего грешников, чтобы привести их на путь покаяния...

Эльхутур даже не просил перетолмачить ему слова моления — и так всё было ясно.

Сотня его шла в арьергарде, прикрывая главные силы, следующие по течению извилистой Прони. Конники разъехались широко, благо лес по берегам не густел, да и порублен был изрядно. Десяток Изая рыскал в отдалении, порой забираясь в чащобу.

Олег, покружив по ельничку, выбрался неожиданно на узкую лесную дорогу, лишь местами снегом заметённую — так часто вставали вокруг деревья. Его обогнали Чимбай и Тайчар, пронеслись вперёд, а за каждым рысило по десятку коней запасных и вьючных.

— Догоняй, мэрген! — оскалился Чимбай, знатный стрелок.

Олег показал ему кулак, и нукер расхохотался, радуясь жизни и скорому обогащению — ведь впереди Рязань, город обильных сокровищ и красивых девушек!

Сухов не спеша поехал по снегу, утоптанному копытами. Тут-то и произошла нечаянная встреча — из-за деревьев выглянула простоволосая женщина с толстой косой, в тёплой фофудье — ватничке, накинутом на армяк. Сразу было видно — с чужого плеча армячок, уж больно велик. В руках незнакомка держала небольшой свёрток, укутанный в овчину.

Выглядывая в сторону ускакавших нукеров, она не замечала Олега, а когда повернула голову и увидела, то вскрикнула, прижимая к себе свёрток, и метнулась к лесу.

— Стой! — крикнул Сухов по-русски, и это подействовало.

Женщина растерялась, не зная, на что решиться. Бежать? А вдруг догонит? Остаться? Всё ж таки по-нашенски говорит... А вдруг ловушка?! Выбор сделала усталость — беженка покачнулась и села на заснеженный пенёк. Проскулила:

— Не губи, добрый человек...

— Да какой я добрый...— буркнул Олег, слезая с седла.

Подойдя к женщине, он присел на корточки и двумя пальцами приподнял остренький подбородочек беженки. Девчонка совсем!

— Тебе сколько лет?

— Осьмнадцать...— прошептала девушка.— Будет...

— А звать как?

— Дарьей окрещена.

— Сын? — кивнул Сухов на сверток.

— Дочка...— потупилась молоденькая мама.

— И откуда ж ты бредёшь, дитя с дитём?

— Из Керди мы, это под Пронском. Бежим вот...

— Посиди тут, не убегай,— пробурчал Олег, поднимаясь.

Развязав баксон на сивке, он достал холщовый мешочек, полный ржаных сухарей, насушенных Трандычихой, и добрый шмат сала.

— Держи. Голодная небось?

Дарья кивнула, не веря своему счастью.

— Молоко-то есть?

— Есть,— впервые улыбнулась беженка.

Сухов улыбнулся ей в ответ — и развязал другой баксон, достал из него шубу Изаеву.

— На-ка вот... Всё теплее будет.

— Да куда ж...— всполошилась было Дарья.

— Да всё туда же. Чай, не соболя. И вот здесь топором прорублено — один дурак старый попортил... Зашьёшь.

— Зашью, зашью! — уверила Олега девушка.

Покачав головою, Сухов вынул из сумы волчий малахай и нахлобучил его на Дарью.

— Великоват малость, но ничего, зато тепло. А то голову застудишь, и коса твоя не поможет...

Малахай скрыл лоб девушки, и она приподняла его, окатывая Олега васильковым светом глаз. А тот вздохнул.

— И куда ж ты идёшь хоть, матерь человеческая?

— В Рязань иду, к дядьям.

— Забудь про Рязань, сожгут её.

— А... куда ж мне тогда?..

— Топай-ка ты в Муром, до него не доберутся.

— В Муром? Что ты, мил-человек, не дойтить мне до Мурома!

— Дойтить,— буркнул Сухов и подвел рыжую «монголку» Сорган-Ширы.— Садись. Давай, подержу...

Доверие Дарьи было столь велико, что она передала сопящий свёрток этому странному «мунгалу» и влезла на невысокую лошадку-степнячку. И сразу протянула руки: дай!

— Держи,— Олег протянул ребёнка всаднице и похлопал «монголку» по шее.— Животинка хорошая, послушная. Поить её надо раз

в день, а корм она сама добудет. Ты только привязывать Рыжуху не забывай.

— Не забуду! — выдохнула Дарья. Её глаза наполнились слезами, девушка склонилась с седла и нежными губками коснулась обветренной, щетинистой щеки Сухова.— Спасибо тебе...

— Не за что,— улыбнулся Олег.— Да, чуть не забыл...

Достав из загашника серебряную пайцзу с изображением парящего сокола, он протянул её Дарье.

— Береги это! Называется — пайцза. Если встретишь татар, покажешь им эту пайцзу, и они тебя не тронут, помогут даже — покормят или на ночь устроят. Поняла?

— Ага! — кивнула Дарья и сказала прочувствованно: — Всю жизнь за тебя молиться стану!

Сухов платонически похлопал её по попке и сказал:

— Езжай, Даша.

И Рыжуха пошагала в лес, увозя Дарью и её дочь. Девушка часто оборачивалась и махала Олегу, а потом скрылась за поворотом. Навсегда.

Глава 13,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ ИДЁТ НА ПРИСТУП

...Не прислал великий князь владимирский войска на подмогу рязанцам, предал вассала своего, купился на монгольские посулы. Летописный рассказ — в вольном переводе — звучит так: «Благоверный и великий князь Юрий Всеволодович Владимирский ни сам не повёл полки, ни послал подмогу, слыша мольбы рязанцев, но сам желая выйти на бой. Но уж лучше не противиться Божьему гневу, как говорилось в древности Иисусу Навину Господом; когда вёл его Господь на землю обетованную, то изрёк: „Я пошлю прежде вас недоумение, и грозу, и страх, и трепет!“ Вот так же и отобрал у нас Господь силу и храбрость, а недоумение, и грозу, и страх, и трепет вложил в нас за грехи наши...»

Заметим, что и вассал, и сюзерен стоили друг друга — Батый, приняв дары от рязанского князя, обещал тому не воевать его земель, а идти войной на соседние княжества. Само собой, в этом случае и дружина Юрия Ингваревича отправилась бы вместе с туменами. Посчитал ли

князь рязанский бесчестьем для себя подобную воинскую повинность, или что другое повлияло на его решение, того не ведаем. Выйти же на бой во главе полка, чтобы схватиться с семью туменами,— это было безумием. Или безумством храбрых. А вот Юрий Всеволодович выглядит однозначно — трусом, подловатым и неумным. Отдав Рязань на растерзание монголам, он наивно полагал, что сумеет отсидеться за Окским лесом, который Батый проходить не решится.

А ведь всего за год до нашествия множество булгарских беженцев пришли искать спасения у князя владимирского. Тот «повелел развести их по городам около Волги и в другие», но советов настойчивых не выслушал. А советовали Юрию Всеволодовичу города укреплять и со всеми князьями совместно готовиться к сопротивлению, «ежели оные нечестивые татары придут на земли его, но он, надеяся на силу свою, яко и прежде, оное презрил...»

16 декабря 1237 года монгольские тумены вышли к Рязани. Точную дату Олег выпытал у священника в Ярустове — сельце, что стояло к северо-востоку от столицы княжества, по дороге на Муром. И Ярустово, и Переволоки, и Ухорскую, и Новый Ольгов сожгли, девки деревенские разбежались от греха подальше, а за ними и бабы подались, тощих коровёнок подстёгивая.

За женщинами монголы не гонялись (всему свой черёд) — они отлавливали мужиков и крепких парней. Отлавливали в буквальном смысле этого слова — заарканивали, не покидая сёдел, и волочили за собой по снегу. После такого вразумления рязанцы делались послушнее и покорно шли, сбиваясь в колонну.

Сухову и самому довелось конвоировать целую толпу угрюмых селян из Ярустова. Бородатые мужики и безусые парни в полушубках и армяках, в домотканых зипунах шагали, переходя на бег.

Татары ехали с обеих сторон, словно перегоняли стадо — покрикивали, подкалывали копьями отстающих. Но это было человеческое стадо, тут шаг влево, шаг вправо считался побегом — шибко прыткого не ловили, загоняя обратно в строй, а слали вдогон длинную стрелу. Вид умиравшего в снегу стреноживал остальных.

Порой Олег оборачивался в седле, посматривая, не собрался ли кто смыться, и видел обращенные на него лица — угрюмые, ненавидящие, злобные, растерянные, понурые, ожесточённые, перепуганные. Открытый вызов он замечал редко, чаще в глаза бросались боязливые, просительные улыбочки людей униженных и оскорбленных, привычных к убожеству и терпеливых до ужаса.

Пленные торопливо шагали, загнанно дыша. Над толпою клубился пар, бороды покрывались инеем.

И вот они вышли на отлогий берег широкой Оки. Южнее, в устье Прони, догорал Новый Ольгов, а на противоположном берегу, высоком, обрывистом, взгляду открылась Рязань — длинный ряд стен на валу, башни с остроконечными кровлями. Ближе к югу над укреплениями поднимались главы Борисоглебского и Успенского соборов, а к северу, там, где в Оку впадала речушка Серебрянка, возвышенность, на которой стоял город, распадалась глубоким оврагом. По склонам его крепостные стены шли уступами, ниспадая на дно выемки, где цеплялись за бока кургузой воротной башни.

С берега сложно было заметить, крепит ли оборону Рязань. Только и видны были дымки костров на заборолах — видать, грели воду и смолу в котлах. И часто-часто били колокола, тревожа сердца набатным гулом.

— Ходи! Ходи! — закричали нукеры, поддавая пленным древками копий.— Шибче!

Селяне всей толпой сбежали на лёд и поспешили на тот берег, где между валами да рвами крепостными и Окой располагалась слобода, неукреплённое предградье — кузницы, склады, избы, баньки стояли кучно, но ни одного дымка не вилось над трубами — все слобожане давно уж схоронились за стенами Рязани.

Ордынские тумены окружили город, кучкуясь у Исадских ворот, у Спасских, у Пронских, у Серебряных и Южных. Монголы уже самим своим числом, неисчислимой массой конных и пеших, подавляли осаждённых, взывая к их малодушию — сопротивление бессмысленно!

— Ходи! Ходи! — кричали конные пришельцы на пеших хозяев.— Лопата бери, топор бери! Дома разбирай, кучку складывай!

Мужики, согнанные из окрестных сёл, разошлись по всей слободе. Сперва неуверенно, потом всё смелее и смелее, понукаемые злыми голосами, принялись разваливать крыши, раскатывать срубы по брёвнышку, рушить ворота и ограды.

С громким треском поддавалась часовенка, захлёстнутая арканом. Она клонилась, визгливо жалуясь и пыля трухой, и вот обвалилась, рассыпалась. Десяток рязанцев, тягавших пеньковый канат, мигом сдёрнули шапки и дружно перекрестились.

Иные надсаживались, разбирая мощный дом-двор, сложенный в два этажа из отборных брёвен в обхват, а хитрые мужички из Переволок нашли себе работёнку сами — они расколачивали тыны, сплоченные из крепких лесин. Трудились хитрованы без надрыва, зато кряхтели и орали больше всех:

— Наподдай, Ефимка! Ага, пошло!
— Эхма! Наумыч, подь сюды...
— Подсоби-ка... Ух!
— Навались!
— Куды ты её пихаешь!
— А чаво?
— Чаво-чаво... Сюды пихай!
— Олекса! Рубани здеся! Ишшо разок! Во-о!
— Тянем-потянем... Дружно!
— Шибче, шибче давай!
— А на кой ляд им эти брёвна? Топить, што ли, нечем?

Но мужиков припахали вовсе не дрова заготавливать — просто Субэдэй-багатур следовал ещё одному старому обычаю. Разворотивших все слободские постройки поселян заставили плотничать — сколачивать, связывать, сплачивать прочный забор-острог, обнося его вкруг всего города. Осаждённым это действовало на нервы — теперь никто не мог покинуть Рязань незаметно. Монголы никому не дадут сбежать.

А когда распаренное мужичьё выставило изгородь, их перебросили на изготовление длинных штурмовых лестниц и примётов. Впрочем, без дела не сидел никто. Ордынцы по большей части занимались обустройством становищ, а китайские инженеры как мураши облепили рамы пороков — стенобитных и метательных орудий,— подвешивая тяжёлые тараны, устанавливая шатуны катапульт, сплетая из жил мощные тетивы для баллист.

Солнце село, начало темнеть, но работа по обложению града не прекращалась — тысячи костров горели вокруг Рязани, зловещим кольцом стягиваясь со всех сторон, а разнообразнейшие шумы, издаваемые степняцкими полчищами, сливались в глухой, плотный гул.

Штурм начался до рассвета. Загрохотали камнемёты — здоровенные, обкатанные валуны с нашлёпками приставшей мёрзлой земли, унеслись к стенам рязанским. Перелёт. Громко лопоча по-своему, китайцы бросились к катапультам, подкрутили вороты, приподнимая раму, а полсотни нукеров, сменяя друг друга, тягали рычаги, скручивали вороха воловьих кишок и жил. И вот новая глыба уложена в пращу катапульты. Китаец пробил киянкой по стопору, шатун с грохотом ударился о раму, посылая снаряд в сторону города. Есть! Один камень проломил крышу заборола, другой снёс навес, третий угодил ниже, вминая бревенчатый сруб.

А рядом сотрясались баллисты, посылая тяжелые, заострённые обрубки брёвен,— такая «ракета» навылет пробивает обе стены избы. Или стенку башни.

Олег медленно проезжал на савраске, сидя в полном боевом. Тумену Бурундая поручили штурмовать город со стороны Исадских ворот. Пока что шёл «артобстрел» — брёвна, пучки толстенных копий, каменные глыбы рушились с небес на стены и крыши града. Тысячи метких лучников подбирались поближе к стенам, пригибаясь за чапарами — огромными дощатыми или плетёнными щитами на колёсах,— выцеливали воинов на стенах и поражали их.

А вот пленным ни защита, ни охрана не полагалась — мужиков погнали на «земляные работы» — засыпать ров глубиной в три с лишним сажени да со щетью — кольями, вбитыми в дно. Сперва селяне притащили брёвна, плахи, доски — всё, что осталось от слободы, приволокли порубленные деревья, поскидывали всё в ров, а потом по этим шатким «лесам» подступили к обледенелому валу, по высоте сравнимому с трёхэтажным домом, и принялись долбать его кайлами да кирками. Одни отходили, запарясь, приступали другие. Притомятся эти, эстафету принимали третьи.

«Подрывная работа» велась напротив того участка крепостной стены, что располагалась северней Исадских ворот, и стрелки-рязанцы взялись выцеливать рязанцев-землекопов — то и дело кто-то из мужиков резко выгибался, роняя шанцевый инструмент, и скатывался в ров. На его место тут же гнали нового пленного — зрелище должно продолжаться...

Ближе к полудню обстрел города возобновился — снова загрохотали пороки, меча камни и глыбы мёрзлой земли, снова на позицию вышли лучники. Они уберегли многих пленников от гибели, хоть и не желая того,— в копальщиков уже не стреляли со стен, боялись высунуться.

А мужики долбили и долбили заледеневшую глину. Потом стало полегче — в глубине вала земля не смёрзлась, и в ход пошли лопаты. Хитрецов из Переволок, уступивших долбёжку соседям, но рьяно взявшихся за копку, едва не завалило — они так углубились, что вырыли настоящую пещеру в валу, а свод возьми, да и рухни. Откопать удалось всех. И вот посреди мощного вала возникла седловина. Склон, многократно облитый водой, пошёл трещинами, подался — и осыпался во второй ров.

Защитники Рязани пытались помешать копальщикам — не имея возможности показаться из-за заборол, они метали стрелы навесом. Те падали не прицельно, но порой находили свою мишень и поражали её, язвя мужиков сверху, словно кара небесная. Долетали и дротики, и булыжники. Но работа не прекращалась.

Настал вечер, засинели сумерки, опустилась тьма, озарённая светом костров и факелов, но зря селяне надеялись на отдых — татары были неумолимы.

— Шибче! Шибче! — покрикивали нукеры, приставленные к ним для присмотру.

— Мочи нет, душегубцы поганые! — стонали изнемогшие пленники.

Перемазанные в снегу и глине, с потными, запорошенными лицами, они представляли собой зрелище жалкое, но сердца ордынцев были закалены, ведь за милосердие к пленным их ждало суровое наказание — лучше уж быть жестокими с оросами!

К утру второй ров был засыпан и войска пошли на приступ. Сотня Алтун-Ашуха двинулась первой, волоча лестницы и подбадривая себя заунывным визгом дудок.

Олег прислушался — ещё один тупой и глухой звук раздался слева — это китайские искусники сработали бревенчатые примёты, их прокинули напротив Исадских ворот, уложив на обгоревшие сваи,— и закатили таран. Воротины стояли прочно, лишь содрогаясь под ударами, но капля камень точит.

— Готовимся! — сказал Изай Селукович.— Полезем на стену следующими.

Сухов посмотрел на нукеров Алтун-Ашуха и только головой покачал. Трудное это дело — крепости брать.

Штурмовые лестницы доставали лишь до нижнего тына. Преодолев его, нукер оказывался перед следующей линией обороны, ещё одним бревенчатым срубом, уступом поднимавшимся к главному укреплению — городской стене с заборолами и башнями. А рязанцы тут как тут — ждут штурмующих, встречают незваных гостей камнями, стрелами, тяжёлыми чурками, слепят золою, льют кипяток и смолу, на самом же верху привечают копьями да секирами.

Но ордынцы упрямо приставляли лестницы — тяжёлые, из бруса сбитые, или лёгкие, из жердей, с перекладинами, подвязанными кожаными ремешками. И лезли упорно, прикрываясь щитами, как зонтиками.

Вот не повезло сразу трём монголам — на них, карабкавшихся вверх, угодила деревянная колода, калеча и сшибая. Лишь один из воинов, самый проворный, успел отпрыгнуть с пути падающего дерева, но не удержался на крутой осыпи, скатился в ров — и угодил на щеть. Следом за ним упали трупы его товарищей. Дикий крик насаженного на кол взвился и стих.

Нукеры распределили обязанности — передние лезли вверх, зажимая в зубах свои дудки и почти не переставая выдувать пронзительные, душераздирающие трели, а задние прикрывали их, обстреливая заборола.

Вот наверху возник копейщик, сделал замах — и умер, проткнутый стрелами. Перевесился через стену и свалился вниз.

А пороки молчали — можно было попасть по своим. Хорошо, если пущенный из катапульты валун размолотит заборол, а если попадёт в стену? Тогда он отскочит — и сметёт пару-тройку штурмующих.

И нукеры Алтун-Ашуха лезли на стену, надеясь только на себя да на товарищей, что прикроют и поддержат.

Вопль, переходящий в поросячий визг, заставил Сухова обернуться к городу — из-за заборол выдвинулся жёлоб, и дымная струя кипящей смолы окатила лезущих по лестнице нукеров. Потеряв себя от палящей боли, ордынцы полетели вниз, сбивая товарищей. Защёлкали луки, но стрелы издали лишь медный звон — оборонявшиеся прикрылись пустым котлом.

Сотня Алтун-Ашуха отступила, отозванная сигналом трубы, и Селукович сказал:

— Наш черёд.

— Наш так наш,— согласился Олег.

— Хельгу! — подбежал сзади Джарчи.— Держи!

Он протянул Сухову моток волосяной верёвки, привязанной к увесистой «кошке» — грубо откованному якорьку с тремя крюками.

— Закидывать и лазать? — спросил Олег.

— Ага! — осклабился молодой ордынец.— Так труднее, зато можно оттолкнуться от стены, если на тебя смола хлынет.

— Обе руки будет занимать...

— Ой-е! Подумаешь! Всё равно мы сегодня до верха не доберёмся!

— Ты так думать?

— Я так знать!

Сухов кивнул и повесил моток на плечо. С верёвкой и в самом деле сподручнее — ты уже не так скован, как на лестнице, где только вверх да вниз, а качаешься маятником. Попробуй выцели!

Подвязав шлем ремешком, Олег и саблю закрепил в ножнах, затянув шнурок на рукояти — так не выпадет. Перебросив щит, висевший на перевязи, за спину, он ухватился за моток.

Пока Тайчар, Хуту и Судуй ставили лестницы, а другие метились из луков, Сухов раскрутил конец, закидывая «кошку» за нижний тын. Подёргав — держится, Олег полез вверх, поглядывая на заборола. И правильно — две могучие длани перекинули через оградку комель, натуральный пень.

— Байза! — крикнул Сухов, отталкиваясь ногами.

Вращаясь, пень пролетел мимо.

— Вай-дот! — вскричал внизу Чимбай.

А Олег, описав дугу, оказался на прежнем месте и продолжил подъём. Перекинув тело через тын, он спрыгнул на хорошо умятую

землю — это был нижний ярус городских укреплений, неширокий — в сажень — уступ, первая ступень, на которую было необходимо прорваться, чтобы одолеть вторую и третью.

Сухов глянул вверх. Прямо перед ним поднимался средний тын. Такой же высоты, как и нижний — в два роста человеческих,— он заслонял следующий уступ, вторую ступень, за которой уходила вверх главная крепостная стена, сложенная из дубовых брёвен, почерневших от дождей. Олег смотрел вверх, задрав голову. Н-да... Круто. Но бывало и покруче. Сухов усмехнулся: он брал штурмом Бирку и Уппсалу, Лондон и Париж, Севилью и Абесгун, Баку и Шемаху, Амальфи и Неаполь. Опыт есть...

Заметив движение между заборол, Олег бросился к тыну и прижался к нему спиной — тут была «мёртвая зона». Сверху рухнула бочка, хрястнула о бровку нижнего тына, да так, что деревянные обручи изломились, лепестками раскрывая клёпки-боковики. Показалась округлая, мутная и пятнистая льдина — то ли яблоки мочёные смерзлись, то ли огурцы.

Тут же целый поток стрел обрушился на заборола, и Сухов кинулся к тыну, помогая влезть Чимбаю и Джарчи. Оба нукера держали в руках концы разлохмаченных верёвок.

— Это чего такое?

— Чапар тащим! — ухмыльнулся Чимбай.

— Целых два! — сказал Джарчи.

Втроем они затащили тяжёлый двуручный щит, сколоченный из досок и оббитый бычьей кожей, потом подняли другой, установили оба «домиком». И вовремя.

Джарчи глянул вверх и завопил:

— Байза!

И юркнул в «домик». С обеих сторон туда же нырнули Олег и Чимбай, звонко треснувшись шлемами. А в следующее мгновение поток крутого кипятка обрушился сверху, гремя по щитам парящими струями.

— Кажется, дождь собирается,— осклабился Сухов.

Затащив на верхотуру ещё с десяток чапаров, изаевцы спустились вниз, прикрытые стрелками, и отступили за линию валов и рвов. Бойцы сильно устали, были среди них и раненые, и потрёпанные. Вся сотня Эльхутура отошла к становищу, уступая место молодцам джагуна Тогрул-сэчена.

...Птицы небесные, пролетая над осаждённой Рязанью, видели нагромождения домов и храмов, опоясанные стенами — и разорванной цепочкой костров. Двойной цепочкой. Стены стояли нерушимо, а вот

люди по обе стороны то собирались толпами, то расходились. Одни крепили оборону, другие штурмовали. Со всего города к стенам стаскивались брёвна, камни, тюки пакли, подвозилась в бочках вода, подносились дровишки. Обратно уносились раненые. Птицам было видно, как внутри крепостных стен метались и суетились люди, а снаружи наступал и отступал грозный человеческий прилив.

Ордынцы по очереди шли на приступ, успевая отдохнуть, поесть и выспаться, готовые с новыми силами идти на штурм. А вот осаждённые рязанцы покою не знали — второй день подряд они без устали отражали атаки настырных осаждавших. Силы их таяли, а нукеры лезли и лезли на стены, свежие и бодрые, угнетая рассудок свистящими да визжащими дудками. Души рязанцев устрашались, люди приходили в отчаяние, всё яснее осознавая свою участь,— не выстоять им! Погибель ждёт Рязань, погибель и опустошение. И ждать чёрного дня осталось недолго...

Олег, уставший и раздражённый, вернулся к юрте Изая. Стояла она всего в двух полётах стрелы от стен Рязани, где свирепость и неистовство упорно близили победу, но будто и не было никакой осады — нукеры у шатров и юрт напротив весело смеются, внимания не обращая на военные действия товарищей, жадно поедают мясную похлёбку, шумно отдуваясь и утирая жирные губы. А вон нукер, сняв с себя куяк, оставшись в шубе, накрылся ещё одной и дрыхнет. Огромная собачища вертится у бойцов под ногами, выпрашивая кусочек мяска и посматривая, не удастся ли этот кусочек стащить. Агтачи трёт бока соловому коню пуком соломы, а после скармливает клок сена соловке — не пропадать же корму. Нежданно появляется монголка в одежде замужней женщины — в широченном номроге из блестящего шёлка, в головном уборе бохтаге с тонкой спицей, увенчанной лазоревыми перьями птицы. Олег знает её — это Мулхэ-хатун, жена сотника Тугус-беки. Её присутствие здесь, в виду крепости, что вот-вот падёт, кажется диким, но это только с первого взгляда. На самом-то деле в обозе много женщин, и это не балласт, а деятельные помощницы, даже воительницы, боевые подруги.

Судуй с Джарчи притащили по охапке хвороста и запалили свой костёр. Они тоже будто и не замечают, что рядом с ними происходит страшное,— по ту сторону стен рязанских изнемогают, теряя последнюю надежду не то что победить — хотя бы выжить, уцелеть, спастись, уберечься от смерти неминучей, а по эту сторону копится, копится злость, взводится нерв, как пружина. Скоро, очень скоро она пойдёт раскручиваться — все семь туменов набросятся на Рязань, терзая живых и обирая мёртвых.

— Ой-е, Хельгу! — окликнул Сухова Джарчи.— Ты зачем изображаешь балбала на кургане? Иди к огню, отогрей свои каменные бока! Ха-ха-ха!

— Договоришься ты у меня,— благодушно пробурчал Олег, приседая у костра. И правда, чего стоять, когда тут лежит бревно, застеленное кошмами? Сухов протянул руки к огню — ладони впитывали жар. Хорошо!

Война имеет свои прелести. То, что перестаешь замечать в мирной жизни — сидение у костра, котелок с похлёбкой, спокойная ночь,— на войне обретает характер благодати. Когда сама твоя жизнь висит на ниточке, то даже мелкое удобство возрастает до размеров большого счастья. Все чувства обострены, ты проживаешь каждый день, каждый час, каждую секунду отпущенной тебе жизни, ибо не ведаешь, каков её запас — велик ли? Может, уже спущена тетива, и мгновением позже метко пущенная стрела оборвёт нить твоей судьбы? И ты живёшь, живёшь — напропалую, назло всем.

Изай Селукович прикатил бочоночек архи. Нукеры радостно взревели, потянулись за аяками, а Олег не захотел пьянеть, ему и так было неплохо. Разве что напряжение снять?

— Плесни и мне, что ли,— сказал он и получил полчашки мутной гадости — хмельной молочной радости.

— Крепости нет,— почмокал губами куман,— но пить можно.

— Изай-гуай,— сказал Джарчи,— рассказал бы чего...

— Чего именно? Я тебе что, улигерчи?

— Иза-ай!..

— Скажи-ка, Селукович,— спросил старого воина Олег,— а все ли страны поддавались Священному Воителю? Были такие, с которыми пришлось и повозиться?

— Сплошь и рядом! — ответил Изай.— Вон, те же тангуты. Их несколько раз пришлось завоёвывать. Только захватим, а они восстают. Их снова прижимают, а тангуты опять за своё. Но ничего, справились. Китай, тот и вовсе легко дался. Казалось бы, мощь невиданная, страна-крепость, обведённая стеной, как город! А пала чуть ли не в один день. Зато Хакасию наши ханы до сих пор не подмяли под себя — тридцать лет воюют с хакасами, а те не сдаются. А Хакасия велика — от реки Иртыш её земли тянутся аж до реки Амур... Так, ладно, багатуры, допивайте — и спать! Завтра будет трудный день.

— Завтра этот город будет наш...— сонно пробормотал Джарчи.

С разрешения Изая Олег заполз в юрту кумана и с довольным кряхтеньем расположился на войлоках. Нукер спит, служба идёт...

Снаружи донёсся негромкий голос Судуя, певшего заунывным голосом:

— Много я перевалов перевалил... Много вод перебродил... А Вечно Синее небо одно надо всею степью... Небо, услышь мою вопль-молитву, воина с железным сердцем... Я привязал всю жизнь к острому мечу и гибкому копью и бросился в суровые походы, как голодный барс...

Глава 14,

В КОТОРОЙ ПОНЧИК ХОЧЕТ ВЕРНУТЬСЯ ОБРАТНО

На третий день осады Пончик не выдержал — оттащив в тёплую избу бойца со стрелой в груди, он обломил наконечник и вынул древко, промыл рану, затампонировал, перевязал — и свалился.

Проспал он часа два, не больше, но даже краткий отдых вернул силы — третьи сутки на ногах, сколько ж можно?

Раненый спал, постанывая и хрипло дыша, на лбу его выступили бисеринки пота. Александр покачал головой — вряд ли протянет долго...

— А что я могу? — горько сказал он в пространство.— Если у меня даже паршивого пенициллина нету? Шприца нету! Ничего нету! Угу...

Покинув избу, Пончик обтёр лицо снегом и быстренько сунул руки в варежки.

Изба, где он, грешным делом, заснул, стояла неподалёку от крепостной стены, на обрывчике, обозначенном кустами смородины. Вниз уходил некрутой, заснеженный склон, у подножия которого тянулись наледи, присыпанные золою,— речка Серебрянка промерзала до самого дна. Летом её берега служили узкими дорожками, ведущими к Крому, старой цитадели на северной окраине Рязани, а зимой всё русло превращалось в широкий подъём. Или в широкий спуск — это уж кому как.

Городские стены прикрывали устье оврага «лесенкой», отдельными клетями, а на самом дне высилась могучая квадратная башня Серебряных ворот.

Впрочем, Пончика не интересовали рязанские достопримечательности. Всё его внимание было поглощено грандиозной картиной штурма. С обрыва было хорошо и далеко видать — и юрты вразброс на том

берегу Оки просматривались, и многотысячные отряды монголо-татар, и замысловатые сочленения пороков, выставленных в линию по речному льду, и злое, неистовое копошение на стенах и у самых стен.

Рязанцы сопротивлялись отчаянно, отбиваясь мечами и топорами, молотами и булавами, в ход шли даже дубины и вилы, но ордынцы лезли и лезли — «яко прузи»[1], по выражению местного дьячка.

Пончик горевал и ужасался людскому неистовству, третий день он сдерживал в себе позыв закричать, чтобы открыли, наконец, ворота и впустили захватчиков, ибо, чем дольше шла осада, тем больше копилось ярости у степняков. И накопленное бешенство они выместят на рязанцах, убивая без разбору всех подряд — «от старца и до юного и сущего младенца»...

Всё это он прекрасно понимал, понимал с того самого окаянного дня, когда князь Юрий Ингваревич привёл к Рязани остатки двора и заперся за стенами града своего. Воинов осталось столь мало, что Пончика оторопь брала — а кому ж тогда Рязань защищать? Кому отбивать атаки? Рязанцам, кому ж ещё...

Даже престарелая мать князя таскала квас на стены, поила защитников города, пока не слегла. Дети малые, и те подкатывали тяжёлые камни и большие, неколотые чурки, чтобы метать их по врагу. Бояре шли на бой, попы и купцы, кузнецы и гончары, богатеи в соболях и нищеброды распоследние. Враг был один на всех, и никому не светило отсидеться, переждать беду, пережить лихую годину, уберечься. Разве что епископ спасся, покинул город перед самой осадой. А нынче уже не покажешься за стены, ни днём не выйдешь вон, ни ночью. Город был в плотном кольце врагов, и надеяться рязанцам надо было только на себя самих — помощи ждать было просто неоткуда.

Погиб Фёдор Юрьевич — жена его Евпраксия, девка крепкая, поднялась на башню — дровишек подкладывать под котёл со сливным носиком, смолу топить и лить её на круглые, плоские хари с раскосыми глазами.

Сгинул сам Юрий Ингваревич, непутёвый князь рязанский — благоверная его, Агриппина Ростиславовна, примерила мужнину кольчугу.

Нынче Вадим Данилыч Кофа стал за главного и держал на себе всю оборону, да только тщетны были его потуги — город приближался к самому краю гибели.

Свои стрелы кончились, шустрые пацаны рязанские лазали по крышам, по кустам, отыскивая те, что были выпущены монголами. Запас каменюк и чурок иссяк — в дело пошли лавки и скамьи, сундуки,

---

[1] «Как саранча».

бочки, колёса тележные. Кофа и дома ближние на разборку пустил, дабы брёвнышки на «монголов-табунщиков» скидывать, а враг всё одно верх брал.

Пончик стоял на краю обрыва, оцепенев, не зная, на что ему решиться,— то ли снова на стену брести, раненых вынося, то ли просто стоять и ждать конца? Толку с тех перевязок и первой медпомощи! Всё равно же всех перебьют. «Клятва Гиппократа!» — пискнула совесть. Проку с той клятвы...

И тут случился перелом — страшный шум битвы, в котором мешались крики, лязги, удары глухие и звонкие, неожиданно возвысился, возгремел, устрашая. Ордынцы, уже проломившие внешние ворота Серебряной башни, разнесли и внутренние, со стороны города заваленные глыбами мёрзлой земли, коробами с золой, мешками с ячменём, подпёртые столбами и упорами. Вся баррикада зашаталась вдруг и начала распадаться, валиться наружу и вовнутрь. Рязанцы, скатываясь по склону, бросились к башне, но было уже поздно — озверелые «мунгалы» потоком хлынули в город. Торжествующий рёв победителей подавил вой побеждённых, началась яростная сеча, в которой не брали пленных.

Стены города как будто прорвало — ордынцы сломили сопротивление севернее Исадской башни, пробились в Борисоглебские ворота, ворвались в Пронские, в Спасские. Рязань пала.

Монголы расшвыряли заслон у Серебряных ворот, и по наледям зацокали копыта лохматых, длинногривых лошадок. Конники, десяток за десятком, заполняли овраг, скача вверх, спеша убивать, насиловать и грабить.

На обрыв выскочил боярин Кофа, замахиваясь копьём, и упал, пронзённый сразу парой длинных стрел, покатился по склону, сгребая снег уже неживыми руками и ногами. Ополченцы, поспешавшие за ним следом, увяли будто — и разбежались. Тут и Пончика осенило — а ведь его могут убить!

Со всех ног он помчался прочь, стремясь обогнать передовой отряд монголов, взбиравшийся на горку, и выбежал на главную улицу. Взад-вперёд по ней носились люди пешие и конные, с узлами, с оружием, с детьми. Но спасения не было — дико визжавшие лошади-степнячки выносили своих седоков из переулков, и началась бойня, пошла резня. Горе побеждённым!

Татары секли саблями наотмашь, не разбирая чину и полу — в снег падали и мужики, и бабы, а если клинок не доставал до дитяти, то девочку или мальчика накалывало копьё.

Шедшие на приступ не зря остерегались жечь город — сперва Рязань нужно было пограбить вдоволь, утешиться всласть, а уж потом можно и огонь раздувать...

Пончик шарахнулся от нукера, дико вопящего: «Кху-кху-кху!» — и выскочил на площадь перед Спасским собором. Из дверей храма Божьего неслись крики и стоны, монголы выволакивали оттуда богомольцев и проливали кровь христианскую на снегу, не дерзая даже в запале нарушить Ясу и осквернить церковь [1]. А вне святыни отчего ж не порезвиться, не распотешиться?

Два пацана в полушубках с чужого, взрослого плеча побежали через улицу, вереща: «Мама! Мама!» — а мама их лежала на грязном снегу с пробитой головой, напуская ужасной красноты. Горю детскому много времени не нашлось — лучники, споря, кто из них метче, подстрелили сперва одного пацанёнка, а потом и другого.

Бородатый мужик, хрипло ревя, стоял на крыльце, маша топором, расхристанный, с обломанной стрелой в ноге. Одного нукера, желавшего прорваться в избу, мужик зарубил, а от второго сам смерть принял — сабля вошла наискосок от плеча, разрубая грудину. Жахнуть так, чтобы напополам, как у знаменитых багатуров, у нукера не получилось — сопя, он стал дёргать саблю, спеша поскорей высвободить её, застрявшую в кости. Так он и умер, упав на труп бородатого — стрела рязанская вошла нукеру под лопатку. Да и лучнику, парню в меховом колпаке набекрень, в одних кожаных штанах, тоже не повезло — конник наехал на него со всей прыти, да так всадил длинное копьё, что с разбегу протащил полуголого по снегу, оставляя на нём кровавые мазки.

Молодая женщина с двумя младенцами на руках вышла на улицу, бледная и задумчивая. Она будто не видела разгула человеческой стихии и безобразий, чинимых победителями. Женщина покачала ревущих дитятей, улыбаясь ласково то одному, то другому. Бережно опустив на землю дрыгавшиеся свёртки, она вытащила узкий кинжал-стилет и заколола детей по очереди — плач перешёл в бульканье и стих. Не отирая с клинка родную кровь, женщина с размаху всадила кинжал себе под левую грудь, поникла, сгибаясь в поясе, и упала, будто прикрывая собою чад своих.

Два монаха в чёрном и несвежем вышли из переулка, держа в руках большие медные кресты и громкими, дрожащими голосами распевая

---

[1] Храм действительно не был ни разрушен, ни осквернён, разве что стены закоптились, когда город горел. Именно в Спасском соборе был схоронен Олег Ингваревич Красный.

псалмы. Стрелы достали обоих и повалили на землю. Нукеры задержались, покружили вокруг, пронзительными выкриками сопровождая ругань. Лучник оправдывался виновато — дескать, в запале был, не ведал, что творил,— так, перебраниваясь, они и поскакали дальше, а монахи остались лежать недвижно, и лишь легчайший ветерок теребил яркое оперение стрел.

— Дорогу! Дорогу! — послышался вопль, и из переулка вылетела громыхающая телега, запряжённая парой лошадей. В телеге стоял мужик в дорогом кафтане, он пучил глаза, орал, требуя проезда, и нещадно стегал бедных лошадок. Нукер-копьеносец поскакал ему навстречу и ударил с такой силой, что древко выгнулось, а мужика снесло наземь. Испуганные лошади понесли да резко завернули за угол избы. Телега опрокинулась, но порыв животных был столь силён, что лопнули кожаные ремни, и понеслась парочка дальше, свободная и от повозки, и от возницы.

Пончик всё это видел, вбирал глазами, всей кожей впитывал горе неизбывное, ненависть слепую, ярость сатанинскую. А толпы монголов всё прибывали и прибывали, захватчиков было больше, чем жителей Рязани, и вот уже кое-где начались драки между самими нукерами, не поделившими женщину или сундук с добром. Впрочем, драки вспыхивали и гасли — грозные наказы Чингисхана довлели над монголами даже в пору вседозволенности. Город был ваш — грабьте, разворовывайте! — но будьте сплоченны, не распускайте рук, обнажайте оружие лишь против общего врага!

Грабёж шёл и на западном конце Рязани, в палатах боярских, и на восточном, где стояли избы куда как скромные. Вот молодой, гогочущий нукер тащит за косу визжащую девушку, вот ещё один покружил на коне близ трупа боярыни и слез-таки, не поленился стянуть шубу кунью, отрезал деловито уши с серьгами жемчуговыми. А вот...

— Что стоишь, раззява?! — Злобный крик ударил Пончику по ушам, пронзил до самых пяток.

Он ужом извернулся, чтобы увидеть князя Романа Ингоревича на храпящем рыжем коне, а за ним — несколько сотен оружных всадников, в кольчугах, в бронях, в доспехах кожаных, а то и просто в шубейках.

— Ур-ра! — заголосил Александр.— Наши!

— Уходим, княже! — заорал боец в блестящем чешуйчатом панцире, но без шлема, с окровавленной повязкой на голове.— Исадскими пройдём!

— За мной! — гаркнул Роман Ингваревич.

Пончик, открыв рот, смотрел, как мимо проносятся княжеские дружинники, оставшиеся живыми.

«А как же я?!» — чуть было не воскликнул он, но прикусил язык, завидя пробегавшего мимо гнедого коня с седлом, залитым кровью. Не думая, не чуя ничего, Александр бросился к гнедку, хватая того за гриву и свисавший повод. Конь не остановился сразу, опрокинул Пончика, проволок его по снегу и лишь потом замер, кося глазом, налитым красным.

— Стой, стой, коняшка,— лихорадочно говорил Шурик, вскакивая. Не сразу попав ногой в стремя, он залез в седло, стараясь не думать о страшном и липком, и погнал коня вдогонку дружине.

Конники Романа Ингваревича проскакали по всей улице, лишь изредка сталкиваясь с татарами, увлечённо растаскивавшими ценные вещи. Удалось и ворота Исадские проскочить без потерь, и лишь у ограды, обносившей Рязань и не выпускавшей беженцев, ратники попали под обстрел. Под расстрел.

Пончик не видел даже, кто стрелял, сколько было тех лучников, но дружина теряла десятки убитыми и ранеными.

— Вперёд! — надсаживался Роман Ингоревич, привставая в стременах.

Рязанские сотни проскакали вдоль тына к северу, пока не обнаружили брешь, и повалили вон, толкаясь и теснясь. Стрелы летели вдогонку, но, чем дальше уходили кони, тем слабее был их убийственный полёт.

Справа, оттесняя рязанцев к крутому берегу Оки, лавой примчалась монгольская конница. Гикая и свистя, татарва выхватывала луки, посылая стрелы, не целясь,— промахнуться по плотному скоплению людей было просто нельзя. И промахов не было.

Рязанцы не вступали в бой — пригибаясь к холкам коней, закрываясь щитами круглыми и миндалевидными, они мчались вдоль берега, пока не показался отлогий скат. Отряд вынесся на лёд и поскакал на север, следуя замершему течению Оки.

Монголы постепенно отстали, видимо боясь пропустить возможность пограбить захваченный город, а дружина вырвалась вперёд, уходя всё дальше и дальше — к Коломне.

...Поздним вечером, когда стемнело, на западе, за лесами, за долами поднялось к небу яркое зарево — горела Рязань.

Путь рязанцев был долог и скорбен — многие раненые не выдержали скачки и отдали Богу душу. Да и живым было не легче — у них за спиною остались родные дома — сожжённые дотла, родные люди — побитые насмерть. А что их ждёт впереди?..

— Соберём повольников [1],— говорил Роман Ингоревич, сидя у походного костра,— сколько их там есть, коломенских, да с округи стрясём. Кровавой юшкой умоются мунгалы!

Боярин Вердеревский, сидевший рядом на стволе срубленного дерева и тянущий руки к костру, лишь головой покачал.

— Эх, княже,— вздохнул он уныло,— сколько их и сколько нас... Не мы сила — они!

— Вот и померимся, кто кого,— пробурчал князь.— А что нам ещё осталось? В лесах прятаться?

— Да я ж ничего не говорю...

Пончик, незаметно подсевший поближе к костру, лишь вздохнул тихонько. Он-то знал точно, помнил уроки истории — не одолеть им татар, ни за что. Пока на землях русских царит рознь, пока владимирцы и рязанцы, смоленцы и новгородцы, киевляне и черниговцы — враги и супротивники, о какой войне можно речь вести? Да, будут отчаянные попытки изменить кровавый счёт, будут наскоки и бунты, но сравниться с могучим ордынским войском, работающим как точный и чёткий, жестокий механизм, «оросам» было не дано.

И самое мучительное, самое неприятное, чего не хотелось признавать, заключалось в том, что Русь была сильна и могла выставить войско не меньшее, а даже большее, чем у ордынцев. Вот только Русь в данное поганое время — слово собирательное, общее, надуманное книжниками. Нету никакой Руси, вот в чём беда. Есть то ли тринадцать, то ли четырнадцать больших княжеств, вроде Владимиро-Суздальского или Смоленского, и каждое из них поделено на десяток княжеств поменьше. И все эти вшивые князьки ожесточённо дерутся между собой, отстаивая свой клочок земли, стремясь захапать клочки у братцев и племянничков. Вот кто истинные враги народа! И ведь всю эту великокняжескую свору не уговорить, не вразумить — так и будут грызться между собой, топча поля, сжигая деревни, разоряя города. А пришёл с востока враг могучий, враг страшный, и единства даже словесного нету — каждый сам за себя трясётся. Монголы у ворот, а эти всё норовят друг дружку помутузить...

Пончик уныло задумался. Так что же выходит, прав был Олег? Прав-то он прав, насчёт князей он всё верно говорил. Так ведь больше некому за русскую землю вступиться, кроме княжья! У них воины, им и на бой идти. Кто как не Юрий Ингваревич, князь рязанский, на ордынцев напал? Разбили его, да, так ведь сражался же, не захотел чести

---

[1] *Повольник* — доброволец.

посрамить. Плохи те князья или так себе, а выбора нет — они одни способны противостоять Орде. И в этом главное. Орда — это враг, как ни крути. А врага положено уничтожать. Даже если он станет творить добро и содействовать прогрессу, даже если он заведёт почту и пустит ямщиков по дорогам, Бату-хан всё равно останется врагом. Захватчиком. Ненавистным, чья смерть желанна, чей уход спасителен...

...Неожиданный треск сухих ветвей, а вслед тому ржание конское и голоса людские заставили и Пончика, и всех прочих встрепенуться, хватаясь за оружие.

— Э-ге-гей! — разнёсся трубный бас.— Свои!

На укромную поляну, где нашла приют разбитая — или недобитая — дружина Романа Ингваревича, выехал могучий, пышногривый конь. Всадник был под стать — высокий, широкоплечий, могутный, в мохнатом тулупе, из-под которого блестел пластинчатый доспех. За предводителем ехали ещё человек десять или больше.

— Здравы будьте,— пробасил вожак.— Откуда путь держите?

Князь поднялся и гордо задрал голову.

— Ты сам-то кто будешь? — спросил он не без вызова.

Пончик ожидал перебранки, а могутный обрадовался.

— Да никак Роман Ингваревич пожаловали! — воскликнул он.— Славно! А я Еремей Глебович буду, воевода. Меня великий князь Юрий Всеволодович в Коломну наперёд шлёт, сторожей. А следом старшой сын князев прибыть должон...

— Должон...— передразнил его князь.— Где ж вы раньше были, сальники хреновы?

Воевода засопел.

— Што, худо? — сумрачно осведомился он.

— Хуже некуда. Побили нас мунгалы, а Рязань сожгли. Олега в полон взяли, один я спасся. И Юрия прибили, и Феодора, и Давыдычей. Ингварь нонче в Чернигове, да толку от тех черниговцев... Ежели и пришлют рать, то Рязань внове не подымется, и мёртвые не воскреснут...

— Худо...— вздохнул Еремей Глебович.

Кряхтя, он слез с коня и приблизился к костру, скрипя снегом.

— Ты сам, князь, понимать должон,— проговорил воевода ворчливо,— кажный свою выгоду блюдёт, за своих держится. И не всякий скумекает, где и в чём польза. Не думай, княже, я Юрия Всеволодовича не хвалю. Бросил он Рязань, отдал, выходит, поганым на поругание. Грех это великий. А только что делать-то? Так ли уж много войска у великого князя? Со мною он две с лишним тысячи послал,

четыре тысячи к Нижнему Новгороду отправлены, и ещё три тысячи Всеволод Юрьевич под Коломну приведёт. И всё на этом!

— Ну, не так уж и плохо,— повеселел Роман Ингоревич.— Я-то всего и успел, что сотни три вывести. Еле пробились... Думаю, тысячу призовём в ополчение. Ты да я да Всеволод — этак наберём цельный... как его... слышь, «мунгал»?

— Сам ты мунгал! — оскорбился Пончик, шмыгнул носом и проворчал: — Тумен наберётся, тьма народу. Угу...

— Во-во! — подхватил князь.— Я что и говорю.

Люди Еремея Глебовича всё прибывали, ходили вокруг, искали знакомых. Сам воевода с Романом Ингваревичем степенную беседу повёл, а Шурик нахохлился. Тоска его взяла. «Цельный тумен...» И что? Великая ли это сила — против семи-то туменов?

Александр с тоскою глянул на восток — занималось хмурое утро 22 декабря. И до рези в глазах, до боли сердечной захотелось ему вернуться в славный 937-й, где и веры хватало, и любовь была, и надежда не умирала...

Глава 15,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ ВСТРЕЧАЕТ НОВЫЙ ГОД ПРОЕЗДОМ

Ворвавшись в Рязань, сотня Эльхутура рассеялась по улицам и переулкам, нукеры принялись увлечённо грабить богатый город, истреблять его жителей — в общем, отыгрываться за долгую осаду.

Изай Селукович время зря не тратил, не шарахался по Рязани, а повёл своих на княжеский дворец — уж там-то их ждала знатная добыча!

В хоромах их встретил лишь один хромой дедок, зело вредный, но точно знающий, с какого конца у меча остриё. Джарчи с Чимбаем ненадолго задержались, уделывая хромца, а после присоединились к остальным, торопливо взламывавшим замки на княжеских сундуках.

Шубы собольи, на меху куниц и горностаев, одежды шёлковы, атласны, с аксамиту и парчи, роскошные шапки бобровые, сапоги из юфти и сафьяну — всякого добра хватало в сундуках князевых. Олег сразу вернул долг куману, отдав доху кунью за шубу овчинную.

Поднявшись в покои княгини, он пересыпал в баксон содержимое пары ларчиков, подумал, вернул всё обратно — и уложил в суму оба ларца. Искусной работы, выполненные из красного дерева, они были отделаны фигурными серебряными уголками, накладками из слоновой кости, инкрустированы каменьями — «тара» сама по себе кладом была! А внутри и понизи жемчугов розовых, и тяжелые ожерелья из ажурных золотых цветков с сердцевинами из яхонтов, и цепи, унизанные крупными сапфирами, и увесистые витые гривны шейные, и подвески, и перстни, и серьги. «На жизнь хватит...» — усмехнулся Сухов.

Спустившись в палаты, он угодил на фуршет — нукеры притащили из кладовок и погребов вина и мёду, окороков и хлебов, яблок мочёных, изюму, сыру.

— Присоединяйся! — сказал Джарчи, делая широкий жест.

Олег присоединился с удовольствием. Он вовремя успел отрезать себе изрядный кус копчёного мяса, отхватить ха-арошую горбушку каравая, когда в палаты повалили кешиктены, решительно очищая помещение от нукеров Изая. Нукеры возмутились, но тут в хоромину пожаловал сам Бату-хан, а за ним повалили Чингизиды — Шайбани, Орду, Мункэ, Гуюк, Кюлькан. Степенно вошли Субэдэй-багатур и Сили Цяньбу.

Сухов на цыпочках удалился, по ступенькам поднявшись на балкон, куда выходила дверь светёлки. Изай с бойцами прошмыгнули в комнату, а Олег остался на балкончике, благо тут и скамеечка нашлась — видно, княгинюшка её под ноги подставляла, в кресле сиживая. Точёные столбики перил хорошо скрывали сидящего, открывая ему скудный обзор.

Откусывая то от каравая, то от окорока, Сухов откинулся спиной на резные балясины и стал свысока наблюдать за гулянкой вышестоящих.

Баурчи, ведавшие ханским столом, быстренько организовали пир «по-походному» — затащили в хоромы маленькие столики, пока царевичи с полководцами чинно рассаживались по лавкам, а после торжественно внесли золотые и серебряные блюда с мясом. Чингизиды получили по блюду каждый — знак высшего почёта. Сили Цяньбу и Субэдэй делили одно блюдо на двоих.

Баурчи встал на колени перед Бату-ханом и заговорил с выражением:

— О, неодолимый доблестный хан! Да пошлёт Вечно Синее небо благословение на голову твою! Да посетит тень Священного Воителя эти палаты, где мы сидим. Пусть жёны твои двенадцать раз будут плодоносны, и их глаза озарятся радостью, увидев, что родился сын, а не дочь. Да не отступит никогда от тебя богатство! Да окружит твой ша-

тёр тьма верблюдов, везущих злато, и тьма жеребцов, навьюченных серебром. А если кто умыслит зло против тебя, пусть того покарает бог Сульдэ, наслав тьму несчастий и бед!

— Ой-е! — вскричали ханы и дружно отхлебнули из чаш княжеское вино.

Баурчи поднёс Бату-хану золотое блюдо с горячим, сочащимся мясом и варёной головой барана. Батый взял двумя руками блюдо и поставил перед собой. Выхватив тонкий кинжал, он отрезал баранье ухо и передал блюдо старшему брату Орду, сидевшему справа. Большой и грузный, Орду быстренько вытер руки, вымазанные в сале, о полу собольей шубы с золотыми пуговицами и принял угощение.

— Мой почтенный старший брат,— промурлыкал Батый,— я твой вечный нукер!

Расчувствовавшись, Орду облизал щёки Бату-хана [1], твердя:

— Ты одержишь девятьсот девяносто девять побед, достойных твоего деда! А я тут для того, чтобы отгонять от тебя желтоухих предателей!

«А чего это я всухомятку?» — спросил себя Олег. Тихонько поднявшись, он пригнулся под низкой притолокой и вошёл в светёлку, где пили и закусывали нукеры Изая.

Кружки Сухову не нашлось, и он отпил прямо из кувшина. Вино оказалось красным и сладким, тогда Олег отхлебнул ещё. Хорошо пошло!

— А чего ты ушёл? — ухмыльнулся Джарчи.— Хан уже знает тебя, ты и в юрте его бывал... Вы с ним как друзья!

Олег фыркнул.

— Бурундук дружил с медведем,— проворчал он,— и стал полосатым.

Нукеры рассмеялись, прикрывая рты, дабы не прогневать ханов.

Изай вытер руку об правый гутул и потянулся за чаркой. Чимбай мигом плеснул ему вина.

— Печень усыхает, как подумаю, сколько нам ещё топтать тутошние снега,— проворчал арбан-у-нойон.

— Снега и в степи полно,— рассудительно заметил Судуй.

— В степи нет лесов,— возразил куман,— там ничто не застилает взгляд!

Осоловев от сытной еды и хмельного вина, Олег сказал:

— Вы как хотите, а я спать завалюсь.

---

[1] Монголы не знали поцелуев.

Бросив на лавку пару шуб, он лёг и укрылся третьей. Сухов до того устал, что ни говор нукеров, ни галдёж ханов не помешали ему задремать. Мысли пошарахались, покрутились и стали успокаиваться, принимать ход неспешный и вялый...

...Отдохнув как следует, Олег подкрепился остатками пиршества, прошёл к двери, переступая через храпящих нукеров, и выглянул в горницу. Верховного командования было не видать, одни следы жизнедеятельности повсюду. Погуляли ханы...

Проверив, легко ли вынимается сабля, Сухов выбрался на свежий воздух.

На улице было тихо. Северный конец города догорал — сизый дым стелился над чёрными, обугленными брёвнами.

Савраска, привязанный к коновязи, радостно зафыркал, замотал головой — узнал хозяина.

— Застоялся, что ль? — ласково потрепал его по шее Олег.— Ну, давай, пробежимся чуток...

Конь был не против. Сухов проехал на южную сторону, ещё не тронутую пожарами, и, сам того не желая, догнал Бэрхэ-сэчена.

Тысяцкий ехал, поторапливая чагравого, и как-то уж очень целеустремлённо. Олег не мешкал — заехал под защиту распахнутой створки ворот, подумав, что лучше не мозолить врагу глаза.

Решив было воротиться до своих, Сухов задержался — поведение Бэрхэ-сэчена стало подозрительным.

Минган-у-нойон заозирался, направляя коня к Успенскому собору. Спешился за оградкой, привязал коня и двинулся к церковному подвалу.

— Чем дальше, тем интереснее...— пробормотал Олег.

Живо спрыгнув с коня, он поспешил к храму. Подбежав к решётчатой двери подвала, Сухов сторожко спустился в стылый коридор. Из-за второго поворота выдавался дрожащий свет свечи.

«Вечно приходится подслушивать, да подсматривать...» — мелькнуло у Олега. Осторожно выглянув, он рассмотрел широкую согбенную спину Бэрхэ-сэчена, читавшего некий пергамент или бересту — в потёмках не понять. Дочитав, минган сжёг послание, тут же достав чистый пергаментный листок. Открыл калямницу[1] и начал сосредоточенно составлять ответ. «Или донесение?» — мелькнуло у Олега. Уж больно всё походит на суровые будни разведчика, заброшенного в тыл врага...

---

[1] *Калямница* — писчий набор; пенал, обычно искусно разрисованный, в котором хранились бронзовая чернильница и калямы — заострённые тростинки для письма.

Бэрхэ-сэчен пошевельнулся, и Сухов отпрянул за угол, порываясь уходить, да поживее. И тут он словно к полу прирос — из кельи донёсся взволнованный голос минган-у-нойона, выпевающий на чистейшей латыни:

Te Deum laudamus:
Te Dominum confitemur.

Te aeternum Patrem
Omnis terra venerator... [1]

Обалдев совершенно, Олег попятился, покидая подвал и слыша доносившееся: «Sanctus, sanctus, sanctus Domine...» [2] Бесшумно поднялся по ступеням. Спотыкаясь на ровном месте, добрался до ворот, за которыми его радостно приветствовал савраска.

— Тихо ты, животное,— цыкнул на него Сухов. Коняка в ответ пихнул его мордой в спину, приглашая будто: поиграем?

Но хозяину было не до игр. Напряжённо наблюдая в щёлочку за подвалом, Олег дождался, пока оттуда покажется Бэрхэ-сэчен, сядет верхом и уедет прочь, после чего опять покинул савраску.

Бегом спустившись в подвал, он на ощупь снял огниво с пояса, запалил трут и возжёг свечу — огарок, оставленный Бэрхэ-сэченом.

«Ах, как ты не прост, враг мой!» — подумал Сухов, подбирая с полу почерневший пергамент, раздавленный гутулом. В некоторых местах кожа не прогорела до конца, и чернила лишь чётче выступили, виясь коричневой вязью. Олег разобрал пару слов: «...во славу Божью», «убить» и «Бат». Бат? Написано было «Bathus». Надо полагать, речь шла о Батые. Убить Бату-хана?

— Не слабо...— пробормотал Сухов и принялся искать ответ Бэрхэ-сэчена на полученное письмо.

Мысли в голове вихрились. Слишком всё было неожиданно. Да, это слово подходящее. Он чего угодно ждал от Бэрхэ-сэчена, но такого... «Копчёный»-католик! Каково?! Выходит, этот монгол — двойной агент? Э, нет... Тут иное. Возносить молитву с таким трепетом мог лишь глубоко верующий человек. Так что Бэрхэ-сэчен скорее суперагент папы римского в монгольском стане. Вряд ли он напрямую связан с Римом. Наверное, член какого-нибудь ордена. Хотя, кто его знает?

---

[1] Тебя, Бога, хвалим.
Тебя, Господа, исповедуем.
Тебя, Отца вечного,
Вся земля величает... (*Лат.*)

[2] Свят, свят, свят Господь... (*Лат.*)

Олег ощупал все кирпичики-плинфочки, пока не расшатал тот, на ребре которого имелись три насечки. Вытащив плинфу, он достал свернутый в трубочку пергамент.

Почерк Бэрхэ-сэчена был коряв, но понятен. Текст на латинском был краток: «Батый будет убит». И подпись: «Брат Иоганн».

— О, как...— шепнул Сухов.

Он аккуратно свернул записку и сунул её обратно в щель между кирпичами. Не будем нарушать связь с Центром, брат Иоганн...

Загасив свечу, Олег вышел на свет, рассеян и задумчив. Ему вспомнился Киев и то, как он гнался за двумя монахами. Ох, недаром та погоня показалась ему странной! Бэрхэ-сэчен наверняка уводил за собою прыткого сотника, позволяя монаху скрыться. Возможно, так оно и было. И не волновали тысяцкого вовсе убийства послов Гуюк-хана, брат Иоганн просто уберегал свою тайну от чужих глаз и ушей. Подстраховаться решил, ведь Олег вполне мог услышать и увидеть лишнее — и этого было достаточно для вынесения приговора, ибо только мёртвые умеют хранить секреты.

Сухов вскочил в седло, и саврасый бодро порысил вдоль по улице.

Разграбив и спалив Рязань, тумены Бату-хана двинулись в поход по Оке. Первым под руку попал Переяславль-Рязанский, удобно расположившийся на возвышенном берегу Трубежа у впадения в него Лыбеди. Эти две реки опоясывали холм, на котором стоял город, а затем несли свои воды в Оку. С холма открывался прелестный вид на заливные заокские луга, тут и там поросшие лесом. Неподалёку, на Борковском острове, шумели вековечные сосны, мощными корнями сцеплявшие песок навеянных ветром дюн.

Но вся эта красота не имела значения в походе, а переяславцы глядели со стен лишь на неисчислимое войско.

Первыми пострадали переяславские посады — Чёрный, Верхний и Нижний, а после пришёл и черёд самого города. Самой природой защищённый речными потоками и обрывистыми берегами, Переяславль лишь с западной стороны имел насыпной вал и ров.

Долго крепость не простояла, пала, но город уберёгся от полного истребления, от резни и пожара — ордынцы лишь ограбили избы да терема, пошарили по амбарам и лабазам. Некогда было им предавать град сей огню и мечу — тумены шли воевать Коломну, городишко, что стоял на мысу меж реками Москвой и Коломенкой.

В бесконечных войнушках и дрязгах Коломна переходила из рук в руки, то Владимиру доставаясь, то Рязани, а нынче городишко сей за-

мер в неустойчивом равновесии, уж и не зная толком, кому принадлежит. Юрий Всеволодович, великий князь владимирский, полагал, что ему, оттого и войско послал оборонить свои пределы — и оголяя стены стольного града на Клязьме. Это ему ещё аукнется, а пока что мелкие воинские формирования Романа Ингваревича, Еремея Глебовича и Всеволода Юрьевича копили силы, прирастая ополчением, и ждали прихода войска большого, ордынского.

Тумены передвигались не быстро, лишь на двенадцатый день выйдя к цели своего пути, так что новый, 1238 год Олег встретил в дороге — он так и не привык отмечать сей праздник в первый день марта. 31 декабря, полночь, перезвон курантов, наряженная ёлка, запах мандаринов, звон бокалов с шампанским — все эти приметы Нового года жили в нём с малых лет.

Дневок практически не делали, а место последней ночёвки совсем уж близко располагалось к Коломне, так что татары подошли к городу в полдень. Ни кони, ни люди просто не успели утомиться, разогрелись только.

Когда ордынцы выбрались на берег Москвы-реки, то увидели на другом берегу крепость с башнями, заключавшую в себе дома и церковь Воскресения. Коломна была поменьше Рязани, и укрепления её не впечатляли — вал да ров.

Весело горели два моста, переброшенные к воротам, за стенами коломенскими в ясное небо поднимались пушистые печные дымки, а на поле между лесом и градом стояли полки пешие и конные. Над ними вился парок дыхания.

Кавалерии и пехоты было половина на половину, а перед строем из снега торчали надолбы — наклонные частоколы, защищавшие от конной атаки. Напорется лошадь на остро заточенные колья — издохнет сразу или помучается, а обездвиженный всадник — находка для стрелка.

Острый глаз Сухова разглядел, что дружин было две или даже три, они стояли особняком.

— Тысяч десять, от силы,— сказал он вслух.

— Восемь,— поправил его кто-то.

Олег оглянулся и увидел, что рядом остановился сам Субэдэй-багатур.

— Восемь с половиной,— оспорил это утверждение подъехавший Бурундай.

— Может, и так,— проворчал Субэдэй.— Ты вёл счёт двумя глазами, я — одним. В бой пойдёт твой тумен, Бурундай. Твой — и Кюлькана.

— Повинуюсь,— склонил голову темник, но довольную ухмылку ему скрыть не удалось.

Бурундай взмахнул рукою, и тут же загудел большой барабан-наккар. Тумен-у-нойон выпрямился в седле, обозревая свои тысячи и сотни.

Хрипло завыли рога — над войском закачался хвостатый туг хана Кюлькана, младшего сына самого Чингиза.

Хан вышел на берег, отыскав небольшую возвышенность. Бурундай расположился неподалёку.

— Хуррагш!

— Хуррагш! — издал Селукович тот же клич и добавил: — Оросы нас заждались уже, заколели, на холоде стоя! Ничего, сейчас разомнёмся... Мигом согреются!

Тысяча Бэрхэ-сэчена пересекла реку Москву и вышла на противоположный берег, и вот уже оба тумена на позиции. Зарокотал наккар, замелькали белые и чёрные флажки сигнальщиков. С гиканьем и визгом вперёд бросились доблестные лучники, закручивая «хоровод». Ту же методу применил и тумен Кюлькана. Две «карусели» закружились между нукерами и воями.

Дружины московская и владимирская, полк коломенский попали под перекрёстный огонь, стрелы разили в упор, будто кто незримый всаживал тонкие кинжалы, втыкая по рукоять, не разбирая, есть ли на бойце панцирь али нет его.

Сборное воинство заволновалось, отвечая стрельбой да метанием копий. Ополченцы мастерски орудовали пращами, выпуская по врагу увесистые окатыши.

Лучники монгольские падали с коней, но сильно проредить их ряды ополчению не удавалось.

Дворяне, уверенные в том, что тяжёлой конницей «мунгалы» не воспользуются, побоятся надолбов, ринулись в атаку, обходя рогатые заграждения.

А монголы решились на «тулгама» — встречный обход. Ордынская конница понеслась двумя потоками, стремительно обходя москвичей, владимирцев, уцелевших рязанцев с флангов,— и ударила им в тыл. И пошла сеча.

Конный рубился с конным, скаля зубы и честя противника последними словами, лошади крутились, храпели и ржали, то пятясь, то наседая друг на дружку, кусая за круп и лягаясь. Одни кони поворачивали назад, другие, сбросив всадников, вставали на дыбы и падали. Пытаясь подняться, окровавленные скакуны корчились на земле.

Злее всех бились уцелевшие рязанцы — им терять было нечего, а пепел родного города стучал в сердца. Отчаянная смелость бойцов

Романа Ингваревича помогла не сгинуть сразу, а собрать силы и даже перейти в контратаку.

Мечи и топоры рязанские разили врага без пощады, и всадникам доставалось, и коням, так что предсмертные вопли раздавались вперехлёст с конским ржанием и храпом. Кровь лилась потоками, её было так много, что снег таял и ноги скользили в розовой жиже. Но острое желание возмездия пересиливало и вело бойцов от подвига к подвигу. Вот только враг был сильнее, и строй рязанцев таял, а убыль никем не пополнялась. Москвичи бились отчаянно, но в атаки не бросались, держались кучкой, сберегая себя. Владимирцы, правда, наседали на ордынцев, но непоследовательно — приступят, пробьют место, займут позицию — и отходят. Соберутся с силами, и снова в бой. И опять откат.

Коломенцы, те бились в полную силу, орудуя всем, что в руки взяли, будь то дубина или меч. Вот только опыта у воев не было совершенно, а на одном желании побить врага далеко не уйдёшь.

Олег поглядывал по сторонам, стараясь не отстать от «изаевцев». На него наехал густобородый воин в круглом шлеме, покрытый кольчугой с ног до головы,— на голове плотно сидел кольчужный капюшон с прорезью для лица, на ногах — доспешные чулки.

Его меч обрушился на Олега сбоку, но был отведён саблей. Приняв удар «мэсэ» на умбон, Сухов рубанул своей «хэлмэ», надеясь если не развалить доспех, так хоть руку противнику отбить. А тот извернулся, делая выпад, и чуть было не достал Олега остриём.

В этот момент вмешался Джарчи, вооружённый копьём с крюком.

— Кху! — вскричал он, цепляя бородатого в кольчуге, и сдёрнул того с седла. Витязь рухнул под копыта и затерялся за бешеным мельканием ног и хвостов.

Сбоку вылетели три не то владимирца, не то коломенца. Просвистела около уха стрела. И сразу два пеших копейщика вынеслись на Сухова — одно копьё просадило Олегов плетёный щит, другое скользнуло по доспеху. Савраска правильно понял отданную ему команду и бросился на копейщиков, сшибая тех с ног.

Изай Селукович прикрыл его с тылу, а после, с Тайчаром и Судуем, ударил по толпе воев, заслоняя их озверелые лица и рты, распахнутые чёрной бранью. Сабли мелькали в воздухе, мутно взблескивая окровавленными лезвиями, вои падали мёртвыми и калеченными. Вот просел конь под арбан-у-нойоном, пал мёртвым под ударом копий, но недолго Изай бился пешим — уделав двоих, вскочил на запасного мерина, подведённого верным Джарчи. И снова в бой, снова рубка и

колка, снова с обеих сторон творились умертвия, и души убиенных отлетали, как искры над костром.

Вступая то в один поединок, то в другой, Олег стал незаметно смещаться на левый фланг. И успел заметить пример безрассудства — полдесятка ополченцев с одними охотничьими луками, вскочив на коней, потерявших своих всадников, ринулись в самую гущу «мунгалов». Безумцам сопутствовала удача — они прорвались через монгольские тысячи и вынеслись на берег Москва-реки.

И это был последний успех — нукеры погнали рязанцев, владимирцев, коломенцев на их же надолбы, окружили и принялись методично изничтожать.

Круговорот боя вынес Олега на реку, ближе к берегу, где стояли, окружённые кешиктенами, Батый и Кюлькан.

В этот момент пошла на прорыв московская дружина, изрядно потрёпанная и прореженная, а сын владимирского великого князя Всеволод трусливо бежал с поля боя, окружённый сотней конников, да и ускакал «прямоезжей дорогой». Славный воевода Еремей Глебович пал смертью храбрых, а дольше всех бился Роман Ингваревич, заслужив уважение ордынских воинов. Но и он погиб, так и не отомстив за Рязань.

Кешиктены дружно подались на левый фланг, оберегая ханов от москвичей, но этот манёвр не представлялся опасным — вдоль берега перетаптывались конные сотни Бэрхэ-сэчена. Свои же! Уберегут ханов.

Олег видел широкие спины конников, обтянутые куяками, направляясь к ним,— и тут начали происходить события. Один из нукеров развернулся в седле, натягивая лук, и выпустил стрелу, метясь в Батыя, застывшего на берегу, словно конная статуя.

Мелькнуло искажённое лицо Савенча, обряженного в кольчугу, с шеломом на голове, а в следующее мгновение Сухов резко подался вбок, выставляя щит и отлавливая стрелу. Сердце едва успело ударить раз, как сосед Савенча — Олег узнал Тотура — тоже выстрелил. И промахнулся — стрела пробила горло хану Кюлькану.

Кешиктены повалили валом, заполошные крики и вой понеслись отовсюду, и Сухов заспешил убраться прочь. Быстро поклонившись Батыю, лицо которого покрывала мертвенная бледность, он смешался с нукерами Бурундая. Истинного героя украшает скромность...

А тумены были до того распалены ненавистью, до того уязвлены гибелью Кюлькана, что даже грабить не стали Коломну — город спалили дотла. Часом позже та же участь постигла и Свирелеск.

— Ненависть как соль,— вздыхал мудрый Изай.— Соль-гуджир, выступающая в низинах, делает землю бесплодной. Ненависть делает степь безлюдной...

Все ордынцы были взволнованы, переговариваясь испуганными шепотками,— Кюлькан был единственным Чингизидом, погибшим на поле боя. Не предвестие ли это? Не знамение ли? Неужто бог Сульдэ оставил тумены своей милостью?

И только Бату-хан оставался спокоен. На людях «великий» свирепел и лютовал, хлеща плетью воинов тумена, коим командовал Кюлькан. «Как вы,— орал хан,— желтоухие собаки, пожравшие труп своего отца, пропустили стрелков-оросов?! Как допустили? Как смели?!» Но, сидя в своей юрте, Батый наверняка улыбался, ибо младший сын Великого Воителя был его недругом. Кюлькан, молодой и наглый, никогда не скрывал своего презрения к Бату, называя хана «бабой с бородой». И вот оно, отмщение! Но положение обязывало.

Олег, оглушённый и опустошённый битвой, усталый донельзя, приплёлся в становище, благословляя Бога за то, что остался цел и невредим, да и верного савраску лишь забрызгало чужой кровью. Повезло... Раньше Сухов полагал, что только опыт и умение позволяют воину дожить до старости, не сложить голову в сражении. Позже он понял, что есть и судьба. Будь ты хоть трижды опытным воителем, но не уберечься тебе от шальной стрелы, пущенной навесом. Кому она достанется? У кого отнимет жизнь, падая с высоты и разя калёным жалом? У тебя? У товарища твоего, разгоряченного боем? А у того, кому не повезёт!

Нет непробиваемых щитов и панцирей, нет и вечных коней. Смерть многолика, а судьба одна. Выпал тебе несчастливый жребий — смирись и прими его, как подобает воину, с достоинством. И пусть смертный ужас рвёт тебе горло, пытаясь вырваться диким криком — стисни зубы, не позволь себе умереть, скуля и ноя...

...Под вечер того же дня недобитых местных жителей погнали расчищать поле боя от трупов человечьих и лошадиных. На грязный, кровавый снег коломенцы натаскали бревён, дверей, оконниц, саней, оглобель, поленьев и валежнику, а нукеры бережно укладывали на дрова погибших товарищей. Привязывали к холодным ладоням окровавленные сабли, ставили на грудь мертвецам чаши с зерном и мясом.

А в самом центре гигантского погребального костра сложили большую кладку дров для тела хана Кюлькана. К ногам Чингизида сложили задушенных Уржэнэ и Хоахчин, «луноликих» наложниц пресветлого хана, тут же полегли его любимые кони.

— О, багатуры! — возопил главный шаман, вскидывая руки к небу.— Да вознесутся ваши тени, подхваченные дымом священного костра, за облака, в алмазный дворец Сульдэ! Явитесь к Священному Воителю, пополните отряд павших героев!

Загремели барабаны. Завыли, заревели трубы. Тридцать шаманов в юбках из белых песцов, с медвежьими шкурами на плечах, забили в бубны, пошли вокруг гигантского погребального костра, приплясывая, кружась и камлая, издавая пронзительные вопли.

Суровые нойоны с факелами подожгли костёр с восьми сторон. Огонь занялся неохотно, но постепенно он набирал силу и вот заревел, завыл, с низким гулом, с торжествующим рыком пожирая дерево и трупы.

Окоченевшие тела отогревались в неистовом жаре — их головы медленно запрокидывались, руки сгибались, а ноги распрямлялись. Павшие словно нежились в огне, готовясь обратиться в прах и пепел — и освободить душу от телесных оков.

Заслоняясь руками от яростного пылания, нукеры расходились, освобождая всё больший и больший круг — ничейную полосу между миром живых и обителью мёртвых.

— Байартай![1] — вопили шаманы.

— Байартай, байартай...— глухо и мощно вторила толпа.

Вечером Олег отдыхал у костра рядом с юртой Изая. Он лениво спорил с Джарчи о природе загробного мира, когда показалась группа кешиктенов — на конях и с факелами в руках. Сухов медленно поднялся. Гвардейцы торжественно и молча подвели к нему великолепного вороного коня с уздою, украшенной фигурными золотыми бляхами, с чеканным налобником, изображавшим пантер в свирепой схватке. А уж седло, отделанное по краю розоватыми жемчужинами, и вовсе походило на ювелирное украшение.

Двое других кешиктенов с поклоном сложили к ногам Олега роскошный поперечно-полосатый куяк — детали из кожи носорога покрыты лаком и расписаны красной краской, а стальные нагрудник, наспинник, оплечья и наручи — отполированы до блеска.

На куяк гвардейцы уложили позолоченный шлем и саблю в зелёных сафьяновых ножнах, изукрашенных накладками из драгметаллов.

Ещё раз поклонившись, кешиктены удалились. Остолбеневший, очарованный блеском доспехов, Джарчи еле вымолвил:

— А... чего это?

---

[1] *Байартай!* — Прощай! (*Монг.*)

Из юрты показался Изай Селукович. Усмехнувшись, он сказал:

— Хельгу уберёг от гибели самого хана Бату. Это — награда.

— О-о! — только и выдохнул Джарчи, молитвенно заводя глаза.

— А Бэрхэ-сэчена понизили до сотника! — добавил арбан с раздражением.— Дурака такого...

— А кто тогда в тысяцких?

— Тугус-беки,— буркнул Изай и шагнул в юрту. Из-за полога голос его прозвучал глухо: — Спать всем! Завтра в поход!

...Утром следующего дня тумены двинулись по льду реки на запад. На Москву.

Глава 16,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ УХОДИТ В САМОВОЛКУ

Леса по берегам Москвы-реки стояли дремучие, тёмные и непроглядные — всё сосны да ели, никаких тебе сквозистых рощиц, как в Рязани, где ни спрятаться, ни скрыться. А здесь чуть отойдёшь за деревья, сделаешь пару шагов, и нет тебя — хвоя укроет, не выдаст.

В этих глухих, непролазных местах издревле, от начала времён, жили охотничьи племена — меря, эрьзя, они же арису, черемисы, мурома, мещера. Варяги их всех скопом прозывали финнами, считая великими охотниками, искусными в колдовстве. Лесные деревушки прятались в самой глубине дебрей, в краю болот и ветровалов, куда не добирались жадные конунги, а после и князья.

...Тумен Бурундая двигался в арьергарде, прикрывая войска с тылу. Хотя от кого тут прикрывать? От мерян? Вполне возможно, что лесовики не раз и не два выходили к реке, наблюдали за туменами — и уходили прочь. Они могли легко обогнать монголов и пройти к Москве, предупредить о приближении степняков, да только что мерянам те горожане? Москвичи сами по себе, они сами по себе.

Олег отстал от своего десятка — чембур лопнул, которым он к седлу вьючного сивку привязывал. Махнув рукою обернувшемуся Джарчи, он спрыгнул с вороного и занялся ремонтом. Сивка и бурка были в связке, они одинаково тянулись к Сухову мордами, выпрашивая

угощение или хотя бы толику внимания. Потрепав обоих, Олег туго связал концы чембура.

Савраска отдыхал поодаль, копытом разгребая снег. У Сухова мелькнула мысль, что неплохо бы проверить копыта и у воронка. Дарёный конь как раз повернулся к нему, кося хитрым глазом. Олег похлопал его по морде и присел, решив глянуть, не стоптал ли вороной свою «обувь». Это его и спасло — длинная оперённая стрела пробила коню шею. Дико заржав, воронок взвился и упал, забил задними ногами, расшвыривая снег. Сивка с буркой испугались и кинулись прочь, а Сухов откатился под защиту вороного, по шкуре которого ещё пробегала дрожь.

Олег внимательно следил за лесом, но за деревьями стыла тишина. Кто стрелял? Зачем стрелял? Неужто мерянин какой решился-таки на отважный поступок? Собрался с духом и оказал сопротивление захватчикам? А что? Чужак один, никто не увидит и не узнает, а спина широкая, не промахнёшься...

Сухова ситуация злила, просто из себя выводила. «Трус паршивый,— еле слышно шептал он,— покажись только!»

Саадак был приторочен к седлу, Олег тихонько достал лук, вынул стрелу не с острым, а с серпообразным наконечником — срезень. Таким, если попадёшь, всю кровь выпустит. Доспех срезнем не возьмёшь, но откуда у мерян кольчуги и брони? А мерянин ли лишил его коня?.. Неужто Бэрхэ-сэчен решил-таки свидетеля убрать? Не, это вряд ли...

Быстро темнело, но Сухов по-прежнему не двигался, всматриваясь в заросли на берегу. Ни одна веточка не шелохнулась, даже шапочка снега не упала с еловой лапы от неловкого движения — лесовики не делают неловких движений.

Мерянин возник вдруг, как будто ниоткуда. Не было никого — и вот он, проявился, гад. В доспехе из толстой кабаньей кожи, в меховых штанах, в бесформенной шапке кулем, бородатый и заросший, мерянин походил на лешего. Он шагал крадучись, высоко поднимая ноги со снегоступами и неслышно проминая наст. В руке он держал большой лук, обмотанный берестой.

Олег мягко улыбнулся, испытывая злую радость близящегося отмщения. Оттянув стрелу правой рукой, выпрямив лук левой, он резко изогнулся, показываясь над тёплым ещё гнедком, и выстрелил.

Реакция у мерянина была отменной — лесовик успел растянуть лук, но срезень, выпущенный Олегом, долетел быстрее, пронзая кабаний панцирь близко от сердца. Мерянская стрела ушла в снег. Охотник рухнул на колени и завалился на бок.

Выждав ещё немного, Сухов встал и направился к охотнику, обшаривая глазами лес. Вроде чисто.

Встав над мерянином, пускавшим кровавые пузыри, Олег холодно спросил его:

— Зачем ты убил моего коня?

— Я хотел тебя убить...— прохрипел охотник.

— Зачем? Что я тебе сделал?

— Панцирь красивый, блестит... И сумы полны...

— Воровать нехорошо,— сказал Сухов за мгновение до того, как сабля перечеркнула мерянину горло.

Не оглядываясь, он поспешил к воронку, снял с него седло и сбрую. Савраска так и стоял неподалёку, хрумкая скудной лесной травкой. Услыхав тихий свист Олега, скакун вскинул голову, продолжая перетирать траву зубами, и подбежал трусцой.

— Молодчина саврасая,— проворковал Сухов, седлая верного друга.— И что бы я без тебя делал?

Вскочив в седло, он поспешил отъехать, внимательно поглядывая по сторонам. Снег на реке был истоптан до льда, тысячи копыт раскрошили и сам лёд, растолкли осколки в пыль и перемешали её с навозом. Искать тут следы сбежавших сивки с буркой просто нереально.

— Нервные больно,— пробурчал Олег.— Да, савраска?

Конь мотнул головой, будто соглашаясь.

Глубокие следы, оставленные слева от дороги, привлекли внимание Сухова. Тут явно прошли две лошади.

Олег поворотил савраску в лес, читая то, что было написано на снегу. Вот лошади разошлись, но недалеко. Идут рядом, в двух шагах друг от друга. Это понятно — чембур удерживает их вместе. Ага! Вот между двумя цепочками следов куст, с которого стряхнули снег. Видать, поводом задели. Значит, точно сивка с буркой, больше некому.

Следы петляли, заводя всё дальше и дальше в лес. Неожиданно савраска заржал — и ему ответили.

— Вот вы где...

Пытаясь разойтись и выпутаться, сивка с буркой захлестнули чембур петлёй вокруг дерева и теперь стояли, печально глядя на Олега.

— Дурни,— ласково сказал Сухов.— Дурень сивый и дурень бурый.

Кони глубоко вздохнули, словно поддерживая это мнение.

Распутав чембур, Олег накрепко привязал его к седлу. К этому времени тьма сгустилась настолько, что отдельные стволы деревьев сливались, чернея на еле отсвечивавшем снегу. И куда теперь? Воз-

вращаться к реке или искать ночлег в лесу? Чертыхнувшись, Сухов не стал садиться верхом, а пошёл впереди, потянув саврасого за собой.

Впереди вроде посветлело, сосняк поредел, открывая пологий холм, поросший молодыми ёлочками. Разглядеть эти подробности Олег не смог, но ладонью ощутил касание колючих верхушек.

С вершины холма ему привиделся слабый огонёк. Остановившись, Сухов напряг зрение.

Сперва он услышал — слабый далёкий скрип, словно дверь приоткрыли. И тут же глаза уловили красноватый отблеск. Сухов улыбнулся. Ага! Кажется, переночевать удастся в тепле!

Он осторожно пошагал вперёд, проваливаясь в снег по колено, а потом его нос уловил слабый запах дыма.

— Верным путём следуем, товарищи,— пробормотал Олег.

Савраска понятливо фыркнул.

Неожиданно ногам стало свободно — снег был расчищен, а впереди, шагах в десяти, громоздилась приземистая избушка. Да нет, изба, и не маленькая. Пятистенок, как минимум. А выстроен он был в интересной манере — нижний венец из мощных брёвен не в землю уходил, а покоился на череде могучих пней, поднимаясь, будто на сваях. Толстые корневища смотрелись, как пальцы когтистые — курьи ножки!

Разглядеть все эти архитектурные излишества Олегу помог факел, чадивший в держаке у двери. Примотав поводья к коновязи, Сухов вежливо постучался. Ему отперли, не спрашивая, кто пришёл.

Он ожидал увидеть согбенную Бабу-ягу с клюкой, а свет обрисовал молодую женщину с длинной чёрной косой, переброшенной на грудь. Кстати, весьма выдающуюся грудь — в обоих смыслах.

Олег хотел было поздороваться и попросить о ночлеге, но женщина сказала спокойным, обычным голосом:

— Проходи, Олег. Я уж и факел выставила, чтобы не заплутал.

— Кто ты? — спросил Сухов в изумлении.

— Крестили Варварою, зовут же Чарою. Проходи, а то всю избу выстудишь.

— У меня кони...

— Конюшня с той стороны. На-ка, возьми факел.

Растерянный, Олег взял трещащий факел и повёл лошадей «на ту сторону». Конюшня оказалась не маленькая, на шесть денников, но лишь один был занят — старой кобылой, безразлично встретившей новых постояльцев.

Сухов завёл коней, распряг их, тщательно протёр каждого пуком соломы, подсыпал сена, подлил в поилку воды из бочки.

Заперев двери конюшни на засов, он потушил факел и вошёл в дом.

Потолки тут были низковаты, но всё выглядело добротным и прочным. В сухом воздухе разливались запахи смолы и хвои, перебиваемые ароматами сушёных трав, пучки которых были развешаны по стенам.

В большой печке, сложенной из камней, гудело пламя, но топили её не по-чёрному — сходящийся кверху дымоход выводил чад наружу, не пачкая сажей потолков. На полицах, на тяжёлом, крепком столе, на широком подоконнике горели толстые восковые свечи, наполняя комнату тёплым, трепетным сиянием. В одном углу стоял гигантский сундук, окованный бронзовыми полосами, в другом находилась кровать — основательный лежак с кипою кошм, застеленный холщовой простынёю и одеялом из беличьих шкурок. «Большая подушка просто обязана быть набитой пухом лебяжьим»,— подумал Сухов, оглядываясь в поисках хозяйки.

Варвара появилась из маленькой, низкой двери в незанятом углу. Женщина вышла босой, в одной рубахе, коса её была расплетена.

— Банька растоплена,— сказала она.— Раздевайся, я тебя вымою. У меня тут шесть уваров из трав, они смоют усталость и вернут силы.

— Скажи, пожалуйста, откуда тебе известно моё имя?

— Ведьма я,— дала Варвара простое объяснение.— Ведунья.

— И колдунья? — улыбнулся Олег.

— Колдую помаленьку...

— А не боишься одна жить?

— Откуда ж страху браться, когда одна?

— А если придёт кто?

— Не придёт. Покружит, покружит, да и убредёт себе восвояси.

— А я?

— А тебе я огнем посветила, чтобы не сбился с пути...

Сухов разделся. Варвара тоже стянула с себя рубаху, спокойно и непринуждённо, изящно согнулась на входе в баньку, и Олег облизал сохнущие губы, любуясь круглой попой, всеми плавными изгибами и западинами великолепного тела.

В бане было жарко, пахло волглым деревом и смородиновым листом. Огонь из печи-каменки освещал всё кругом шаткими красными отблесками.

Сухов разглядел огромную деревянную бадью, полную горячей воды, но глаза стремились вернуться к Варваре, жадно оглядывая покачивающиеся груди. Эти атласные шары нежной и теплой плоти с напряжёнными розовыми сосками просто не могли подниматься так высоко, а они дерзко не поддавались тяготению, вызывающе кругля прелестные формы. Олегу стало немного стыдно, потому что желание его проснулось и демонстрировало себя слишком откровенно.

— Полезай,— приказала женщина.

Олег послушно забрался в бадью. О-о! Когда это он в последний раз мылся? В Онузе небось. Смыть грязь и пот — какое это наслаждение! Степнякам этого не дано понять.

Нежные руки коснулись его. Сухов покосился на длинные пальцы, сжимавшие мочалку, и даже глаза прикрыл.

Варвара окунула мочало в горшок с травяным настоем и стала тереть Олегу спину, потом плечи. Её груди мячами катались у него по спине, странно успокаивая, а ладони ведьмины вытягивали усталь из натруженных мышц.

Чистый и разморенный, Олег вылез, и Варвара окатила его ушатом тёплой воды. Здорово!

— Потри мне спинку,— попросила женщина, изгибаясь и кладя руки на лавку.

Сухов испытывал в этот момент странную гамму чувств — неистовое желание близости уживалось в нём с полным душевным покоем.

Не в состоянии унять сумятицу мыслей, Олег принялся тереть узкую ведьмину спину, любуясь тем, как тонкая, изящная талия круто переходит в бёдра.

Сухов со старанием растёр неподатливые, тугие ягодицы, протянул руки дальше — и незаметно овладел Варварой. Уронив мочалку, он стиснул бёдра женщины и задвигался, выдерживая пленительный такт толчков. Потом перевёл руки на узкую талию.

Варвара застонала, ещё круче прогибая спину, подалась к нему. Олег продвинул руки, охватывая груди, сжал их. Сладкие стоны и горячие аханья женщины перешли в долгий прерывистый крик, обоих затопило жарким приливом любострастия, и Сухов постепенно замер, бурно дыша и продолжая тискать упругие выпуклости.

Варвара первой освободила своё лоно и выпрямилась, потянулась, закидывая руки за голову.

— Спасибо тебе за любовь и ласку,— сказала она, мило улыбаясь.— Теперь мой черёд.

Ведьма вышла из бани, Олег последовал за нею. Сняв горшок с печи, Варвара поставила его на стол и большим деревянным черпаком наполнила глубокую миску.

Сухов почувствовал слабое головокружение — он был голоден, как стая некормленых волков. Что там было, в той Варвариной похлёбке, Олег так до конца и не разгадал. Мясо было, грибы, лучок, приправы какие-то, ягодки разваренные, с кислинкой, и ещё что-то, и ещё...

Сухов не съел свою порцию, он её проглотил. Схомячил и добавку. А, насытившись, развеселился — голый нукер войска Батыева сидит рядом с красивой женщиной, нагой и ласковой. И ест сборную солянку!

— Ты знаешь моё имя,— сказал Олег,— а тебе известно, кто я?

Ведьма улыбнулась.

— Ты пришёл с войском великого воителя, покорителя степи.

— И тебя не трогает, что этот покоритель проходит по здешним землям с огнём и мечом?

— А должно трогать? — с интересом спросила Варвара.— Олежа, не морочь себе голову. Русские дружины хаживали в походы на степняков, те шли в набеги на русские грады. Так было всегда.

— Такого набега, как ныне, ещё не было.

— Но и такого окаянства, такого великого числа богомерзких грехов тоже не случалось. Князья превысили всякую меру, причиняя зло, и вот, воздалось им сторонним злом. Батый не ведает, что направляем и водим Вседержителем, и ты не знаешь того. Ты, Олег, часть силы той, что ныне творимым лихом уравновешивает лихо, уже причинённое государями этих земель, и тем достигает блага.

— Добро из зла?

— А разве бывает иначе? Доброта — это не деяние, ибо любое деяние — зло, а раз так, то добро — не сущее, добро — не бытует в мире, но будет тотчас явлено, как только одно зло победит другое. А посему не терзай душу зря — правда на твоей стороне...

Олег, как зачарованный, смотрел на мерцающие огни свечей. Картины прошлого сплетались с картинами грядущего.

— Утоли печаль, добрый молодец,— тихо сказала Варвара.— Ты обязательно встретишь свою возлюбленную...

Олег сильно вздрогнул, сердце его заколотилось.

— Когда? — выдохнул он.

— Не спрашивай, судьба не в моей власти.

Сухов медленно выдохнул и встал из-за стола. Гибко поднялась Варвара.

— Люби меня...— прошептала она.

Олег бережно взял женщину на руки и понёс на ложе. В это прекрасное мгновение ему было совершенно безразлично, какой век на дворе — тринадцатый, или десятый, или двадцать первый...

Утром Сухов проснулся в тишине и покое. И в чистоте.

Маленькие окошки, забранные слюдой, пропускали в комнату розоватый свет утра, а от печки всё ещё шло тепло. А сбоку Олега грела Варвара. Чара.

Она лежала спиной к нему, прижимаясь всем телом. Почувствовав, что он проснулся, Варвара живо перевернулась, обращая к Олегу улыбающееся лицо.

— Доброе утро,— прошептала она и поцеловала Сухова в уголок губ.

— Доброе,— согласился Олег, стискивая тугую грудь женщины.

Варвара игриво рассмеялась — и села на него верхом. Потянулась рукой к нему в промежность, обхватила пальчиками, направила и прилегла к Сухову на живот. Олег вмял ладони в её ягодицы, приветствуя драгоценную соединённость, и задвигался навстречу женщине — бёдра к бёдрам, лобок к лобку.

Чувствуя, как горят исцелованные губы, Сухов крепко сжимал сильное, пружинистое тело нечаянной любови, с удовольствием внимая низким прерывистым стонам и всхлипам.

Варвара выгнулась последний раз, что-то бессвязно бормоча и вскрикивая, вонзила ногти в спину Олегу и только после этого обмякла, стала нежной-нежной, ласковой-ласковой.

— Тебе пора...— сказала она со вздохом.— Ты догонишь тумены после полудня. Одежда в углу. Я там положила чистое бельишко, думаю, тебе так понравится.

Сухов встал и потянулся, ощущая приятную истому. Чистая льняная рубаха приятно касалась кожи, а порты даже порадовали Олега — их не надо было подвязывать гашником, на них имелась круглая пуговичка-гудзик. Раз — и готово.

Одеваясь, он поглядывал на Варвару. Женщина лежала на боку, изогнув бедро и подперев голову рукой. Лежала и улыбалась.

— Я хочу,— проговорила она низковатым грудным голосом,— чтобы ты запомнил меня именно такой, голой и улыбающейся...

— Я тебя никогда не забуду,— сказал правду Олег.

Варвара легла на спину, потянулась, закидывая руки за голову, выгнула стан, отчего её круглые груди уплощились до приятных полусфер, отмеченных маленькими розовыми сосочками, похожими на малинки.

Не теряя женщину из виду, Сухов обулся, надел шубу, натянул на неё куяк, нахлобучил малахай, напялил сверху шлем.

— Возьми там перчатки,— пробормотала Варвара, зевая дивным ротиком.— Пусть тебе будет теплее...

Олег с удовольствием натянул пару меховых перчаток — как по заказу сделаны.

— Прощай, Варвара-краса, длинная коса,— молвил он.

— А мы ещё встретимся,— улыбнулась ведьма и послала ему воздушный поцелуй.

На берег Сухов вернулся по своим следам. Кони его были бодры, сыты и довольны. Ближе к реке Москве лес стал редеть, пока и вовсе не раздвинулся, соединяя чащу с невеликим речным простором. Поплутав среди густого ельника, Олег вывел савраску и сивку с буркой на пологий бережок.

При свете дня Москва-река была схожа с наезженной дорогой. Те же цвета — рыжий, серый, коричневый, жёлтый. Снег, замешанный с грязью, подмёрз за ночь и громко хрустел под копытами. Воздух был чист и звонок, небо синело, словно умытое, а яркое солнце слепило белизной нетронутого снега по берегам, на обвисших еловых лапах.

— «Спи, ёлочка, бай-бай...» — пробормотал Олег и послал савраску вперёд. Пора было заканчивать нечаянную самоволку.

Тишина стояла полная, звонкая, хрусткая. Ветерок поддувал, но нечем было шелестеть, а, чтобы зашумели кроны могучих сосен, лёгкого дуновения было недостаточно.

Спустившись по скользкому склону на лёд реки, Сухов поспешил вдогонку войску. Одинокий всадник мог отмахать в день и пятьдесят вёрст, и более, а вот семь туменов были силой великой, но и громоздкой, к тому же отягощенной обозом. Десять—пятнадцать вёрст в день — вот предел скорости передвижения ордынского воинства.

— Догоним,— сказал Олег.— Да, саврасый?

Саврасый был согласен...

...О близости монгольского войска дали знать запахи — повеяло дымом, навозом, смрадом. Послышался гул, в который сливался перетоп множества копыт, скрип повозок, крики верблюдов. А потом Олег увидал впереди шевелящийся тёмный вал человеческого отлива — растянувшись на вёрсты, повторяя все изгибы русла, следовали тумены.

К Сухову тут же подскакали тургауды, судя по лицам и броням, не монголы и не куманы, не степняки вовсе. Скорее всего, мордвины, на которых князь рязанский войной ходил. Просто так ходил, на людей поохотиться. Да и Юрий Всеволодович походы на мордву учинял — чего ж не пограбить «по-соседски»?..

Не дожидаясь враждебных действий, Олег вытащил пайцзу и продемонстрировал её мордвинам.

— Отстал,— коротко сказал он.

Тургаудов ответ удовлетворил, а один даже признал Сухова.

— Ты — Хельгу,— сказал он,— идёшь с Изаем.

— Кстати, да. А ты кто? Не помню тебя.

— Я — Пуреш,— с достоинством представился тургауд,— сын Пургаса из Обран Оша. Мой отец был азором [1].

---

[1] *Азор* — выборный вождь в племени арису (летописная эрьзя), подчинявшийся старейшинам.

— А-а...— припомнил Олег.— Русь Пургасова?

Пуреш величественно кивнул, гордо поглядывая на товарищей — слыхали, мол? Знает!

Возвращались они вместе, а тут и Джарчи нарисовался.

— Ой-е! — заорал он.— Ты куда пропал?

— Меряне напали, подстрелили коня.

— Ва-вай! А ты?

— Мой враг мёртв.

— Ой-е! Знаешь, что вчера Изай говорил про тебя? Сейчас, вспомню... А! Он сказал так: «Беспомощные утки летают стаей, а орёл всегда один».

— Орёл, говоришь? Хорошо хоть не сова...

Джарчи жизнерадостно рассмеялся.

— Едем, Хельгу! Машфа [1] скоро!

Улыбаясь, Сухов поинтересовался:

— Слышь, Джарчи, а чему ты всё время радуешься?

Нукер оскалился.

— Радость в том,— сказал он, явно повторяя чьи-то слова,— чтобы пригнуть к земле врага, захватить всё, что у него есть, в том, чтобы сесть на его откормленного коня и превратить животы его любимых жён в постель для отдыха!

— Счастливый ты человек, Джарчи,— вздохнул Олег.

— А то! — хмыкнул нукер и завопил, не сдержав переполнявших его чувств: — На Машфу! Кху-кху-кху!

Глава 17,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ НЕ УЗНАЁТ МОСКВУ

«Машфа» не представляла особого интереса для Чингизидов, город сей не стоило даже отдавать воинам на поток и разграбление. Кого там было грабить? Чем набивать баксоны?

---

[1] *Машфа* — Москва (*монг.*).

Москва являлась типичным захолустьем, бедной, зачуханной окраиной Владимиро-Суздальского княжества. Именно поэтому и шли к ней тумены — повторялась история с Онузой.

«Машфа» становилась пробным камнем для великого князя владимирского — как-то отреагирует Юрий свет Всеволодович на пришествие орды? Смирится ли? Или повторит ошибку вассала своего, Юрия Ингваревича Рязанского?

Были, конечно, договорённости с великим князем насчёт того, что монголы не явятся на его земли, но чего только не скажешь, лишь бы глупого врага успокоить...

Существовала и другая причина для наступления на Москву. Имелся короткий путь на Владимир-Залесский, он же Владимир-на-Клязьме — та самая «прямоезжая дорога», по которой дунул княжич Всеволод. Дорога представляла собой просеку с заставами по пути и для продвижения туменов не годилась — узка больно, да и что за интерес — не ехать, а пробиваться с боем, вырезая стражников и разбирая засеки [1]? Река же Москва до самого города доведёт, а после разорения оного тумены повернут к Владимиру, куда отправятся по льду Клязьмы. Вроде и крюк, а получается ближе. К тому же прямоезжая дорога через лес проходит, а по рекам сёла и деревни выстроились, где и нукерам еда сыщется, и лошадям корм.

19 января 1238 года ордынцы вышли к «Машфе». Это был небольшой городишко, опоясанный деревянными стенами, затерянный среди соснового леса. Гораздо позже Москва обоснуется на семи холмах, а пока что ей и одного Боровицкого хватало с избытком.

Олег выехал на берег реки и только головою покачал. Типичная глубинка — полная безмятежность и ротозейство. Никто из москвичей не крепил оборону, ни одного воина не увидишь. Ворота распахнуты настежь, неторопливые лошадки волокут возы с хворостом, от реки поднимаются сани с большой бочкой воды, из которой торчит черпак. Бабы с коромыслами тащат полные деревянные ведра и неохотно уступают дорогу водовозу, а одна хозяйка и вовсе стирку затеяла — согнулась над прорубью и вальком колотит по мокрому белью.

Поодаль сгрудились маленькие баньки. То и дело дверцы их открывались, и наружу, в облаках пара, выскакивали голые мужики. С гоготом они сигали в прорубь и выскакивали обратно. Женщины окунались в соседней полынье, и всей разницы было, что не гогот стоял над нею, а визг и ойканье.

---

[1] *Засека* — оборонительное сооружение в виде рядов елей, поваленных не поперёк, а вдоль дороги, острыми сучьями против движения.

Субэдэй-багатур не стал дожидаться подхода всех туменов и послал на штурм одного Бурундая. Пронеслись над рекою гулкие удары в наккар, взвыли трубы, и раздалось призывное: «Хуррагш!»

Нукеры повалили с берега на лёд реки, и лишь теперь москвичи опамятовались — бабы бросали свои коромысла и спешили к воротам, одна лишь, то ли по глупости, то ли по жадности, неслась с полными вёдрами, переваливаясь на ходу и расплескивая воду. Прачка тоже кинулась к городу, на ходу выкручивая стираную рубаху, а те, кто затеял банный день, мчались босиком, накинув на себя армяк или шубу.

Передовые сотни уже одолели реку и взбирались на тот берег, когда в Москве опомнились — заколотился сполошной колокол, оповещая жителей о свалившейся на них напасти.

Не все успели укрыться за московскими стенами — с полсотни горожан ордынцам удалось-таки задержать, ещё десятка два отловили по баням и кузням у реки. Задержанных и отловленных никто не мучил, никто не покушался на их жизнь — дармовую рабсилу берегли до поры.

Ров вокруг града выкопан не был, зато подъём к городским воротам был устроен с умом — он проходил под стеной, открытый для стрельбы. Но Бурундай не собирался нести потери — завыли трубы, и тумен раздвинул свои ряды. В образовавшемся проходе показался таран — с виду обычная изба, только без задней и передней стены. И сруб, и двускатная крыша были обиты сырыми кожами, а внутри, подвешенное на цепях, качалось тяжёлое толстое бревно с концом, заделанным в бронзу. Сруб был поставлен на широкие полозья, его тащила шестёрка волов, запряжённых цугом. Каждый вол был укрыт доспехом из толстой шкуры, и мычание выходило глухим, низким, а в прорези валил пар от дыхания. Но пусть уж защитники города сами догадываются, что за звери идут на приступ — быки али змии огнедышащие!

— Ач! Ач! — завопили погонщики, и волы потащили таран в гору, издавая уже не мычание, а рёв. Смазанные полозья выглаживали наст до блеска, скользя со скрипом и визгом. В проёмах были видны татары мощного сложения — команда таранщиков, ступавших следом за волами, прикрытых сверху и с боков.

Москвичи со стен выстрелили пару раз из луков, а больше им и не дали — сотни монгольских лучников засыпали стены стрелами, перемежая обычные срезни длинными древками, обмотанными паклей и смоченными нефтью. Оставляя дымные дуги в небе, зажигательные стрелы падали на город, но большой беды причинить не смогли — на крышах лежал снег.

Между тем волов выпрягли, пришла пора ударно потрудиться пленникам — в качестве тягловых животных. Нукеры погнали москвичей

плетьми и древками копий. Один из схваченных, чернявый мужик с кудлатой бородой и дыбом торчащими мокрыми волосами, замерзшими на холоде, в одной шубейке, с босыми, посиневшими ногами, не вытерпел и бросился на ордынцев — выхватил копьё у зазевавшегося бойца, выбил тому зубы тупым концом, а после всадил наконечник в брюхо. Прыткого москвича тут же зарубили, и остальные уже не пытались качать права — дружно взялись толкать таран, пядь за пядью, шаг за шагом приближая стенобитное орудие к проездной башне.

— Ещё! — пыхтели одни, надсаживаясь.— Навались, тараканы беременные!

— Не стреляйте! — вопили другие, со страхом обращая лица на стены родного города.— Свои мы!

А третьи ругались, самыми чёрными словами выражая свой страх, свою злобу, своё сожаление о постигшей их глупой участи.

Всё, сошлись вплотную. Могучие таранщики раскачали бревно и пробили по воротам — створки сотряслись, рождая короткий гулкий отзвук. Услыхав его, тумены возрадовались, а у жителей города сжались сердца в тягостном предчувствии.

— Проедем вокруг Машфы,— скомандовал Изай Селукович.— Не даст нам Бурундай спокойно постоять и посмотреть, как город падёт...

Десяток снялся с места и отправился на задание. Москва была столь мала, что даже слободы не имела,— места и за стенами хватало.

Худая землица вокруг города была распахана на деляны, помеченные межами из собранных камней и выкорчеванных пней. Слева, за старыми краснокорыми соснами, обозначилось извилистое русло, а уж что там протекало — Яуза, или Неглинная, или ещё какая водная артерия, Олегу было неведомо.

— Никого тут нет,— сказал Джарчи недовольно,— что было зря скакать? Всё пропустим только...

В эту минуту за городом монгольские трубы подняли хриплый вой.

— Я ж говорил! — завопил Джарчи.— Пропустили!

Десяток прибавил ходу, на всём скаку выносясь к берегу Москвы-реки. Поглядев в сторону воротной башни, Олег сразу догадался о значении трубного сигнала — осаждённые решились на вылазку.

Ворота отворились наполовину, и всё невеликое воинство московское, на конях, криками призывая покровителей небесных, вынеслось в поле. Пешцы прошли через таранную избу, секирами порешив нукеров.

Воевода — могучий дядька с рыжей бородой веником — трубно взрёвывал, матеря татар и подбадривая своих. Москвичей было немного, надежды на успех не существовало — воины бились с отчаяни-

ем обречённых. Уж если помирать, так со славою, побивая ворога, а не принимая смерть от чужого меча!

То ли напор москвичей был могуч, то ли вера их силой переполнилась, а только контратака воеводы началась с удачи — гридни с ополченцами ударили по булгарам, не по своей воле призванным под туги ордынские. Ударили так, что копья трещали, изламываясь, а секиры разваливали тулово всаднику и втесывались в сёдла. Это была ярость русского медведя, коего гнали из берлоги.

— Знаю я этого рыжего! — крикнул Изай, осаживая коня.— Филипп это, Нянькой прозван. Любит воевода с молодыми бойцами возиться, учит их, как пестун какой... Давай, у стены проскочим — и в тыл!

Десяток поспешил за Селуковичем, проскакивая мимо угловой башни и разворачивая коней.

Филипп Нянька между тем побил немало булгар, а прочих обратил в бегство — и вызвал гнев самого Бату-хана. И уже не рекруты булгарские вышли на бой, а отборные нукеры, чьи кони топтали пыль Шаньдуна, Самаркан-да, Мерва. Их копья остановили разбег московской конницы, а сабли довершили начатое.

Воевода увернулся от копья раз, увернулся два, а на третий его сняли с коня два багатура, скрутили и поставили на колени перед Батыем. Хан недовольно оглядел Филиппа Няньку, прошипел: «Проклятый рыжий мангус!» — а после приказал разрубить воеводу на куски и разбросать останки вокруг города [1].

Нукеры исполнили приказ в точности... И Москва пала.

Сотни Бурундая и Субэдэя повалили в Машфу — по законам Ясы воины могли три дня грабить и жечь город, и никто, даже сам Бату-хан, не мог лишить их этого права.

Изай Селукович повёл десяток наперерез — по узкой тропе, по обрывчику. Протиснувшись между таранной избой и воротной башней, он вклинился в поток нукеров, спешащих поживиться чужим добром.

Сухов протолкался третьим, после Судуя. За воротами оказалась небольшая заснеженная площадь. Забор и слепые стены тесно стоявших домов стискивали её со всех сторон.

---

[1] Признанные летописи не разъясняют, отчего убили воеводу, а вот неотождествлённый источник сообщает, что «...воевода же Филипъ Нянскин всяде на конь свои и все воинство его с нимъ, и тако прикрепи лице свое знаменьем крестным, оттвориша у града Москвы врата и воскрича вси единогласно на Татаръ. Татарове же, мняще велику силу, убоявшаяся нача бежати и много у них побито. Царь же Батый паче того с великою силою наступи на воеводу и жива его взяша, разсече его по частемъ и расбросаша по полю, град же Москву созже и весь до конца разорил...»

Олег, влекомый толпой степняков, двигался по узкой улице, тянувшейся к белокаменному собору. Улица завершилась другой площадью, отделённой от задней городской стены большим двухэтажным теремом, который соединялся с собором галереей.

Ордынцы разъехались кругом, теряясь в переулках, врываясь в собор,— вскоре без устали звонивший колокол смолк, пару раз жалобно звякнув, а тело звонаря полетело вниз, грянувшись о площадь.

Олег неспешно проехался мимо терема, откуда неслись испуганные визги и гневные крики. Крики смолкали, заглушаемые сталью разящей, а вот взвизгиванья не прекращали действовать Сухову на нервы.

Послышался грохот, брань, вопли, и на крыльце появился Джарчи. Нукер вёл перед собою молодого человека, одетого в парчу и атлас. Джарчи так заломил руку своему пленнику, что тот согнулся в три погибели и подвывал от боли.

— Вот, коназа поймал! — гордо заявил нукер.

— Это не коназ,— глянул Изай в искажённое лицо молодца в парче.

Физиономия Джарчи вытянулась.

— Это ещё лучше,— неторопливо договорил куман.— Ты пленил Ульдемира, сына великого коназа. Поспеши к Бурундаю и передай темнику свой трофей — получишь награду!

Осчастливленный Джарчи тут же связал Владимира Юрьевича, стреножил великокняжеского сына и повёл его, красуясь и грозно насупливая брови.

А Судуй с Чимбаем раскатали прямо по снегу ковёр и стали выкладывать на него добычу — меха, драгоценные ткани, посуду высшей пробы, мечи в ножнах из красного сафьяна, отделанные каменьями и золотыми бляхами. Изай по-честному поделил отнятое — треть хану Бату и хану Угедэю, две трети — воинам. Олегу досталась целая связка перстней византийской работы. Оглядев украшения, Сухов засунул их в баксон.

Разгул же только начинался — набрав добра, набив им перемётные сумы, нукеры принялись творить безобразия. Они гонялись за девками, резали мужиков, а когда уставали саблями махать, поджигали соломенные крыши, обкладывали хворостом избы и запаливали «растопку».

Правда, амбары и овины ордынцы не жгли — сено и зерно шло на корм лошадям. Увы, лес — не степь, трава здесь росла хилая, и мохноногие лошадки жили впроголодь, питаясь порою ржаной соломой с крыш, отчего болели. Поэтому стога и скирды, устроенные на полях, становились желанным трофеем.

А половцы вскрыли аж два амбара, набитых зерном,— кто успел, тот насыпал по баксону отличного корма. Олег тоже подсуетился.

Покинув город, он остановился и обвёл взглядом всё видимое пространство. Через века эта земля заполнится домами и дворцами, здесь пролягут шумные улицы, запруженные толпами народа. Представить же себе подобный взлёт сейчас было делом невозможным, невероятным.

Вздохнув, Олег повернул коня к становищу, в поле между лесом и городом. Тут ордынцы и устроились на ночь, выставив дозорных. Кто в шкуру завернулся, на прогретую костром землю улегшись, кто палатку поставил, а боголы Изая Селуковича, притомившегося на снегу спать, соорудили по-быстрому юрту, расстелили кошмы, запалили костёр.

Арбан собрал весь десяток, выкатил бочонок архи и большой бурдюк с кумысом, навалил на потёртые деревянные блюда творогу, вчерашних лепёшек, копчёной конины, нарезанной тонкими полосками. Гулять так гулять!

Олег обмёл снег с гутул травяной метёлкой, перешагнул порог юрты и присел у огня. С удовольствием сбросил с себя и доспех, и шубу — плечам стало приятно и легко без обычной тяготы. Ноги тоже отдыхали — Сухов снял гутулы и переобулся в мягкие чаруки — тапки для юрты, на толстой войлочной подошве. Хорошо...

— Разливай, Джарчи,— сказал арбан-у-нойон, тоже благодушествуя,— ты у нас самый молодой, а нынче такую «рыбу» поймал... Ва-вай!

Джарчи горделиво хмыкнул и нацедил кумыс в чаши-аяки. Нукеры взяли их в руки, первым делом побрызгали пенистым напитком на божков-онгонов, висевших в изголовье постели, принесли в жертву духу огня по крошке творога.

— Госпожа очага Галаган-эхе,— искательным голосом проговорил Чимбай,— твоим соизволением рождено это пламя. Пусть тысячи лет не гаснет огонь!

— Пусть! — согласились нукеры.

Младшие подождали, пока Изай сделает первый глоток, и припали губами к аякам.

— Ой-е! — крякнул Судуй.— Хорош кумыс!

— Кумыс хорош,— подхватил полноватый Хуту, с бородой, подстриженной «лопаткой»,— а архи ещё лучше! Наливай, Джарчи!

— Эт можно!

— У оросов есть хороший обычай,— сказал Олег, подставляя свой аяк под мутно-белую струю,— посвящать выпитое человеку. Давайте выпьем за Джарчи!

— Давайте! — подхватил самый молодой.

Все расхохотались.

— Изай,— обернулся Олег к куману,— скажи пару слов.

Арбан-у-нойон важно разгладил усы, соображая, и поднял чашу.

— Всего пять трав выросло,— проговорил он,— как Джарчи пришёл под мою руку. Сходили мы вместе на саксинов [1], сходили на булгар. Вот, ныне третий поход у нас. Так выпьем же за то, чтобы он был у нас не последним!

— Ой-е! — воскликнул Джельмэ, нукер с перебитым носом.— Хорошо сказал! Выпьем!

Выпили, закусили.

— Оросы не только за людей пьют,— ухмыльнулся Изай,— они ещё и вещам всяким посвящают своё питьё. Называется — «обмывать»!

— Выпьем за нашу добычу! — поднял чашу Сухов.

— Ой-е! — вскричал Джарчи в полном восторге.— Пусть она никогда не кончается! Пусть её будет много-много! И ещё больше!

Потом выпили за хана, помянули павших, отдали дань уважения тени Священного Воителя... Напились все.

Дольше всех продержались Изай с Олегом. Сухов пил мало, а куман больше говорил, пускаясь в воспоминания о прошлых битвах.

— На Калке мы им показали...— выговорил он, еле ворочая языком.— Нас туда привели Субэдэй и Джэбэ-нойон. Мы не воевать ходили, нас посылали на разведку — надо было узнать, как бьются оросы да сколько их. Вышло их, конечно, много, больше, чем нас. А толку? Мы-то все как один, а у них рассыпалось всё — свели князья дружины свои, и всяк себе командир! Это когда ж было-то? Давно уже... Лет... так... лет пятнадцать назад. Да? Да. Оросы тогда поддались на уговоры половцев, которых мы согнали с берегов Итиля. Да ладно там, поддались... Могли же и победить! Могли? Могли. Ан не вышло! А почему? А потому что князья сдуру захотели битву затеять на чужой земле — и повели полки в степь. Но мы-то в кочевьях родились и выросли, а они-то ничегошеньки не знали о степных приёмчиках! Ну и попались, короче. Мы изобразили для оросов ложное отступление, а они как воспламенились, как понеслись следом! Догнать решили нас и перебить. Ага... А мы ка-ак развернёмся, да как нападём! Ну и всё... Главное, оросов больше было гораздо, а мы их до самого Днепра гнали! Так-то вот. Слушай, а давай спать?

— Давай.

— Всё, спим!

---

[1] Саксин был городом-государством, возникшим после распада Хазарского каганата. Располагался в низовьях Волги, на месте современной Астрахани. Уничтожен войсками Батыя.

Поздно ночью Олег проснулся от холода. Нукеры храпели вокруг, лёжа вповалку по всей юрте. Сухов, ежась, выбрался наружу.

Было тихо, только где-то далеко ржал конь, доносился грубый лай монгольского волкодава. По всему становищу горели костры, рождая ощущение мощи — и безопасности.

Наломав сухих веток, надрав бересты, Олег вернулся в юрту и разжёг костёр. Поглядел на него, сонно моргая, подбросил дровишек, да и лёг досыпать. Сколько там ни осталось до подъёма, всё его.

Мысли стали путаться, заслоняться странными, сновидными картинами. Из омута памяти всплыло лицо Елены. Женщина что-то говорила, улыбаясь, губы её двигались, но Олег не понимал произносимого или не слышал. Потом красивое и прекрасное лицо растаяло, как иней на стекле...

...Утром тумены покинули сожжённую Москву и направились на северо-восток, к Клязьме.

Глава 18,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ УЛУЧШАЕТ СВОЁ БЛАГОСОСТОЯНИЕ

Бату-хан очень спешил — тумены даже не задерживались, чтобы пограбить как следует сёла и крохотные городки, выстроенные по Клязьме. Лишь особые отряды разъезжали по окрестностям, высматривая сено в стогах и скирдах, отбирая у перепуганных селян всякое зерно.

Война должна была закончиться до весенней распутицы, которая задержала бы отход в степь, да и бескормица грозила ордынской кавалерии. А погибель не входила в планы Чингизида. Лучшие полководцы монгольской империи судили и рядили, как начать поход, откуда начать и докуда дойти. Всё было учтено, всё расчислено, уже и люди подобраны, чтобы над князьями, послушными Орде, встать, да следить, чтобы вся положенная дань собрана была и в целости доставлена по назначению. Конечно, нельзя было предвидеть всего и загодя назначать даты сдачи крепостей, но основное правило выдерживалось: быстрота и натиск! Чем быстрее тумены опишут круг по русским землям, тем целее будут, и тем надёжней затянется петля на княжествах.

И вот, 2 февраля, во вторник мясопустной недели, войско Батыево вышло ко Владимиру.

Город Олегу чем-то напомнил виденного им идола с четырьмя разными ликами. Для путника, подъезжавшего к Владимиру с востока, с холмов, между которыми спускалась к Серебряной воротной башне дорога из Суздаля, столица княжества открывалась большой деревней — то был Ветчаной город, укреплённый, но бедный посад, застроенный бревенчатыми избами, теснящимися вдоль единственной большой улицы. Улица та вела от ворот Серебряных до Ивановских ворот Среднего города, где проживали бояре, купцы и прочие, могущие похвастаться ёмкостью кошеля или знатностью рода.

Если в Ветчаном городе жались друг к другу, словно пытаясь согреться, покосившиеся избушки и клети, торчали на перекрёстках колодезные журавли, прели навесы хлевов, и даже деревянные церквушки выглядели убого — без перезвона дорогих колоколов, а с дребезжащим боем бронзовых досок-бил, то в Среднем высились белокаменные соборы — Рождественский, Успенский, Дмитриевский. В ясные дни сияние их золочёных куполов виднелось за десятки вёрст.

Если же приближаться к Владимиру с юга, со стороны реки Клязьмы, город смотрелся величаво, поднимая над пойменными лугами, над обрывистым берегом высокие стены.

Только с севера, со стороны Юрьевской дороги, с дальних полей, отлого понижавшихся к речке Лыбедь, город показывал сразу и нищету, и роскошь, и лохмотья, и парчу.

Тумены подошли к Владимиру с запада, со стороны могучих и великолепных Золотых ворот. Сошлись Восток и Запад, обитатели юрт глядели раскосыми глазами на сияние куполов и белизну стен, глядели алчно и торжествующе, ибо не знали поражений и не собирались отступать. А жители изб смотрели со стен с ужасом и отчаянием, ощущая обречённость и предчувствуя гибель.

Пока передовые сотни носились вдоль стен великого города, татары всё прибывали и прибывали, заполняя окрестные поля.

Тумен за туменом покрывали снега пёстрыми точками, сливавшимися в огромность, не имеющую числа и охвата. Разгружались обозы, выставлялись белые и чёрные юрты, да не в разброс, а отдельными куренями. Разгоралось множество костров, нукеры устраивались как на привале, а прямо напротив Золотых ворот, на возвышенности, забелел шатёр Бату-хана. Тридцать больших юрт его ближников окружили белоснежный купол. Вероятно, спокойная деловитость монголов сильнее всего действовала на нервы державшим оборону. Для влади-

мирцев предстоявший им штурм чудился величайшим, быть может, последним испытанием в жизни, требующим от них нечеловеческих усилий и самоотверженности, а монголы... А монголы смеялись, ставили юрты, чтобы было где отдохнуть, проверяли оружие, ухаживали за лошадьми, разводили костры — погреться и приготовить ужин. И было понятно, что нукеры давно готовы к тому, чтобы взять город приступом, как они это делали и в прошлом, и в позапрошлом году — в десятках столиц и могучих крепостей. Не было заметно и следа суетливости в движениях ордынцев — движениях плавных, уверенных, повторявших давно заученное, привычное, наскучившее. Ей-богу, хотя бы след напряжения на лицах нукеров, хотя бы тень страха добавили бы сил владимирцам, сил и вдохновения перед битвой. Но нет, ордынцы относились к штурму города на Клязьме, как к чему-то будничному, надоевшему даже. И это было унизительно.

Пока шла подготовка к штурму, тумен Гуюк-хана отправился в Суздаль. Нукеры взяли город без боя и три дня грабили его, спалив и дворец княжеский, и монастырь Дмитриевский, а к вечеру пятницы 5 февраля вернулись, пригнав толпы пленных.

Суздальцы — плотники знатные, с утра субботы мясопустной их заставили лестницы сколачивать да пороки ставить. Плотники вкалывали до самого вечера, а ночью они тын городили, выставляя его вокруг всего Владимира. И как же угнетала эта картина тех, кого окружали изгородью, красноречиво подтверждая пугающую истину: никому отсюда уйти не удастся!

Целые обозы саней подвозили к баллистам и катапультам валуны и глыбы мёрзлой земли, огромные брёвна распиливали на тяжеленные колоды — те ещё снарядики. Пленники, шатавшиеся от усталости, принялись таскать срубленные деревья, заваливая ими ров в четырёх местах сразу — левее Золотых ворот, напротив Спасской церкви; с северной стороны, от Лыбеди, у Ирининых и Медных врат, и с юга, с берега Клязьмы, у ворот Волжских.

Это была тяжёлая, выматывающая работа, поэтому-то её и поручали местным жителям — нукерам следовало не тратить силы зря, а копить их перед тем, как идти на приступ.

Мужики, в полон угодившие, валили сосны, ели, берёзы и волокли их к городу, а женщин-полонянок гнали следом, нагруженных вязанками хвороста. И вся эта древесина полнила и полнила рвы, выступая шаткими мостами к желанным стенам владимирским. Суздальцы, изнемогая, сколачивали примёты и только головы в плечи вбирали, выслушивая брань и попрёки со стен. Но, чем дальше, тем глуше делались речи, а по-

сле они и вовсе заглохли — тишина установилась на заборолах. Сжимались в тоске тысячи сердец, ожидая неминуемого, неотвратимого.

И вот в воскресенье мясопустное, после заутрени, загрохотали, загрюкали пороки, полетели во владимирцев тяжкие глыбы и кувыркавшиеся брёвна. Час длился обстрел, а потом десятку Изая поручили ответственное задание.

— Едем! — крикнул куман, гарцуя на коне.— Субэдэй хитрость придумал. Джарчи, ты первый!

Молодой нукер тут же надулся от важности — чуял, что за хитрость пришла багатуру в голову. И точно — пленного княжича поручили подвести Изаю Селуковичу — к самым Золотым воротам. Пускай посмотрят со стен на бедного Владимира Юрьевича, пожалеют пусть, авось и сжалятся, откроют ворота в обмен на жизнь великокняжеского сынка.

— Это, конечно, вряд ли,— покачал головою Изай,— но почему бы не попробовать?

Заглохли пороки, опустили луки стрелки, а глашатаи с лужёными глотками прокричали, коверкая русскую речь: «Не стреляйте!»

Десяток Изая медленно продвинулся к Золотым воротам. Судуй и Джарчи ехали впереди, поддерживая за концы верёвок связанного Владимира, поникшего, избитого, голодного и холодного. Душераздирающее зрелище.

— Узнаёте княжича вашего? — проорал Изай, задирая голову.— Сдавайте град свой без боя, и он будет жить!

— Вопи, давай! — прошипел Джарчи.— Ну?!

И Владимир пал на колени, не чувствуя боли в заломленных привязью руках. Закричал, выгибая шею:

— Спасите, люди добрые! Мочи нет терпеть! Пожалейте!

Олег с любопытством ждал ответа. Тут на стену Золотых ворот вышли братья Владимира, Всеволод и Мстислав, и громко, с выражением, изрекли:

— Брате! Лучше умереть перед Золотыми воротами за Святую Богородицу и за православную веру, чем поступить как басурмане велят!

И тут же из бойниц, из окон церковки на Золотых воротах полетели в нукеров стрелы и дротики, камни, кирпичи, горящие головни.

Десяток Изая поспешно отступил, а Джарчи, раздосадованный и уязвлённый, срубил княжичу Владимиру голову. Не сработала хитрость. Ладно... Где пасует лукавость, там берёт сила.

Гулко ударил наккар, завыли трубы, затрубили рога.

— Хуррагш! — вскричал Субэдэй-багатур, и тысячи, десятки тысяч грубых голосов ответили громоподобным: «Хуррагш!»

Начался приступ. Метательные орудия забрасывали гудевшие валуны и чурки, проламывавшие заборола, сносившие воинов со стен. Сотни стрел ежесекундно подчищали каждую бойницу, каждый проём, не позволяя высунуться.

Олег намётанным глазом видел, что сопротивление шло разрывчато — какую-то башню защищали упорно, со знанием дела, а на соседней дрались вяло, словно по принуждению или делая одолжение. Некоторые участки стен и вовсе были оголены — ни одного защитника!

— Видал? — крикнул Изай, щерясь.— Там совсем нет воинов! Город не продержится и дня! Сегодня мы станем хозяевами каждого дома, каждого терема во Владимире. Хо-хо!

— К полуночи ворвёмся,— авторитетно заявил Джарчи.

— К полудню! — оспорил это утверждение арбан.

Олег с неожиданным волнением следил за штурмом — это была реальная, не придуманная батальная сцена, где соседствовали гибель и геройство, малодушие и храбрость, подлость и самопожертвование. Сегодня он не желал победы Орде, хотя и понимал, что в спасении владимирцам отказано. Честно говоря, Сухов и пораженческими настроениями не был смущён, и жалость к осаждённым не проникала в его сердце, скорее уж раздражение гнездилось в нём... Он просто хотел, чтобы всё поскорее закончилось,— надоела ему эта дурацкая война. Помня обо всех будущих выгодах, понимая, что историю не изменить, Олег стремился поскорее выйти из реки крови на мирный берег.

А тараны упорно долбили ворота, а нукеры четырьмя потоками лезли и лезли на стены... И их яростная настойчивость была вознаграждена — уже к обеду ордынцы прорвали оборону города в трёх местах сразу. Изай выиграл спор.

Тысячи Бурундая ворвались во Владимир через Иринины ворота, тумен хана Мэнгу овладел Медными; бунчук хана шатался над головами воинов — длинный бамбуковый шест с небольшой перекладиной наверху, с которой свисали пять пушистых чёрных хвостов яков.

И начались кровавые, жестокие уличные бои — монгольская конница прорывалась, обходя завалы из телег, брёвен, саней, лавок и тынов, отстреливаясь от владимирских лучников, дравшихся за каждый дом Нового города — западного конца Владимира, выстроенного Андреем Боголюбским и заселенного отнюдь не бедняками. Новый город лежал весьма живописно — облегая амфитеатром ложбину, выходящую к Волжским воротам у Клязьмы, поэтому он почти весь открывался взгляду, и, куда ни посмотри, везде сшибались люди, шли стенка на стенку, сходились в поединках один на один или целою толпой набрасывались на героя-одиночку.

— Олег, за мной! — крикнул Изай, пригибаясь в седле, словно это могло уберечь его от шальной стрелы.— Пробиваемся к детинцу!

— А где это?

— А вона, где собор Успенский!

На перекрёстке, к которому сходились сразу пять улиц, случилась заминка — человек пять огромных воинов в длинных кольчугах, в шлемах-топхельмах [1] с решётчатыми забралами, с круглыми щитами в крепких руках и длинными мечами, держали оборону. Стояли, перегородив улицу, и никого не пропускали. Их клинки блистали, как крылья стрекоз над прудом в солнечный день, но удары были свирепы, а выпады губительны. Уже человек десять нукеров лежало у их ног мёртвыми или корчились в последних усилиях жизни.

— Это багатуры из Варангистана [2]! — определил Изай.— Так их не пройдёшь...

И арбан-у-нойон кликнул курчи, лучших стрелков сотни Эльхутура. Те вышли и натянули луки... Первый залп пропал даром — багатуры-варяги отбили пущенные в них стрелы мечами или подставили щиты. Щиты, пробитые насквозь, вскоре сделались бесполезными и были отброшены.

Издав яростный клич, варяги перехватились поудобнее, взмахнули мечами и бросились на ордынцев. Первым пал великан-северянин со смешными рыжими косичками, торчавшими из-под шлема — стрела попала ему в глаз, пронизав забрало. А потом наехали копьеносцы, со всего разбегу ударив по четырём багатурам, оставшимся в строю.

— Дзе-дзе,— поцокал языком Изай.— Ай, славные воины!

И наёмники-варяги оказались чуть ли не последними защитниками Владимира-Залесского — сглупил великий князь, разослал всё войско, оголил стены града стольного. И Рязань предал, и свой же Владимир подвёл. Горожан, конечно, хватало, но разве способен мирный обыватель сравниться с нукером, опытным воином, закалённым в битвах и привыкшим побеждать? И всё же владимирцы отбивались, как могли и чем могли, отступая и уступая город врагу.

Стрелы, камни, копья, дротики летели в ордынцев из окон и дверей, с крыш, из-за заборов. Ворота могли открыться внезапно, и троечетверо конных с копьями наперевес бросались на монголов.

Попы, забравшись на колокольню, кидали оттуда обтесанные камни, заготовленные для ремонта стен, метали плинфу, пару малых ко-

---

[1] Шлем в форме усеченного конуса или цилиндра, полностью закрывающий лицо.

[2] *Варангистан* — страна варягов.

локолов свергли, пришибив зазевавшегося сотника. Даже дети швырялись тем, что им было под силу,— камнями, палками и снежками.

Баба в исподнем, с распущенными волосами, истошно вопя, бросала в нукеров глиняные миски и деревянные блюда. Побив горшки, она схватила ухват, ринулась на монголов, но не добежала — упала со стрелой в груди.

— Давай дворами! — скомандовал Изай и погнал коня в обход угловой избы, проскакал тесными закоулками и вырвался на площадь с маленькой часовенкой посередине. Вокруг часовни крутились человек десять верхом на конях, они горячили скакунов и потрясали копьями, но стоило «героям» увидать нукеров Изая, как весь десяток умчался прочь.

— К стене! — крикнул арбан-у-нойон, показывая на внутреннюю стену, разграничивавшую Новый и Средний город.— Там улица!

Вдоль всей стены действительно тянулся широкий проход, по нему десяток Изая и поскакал, пока не вырвался к Торговым воротам, где уже скопились сотни ордынцев. Паче чаяния, ворота не были заперты, их следовало просто отворить и попасть из града Нового в град Средний. А за воротами своя морока — ожесточённого сопротивления нукеры не встретили, но хватало отступавших и убегавших, упорно отстреливавшихся, уже не победы желавших, а просто отдалявших неизбежный конец. Все же понимали — пощады не жди.

Монголы теснили жителей, пока те не укрылись в детинце, в Печернем городе, последнем оплоте Владимира-на-Клязьме.

Правда, нукеры не подступили тут же к владимирской цитадели — они занялись куда более захватывающим делом — стали грабить богатые терема и лавки Среднего города.

Десятки шуб собольих, куньих, горностаевых ложились на снег. Раскатывались, как свитки, рулоны парчи, аксамиту, шелков. Грудами валились на эту «подстилку» золотые кубки, гривны, кресты, венцы, сыпались звонкие монеты, клацали содранные с икон драгоценные ризы.

— Сколько тут всего! — воскликнул Джарчи.— Ух, ты...

Нукеры быстренько расхватали злато-серебро. Чимбай повертел в руках кинжал с золотой рукояткой в форме орла, раскинувшего крылья, и бросил в общую кучу. Олег порылся в груде увесистых сокровищ и вытащил длинную понизь крупного розового жемчуга. Сгодится... Добавив к своей доле пару тяжёлых браслетов с громадными изумрудами и сапфирами, гранёнными в квадрат, с круглыми рубинами, оттенявшими кровавым блеском тёмную зелень и синь, Сухов подумал, что за одно только это воскресенье он стал богат сказочно. Потому и не кончаются войны, что каждый хочет урвать для себя от чужого пирога хоть кусочек, а желательно два...

— Бату-хан, Бату-хан едет! — разнеслось по толпе нукеров.

Хан на саврасом коне, в сверкающем золочёном панцире, подъехал и остановился перед богатствами, разбросанными по шубам и шелкам. Слабая улыбка удовлетворения изломила его надменно сжатые губы. Оглядев воинов, хан привстал в стременах и громко проговорил:

— Бай-аралла, баатр дзориггей! [1]

«Доблестные богатыри» заорали всей толпой, дружно желая хану милостей Вечно Синего неба.

И в эту самую минуту, то ли с крыши богатого терема напротив, то ли с угловой башенки, прилетела стрела. Метился неведомый лучник в спину Батыю, да конь саврасый спас хана — взбрыкнул вдруг, и гранёный наконечник с тупым звоном пробил золотое блюдо.

— Байза! Байза! — заорали кешиктены, стенкой вставая вокруг Бату.

Другие кинулись к терему, но тут сам хан заорал, плетью указывая на строение:

— Спалить! Дотла! Мигом!

И кешиктены, и нукеры забегали, окружая терем, зажигая факелы. Целая сотня воинов умчалась и примчалась обратно, волоча охапки сена.

Невидимый стрелок не показывался, а потом и увидеть его стало трудно — плотный дым заклубился, скрывая стены. Горящее сено полетело в окна и двери, на ступеньки высокого крыльца и за балюстрады балкончиков. Пламя разгоралось, набирало силу — треск быстро переходил в угрожающий гул, а затем и в пугающий рёв. Огонь добрался до второго этажа, охватил крышу. Со звоном лопались круглые стеклышки в окнах, пока рамы не отекли струями расплавленного свинца, а из проёмов не завились жадные огненные языки.

Кричал ли неопознанный стрелок или принял молча свою ужасную смерть, осталось неясным — чудовищный перегуд пожара забивал все звуки (в последующие дни Сухов встречал угрюмого Бэрхэ-сэчена, мелькало в толпе и узкое, костистое лицо Савенча, а вот Тотура он больше не видал...). Затрещала, проваливаясь, крыша, и в небо вскружился вихрь искр.

Удовлетворённый, Бату-хан легонько стегнул коня, трогаясь далее, а Субэдэй молча указал на стены детинца.

И вновь начался бой. Печерний город, княжеская цитадель, находился ближе к Клязьме. Стены его не впечатляли высотой, но сложены они были из белого камня.

---

[1] Спасибо, доблестные богатыри! (*Монг.*)

Бурундай, увидев такое дело, мигом распорядился доставить таран. Бревенчатую стену долбить этим орудием бесполезно — спружинит, а вот каменную кладку рушить — тут таран к месту. Но стенобитное орудие не понадобилось.

Когда ордынцы скопились перед воротами Печернего города, так плотно обитыми железными накладками, что казались цельнометаллическими, створы дрогнули и открылись. Показался маленький вооружённый отряд, сопровождавший княжичей Всеволода и Мстислава, везущих многие дары в надежде, что их помилуют за отдельную плату. Монгольские сотни сориентировались мгновенно — погнали коней и ворвались в цитадель, мимоходом прирезав Всеволода Юрьевича. Мстислав бросился бежать, но куда там — словили княжича и зарубили.

Торжествующие ордынцы заполнили весь детинец, шныряя вокруг и не зная, куда кидаться вначале — то ли ко дворцу княжескому бежать, то ли к соборам направиться. И там и там добыча обещала быть впечатляющей. Положение исправил Бурундай.

— Все к оросскому храму! — распорядился он.— Так и так всё наше будет...

Семейство великого князя, приближённые его и случайные люди, искавшие спасения в Печернем городе, забились в Успенский собор, поближе к светлому образу Богоматери Владимирской. Но не уберегла народ чудотворная икона — ордынцы обложили храм валежником и запалили огонь, чтобы выкурить крещёных. Чад повалил внутрь собора — тяга была хорошая...

Дрожащие голоса, выпевавшие псалмы, стихали один за другим — богомольцы падали, задыхаясь в удушливом дыму. Так и угорели все.

— Конец,— устало сказал Изай Селукович, утирая сажу с лица,— победа. Был Владимир, и нету Владимира...

До самого вечера продолжался разнузданный грабёж — хотя бывает ли разграбление порядочным и церемонным?

Ветчаной город отличался бедностью — сожгли Ветчаной город. А вот в Среднем и Новом добыли столько добра, что много телег нагрузили доверху. Бывало, что нукер выбрасывал из баксонов отрезы шёлковые, лишь бы места хватило для драгметаллов. Да и с теми перебирали — откидывали серебришко, одним золотишком затаривались.

Среди раздетых мертвецов, вытащенных из Успенского собора, великого князя владимирского не нашлось. Не сыскали его и во дворце.

И епископ Митрофан обнаружился среди угоревших, и княгиня Агафья Ростиславна со снохами, Марьей да Христиной, и воевода Пётр Ослядюкович, а вот Юрия Всеволодовича не было.

После усиленных поисков к Субэдэю привели икавших от страха писарей, и те поведали багатуру, что Юрий Всеволодович отъехал из города на север, через Ростов и Углече Поле [1], за Итиль-реку, войско собирать. Брата Ярослава Всеволодовича кликать, Переяславль-Залесский держащего в руце своей, а нынче, поговаривают, и Киев прибравшего. Другого братца, Святослава с дружиною, звать из Юрьева-Польского, а также племянников — Василька Константиныча, от отца получившего Ростов с Костромой «со всею областию Галицкой», и Всеволода Константиныча, что в Ярославле правит да в Углече Поле, и Владимира Белозёрского.

Получив такие известия, Субэдэй-багатур повеселел даже — он терпеть не мог безвестности. Теперь же, когда всё стало ясно, можно было позволить себе и расслабиться, отдать всё время увлекательнейшему занятию — разграблению великого города.

Растаскивалось добро из домов и теремов, со складов купеческих и храмов божьих. Ветчаной город уже догорал, когда занялся Новый, заполыхал в ночи колоссальным костром, красным вздрагивавшим пламенем освещавшим гибель свою принимающий Владимир-Залесский, он же Владимир-на-Клязьме.

Глава 19,

В КОТОРОЙ ПОНЧИК ЗНАКОМИТСЯ И ПРОЩАЕТСЯ С ГЕРОЯМИ

Когда Пончик мчался «прямоезжей дорогой», стараясь не отстать от Всеволода Юрьевича, мысли не держались в его голове. Тогда он жил одними ощущениями — понукал своего толстого, ленивого коня, которому лишь бы в стойло тёплое забраться да хрумкать овёс, поглядывал на проносившиеся мимо колючие ели, на хмурых дружинников, чьи крепкозадые скакуны пахли конским мылом и потом.

Княжич Всеволод был упитанным молодым человеком, маменькиным сынком, слабым и трусливым, негодным к строевой службе. Он бе-

[1] Ныне Углич.

жал с поля боя, и получилось так, что владимирцы вторично бросили рязанцев, оставив одного Романа Ингваревича биться с «мунгалами».

Подъезжая к Владимиру, Александр стал искать оправдания князьям, но досада пекла, как слёзы глаза жгут. Если бы Юрий Всеволодович не ротозейничал, не малодушничал, подставляя Рязань и думая отсидеться за лесами, если бы он сразу бросил все свои силы на помощь тёзке своему, Ингваревичу, то они бы вдвоём могли большое войско собрать — тыщ двадцать, как минимум. Да столько же, если не больше, ополченцев согнали бы. Это же сила! И так бы оба князя врезали бы по сусалам Чингизидам, что тем худо бы пришлось. Если бы да кабы... Эх... Конечно, Юрии вряд ли одержали бы победу над татарвой, но они столько ордынцев положили бы, что волей-неволей Батыю пришлось бы вернуться в степи — раны зализывать, живую силу копить для нового похода на Русь. И ещё неизвестно, состоялся бы тот поход или нет. Да, много, очень много народу полегло бы тогда на реке Воронеже, зато и Рязань устояла бы, и Владимир, и вся Русь Святая! И снова «бы», «бы», «бы»...

И ведь всё равно великий князь владимирский потерял и войско, и грады свои! Потерял без толку, растратил впустую силы немалые, распылил их по всей земле владимирской. И что теперь?

Доверил оборону Владимира двум своим недорослям, попросту говоря, бросил город на произвол судьбы, а сам помчался на реку Сить — ждать, пока ему родня полки приведёт. А где ж он раньше был? Послы монгольские у него побывали и к Батыю вернулись — ещё в декабре! Что же он делал целых два месяца? Почему ополчение не собирал? Почему ту же родню не теребил? Может, и правы те шептуны, что уверяют по углам, будто бы великий князь не просто так послов отпустил ордынских, а и пообещал через них Батыю, что не будет вмешиваться. Дескать, бери Рязань, жги её, режь всех, кого ни попадя, только меня не трогай, дай отсидеться на печи... О-о, это сколько же таких вот трусливых и недалёких политиков насчитывает история! Всех этих любителей сговариваться с врагом, степенно толкуя о подставах и разменах по принципу «ты мне, я тебе». И ума у них не хватает понять, что это игра в поддавки, что враг, довольный глупостью «высокой договаривающейся стороны», сделает своё чёрное дело, примет размену, а после с неоскудевшими силами на тебя же, глупого, и навалится.

«Господи,— вздохнул Пончик,— и в этом веке всё как всегда — дорог нету, а дурачья — навалом...»

Он вспомнил, как потрясал посохом епископ Митрофан и басил: «Чада, не убоимся!» — как пунцовел от стыда воевода Пётр Ослядю-

кович, посылая на стены мальцов да их матерей. А кого ещё-то? Изо всей дружины одни хромые остались, да калеки, да молодь неопытная. Кого великий князь в Нижний Новгород отослал, кого в Коломну, кого с собою увёл. И некому стало оборонять город на Клязьме...

...Вздрагивая, Александр прислушивался к рёву монголо-татар за стенами Печернего города и сжимал рукоять короткого меча, единственного своего оружия, придававшего хоть тень уверенности. Он чувствовал себя в ловушке — из детинца не убежать, а иначе спастись просто нереально. Владыко Митрофан собрал всех в соборе, они там заперлись и возносят молитвы Господу, но не такого избавления искал Пончик.

Тоскливо переводя взгляд с одного собора на другой, в тысячный раз обшаривая глазами зубчатые стены, он всё пытался изыскать слабину в укреплениях, хоть какой-то выход, хоть норку малую, чтобы забиться в неё и переждать набег, но тщетно.

Услыхав громкую ругань малой дружины, Александр выглянул из-за высокого крыльца терема.

На просторном дворе строились молодые воины и бранили княжичей. Всеволод и Мстислав уговаривали бойцов, покрикивая слабыми голосками:

— Выйдем, поднесём мунгалам дары богатые, они и сменят гнев на милость!

— Да посекут они всех! — грубо оборвал княжичей старый седой рубака.— Нельзя мунгалам верить!

— А что нам остаётся?! — возопил молодой боец в шлеме не по размеру.— Хоть так нас сгубят, хоть этак! Неужели устоим мы против такой-то силищи?

— Знамо дело, не устоим! — поддержали его вразнобой.

— Вот и я то же самое говорю! — приободрился молодой.— А так хоть какая-то надёжа будет!

— Да чего там! — зашумела толпа.— На выход! Айда!

— Выходим! — закричал Всеволод и сорвал голос, «дал петуха».

Дружинники подхватили тюки с дарами и направились к воротам. Последним тащился старый воин. Он хмурился, морщился, плевался, но шёл со всеми. Видать, понял, что в детинце — полная безнадёга.

«Капец...» — мелькнуло у Пончика в голове.

Заскрипели отворяемые ворота, делегация во главе с княжичами двинулась вон — и тут же, сметая дружинников, в Печерний город ворвались монголы. Они валили и валили, ржущие и визжащие кони врывались в детинец, кружа и заносясь, словно не ворота открылись, а плотину прорвало. «Капец!»

Со стен Печернего города открыли стрельбу из луков ополченцы, но их смели оттуда, как мусор, как паутину с потолка.

Ордынцы заполнили детинец, бросаясь к брошенному терему, к битком набитым соборам, к опустевшим гридницам.

Пончик прятался за витыми деревянными колоннами, поддерживавшими галерею-гульбище. Сюда же подъехал молодой, безусый нукер в одной шубе, покинул седло, стал привязывать коня к столбу скользящим узлом...

Позже Александр неоднократно возвращался к этому страшному моменту, прокручивал его в памяти и так и этак, но тогда никакие размышления, никакие соображения не затрагивали его ум. Сработали инстинкты — Пончик рванулся и неумело ударил мечом. Ударил со всей силы, целясь нукеру в спину. Тот успел извернуться, и клинок вошёл в печень. Содрогаясь от ужаса и отвращения, Александр провернул меч и выдернул его из страшной раны. Убитый человек рухнул к его ногам.

Сдерживая тошноту, шепча молитвы, Пончик торопливо поднял малахай, упавший с головы нукера, напялил себе на голову и, так вот замаскировавшись, полез в седло, вырывая из рук мертвеца поводья.

Хлеща плетью недовольного коня, Александр направил его к воротам. Сотни раскосых глаз видели Пончика, но не обратили на него внимания. Или приняли за своего, или не стали разбираться, кто есть кто, торопясь за добычей. Ему что-то кричали, Шурик не отзывался, не оборачивал своё явно не степняцкое лицо.

Длинногривый конь мчал его по улицам Среднего города, мчал, изредка взбрыкивая. Со зла Пончик ударил вредную скотину промеж ушей, и мохноногий угомонился, послушно понёс седока к Торговым воротам.

И в Среднем, и в Новом городе было полно монголо-татар [1], но они так увлеклись грабежами, так были распалены, что не приглядывались к странному всаднику. Ордынцы резали всех подряд — «от юного до старца и сущего младенца», некогда им было отвлекаться...

Александру удалось без помех покинуть Владимир через Золотые ворота, чьи белокаменные стены были закопчены гарью. Не разбирая дороги, Пончик понёсся к ближайшему лесу. Деревья приняли его, скрыли, даруя робкое ощущение безопасности и убережения.

Продираясь через заросли, он заехал в такую глушь, что решил было остановиться и сложить шалашик, но тут деревья расступились, и

---

[1] Привычное со школы название «монголо-татары» грешит нелепицей — как раз племя татар оказало сопротивление Темучину, не желая его видеть владыкой степи. Именно поэтому татар и вырезали «от юного до старца и сущего младенца».

Шурик выбрался к обители, не замеченной монголо-татарами. Это был Вознесенский монастырь.

Храбро подъехав к запертым воротам, Пончик постучался. Сверху, в узкую высокую бойницу высунулся дюжий монах и басом осведомился:

— Чего надоть?

— Приютили бы денька на два, что ли! Из Владимира я, татары там, а у вас тут тихо пока...

Монах посопел, с сомнением оглядывая Александра, поскрёб щетину на подбородке и пробурчал, скрываясь:

— Игумена спрошу...

Долго томиться в ожидании Пончику не пришлось. Дверь монастыря, обитая полосным железом, отворилась, и на пороге возник маленький, сухонький старичок в чёрной рясе. Косицы седых волос прикрывал куколь. Это был игумен.

— Чай, из воинов? — проскрипел старичок.— Бежал поди?

— Какой из меня воин,— махнул рукой Александр.— Лекарь я. Из Рязани в Коломну бежал, из-под Коломны сюда. И везде погром, и всюду трупами смердит... Угу...

Старичок покивал.

— Да-а...— вздохнул он.— Беда великая пришла на землю нашу. За грехи княжьи весь люд ответ держит... А вот у нас брат Осип занедужил, не глянешь ли?

— Отчего ж не глянуть? — бодро отвечал Пончик.— Глянем.

— Проходи тогда, мил-человек, спаси душу праведную...

Поклонившись, Александр прошёл в обитель, ведя за собою коня. Во дворе снег был убран, а посередине стояла часовенка. Пончик мигом содрал с себя малахай и перекрестился.

Знакомый уже монах-верзила, назвавшийся братом Вахрамеем, провёл его к хворому Осипу. Хворый дышал хрипло, заводя под сводчатый потолок печальные, как у коровы, глаза.

Пончик потрогал ему лоб — не горяч, но температура есть.

— Открой рот,— потребовал он у Осипа. Тот очень удивился, но исполнил приказ.— Скажи: «А-а!»

— А-а...

— Та-ак... Горло болит?

— Есть маленько.

— Угу... Вахрамей, редьку не сыщешь ли?

— Сыщем, чего ж.

— Как найдёшь, потри её в кашицу. Хватит и одной, если с мой кулак размером. Натрёшь — сюда тащи. Понял?

— А то!

В дверях скрючился игумен.

— Ну, как? — проскрипел он.

— Жить будет,— буркнул Пончик.— Найдётся у вас мёд?

— Знамо дело, держим борти. Есть и дикий лесной. Принесть?

— Несите!

И пошло оказание медпомощи — тряпицу на хилую грудь Осипа возложив, Шурик сверху щедро намазал тёртой редьки, покрыл другой тряпицей, одеяло натянул. Скормил хворому полмиски пахучего мёду, на горло горячий компресс наложил и стал ждать улучшения.

Он сидел на лавке, откинувшись к стене, и очень постепенно, по капельке, выдавливал из себя недавний страх, успокаивался, привыкал к видимости мирной жизни. Признаться, Шурик не верил, что тишина и покой обители — это надолго. Картины пережитого стояли перед глазами, и он мучился томительным ожиданием развязки, ждал криков и ударов в дверь, штурма, пожара, смерти кротких монахов и своей собственной гибели. Но тихо было в монастыре. Прикрытый лесом, он схоронился и не давал о себе знать, будто и не было его. И звонница низка, за соснами не заметят...

Монахов в обители проживало немного, половина из них находилась в преклонном возрасте. Они молились Богу, держали хозяйство, в смирении и кротости проживали дни свои вдали от суетного мира.

Коня, украденного Пончиком у монголов, покормили сеном, а самого «конокрада» угостили наваристыми щами да сытной кашей с мясными обрезками. Вина в монастыре не держали, зато горячий сбитень готовили на славу.

Осоловевший, до смерти уставший Александр удалился под вечер в свободную келью и прилёг. От решётчатого оконца, хоть и заделанного слюдой, ощутимо несло холодом, но толстое овчинное одеяло обещало сон в тепле. Иное тревожило Пончика — обитель скрывалась за густым ельником, но мирская суета заглядывала и сюда — после того как погас закат на западе, полнеба воспылало на востоке. Это горел Владимир.

Шурик лежал под одеялом, моргая на низкие своды, по которым перебегали тусклые красные отсветы, и думал. Доберутся ли сюда монголы? Спасётся ли обитель — и он вместе с нею? Будем надеяться, что спасётся... И что? Дальше-то что делать? К следующему князю идти? К какому? Или на Сить переться? А зачем?

— Господи...— прошептал Пончик в тоске.

Как же он не хочет всей этой «свинцовой мерзости жизни»! Как же горячо его желание избавиться от этого ада, где кровь стынет на

снегу! Но что толку? Он, как тот ребёнок малый, что глаза зажмурит и думает, что от этого чудища исчезают. Не-ет, малыш, когда ты закроешь глазки, монстры как раз и приступят к обеду — пооткусывают твои ручки и ножки, кишочки всосут, аки макаронинки... Господи, что ж ему делать-то? Как жить? И где? И с кем? Война идёт, и жизнь проходит... Страшно жить в этом времени, ох и страшно. Главное, ни в чём уверенным быть нельзя, даже в том, что ты завтра проснёшься живым, что не зарежут тебя, не спалят твой дом, не порубят сыновей, не надругаются над женой и дочерью. А уж если в основе основ полагаться не на что, то как вообще жить? Сегодняшний день проживать, не загадывая на завтра, как зверушки с пичужками? Так я ж человек вроде, мне по чину полагается о будущем думать, планы строить, надежды лелеять, мечтать. Но живут же как-то местные! Прожили день — и рады-радёшеньки, что не сгубил их никто, не разорил грабежом или податями, не отличимыми от сущего разбоя.

Ах, до чего же спокойно в будущем! Ни забот, ни хлопот. Иным ещё и скучно становится, кровь в них играет, адреналину требует, и начинают экстремалы по лезвию бритвы хаживать, утех искать на грани смерти, придумывать себе опасности, недополученные в обычной жизни. Сюда бы их, в это время дурацкое, где вся жизнь — сплошной экстрим! То-то бы натешились!

Может, в Европу податься? А что Европа? Там сейчас такие же сволочные порядки, как и на Руси. Такие же вельможи разгульные, только не князья, а графья разные да маркизы. И грязь везде, смрад, улицы-помойки, улицы-уборные, и скоро начнутся поветрия, придёт чума. А святая инквизиция уже пришла, наверное, еретиками небо коптит... Господи, куда ж ему податься?

Так ничего и не решив, Александр уснул.

Два дня спустя Пончик, как и обещал, собрался покидать Вознесенский монастырь. Осип пошёл на поправку, уже и голос свой блеющий присоединял к братии, служащей молебен. Монахи собрали Александру еды в дорогу, а после и огорошили странствующего лекаря известием о том, что отец Мокий, игумен тутошний, благословил брата Вахрамея в дальний путь, на битву с ворогом.

Надо ли говорить, как рад был Пончик! Вдвоём-то завсегда веселее, особливо ежели твой товарищ высок и статен, косая сажень в плечах, а в руках такая силища, что вот сойдётся Вахрамей с медведем, неизвестно, на кого ставить и кого жалеть.

Вывел монах крепкого, под себя, коня, и поскакали они с Александром к северу, далеко обходя разорённый Владимир. Впрочем, предосторожность оказалась излишней — тумены уже покинули стольный град. Истоптанные снега, перемешанные с грязью и навозом, указывали путь к Юрьеву-Польскому. Пончик и Вахрамей, как Санчо Панса и раздобревший, накачанный Дон Кихот, направили коней туда же.

— Ежели наших искать,— рассудительно сказал Шурик,— то князья на реку Сить подались, додумались наконец-то собраться вместе и ударить сообща. Все, конечно, не придут, под руку Юрия Всеволодовича не встанут, гордыни в них пуще дурости намешано... Я уж и не знаю, к кому там пристать. Угу...

— Проберёмся на Сить,— решил монах,— там и сыщем, к кому приткнуться. Князей много, им бы ишшо ума поболе да сраму... Цены б им тогда не было!

— Что да, то да,— вздохнул Александр.— Да они везде такие, не одни мы маемся с горе-владыками.

— А ты бывал ли в странах дальних? Видал ли, как оно живётся за морем-то?

— Бывал...— протянул Пончик.— И в Константинополе бывал, и в Риме, и у арабов.

— Ух, ты! Повествуй.

И Александр принялся повествовать, следя за тем, как бы не брякнуть лишнего — всё ж таки, триста лет минуло, много чего переменилось, но откуда монаху из затерянной в лесах обители знать, как оно было раньше и как стало теперь?

— Константинополь, он большой, на нём Владимиров штук пятьдесят уместится. И народу столько же. Дома там все каменные или из кирпича, и улицы камнем мощены — у нас брус деревянный стелят, а у них плиты гранитные да мраморные. И там стоит самый великий храм на всём белом свете — собор Святой Софии. Он очень, очень большой. Весь ваш монастырь под куполом его уместится.

— Да иди ты! — сказал Вахрамей впечатлённо.

— Вот те крест! А рядом дворцы императорские, их много, один другого краше. Священными Палатами прозываются. Император может вообще дворцов своих не покидать — там у него всё есть, и церкви свои, и бани, и всё что хочешь. И ещё там есть Ипподром...

— А это что за диво?

— А это... Понимаешь, Вахрамей... Ну, это как огромное поле, а вокруг него много-много лавок — на сто тыщ человек. Ближние лавки пониже, дальние повыше — чтоб всем видно было.

— А что видно-то? Они что, поля не видали?

— А это не простое поле, они там состязаются — на конях скачут, кто кого быстрее, а самого быстрого золотом награждают.

— Здорово...— протянул Вахрамей, убеждённый в том, что «Ляксандра» брешет про всякие «подромы», но как же складно у него выходит!

Время текло незаметно, припасов хватало. На ночь устраивались у костра, запаливая долгогорящую нодью [1], а с утра двигались дальше.

Выйдя к Юрьеву-Польскому, спутники пришли в изумление, обнаружив город несожжённым, а жителей его живыми и здоровыми. Всё объяснялось просто — Юрьев-Польский [2] не сделал и попытки к сопротивлению, зато исполнил в точности все требования Бату-хана. И данью откупился, и коней дал, и кормов, и припасов разных.

Юрьев-Польский представлял собой совершенно круглую в плане крепость, занимавшую мыс между речкой Колокшей и её притоком Гзой. Таким образом, речная вода обороняла город с востока, юга и запада. Трое ворот вело в Юрьев-Польский, а дороги к тем вратам обступали посады. Городишко выглядел чистеньким и приятным. Над стенами возвышались купола новенького Георгиевского собора, неподалёку поднимались колоколенки Михайло-Архангельского монастыря.

— Гляди-ко,— кивнул Вахрамей,— народ, что мураши, бегает, когда в муравейник веткой ткнёшь. Видать, прижали их татары! Вытребовали, что хотели, а этих теперича жаба душит!

— Похоже на то,— кивнул Пончик.

Проехав по слободе, они наткнулись на величественного старикана с седою бородой, спадавшей на широкую грудь,— надо полагать, богатырём уродился дедок.

— Старче,— обратился к нему Александр,— давно ли монголы прошли?

Дед насупил густые белые брови, пошевелил ими и ответил, складывая руки на клюке:

---

[1] Костер из двух-трех бревен, уложенных вдоль направления ветра, что препятствовало задуванию огня. Такой костер способен гореть всю ночь. Позволяет обогреваться и сушить одежду сравнительно большому количеству людей одновременно.

[2] Обычно принято и Юрьев-Польский, и Переяславль-Залесский записывать в жертвы монголо-татар, якобы взявших их штурмом. Однако даже летописцы, известные лакировщики действительности, когда повествуют об этих городах, употребляют глаголы «взяша», «плениша», «воеваша», но не «пожгоша», «убиша», «избиша», «огневи предаша». Рашид-ад-Дин, правда, утверждает, что после Владимира монголы осаждали ещё одну крепость — «Кыркла», взяв её на пятый день. Но утверждать, что эта «Кыркла» и Переяславль-Залесский — один и тот же город, наверное, не стоит...

— Вчерась были. Много сена позамали, да жита, да овса... И себя тож не обидели — отхватили мясца с хлебцем, да под винцо...

— Не обижали?

— Дык, кто обиду не спустил, тех похоронят скоро. Мало таких сыскалось, перевёлся народишко. Вот в наше время...

— А куда они потом двинулись? — перебил старика Пончик.

— Мунгалы-то? А кто куда...

Из долгих расспросов дедка нарисовалась общая картина: отсюда, от Юрьева-Польского, монголы двинулись облавой по всему краю, разыскивая беглого великого князя Юрия Всеволодовича, рать собиравшего. Один тумен ушёл к северо-востоку, к Костроме и Галичу, основные силы устремились на запад, к Волоку Ламскому и Твери — и «Батыга», и «Себедян-богатырь», и «У рдю», и «Куюк», и «Меньгу», а тумен «Бурондая», усиленный булгарской конницей и пешцами из Нижнего Новгорода [1], направился на север, к Переяславлю, к Ростову, к Угличу.

— Ищут князюшку,— пробурчал Вахрамей.— Найдут — не сносить ему головы... Двинем и мы туда же, что ли? К Переяславлю?

— Двинули,— кивнул Пончик, жестоко страдая. Прав был Олег — нету единства на Руси! И долго ещё не будет. Да и сама Русь — где она? Жили-были нижегородцы, служили Всеволодовичу. Пришёл Джучиевич — служат ему... Зато живы. А ежели лишний раз и прогнутся в поклоне, так от этого ещё никто не помер. Наоборот, гибкость появляется, здоровью на пользу...

До Переяславля-Залесского Пончик с Вахрамеем добирались лесными тропами, пока не вышли на Берендеево болото, из коего вытекал Трубеж, впадающий в Плещеево озеро. Здесь-то и вышла у Шурика встреча со старым знакомцем.

Вахрамей, ехавший позади, вдруг насторожился. Прислушался. Александр, почувствовав тревогу, тоже уши навострил — и услышал не слишком далёкий шум голосов, конского топота, лязганья всякого. Неужто монголы так близко?! Да нет, не может того быть — Бурундай должен впереди них находиться!

— Нешто наши следуют? — подивился монах.

— Откуда?

— Знать бы... Да точно тебе говорю — наши!

---

[1] Об участии нижегородцев в войне на стороне ордынцев упоминает булгарская «Летопись Гази Бараджа».

Вскоре из густого бора показались конники в кольчугах, в шлемах с остриями, с миндалевидными щитами. Богатыря на гнедом коне Пончик узнал сразу.

— Кто такие? — прогудел богатырь.

— Не признал, Евпатий? — крикнул Александр, улыбаясь радостно.— Пр-рывет! Я это, «мунгал»! Помнишь?

— А-а...— Борода Коловрата разошлась усмешкой.— И ты тут. А это кто с тобой?

— Брат Вахрамей,— церемонно представился монах.— Вознесенской обители игуменом Мокием благословен на подвиги ратные.

— Да-а...— ухмыльнулся Евпатий Львович.— Такой братишка татаровьё, как дрова, порубит!

— А то!

Выезжавшие из леса воины всё теснее обступали смешную парочку, «мунгала» и «мниха». Иные улыбались, а кто-то и рожу кривил.

— А вы-то куда путь держите? — осведомился Пончик.

Улыбавшееся дотоле лицо Евпатия исказилось гримасой лютой злобы.

— Татарву догоняем,— процедил он,— а как нагоним — кровь пустим! Видал ли, что они с Рязанью сделали? А с Владимиром?

— Был там. Возьмёте нас с собою?

— А чего ж? — Добродушная улыбка снова вернулась к Евпатию.

Боярин чмокнул коню, и тот послушно тронулся по снегу, сам выбирая путь в лесу. Пончик пристроился рядом.

— Что ж теперь будет? — тихо спросил он.

— С кем? — спокойно спросил Коловрат.— С нами? Сгинем, вот и вся недолга...

— Я имел в виду — с землями вашими... нашими.

— А что с ними станется? — усмехнулся Евпатий.— Найдётся хозяин... Уже нашёлся! Али ты не слыхал о Ярославе Всеволодовиче?

— Говаривали, в Киеве он,— осторожно сказал Шурик, не выдавая своей осведомлённости,— вроде как княжить там собирался...

— Собирался, да не собрался. Здесь он, то ли к Твери ближе, то ли к Переяславлю своему. Да не в том дело-то. Ярлык получил Ярослав Всеволодович! Ярлык на княжение, из рук самого Батыги! Он теперича великий князь владимирский! Так-то вот. Согласился и десятину в Орду платить, и сына своего Константина туда отдаёт в залог собственного смирения да послушания. Во как!

— Быстро скумекал князюшка,— прогудел Вахрамей.

— Всегда таким был,— процедил Коловрат.— И что ему мунгалы? Такой нигде не пропадёт — говно в воде не тонет!

Пончик промолчал — с таким трудом выпестованный символ веры — в мудрых и храбрых князей, в удалых витязей, изнывавших от горячей любви к родине,— расплывался, как гнилой корнеплод. Где она, мудрость и храбрость княжеская? Один всё развалил и бегает теперь, судорожно собирая разваленное, а другой спешит выслужиться перед новой властью и править городом, где тысячи мертвяков, сложенных штабелями, дожидаются тёплых дней, когда заступ возьмёт промёрзшую землю и можно будет вырыть братские могилы...

С другой стороны, не все же витязи подчинились Батыю. Вон, Коловрат торопится как, жаждет догнать татар и отомстить. Всё припомнив — и Рязань, и Коломну, и Владимир.

— И много у тебя оружных? — поинтересовался Пончик.

— Тысяча наберётся,— улыбнулся Евпатий,— а с тобой ещё больше.

— Не дал тебе полков Михаил Черниговский?

— Не дал...— вздохнул Коловрат.— Говорит, самому нужны. Три сотни со мной послал, все они здесь. Остальные по дороге прибились. Тут и рязанцы, и коломенцы...

— Скажи честно, ты надеешься победить?

— Нет,— жёстко ответил боярин.— Горит у меня всё внутрях, палит нестерпимо! И пока я этот адов огонь в себе не затушу, не будет мне успокоения. А тушат его кровью поганой, татарской кровью...

— Смертью смерть поправ...— пробормотал Александр.

— Чаво-чаво?

— Догнать бы, говорю!

— Догоним, куда они от нас денутся...

Тысяча Евпатия Коловрата скакала до самого вечера, а на рассвете голодные и не отдохнувшие кони понесли дружину дальше. За Переяславлем-Залесским, одарившим монголов всем, что те просили, а посему не познавшим ни огня, ни меча, тысяча мстителей напала на след тумена Бурундая и в тот же день налетела на татарский арьергард.

— За Рязань! — взревел Коловрат, выхватывая меч, и погнал коня в атаку. Пончик мельком заметил, как лицо Евпатия искривила мрачная улыбка.

Дружина набросилась на монголов, и пошла сеча, пошла рубка — уцелевшие рязанцы, коломенцы, да и черниговцы буквально осатанели. Мечи их и секиры кроили ордынцев, подрубали головы, а когда доспех не поддавался клинку, доставалось коню.

Вот лошадь-«монголка» с разрубленной шеей падает на колени, пачкая снег гривой, смоченной кровью, и заваливается на бок. Всад-

ник не успевает вынуть ногу из стремени, и уже конь Евпатия наступает монголу на плоское лицо.

Вахрамей, сжимая ногами своего конька, махал секирой направо и налево, приговаривая:

— Прости, Господи! Прости, Господи!

От его могучих ударов не спасал никакой куяк — то, что секира не могла разрубить, она раздавливала, плющила, крушила черепа и кости.

Пончика зажало между черниговцами, тёмноусыми парнями в чешуйчатых панцирях. Черниговцы отбивались от монгольских всадников, свирепо пластавших воздух кривыми саблями. Лица ордынцев были оскалены, но выражали не страх вовсе, а ярость — как это их, победителей целого мира, бьют жалкие оросы?! А жалкие оросы наседали так, что ни вздохнуть, ни охнуть,— бешеное мелькание клинков сливалось в переливчатое мельтешение, а лязг скрещиваемой стали был настолько част, что уши воспринимали слитный, громовой дребезг.

Дружина Евпатия вклинилась в монгольский тумен и стала расходиться крыльями. Этим тут же воспользовались степняки — их визжащие кони врезались в строй оросов, разделяя его по-своему.

Коловрат, забрызганный кровью врагов, отдал приказ трубным гласом — дружинники развернулись и накинулись на ордынский клин.

Хряск костей, отвратительный чавкающий звук рассекаемой плоти, противный запах проливаемой крови вызывали у Пончика тошноту, мир вокруг плыл, подавляя рассудок совершенно невозможным, богопротивным деянием — смертоубийством. Всё в Александре восставало против того, чтобы лишать людей жизни, но для Евпатия сотоварищи монголы не принадлежали к роду человеческому, их вела жажда возмездия, жажда воздаяния. И если Пончик подходил к самой грани между добром и злом, то Коловрат давно уж был за нею.

Рязанцы с коломенцами бились отчаянно, из последних сил, одерживая верх уже потому, что не боялись умереть,— их обожжённым, оголённым душам было всё равно, лишь бы одно, последнее желание исполнить поскорее — умертвить столько татар, на сколько хватит сил и самой жизни.

Монгольские сотни наседали и наседали, живые и сильные замещали убитых и покалеченных, а вот бойцам Коловрата смены не ожидалось — это был их последний бой.

Ударили с разбегу копейщики, сминая левый фланг дружины, и тут же расступились, освобождая дорогу для лучников. Калёные стрелы полетели в витязей, сражая наповал.

Дружина стала таять. Пончик в полном отчаянии кидался то к одному раненому, то к другому, но проку было мало — дружинники от-

махивались от него и рвались в бой. Стрела в ноге застряла? Ну и что? Разве ж мне ногой меч держать? Грудь пробита? Ну так не сердце же... И Александр опускал руки — ежели человек желает умереть, то тут медицина бессильна.

Ордынцы перебили почти всех, в живых осталось едва ли полста человек. Всё это время бой смещался в сторону, оставляя в кровавом снегу сотни мёртвых людей и конских трупов.

Евпатий Коловрат, без шлема, без коня, ступая тяжело, лишь бы не упасть, сошёлся в поединке с монгольским багатуром Хулабри по кличке Хамхул [1]. Багатур тоже скинул шлем вместе с малахаем, и начался поединок. Хулабри был так силён, что сабля в его лапище казалась детской игрушкой, несерьёзным ножичком.

Смертельно уставший Коловрат лишился быстроты удара, но и Хамхул не отличался ею, по жизни надеясь не на скорость, а на силу. Он мог легко раскроить человека от плеча до паха, но отличался неповоротливостью. Это уравнивало шансы поединщиков. Схватка не затянулась — серия ударов перемежалась с отбивами, и вдруг Евпатий открылся, то ли по нечаянности, то ли желая того. Хулабри тут же сделал выпад, вонзая саблю рязанскому боярину под свисавшую кольчугу, а боярин нанёс ордынцу страшный удар, подрубая могучую шею до кости. Опустив меч, Евпатий стоял, склонив голову,— широкая грудь работала, как кузнечные мехи. Проведя ладонью по животу, боярин безразлично поглядел на красное, окрасившее пятерню.

Хулабри не устоял первым — выронив саблю, заливаемый кровью, он шевелил непослушными губами, затем выговорил, пуская розовые пузыри: «Мункэ коко тэнгри...» [2] — и рухнул наземь.

Коловрат продержался дольше — тень улыбки мелькнула на его запекшихся губах — и упал, как стоял, навзничь, не выпуская меча из руки.

Ордынцы взвыли, и человек сорок рязанцев, последних из дружины Евпатия, подняли оружие, готовясь дорого продать свои жизни. Загородился своим мечом и Пончик.

Но бой ему принять не пришлось — начальственный окрик «Ха!» остановил резню.

На белом коне подъехал сам Бурундай, с ним рядом остановился половец, пожилой воин с бестрепетным взглядом.

— Что вы хотите? — спросил он по-русски с гортанным акцентом.

---

[1] *Хамхул* — перекати-поле (*монг.*).

[2] *Мункэ коко тэнгри* — Вечно Синее небо (*монг.*).

Вахрамей, стоявший рядом с Александром, разлепил губы и ответил:

— Умереть. Прости, Господи...

Выслушав перевод, Бурундай покачал головой и что-то сказал вполголоса.

— Вы великие воины,— громко передал его слова половец,— такие рождаются не для смерти, а для славы.

Прискакал молодой нукер и передал ему мешок, в котором что-то глухо перекатывалось. Пончик подумал почему-то, что в мешке деревянные ложки. Но там оказались пайцзы, вырезанные из клёна.

Пожилой половец покинул седло и лично раздал уцелевшим оросам по пайцзе в руки. Досталась такая и Пончику.

А ордынцы выхватили сабли, вскинули их вверх, оказывая достойным врагам воинский почёт, и трижды проревели:

— Кху! Кху! Кху!

Шурик стоял, вытянувшись по стойке «смирно», в одной руке сжимая меч, не обагрённый кровью, в другой — пайцзу, и думал, что, сразившись с монголо-татарами, Евпатий Коловрат вряд ли искупил прегрешения князей, унизивших и оскорбивших Русь святую, но, раз уж сами ордынцы почтили его память, значит, тут, прямо на его глазах, совершился всамделишный подвиг.

— Вечная слава героям...— выговорил он чужое, затёртое выражение, вдруг ставшее своим, истинным и к месту.

— Вечная слава,— отозвался Вахрамей.— Прости, Господи...

Глава 20,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ СТАНОВИТСЯ НА ПОСТОЙ

Бату-хан правильно оценивал угрозу, исходившую от великого князя Юрия Всеволодовича. Достаточно было вспомнить, сколько нервов монголам помотал хорезмшах Джелал-ад-Дин — войско непобедимого Чингисхана отняло у него великолепный Хорезм, завоевав и Самарканд, и Бухару, и Ургенч, но шах, скрываясь то в пустыне, то в горах, добрых десять лет боролся с захватчиками то в открытом бою, то партизаня. После смерти Священного Воителя эта головная

боль передалась по наследству хану Угедэю. Джелал-ад-Дину однажды удалось даже восстановить ненадолго независимость Персии, изгнав оттуда ордынцев и провозгласив себя, любимого, султаном. И только смерть хорезмшаха позволила Угедэю добиться покорности в Персии и Хорезме и раздавить мятежников в горах Курдистана.

А теперь уже Бату-хана жизнь заставляет считаться с опасностью подобного рода — Юрий Всеволодович ушёл в леса не отсиживаться, а отдышаться лишь, собрать силы и нанести ответный удар. И в этом отношении место для военного лагеря на реке Сити было выбрано идеальное. Здесь можно было сохранять такие пути сообщения с Новгородом, которые монголам невозможно было прервать: даже если перекрыть главную речную дорогу, то оставалось бесчисленное количество лесных троп. С другой стороны, собранные под руку великого князя войска имели неограниченные возможности для манёвра — удары с Сити можно было наносить хоть в центр княжества, хоть по окраинам — расстояние до Твери, Переяславля или Ярославля было одинаковым. И скрываться в дебрях удобно — выставил небольшие заградотряды, и всё, врасплох не застанешь.

А посему в последние дни зимы и первые весенние денёчки между Батыем и Юрием Всеволодовичем шла гонка — кто быстрее. Успеет великий князь скопить достаточно сил — ход войны может измениться не в пользу Орды.

Примечательно, что заветные желания владимирца, потерявшего Владимир, стали сбываться — на Сити раскинулся целый передвижной город, огромный лагерь вытянулся вдоль реки, а полки продолжали прибывать — подошла дружина Святослава, бойцы Василька Константиновича присоединились к рати, спешил к брату Иван Всеволодович с малым войском из Стародуба. Не меньше тумена набралось ратников, но великий князь всё Ярослава Всеволодовича поджидал, надеясь на полки новгородские. Если бы подоспел Ярослав, то можно было бы и одолеть супостата...

Право же, если бы братьям удалось сплотиться, они могли бы нанести громадный урон Батыеву войску. Именно урон — победа им не светила в любом случае. Если бы, однако, княжеские полки ударили бы по туменам сообща, то монголам оставалось бы одно — спешно отступать, уходить в степь.

Скорей всего, Бату-хан сделал бы вторую попытку, чтобы взять реванш — года через два-три. Выступили бы и тогда князья заедино? Бог весть. Но опыт у них появился бы, стало быть, могло и хватить разумения на то, чтобы не хвалиться зазря, а выступить общим войском.

Если бы они и во второй раз одержали верх, то вся история дальнейшая пошла бы совсем иным порядком. Не возвысилась бы никогда Москва, так и осталась бы за обочиной пути развития. Владимир бы укрепился, рано или поздно сцепился бы с Новгородом. И Киев с Черниговым, поглядывая на северного соседа, тоже могли бы пойти на укрупнение. И кто бы кого одолел в этом тройственном союзе, неясно, но это уже совсем другая история, в которой нет места игу...

Помнил об этом и Батый, потому и не спускал глаз с севера, ожидая удара и готовясь к нему.

По следу великого князя шёл Бурундай. Этот темник не был ханского происхождения, как и Субэдэй, и было меж ними ещё одно разительное сходство — оба выдвинулись исключительно благодаря своим полководческим талантам. Бурундая и послал Бату разобраться с Юрием Всеволодовичем, наказав не возвращаться без головы великого князя...

...У Переяславля-Залесского ордынцы попали под смирный снегопад. Позже замела косая метель, а пополудни и вовсе завьюжило. Бурундай уже решил было остановиться и переждать непогоду, однако ветер стих, перестал подбрасывать снег горстями и завивать вихорьками. Лишь морозный туман повивал землю.

Совсем немного проехал тумен по свежей пороше, и за берёзовой рощей открылся Переяславль.

Город лежал в долине Трубежа, у Клещина озера. Юрий Долгорукий стал первым ростово-суздальским князем, обживавшим Залесскую Русь. Он и велел крепость ставить в устье Трубежа, дав ей имя Переяславля Нового. Словцо «новый» помаленьку отпало, а прозвание «залесский» пристало.

Переяславль-Залесский стоял удобно: на кратчайшем промежутке дороги между Волгой и её верховьем — через Оку, Клязьму, Нерль-Клязьминскую, Трубеж, Клещино озеро, Вексу, Сомино озеро и Нерль-Волжскую: «путь из булгар в Новгород».

...Олег выехал на горку, поросшую берёзами и липами. Хорошее тут было место — лес трещит от сорочьего крику, в овраге лисы шмыгают, по снегу рыжиной пылая. Среди густых темнеющих елей светло сияют берёзовые стволы. И Переяславль удивительно вписывался в эту красивую местность, подходя ей, как камень оправе.

Город надёжно опоясывали высокие насыпные валы, глинистые и обильно политые водою, чтоб лёд намёрз. Ров — по местному «гроб-

ля» — опоясывал город дважды, стены поднимались в три сажени, прикрытые заборолами.

— Брать будем? — прямо спросил Олег.

— Да нет...— затянул Изай Селукович. В голосе его прозвучала доля сожаления.— Вроде как договорились хан с Ярославом Всеволодовичем, а тут его вотчина... Но и своего не упустим!

Тумен стал подтягиваться к Берендеевским воротам города, на башнях и стенах забегали военные и гражданские, создавая несуразную толпу.

Сухов решил, что переяславцы чувствуют себя по-дурацки. В самом деле, Рязань пожгли, Владимир пожгли, по всему выходило, что черёд Переяславля настал огонь и меч принять, да и сгинуть. Ан нет, князюшка выкрутился, подсуетился, прогнулся — и выгадал мир себе и подданным своим.

Об этом в городе судачили который день, но одно дело — говорить, и совсем другое — поверить в то, чего как бы и быть не должно.

И вот стояли переяславцы на стенах града своего и не знали, на что же им решиться — то ли ворота открыть «мунгалам», то ли бой принять.

Их колебания разрешил Изай Селукович, крикнувший недовольно:

— Отворяй!

И горожане, оцепеневшие на стенах, будто проснулись — зашевелились, забегали, засуетились. Створки ворот дрогнули, с них облетел снег, и они пошли отворяться. Да и то сказать, что проку за воротами сидеть, коли мост через ров целёхонек? Не стали его жечь, князю своему поверив, а теперь чего ж? Авось и город уцелеет, не спалит его татарва...

Бурундай подбоченился и въехал на улицы Переяславля, как победитель. Следом за ним ступали кони, везущие алгинчи с тугами в руках. И пошли, и пошли — сотня за сотней, тысяча за тысячей.

В тумене Бурундая насчитывалось куда более десяти тысяч бойцов, считая пешцев из Нижнего Новгорода, примкнувших к Батыю. Пешцы тоже ехали верхом, хотя кавалеристами не были — начнись бой, и они покинут сёдла, поддержат истинных конников в пешем строю. Но путь-дорогу ратники одолевали на конях.

Тут же и булгары проезжали, с прошлого года — вассалы Белой Орды. И мордва, и башкиры, и буртасы — всех призвал хан Батый. Можно сказать, что Бурундай вёл «большой тумен».

А население Переяславля-Залесского не знало, бедное, что же ему делать — то ли прятаться, то ли встречать незваных гостей, которые, известно, кого хуже. Вот и топтались на улицах в растерянности, скрывая гнев и смущение, жались к стенам, озирались загнанно.

А нукеры вели себя непринуждённо, как дома,— гоготали, шутили, скалились. Да и чего им стесняться было? Вздумай горожане войско созвать — соберут полк втрое меньше тумена. И что с тем полком станется? Да размечет его тумен, рассеет, в снег вроет. И возгорится Переяславль...

Первыми опомнились священники — радостно, звонко ударили колокола. Архиерей в полном облачении покинул Спасский собор, и давай кадилом махать, спокойный, торжественный, величественный даже, а служки выпевали дрожащими голосами здравицы, привечая монголов.

Городские бояре вышли одетые в шубейки попроще, чтобы зря не мозолить глаза богатством, выстроились в ряд, поклонились Бурундаю и иже с ним.

Олег осматривался с интересом, примечая взгляды и выражения лиц, но сохраняя невозмутимость.

Жители словно на ходу ориентировались, решали, как держать себя, что говорить, о чём умалчивать. Нукеры дисциплину блюли: сказано — не трогать город, и не будут. Не все, правда, боялись наказания, находились лихие ребятки, кому и Яса не указ. Они разбредались по городу, подальше с глаз командирских, и потихоньку грабили местных — отбирали монету и ожерелья, перстни, серьги, гривны шейные — всё, что можно было легко спрятать. Переяславцы гневались изрядно, но тайком, кулаками потрясали, но так, чтоб их видно не было, ругали и хана, и князя, но дома, при своих, без свидетелей. Да и что им было делать? Бурундаю жаловаться? А он поймёт? А поверит кому? Не-ет, качали головой потерпевшие, ну их к лешему! А то как бы чего не вышло...

Монголы, не чинясь, пошли по дворам — брать корм для лошадей. Горожане за голову хватались — разве ж на всех напасёшься? Придёт этот... эта... вонючка плоскорылая, распахнет лапы загребущие, и охапки сена как не бывало. И таких вонючек, считай, пятнадцать тыщ! И каждому дай! А нету сена — зерном возьмут, зачерпнут так, что сердце обрывается...

К вечеру Переяславль выглядел странно, как некая помесь русского града с половецким Шаруканем — повсюду, на улицах и перекрёстках, на площадях перед храмами вставали юрты и шатры, разжигались костры. Татарва устраивалась на ночлег. И уже не коней кормить пришла пора, а людей.

Что тут станешь делать? В отсутствие князя боярам его думать пришлось, соображать, да побыстрее, а то прогневаешь этих «копчёных», они и забудут про то, что обещали, да как пойдут по улицам куролесить

да озорничать — злая тогда выдастся ночка! Ох, и злая. Уж лучше перетерпеть, поступиться частью малой, нежели потерять всё и навсегда.

Закряхтели бояре, с купечеством скинулись, решили угостить гостей дорогих по обычаю, досыта и допьяна. Бурундай не огорчил их отказом...

И пошло-поехало. Загорелись костры, растопились печи. Выпивку ставили бочками, закуску — столами накрытыми.

Джарчи, смеясь, подхватывал хлебы и мясо, не слезая с седла — остриём сабли. Тайчар и Хуту прибрали с собой весь стол, яствами уставленный, и подтащили к костру. Там и устроились — греться и насыщаться.

Изай Селукович позаботился о своём десятке, прикатил бочоночек вина херсонского да колбас приволок груду целую, нацепляв кольца на копьё.

— Постоим до утра,— оживлённо сказал арбан.— Советую найти какую-нибудь вдовушку, Хельгу, и устроиться к ней под бочок, хе-хе...

— Так я и сделаю,— улыбнулся Олег.

Монголы, как он заметил, не разбредались особо, держались вместе, не решаясь пойти заночевать в избах. Мало ли... Зарубят ещё хозяева и в погребе зароют. Оросы, как медведи,— с виду добродушны, а как выведешь из себя, мигом заломают...

Что интересно, нижегородцы, ханом призванные, тоже не спешили расходиться. Судя по их лицам, срам и позор не мучили их — какая разница, кому служить? Лишь бы добыча не проходила мимо. Но, видимо, опаска жила в пещцах. Мало ли... Уж они-то знали своих соплеменников куда лучше «мунгалов» и доверия к «своим» не питали нисколько.

— Садись, Хельгу,— пригласил его Изай,— отведай винца! Долгий путь проделало оно с тёплых южных берегов до сих суровых краёв, а солнце в себе сохранило. Пей, согреет!

Олег подумал-подумал и присел на расстеленную кошму, подставил свой аяк. Вино было красным и душистым, кисло-сладким и тёрпким. Пилось легко, но крепость имело. Сердце, и впрямь, будто жар солнечный по венам прокачивало, грея нутро и туманя мозг.

— А что,— невнятно спросил Судуй, отгрызая мясо,— если ханы и князья вместе править станут? Если лес и степь едины будут?

— Не будут,— затряс головой Джарчи.

— Чего это — не будут? — воспротивился Судуй.— Мы на конях, и они на конях. Мы мясо едим, и они не прочь. В чём разница? Говорим иначе? Хо! Хорошо ли ты понимал тангутов? А теперь они по-нашему балаболят лучше, чем мы с тобой!

— И вера не помешает,— добавил Хуту,— в Орде много крещёных.

— Вот-вот!

Джарчи вытер жирные губы рукой и обтёр её об шубу.

— Ничего-то вы не понимаете,— важно сказал он и передразнил Судуя: — «Вместе!» Кто ж власть делит? Каждому ведь хочется всю её себе забрать, без остатка. Добычу и то делят не поровну, а тут — власть!

— Всё-то вы верно говорите,— вступил Изай,— а главного не смыслите. Разные мы. Вот я всю жизнь прожил с оросами, а всё одно в степь ушёл! Почему? Да потому что оросы — народ оседлый, они в городах живут и в деревнях. Где родились, там и женятся, там и хоронят их. А нас, попробуй-ка, привяжи! Кочевой мы народ, степняки, не держимся на одном месте. Всё по степи ходим, простор любим.

— Мы как перекати-поле,— вставил Судуй.

— Ой-е, не так говоришь. Перекати-поле катится туда, куда ветер дует, а нами ветер не правит, мы своим умом живём — гоним скот в нужную нам сторону.

— А я бы не смог в избе жить,— сказал Джарчи.— Как это — в четырёх стенах запереться?! Что там увидишь?

— А что ты увидишь в степи? — не сдавался Судуй.— Степь? Откочуешь к другому морю, а и там та же трава! Орос видит всю жизнь деревья, ты от рождения до смерти видишь траву. А разве плохо жить между лесом и степью? Весной в степи хорошо, привольно, а когда лето кончается, пыль одна кругом и сухая трава. Самое время в лес уходить! В лесу и буран не страшен — ветер запутается в деревьях...

— Ночевал я в избах,— вступил в разговор Тайчар,— тепло в них, и стоят крепко, никакой ветер не завалит. Сгореть, правда, может, так ведь и юрту поджечь недолго. Мне другое не по нраву. Я вот лежал в избе на лавке и думал: вот построил я дом. Живу в нём день, живу год. И так всю жизнь? Годами выходить на крыльцо и смотреть на одно и то же? Нет, это не по мне... А юрта — что? Поставил — и живи. Надоело — снял и сволок на новое место. Там поставил...

— Ага! — фыркнул Судуй насмешливо.— Как будто на новом месте ковыль другой растёт! Степь одинакова, как шкура медведя. Вон, как оросы дорогу ищут: выйдут из леса у большого камня, пройдут до раздвоенной сосны, свернут на реку и там, где русло изгиб делает, перейдут вброд. А в степи примечать нечего! Почти что. Мы в степи по звёздам ходим, по солнцу, ветер нюхаем, траву в пальцах трём. Так и находим, что ищем.

— То лес им подай,— проворчал Джарчи,— то сразу и лес, и степь. А ты подумал, где я в лесу скот пасти стану? Там же мои табуны заблудятся! В болоте утонут, медведю достанутся...

— А ты сена накоси,— ухмыльнулся Изай,— и скирдуй его, и скирдуй...

— Вай-дот! — воскликнул Джарчи нетерпеливо.— Запутали вы меня совсем! Давайте лучше выпьем!

И они выпили — как следует, не закусывая. А Олег поднялся, обронив:

— Пойду, вдовушку поищу.

Изай ухмыльнулся понимающе. Сам бы, дескать, поискал, да несмышлёный десяток держит, заботы требует.

Сухов повёл своих лошадей за собой, неторопливо шествуя по улице, заставленной юртами, из-за чего двигался змейкой, пока не добрался до кремля — Княжьего города.

Терема кремлёвские возвышались молчаливою громадой, соединяясь с храмом Спаса: княжеская семья обычно молилась на хорах. Сам храм сидел крепко — фундамент дикого камня, стены из двух рядов известковых плит, между ними валуны, залитые известью. Поколебавшись, Олег оглянулся вокруг. Никого. Рядышком, на двух дубовых столбах висела медная доска-било. Сухов привязал к столбам коней и вошёл в храм.

Внутри было холодно, каменные плиты пола гулко отражали шаги. Сверху из восьми узких окон струился сирый лунный свет, перебиваемый пламенем свечей.

Немолодой, но и не старый ещё поп с клочковатой бородкой аккуратно расставлял свечечки перед иконами, бормоча под нос молитвы. Расслышав шаги, он обернулся. Не разглядев лица, он спросил, пряча под громкостью голоса боязнь:

— Крещён ли?

— Крещён, батюшка.

Поп удивился и подошёл ближе. Узнав в Олеге родственную кровь, он успокоился.

— Богу возношу благодарение,— заговорил он напевно,— за убережение града сего от поругания и посрамления святынь... Давно ли припадал к светлым образам, сыне?

— Недавно, отче,— горько усмехнулся Сухов,— во Владимире, когда трупы богомольцев из храма выносил.

— Нешто побили их татары?!

— Угорели они.

— Пострадали за веру свою... Сие зачтётся им.

— Да кого там... Страдальцы... Их бы и так убили. Прогневали они хана строптивостью своей.

Поп грустно покивал.

— Гордыня в нас великая,— вздохнул он,— а смирение ничтожно. Война или мир — то плоти в радость или на горе. А душа иного требует — покаяния и кротости. Пращуры наши крест воздвигали, чтоб собрать вокруг него все земли воедино и осветить их сиянием немеркнущим истины вечной. Пришли мунгалы на землю нашу, но веру они не трогают, в язычников перевернуться не требуют! Вот что страшно было бы — отступничество от веры, качание людишек к волхвам и шаманам!

— Стало быть, возврат к язычеству страшней нашествия?

— Сыне,— сказал поп назидательно,— от меча гибнет тело, но спасается душа, воспаряя для жизни вечной.

— Это ж сколько я душ спас,— усмехнулся Олег и покачал головой.— Ох, не знаю, отче, не знаю...

— А и не пытайся уразуметь, сыне. Нам ли, смертным человекам, знать помыслы Божьи? Чувствую раздор в душе твоей, маету и сомнения. Покоя бы тебе...

— Я слишком много потерял, отче, чтобы обрести покой. Да и не заслужил я покоя, грехов на мне множество...

— Дак кто ж не грешен? Все мы, по земли ходящие, грехами отягощены. Мало кто желание имеет Божьим заповедям перечить и жить им наперекор, а ведь живём... Больших грехов не совершая, грешим по мелочи, соблазнам ничтожным поддаваясь, сил не имея искус оборотить.

— Крови на мне много, отче,— нахмурился Сухов.— А это и не грех даже, а больше, страшнее. Тут кайся не кайся, всё равно смерть не замолишь.

— Не нам судить. Ремесло воина в том и состоит, чтобы сеять смерть и побивать ворогов.

— Вообще-то, отче, я с монголами пришёл. И побивал *их* ворогов...

— Ах, сыне, все мы враги, ибо не чтим заповедь Христову. Всё хотим извести друг друга со свету, заримся на трон, на жён, на добро. Губил ли ты чад малых?

— Нет, отче.

— А матерей их?

— Никогда.

— А старцев немощных? Неоружных или в полон взятых?

— Нет, отче,— твёрдо ответил Олег, припоминая старика из Доброго Сота. Так разве он немощным был? Или неоружным?

— Отпускаю тебе грехи твои,— осенив Сухова крестным знамением, священник добавил: — Ступай с Богом.

Олег поклонился и вышел, будто унося в себе тёплый «зайчик», прянувший от горящей свечи. Не слишком-то ему и полегчало, но то

чёрное и беспросветное, что порой терзало душу, отпустило её. Ну и слава Богу...

Он обошёл весь кремль, а когда устал от своей экскурсии, спустился в город и углубился в путаницу улиц. Страха он не ощущал особого, а настороженность была присуща ему все последние двадцать с лишним лет, что и позволило прожить их, а не сгинуть от глупой беспечности. Город притих, жители его будут в страхе пережидать эту ночь, моля о том, чтобы утром не увидеть татар. Не до сна им будет. И не до умертвий. А ежели и осмелится кто на подвиги заугольные... Что ж, сабля на перевязи, выхватить нетрудно.

Олег улыбнулся, вспомнив, как Пончик жаловался на слабость свою и неумение защищаться: вот, дескать, любой, кто посильнее, обидеть норовит, задеть или унизить, а то и вовсе прибить. Вот хорошо-то как воином быть — никто на него зря не полезет, а ежели и осмелится, то себе же на горе...

Так-то оно так, но не всё тут просто. Да, клинок к его поясу не для красоты подвешен. Если понадобится, он пустит его в ход, и умеючи. Да разве ж от этого легче жить? Простой человек, меча не имеющий и науки воинской не постигший, живёт, не думая о врагах. Бывает, что и страдает от кулака вражеского, или ножа, или топора, так ведь не каждый же день! А воину нельзя без напряга жить, он всегда должен быть опаслив, всегда спать чутко, а ступать сторожко. Вот уж правда так правда — покой ему только снится!

Кстати, о покое. И где ж ему стать на постой? Улица была пуста, с обеих сторон заборы тянутся высоченные, ворота заперты. А уже темно... хорошо хоть луна за облаком не прячется, дорогу освещает.

Решив дойти до крепостной стены и вернуться к своим, если не повезёт, Сухов неожиданно обнаружил мощные ворота на резных столбах, которые были распахнуты настежь. В глубине двора поднималась крепкая усадебка, дом с крытым двором, с бревенчатым скатом до второго этажа, до амбарных воротин, куда заезжали телеги. На высокое крыльцо вела лестница, а в держаке на витой колонке горел факел.

Савраска тоже заметил живой огонь, встрепенулся, готовясь заржать.

— Тихо, тихо, коняшка,— успокоил его Сухов.— А вдруг нас там не ждут?

Но кони были настроены оптимистично — они дружно фыркали, предвкушая тепло конюшни и много-много корма.

Сухов выбрался к избе с ощущением дежавю. Этот факел... Ворота раскрытые...

Привязав лошадей, он поднялся по крыльцу, старательно потопав, сбивая снег с гутул, и постучался. Потянув на себя дверь, убедился, что она не заперта, и вошёл, попадая в тепло. Дежавю не отпускало его — сухой смолистый запах сгоревших дров перемежался с густым травяным духом. Как тогда, под Москвой...

— Этого не может быть...— пробормотал он и позвал негромко: — Варвара!

Олег ощущал себя странно и стеснённо. Рассудок возмущался самой возможностью встречи с той, кто давно остался в прошлом, как воспоминание, приятное, но и только. А душа спорила с холодным разумом, доказывая недоказуемое.

— Я здесь! — откликнулся нежный грудной голос, и сердце Олегово застучало сильнее, чем в минуты боя.

Из низкой двери вышла Варвара, колдунья и травница, в расшитой рубахе и клетчатой понёве, с толстой косой, переброшенной на грудь.

— Варвара...— выдохнул Сухов.— Это ты?

— Я, я! — рассмеялась женщина.— Прости, что не встретила, я ждала тебя позже.

— Да откуда ты могла знать, что я сюда приду?

— Мне многое открыто и многое ведомо. Да и какая тебе разница, откуда и куда? Главное, что ты здесь!

Тут уж Олег не выдержал, сделал шаг и стиснул Варвару в объятиях.

— Раздавишь...— ласково сказала ведьма.

— Я легонечко...

Тёплые уста приникли к его пересохшим губам, влажный язычок растворил их...

— У меня там кони...— пробормотал Сухов, отстраняясь безо всякой охоты.

— Поставь их и возвращайся. Банька ещё не протопилась, но ничего, с морозу будет хорошо...

Олег нахлобучил обратно свой малахай и покинул избу. Кони встретили его нетерпеливым фырканьем.

— Пойдёмте, пойдёмте,— успокоил их Сухов.— Сегодня нам всем будет хорошо.

Конюшня позади избы выглядела маленькой снаружи, внутри она была ещё меньше, но коням места хватило. И вода была в поилках, и сено душистое в кормушках, и даже зерно — мягкое, проросшее. И тепло.

Аккуратно заперев дверь конюшни, Олег вернулся в дом, не забыв запахнуть ворота и накинуть засов. На заклятие надейся, а рассчитывай на замок.

Вернувшись в тепло, он с величайшим наслаждением скинул куяк и шубу, поснимал всё с себя и прошлёпал в баню. Самое прекрасное в его жизни дежавю продолжало длиться. Всё как тогда...

Варвара уже ждала его — прекрасное женское тело отсвечивало красным трепещущим светом, отражая огонь печи, облекаясь тенями, выступая рельефно и влекуще. Сейчас ей больше подходило не то имя, что дали при крещении, а другое — Чара.

Словно ощутив состояние Олега, женщина согнулась, прямя ноги и выгибая спину. Сухов, чувствуя себя неуклюжим, вонючим варваром, положил ладони на упругие ведьмины ягодицы, вжал пальцы в неподатливую туготу. Чара издала короткий смешок.

— Ты забыл, как овладевают женщиной?

— Я так давно не мылся...

— Потом, потом! Я хочу тебя, сильно-пресильно...

И Олег отбросил всё, что сдерживало порыв, утонул в Варваре, пропал в горячей сладости, слыша страстные стоны и крик наслаждения, доносившиеся словно из иной вселенной.

Осуществилась их любовь. Женщина распрямила свой стан, вытянулась, упирая руки в низкий потолок. «Изнемогла...— вспомнилось Сухову.— Из жара страсти вернулась вновь во хлад и явь...»

— А вот теперь я отмою моего кочевничка,— промурлыкала Варвара,— моего степняшечку! Отпарю, отхожу вениками!

И началось чистилище, из которого Олег вынырнул очень не скоро, а в себя пришёл лишь в горнице, сидя за столом. Чара поставила перед ним полную миску похлёбки и стала с улыбкой наблюдать за тем, как мужчина поглощает приготовленное ею яство. Дежавю было ещё и превкусным...

Отужинав, Сухов разомлел, его потянуло в сон, но в постель он не спешил, хотел просто посидеть рядом с красивой женщиной. Красивой и умной. Загадочной. Таинственной.

Как раз тайны выпытывать он не стал — всё равно ведь не скажет, не откроет своих секретов. Но почему бы не спросить о себе самом?

— Ответь мне на один вопрос,— сказал он.— Что мне делать дальше? Как быть?

Варвара улыбнулась.

— Ты за кого меня принимаешь? — спросила она ласково.— Я всего лишь ведьма, смертная женщина. Я читаю в будущем и прошлом лишь то, что открывает мне Творец и Вседержитель. Не всесильно моё колдовство, предел положен наложению заклятий. Люди — это листья, несомые холодным осенним ветром. Пузырьки, что вздувают-

ся и лопаются в бурливом потоке. Судьба несёт нас от рождения к смерти, и ни одному опавшему листку не дано лететь против ветра...

— А если дано? — хрипло спросил Олег.

— Знать, так суждено. Расскажи, что было с тобою.

Сухов повёл недолгий рассказ о смертях и пожарищах, о смраде и мерзостях войны, о диком неистовстве битв, о дурмане и хмеле побед. Варвара слушала как зачарованная, устремив взгляд в темноту за окошком.

— Ты и сейчас думаешь,— спросил Олег,— что я — часть силы той, которая творит зло, всему желая добра?

— А что изменилось? — улыбнулась Варвара.— Ты всё такой же, и воины хана не стали добрее или злей. Неведомо когда утвердилось постоянство в мире, и нам его не избыть. Мы всегда останемся такими, какие мы есть, ни улучшить свою породу, ни ухудшить её наша кровь не позволит. В крови у нас сокрыто бродильное начало, в ней спит древнее чудовище, обычно укрощаемое, но мы так часто отпускаем его на волю... Не печалься о своей судьбе — ты сильный человек, не из тех, кого ведут по жизни, ты сам ведёшь за собою.

— Знать бы, куда вести,— вздохнул Сухов,— и кого, и зачем...

Женщина сладко улыбнулась.

— Тоска не покинула тебя, и это славно...

— Славно?

— Да... Значит, ты по-настоящему любишь ту женщину.

— Она...— вскинулся Олег, но Варвара приложила к его губам палец:

— Молчи. Не пытай меня ни о чём. Ты всегда остаёшься самим собою, никогда не изменяя ни себе, ни своему предназначению. Вот и следуй далее. Исполни свой долг, всю меру дел, доверенных тебе, и...

— И?..

— И будет то, что будет.

Женщина встала одним гибким движением и пересела к нему на колени, обняла, прижалась.

А на Олега опять накатило давнее успокоение, освобождающее и умиротворяющее чувство гармонии мира, в котором просто нет места горю сейчас, в данное мгновение, в протекающие года. Всё самое плохое случится после, далеко-далеко в грядущем, где старость смажет краску буден и даже смерть покажется упокоением, благостыней последнего дня. Но ему ещё жить да жить...

Позыв плоти дал о себе знать, словно утверждая накрепко брезжущую надежду, и Сухов нежно вмял пальцы в грудь женщины, ощущая с приятностью, как твердеющий сосок вдавливается в ладонь.

— Баюшки-баю?..— промурлыкала Варвара.

— Никаких «баю-бай»! — отрезал Олег.

Женщина перелезла на кровать, потянулась, изгибая спину. Легла, закинула руки за голову, медленно раздвинула ноги.

— Иди ко мне...— прошептала она.— Скорей...

Рано-рано утром, когда небо едва засерело за городом, Сухов покинул Варвару. Он одевался не спеша, унимая дыхание, и посматривал на женщину, чья исцелованная грудь вздымалась, навевая сладостные видения. Облачившись в шубу и куяк, натянув малахай и шлем, Олег задержался у двери.

— Прощай, милый...— донёсся волнующий грудной голосок.

— Прощай.

Ведьмочка послала ему воздушный поцелуй, и Сухов вышел за порог.

Сейчас в нём родилась твёрдая уверенность, что больше он никогда уже не увидит Варвару, но грусти не было. В его сердце установилось зыбкое равновесие, и жила в нём та светлая печаль, которая вдохновляет поэтов, но никогда не доводит до слёз. Любовь и должна быть такою — лёгкой, светлой, без мучительных раздраев и страданий. Жаль, не всегда выходит так, как должно...

...Ещё не выйдя за ворота, Сухов почувствовал тревогу — в серых сумерках вставало оранжевое зарево. А после, добавляя беспокойства, заколотили била, донеслись крики и топот копыт. Неужто Бурундаю надоел мир?!

Олег поскакал к рыночной площади и чуть не столкнулся с Джарчи.

— Что случилось? — крикнул Сухов.

— Амбары горят! — ответил нукер.— Хлебные! Бурундай хотел с утра зерна набрать на прокорм, вот местные и подожгли хранилища, чтоб никому не досталось!

Олег прибавил саврасому прыти. Свернув за храмом к городской стене, он выехал к двум горящим амбарам — приземистым и длинным, добротным строениям, гибнущим в пламени пожара. Воздух был пропитан запахом горелого хлеба — это пылало зерно.

Десятки переяславцев наводили суету вокруг, таская воду в вёдрах и бадейках, плеская её в огонь, но пламя нисколько не унималось. С другой стороны ширкали лопатами молодые парни, кидая снег на охваченные огнём стены, добрасывая до невысокой крыши.

За пожаром невозмутимо наблюдал Бурундай. Он сидел на коне, выпрямившись, сжав рукоятку сабли, и молчал. Тысяцкие — и Тугусбеки, и Чарха-Эбуген, и Дайдухул-сохор — находились рядом и тоже помалкивали. Первым не выдержал Бэрхэ-сэчен, хоть и пониженный до сотника, но не утративший прежнего выражения превосходства.

— Что мы стоим? — вскричал он.— Чего ждём? Мерзкие оросы нанесли по нам подлый удар — они лишили пропитания наших коней! Мы пришли с миром, они выбрали войну! Так обнажим же сабли!

— Молчать! — скомандовал Бурундай, негромко, но жёстко.— Ты видел, как оросы поджигали своё зерно?

Бэрхэ-сэчен промолчал, медленно багровея.

— Не видел! — по-прежнему жёстко сказал темник.— Зато я вижу, как они тушат огонь! Мы покидаем этот город. За мной!

Крики туаджи разнеслись по улицам Переяславля, собирая войско. Вскоре тысяча Чарха-Эбугена миновала городские ворота. Следом повёл своих Тугус-беки.

Олег ехал рядом с Джарчи. Молодой нукер был непривычно задумчив. Нахмурившись, он вскинул голову и встретился глазами с Суховым.

— А если зерно подожгли не оросы? — задал Джарчи вопрос.

— Значит, среди нас есть предатель,— дал Олег ответ.

— Вай-дот...— протянул нукер.— Не верю! Хотя... Нет, чего-то тут не сходится! Зерно-то зачем жечь?!

— А ты подумай,— спокойно сказал Сухов.— Вот, если бы Бурундай был как Гуюк-хан, который сперва голову человеку срубит, а потом думает, за что, как бы он поступил? Велел бы наказать переяславцев, верно? И сколько бы народу тогда полегло! Причём не только горожан — Бурундай тоже недосчитался бы многих. К счастью, наш темник с головою дружен...

Джарчи снова погрузился в молчание, а после дал пылкую клятву:

— Я найду этого шакала! Выслежу и убью!

Глава 21,

В КОТОРОЙ ОЛЕГУ ПОРУЧАЕТСЯ ОТВЕТСТВЕННОЕ ЗАДАНИЕ

...Покинув Переяславль-Залесский, Бурундай повёл войско напрямик, по льду Клещина озера, и далее по реке Нерли. Город, оставленный за плечами, не шумел, звука единого не издавал — и колокола молчали, и голосов не слыхать. Похоже, переяславцы ещё не

уверились сполна в удаче своей и боялись её спугнуть. А вдруг возвернутся «мунгалы»? Вдруг передумают, да такого натворят, что... И, ужаснувшись воображаемым несчастьям, люди сдерживали дыхание, прислушиваясь напряжённо — ушли ли? Ушли вроде... Да, точно, ушли! Но, даже поверив своему счастью, люди не торопились радоваться. Да и чему, собственно?

Тому, что живы остались? Что дома свои уберегли? Что дети, слава Богу, не вздеты на копья? Да кто ж этому радуется!

А то, что весь город целые сутки был в услужении татарве? Это как оценить? Тоже радость испытывать? Оно, конечно, прогнуться недолго. Лишь бы только не забыть выпрямиться...

...В сражении с Евпатием Коловратом Олег не участвовал — с Неистовым бились те сотни, что шли в арьергарде, Эльхутур же шествовал впереди. Однако битва Сухова впечатлила — он даже некую гордость почувствовал. Презрения бы заслуживал тот народ, который даже попытки не сделал воспротивиться врагу, не вступился бы за своих, да попросту не попробовал бы отомстить. И вот евпатьевцы доказали, что русские достойны уважения. И монголы оказали павшим респект — в степи с почтением относятся к героям, неважно, какого они роду-племени. Жаль только, что подвиги и самопожертвование на Руси и в прошлом, и в будущем всегда покрывали чьи-то недоделки, чей-то недосмотр, чью-то неспособность править и володеть. Жизни отдают лучшие — за то, чтобы остальные-прочие поклонялись не истинным героям, а подлецам и предателям, вознесенным на пьедесталы и постаменты...

В разгар дня тумен вышел к Ростову Великому. Город сей стоял на берегу реки Пижермы, впадавшей в озеро Неро, и слыл богатым — полтора десятка храмов блестело луковками за стенами его, монастыри стояли, дворы княжеский и епископский, большой торг шумел.

Памятуя о поджоге в Переяславле, Бурундай решил подстраховаться и отправил сотни Алтун-Ашуха и Бэрхэ-сэчена в Сару, городишко, что стоял напротив Ростова, с другого берега озера. Сотням было приказано «заготавливать фураж», то бишь отбирать у местных зерно и сено.

Остальной тумен перешёл Пижерму по льду и вышел к Нерльским воротам. К удивлению Сухова, неширокий мост, перекинутый через ров к воротной башне, тоже был целёхонек, как и в Переяславле.

— То ли ждали нас,— поделился Олег своими сомнениями с Изаем,— то ли поджидали.

— Узнаем,— спокойно сказал куман.

— Таран бы сюда! — горячился Джарчи.— Эх, и ударили бы! Ой-е...

— Охолонись,— строго сказал Изай.— Видишь же, цел мосток. Знать, неспроста.

Монголы остановились, выстроившись перед городскими укреплениями. Вперёд выехал сам Бурундай, прищурился, оглядывая стены ростовские. И в тот же миг, словно дождавшись его выхода, ворота Нерльские стали открываться. По двое дюжих воинов отворяли каждую створку, сколоченную из бруса и окованную железными полосами.

Нукеры, не думая, опустили копья и выхватили сабли, готовясь встретить вооружённый отряд ростовчан, но им навстречу торжественно выступила целая процессия — епископ, попы рангом пониже, бояре, купцы, простолюдины. Отдельно шествовала статная, молодая ещё женщина в богатой шубе. Она вела за руку двоих маленьких мальчиков — это была княгиня Мария, жена князя ростовского Василька Константиновича и мать двоих сыновей его, Бориса и Глеба. Княгиня не поглядывала горделиво, с той надменностью, которая бывает присуща испуганным женщинам. Она шла неторопливо, понуря голову, словно сгорбившись под тягостями войны,— одной ей нести их на своих хрупких плечах, за себя, за мужа, ушедшего на Сить, за подрастающих княжичей. Решали ли сами бояре сдать город на милость татарам или Мария их надоумила? Если это дело рук и ума княгини, то она мудрая женщина. Да и что ей оставалось делать? Князь Василёк бросил Ростов Великий, как дядька его, великий князь, оставил Владимир-на-Клязьме. И сам ушёл, и дружину с собой увёл. Вот хорошо-то! А жене его делать что? Детей в охапку — и со стены в ров?

Выйдя за линию укреплений, процессия остановилась. Все отвесили земной поклон пришельцам, а епископ разразился речью.

— Что он говорит? — нетерпеливо спросил Бурундай.

— Он приветствует тебя, багатур,— перевёл слова епископа Олег,— выражает смирение и надежду на то, что воины хана Бату не разорят город и не предадут смерти его жителей.

Темник преисполнился важности и сказал:

— Переведи ему, что я накладываю на город хувчур[1]. Ещё мне нужны свежие кони, корм для них и вкусная еда моим воинам!

Бурундай был верен старой, проверенной стратегии: противишься хану — убей или умри, подчиняешься — живи и плати посильную дань. Ростов поставил на послушание — и выиграл.

---

[1] *Хувчур* — единовременное взимание, сбор десятины (*монг.*).

Сухов перевёл условия темника горожанам. Те выслушали и обрадовались — видать, ожидали куда худшего. Мало ли чего болтают про «мунгалов» — говорят, они и человечиной питаются... Затребовали бы опасные степняки выдать им всех девственниц Ростова — дали бы, наверное! А куда деваться? Воюешь — не пищи, сдаёшься — не ропщи.

— Это их коназ? — спросил Бурундай, указывая на епископа.

— Нет, багатур,— ответил Олег,— это главный шаман города.

— А коназ где?

Обернувшись к епископу, Сухов передал ему вопрос темника.

— Василько Константиныч отъехамши,— угодливо ответил «главный шаман», прикрывая княгиню, на всякий случай.— Мы за него.

Бурундая этот ответ вполне удовлетворил, а епископ сделал знак, и звонарь ударил в колокола, рассыпая над городом радостные ноты — Ростов встречал дорогого гостя...

Нукеры, повинуясь тумен-у-нойону, степенно въехали в город, занимая площади и перекрёстки. Ростовчане привечали ордынцев с опаской, пытливо заглядывали в глаза, не выказывая особой враждебности. Холопу без разницы, на какого господина пахать, лишь бы вставать попозже, работать поменьше, а есть повкусней. Купцу под монголами спокойней — получи пайцзу и торгуй на здоровье, не боясь, что мелкопоместное княжьё отберёт твой товар. А уж духовенству и вовсе благодать пришла — монгольские ханы, во исполнение писаных законов Ясы, освобождали церковь от податей и повинностей и никому не позволяли посрамлять и обижать митрополитов, архимандритов и прочих протоиереев. А те, кто дерзнул бы сотворить худо против монахов или священников, подлежал смерти, без различия, местные они или татары.

Ведь при Рюриковичах как бывало? Заявится дружина из соседнего княжества — и начинается поношение. И церкви жгли с монастырями, и грабили их, и монашек насиловали. Так уж повелось с самого крещения — своя икона, скажем, Богоматери Владимирской, чтилась во Владимиро-Суздальском княжестве, считалась неприкосновенной святыней. Посягни только на неё — на клочки порвут! А вот в соседних землях ничего святого у владимиро-суздальцев как бы и не существовало. Хошь, грабь. Хошь, жги. Бей. Насильничай. От того грешником не станешь и богохульником не прослывёшь.

...Олегу было приятно ехать по русскому городу, не вдыхая запаха гари и мертвечины. А потом и вовсе хорошо стало. Епископ с боярами расстарались — бочки выдержанного мёда выкатывали из подвалов, телят и бычков жарили на вертелах, бабы без устали таскали круглые хлеба — исполать вам, мунгалы! Кушайте на здоровье!

Вот только ни одного девичьего лица Сухов не заметил. Детей ростовцы тоже попрятали — мало ли, вдруг и правду люди бают, что татарва кровь младенческую пьёт? Свят-свят-свят! От греха подальше...

Бурундай воспретил нукерам потреблять крепкие напитки, справедливо полагая, что именно пьянка в Переяславле ослабила дух бойцов, отчего войско поредело в битве с Коловратом. Тумен послушался.

Олег с Изаем Селуковичем привязали лошадей рядом, к одной коновязи. Вкусив как следует горячего мясца с горячим хлебцем, они решили прогуляться, ноги размять — насиделись в сёдлах, мочи нет. А то так и останешься раскорякой на всю жизнь...

Покинув галдевшую площадь, где местные и пришельцы находились рядом, но не вместе, Сухов с арбаном вышли на боковую улицу, кривую, но широкую.

— Жил я здесь раньше,— сказал Изай, щурясь,— дружбу водил с багатуром здешним, Олександром Леонтичем. Отец его священником был, вот Олексу и прозвали Поповичем...

— Алёша Попович? — удивился Олег.

— Ну, можно и так. Не скажу, чтобы особой могутностью отличался, нет. Средний такой был, мужик как мужик, не слабак, но и не силач. Попович умом брал, хитростью. Любого врага обдурит, а тот и не догадается, отчего сгинул... Помню, Олекса как раз из степей воротился, на речке Сафат хана половецкого зарубив, Тугарина. Расхвастался, помню... Ну, я его и поддел малость, чтоб не зазнавался особо. А Попович горяч был, сразу — хвать за меч, и на меня! Сцепились мы с ним, помню, так, что едва кишки друг дружке не повыпускали... Да-а... На Калке погиб Олекса, уже... сколько? Пятнадцать зим минуло, да... Вот, помню, сказывали мне, как Попович однажды с разбойниками лесными сразился. А те, мало что тати, так и в колдовстве толк знали, истуканам поклонялись, что в чаще хоронились со времён стародавних. И вот ехал Олекса путём известным, из Ростова в Углич следовал за какой-то надобностью. Едет, едет себе, никого не трогает, как вдруг выезжает на поляну, коей не раз и не два проезжал до того, а посреди той поляны камень лежит огромный, валун гладкий, незнамо как туда прикаченный, а на нём письмена оросов выбиты, буквицами наколочены: «Налево пойдёшь — коня потеряешь. Направо пойдёшь — гол и бос останешься. Прямо пойдёшь — голову сложишь».

Прочёл сие Попович, огляделся, а разбойнички-чародейнички уж тут как тут, из-за дерев торчат, любопытствуют, ножи точат, топоры тискают. А Олекса не стал дорогу выбирать, он с коня-то слез, да как навалится на тот валун! Как ухватится за него! Может, и правду гово-

рят про Поповича, что нехватка в нём силы богатырской, а только закачался камень великий, да и перевалился на сторону, аж гул пошёл по лесу! Как увидали разбойнички такое дело, так и убоялись все. Разве взять числом человека этакой-то могутности? Да ни в жизнь! Накинешься на него скопом, а он и размечет толпу, побьёт всех, до кого дотянется. И попрятался люд разбойный. А Попович руки отряхнул, на коня сел, да и поехал далее...

— Да-а...— неопределённо выразился Олег.— Были люди в ваше время...

— А то!

За разговором они добрели до самой крепостной стены, где проходила окружная уличка. И вот с неё-то и вывернули пятеро молодцев — в кольчугах все, при мечах. Видать, не простые парнишки — что кольчужка, что клинок цену имеют немалую. Пятёрка выстроилась поперёк улицы и встала руки в боки.

— Гляди-ко, робяты,— сказал тот, что посередине попирал унавоженный снег, светловолосый и синеглазый добрый молодец,— мы их ходим, ищем, а они сами припожаловали!

«Робяты» дружно, как по команде, ухмыльнулись.

— Тебе морду давно били? — поинтересовался Олег.— Хочешь, чтобы я освежил тебе ощущения? Так это мы быстро!

— Ишь ты,— сощурился добр молодец,— по-нашему чешет! Надо будет посмотреть, чего в него там понапихано. Может, у энтого говоруна и кровь красная?

— Слышь-ко, пугало огородное,— сказал Сухов, передразнивая местный говорок.— Вона, у тебя из головы волосьё торчит, чисто солома. Видать, туго нутро набили. Крови-то в тебе нет — откуда в чучелах кровь? — но надо глянуть, что там у тебя за труха унутре. Вдруг солома попрела?

Добр молодец, ни слова не говоря, выхватил меч и бросился на Олега. Сосед его, кучерявый парень, кинулся на Изая.

— Зря ты это затеял,— молвил Сухов, отбивая удар.— Меч-то острый, порезаться можно. Вот батя увидит, что ты с железяками балуешься, нашлёпает по попке!

— Батю не трожь! — выдохнул блондин, люто зыркая на Олега.— Его такие же, как ты, прихвостни ордынские сгубили!

— Вот оно что...— протянул Сухов, уворачиваясь от выпада.— А ты, значит, прихвостень княжий...

— Я сам по себе! На!

Вертикальный удар, нанесённый блондином, был страшен, но пропал даром — Олег отклонился в сторону, пропуская свистнувшую

сталь побоку, и тут же носком сапога подсёк добра молодца. Тот грохнулся в снег, Сухов быстро наступил на руку противнику, и приставил остриё сабли к вздувшимся венам на горле светловолосого. Не отворачиваясь, он крикнул:

— Изай! Ты как?

— Да нормально...— пропыхтел куман за спиною.

Добрый молодец, распростёртый на снегу, дёрнулся.

— Изай? — прохрипел он.— Изай Селукович?!

— Именно,— подтвердил Олег.

Молодец налился кровью и заорал:

— Робята, брось!

«Робята» отпрыгнули, не убирая мечей и не слишком понимая, с чего это вожак мешает забаве.

— Изай Селукович! — снова позвал лежащий.— Да убери ты меч!

Сухов убрал.

— Изай Селукович! Не признал?

Куман пригляделся.

— А ну-ка, встань!

Добрый молодец встал.

— Оборотись-ка...

Тот оборотился.

— Ты, случаем, не Олександрыч ли будешь? — сощурился Изай.

— Он и есть! — осклабился тот.— Онфим я, Олександра Леонтича сын.

— Вот паскудник! — ухмыльнулся куман.— Я ж тебя, оглоеда, молоком поил! Всю тряпицу, засранец, сжевал!

И Селукович с Олександрычем крепко обнялись, потискали друг друга, да так, что панцири заскрипели и кости затрещали. А едва разъялись руки, как Онфим и брякни:

— А возьми нас к себе! Раз ты хану служишь, то и нам не зазорно!

Изай усмехнулся.

— Не я беру,— сказал он,— а темник наш, Бурундай-багатур.

— Боярин, что ли?

— Навроде того. Только учти, Онфимка, в Орде порядки строгие, там не забалуешь.

— Мы народ привычный! — рубанул Онфим.— В дружине князевой службу несли, да вот, разошлись — одних Василько с собой увёл на Сить, а мы остались. Чего ради кровь лить за Юрия Всеволодовича, за дурачину этого? Всё, что можно было, прогадил, межеумок. Уж лучше я к хану уйду!

— И много вас, таких умных, набралось? — спокойно осведомился Олег.

Онфим сверкнул на него глазами, но грубить не стал, сказал ворчливо, отворачиваясь:

— А с полсотни наберётся.

— Пойдёт,— по-прежнему спокойно сказал Сухов и поздравил арбан-у-нойона: — С прибавлением вас, Изай свет Селукович!

Ближе к вечеру страсти улеглись, сонные нукеры один за другим заворачивались в шубы и кошмы, дозорные бродили то поперёк улицы, то повдоль, то грелись у костров.

Олег ещё засветло расположился в заброшенном сарае, где хватало слежавшегося сена. С ним на пару устроился Джарчи.

Посидев, поболтав о пустяках, нукер опоясался саблей и двинулся исполнять обет. Это было ещё до ужина. Успело стемнеть, а Джарчи всё не появлялся. Беспокоясь за непутёвого нукера, Сухов отправился на поиски, по дороге прихватив Чимбая.

— Вечно с ним что-нибудь не так,— проворчал тот, подхватываясь.— Не одно, так другое, не другое, так третье...

— Да уж...— откликнулся Олег.

Покрутившись по площади и около, они выбрались к месту стоянки сотни Бэлгутэя. Кроме пары часовых и лошадей у коновязей, все спали. Напротив, под стеной богатого дома с торговыми лавками, устроенными в подклетях, стояли бочки с вином и пивом, нукерами не тронутые. Но откупоренные местными выпивохами — не побоявшись близости «мунгалов», расхристанные личности в рваных армяках дорвались до бесплатного и нализались так, что лежали пластом, как мёртвые. «Господи,— похолодел Сухов,— да они и вправду мёртвые!»

— Огня! — крикнул Олег, оборачиваясь к дозорным.— Живо! Байза!

От костров подбежала пара человек с факелами и осветила место преступления — у всех пьяниц из раззявленных ртов текла синяя пена...

— Отравились! — охнул Чимбай.— Хотели нас отравить!

— Ага,— буркнул Сухов,— мы пить не стали, так они сами наглотались!

— А... чего?

— Не знаю, Чимбай...

Олег поднял факел повыше. Все бочки выкатывали из одного и того же погреба. Заснеженные ступеньки, ведущие вниз, были истоптаны, а низкая дверь стояла приоткрытой, отгребая створкой снег. Сухов спустился в погреб, пригибая голову, и сразу же увидел неподвижное тело. Это был Джарчи. Под сердце ему был всажен кинжал русской работы, с золотой рукоятью в форме орла, раскинувшего крылья.

— Чего там? — спросил Чимбай снаружи.

— Спускайся, поможешь.

Кряхтя, нукер пробрался в погреб и охнул, увидев труп Джарчи.

— Кто? — каркнул он, сжимая кулаки.

— Тот, кто отравил вино, кто запалил амбары с зерном. Тот, кого Джарчи поклялся выследить и убить. А я, дурак, понадеялся, что ничего-то у него не выйдет...

— Надо Бурундаю сказать,— выдавил Чимбай.— Всех тут вырежем! Подчистую! За Джарчи я им...

— Кому им? — резко спросил Олег.

— А то ты не видишь, чем зарезали Джарчи!

— То-то и оно, что вижу! Кому в голову придёт оставить в ране такой дорогой клинок? Тому, кто изо всех сил пытается науськать нас на оросов! Разве станет местный так глупо подставлять себя и своих? Тут поработал враг, Чимбай, настоящий, матёрый враг. Не вышло у него нам яду подсунуть, так он на Джарчи отыгрался — вдруг мы решим отомстить оросам? То-то ему радости будет!

— От того, что мы местных побьём? — туго соображал Чимбай.

— От того, что оросы побьют много наших, прежде чем мы всех тут вырежем подчистую! А кинжал... Ты что, не помнишь уже? Ты же сам нашёл его во Владимире!

Чимбай вылупил на Олега глаза, присмотрелся к кинжалу и прошептал:

— А ведь точно... И чего теперь?

— Похороны теперь,— буркнул Сухов.

Утром, дождавшись прибытия сотен Бэрхэ-сэчена и Алтун-Ашуха с «продразвёрстки», тумен оставил Ростов, захватив с собою неплохой хувчур, и свежих коней, и пополнение.

Для упокоения Джарчи не пожалели дров, запалили громадный погребальный костёр. Нукеры молча стояли вокруг, а Олег обшарил глазами толпу, отыскивая Бэрхэ-сэчена. «Брат Иоганн» поймал Олегов взгляд — и не отвёл своего, смотрел вызывающе, пока поднявшееся пламя не скрыло его.

«Выслежу,— подумал Сухов,— и убью!» Ему было ясно, кто был поджигателем, отравителем и убийцей — Бэрхэ-сэчен. Никто не мешал «брату Иоганну» тайно прибыть под вечер в Ростов, дабы совершить свои чёрные дела, а после убыть, сохраняя видимую безвинность. Да пусть даже и не сам Бэрхэ-сэчен, а преданный ему Савенч, какая разница? «Всё равно — убью!»

Костёр догорел, и тумен отправился к Итилю, на берегу коего стоял город Углече Поле.

Дорога была набита, и Бурундай повёл войско «волчьим ходом» — медлить было нельзя. Бояре ростовские подробно растолковали, как добраться до реки Сити, где и схоронился Юрий Всеволодович, но напрямки туда не пойдёшь — уж больно леса густы. Приходилось совершать переходы между городами по тем направлениям, которые ещё очень не скоро станут дорогами. Пока что путь к Угличу состоял из просек, соединявших между собою небольшие полянки и лужки, да из лесных троп, в ширину которых едва вписывались сани-розвальни.

Десяток Изая ехал в передовой сотне. Дорога впереди заузилась, вильнула в сторону. С обеих сторон лес вставал, как крепостные стены, сосна к сосне, ель к ели. И вот одолела сотня Эльхутура поворот и выехала на большую поляну. Снег на ней был не топтан, а в сторонке глыбился здоровенный валун.

— Не его, случайно, Попович выворотил? — спросил Олег без улыбки.

— Его,— подтвердил Изай.

— А надпись где?

— Так внизу же! Переверни да прочти...

Ответить Сухов не успел — из леса повалили мужики в армяках и шубах, с топорами и копьями в руках. С рёвом и матом они бросились на ордынцев.

Целую секунду Олег смотрел на распяленные рты, на сверкавшие глаза, на бороды нечесаные и лишь потом саблю выхватил.

Чимбаю, ехавшему рядом, не повезло — копьё прободало шею его коня, и тот рухнул, хрипя и дёргая ногами. Нукер изловчился, успел соскочить и мигом уделал копейщика. А за ним подбегал другой, и третий, и десятый.

— Изай! — заорал Эльхутур.— Отрезай их от леса!

Селукович кивнул только, отбиваясь от пары озверелых мужиков в тяжёлых полушубках из медвежьих шкур. Конь Изая бился в агонии, распуская по снегу выпущенные кишки, а куман прижимал мужиков — те ревели, как взаправдашние медведи, и вовсю работали самодельными мечами, переделанными из тесаков. Арбан-у-ной-он крутился, стараясь так встать, чтобы нападавшие мешали друг другу.

Олег рубанул с седла, уделывая одного из «медведей», и Селукович расправился со вторым.

— Отсекаем их от леса! — крикнул он, вскакивая на запасного коня.— Хуту! Тайчар!

Десяток бросился за своим командиром, заходя мужичью в тыл. А вот и вся сотня охватила разбойников. Хотя какие это разбойники?

Партизаны, мстители народные. Когда это разбойный люд кидался на целую рать? На обоз — ещё куда ни шло.

Отрезанные от леса, мужики попали в окружение, а ордынцы всё прибывали и прибывали, самой массой подавляя всякое сопротивление.

Десятка два ростовчан, или кто они там были, всё-таки смогли уйти. Преследовать их не стали — в густом лесу деревья росли так часто, что впору бочком передвигаться, а уж конным там делать было совершенно нечего.

— Быстро отсюда! — хмуро скомандовал Изай.— Нехорошее тут место, заколдованное...

Олег кивнул. Говорить не хотелось, смутно было на душе.

Эти мужики, «неуловимые мстители»... Чего вдруг они напали? Почему не смирились, не признали господства Орды? Откуда в них столько лютой ненависти? За что они мстили? Или не мстили вовсе, а по-своему понимали почётную обязанность — защищать родной край? Они-то не князья, их-то не обвинишь в междоусобной разборке. Увидали мужики врага, сошлись, да и врезали. Сгинули все, как евпатьевцы, но остались правы. «А я, выходит, виноват?» — криво усмехнулся Олег.

Господи, как же он радовался, входя в Переяславль не захватчиком, а проезжим! Не надо было убивать и грабить, не надо было лишать эту землю ещё одного города, пережигая его в золу.

Вот и Ростов сдался... Может, и Углич останется цел? Глядишь, и не придётся больше учинять несчастья, удастся вырваться из кровавого круговорота, найти Пончика, найти себя... а потом? А Бог весть...

Углече Поле стоял плоско, расплываясь по крутому берегу Итиля, который местные племена прозывали Волгой. Городок красиво смотрелся — это была ладная крепость с десятью башнями и тремя воротами, с посадом, окружённым земляным валом и частоколом.

Раньше, во времена варягов и хазар, Углич был местом оживлённым — тут проходил Великий путь, связывавший Русь-Гардарики с Арабским халифатом. Каждый год по этому пути, словно приливом, разносило серебряные дирхемы и золотые динары, а на юг уплывали драгоценные меха, мечи, рабы. Но всё это в прошлом.

Князь Святослав в своё время разгромил хазар, страною своей в дельте Волги перекрывавших торговый путь и отбиравших десятую часть товара, но было это уже ни к чему — и арабы забыли путь на север, и европейцы более не терпели нужды в магометанском серебре — свои рудники отрыли в горах Гарца. И заснул Углич, запустел. Приторговывал маленько с булгарами, сведущими в кожевенном ремесле, с

охотниками-мерянами, черемисами, арису, добывавшими «мягкую рухлядь» — меха соболиные, бобровые, куньи. Тем и жил Углече Поле.

Когда тумен Бурундая одолел Итиль по льду и взобрался к Волжским воротам города, створки уже открывались, разгребая свежевыпавший снег. Повторялась история с Ростовом Великим — не желали горожане связываться с татарами, хотели они мира и благоволения. Требует хан десятину — на тебе десятину, только оставь нас в покое...

Всё невеликое население города вышло встречать непрошеных, опасных гостей. Оказалось, что ордынцы прибыли вовремя — угличане отмечали новогодний праздник. «Господи,— подумал Олег,— целый год минул... Опять первое марта!..»

В этот день жгли костры, по улицам носились ряженые, изображая чудищ да нечисть всякую, а дети ходили по дворам и колядовали — громко распевали «колядки», за что их угощали всякими вкусностями. Ряженым тоже доставалось — этих одаривали караваями, откупаясь от нечистой силы. Священники закрывали глаза на языческие обряды, мирясь с ублажением древних богов, допуская сосуществование отживших верований с верою истинной. Пускай шалят, пускай озоруют, блины пекут — символы бога Солнца, в личинах ходят. Пускай. Иначе потянется народ к древним капищам, где гниют поваленные идолы. Свят-свят-свят!

И народ гулял.

Ордынцы, угодив на празднество, подрастерялись. Многих даже испуг взял — глядя на ряженных в шкуры медвежьи, потрясавших рогами, махавших конскими хвостами, монголы бледнели, не зная, люди ли перед ними или злые мангусы.

А угличанам, с самого утра принявшим крепкого пива да настоянного мёду, всё было нипочём — они свистели, пели, орали непристойности, скрываясь под масками-личинами, плясали вокруг костров.

Изай Селукович и Олег Романыч первыми подали пример, приняв участие в празднике. Сухов подхватил с общего стола изрядный кус каравая, приложил к нему шмат сала, да и пошёл кругом костра, вступая в общий хоровод.

Тут уж и весь десяток задвигался, и вся сотня Эльхутурова, и вся тысяча Тугус-беки.

Подобрев от обильного угощения, Бурундай угостил местного боярина доброй порцией архи, тот подлил темнику медовухи.

Ну, дружба дружбой, а денежки врозь — не забыл багатур и с Углича десятину взять. Но что такое хувчур по сравнению с пожаром и резнёй? Пустяк, дело житейское.

А Олег отправился на поиски Бэрхэ-сэчена. Найти его было непросто — кривые улицы были запружены тысячными толпами народу — но, после долгих блужданий, Сухов приметил-таки подозреваемого. Тот шагал, прихрамывая, о чём-то беседуя с Савенчем, а после отослал половца неторопливым жестом.

Олег нахмурился. Он знал, верил, что убийство Джарчи — дело рук Бэрхэ-сэчена. Мокрое дело. И всё же оставалась малая доля сомнений: а вдруг не он? Да нет... Кому ж ещё придёт в голову такое незамысловатое коварство — оставить драгоценное орудие убийства, дабы навлечь беду на невинных?

Подойдя совсем близко, Сухов окликнул Бэрхэ-сэчена на хорошей латыни:

— Что, брат Иоганн, обдумываешь новую пакость?

Тот окаменел сперва, а после медленно обернулся.

— Ты?! — выдохнул Бэрхэ-сэчен.

— Я,— сознался Олег.

— Зря я тебя не пришиб в Кыюве [1],— сказал с сожалением сотник.

— Признайся, брат Иоганн, ты убил Джарчи?

— Джарчи? — переспросил Бэрхэ-сэчен, кладя ладонь на рукоятку сабли.

— Молодого нукера с рассечённой бровью, у него только-только начали расти усы.

Брат Иоганн посмотрел на Сухова с неопределённой усмешкой, а после протянул:

— А, вот как его звали... Он был твой аньда [2]?

— Просто друг.

Молниеносным движением Бэрхэ-сэчен выхватил саблю.

— Видит Бог,— сказал он,— нет у меня желания заколоть тебя или зарубить, но ты слишком много знаешь!

Олегов клинок мгновенно покинул ножны, отбивая секущий удар. Сабли расцепились, и брат Иоганн тут же сделал выпад, метясь Сухову в низ живота. Олег прянул в сторону — сабля противника резанула ему бок — куяк выдержал. Продолжая движение, клинок просвистел снизу вверх, наискосок, рубанул по ноге, описал круг, мощно пал сверху.

И опять Сухов ощутил превосходство Бэрхэ-сэчена — тот снова вёл в поединке, постоянно нападая и не оставляя времени для контратаки. Всего умения Олега хватало лишь для того, чтобы уберечься от разящей стали. Он стал биться бережливо, пристально следя за бра-

---

[1] *Кыюв* — Киев (*монг.*).

[2] *Аньда* — побратим (*монг.*).

том Иоганном, пытаясь уловить малейшую ошибку — и воспользоваться ею.

Боковым зрением уловив отблеск слева, Сухов догадался, что это солнце отсвечивало в створке окна, заделанного слюдой или настоящим стеклом. И принялся перемещаться по кругу, принуждая Бэрхэ-сэчена поймать «солнечный зайчик». Это ему удалось — монгол прижмурил глаз, уколотый вспышкой, и сабля Олега в тот же миг коснулась остриём немытой шеи сотника. Но и сам Сухов ощутил холодное касание лезвия у кадыка.

Оба противника замерли, уравняв шансы.

— Ты можешь убить меня,— прохрипел брат Иоганн,— и умрёшь сам.

— Шаг назад! — сказал Олег, задыхаясь.— Оба!

Он отшагнул, удерживая саблю в вытянутой руке. Бэрхэ-сэчен тоже отступил. Сделал ещё пару шагов назад и опустил саблю.

— Ты тщишься уберечь «вечерние страны» [1] от набега? — проговорил Сухов, бурно дыша.— Похвальное желание, благородное и достойное. И разве я мешаю тебе в исполнении его? Вот только стоит ли добиваться высокой цели подлыми средствами? А, брат Иоганн?

Брат Иоганн усмехнулся.

— Подлыми? — переспросил он странным голосом.— А ты полагаешь, Хельгу, что сам спасался от смерти в Орде? Да тебя просто оставили в живых!

Пристально посмотрев на Сухова, Бэрхэ-сэчен повернулся и ушёл, будто ничего и не было.

Олег вернул саблю на место, попав в ножны с третьего разу. «Тебя оставили в живых!» Кто же это такой добренький?

Сухов зажмурился и потряс головой. Дьявол, опять всё перепуталось, перетасовалось! Не похоже, что брат Иоганн «слил дезу». Видать, уел онтаки этого ордынца-доминиканца, вот Бэрхэ-сэчен и проговорился, показал хвостик тайны. В самом-то деле, разве трудно было «ликвиднуть» Хельгу, сына Урмана? Да легко! Но ведь он жив. И что? Его «просто оставили в живых»? Бэрхэ-сэчен не раз и не два пытался сжить его со свету и вдруг отступился. С чего вдруг? А если ему приказали? Например, тот, кто оставил послание в рязанском соборе? Нет, глупости это. Откуда таинственному «Тому-Кто-Велит» дано знать о существовании нукера Хельгу? Да кому вообще есть дело до него? Что за хрень происходит вокруг?!

— Чёрт бы вас всех побрал! — с чувством выразился Сухов и побрёл до своих.

---

[1] «Вечерние страны» — государства в той стороне, где садится солнце; Западная Европа.

Переночевав за городскими стенами, с утра тумен вышел в путь, в последний переход. Вели тумен охотники-сицкари, проживавшие на Сити,— Елизар, Терентий и Буривой.

Олег недолго мучился вопросом, кем же считать сицкарей и тех бояр ростовских, кои угодливо и в подробностях выдали тайну военную — о местопребывании князя Василька. Предатели они, что ли? Вроде да. Так, а кто ж тогда город свой бросил? Бояре или князь? Чтоб окончательно не утонуть в пучинах морали и этики, Сухов отмахнулся от тягучих дум. Какая ему разница, кто есть кто? О душе думать надобно, правильно тот поп сказал. А душа в теле держится, вот и береги сей сосуд от разбитий...

Лес стоял тёмный, дремучий — сосны и ели росли густо и вымахивали в рост великанский. Тропы вились по дебрям, двоясь и троясь, то бурелом обходя, то болота с чёрными окнами топей, парящих даже в сильный мороз.

Сицкарь по имени Елизар, мало того что ростику был ниже среднего, так ещё и сутулился. Сгорбился в седле, да так и ехал кренделем, балаболя на местном наречии, цокая и зэкая.

— Так и живёте в лесу? — спросил Олег, поддерживая разговор.

— А цаво? — бодро сказал Елизар.— Насы тут давно зивут, навыкли. Белоцек набьём, али медведя подымем — от тебе и мясо на столи. А ягода? А грибоцки? Сам видис, лес какой!

— Кстати, да,— согласился Сухов,— лес у вас что надо.

Неправду говорил Хельгу, сын Урмана,— лес его тревожил, нервировал даже. Тумен шёл узенькими тропинками, растягиваясь на вёрсту, и за каждым деревом могла ждать засада.

На полдороге к Сити могучий бор, что тянулся отсель и до самого Белого моря, поредел, почах — одни ёлочки россыпью, да махонькие все, хворые будто.

— Ёлоцки посли...— озаботился Елизар и передал всем по эстафете, чтобы шли точно следами его, не ступая ни на шаг в сторону, особливо там, где ёлки покосились. Уж если корням не за что держаться, знать, внизу топь, корочкой земляной прикрытая, снежком присыпанная. Ждёт-поджидает ротозея, что ухнет в холодную грязь, да и увязнет в ней до скончания веков — на дне хляби много полегло неосторожных тварей, что преют вместе с нанесённой ветрами листвой. От гниения того тепло поднимается, потому и не замерзает болотина, кое-где проталинами выступая.

Тремя цепочками двинулся тумен, ступая след в след сицкарям. Так и одолели топи по прямой. А после ночёвки в лесу ордынцы вышли на реку Сить.

Речка была неширока, и берега её не оставляли места под селения — всё поросло могучими деревами, соснами да елями, чьим корням подчас не хватало суши, и они вытягивались над замерзшей водою, как лапы загребущие.

Сицкари протянули руки, указывая путь по течению, придавленному льдом, и канули в свой любимый лес. А тумен двинулся вперёд, с каждым шагом приближаясь к месту битвы. Был день четвёртый первого месяца [1].

...Великий князь владимирский Юрий Всеволодович предусмотрел всё — выстроил новые избы вдоль берега, и даже баньки соорудил, часовенку поставил, по всем тропам засеки организовал. Много народу прибыло к великому князю — целая тьма. Будет кому приветить проклятых мунгалов!

На всех домов не хватило — те, кто вперёд поспел, расселились в заброшенной деревушке, стеснив хозяев, а прочие шалаши себе строили, шатры ставили, не гася костры ни днём ни ночью.

Всё предусмотрел Юрий Всеволодович, об одном не подумал — не представил себе, что татары могут и с севера подойти. Не верилось ему, что степняки леса одолеют. С юго-востока ждал врага великий князь, от Углича. С полуночи [2] даже сторожи не выставил. А Бурундай явился откуда не ждали...

...4 марта Юрий Всеволодович послал воеводу Дорофея Федоровича в разведку и дал ему три сотни бойцов.

— Просмотри, Дорожа,— сказал великий князь,— все подходы, чтобы ни одного вонючего татарина видно не было на берегу Сити!

— Сделаем, княже,— прогудел Дорожа.

В избе княжьей жарко было натоплено и стояла темнота. Юрий Всеволодович накинул на плечи шубейку, вышел проводить отряд — свет белый увидеть да воздуху свежего глотнуть.

Вовне тёплых стен морозец стоял, хоть и не крепкий, небо хмурилось, обещая снег, ветер шумел в кронах сосен, навевая тревогу. Солнце скрылось за тучами, и на сердце великому князю тоже тень легла — неспокойно стало Юрию Всеволодовичу, тоскливо и страшно. Чудилось ему, что мунгалы поганые притаились повсюду — за каждым деревом, за каждым сугробом стоят и только приказа ждут, чтобы кинуться и покончить со всеми разом.

---

[1] 4 марта 1238 года.

[2] *Полуночь* — здесь: направление, север. Полуденная сторона — юг.

Поддаваясь малодушию, князь владимирский ужаснулся: что он затеял? На что замахнулся? Впору ли сладить с семью туменами, когда у него один всего, да и тот не его? Ладно, уже не семь полных туменов у Батыги, а едва ли шесть — как-никак порубали татар и рязанцы, и коломенцы, и владимирцы... Юрий Всеволодович усмехнулся скорбно и головой покачал: кого он дурит? Себя? А зачем? Не убавилась сила татарская — одних посекли, так Батый других набрал. И нижегородцы прибились к нему, и ростовцы. И булгары, коих он лично, князь владимирский, обижал не раз, коим не помог в позапрошлом году, когда Батыга Джучиевич земли их разорял, тоже влились в войско ордынское. И мордвины, на которых он настоящую охоту устраивал, также присоединились к ретивому внуку Чагониза... И ползёт по земле рать ханская, аки змий многоглавый — отрубишь ему одну голову, огнём пыхающую, а на том месте три новых отрастают... И где ж той силы набрать, чтобы сгубить змия проклятого?

А о себе подумать когда? Кто он-то? Кем стал нынче великий князь владимирский? В кого превратился? Земли у него отняли, войско расточили, семью — и ту сгубили... Что же он доказать тщится? Али мести возжаждал? Да тут, как не мсти, толку не будет. Ежели и победит он Батыя, то всё равно проиграет — уже проиграл. Всё, что имел,— прахом пошло. В тлен превратилось. В пепел...

Торопливый конский топот вывел князя из дум тяжких. Обернувшись на звук, Юрий Всеволодович увидал Дорожу — расхристанного, в крови, без шлема.

— Обошли нас татары, княже! — завопил воевода.— Всех моих положили!

Великий князь заметался по лагерю, криком сзывая воинов. Расторопный Дорожа бросился к часовне и заколотил в било. Начали сбегаться бойцы, вылезая из шатров, показываясь из новеньких бревенчатых срубов. Они спешно одевались, влезали в брони, хватали оружие, но монголы не дали великому князю времени даже на построение — сотни Бурундая налетели в вихрях свежевыпавшего снега, как буран полуночный, на визжащих лошадях, гикая, свистя, кроя воздух саблями, словно предвкушавшими вкус крови. И полилась кровь, щедро растапливая сугробы. И пошла сеча... Да нет, какая там сеча. Не битва случилась на Сити, а избиение.

Ратники из Костромы и Ростова, из Ярославля и прочих мест бежали по льду реки, спасаясь от неминуемой смерти, изредка оборачиваясь, выставляя копья, замахиваясь мечами и секирами. Но ордынская лава сметала их, кромсала, секла, рубила, втаптывала в снег, вдавливала в лёд...

Полк Василька Константиновича, не добрав и половины состава, принял неравный бой — без строя, порой без брони, без оружия даже. Ростовцы бросались на монгольских конников с голыми руками, просто не успевая вооружиться, иные выскакивали из бань, в рубахах на голое тело, и неслись босиком по снегу, татарам наперерез. Иногда безумцам везло — скидывая монгола в снег, они сами взбирались в седло, походя на мангусов, — лица красные, мокрое волосьё дыбом стоит, прихваченное морозцем. Эти смельчаки бросались на врага, гибли или добывали-таки оружие и вступали в последний бой своей и без того недолгой жизни.

Одна лишь дружина Ивана Стародубского шла на бой в строю, в бронях и во всеоружии — стародубцы вышли из леса, ощетинясь копьями, а лучники их выцеливали врага из-за деревьев.

Ордынская лава нахлынула на дружину, как вешние воды на песчаный островок — размывая, расточая, рассеивая. В какой-то момент сабли обрушились, иссекая живую силу, и схлынула конница, умчалась дальше. И всё, исчез островок...

— Держаться вместе! — орал Изай.— Не разъезжаться! Хуррагш!

— Хуррагш! — подхватывали нукеры и неслись, неслись вперёд, гоня живых к гибели, а кони едва поспевали перескакивать через мёртвые тела.

Бурундай ехал позади от переднего края, в сторонке, отзывая разгорячённые, утомлённые сотни и бросая в бой свежие, изнывавшие от желания приложить и свою руку к одержанию победы.

Повинуясь его приказу, Эльхутур придержал свою сотню, пропуская вперёд бойцов Алтун-Ашуха.

— Обшарить всё! — приказал джагун.— Прочесать лес!

Сотня порысила позади тумена, зачищая лагерь оросов окончательно. Нукеры громко хохотали, были очень оживлены, медленно унимая боевой азарт. Врагов они положили без счёту. Ордынцы счищали кровь с сабель, обтирая клинки о мёртвые тела оросских воинов, устилавших берега Сити, снимали с павших брони и оружие, шарили по избам и шатрам, убеждались, что те пусты, и поджигали их.

— Ой-е, Изай! — крикнул Эльхутур.— Поглубже в лес зайди, глянь, не сбежал ли кто. Кого застанешь — руби на месте!

— Слушаю, джагун!

Изай Селукович довёл приказ до подчинённых и повёл десяток в лес. Снег лежал глубокий, но арбан-у-нойон не спешил — рассыпавшись цепью, нукеры прочёсывали лес. Зарубив несколько оросов, удиравших с Сити, десяток набрёл на крупную добычу — улюлюкая,

ордынцы окружили самого великого князя, запыхавшегося, утонувшего в снегу по пояс. Юрий Всеволодович сам отбросил меч — Олегу показалось, что бывший правитель даже рад был наступившему концу. Если это так, то радовался великий князь преждевременно — его отвели к Бурундаю, и тот лично исполнил приказ Бату-хана — срубил Юрию Всеволодовичу голову.

Опустив её в снег, темник оглядел гордых нукеров Изая.

— Ой-е,— ухмыльнулся он,— молодцы, багатуры! — и указал на Олега мосластым пальцем: — Возьмёшь своих коней, ещё пару отменных скакунов я тебе дам, и отправишься к городу Новый Торг, отвезёшь голову великого коназа самому Бату-хану — расскажешь ослепительному о нашей победе!

— Слушаю, непобедимый,— поклонился Сухов, принимая кожаный баксон с ужасным свидетельством торжества большей силы над меньшей.

Крепко пожав руку Изаю, хлопнув по плечу завистливо вздыхавшего Чимбая, Олег вскочил на верного савраску и поскакал, ведя в поводу вьючных и запасных.

Глава 22,

В КОТОРОЙ ПОНЧИК ВЕРНО СЛУЖИТ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

Пончик с Вахрамеем ехали по следам тумена Бурундая. Лошади их ступали неторопливым шагом, всадники же не до конца понимали, куда они, собственно, едут, и есть ли вообще смысл в одолении пути.

Оба товарища были погружены в думы. Вахрамей время от времени качал головой, словно не соглашаясь с самим собою, и тяжко вздыхал. Иногда он поднимал лицо к небу, делая брови домиком и становясь похожим на могучего Пьеро. Выглядело это смешно, но Александру было не до смеха.

Он думал о своём, ощущая в душе пустоту и то странное оцепенение, что обычно предваряет истерический срыв. У Пончика было чувство, что война окончилась. По крайней мере самое страшное сражение с татарами уже случилось. Евпатий погиб, и стало ясно, почему Коловрата прозывали Неистовым. И что теперь?

Куда он едет, словно по инерции? Что мешает им с Вахрамеем повернуть назад или вообще разъехаться? Какой не отданный долг? Какое дело не сделанное?

Шурик натянул поводья, и конь остановился. Вахрамей проехал ещё пару шагов, пока не заметил, что сбоку не мелькает грива. Повернувшись в седле, он удивлённо спросил:

— Ты чего?

— Слушай, а куда мы с тобой так мчимся, а?

— Мчимся?.. Хм. Я бы по-другому это назвал — куда тащимся.

— А тут как ни скажи, всё едино. Так куда? И зачем? Я вот с самой Онузы таскаюсь за монголами. И в Рязани был, и под Коломной, и во Владимире. А толку? Спору нет, Роман хорошо бился, а уж про Евпатия я и вовсе молчу, но кто ещё сможет дать отпор монголам? Знаешь таких?

Вахрамей задумался, помолчал и головой помотал.

— Нету таковских,— вздохнул он.— Зато дурачья сколько развелось, оказывается... Раньше смотрел на князя нашего и думал: орёл! Лев рыкающий! А на деле — мышь он серый... Ведь приходила же татарва к Киеву или докуда она там дошла, надо ж было и нашим князьям хоть чуток промыслить! А князь рязанский даже на речку Калку не явился...

— Вот и расколошматили его на речке Воронеже! — зло сказал Пончик.— А князюшка даже не узнал, как татары в бой ходят! Угу...

— А в прошлом годе как было? — продолжал монах.— Булгар воевали татары. Хоть кто из наших помог? Да ладно там помог — не помог, но думать-то надо ж было! Обговорить такое дело, собрать все силы в один кулак... Неужто не отбились бы?

— Вот, везде и всегда так,— горько улыбнулся Александр.— Всё в народе понимают, но — потом.

— А прежде пущай князья думают, на то они и палаты занимают!

— Кому думать-то?

— Твоя правда...— проворчал Вахрамей.— Некому.

И товарищи снова тронули коней. Объехали лесок, а навстречу большая дружина показалась.

— Кого это чёрт несёт? — подивился монах.— Да так вольно едут, будто и нету татар.

— Я, кажется, знаю, кто это,— процедил Пончик.— Сейчас проверим. Угу...

Он направил коня на подъезжавших. Всадников было много, не меньше тысячи. Все в хороших, ладных доспехах, при щитах и мечах. На копьях, кажущих в небо острия, флажки трепещут. Лица у всех типично русские, но спокойные, без ожесточения, весёлые даже.

Тут двое конников сорвались с места и поскакали к парочке. Осадив лошадей около Пончика, они дуэтом спросили:

— Кто такие?

Александр задрал подбородок и ответил с вызовом:

— Проезжие.

— И куды проезжаете? — ухмыльнулся бледнолицый всадник, гарцуя на беспокойном чалом.

— А куда глаза глядят.

Спутник бледнолицего, парниша половецкой внешности, неожиданно озлобился:

— Да порешить их, и всего делов!

Тут Пончик не выдержал и заорал:

— Вы бы лучше татарву порешили, раз такие смелые!

Бледнолицый с половцем мгновенно выхватили мечи. Александр даже не пытался доставать оружие, вместо этого он вытащил пайцзу и ткнул дружинникам под нос. Те растерялись.

— Что за люди, Сатмаз? — раздался нетерпеливый голос.

На великолепном коне, с уздою, облепленной золотыми бляхами, подъехал князь Ярослав Всеволодович.

Половец поклонился и сказал с долей растерянности:

— Да вот, княже, словили двоих. Дерзости себе позволяют — и пайцзу тычут.

— Пайцзу? — удивился князь.— А ну, покажь!

Пончик молча продемонстрировал свой деревянный пропуск.

Князь внимательно разглядел «документ», посопел и спросил строго:

— Где взял?

— Не взял,— грубо поправил его Пончик.— Нам дали.

— Кто?

— Бурундай-багатур.

— Ишь ты! — удивился вельможа.— А другану твоему, что, тоже выдали пайцзу?

Вахрамей показал такую же, как у Пончика.

— Похоже, не брешут,— пробурчал Сатмаз.

— Похоже...— протянул князь.— А как выглядит Бурундай?

Александр описал темника.

— Я и Гуюк-хана видал,— сказал он, накаляясь,— и Батыя, и Субэдэя, и Мункэ. Их приметы тоже сообщить? — и добавил: — Ярослав Всеволодович, да ты никак запамятовал? Я это, Олександр, лекарь твой!

Князь пришёл в изумление.

— А похож! — воскликнул он.— Да точно, лечец мой, как есть! Ишь ты, выплыл! А Олег Романыч где?

Пончик вздохнул.

— Олег Батыю служит,— сказал он осторожно, боясь княжеского гнева, но князь довольно кивнул.

— Молодец, воевода! — сказал он.— Всё верно скумекал. Ага... А другана твоего как звать, Олександр?

— Вахрамей,— чопорно представился монах.

— Вот что, Олександр и Вахрамей,— сказал Ярослав Всеволодович деловито,— мне такие люди нужны, потому как полезны. Где мне ещё сыскать знакомых с ханами? Хе-хе... Возвернёшься ко мне, Олександр? Не обижу! И Вахрамея пристроим.

Друзья переглянулись, и монах выразил общее мнение:

— Отчего ж не пойти? Жить-то надо.

— Добро! — энергично кивнул князь.— Становитесь в строй.

«Мунгал» с «Монахом» скромно пристроились сбоку от дружины, разворачивая коней к югу.

Дружинники поглядывали на новеньких с любопытством, но своих разговоров не прерывали.

— А зря Василька Константиныча загубили,— брякнул молодой воин, рыжий и конопатый.

— Тише ты! — сердито цыкнул на него пожилой воин, без бороды, но с седыми усищами, спадающими на грудь.

— Говорят, это наш князь нашептал Гуюк-хану,— не унимался молодой,— ну, что Василько увёл пару возов дани, везомой для мунгалов. А хан-то осерчал, да и велел Константинычу голову с плеч...

— Ты заткнёшься или нет?! — яростно зашипел пожилой усач.— Хочешь, чтоб и твою снесли?

— Дурак был Василько,— заявил подъехавший Сатмаз,— вот и лишился головы. Чего было на Сить переться? Звал же его Ярослав Всеволодыч! Так нет же, Ростов свой бросил и помчался дядьку выручать! Нашёл кого...

— Да уж...— буркнул пожилой.

— Так что там, на Сити, приключилось? — осмелился Пончик задать вопрос.— Сеча была?

— Сеча? — переспросил молодой, глумливо ухмыляясь.— Да уж, посекли мунгалы здорово! Вся река, сколь мы не проезжали, кровью замарана!

— Полки там посекли,— пробурчал усач,— а все князья живы-здоровы остались. И Святослав, и Всеволод, и Владимир...

— Иван тож,— подсказал молодой.

— И этот... Одному Васильку не повезло [1]. Ну и великому князю, конечно.

— А это правда,— продолжил расспрашивать Пончик,— что Ярославу Всеволодовичу ярлык дали на княжение?

— Правда,— буркнул пожилой и посмотрел на Шурика с подозрением: — А тебе-то сие откуда ведомо?

— Оттуда! — дерзко ответил Александр.— Евпатий Коловрат поведал. Угу...

— Так жив ещё Львович? — оживился усач.

— Сгубили Львовича,— жёстко сказал Пончев.— И всю его дружину положили. А дрался Евпатий так, что даже монголы воздали ему воинские почести, а всем, кто выжил в бою том, вручили пайцзы. И нам с Вахрамеем досталось.

Пожилой глянул на Пончика с уважением.

— Да-а...— вздохнул он.— Пал, значит, богатырь... А где это было-то?

— А на Трубеже, не доезжая Переяславля-Залесского.

— Ежели с полудня следовать,— подал голос Вахрамей.

— Ясненько...

«Ясненько ему...— подумал Александр.— А вот мне ничегошеньки не ясно». Как быть? Что делать? До сих пор решали за него. Самостоятельно он лишь до Рязани добрался, а потом — понеслось... То с Романом свет Ингваревичем следует, то со Всеволодом свет Юрьевичем бежит, то с Евпатием свет Львовичем атаку отражает... А теперь, значит, Ярославу свет Всеволодовичу служит по новой. Зачем, спрашивается? Вообще, есть ли хоть какой-нибудь смысл во всём этом круговороте смертей и жизней? И где его место, Александра свет Игоревича? Где ему самому устроиться в этом мире, куда его занесло против воли и всякого желания? Как жить дальше? Для чего? Добиваться ли ему высот или продолжать плыть по течению, аки палый лист?

— Слышь-ко,— окликнул он друга,— а у тебя есть цель?

— Чаво? — не понял монах.

— Цель у тебя есть, спрашиваю? Ну, чего ты хочешь добиться в жизни? Чего достичь?

Вахрамей задумался.

— А чего тут достигнешь? — пожал он плечами.— Вот, будем мы при князе, и ладно. Ни холода не узнаем, ни голода. Чего тебе ещё?

---

[1] Василёк Константиныч, бежавший с Сити в Шеренский лес, был пойман монголами и казнён.

«И вправду,— подумал Пончик,— чего мне ещё? Мало разве просто жить — вкусно есть, сладко спать, исполнять непыльную работёнку? А что? Найду себе девку красную, избу выстрою, детей заведу... Пятерых, как минимум, и чтобы все дочки. Буду не ходить по улице, а выступать важно, в шубе дорогой, а все тебе кланяются, всё норовят в друзья пристроиться к самому боярину Олександру, верному слуге князеву...»

И стало Шурику так тошно, что он скривился.

Шла тысяча быстро, торопился Ярослав Всеволодович место великого князя занять. И вот он, Владимир-Залесский, поднял купола свои над лесами и пажитями.

Золотые луковки церквей весело блестели на фоне ясного неба, а из-за чёрных-чёрных стен чёрного-чёрного города выглядывали чёрные-чёрные срубы. И тишина...

— Эва как...— выразился великий князь.— Постарался Батыга, ничего не скажешь.

— Люди-то есть хоть? — робко вопросил князь Святослав, следовавший за братом.

— Скоро узнаем!

И тысяча порысила вперёд, к Медным воротам Владимира. Ломаные створы, вышибленные монголами при штурме, так и валялись под сводами воротной башни, и кони гулко протопотали по золочёным медным листам, набитым на деревянные плахи.

От ворот дорога вела вдоль стены, разгораживавшей Новый и Средний город. Стена тянулась слева, а справа открывался безрадостный вид на пожарище — всюду сажа зачернила снег, всюду угольев груды, да печи торчат среди развала обгорелых брёвен. Одни Золотые ворота выделялись белизной, да и те копотью тронуты изрядно.

— Ништо, ништо,— бодро проговорил Ярослав Всеволодович.— Леса много, отстроимся!

Людей видно не было, пока тысяча не одолела Торговые ворота. Средний город сохранился на диво — добрая половина домов стояла в целости и сохранности, разве что крышу спалило кое-где.

Пончик всё оглядывался, людей отыскивая. Когда он покидал Владимир, повсюду мертвяки лежали, а ныне ни одного тела не заметишь. Прибрали, видать.

— Гляди-ко,— пробасил Вахрамей радостно,— никак игумен наш!

Александр пригляделся. Точно, навстречу плёлся старец в чёрной рясе, опираясь на посох. Завидев дружину. он остановился, выпрямляя согбенную спину.

— Ты ли это, Вахрамей? — спросил он, мелко тряся головой.

— Я, отче!

— Жив, значит... А это кто с тобой? Уж не князь ли Юрий Всеволодович?

— Всеволодович,— подтвердил князь, покидая седло,— только не Юрий! Ярослав я, великий князь владимирский.

— Ишь ты,— сказал игумен равнодушно.— Хоронить наших мертвецов явился?

— И хоронить тоже,— проговорил Ярослав Всеволодович ровным голосом, не желая бранить божьего человека.

— А мы тут, пока тебя не было,— продолжил отец Мокий,— всех подобрали, кого нашли. Ждём денёчков тёплых, чтобы скудельницы [1] рыть... Пойдём, великий князь...

Ярослав приосанился и повёл коня следом. Идти пришлось недалеко — к соляным амбарам, большим, приземистым складам. Внутри, под провисшими потолками, стоял мороз, на солнце почти незаметный. Здесь они и лежали, убитые и угоревшие, все, кого смогли отыскать не по частям.

Сотни и сотни мёртвых тел были уложены штабелями, составляя ужасную поленницу смерти. Их открытые, замёрзшие глаза блестели стекляшками, а скрюченные белые пальцы словно пытались ухватиться за жизнь и свет, удержаться, не кануть в чёрную-чёрную бездну... Увы, безносая не зачла их попытку.

Потрясённый Пончик разглядывал ряды и ряды аккуратно сложенных трупов и никак не мог оторваться от кошмарного зрелища.

— Вся братия таскала их сюда,— проскрипел игумен.— Нагрузим телегу и тащим... Это не все, тут ещё есть, рядом и подальше. Мы их и в клетях складывали, и в амбарах, что уцелели, в избах выморочных...

— Всех похороним,— глухо проговорил князь,— всех земле предадим, соблюдём христианский обычай.

Встряхнувшись, он вышел вон. А снаружи понемногу собиралась толпа из тех, кто уцелел, кто бежал вовремя, а после вернулся. Люди подходили и подходили, а великий князь всё прямил и прямил спину.

Когда народу собралось вдвое больше, чем бойцов в дружине, Ярослав Всеволодович вскочил на коня и вытащил из-за пазухи ханский ярлык — длинный свиток с печатью Батыя, большой, квадратной, красными чернилами исполненной. Развернув свиток, князь поднял его над собою и громко оповестил владимирцев:

---

[1] *Скудельница* — братская могила.

— Это — ярлык на княжение, данный мне ханом Батыем! Отныне никакому князю не будет дозволено занимать престол по своей воле, злой или доброй, а лишь с позволения великого хана Белой Орды!

Толпа зароптала. Пончик приглядывался к лицам, но не заметил на них ненависти к поработителям или гнева народного — люди устали, им бы зиму перезимовать, хлебца поесть, а ежели с молочком, то чего же лучше?

— Разбили князя Юрия Всеволодовича,— продолжал Ярослав,— разбили брата моего, и поделом ему! Вона, ростовцы не стали ханам перечить, приняли их, одарили хлебом, отдали десятину, и цел их город! И Переяславль уцелел! И Углече Поле! Смириться следовало братцу, перед такой-то силищей. Смириться, а не гордыню тешить, не город свой бросать, вас всех отдавая на поругание и гибель!

Александр прислушался — ропот в толпе ходил одобрительный.

— А теперь я взвалил на свои плечи тяжкую ношу,— окреп голос великого князя,— нынче я должен, перед Богом и людьми, поднять Владимир из гари, укрепить город заново, населить его! Легка ли задача? Ох, как трудна! Но надо же кому-то этим заниматься? Не бросать же Владимир впусте?

— Нет! — послышалось из толпы.— Не бросай нас, княже! Володей нами!

— Слава великому князю Ярославу Всеволодовичу! — крикнул Сатмаз, пробравшись в задние ряды.

— Слава! — грянул народ.— Исполать тебе, Ярослав Всеволодович, великий князь!

И народ дружно поклонился в пояс новому правителю.

В тот же день закипела работа: верховых лошадей заставили волочить прочь из города обгорелые брёвна, сотни мастеровых людей чинили ворота, ладили новые заборола, расчищали рвы от наваленных деревьев, чтобы потом стволы дубков да берёз на дрова пилить.

А из дальнего леса за Лыбедью везли на телегах в город ошкуренные брёвна, и вот уже в самом Владимире бодро застучали топоры, вот сиротливо торчавшие печи начали обноситься новенькими венцами, словно размечая план нового поселения, краше прежнего.

Вахрамей так и не вернулся в обитель — носился с Пончиком по всему городу, исполняя волю князеву.

А ближе к субботе прибыли баскаки[1] из Орды — следить, чтобы вся положенная дань была собрана да в целости и сохранности отправлена в Сарай-Бату. Было их четверо — один татарин и три монаха — двое русских видом, а в третьем Пончик с изумлением узнал барона Гийома де Танкарвиля. Лицом милорд усох, обретя внешность аскета-отшельника, но глаза горели по-прежнему.

Представляясь князю, барон сказал:

— Брат Вильгельм, смиренный слуга Господа.

Барон был при татарине за переводчика-терджумана, а заодно и за писца-битикчи. Низко поклонившись молодому ещё, осанистому монголу, он титуловал его:

— Нойон Амирхан, великий баскак!

Амирхан небрежно склонил голову и проговорил с ужасающим акцентом:

— Менду, хоняс Ира-сылау!

Ярослав Всеволодович поклонился нойону с некоторой растерянностью во взгляде.

— Отсюда, из Владимира,— продолжал Гийом,— Амирхан будет следить за княжеством и собирать «ордынский выход»[2]. Он назначит малых баскаков в Суздаль и Ростов, Москву и Тверь, Ярославль и прочие города этой страны. Здесь, во Владимире, будет располагаться дворец великого баскака.

Познакомив присутствующих со своим господином, брат Вильгельм вывел на свет монахов.

Оба приземистые и полные, монахи походили друг на друга, как двойняшки, но отличались темпераментом — брат Михаил выглядел энергичным, бодрым и жизнерадостным, а брат Николай, похоже, происходил из редкостных лентяев, был склонен к лёгкой меланхолии и глубокой задумчивости.

С достоинством оглядев баскаков, Ярослав Всеволодович представил им Пончика, отрекомендовав как Олександра, слугу княжьего, и поручил его заботам посланцев Орды.

— Проведёшь их по всем погостам,— велел великий князь,— в Суздаль сводишь... Вахрамея своего прихвати, а я Сатмаза с тобой пошлю, а то народ тут злой, жадный. Не то что за десятину — за тысячную долю удавится!

---

[1] Собственно, термин «баскак» ордынцами не использовался. Человека, приставленного к князю следить за выплатой дани, называли «даруга» (или даругачи), но не будем нарушать традиции, чтобы не запутаться. Кстати, среди баскаков хватало и «оросов», и выходцев из Средней Азии.

[2] *Ордынский выход* — так называлась дань Орде.

— Всё исполню, княже,— поклонился Шурик, холодея в душе.

А делать-то нечего. Заришься на шубу боярскую? Изволь отрабатывать будущее возвышение...

Начали в тот же день. Покинув Печерний город, баскаки проехали в Ветчаной. Посланцев сопровождала сотня Сатмаза, сменившего Акуша в чине окольничего, и Пончик с Вахрамеем.

— Как будто в полюдье отправились,— ворчал Вахрамей.

— Полюдье и есть,— сказал Александр,— мы же, как-никак, десятину собираем. Угу...

— Для кого?

— Не для кого, а куда. В Орду.

— То-то и оно, что в Орду. А придёт время князю дань собирать, что ему достанется? С погорельцев-то? А? Ох, чую я, будут нам хлопоты... Да что — хлопоты! Тут и прибить могут, никакой Сатмаз не спасёт. Распнут нас и скажут, что так и было!

— Не распнут...— сказал Пончик без большой уверенности.— Угу...

Ветчаной город представлял собой сплошное пожарище — одни печи торчали, как памятники на кладбище. Два-три дома уцелело чисто случайно, и жили в них как селёдки в бочке — не повернуться. А бездомные пристроились кто куда — по банькам расселились, по сарайчикам, кто из брёвен обгорелых наскоро избёнку соорудил, кто и вовсе в шалаше жил, на лесоповале надрываясь, ошкуренные брёвна тягая и венцы выкладывая без продыху.

Хоть и март был на дворе, а снег и не думал сходить, и лёд на Клязьме держался крепко. Солнце вроде и ярко светило, но морозец щеки пощипывал, будто напоминая — весна весной, а и зиме ещё не конец. Оттого и народу много слегло — пережившие пожар и разорение хворали через одного, лишившись тёплого угла, простужались, чахли. Отболевших своё не хоронили, оттаскивали к тем, кто с февраля дожидался ростепели в амбарах да клетях. А тут и голодуха ещё — тех, кто с утра себе болтушку из муки делал, чуть ли не за богатеев держали. Иным и того не доставалось.

Пончику было очень стыдно за свой упитанный вид перед мужиками и бабами, поднимавшими заново Ветчаной город. Люди смотрели на него, на баскаков, на бойцов Сатмаза с усталой покорностью — не знали, так чуяли, по какой надобности к ним княжьи слуги явились. Небось не с помощью пришли, а как всегда — последнее отнять.

— Это баскаки хана Батыя,— с неловкостью сказал Пончик,— они проследят, чтобы десятину взимали по справедливости и никого не обошли...

— Ага,— кивнул нечесаной головой мужик в худом армячишке, топчась в рваных лаптях,— три шкуры сняли, за четвёртой пришли. Погодили бы чуток, не отросла ишшо!

— Поговори мне ещё! — прикрикнул на него Сатмаз.

— Не беспокойтесь, люди добрые,— расплылся в улыбке брат Николай, зажурчал: — Мы ж не грабители какие, не звери, видим, что трудно вам, и отдавать нечем. Пока. Мы попозже с вас спросим, к осени ближе...

— Но тогда уж не обессудьте,— развёл руками брат Михаил.

Гийом лишь покивал согласно и передал Пончику пожелание нойона Амирхана:

— В Суздаль.

— Едем,— сказал Александр. Он всё ломал голову — признал ли его барон или, как и князь, подзабыл? Гийом же ни словом, ни взглядом не подавал и знака малого о былом знакомстве.

Выехать из Ветчаного города можно было в любом месте — ничто не загораживало дороги. Ни домов нет, ни частокола на валу, а ров так плотно забило снегом, что копыта коней почти не увязали в нём.

И отправилась вся кавалькада в Суздаль.

«Что же это такое творится,— в унынии и растерянности думал Пончик,— Олега ругал, предателем обзывал, а сам? Я же к князьям шёл помогать, народ спасать от погибели! А выходит, что пособничаю обирать его... И кто я после этого?..»

— Не, не полюдье это,— молвил Вахрамей.— Всё как-то не по-людски.

— Можно подумать,— фыркнул Пончик,— прежний-то князь стеснялся подати собирать.

— Да уж куда там! Стеснялся он... Всё вытрясал, что было, ещё ты и должен оставался. Но баскаки... Уж на что князя не любили, а на баскаков ещё пуще злобиться будут!

За голыми деревьями, за снежной равниной с полосами голой чёрной земли, показался Суздаль — белокаменные стены, колоколенки, приземистые палаты. Небо прояснилось, и город смотрелся как на картинке, веселенький такой городишко. А вот населению его не до веселья было. Хоть и устояла при пожаре большая половина домов, а только в них голо было и пусто. Печи-то растапливались, тепло шло, а ставить в печь было нечего. Жили случайными находками да заначками — кто от монголов зерна припрятал мешочек-другой, кто сальца утаил шмат добрый, а чаще всего на стол репа попадала. Вот и вся еда.

Купечество-то, хоть и перепуганное, а оправилось быстро, подсуетилось, клады отрыло, по глухим селам прошлось, сменяло на деньгу припасов разных. О боярах и речи нет, а что маленьким людям делать?

Где пропитания искать? Летом-то способнее будет — и ягода пойдёт, и грибочки, поля-огородики, так ведь до лета ещё дожить надо. А как?

Народ уже будто ждал прихода баскаков — большая толпа скопилась за расколоченными и до сих пор не починенными воротами Суздаля.

— Княжье дело! — громко оповестил всех Сатмаз.

Пончик храбро въехал в город, направляясь к толпе, но тут Гийом решительно выступил вперёд.

— Здравы будьте, суздальцы,— поклонился он шумному сборищу, и люди начинали смолкать, с удивлением и неприязнью поглядывая на чужаков.— Мы баскаки, посланы ханом Батыем собрать с вас десятину, что полагается Орде...

— А вот вам! — завопила худая старуха в богатом тулупе, с распущенными седыми космами, и показала баскакам кукиш.— Вот вам, а не десятина! Ишь, чего захотели! Вы же всё, всё вынесли от нас, ничего не оставили! Десять десятин отобрали сразу, а вам всё мало?!

Пончик не нашёлся что сказать, поглядел на монахов, но те подняли очи горе́.

— Доколе? — пробасил плотный купчина.— На нас напали! Лишили добра! Кто вступился за нас? Никто! А теперь заново пришли? Да что ж это такое!

— Душегубцы проклятые! — заголосили в толпе.— Креста на вас нет!

— Да откуда у них крест-то, у поганых?

— Кровь нам пустили, а которая осталась, выпить хотите?

— Мы-то думали, что всё — обобрали нас и ушли. Куда там! Они теперь всю жизнь будут из нас соки тянуть!

— Упыри!

— Вурдалаки!

— Молчать! — сказал Гийом, да с такой лютостью, что даже купчина, мужик крепкий, оробел не на шутку.— И слушать! Десятину заплатят все до единого. Вот перед вами великий баскак Амирхан, он послан Батыем следить за князем владимирским и за всем княжеством его. И никто из вас не посмеет уклониться от обложения данью! Не найдёте серебра или золота — заплатите мехами. Нет мехов — отдадите зерном, кожами, воском. Ничего у вас нет — расстанетесь с детьми своими!

Оглядев оробевшую толпу горящим взглядом ярых глаз, барон милостиво кивнул.

— Малым баскаком в Суздале,— сказал он обычным голосом,— Амирхан ставит брата Николая.

Монах скромно потупил глаза. Толпа молчала, переминаясь. В иное время люди бы просто растерзали баскаков, суздальцы — народ гонористый, драчливый, за себя всегда постоять могли. Но то

буйство, тот разор, что монголы учинили при захвате Суздаля, всё ещё рождали страх и ужас, довлевшие над душами, заставлявшие горожан цепенеть и покоряться. Суздальцы посматривали на баскаков с ненавистью, с бессильной злобой — и опускали глаза, пряча их, утыкая в землю.

Тут Амирхан встрепенулся, оглядел собравшихся и что-то быстро проговорил Гийому. Тот низко поклонился и повернулся к суздальцам.

— Великий баскак владимирский не желает насильно набирать воинов в своё войско,— проговорил барон,— и предлагает охочим людям мужеска пола, здоровым и сильным, самим пойти к нему на службу.

Толпа зароптала, и даже бойцы из сотни Сатмаза переглянулись.

— А много ли достанется ратнику от Амирхана? — послышался голос из задних рядов.

— Достаточно,— увесисто сказал Гийом.— А десятникам, сотникам, тысяцким и темникам — ещё больше. Будете стараться, и великий баскак воздаст вам по заслугам и славе!

— Тысяцкие?! — охнул тот же голос сзади, и вперёд пробился крепенький мужичок, ладный и налитой здоровьем.— Это что ж, у великого баскака такое огромное войско будет?

— Будет.

— Тогда я первый! — заявил мужичок.— Записывай! Прохором меня кличут, а прозывают Дергуном.

Гийом перемолвился словом с Амирханом, и тот оскалился. Достал из-за голенища швырковый нож и протянул его Прохору, указывая на берёзу, что росла шагах в десяти.

— Ага,— принял нож Дергун.— Тогда смотри, мунгал, каково это, ножи кидать. Вона, где сучок!

Прохор подбросил нож на ладони, словно взвешивая, и с силой метнул его — клиночек вошёл глубоко в ствол, рассекая сучок пополам. Амирхан поцокал языком и кивнул: годен!

Больше никто не вышел добровольцем, и тогда Амирхан сам прошёлся вдоль неровного строя суздальцев. Люди пятились от великого баскака, а тот, не испытывая ни страха, ни смущения, придирчиво оглядывал мужиков и парней и тыкал пальцем в грудь того, кто ему приглянулся.

Всякий раз Сатмаз кричал зычно:

— Выходи! Стройся!

Новобранцы почти не сопротивлялись. Некоторые, конечно, кочевряжились, и таких дружинники выволакивали, скручивая руки до хруста.

— Сказано тебе — иди,— покрикивал Сатмаз,— значит, иди! Не кобенься зазря!

В толпе поднялся ропот, вознеслись крики, плач послышался, а рекруты Амирхана, бледные и встопорщенные, неловко строились, образуя первые десятки армии великого баскака.

— Так он и князя пригнёт,— негромко сказал Вахрамей.— Силу такую возымеет, что Всеволодыч и до ветру сходить не сможет без позволения Амирхана!

— Ты прав,— мрачно согласился Пончик, понимая, что стоит у начала создания самой настоящей оккупационной армии. Ярлык на княжение... Ха! Что проку с того ярлыка? Не великий баскак будет при князе, а князь при Великом баскаке. Не в княжеском дворце станет решаться судьба княжества, а в резиденции Амирхана [1].

И кто он сам, Александр Игоревич Пончев, в свете новых веяний? Слуга князев? Вроде так. А князь — слуга Орды.

Простейший силлогизм получается — он, Шурик Пончев, прислужник ордынцев! Типа, полицай при оккупантах. Дожил...

Вернувшись во Владимир, Амирхан обошёл Новый город и подыскал себе ладный терем, рубленный в два этажа, с башенками по углам, с галереями-гульбищами да балкончиками. Ранее терем владыка Митрофан занимал, архиепископ владимирский. Пожар почти не затронул хоромы, лишь кое-где до стен дотянулся, лизнул пламенем.

Неудобно было Амирхану в комнатах устраиваться, непривычно, не по обычаю, но приказу Батыя перечить не станешь — надо так надо. И великий баскак решил привыкать к оседлой жизни постепенно. Для начала он приказал на ковёр, раскатанный в трапезной, уложить побольше войлоков, подушек раскидать. Чтобы можно было поесть по-человечески, сидя на полу, а не за столом, как у оросов принято. Обычай перенимать надо, кто спорит, но спешка нужна лишь при ловле блох и при поносе...

...Пончик взошёл на крыльцо епископских палат, нынче резиденции Великого баскака, и прошёл мимо хмурых стражей-копейщиков из тех, что набраны были в Суздале. Воины выглядели странно — оба в кольчугах, в шлемах-шишаках, а сверху — халаты синие, кушаками затянутые, и сабли на боку. Полуоросы-полутатарины.

Пройдя в обширную гридню, где Митрофан обычно гостей принимал да советовался с лучшими людьми города, Пончик застал там одного Гийома.

---

[1] Позже Амирхан настолько приживётся во Владимире, что покрестится и станет Захарием.

Барон сидел за столом в белой тунике да в белой же пелерине с откинутым капюшоном и пил чай — дул на него, смешно надувая щёки, и смачно прихлёбывал.

— Приятного аппетита, милорд,— брякнул Александр.

Барон покивал ему благожелательно, вовсе не походя на того злобного Кощея Бессмертного, каким предстал пред жителями Суздаля.

— И вам те же пожелания,— чопорно ответил брат Вильгельм.— Чайку?

— Не откажусь.

Брови Гийома задрались.

— Удивлён,— признался он.— Русы не знакомы с чаем и воспринимают сей благостный отвар с превеликим подозрением.

— Я знаком,— буркнул Пончик.

— Прошу прощения за то, что сделал вид, будто не признал вас, Александр,— церемонно сказал барон.— Не время было и не место. Хотя, признаться, рад был увидеть вас во здравии — и при князе. А что поделывает друг ваш, Олег?

Шурик кратко изложил события прошлой осени и истекшей зимы.

— Рад за него,— искренне выразился Гийом.— Я-то сразу приметил, что Олег к князьям вашим относился без особого уважения.

— Просто Олег привык к строгому порядку и жёсткой воинской дисциплине,— проговорил Пончик, то ли защищая, то ли оправдывая друга.— А князья... Да вы же и сами всё понимаете! Не то что в Орде... Угу.

— О, да,— кивнул Гийом.— Орда — это железная дисциплина и строжайший порядок. Чингизидам досталась самая могучая в мире армия, непобедимая и всёсокрушающая. М-да... Хотите услышать о моих приключениях?

Пончик, набрав полный рот чаю, лишь кивнул.

— Пейте, пейте,— сказал Гийом и задумался.— Чай хорош, и весьма.

Напиток и впрямь был душист и вкусен. Подвяленные листья развернулись в кипятке и слабо окрасили настой, но запах приятно щекотал ноздри. Прихватывая медку, Александр хлебал чай, а барон повёл свой рассказ.

— Когда на Днепре сошёл снег,— начал он,— я пристроился к купцам и вместе с ними доплыл до Херсона. Там-то я и повстречал брата Рогерия...

Пончик едва не подавился чаем.

— Конвентуального приора?! — воскликнул он.

— Вы знали Рогерия? — удивился Гийом.

— Я похоронил его,— увял Александр.— Он умирал от ран и холода в рязанских лесах. Надеюсь, что волки не отыщут его могилы...

Барон перекрестился.

— Тогда вам будет легче понять меня,— сказал он и продолжил: — Именно через брата Рогерия я и был приобщён к делам доминиканского ордена и принял имя Вильгельма, а зимою послали меня в Сарай-Бату, в столицу Белой Орды. Это удивительный город, где есть улицы, но нет домов, только юрты, но уже строятся храмы и дворцы. Там я пристроился к нойону Амирхану, ещё не зная, какое возвышение ждёт его. И вот я здесь.

— А что Амирхан желает делать дальше? — спросил Пончик.— Куда направиться?

Гийом понятливо кивнул.

— Нынче везти дань в Орду не получится,— сказал он.— Скоро снег рыхлеть начнёт, земля размякнет — и сани не проедут, и телеги застрянут. Ждать надо тёплых дней, лета ждать. А пока собирать «ордынский выход», копить его до времени...— Барон отставил чашку и утёрся.— Мне так кажется, Александр, или вам на самом деле не по душе служить при великом баскаке?

— Честно?

Брат Вильгельм кивнул.

— Не по душе,— признался Пончик, не ощущая особой враждебности со стороны Гийома.

— Ага,— кивнул тот.— А почему?

— Странный вопрос,— пожал Шурик плечами.— Сперва пришли захватчики, разграбили города наши, пожгли, а теперь хотят тут устроиться прочно и надолго, чтобы уже не разом добычу брать, а постепенно добро вытягивать. Вроде как десятина и не великая дань, а всё ж иго... Этак, за десяток-то лет, можно серебра больше выкачать, нежели за один набег! Угу...

— Верно,— тонко улыбнулся Гийом.— И что же вам в том не нравится?

— Мне не нравится, что всё это серебро уйдёт в Орду!

— Вот оно что...— затянул доминиканец.— Значит, если бы оно осталось во владимирской земле, лучше было бы?

— Наверное!

— Нет, не лучше! — жёстко сказал барон.— Или вы не знаете, на что князья подати тратят? Пропивают их да проедают. Прогуливают! Раздаривают! А с той десятины, что «ордынский выход» составит, часть пойдёт на содержание ямов, на устройство мостов и на прочие полезные дела. Разве князья содержали дороги? Да у них и дорог-то не было приличных! Разве не так?

— Всё так, но...

— Понимаю, понимаю! Вам не по душе, что власть ордынская распростёрлась над землями русов. Да? А вам не кажется, что пришлые владыки устанавливают свою власть там, где местные правители слабы и беспомощны? Князья русов растратили силы в кровавых дрязгах, вот их теперь и щиплют баскаки, как кур! Да, щиплют, да, отнимают яйца. Но и хорьков кровожаждущих не пропустят в курятник! Я понятно выражаюсь? Вам доступно сравнение с хорьками? Знаете, кого я имел в виду?

— Догадался,— буркнул Пончик.— А сами-то вы как, ведь вы же не монгол? Приятно ли вам служить Орде?

— Я служу не Орде, а ордену. Впрочем, и ханам я пользу приношу немалую. Вы тут убивались насчёт сожжённых городов и весей, а много ли их уничтожено ордынцами? От силы десяток крепостей. А на Руси городов и городишек — четыре сотни! Это разве война? Это разве уничтожение? Хан Батый всего лишь пугает русов, принуждая тех к повиновению, и оно им на благо, коли сами не в состоянии править в единстве! Уж мне-то можно верить. Я — англичанин. Уж кто-кто, а англичане познали, что есть иго! В давние времена на островах наших жили пикты[1]. Воинственные бритты перебили их множество, а уцелевших загнали в северные горы, безрадостные и бесплодные. Потом пришли римляне и подмяли бриттов. Те не хотели римского порядка, но их никто и не спрашивал. А уж как бритты были против ухода римских легионов! Знали, что придёт конец миру и всем удобствам, что окружали их в период империи. И точно! Ушли легионы — и тут же случилось нашествие. Орды англов и саксов набросились на Британию. Король Артур, служивший в римском легионе, сплотил бриттов, дал отпор захватчикам, но ненадолго. Умер Артур, и англосаксы овладели Британией, превращая её в Англию. Однако и их торжество было не таким уж и долгим — Вильгельм Завоеватель высадился на наших берегах, притесняя и угнетая англосаксов. И кого мне винить? Кого счесть потерпевшей стороной? Во мне слились крови саксонская и норманнская, и капли бриттской примешаны. Так кто я? Жертва нашествия? Или потомок победителей? Нет, Александр, не вам гневить Бога утверждениями об иге! Да и кто ж вам виноват? Не сумели распорядиться своею волей — живите тогда в неволе, а распоряжаться станут за вас. Вкус свободы сладок, но не все достойны насладиться ею.

---

[1] Предположительно — остатки докельтского населения Британии.

— А зачем вам тогда князь? — спросил Пончик агрессивно.— Ведь тут всем будет Амирхан заправлять! Ведь так?

— Так,— легко согласился Гийом.— Великий баскак станет приказывать, а князь — исполнять. А то, что он сам пожелает содеять, сотворит только с позволения Амирхана. Затеет князь войну, скажем, а великий баскак ему запретит. Или разрешит, это уж как получится. Вот, задумал Бату-хан войной на Венгрию идти, на Польшу и прочие страны христианские. И воины Ярослава Всеволодовича двинутся вместе с нукерами.

— И вы не противитесь угрозе нашествия, как Рогерий?

— Не говорите о том, чего не знаете,— строго сказал Гийом.— У нас с приором разные задачи, но единая цель, о коей позвольте промолчать. И вы зря истязаете свою душу видениями мук народных! Поверьте, при ханах людям будет жить не хуже, чем при князьях. Может, и лучше. Это князья думают, что власть останется у них, разве что ярлыки получать придётся. Однако хан волен и дать, и отнять ярлык, если сочтёт, что князь, отмеченный им, не достоин доверия Орды. Да и не все земли окажутся под властью князей, появятся огромные территории, где ханы станут править напрямую, а население будет избирать ватаманов и тивунов [1].

— Ужас...— пробормотал Пончик.

Гийом весело рассмеялся.

— Вы бледнеете от ужаса там,— сказал он,— где впору краснеть от стыда! За себя, за народ свой и правителей его! Отрешитесь от земного, Александр, и тогда вам станет доступна высшая правда. А пока готовьтесь — великий баскак желает проследовать в Юрьев-Польский.

— Всегда готов,— буркнул Шурик.— Угу...

В Юрьеве-Польском тоже хватило шуму да суматохи. Жители не слишком-то и пострадали от набега, наверное, именно поэтому и высказали всю свою строптивость. Страсти вскипели до того, что разъярённая толпа накинулась на баскаков. Однако Амирхан умел набирать бойцов в свои охранные отряды — рекруты выступили на защиту великого баскака и его подручных. Человек десять зарубили или прободали копьями, а прочие живо присмирели. И склонили голову, гадая, кто же ими правит — великий князь или великий баскак?

---

[1] Выборные должностные лица в ордынской администрации на местах. От слова «ватаман» произошло привычное нам «атаман», а «тивун» — это, скорее всего, переиначенное «тиун». Ватаман исполнял обязанности старосты, а тивун — судьи.

Ярослав Всеволодович тоже зря не сидел — укреплял власть на местах. Святослава он в Суздале пристроил, Всеволод в Ярославль вернулся. А тут как раз епископ Кирилл, проезжая из Белоозера по Сити, привёз в Ростов тело убиенного Юрия Всеволодовича и положил его в Успенском соборе [1]. И вот израненный князь Владимир Константинович собрался с духом и силами, чтобы вернуться в Белоозеро.

Ростов, правда, остался под властью Бориса и Глеба Васильковичей, малолетних сыновей казнённого князя, от имени которых правила мать их, княгиня Мария Михайловна, но великий князь тому не противился — племяннички всё ж, не чужие люди.

Спокоен был Ярóслав Всеволодович за княжество, доставшееся ему от щедрот Бату-хана, но одна забота всё же глодала его сердце — тревожился великий князь за сынка своего, Олександра, посаженного в Господине Великом Новгороде. И послов монгольских принимал Олександр Ярославич, и поучениям отеческим внимал, однако лет князю новгородскому всего шестнадцать исполнилось. Не взыграет ли юная кровь? Не затмит ли она здравый рассудок? Не возгорится ли сердце князево гневом? Не отринет ли Олександр советов мудрых, не разорвёт ли союза с Ордой? Как тут спокойным быть?

И не вытерпел Ярослав Всеволодович, вызвал к себе другого Олександра, по прозвищу Мунгал, и передал ему письмо, сыну отписанное.

— Сослужи службу как князю и как отцу, сердце которого изболелось,— сказал он прочувствованно.— Вот письмо, доставь его в Новгород Великий и передай лично в руки сыну моему, князю Олександру. Коней дам тебе добрых, можешь товарища взять с собою, а вот это прихвати непременно.— Ярослав протянул Пончику золотую пайцзу с изображением парящего кречета.— Поезжай немедля, держись Серегерского пути — через Тверь езжай, через Торжок. Понял?

— Так точно! — молодцевато ответил Александр, заметил лёгкое недоумение на лице великого князя и тут же поправился: — Всё исполню в точности! Угу...

— Ступай с Богом...

Вечером того же дня Шурик и Вахрамей покинули Владимир. На Пончике была роскошная шуба, жаль, обтянутая тяжёлой кольчугой. Но Александр терпел такую тяжесть — вес внушал ему мысли о безопасности. Попробуй, продырявь такую-то броню! Вахрамей, при

[1] Ярослав Всеволодович лишь в 1239 году смог присоединить к телу своего брата отсечённую голову, чтобы торжественно захоронить его.

его-то габаритах, и вовсе богатырём выглядел — как глянет, как брови насупит... Поневоле коленки дрогнут!

Службу Александр исполнял справно, мчался, останавливаясь для того лишь, чтобы перекинуть седла с уставших коней на свежих. И снова в путь.

Миновав сожжённую Тверь, Пончик и Вахрамей направились к Торжку.

Глава 23,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ СПАСАЕТ КРАСАВИЦУ ОТ ЧУДОВИЩА

Всё началось с того, что Сухов набрёл на прямую тропу. По пути с Сити он вышел в пределы Бежецкой пятины, одной пятой коренных земель новгородских, и был настороже — ждать ли ему, что Бэрхэсэчен в погоню бросится? Неясно, впрочем, что с того? Одинокий посланник Бурундая подвержен всем опасностям и превратностям лесной дороги, вернее, бездорожья.

И вдруг, после стремительных бросков по замёрзшим речкам, после долгих плутаний в дебрях, Олег выбрался на тропу, более-менее прямую, ведущую на юг.

Сторожко приглядываясь, он направился по открывшейся дорожке. Тишина в лесу стояла полная — зверьё попряталось, птицы ещё не вернулись из полуденных стран. Даже ветра не было, лишь изредка шумок проходил по верхам, и всё стихало.

Кони бодро хрупали по снегу, всадник качался в седле, прикидывая, сколько ему ещё качаться и трястись. Тропа помаленьку стала отходить западней, но Олег не сошёл с неё — направление, в общем, выдерживалось, и ладно, а уж с какой стороны он прибудет к Торжку, неважно.

— Ничего, чучело саврасое,— похлопал Сухов коня по холке,— доберёмся.

Савраска весело фыркнул, видимо выражая согласие. И тут тропу пересекла другая, поуже. Ясно читались следы копыт, отпечатавшиеся на свежем снегу,— неведомый всадник выехал на тропу пошире и потрусил по ней, далеко обгоняя Олега.

Прикинув, стоит ли продолжать путь в избранном направлении, Сухов решил, что стоит.

Тропа между тем вела в самые дебри, где могучие деревья и не менее могучий подлесок, болота и бурелом не пропустят ни конного, ни пешего.

Выехав к болоту, Олег почесал в затылке. Тут тропа кончалась, но чёткие следы проехавшей лошади вели вперёд ломкой кривой. Видать, всадник знал, куда путь держать. И Сухов отправился по следам, в точности повторяя все повороты. То и дело по сторонам открывались чёрные проталины, над которыми вился парок,— трясина ждала неловкую жертву.

— А фиг вам,— сказал Олег, продолжая двигаться след в след.

А топи жили своей мрачной земноводной жизнью. Иногда до слуха Сухова доносилось сиплое бульканье, и нос вскорости улавливал тошнотворный запах гниения.

Проехав всё болото, Олег с облегчением углубился в лес. Тропы было не видать, но цепочка следов, оставленных копытами, уводила в чащу.

Первый звоночек прозвучал, когда отпечатки вывели Сухова на полянку, посреди которой росло старое дерево, сломленное молнией до половины. Чей-то умелый топор обтесал ствол, придавая ему облик старика с бородой — глаза выпучены, рот раскрыт в злобном окрике и вымазан свежей кровью. Идол.

— Ага...— сказал Олег, соображая. Деревянный кумир был сработан не так уж и давно, древесина едва успела посереть. Значит, что? Значит, не перевелись ещё язычники на земле русской.

Идол будто отмечал появление тропы — узкая дорожка запетляла между соснами, увлекая за собой. И Сухов последовал приглашению.

Вскоре по левую руку от него открылась обширная поляна, вся всхолмленная невысокими, оплывшими курганчиками, чьи подножия были аккуратно обложены камнями. Кладбище.

Ещё проехав немного, с полверсты, Олег попал на полянку поменьше. И тут же понял, что попал он в обоих смыслах — из-за деревьев неспешно вышли молодые, крепкие парни в кожаных доспехах, вооружённые старинными мечами времён Каролингов [1].

Из-за их широких спин выскочила встрёпанная девушка, одетая по-мужски, в меховые штаны и куртку, обильно расшитую мелким речным жемчугом.

---

[1] Франкская династия (VIII—X века). Название происходит от имени Карла Великого (Carolus Magnus), второго и самого выдающегося правителя в династии.

— Я же говорила! — зачастила она.— С самого болота меня преследует!

— На кой чёрт ты мне сдалась? — добродушно сказал Сухов.— Преследовать тебя...

— Между прочим,— вздёрнула нос девица,— я дочь вождя!

— Бедный отец,— парировал Олег,— досталось же ему этакое чадо!

На суровых лицах парней прорезались мимолётные улыбки, затем один из них, постарше, сказал:

— Если ты не следил за Даной, то кто таков есть и куда следуешь?

— А вам, вообще, известно, что за лесом делается?

— Говорят, какие-то степняки напали,— подал голос один из парней, рыжий и с рыжими же усиками,— режут и бьют крещёный мир.

— Нам до того дела нет,— решительно заявил старший.— Так ты не ответил на мой вопрос.

— Зовут меня Олегом, я послан темником Бурундаем к великому хану Батыю.

— Темником? — поразился старший.

— Да, друг мой,— усмехнулся Сухов.— За мною следуют то ли десять, то ли пятнадцать тысяч войска, не считал, а ещё пятьдесят тыщ ныне осаждают Торжок.

Парень нахмурился, соображая.

— Так это что? — сказал он в раздумье.— Выходит, ты со степняками заодно? С язычниками?

— А почему бы и нет? Короче, покажите мне кратчайший путь на юг, и мы с вами разойдёмся по-хорошему.

— А то? — нахмурился старший.

— А то разойдёмся по-плохому. Но к чему вам портить своё молодое здоровье, к чему спешить, загодя в Ирий попадая?

Парни среагировали по-своему — подняли копья, словно прицеливаясь, куда же их Олегу воткнуть.

— Колите! — раздражённо крикнула Дана.— Чего ждёте?

Тут с ветки сорвалась еловая шишка. Мгновенным движением Сухов словил её и метнул в девицу. Шишка больно ударила дочь вождя в лоб. Дана вскрикнула и села в снег от неожиданности.

— Заткнись,— вежливо посоветовал ей Олег,— а то не посмотрю на заслуги твоего отца и сделаю больно.

Старший подумал и решил:

— Едем в деревню. Пускай вождь сам решает!

— Правильно! — облегчённо зашумели остальные.

Сухов подумал-подумал и не стал задираться — слишком уж много желающих ему кровь пустить. Всех не уделать, кто-нибудь, да уце-

леет — и кинется за подмогой. А уж если лесовики здешние пожелают тебя догнать, тебя, отягощенного лошадьми, то они своего добьются. Это в степи без лошади никуда, а в лесу она большая помеха — проедешь не везде, а где сумеешь — не спрячешься.

— Да и чёрт с вами со всеми,— махнул рукой Олег.— Поехали!

Копьеносцы разделились на две группки — одна пошла впереди, другая сзади, а Сухов ехал посередине.

Где-то за спиной у Олега шипела Дана, обещая лично запалить костёр вокруг столба, к которому его привяжут.

— Вижу, что еловая тебе не помогает,— сказал Сухов, не оборачиваясь.— Сосновую кинуть?

— Попробуй только!

Олег как раз проезжал под разлапистым сосновым суком. Шишка там была. Сорвать её было делом секунды. Сухов развернулся, коротко замахиваясь, и Дана тут же пригнулась, обеими руками прикрывая голову. Олег взвесил шишку в руке — увесиста — и бросил её без замаха.

— Лови!

Девица по инерции мысли поймала шишку и тут же отбросила, гневно сверкнув глазами.

— Мало тебя в детстве шлёпали,— сделал вывод Олег,— уж больно своенравна. А сие не от большого ума...

Дана стала искать ответ, достойный дочери вождя, но тут за очередным поворотом показался мощный частокол — брёвна в обхват, с заострёнными концами, были врыты в землю на треть. Ещё выше поднимались колья с нанизанными на них черепами — лошадиными, коровьими, медвежьими. И человечьими.

Ворота были под стать тыну — фундаментальные ворота. Если одну створку уронить — десяток насмерть придавит. В лепёшку.

За воротами открылась деревня — пять длинных, приземистых домов под земляными крышами, своего рода общежития для нескольких семей сразу. Сухов проживал в таких, когда Рюрику служил.

Между домов пролегала площадь, занятая круглым храмом-капищем, кольцом выстроенным вокруг огромнейшего дуба, развесившего толстенные сучья надо всею площадью. Кое-где с его ветвей свешивались обрывки верёвок, а пара петель всё ещё удерживала шеи расклеванных птицами костяков. Жертвы священному дереву.

Народу в деревне видно не было, но, как только Олег въехал внутрь, из длинных домов сразу высунулись головы любопытствующих. Вскоре набежала немалая толпа, желая лично поприсутствовать на редком зрелище — чужой человек пришёл!

О т т у д а. Из мира, в котором жителям деревни места не было. Разве только на костре...

Толпа ничем особым не выделялась, не отличалась ничем таким, что сразу бы позволило определить в этих людях язычников. Люди как люди. В лаптях или войлочных чунях, в длинных и тяжелых тулупах, в меховых колпаках. Женщины заматывали головы тёплыми платками.

Олег глядел на толпу, толпа глазела на него. Потом народ задвигался, освобождая дорогу двум мужам, крепким, немолодым уже, но и не старым. На одном была длинная куртка, от плеч до подола расшитая бисером, жемчужинками, обкатанными каменьями. Длинные волосы с проседью обжимал неширокий золотой венец, по узкому ободу которого набита была надпись руническим письмом, а широкое спокойное лицо дышало уверенностью и готовностью повелевать. Вождь.

Второй выглядел постарше и был одет в длинную шубу до земли, всю увешанную талисманами, черепушками землероек, корешками, какими-то фигурками из кости. Высокая бобровая шапка венчала голову, придавая мужчине сходство с будущими боярами. Жрец. Или волхв.

— Отец! — Дана сорвалась с места и бросилась к мужчине в венце.— Этот человек гнался за мной! Он меня ударил! Вот сюда! — и показала на лоб, где в самом деле краснело пятнышко.

— Не пугайся, вождь,— громко сказал Олег.— Это шишка упала.

— Не упала! — со злостью выкрикнула дочь вождя.— Ты её сам швырнул!

— Да? — Сухов сделал удивлённое лицо.— Надо же... А я и не заметил.

Толпа оживлённо задвигалась — зрелище! Настоящее зрелище! И чужак какой забавный, жаль будет, если скоро его отдадут дубу...

А Олег странно себя чувствовал. Наверное, потому, что не чувствовал опасности. Страха не было. Любопытства хватало, а вот страха он не испытывал. Осторожность была. Так она и не исчезала в нём никогда — он же воин. Днём воину полагается смотреть и слушать, постоянно пребывая в полной боевой готовности, а ночью — чутко спать, опять-таки не теряя ни бдительности, ни способности ответить ударом на удар.

— Что скажешь, Геревит? — спросил жреца вождь.

Жрец медленно обошёл вокруг саврасого, потрепал бурку, похлопал по морде сивку, восхищённо поцокал языком, глядя на пару буланых.

— Я чувствую большую силу, исходящую от этого человека,— сообщил Геревит,— и немалую опасность. Но с женщинами он добр.

— Ага, добр! — скривилась Дана.

— Ну, он же не бросил в тебя сосновую шишку,— возразил старший из дозорных, стремясь восстановить справедливость,— еловую только...

В толпе захихикали, а девица сузила глаза. Красивые глаза, оценил Олег. Да и сама недурна собой. Ей бы только колючки сбрить...

И тут к вождю и жрецу прибавился третий — огромный человечище, весь бугристый от мышц, с низко сидящей головой. Плечи у него были такие, что на каждом уместится по Дане. Великан смотрел исподлобья, набычась, морща низкий лоб. Поглядев на Олега, он сразу засопел и сжал кулачищи.

— Кого это ты привёл, Гостомысл? — низким басом проговорил он.— Дана моя! Ты обещал её мне!

Нет, не стоило ему так неуважительно разговаривать с вождём — тот сразу вздёрнул голову и заговорил резко и властно:

— Я — отец, и мне решать, кому отдавать дочь!

— Не ярись зря, Туровид,— проговорил жрец со слабой улыбкой.

— Слушайте,— вмешался в разговор Сухов,— я не знаю, что у вас тут затевается, и, честно говоря, не спешу узнать. Я послан одним большим человеком к очень большому человеку и должен спешить. Покажите мне дорогу, и я уеду.

Вождь долго смотрел на него, приглядываясь будто, а потом заговорил:

— Мы люди мирные, но есть споры, которые нам самим не разрешить. Моей дочери уже исполнилось шестнадцать зим, и ей пришла пора потерять девство. Однако мужчина, лишающий девушку, как христиане говорят, невинности, принимает на себя злое заклятие. Туровид хочет стать для Даны первым мужчиной, но он живёт в деревне — и чёрная сила останется с ним. Ты же чужой, ты унесёшь заклятие на себе, и деревня не познает ни мора, ни голода, ни прочих напастей[1].

— Короче,— сказал Олег.

— Сразись с Турвидом,— закончил Гостомысл.— Если он тебя убьёт, будем ждать следующего гостя. Если ты победишь, Дана станет твоей.

— Никогда! — отчеканила дочь вождя.

— А тебя никто не спрашивает! — повысил голос Гостомысл.

— И я отъеду без помех? — уточнил Сухов.

— Безо всяких!

---

[1] Подобные убеждения разделяли и некоторые староверы, поселившиеся на Севере, ещё при советской власти подкладывая своих дочек заезжим геологам.

Поглядев на звероподобного Турвида, Олег спрыгнул с коня.

— Ладно,— сказал он,— если вам не жалко потерять целую тушу гнилого мяса, то я её уделаю. Только дайте мне свой меч — пусть оружие будет одинаково.

Толпа одобрительно зашумела. Жрец исчез ненадолго и вернулся с двумя мечами, прямыми и длинными. Ещё раз глянув на Турвида, Сухов снял с себя куяк, скинул шубу — пусть и условия будут равными, ведь гориллоподобный язычник не имел даже кожаного панциря. Видать, устрашал противника одним своим видом.

Взвесив в руке меч, Олег заговорил с Турвидом:

— Где ж тебя такого сделали, а? Человек-вепрь! А в итоге и не человек, и не кабан, а неведома зверушка. Зверюга! Тобой, наверное, детей пугают, когда те не слушаются. Писаются поди, тебя завидев?

Турвид не ответил, а зарычал. Сжимая в руке клинок, он бросился на Сухова, орудуя мечом неумело, словно палкой выбивая невидимый глазу ковёр. Олег даже подумал, что у вождя была не одна, а две задумки — и доченьку женщиной сделать, и Турвида убрать. Видать, опасно было чудище сие.

Отступая под натиском деревенского великана, Сухов сделал пять шагов назад — и перешёл в атаку, делая выпад за выпадом. Шкура Турвида уже в нескольких местах окрасилась кровью, а Олег всё медлил. Умертвить Турвида — не проблема. Пусть уж деревенские вволю насмотрятся, налюбуются зрелищем ритуального убийства.

А великан наседал, рубя наотмашь, пластая воздух вверх-вниз, наискосок. «Хватит!» — решил Сухов и уколол Турвида в руку. Пальцы у того разжались, и меч отлетел далеко в сторону.

— Ну, что? — спросил Олег, тоже откидывая меч.— Продолжим? Я смотрю, тебе давненько рожу не чистили...

Турвид обалдел сперва, углядев, что его противник остался безоружным, потом украсился довольной ухмылкой и пошёл на Сухова — ломать, давить, терзать.

А Олег заехал ногой Турвиду в пах — великан изогнулся, бледнея и сипя. Схватив его за большие оттопыренные уши, Сухов приложил голову Турвида об колено, ломая нос и плюща губы. Тут великан его достал, хватив кулаком по корпусу — Олег отлетел в сторону. Упав, Сухов тут же перекатился, и вовремя — огромная лапища Турвида с размаху ударила по тому месту, где он только что лежал. Олег сделал подсечку, и великан грохнулся наземь. Зарычав, Турвид вскочил, снова упал, на карачках добрался до оброненного меча и кинулся на Олега, отрезая того от собственного клинка, оставляя его за спиной.

«В догонялки сыграем?» Нет, не пришлось — тот самый старший дозорный, что привёл Сухова в деревню, подхватил его меч и швырнул, крикнув: «Держи!»

Олег поймал клинок, и Турвид, несшийся на него бешеным буйволом, резко затормозил.

— Ты хотел моей смерти? — спросил Сухов.— Извини, я первый.

Отбив секущий удар меча, Олег вонзил остриё своего клинка Турвиду под сердце. Могучий организм сдался не сразу — сильно вздрагивая, великан обвисал на мече, пытаясь «сорваться с крючка». Не вышло. Силы стали покидать громадное тело. С низким рыком Турвид упал на колени. Сухов выдернул меч. Человекообразное чудище покачалось и рухнуло. Загребло ногой и замерло уже навсегда.

— Готов,— скучным голосом сказал Олег.

Толпа молчала, едва дыша, а после вразнобой выдохнула:

— О-о!

Сухов понял, что представление удалось на славу. Оглянувшись, он не увидел Даны. Гостомысла Олег тоже не приметил, но жрец подошёл сам.

— Ты выиграл бой,— торжественно провозгласил Геревит,— и ты получишь награду.

А Сухов посмотрел на темнеющее небо и подумал, что переночевать под крышей было бы куда лучше, нежели в снегу под ёлкой. «И что я должен делать?» — хотел он спросить, но жрец опередил его, позвав за собой.

— А кони?

— Не беспокойся о них,— сказал Геревит,— они будут сыты и довольны, а твои сумы — целы и невредимы. Не развеешь ли ты моё недоумение, витязь? От сум твоих веет смертью...

— Там мёртвая голова,— неохотно признал Олег.

— О! И чья?

— Великого князя.

Жрец не нашёл слов — он просто помотал головой.

— Глядя на тебя, я испытывал восхищение,— сказал он чуть после,— а теперь чувствую почтение.

Олег не ответил ему. Респект так респект. Он не против.

Геревит провёл его в баню и поручил двум дюжим мужикам, наказав им согнать с Сухова всё чёрное и злое. Мужики поклонились и повели Олега на заклание богу чистоты — в семи водах промыв, прополоскав, прокалив, пропарив.

Еле живой, «витязь» переоделся во всё чистое, домотканое и небеленое. За дверьми бани его поджидали две женщины. Они провели Сухова в пустующий длинный дом, в тот край его, где стояла огромная печь, а за стеной пряталась горенка.

Введя Олега в горенку, женщины с поклоном удалились.

Солнце уже садилось, и два маленьких окошка, заделанных прозрачной слюдой, пропускали внутрь рябиновый свет заката. Из темноты появилась Дана, обнаженная и притихшая. Она шла ломким шагом, ступая на цыпочках. Распущенные волосы спадали на грудь, небольшую, но красивой, точёной формы.

Олег разделся и приблизился к Дане. Огладил плечи, положил ладони на груди и сжал пальцы — тугие какие! Девушка дрожала.

— Тебе холодно? — спросил он.

Дана помотала головой.

— Мне страшно,— сказала она.

— Чего ты боишься?

— Я тебя боюсь... Я тебя обидела.

— Пустяки какие...

Сухов привлёк девушку к себе, обнял, погладил по спине. Дана, будто борясь с собой, медленно опускала голову, пока не уложила её на мужское плечо.

— Ой,— сказала она шёпотом,— он у тебя шевелится...

— Он?.. А-а...

Подхватив Дану на руки, Олег отнёс её на постель у тёплой стенки, уложил и принялся целовать всю — от шейки до коленок. Девушка постепенно оживала, её дыхание сделалось прерывистым, а соски набухли и отвердели. Девичьи руки исследовали мужское тело, совершая открытие за открытием. Дана прижималась к Олегу губами, грудью, бедрами, пока он не сдвинул девушку на край ложа, не спустил её ноги на пол и не раздвинул их пошире. И очень хорошо вошёл, очень бережно и нежно.

Девушка задохнулась, выгнулась всем телом, застонала, разбрасывая руки, извиваясь и трепеща, потом заключила Сухова в объятия, обхватила ногами, принимая и не отпуская.

— Милый... Ты милый...

— А ты миленькая...

Утомившись от трудов любви, он и она долго лежали рядом, потом Дана придвинулась поближе, прижалась робко, Олег крепко обнял её, и девушка расслабилась, положила голову ему на грудь, вздохнула.

— Ты уйдёшь? — спросила она.

— Я должен,— ответил он.

— А задержаться тебе никак нельзя? Хотя бы на денёчек?

— Нельзя, Даночка.

— Жалко...

Она погладила его по груди и нащупала нательный крестик.

— Это твой оберег?

— Да.

— А у меня тоже есть оберег! Я сейчас его тебе покажу.

Дана гибко прогнулась, дотягиваясь до своей одежды, и достала из складок тонкий шнурок-гайтан, на котором висела бронзовая монета с изображением то ли царя, то ли бога и с непонятной надписью вокруг.

— Вот! Надень. Он тебя защитит, это очень сильный оберег!

Олег послушался и нацепил на шею монету на шнурке. Подумал и снял с себя крестик на цепочке.

— А это надень ты. Если сюда придут новгородцы или ещё кто, выжигать язычников, как ос, покажешь им этот крестик. Поняла?

— Поняла.

— Тогда давай спать, берегиня...

Встал он рано-рано, солнце ещё только думало подниматься над дальним лесом. Вещи свои Сухов обнаружил за дверью, вычищенные или выстиранные. Оделся, обулся и пошёл седлать коней.

Провожала его одна Дана.

Баксоны лежали в рядок в конюшне, рядом с седлом. Перехватив его взгляд, дочь вождя сказала:

— У нас не крадут.

— Верю,— улыбнулся Олег.

Поцеловав Дану, прижав к сердцу это неожиданно ласковое создание, нежное и любящее, Сухов сказал:

— Прощай, миленькая, и будь счастлива.

— Буду,— пообещала девушка и шмыгнула носом.— Обязательно! И ты тоже чтоб счастливым жил! Ладно? А там будь что будет...

На воротах дежурил давешний рыжеволосый и рыжеусый. Он отворил створку и выпустил Олега за пределы крошечного мирка, увязшего в девятом столетии. Толком не узнав, как жили эти люди, отрекшиеся от крещения и сохранившие верность древним богам, чему они радовались, о чём горевали, Сухов устремился по тропе до могильных курганов, а там свернул на незаметную тропку. И она повела его на полудень, извиваясь змейкой между стволами деревьев.

К концу третьего дня пути Сухов одолел всхолмления Бежецкого верха и вышел к берегу реки Медведицы.

На весь путь до Торжка ему отвели пять дней. Судя по всему, он сможет управиться и за четыре. Можно было и не спешить, но Сухов не сбавлял взятого темпа — привык службу справлять только на «отлично». А конунг ли приказывает, базилевс ли, хан ли — какая разница?

...Олега с мысли сбил властный окрик. «Начинается...» — вздохнул Сухов. Верней, продолжается. Обернувшись, он увидел с десяток всадников, выезжавших из леса. И это не были посланцы брата Иоганна или воины-новгородцы. Ни одного шлема, ни одного копья или щита — все в тулупах и мохнатых треухах, с топорами, двое-трое с мечом или саблей. Разбойники? Похоже на то.

— А ну, стой! — донёсся злой вопль.

Олег обернулся и показал всей шайке неприличный жест. Лихие людишки взвыли, засвистели, пустили коней в галоп.

Савраска тоже прибавил ходу, сивка с буркой не отставали, а пара буланых, одолженных Бурундаем, и вовсе неслась впереди.

— Стой, хуже будет!

«Это мы ещё посмотрим...» — мелькнуло у Олега.

Отпустив поводья, он достал из саадака лук, правой выхватил стрелу. Наложив её, как надо, он резко повернулся в седле, оборачиваясь назад, одновременно выпрямляя левую руку. Низко загудела спущенная тетива. Нет, не прошли даром его штудии — срезень выбил пыль с шубы скачущего впереди, протыкая все внутренности. Всадник согнулся, хватаясь за живот, и кувыркнулся в снег, под копыта коней.

А Сухов снова выстрелил, крепко сжимая ногами тело скакуна. В этот момент он более всего походил на кентавра, какими их рисуют на картах неба.

Вторая стрела тоже нашла свою цель, правда, поразила она не конника, а коня. Бедный чалый, раненный в шею, упал, перевернулся в снегу, придавливая всадника и ломая кусты.

Тут самый крикливый из разбойничков вырвался вперёд. Схватясь за поводья левой рукой, он вытащил маленький, чисто плотницкий топорик, да и кинул его со всей мочи, метясь Олегу в спину. Верна пословица — не на того напал.

Сухов выловил в воздухе мелькавший топорик, примерился и метнул в крикливого. Тот от испугу шарахнулся в сторону и сшиб соседа. На них налетел третий, скакавший сзади,— вопли, крики, ржание смешались.

Добавив пару стрел в кучу-малу, Олег покинул место несостоявшейся битвы. Сразу словно занавес опустился — повалил снег. Сухов ему обрадовался.

И тут, плохо различимый за белыми хлопьями, подлетел разбойничек на сивом коне. Стрела была пущена в упор и ударила с такой силой, что Олег едва удержался в седле, а гранёный наконечник и куяк пробил, и шубу, ударив в грудь, как кулаком со всего размаху бьют.

Разбойник подскакал по инерции, уверенный, что поразил путника, и слетел с седла, заработав удар саблей.

Проехав ещё с версту, Сухов свернул в лес, надеясь, что снегопад помешает лиходеям заметить то место, откуда он сошёл с тропы, а после и вовсе заметёт следы.

Обломав торчащую из груди стрелу, Олег раскачал и вытянул застрявший в куяке наконечник. А потом нащупал на груди монету со вмятиной — спас его оберег, принял на себя удар смертоносного жала. Дай Бог, и крестик спасёт Дану — недолго язычникам вековать у князей и посадников под боком.

Савраска шагом уходил в лес. Лес стоял густой, молчаливый, только кроны угрюмо шумели вверху, как зонтики задерживая снег. Дело шло к вечеру, начинало темнеть.

Предстоявшая ночёвка не слишком пугала Олега. Разгрёб яму в снегу, запалил костёр, завернулся в шубу, да и спи себе. Кони будут терпеливо стоять до утра, тискаясь поближе к огню. В лесу под снегом лошадям не наскрести травы, поэтому надо будет им торбы навесить с зерном. Разбойнички тоже не вызывали страха. Даже если у них и сохранится желание найти Сухова, чтобы поквитаться, осуществить хотение можно будет не раньше утра. А ночью подкрасться к костру... Нет, это идея неосуществимая — степные лошади почти что дикие, у них нюх получше, чем у собаки. Вражину или хищника учуят сразу и дадут знать хозяину.

Запалив нодью, он пристроился к костру поближе, да так и уснул, с сожалением вспоминая горенку в безымянной деревушке, разошедшейся с миром. Зато утром не шибко хотелось поваляться — не то ложе.

Буланые и саврасый, сивый и бурый рады были пути — отдохнув, отъевшись, кони набрались сил и еле сдерживались перед тем, как их растратить в долгой дороге. Впрочем, путь лежал недалёк — на юг, до реки Тверцы, а по ней до Нового Торга — до Торжка. А там будь что будет...

Глава 24,

В КОТОРОЙ ДОРОЖКИ ПЕРЕСЕКАЮТСЯ

Торжок горел. Окружив город по обычаю крепким забором, ордынцы неделю подряд обстреливали Новый Торг то валунами, коих вокруг имелось великое множество, то ворохами пакли, смоченной в жиру и дававшей чадящее пламя, раздувавшееся в полёте.

Пороки били и били: банг, банг, банг. Каменные ядра, хитро обтёсанные, летели, кувыркаясь и подвывая, зажигательные снаряды неслись кометами.

Монгольские юрты стояли напротив всех шести ворот Нового Торга, но никто не шёл на приступ. Батый словно ждал, когда же у горожан кончится терпение, и они сдадут крепость сами. Терпение, возможно, и кончилось давно, зато страх вырос — никто за стенами Торжка не ждал милости, понимали — не тот случай. Открой монголам ворота или дожидайся, пока они их вышибут, без разницы. Всё одно истребят. Всех, кто не спрятался. От мала до велика.

Выехав на пригорок, Олег внимательно осмотрелся, но мало что понял. То ли это хитрая стратегия такая, то ли неумная тактика... Непонятно.

С самого начала было известно, что войны с Новгородом не будет, на этот счёт вроде бы имелась договорённость самого великого хана Угедэя с правящей верхушкой республики — и архиепископ, и посадник [1], и тысяцкий согласны были пойти на союз с Ордой. Видел в том смысл и юный князь Александр Ярославич, всячески поддерживаемый отцом, первым из всего княжья получившим ярлык.

Тогда почему Батый с Субэдэем продолжали войну по-старому — переходили границу и разоряли крепость? Выходило так, что для них Угедэй не указ? Скорее всего, дело объяснялось проще — монгольская кавалерия страдала от бескормицы, а Торжок был буквально на-

[1] *Посадник* — высшее выборное лицо в Новгороде, являвшемся феодальной республикой (Господин Великий Новгород). Различались степенной — действующий — посадник и старый, служивший народу ранее. Тысяцкий был своего рода народным трибуном, представляя не бояр, а средние слои и простолюдинов.

бит зерном, которое шло на продажу в Новгород. По сути, Торжок был для новгородцев теми самыми закромами родины, полными понизовского, то есть на юге выращенного, жита. И ахиллесовой пятой республики. Недаром князья владимирские, когда прижать хотели Новгород, брали Торжок в осаду, не пропуская хлебные обозы к Волхову,— и новгородцы сдавались, не желая с голодухи пухнуть.

А тут, видать, сам Торжок стал в позу — не поддержали правители Нового Торга мирные инициативы князя новгородского, не пустили монголов к зернохранилищам. Вот Бату и взбесился. Не потому ли и приступ идёт не обычным порядком? Нукеры будто бы и не собираются штурмовать город — Торжок просто *наказывают*. Хан даёт понять, кто на Руси хозяин, и демонстрирует, как, в случае неповиновения, поступит Орда — железной рукой задавит всякое сопротивление. Метод меча и пряника.

Сухов объехал вокруг частокола полгорода, изредка встречая знакомых тургаудов, пока не заметил белый шатёр Бату-хана. Последние вёрсты пути к Торжку Олег одолел на буланом, вот его-то он и подбодрил пятками, предлагая коню живее перебирать ногами. Буланый подчинился, и вскоре Сухов оказался в пределах орьги — ханской ставки.

Бравые кешиктены тут же бросились навстречу, красноречиво обнажая сабли, но Олег мигом выхватил золотую пайцзу и крикнул:

— Внимание и повиновение! Я послан Бурундаем с поручением к самому хану Бату!

Гвардейцы с почтением закружились вокруг, поглядывая то на пайцзу, то на Олега.

Долгих церемоний очищения проводить не пришлось — хан находился не в юрте, он проезжал мимо и первым заметил Сухова. Подъехав поближе, Бату остановился, уперев руку в бок. За его спиной словно прятался Субэдэй.

Олег спрыгнул наземь и, ни слова не говоря, отвязал баксон-посылку. Поднеся его к ногам белого коня, на котором восседал хан, он поклонился, развязал баксон и вытащил за волосы голову Юрия Всеволодовича.

— Бурундай шлёт тебе голову врага твоего, великого князя владимирского,— громко проговорил Сухов,— и сообщает, что войско князя разбито!

Довольная усмешка растянула губы Бату-хана и смежила его веки в щёлки. Субэдэй и вовсе оскалился в радости.

— Ты принёс мне хорошую весть, багатур,— сказал хан,— и будешь награждён.

— Благодарю, ослепительный,— поклонился Олег.

— Скоро ли прибудет Бурундай? — поинтересовался Субэдэй.

— Скоро, непобедимый. Через два-три дня тумен будет здесь.

— Отлично! Ступай, отдохни, багатур.

А багатуру только этого и надобно было — напряжение последних дней сковало тело усталостью.

Сухов, не садясь уже верхом, пешком добрёл до становища. Привязал коней к деревьям, щедро натрусил им сена, расседлал, протёр, а все перемётные сумы снял и уложил поближе, подгрёб под себя — целее будут. И заснул, как умер.

Два дня Олег только и делал, что отъедался да отсыпался, а на третий день к Торжку подошёл тумен Бурундая. Сухов сразу двинул к стану Тугус-беки, разыскал шатры и юрты сотни Эльхутура, а потом его прибытие заметил Чимбай.

— Ой-е! — завопил нукер.— Хельгу тут уже! Изай, хватит дрыхнуть, как барсук в норе!

Похлопав друг друга по спинам так, что пыль клубами летела, Олег с Чимбаем разъехались, а тут и арбан-у-нойон показался из юрты.

— Ва-вай! — осклабился куман.— Все в сборе! Проходи в юрту, я угощу тебя кумысом, а ты меня — рассказом!

Пригласил Изай Селукович одного Сухова, но в юрту налезло народу поболе — весь десяток вместился, сел в кружок у костра. И пролился в аяки пенистый напиток, и раз, и другой.

Повесть об осаде Нового Торга Олег вёл, пересказывая то, о чём слыхал, но расписал всё, как было, без утаек и в красках.

— Всё, кончается наш поход...— сказал Изай, щурясь от дыма.— Сейчас с Торжком разделаемся и повернём к югу, двинем через Смоленск — в степь. Весна скоро, трава в рост пойдёт...

— Устал я от лесов,— признался Хуту.— Ходишь по ним, как суслик в траве, неба не видишь.

— А я от мокроты устал,— сказал Судуй.— Оросы живут в стране вечной тени, ветра тутошние промозглы, а воздух сырой.

— Солнца не видно! — пожаловался Тайчар.

— Да зима же,— удивился Изай,— какое тебе ещё солнце? Где ты видел в зимней степи тепло и свет?

— Всё равно,— протянул Хуту,— степь я вижу всю, сколько хватает глаз, а в лесу деревья искололи мой взгляд!

— Точно! — поддержали его нукеры.— Верно говоришь!

— Ничего...— сожмурился Изай.— Скоро мы выйдем на простор, где глаз не цепляет ни единое дерево...

— Скорей бы!

Олег не поддерживал разговора, он дремал, клюя носом. Изай заметил его состояние и подбородком указал на стопу войлоков: ложись, мол. Сухов не стал спорить — заполз, да и уснул, не раздеваясь.

Ему снилась Варвара. Смеясь, женщина мчалась на белом коне, нагая и прекрасная, её груди подпрыгивали на скаку, а волосы развевались ветром. Она неслась Олегу навстречу, но вдруг круто развернулась и поскакала прочь. Обернулась — и он узнал лицо Елены Мелиссины...

На следующий день положение резко изменилось — в ордынское становище приехал новгородский князь Александр Ярославич. Это был крепкий, возмужалый парень с пробивавшимися усиками. Щёки его еще не знали бритвы, а волосы лежали кудрями — выглядел князь, как деревенский подпасок, вот только твёрдый взгляд синих глаз выдавал породу.

В дорогих доспехах, в алом плащике-корзне, князь приехал во главе сотни, доставившей Батыю целую вереницу возов с дарами.

Переговоров князя с ханом Олег не слышал — не в тех чинах был, но в пересказе через третьи уста дознался о повестке дня — Александр Ярославич подтверждал верность союзническим договорённостям, а дары были как бы компенсацией за отступников из Торжка. Князь и ранее категорически отказал Новому Торгу в помощи, а раз посадник в Торжке, Иванко Юрьевич, против мира с монголами, то и поделом ему, пускай теперь испытает все прелести войны на своей шкуре!

И начался штурм. Суматошные китайцы и озверелые монголы подкатили тараны к трём воротным башням. Жители Торжка почти уже не сопротивлялись, никого не было видно на стенах, готового отразить атаку, но и ворота не открывались — понимали горожане, что на милость им рассчитывать не приходится. Монголы никогда не оставляют жизни тем, кто сопротивляется их силе и праву. Страх и растерянность царили в душах новоторжцев.

Отоспавшись и отъевшись, Олег занял своё место в строю и ждал сигнала к началу штурма — сотня Эльхутура должна была идти в последних рядах, хотя упорного сопротивления никто не ждал. Было ясно, что пойдут они не на приступ, а как каратели.

В этот самый момент прискакал Чимбай, тараща глаза, и что-то быстро нашептал Изаю, косясь на Сухова. Олег подозрительно посмотрел на нукера, а куман поманил его к себе.

— Садись на коня,— сказал он торжественно,— и езжай в орьгу. Ослепительный хочет видеть тебя!

— Ой-е...— только и вымолвил Хельгу, сын Урмана.

Быстренько вскочив на буланого, Сухов помчался к белевшему вдали ханскому шатру. Не доезжая до него, он заметил Батыя, верхом на коне саврасой масти. Рядом, на гнедом, находился новгородский князь.

Олег спешился и отвесил поклон хану.

— Слушай мою волю, багатур,— величественно заговорил Батый.— Я посылаю тебя на службу коназу,— он небрежно кивнул на Александра Ярославича.— Будешь моим эльчи[1] — помогать станешь собирать дань и отправлять в Орду. Коназ не желает видеть у себя моих баскаков. Что ж, он их не увидит. Но ты следи в оба глаза, чтобы всё было без обману. Народ здешний с норовом, как необъезженный конь. Тебе дадут золотую пайцзу и новые одежды — пусть все видят, как щедра Орда и как богата. А вот как она сильна, ты покажешь сам. Отныне ты, багатур, мой личный посланник. Орос, который верно служит хану Белой Орды,— мог ли я сделать выбор лучше?

Хан смолк, и Сухов отвесил глубокий поклон, приложа руку к сердцу.

— Всё исполню в точности, ослепительный,— пообещал он.

Батый милостиво кивнул и отпустил своего эльчи. Поймав внимательный, настороженный взгляд Александра Ярославича, Олег подмигнул князю. Тот расширил глаза, не зная, то ли гневаться ему, то ли не стоит.

Деятельный юртчи подвёл к Олегу двух великолепных коней редкой игреневой масти, навьюченных целым состоянием — мехами, дорогим оружием, звонкой монетой. «Посланник!» — усмехнулся Сухов. Надо же...

В принципе, он был доволен изменением статуса. Продолжать поход Олег в любом случае не намеревался — что ему делать в степях? Кобылиц доить?

Олег подумывал, как бы ему уйти незаметно, да так, чтобы не подставлять Изая. Уходить лучше всего было в Новгород. Задерживаться на Руси Сухов тоже не собирался, тут ему ничего не светило. Почему бы тогда и в самом деле не отправиться в Европу? Купеческие лодьи из Новгорода ходят во все города Ганзы, а оттуда пешком или по морю можно было добраться до Франции, заделаться рыцарем, поучаствовать в турнирах, выиграть пару раз, чтобы обзавестись латами побеждённого, да и... Вот что «да и», Олег пока не знал. В крестовый поход сходить? Или послужить королю, добывая средства на

---

[1] *Эльчи* — посланник с расширенными полномочиями (к примеру, мог исполнять полицейские функции).

замок? Разве плохо будет встретить старость в замке на Луаре? Когда-то он спорил с Пончиком, высмеивая его идею бежать на Запад, но что ещё ему остаётся? Бежать на Восток? В степь, где чисты горизонты? Ну уж нет, перспектива обзавестись замком прельщает его куда больше, нежели дожитие в вонючей юрте. Спасибочки, на годы вперёд нанюхался...

Олег направил савраску к дружине князя и повёл в поводу четырёх вьючных, с туго набитыми баксонами. Подъехав, сделал любезность — спешился.

Дружинники встретили его с любопытством, но первыми не заговаривали, а вот князь, пользуясь служебным положением, спросил:

— Батыга Джучиевич назвал тебя Хельгу, сыном Урмана. Это твоё имя?

— Моё,— согласился Хельгу, сын Урмана,— в произношении Бату-хана. Меня зовут Олег Романович.

— Откуда ты, Олег Романович?

— Откуда я? Сложно сказать... И отсюда, и оттуда. Кому я только не служил... И конунгу одному — помер он, давненько уже. И... одному императору, и даже дожу венецианскому. Отовсюду понабрался премудрости воинской.

— Когда хан предложил тебя в посланники, я сперва воспротивиться хотел,— признался Александр Ярославич,— думал, что ещё одного труса-перебежчика увижу, из тех, кого не видно было и не слышно, а как пора выдалась, так они и примчались, задницу татарве лизать. Однако Батый назвал тебя багатуром, а от него похвалы редко кто дождаться может...

— Сработаемся, княже! — ухмыльнулся Олег.

— Сработаемся, посланник! — рассмеялся князь.— А красива ли Венеция? Про Константинополь я слышал, как раз венецианцы и разграбили Царьград. А их-то город краше?

— Не знаю, давно там не был,— сказал Сухов, не кривя душой.— А что самому довелось увидеть... Да так себе. Мокро у них, княже, вода кругом. Улиц нет почти, одни протоки. И вместо лошадей лодки такие особые, гондолами прозываются. Есть, конечно, на что посмотреть, но разве сравнить Венецию с Константинополем?

— А девки в Венеции пригожи? — спросил лопоухий дружинник.

— Попадаются,— ухмыльнулся Сухов, вызвав у дружины лёгкое веселье.— Чёрненькие, востроглазые, так и тянет ущипнуть!

Тут уж дружина не выдержала, загоготала. И смолкла, заметив подъезжавших всадников — на паре хороших коней, да с запасными,

при полном параде. Олег пригляделся, и улыбка сползла с его лица. Широкоплечего бородача он видел впервые, а вот его спутника знал всю жизнь. Это был Пончик.

Александр сильно изменился — похудел, подсох, в глазах грустинка появилась. Зато какая шуба, а доспех, а шлем! Ни дать ни взять, королевич проездом.

— Кто такие? — строго прикрикнул седоусый дружинник.

— К князю новогородскому посланы,— пробасил широкоплечий,— от великого князя Ярослава Всеволодовича.

— Я князь,— спокойно, с достоинством, сказал Александр Ярославич.

Пончик даже не стал доказательств требовать — заулыбался и направил коня к князю, доставая из-за пазухи свиток.

— Письмо передал батюшко ваш,— проговорил он.— Вот!

Александр Ярославич принял свиток и сказал:

— Как же вас татары пропустили?

— А пайцза у нас.

— А-а...

Князь сломал печать восковую и углубился в чтение, изредка намечая улыбку на плотно сжатых губах, а Пончик, вздыхая с облегчением, удосужился осмотреться — и увидел Сухова.

— Олег?!

— Я,— не стал скрывать тот.

И ничего солидного не осталось в Александре — спрыгнул он с коня, рванулся к другу и вцепился в него, как в родного.

— Олег... Олег...— скулил он, тиская Сухова.— Я был такой дурак! Я ничегошеньки не понимал! Олег...

— А теперь понял? — улыбнулся посланник хана.

— Пришлось...— вздохнул Пончик.

— Эх, Понч, кабы я был прав, да всё понимал верно, мне б куда легче жилось...

— Знаешь его? — с удивлением спросил князь, отрываясь от письма.

— Друг мой,— ответил Олег, улавливая в глазах Пончика радость и признательность за одно драгоценное слово.

— Ну, едем, раз друг... Отец просит тебя к себе пристроить,— обратился князь к Шурику, улыбаясь и скручивая свиток.— Вот, не было у меня посланников, а теперича сразу двое объявились! Едем. Ежели поторопимся, к субботе в Новгороде окажемся.

Дружина построилась, но неожиданность опять вторглась в людские планы — Деревские ворота Торжка вдруг распахнулись, и не-

большой отряд конников поскакал прямо на монгольские укрепления. Вылазка застала нукеров врасплох — двое пали, пронзённые копьями. Трое или четверо беглецов тоже попадали с сёдел, простреленные из луков, но остальные — с десяток человек — прорвались-таки, выносясь на Серегерский путь, прямую дорогу к Новгороду.

Олег расслышал гневный крик хана, затем Субэдэя, отдающего приказ, и вот нукеры из сотен Эльхутура, Алтун-Ашуха, Бэрхэ-сэчена с гиканьем и свистом помчались в погоню, а тут и сам Гуюк-хан понёсся следом, окружённый верными кешиктенами,— видать, развлечься пожелал пресветлый, поучаствовать в самой азартной из охот — людей затравить, как лис. Сухов припустил следом, замечая, что и дружина князя новгородского пустила коней в галоп.

На скаку поравнявшись с Изаем Селуковичем, Сухов крикнул арбану:

— Чего приказали хоть?

Куман повернул голову, осклабился:

— Приказано догнать и порубить, багатур!

— Брось, Изай! Какой, к мангусам, багатур...

Куман расхохотался.

— Уже весь тумен знает, что хан отметил тебя, так что не стыдись славы, а пользуйся ею!

— Ладно уж... А за кем мы хоть гонимся?

— Князь новгородский узнал кой-кого. Иванко бежал, посадник новоторжский, воевода Яким Влункович с ним, старый посадник Глеб Борисович и тысяцкий Михайло Моисеевич!

— И ты их всех упомнил?

— Да знаю я их! Народ-то всё тёртый, бывалый. Пересекались не раз и не два. То по торговому делу не сходились, то биться выходили. Всяко бывало... А ну, наддай!

Олег прибавил ходу. Беглецы показались впереди. Видно было, что они изо всей силы погоняют лошадей, скакуны стараются, да только всё меньше и меньше остаётся непройденной дороги между теми, кто убегает, и теми, кто догоняет.

— Обходим справа! — крикнул Изай.

Князь Александр Ярославич, будто поняв арбана, взял влево, отрезая новоторжцам дорогу к лесу. Беглецов гнали до речки и окружили на правом берегу, у Игнача-креста. Первым пал Михайло Моисеевич — он спрыгнул с коня, пригнулся, зажмуривая глаза и прикрываясь руками — сабля Бэрхэ-сэчена и кисти разрубила, и саму голову. Иванко Юрьевич сцепился с двумя нукерами, одного едва не уделал,

но тут копьё кешиктена пронзило посадника насквозь, прокололо легко, как иголка тряпицу.

Старый посадник не стал сопротивляться, и ему просто срубили голову, а вот Яким Влункович оказался не так крут, как казался,— увернувшись от сабли Эльхутура, он пал на четвереньки и на карачках подполз к Гуюк-хану. Суровый Чингизид не покидал седла и глядел на ороса сверху вниз, с презрением и брезгливостью.

— Великий хан! — завопил Яким на половецком.— Смилуйсе! Не губи! Я тебе, ох, как пригожусь!

Воевода заоглядывался, по-прежнему стоя на карачках, и вдруг лицо его осветилось злобным торжеством.

— Вот он! Вот он! — завопил Яким Влункович, пальцем тыча в Бэрхэ-сэчена.— Враг твой! Сам видел, сам слышал, как он клялси тебя сгубить, великий хан!

Бэрхэ-сэчен резко побледнел, а Гуюк-хан склонился в седле, с интересом разглядывая пресмыкавшегося ороса.

— Правду ли говоришь? — спросил он, коверкая речь половецкую.

— Истинную правду! — поёрзал на коленках Влункович.— В Киеве видал его, в церкви латинянской! Он там крест целовал и присягал, что всех ханов ордынских изведёт, а тебе, великий, первому смерть причинит!

— Поклянись!

Воевода истово перекрестился.

— Христом Богом клянусь! — пылко сказал он.— И Пресвятой Богородицей! Да в аду мне гореть, ежели я неправду сказал!

— Навет! — каркнул Бэрхэ-сэчен, хватаясь за саблю, но крепкие руки кешиктенов уже схватили сотника, скрутили и на колени поставили.

Брат Иоганн, с искажённым от боли лицом, выгнул шею, желая встретиться глазами с Гуюк-ханом, а увидел неподалёку Олега.

— Хельгу твой враг! — выкрикнул он.— Зря, что ли, Бату в эльчи возвёл его? Не зря, а за услугу совершённую! Ты, хан, двух послов слал до князя киевского, так Хельгу обоих сгубил!

Сухов не почувствовал в тот момент даже негодования, одно лишь удивление, разочарование даже — он испытывал к доминиканцу-монголу уважение. А тут такая пошлая «сдача»! И проку от неё? Такой бесхитростный обман мог бы иметь успех ранее, когда Бэрхэ-сэчен ходил в чине тысяцкого, а Олег был никем, но теперь... Нет, не стоило сотнику повышать голос на эльчи! Сухов уже набрал воздуху в лёгкие, чтобы сказать всё, что он думает, но его опередил Пончик.

— Врёшь! — заорал Александр с небывалой свирепостью.— Это ты, желтоухая собака, сперва Абдаллу убил, а после и с Халидом разделался! А Олег всё видел! Он тебя догнать пытался, а ты сбежал, пёс!

Гуюк-хан, очень довольный — удалась охота! — обернулся к Сухову и спросил:

— Верно ли сказанное посланником коназа?

— Верно, ослепительный,— поклонился Олег.

— Вот, я же говорил! — торжествующе вскричал Яким Влункович, и Гуюк-хан сделал нетерпеливый жест кешиктенам. Ближайший из них подскочил к воеводе. Сверкнула сабля, и голова Якима Влунковича покатилась по рыхлеющему снегу.

— Казнить тебя, подлый джагун, не время и не место,— медленно проговорил хан.— Пускай все тумены увидят, как ты будешь умирать... на кресте! Ведь ты христианин? Вот мы и распнём тебя!

Князю Александру Ярославичу не по сердцу пришлись речи Гуюк-хана, но перечить он не посмел, сказал только:

— Тут деревня рядом. Скоро темнеть начнёт, а там и переночевать можно, и преступника запереть на ночь.

Хан подумал и милостиво согласился. Дружинники, нукеры, кешиктены всею толпой повалили к избам, черневшим невдалеке.

Олег, Пончик и Вахрамей заняли половину избушки на околице. В доме было тепло, вот только хозяева пропали — видать, в лес подались, от греха подальше.

Поужинав салом и хлебом с чесноком, все трое расселись по лавкам, и Шурик подробно, в лицах, поведал Сухову о своих приключениях. Олег выслушал его, не перебивая, а после дополнил рассказ:

— Видал я того терциария. В письме Рогерия было указание убить хана Бату, терциарий ответил, что так и сделает, подписавшись как брат Иоганн. А его настоящее имя — Бэрхэ-сэчен.

— Что-о?! — вылупился Пончик.

А Вахрамей крякнул от удовольствия и шлёпнул себя по коленям.

— Как загнуто всё! — восхитился он.— Да перепутано как! Заслушаешься!

— Да уж...— хмыкнул Сухов.

— А теперь всё с самого начала,— потребовал Шурик.— Повествуй!

И Олег стал повествовать. Разговоров хватило за полночь, пришлось Сухову, как старшему по званию, скомандовать отбой. Заснул он как убитый и проспал на одном боку почти до самого восходу. Дрых бы и дальше, но тут ему приспичило. Накинув шубу и не забыв прицепить саблю, Олег сходил до ветру, а спешить обратно в душную

избу не стал — хорошо было на улице, тихо. Лёгкий морозец пощипывал щёки. Недвижный лес закрывал все стороны света пильчатой линией, особенно чёрной с востоку, где небо едва серело, разливая смутный свет, призрачный, бестеневой.

В предрассветной тишине были отчётливо слышны шаги кешиктенов, утаптывавших хрусткий снег, глухое мычание коров в хлевах. Неожиданно прорезался ещё один звук — лязг сабли.

Олег моментально насторожился и двинулся на шум. Выйдя к порубу [1], куда заточили Бэрхэ-сэчена, он увидал, что низенькая дверца, сбитая из плах, раскрыта настежь. Один из стражей-кешиктенов лежал у стены поруба, истекая кровью, другой стоял, пришпиленный к срубу копьём, поникший и неживой. А третьего стражника уделывал Изай Селукович. Кешиктен сопротивлялся яростно, но допустил ошибку — вдохнул поглубже, собираясь кликнуть на помощь. Вот тут-то арбан и достал его, подрубая горло. Страж упал, с сипением разбрызгивая кровь из страшной раны.

— Здорово, терциарий,— глухо проговорил Олег.

Изай Селукович обернулся на голос и усмехнулся.

— Смышлён, однако,— сказал он.

Сухову стало паршиво — до последней секунды он боялся обидеть кумана, почитая своё прозрение глупостью. Ан нет...

— Небось братом Исайей наречён? — хмуро уточнил он.

— Смышлён...— повторил Селукович, остро и внимательно поглядывая на Олега.— Да, я терциарий и зовусь братом Исайей, чем и горжусь. Брата Иоганна выпустил я, поскольку брат Савватий не справился бы...

— Савватий? Савенч, что ли?

— Смышлён! — усмехнулся брат Исайя.— Времени у нас мало, Олег, а выбор у тебя невелик — либо ты присоединяешься ко мне, заменив Иоганна, либо...

— Либо я стану четвёртым трупом,— договорил Сухов понятливо.— Как Джарчи.

— Бог свидетель,— вздохнул брат Исайя, искренне сокрушаясь,— не хотел я его смерти. Но и своей не желал. Тоже пришлось выбирать...

— Последний вопрос. Это ты приказал Бэрхэ-сэчену не преследовать меня?

— Я,— признал Изай Селукович.— Надеялся поначалу, что ты примкнёшь к нам, а после привык... Так что ты выбрал? — спросил он, поигрывая саблей.

---

[1] *Поруб* — подвал или подклет.

— А то ты не догадался! — фыркнул Олег, выхватывая клинок.

Они сошлись, скрестив сабли, и начался бой, победы в котором Сухов не желал, но вынужден был победить — жизнь была дороже дружбы. «Тоже пришлось выбирать...»

Изай Селукович пал на первой же минуте. То ли промах допустил, то ли что, но Олегова сабля втесалась в голову брату Исайе, рассекая ухо под кромкой шлема. «Дуулга...»

Арбан-у-нойон упал и раскинул руки. Его широко открытые глаза были устремлены в тёмное, засеревшее небо, но уже не примечали рождения зари. Брат Исайя умер.

Глава 25,

В КОТОРОЙ ОЛЕГ ОБЕЩАЕТ ПОНЧИКУ ПОДУМАТЬ

Гнев Гуюк-хана не поддавался описанию. Достаточно сказать, что двоих кешиктенов он зарубил лично, обвиняя в ротозействе, а прочих погнал на поиски Бэрхэ-сэчена. Но тщетно — и брат Иоганн пропал, и брат Савватий исчез.

Князь Александр Ярославич поспешил отъехать, дабы не напрягать обстановку своим присутствием. Олег с Пончиком и Вахрамеем покинули стан вместе с дружиной.

Серегерский путь доводил до самого Новгорода, был он широк и удобен. Но — зимою. Через месяц, в апреле, снега начнут таять, тронется лёд на реках, и эта дорога, что гордо именуется княжеским большаком, раскиснет, превращаясь в настоящую штурмполосу, топкую, заболоченную, в которой и коню утонуть недолго. И так до следующих холодов.

Впрочем, никто и не водит обозы по теплу, летом для этого реки существуют и озёра, коих в этом краю не счесть. А пока дружина княжеская одолевала версту за верстой по набитому тракту, изъезженному полозьями саней, истоптанному копытами. Переночевав в маленьком монастыре, Александр Ярославич, Олег Романыч, Александр Игоревич и иже с ними продолжили своё путешествие, в разгар дня выехав к стенам новгородским, прикрывавшим с востока Неревский конец.

— Чем-то на Рязань похоже,— оценил Пончик,— и на Владимир.

— На Владимир больше,— сказал Олег.— Гляди, ворота где.

Неревские ворота открывались в теле кургузой квадратной башни, исполненной не из дерева, а из камня, благо плитоломища располагались неподалёку, на берегу Ильменя.

Стражники криком приветствовали князя, а тот лишь гордо улыбался. И вот Сухову открылся Новгород Великий, стольный град могучей северной республики, жители коей были столь вольны и независимы, что кланялись только Господу одному, всему миру бросая вызов: «Кто против Бога и Великого Новгорода?!»

За это Олег и уважал Новгород — за тягу к воле, а вот речи об изысках местных зодчих даже и заводить не приходилось — вокруг него, по обе стороны довольно широкой улицы, где могли разъехаться аж два воза, стояли высокие заборы-частоколы с монументальными воротами. Громадные избы казали над оградами вторые этажи с маленькими окошками, порою ещё выше задирая башенки, рубленные восьмериком. Вот и все архитектурные излишества.

— Точно, как в Рязани,— авторитетно заявил Пончик.— Там тоже не дома, а усадьбы... были.

Олег усмехнулся его заминке.

— В Рязани грибы с глазами,— сказал он,— их едят, а они глядят. А мостовые ты там видал?

— Чего нет, того нет. А молодцы, новгородцы!

Улица вся была вымощена исшарканным деревянным брусом, гасившим топот копыт. Снега не было — весь вымели.

Князь свернул налево, провёл дружину кривым переулком и выехал к Торгу, где галдела многоязыкая толпа, приценивaясь, примериваясь, споря. Можно было, не выезжая из Новгорода, повстречать гостей со всей Европы — тут были неторопливые норманны и свеи, предприимчивые потомки викингов, деловитые немцы-ганзейцы, суетливые итальянцы-фрязины, арабы-сарацины, зябко кутавшиеся в шубы. Проходили и драчливые соседи — ливонцы, литвины, ятвяги [1]. Топтались охотники-лесовики — карелы, меряне, ижорцы, впечатлённые огромностью города. Олег даже китайца заприметил, выставлявшего на продажу шёлк и корешки жэньшеня, похожие на корявых человечков,— любопытствующие монахи разом отшатнулись от гостя из Поднебесной, обмахивая двоеперстием бесовские плоды.

---

[1] Балтское племя, занимавшее земли между верховьями Нарвы и среднего течения Немана.

Купля-продажа шла обстоятельно, не с лотков, а у собственных купецких домов на высоком подклете или возле храмов, построенных торговыми братствами,— у Параскевы Пятницы, у Ивана-на-Опоках, у Георгия-на-Торгу, у Успенья-на-козьей-бородке.

В гостином дворе югорских [1] купцов лавки были завалены пушным товаром, кнутовищами из «рыбьего зуба» — моржовой кости и холмогорскими сундуками, обитыми красной юфтью из тюленьих кож. Степенные персы и армяне, юркие евреи перебирали собольи меха в мешках из синей холстины, мяли и дули на шкурки горностая, бобра, лисицы. У Псковского гостиного двора ганзейцы рядились у кругов перетопленного душистого воска.

По всему торгу шныряли и воры, поэтому Сухов зорко следил за своими баксонами. Правда, тати обходили стороной дружинников князевых — ведали, что у тех с лиходеями разговор короткий — меч наголо и голову долой.

Проехав торг по краю, минуя Немецкий и Готский [2] дворы, князь вывел своих людей к приземистой Пятницкой церкви, окружённой пристанями. У её каменных стен ютилось несколько домиков, заселённых попами, дьячками и другим церковным людом, а сквозь ограду виднелись кладбищенские кресты. Направо могуче расплывалось Ярославово дворище, левее через Волхов был перекинут Великий мост, а на том берегу поднимались каменные стены Детинца с белыми башнями, покрытыми шатрами из тёса, потемневшего от дождей до черноты. Выше стен вставали золотые купола собора Святой Софии, они тускло отсвечивали под серым, провисшим небом. Далеко было новгородской Софии до константинопольской, а всё же собор был к месту. Белое с золотом хорошо вписывалось в суровую гамму Севера — скудные краски зимы становились для храма расплывчатым фоном, а летние лазурь и зелень будут хорошо сочетаться со сдержанными цветами Софии.

Князь направил коня к мосту и перебрался на тот берег, въехал под своды воротной башни кремля, надстроенной маленькой церквушкой. Перекрестившись на собор, Александр Ярославич повернул к громоздкой хоромине, где проживал архиепископ Спиридон и собирались выборные правители города.

Спешившись и захлестнув поводья на коновязи, князь негромко спросил Олега:

---

[1] *Югрой*, или *Югорской землей*, в описываемый период именовался Северный Урал вплоть до побережья Ледовитого океана.

[2] Имеются в виду купцы с острова Готланд.

— Скажи мне честно, Олег Романыч, как ты мыслишь — прав отец мой?

Уловив в голосе Александра Ярославича напряг и волнение, Сухов осторожно ответил:

— Бог судья отцу твоему, княже. Все мы обычные люди, и сразу не разберёшь, чего в нас больше намешано, грешного или праведного. Одна умная женщина сказала мне, что, присоединившись к Батыю, я творю благо, ибо монголы — это зло малое, а князья русские, на своей же земле творящие дела непотребные, зло великое. И, ежели малое лихо победит большое, то сие к добру. Унизился ли Ярослав Всеволодович, ярлык на княжение принимая? Не знаю, да и пустяки это. Отныне все князья протопчут дорожку в Орду, в ногах у ханов валяться будут, ярлычки выпрашивая. Кабы вся русская земля единой была и неделимой, не пришли бы татары, побоялись бы. А уж коли рассыпали вы целое, разделили общее, то не обессудьте — или имейте ярлык, или вас поимеют!

Князь рассмеялся, приходя в хорошее настроение и возвращая себе уверенность. Он провёл Олега в палату со сводчатыми потолками и скудно освещённую — свет едва пробивался через мутные стёклышки в частом бронзовом переплёте. Под окошками стоял массивный белый стул, вырезанный из моржовой кости и отделанный золотом, а на спинке, по краям, высились два золотых креста на массивных шарах. Стул пустовал, а на лавке вдоль стены восседали трое в мирской одёже, подпоясанные золотыми кушаками.

— Здравы будьте,— церемонно сказал Александр Ярославич.

— И тебе здоровьичка, княже,— откликнулись присутствующие.

— А это Олег Романыч,— по-прежнему церемонно проговорил князь, представляя Сухова,— личный посланник хана Батыя.

Все уставились на Олега. Он скромно улыбнулся. Князь познакомил его со степенным посадником Степаном Твердиславичем Михалковым, с тысяцким Микитой Петриловичем, со старым посадником Юрием Ивановичем, отошедшим от дел, но влияние сохранявшим.

После недолгого молчания Степан Твердиславич проговорил неприятным голосом:

— Стало быть, начнём Батыге Джучиевичу десятину собирать?

— Начнём,— твёрдо сказал князь.— Сами будем собирать и сами отвозить в Орду. Не явятся баскаки на земли новгородские.

— Хоть так...— проворчал Юрий Иванович.

— Дозвольте слово молвить,— сказал Олег.

— Говори,— кивнул Александр Ярославич.

— Десятина для богатого Новгорода — потеря невеликая,— неторопливо начал Сухов.— Все, считай даже самые великие, государства платили дань кочевникам, лишь бы те не устраивали набегов. И великий Рим платил, и империя Ромейская, и Китай. Морщились, но платили, ибо бесплатная война куда дороже обходится, чем купленный мир, пусть даже худой. Так чем вы недовольны?

— Уж больно ты крут, как я посмотрю,— проворчал степенной посадник, зыркая на Олега.— Посланничек...

— Я ещё не окончил,— холодно сказал Сухов, и Михалков прикусил язык.— Считать убытки, я вижу, вы научены. Так учитесь и выгоду находить. Хорошие пастухи следят за тем, чтобы стадо овец не терпело лишений, не запаршивело. Не от любви та забота — пастуху надо овечек стричь. Так и монголы с Русью обращаются — порядок наводят, смуту устраняют, разводят сцепившихся князей по уделам и накладывают запрет на междоусобные драчки. А отсюда и Новгороду прибыль. Купцы-то смогут без опаски проезжать в любую сторону, хоть в Китай, хоть куда. Монголы и ямы поставят всюду...

— Ям у нас и без того хватает! — хохотнул тысяцкий.

— Надо говорить не «яма», а «ям» — это такой особый постоялый двор у дороги, где вам и лошадей поменяют, и накормят, и оборонят в случае чего. И таких ямов поставят сотни, вы бересту-то напишите, да и перешлите, куда надобно,— не на Людин конец, а и в Москву, и во Владимир, и в Сарай-Бату. А гонцы смогут по триста вёрст проделывать, за день-то! Ну так и пользуйтесь сим удобством. Ищите свою выгоду, а не оплакивайте дань Орде! У меня всё.

Выборные должностные лица переглянулись, и Михайло Петрилович взял слово.

— Что тут судить да рядить? — сказал он.— Всё уже многажды обсуждено! Ежели мы откажем Орде в дани, то монголы придут и осадят Новгород. Вот и скажите мне, одолеем ли мы татар? Али с нами то же станется, что и с Торжком? А? То-то и оно, что не осилить нам Орды!

— Ежели бояре сойдутся,— нахмурился степенной посадник,— то выставят тыщ пятьдесят войска. И Борецкие, и Авиновы, и Тучковы, и Норовы... Сила-то есть!

— Есть,— согласился тысяцкий.— А сойдутся ли бояре? А возжелают ли свести дружины свои под одну руку? Под чью, кстати? Доверятся ли они Александру Ярославичу? Ну, допустим, доверятся. Дальше что? Вот начнётся бой, а тот же Авинов или Божев возьмёт да и уведёт своих! Как ты его остановишь?

— У монголов такое немыслимо,— проговорил князь,— послушание у них жесточайшее. Там, даже если один воин побежит, накажут десяток! Попробуй только оспорь приказ или промедли — казнят! Да и нет у татар дружин, не сводят они их в рыхлую кучу, как мы. В Орде сотни смыкаются в тысячи, а тыщи сливаются в тьмы, и все тьмы подчиняются одной руке! Вот где сила! Не одолеть нам татар, пока мы порознь, а собрать всех заедино...— Он лишь головою покачал.

— Ладно,— мрачно буркнул Михалков.— Всё нами понято. И то не беда, что дань заплатим, иным куда хуже досталось...

Пончик, присевший в сторонке, неожиданно подал голос:

— Во Владимире ещё не схоронили своих мертвецов,— заговорил он негромко,— земля промёрзла глубоко. И они все покоятся до весны в амбарах, в клетях, в избах, оставшихся без хозяина. Тысячи и тысячи зарубленных и заколотых лежат, как дрова, тёплых дней дожидаясь. Не дай Бог повториться такому! А ростовцы заплатили дань и одного своего князя непутёвого в гроб положили, а прочие все живы и здоровы.

— Вот так,— веско сказал князь.— Ну, раз порешали всё, то отъеду я к себе. Прощевайте!

«Золотые кушаки» приподняли толстые зады над лавкой и поклонились князю, не шибко в том усердствуя.

Александр Ярославич покинул покои владыки, Олег с Пончиком вышли следом.

— И куда теперь? — негромко спросил Шурик.

Сухов пожал плечами, а князь услыхал и дал ответ:

— В Городище[1]! Князьям новгородцы не доверяют, за городом держат, от себя подальше. А мне и там неплохо!

Заскучавшая дружина оживилась, завидев Александра Ярославича, и мигом вскочила на коней. Олег последовал их примеру.

Князь поехал впереди, а все прочие за ним двинулись, по трое, по четверо в ряд. Оставив за спиною Людин конец, дружина выбралась за город. Бодрой трусцой кони донесли князя и свиту его до Юрьева монастыря, а там перешли Волхов по льду и вот оно, Городище — полноценный город на первой от Ильменя возвышенности, окружённый рвами и крепостной стеной на валу. Ближе к озеру, занимая весь мыс, расположился посад, чьи избы прятались за частоколом.

Городище находилось как бы на острове — его обтекали оборотные протоки Волховец и Жилотуг, выходящие из Волхова и в него же

---

[1] Имеется в виду Рюриково городище — резиденция новгородских князей. Рюриковым его назвали лишь в XIX веке.

впадающие. За высокими стенами крепости виднелись купола двух-трёх деревянных церквей и каменного собора Благовещения, выглядывала крыша обширного дворца, строенного по-новгородски — крупно, могуче, угловато, с большим запасом прочности.

Выстроили Городище по приказу Рюрика, ещё в 864 году — Олег был тому свидетелем. Именно из Городища Рорик, сын Регинхери, вагирского рейкса, и сам рейкс[1], прозванный росами Рюриком, и направил малую дружину — охранять караван купеческих судов, спускавшихся по Итилю в арабский Абесгун. С тем караваном и Олег с Пончиком отбыли, а обратно не прибыли — переметнуло их в год 921-й.

И всё же закладку Городища Сухов застал. Место для города было идеальное — отсюда можно было контролировать и Волхов, и весь Ильмень, достигая Ловати и Шелони, и волоков на Днепр и Двину. Правда, главной причиной основания Городища было вовсе не развитие торговли, а укрепление власти на местах — венды, теснимые на родине не в меру ретивыми саксами, массами переселялись на Ильмень, и Рюрику важно было наложить лапу на здешнюю вольницу, установить закон и порядок. Отсюда он грозил всем, кто не был послушен его власти.

Новгород возник лет на пятьдесят позже, поэтому городчане посматривали на новогородцев свысока, как на братьев своих меньших.

— Ходу, ходу! — закричал Александр Ярославич.

Дружина прибавила скорости, и вот уж могучая проездная башня загудела от топота копыт.

На территории Городища князь заметно расслабился — здесь он хозяин, и посадник ему был не указ.

Выбежавшие отроки — молодшие воины — подхватили под уздцы коней и повели их расседлывать, чистить и кормить. Сухов с Пончевым только баксоны сняли — Александр перекинул через плечо две сумы, а Олег — все восемь.

— Тяжело? — спросил Пончик.

— Своя ноша не тянет,— прокряхтел Сухов.

Княжеский тиун, ведавший всем хозяйством, сопроводил обоих посланников в отведенные им покои — стены из прочно пригнанных плах, двери со скруглённой притолокой, порожцы высокие. Окна глу-

---

[1] *Рейкс* — правитель у вендов (венедов), населявших Вагрию (Южная Прибалтика). Историки сходятся на том, что Приильменье и Поволховье заселялось именно вендами, только вот «антинорманисты» упорно именуют их славянами. Археологи, правда, не находят в тех местах славянских следов, в изобилии откапывая предметы скандинавского типа, но славянофилов это не убеждает — они крепки в вере своей.

боко утоплены под тройным резным карнизом, узорная кровля бросала затейливую тень.

— Нам бы в баньку,— просительно сказал Шурик.

— Истопим! — пообещал тиун.— Воды уже нанесли, печь растоплена. Подождать надоть.

— Надоть так надоть,— согласился Олег.

Как только тиун удалился, Пончик тут же рухнул на лежак, застеленный овчиной, и простонал:

— Господи, как же я устал!

— Не расслабляйся особо,— предупредил его Сухов,— князь наверняка призовёт нас на вечерю.

— На службу?! — ужаснулся Шурик.

— На ужин!

— А-а... Ну, это я ещё переживу...

Так и случилось. После бани Олег переоделся в чистое, а тут и отрок пожаловал — трапезничать звать.

— Явимся всенепременно,— пообещал Сухов и перебрал всё свое добро, выискивая одёжу побогаче.

Накинув на себя щегольской кафтанчик, натянув сапоги юфтевые, он спросил Пончика:

— Ну, как я тебе?

— Все девки — твои! — ухмыльнулся тот.— Угу...

Олег хмыкнул, почесал давно не бритое щетинистое темя, отмахнул рукою чёрные косы на висках.

— Да-а...— вздохнул он.— Чуешь, Понч, чем пахнет?

— Чем? — принюхался Александр.— Ладаном вроде тянет...

— Русью пахнет, Понч. Видать, опять нам на самый верх пробиваться. Но ничего, стартовали мы неплохо. Считай, в друзьях ходим и у Ярослава Всеволодовича, и у Александра Ярославича, и у Батыги Джучиевича. Теперь нам только расти и расти. Можем и княжеством обзавестись, их тут немерено.

— А ты сам чего хочешь? — спросил Пончик.

— Я-то? Сложно сказать, Понч. Охота мне глянуть на Европу средневековую. Опять-таки, замок на Луаре хочу... Надоела мне недвижимость рубленая, уж больно жарко горят здешние терема. Сейчас там когти точат Людовик IX Французский и Фридрих Гогенштауфен, а в Англии — Генрих III, так что не знаю ещё, куда податься: то ли мне бароном французским заделаться... нет, лучше графом, то ли сэром стать. С другой стороны, там-то, на чужбине, надо всё начинать с нуля, а здесь-то всё само в руки плывет. Ох, не знаю, не знаю, Понч... Од-

но скажу: сидеть и ждать я не буду. Чтобы жить хорошо, надо эту самую жизнь устраивать к лучшему... Ладно, пошли, повечеряем.

Трапеза удалась на славу, а стол богат был и яствами, и убранством. Чего только стоил поднесённый на запивку ковшик из кованого золота с крупным, выпуклым сапфиром на лебединой ручке. Когда Олег осушил его, то и на донце выявился такой же сапфир, величиною с мужской ноготь. Ковш был тяжёл, как добрый меч.

А роскошные блюда в жемчужных ободках? Гладкие золочёные чары с надписью: «Кто из нее пье тому на здоровье»? Серебряные черпальники? Турьи рога, оправленные в золото? Короче говоря, было на что посмотреть со вкусом — и вкусно откушать.

Когда бражничанье пошло вовсю, тут и гусляры появились, забренчали на своих инструментах, им гудошники ответили, басовые струны переладцев дёргая, свирели пошли жалобничать, красны девицы затянули долгую песню.

Гуляли долго, утихли далеко за полночь. Олег с Пончиком вышли подышать на высокое крыльцо терема.

Ночь была морозна, а небо ясно. Ночная стража сонно перекликалась: «Первый час ночи на Перынском конце!», «Первый час на Ильмерском!», «Славен Перынский конец», «Славен Ильмерский!», «Слу-у-ушай!..»

Пошатываясь, на крыльцо вывалился князь.

— Ох, ты,— еле вымолвил он,— перепил маленько...

— Передохни, Олександр Ярославич,— сказал Олег, подумав, что этого вельможного пацана впору Сашкой звать.

— Эт-то так...— Князь повертел пальцами в воздухе.— В себя прийти. Срамно сказать, какого я страху в Орде натерпелся!

— Чего же в том срамного? Знаешь небось ордынцы мягко стелют, да жёстко спать!

— Ох, до чего же жёстко...— вздохнул Александр Ярославич.— Хан Угедэй готовит «численне людей» — все земли велит переписать, хочет твёрдые налоги установить: тамгу, мыт, ям, поплужное, мостовщину. А дань-то и так тяжка! Полгривны с сохи! Даже на младенцев наложили десятину, вынь да положь им шкуры медвежьи, соболиные, бобровые. А новгородцы, что дети малые, не познавши гнёта истинного, не ведают, что такое неволя! Как я сюда численников ханских приведу? Как заставлю платить — и не вякать?!

— Заставишь, князь,— твёрдо сказал Олег.— Дураку не объяснишь, а умный и сам поймёт — сколько ни плати, всё одно дешевле выходит, нежели войну терпеть. Лучше покряхтеть, да откупиться, чем в землю лечь...

— Правду говоришь,— кивнул князь, воздыхая. Повернувшись к Олегу, Александр Ярославич нахмурился озабоченно и молвил: — Сослужил бы ты мне службу, посланник, что ли...

— Приказывай, князь,— спокойно ответил Сухов,— исполню.

Подбодрившись, Ярославич сказал:

— Надо бы грамотку снести в крепость Ладожскую...

— Знаю те места,— кивнул Олег.

— Вот! В крепости посадник сидит тамошний, Доброгаст. Надо ему ту грамоту вручить и передать на словах, чтобы пуще глаза следил за Волховым, а особо — за Невой. А то больно уж разрезвились свеи, то и дело заглядывают, и емь [1] вконец распустилась, всё грозят нам, в походы собираются, сёла наши жгут, людей побивают... С монголами-то я договорился, а эти лезут и лезут, и слова на них тратить бесполезно — сечь надо в кровь! Вот пущай и созовёт охочих людей, чтобы по теплу, когда лёд сойдёт, можно было первыми удар нанесть по душегубцам, а не ждать, пока те придут нашу кровь лить!

— Умно,— оценил Сухов и твёрдо пообещал: — Всё передам. Когда отправляться?

— Да хоть завтра!

— Решено,— кивнул Олег.

— И я с тобой! — вскочил Пончик.

— Да куда ж без тебя? — ухмыльнулся личный посланник Батыя, и лицо князя впервые выразило веселье.

— Пошли-ка все спать,— предложил Сухов.

Князь с посланником княжьим поразмыслили и выразили согласие.

В опочивальне было прохладно, но это и к лучшему — сон крепче будет. Олег устроился поудобнее на непривычно мягких перинах пуховых и закинул руки за голову, уставился в потолок. Сон витал где-то рядом, словно на время покинув тело. Думалось Сухову вяло, мысли текли плавно, зато ни одна тревога не посещала ум — он не прислушивался, вздрагивая от непонятного звука, не напрягался, подтягивая оружие поближе. Покой наступил, недолгий, но сладостный. Расслабуха.

— Ты не спишь? — донёсся громкий шёпот Пончика.

— Заснёшь с тобой, пожалуй...— проворчал Олег.

Александр поворочался на своём ложе и спросил:

— А чего ты делаешь?

— Думаю.

---

[1] Емь, которую шведы называли тавастами,— крупный племенной союз, сложившийся на территории центральной Финляндии. Покорен шведами. После XIII века название емь исчезает из русских летописей.

— А о чём?

— Прикидываю, чем мне запустить в одного зануду.

— Нет, серьёзно!

— Да так, ни о чём конкретном. Своих вспоминаю... Я имею в виду нукеров.

— Своих?

— Да, Понч, своих. Бату-хан мне, что есть, что нету его, а вот наш десяток — это совсем другое дело. Привык я к ним, понимаешь? Свыклись мы вместе быть — помогать, прикрывать, спасать, биться спина к спине. И вот, когда я это всё вспоминаю, то мне истина даётся — не важно, против кого ты воюешь, важно, с кем ты идёшь в бой.

Шурик вздохнул.

— А я баскакам служил...— признался он.— Самому Великому баскаку владимирскому прислуживал. Представляешь?

— Представляю.

— Ирония судьбы... Даже не ирония, а злой сарказм — я, который принципиально был против монголо-татар, я же, выходит, и устанавливал то самое иго! Угу...

— Вот что, пособник, ты что собираешься дальше делать? Князю великому служить или как?

— А ты?

— Я первый спросил.

— Не знаю я... Вот честно, не знаю! И во Владимир мне возвращаться не хочется, и Новгород этот... Ох... Не мой это город, не та тут жизнь, какая мне нужна.

— А где та?

— Так говорю же — не знаю!

— Понятненько... У меня те же симптомы. В Новгороде мне ловить нечего, а в Орду меня только на аркане уведёшь. Ладно, Понч, по дороге обдумаем жизненный путь. Спать!

— А я...

— Спать, я сказал!

— Да сплю я, сплю...

...Выспавшись как следует, позавтракав обильным остатком вчерашнего, оба посланника двинулись в путь. Вьючных своих они прихватили с собой — так спокойнее... Да и кому их сдать на хранение? Вахрамею? Монах — парень честный, кто спорит, дак ведь есть и те, кто поболе его. Не, лучше уж всё свое с собой и носить...

Уже за городом, следуя набитой тропой по правому берегу Волхова, Олег почувствовал себя свободным. Никто не спорит, к ордынцам он примкнул сам, по своей воле, но всё же Запад был ему ближе, чем Восток.

Они с Пончиком ехали, как в былые времена, вдвоём, и эта замёрзшая река, и молчаливый лес, всё было знакомым, не то чтобы родным, но своим.

— А я себе не таким представлял Александра Невского,— сказал Шурик.— Угу...

Сухов фыркнул.

— Ты только на публике не вздумай так князя обозвать,— сказал он,— а то засмеют Ярославича.

— Чего это? — удивился Пончик.-- А-а... Ну да, ещё ж не было Невской битвы. Угу...

— Да я не об этом, Понч. Понимаешь, разбить свеев на Неве — это не подвиг для князя, а исполнение профессиональных обязанностей. Ему за это деньги платят, понимаешь? И он каждый год гоняет всех этих свеев, финнов, литовцев с немцами, всех любителей отовариться на халявку. Точно так же служили князья до него и будут служить после. И я тебя уверяю, Александр Ярославич никогда бы не принял такой сомнительной чести — быть прозванным Невским. Кто же хвастается текущей работой?

— Ну, в принципе ты прав,— с трудом согласился Александр.— Хм. Назвали бы его Чудским, правда что...

— Если бы правда...

— Не понял. Ты что, считаешь, будто Ледовое побоище тоже текучка?

— Понч,— сказал Олег с чувством,— да кто тебе сказал, что такое вообще было?

— Ты чего?! На Чудском озере! Рыцари «свиньёй» построились, а наши им как дали! И все те рыцари под лёд ушли.

— А наши куда ушли? — ухмыльнулся Сухов.

— Домой,— буркнул Александр и добавил с вызовом: — С победой!

— Понч, ты только не обижайся. На тебе, между прочим, тоже кольчуга напялена, и шлем — железа почти пуд. И если под тобой лёд разойдётся, ты камнем пойдёшь ко дну не хуже, чем тевтонец в латах. Да любого пловца, хотя бы и наилучшего, утянет под воду гиря весом в пуд! А тут как-то странно получается — плохие немцы, значит, потонули, а хорошие русичи — нет. Так не бывает, Понч. Да и какому рыцарю в здравом уме придёт в голову сражаться на льду? Полей, что ли, нехватка?

— Между прочим, это легко проверить,— разгорячился Пончик.— Надо нырнуть в озеро и выкопать из ила латы!

— Ныряли, Понч.

— И что?

— Ни-че-го. Пусто! Ни вот такусенького обломочка нету на дне!

— Не может быть! У Вороньего камня?

— У него. Чистое там дно, Понч.

После продолжительного молчания Александр пробормотал:

— Не понимаю... Для чего же тогда Невского к святым причислили?

— А кто ж его знает... Вот, занадобилось кому-то героя из князя сделать, в борца за веру превратить. Не пустил-де князь поганых латинян на землю русскую, отстоял православие! Будто кто покушался на нашу веру... Сидели тевтонцы с ливонцами в своей Прибалтике и угнетали помаленьку местное население, а нас не трогали. Наоборот, мы к ним постоянно лезли! Кстати, тот самый Невский не раз водил полки на земли Ордена, грабил соседей по-чёрному. Входил в Немецкую землю и опустошал её по обычаю [1]. Ты не подумай, я ничего дурного не хочу про Александра Ярославича сказать. Обычный он князь, получше некоторых, поумней, во всяком случае. Но, как и все прочие рыцари, хитёр, коварен, честь у него податлива, а совесть сговорчива. А что ты хочешь? Жизнь такая...

— Ужасно...— пробормотал Пончик.

— Что — ужасно? Правда не бывает ужасной. Просто надо видеть её под нагромождением вранья. Та не журись, Понч! Я всё прекрасно понимаю — это в тебе мифы не вывелись, в средней школе подхваченные. А у нас хорошая историчка преподавала... И хорошенькая! Мы её потому и слушали, а после прониклись. Я уже и не помню ничего, вон, монголо-татарское иго на практике проходил, а все даты как вымело из памяти. Но что-то в голове всё-таки осталось. И завет Цыли Наумовны — думать! Не принимать на веру слово печатное, а соображать самим, подвергать сомнению. Знаешь, что самое обидное? Что бедного Александра Ярославича возвеличат за вымышленные подвиги, а вот о подлинных его заслугах историки будут стыдливо умалчивать, потакая церковникам.

— Да что ты говоришь! — язвительно сказал Пончик.— Неужто и вправду есть заслуги?

— А то! Споспешествовал князюшка триумфальному шествию власти Орды — исполать Александру Ярославичу! Этот твой тёзка, Шурка, поможет татарам прижать князей, замирит их на многие годы. Стало быть, ему надо «спасибо» сказать за будущее объединение Руси. Он, как это говорится в учебниках, «создал условия». Ханы принесли нам закон и порядок, мир и покой — исполать Орде! На этом мы и поднимемся, дорастем до единства. Понял, Понч?

— Понял...— вздохнул Шурик.

— Не расстраивайся, Олександр. Это только так кажется, что выдумка красивее правды. Ерунда это. Правда есть чистота и строгость

---

[1] Формулировка принадлежит С. Соловьёву.

в любом виде, какой бы безобразной ни оказалась истина. Грязь проявляется в нашем обращении с правдой. Это, знаешь, как отношение к наготе — один просто любуется голой женщиной, а другой видит только срам и «неприличные места», которые надо обязательно прикрыть трусиками и лифчиком.

— Будем считать, что ты меня убедил,— снова вздохнул Пончик.

— А чего тогда вздыхаешь?

— Геллу вспомнил...

— Да-а...— вздохнул и сам Олег.— Там было чем любоваться...

— Угу...

И оба замолчали, в который раз наблюдая в воображении неодолимую пропасть в три столетия. Какое же в этом было чудовищное извращение смысла — знать, что твоя любимая давно уже обратилась в прах, и понимать при этом, что по ту сторону провала во времени она жива и ждёт твоего возвращения! Немыслимо. Невыносимо.

Ладожская крепость была ещё Олегом Вещим заложена на Стрелочном мысу, разделявшем Волхов и реку Ладожку. Когда-то на её месте стояла фортеция деревянная, а Вещий велел из камня строить. Вот и выстроили оплот — каменную твердыню, грозу свеев, «оплечье» Великого Новгорода.

В твердыне насчитывалось пять башен — Воротная, Раскатная, Климентовская, Тайничная и Стрелецкая. Соединяясь стенами в шесть шагов толщиной, башни составляли крепость, имевшую вид огромного утюга, направленного острым концом на север. Стрелецкая башня была главной и располагалась на остром конце «утюга». Нижняя часть её стены была толщиной в восемь шагов; второй ряд бойниц располагался в стенах немногим тоньше, даже над верхним рядом бойниц толщина каменной кладки была в четыре шага, под размер башенных зубцов. Складывали стены из диких камней-валунов и заливали известковым раствором, а снаружи ещё и облицовывали толстыми плитами из тёсаного камня, эти же плиты шли и на своды.

— Ну, как? — горделиво спросил провожатый, подкормщик морской стражи Губарь.

— Сила! — сказал Олег уважительно.

Подкормщик расплылся в довольной улыбке, а Сухов выглянул в бойницу. Внизу он увидел речку Ладожку, большой деревянный мост, соединявший её берега, толпу посадских жителей на торгу у моста. Немного далее, за крайними строениями посада, виднелись купола Успенского монастыря.

— Ладно,— улыбнулся Олег,— пошли. Насмотрелся!

Сухов с подкормщиком прошли мимо дозорного, спустились по каменным ступеням в средний этаж башни. С трудом приоткрыв ду-

бовую дверь, они узким сводчатым ходом вышли на крепостную стену с заборолами.

Заборола, как и башня, были покрыты почерневшим от времени дубовым тёсом. Через каждые десять шагов Олег обходил сложенные дрова под медными котлами на треногах, наполненными смолой. По стенам хранилось аккуратно сложенное оружие: копья, рогатины, топоры, колчаны со стрелами, луки.

— А ты говоришь — свеи! — фыркнул Губарь.— Что нам те свеи? Размажем! И мунгалов не побоимся!

— Мунгалы, друг мой,— вздохнул Олег,— и не такие крепости брали.

— Думаешь? — нахмурился подкормщик.

— Знаю. Да и не о том ты мыслишь — крепость твоя от свеев поставлена и прочих гостей непрошеных, что с севера явиться могут или с запада придут. А татары — на востоке, и там таких твердынь у Новгорода нет. Так что, когда судачить станете про князя нашего, не ругайте его особо и с отцом не равняйте — не от трусости личной Александр Ярославич Орде кланяется, а от слабости новгородской.

— Да ежели новгородцы поднимутся,— затянул Губарев,— да с оружием выйдут биться...

— Выйдут,— перебил его Сухов,— и биться храбро станут. Верю. Знаю. А сколько их с битвы до дому вернётся? В одиночку Новгороду не осилить монголов, а умирать за всех... Смысл есть?

— Нету,— признал подкормщик.

— То-то и оно... Ладно, веди к посаднику.

— Да я ж тебе говорю — нету Доброгаста Никитича, отбыл он!

— Уже прибыл. Внизу лодья его стоит.

— Ну-у? Тогда пошли.

Посадник устроился в жарко натопленных палатах, свет в которые едва просачивался. Оконца были узки, как бойницы, ужимая лучи, процеживая безудержное сияние мартовского солнца.

Посадник, высокий, худой человек с неожиданно широкими костлявыми плечами, сидел за большим столом и вдумчиво читал грамоту князя, шевеля губами и водя пальцем по строкам.

Наконец, отложив послание, посадник уставился в окно, огладил рукою бородку.

— Ты-то как,— спросил он Олега,— знаком с волей князевой?

— Ежели ты о повольниках, желающих Новгороду послужить,— ответил Сухов,— то да, знаком. Александр Ярославич изложил вкратце, чего он хочет.

— Дельно он мыслит, хоть и юн,— проворчал Доброгаст Никитич.— Крепость-то моя сильна, слов нет, по Волхову никого не пропустим. А ежели свей на реку Свирь намылится? Али не пойдёт дальше Ижоры, местных станет раздевать?

— Флот нужен, корабли.

— Корабли-то имеются! Пять лодеек держим, а ходить на них некому. Кто раньше меня держался, нонче на Север подались, «рыбий зуб» добывать и прочего счастья пытать. Ну так не перевелись же мореходы в землях новгородских! Наберём... Только поспешать надобно — проморгаться не поспеешь, как лёд сойдёт. Тут-то и своям дорога откроется. «Здрасте! — скажут.— Вы нас не ждали, а мы припёрлись!» Ну ладно, заговорил я тебя. Когда в обратный путь собираешься?

— А завтра с утра и двинем!

— Добро! — согласился посадник.

С утречка, отменно выспавшись, Олег с Пончиком отправились обратно в Новгород. Морозов уже не было, но снег пока не рыхлел, держался. И лёд ещё не трещал на реках — суровая выдалась зима.

Где-то за Сясью Сухов выбрался на заснеженную поляну. Посреди неё, на оплывшем кургане, лежал поваленный идол. Что-то знакомое почудилось Олегу на капище, а потом савраска вынес его на соседний лужок.

— Узнаёшь? — спросил Пончик.

— Где-то я всё это уже видел...

— Хочешь подсказку? Восемьсот пятьдесят восьмой год...

— Точно! — прозрел Сухов.— То самое место! Давай здесь остановимся? Всё равно вечер скоро. Костёрчик организуем, пройдёмся по местам боевой и трудовой славы... Не бойся, не ножками — языком!

— Давай!

Они распрягли коней и сложили баксоны в кучу. Расчистили снег, наносили хворосту, запалили костёр. Уселись на сумы, протягивая ладони к огню.

— А деревья тогда другие были,— сказал Шурик.— И росли погуще.

— Что ты хочешь, девятый век — и тринадцатый. Есть же разница.

— Ну да... Слушай, Олег, мы тогда не договорили... Ты уже думал, как дальше жить-быть?

— Прикидывал, Понч. Может, всё-таки во Францию податься? Доспех есть, чем я не рыцарь? Только надо герб придумать и имечко покруче... Пойдёшь ко мне в оруженосцы?

— Пойду! — радостно согласился Александр.— Я ж ещё в Киеве пошёл! Угу...

— Во французской стороне тепло...— зажмурился Сухов.— Замок бы ещё выпросить у короля...

— Здорово... А знаешь, я верю, что у тебя это получится.

— Получится, Понч, получится... Всю жизнь, считай, наверх карабкаюсь. Опыт есть...— Тут мысли Олега приняли иное течение.— Перекусим, может? Что нам там дядя посадник выдал от щедрот своих?

— Угостишь, может, эльчи? — раздался вдруг знакомый голос.

Сухов мгновенно вскочил, оборачиваясь, уже с саблей в руке — не заметил, когда и выхватил.

Напротив него стояли двое — Бэрхэ-сэчен и Савенч, оба с саблями наголо.

— За Исайю! — взвизгнул брат Иоганн и кинулся на Олега.

И в тот же миг по снегу заиграли сиреневые отсветы.

— Опять?! — закричал Пончик, вскакивая и потрясая кулаками.— Да сколько ж можно?

Бэрхэ-сэчен растерялся сперва, не зная, как отнестись к неожиданному знамению, но тут же вдохновился, посчитав, что Бог на его стороне. Шагнул, замахнулся...

А Олег спокойненько уселся, равнодушно посматривая в небеса, где сворачивались и вновь расходились сполохи чистейшего сиреневого цвета. «Опять...— подумал он.— Как же мне всё это надоело... Сейчас туманец накатит...»

Голубой туман затмил лес и небо, разошёлся повсюду, гася движение и звук. Бэрхэ-сэчен замер в момент выпада, с выпученными глазами, весь вытянувшись в застывшем броске. И пала тьма.

Свет показался Сухову яркой вспышкой, полыхнувшей и справа, и слева. Обрушился шум, лишь позже обратившийся в легчайший шелест листьев и перепевы лесных пичуг. Свет тоже будто убавил яркость — перед Олегом предстало то же самое место, только в летнем убранстве. Зеленели деревья, голубело небо. Было тепло.

— Мы там...— сказал Пончик стеклянным голосом.— Мы вернулись, Олег!

— Глянь за теми кустами,— подсказал Сухов, с трудом поднимаясь с земли. Да нет, с какой земли — с баксона! Все его сумы лежали там, где он их оставил. А вот коней не было — ни сивки, ни бурки, ни савраски...

— Олег! — заорал Пончик.— Мы там! Тут «тойота» твоя!

Олег испытал громадное, ни с чем не сравнимое облегчение, немыслимое опустошение, обессиливающее, лишающее и радости, и расстройства.

— Прибыли, значит...— пробормотал он.— Добросило нас...

— Только не всех...— пробормотал грустно Александр.

— В том-то и дело. Хватай свой багаж, подкину.

— Надо же,— устало подивился Пончик,— не пропало ничего. Наверное, близко от нас находилось.

— Ага, как раз под нашими задницами.

Они перетаскали баксоны к машине и разделись, поснимав с себя панцири и шубы. Олег и порты скинул, натянув родимые синие джин-

сы, которые снял с себя двадцать лет назад, желая поучаствовать в фестивале ролевиков.

— Все разъехались,— сказал Пончик, оббегав все кусты.— Намусорили везде...

Сухов надел футболку и еле в ней уместился — плечи раздались в ширину.

— В ванную хочу! — грезил Шурик.— И чтоб шампунь! Помнишь, как он назывался?

— «Хэд энд шолдерс»?

— Ну, ты даёшь!

— Залезай. На тебя одёжки нет, так что гуляй пока в домотканом. А ключи-то есть?

— А ты меня до поликлиники подбрось, я там выйду. У меня в кабинете было во что переодеться. И ключ от квартиры!

— Ладно. Если мотор заведётся...

Мотор завёлся с полоборота. Заурчав, «тойота» выехала из ельничка и развернулась. Олег, глядя на рычажки и кнопки, не сразу мог сказать, где тут что, а руки помнили, безошибочно переключая передачу, отжимая сцепление, выворачивая руль.

Дорога завладела всем вниманием Сухова, и он радовался этому — не оставалось времени на переживания. А вот Пончик погрустнел, сидел, задумчив, смотрел за окно и не замечал пейзажей средней полосы.

Олег вёл «шайтан-арбу» осторожно, не разгоняясь. Навык-то имелся, но когда он в последний раз ездил? Вспомнить страшно. Он повёл головой, словно стряхивая с себя морок, паутину незримую. Не соединялись у него времена, ну никак. Умом он понимал, что он отсутствовал двадцать два года, а здесь, в 2007-м, вряд ли сутки-другие минули. Из прошлого он вернулся в прошлое... Нет, это не объять рассудком, не вместить так, чтобы на ум пошло. Он-то все эти годы жил, день за днём. Воевал, влюблялся, подвиги совершал, пакости учинял. И вот вернулся, наконец, в своё далёкое-далёкое прошлое, которое является далёким-далёким будущим... Нет, бесполезно себе объяснять, уговаривать здравый смысл. Это с пространством можно как угодно шутить — и вверх идти, горы покоряя, и вокруг света путешествовать, и на одном месте толочься. А время — это нечто иное, не четвёртое измерение («Эйнштейн, ты неправ!»), это вселенская потаённая громада, это незримый колосс, что приводит миры в движение, и слава богу, что «завод» не кончается в этом космическом будильнике...

И тут же с межгалактического громадья Олег уронил себя в серую плоскость буден. Ему представились проблемы с разницей между тем, каким он был, и каким стал. Похож ли он будет на своё фото в паспорте? А узнают ли его друзья? Соседи? Сослуживцы? Пустяки какие... С ра-

боты надо будет уйти — что ему там делать? Смешно даже опять превращаться в «офисный планктон», снова окунаться в скучную бумажную круговерть. Ему-то! Магистру Ромейской империи! Аколиту этерии! Багатуру и личному посланнику Бату-хана! Господи, голова кругом...

Друзья не узнают — это даже хорошо. Да и кто ему друг? Вот он, едет с ним вместе, сидит, печалится. Протоспафарий Александр. А прочие... Нет, он их ещё помнит, всех этих приятелей и приятельниц. Смутно, туманно, но помнит. Увидит когда — узнает. Но кто они ему теперь? Дрогнет ли у вас сердце, если удастся встретить того или ту, с кем рядом сидели на горшках в садике? Тут — то же самое. У него было много настоящих, верных друзей. Он не заводил их, они сами появлялись в его жизни. Валит, Олдама, Ошкуй, Крут Военежич, Воист, Алк, Слуда, Халид, Рада... Инегельд, Тудор, Халег, Турберн, Свен, Ивор, Игнатий, Ипато, Елена... Джарчи, Чимбай, Тайчар, Судуй, Хуту, Дана, Варвара... Это и есть его жизнь, была и остаётся. Триста ли годков минуло, семьсот или вся тысяча, неважно. Он сменил трое времён, а жизнь прожил одну. Ну, ещё не прожил...

Заправившись в Старой Ладоге на последнюю сотку, завалявшуюся в заднем кармане джинсов, Олег оценил юмор ситуации, лишь сев за руль.

— Умора,— сказал он,— у меня в багажнике золота и драгоценностей на миллионы, а в кармане ни копья!

Пончик вздохнул только.

Олег ехал по шоссе, направляясь к Питеру, и понемногу погружался в давным-давно покинутую реальность. Открывал для себя новое, вспоминал забытое.

Городские улицы навалились на него заполошным шумом и гамом, всяческой суетой и маетой. На Малой Морской он высадил Пончика.

— Донесёшь? — спросил Сухов.— Или помочь?

— Дотащу,— пропыхтел Александр, взваливая на плечо перемётную суму с мехами и подарками великого князя.— Звони!

— Как это? — натужно пошутил Олег и отъехал, борясь с желанием выжать педаль акселератора и проскочить к своему дому на полной скорости. В нём зрело желание запереться, укрыться, рос позыв к одиночеству. Одиночество... Вот его удел.

Добравшись до дома, Сухов поставил машину у подъезда. Выйдя, он заметил троих парней уголовного вида, оккупировавших лавочку у входа. Впрочем, их присутствие оставило его равнодушным. Три подвыпивших простолюдина, подумаешь... Босота. Быдло.

— М-мужик,— промычал один из парней,— слышь, мужик?

В это время Олег заметил кота Онуфрия и очень ему обрадовался.

— Ты чего,— заорал босяк,— не слышишь?

— Пшёл вон,— обронил Сухов, склоняясь к подбежавшему коту, чтобы почесать животинку за ухом.

Троица набросилась одновременно. Олег развернулся пружиной, работая на автомате — ребром ладони по шее, прямым в челюсть, локтём под дых. Драки не получилось, он просто раскидал всех троих, нанеся вред их здоровью, и даже не запыхался. Парни сочли за лучшее исчезнуть, а Сухов расхохотался. Его реально рассмешили эти алкаши, не годные даже в холопы. Напасть на багатура! Впрочем, откуда им знать, кто он и что он? Здесь другое время, иное бытие определяет иное сознание.

Онуфрий, старательно тёршийся о штанину, стал выказывать признаки нетерпения.

— Погоди, кот,— сказал ему Олег,— сначала я отнесу багаж. Ручную кладь, понял?

Перетаскав баксоны к двери, оббитой чёрным дерматином, он открыл её и вошёл в квартиру, почему-то ожидая встретить запах затхлости — он-то покинул её двадцать лет назад! А вот для Онуфрия минул день или два. Или три.

Свалив в угол шубы и доспехи, уложив в ряд баксоны с добычей, Олег отправился на кухню и заглянул в холодильник. На его счастье, нашлась початая пачка пельменей. И «сельдь тихоокеанская жирная х/к». И картошка!

— Картошечка...— простонал Сухов плотоядно.— Сколько ж лет я тебя даже не обонял!

Картошечку Олег решил сварить в кастрюле. Для пельменей отыскался ковшик.

— Ма-а-ау-у! — заорал доведённый до отчаяния Онуфрий.

— Цыц! — сказал Сухов.

Хорошенько поискав, он нашёл кусочек заветрившейся колбасы, но котяра был неприхотлив, он не стал обращать внимания на вторую свежесть продукта. Слопал, урча.

Переварив картошку, Олег почистил селёдку, нарезал лучка, брызнул сверху маслица. Водочки ба... Да ладно, и так сойдёт. И Олег принялся пировать.

Но день кончался неумолимо, подгоняя вечер. Онуфрий повертелся на кухне, понял, что больше ему ничего не перепадёт, и с достоинством удалился. Сухов остался один.

Он побродил по квартире. Обрадовался, вспомнив про ванную, и просидел в горячей воде больше часа, пользуясь всеми шампунями, что были в наличии. Но и водные процедуры подошли к концу.

Вытеревшись, переодевшись в чистое, Олег разложил свои сокровища. Драгоценности и золото — в одну кучу, меха — в другую, оружие — в третью. Вернись он со всем этим барахлом хотя бы лет пятнадцать на-

зад, то был бы счастлив и доволен. Но не теперь. Теперь он стоял на краю пропасти в тысячу семьдесят лет, отделявшей его от Елены. И как ему заполнить сей разрыв? Как вернуть счастье, оставшееся на том краю?

Резко зазвонил телефон. Олег вздрогнул и замешкался, вспоминая, где трубка и как в неё говорить.

— Алло?

— Пр-рывет...— сказал Пончик на том конце провода.

— Привет. Ты дома?

— Ага... Как ты?

— Хреново.

— Вот и я... Покой везде, вот и думаешь, думаешь, думаешь...

— Аналогично, шеф,— пришла Олегу на ум реплика из полузабытого мультфильма.

— Что будем делать? В рыцари тебе уже не попасть... Можно переводчиком — с древнерусского, греческого, старомонгольского...

— Спасибо, Понч, мне это не нужно.

— А что тебе нужно?

— Вернуться туда. А потом сюда — с Еленой.

— Олег, это невозможно.

— Понч, о чём ты говоришь? Ещё вчера был март одна тыща двести тридцать восьмого! Мы там были!

— Но как попасть в девятьсот тридцать седьмой?! Я даже не представляю себе!

— Будем думать, Понч. Мы всегда добивались, чего хотели. Лезли наверх, цепляясь руками и ногами!

— А теперь нам надо лезть вниз... Спуститься на тысячу семьдесят ступенек... Угу...

— Спустимся, Понч. Куда мы денемся.

— Ладно, Олег... Я ведь просто так позвонил, пожелать спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Понч.

— Спокойной... Ты звони, если что.

— Обязательно. Давай...

Положив трубку, Сухов вернулся в комнату и подошёл к окну. На улице было темно. В доме напротив ярко горели окна. Кое-где занавески были раздёрнуты, и глазу давались моменты чужой жизни. Подметая улицу светом фар, проехала машина. Затормозила, краснея «стопами». Жизнь продолжалась.

На стенке в прихожей тикали часы, китайский ширпотреб. Маятник размеренно качался, а секундная стрелка, вздрагивая, описывала круги, набавляя и набавляя возраст вселенной.

«Время, назад!» — скомандовал Олег, но часы не послушались, они шли в будущее...

Оглавление

ЗАКОН МЕЧА

Глава 1 5
Россия, Санкт-Петербург. 2007 год 5
Глава 2 9
Ромейская империя, Константинополь 2007 год 9
Путь «из греков в варяги» 15
Глава 3 20
Ленинградская область, где-то между Волховом и Сясью. 2007 год 20
Глава 4 27
Алаборг 39
Глава 5 49
Глава 6 68
Глава 7 78
Свеаланд, Упсала 83
Глава 8 95
Кирьялаланд, река Кумена 100
Глава 9 106
Альдейгьюборг 106
Глава 10 123
Глава 11 135
Глава 12 148
Глава 13 157
Глава 14 171
Глава 15 184
Глава 16 194
Глава 17 213
Глава 18 229
Глава 19 243
Глава 20 257
Глава 21 266
Борт снекки «Семаргл» 266
Глава 22 290

МЕЧЕНОСЕЦ

Пролог 297

Часть первая
«ИЗ АРАБОВ В ВАРЯГИ»

Глава 1, в которой Олег Сухов предается воспоминаниям, бродя душою по местам боевой славы 309
Глава 2, в которой Олег находит себе нового сеньора, а Пончик определяется во времени 345

Глава 3, в которой Олег получает новое прозвище 354
Глава 4, из которой доносятся шипение вечных огней, победные кличи и вопли предателя 375
Глава 5, в которой Олег обретает и теряет рай 390
Глава 6, где прямые мечи скрещиваются с кривыми, лязгают абордажные крючья, а храбрый росс веселится, потрясая Магомета 413
Глава 7, из которой доносится шепот любви, скрип колес и шелест шелка 424
Глава 8, из которой доносятся стенания и хрипы, а Олег помимо воли участвует в языческих обрядах 439

Часть вторая
«ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ»

Глава 9, в которой Олег отправляется на юг 453
Глава 10, в которой варяги прибывают без опоздания 461
Глава 11, в которой Олег ищет сокровища 468
Глава 12, в которой Олег уподобляется герою вестерна и спасает преступников 487
Глава 13, в которой варяги получают важные известия и выходят в море 497
Глава 14, в которой Олег с Пончиком терпят небольшое кораблекрушение 509
Глава 15, в которой над Олегом совершают таинство, а после бросают в тюрьму 520
Глава 16, из которой становится ясно, для чего нужны друзья-товарищи 536
Глава 17, в которой Север бьется против Юга 551
Глава 18, в которой Олегу дается ответственное поручение 565
Глава 19, из которой доносится знаменитое: «Мы от роду русского!» 573
Глава 20, в которой Олега вознаграждает базилевс 585

МАГИСТР

Глава 1, в которой Олег решает уберечь Его Величество 593
Глава 2, из которой становится ясно, отчего судьба порой закладывает крутые виражи 604
Глава 3, в которой Олегу жалуют титул магистра 619
Глава 4, в которой Олег отправляется в Италию транзитом через Тмуторокан 635
Глава 5, в которой Олег испытывает превратности судьбы 645
Глава 6, в которой Елена Мелиссина молодеет 653
Глава 7, в которой Олег примеряет модные одежды 660
Глава 8, в которой на театре военных действий ставится спектакль, а Олег подрабатывает осветителем 675
Глава 9, в которой Елена Мелиссина размышляет о судьбах империи и плетёт интриги 694
Глава 10, в которой Север бьётся с Югом 710
Глава 11, из которой доносятся удары тарана и свист niglaros 719
Глава 12, из которой доносится гогот победителей и стоны побеждённых .. 730
Глава 13, в которой Елена Мелиссина отказывает двум молодым людям ... 744
Глава 14, в которой доказывается, что грузят на того, кто везёт 754
Глава 15, в которой Олег даёт взятку королю Италии 770
Глава 16, в которой Олег стойко принимает удары судьбы 781

Глава 17, в которой разлучённые встречаются 798
Глава 18, в которой варяги выступают все за одного 809
Глава 19, в которой Олег действует один за всех 813
Глава 20, в которой Олегу было явлено чудо 828
Глава 21, в которой Олег возвращает подарок 843
Глава 22, в которой Олег возвращается домой 851

БАГАТУР

Часть первая
РУСЬ СВЯТАЯ

Глава 1, в которой Олег Сухов встречает рассвет пополудни 863
Глава 2, в которой Олег производит себя в рыцари 877
Глава 3, в которой Олег завоевывает Киев 890
Глава 4, в которой Олег наживает себе врагов 898
Глава 5, в которой лёд трогается 913
Глава 6, в которой Олег ввязывается в драку 924
Глава 7, в которой Сухов поминает чёрта 940
Глава 8, в которой опять власть меняется 949

Часть вторая
НАШЕСТВИЕ

Глава 9, в которой Олег сначала получает подарок, а после теряет его ... 957
Глава 10, в которой Пончик пробирается к своим 975
Глава 11, в которой Олег готовится к бою, но до него не доходит очередь ... 991
Глава 12, в которой Олег повинуется порыву 1003
Глава 13, в которой Олег идёт на приступ 1012
Глава 14, в которой Пончик хочет вернуться обратно 1022
Глава 15, в которой Олег встречает Новый год проездом 1030
Глава 16, в которой Олег уходит в самоволку 1042
Глава 17, в которой Олег не узнаёт Москву 1051
Глава 18, в которой Олег улучшает своё благосостояние 1059
Глава 19, в которой Пончик знакомится и прощается с героями 1068
Глава 20, в которой Олег становится на постой 1082
Глава 21, в которой Олегу поручается ответственное задание 1096
Глава 22, в которой Пончик верно служит великому князю 1114
Глава 23, в которой Олег спасает красавицу от чудовища 1133
Глава 24, в которой дорожки пересекаются 1145
Глава 25, в которой Олег обещает Пончику подумать 1156

Литературно-художественное издание

Валерий Большаков

ВОИН

ЗАКОН МЕЧА

МЕЧЕНОСЕЦ

МАГИСТР

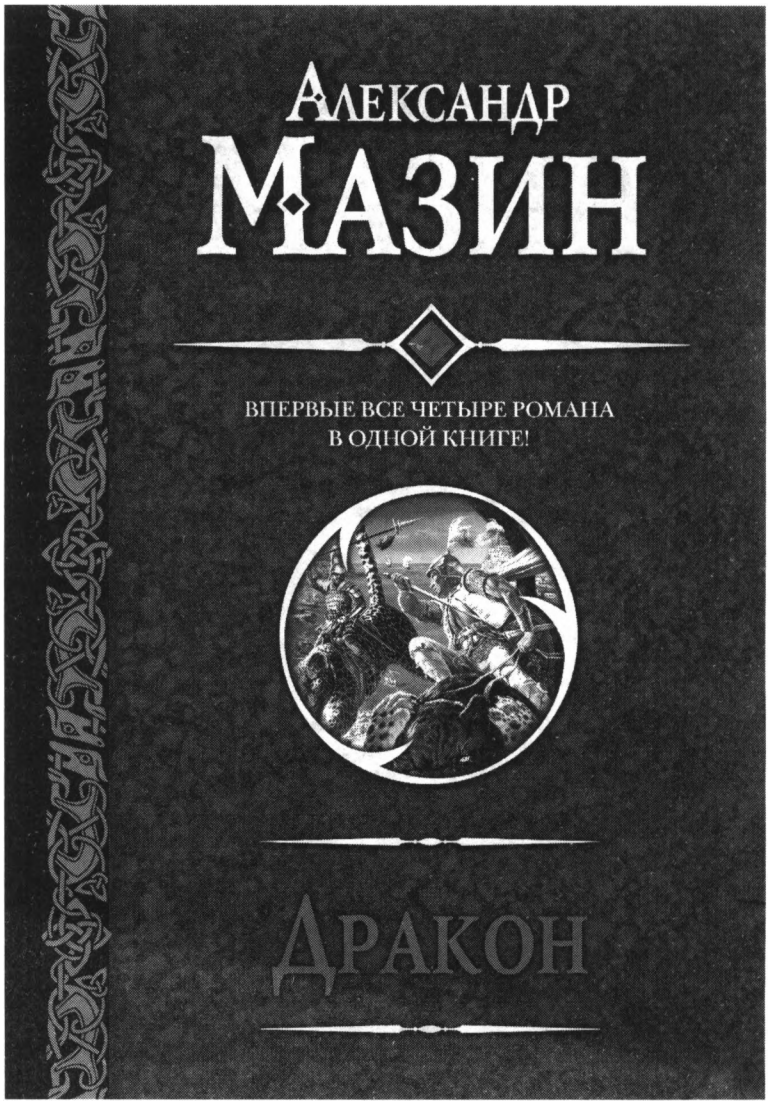
БАГАТУР

Ведущий редактор *А. В. Мазин*
Ответственный редактор *П. В. Разуваев*
Художественный редактор *Ю. С. Межова*
Технический редактор *В. В. Беляева*
Верстка *Т. Ю. Алиевой*
Корректор *В. Н. Леснова*

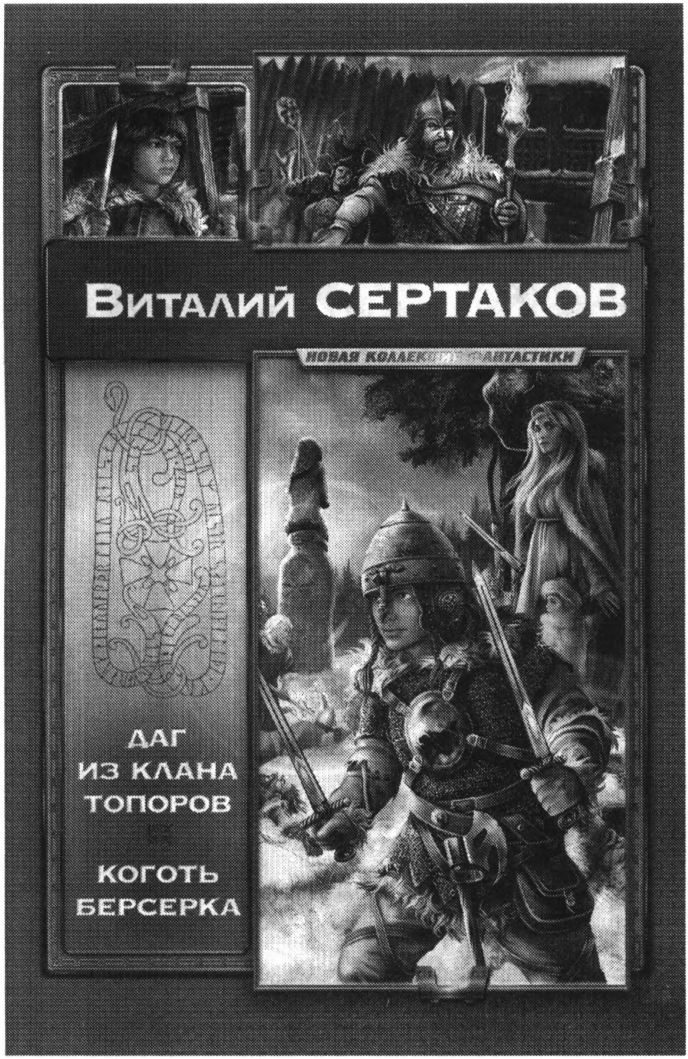
ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. ул. Заречная д. 96
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО «Издательство Астрель-СПб»
198096, Санкт-Петербург, ул. Кронштадтская, д. 11, лит. А.
E-mail: mail@astrel.spb.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, www.oaompk.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685



Знаменитая тетралогия — под одной обложкой. Сотни тысяч читателей Александра Мазина считают эпическое фэнтези «Дракон Конга» лучшим из написанного автором.



Суровый мир древних викингов не терпит чужих. Маленькому Дагу повезло. Его не убили. И не сделали рабом. Его усыновил богатый свейский кузнец Олав Северянин. Дагу из клана Топоров не суждено стать кузнецом. В семь лет он уже знает, что станет воином. Херсиром-вождем.

Он должен был стать великим воином, но его похитили. Финская колдунья увезла его на север, чтобы юный Даг из племени Топоров стал колдуном, которому нет равных. Однако Дагу дорога колдуна не по вкусу. Он хочет стать воином. Лучшим из лучших. Но прежде ему предстоит узнать, что самые лучшие, самые страшные, самые беспощадные воины севера — это воины-«оборотни». Берсерки...

Четверо крутых парней, владеющих мастерством древнего боевого искусства «панкратион», уходя от преследующей их банды наркоторговцев, попадают в Древний Рим.

Великие баталии, гладиаторская арена, любовные приключения и тайные заговоры — все это в историко-фантастическом боевике Валерия Большакова «Преторианец».

Начало второго века. Древний Рим, провинция Египет. Амбициозный и владеющий тайнами магии египетский жрец готовит восстание против римского владычества. Он вооружает и «зомбирует» разбойников, беглых рабов и прочих нехороших парней, а попутно ищет сокровищницу древнего египетского бога. Славная четверка выходцев из двадцатого века, выполняющая особые поручения для древнеримской «спецслужбы», направляется в Египет, чтобы не допустить этого безобразия.

ЛЕГИОНЕР

Первый век нашей эры.

Северная граница Великой Римской империи.

Лагерь Пятого Македонского легиона. Восемь новобранцев, зачисленных в разведчики,— «спецназ» Древнего Рима. И лучший из них — Гай Приск. Новичок, владеющий мечом не хуже ветерана. В прошлом новобранцев много тайн. В настоящем — суровые будни Легиона, жестокие схватки с варварами-даками.

А в будущем...

Может быть, слава, почет, власть... Но наверняка — война.

Последняя победоносная война Великого Рима. Война за золото Дакии.

ЦЕНТУРИОН ТРАЯНА

Император Траян готов атаковать Дакийское царство. Судьба грядущей кампании зависит от стойкости ветеранов Пятого Македонского легиона и от мужества «спецназа Древнего Рима» — Гая Остория Приска и его друзей.

В этой схватке пригодится все — ум Приска и его талант фехтовальщика, способность Тиресия предсказывать будущее, хитрость Куки, сила Малыша, мужество и жестокость Молчуна. Вместе они — сила, но разгромить дакийского царя Децебала не так-то просто.

Для этого придется штурмовать неприступные горные крепости в самом сердце Дакии, где даже отыскать нужную дорогу — почти невыполнимая задача...

А еще — хорошо бы просто выжить.

Закон меча

Меченосец

Магистр

Багатур

ISBN 978-5-17-072889-3